

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 37-й, 38-й, 39-й, 40-й, 41-й, 42-й, 43-й, 44-й, 45-й, 46-й и 47-й.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОЛОВИНА.

Приложенія: портретъ и два рисунка.

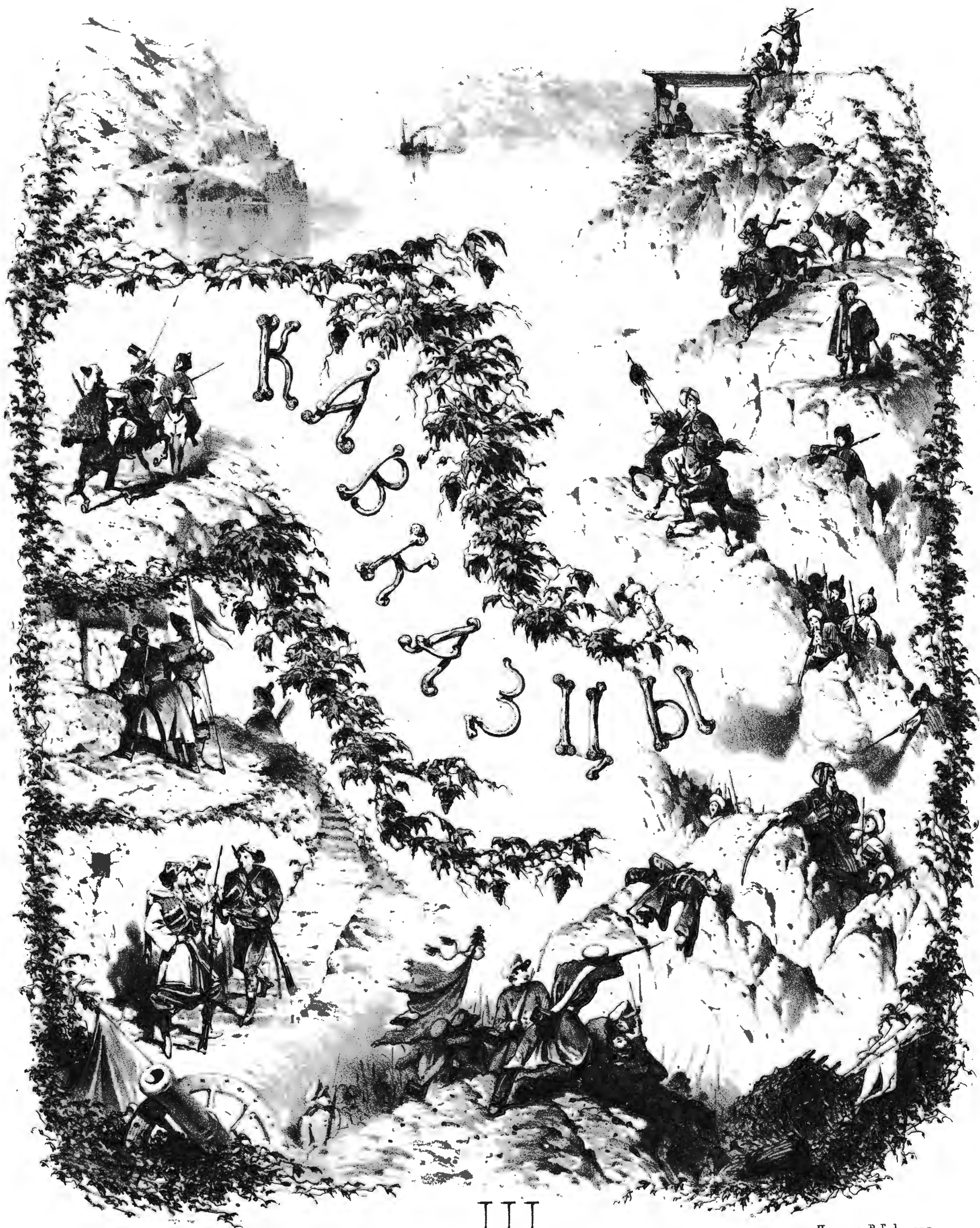
Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САИКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1859.

Печ. И. Корьянъ.

III.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ
ГОЛОВИНЪ

ГЕНЕРАЛЬ ОТЪ ПИФАНТЕРІИ ЕВГЕНІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОЛОВИНЪ.

I.

Евгеній Александровичъ Головинъ,—одинъ изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи, сперва славно участвовавшій въ войнахъ Императоровъ Александра I и Николая I, а потомъ сотрудникъ въ Божѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича въ великомъ дѣлѣ возрожденія благоустройства въ Царствѣ Польскомъ, потрясенномъ мятежемъ, военачальникъ несравненнаго Кавказскаго Корпуса и Правитель обширнаго Кавказскаго края и Прибалтійскихъ губерній и, впоследствии, членъ Государственнаго Совѣта, происходилъ изъ древняго благороднаго дома *), родился въ 1782 году, въ родовой отчинѣ, селѣ Купровѣ, въ 120 верстахъ отъ Москвы, и былъ младшимъ изъ четырехъ сыновей

*) Въ выданной Головинымъ изъ Сената копіи съ ихъ герба и родословной сказано: «Родъ Головиныхъ происходитъ изъ древней, благородной фамиліи. Во дни Благовѣрнаго Великаго Князя Василя Дмитріевича (сына Дмитрія Донскаго, въ концѣ XIV вѣка) прибылъ изъ своей вотчины, съ Судака, да изъ Манкупа, да изъ Кафы

Александра Ивановича Головина и жены его Екатерины Ивановны урожденной Вельяминовой.

Евгеній Александровичъ воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ, во время директорства Антонскаго, вмѣстѣ съ третьимъ братомъ своимъ, *Николаемъ*, гдѣ они оба получили серебряныя медали за благоправіе и прилежаніе къ наукамъ; потомъ, опять вмѣстѣ съ этимъ братомъ, онъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, которыхъ впрочемъ окончить не успѣлъ, вступивъ, 4 апрѣля 1797 года, подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, имѣя 15 лѣтъ отъ роду. Тогда служба въ гвардіи была не легка. Императоръ Павелъ Петровичъ строго слѣдилъ за избранными войсками. Молодой подпрапорщикъ чрезъ восемь мѣсяцевъ, 14-го декабря того же года, былъ произведенъ въ Могилевскій гарнизонный баталіонъ прапорщикомъ

(изъ Крыма) князь *Степанъ Васильевичъ*, съ сыномъ своимъ *Григоріемъ Хоера*, котораго сынъ, прозванный *Голова*, потому что крестилъ его Великій Князь Василя Васильевичъ (отецъ Іоанна III Державнаго) былъ родоначальникомъ *Головиныхъ*).

и, въ этомъ же баталіонѣ, въ теченіи одного года, получилъ три чина: 19-го января 1798 года—подпоручика, 21-го іюня—поручика и 15-го января 1799 года—штабсъ-капитана.

Въ послѣднемъ году 17-ти лѣтній штабсъ-капитанъ былъ отправленъ за границу, съ командою, для укомплектованія нашихъ войскъ, находившихся съ Суворовымъ въ Италіи. Но ему не было суждено принять участіе въ знаменитыхъ битвахъ, прославившихъ имя Русское. Онъ слѣдовалъ въ отрядѣ маіора Водопьянаго, чрезъ Австрійскія владѣнія, Западную Галицію, Силезію и Моравію, только до Праги, въ Богеміи,—откуда, по сдачѣ людей въ армію, отправился обратно въ баталіонъ.

31-го декабря 1801 года Евгений Александровичъ переведенъ, по волѣ начальства, въ храбрый Фанагорійскій гренадерскій полкъ,—котораго чудо-богатырскіе подвиги, совершенные имъ подъ предводительствомъ славнаго вождя Русскаго, были тогда у всѣхъ въ свѣжей памяти,—въ полкъ, по волѣ Императора Николая носящій безсмертное имя Суворова, и которымъ нашъ герой, въ послѣдствіи, имѣлъ честь славно командовать, въ битвахъ, рѣшившихъ судьбу Отечества и міра.

Первые четыре года царствованія Императора Александра протекли спокойно, хотя Россія готовилась къ борьбѣ на смерть. Съ 1805 года начались военныя дѣйствія противъ Французовъ или, по ихъ вліянію, съ другими сосѣдями, не прерывавшіяся до тѣхъ поръ, пока орелъ Русскій не воспарилъ надъ Тюльери.

Евгений Александровичъ, произведенный 17-го января 1803 года въ капитана, а 14-го ноября 1805 года, на 24-мъ году отъ роду, въ маіора, находился, вмѣстѣ съ полкомъ, съ сентября послѣдняго года въ походѣ противъ Французовъ въ Галиціи, Силезіи и Моравіи и, участвуя въ Аустерлицкомъ сраженіи, имѣлъ честь проливать въ первый разъ кровь за св. родину, бывъ раненъ ружейною пулею въ лѣвую ногу выше колѣна, и, за оказанную при этомъ храбрость, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 4-й степени.

Турецкая война, въ тоже время начавшаяся, доставила Головину еще болѣе лестное отличіе—орденъ храбрыхъ.

Фанагорійскій полкъ принадлежалъ къ составу главнаго корпуса, бывшаго подъ личнымъ начальствомъ Главнокомандовавшаго—Михельсона, и ко второму отдѣленію этого корпуса, находившемуся подъ начальствомъ графа Каменскаго 1-го—брата героя Финляндской войны. Переправившись чрезъ Днѣстръ, у Могилева, главный корпусъ 18-го ноября вошелъ въ Яссы, въ которыхъ Михельсонъ остановился съ вторымъ отдѣленіемъ; а по занятіи Бухареста, Хотина, Бендеръ и Галаца, Главнокомандовавшій повелѣлъ графу Каменскому, расположась въ Слободзеѣ, наблюдать Браиловъ и пространство къ Дунаю до Силистріи. Позднее время года, распутица и дожди не позволили предпринимать военныхъ дѣйствій. Каменскій здѣсь прозимовалъ и провелъ часть слѣдующаго года. При этомъ Головинъ участвовалъ: 24-го февраля—въ поискѣ противъ Турокъ при селеніи Одаръ—Визирлуи и 23-го и 24-го мая—въ дѣлахъ при наблюденіи Браилова.

12-го августа было заключено Слободзейское перемиріе, а 4-го мая 1808 года Евгений Александровичъ былъ уволенъ отъ службы, за ранами, подполковникомъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Но, чрезъ два года, 5-го мая 1810 года, онъ снова принять въ службу, въ тотъ же полкъ, прежнимъ чиномъ маіора. За два мѣсяца предъ тѣмъ, 12-го марта, въ Яссы прибылъ новый главнокомандующій Дунайскою арміею, славный Каменскій 2-й, хотѣвшій однимъ ударомъ окончить войну, становившуюся тѣмъ болѣе тягостною для Россіи, что политическія дѣла на Западѣ снова приняли грозный видъ. Въ день принятія Головина въ службу, 5-го мая, авангардъ нашъ перешелъ за Дунай, а 12-го переправилась и главная армія, въ составѣ которой былъ Фанагорійскій полкъ.

Въ знаменитомъ приступѣ къ Базарджигу, на которомъ Фанагорійцы были достойными прежней своей славы, Головинъ не успѣлъ принять участіе; но когда, послѣ паденія Силистріи, наши блокировали Шумлу, гдѣ заперся Верховный Визирь, съ большою частію своихъ войскъ, онъ уже находился въ ряду храбрыхъ. Почти два мѣсяца продолжалось обложеніе этой крѣпости, во время котораго Евгений Александровичъ участвовалъ въ неоднократномъ отраженіи

непріятельскихъ вылазокъ и—за оказанное отличіе въ побѣдѣ, одержанной Каменскимъ 1-мъ, 23 іюня, доставившей намъ 40 знаменъ и имѣвшій важныя послѣдствія,—произведенъ, 6-го сентября того же года, въ подполковники, со старшинствомъ со дня подвига.

Вслѣдъ за тѣмъ, когда Турки сосредоточили свои силы при Батынѣ, Головинъ участвовалъ: 16-го августа въ рекогносцировкѣ укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря при этомъ селеніи, а потомъ, 26-го августа—въ день всегда славный для Русскаго оружія,—во взятіе штурмомъ самаго селенія и въ совершенномъ разбитіи и прогнаніи непріятеля. За оказанную храбрость въ этой блистательной побѣдѣ онъ имѣлъ честь получить орденъ Св. Георгія 4-й степени.

31-го января 1811 года, на 29-мъ году отъ роду, Евгенийъ Александровичъ былъ назначенъ командиромъ Фанагорійскаго полка, который состоялъ въ числѣ войскъ двинутыхъ изъ Молдавской арміи къ Днѣстру, а потому и не участвовалъ въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ.

Въ слѣдующемъ году началась безпримѣрная брань. Россія, по слову обожаемаго Монарха, расметала отъ Москвы до Нѣмана кости полчищъ завоевателя, дерзнувшаго осквернить родныя поля. Головинъ былъ въ дѣлѣ 24-го и имѣлъ счастье участвовать въ народномъ побоищѣ 26-го августа. Въ послѣдній день онъ былъ снова раненъ пулею въ пятку лѣвой ноги и, за отличіе имъ оказанное, произведенъ, 21-го ноября, въ полковники. Во время отступленія нашего отъ Москвы, онъ находился въ арріергардѣ и дрался противъ Мюрата, нѣсколько разъ появлявшагося въ значительныхъ силахъ: 17-го сентября подъ Чириковымъ, гдѣ взятъ въ плѣнъ начальникъ штаба Короля Неаполитанскаго, генераль Феррье, и 20-го—при Вороновѣ, селѣ Росточина, въ которомъ этотъ бояринъ поступилъ по-русски, зажегши свой домъ, чтобы,—говоря его словами,—неосквернились хоромы присутствіемъ Французовъ. Вскорѣ запыривала смерть: партизаны и народъ Русскій принялись укладывать на зимнія квартиры пришельцевъ; армія, между тѣмъ, отдохнула и усилалась въ Тарутинскомъ лагерѣ. Наполеонъ рѣшился бѣжать изъ чертоговъ Царей нашихъ; Свѣтлѣйшій началъ проводы, до сихъ поръ памятные Ев-

ропѣ. Головинъ въ эти достопамятные дни участвовалъ: 6-го октября—въ разбитіи Мюрата подъ Тарутинымъ, 12 и 13-го того же мѣсяца—въ сраженіи подъ Малоярославцомъ, а 6-го ноября—въ знаменитомъ сраженіи подъ Краснымъ.

1-го января 1813 года Евгенийъ Александровичъ перевелъ Фанагорійцевъ за Нѣманъ, полгода спустя послѣ переправы чрезъ него вооруженнаго Запада. 20-го апрѣля онъ участвовалъ въ генеральномъ сраженіи подъ Люценомъ, и за храбрость награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. При отступленіи нашемъ къ Дрездену и далѣе до Силезіи—онъ особенно отличился, 23-го, въ дѣлѣ подъ Герсдорфомъ, гдѣ Фанагорійскій полкъ,—по рапорту начальствовавшаго дивизією *),—мужествомъ и неустрашимостію своею превышалъ, казалось, самую вѣроятность и тѣмъ доказывалъ, что еще не позабылъ уроки великаго Суворова. Головинъ,—по тому же донесенію **),—при этомъ «соблюдалъ должное устройство въ полку своемъ во время сильнаго наступленія непріятеля, будучи особенно отряженнымъ, собственнымъ своимъ распоряженіемъ къ одной цѣли клонилъ успѣшныя свои движенія, нѣсколько разъ ходилъ на штыки, противъ много превышавшихъ насъ непріятельскихъ колоннъ, которыхъ съ мужествомъ опрокидывалъ назадъ, и личною храбростію одушевлялъ своихъ подчиненныхъ.» Далѣе онъ участвовалъ, мая 8, 9 и 10-го—въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ и Рейхенбахомъ, при переходѣ чрезъ Богемію въ Саксонію и въ дѣлахъ 27-го августа между Донуемъ и Пирномъ, 25-го сентября—въ горахъ Богемскихъ, при селеніи Гейерсбергъ, и 2, 4 и 6-го октября—въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ. Въ первый день Фанагорійскій полкъ посланъ былъ вытѣснить Французовъ изъ укрѣпленнаго (Annenhaun) строенія, упорно защищаемаго непріателемъ.—Съ крикомъ «ура!» гренадеры бросились въ штыки и трупы Французовъ покрыли слѣды ихъ «*Вскормленники Суворова*,—говоритъ очевидецъ ***),—ни чуть еще не забыли его натиска, его напора!...» Головинъ въ этомъ

*) Рапортъ Полковника Писарева графу Сень-Пря, помѣщенный въ его *Военныхъ Письмахъ* (ч. 1, стр. 314).

***) Тамъ же (стр. 316 и 317).

***) Писаревъ. Тамъ же стр. 354.

сраженіи раненъ въ третій разъ въ лѣвую руку ниже плеча ружейною пулею на вылетъ и, 20-го іюля 1814 года, «за отличіе» произведенъ въ генераль-маіоры, со старшинствомъ съ 4-го октября 1813 года. Потомъ онъ участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля чрезъ Баденское и Виртембергское владѣнія. Высокій союзникъ и другъ Благословеннаго, Фридрихъ Вильгельмъ, всегда справедливый къ Русскимъ, за кампанію эту наградилъ Головина орденомъ за заслуги (*pour le merite*).

Фанагорійскій полкъ 3-го января 1814 года, въ Базелѣ, перешелъ знаменитый Рейнъ, потомъ чрезъ Эльзасъ, Франконтэ и Шампанью, вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками, пришелъ отплатить Парижу за Москву и стоялъ гарнизономъ въ гордой столицѣ прекрасной Франціи.

По заключеніи мира, 29 августа 1814 года, Головинъ назначенъ состоять при начальникѣ 3-й гревадерской дивизіи; 19-го января 1816 года—сдѣланъ командиромъ 2-й бригады этой дивизіи, а 2-го января 1820 года, за службу въ ней, пожалованъ арендою на 12 лѣтъ.

Въ 1821 году Евгеній Александровичъ, послѣ 24 лѣтъ проведенныхъ въ арміи, снова явился въ рядахъ Царскихъ тѣлохранителей, бывъ назначенъ, 10-го августа, командиромъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, который, вмѣстѣ съ Измайловскимъ, составлялъ тогда бригаду, командуемую Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ.—*Отличная служба и труды, оказанные при доведеніи полка до того устройства, въ какомъ онъ находился*, обращали на Головина,—по Всемилостивѣйшимъ словамъ Императора Александра,—Монаршее вниманіе, въ ознаменованіе котораго онъ, Высочайшею грамотою отъ 12-го декабря 1823 года, пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени. 14-го марта 1825 года Евгеній Александровичъ назначенъ командиромъ 4-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, состоявшей изъ полковъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго и Финляндскаго, имѣвшей тогда Великаго Князя Николая Павловича дивизионнымъ Начальникомъ.

Чрезъ 8-мь мѣсяцевъ нашъ Ангелъ былъ на небеси, а въ Россіи явилось дивное зрѣлище: непримѣрная борьба двухъ братьевъ за Престоль, величайшій въ мірѣ. Въ па-

мятный день 14-го декабря, въ ранній часъ утра, въ числѣ частныхъ начальниковъ гвардіи, Головинъ имѣлъ счастье изъ устъ новаго Владыки выслушать объявленія всего происходившаго въ Царской семьѣ и первыя державныя Его слова: «Если буду Императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ.»

Но горсть безумцевъ дерзнула воспользоваться этимъ перломъ нашихъ лѣтописей. Оба полка, командуемые Головинымъ, имѣли Шефомъ Великаго Князя Константина Павловича. Извѣстно, что безпорядокъ, происшедшій въ С. Петербургѣ 14-го декабря, былъ слѣдствіемъ коварнаго распространенія злоумышленниками, между нижними чинами гвардіи, слуховъ, будто-бы Цесаревичъ лишается права на Престоль насильственнымъ образомъ. Такими слухами, естественно, всего легче могли быть вовлечены въ обманъ и возмущеніе полки, имѣвшіе Его Высочество Шефомъ.

Финляндскій полкъ долженъ былъ въ этотъ день вступить въ караулъ. Головинъ успѣшилъ привести его къ присягѣ новому Императору и совершилъ это спокойно. кромѣ карабинерной роты Его Высочества, не возвратившейся еще изъ караула, въ которомъ она была на канунѣ. Отправляясь для принятія присяги въ другой полкъ своей бригады, Головинъ велѣлъ командиру Финляндскаго, Воронанову, когда кончится крестное цѣлованіе, отрядить новый городской караулъ и полкъ распустилъ, а потомъ дождался роты Его Высочества и, какъ только она воротится въ казармы, самому привести ее къ присягѣ. Но, Воронановъ исполнилъ только первое, а роты не дождался, спѣша къ назначенному во дворцѣ выходу. Мы увидимъ далѣе, какія были отъ того послѣдствія. Самъ же Евгеній Александровичъ, столь же спокойно, привелъ къ присягѣ Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ.

Между тѣмъ часть всегда вѣрной гвардіи, обманутая заговорщиками, думая кровію доказать свою вѣрность отсутствующему Государю, не внимала ни какимъ убѣжденіямъ и явилась на площади. При первомъ извѣстіи о безпорядкахъ Императоръ Николай, предавъ Себя волѣ Божіей, рѣшился предстать лично на мѣсто опасности.

Въ мундирѣ Измайловскаго полка, съ лентою чрезъ плечо, какъ былъ одѣтъ къ молебствію, даже не накинувъ шинели,

Его Величество спустился къ главной дворцовой гауптвахтѣ. Въ караулъ на эту гауптвахту только-что вступила въ то время 6-я егерская рота Финляндскаго полка, съ штабсъ-капитаномъ Прибытковымъ, командовавшимъ ею поручикомъ Гречемъ и прапорщикомъ Боасселемъ *). Разводили еще часовыхъ и потому на лицо была только часть караула. Когда она выстроилась, Государь велѣлъ, при отданіи чести, салютовать знамени и бить походъ. Такимъ образомъ, часть полка бригады Головина имѣла счастье быть *первымъ войскомъ*, привѣтствовавшимъ Незабвеннаго Императоромъ, и священная хорухва этого полка была *первымъ знаменемъ*, которое преклонилось предъ Нимъ въ новомъ санѣ. Государь поздоровался съ людьми и спросилъ присягнули ли, они Ему и знаютъ ли что эта присяга была по точной волѣ Его брата Константина Павловича? «Присягали и знаемъ» былъ отвѣтъ. — «Ребята—продолжалъ Онъ,—теперь надо показать вѣрность на самомъ дѣлѣ. Московскіе шалаятъ, не перенимать у нихъ и дѣлать свое дѣло молодцами. Готовы ли вы умереть за Меня?» По утвердительному отклику, Государь велѣлъ зарядить ружья и, обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «Васъ, господа, Я знаю; и потому вамъ не говорю.» За тѣмъ скомандовалъ Самъ: «Дивизионъ вперед! скорымъ шагомъ маршъ, маршъ!» Онъ повелъ караулъ, лѣвымъ плечомъ впередъ и поставилъ поперегъ главныхъ воротъ дворца съ внѣшней ихъ стороны.....

Въ срединѣ возмущенія, когда уже Великій Князь Михаилъ Павловичъ привелъ оставшуюся вѣрною часть Московскаго полка, Государь, между прочими распоряженіями, послалъ генераль-адъютанта графа Комаровскаго на Васильевскій островъ за 1-мъ баталіономъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, который долженъ былъ занять Исакиевскій мостъ.—Въ казармахъ, за отъѣздомъ полковаго командира Воропанова во дворецъ, графъ Комаровскій засталъ одного Головина, только что возвратившагося съ присяги Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка. Выведя баталіонъ, въ пол-

*) Въ Камеръ-Фурьерскомъ Журналѣ, вообще довольно неточномъ въ описаніи этого дня, что легко объясняется общимъ смущеніемъ, сказано, что караулъ былъ отъ Лейбъ-Гвардіи *Егерскаго* полка.

ной походной аммуниціи и съ боевыми патронами, оба генерала, вмѣстѣ съ нимъ, направились, согласно приказанію, къ Исакиевскому мосту. На пути Головинъ узналъ, хотя къ сожалѣнію уже слишкомъ поздно, что пришедшая изъ караула карабинерная рота Его Высочества не была, вопреки его приказанію, приведена къ присягѣ. Проходя мимо положенныхъ черезъ Неву по льду мостковъ, Евгений Александровичъ счелъ нужнымъ, для охраненія вехода оттуда на набережную, оставить 3-ю егерскую роту, а остальные три повелъ въ густой взводной колоннѣ, съ заряженными ружьями. Далѣе встрѣтилъ ихъ Принцъ Евгений Виртембергскій, съ повелѣніемъ отъ Государя спѣшить на указанное мѣсто. Люди почти бѣгомъ достигли до Исакиевскаго моста, и Головинъ съ Комаровскимъ, въ головѣ ихъ, были уже за половину его, какъ вдругъ на Сенатской площади открылся сильный ружейный огонь и, въ то же время, въ срединѣ колонны на мосту, нѣсколько голосовъ закричало: «стой!» По этому слову вся колонна остановилась и пришла въ нѣкоторое замѣшательство. Впереди всѣхъ была неприсягнувшая рота. Карабинерный ея взводъ колебался, однакоже не долго и, подъ командою капитана Вяткина *), перейдя остальную часть моста, сталъ лицомъ къ памятнику и тыломъ къ рѣкѣ. Но стрѣлковый взводъ, который стоялъ не по баталіонному расчету, а за карабинернымъ, не пошелъ далѣе. На всѣ убѣжденія и угрозы бригаднаго и баталіоннаго командировъ, равно и графа Комаровскаго, люди отвѣчали однимъ, что они не присягали Николаю Павловичу и ничего дурнаго не сдѣлаютъ, но по своимъ стрѣлять не станутъ. Причиною всего этого, какъ послѣ обнаружилось, былъ одинъ изъ тайныхъ заговорщиковъ, молодой поручикъ который, не оглашая ничѣмъ своего участія въ мятежѣ, успѣлъ скрытными наговорами смутить взводъ, весь почти составленный изъ молодыхъ солдатъ, вновь поступившихъ изъ Учебнаго Карабинернаго полка. Слѣдовавшія за стрѣлковымъ взводомъ и оставленные имъ 1-я и 2-я егерскія роты также упорствовали идти съ мѣста; но 3-я, оставленная Головинымъ на набережной Васильевскаго острова, по

*) Нинѣ Генераль-Лейтенантъ и Виленскій Комендантъ.

его приказанію перешла, въ полномъ составѣ, чрезъ рѣку по льду и присоединилась къ карабинерному взводу. Вообще это замѣшательство не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій и даже воля Государя была въ точности исполнена: ибо пока мѣсто передъ Исакиевскимъ мостомъ охранялось конно-піонерами, ротой Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка и частию 1-го Финляндскаго баталіона, другая часть этого послѣдняго, въ совершенномъ спокойствіи и порядкѣ, оставалась на срединѣ моста, какъ бы въ резервѣ.

Государь, до свѣдѣнія котораго все разсказанное нами теперь дошло уже въ послѣдствіи, поставилъ покамѣстъ пришедшій другой полкъ бригады Головина—Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ—въ резервѣ.

Наконецъ, послѣ испытанія и истощенія всѣхъ способовъ убѣжденія, по слову Монарха,—принужденнаго подавить въ Себѣ личное чувство,—возмутившіеся были разсѣяны нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Но, чтобы лишить злонамѣренныхъ возможности возобновить свои покушенія въ ночное время, призвано было за нужное оставить войска подъ ружьемъ на цѣлую ночь. Государь Самъ ихъ разставилъ. Бригада Головина была расположена: двѣ роты 1-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Егерскаго—на Дворцовой площади, вмѣстѣ съ Преображенскимъ полкомъ, тремя эскадронами кавалергардовъ и 10 орудіями; *третья* рота этого же баталіона, при двухъ орудіяхъ, въ Большой Милліонной, у моста на Зимней канавкѣ; *четвертая* рота, при четырехъ орудіяхъ, у моста Эрмитажнаго театра; 2-й баталіонъ Егерей—на Адмиралтейской площади и баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, съ двумя эскадронами Конной Гвардіи и Конно-піонернымъ эскадрономъ, при 4-хъ орудіяхъ, на Васильевскомъ острову.

Ночь прошла спокойна; на утро Государь смотрѣлъ и благодарилъ своихъ защитниковъ, спасшихъ Отечество.

Не можемъ не привести здѣсь еще другихъ знаменій Провидѣнія, проявившихся въ этотъ день, среди измѣны и клятвopеступленія, въ тѣхъ подвигахъ истинной доблести, которые оно внушило защитникамъ праваго дѣла изъ бригады Головина. Такъ караулъ отъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, подъ командою подпоручика На-

сакина 1-го, стоявшій на Сенатской гауптвахтѣ,—слѣдственно окруженный мятежниками, которыхъ тылъ примыкалъ къ караульной платформѣ—все время безстрашно выстоялъ подъ ружьемъ. Не слушая ни убѣжденій, ни угрозъ бунтовщиковъ, караулъ до конца остался непоколебимымъ въ исполненіи своихъ обязанностей, даже отдавалъ честь всякій разъ, когда въ виду его показывался Государь, и каждые два часа разводилъ обыкновенную смѣну, которая проникала черезъ мятежное каре къ посту у дома Лобанова и возвращалась тѣмъ же путемъ къ гауптвахтѣ *). Такъ другой караулъ отъ того же полка, подъ командою поручика Зейфорта, назначенный къ главному Адмиралтейству, бывъ задержанъ на пути возмущившимися ротами Московскаго полка, стремившимися на Сенатскую площадь, отбился отъ нихъ силою и пришелъ къ своему мѣсту **).

Таковы были дѣйствія Головина и его бригады въ этотъ памятный день ***).

Сверхъ того Евгенийъ Александровичъ, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, привелъ лично къ присягѣ загородные баталіоны обоихъ полковъ, которыхъ злоумышленники также покушались совратить съ пути долга. Государь наградилъ его, 15-го декабря, званіемъ генералъ-адъютанта и, въ тотъ же день, удостоилъ Высочайшаго благоволенія.

Въ священный день вѣнчанія на Царство Государя,

*) Государь, *въ тотъ же еще вечеръ*, призвалъ Насакина передъ Себя и поздравилъ его поручикомъ и кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; за старшаго въ этомъ караулѣ былъ унтеръ-офицеръ Федоръ Волковъ. Замѣчательно, что и содержавшіеся на Сенатской гауптвахтѣ арестанты, по увѣщанію одного изъ нихъ, не сдѣлали ни малѣйшей попытки освободиться.

**) Зейфортъ—въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ и Начальникъ Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи—былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й степени.

***) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ составленной, по Высочайшему повелѣнію, статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ книги: *Возшествіе на Престолъ Императора Николая I-го* (третье изданіе, Спб., 1857).

22-го августа 1826 года, Евгений Александровичъ произведенъ «за отличіе по службѣ» въ генераль-лейтенанты, съ сохраненіемъ званія генераль-адъютанта и съ оставленіемъ въ прежней должности, а чрезъ годъ, 22-го августа 1827 года, «въ награду отлично-усердной службы и въ знакъ особеннаго Монаршаго благоволенія,» — какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ, — Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-й степени.

II.

Въ 1828 году Головинъ, вмѣстѣ съ гвардейскими войсками, находился въ походѣ противъ Турокъ за Дунаемъ.

Финляндскій полкъ составлялъ 2-е отдѣленіе, а гвардейскій Егерскій 3-е правой походной колонны; первый выступилъ изъ столицы 3-го, а второй 5-го апрѣля. Провожаемые всею Царскою фамиліею и напутствуемые прощаніемъ Государя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, полки слѣдовали чрезъ Ямбургъ, Псковъ, Полоцкъ, и Могилевъ на Днѣстръ и, послѣ четырех-мѣсячнаго ежедневнаго похода, встрѣчая самый радушный пріемъ, прибыли къ берегамъ Дуная въ началѣ августа и, при селѣ Сатуновѣ, переправились чрезъ рѣку, въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича.

За Дунаемъ гвардія слѣдовала четырьмя эшелонами. Головинъ командовалъ первымъ изъ нихъ, составленнымъ изъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона, Лейбъ-Гвардіи Конно-піонернаго эскадрона и Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка.

Вступивъ въ Булгарію, эшелонъ слѣдовалъ отъ Исакчи до Бабадага, какъ будто среди сада, прекрасною широкою аллеєю; отъ Бабадага дефилиемъ, по узкой дорогѣ, похожей на дно глубокаго рва, посреди горъ, возвышающихся до облаковъ, а далѣе чрезъ необозримую голую степь, простиравшуюся на 180 верстѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней этого похода, кромѣ неба и песчанаго бе-

рега Чернаго моря, ничего не было видно. Отъ дохлаго рогатаго скота и лошадей, лежавшихъ по дорогѣ, воздухъ былъ наполненъ вредными испареніями, причинявшими повальныя болѣзни. Не было не только ни одного дерева, подъ тѣнью котораго можно было укрыться отъ палящихъ лучей солнца, ни даже кустарника, гдѣ можно было развести огонь для сваренія пищи. Солдаты косили для костровъ высокій бурьянъ, подобно морю волнующійся здѣсь на необозримомъ пространствѣ. Зной, особенно во время переходовъ, былъ нестерпимъ, въ водѣ терпѣли часто крайній недостатокъ, но Русскій солдатъ, образецъ непоколебимой твердости, бодро несъ на себѣ всю тяжелую аммуницію и, припѣвая, переносилъ удушливый жаръ и нестерпимую жажду. Голоса полковыхъ пѣсенниковъ раздавались среди палимыхъ солнцемъ степей Турецкихъ, такъ же весело, какъ оглашали они снѣжныя поля Русскія. Послѣ Бабадага эшелонъ слѣдовалъ чрезъ Кюстенджи, Коварну и Балчикъ. Наконецъ, въ послѣднихъ дняхъ августа, Царскіе тѣлохранители пришли къ Варнѣ, тогда нами осаждаемой.

Государь Императоръ 28-го числа изволилъ смотрѣть 2, 3, и 4 гвардейскія бригады съ ихъ артиллеріею. *Отличный порядокъ и блестящій видъ*, въ которомъ найдены эти войска, — говоритъ официальное современное извѣстіе *) — *были столь же удивительны, какъ и бодрость солдатъ*. Въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ въ высокотожественный день 30-го августа, Его Величество изволилъ также выразиться, что нашелъ на этомъ смотру гвардейскіе полки «въ столь же отличномъ устройствѣ и состояніи, какъ среди мирнаго ихъ расположенія въ столицѣ, не смотря на трудный и продолжительный походъ, совершенный отъ самаго С. Петербурга безъ всякаго отдохновенія, кромѣ обыкновенныхъ дневокъ,» *за столь примѣрное сбереженіе войскъ и сохраненіе порядка въ продолженіи всего похода*, — какъ выражено въ приказѣ, — Высочайше объявлено *совершенное* Его Ве-

*) *Русскій Инвалидъ* 1828, № 225: «Извѣстіе изъ дѣйствующей арміи.»

личества *благоволеніе* всѣмъ начальникамъ, въ томъ числѣ и Головину.

Варна находилась въ осадѣ уже съ первыхъ дней августа; но войскъ нашихъ было недостаточно, чтобы окружить ее со всѣхъ сторонъ и воспрепятствовать осажденнымъ, получать подвозы и подкрѣпленія изъ-за Балканскихъ провинцій и даже изъ Турецкаго лагеря подъ Шумлою. Слѣдовательно, прежде всего надлежало пресѣчь крѣпости всякое сообщеніе извнѣ. Съ этою цѣлю, немедленно по прибытіи гвардейскаго корпуса, отдѣльный отрядъ былъ отправленъ на южную сторону Варны. Начальство надъ нимъ ввѣрено Головину *).

Отрядъ этотъ былъ составленъ слѣдующимъ образомъ:

Пѣхота:

Полки:	Баталіоны.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.	Командиры.
Лейбъ-Гвардія Егерскій	2	3	28	1600	Г. М. Гартонгъ.
» » Финляндскій	2	3	30	1600	Г. А. Воропановъ, командовавшій въ то же время бригадою.
Герцога Веллингтона	1	1	16	430	Подполковникъ 19 Егерскаго полка Ермолаевъ.
Могилевскій	1	1	10	450	
19-й Егерскій	2	3	23	1380	
Итого пѣхоты	8	11	107	5460.	

*) Евгений Александровичъ Головинъ самъ описалъ свое командованіе южнымъ блокаднымъ корпусомъ въ журналѣ, напечатанномъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и мало кому извѣстномъ. Изъ него сдѣланы извлеченія въ сочиненіяхъ г. Лукьяновича *Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ*, (часть II, стр. 20—51) и *Библиографія Генералъ-Адъютанта Бистрома* (прил. V). Г. Лукьяновичъ не говоритъ—пользовался ли онъ Русскимъ или Французскимъ изданіемъ Журнала, но мы имѣемъ только второе, а перваго не могли достать,—его нѣтъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ и ни въ одной изъ извѣстныхъ книжныхъ росписей, и мы даже сомнѣваемся, чтобы оно было напечатано. Французское изданіе имѣетъ заглавіе: *Journal des opérations militaires du corps détaché sous les ordres de l'aide-de-camp général Golovine, du côté méridional de la forteresse de Varna, depuis*

Кавалерія:

	Эскадронъ.	Шт.-оф.	Об.-оф.	Унт.-оф. и рядов.	Командиры.
7-й Эскадронъ Гвардейскихъ казаковъ (Черноморскій)	1	—	3	60	Г. М. Акинфьевъ, начальникъ всей кавалеріи.
Отрядъ Атаманскаго казачьяго полка	—	—	—	45	Капитанъ Маргоѣцкій.
2-й Бугскій уланскій полкъ	6	2	12	36	Полк. Лазичъ.
Итого кавалеріи	7	2	15	485.	

Артиллерія:

	Орудій.				
2-я рота Гвардейской Артиллеріи	8	1	3	96	Полковникъ Козлянинновъ.
10-й бригады	2	—	1	15	Прпорщикъ Любарскій.
Рота полковникъ Копиша Донской казачей артиллеріи	4	—	1	148	Есауль Суворовъ.
Итого артиллеріи	14	1	5	259.	

Саперы и пioniры:

	Унт.-офиц. и Оберъ-офиц.		Унт.-офиц. и рядовыхъ.	
Рота гвардейскихъ саперъ	8	—	180	Штабсъ-капитанъ Завалиевскій.
Отрядъ 4 пioniрнаго баталіона	1	—	50	Подпоручикъ Шестяковъ.
Итого	9	—	230.	

Слѣдовательно общее число войскъ простиралось: до 12 штабъ-, 131 оберъ-офицеровъ и 6334 нижнихъ чиновъ всякаго оружія.

Къ отряду были сверхъ того прикомандированы: подпоручики Генеральнаго Штаба: Львовъ и Веригинъ, инженеръ-поручикъ Польской арміи Симанскій и волонтеры Джонъ Бильямъ и Ларошъ-Жакленъ,—первый полковникъ

le 28 Août jusqu'au 11 septembre 1829.—Оно напечатано въ 1837 году въ Варшавѣ, въ типографіи Глюксберга. Желая сдѣлать общедоступнымъ это сочиненіе, мы приводимъ его въ возможно близкомъ переводѣ.

Великобританской службы, второй—лейтенантъ Французской.

29-го августа оба гвардейскіе полка, находившіеся подъ командою Головина, выступилъ изъ лагеря расположеннаго на сѣверныхъ высотахъ Варны *) и достигли, въ теченіе ночи, до брода близъ деревни Гебеджи, гдѣ находился уже генераль-маіоръ Акинфьевъ съ остальными войсками, назначенными въ составъ отряда.

Ночь была проведена подъ открытымъ небомъ, потому что войска, боясь встрѣтить затрудненія въ дорогѣ, по причинѣ горъ, окружающихъ Варну съ южной стороны, имѣли только патронные ящики и лазаретныя повозки, но не взяли съ собою палатокъ.

Въ ночь съ 29 на 30-е августа отрядъ Головина получилъ приказаніе: съ разсвѣтомъ 31-го августа, занять высоты, лежащія къ югу отъ Варны.

Вслѣдствіе этого, Евгений Александровичъ сдѣлалъ, въ ту же ночь, слѣдующую диспозицію для боеваго порядка: пѣхота, въ колоннахъ къ атакѣ, занимала двѣ линіи, а уланскій полкъ, въ дивизионныхъ колоннахъ, находился въ 3-й. Первая линія состояла изъ 4-хъ баталіоновъ армейскихъ, а вторая изъ 4-хъ баталіоновъ гвардейскихъ и полу-баталіона саперъ и піонеръ.

Эскадронъ гвардейскихъ казаковъ помѣщенъ на правомъ флангѣ, а Атаманскій казачій полкъ—на лѣвомъ второй линіи.

Артиллерія была раздѣлена такимъ образомъ: орудія армейскія и донскія казачьи стояли въ интервалахъ первой линіи, а орудія гвардейскія занимали интервалы на флангахъ второй линіи.

Многіе полки достигли мѣста соединенія только къ двумъ часамъ по полуночи; поэтому отрядъ не могъ двинуться ранѣе 8 часовъ утра.—Онъ слѣдовалъ въ такомъ порядкѣ:

Авангардъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Акинфьева, состоялъ изъ Атаманскаго казачьяго полка, двухъ эскадроновъ 2-го Бугскаго уланскаго полка, двухъ орудій Донской казачей артиллеріи и баталіона 19-го Егерскаго

*) Варна лежитъ при самой подошвѣ Балканскихъ горъ, идущихъ къ югу отъ этой крѣпости.

полка.—Другой баталіонъ послѣдняго полка шелъ лѣвѣе, на одной высотѣ съ авангардомъ, вдоль берега Лимана.

Остальныя войска слѣдовали лѣвымъ флангомъ, въ предписанномъ боевомъ порядкѣ, по одной дорогѣ съ авангардомъ, въ двухъ верстахъ отъ него. 2-й баталіонъ Финляндскаго полка, съ двумя легкими орудіями, образовалъ арріергардъ.

Отъ брода близъ Гебеджи два пути ведутъ на большую Царьградскую дорогу: Одинъ, какъ сказано выше, пролегаетъ вдоль береговъ лимана и доходитъ до сел. Эшекиой (Эшекчи) и Пейнерджи; другой проходитъ чрезъ вершину горы Куртепэ къ сел. Остенджи.

Хотя первый изъ этихъ путей кратчайшій, однако былъ избранъ послѣдній, какъ уже болѣе извѣстный генералу Акинфьеву, доходившему до деревни Гаджи-Гассанъ-Лара, и потому что наши войска, двигаясь по берегу лимана, могли бы быть замѣчены изъ Варнскихъ укрѣпленій.

Авангардъ, пройдя множество дефилей въ лѣсу и тѣсинны въ ущельяхъ горъ, вышелъ, къ двумъ часамъ по полудни, на небольшую площадку, лежащую прямо противъ сел. Гаджи-Гассанъ-Лара, и сдѣлалъ тамъ привалъ. Между тѣмъ какъ войска отдыхали, генераль-маіоръ Акинфьевъ рекогноспировалъ эту деревню, въ которой и захватилъ нѣсколько непріятельскихъ фуражировъ.

Къ вечеру, не дойдя еще до соединенія дорогъ изъ Бургаса и Проводъ, авангардъ, по ошибкѣ своего проводника, отдалился отъ прямого пути, ведущаго на вершины, лежащія передъ Варною. Надлежало возвратиться. Это обратное движеніе представляло тѣмъ болѣе затрудненій, что должно было происходить чрезъ дефилей, гдѣ не возможно идти болѣе какъ по-трое въ рядъ и въ которыя уже вступила большая часть баталіона, слѣдовавшаго вблизи авангарда, съ его артиллерією.

Однакожь предъ наступленіемъ ночи голова колонны вышла на настоящую дорогу. Наши были очень счастливы встрѣтивъ въ двухъ верстахъ отъ мѣста, гдѣ началось отступательное движеніе, площадку, окруженную хворостникомъ и на столько обширную, чтобы весь отрядъ могъ расположиться въ боевомъ порядкѣ.

Темнота ночи не позволила произвести тотчасъ реког-

носпировки; ограничились размѣщеніемъ вокругъ площадки цѣпи кавалерійскихъ ведетовъ и пѣхотныхъ пикетовъ и отправленіемъ впередъ патрулей. Послѣ всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности, войска расположились отдыхать. Ночь была тихая и теплая, но люди и лошади терпѣли недостатокъ въ водѣ, потому что нигдѣ въ окрестностяхъ ея не находилось.

Какъ мѣстоположеніе было неизвѣстно и не имѣлось еще ни какихъ новыхъ свѣдѣній о непріятелѣ, то войска, въ случаѣ неожиданнаго нападенія, должны были встать подъ ружье и, не трогаясь съ мѣста, ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Но патрули, отправленные во всѣ направленія, не нашли нигдѣ непріятеля и въ теченіи всей ночи встрѣтили только нѣсколько Булгаръ, которые являлись сами просить нашего покровительства и позволенія пригнать свои стада.

31-го августа, въ два часа утра, авангардъ двинулся по направленію къ Варнѣ; остальная войска слѣдовали за нимъ въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ. Въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ наши провели ночь, дорога суживается снова и идетъ въ глубокомъ ущеліи. Слѣдовательно надлежало подаваться впередъ, наблюдая самую большую осторожность, и останавливать иногда голову коловны для того, чтобы она не очень растягивалась, проходя дефилеи. Это обстоятельство долженствовало необходимо замедлить наше движеніе, такъ что первые казаки и уланы не могли взойти на вершины, лежація предъ Варною, какъ только къ 8 часамъ утра. Непріятеля нигдѣ не встрѣчали въ большемъ числѣ; только нѣсколько Турокъ показалось на высотахъ холмиковъ, но и тѣ вскорѣ скрылись изъ глазъ.

Вершины горъ открывались по мѣрѣ приближенія нашего къ Варнѣ, и весь отрядъ расположился въ боевомъ порядкѣ, къ 10-ти часамъ утра, по скату послѣдней горы прямо противъ крѣпости. Три пушечные выстрѣла возвѣстили объ его прибытіи войскамъ, на сѣверной сторонѣ расположеннымъ; но какъ они находись на разстояніи болѣе 4-хъ верстъ отъ Варны, то ядра не достигли даже подошвы горъ, ограничивающихъ съ юга страну, лежащую между лиманомъ и моремъ.

Давъ нѣсколько отдохнуть отряду, генераль Головинъ предпринялъ лично рекогносцировку длинной дефиле, которая спускалось внизъ по горѣ и прямо вела къ крѣпости. Его сопровождали эскадронъ 2-го Бугскаго уланскаго полка и 6-я рота гвардейскихъ егерей. Хотя мѣстность способствовала къ оборонѣ, но непріятель нигдѣ не показывался и этотъ малый отрядъ достаточно былъ для рекогносцировки и для очищенія равнины между моремъ и лиманомъ. При этомъ взято въ плѣнъ двое Турецкихъ солдатъ, пытавшихся пробраться въ Варву.

Во время этой рекогносцировки съ нашего флота, стоявшаго предъ крѣпостію, былъ высаженъ у мыса Галате гвардейскій экипажъ, подъ командою Флигель-адъютанта Римскаго-Корсакова.

Изъ обозрѣнія мѣстности Головинъ убѣдился, что единственнымъ средствомъ для стѣсненія блокадою Варны, съ южной стороны, было занятіе мѣстности у подошвы горъ, хотя войска и подвергались въ этомъ случаѣ пушечнымъ выстрѣламъ изъ крѣпости.

Въ слѣдствіе этого, 19-му егерскому полку и двумъ эскадронамъ Бугскихъ уланъ, съ двумя легкими орудіями, приказано спуститься съ горы внизъ. Этотъ отрядъ, командуемый генераль-маіоромъ Акинфьевымъ, протянулъ линію своихъ постовъ отъ моря до лимана; главный пикетъ его сталъ при входѣ въ ущелье, черезъ которое пролегаетъ большая Царьградская дорога. Непріятель не думалъ вылазкою изъ крѣпости преслѣдовать нашимъ распоряженіямъ. Онъ удовольствовался нѣсколькими пушечными выстрѣлами, не причинившими намъ никакого вреда, хотя ядра достигали и даже перелетали за нашу позицію.

Положивъ, такимъ образомъ, первое основаніе блокадѣ крѣпости съ южной стороны, Головинъ построилъ остальныя свои войска въ боевой порядокъ по скату горы, учредивъ, въ тылу занятой имъ позиціи, сильный пикетъ, для наблюденія путей, идущихъ отъ Балкановъ.

При наступленіи вечера, полковникъ Лазичъ, съ двумя эскадронами улановъ, казаками Атаманскаго полка, баталіономъ Могилевскаго пѣхотнаго полка и съ двумя ору-

діями Донской казачей артиллеріи, былъ отряженъ къ рѣкѣ Камчику. *)

На разсвѣтъ 1-го сентября, Головинъ, осмотрѣвъ мѣстоположеніе на высотахъ, призналъ необходимымъ, для прикрытія блокады, расположить обсервационный отрядъ лицомъ къ Камчику, назначилъ линію боеваго порядка и избралъ пункты для редутовъ, немедленно занятыхъ Лейбъ-Гвардіи Егерскимъ полкомъ, раздѣленнымъ на четыре полубаталіона. Произведено было также обозрѣніе дороги, ведущей отъ горъ къ заливу между Варною и мысомъ Галатою. Въ то же время капитанъ 1-го ранга Крицкій приступилъ къ устройству пристани для установленія сообщенія съ флотомъ и сѣвернымъ берегомъ залива, гдѣ находилась главная квартира всѣхъ осадныхъ войскъ.

Въ тотъ же день, въ 9-ть часовъ утра, небольшіе отряды Турецкой кавалеріи вышли, въ первый разъ, изъ крѣпости и направились вдоль лимана. Вскорѣ обнаружилось, что цѣль непріятеля была загнать въ крѣпость свой скотъ, который пасся на равнинѣ. Нѣсколько конныхъ Турокъ приблизились къ цѣпи нашихъ стрѣлковъ, нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ раздѣнено съ обѣихъ сторонъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, показали изъ крѣпости большія массы кавалеріи, спѣшившія на подкрѣпленіе своимъ. Генералъ-майоръ Акинфеевъ тогда двинулъ впередъ 6-ю роту 19-го егерскаго полка съ двумя Донскими орудіями. Въ то же время баталіону Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка приказано спуститься на равнину съ двумя легкими орудіями. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ принудили непріятеля возвратиться въ крѣпость; но по причинѣ недостаточнаго числа нашей кавалеріи и дурнаго состоянія лошадей Бугскихъ уланъ, мы не могли воспрепятствовать Туркамъ возвратити скотъ подъ защиту крѣпостныхъ пушекъ.

По отступленіи непріятеля, позиція, занимаемая блокадными войсками, снова изслѣдована во всѣхъ пунктахъ, и для усиленія обороны, на случай новой вылазки гарнизона, назначено построить четыре редута: № 1-го на берегу моря,

*) Рѣка Камчикъ, не значительная, но мѣстами довольно глубокая и быстрая, какъ всѣ горныя рѣки, находится въ 25 верстахъ къ югу отъ Варны, среди Балканскихъ горъ.

№ 2-го на большой Царьградской дорогѣ, при входѣ въ оврагъ, № 3-го на другой большой дорогѣ, идущей въ горы, и № 4-го на самомъ лиманѣ и близъ дороги, идущей вдоль этого озера. Всѣ эти редуты были тотчасъ трасированы Польскимъ инженеръ-подпоручикомъ Симанскимъ, а исполненіе работъ ввѣрено штабсъ-капитану гвардейскихъ саперъ Завалиевскому. Какъ двухъ баталіоновъ 19-го Егерскаго полка было недостаточно для занятія всей этой позиціи, простирающейся отъ моря до лимана, на разстояніи болѣе трехъ верстъ, то баталіонъ пѣхотнаго Герцога Веллингтона полка поставленъ на лѣвомъ флангѣ, близъ лимана, и цѣпь застрѣльщиковъ, съ ихъ резервами, учреждена по всей линіи. Двѣ роты Финляндскаго полка, поставленныя въ дефиле за редутомъ, вмѣстѣ крѣпостныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, должны были составлять резервъ.

Около полудня непріятельскія дѣйствія были прекращены въ слѣдствіе начатыхъ переговоровъ съ крѣпостію и перемиріе продолжалось до слѣдующаго дня.

Вечеромъ получено извѣстіе, что полковникъ Лазичъ, безъ всякаго препятствія, достигнувъ до моста на Камчикѣ, открылъ, на противоположномъ берегу этой рѣки, укрѣпленія, защищаемыя артиллерією и 5—6,000 Турокъ, пришедшихъ въ немалое удивленіе отъ внезапнаго появленія нашихъ войскъ. Полковникъ Лазичъ, въ то же время, увѣдомилъ, что наши застрѣльщики, рассыпавшись берегомъ рѣки, вдоль оврага, завели перестрѣлку съ непріятелемъ, занимавшимъ противоположный берегъ. Онъ оканчивалъ свой рапортъ извѣщеніемъ, что лѣса и овраги дѣлаютъ дорогу къ Камчику почти непроходимую. Съ наступленіемъ ночи подпоручикъ Львовъ былъ отправленъ къ полковнику Лазичу для осмотра дорогъ и для сянтія на карту всѣхъ окрестностей.

Въ теченіе ночи не 2-е сентября, редутъ № 1-го, лежащій на правомъ флангѣ нашей позиціи и назначенный для 150 человекъ оконченъ совершенно, а № 2-й возведенъ до половины своей высоты.

Въ эту же ночь, двое Турецкихъ солдатъ, съ депешами отъ капуданъ-паши, главноначальствовавшаго въ Варнѣ, отправленные къ Камчику, были схвачены на аванпостахъ 19-го егерскаго полка.

Подпоручикъ Львовъ, выполнившій въ точности свое порученіе, воротился въ лагерь и тотчасъ отправленъ въ Императорскую квартиру на корабль «Городъ Парижъ», для донесенія лично о позиціи Турецкаго отряда, расположеннаго подлѣ Камчика, и о дорогахъ, ведущихъ къ этой рѣкѣ.

Капитанъ Кроминъ былъ посланъ съ 2-ю ротой гвардейскихъ егерей и взводомъ уланъ для наблюденія дорогъ, идущихъ отъ Проводъ и изъ-за Камчика къ правому флангу верхней позиціи, съ приказаніемъ расположиться въ 5-ти или 6-ти верстахъ отъ лагеря, тамъ гдѣ обѣ дороги сходятся. Его пѣхотные и кавалерійскіе патрули должны были производить развѣдываніе Камчика, къ Проводамъ и къ броду Гебеджи.

Перемиріе, заключенное на 24 часа, кончилось къ полудню 2-го числа. Артиллерія крѣпости первая открыла огонь довольно живой противъ нашей позиціи, но не причинила намъ никакого вреда, хотя снаряды и достигали подошвы горъ. Въ этотъ же день окончены работы на дорогѣ, ведущей отъ вновь устроенной пристани къ нашимъ двумъ позиціямъ на высотѣ и при подошвѣ горы, а также учрежденъ телеграфъ, для сообщенія съ флотомъ и съ нашею главною квартирою на лѣвой сторонѣ Варны.

Утромъ 3-го числа редутъ № 2-го былъ конченъ, а 3 и 4—были разбиты.

Полковникъ Лазичъ донесъ, что онъ былъ атакованъ превосходными силами и принужденъ отступить до дер. Петрикюя, находившейся въ шести верстахъ отъ нашей наблюдательной позиціи. Вслѣдствіе этого, къ нему отправлено немедленно усиленіе изъ двухъ ротъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка.

Въ этотъ же день прибылъ флигель-адъютантъ графъ Залускій, полковникъ Польской арміи, и получилъ приказаніе: съ двумя другими ротами 2-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка и эскадрономъ Черноморскихъ казаковъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, присоединиться къ отряду полковника Лазича, надъ которымъ принять начальство. Соединенныя силы отряда, съ этого времени, составили авангардъ обсерваціоннаго войска.

Капитанъ Кроминъ, съ своей стороны, доносилъ, что онъ занялъ свой постъ и что его патрули, посланные со-

образно предписаніямъ по всеѣмъ направленіямъ, нигдѣ не встрѣчали непріятеля.

Около полудня, адмиралъ Грейгъ прибылъ на берегъ для осмотра обѣихъ нашихъ позицій, и опредѣлилъ, на берегу моря, устроить батарею изъ 4-хъ орудій 24-хъ фунтовыхъ и двухъ мортиръ 2-хъ пудовыхъ, которыя надлежало доставить съ флота.

Съ этого дня дневные рапорты о всеѣмъ происходящемъ въ отдѣльномъ отрядѣ повелѣно доставлять къ Государю Императору, къ Великому Князю Михаилу Павловичу и графу Воронцову.

Въ теченіе ночи окончили постройку редутовъ №№ 3 и 4 и послѣдній вооруженъ двумя легкими пушками. Къ утру разбита новая батарея на морскомъ берегу, а какъ она находилась передъ редутомъ № 1, то послѣдній срытъ.

Въ теченіе этого дня узнали, что при отступленіи къ Камчику, отрядъ полковника Лазича потерялъ изъ Могилевскаго пѣхотнаго полка 7 человекъ убитыми и безъ вѣсти пропавшими и 30 ранеными.

Капитанъ Кроминъ увѣдомилъ, что патруль, отправленный по дорогѣ къ Проводамъ, не встрѣтилъ непріятеля, но, дошедъ до двухъ оставленныхъ деревень, (именуемыя Акенджи и Авренъ, какъ послѣ узнали), нашелъ большія запасы фуража, которымъ и рѣшено воспользоваться для кавалеріи, терпѣвшей въ немъ почти совершенный недостатокъ. Что же касается до съѣстныхъ припасовъ, то въ нихъ наши войска не нуждались. Они имѣли скотъ въ изобиліи, а сухари и другіе припасы доставлялись съ флота на вновь устроенную пристань, посредствомъ двухъ вооруженныхъ баграсовъ, перевезенныхъ сухимъ путемъ, еще въ началѣ осады.

Для усиленія наблюдательной позиціи, рѣшено возвысить редуты № I, II, III; но, по недостатку рукъ, работы производились медленно. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣли на этомъ пунктѣ только полкъ гвардейскихъ егерей. Изъ двухъ баталіоновъ Финляндскаго полка, одинъ находился въ авангардѣ, другой былъ расположенъ внизу горы, для подкрѣпленія позиціи, которой грозила многочисленная Турецкая кавалерія, расположенная лагеремъ противъ лимана.

Къ вечеру авангардъ еще болѣе приблизился къ нашему

главному отряду и расположился на высотахъ, на открытомъ мѣстѣ, позади дер. Петрикюя.

Батарея, возводимая на морскомъ берегу окончена въ теченіе ночи на 5-е число, и вооружена двумя 24-хъ фунтовыми орудіями, изъ которыхъ, съ наступленіемъ утра, открыла огонь противъ крѣпости.

Въ 9-ть часовъ по-полуночи, Государь Императоръ прибылъ на берегъ и изволилъ посѣтить войска, расположенныя на высотахъ. Осмотрѣвъ со вниманіемъ эту позицію и предложенныя полевые укрѣпленія, Его Величество одобрилъ все сдѣланныя распоряженія и Самъ лично указалъ пунктъ, на дорогѣ къ Камчику, гдѣ для дополненія системы укрѣпленій надлежало построить флешъ.—Передъ возвращеніемъ на флотъ, Его Величество осмотрѣлъ еще все пространство въ тылу обсервационнаго лагеря, до самаго ската горы, откуда открывается вся Варна, съ ея песчаною плоскою равниною, отдѣляющею море отъ лимана.

На посту капитана Кромина все было спокойно и его патрули вошли въ сообщеніе съ отрядомъ генераль-маіора Деллингаузена, расположеннымъ около мельницы Девно. Непритель не показывался нигдѣ. Фуражиры, отправленные подъ прикрытіемъ взвода егерей и взвода уланъ, возвратились съ фуражемъ, не имѣвъ встрѣчи съ Турками. Въ продолженіе всего дня, орудія крѣпости не прерывали ни на минуту пальбы противъ батарей на морскомъ берегу и нижней позиціи, но не причинили намъ никакого чувствительнаго вреда. Работы, назначенныя для укрѣпленія верхней позиціи, продолжались и въ тоже время строились бараки для войскъ позади боевой линіи.

Въ теченіе ночи на 6-е число, двѣ 2-хъ пудовыя мортиры, двѣ 24-хъ фунтовыя пушки и Турецкая гаубица того же калибра поставлены на береговой батарее, которая съ того времени могла направить на крѣпость огонь болѣе дѣйствительный.

Утромъ генераль Акинфьевъ, считавшійся больнымъ въ продолженіе 6-ти дней и временно замѣненный генераломъ Воропановымъ, принялъ снова начальство надъ войсками нижней позиціи.

Наконецъ для прекращенія крѣпости всякой возможности имѣть сообщеніе извнѣ, былъ построенъ ложементъ съ

засѣками, во всю длину цѣпи нашихъ аванпостовъ, простирившихся отъ моря до лимана.

Двѣ пушки гвардейской артиллеріи, вновь привезенныя, помѣщены въ редутѣ № 4-го, на лѣвой оконечности блокадной линіи. Дѣйствіе этихъ орудій не замедлило сдѣлаться чувствительнымъ для Турецкаго лагеря, расположеннаго позади лимана. Редутъ и флешъ, построенные на высотѣ горы, были окончены, а редутъ № 4, назначенный защищать нашъ лѣвый флангъ, трасированъ.

Капитанъ Кроминъ увѣдомилъ, что изъ лѣсу, около его поста, было сдѣлано два ружейныхъ выстрѣла противъ его патрулей, и что нѣсколько Турокъ замѣчено въ оврагѣ. Фуражиры, отправленные, какъ наканунѣ, къ Акенджи, подъ прикрытіемъ взвода егерей и взвода уланъ, возвратились не встрѣтя непріятели.

Къ вечеру авангардъ обсервационнаго отряда вытянулся въ боевомъ порядкѣ, на горѣ Куртепэ, въ двухъ верстахъ отъ главной позиціи.

Съ утра 7-го числа авангардъ обсервационныхъ войскъ, выставилъ цѣпь аванпостовъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ, которая налѣво упиралась въ море, на право въ лиманъ, позади деревни Пейнерджи, и образовала какъ бы дугу, растянутую болѣе чѣмъ на 10 верстѣ. Главный резервъ состоялъ изъ двухъ ротъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка и эскадрона уланъ, съ двумя Донскими орудіями. Два легкія орудія гвардейской артиллеріи, находившіяся еще при авангардѣ, возвращены къ ихъ ротѣ.

Постройка всѣхъ укрѣпленій на блокадной линіи была кончена, также какъ засѣки, прикрывавшія весь флангъ нашей позиціи. Наконецъ, для дополненія цѣпи аванпостовъ, небольшой ретраншаментъ, назначенный для пѣхотнаго пикета, построенъ у берега лимана, позади редута № 4-го.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ капитаномъ Кроминымъ, непріятели не было видно въ 15-ти верстномъ районѣ отъ его позиціи. Патрули авангарда, отправленные въ разныя стороны, не встрѣчали также Турокъ и фуражиры, прикрываемые двумя взводами егерей, возвратились изъ деревень Акенджи и Авренъ безъ всякаго препятствія.

Въ теченіе 7 и 8-го сентября, батарея, построенная на морскомъ берегу, не прерывала свой огонь противъ крѣпо-

сти, между тѣмъ какъ орудіе редута, возведеннаго на лиманѣ, много тревожило Турецкій лагерь, расположенный внѣ крѣпости. 24-хъ фунтовя ядра наносили сильный вредъ стѣнамъ, построеннымъ изъ лещаднаго известняка, безъ земляной насыпи, и служившимъ въ этомъ мѣстѣ оградой крѣпости. Двѣ трети войскъ Турецкаго лагеря, составленнаго большею частію изъ кавалеріи, бѣжали въ крѣпость, чтобы укрыться отъ нашей артиллеріи, которая, направленная на этотъ пунктъ, производила опустошеніе даже въ самомъ городѣ.

8-го числа, капитанъ Кроминъ увѣдомилъ, что 25 егерей и 10 уланъ, посланные имъ накапунѣ для рекогносцировки, подъ командою Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка прапорщика Васильева, встрѣтили непріятеля въ одной деревнѣ, которой имени не знали, но по его предположенію долженствующей находиться на дорогѣ къ Праводамъ. Турки, числомъ до 30, были прогнаны въ лѣсъ, лежащій позади деревни, и прапорщикъ Васильевъ возвратился съ двумя плѣнными, не потерявъ ни одного человѣка. Эта встрѣча произошла въ 10 верстахъ отъ позиціи капитана Кромина.

Патрули, отправленные отъ авангарда, возвратились къ вечеру. Отрядъ, командуемый Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка поручикомъ Гольдгойеромъ, слѣдуя по дорогѣ къ Камчику, встрѣтилъ, верстахъ въ 7-ми отъ нашихъ аванпостовъ, Турецкій пикетъ изъ 50-ти человѣкъ, расположенный на томъ самомъ мѣстѣ, которое еще недавно занималъ нашъ авангардъ.

Фуражиры, отправленные въ томъ же направленіи, какъ и въ предыдущіе дни, возвратились вечеромъ, безъ всякаго приключенія, но капитанъ Кроминъ, котораго слабый отрядъ былъ въ опасности отъ близости къ непріятелю, получилъ приказаніе воротиться въ лагерь.

Въ этотъ же день, для усиленія отряда Головина, прибылъ Сѣверскій конно-егерскій полкъ, подъ командою полковника Каторджи, состоявшій только изъ 320 человѣкъ. Два эскадрона его немедленно отправлены въ авангардъ, а другіе два присоединены къ кавалерійскому резерву.

Офицеры Генеральнаго Штаба, принадлежавшіе къ отдѣльному отряду, продолжали съемку страны, начатую ими немедленно по прибытіи нашемъ на южной берегъ лимана.

Въ 8-мь часовъ утра 9-го сентября отданъ приказъ собрать всѣхъ фуражировъ въ авангардъ. Какъ появленіе непріятеля дѣлало ихъ отправленіе опаснымъ, то въ прикрытіе имъ отряжены двѣ роты пѣхоты, а именно вся 3-я рота Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка и два взвода Финляндскаго, со взводомъ улановъ.

Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка капитанъ Крузе, назначенный начальникомъ этого отряда, обязанъ былъ прикрыться со всѣхъ сторонъ кавалерійскими и пѣхотными патрулями и вообще принять всѣ мѣры, необходимыя, чтобы не быть внезапно атакованнымъ. Штабсъ-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Вельяминовъ-Зерновъ долженъ былъ сопровождать отрядъ, для точнаго обозначенія дорогъ и обзоренія страны, назначенной на фуражировку. Въ то же время, разъѣзды отправлены были осмотрѣть мѣста, гдѣ показался непріятель.

Около 3-хъ часовъ по полудни, получено извѣстіе, что фуражиры были атакованы. Авангардъ тотчасъ выслалъ къ нимъ на встрѣчу двѣ роты пѣхоты и эскадронъ конно-егерей. Спустя часъ увидѣли фуражировъ, возвращающихся въ безпорядкѣ (въ разсыпную), и никто изъ нихъ не былъ въ состояніи сообщить удовлетворительныхъ подробностей ни о силахъ непріятеля, ни о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ атаки. Капитанъ Крузе прибылъ только въ вечеру и донесъ слѣдующее:

Отрядъ, проходя мѣстами, незадолго предъ тѣмъ занятыми нашимъ авангардомъ, прибылъ къ сел. Акенджи, цѣли его посланки, не встрѣтивъ непріятеля. Войска собрали фуражу столько, сколько могли снести лошади, и тотчасъ пустились въ обратный путь. Колонна, слѣдуя дорогою самою узкою, проходящею по лѣсу, необходимо должна была растянуться. Взводъ пѣхоты находился въ головѣ, два въ срединѣ и четвертый—въ хвостѣ; эскадронъ кавалеріи былъ размѣщенъ между пѣхотными взводами. Пѣхотные и кавалерійскіе патрули шли по обѣимъ флангамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ колонны.

Въ этомъ лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ позиціи капитана Кромина, фуражиры были атакованы, въ первый разъ непріятельскою конницею, показавшеюся съ правой стороны дороги и бросившеюся между головою колонны и ея сре-

диною. Но нападеніе почти не имѣло успѣха: Турки, оставленные огнемъ нашихъ патрулей, не наступали рѣшительно.

Не смотря на отпоръ, сдѣланный прикрытіемъ, большая часть фуражировъ, испуганныхъ видомъ Турокъ, успѣли сбросить фуражъ съ лошадей и укрыться въ лѣсъ съ лѣвой стороны отъ дороги, для избѣжанія опасности. По первымъ ружейнымъ выстрѣламъ, взводъ, находившійся въ головѣ колонны, остановился и, такимъ образомъ, далъ время остальнымъ фуражиромъ пройти. Взводы средины и арріергарда удвоили шагъ для соединенія съ первымъ взводомъ, а кавалерійское прикрытіе обратилось въ—лѣво, въ сторону, принятую большею частію фуражировъ. Турки, преслѣдуя этихъ послѣднихъ, бросились чрезъ дорогу, которою слѣдовала колонна, и успѣли прорѣзать ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но взводы, находившіеся въ срединѣ, и арріергардъ успѣли пробиться сквозь толпы непріятельскія, заграждавшія имъ путь, и примкнули къ головѣ колонны. Капитанъ Крузе продолжалъ слѣдовать такимъ образомъ своею дорогою, представляя сомкнутые ряды своего малочисленного отряда Туркамъ, которые, неоднократно, но тщетно старались отрѣзать его отступленіе. Эти четыре взвода пѣхоты, на каждомъ шагу дѣлая отпоръ превосходнѣйшему числу непріятелю, благополучно возвратились въ лагерь, къ 7-ми часамъ вечера, не допустивъ разстроить себя ни одного разу и нанести огнемъ своимъ значительный вредъ Туркамъ. Большая часть фуражировъ возвратилась еще прежде, а остальные, бывъ разбѣяны въ лѣсу, прилегавшемъ къ лиману, возвратились также, но позже. Изъ всего числа фуражировъ, только 15 не оказалось на вечерней перекличкѣ, и изъ этого числа 6 воротились на слѣдующее утро.

Прикрытіе фуражировъ, окруженное со всѣхъ сторонъ и долженствовавшее пробиваться неоднократно сквозь непріятеля, потеряло только 7 человекъ убитыми и безъ вѣсти пропавшими, и 5 ранеными, которые съ нимъ возвратились.

Такимъ образомъ, хотя эта фуражировка не имѣла желаемого успѣха, но бой, выдержанный противъ непріятеля несравненно сильнѣйшаго, рѣшился совершенно въ нашу пользу и дѣлаетъ честь пѣхотѣ прикрытія. Гвардейскихъ егерей, капитанъ Крузе и подпоручикъ Тизенгаузенъ, также

какъ Финляндскаго полка подпоручикъ Демидовъ, имѣютъ право на особенную похвалу. Подавая взаимно примѣры неустрашимости, они, среди величайшей опасности, успѣли сохранить порядокъ въ людяхъ и распоряжались чрезвычайно хладнокровно. Даже нѣкоторые изъ молодыхъ солдатъ, въ первый разъ видѣвшіе непріятеля, принесли съ собою въ лагерь оружіе и одежду Турковъ, которыхъ въ стычкѣ сами поразили. Многіе фуражиры возвратились даже съ связками фуража.

Капитанъ Вельяминовъ—Зерновъ, оставшійся позади для снятія мѣстности, едва не попалъ въ руки непріятеля и избѣгнулъ этой участи только тѣмъ, что достигнулъ до нашего поста у Гебеджи, гдѣ и провелъ ночь, и только по утру возвратился въ нашъ лагерь.

Кромѣ этой встрѣчи, не произошло ничего замѣчательнаго въ теченіе дня.

10-го сентября, по утру, войска были расположены слѣдующимъ образомъ:

На нижней, т. е. блокадной позиціи.

Правый флангъ и центръ защищали два баталіона 19-го егерскаго полка, а лѣвый флангъ — полкъ герцога Веллингтона. Двѣ роты 1-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка и два эскадрона уланъ составляли резервъ на большой Царьградской дорогѣ. Кромѣ морской артиллеріи, этотъ отрядъ имѣлъ два батарейныхъ орудія гвардейской артиллеріи, два легкія 10-й бригады и два Донской казачей.

На верхней или обсерваціонной позиціи.

Два эскадрона уланъ и два эскадрона конныхъ егерей, 2-й баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка и одинъ баталіонъ Могилевскаго пѣхотнаго полка находились въ авангардѣ. Послѣдній баталіонъ, занимавшій пространство по высотамъ отъ лимана, составлялъ, въ тоже время, обсерваціонную линію на дорогахъ, ведущихъ къ Камчику. Артиллерія авангарда состояла изъ двухъ Донскихъ орудій.

Изъ этой диспозиціи видно, что въ главномъ отрядѣ, на обсерваціонной позиціи оставалось только два баталіона

гвардейскихъ егерей и одинъ полубаталіонъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, съ 8-ю легкими гвардейскими орудіями, изъ которыхъ четыре находились въ двухъ редутахъ, и четыре въ интервалѣ между этими редутами. Флешъ была вооружена двумя гвардейскими батарейными орудіями, прибывшими предъ тѣмъ за два дня. Два эскадрона уланъ и два эскадрона конныхъ егерей находились въ резервѣ, назади редута № III-го.

Такъ какъ наканунѣ отряды Турецкой конницы показались въ виду нашего авангарда, на высотахъ близъ селенія Мимисафляръ, то, для узнанія о силахъ непріятельскихъ, на развѣстѣ 9-го сентября отряжена была въ эту сторону карабинерная рота гвардейскихъ егерей, подъ командою штабсъ-капитана Энгельгардта 4-го. По причинѣ весьма лѣсистаго мѣстоположенія, которымъ надлежало проходить, для развѣздовъ ему было дано только нѣсколько человекъ уланъ и гвардейскихъ казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ приказаніе не выходить изъ лѣса, а дойти только до крайней опушки, для ея наблюденія и разузнанія о непріятелѣ, употребляя съ осторожностію уланъ и казаковъ для дальнѣйшей рекогносцировки въ мѣстахъ открытыхъ.

Нападеніе, такъ удачно отраженное наканунѣ и притомъ столь малымъ отрядомъ, заставляло предполагать, что находившійся предъ нами непріятель не былъ еще въ большихъ силахъ; а какъ недостатокъ въ фуражѣ становился часъ отъ часу ощутительнѣе, то, дабы воспользоваться запасами его, сохранившимися еще въ селеніи Агенджи, рѣшено было послать туда еще разъ фуражировъ, которые должны были забрать столько фуража, сколько возможно будетъ снести лошадямъ, а что за тѣмъ останется—истребить. На этотъ конецъ въ ту же ночь отдано было приказаніе, всѣмъ фуражиромъ собраться въ авангардъ къ 9-ти часамъ утра. Для прикрытія ихъ назначены были два баталіона Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, но не въ полномъ своемъ числѣ, а имѣя только по 20-ти рядовъ во взводѣ; остальные же 10-ть рядовъ отъ каждаго взвода, съ приличнымъ числомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, должны были оставаться въ лагерѣ, для занятія укрѣпленій. Такъ какъ 1-я карабинерная рота этого полка была послана на рекогносцировку, то ее заступила 1-я карабинерная рота Лейбъ-Гвар-

діи Финляндскаго полка. Назначенная къ этому прикрытію кавалерія состояла изъ двухъ эскадроновъ конныхъ егерей съ двумя орудіями Донской артиллеріи.

Около 10-ти часовъ утра, въ ту самую минуту, какъ фуражиры съ назначеннымъ для нихъ прикрытіемъ готовы были выступить, получено, чрезъ телеграфъ, съ корабля Парижа Высочайшее повелѣніе: немедленно отправить полковника графа Залускаго съ сильною партіею для развѣдыванія о непріятелѣ.

Въ слѣдствіе этого фуражировка отложена, ибо малочисленность обсервационнаго отряда не позволяла отправить, въ одно и то же время, въ разныя направленія двѣ партіи, столь сильныя, чтобы каждая изъ нихъ могла, въ случаѣ нападенія отразить непріятеля съ надеждою успѣха.

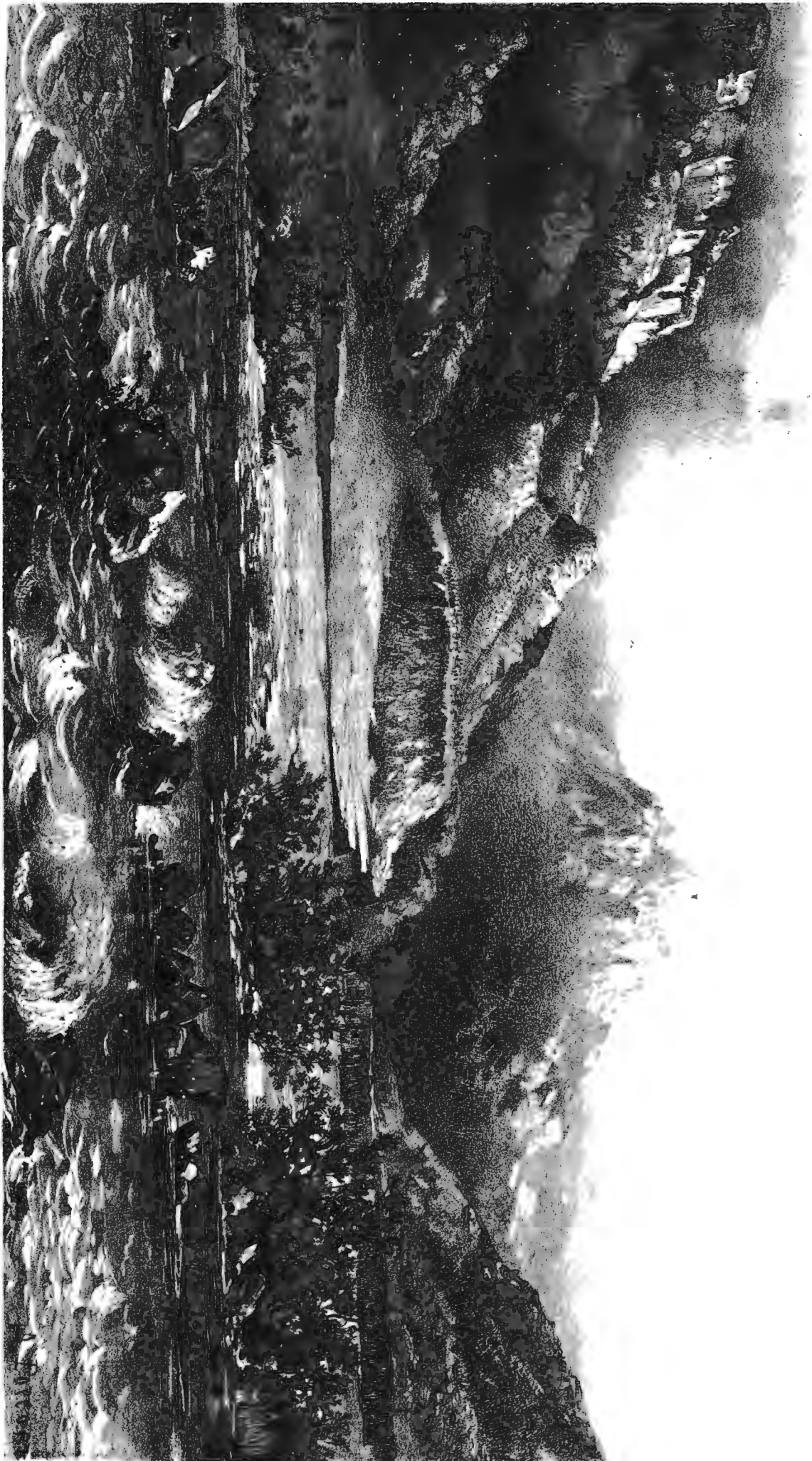
По причинѣ лѣсистаго мѣстоположенія, для рекогносцировки можно было употребить только пѣхоту, а какъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ баталіоновъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, назначенныхъ для прикрытія фуражировъ, другою пѣхоты не было, то баталіоны эти и были назначены.

Хотя, по видимому, для такого предпріятія достаточно было бы и одного баталіона; но рѣшено послать оба, и прибавить, сверхъ того, еще эскадронъ уланъ, потому что можно было ожидать нападенія на отрядъ отъ непріятеля, а полковникъ Залускій надѣялся вѣрнѣе и съ лучшимъ успѣхомъ исполнить возложенное на него порученіе, если ему ввѣрены будутъ силы болѣе многочисленныя.

Такимъ образомъ, отрядъ, порученный начальству графа Залускаго, состоялъ изъ двухъ баталіоновъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, имѣвшихъ, какъ уже сказано, по 20-ти рядовъ во взводѣ, двухъ эскадроновъ конныхъ егерей, эскадрона уланъ и двухъ орудій Донской артиллеріи.

Командиру Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, генераль-маіору Гартонгу предложено было принять начальство надъ авангардомъ на то время, пока продолжится рекогносцировка; но онъ убѣдительно просилъ дозволенія идти съ своимъ полкомъ, увѣряя, что не будетъ пользоваться старшинствомъ и стѣснять власть или мѣшать распоряженіямъ полковника графа Залускаго. При всѣхъ неудобствахъ, которыя могли произойти отъ подобнаго распоряженія, нельзя было не одобрить побудительныхъ причинъ, заставлявшихъ

Джа Е. Подковачка Новоселова.

Лех И. Корвалкз

ДВИЖЕНІЕ ОТРЯДА ВНУТРЬ САМУРСКАГО ОБЩЕСТВА КЪ ГЛАВНОМУ СЕЛЕНІЮ АХТЫ

31 МАЯ 1839 ГОДА, НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ОВЛАДѢНІИ АДЖІАХУРСКОЮ ПОЗИЦІЕЮ.

генераль-маіора Гартонга желать остаться при своемъ полку. Съ другой же стороны, какъ выше сказано, не находилось въ распоряженіи никакого другаго полка, чтобы замѣнить имъ гвардейскихъ егерей.

Въ половинѣ двѣнадцатаго, полковникъ графъ Залускій выступилъ со всемъ своимъ отрядомъ по той же самой дорогѣ, которою отправлялись и прежде наши фуражиры, и вскорѣ скрылся въ лѣсу. Полковникъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Афросимовъ принялъ начальство надъ авангардомъ.

Нѣсколько часовъ прошло безъ всякаго извѣстія отъ отряда графа Залускаго, и хотя съ позиціи авангарда впереди открывалось обширное пространство, но во все время ничего не было замѣчено и не слышно было ни одного выстрѣла.

Наконецъ, около 4-хъ часовъ по полудни, пріѣхалъ изъ отряда рядовой Сѣверскаго конно-егерскаго полка. По его увѣренію, гвардейскій егерскій полкъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ неприятелемъ и находился въ величайшей опасности. Это показалось столь невѣроятнымъ, что оставлено безъ вниманія.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого перваго извѣстія, генераль-адъютантъ Головинъ получилъ отъ полковника графа Залускаго записку, на Французскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія:

«J'ai rencontré l'ennemi en forces; le terrain est très mauvais; le général Hartong forme l'arrière-garde à la tête de tout son régiment; l'ennemi paraît s'être arrêté; mais Votre Excellence pourrait faire transmettre, par le télégraphe, la nouvelle que j'ai rencontré des forces majeures.»*)

Бригадный адъютантъ Беръ былъ немедленно отправленъ съ этою запискою къ телеграфу.

Между тѣмъ начали появляться раненные солдаты Лейбъ-

*) «Я встрѣтилъ неприятеля въ большомъ числѣ; мѣстоположеніе очень дурно; генераль Гартонгъ со всемъ своимъ полкомъ составлялъ арріергардъ. Кажется, что неприятель остановился; но Ваше Превосходительство могли бы донести, чрезъ телеграфъ, что я встрѣтилъ превосходнаго въ силахъ неприятеля.»

Гвардіи Егерскаго полка. Одни изъ нихъ говорили, что полкъ отступаетъ, сражаясь съ неприятелемъ; другіе подтверждали первоначальное извѣстіе, прибавляя къ тому, что полкъ не только окруженъ, но и совершенно истребленъ.

Между тѣмъ, немного спустя по полученіи записки графа Залускаго, прибылъ отъ него прапорщикъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Киновичъ съ изустнымъ донесеніемъ, что весь отрядъ ретируется въ порядкѣ и что Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ, составляя арріергардъ, нѣсколько отсталъ, по причинѣ завязавшейся у него съ неприятелемъ перестрѣлки. Это послѣднее извѣстіе, по всемъ соображеніямъ, казалось наиболѣе вѣроятнымъ.

Вскорѣ послѣ того и самый отрядъ Залускаго показался на небольшомъ возвышеніи посреди лѣса, въ четырехъ верстахъ отъ авангардной позиціи. съ которой можно было явственно видѣть, что конница и пѣхота въ боевомъ порядкѣ остановились отдохнуть лицомъ къ неприятелю.

Однакожъ, число возвращавшихся по-одиночкѣ егерей часъ отъ часу увеличивалось; большая часть изъ нихъ были раненные, почти всѣ безъ ружей и даже безъ аммуниціи. По всемъ подробностямъ, кои они передавали, нельзя было далѣе сомнѣваться, что гвардейскихъ егерей постигло какое нибудь важное и необыкновенное несчастье. Многіе возвращавшіеся нижніе чины, между коими находились унтеръ-офицеры и даже фельдфебели, рассказывали, что въ то самое время, какъ полкъ ихъ находился въ перестрѣлкѣ съ Турками, онъ вдругъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ неприятельскою пѣхотою и конницею; что полковой командиръ, оба баталіонные командиры, всѣ ротные и большая часть офицеровъ были убиты или ранены; что подъ конецъ люди, безъ команды и разсѣянные по лѣсу, защищались небольшими кучками, и что немногіе только успѣли избѣгнуть смерти. Впрочемъ, ни отъ кого нельзя было узнать обстоятельно, чѣмъ началась первая встрѣча съ неприятелемъ, что за тѣмъ послѣдовало и какимъ образомъ происходило отступленіе.

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій отдано приказаніе собрать раненныхъ въ одно мѣсто для подаанія имъ нужной помощи; всѣхъ же солдатъ, возвратившихся здоровыми, ве-

лѣно также останавливать въ авангардѣ, чтобы никто въ лагерь не былъ въ сношеніи ни съ тѣми, ни съ другими.

Въ то же время часть отряда графа Залускаго прибыла къ авангарду. Самъ онъ, опередивши войска свои нѣсколькими минутами, донесъ генералу Головину словесно: «что весь отрядъ его отступилъ въ порядкѣ; что самъ онъ привелъ съ собою всю кавалерію, артиллерію и пять взводовъ пѣхоты; что осталая часть Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка находилась въ хвостѣ колонны и прикрывала отступление подъ начальствомъ генерала Гартонга; что этотъ арріергардъ также уже не далеко, но не успѣлъ прибыть вмѣстѣ съ нимъ потому только, что завязалась перестрѣлка съ непріателемъ; что впрочемъ отступление произошло въ порядкѣ, и никакого несчастія не случилось.»

Головинъ замѣтилъ полковнику Залускому: «что ему, какъ начальнику отряда, слѣдовало бы остаться въ арріергардѣ, именно потому, что онъ былъ въ перестрѣлкѣ съ непріателемъ.» На это графъ Залускій отвѣчалъ, «что онъ считалъ присутствіе свое нужнѣе при кавалеріи и артиллеріи, тѣмъ болѣе, что съ гвардейскими егерями былъ самъ ихъ полковой командиръ, и что потому ни какого безпорядка опасаться причины не было.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ словесно же донесъ слѣдующія подробности о томъ, что предшествовало отступленію:

«Оставивъ позицію занимаемую авангардомъ, онъ слѣдовалъ, какъ выше уже сказано, по той же самой дорогѣ, по которой ходили наши фуражиры.

«Достигнувъ мѣста, гдѣ передъ тѣмъ находился постъ капитана Кромина, онъ замѣтилъ Турецкій вѣдетъ, который, однакожь, тотчасъ скрылся. Оттуда полковникъ Залускій направилъ путь свой по дорогѣ, ведущей къ сел. Гаджи-Ассавларъ, и, пройдя по ней около 4-хъ верстъ, получилъ извѣстіе, что посланные впередъ казаки, подѣхавъ къ опушкѣ лѣса, открыли не подалеку оттуда непріятельскій лагерь. Полковникъ Залускій отправился самъ къ опушкѣ и увидѣлъ дѣйствительно въ близкомъ разстояніи Турецкій лагерь, который прикрытъ былъ ложементомъ, занятымъ пѣхотою. Онъ замѣтилъ также, что неожиданное появленіе нашихъ войскъ произвело тревогу между Турками и весь ихъ лагерь привело въ движеніе. Тогда полковникъ графъ За-

лускій приказалъ Лейбъ-Гвардіи Егерскому полку выйти изъ лѣсу и построиться по-баталіонно въ колоннахъ къ атакѣ, на площадкѣ, находившейся не болѣе какъ шагахъ въ 120 отъ непріятельскаго ложементъ. Два Донскія орудія поставлены были между баталіонами; вся же кавалерія осталась на дорогѣ, проходящей по лѣсу, въ томъ порядкѣ, въ которомъ шла.»

«Очувившись неожиданно въ столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля, полковникъ графъ Залускій хотѣлъ было тотчасъ же атаковать его, но удержался по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что увидалъ за оврагомъ, впереди коего находился ретраншаментъ, большія толпы Турецкой конницы и пѣхоты; во вторыхъ потому, что будто бы не нашель въ Лейбъ-Гвардіи Егерскомъ полку той увѣренности, которая нужна была для этой атаки. И такъ онъ ограничился приказаніями сдѣлать два выстрѣла изъ орудій и видя, что непріятель не оставляетъ своей позиціи, рѣшился возвратиться назадъ.»

«До этой минуты ни съ нашей, ни съ непріятельской стороны не было сдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла; но какъ только пушки удалились, то Турки, находившіеся въ ложементѣ, открыли огонь по нашимъ колоннамъ. Полковникъ Залускій воротилъ пушки, вторично сдѣлалъ изъ нихъ два выстрѣла и потомъ снова ихъ удалилъ. Въ то же время всей кавалеріи приказано было отступать по той самой дорогѣ, по которой она пришла, подъ прикрытіемъ пяти взводовъ Егерскаго полка, которые пошли между эскадрами тремя отдѣленіями. Полковникъ графъ Залускій слѣдовалъ самъ съ этимъ отрядомъ, между тѣмъ какъ Егерскій полкъ, за исключеніемъ 5-ти вышеупомянутыхъ взводовъ, долженствовавшій, по его распоряженію, составлять арріергардъ, завязалъ съ непріателемъ перестрѣлку.

«Такимъ образомъ, полковникъ Залускій прибылъ со всею кавалеріею, двумя орудіями и пятью взводами пѣхоты на возвышеніе, гдѣ остановившись на нѣсколько минутъ, какъ сказано выше, не подалеку отъ нашей позиціи, самъ явился въ авангардѣ, и хотя давно уже потерялъ изъ виду гвардейскихъ егерей, которые остались въ лѣсу, не переставалъ, однакожь, увѣрять, что они никакой опасности не подвергаются.»

Словесное донесеніе полковника графа Залускаго далеко не представляло ни какого вѣрнаго основанія, чтобы можно было вывести положительное заключеніе на счетъ настоящаго положенія Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, между тѣмъ какъ возвращавшіеся нижніе чины, какъ равные, такъ и неравные, продолжали согласно подтверждать самыя страшныя вѣсти. Чаконецъ, въ числѣ раненыхъ, прибылъ подпоручикъ Генъ 2-й, который также увѣрялъ, что полкъ въ то время, какъ онъ его оставилъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; что люди, защищаясь въ разсыпную, потеряли уже всякую надежду къ отступленію, и что ни какая теперь отправленная помощь не можетъ болѣе спасти полка.

Сколь мало вѣроятнымъ ни казалось это извѣстіе, но, къ несчастію, оно не замедлило подтвердиться. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ пяти взводовъ, прибывшихъ съ графомъ Залускимъ, ни одна часть Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка не возвратилась въ своемъ прежнемъ составѣ и патрули, высланные на дорогу, которую онъ долженъ былъ возвратиться, не встрѣтили ни одного человѣка.

1-я карабинерная рота, которая, какъ сказано выше, составляла особый отрядъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Энгельгардта 4-го, прибыла къ авангарду до наступленія вечера, оставивъ на высотахъ сел. Мимисафляръ партіи Турецкой конницы, съ которыми наши карабинеры имѣли перестрѣлку. Позже патрули неприятельскія были видны даже и съ нашей авангардной позиціи.

Съ наступленіемъ ночи все утихло, и неприятель не сдѣлалъ противъ насъ ни какого дальнѣйшаго покушенія.

Въ теченіе ночи прибыли въ лагерь: командиръ 2-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка полковникъ Уваровъ, капитанъ Ростовцевъ, подпоручикъ Игнатьевъ 2-й и прапорщики Жерардъ и Загоскинъ. Подпоручикъ Игнатьевъ получилъ нѣсколько ранъ. Всѣ они подтвердили извѣстіе о несчастномъ отступленіи полка, также о потерѣ полковаго командира и почти всѣхъ офицеровъ. Спасшіеся, большею частію раненые, продолжали собираться въ лагерь во всю ночь; а на другой день поутру принесено одно знамя, спасенное людьми, успѣвшими скрыться въ лѣсу и достигшими лѣваго фланга нашей позиціи берегомъ лимана. О другомъ же знамени ни какого слуха не было.

Въ числѣ не возвратившихся были: генераль-маіоръ Гартоунъ, полковники: баронъ Саргеръ и Буссе, капитанъ Кроминъ, штабсъ-капитаны Жилинъ и Игнатьевъ 1-й, поручики: Ростовцевъ 3-й, Генъ 1-й, Апрельевъ, Сабанинъ, Сукинъ, подпоручики: Скванчи, Нестеровъ, Лебядниковъ, прапорщики: Мокринскій, Васильевъ, Скульскій и Дивовъ; всего: одинъ генераль, два штабсъ-офицера и 15 оберъ-офицеровъ. Нижнихъ чиновъ возвратилось въ лагерь 250 человѣкъ, въ томъ числѣ 120 раненыхъ; слѣдовательно потеря въ нижнихъ чинахъ убитыми и взятыми въ плѣнъ, или безъ вѣсти пропавшими, простиралась до 450 человѣкъ, ибо за исключеніемъ пяти взводовъ, предшшихъ съ полковникомъ Залускимъ, въ прочихъ одиннадцати взводахъ было на лицо 700 человѣкъ.

И такъ, хотя не оставалось уже болѣе ни какого сомнѣнія, на счетъ бѣдственнаго случая, испытаннаго Лейбъ-Гвардіи Егерскимъ полкомъ, но не менѣе того, однакожь, казалось непонятнымъ, по какому несчастному стеченію обстоятельствъ 700 человѣкъ отборнѣйшей пѣхоты, съ ихъ начальникомъ и со всѣми офицерами, могли быть истреблены почти совершенно среди лѣса, въ мѣстахъ закрытыхъ и не легко доступныхъ. Это должно было казаться тѣмъ болѣе непостижимымъ, что, накануне еще, отрядъ изъ двухъ сотъ человѣкъ того же самаго полка, долженствовавшій притомъ прикрывать длинный конвой фуражировъ, заставившій раздѣлиться его на три части, отразилъ съ полнымъ успѣхомъ того же самаго неприятеля, нѣсколько разъ покушавшагося заградить ему дорогу.

Для изслѣдованія настоящихъ причинъ этого несчастія, необходимо ознакомиться съ мѣстностію, гдѣ случилась первая встрѣча полковника графа Залускаго съ Турками, и потомъ слѣдовать за Лейбъ-Егерями въ ихъ гибельномъ отступленіи.

Селеніе Гаджи-Ассанларъ, находящееся въ разстояніи 12-ти верстъ отъ пункта, гдѣ расположенъ былъ отрядъ, назначенный для прикрытія съ южной стороны блокады крѣпости Варны, лежитъ между оврагами, посреди довольно густаго лѣса, чрезъ который проходитъ дорога, ведущая отъ нашей позиціи къ этому селенію. Съ этою дорогою сходятся другая, въ сел. Мимисафляръ, которое, по прямому пути,

проходящему по другую сторону оврага, через сел. Аранкіой, находится только въ двухъ верстахъ отъ Гаджи-Ассанлара.

Войска непріятельскія, подъ начальствомъ паши Омеръ Вріони, расположили при этомъ послѣднемъ селеніи свой главный лагерь, и занимали также селенія Аранкіой и Мимисафляръ.

При концѣ оврага, и даже на самой дорогѣ, Турки построили укрѣпленіе, состоявшее только изъ простаго рва, прикрытаго наружнымъ валомъ изъ земли, выброшенный изъ этого рва, какъ это дѣлается въ траншеяхъ, только гораздо въ большемъ разиѣрѣ. Между этимъ укрѣпленіемъ и опушкою лѣса находится открытое мѣсто, имѣющее около 300 шаговъ въ ширину и столько же въ длину. На этой-то площадкѣ полковникъ графъ Залускій построилъ оба баталіона Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка въ колоннахъ къ атакѣ, съ двумя орудіями въ интервалѣ между ними. Въ этомъ положеніи полкъ оставался на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ Турецкаго окопа до тѣхъ поръ, пока не получилъ приказанія отступить. Очевидно, что лѣсистая мѣстность, гдѣ находился полкъ, не представляла ни какой опасности при отступленіи, если бы оно произведено было въ порядкѣ; но, къ сожалѣнію, всѣ показанія какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, удостовѣряютъ, что, къ несчастію, вышло противное:

1) Прежде всего Турки, обогнувъ нашъ правый флангъ лѣсомъ, начали тревожить арріергардъ съ этой стороны, что заставило генераль-маіора Гартонга отрядить вправо полковника Буссе со 2-ю карабинерною ротой, еще прежде нежели баталіоны начали отступать. Въ то самое время, какъ увѣряютъ, генераль-маіоръ Гартонгъ получилъ тяжелую рану.

2) Появленіе непріятеля на правомъ нашемъ флангѣ принудило баталіоны держаться стороны противоположной, и это было главнѣйшею причиною ихъ погибели, какъ то въ послѣдствіи объяснится.

3) Сверхъ того полковникъ графъ Залускій упустилъ изъ виду, во время движенія впередъ, а равно и во время отступленія, поставить наблюдательный постъ при точкѣ соединенія обѣихъ вышеупомянутыхъ дорогъ, что, по всѣмъ военнымъ правиламъ, признается необходимымъ, а прему-

щественно при рекогносцировкахъ, производимыхъ вблизи непріятеля; и наконецъ

4) Не было взято предосторожности прикрыть обратное отступленіе цѣпью застрѣльщиковъ. Баталіоны, сдѣлавъ поворотъ назадъ, подъ глазами у непріятеля, не могли соблюсти малѣйшаго порядка, потому что, оставляя площадку, тотчасъ подлежало войти въ дефиле.

Не смотря на всѣ эти ошибки при самомъ началѣ отступленія, Турки не имѣли еще ни малѣйшаго перевѣса надъ нами и на дорогѣ въ лѣсу оставлено убитыми, какъ послѣ найдено, только 12 человекъ егерей. Дальнѣйшее бѣдствіе произошло отъ того, что, при столь послѣдней ретирадѣ, люди, находившіеся впереди, достигнувъ пункта, гдѣ дорога, какъ сказано, раздѣляется на двое, сбились съ пути въ лагерь, —потому—ли, что желали избѣгнуть непріятеля, который угрожалъ правому ихъ флангу, или отъ того, что смятеніе ввело ихъ въ эту пагубную ошибку. Они повернули на право по дорогѣ въ Мимисафляръ, куда, къ несчастію, за ними послѣдовали и всѣ прочіе. Такимъ образомъ, весь полкъ, кромѣ пяти взводовъ, отправленныхъ съ кавалерією, вмѣсто того, чтобы слѣдовать по дорогѣ, которая вела къ нашей позиціи и по которой отступилъ графъ Залускій, устремился совсѣмъ въ противоположную сторону, потерялъ съ нимъ всякое сообщеніе и, подвигаясь впередъ, часъ отъ часу болѣе приближался къ непріятелю, котораго старался избѣгнуть.

Турки, съ своей стороны, замѣтивъ безпорядокъ, поселившійся въ нашихъ рядахъ, вышли къ намъ на встрѣчу по дорогѣ изъ сел. Мимисафляра, между тѣмъ какъ другія толпы ихъ, оставивъ лагерь и перейдя лѣсомъ, чрезъ оврагъ, ударили на егерей съ боку, въ то время, когда они только думали какъ—бы спастись въ разсыпаную.

Слѣдуя мысленно по дорогѣ отступленія егерей, гдѣ, спустя нѣсколько дней потомъ, найдены были трупы убитыхъ при отступленіи, легко себя представить, какимъ образомъ этотъ прекрасный полкъ, когда безпорядокъ воцарился въ немъ, могъ быть разбитъ тѣмъ же самымъ непріятелемъ, который, накануне еще, не смотря на превосходство своихъ силъ, не смѣлъ ничего предпринять противу двухъ сотъ человекъ того же самаго полка. Изъ этого

ясно видно, что егеря, сбившись однажды съ пути, чѣмъ далѣе подавались по направлеию къ Мимисафлару, тѣмъ болѣе отдалялись отъ полковника графа Залускаго, и тѣмъ болѣе, такъ сказать, шли на встрѣчу жестокому своему жребію и сами отдавались въ руки Турокъ. Что же касается до тѣхъ егерей, которые при отступлеиіи, врываясь въ лѣво, успѣли попасть на дорогу, по которой весь отрядъ долженъ былъ бы отступить, и по которой непріятель не смѣлъ ихъ преслѣдовать, тѣ всѣ, раненые или здоровые, достигли благополучно лагеря и ни одинъ чело-вѣкъ не погибъ на дорогѣ.

Таковы подробности бѣдствія, постигшаго Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ,—бѣдствія, которое неоспоримо было токмо послѣдствіемъ худыхъ распоряженій; ибо для достиженія цѣли, съ которою полковникъ графъ Залускій былъ посланъ, т. е. чтобы открыть непріятели и осмотрѣть его позицію, вовсе не нужно было выводить полкъ изъ лѣсу и располагать на открытомъ мѣстѣ въ 120 шагахъ отъ Турецкаго укрѣпленія; достаточно было бы разсыпавъ цѣпь застрѣльщиковъ вдоль опушки лѣса (откуда можно было превосходно разсмотрѣть позицію непріятели), а баталіоны расположить по дорогѣ уступами, на случай, если бы непріятель самъ сдѣлалъ наступательное движеніе. Впрочемъ послѣдняго нельзя было никакъ опасаться, ибо, по увѣренію самихъ Турокъ, взятыхъ въ плѣнъ нѣсколько дней спустя, они не смѣлились бы выйти изъ своихъ укрѣпленій. Эти же плѣнники прибавляли, что въ лагерѣ ни кто не могъ понять причины посѣшшаго отступленія Русскихъ и неожиданный успѣхъ этого дня приписавъ былъ какому то—чуду.

Между тѣмъ какъ остатки Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка продолжали собираться, Лейбъ-Гвардіи Павловскій полкъ былъ высаженъ близъ берега и усилилъ отдѣльный отрядъ, расположенный на южныхъ высотахъ Варны. 2-й баталіонъ этого полка немедленно отправленъ для прикрытія блокадныхъ войскъ, потому что получено извѣстіе,—оказавшееся потомъ ложнымъ,—будто-бы непріятель направился вдоль лимана. Въ самомъ дѣлѣ, эта послѣдняя позиція была только слабо защищена со стороны озера, потому часть цѣхоты, назначенной сперва

къ прикрытію ея, употреблена для подкрѣпленія лѣваго фланга и для прикрытія тыла блокадной линіи.

Ничего не было измѣнено въ расположеніи всей линіи аванпостовъ, находившихся на высотахъ. Но южный корпусъ былъ подкрѣпленъ 1-мъ баталіономъ гвардейскаго Павловскаго полка.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ прибылъ въ ту же ночь изъ главной квартиры, для полученія подробныхъ свѣдѣній по случаю бѣдствія, понесеннаго гвардейскимъ Егерскимъ полкомъ.

11-го сентября на разсвѣтѣ прибылъ генераль-адъютантъ Бистромъ и, по Высочайшему повелѣнію, принявъ начальство надъ всеми войсками, расположенными на южной сторонѣ Варны, а генераль-адъютантъ Бенкендорфъ тогда же возвратился на корабль «Городъ Парижъ».

Изложивъ, такимъ образомъ, эту катастрофу въ своемъ журналѣ, безъ прикрасъ, а какъ она по истинѣ происходила, Головинъ считалъ полезнымъ прибавить еще слѣдующее замѣчаніе:

«Во время мятежа, тотъ же самый полковникъ Залускій былъ обвиненъ въ преданности къ законному правительству. Чтобы отвратить отъ себя это обвиненіе, онъ подалъ временному правительству родъ записки, подавшей намъ въ руки послѣ взятія Варшавы, въ которой, между многими доказательствами своей старинной и постоянной преданности къ независимости Польши, онъ описывалъ дѣйствія, относившіяся къ Турецкой войнѣ, и лично до него касавшіяся. Онъ говоритъ, что на него возложено было произвести рекогносцировку съ гвардейскимъ Егерскимъ полкомъ, во время которой онъ, съ намѣреніемъ, сдѣлалъ такіа распоряженія, что этотъ прекрасный полкъ почти весь палъ подъ оружіемъ Турокъ.

«Какой благородный человекъ не дрожитъ, читая эти строки? Кто можетъ когда либо вообразить, чтобы начальникъ отряда вѣранныхъ ему войскъ, принимаетъ на себя добровольно безчестіе, объявляя во всеуслышаніе, что, благодаря его измѣнническимъ распоряженіямъ, оно пало подъ ударами непріятели? Языкъ графа Залускаго, когда онъ хочетъ овладѣть довѣренностію революціонеровъ, напоминаетъ по всей справедливости рассказы разбойниковъ,

хвастающихся между собою сдѣланными ими преступленіями. Но мы не оставимъ ему даже и постыднаго достоинства, на которое онъ рассчитываетъ. Нѣтъ: графъ Залускій не дѣлалъ распоряженій ни къ гибели солдатъ, ни къ ихъ спасенію. Справедливо, что большая часть ихъ погибла; но ихъ гибель произошла не вслѣдствіе измѣны, а вслѣдствіе совершенно другаго качества, которымъ обладаетъ графъ Залускій, и которое мы избѣгаемъ назвать, но которымъ конечно онъ не можетъ гордиться, даже предъ лицомъ постыднаго трибунала, передъ которымъ онъ распространяется съ такою подлостію.»

Генераль-адъютантъ Бистромъ нашелъ позицію, занятую Головинымъ, весьма удобною для защиты.

16-го сентября, Евгенийъ Александровичъ сражался при отраженіи жаркаго нападенія, сдѣланнаго непріателемъ на верхнюю позицію, на высотахъ Куртане.

Сраженіе продолжалось упорно около 4-хъ часовъ и было окончательно рѣшено въ нашу пользу сильнымъ огнемъ съ нашихъ батарей и штыками 1-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Егерскаго и 1-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полковъ; каждый изъ нихъ взялъ по одному знамени у непріателя, который удалился съ поспѣшностію, оставивъ на мѣстѣ до 1,000 человекъ. За это сраженіе, въ которомъ находилось до 15-ти тысячъ Турецкой пѣхоты и конницы, кромѣ значительнаго числа войскъ, оставленныхъ ими въ укрѣпленіяхъ, Головинъ награжденъ, 6-го декабря 1829 года, золотою шпагою, алмазами украшенною, съ надписью «за храбрость.»

Черезъ день, 18-го, Евгенийъ Александровичъ участвовалъ въ нападеніи Бистрома на Турокъ, служившемъ, впрочемъ, только демонстраціею, для отвлеченія вниманія непріателя отъ лѣваго его фланга, на который была направлена атака Принца Евгенія Виртембергскаго.

Едва услыша первый пушечный выстрѣлъ въ отрядъ Принца Евгенія, генераль Бистромъ двинулъ войска, назначенныя имъ на приступъ къ укрѣпленіямъ Турецкаго лагеря, поручивъ ихъ Головину. Изъ нихъ 1-му баталіону Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка и баталіону Лейбъ-Егерей велѣно было овладѣть непріательскимъ укрѣпленіемъ, находившимся на оконечности его лѣваго фланга;

другія войска должны были поддерживать атаку. Гвардейскаго Генеральнаго Штаба капитанъ Вельяминовъ-Зерновъ подвелъ оба баталіона къ укрѣпленію. Предводительствуемые флигель-адъютантами, полковникомъ Фридериксомъ 4-мъ и подполковникомъ княземъ Мещерскимъ, они ударили дружно; но встрѣченные картечнымъ и ружейнымъ огнемъ*), затрудняемые въ своемъ свободномъ дѣйствіи густымъ терновникомъ, окружавшимъ непріательское укрѣпленіе, разстроились въ рядахъ и, потерявъ предводителей, отступили. Ободренные офицерами, снова сомкнулись они въ колонны и устремились на укрѣпленіе. Только одинъ ровъ уже отдѣлялъ ихъ отъ Турокъ; нѣкоторые изъ офицеровъ даже спустились на дно его, но поражаемые огнемъ непріателя, ободреннаго первымъ отпоромъ, баталіоны должны были отступить.

Получивъ довѣсеніе, что командовавшій Лейбъ-Гвардіи Егерскимъ полкомъ, полковникъ Фридериксъ 4-й и командиръ баталіона Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, подполковникъ князь Мещерскій получили тяжелыя раны, а Генеральнаго Штаба капитанъ Вельяминовъ-Зерновъ убитъ, генераль Бистромъ послалъ своего старшаго адъютанта, гвардіи-капитана Мальковскаго, вести вновь войска на приступъ. Мальковскій прибылъ къ баталіонамъ во время ихъ втораго отступления. Услышавъ ружейные выстрѣлы**) со стороны Принца Евгенія, онъ сомкнулъ войска въ колонны и бросился на укрѣпленіе; но пораженный пулею въ грудь на вылетъ, не могъ одушевлять войскъ своимъ примѣромъ. Баталіоны не поколебались потерей новаго начальника. Въ третій разъ ударили они въ штыки, и въ третій разъ были отбиты. Во время этого приступа Омеръ-Врѣоне послалъ конную толпу во флангъ нападавшей на него пѣхотѣ, но дѣйствіемъ батарей съ позиціи генерала Бистрома и 2-го баталіона Финляндскаго полка она была остановлена и безуспѣшно возвратилась въ лагерь.

Къ 7-ми часамъ войска отступили.

*) Въ то время Принцъ Евгенийъ послалъ въ атаку генерала Дурново.

**) Наступленіе Азовскаго полка.

Сраженіе 18-го числа отняло у Турокъ надежду пройти въ Варву, а сосредоточеніе нашихъ силъ при Гаджи-Гасанъ-Ларѣ лишало ихъ возможности помышлять о движеніи въ тылъ, или на оконечность лѣваго фланга главной арміи нашей подъ Шумлою.

23-го сентября Головинъ былъ назначенъ начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи.

Съ 25-го сентября онъ находился въ корпусѣ Принца Евгенія Виртембергскаго, при наблюденіи за непріателемъ; а когда многочисленное войско Омера-Врioni, узнавъ о покореніи Варны, павшей предъ войсками Николая 29-го сентября, начало отступленіе, Евгений Александровичъ участвовалъ по 8-е октября въ преслѣдованіи Турокъ. Величайшая поспѣшность съ которою совершалось это отступленіе, не позволяла намъ достигнуть непріятеля. Бросая зарядные ящики, обозы и потерявъ даже одно знамя, Омеръ-Врioni оставилъ только на правомъ берегу Камчика, въ укрѣпленіяхъ, сильно оборонявшихъ подъемный мостъ, здѣсь устроенный. По диспозиціи преслѣдованіе не должно было простираться далѣе Камчика, и Принцъ Евгений занялъ позицію близъ Петрикiя.

За отличія, оказанныя Евгениемъ Александровичемъ въ этихъ сраженіяхъ, онъ удостоился получить Высочайшее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 17-го ноября.

23-го сентября Головинъ назначенъ генераль-губернаторомъ Базарджикской и Бабадагской областей и имѣлъ свое пребываніе въ Варвѣ. Нельзя было *нахваляться порядкомъ, чистотою и благоустройствомъ, господствовавшими въ этой крѣпости* *), обращенной нашими ядрами и бомбами въ груды развалинъ, а въ это время снова приведенной въ самое сильное оборонительное положеніе, и не было видно ни какихъ признаковъ разрушенія, сдѣланнаго нашими орудіями. Сильный гарнизонъ, занимавшій ее, былъ расположенъ *весьма удобно*. При вѣздѣ въ Варву путникъ вспоминалъ Русскую Азію. Греки и Армяне встрѣчались по улицамъ; базаръ былъ

*) *Съверная Пчела* 1829 г., № 20.

многолюденъ и достаточно наполненъ товарами. Одесса снабжала его всеми вещами, не только необходимыми для жизни человѣка, но даже могшими удовлетворить и желаніе роскоши. Караулы въ мундирахъ и полной формѣ представляли уже войско, расположенное на зимнихъ квартирахъ, какъ будто внутри Россіи. Всѣ главные начальники и полки были помѣщены *весьма выгодно*. Для равныхъ и большихъ устроено два госпиталя, снабженныхъ всеми нужнымъ и находившихся *въ наилучшемъ положеніи*, одинъ на 2000, другой на 1000 кроватей. Последний помѣщался въ старомъ пашинскомъ домѣ, который состоялъ почти изъ развалинъ и трудами нашихъ воиновъ былъ преобразованъ *въ самое спокойное жилище*.

Колокольный звонъ, какъ извѣстно, Турками былъ вовсе не терпимъ, а церковные ходы—запрещены. Головинъ поспѣшилъ доставить христіанамъ въ Варвѣ это благодетельное утѣшеніе.

Одна изъ мечетей, прежде бывшая Греческою церковью, превращена въ православный храмъ, въ которомъ преосвященный архіепископъ Филофей, во всерадостный день 6-го декабря 1828 года, въ первый разъ совершилъ Божественную литургію и принесть благодарственное Господу Богу. Чтoлебствіе. При этомъ, въ первый же разъ, раздался въ Варвѣ звукъ колоколовъ, въ которые не звонили въ теченіи почти четырехъ вѣковъ, со времени взятія этой крѣпости Османами *).

Въ этотъ же день начался благовѣстъ и въ Греческой церкви. Первый колоколъ для нея былъ купленъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, къ большому удовольствію митрополита; но не смотря на то, по какимъ-то расчетамъ, не рѣшались звонить прежде, нежели была отдѣлана Русская церковь. Первый келейникъ митрополита вмѣнялъ себѣ въ преимущественную честь быть звонаремъ, а толпы жителей, въ праздничные дни, собравшись къ обѣднѣ, съ удовольствіемъ останавливались у колоколовъ и слушали ихъ гармоническій трезвогъ. Церковные ходы были возоб-

*) *Съверная Пчела* 1829 г., № 20.

повлены: особенно достопримѣчательный былъ 6-е января 1829 года *). Греки съ признательностію произносили имя побѣдоноснаго Защитника Православія. Не можемъ же сохранить здѣсь слѣдующаго извѣстія.

Въ великую Субботу, 13-го апрѣля 1829 года, съ первыми лучами разсвѣта, Греческій каюликонъ былъ уже полонъ народа. Многіе за недостаткомъ мѣста стояли на церковномъ дворѣ. Митрополитъ обнесъ трижды плащаницу по главнымъ и ближайшимъ улицамъ, а по окончаніи заутрени обратился къ предстоящимъ и сказалъ: «Христіане! благодарите Его Величество Государа Императора Николая Павловича за свободу, которою мы пользуемся въ обрядахъ Богослуженія.» Всѣ отвѣчали: «*Много лтъ Россійскому Императору*» **)

Общественное благоденствіе Евгений Александровичъ обезпечилъ тѣмъ, что подъ его вѣдѣніемъ былъ составленъ судъ изъ почтеннѣйшихъ жителей Варны.

Базарджикъ къ веснѣ можно было почесть крѣпостію. Дивизія, расположенная въ этомъ городѣ, могла не страшиться покушенія на нее и 30,000 неприятелей. *Почти нельзя было повѣрить, чтобъ этотъ городъ былъ приведенъ въ такое отличное положеніе.* Не говоря уже объ укрѣпленіяхъ, дѣлавшихъ самую большую честь начальникамъ и войскамъ ихъ устроившимъ, самая отдѣлка домовъ, опрятность улицъ, базара, вышедшихъ почти изъ хаоса, *изумляла.* Всѣ возможные товары и съѣстные припасы находились въ Базарджикѣ. Купцы, видѣвъ порядокъ, въ немъ установленный, безпрестанно прибывали въ это мѣсто. Благодѣтельная разпоряженія, духъ войскъ, однимъ словомъ все было *превосходно.* На инспекторскихъ смотрахъ нельзя было *удивиться* благосостоянію полковъ, цѣлости аммуниціи, выправкѣ людей,—это были какъ бы *сморты войскъ, вышедшихъ изъ зимнихъ квартиръ внутри Россіи* ***).

Не говоримъ о другихъ пунктахъ, занимаемыхъ нашими войсками въ районѣ вѣдомства Головина: они

*) С. Петерб. Вѣд. 1829, № 131.

**) С. Петерб. Вѣд. 1829, № 132.

***) Сѣверная Пчела 1829, № 21.

были одинаково въ блестящемъ положеніи. Но достигнуть до этого требовалось множество труда, энергіи, любви къ дѣлу и къ солдату,—качества, всегда такъ прекрасно отличившихъ нашего героя.

Въ слѣдующемъ году въ Варнѣ свирѣпствовала, извѣстная по своей жестокости, чума, отъ которой пѣгибло до 4-хъ тысячъ человекъ, большею частію изъ войскъ, какъ состоявшихъ въ гарнизонѣ, такъ и различныхъ командъ и госпиталей. Бѣдствіе это было такъ сильно, что, среди высшаго періода чумы, число зараженныхъ ею простиралось одно время до 2500 человекъ, а смертность была такъ велика, что не доставало рукъ для отдѣленія мертвыхъ отъ живыхъ. Въ этой крайности, когда каждый пораженъ былъ ужасомъ близкой смерти и когда всѣ связи порядка и подчиненности ослабли, самъ военный генералъ-губернаторъ долженъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сряду лично находиться между зараженными,—кои, по недостатку палатокъ, большею частію сложены были на землѣ, подъ открытымъ небомъ,—чтобы приказывать, въ присутствіи своемъ, выносить трупы, отыскивая ихъ между больными. Это происходило въ то время, когда лежала на немъ главная забота по доставкѣ продовольствія арміи, съ которою, по этой причинѣ, не было возможности прекратить сообщеніе, и когда прибывали ежедневно транспорты, для поднятія провіанта и военныхъ запасовъ. Въ эту тяжкую эпоху, Евгений Александровичъ лишился всей своей прислуги, и двое изъ его камердинеровъ умерли вечеромъ въ тѣ самые дни, въ которые утромъ они подавали ему платье.

Послѣ паденія Адрианополя предъ орлами Русскими, когда появленіе знаменъ Николая подъ завѣтнымъ Царьградомъ смирило гордость Султана и начались мирные переговоры, Евгений Александровичъ, 7-го августа, назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ Восточной Румелии и, такимъ образомъ, управлялъ всеми занятыми нами провинціями Европейской Турціи, до 1-го декабря того же года, имѣя пребываніе въ Бургасѣ.

Признательный къ такимъ заслугамъ, Государъ наградилъ Головина, 19-го августа, «за особые труды и постоянное усердіе къ службѣ,» Всемилостивѣйшимъ пове-

лѣніемъ сложить состоявшій на немъ долгъ, по ссудѣ изъ государственнаго казначейства, въ 1824 году произведенной, въ 15,000 рублей; съ процентами за просрочку, а 6-го апрѣля 1830 года, «за отлично-усердную службу и благоразумныя распоряженія, оказанныя въ эту войну при исправленіи должности военнаго начальника въ Варнѣ и военнаго генераль-губернатора Базарджикской и Бабадагской области, а потомъ въ Сѣверной Румеліи,» Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени, Императорскою короною украшеннымъ.

Отправясь изъ Бургаса для возвращенія въ предѣлы отечества, 6-го декабря 1829 года, на купеческомъ иностранномъ суднѣ, Евгений Александровичъ выдержалъ продолжительный штурмъ, былъ отбитъ отъ Крымскихъ береговъ и оттуда, бывши уже въ виду Одессы, долженъ былъ возвратиться въ Бургасъ. Только въ мартѣ 1830 года онъ прибылъ въ Севастополь, вмѣстѣ съ эскадрою Черноморскаго флота, на 80-ти пушечномъ кораблѣ Пантелеймонѣ.

Между тѣмъ, 7-го февраля, Головинъ былъ назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ Оренбургскаго Отдѣльнаго Корпуса; но, не отправляясь къ должности, онъ принужденъ былъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, испросить себѣ отставку и, Высочайшимъ приказомъ 18-го апрѣля, уволенъ отъ службы по прошенію, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

III

Не долго отдыхали наши войска послѣ Турецкой войны. Поляки, забывъ благодаренія Русскихъ Монарховъ, дерзнули провозгласить, что Императоръ Николай—первый коронованный Царь Польскій—и Домъ Его лишены державныхъ правъ Своихъ. Извѣстіе объ этомъ было принято во всей Россіи съ чувствомъ глубокаго негодованія. Наши войска, только что сломавши рога Луны—двинулись перешибить крылья одноглавому Орлу, въ кровъ мятежниковъ отомстить оскорбленное достоинство

своего Монарха.—Головинъ поспѣшилъ принять участіе въ святой брани и славно каралъ клятвопреступниковъ. 18-го февраля 1831 года, онъ былъ снова опредѣленъ на службу генераль-лейтенантомъ, съ назначеніемъ начальникомъ 26-й пѣхотной дивизіи,—долженствовавшей составиться изъ резервныхъ баталіоновъ прежняго Литовскаго корпуса и входившей въ составъ новаго 6-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ генераль-адъютанта барона Розена. Выѣхавъ изъ С. Петербурга въ главную квартиру арміи 19-го марта, Евгений Александровичъ прибылъ къ дивизіи 27-го апрѣля *).

Послѣ битвы Остроленской, когда главныя наши силы, перешедши за Наревъ, находились около Пултуска, значительные отряды Польскихъ мятежниковъ, которые вышли въ началѣ іюня изъ Варшавы, распространились по воеводствамъ Подляскому и Люблинскому. Самые города Сѣдлецъ и Люблинъ были ими на нѣкоторое время заняты; но вскорѣ потомъ уронъ, повѣсенный Уминьскимъ на Вѣпршѣ, при неудачномъ его покушеніи противъ корпуса генераль-адъютанта Ридигера, заставилъ Поляковъ опять возвратиться къ Вислѣ.

Генераль-лейтенантъ Муравьевъ, остававшійся послѣ отступленія мятежниковъ съ отрядомъ своимъ еще въ вое-

*) По окончаніи кампаніи, Е. А. Головинъ занялся составленіемъ исторической выписки изъ своего военнаго журнала, дополнивъ ее еще замѣчаніями изъ собственныхъ своихъ наблюденій, къ тому времени относящихся. Такимъ образомъ составилось краткое, но полное обозрѣніе всѣхъ его дѣйствій, входящихъ во вторую эпоху войны противъ Польскихъ мятежниковъ, столь успѣшно совершившюся подъ предводительствомъ генераль-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго.

Эта историческая выписка первоначально должна была служить только воспоминаніемъ о военныхъ событіяхъ, въ которыхъ Евгений Александровичъ принималъ дѣятельное участіе, и онъ не имѣлъ намѣренія сдѣлать ее гласною. Но когда вышла въ свѣтъ *Исторія Польской Войны* генераль-маіора Окунева, въ которой—по убѣжденію Головина,—дѣйствія его подвергаются порицаніямъ, гдѣ нѣкоторыя немаловажныя обстоятельства остаются въ забвеніи, а другія представляются въ неблагопріятномъ для него видѣ, то Евгений Александровичъ почелъ нужнымъ, — по его словамъ, — какъ для

водствѣ Подляскомъ, получилъ повелѣніе переправиться чрезъ рѣку Бугъ, въ Нуръ, и приблизиться къ главной арміи. 13-го іюня онъ оставилъ Сѣдлецъ. Такимъ образомъ около этого времени, въ предѣлахъ Царства Польскаго, между Австрійскою границею и рѣкою Вѣпршемъ находился только кавалерійскій корпусъ генераль-адъютанта Ридигера, съ пѣхотною дивизіею, а на пространствахъ между Вѣпршемъ и Бугомъ расположены были уступами по шоссе, между Мендзыржецемъ и Брестомъ, одни слабые пѣхотные и кавалерійскіе отряды 6-го корпуса; Донской казачій полкъ Ильина, занимая Сѣдлецъ, служилъ имъ передовымъ постомъ.

Въ концѣ мая Головинъ былъ посланъ съ отрядомъ войскъ для истребленія мятежническихъ шаекъ, собравшихся въ Бѣловѣжской Пущѣ, которыя наводили страхъ на всѣ тамошнія окрестности и даже причиняли безпокойство самому Бресту-Литовскому. Экспедиція эта имъ окончена успѣшно. Послѣ пораженія при Свѣтличанской стражѣ и въ окрестностяхъ Попелевой корчмы, 27, 28 и 29-го мая, шайки были разсѣяны и истреблены; Бѣловѣжская Пуща, въ нѣсколько дней, совершенно очищена отъ мятежниковъ, и спокойствіе въ ней начало водворяться: стражники и стрѣльцы стали возвращаться въ свои дома

своего оправданія, такъ и для самой истины исторической, — воспользоваться выпискою изъ своего журнала, дабы противопоставить ее произвольнымъ на его счетъ сужденіямъ генерала Окунева. Съ этою-то цѣлію рѣшился Головинъ сдѣлать ее извѣстною, дополнивъ прежде новыми замѣчаніями, почерпнутыми изъ актовъ.

Этотъ обзоръ своихъ дѣйствій въ Польскую кампанію, — снабженный множествомъ официальныхъ документовъ, Е. А. Головинъ напечаталъ подъ заглавіемъ «*Извлеченіе изъ Военнаго Журнала Генераль-Лейтенанта Головина, съ теченіемъ кампаніи противъ Польскихъ мятежниковъ, 1831 года*» (Рига, напечатано въ типографіи Мюллера, въ четверку, 1847 г., стр. 178). Эта книга въ пролажу не поступила и даже не находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Мы приводимъ изъ нея самое обширное извлеченіе, позволяя себѣ только нѣсколько измѣнить изложеніе покойнаго Генерала тѣмъ, что значительное число документовъ ввели въ текстъ и сдѣлали немного дополненій, въ когорыхъ помѣстили свѣдѣнія о разсматриваемыхъ событіяхъ изъ другихъ матеріаловъ.

и представлять свое оружіе, а жители, сосѣдніе Пущѣ, принялись исполнять требованія гражданскаго начальства.

По окончаніи этого порученія, генераль-адъютантъ баронъ Розенъ ввѣрилъ Головину начальство надъ войсками, находившимися, какъ сказано выше, на шоссе къ Сѣдльцу, съ такимъ предписаніемъ, чтобы въ случаѣ опасности отъ непріятеля, смотря по обстоятельствамъ, онъ оставилъ не только Сѣдлецъ и Мендзыржецъ, но даже городъ Бялу, и отступивъ по шоссе за селеніе Воскржевице, расположился позади болотистой рѣки Жны, въ 24-хъ верстахъ отъ Бреста.

Іюня 14-го Головинъ прибылъ къ городу Мендзыржецу и, не зная занять ли вновь Люблинъ корпусомъ генераль-адъютанта Ридигера, или еще нѣтъ, отправилъ туда немедленно своего тайнаго агента, а чтобы въ то же время имѣть вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, посланъ былъ адъютантъ его, гвардіи поручикъ Муравьевъ, съ партией казакъ по дорогѣ къ Прагѣ. Последнему приказано было непременно открыть непріятеля, гдѣ бы онъ ни находился.

Въ слѣдствіе такихъ распоряженій было получено увѣдомленіе отъ генераль-адъютанта Ридигера, что онъ вновь занялъ Люблинъ, а адъютантъ Муравьевъ, возвратившись изъ поиска своего 17-го іюня, донесъ, что онъ первый непріятельскій разъѣздъ встрѣтилъ за Калушиномъ въ городѣ Минскѣ, и что по достовѣрнымъ извѣстіямъ передовые посты мятежниковъ занимаютъ на шоссе укрѣпленную позицію при селеніи Бржезинѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Праги.

Находясь, такимъ образомъ, въ сношеніи съ корпусомъ генераль-адъютанта Ридигера, обеспечивавшимъ лѣвый его флангъ, и имѣя достовѣрныя уже свѣдѣнія о непріятелѣ, Головинъ не находилъ надобности отступать назадъ, а потому и расположился въ Мендзыржецѣ съ тремя слабыми пѣхотными баталіонами 6-го корпуса и частию Татарскаго уланскаго полка, имѣя одинъ эскадронъ послѣдняго въ селеніи Збучинѣ, а казачій Ильина полкъ, по прежнему, въ Сѣдльцѣ.

Между тѣмъ наступилъ новый періодъ войны. Генераль-фельдмаршалъ графъ Дибичъ скончался и Государь ввѣрилъ смирить Ляховъ знаменитому герою Закавказ-

скому, грозѣ Персіанъ и Турокъ—графу Паскевичу Эриванскому.

По прибытіи въ Пултускъ,—гдѣ была главная квартира нашей арміи,—12-го іюня, новый Главнокомандовавшій, во исполненіе предначертаній Монарха, требовавшаго самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, занялся средствами къ немедленному перенесенію театра войны на лѣвый берегъ Вислы.

Но, предпринимая движенія за эту рѣку,—намъ должно было пожертвовать прежнюю свою базу и операционною линією и удалиться съ бывшаго дотолѣ театра военныхъ дѣйствій, на которомъ оставался только 6-й корпусъ. Фельдмаршалъ предписалъ барону Розену,—находясь съ главными силами въ Брестѣ и обороняя его, въ случаѣ надобности, до послѣдней капли крови,—выдвинуть впередъ къ Сѣдльцу особый отрядъ, подъ названіемъ авангарда 6-го корпуса, ввѣривъ начальство надъ нимъ Головину.

При назначеніи этомъ послѣдовало предписаніе такого содержанія: «Поелику армія выступаетъ изъ-подъ Пултуска къ нижней Вислѣ, то генералъ-лейтенантъ Головинъ имѣетъ слѣдовать съ отрядомъ своимъ впередъ по шоссе и завять 22-го іюня городъ Сѣдлецъ. Движеніемъ сѣмъ онъ долженъ стараться притянуть силы мятежническія на правый берегъ Вислы; а если бы онъ совсѣмъ оставилъ этотъ берегъ, въ такомъ случаѣ, онъ пойдетъ далѣе къ Минску и, сбивая слабые непріятельскіе посты, будетъ простирать поиски свои до самой Праги.»

Баронъ Розенъ сообщилъ Головину волю Главнокомандовавшаго въ слѣдующемъ повелѣніи отъ 17-го іюня № 828, изъ Бреста-Литовскаго:

«Господинъ главнокомандующій дѣйствующею армією, генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ Эриванскій, повелѣніемъ отъ 16-го іюня за № 2697, предписываетъ мнѣ составить подъ начальствомъ Вашего Превосходительства сильный авангардъ съ тѣмъ, чтобы 22-го числа оный прибылъ непремѣнно въ городъ Сѣдлецъ.

«Во исполненіе чего завтрашняго числа выступаютъ отсюда въ командѣ генерала-лейтенанта Засса: баталіонъ

Нижегородскаго пѣхотнаго полка, 3 бригада 7 пѣхотной дивизіи, 24 артиллерійской бригады 1 батарейной роты четыре орудія, 25 артиллерійской бригады 3 легкой роты четыре орудія, и взводъ Польскаго уланскаго полка, бывший въ экспедиціи съ подполковникомъ Сарабиѣ. Войска сіи будутъ имѣть ночлегъ за станцією Залѣсье на рѣкѣ Жвѣ; а 19-го числа придутъ въ Рогозницу, гдѣ должны уже отъ Вашего Превосходительства получить дальнѣйшія приказанія.

«48 егерскому полку, съ состоящими при ономъ двумя орудіями, предписалъ я завтрашняго числа перейти въ Бялу, а 19, вмѣстѣ съ 47 егерскимъ, слѣдовать далѣе къ Мендзыржецамъ въ распоряженіе Вашего Превосходительства. Польскій уланскій полкъ равномерно по данному мною предписанію долженъ, собравъ всѣ части свои, 19 числа перейти въ Козлы близъ Ломазъ, а 20 прибыть въ Мендзыржець, исполняя впрочемъ и другія mogućия послѣдовать отъ Васъ предписанія. Двѣ саперныя роты, находящіяся въ Мендзыржецахъ и Бялой, можете присоединить къ отряду своему.

«Въ Мендзыржецахъ оставьте 1 баталіонъ Модлинскаго пѣхотнаго полка и кавалерійскій постъ по Вашему усмотрѣнію. Для занятія Бялой придутъ 19 числа двѣ роты 2 баталіона Модлинскаго пѣхотнаго полка въ командѣ капитана Веревкина-Шалюты.

«По повелѣнію г. главнокомандующаго отрядъ Вашъ, въ случаѣ всякаго покушенія противу него непріятеля въ слабѣйшихъ силахъ, имѣя вѣрный случай одержать верхъ надъ мятежниками, никакъ не долженъ упускать сего изъ виду и стараться всегда поражать небольшіе непріятельскіе отряды; но отнюдь не увлекаться однакоже его демонстраціями и непремѣнно всегда уклоняться неровнаго боя съ превосходнымъ въ числѣ противникомъ.—Самый пунктъ Сѣдлецкій долженъ Вы занимать рѣшительно только дотолѣ, пока непріятель будетъ находиться въ Калушинѣ или далѣе къ Минску; но коль скоро только мятежники предпримутъ отъ Калушина наступленіе на Сѣдлецъ въ превосходныхъ силахъ, тогда Вы должны отходить къ Мендзыржецу и даже къ Бялѣ и Бресту, такимъ образомъ, чтобы всегда держаться отъ

непріятеля не ближе какъ въ сплномъ переходѣ. — *Въ случаѣ же если бы мятежники, угрожаемые движеніемъ главныхъ силъ арміи къ Вислѣ, отвели всѣ войска, нынѣ противу Сѣдльца на правомъ берегу Вислы находящіяся, то посылайте тотчасъ сильныя разѣзды до самаго Минска, и прикажите слабыя посты его сбивать и дѣлать видѣ, какъ бы Вы желаете рѣшительно поступать, дабы чрезъ то сколь можно болѣе обезпокоивать армію мятежниковъ на правомъ берегу Вислы.* Когда же удостовѣритесь, что вся армія непріятельская перешла на лѣвый берегъ Вислы, то можете подступитъ въ самый даже Минскъ, дабы болѣе угрожать мятежникамъ, и не дозволить имъ вывести свои войска изъ укрѣпленій Пражскихъ и Модлинскихъ.

«Если бы по обстоятельствамъ Вы не могли слѣдовать далѣе Сѣдльца, то Вамъ необходимо будетъ особенное обращать вниманіе на Мокободы и Луковъ, какъ пункты, черезъ которые непріятель съ большимъ удобствомъ можетъ обходить фланги Ваши. — Вообще Вы не оставите во всякомъ случаѣ по возможности обеспечивать сообщеніе Ваше; меня продолжайте ежедневно извѣщать о происходящемъ у Васъ и получаемыхъ Вами извѣстіяхъ. — Съ генералъ-адъютантомъ Риддгеромъ и генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ старайтесь быть въ частой связи. Продовольствіе ваше на первый случай обеспечивается запасами, въ Бялой находящимися и слѣдующими сюда изъ Сѣдльца, которое установите по Вашему усмотрѣнію. Равномѣрно отсюда отправлено 17 Мендзыржець, по распоряженію генералъ-провіантмейстера, 300 четвертей овса, который употребите для кавалеріи и артиллеріи отряда Вашего. Генералъ-маіору Пенхержевскому предпишите при первой возможности прибыть въ Сѣдлецъ для управленія по прежнему Подляскимъ воеводствомъ. При семъ извѣщаю Ваше Превосходительство, что мною приказано генеральнаго штаба полковнику Зедделеру явиться къ Вамъ и состоять при отрядѣ Вашемъ.

«О полученіи сего и сдѣланныхъ Вами распоряженій не оставьте меня увѣдомить.»

Очевидно, что распоряженія эти имѣли главнѣйшею цѣлю облегченіе дѣйствій нашей арміи, которая предпринимала переправу черезъ Вислу, ниже Варшавы, не подвергая

однакожъ авангарда 6-го корпуса большой опасности. Но Головинъ, съ самаго начала, уже постигнувъ всю важность обязанностей своихъ, относительнаго общаго плана кампаніи. Будучи убѣжденъ, что не можетъ исполнить главнѣйшаго своего назначенія, то есть: не можетъ обратить на себя вниманія непріятеля иначе, какъ обманувъ его смѣлыми покушеніями, онъ рѣшился слѣдовать этому правилу, при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ, ибо видѣлъ, что этимъ только способомъ, и раздѣлившись при томъ на нѣсколько колоннъ и летучихъ отрядовъ, можно ему будетъ казаться въ глазахъ непріятеля сильнѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Составъ образовавшагося авангарда былъ слѣдующій:

Нижегородскій пѣхотный полкъ	2 баталіона.
13 и 14 егерскіе полки	4 »
47 и 48 егерскіе полки	2 »
Модлинскаго пѣхотнаго полка	6 ротъ.
1-го резервнаго сапернаго бат.	2 роты.
Польскій уланскій полкъ	3 эскадрона.
Татарскій уланскій »	4 »
Донской казачій Ильяна полкъ	5 сотенъ.

Итого пѣхоты 10 баталіоновъ, числомъ около 5400 человекъ подъ ружьемъ; — на конѣ около 1300 человекъ.

Все же число войскъ простиралось до 6700 человекъ, съ 14 орудіями артиллеріи, изъ коихъ 4 батарейныхъ и 10 легкихъ.

При войскахъ этихъ состоялъ на лицо начальникъ 7-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Засѣ, который командовалъ пѣхотою, — и за начальника штаба полковникъ генеральнаго штаба баронъ Зедделеръ; кавалеріею командовалъ полковникъ Врангель.

Согласно съ вышеприведеннымъ предписаніемъ, войска авангарда 20-го двинулись изъ Мендзыржеца, а 22-го заняли Сѣдлецъ и расположились на позиціи впереди города на рѣкѣ Мухавцѣ. Передовой отрядъ, подъ командою полковника Шульца, подвинуть былъ далѣе по шоссе, къ селенію Ополе. Для наблюденія за непріятелемъ, выставлены въ мѣстечкахъ Мокободахъ, Грабіановѣ, Висмевѣ и Луковѣ конные пикеты, которые должны были находиться въ непрерывномъ между собою сношеніи, посредствомъ разѣз-

довъ, между тѣмъ какъ малыя конныя партіи должны были открывать все пространство земли, заключающееся между рѣками Вѣршемъ и Бугомъ до мѣстечекъ Добре, Калушина, Ерузалема, Сточка и Зелехова. Для сохраненія сообщенія съ Брестомъ—Литовскимъ, оставлено въ городахъ Бялѣ и Мендзырецѣ около 850 человекъ пѣхоты.

Юня 23-го получено донесеніе, что казачья партія, отправленная изъ Сѣдльца, сбивъ непріятельскіе посты близъ деревни Лончки и слѣдуя по дорогѣ къ Калушину, встрѣтила сильный непріятельскій разбѣздъ, и что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ жителей, Калушинъ занятъ уже цѣлымъ корпусомъ мятежниковъ. Въ этотъ же день получено также извѣстіе чрезъ агентовъ, что значительный отрядъ войскъ мятежниковъ, съ пушками, находится близъ Ядова, между рѣками Ливомъ и Бугомъ.

Не теряя изъ виду главнѣйшей цѣли своего назначенія, а именно: обращенія на себя вниманія непріятеля*), а также

*) Объ этомъ назначеніи баронъ Розенъ подтвердилъ Головину и въ слѣдующихъ двухъ повелѣніяхъ, писанныхъ изъ Бреста—Литовскаго, въ которыхъ сообщалъ также извѣстія о дѣйствіяхъ непріятеля:

1) *Отъ 22-го іюля, за № 859:* «Съ 18 числа распространились здѣсь слухи о направленіи Гелгуда и Хлоповскаго на Бѣлостоцкую область. Вчерашняго числа получилъ я повелѣніе Г. Главнокомандующаго, въ коемъ изъясняется, что по извѣстіямъ изъ Пруссіи Гелгудъ перешелъ обратно Нѣманъ между Средниками и Велками, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безъ хлѣба, безъ обуви, безъ зарядовъ и безъ патроновъ. Г. же генералъ отъ инфантеріи графъ Толстой, отъ 17 числа, увѣдомляетъ, что Гелгудъ не переходилъ еще Нѣмана; по увѣдомленію его же сѣятельства 16 числа занять нашими войсками городъ Ковно, при чемъ почти безъ всякой потери съ нашей стороны взяты въ плѣнъ: назначенныя бригаднымъ командиромъ предполагавшихся къ сформированію 25 и 26 пѣхотныхъ полковъ полковникъ 1 егерскаго полка Кекерницкій, подполковникъ 7 егерскаго полка Шлоеръ, инженеръ-майоръ Сулинскій, оберъ-офицеровъ 29 и 600 нижнихъ чиновъ, также пріобрѣтены большіе запасы продовольствія, отбито нѣсколько нашихъ военно-плѣнныхъ офицеровъ и рядовыхъ и 400 человекъ больныхъ.

«Генералъ-майоръ Олферевъ изъ Сувалокъ отступилъ въ Августово и 6 числа полагалъ, что Гелгудъ занимаетъ Сейну и

чтобы удостовѣриться подлинно ли корпусъ мятежниковъ войскъ находился такъ близко, Головинъ предпринялъ на слѣдующій день, 24-го іюня, сильный посылъ къ Калушину, и въ тоже время отправилъ конную партію къ Бугу. Последняя имѣла назначеніе не только развѣдать о намѣреніи и силахъ непріятеля, тамъ показавшагося, но и открыть сообщеніе съ генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ.

Войска, предназначенныя для поиска, выступивъ въ четыре часа утра къ ручью Костржину и переправясь черезъ

намѣревается направиться черезъ Ястржембу лѣсами для присоединенія къ своей арміи. 13 числа Польскій партизанъ Заливскій съ 1000 человекъ пѣхоты и 500 конницы переправился обратно черезъ Нѣманъ и 17 показался около Сопочкина, но кавалерію 2 резервнаго кавалерійскаго корпуса, уже прибывшую въ Гродно, прогнать опять въ лѣса. — Сей корпусъ и отрядъ генералъ-майора Герштенцвейга назначены для окончательнаго истребленія Гелгуда, въ случаѣ обратнаго его движенія; я долженъ тоже по возможности содѣйствовать имъ.

«Вчерашняго числа вечеромъ получилъ я донесеніе, что есаулъ Рубашкинъ въ ночи на 21 число въ 1½ миль отъ Нура, за Бугомъ, у мѣстечка Ольшева открылъ непріятеля, съ которымъ имѣлъ перестрѣлку, послѣ чего для безопасности поста своего сжегъ мостъ, паромъ и лодки. Появленіе непріятеля на сей кратчайшей дорогѣ въ границы наши не имѣетъ ли цѣлю способствовать отступленію Гелгуда? Прошу Ваше Превосходительство, если бы подтвердилось такое намѣреніе непріятеля, противодействовать оному смотря по обстоятельствамъ, не теряя однако изъ виду главнаго назначенія Вашего, обратить на себя какъ можно болѣе вниманіе непріятеля, дабы облегчить черезъ то рѣшительныя дѣйствія главныхъ силъ арміи.»

2) *Отъ 25 іюля, за № 863:* «Считаю нужнымъ извѣстить Ваше Превосходительство, что 22 числа армія начала движеніе свое. Г. Главнокомандующій особенно надѣется, что Ваше Превосходительство будете сколько можно болѣе беспокоить непріятеля дѣятельными распоряженіями Вашими, — поступаая однакоже съ должною осторожностію и осмотрительностію. Въ окрестностяхъ Гродна и Бѣлостока все спокойно, о Гелгудѣ и Хлоповскомъ не имѣю новыхъ извѣстій; генералъ-лейтенантъ Муравьевъ, какъ слышно, слѣдуетъ съ арміею. До меня доходятъ слухи, что въ Венгровѣ и Соколовѣ появляются шайки кракусовъ, и будто бы изъ послѣдняго увезенъ ими помѣщикъ Кобылявскій. — Прошу извѣстить меня справедливо ли сіе?»

него, должны были слѣдовать къ Калушину съ трехъ сторонъ, а именно: по шоссе прямо, справа отъ него черезъ селеніе Кобце, а слѣва черезъ селеніе Лончку. Но какъ устройство мостовъ, истребленныхъ еще прежде, не могло быть окончено въ одну ночь, то и надобно было, приостановивъ общее движеніе войскъ, послать за Костржинъ только легкія конныя партіи. Отрядъ, долженствовавшій отправиться къ Бугу, имѣлъ ночлегъ въ Венгровѣ и выступилъ оттуда на разсвѣтъ. Между тѣмъ получено извѣстіе, что партія лѣваго фланга, подъ начальствомъ Татарскаго уланскаго полка полковникъ Маковского, приближась къ Костржину, была въ сел. Лончкѣ встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятельской пѣхоты, засѣвшей въ строеніяхъ на лѣвомъ берегу рѣки и занимавшейся починкою моста. Поэтому, чтобы выманить Поляковъ изъ лѣса, въ коемъ уланы не могли съ успѣхомъ дѣйствовать, полковникъ Маковский началъ отступать по дорогѣ къ Зелішеву, перестрѣливаясь съ мятежниками, которые хотя и перешли рѣчку и заняли лѣсъ по правому берегу ея, но изъ опушки не выходили; около же полудня непріятель оставилъ переправу при Лончкѣ и отошелъ по дорогѣ къ Калушину, дѣлая демонстраціи сильными партіями на право къ Гралѣ и на лѣво по шоссе. Начальникъ авангарда поэтому призналъ нужнымъ усилить свой лѣвый флангъ пѣхотою. — Партіи полковника Ильина, посланная изъ Алексина и Ягодно, за Костржинъ по шоссе, замѣтили одни небольшіе разбѣды мятежниковъ и были ими задержаны; но партія, посланная справа по шоссе, изъ Копца, Польскаго уланскаго полка полковникомъ барономъ Врангелемъ, подъ начальствомъ корнета барона Годарта, проникнула безпрепятственно до самаго Калушина и пока непріятель, встревоженный неожиданнымъ ея появленіемъ, успѣлъ осмотрѣться, она имѣла время исполнить свое порученіе и удостовери-лась въ значительности силъ противника.

По донесеніямъ партій, разсказамъ бѣглыхъ Польскихъ солдатъ и жителей и увѣдомленіямъ лазутчиковъ, Головинъ полагаалъ навѣрное, что противъ него подъ начальствомъ Рыбинскаго находились третій конно-егерскій, четвертый уланскій и одинъ кракусскій полки, равно и пѣхотные полки: гренадерскій, третій линейный и Сандомирскій, съ 14 или даже съ 17 орудіями, не считая тѣхъ войскъ, которыя, по всѣмъ

извѣстіямъ, 23 числа ночью прибыли изъ Ядова и Станиславова.

«Такимъ образомъ, по словамъ рапорта генераль-адъютанта барона Розена къ Главнокомандовавшему *), на первый случай была вполнѣ достигнута цѣль назначенія отряда генераль-лейтенанта Головина, привлеченіемъ противъ него довольно значительныхъ силъ непріятельскихъ **).

Въ тотъ же день, вечеромъ, получено донесеніе, что непріятель оставилъ селеніе Лончку и потянулся къ Калушину; но что между тѣмъ партіи мятежниковъ показались еще лѣвѣе, а именно, около Гралѣ и Ружи.

Хотя свѣдѣнія эти и не опредѣляли еще въ точности числа войскъ мятежническихъ, въ Калушинѣ находившихся, но то было уже достовѣрно, что непріятель имѣлъ въ этомъ пунктѣ довольно значительныя силы и Головинъ, на основаніи

*) Отъ 26-го іюня 1831 г., за № 876, изъ Бреста-Литовскаго.

**) *Благодаря Ваше Превосходительство* — такъ писалъ Головину генераль-адъютантъ баронъ Розень, отъ 26-го іюня 1831 года за № 882, изъ Бреста-Литовскаго, — *за благоразумныя распоряженія, коими досель успѣли привлечь довольно значительныя силы непріятельскія, прошу продолжать занимать какъ можно болѣе непріятеля. О дѣйствіяхъ арміи не имѣю еще извѣстій. Генераль-фельдмаршалъ графъ Остенъ-Сакенъ, по представленію моему, предписалъ генераль-адъютанту Ридигеру, по возможности, содѣйствовать Вашему Превосходительству направленіемъ партій къ Зелехову, Парызову и Куфлеву, и въ тоже время развлекать силы непріятеля демонстраціями къ разнымъ пунктамъ Вислы. На право отъ Васъ содержитъ кордонъ по Бугу, отъ Нура до Строчка, и отъ онаго по Нареву до Остроленки генераль-маіоръ Пиллеръ, имѣющій пребываніе въ Говоровѣ.*

«Изъ разбитыхъ подъ Вильною Польскихъ войскъ, шайки Залевскаго, Матушевича и часть отряда Хлоповскаго, въ числѣ около 15,000 человекъ, перешли изъ Августовскаго воеводства въ Бѣлостоцкую область, въ намѣреніи пробраться черезъ Тыкочинъ въ Царство Польское; но найдя мостъ при семъ мѣстечкѣ сожженнымъ, обратились на Гродненскую дорогу и 24 числа часть ихъ отъ станціи Букштель направилась къ д. Соколдѣ, преслѣдуемая войсками изъ Бѣлостоцкаго отряда. Генераль-маіоръ Боленъ съ пятью ротами Муромскаго полка и эскадромъ Волинскихъ уланъ, напра-

даннаго ему предписанія, могъ бы отступить къ Сѣдльцу. Но съ другой стороны надобно было заключить, что непріятель или не знаетъ еще о движеніи арміи нашей отъ Пултуска къ нижней Вислѣ, или же имѣетъ какія особыя намѣренія, удаляющія его отъ мѣстъ, гдѣ должны совершиться важнѣйшія военныя событія.

Во всякомъ случаѣ Головинъ считалъ полезнымъ задержать находившагося противу него непріятеля, заставивъ его демонстраціями полагать, что мы съ своей стороны не упустимъ случая воспользоваться отступленіемъ его къ Вислѣ. Съ такою цѣлію, а также чтобы сколь можно достовѣрнѣе узнать силу и намѣреніе противниковъ своихъ, Евгений Александровичъ рѣшился, вмѣсто отступленія или вреднаго въ его положеніи и по многимъ причинамъ даже опаснаго без-

вился въ тоже время къ Гродску, а мѣстечко Наревъ занято одною ротою того же полка и эскадрономъ Елисаветградскихъ уланъ, дабы не допустить мятежниковъ пробраться въ Бѣловѣжскую Пуцу, въ коей при Бѣловѣжѣ оставлены двѣ роты. Сверхъ сихъ войскъ при Бѣлостоцкомъ отрядѣ находится пять эскадроновъ Волынскихъ и два Елисаветградскихъ уланъ, и 100 казаковъ, кои могутъ быть употреблены противъ сихъ мятежниковъ. Пограничные посты извѣщены о слѣдованіи ихъ. Изъ Гродно противъ нихъ также должны дѣйствовать войска 2 резервнаго кавалерійскаго корпуса.

«24 числа есауль Рубашкинъ изъ Нура посылалъ развѣздъ въ Косовъ, гдѣ онымъ открыта партія Польскихъ войскъ, при чемъ раненъ одинъ казакъ; почему повторяю Вашему Превосходительству просьбу мою увѣдомить меня, какія находятся въ сторонѣ Венгорова и Соколова непріятельскія партіи, равно и какъ далеко въ сію сторону доходили развѣзды Ваши, и имѣете ли сообщеніе съ казачьимъ постомъ въ Нурѣ, изъ донесеній коего не видно, что онъ извѣщенъ о направленіи Вашего отряда. Сейчасъ получено мною извѣстіе, что 25 числа на развѣтѣ главная мятежническая шайка при Соколѣ совершенно разбита почти безъ всякой потери съ нашей стороны; въ плѣнъ взято 8 оберъ-офицеровъ, 163 нижнихъ чиновъ; на мѣстѣ убитыхъ сочтено 130 тѣлъ; полагаютъ потопшими въ болотистой рѣчкѣ Соколѣ до 150 человекъ; — остальные мятежники, спасаясь влѣвъ, побросали до 400 ружей и окружены въ лѣсахъ разными отрядами нашими. У нихъ взято бывшее съ ними оружіе и разные припасы; а сверхъ того отбито нашихъ плѣнныхъ 3 офицера и 28 человекъ нижнихъ чиновъ.»

дѣйствія, предпринять прежде предполагаемый сильный поискъ къ Калушину, употребивъ на то большую часть войскъ своего отряда.

По этому на другой день, т. е. 25-го іюня, въ пять часовъ утра, весь авангардъ подвинулся къ ручью Костржину, чтобы въ случаѣ надобности поддержать конные отряды, дозволенныя показаться передъ Калушинымъ. На позиціи у Сѣдльца оставленъ баталіонъ пѣхоты съ 4-мя батарейными орудіями, а для содержанія караула въ самомъ городѣ, прибыли двѣ роты изъ Мендзыржеца. Въ десять часовъ утра кавалерійскія наши партіи, переправясь чрезъ Костржинъ, тронулись къ Калушину, съ трехъ пунктовъ, по даннымъ имъ направленіямъ.

Полковникъ баронъ Врангель, начальствовавшій на правомъ флангѣ, съ тремя эскадронами командуемаго имъ Польскаго уланскаго полка и партією казаковъ, двинулся изъ Коцца черезъ Яблонну и Тржебучу къ Калушину, имѣя впереди полуэскадронъ поручика Шишка. Непріятельскія аванпосты, встрѣченные передъ самымъ Калушинымъ, были опрокинуты и прогнаты въ это мѣстечко, и полковникъ баронъ Врангель имѣлъ возможность разсмотрѣть силы и позицію мятежниковъ; но послѣдшіе къ нимъ на помощь баталіонъ пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и два орудія принудили поручика Шишка отступить за лѣсъ, лежащій по дорогѣ къ Тржебучу, который былъ немедленно занятъ непріятелемъ. Полковникъ Врангель, желая выманить мятежниковъ изъ него и послѣ атаковать ихъ рѣшительно, началъ отступать; непріятель изъ лѣсу не выходилъ. Посланныя въ чашу уланскія партіи имѣли небольшія стычки, въ коихъ перекололи нѣсколько людей, а сами лишились только одного убитаго улана и имѣли три человека легко раненыхъ. Вечеромъ полковникъ Врангель возвратился въ Коцце.

Войска Донскаго полковникъ Ильинъ, переправившись съ вѣренными ему полкомъ въ бродъ при деревнѣ Слухочинѣ и наступая потомъ по шоссе, также подошелъ къ самому Калушину, гдѣ былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами изъ одного прискакавшаго съ позиціи коннаго орудія, между тѣмъ какъ двѣ роты пѣхоты начали обходить лѣсомъ правый его флангъ, а полкъ кавалеріи двинулся на него прямо;

почему, опасаясь быть отрѣзаннымъ, онъ отступилъ къ резерву своему, скрытно расположенному разстояніемъ въ одной верстѣ, при чемъ былъ сильно преслѣдованъ кавалерією, а въ особенности нѣсколькими офицерами, далеко опередившими войска. Соединившись съ резервомъ и пользуясь отдѣленіемъ непріятельской конницы отъ пѣхоты, полковникъ Ильинъ ударилъ на мятежниковъ, опрокинулъ ихъ и положилъ на мѣстѣ двухъ офицеровъ, находившихся при наступленіи впереди, и чрезъ то, при поворотѣ назадъ, отставшихъ отъ своихъ. Послѣ чего онъ сталъ на позицію при д. Завадахъ, а вечеромъ отступилъ въ Ягодно. Потеря казаковъ состояла изъ одного раненаго пикую челоуѣка.

Съ лѣвой стороны шоссе, Татарскаго уланскаго полка командиръ полковникъ Маковскій перешелъ съ двумя эскадронами рѣчку Костринъ, у Лончки, и, направившись черезъ Поржевницу и Гродзискъ (при чемъ небольшая боковая партія слѣдовала на Скроду и Гойскъ), появился неожиданно предъ Калушинымъ. Достигнувъ д. Альтевицы, онъ тамъ нашелъ непріятельскіе аванпосты, опрокинулъ ихъ, взялъ одного плѣннаго и преслѣдовалъ за деревню у лагерь расположеннаго вправо отъ Калушина, и вмѣстѣ съ ними ворвался въ самый бивакъ непріятельской конницы. Во время поведенной на эту кавалерію атаки попался въ наши руки адъютантъ командующаго непріятельскимъ корпусомъ генерала Рыбинскаго, графъ Лось *); а сами генералы Рыбинскій и Ягминъ **), которые на ту минуту объѣзжали войска, обязаны спасеніемъ своимъ одной лишь быстротѣ своихъ лошадей, что и подтверждается рассказомъ самого Лося. Встревоженный непріятель поспѣшилъ построиться и выдвинулъ противъ уланъ три эскадрона, а силь-

*) Графъ Лось, въ первомъ донесеніи Головина къ барону Розену, по собственному его показанію, былъ наименованъ инженеръ-капитаномъ Элендширомъ, но потомъ, уличенный жителями, сознался бар. Розену, въ своей дѣйствительной фамиліи. Онъ служилъ подпоручикомъ въ саперномъ баталіонѣ и за мѣсяцъ до возмущенія былъ переведенъ въ 7-й линейный полкъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ революціонеровъ.

**) Въ первомъ донесеніи былъ показанъ не Ягминъ, а Гавронскій.

ную пѣхотную колонну послалъ въ лѣсъ, чтобы обойти лѣвый ихъ флангъ.

Полковникъ Маковскій рассыпалъ между тѣмъ фланкеромъ и вступилъ въ перестрѣлку; но замѣтивъ движеніе пѣхоты, отступилъ вдоль по рѣчкѣ къ деревнѣ Голецъ, направляя два взвода на Гродзискъ. Непріятельская пѣхота, воспользуясь лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, преслѣдовала уланъ и старалась наиболѣе обходить лѣвый ихъ флангъ, почему полковникъ Маковскій продолжалъ отступать до д. Поржевницы, гдѣ получивъ въ подкрѣпленіе двѣ роты 13-го егерскаго полка, подослѣваемаго къ Лончкѣ, остановился; непріятель прекратилъ также преслѣдованіе и возвратился къ Калушину. Разъѣзды, посланныя изъ Ястржембова и Лукова къ Ерузалему, Сточку и Осинамъ, непріятеля не открыли, но узнали, что партіи его, показавшіяся около Водина и Ружы, потянулись къ Куфлеву.

Полный успѣхъ этого дня доставилъ намъ достовѣрныя свѣдѣнія о противникахъ. Изъ единогласныхъ объявленій плѣнныхъ графа Лося и гусара Сандомирскаго полка, двухъ добровольно явившихся солдатъ перваго стрѣлковаго полка и одного третьяго егерскаго, также изъ замѣчаній нашихъ разъѣздовъ и словъ жителей, видно было, что въ позиціи подъ Калушинымъ находятся: вся первая пѣхотная дивизія и пять полковъ кавалеріи—всего до 10,000 чел., съ 18 орудіями. Намѣреніе непріятеля было овладѣть г. Стдльцемъ и даже Мендзыржецемъ, чтобы захватить находящіеся тамъ магазины; но узнавъ о движеніи отряда Головина, Поляки остановились на позиціи позади Калушина и возвратили туда часть второй бригады и конницы, отправленныхъ прежде всего въ Ядовъ и далѣе къ Нуру. По рассказамъ двухъ плѣнныхъ, захваченныхъ 26-го числа разъѣздомъ нашихъ уланъ при Тржебучѣ, непріятель въ ночи на это число получилъ подкрѣпленіе изъ Варшавы два полка пѣхоты и одинъ конный. По полученнымъ же Головинымъ 27 числа извѣстіямъ, непріятель поспѣшно оставилъ Калушинъ и отошелъ къ Минску. «Такимъ образомъ, произведенное по приказанію Вашего Сіятельства—писалъ баронъ Розень въ рапортѣ къ Главнокомандовавшему отъ 28-го іюня—движеніе на шоссе авангарда моего, столь благоразумно исполненное генералъ-лейтенантомъ Головинымъ, по оное число

удерживало въ бездѣйствіи довольно значительную часть непріятельскихъ войскъ. *)»

Пока все это происходило въ окрестностяхъ Сѣдльца, возвратился нарочный посланный отъ генераль-лейтенанта Головина къ генераль-адъютанту Ридигеру, съ увѣдомленіемъ о предпринимаемомъ наступательномъ движеніи по дорогѣ къ Прагѣ. « При самомъ ревностномъ моемъ желаніи содѣйствовать Вашему Превосходительству, — писалъ Ридигеръ Головину**), — вижу себя въ совершенной къ тому невозможности; ибо во первыхъ: противъ меня по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ находятся войска Ромарино и Хржановскаго и часто дѣлаются покушенія на сію сторону Вислы, какъ о томъ предъ симъ я имѣлъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство за № 1508-мъ; во-вторыхъ: для содѣйствія Вамъ я долженъ былъ бы переправиться за Вѣпржъ что совершенно противно полученнымъ мною повелѣніямъ прикрывать Волянъ и занимать Люблинское воеводство; наконецъ въ третьихъ: незначительность силъ, составляющихъ ввѣренный мнѣ отрядъ, не дозволяетъ мнѣ сдѣлать

*) «Приносъ Вашему Превосходительству совершенную благодарность за успѣшныя и совершенно соответствующія назначенію Вашею дѣйствію, — снова писалъ генераль-адъютантъ баронъ Розень Головину, отъ 28-го іюня 1831 года за № 891, изъ Бреста-Литовскаго, — прошу и впредь продолжать оныя сообразно съ данными Вамъ предписаніями. Остатки разбитаго 25-го іюня отряда Зелевского совершенно разсѣялись, и гдѣ встрѣчаются, нашими войсками забираются по одиночкѣ; можно полагать, что многіе успѣютъ пройти за границу. Генераль-маіоръ Олѣрьевъ разбилъ близъ Августова другую обратную пробиравшуюся партію, но Гелгудъ еще находится въ Виленской губерніи и преслѣдуется войсками резервной арміи, коей главная квартира 19 числа находилась въ Яновѣ, близъ Ковна.

«О происходящемъ въ арміи не имѣю еще извѣстій; но слуховъ неблагопріятныхъ никакихъ нѣтъ: вездѣ все спокойно, и даже сего числа получилъ я извѣстіе, что на кордонной цѣпи вдоль Буга до Строчка и отъ онаго вверхъ по Нареву ничего особеннаго не произошло. Графъ Лось сознался, что онъ принялъ другое имя, потому что до возмущенія онъ служилъ въ саперномъ баталіонѣ; но что дѣйствительно онъ адъютантъ Рыбинскаго, а не Скржищенскаго, при которомъ однакоже часто находился.»

**) Отъ 24-го іюня 1831 года, за № 1522, изъ Люблина.

какое либо движеніе за Вѣпржъ, ибо имѣю только 5000 пѣхоты; кавалерія же занимаетъ все пространство Люблинскаго воеводства отъ Вѣпржа до Завихоста. Не менѣе того прошу Ваше Превосходительство увѣдомить меня о тѣхъ пунктахъ, куда ходятъ Ваши разъѣзды, дабы я, согласно тому, могъ учредить съ войсками, Вамъ, Милостивый Государь, ввѣренными, сколь можно частое сообщеніе.»

Такимъ образомъ Головинъ, находясь съ отрядомъ своимъ болѣе чѣмъ на сто верстъ впереди отъ 6-го корпуса, котораго онъ составлялъ авангардъ, видѣлъ себя оставленнымъ самому себѣ. Трудность положенія его еще болѣе увеличилась тѣмъ, что онъ имѣлъ вблизи передъ собою непріятеля, вдвое противъ него сильнѣйшаго. Разсуждая однакожъ, что отступивъ назадъ и показавъ черезъ то свою слабость, онъ не только не навлечетъ на себя значительныхъ силъ мятежническихъ, но дастъ имъ возможность небольшимъ числомъ войскъ дѣйствовать на свободѣ, рѣшился остаться на позиціи за Костржинымъ, въ тринадцати только верстахъ отъ Калушина, съ тѣмъ, чтобы, наблюдая непріятеля вблизи и тревожа безпрестанно, принудить его оставаться на правомъ берегу Вислы; а если бы противникъ потянулся къ Прагѣ, то, не упуская его изъ виду, тотчасъ слѣдовать за нимъ по пятамъ. Нельзя отрицать, что эта рѣшимость подвергала авангардъ очевидной опасности; но Головинъ полагалъ, что ему нельзя иначе выполнить главнѣйшей цѣли своего назначенія, и что когда дѣло идетъ о содѣйствіи такому плану, отъ котораго зависитъ успѣхъ не только цѣлой кампаніи, но и участь самой войны, заботиться о собственной безопасности не должно. Послѣдствія оправдали заключенія его въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

Іюня 26-го получено подтвержденіе, что къ сторонѣ Буга, около Ядова, находится непріятельскій отрядъ изъ пѣхоты и конницы въ числѣ 1000 человекъ.

На слѣдующій день, т. е. 27-го іюня, начальникъ авангарда извѣстился, какъ черезъ свои разъѣзды, такъ равно и черезъ единогласныя показанія жителей, что непріятель съ большою поспѣшностію началъ отступать къ Мивску. Это заставило Головина полагать, что мятежники имѣютъ намѣреніе переправиться за Вислу, и потому онъ рѣшился идти впередъ въ слѣдъ за ними; а какъ между тѣмъ было полу-

чено увѣдомленіе, что Калушинъ ими уже оставленъ, то войска авангарда заняли это мѣстечко еще въ тотъ день вечеромъ. Большая часть пѣхоты съ двумя конными орудіями расположилась за мѣстечкомъ по обѣимъ сторонамъ шоссе. Влѣво отъ Калушина, у селенія Рудники, лежащаго на соединеніи дорогъ отъ Минска въ Лончку и отъ Калушина въ Куфлевь, былъ выставленъ отрядъ изъ двухъ баталіоновъ, двухъ эскадроновъ и четырехъ орудій, подъ начальствомъ полковника Маковского, коего передовой постъ, занявъ селеніе Мѣню (Mienia), посылалъ разъѣзды къ Шеницѣ и Парызову. На правомъ флангѣ полковникъ баронъ Врангель стоялъ съ двумя баталіонами, двумя эскадронами и двумя орудіями у Зимнаводы, на дорогѣ изъ Сѣдльца въ Станиславовъ. Передовой отрядъ изъ шести ротъ, одного эскадрона, двухъ конныхъ орудій и части казаковъ подъ начальствомъ полковника Шульца, находился при Енджеевѣ; двѣ роты, прибывшія изъ Сѣдльца, и два взвода кавалеріи, съ четырьмя батарейными орудіями, составляли резервный эшелонъ у Ягодно. Для наблюденія за отступившимъ непріятелемъ отправлены казаки съ эскадрономъ уланъ. Партія эта, настигнувъ конный непріятельскій пикетъ, ударила на него, и положивъ нѣсколько человекъ на мѣстѣ, двоихъ захватила въ плѣнъ.

Отправленная къ Бугу партія, о которой сказано выше, возвратилась 28-го іюня и находившійся при ней адъютантъ Головина, Муравьевъ, донесъ слѣдующее: «Переправившись черезъ Бугъ подъ м. Каменчикомъ, онъ слѣдовалъ далѣе по дорогѣ къ Остроленкѣ до м. Говорона. Тамъ нашелъ онъ генералъ-маіора Пиллера, отъ котораго узналъ уже съ достовѣрностію о движеніи нашей арміи къ нижней Вислѣ, а равно и о томъ, что значительная часть мятежнческихъ силъ переправилась при Сѣроцкѣ на правый берегъ Нарева. » Это извѣстіе и вмѣстѣ робость, которая замѣчалась въ войскахъ мятежническихъ, противу насъ находившихся, заставили Головина предпринять въ тотъ же день поискъ противъ Минска. Въ то же время Евгений Александровичъ приказалъ полковнику барону Врангелю двинуться съ большею частію своего отряда изъ Зимнаводы къ Ядову съ тѣмъ, чтобы, развѣдавъ обстоятельно о непріятелѣ, находившемся между шоссе и Бугомъ, очистить всю Подляхію отъ мятеж-

никовъ, или, по крайней уже мѣрѣ, тревожа ихъ съ разныхъ сторонъ, поставить въ недоумѣніе на счетъ числа войскъ, противъ нихъ съ этой стороны дѣйствующихъ. Для успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли приказано было, какъ полковнику Врангелю, такъ и партіямъ, посылаемымъ къ сторонѣ Парызова и Зелехова, распространять слухи, что весь 6-й корпусъ, а также войска генераловъ Ридигера и Пиллера, идутъ на соединеніе съ авангардомъ; на каковой конецъ велѣно было исправлять мосты, заготовлять продовольствіе и т. п.

При поискѣ на Минскъ и занятіи этого города 28-го іюня, въ личномъ присутствіи начальника авангарда, разбитъ конный непріятельскій пикетъ, тамъ находившійся, при чемъ взяты въ плѣнъ: офицеръ и 8 рядовыхъ; съ нашей стороны ранены: офицеръ и 2 казака. Отъ полковника Врангеля, отправленнаго въ ночь съ 27-го на 28-е іюня къ Ядову, получено 29-го числа донесеніе, что непріятель, находившійся тамъ въ числѣ четырехъ эскадроновъ кавалеріи и одного баталіона пѣхоты, потянулся по дорогѣ къ Прагѣ, и что все пространство отъ шоссе къ Бугу было оставлено мятежниками.

Между тѣмъ чрезъ разъѣзды доходили извѣстія, что особый корпусъ войскъ мятежническихъ, переправясь черезъ Вислу у Гуры-Кальваріи, достигалъ уже Гарволина; но что вдругъ, перемѣнивъ направленіе, обратился къ Шеницѣ, гдѣ и расположился. Захваченный въ плѣнъ нашими партіями, около тѣхъ мѣстъ, непріятельскій уланъ показалъ, что корпусъ этотъ, къ которому и онъ принадлежалъ, состоитъ изъ 8 эскадроновъ кавалеріи разнаго состава, двухъ полковъ пѣхоты, 5-го и 11-го, каждый по 4 баталіона, и двухъ ротъ стрѣлковъ, всего около 5,000, съ нѣкоторымъ числомъ (осмью) орудій. По извѣстіямъ, предварительно полученнымъ отъ Евреевъ и этого плѣннаго, Ромарино переправился черезъ Вислу четыре дня передъ тѣмъ, по мосту, устроенному близъ мѣстечка Гура-Кальваріи, пошелъ сперва на Гарволинъ и даже по дорогѣ къ Лукову, но опять воротился на Гарволинъ; оттуда направился по прямой дорогѣ на Минскъ и прибылъ 28-го іюня въ Шеницу, часа въ три по полудни. Этотъ начальникъ мятежническихъ войскъ назначенъ былъ, какъ послѣ оказалось, дѣйствовать противъ

генерала Ридигера; но, по отступленіи Рыбинскаго, былъ отозванъ назадъ, и долженъ былъ поспѣшить къ нему на помощь, что и было причиною прибытія его въ Шеницу.

По этому извѣстію Головинъ отправилъ немедленно баталіонъ 14-го егерскаго полка, два эскадрона Татарскихъ уланъ и партію казаковъ, съ двумя орудіями, подъ начальствомъ полковника Маковского, отъ селенія Мѣви къ Шеницѣ, чтобы сдѣлать обзоръ и получить точное свѣдѣніе о силахъ непріятельскихъ, тутъ показавшихся. Остальная часть отряда, — генераль-лейтенантъ Зассъ, съ двумя баталіонами 14-го, первымъ баталіономъ 13-го полка и двумя легкими орудіями, — находившійся, какъ сказано выше, при с. Рудвикѣ, на соединеніи двухъ дорогъ, — была подвинута впередъ для подкрѣпленія поиска, и стала на позицію при этомъ селеніи.

Эскадронъ Татарскаго уланскаго полка, находившійся въ Ерусалемѣ, получилъ приказаніе дѣйствовать противъ праваго фланга мятежниковъ.

Въ четыре часа по полудни полковникъ Маковскій двинулся къ Шеницѣ, опрокинулъ передовые посты непріятеля и увидѣлъ четыре эскадрона мятежнической кавалеріи, построеныя впереди мѣстечка; ни мало не медля, онъ ударилъ на нихъ съ своими уланами и опрокинулъ назадъ. Въ то же время непріятель занялъ сильною пѣхотою два лѣсочка на своемъ лѣвомъ флангѣ, позади дер. Кшевицы; но наши егера, построившись въ ротвые колонны, въ одно мгновеніе вытѣснили Польскую пѣхоту.

Потомъ непріятель показалъ на высотѣ шесть пѣхотныхъ колоннъ, и открылъ огонь изъ четырехъ орудій, продолжавшійся до самой ночи, которая прекратилъ дѣйствія.

Такимъ образомъ, полковникъ Маковскій заставилъ весь корпусъ мятежниковъ развернуть свои силы передъ самымъ мѣстечкомъ, и пушечный огонь, открытый по нашимъ, не помѣшалъ ему удостовѣриться собственными глазами въ справедливости показаній о силахъ непріятельскихъ, тутъ находившихся. Достигнувъ своей цѣли, полковникъ Маковскій, съ наступленіемъ ночи, отошелъ на позицію къ генераль-лейтенанту Зассу, оставивъ передъ Шеницею наблюдательные посты. При встрѣчѣ 29-го числа съ непріятелемъ, войска наши показали *отличное мужество и рѣшительность*.

Съ нашей стороны легко ранены полковникъ Маковскій пулею въ голову и Генеральнаго Штаба штабсъ-капитанъ Сухановъ въ ногу; нижнихъ чиновъ убито 2 и ранено 5 человекъ. Уронъ непріятеля, который оставилъ въ лѣсу нѣсколько человекъ убитыхъ, долженствовалъ быть значительнѣе.

На слѣдующій день Головинъ, намѣреваясь напасть на противника въ Шеницѣ съ большею частію силъ своихъ, предписалъ отряду, въ Ядовѣ находившемуся, возвратиться въ селеніе Зимнаводу, чтобы сблизиться съ Калушнымъ; во полковникъ баронъ Зедделеръ, посланный 30-го іюня на разсвѣтѣ распознать непріятельскую позицію въ Шеницѣ, нашелъ уже, что мѣстечко это оставлено мятежниками, которые ночью отступили по дорогѣ. Послѣ этого авангардъ, занимая Калушнѣ, имѣлъ передовые посты свои въ Минскѣ и Шеницѣ.

Іюля 1-го, рано по утру, казачій пикетъ, находившійся впереди Минска, при корчмѣ Стоядлѣ, потѣсненъ былъ двумя эскадронами непріятельской кавалеріи, но, съ подоспѣвшимъ изъ Минска подкрѣпленіемъ, казаки сами ударили на непріятеля, опрокинули его и преслѣдуя на разстояніи пяти верстъ, захватили въ плѣнъ офицера и 14 рядовыхъ. Поляки потеряли, сверхъ того, нѣсколько человекъ убитыми, а въ числѣ раненыхъ находился самъ штабъ-офицеръ, командовавшій этими эскадронами. Но, того же дня передъ вечеромъ, непріятель, въ числѣ уже четырехъ эскадроновъ кавалеріи съ частію пѣхоты и съ двумя пушками, принудилъ казаковъ оставить Минскъ и отступить къ Ядову. Не взирая на это наступательное движеніе, какъ плѣнные такъ и жители увѣряли, что главныя силы мятежниковъ отступили къ Прагѣ и что только арріергардъ ихъ, въ числѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты и восьми эскадроновъ кавалеріи, съ четырьмя орудіями, находился въ Дембахъ-Вѣлькихъ.

Столь поспѣшное отступленіе можно было приписать отчасти тому, что мятежники, обманутые, какъ слышно было отовсюду, смѣлыми дѣйствіями нашими и распространенными отъ насъ слухами, сначала полагали имѣть дѣло съ силами, несравненно сильнѣйшими и потому поспѣшили сосредоточиться въ укрѣпленной своей позиціи у Бржезины. Но еще правдоподобнѣе казалось, что мятежники, отступая къ Варшавѣ, имѣли намѣреніе противиться переправѣ арміи

нашей черезъ Вислу; ибо они не могли не чувствовать, что успѣхъ этого предпріятія рѣшитъ судьбу цѣлой кампаніи. Въ такомъ предположеніи всего болѣе надобно было опасаться, чтобы не быть обманутымъ непріателемъ, который стараться будетъ закрыть демонстраціями движеніе всѣхъ силъ своихъ къ нижней Вислѣ, по тому или по другому берегу этой рѣки.

Послѣдствія показали, что мятежники сначала дѣйствительно обманывались на счетъ числа войскъ нашихъ, но что потомъ узнали уже съ точностію слабость отряда, противу нихъ дѣйствовавшаго. Это впрочемъ и не удивительно, ибо каждый изъ жителей былъ ихъ агентомъ, въ то время какъ мы, окруженные предательствомъ, съ трудомъ находили какогонибудь жида, рѣшавшагося за деньги доставлять намъ свѣдѣнія, и то часто очень невѣрныя или недостаточныя. Извѣстія, на которыя Головинъ наиболѣе могъ полагаться, были тѣ только, кои доставляли ему партіи наши и разѣзды; но кто не знаетъ съ какими неудобствами сопряжены эти средства, требующія большой смѣлости и расторопности?

И такъ, чтобы удостовѣриться ближе, подлинно ли мятежники находятся въ большихъ силахъ по сю сторону Вислы, что по всѣмъ соображеніямъ, въ то время, когда готовилась переправа нашей арміи, казалось вовсе невѣроятнымъ, или же, дѣйствуя только малыми отрядами, скрываютъ другія намѣренія, Головинъ рѣшился сдѣлать усиленное обозрѣніе къ Минску и Дембамъ-Вѣлькимъ, давъ ему видъ наступательнаго движенія *).

*) Вотъ какъ излагалъ Головинъ причины, побудившія его къ этому намѣренію, въ своемъ рапортѣ, генераль-адъютанту барону Розену, отъ 7-го іюля 1831 года, за № 110, изъ Сѣдльца.

«Изъ предвидущихъ донесеній моихъ Ваше Высочайшее повелѣніе изволило видѣть, какимъ образомъ я старался выполнить главнѣйшую цѣль назначенія вѣреннаго мнѣ авангарда, состоящую въ томъ, чтобы навлечь на себя, сколько можно, вниманіе и силы непріятеля и облегчить чрезъ то начатіе рѣшительныхъ дѣйствій главной нашей арміи. Въ данной на сей конецъ инструкціи предписано мнѣ, въ случаѣ отступленія силъ мятежниковъ къ Вислѣ, сбивать посты непріятеля, сколь можно болѣе обезпокоивать его, и вообще принять такой видъ, какъ бы я намѣревался поступать рѣ-

Предпріятіе это, конечно, подвергало авангардъ опасности имѣть дѣло съ непріателемъ гораздо сильнѣйшимъ, какъ это и случилось; ибо Хржановскій, принявшій начальство надъ корпусами Рыбинскаго и Ромарино, и усилившись еще войсками, вновь изъ Варшавы прибывшими, намѣревался на другой день, то есть 2-го іюля поутру, напасть на Головина съ трехъ сторонъ, съ тѣмъ, чтобы, окруживъ отрядъ его, истребить его совершенно. Успѣху этого предпріятія помѣшало, какъ послѣ оказалось, наступательное движеніе съ нашей стороны, при которомъ всѣ три непріятельскія колонны, противу малаго отряда нашего направленныя, и долженствовавшія начать атаку въ девять часовъ, неожиданно сами, въ пять часовъ того же утра, были атакованы.

Неоспоримо, что наступательное движеніе съ нашей стороны во всякомъ другомъ случаѣ было бы безразсудно; но тутъ Головинъ полагалъ, что, для содѣйствія общему плану кампаніи, главнокомандовавшимъ нашею ар-

иптельно. Такъ какъ такое порученіе по незначительности силъ авангарда, по пространству земли, которую онъ долженъ былъ прикрывать, и по отдаленности его отъ корпуса и отъ прочихъ нашихъ войскъ, не могло приведено быть въ исполненіе иначе, какъ съ большою дѣятельностію, быстротою и смѣлостію, то, занявъ 22 го числа городъ Сѣдлецъ, принудилъ я смѣлыми нападеніями отрядовъ моихъ, мятежническій корпусъ Рыбинскаго, долженствовавшій занять означенный городъ, но начинавшій уже отступленіе къ Прагѣ, остановиться для собственной защиты до 25 въ Калущинѣ, а до 28 въ Минскѣ; корпусъ же Ромарино, который имѣлъ намѣреніе идти въ Луковъ, заставилъ я, угрожая лѣвому его флангу, обратиться къ мѣстечку Шеницъ и имѣлъ съ мятежниками неоднократныя, весьма счастливыя аванпостныя дѣла. — Въ Калущинѣ получилъ я съ разныхъ сторонъ увѣдомленія, что непріятель, въ слѣдствіе движенія главной нашей арміи, сосредоточивалъ будто бы всѣ силы свои въ Варшавѣ, а противъ меня оставилъ въ позиціи позади Дембовъ-Вѣлькихъ оденъ лишь слабый авангардъ; по другимъ же извѣстіямъ, напротивъ того, полагать можно было, что непріятель началъ собирать на семь пунктовъ значительныя силы; а такъ какъ недоброжелательство къ намъ жителей здѣшняго края и закрытое мѣстоположеніе не позволяли мнѣ узнать иначе истину разногласныхъ сихъ слуховъ, какъ форсированною рекогносцировкою, то и предпринялъ я оную 2-го іюля къ м. Минску, которое непріятель занялъ опять наканунѣ.»

мією предначертанному, отвлеченіемъ силъ мятежическихъ къ Сѣдльцу, вѣрнѣе было сдѣлать еще новое покушеніе для открытія намѣреній непріятели. чѣмъ, избѣгая опасности, отступать не удостовѣрившись точно въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Оставаясь при этомъ убѣжденіи, котораго основательность подтверждалась успѣхами предъидущихъ дней, и имѣя войска, на которыя можно было положиться, начальникъ авангарда сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, на другой день съ разсвѣтомъ, предпринять вышеупомянутый поискъ. На этотъ конецъ Евгений Александровичъ раздѣлилъ авангардъ свой на одну главную и нѣсколько небольшихъ боковыхъ колоннъ, чтобы, показываясь въ разныхъ пунктахъ и пользуясь весьма лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, увеличить въ глазахъ непріятели силу авангарда, подробнѣе узнать собственную его силу и распространить тревогу до самой даже Варшавы. Шести ротамъ 15-го егерскаго полка, баталіону 48, двумъ ротамъ саперъ, шести взводамъ Польскаго и одному эскадрону Татарскаго уланскихъ полковъ, 100 казаковъ, — всего около 2,000 чел. при двухъ легкихъ и двухъ конныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Засса, предписано было собраться позади деревни Осины на шоссе; тремъ ротамъ 47-го, двумъ ротамъ 13-го егерскихъ полковъ, пяти взводамъ Польскаго уланскаго, двумъ легкимъ орудіямъ и 40 казакамъ, — въ числѣ 750 чел. — подъ начальствомъ полковника барона Врангеля, составляя правую колонну, велѣно было собраться правѣе шоссе у д. Мистова, имѣя еще у Гончовки одну роту 47-го егерскаго полка, одинъ взводъ Польскаго уланскаго и 30 казаковъ. На лѣвой сторонѣ шоссе назначено было собраться у д. Погоржель, подъ начальствомъ подполковника Жиркова, 14-му егерскому полку и шести взводамъ Татарскаго уланскаго полка, — всего около 1,000 чел., двумъ коннымъ орудіямъ и 40 казакамъ. Баталіонъ Нижегородскаго пѣхотнаго полка и два легкія орудія заняли позицію у Еядржеева, двѣ роты этого же полка перешли изъ Ягодны въ Калушинъ, остальные двѣ роты, четыре батарейныя орудія и партія казаковъ остались у Ягодны. Эскадронамъ Татарскаго уланскаго полка, занимавшимъ Куфлевъ и Сѣрочинъ, велѣно соединиться въ Парызовъ, чтобы оттуда дѣйствовать противъ полка кракусовъ, по слухамъ оставленнаго будто бы Ромариномъ въ

Гарволинѣ. Наконецъ эскадрону Польскаго уланскаго полка, находившемуся въ Венгровѣ, приказано перейти въ Ливъ и дѣлать разѣзды къ Ядову и Добрѣ. Всѣ эти войска должны были быть на назначенныхъ мѣстахъ въ 2 часа по полуночи, а въ 4 часа начать наступленіе. Средняя колонна должна была слѣдовать по шоссе на Минскъ и далѣе въ Дембы-Вѣлки. Подполковникъ Врангель долженъ былъ идти туда же черезъ Бржозу и Цыгангу, направляя фланговый свой отрядъ черезъ Станиславовъ до Пустельника, а разѣзды до Окунева; подполковнику Жиркову надлежало идти черезъ Зелено къ Рудѣ; двумъ же ротамъ и взводу уланъ этого полка слѣдующаго отряда слѣдовать въ Глинянку, куда прибыть также изъ Кольбеля одному взводу уланъ и партіи казаковъ; остальному взводу Татарскаго уланскаго полка, подъ начальствомъ штабъ-ротмистра Прушинскаго, знающаго Польскій языкъ, дано было порученіе идти изъ Кольбеля въ Карчевъ и, выдавая себя за отрѣзанную нами Польскую партію, стараться подробно узнать, что дѣлается въ Варшавѣ.

Всѣмъ войскамъ предписано было слѣдовать съ величайшими предосторожностями; при встрѣчѣ съ непріятеlemъ равныхъ силъ атаковать рѣшительно и преслѣдовать быстро; съ превосходящими же силами жаркаго дѣла не завязывать, а отступать, по тѣмъ же дорогамъ, по которымъ пришли, пользуясь всевозможными выгодами мѣстоположенія. Если же какая либо изъ боковыхъ колоннъ была бы слишкомъ тѣсна непріятеlemъ, то ей приказано было отступить къ сильнѣйшей соседней колоннѣ, увѣдомля Головина о томъ сколько можно успѣшнѣе.

Каждая часть, дошедъ до назначеннаго ей мѣста, должна была, послѣ краткаго отдыха, возвращаться безостановочно на тѣ же мѣста, гдѣ колонны собирались поутру, а потомъ, если не послѣдуетъ особаго предписанія, на старую свою позицію.

Это концентрическое наступленіе тремя колоннами, на большомъ разстояніи одна отъ другой находившимися, но долженствовавшими на рѣшительномъ пунктѣ соединиться вмѣстѣ, предпринято было съ двойною цѣлію: во 1-хъ, чтобы не выводить непріятели изъ убѣжденія, въ которомъ онъ, казалось, находился на счетъ подлиннаго числа силъ нашихъ, а во 2-хъ, чтобы отряды, показываясь съ разныхъ

сторонѣ, могли при рекогносцировкѣ обнять болѣе пространства и, въ случаѣ надобности, отступить съ болѣею безопасностію, — что въ послѣдствіи и оправдалось.

Сходно съ такимъ назначеніемъ всѣ колонны, отдохнувъ нѣкоторое время на сборныхъ своихъ пунктахъ, двинулись впередъ въ 4 часа по утру. *) Средняя и главная колонна, при коей находился самъ Головинъ, будучи закрыта лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, скрытно подошла къ Минску, имѣя впереди казаковъ и уланъ, а за ними пѣхоту и артиллерію. Непритель, видимо встревоженный нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, сначала успѣлъ только выдвинуть противъ насъ два эскадрона кавалеріи (3-го конно-егерскаго полка) съ однимъ коннымъ орудіемъ. Эти эскадроны построились на-скоро впереди города по обѣимъ сторонамъ шоссе и изъ орудія было сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которые, впрочемъ, ни какого вреда намъ не причинили. Пока наша конница и пѣхота выходили изъ лѣсу и строились въ боевой порядокъ, Польскаго уланскаго полка ротмистръ Ходкевичъ немедленно атаковалъ непрителя съ однимъ только полуэскадрономъ **) своего полка и принудилъ Поляковъ податься назадъ, съ потерей нѣсколькихъ убитыхъ и плѣнныхъ. Когда же подоспѣлъ на подкрѣпленіе къ нему эскадронъ Татарскихъ уланъ и часть казаковъ Ильина, и когда наши два конныя орудія, выѣхавъ впередъ, открыли огонь, то Ходкевичъ вновь стремительно ударилъ на мятежниковъ, опрокинулъ оба Польскіе эскадрона, совершенно ихъ смялъ и вогналъ частію влѣво въ болото, а частію въ мѣстечко, куда влетѣлъ за ними эскадронъ Татарскихъ уланъ, подъ командою штабъ-ротмистра Мурзича ***). Въ этой блистательной атакѣ также взяты были въ плѣнъ майоръ, капитанъ

*) Такъ случилось, что въ этотъ же день наша армія начала переправляться черезъ Вислу подъ Осѣкомъ.

**) Въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (II изд.), въ статьѣ «Калушинъ» (т. VI стр. 458) показано, что у Ходкевича былъ эскадронъ. — Мы поэтому приводимъ разнорѣчія *Военно-Энциклопедическаго* Лексикона, что эта статья подписана барономъ Зедлеромъ.

***) Въ той же статьѣ Лексикона, вѣроятно по опечаткѣ, этотъ офицеръ названъ Мурзинимъ.

и нѣсколько человекъ нижнихъ чиновъ. Мятежники, сверхъ того, потеряли много (до половины всѣхъ своихъ людей) убитыми и ранеными. Между тѣмъ застрѣльщики наши, высланные впередъ, завязали перестрѣлку съ непрительскою пѣхотою, а Поляки съ своей стороны открыли огонь изъ батарейныхъ орудій, поставленныхъ на высотахъ за городомъ. Штабъ-ротмистръ Мурзичъ, пронесшись черезъ весь городъ, находился уже близъ вышеупомянутой непрительской батареи, но будучи встрѣченъ многочисленною конницею и ружейнымъ огнемъ пѣхоты, застѣвшей въ домахъ, долженъ былъ отступить съ поспѣшностію, впрочемъ почти безъ всякаго урона.

Въ это время, въ отдаленіи раздалась пушечные выстрѣлы на обѣихъ флангахъ, и вскорѣ начальникъ авангарда получилъ отъ полковника Врангеля донесеніе, что онъ, слѣдуя изъ д. Мистова къ д. Бржозамъ *), узналъ, отъ посланныхъ впередъ казаковъ, что два эскадрона мятежниковъ (Сандомирскаго гусарскаго полка **) стояли близъ послѣдней деревнѣ въ большой опасности. Полковникъ Врангель послалъ немедленно казаковъ въ обходъ, а самъ двинулся съ полуэскадрономъ его полка по дорогѣ, до опушки лѣса; потомъ, бросившись въ атаку, опрокинулъ и совершенно разбилъ непрителя, взявъ въ плѣнъ командира помянутого полка, графа Малаховскаго, одного майора, 4-хъ оберъ-офицеровъ и болѣе 120 ***) нижнихъ чиновъ, убилъ и ранилъ до 50-ти человекъ ****), взявъ множество оружія, лошадей и имущества, и гвалъ остальныхъ Поляковъ до Цыганки, гдѣ былъ остановленъ значительными массами непрительской кавалеріи и пѣхоты. Отправивъ плѣнныхъ, подъ прикрытіемъ одного взвода *****) егерей, въ Калушинъ, полковникъ Врангель сталъ на позицію впереди д. Бржозы, ибо заключилъ, по продолжительной канонадѣ на шоссе, что средняя колонна встрѣтила сильное сопротивленіе.

Подполковникъ Жирковъ, командовавшій лѣвою колонною,

*) Тамъ же — къ Бржозѣ.

**) Тамъ же — Сандомирскаго кракузскаго полка.

***) Тамъ же — 125.

****) Тамъ же — положилъ на мѣстѣ до 50 чел.

*****) Тамъ же — одной роты 47-го егерскаго полка.

съ своей стороны донесъ, что, пославъ изъ с. Погоржель двѣ роты 14-го егерскаго полка и одинъ взводъ уланъ къ с. Глинянкѣ, подвинулся лѣсами къ д. Иловець. Тамъ, посланные впередъ, казаки встрѣтились съ непріятельскими разъѣздами, опрокинули ихъ и преслѣдовали до д. Замене, впереди коей увидѣли отрядъ мятежническихъ войскъ, стоявшій на позиціи въ числѣ трехъ эскадроновъ *) коныхъ егерей и уланъ, и двухъ баталіоновъ пѣхоты—числомъ около 1,500 человекъ. По полученіи о томъ извѣстія подполковникъ Жирковъ поспѣшилъ немедленно впередъ, выстроилъ свой отрядъ противъ непріятельскаго и открылъ по немъ картечный огонь. Мятежники немедленно отступили и, будучи стремительно преслѣдованы, вторично были сбиты съ позиціи, не смотря на то, что получили въ подкрѣпленіе еще два эскадрона кавалеріи. Прощедъ д. Подрудзе, отрядъ нашъ остановился, потому что мѣстоположеніе, покрытое густыми лѣсами и болотами, становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ, и сверхъ того непріятель ломалъ послѣ себя мосты; а такъ какъ получено въ тоже время извѣстіе отъ разъѣздовъ, отъ плѣнныхъ и отъ жителей, что два полка пѣхоты потянулись противъ него изъ Минска, и что трехтысячный корпусъ мятежниковъ находился у сел. Глинянки, то подполковникъ Жирковъ возвратился въ Погоржель.

Получивъ эти донесенія и видя при томъ, что между мятежническими войсками въ Минскѣ сдѣлалось замѣшательство, Головинъ почелъ нужнымъ удостовѣриться ближе о дѣйствительныхъ силахъ противниковъ, которыя имѣлъ передъ собою. Съ этою цѣлю приказалъ онъ своей пѣхотѣ двинуться впередъ, чтобы отбросить назадъ пѣхоту непріятельскихъ стрѣлковъ, заслонявшую городъ Минскъ.

Баталіонъ **) 13-го егерскаго полка получилъ приказаніе идти въ самый городъ, что онъ и исполнилъ съ неимовѣрнымъ мужествомъ, не взирая на дѣйствія непріятельской батареи и на ружейный огонь непріятельскихъ стрѣлковъ, и мгновенно очистивъ предмѣстіе, втѣснилъ Поляковъ въ городъ. Непріятельская конница послѣ атаки Ходкевича болѣе уже не показывалась.

*) Тамъ же — четыре эскадрона.

**) Тамъ же — 13 егерскій полкъ.

Головинъ, слѣдуя за баталіономъ 13-го егерскаго полка, приблизился къ самому въѣзду въ городъ Минскъ, откуда могъ хорошо видѣть большія массы непріятельской пѣхоты и кавалеріи, выстроенныя по ту сторону города. Между тѣмъ баталіонъ нашъ, проникнувшій въ городъ, долженъ былъ выдерживать сильный огонь непріятельской пѣхоты, засѣвшей за строеніями, и особливо изъ большого трехъ-этажнаго господскаго дома, на той сторонѣ моста находящагося.

Храбрые егеря готовились уже взять дворець.—Но пока происходило это обзрѣніе подъ Минскомъ, получено извѣстіе, что правая колонна, будучи тѣснима превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, принуждена отступить отъ Бржозы. Взятый въ плѣнъ майоръ вмѣстѣ съ другими плѣнными увѣрялъ, что число войскъ мятежническихъ, противу насъ находившихся, считая съ прибывшими въ ту ночь изъ Праги, простиралось за 20 тысячъ. Показаніе это было правдоподобно: ибо кромѣ войскъ, которыя видны были въ Минскѣ, каждая изъ боковыхъ колоннъ встрѣтила непріятеля въ значительныхъ силахъ, и лѣвая должна была отступить къ селенію Погоржелю, коль скоро непріятельскій отрядъ, противъ нее находившійся, получивъ въ подкрѣпленіе изъ Минска, началъ дѣйствовать наступательно.

Такимъ образомъ Головинъ, удостовѣрясь вполнѣ, что мятежники обратили противъ него весьма значительную часть силъ своихъ, могъ считать долгъ свой исполненнымъ; между тѣмъ однакожъ онъ видѣлъ также, что, стремясь содѣйствовать общему плану кампаніи, зашелъ такъ далеко, что долженъ былъ уже помышлять о безопасности собственнаго своего отряда. И такъ отдано было приказаніе прекратить завязавшееся на этомъ пунктѣ дѣло и войскамъ медленно отступить по шоссе къ корчмѣ Осины, извѣщая о томъ боковую колонну усиленно пушечною пальбою. Баталіонъ 13-го егерскаго полка, находившійся въ Минскѣ, въ жаркой съ непріятелемъ перестрѣлкѣ, съ трудомъ былъ оттуда вызванъ. Отступление началось около десятаго часа утра и войска средней колонны, не будучи преслѣдованы мятежниками, остановились въ боевомъ порядкѣ при корчмѣ Осины, какъ для того, чтобы перевязать раненыхъ и отправить въ Калужинъ,—на приготовленныхъ заблаговременно подводахъ,—такъ и на тотъ конецъ, чтобы дать людямъ отдох-

нуть, безъ чего трудно было бы продолжать отступление, по причинѣ наступавшаго дневнаго жара, которой становился утомительнымъ.

Когда всѣ раненые были отправлены и войска тронулись къ Калущину, то съ лѣвой стороны шоссе, при выходѣ изъ лѣсу, показалась сильная колонна непріятельской конницы, которая съ большимъ стремленіемъ бросилась на наши два эскадрона, смяла ихъ и откинула далеко назадъ; между тѣмъ какъ другая такая же колонна, пройдя промежду кустарниковъ, ударила на нашу пѣхоту и успѣла завладѣть однимъ коннымъ орудіемъ. Это были 3-й конноегерскій и 4-й уланскій полки. Но храбрые егеря 13-го полка, отразивъ съ необыкновеннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ двѣ горячія кавалерійскія атаки и бросаясь сами въ штыки, отбили назадъ пушку, которая была нѣсколько минутъ въ рукахъ непріятеля.

Пока все это происходило на шоссе, разъѣздъ нашъ, посланный къ отряду полковника Врангеля, возвратился назадъ, не могши туда доѣхать, ибо встрѣтилъ на дорогѣ непріятельскую конницу. Изъ этого надобно было заключить, что мятежники, пользуясь превосходствомъ силъ своихъ, имѣютъ намѣреніе упредить насъ въ Калущинѣ, по боковой дорогѣ на Якубовъ, отъ которой они успѣли отгнать Врангеля. Начальникъ авангарда извѣстившись объ этомъ, послалъ немедленно въ Калущинъ полковника генеральнаго штаба Зедделера, дабы скорѣе отправить оттуда обозъ и равеныхъ въ Ягодно. Велѣдъ за нимъ отправлены въ Калущинъ два эскадрона кавалеріи и одно конное орудіе, — то самое, которое отнято назадъ отъ непріятеля и которое при этомъ случаѣ потеряло почти всю свою прислугу и двухъ упряжныхъ лошадей.

Между тѣмъ пѣхота наша, храбро отражая жаркія атаки непріятельской конницы, продолжала отступать по шоссе. Когда баталіоны прибыли къ позиціи при Ендржеёвѣ, гдѣ находились двѣ роты съ двумя орудіями, подъ начальствомъ командира Нижегородскаго пѣхотнаго полка, полковника Чекмарева, то этотъ послѣдній получилъ приказаніе, смѣнивъ 13-й егерскій полкъ, составлять арріергарлъ. Нѣсколько хорошо направленныхъ выстрѣловъ нашей батареи заставили непріятельскую конницу приостановиться, и полковникъ

Чекмаревъ началъ уже отступление свое велѣдъ за колонною, когда пушечные выстрѣлы раздались отъ стороны Калущина.

Положеніе войскъ, которымъ предстояло проходить черезъ это мѣстечко, и которыя были отъ него еще въ четырехъ верстахъ, сдѣлалось очень сомнительнымъ; надобно было поспѣшить отступленіемъ. Поэтому генераль-лейтенантъ Головинъ приказалъ 13-му егерскому полку ускорить шагъ, а самъ остался съ 48-мъ егерскимъ и двумя ротами Нижегородскаго полка удерживать непріятеля, наступавшаго по шоссе. Лѣсистое мѣстоположеніе облегчило нѣсколько трудное отступление этой части войскъ.

Въ эту минуту прискакалъ въ Калущинъ полковникъ баронъ Зедделеръ. Усмотрѣвъ положеніе дѣлъ, онъ велѣлъ одной ротѣ Нижегородскаго полка выступить немедленно съ обозомъ и плѣнными, поставилъ роту 47-го егерскаго полка и орудіе на возвышенной площади, откуда можно было обстрѣливать Станиславовскую дорогу, а самъ, съ остальною ротою, бросился къ заставѣ, на встрѣчу непріятеля. Смѣлостію этой атаки и удачнымъ дѣйствіемъ стрѣлковъ и орудія, голова Польской колонны, уже вступившей въ Калущинъ, была опрокинута *).

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій, обозъ, равеные и плѣнные отправлены за Кострижинъ въ Ягодно, и 13-й егерскій полкъ успѣлъ перейти черезъ мостъ, находящійся передъ Калущинымъ. Но вскорѣ потомъ мятежники, въ числѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, подъ начальствомъ Ягмина, вышли по шоссе и заслонили упомянутый мостъ остальной части средней колонны, которая, какъ сказано выше, состояла только изъ 48-го егерскаго полка, въ одноваталіонномъ составѣ, и двухъ ротъ Нижегородскаго полка, числомъ всего около 800 человекъ, съ тремя легкими орудіями.

Находясь въ столь трудномъ и опасномъ положеніи, войска авангарда не потеряли присутствія духа. День былъ чрезвычайно жаркій и люди, удручаемые полуденнымъ солнечнымъ зноемъ, изнемогали отъ усталости. Но, не смотря на то, они съ примѣрнымъ мужествомъ непрерывно отра-

*) Объ этихъ дѣйствіяхъ барона Зедделера взято изъ Военно-Энциклопедическаго Лексикона (тамъ же, стр 459)

жали яростныя нападенія мятежниковъ, которые, непонято почему, не воспользовались чрезмѣрнымъ превосходствомъ своихъ силъ, ибо казалось, что огромныя массы ихъ должны бы были на всѣхъ пунктахъ подавить малыя частицы нашихъ войскъ, подвергавшихся при отступленіи ежеминутно столь неравному бою. Начальникъ авангарда, оставшійся при той части, которая была отрѣзана, видѣлъ, что невозможно уже было пробиться черезъ Калушинъ, почему пѣхота, оставивъ шоссе, уклонилась вправо въ лѣсъ, чтобы выдти на дорогу къ Ловчкѣ черезъ Гродзискъ. Самъ же Головинъ, усматривая сколь нужно присутствіе его при остальной части средней колонны, тѣснимой также многочисленнымъ непріателемъ за Калушиннымъ, долженъ былъ проскочить подъ сильнымъ огнемъ непріятельской пѣхоты и, миновавъ мѣстечко, занятое уже Поляками, прибытіемъ своимъ ободрилъ войска наши, по ту сторону Калушина находившіяся.

Среди затрудненій такого отступленія войска Донскаго храбрый полковникъ Ильинъ, сопровождаемый не болѣе какъ 30 казаками, схвативъ двѣ пушки изъ числа оставшихся при отрѣзанной части, спасъ ихъ, проведя по дорогѣ къ Ловчкѣ, но третью нельзя было увести, потому что у ней подломилась ось. Достойный командиръ Нижегородскаго полка, полковникъ Чекмаревъ, завезъ это орудіе въ самую глубину лѣса, гдѣ хотя и долженъ былъ его оставить, но покинулъ такъ, что отыскать было не легко.

Измученный столь мужественнымъ отпоромъ и приведенный въ недоумѣніе необыкновенною смѣлостію такого малаго числа, непріятель полагалъ конечно, что у Головина долженъ былъ находиться сильный резервъ на позиціи при Ягодно, и съ половины дороги отъ Калушина къ почтѣ Мингазѣ преслѣдовалъ насъ уже слабо. Средняя колонна, около шести часовъ вечера, перейдя болотистый ручей Костринъ и изломавъ за собой мостъ, достигла до помянутой позиціи при Ягодно и нѣсколько гранатъ, изъ находившихся тамъ двухъ батарейныхъ орудій, были достаточны на то, чтобы остановить преслѣдовавшую насъ кавалерію. Этому снособствовало также, какъ послѣ открылось, извѣстіе, въ Калушинѣ Поляками полученное, будто бы на правомъ ихъ флангѣ значительный корпусъ войскъ нашихъ угрожаетъ имъ от-

рѣзать отступленіе къ Прагѣ, и готовится напасть на нихъ съ тылу. Поводомъ къ этой тревогѣ было ни что иное, какъ появленіе отряда полковника Жиркова передъ Гловицею: мятежники приняли покушеніе его за наступательное дѣйствіе корпуса генераль-адъютанта Ридигера, котораго они не переставали опасаться.

Хотя при этомъ эксцентрическомъ отступленіи *) сообщеніе средней колонны съ двумя боковыми и было на нѣкоторое время прервано, но Головинъ, будучи увѣренъ въ расторопности отрядныхъ начальниковъ, не терялъ надежды, что они, держась данныхъ имъ предписаній, соединятся въ свое время съ центромъ. Можно замѣтить, что если бы правая колонна при отступленіи своемъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать къ Костржину, на Суху, пошла по дорогѣ къ Калушину, какъ ей и назначено было по диспозиціи, то центръ подвергнулся бы меньшей опасности; но тогда потерпѣла бы правая колонна и послѣдствія были бы одинаковы. Для избѣжанія опасности всего вѣрнѣе было бы, вмѣсто поиска надъ непріателемъ къ Минску, отступить за ручей Костржинъ. Но чтобы рѣшиться на отступленіе, надобно было имѣть убѣжденіе, что непріятель не обманываетъ насъ пустыми демонстраціями: ибо, въ противномъ случаѣ, Головинъ подвергся бы справедливой отвѣтственности; или же надобно было имѣть свѣдѣніе, что переправа нашей арміи черезъ Вислу подъ Осѣкомъ совершается уже въ тотъ самый день безпрепятственно. Но тутъ не надлежитъ терять изъ виду, что отрядъ Головина находился тогда въ 230 верстахъ отъ главной арміи, и былъ заслоненъ отъ нея почти въ прямой линіи Варшавою.

По прибытіи средней колонны къ Ягодно, посланцы были сильныя кавалерійскія партіи къ Копцамъ и Ловчкѣ, для открытія сообщенія съ боковыми отрядами. Между тѣмъ однакожь Головинъ призналъ необходимымъ отправить съ почты Мингозы нарочнаго къ командиру 6-го корпуса въ

*) Когда слабый отрядъ, тѣснимый, — какъ то было здѣсь, — превосходнѣйшимъ въ числѣ непріателемъ, долженъ отступать, то по всѣмъ правиламъ стратегіи, отступленіе эксцентрическое представляеть ему гораздо болѣе возможности избѣжать конечнаго пораженія, чѣмъ отступленіе одною массою.

Брестъ, съ извѣстіемъ о настоящемъ положеніи своего отряда. Это было поводомъ, что генераль-адъютантъ баронъ Розенъ, поспѣшавшій съ своей стороны донесеніемъ въ главную квартиру, упомянулъ о боковыхъ колоннахъ и объ отрѣзанной части пѣхоты, какъ о потерянныхъ совершенно, и такимъ образомъ представилъ день этотъ, для Русскаго оружія не безславный, весьма не въ благопріятномъ видѣ.

Между тѣмъ полковникъ Врангель съ своимъ отрядомъ прибылъ безпрепятственно къ дер. Копце.

Отступленіе полковника Жиркова тоже было удачно, не смотря на сильное преслѣдованіе Поляковъ. Когда около двухъ часовъ по полудни отрядъ этотъ приблизился къ Цѣхову, тѣснымъ авангардомъ Ромарино, то вдругъ прилетѣлъ изъ-подъ Калупина Ягминъ съ двумя полками кавалеріи и, ставъ на пути нашихъ, требовалъ сдачи. Солдаты отряда едва двигались отъ зноя и усталости, сдѣлавъ переходъ около 60 верстъ по жестокому солнечному зною, окруженные со всѣхъ сторонъ непріателемъ. Но это были воины столь знаменитаго своею храбростію 14-го егерскаго полка, помнившіе и при этомъ случаѣ славу, приобрѣтенную подъ Анапою, Варною и Иганьемъ, и имѣвшіе съ собою Георгіевскія свои знамена.—«Неужели мы ихъ отдадимъ мятежникамъ?» воскликнули офицеры. Егеря отвѣчали крикомъ «ура!» и ударомъ въ штыки. Поляки были разсѣяны и Жирковъ прибылъ къ сел. Венжичину близъ м. Ерузалема безъ всякой потери. Далѣе Жирковъ прошелъ и до Куфлева, а два эскадрона Татарскаго уланскаго полка, посланные въ Гарволиву, не нашедъ тамъ непріателя, безпрепятственно возвратились въ Сѣрочинъ.

Избѣжавъ, при помощи Божіей, столь великой и очевидной опасности, послѣ отдыха при Ягодно, средній отрядъ предъ наступленіемъ ночи отошелъ къ Сѣдльцу, какъ для того, чтобы болѣе сосредоточиться съ боковыми отрядами, такъ и для того, чтобы отнять поводъ къ неблагопріятнымъ толкамъ, при подобныхъ встрѣчахъ обыкновенно распространяющимся. Отрядъ полковника Врангеля прибылъ на позицію къ Сѣдльцу по утру на другой день, т. е. 3-го іюля; а того же дня, по полудни въ два часа, прибыла и лѣвая колонна подъ начальствомъ полковника Жиркова, и весь авангардъ расположился на позиціи предъ Сѣдльцемъ; казацья

аванпостная цѣпь осталась на ручьѣ Костржинѣ, какъ для прикрытія отступленій, такъ для направленія отрядовъ и собиранія усталыхъ. На слѣдующій день, т. е. 4-го іюля, присоединились и баталіоны Нижегородскаго и 48-го егерскаго полковъ, долженствовавшіе, какъ сказано выше, уклониться къ шоссе вправо и, пробиваясь сквозь непріателя, сдѣлать большой обходъ, чтобы выбраться на дорогу.

При наступательномъ движеніи лѣвой колонны изъ Погоржели къ Замѣни, отправленъ былъ со взводомъ уланъ Татарскаго уланскаго полка штабъ-ротмистръ Прушинскій въ Карчевъ. Исполняя данное ему важное порученіе, этотъ офицеръ, прибывъ туда на рысяхъ и выдавая себя начальникомъ отрѣзанной партіи Польскихъ войскъ, пробирающейся въ Варшаву, успѣлъ собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія о мятежникахъ. Совершивъ, такимъ образомъ, смѣлое свое предпріятіе, Прушинскій, наконецъ, къ немалому удивленію жителей Карчева, объявилъ, что онъ не Польскій, а Русскій офицеръ, возвратился черезъ Кольбель и примкнулъ къ отряду подполковника Жиркова.

«Послѣ всего сказаннаго, — говорилъ Головинъ въ своемъ донесеніи барону Розену отъ 7-го іюля за № 110, — я не считаю болѣе нужнымъ свидѣтельствовать о мужествѣ и храбрости, оказанной войсками ввѣреннаго мнѣ авангарда въ сей тяжкій, но не безславный для Русскаго оружія день.»

Къ сожалѣнію, потеря наша была значительна; она простиралась до 17 оберъ-офицеровъ и 785 нижнихъ чиновъ убитыми и отставшими; раненыхъ нашлось 14 оберъ-офицеровъ и 125 нижнихъ чиновъ *), кои, вмѣстѣ со взятыми нами въ плѣнъ 3 штабъ-, 4 оберъ-офицерами и 150 ниж-

*) «Извлеченіе изъ Журнала», стр. 40. Въ рапортѣ Головина барону Розену отъ 7-го іюля, за № 110, показано: убитыми: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 241; ранеными: оберъ-офицеровъ 14, нижнихъ чиновъ 125; пропавшими безъ вѣсти при отступленіи: оберъ-офицеровъ 16, нижнихъ чиновъ 692. Въ обнародованномъ донесеніи Главнокомандовавшаго отъ 5-го іюля 1831 года сказано, что Головинъ возвратился къ Сѣдльцу безъ большихъ потерь. Зедделеръ, въ упомянутой статьѣ *Военно-Энциклопедическаго Лексикона* (VI, стр. 459) показываетъ, что потеря наша простиралась: убитыми до 250, ранеными — 165 и плѣнными — 700.

ними чинами *), были отправлены въ Брестъ-Литовскій. Къ потерѣ нашей присовокупить должно и оставленное, какъ выше упомянуто, одно легкое орудіе съ подломившеюся осью. Надобно полагать, что уронъ мятежниковъ былъ также значителенъ, если принять въ разсужденіе, что всѣ ихъ кавалерійскія атаки противъ пѣхоты нашей были отражены, и что артиллерія наша, дѣйствуя въ густые ряды колоннъ непріятельскихъ, неоднократно приводила ихъ въ разстройство.

Число непріятельскихъ войскъ, въ сраженіи 2-го іюля участвовавшихъ, по показаніямъ плѣнныхъ, простиралось за 20,000 человекъ, съ 26 орудіями артиллеріи **) но Хржановскій, начальствовавшій ими, самъ сознавался послѣ кампаніи, что, кромѣ корпуса Рыбинскаго и Ромарино, онъ привелъ изъ Варшавы отрядъ свѣжихъ войскъ съ артилле-

*) По упомянутому донесенію Главнокомандовавшаго въ плѣнъ взято: 3 штабъ, 6 оберъ-офицеровъ и до 140 рядовыхъ и на мѣстѣ положено значительное число непріятеля.

**) Прилагаемъ здѣсь описъ о непріятельскихъ войскахъ, составленную изъ свѣдѣній, которыя тогда на скоро были собраны, хотя она не согласна съ извѣстіями, какъ сейчасъ скажемъ, послѣ уже полученными, по коимъ число непріятеля остается почти тоже, но число орудій почти вдвое болѣе.

Корпусъ генерала Рыбинскаго:

Пѣхота:	2 линейный полкъ	4 баталіона.
	12 " "	4 " "
	16 " "	4 " "
	7 егерскій	" 4 " "
	Вольныхъ стрѣлковъ	двѣ роты.
	Итого 16 баталіоновъ.	

Кавалерія: Дивиз. генерала Ягмина:

3 конно-егерскій	. . . 4 эскад.
4 уланскій	. . . 4 " "
Сандомирскій гусарскій	4 " "
Августовскій	. . . 4 " "
	Итого 16 эскадроновъ.

Артиллерія: Батарейныхъ 12 орудій.

Конныхъ	. 6 "
	Всего 18 орудій.

ріею, и что всего противъ насъ находилось въ этомъ дѣлѣ около 24,000 человекъ съ 40 орудіями. Онъ сознавался также, что къ сосредоточенію такого числа войскъ на этомъ пунктѣ, поводомъ были ошибочныя донесенія Рыбинскаго и Ромарино на счетъ многочисленности силъ нашихъ, отъ Сѣдльца двинувшихся. Бржозовскій въ описаніи своемъ Польской войны 1831 года говоритъ, что подъ Минскомъ ³/₁₁ іюля находилось мятежническихъ войскъ 20 баталіоновъ пѣхоты, 34 эскадрона кавалеріи и 44 орудія. Такимъ образомъ, можно полагать, что отрядъ Головина, состоявшій едва изъ пяти тысячъ человекъ, съ десятью легкими орудіями, имѣлъ тутъ дѣло съ непріателемъ, почти въ пять разъ противъ него сильнѣйшимъ.

Не взирая на столь неравный и жестокій бой, двѣнадцать часовъ продолжавшійся, не смотря на уронъ, нами понесенный, и, наконецъ, на переходъ болѣе шестидесяти верстъ, сдѣланный болшею частию при томительномъ дневномъ зноѣ, войска авангарда не только не упали духомъ, но оживляемая новою бодростію при видѣ, что непріятель, столь многочисленный, не могъ одолѣть ихъ, готовы были опять на всякое смѣлое предпріятіе.

Корпусъ генерала Ромарино:

Пѣхота:	5 линейный полкъ	4 баталіона.
	11 " "	" 4 " "
	Вольныхъ стрѣлковъ	двѣ роты.
	Итого 8 баталіоновъ.	

Кавалерія: Кракусскій полкъ

Іосифа Понятовскаго	4 эскад.
4 конно-егерскій	. 4 " "
	Итого 8 эскадроновъ.

Артиллерія: Всего 8 орудій.

Отрядъ генерала Хржановскаго.

Пѣхота: Пикинеры	. . . 4 баталіона.
Косиеры	. . . 4 " "
	Итого 8 баталіоновъ.

Кавалерія: Литовскій легіонъ 4 эскадрона.

В с е г о баталіоновъ 32, эскадроновъ 28, орудій 26.

Сосредоточеніе столь значительныхъ силъ мятежническихъ на правомъ берегу Вислы и движеніе ихъ къ Сѣдльцу въ это время казались, по всѣмъ правиламъ военнымъ, такъ мало правдоподобными, что генераль-адъютантъ баронъ Розенъ, получивъ о томъ извѣстіе, не хотѣлъ сначала ему вѣрить *).

Неоспоримо, что, по смыслу данныхъ Головину предписаній, можно обвинять его въ излишней предприимчивости. Не менѣе однакожь очевидно и то, что иначе никогда бы не могъ онъ удостовѣриться съ точностію, подлинно-ли силы непріятельскія таковы, что имъ можно уступить, не нарушивъ долга своего и не уронивъ воинской чести. Наконецъ нельзя, кажется, не согласиться, что послѣдствія, кои, по всей справедливости, можно отчасти приписать рѣшительности Головина, такъ важны въ отношеніи къ общему плану, что самое конечное истребленіе отряда его, при первомъ назначеніи своемъ обреченнаго уже на опасныя предпріятія, ни

*) Генераль-адъютантъ Ридигеръ въ своемъ отношеніи къ генераль-лейтенанту Головину, отъ 30 іюня 1831 года за № 1594, изъ Люблина, также писалъ слѣдующее:

«По достовѣрнымъ извѣстіямъ генераль Ромарино находился около 23 числа сего мѣсяца въ м. Сѣдльцѣ, почему непонятно для меня, какъ онъ могъ успѣть въ столь короткое время переправиться черезъ Вислу при Гуръ-Кальваріи, сдѣлать движеніе черезъ Гарволинъ къ Лукову, и послѣ того возвратиться въ Шеницу; даже и движеніе генерала Рыбинскаго, который въ то самое время, когда генераль Ромарино дѣйствовалъ противъ Вашего лѣваго фланга, угрожая обойти оный, отступилъ отъ Минска къ Милоснѣ, не менѣе непостижимо для меня. Весьма желаю, чтобы Ваше Превосходительство могли меня увѣдомить о столь несвязанныхъ непріятельскихъ маневрахъ и контръ-маршахъ.

«Я полагаю, что они тѣмъ кончатся, что генераль Рыбинскій переправится за Вислу, а генераль Ромарино (если онъ тамъ находится) останется противъ Васъ, для удержанія по возможности отъ движенія противъ Праги.

«Если бы Ваше Превосходительство успѣли оттянуть Ромарино ближе къ Сѣдльцу, то я могъ бы Вамъ въ семъ случаѣ содѣйствовать хотя одною бригадою кавалеріи: болѣе же не могу отдѣлать потому, что, приступая нынѣ къ устройству переправы черезъ Вислу, долженъ буду приблизить большую часть моихъ силъ къ сей рѣкѣ.»

сколько бы цѣны ихъ не уменьшило. За всѣмъ тѣмъ первое извѣстіе о дѣлѣ подъ Минскомъ, 2-го іюля, полученное въ главной нашей квартирѣ прямо изъ Варшавы въ томъ видѣ, въ какомъ оно опубликовано было мятежническимъ правительствомъ, для ободренія Варшавской черни, должно было сначала произвести неблагоприятное впечатлѣніе, пока время не обнаружало всѣхъ обстоятельствъ этого мнимаго успѣха непріятельскаго оружія *).

*) По важности такого обвиненія, считаемъ долгомъ привести здѣсь перепаску, возникшую изъ этого сраженія, которая вполне показываетъ несправедливость подобнаго заключенія.

Генераль-адъютантъ баронъ Розенъ поспѣшилъ донести Главнокомандовавшему дѣйствовавшей арміею о первомъ извѣстіи о сраженіи, отъ 3-го іюля 1831 года за № 928, изъ Бреста-Литовскаго, слѣдующимъ образомъ:

«Сейчасъ прибылъ сюда адъютантъ генераль-лейтенанта Головина, посланный имъ съ словеснымъ донесеніемъ, что 2 числа онъ намѣренъ былъ занять Минскъ, имѣя весьма достовѣрныя извѣстія, что непріятель совершенно отступилъ къ Прагѣ; но притомъ былъ встрѣченъ весьма превосходными силами и долженъ былъ отступить къ Мингосамъ, неся на плечахъ непріятеля. Потеря наша до сихъ поръ незначительна, но можетъ содѣлаться таковою, ибо неизвѣстно успѣютъ ли присоединиться войска, дѣйствовавшія на флангахъ огдѣльно. Сего 3-го іюля генераль-лейтенантъ Головинъ на дѣтается соединить весь отрядъ свой при Збучинѣ и далѣе дѣйствовать сообразно съ движеніями непріятеля. Я полагаю выслать эшелонъ пѣхотный въ Бялу, перевести сюда изъ Бѣльска Волинскій уланскій полкъ; Муромскій пѣхотный оставить на время при Бѣлостокскомъ отрядѣ, для усиленія въ той сторонѣ пѣхоты, которой тамъ весьма мало: ибо хотя невѣроятны разказы плѣнныхъ, но они увѣряютъ, что отрядъ, дѣйствующій противъ авангарда моего, состоитъ изъ корпусовъ Хржановскаго, Рыбинскаго и Ромарино, составляющихъ до 15,000 и долженъ стараться вторгнуться въ границы наши, будто бы для соединенія съ Гельгудомъ или черезъ Брестъ, или въ другихъ пунктахъ. — Я буду дѣйствовать по обстоятельствамъ, имѣя въ виду, во всякомъ случаѣ, удержать Брестъ и по возможности прикрыть границу.»

Вслѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же день, генераль-адъютантъ баронъ Розенъ отправилъ Главнокомандовавшему другой рапортъ, за № 926, изъ Бреста-Литовскаго, въ которомъ доносилъ:

«Въ дополненіе къ рапорту моему за № 928, честь имѣю донести: отъ генераль-лейтенанта Головина не имѣю еще подробнаго рапорта о сраженіи подъ Минскомъ. Нарочный мой, выѣхавшій отъ него

Не взирая на то, что положеніе войскъ авангарда въ Сѣдльцѣ не было безопасно, Головинъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя заставили его идти впередъ, а именно, чтобъ задержать непріятеля сколько можно долѣе на этой сторонѣ, оставался на позиціи при означенномъ городѣ 4,

сего числа въ 4 часа утра, словесно донесъ мнѣ, что генераль-лейтенантъ Головинъ, съ частію отряда своего, находился на позиціи предъ Сѣдльцемъ и ожидалъ присоединенія правой и лѣвой колоннъ своихъ, о которыхъ не имѣлъ еще точнаго извѣстія. Для поддержанія его я отправилъ отсюда въ Бялу Волинскій пѣхотный, 49 и 50 егерскіе полки, съ двумя легкими орудіями и командою казаковъ, подтвердивъ не подвергаться нападенію превосходнаго непріятеля, но отступать къ Мендзыржецу и, если будетъ вынужденъ, то и къ Бресту.»

«Генераль-маіоръ Петерсонъ доноситъ, что, за всѣми сдѣланными во всѣ стороны поисками, мятежники нигдѣ въ скопищахъ не найдены, и даже шайка Жилиньскаго раздѣлилась на части и потомъ разошлась. Жилиньскій, вмѣстѣ съ Зелевскимъ, еще однимъ штаб-офицеромъ и медикомъ, распуская конвой свой, успѣли пройти за границу переодѣтые.»

Черезъ день, 5-го іюля, генераль-адъютантъ баронъ Розенъ донесъ Главнокомандовавшему, за № 953, изъ Бреста Литовскаго:

«Послѣ рапорта моего къ Вашему Сіятельству отъ 4 числа, за № 942, ничего новаго не произошло. Генераль-адъютантъ Ридигеръ увѣдомилъ меня, что 8 числа оныя намѣренъ двинуться къ Вислѣ. Я предписываю генераль-лейтенанту Головину по возможности безпокоить непріятеля наступательными движеніями, сходно съ назначеніемъ ему, даннымъ Вашимъ Сіятельствомъ, и дабы вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить дѣйствія генераль-адъютанта Ридигера.

«Часть плѣнныхъ, взятыхъ генераль-лейтенантомъ Головинымъ, сюда доставлена. Объясненія, лично мною отобранныя отъ находящагося въ числѣ ихъ подполковника графа Малаховскаго, убѣждаютъ въ томъ, что въ сраженіи 2 числа противъ авангарда моего было дѣйствительно до 20,000 Польскихъ войскъ, состоящихъ изъ корпусовъ Рыбнвскаго и Ромарино, усиленныхъ частію отряда Хржановскаго, принявшаго надъ всѣми сими войсками главное начальство. По частнымъ извѣстіямъ увѣряютъ, что Варшава получаетъ все необходимое для продовольствія арміи и города большею частію сплавомъ изъ Кракова, гдѣ будто бы Хлопицкій формируетъ войска. Между прочимъ увѣряютъ, что Польскія ассигнаціи теряютъ болѣе двѣнадцати процентовъ. Я долгомъ себя поставилъ о сихъ частныхъ извѣстіяхъ имѣть честь почтительнѣйше донести Вашему Сіятельству.»

5 и 6-го іюля. Непріятель, пораженный неслыханною дерзостью слабаго своего противника, въ это время оставался въ Калушинѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, но потомъ рѣшился наказать Головина. Между тѣмъ разъѣзды наши, встрѣчая вездѣ непріятельскіе посты, не могли наблюдать

Первое донесеніе генераль-лейтенанта Головина генераль-адъютанту барону Розену отправлено было 3-го іюля за № 90, изъ бивака на позиціи предъ Сѣдльцемъ и содержало слѣдующее:

«Слѣдую Вашему Высокопревосходительству донести съ нарочнымъ, что по сдѣланной предварительной диспозиціи вчерашняго числа я сблизился съ непріятелемъ на позиціи его при Минскѣ, дабы усмотрѣть и удостовѣриться въ подлинности силъ его, объ которыхъ вѣрнаго ничего узнать нельзя было и которыя полагалъ я малозначущими. Въ семь намѣреніи сдѣлана была атака на его позицію. Атака сія, открывшая намъ большое превосходство силъ непріятеля, обратилось при томъ въ жаркое дѣло, дабы отразить напоръ его. При первомъ началѣ непріятель былъ выбитъ изъ своей позиціи, послѣ чего началъ я отступленіе, которымъ непріятель всѣми мѣрами старался воспользоваться къ нашему ущербу. Такимъ образомъ послѣ непримѣрно неравнаго боя, продолжавшагося съ пяти часовъ утра до семи часовъ вечера, я отступилъ въ Сѣдльцу, гдѣ ночевалъ и гдѣ нахожусь теперь съ большею частію войскъ ввѣреннаго мнѣ авангарда; только лѣвая моя колонна, проникнувшая отъ Шеницы по дорогѣ на Дембы Вѣлки, осталась безъ сношенія теперь со мною, такъ и изъ средней колонны 48 егерскій полкъ и баталіонъ Нижегородскаго полка: оба сіи баталіона принуждены были уклониться вправо, потому что непріятель, пользуясь чрезвычайнымъ превосходствомъ силъ своихъ, а особливо кавалеріи, успѣлъ занять мѣстечко Калушинъ прежде, нежели вся средняя колонна оное миновала. По по всѣмъ соображеніямъ какъ лѣвая колонна, такъ и сіи два баталіона, находясь въ мѣстахъ лѣсистыхъ, большой опасности не подвергаются. Я стараюсь теперь открыть, какое они взяли направленіе при семь жестокомъ и неравномъ, какъ я сказалъ выше, боѣ, четырнадцать часовъ продолжавшемся. Потеря наша убитыми, ранеными и усталыми не чрезвычайно велика, но опредѣлить оную теперь еще невозможно. Мы взяли въ плѣвъ двухъ штаб-, семь оберъ-офицеровъ и болѣе 100 человекъ рядовыхъ. Подъ Калушинымъ мы должны были оставить одно изъ подбитыхъ трехъ орудій и зарядный ящикъ. — Потеря сія маловажна въ сравненіи съ тою пользою, которую привести должно отвлеченіе столь значущихъ силъ непріятеля отъ Варшавы; ибо, по показанію плѣнныхъ, противъ меня находились корпуса Рыбнвскаго и Ромарино, къ которымъ присоединился въ ту ночь Хржановскій съ двумя полками пѣ-

за движеніемъ войскъ мятежническихъ, а извѣстія черезъ тайныхъ агентовъ были различны. Одинъ изъ нихъ однако же далъ знать, что мятежники въ большихъ силахъ находились около Доманицъ и Ружи. Это извѣстіе не замедлило и подтвердиться: ибо офицеръ, посланный отъ Головина въ Люб-

хоты и однимъ кавалеріи, такъ что все число непріятеля простиралось до 22,000, между тѣмъ какъ у меня едва в 4,000 было въ дѣйстви. Храбрость, которую оказали въ сей день войска наши, превосходить всякое описаніе. Малые баталіоны наши, со всѣхъ сторонъ атакованные непріятельскою кавалеріею, казалось, должны были быть раздавлены огромными массами оной, и при всемъ томъ ни одинъ баталіонъ не далъ себя разстроить. Впослѣдствіи я буду имѣть честь подробно довести Вашему Высокопревосходительству о семъ необыкновенномъ боѣ, теперь же ограничиваюсь донесеніемъ, что я нахожусь на позиціи предъ Сѣдльцемъ, съ полками 43 и 47 егерскими, баталіономъ Нижегородскаго полка, двумя ротами саперъ и двумя же ротами Модлинскаго полка, въ самомъ городѣ расположенными. Кавалеріи имѣю при себѣ три эскадрона Польскаго и эскадронъ Татарскаго уланскаго полковъ; артиллеріи же 4 батарейныхъ, 2 ковыныхъ и 5 легкихъ орудій. Съ сею частію войскъ я могу отступить, въ случаѣ нападенія непріятеля въ превосходныхъ силахъ, по дорогѣ къ Бресту—Литовскому; но до сей минуты непріятель не переходилъ еще рѣчки Кострижнѣ. — Сейчасъ получено извѣстіе, что лѣвая колонна отступила къ Сѣдльцу черезъ Ерузалемъ.»

Наконецъ, отъ 4 числа, за № 943, генераль-адъютантъ баронъ Розенъ доносилъ Главнокомандовавшему:

«Генераль-лейтенантъ Головинъ отъ сего 4 числа изъ г. Сѣдльца доноситъ, что всѣ отряды его, какъ праваго такъ и лѣваго фланговъ, благополучно прибыли 3 числа на позицію предъ г. Сѣдлецъ. Равномѣрно прибыли полковникъ Чекмаревъ съ баталіономъ Нижегородскаго, а подполковникъ Трабицынъ съ баталіономъ 48 егерскаго полковъ. Оба сіи баталіона, совершенно окруженные, мужественно пробились сквозь многочисленную непріятельскія войска. Партіи, посланныя въ Карчевъ и Гарволинъ, также благополучно возвратились, не встрѣтивъ нигдѣ значительныхъ силъ мятежниковъ и распространивъ вездѣ страхъ и опасеніе, что мы съ большими силами предприняли рѣшительное движеніе къ Прагѣ. Донесенія сихъ партій удостовѣрили генераль-лейтенанта Головина, что онъ имѣлъ противъ себя корпуса Рыбнѣвскаго, Ромарино и отрядъ Хржановскаго; утверждаютъ даже, что за Дембами—Вѣлькими находился еще сильный резервъ, вышедшій изъ Варшавы. При семъ генераль-лейтенантъ Головинъ присовокупляетъ, что онъ

лишь, не могъ туда доѣхать, и, возвратясь 7-го іюля, донесъ, что непріятель на канунъ того дня напалъ на кавалерійскій пикетъ корпуса генерала Ридигера, находившійся въ Коцкѣ. Въ тоже время было получено донесеніе, что сильный непріятельскій отрядъ вытѣснилъ эскадронъ нашихъ

составляетъ подробное донесеніе о семъ дѣлѣ, гдѣ въ продолженіе 14 часовъ съ небольшимъ 4,000 войскъ сражались съ непріятелемъ, почти пять разъ сильнѣйшимъ, и гдѣ, по первымъ собраннымъ свѣдѣніямъ, потеря наша не такъ еще была значительна.

«О чемъ честь имѣю донести Вашему Сіятельству, почтеннѣйше присовокупляя, что въ Бѣлостокской области и на постахъ по границѣ отъ Нура до Влавы все состоитъ благополучно.»

Въ отвѣтъ на эти донесенія графъ Паскевичъ отправилъ къ барону Розену, отъ 9-го іюля, за № 3116, предписаніе слѣдующаго содержанія:

«Изъ препровожденнаго при рапортѣ Вашего Высокопревосходительства отъ 3 сего іюля, за № 937, донесенія генераль-лейтенанта Головина усмотрѣлъ я, что генераль сей, атаковавъ подъ Минскомъ несоразмѣрно превосходнаго въ силахъ непріятеля, подвергъ отрядъ свой пагубному бою и потерѣ.

«Но какъ по данному мною Вашему Высокопревосходительству повелѣнію, отъ 6 числа минувшаго іюня, № 2697, генераль-лейтенантъ Головинъ всѣми мѣрами долженъ былъ уклониться неровнаго боя и всегда держаться отъ непріятеля не ближе, какъ въ сильномъ переходѣ, то я предписываю Вамъ потребовать отъ него объясненіе: для чего, вопреки данныхъ ему приказаній, не только не уклонился онъ отъ сильнаго непріятеля, но еще самъ рѣшился атаковать его? По полученіи сего донесенія Ваше Высокопревосходительство тотчасъ оное мнѣ представите.»

Евгеній Александровичъ, исполняя такую волю Главнокомандовавшаго, доставилъ слѣдующій рапортъ генераль-адъютанту барону Розену, отъ 27-го іюля 1831 года, за № 232, съ почтовой станціи Минголы:

«Вслѣдствіе повелѣнія Вашего Высокопревосходительства, отъ 25 числа сего мѣсяца, за № 1125 и во исполненіе воли Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, г. генераль-фельдмаршала графа Паскевича—Эриванскаго, имѣю честь изъяснить нижеслѣдующее:

«При назначеніи меня начальникомъ авангарда вѣреннаго Вашему Высокопревосходительству шестаго пѣхотнаго корпуса предписано мнѣ имѣть въ виду двойную цѣль. Во-первыхъ: привлекать демонстраціями силы мятежническія отъ Вислы сюда, и поражать непріятеля, всякій разъ когда онъ покажется въ соразмѣрномъ чи-

уланъ изъ Лукова. По этому Головинъ, отправивъ заблаговременно въ Збучинъ обозы подъ прикрытіемъ 300 человекъ пѣхоты съ пушкою, отдалъ приказаніе, чтобы всѣ войска 7-го іюля на ночь были готовы къ отступленію на Збучинъ въ Мендзыржець, дабы не быть предупреждену неприятелемъ,

слѣ; и во-вторыхъ: если неприятель наступать будетъ съ превосходными силами, то уклоняться отъ неровнаго боя и отходить по шоссе, прикрывая Брестъ-Литовскій и стараясь держаться отъ неприятеля въ разстояніи большаго перехода. Послѣ того же предписанія, долженъ я былъ сверхъ того содержать коммуникацію направо съ войсками нашими по ту сторону Буга расположенными, а налево съ генералъ-адъютантомъ Ридигеромъ, которому долженъ былъ также содѣйствовать, по возможности, для облегченія переправы его черезъ Вислу.

«Изъ представленной мною Вашему Высокопревосходительству подробной реляціи явствуетъ: какимъ образомъ старался я исполнить порученіе, на меня возложенное. Продолжая наступательное движеніе до Минска, я не могъ полагать, что-бы неприятель имѣлъ намѣреніе держаться на правомъ берегу Вислы, а напротивъ того по всему долженъ былъ думать, что онъ хочетъ сосредоточить всѣ силы свои въ Варшавѣ. Съ 1 на 2 число онъ сдѣлалъ наступленіе, вытѣснивъ изъ Минска моихъ казаковъ одною только кавалеріею, поддерживаемою двумя орудіями конной артиллеріи; но движеніе сіе не могло меня еще увѣрить, что я имѣю предъ собою превосходныя силы, и потому, боясь уступить какой либо пустой демонстраціи, рѣшился я предпринять на другой день форсированную рекогносцировку; ибо, какъ я прежде имѣлъ честь неоднократно доносить Вашему Высокопревосходительству, по всеобщему къ намъ недоброяжелательству жителей сего края, точныхъ свѣдѣній о силѣ неприятеля получить было невозможно. Съ симъ намѣреніемъ, а не съ тѣмъ, чтобы завязать настоящее дѣло, употребилъ я часть моей кавалеріи, два орудія конной-артиллеріи, а также часть егерей, выставленную передъ Минскомъ; вся прочая пѣхота и артиллерія расположена была уступами впереди Калушина, въ самомъ Калушинѣ и на позиціи при Ягодиѣ. Коль же скоро усмотрѣлъ я, что неприятель сталъ вводить въ дѣйствіе значущія силы, то я началъ немедленно отступленіе, которое, при помощи закрытаго мѣстоположенія, производилось въ должномъ порядкѣ и безъ всякой потери по шоссе; между тѣмъ какъ боковые мои отряды должны были обеспечивать меня съ фланговъ. Но сильное подкрѣпленіе, полученное въ ту же ночь неприятелемъ изъ Варшавы, дало ему возможность, отгнѣснвъ правую мою колонну къ Зимнаводѣ, употребить

который могъ поспѣть туда изъ Лукова прежде, чѣмъ мы изъ Сѣдльца.

При этомъ движеніи Татарскій уланскій полкъ долженъ былъ прикрывать нашъ лѣвый флангъ, дабы дать видъ неприятелю, что мы хотимъ дѣйствовать наступательно. Но

еще значущую часть пѣхоты, конницы и артиллеріи на то, чтобы упредить отступленіе мое черезъ Калушинъ. Черезъ сіе единственно средняя моя колонна, будучи раздѣлена на-двое, потерпѣла уронъ, ибо полки 13 и 48 егерскіе и баталіонъ Нижегородскаго пѣхотнаго должны были выдержать сильное нападеніе съ двухъ сторонъ отъ конницы и пѣхоты, при чемъ также оставлено было и одво орудіе; у коего подломилась ось.

«Впрочемъ, отступивъ въ тотъ день, передъ вечеромъ, за рѣчку Костржинъ и давъ людямъ отдохнуть, отошелъ я на позицію предъ г. Сѣдльцемъ уже на другой день передъ свѣтомъ и остался тамъ до 7-го числа, не будучи преслѣдуемъ неприятелемъ. Таковое отступленіе долженствовалъ я бы сдѣлать во всякомъ случаѣ, если бы я не предпринималъ форсированной рекогносцировки; но мнѣ оставалось на выборъ: или, не увѣрясь въ числѣ неприятеля, отступить предъ нимъ, или, отгнѣснвъ переднюю сію цѣпь, взглянуть собственными глазами на подлинныя его силы,—и я рѣшился на сіе послѣднее.

«Не имѣя ничего другаго сказать къ оправданію моему, я смѣю присовокупить только то, что, не упуская изъ виду главнѣйшей цѣли моего назначенія, т. е. *привлечь на себя сколько можно больше силъ непріятельскихъ*, я никакъ не могъ полагать, что бы мятежники, угрожаемые съ другой стороны главною нашею арміею, рѣшились употребить противъ моего, такъ малозначащаго отряда, столь многочисленныя силы. Но послѣдствія показали, что они, не довольствуясь еще отступленіемъ моимъ къ Сѣдльцу, удержали здѣсь тѣ же самыя войска, дабы съ оными, подъ начальствомъ самаго Скржинецкаго, напасть на меня въ самомъ Сѣдльцѣ.

«Вашему Высокопревосходительству извѣстно, что, будучи предувѣдомленъ развѣздомъ моимъ о переходѣ сильной непріятельской колонны между Луковымъ и Висневымъ на Збучинъ, я избѣжалъ угрожавшей мнѣ опасности единственно тѣмъ только, что, оставивъ шоссе, взялъ дорогу въ ночи съ 7 на 8-е число черезъ м. Морды въ Константиновку. Такимъ образомъ, какъ послѣ оказалось, не спѣша оставить Сѣдлецъ, задержалъ я значущую часть непріятельскихъ силъ на здѣшней сторонѣ до 12 числа сего мѣсяца, а 13 Сѣдлецъ снова былъ уже занятъ моими аванпостами.»

едва войска тронулись съ мѣста, какъ около девяти часовъ вечера унтеръ-офицеръ Татарскаго уланскаго полка Коцѣловичъ прискакалъ съ донесеніемъ, что корпусъ мятежниковъ, состоящій изъ пѣхоты и кавалеріи съ артиллерією, числомъ около 6000 человекъ, прошелъ по дорогѣ изъ Ружи въ Збучинѣ. Унтеръ-офицеръ этотъ былъ посланъ отъ эскадрона изъ Лукова, прежде еще появленія тамъ непріятеля съ разѣздомъ, по дорогѣ къ Сѣдльцу. Приблизясь къ селенію Барды, наѣхалъ онъ на непріятельскую колонну такъ близко, что, остановясь въ закрытомъ мѣстѣ, могъ пересчитать всѣ войска, ее составлявшія. Тутъ, дождавшись, пока всѣ они не перешли поперегъ дороги, онъ пустился во весь опоръ и прибылъ въ Сѣдлецъ, успѣвъ ускакать отъ нѣсколькихъ непріятельскихъ всадниковъ, которые бросились—было за нимъ въ погоню.

По полученіи столь важнаго извѣстія, Головинъ посѣшилъ имъ воспользоваться: онъ перемѣнилъ немедленно путь своего отступленія, и вмѣсто Збучина и Мендзыржеца пошелъ на Морды и Лосицы. Но какъ движеніе столь значительныхъ силъ мятежническихъ къ Сѣдльцу, въ то самое время, когда армія наша долженствовала предпринимать переправу черезъ Вислу, ниже Варшавы, заставляло предполагать, что непріятель имѣетъ въ виду не одно истребленіе авангарда 6-го корпуса, который намѣревался идти на Константиновъ, дабы посѣть въ Брестъ прежде непріятеля, который могъ прибыть туда изъ Мендзыржеца двумя разными дорогами на Бялу и на Ломазы, то немедленно послано было повелѣніе въ Збучинѣ, чтобы тягости слѣдовали къ авангарду, на Лосицы. Однако прежде чѣмъ дошло это повелѣніе, непріятель успѣлъ уже достигнуть Збучина и въ ночи на 8-е число сдѣлалъ нападеніе на прикрытіе части тягостей отряда, состоявшее изъ 48-го егерскаго полка, въ которомъ, послѣ сраженія подъ Минскомъ, оставалось только около 250 чел., роты 13-го егерскаго полка съ однимъ орудіемъ и эскадрона Польскаго уланскаго полка. Ночное время не позволило судить о силѣ непріятеля, но нападеніе было довольно жаркое пѣхотою и конницею; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудія и огня ружейнаго съ обѣихъ сторонъ, обозъ, вмѣстѣ съ прикрытіемъ отошелъ по дорогѣ на Лосицу. Въ замѣшательствѣ, неизбежномъ при ночномъ

нападеніи, пропали два патронные ящика 48-го егерскаго полка, нѣсколько повозокъ и офицерскихъ выюковъ. На другой день недоставало во всѣхъ частяхъ, бывшихъ въ Збучинѣ, около 30 чел., но многіе изъ нихъ явились къ войскамъ, отступившимъ по шоссе. Равномѣрно и эскадронъ Татарскаго уланскаго полка, бывший въ Луковѣ, присоединился къ нимъ.

По прибытіи въ Лосицы 8-го іюля, Головинъ отправилъ казачій Ильина полкъ къ Мендзыржецу и Бялѣ, для развѣданія о непріятелѣ, а остальные войска авангарда тронулись къ Константинову, куда и прибыли того же дня. Вечеромъ Головинъ получилъ отъ полковника Ильина донесеніе, что мятежники не показывались еще въ Мендзыржецѣ. Въ слѣдствіе этого авангардъ перешелъ 9-го числа изъ Константинова опять на шоссе въ Бялу, а казаки заняли Рогозницу близъ Мендзыржеца. Полковникъ баронъ Зедделеръ, оставшійся съ двумя эскадронами Татарскаго уланскаго полка и сотнею казаковъ въ Лосицахъ, для прикрытія отступленія, удостовѣрившись, что непріятель его не преслѣдуетъ, воротилъ на 9-е іюля черезъ Гушлевъ къ Мендзыржецу и, не найдя тамъ непріятеля, примкнулъ 10-го числа къ авангарду.

Іюля 10-го получено со всѣхъ сторонъ черезъ разѣзды и партіи извѣстіе, что непріятель еще 8-го числа перешелъ изъ Бучина въ Сѣдлецъ, и что на другой день всѣ войска мятежническія потянулись къ Варшавѣ. По этому 11-го іюля авангардъ перешелъ въ Мендзыржецъ, а конные передовые посты заняли Збучинѣ:

Сначала трудно было повѣрить, чтобы въ то время, когда главная армія наша предприняла переправу черезъ Вислу, большая часть силъ непріятельскихъ занята была, на противоположномъ концѣ военныхъ дѣйствій, преслѣдованіемъ малаго отряда Головина; но послѣ оказалось дѣйствительно, что мятежники, не успѣвъ истребить отрядъ этотъ подъ Минскомъ, 2-го іюля продолжали дѣйствія свои подъ предводительствомъ самого уже главнокомандующаго Скржинецкаго и старались вновь окружить его въ Сѣдльцѣ. Въ то время армія наша находилась въ 160 верстахъ за Варшавою; и когда Скржинецкій 9-го іюля обратился назадъ отъ Сѣдльца, то не прежде могъ уже выйти ей на встрѣчу, какъ

около 16-го числа. Между тѣмъ главныя силы наши, начавъ переправу 2-го іюля, имѣли время не только переправиться безпрепятственно черезъ Вислу, но и воспользоваться всѣми первыми послѣдствіями переправы на лѣвый берегъ этой рѣки, упрочивъ въ тоже время сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ.

Мятежники, оставаясь такъ долго на правомъ берегу Вислы и простирая поиски свои къ Сѣдльцу, могли имѣть въ виду двоякую цѣль: или, отгѣснивъ отрядъ Головина, приближавшійся уже къ Прагѣ, удержать за собою воеводство Подляское, изъ котораго Варшава получала большею частію продовольствіе жизненными припасами, или же, обративъ противу малаго отряда Головина такое огромное превосходство силъ, надѣялись пріобрѣсти легкую побѣду и тѣмъ оживить начинавшій уже погасать революціонный энтузіазмъ. Въ первомъ случаѣ сами они содѣйствовали первоначальному плану кампаніи, Главнокомандующимъ нашимъ передъ движеніемъ отъ Пултуска къ нижней Вислѣ предначертанному, а въ послѣднемъ они очевидно попали въ сѣть, имъ поставленную.

11-го іюля Головинъ получилъ отъ корпуснаго командира слѣдующее повелѣніе: если бы дѣйствительно непріятель въ значущихъ силахъ встрѣтитъ генераль-адъютанта Ридигера, то, по возможности, содѣйствовать ему, не теряя изъ вида, что когда бы Поляки находились въ превосходныхъ силахъ, то *полезнѣе отклоняться отъ неравнаго боя*, а болѣе отвлекать войска мятежниковъ отъ Варшавы, для облегченія рѣшительныхъ дѣйствій арміи, въ исполненіе предначертанія Главнокомандовавшаго. Равнымъ образомъ Головинъ не долженъ былъ слишкомъ отстраняться влѣво отъ шоссе, ибо, по назначенію графа Паскевича, баронъ Розенъ былъ обязанъ охранять также Бѣлостокскую область, а Головинъ, наступая по шоссе, отдалить непріятеля отъ границъ ея. Впрочемъ корпусный командиръ подтвердилъ Головину нисколько не отступать отъ первоначальнаго назначенія, даннаго его отряду Главнокомандовавшимъ и въ точности барономъ Розеномъ изложеннаго, для неотступнаго руководства во всѣхъ случаяхъ.

Для поддержанія авангарда баронъ Розенъ выставилъ, какъ видѣли, еще прежде въ Бялу эшелонъ изъ полковъ Волын-

скаго пѣхотнаго и егерскихъ 49 и 50; теперь, чтобы Головину доставить болѣе возможности дѣйствовать сходно съ назначеніемъ Главнокомандовавшаго, баронъ Розенъ оставилъ всѣ эти войска въ его распоряженіи, присоединивъ къ нимъ и Минскій пѣхотный полкъ.—47 и 48 егерскіе полки, какъ потерпѣвшіе отъ предъидущихъ дѣйствій, такъ и потому, что во всѣхъ трехъ дивизіяхъ корпуса егерскіе полки были слабѣе прочихъ, онъ возвратилъ въ Брестъ, равно и роты Молдинскаго пѣхотнаго полка, занимавшія Бялу и Мендзыржець, дабы, прибывшій туда, командиръ этаго полка, по соединеніи всѣхъ частей его, могъ поспѣшнѣе привести все въ надлежащее устройство. Кавалерія въ отрядѣ Головина оставалась прежняя, равно и артиллерія, состоявшая изъ 4 батарейныхъ, 6 легкихъ и 4 конныхъ орудій.

Отправленный, при выступленіи изъ Бялы, къ непріятельскимъ аванпостамъ адъютантъ Муравьевъ съ письмами отъ плѣнныхъ офицеровъ возвратился по утру на другой день, 12-го іюля, и донесъ, что на канунѣ два непріятельскіе эскадрона находились еще въ Сѣдльцѣ; но что самый аррьергардъ корпуса мятежническаго нашелъ онъ уже въ Минскѣ, гдѣ и отдалъ письма самому Хржановскому, который, при этомъ свиданіи, сказалъ ему, между прочимъ, что армія наша безпрепятственно переправилась черезъ Вислу, при Осѣкѣ. Такимъ образомъ, первое извѣстіе объ этомъ важномъ событіи дошло до Головина черезъ самого непріятеля. Тутъ же Муравьевъ узналъ отъ жителей подробности покушенія Скржинецкаго на Сѣдлецъ, а именно: что 8-го іюля по утру, въ одно и то же время, когда Хржановскій съ отрядомъ своимъ выступилъ въ боевомъ порядкѣ изъ Збучина къ Сѣдльцу, главныя силы мятежническія, подъ начальствомъ самого Скржинецкаго, направлены были туда же, по дорогамъ отъ Доманицъ и Кошцевъ, чтобы, окруживъ отрядъ Головина, захватить его весь и уничтожить; но что, не успѣвъ въ этомъ предпріятіи, войска непріятельскія перешли, того же числа, за Мухавецъ, и поспѣшно отступили къ Прагѣ, какъ сказано выше.

Между тѣмъ, черезъ развѣзды, получены свѣдѣнія, будто бы нѣкоторая часть непріятельскихъ войскъ осталась еще въ окрестностяхъ Сѣрочина. Съ другой стороны дошли слухи, что мятежники показались близъ Соколова и Дрогичина. Но

какъ первое изъ этихъ извѣстій заставляло думать, что непріятель намѣренъ сдѣлать покушеніе противъ генераль-адъютанта Ридигера, то дабы воспрепятствовать такому намѣренію, Головинъ рѣшился идти, со всѣмъ своимъ отрядомъ, къ Лукову, занявъ предварительно Сѣдлецъ казачьимъ полкомъ. Для наблюденія за мятежниками, показавшимся около Соколова и Дрогичина, отправленъ 13-го іюля летучій отрядъ изъ 200 человекъ пѣхоты и конницы, подъ начальствомъ штабсъ-капитана генеральнаго штаба Цуканова; а для прикрытія Бреста-Литовскаго оставленъ былъ въ Мендзыржецѣ генераль-маіоръ Бриземанъ съ тремя баталіонами пѣхоты и съ шестью орудіями артиллеріи. Самый городъ Мендзыржецъ приведенъ былъ, по возможности, въ оборонительное состояніе.

По прибытіи войскъ въ Луковъ, 14-го іюля, разъѣзды наши, посланные къ Сточку, Сѣрочину и Серокомль, нигдѣ непріятели не встрѣтили; но, вмѣсто того, въ Коцкѣ нашли сильный кавалерійскій пикетъ отъ корпуса генерала Ридигера. Въ то же время были слухи отъ жителей, будто бы одна часть арміи непріятельской, при отступленіи своемъ изъ Минска къ Варшавѣ, обратилась къ Зелехову. Отъ казачьихъ же разъѣздовъ получались донесенія, что и на рѣчкѣ Костржинѣ встрѣчаются еще конныя непріятельскія партіи.

Генераль-адъютантъ Ридигеръ, узнавъ о прибытіи авангарда 6-го корпуса въ Луковъ, немедленно пригласилъ Головина содѣйствовать ему, въ предпринимаемой имъ при Казимиржѣ переправѣ черезъ Вислу, демонстраціями, между Вѣршемъ и Сѣдлецкимъ шоссе. А какъ Головинъ съ этой единственно цѣлю и приблизился къ Люблинскому воеводству, то и располагалъ, 16-го іюля, двинуться на Сточекъ, откуда могъ удобнѣе дѣлать поиски къ Зелехову, Гарволину и Сѣнницѣ и угрожать непріятелю, если бы онъ вознамѣрился дѣйствовать во флангъ корпуса Ридигера.

Среди этихъ приготовленій получено извѣстіе отъ летучаго отряда, отправленнаго къ Дрогичину, что, не задолго до его туда прибытія, переправился тамъ черезъ Бугъ отрядъ мятежническихъ войскъ, состоявшій изъ пѣхоты и кавалеріи, числомъ около тысячи человекъ, подъ начальствомъ партизана Ружицкаго съ тѣмъ, чтобы пробраться въ Литовскія

губерніи. Между тѣмъ, въ ночи на 15-е іюля, получено, черезъ нарочнаго, слѣдующее повелѣніе корпуснаго командира, отъ 14-го іюля, изъ города Бреста:

«Прилагая Вашему Превосходительству извѣстіе о непріятелѣ, предлагаю какъ можно поспѣшить возвратиться къ Бресту, сообщивъ генераль-адъютанту Ридигеру о происхожденіи. Въ Бялой оставите аванпосты Ваши, въ Залъсѣ небольшой арріергардъ. О часѣ полученія сего и времени прибытія къ Бресту не оставьте извѣстить меня съ симъ посланнымъ.»

Въ упомянутомъ *спискѣ съ извѣстія изъ Бреста Литовскаго* было сказано: «12-го числа сего іюля непріятель вошелъ въ Дрогичинъ и оттуда направился черезъ Мелейчицы въ Клацельмъ. Авангардъ подъ командою генерала Рожевскаго прибылъ сего 14-го числа утромъ въ Половцы и долженъ былъ слѣдовать къ Каменцу. Дальнѣйшее направленіе неизвѣстно; говорятъ, что корпусъ сей пойдетъ или на Кобринъ, или на Кролевъ-Машъ въ пушу; слышно, что другія войска назначены туда же собраться и потомъ дѣйствовать на Брестъ, или иначе, по обстоятельствамъ. Вторгнувшійся корпусъ состоитъ подъ начальствомъ генерала Ромарино: неизвѣстно точно, сколько заключаетъ войскъ, но, по показанію перваго взятаго плѣннаго, въ ономъ находится около 10 баталіоновъ пѣхоты, 12 эскадроновъ кавалеріи и около 20 пушекъ.»

Хотя и не подверглось никакому сомнѣнію, что мнимый непріятельскій корпусъ, переправившійся черезъ Бугъ въ Дрогичинъ, былъ не что иное, какъ упомянутый выше отрядъ Ружицкаго, не менѣе того, однакожь, надобно было исполнить повелѣніе, и Головинъ, со всѣми своими войсками, возвратился въ Мендзыржецъ, отправивъ нарочнаго къ генераль-адъютанту Ридигеру съ увѣдомленіемъ о перемѣнѣ, послѣдовавшей по распоряженіямъ командира 6-го корпуса *).

*) Генераль-адъютантомъ Ридигеръ *весьма сожалѣлъ*, что *весьма непріятный случай* вновь отлегалъ Головина оказать ему *полезное содѣйствіе въ предпринимаемой имъ переправѣ*, и въ то же время былъ *почти увѣренъ*, что *опасность не столь велика какъ полагаютъ*, и *покушеніе непріятели на Дрогичинъ не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій*. Мѣры принятыя Риди-

Заключеніе Евгенія Александровича не замедлило подтвердиться на самомъ дѣлѣ: по прибытіи въ Менздыржець онъ получилъ новое повелѣніе генераль-адъютанта барона Розена, отъ 15-го іюля за № 1049, изъ Бреста-Литовскаго, въ которомъ послѣдній писалъ:

« По полученнымъ мною достовѣрнымъ извѣстіямъ непріятельскій отрядъ, вошедшій 12-го числа въ Дрогичинъ, состоитъ изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи, одного эскадрона офицеровъ, двухъ ротъ пѣхоты, 100 съ небольшимъ чело-вѣкъ стрѣлковъ и двухъ орудій. Сей отрядъ 14-го числа направился къ Опокѣ, вблизи преслѣдуемый генераль-маіоромъ Боленомъ; но подтверждается извѣстіе, что 14-го же числа корпусъ изъ 7000 или 8000 долженъ былъ прибыть въ Дрогичинъ; также есть донесеніе, будто бы отъ Дрогичина потянулись войска къ шоссе.—О чемъ извѣщая Вампе Превосходительство, прошу немедленно отправить

геромъ по этому случаю изложены въ слѣдующемъ рапортѣ его генераль-адъютанту барону Розену, отъ 16-го іюля 1831 года, за № 1779:

« Генераль-лейтенантъ Головинъ сообщилъ мнѣ извѣстіе о вторженіи мятежниковъ 12 числа іюня черезъ Дрогичинъ въ Гродненскую губернію, и предписаніе Вашего Высокопревосходительства по сему случаю слѣдовать ему немедленно къ Бресту.

«Партіи мои, дошедшія до Стрѣкомли, Окржеи, Зелехова, Радзына и Лукова, непріятеля нигдѣ не встрѣтили, и схваченные вчера около Зелехова Польской службы поручикъ и особо два рядовыхъ утверждаютъ, что непріятельскія войска, бывшія между Вѣпржемъ и шоссе, и наступившія на генераль-лейтенанта Головина, отозваны къ Варшавѣ, кромѣ отрядовъ, разосланныхъ для произведенія поголовнаго вооруженія въ Подляскомъ воеводствѣ.

«Сія извѣстія и соображеніе обстоятельствъ побуждаютъ меня предполагать, что войска, перешедшія Бугъ въ Дрогичинъ, должны быть въ гораздо меньшихъ силахъ, какъ извѣстно по слухамъ, и суть только партизанскій отрядъ, воспользовавшійся близостию разстоянія Варшавы отъ Дрогичина, для сдѣланія демонстраціи вторженіемъ въ границы, и потому въ скорости будетъ уничтоженъ войсками Вашими.

«Оправдается ли сіе мое предположеніе, или непріятель дѣйствительно рѣшился значительною частію своихъ силъ, черезъ Дрогичинъ, вторгнуться въ границы, если мнѣ будетъ позволено изложить мое мнѣніе, я полагаю необходимымъ удержать на лѣвомъ бе-

легкую партію къ Дрогичину и не иначе остановить пѣхоту Вашу въ Менздыржецахъ, если имѣется совершенно вѣрное свѣдѣніе, что кромѣ вышеупомянутаго партизанскаго отряда никакихъ непріятельскихъ войскъ не находится ни въ Дрогичинѣ, ни между онымъ и шоссе, а равно и отъ Соколова не направляется къ оному; въ противномъ случаѣ направьте пѣхоту Вашу къ Бялой, занявъ Менздыржець и Радзынъ кавалерійскими постами; къ Дрогичину же или другому мѣсту нахожденія непріятеля сдѣлайте рекогносцировку, разумѣется, не подвергая назначенныхъ на сіе войскъ большой опасности быть отрѣзанными или атакованными превосходнымъ числомъ. Сообщите копію съ сего генераль-адъютанту Ридигеру.—По объясненіи обстоятельствъ я не премину дать Вамъ разрѣшеніе для возможнаго ему содѣйствія. Сверхъ того увѣдомляю Ваше Превосходительство, что вообще въ Гродненской губерніи начинаютъ выказываться воз-

регу Буга выдвинутый сильный отрядъ, безъ чего непріятельскія партіи будутъ имѣть полную свободу приближаться къ границамъ и переходить оныя, когда имъ вздумается, для распространенія тревоги, и наконецъ они нападутъ на пути сообщеній Вашихъ.

«Я хотя, при настоятельномъ требованіи Главнокомандующаго дѣйствующею арміею ускорить переходомъ моимъ на лѣвую сторону Вислы, приступилъ уже къ постройкѣ моста; но извѣстія о наступательныхъ вновь движеніяхъ мятежниковъ отъ Варшавы къ Бресту и Вѣпржу побудили меня, поручивъ генераль-адъютанту барону Гейсмару съ частію войскъ продолжать работы, съ остальными занять наблюдательное положеніе на позиціи у м. Гарбова, въ ожиданіи прибытія назначенной для усиленія меня первой бригады 11 пѣхотной дивизіи. Съ прибытіемъ сей бригады, если подтвердится предположеніе мое, что непріятель дѣйствуетъ между Вѣпржемъ и Бугомъ одними партизанскими отрядами, я, оставивъ для отраженія оныхъ и охраненія Люблинскаго воеводства сообразное число войскъ, совершу переходъ мой за Вислу; въ противномъ случаѣ, если непріятель въ большихъ силахъ въ Подляскомъ воеводствѣ, двинусь вновь за Вѣпржъ, дабы войти въ соединеніе съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ и дѣйствовать совокупно къ пораженію мятежниковъ, и потому, если не будетъ упущено еще время, переправиться за Вислу. Почему имѣю честь покорнѣйше просить извѣщать меня о послѣдствіяхъ вторженія непріятеля въ границы, и всѣхъ свѣдѣніяхъ о намѣреніяхъ онаго, какія дойдутъ до Васъ, дабы я могъ сходно онымъ расположить мои дѣйствія.»

мутительныя намѣренія: въ Новогрудкѣ маршалъ Кашицъ вооружился; извѣстный Солтанъ также. Мы не можемъ пренебрегать сими вооруженіями, къ коимъ мятежники имѣли болѣе времени приготовиться, нежели волынскіе и самогитскіе.»

17-го баронъ Розенъ увѣдомилъ начальника авангарда, что шайка партизана Дембиньскаго, разбитая будто бы въ предѣлахъ Россіи, и преслѣдуемая генералами Савоини и Никитинымъ, на обратномъ пути своемъ достигла селенія Рудни въ Бѣловѣжской пушчѣ, куда идетъ на соединеніе къ ней Ружицкій. Баронъ Розенъ, самъ рѣшившись двинуться изъ Бреста противъ этихъ войскъ, предписывалъ Головину сдѣлать поискъ къ Лукову и Сѣдльцу *).

*) Сообщаемъ повелѣніе генералъ-аютанганта барона Розена генералъ-лейтенанту Головину, отъ 16-го іюля, за № 1064, изъ Бреста-Литовскаго, по многимъ обстоятельствамъ, въ немъ излагаемымъ, весьма важное:

«На рапортъ Вашего Превосходительства, за № 152, съмъ увѣдомить честь имѣю, что отрядъ графа Цукато изъ Янова выступилъ, уланы расположились въ Неплѣ, а егеря прибыли въ Брестъ. Для обезпеченія же Вашего праваго фланга и охраненія шоссе, сверхъ летучаго отряда штабсъ-капитана Суханова, необходимы отъ авангарда и частые разѣзды легкой кавалеріи, по направленію отъ Мордъ къ Дрогичину.

«На сообщаемыя Вашимъ Превосходительствомъ извѣстія и на прочіе предметы въ рапортѣ заключающіеся, отвѣчаю:

«На 1. Съ откомандированіемъ отряда, вторгнувшагося въ предѣлы имперіи при Дрогичинѣ, непріятель не могъ не подвинуть постовъ своихъ къ Сѣдльцу противъ войскъ, въ тоже время опять на шоссе вошедшихъ, а равно и для отвлеченія вниманія ихъ отъ прорывающаго на Бугъ.

«На 2. Извѣстія, что войска мятежниковъ не только не переходятъ за Вислу, но еще болѣе съ той стороны на правомъ берегу усиливаются, не взирая на приближеніе главныхъ силъ нашихъ къ Варшавѣ, столь хороши, что и вѣрить имъ опасно. Относительно же 18,000, собранныхъ въ Сточкѣ, Сѣрочинѣ, Лятовичахъ съ окрестностями, т. е. со всѣмъ тѣмъ, что находится на шоссе отъ Костржина къ Прагѣ, можно полагать, что войска сіи имѣютъ порученіе охранять все пространство, не занятое нами, пользоваться всѣми выгодами, какія только могутъ безъ потери людей представиться, и звать части края, нами по обстоятельствамъ оставляемыя; съ переходомъ же генералъ-аютанганта Ридигера за Вислу, итъ

Повелѣніе это было на другой же день исполнено и отряды войскъ, на то употребленные, возвратились къ ночи того же дня. При этомъ случаѣ полковникъ баронъ Зедделеръ, бывший съ отрядомъ въ Сѣдльцѣ, слышалъ отъ тамошнихъ жителей, что въ войскахъ мятежническихъ господствовало всеобщее негодованіе противъ Скржинецкаго, и что угрожаютъ даже удаленіемъ его отъ начальства за то, что онъ, обративъ большую часть войскъ своихъ противъ малаго отряда Головина, тѣмъ самымъ допустилъ главную нашу армію безпрепятственно переправиться черезъ Вислу.

Іюля 19-го получено отъ корпуснаго командира увѣдомленіе, что Дембиньскій, по соединенію съ Ружицкимъ, преслѣдуемый нашими войсками, ищетъ пробраться изъ Бѣло-

сомнѣнія, что мятежники могутъ занять воеводство Люблинское; но сіе, какъ кажется, не доставитъ успѣховъ ихъ арміи на лѣвомъ берегу; отъ занятія же воеводства намъ особенной опасности, по мнѣнію моему, предстоять не можетъ.

«На 3. Отрядъ, не прорвавшійся въ предѣлы Россіи, но просто прибывшій къ Бугу и вошедшій въ Дрогичинъ, состоитъ гораздо болѣе, нежели изъ 1000 человекъ, и ежечасно увеличивается охотниками. Онъ находится подъ командою генерала Ружицкаго. Отрядъ генералъ-маіора Боленя, не допустивши его пройти черезъ Бѣльскъ, слѣдуетъ за нимъ по пятамъ въ Бѣловѣжскую Пушчу, а какъ Ружицкій и войска съ нимъ находящіеся отдѣлились отъ корпуса Ромарина, то и успѣли разгласить, что онъ самъ прибылъ съ корпусомъ; впрочемъ до сихъ поръ нельзя рѣшительно сказать, чтобы за Ружицкимъ, отвлекшимъ за собою отряды наши отъ границы, не появились другіе отряды войскъ Хржановскаго, т. е. отъ корпуса Ромарино; ибо Рыбиньскій, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, ушелъ на лѣвый берегъ Вислы, а бурмистръ м. Лукова могъ въ прошедшее воскресенье лично видѣть Ромарино въ Минскѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тотъ же день, и часть войскъ его могла направиться къ Бугу, для обезпеченія переправы къ другой части. Главнѣйшій же успѣхъ Ружицкаго заключаться будетъ въ томъ, если онъ успѣетъ соединиться въ Бѣловѣжской Пушчѣ съ Дембицкимъ, взявшимъ туда свое направленіе. Вмѣстѣ они будутъ довольно сильны, чтобы дѣйствовать открыто въ краю, готовомъ къ возмущенію; а тогда мнѣ будетъ нужно имѣть болѣе войскъ, почему я не могу ни успѣть Ваше Превосходительство, ни согласиться на удаленіе войскъ Вашихъ далѣе, нежели на два перехода отъ Бреста, т. е. за Мендзыржець.

«На 4. Существенная польза отъ авангарда Вашего Превос-

вѣжской пуши въ Польшу, и что самъ баронъ Розень идетъ отрѣзать ему отступленіе въ мѣстечкѣ Семячинѣ или Дрогичинѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ Головинъ получилъ предписаніе принять съ своей стороны мѣры, чтобы эти мятежническія шайки не пробрались въ Варшаву.

По смыслу означеннаго предписанія корпуснаго командира надобно было полагать, что Дембинскій не прежде успѣетъ переправиться черезъ Бугъ въ Дрогичинѣ, какъ на слѣдующій день, то есть 20-го іюля; а потому Головинъ 19-го

ходительства достигнута въ полной мѣрѣ тѣмъ, что Вы способствовали къ удержанію знатной части войскъ непріятельскихъ на правомъ берегу Вислы. Въ семъ одномъ заключалось желаніе г. Главнокомандующаго, и къ сей единственно цѣли предназначенъ авангардъ Вашъ; между тѣмъ часть войскъ, располагая кругъ дѣйствій по силѣ своей и возможности, обязана всегда ограждать себя бдительностію отъ потерпѣнія какого-либо урона; кавалерія же въ особенности сотворена для сего.

«На 5. Авангардъ Вашего Превосходительства, конечно, никогда не будетъ въ состояніи помѣшать на отдаленныхъ пунктахъ границъ нашихъ вторженію непріятеля; но быстротою и бдительностію легкихъ партій можетъ всегда предохранять угрожаемый пунктъ благовременнымъ извѣщеніемъ о движеніи непріятеля; относительно же собиранія продовольствія и набиранія рекрутъ, то ни какая сильная армія не въ состояніи воспретить онаго непріятелю въ кругу его расположенія; для отнятія же у мятежниковъ сихъ выгодъ дѣйствительно бы надобно было приблизиться къ Прагѣ, блокировать оную и не позволить ни одной части выходить изъ окоповъ; но для сего нужно имѣть и сильную армію, которая не имѣла бы никакого другаго назначенія, кромѣ какъ наблюдать за одвою Прагою. По случаю предполагаемаго движенія, здѣсь нуженъ генеральнаго штаба полковникъ Горскій, а по сему и прошу Ваше Превосходительство приказать ему прибыть ко мнѣ въ Брестъ. По полученнымъ свѣдѣніямъ о быстромъ слѣдованіи Дембицкаго на соединеніи съ Ружицкимъ, я назначилъ сильный отрядъ, который готовъ уже къ выступленію; а между тѣмъ для усиленія укрѣпленій прошу Ваше Превосходительство обратить сюда Минскій пѣхотный полкъ, командировавъ въ Балю полубаталіонъ Волинскій. Не имѣя достаточно кавалеріи, за откомандированіемъ оной въ отрядъ, я прошу Ваше Превосходительство занять кавалерійскимъ постомъ Дрогичанскую переправу, для благовременнаго Васъ извѣщенія въ случаѣ появленія непріятеля близъ сего пункта съ которой либо стороны Буга.»

числа вечеромъ выступилъ изъ Мендзыржеца, съ большею частію своего отряда, въ мѣстечко Морды. Прибывъ туда на другой день по утру, онъ отправилъ немедленно адъютанта своего Муравьева къ Дрогичину, чтобы освѣдомиться о непріятелѣ; самъ же, давъ отдохнуть войскамъ, которыя въ эту ночь сдѣлали болѣе сорока верстѣ, выступилъ къ селенію Папротнѣ, откуда, смотря по надобности, можно было идти на Грану или Дрогичинѣ.

Пока авангардъ дѣлалъ переходъ этотъ отъ Мендзыржеца, штабсъ-капитанъ Цукановъ съ летучимъ отрядомъ успѣлъ уже достигнуть Буга, и на пути своемъ, ввязъ по лѣвому берегу этой рѣки, узналъ, что мятежническіе партизаны Дембинскій, Ружицкій и Кушель съ шайками своими, числомъ около 5000 человекъ и съ восемью орудіями, переправясь въ Нурѣ, еще 20-го числа, прошли мѣстечко Стердынѣ, а оттуда потянулись на Ядовъ; что шайки эти, составленныя изъ всякой сволочи, отчасти даже и невооруженныя, избѣгая встрѣчи съ нашими войсками, съ величайшею поспѣшностію и безъ всякаго устройства старались только пробраться къ Варшавѣ. Донесеніе это отъ Цуканова пришло уже изъ Соколова, а адъютантъ Муравьевъ подтверждалъ тѣ же самыя извѣстія изъ Дрогичина. Головинъ, усматривая невозможность настигнуть эти толпы мятежниковъ съ цѣлымъ своимъ авангардомъ, далъ повелѣніе наблюдать ихъ только легучему отряду Цуканова, самъ же, со всѣми своими войсками, пошелъ къ Сѣдльцу.

По прибытіи въ Сѣдлецъ получено отъ корпуснаго командира слѣдующее повелѣніе, отъ 21-го іюля за № 1101, изъ деревни Острожаны.

«По волѣ г. Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, изъясненной мнѣ въ предписаніи Его Сіятельства отъ 12-го іюля за № 3167, предписываю Вашему Превосходительству по отступленіи нынѣ непріятеля, противъ Васъ находившагося, слѣдовать за онымъ въ одномъ маршѣ, но не менѣе того со всевозможною осторожностію. Главнымъ правиломъ Его Сіятельства поставляетъ Вамъ отнюдь не раздѣляться, ибо и значительнѣйшія силы Ваши, будучи раздѣлены, дѣлаются слабыми въ каждомъ пунктѣ. Достаточно имѣть боковыя кавалерійскія сильныя партіи, которыя бы заблаговременно извѣщали о движеніяхъ непріятеля; но отнюдь для сего не

раздѣляться, а имѣть всѣ силы соединенными и эталированными по одному направленію. Для удобнѣйшаго исполненія сего, Вы усиливаетесь Муромскимъ пѣхотнымъ и Волинскимъ уланскимъ полками. Первый завтрашняго числа изъ Цѣхановца переходитъ въ Острожаны, откуда можете ему дать дальнѣйшее направленіе по Вашему усмотрѣнію; двумъ ротамъ онаго, находящимся въ Бѣловѣжѣ, вмѣстѣ съ симъ предписывается въ три перехода прибыть въ Брестъ—Литовскій, откуда оныя немедленно будутъ отправлены по шоссе до Мендзыржеца; дальнѣйшее направленіе должны получить отъ Васъ. Волинскій уланскій полкъ завтра переходитъ въ Дрогичинъ, гдѣ и будетъ ожидать приказанія Вашего. По обоимъ флангамъ Вашимъ предлагаю имѣть небольшіе летучіе отряды, дабы быть въ связи вправо съ постами моими или генераль—маіора Пиллера, если Вы будете находиться на одной съ нимъ высотѣ, а влѣво съ постами или партіями генераль—адъютанта Ридигера.

« Движеніе Ваше впередъ само собою прикрываетъ Люблинское воеводство отъ вторженія непріятеля, для дѣйствій въ тылъ генераль—адъютанту Ридигеру; но если бы для сего непріятель отрядилъ слабѣйшій Вашего отрядъ и Вы могли бы (не опасаясь потерять сообщенія Вашего съ шоссе и Брестомъ) дѣйствовать въ тылъ оному, то можете сіе предпринять, не углубляясь однакоже въ Люблинское воеводство и не подвергаясь неравному бою съ непріятелемъ, превосходнѣйшемъ въ силахъ, а всегда направляясь къ Бресту. »

Въ ожиданіи этого подкрѣпленія, авангардъ остановился въ Сѣдльцѣ, а сильныя кавалерійскія партіи, вмѣстѣ съ летучимъ отрядомъ Цуканова, распространили поиски свои въ разныхъ направленіяхъ: прямо по шоссе къ Калушину, вправо до рѣки Буга, а влѣво до Вѣрша. Въ это время получено извѣстіе, что Дембинскій съ своими шайками, пройдя 21—го іюля Ядовъ, вступивъ въ Прагу 23—го числа. Генераль—адъютантъ Ридигеръ, съ своей стороны, увѣдомлялъ, что корпусъ его долженъ переправиться черезъ Вислу близъ Юзефова, между 23 и 25 числами іюля.

Іюля 25—го всѣ войска авангарда перешли въ Калушинъ; казачій полкъ расположился при Ендржеевѣ, а передовые посты заняли Минскъ и послали развѣзды до Милосны. Вновь составленный летучій отрядъ, подъ начальствомъ под-

полковника Дучинскаго, пошелъ на Сѣвницу, а отрядъ Цуканова отправился къ Добре и Ядову, чтобы разсѣять поголовное ополченіе (*pospolite ruszenie*), начинавшее составляться въ тѣхъ мѣстахъ. Адъютантъ Муравьевъ, отправленный 26—го іюля къ непріятельскимъ аванпостамъ, съ письмами отъ плѣнныхъ, по возвращеніи своемъ донесъ, что онъ до самой Праги нигдѣ непріятеля не встрѣтилъ.

Іюля 27—го главная часть авангарда оставалась еще въ Калушинѣ; отрядъ пѣхоты съ большею частію кавалеріи, усиленной Волинскимъ уланскимъ полкомъ, расположенъ былъ въ Минскѣ; казачій полкъ, занявъ Дембы—Вѣльки, послалъ развѣзды до Вавра и Грохова; а подполковникъ Дучинскій, съ летучимъ своимъ отрядомъ, достигнувъ Вислы близъ Потычъ, истребилъ остатки моста, который прежде еще устроенъ былъ тамъ мятежниками. Того же дня полковникъ Врангель, съ своимъ Польскимъ уланскимъ полкомъ, сдѣлалъ поискъ изъ Сѣвницы къ Карчеву, и невзирая на огонь, открытый противъ него съ противоположнаго берега изъ двухъ орудій, нарочно по этому случаю изъ Варшавы привезенныхъ, истребилъ всѣ перевозные суда и паромы, находившіеся на этомъ берегу рѣки, противъ Гурь—Кальваріи, нѣсколько выше Карчева, послѣ чего, въ ночи, отшелъ въ Глинянку. Въ тотъ же день выходцы изъ Варшавы принесли извѣстіе, что сильная колонна войскъ мятежническихъ выступила оттуда противъ генерала Ридигера, который по слухамъ переправился уже черезъ Вислу и находился въ Радомѣ, и что главныя наши силы подвинулись къ Сохачеву.

По всему вышеприведенному Головинъ заключая, что мятежники советѣмъ оставили правый берегъ Вислы и сосредоточивали силы свои противъ арміи за Варшавою, предпринялъ 29—го іюля сильную рекогносцировку, съ большею частію своей кавалеріи, подъ самую Прагу, какъ для ближайшаго развѣданія о положеніи дѣлъ, такъ и для того, чтобы, угрожая непріятелю съ этой стороны, заставить его вновь раздѣлить свои силы. Для исполненія этого вся пѣхота авангарда перешла къ Минску и Дембамъ—Вѣлькимъ, а кавалерія, пройдя Милосну, приблизилась къ самой Прагѣ. Подъ Пражскими укрѣпленіями встрѣтила она два непріятельскіе эскадрона, которые поддерживаемы были пѣхотою, рас-

положенною за наружными укрѣпленіями этого предмѣстія. Пока фланкеры наши находились въ перестрѣлкѣ съ фланкерами непріятельскими, Головинъ, подъѣхавъ къ чугунному монументу, воздвигнутому въ память постройки шоссе, обозрѣвалъ оттуда укрѣпленія Праги и ея окрестности. Тутъ, удостовѣрившись, что непріятель имѣлъ въ Прагѣ весьма мало войска, онъ отдалъ приказаніе, чтобы съ наступленіемъ ночи кавалерія наша возвратилась къ Милоснѣ, оставивъ при Ваврѣ и Гроховѣ наблюдательные пикеты. При этомъ столица Царства была встревожена нѣсколькими нашими пушечными выстрѣлами и сигнальными ракетами *).

Отъ штабсъ-капитана Цуканова получено тѣмъ временемъ донесеніе, что онъ доходилъ до Радзымина, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля; но что, найдя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у жителей оружіе, истребилъ его. Подполковникъ Дучинскій съ своимъ отрядомъ взялъ путь вверхъ по правому берегу Вислы, а партіи и разъѣзды его доходили до Маѣвиць и Варгоцина. Когда одна изъ этихъ партій, подъ командою Польскаго уланскаго полка поручика Шишки, находилась въ селеніи Караскахъ, то сотникъ Кульхачевъ, съ нѣсколькими казаками, переправился на ту сторону Вислы

*) Вслѣдъ за этимъ Головинъ получилъ повелѣніе генераль-адъютанта барона Розена, отъ 29-го іюля, за № 1174, изъ Рогозницы, въ которомъ было сказано:

«Извѣщаю Ваше Превосходительство, что во исполненіе Высочайшей Его Императорскаго Величества воли я слѣдую для совмѣстныхъ съ авангардомъ дѣйствій. Ваше Превосходительство прошу между тѣмъ продолжать дѣйствовать сообразно съ данными Вамъ предписаніями, извѣщая меня ежедневно о происходящемъ у Васъ. Я направляюсь на Сѣдлецъ и дѣйствовать буду, смотря по обстоятельствамъ и получаемымъ отъ Васъ извѣстіямъ.

«При семъ считаю долгомъ сказать Вашему Превосходительству, что изъ диспозиціи Вашей на 28 и 29 числа вижу: при предполагаемой рекогносцировкѣ Вы раздѣлили кавалерію Вашу на три колонны, назначивъ онѣмъ наступать въ довольно далекомъ одна отъ другой разстояніи. Вашему Превосходительству извѣстна воля г. Главнокомандующаго, чтобы Вы избѣгали раздѣлять войска Ваши, и я полагаю, что и въ семъ случаѣ надежнѣе было бы имѣть массу Вашей кавалеріи по одному направленію, наблюдая за другими дорогами однѣми партіями: раздѣляясь же на три колонны, кавалерія Ваша дѣлается слабою на каждомъ пунктѣ.

въ мѣстечко Рычиваль, гдѣ принять былъ жителями самымъ дружелюбнымъ образомъ. Они подтвердили ему слухи о занятіи Радома Ридигеромъ, изъявляя притомъ желаніе, чтобы Русскіе пришли скорѣе и избавили ихъ отъ притѣсненій мятежнаго правительства, истощающаго ихъ налогами. Кульхачевъ переправился обратно на правый берегъ, и присоединился къ партіи своей, безъ всякой неблагопріятной встрѣчи.

Въ продолженіи этихъ различныхъ переходовъ и поисковъ, Головинъ принималъ всѣ мѣры, чтобы не допустить образоваться поголовному ополченію, къ которому революціонное правительство принуждало жителей, черезъ нарочно высланныхъ изъ Варшавы агентовъ. Легучіе наши отряды, при помощи конныхъ партій, истребляли оружіе вездѣ, гдѣ только находили; въ мѣстечкахъ и селеніяхъ возстановляли спокойствіе и порядокъ, а собранныхъ для поголовнаго ополченія поселянъ распускали по домамъ. При этомъ случаѣ не безъ удивленія можно было замѣтить, что тѣ изъ жителей, которыхъ постигли бѣдствія войны, которыхъ дома сдѣлались жертвою пламени, кои потеряли весь свой скотъ и имущество, однимъ словомъ видѣли всѣ надежды свои на долгое время погибшими, тѣ были смиренны и покорны: они проклинали революцію и жаждали только возвращенія порядка и спокойствія; между тѣмъ какъ другіе, наслаждавшіеся еще полнымъ благоденствіемъ, коихъ не коснулась губительная рука войны, напротивъ были упрямы и дерзки: мечтали видѣть залогъ благополучія своего только въ покушеніяхъ революціонныхъ, какъ будто бы благоразуміе не могло достаться имъ въ удѣлъ иначе, какъ съ потерю всего ихъ благосостоянія, и какъ бы одно только конечное разореніе могло заставить ихъ опомниться.

Хотя Головинъ и встрѣтилъ отчасти препятствія въ намѣреніяхъ своихъ, имѣвшихъ исключительную цѣлю содѣйствовать предпріятіямъ генераль-адъютанта Ридигера, какъ о томъ упомянуто выше, не менѣе того, однакожь, нельзя оспаривать, чтобы дѣйствія его, начиная отъ 14-го іюля, не способствовали дѣятельно успѣху переправы черезъ Вислу генерала Ридигера, котораго мятежники не тревожили потому только, что непрерывно заняты были Головинымъ на Сѣдлецкомъ шоссе и угрожаемы его демонстраціями.

Появленіе войскъ нашихъ передъ Прагою и въ окрестностяхъ ея вдоль праваго берега Вислы, имѣло еще важнѣйшія послѣдствія: сначала оно стѣснило только, а потомъ и вовсе пресѣкло доставку припасовъ съ этой стороны Вислы. Огромнѣйшіе обозы съ жизненными потребностями, шедшіе въ Варшаву, были обращены назадъ, и всѣ подвозы остановились, такъ, что правительство революціонное нашлось въ необходимости, для востановленія сообщенія съ Подлякіею, отрядить значительную часть войскъ своихъ на правый берегъ Вислы. Дальнѣйшія происшествія явили всю важность этого послѣдняго событія и обнаружили изыщность общаго плана кампаніи, двукратно приведеннаго въ исполненіе съ такимъ успѣхомъ, каковой не всегда встрѣчается въ стратегическихъ соображеніяхъ, столь сложныхъ и обширныхъ.

Войска авангарда оставались на позиціяхъ своихъ при Милоснѣ и Дембахъ-Вѣлькихъ до 3-го августа.—Укрѣпленная мятежниками позиція при Бржезинѣ была между тѣмъ обращена противъ Поляковъ. Летучіе отряды и разбѣды наши нигдѣ не встрѣчали непріятели, кромѣ какъ подъ Прагою.

Августа 3-го прибылъ въ Минскъ генераль-адъютантъ баронъ Розенъ, съ частію войскъ своего корпуса, и авангардъ, уменьшенный до семи баталіоновъ и девяти эскадроновъ съ десятью орудіями и однимъ казачьимъ полкомъ, всего числомъ до 5000 человекъ подъ ружьемъ, получилъ повелѣніе сосредоточиться у Дембовъ-Вѣлькихъ.

Въ тотъ же день штабсъ-капитанъ Цукановъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Муромскаго пѣхотнаго полка Сарабіею, отправленнымъ съ легкимъ отрядомъ къ Вислѣ, ниже Варшавы, для пресѣченія подвоза припасовъ, имѣли дѣло съ сильнымъ отрядомъ непріятельской пѣхоты, въ 14-ти верстахъ отъ Модлина, близъ Яблонны.

Въ это же время дошли къ намъ слухи о безпорядкахъ и убійствахъ, произведенныхъ въ Варшавѣ въ ночи $\frac{3}{13}$ августа.

Августа 6-го для содѣйствія предпріятію гвардейскаго генеральнаго штаба капитана Сливицкаго, который взялся сжечь Пражскій мостъ,—спустясь къ нему на легкихъ лодкахъ, по теченію рѣки,—всѣ передовые посты передъ Прагою были усилены и авангардъ подвинулся опять къ Мило-

снѣ. На другой день Головинъ, вмѣстѣ съ генераль-маіоромъ Вольховскимъ, еще разъ лично произвелъ рекогносцировку подъ самыми Пражскими укрѣпленіями. Въ ту же ночь, то есть съ 7-го на 8-ое августа, когда предпріятію Сливицкаго должно было исполниться, авангардъ двинулся къ Вавру, а оттуда къ Кавенчину, съ тѣмъ, чтобы штурмовать Прагу, еслибы удалось сжечь мостъ. Для этого саперы имѣли съ собою и лѣстницы. Самъ корпусный начальникъ съ остальными войсками подвинулся къ Вавру. Но поутру 8-го августа дано знать, что предпріятіе Сливицкаго не удалось; почему баронъ Розенъ приказалъ, чтобы авангардъ немедленно перешелъ на прежнюю свою позицію къ Милоснѣ. Казачій Ильина полкъ, послѣ перестрѣлки съ непріятельскою кавалеріею подъ Гроховымъ, отступилъ къ Вавру. На слѣдующій день войска 6-го корпуса перешли въ Минскъ, а авангардъ отступилъ въ Дембы-Вѣльки.

Августа 10-го получено, черезъ бѣжавшаго изъ Праги нашего плѣннаго, достовѣрное свѣдѣніе, что сильный корпусъ непріятельскихъ войскъ выступилъ на канунѣ изъ Варшавы и взялъ направленіе на Карчевъ. Такъ какъ генераль-адъютантъ баронъ Розенъ имѣлъ предписаніе, въ случаѣ перехода мятежническихъ войскъ на правый берегъ Вислы, заманивать ихъ сколько можно далѣе отъ Варшавы, то онъ и отступилъ со всѣмъ своимъ корпусомъ къ Сѣдльцу, давъ повелѣніе авангарду отойти къ Минску. Вечеромъ того же дня пришло донесеніе, что непріятель въ большихъ силахъ напалъ въ Карчевѣ на летучій отрядъ подполковника Дучинскаго, и вытѣснилъ его оттуда съ немалою потерей. При этомъ и самъ Дучинскій попался въ плѣнъ. На шоссе близъ Янувка показался было также эскадронъ кракусовъ,—родъ коннаго земскаго ополченія,—но былъ разбитъ на голову казаками Шлына, потерявъ одними только плѣнными 38 человекъ.

Августа 11-го поутру авангардъ отошелъ къ Калушину, гдѣ и оставался весь день. Полковникъ баронъ Зедделеръ, оставленный съ двумя полками казаковъ въ Дембахъ-Вѣлькихъ, простиралъ поиски свои до Милосны, и одна изъ его партій отбила у непріятели часть обоза съ разными съестными припасами, причемъ взято нѣсколько человекъ въ плѣнъ, и между прочимъ Англійскій медикъ. Черезъ разъ-

ѣзды получено извѣстіе, что мятежники, въ большомъ числѣ, показались около Осѣдка. По свѣдѣніямъ же отъ тайныхъ агентовъ и по слухамъ, которые носились между жителями, это былъ тридцати-тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Итальянца Ромарино, который будто бы искалъ прорваться въ предѣлы Россіи. Слышно было также, что тутъ находился князь Адамъ Чарторійскій, съ нѣкоторыми изъ членовъ мятежническаго правительства, и что они, вмѣстѣ съ войсками, пробираются будто бы заблаговременно въ Австрію.

Между тѣмъ корпусный командиръ, опасаясь чтобы не быть обойдену непріателемъ съ лѣваго своего фланга, даль, 13-го августа, предписаніе, чтобы авангардъ въ 10-ть часовъ вечера слѣдовалъ черезъ Куфлевъ въ Лятовичи, дабы угрожать непріателю съ боку, а казачій полкъ долженъ былъ идти на Парызовъ, чтобы тревожить его съ тылу.

Августа 14-го Головинъ, по прибытіи въ Лятовичи, узналъ тамъ, что мятежники продолжаютъ движеніе свое впередъ и идутъ на Зелеховъ, а потому, дабы приблизиться къ нимъ, пошелъ далье на селеніе Правду, гдѣ и расположился. Вскорѣ прибылъ туда и самъ корпусный командиръ со всеми войсками. Казачьи партіи простирали поиски свои до Зелехова, Горжна и Гарволива. Близъ послѣдняго мѣстечка онѣ отбили у непріателя часть обоза и взяли 40 человѣкъ въ плѣнъ.

Въ ночи на 14-е число полковникъ баронъ Зедделеръ отправленъ былъ съ 30 уланами Татарскаго полка въ Зелеховъ. Партія эта выдавала себя за Польскую и, находясь почти посреди непріателя, имѣла возможность собрать о немъ достовѣрнѣйшія свѣдѣнія; послѣ чего, безъ всякой потери, присоединилась къ войскамъ нашимъ при селеніи Правдѣ.

Согласно съ вышеупомянутыми распоряженіями, авангардъ перешелъ 15-го числа въ Сточекъ, оттуда пошелъ по дорогѣ къ селенію Осинамъ, лежащему на пути отъ Зелехова къ Лукову, и получилъ приказаніе напасть на непріателя, который по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, слѣдуя небрежно и не прикрываясь достаточно отрядами легкихъ войскъ, растянулся на большое пространство. Дѣйствительно ночью, съ 15-го на 16-е августа, патрули наши

безпрепятственно и неоднократно приближались къ самой опушкѣ лѣса, въ которомъ ночевали войска мятежническія, на такое разстояніе, что могли явственно разсмотрѣть, какъ они, безъ всякаго боеваго порядка, разбѣяны были между артиллеріею и обозами, и не помышляя сражаться, варили себѣ пищу съ такою безпечностію, что не имѣли даже никакого охранительнаго поста, ни пѣшаго, ни коннаго, такъ что легко можно было бы напасть на нихъ совершенно върасплохъ. Но какъ въ тоже время подтвердилось достовѣрно, что мятежники идутъ отъ Зелехова на Луковъ, и что этотъ корпусъ войскъ ихъ, подъ начальствомъ Ромарино, дѣйствительно простирался за 20,000 съ 40 орудіями артиллеріи, то баронъ Розенъ, какъ для того, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Бреста-Литовскаго, такъ и для того, чтобы, на основаніи предписаній изъ главной квартиры, оттянуть силы непріательскія сколь можно далье отъ Варшавы, рѣшился на отступленіе, по дорогѣ къ Мендзыржецу, давъ повелѣніе Головину слѣдовать за нимъ и составлять арріергардъ.

Августа 16-го, послѣ ночнаго большаго и утомительнаго перехода изъ-за Сточка черезъ Ружу и Жджары, арріергардъ соединился при селеніи Крынкѣ съ войсками 6-го корпуса, которыя были тамъ расположены въ боевомъ порядкѣ. Но баронъ Розенъ, давъ людямъ только отдохнуть и отобѣдать, тронулся къ Мендзыржецу по дорогѣ, которая, проходя черезъ селеніе Зембры, выходитъ на шоссе; а Головинъ получилъ приказаніе прикрывать это отступленіе. Непріатель успѣлъ между тѣмъ занять городъ Луковъ, отъ котораго селеніе Крынка находится только верстахъ въ семи разстояніи.

Въ слѣдствіе этого приказанія, Головинъ, отрядилъ заблаговременно часть пѣхоты для занятія лѣса, находящагося въ полу-верстѣ отъ арріергардной позиціи и черезъ который шла дорога къ Мендзыржецу. Когда послѣднія колонны 6-го корпуса, а за ними и обозы, удалились отъ позиціи на достаточное разстояніе, и когда арріергардъ около пяти часовъ по полудни готовился тронуться вслѣдъ за корпусомъ, получено было донесеніе отъ нашихъ передовыхъ постовъ, что непріатель быстро наступаетъ по дорогѣ отъ Лукова къ Крынкѣ въ значительныхъ силахъ и особенно

съ многочисленною кавалерією. Послѣдняя, почти вмѣстѣ съ извѣстіемъ этимъ, показала на лѣвой сторонѣ отъ деревни и, заставивъ поспѣшно отступить казачью цѣпь, начала тѣснить Татарскій уланскій полкъ, находившійся на правомъ флангѣ нашей позиціи. Скоро потомъ подошла и непріятельская пѣхота, которая, занявъ возвышеніе передъ Крынкою, открыла сильный огонь изъ шести орудій. Въ это самое время нѣкоторые баталіоны арріергарда начали уже одинъ за другимъ входить въ лѣсъ, подъ прикрытіемъ четырехъ конныхъ орудій, дѣйствовавшихъ по селенію.

Ромарино, лично распоряжавшій этимъ нападеніемъ, имѣлъ намѣреніе, какъ послѣ оказалось, обойти оба фланга нашей позиціи и сильнымъ напоромъ на арріергардъ загнать его въ болото около селенія Зембровъ, гдѣ дорога къ шоссе идетъ по одной только узкой и довольно плохой плотинѣ. Многочисленная и хорошо предводимая непріятельская конница скоро взяла поверхность надъ нашею; но стремленіе ея было остановлено дѣйствіемъ четырехъ орудій, по приказанію Головина открывшихъ огонь вдоль ея лѣви, съ праваго фланга. Велѣдъ за тѣмъ, при выходѣ изъ лѣсу, первый баталіонъ 14-го егерскаго полка, подъ командою полковника Шульца, съ примѣрнымъ мужествомъ отразилъ двѣ жаркія кавалерійскія атаки. Не менѣе того, однакоже, одинъ офицеръ непріятельскаго 1-го уланскаго полка съ однимъ уланомъ ворвались въ каре, гдѣ офицеръ былъ заколотъ штыками, а рядовой взятъ въ плѣнъ. Съ этой минуты дѣло становилось часъ отъ часу жарче. Почти въ тоже самое время 13-й егерскій полкъ, подъ командою полковника Шрейбера, находившійся при отступленіи на лѣвой оконечности лѣса, былъ уже въ сильной перестрѣлкѣ съ непріятельскою пѣхотою, и огонь не замедлялъ распространиться по всей передней линіи, которую составляли 13-й и 14-й егерскіе полки; пѣхотные полки Муромскій и Нижегородскій были во второй линіи.

Непріятель имѣлъ въ дѣйствиіи артиллеріи больше нежели мы и наступалъ съ такою дерзостію, что одна стойкость пѣхоты нашей и примѣрный порядокъ при отступленіи могли удерживать его сильный напоръ. Почти каждый баталіонъ передней линіи отразилъ по нѣскольку самыхъ жаркихъ кавалерійскихъ атакъ, при чемъ непріятельская кавалерія

должна была потерпѣть значущій уронъ. Мятажническіе эскадроны проскакивали черезъ первую линію; но тамъ встрѣчали ихъ баталіоны второй линіи. Это продолжалось, почти безъ умолку, до глубокой ночи, такъ что темнота не остановила преслѣдованія, и послѣднія кавалерійскія атаки на нашу пѣхоту произведены были непріятелемъ тогда уже, когда съ трудомъ можно было различить предметы. «Я не могу нахвалиться,» говоритъ Головинъ въ своемъ донесеніи*), «необыкновеннымъ мужествомъ 13-го и 14-го егерскихъ полковъ, кои при семъ случаѣ въ присутствіи моемъ не измѣнили своей славы».

Приближаясь сражаясь къ с. Зембры, арріергардъ нашелъ въ боевомъ порядкѣ отрядъ генерала Фези — съ 4 мя баталіонами пѣхоты, — котораго корпусный командиръ оставилъ передъ деревнею съ тѣмъ, чтобы прикрывать отступление арріергарда. Головинъ пригласилъ Фези поддержать его. Такимъ образомъ со всеѣмъ авангардомъ прошелъ онъ безпрепятственно узкую греблю при с. Зембры, и въ 11-ть часовъ ночи вышелъ на шоссе.

Поздно вечеромъ, когда наступившая темнота не позволяла уже совершенно различать предметовъ, Ромарино съ своимъ штабомъ подъѣхалъ такъ близко къ отряду Фези, что по немъ дали ружейный залпъ въ нѣсколькихъ только шагахъ. Въ замѣшательствѣ, поворотивъ поспѣшно назадъ, онъ пошелъ въ болото, изъ котораго съ трудомъ могъ освободиться. Надобно, впрочемъ, отдать офицерамъ мятежническихъ войскъ справедливость, что они, не щадя себя, находились вездѣ впереди, дабы подать примѣръ простымъ солдатамъ, и что совращенное съ пути Польское юношество шло на встрѣчу смерти съ такою готовностію, которая заслуживала бы полную похвалу, еслибы имѣла другое побужденіе и лучшую цѣль. Фези, послѣ этой встрѣчи съ Ромарино, спокойно переправился черезъ плотину, подъ прикрытіемъ 14-го егерскаго полка, который оставленъ былъ въ деревнѣ. По выходѣ на шоссе войскамъ данъ былъ отдыхъ. Такимъ образомъ, арріергардъ, не встрѣтивъ болѣе препятствій, прибылъ въ Мендзыржець уже съ разсвѣтомъ

*) Рапортъ генералъ-лейтенанта Головина генералъ-адъютанту барону Розену, отъ 28-го августа 1831 г., № 269.

17-го августа и расположился впереди города; на другой сторонѣ расположенъ былъ весь 6-й корпусъ, къ которому примкнулъ и генераль-майоръ Фези.

Въ этомъ дѣлѣ, въ коемъ непріятель долженъ былъ потерять немалое число людей, взято нами въ плѣнъ два офицера, изъ коихъ одинъ отъ полученной раны вскорѣ умеръ, и около 40 человекъ нижнихъ чиновъ. Нашъ уронъ убитыми и ранеными простирается до двухъ сотъ тридцати человекъ: въ томъ числѣ одинъ тяжело раненый оберъ-офицеръ.

«Свидѣтельствуя о примѣрной храбрости всѣхъ войскъ, въ семъ жаркомъ дѣлѣ находившихся, — доносить Головинъ барону Розену *), — я пріятнымъ долгомъ поставляю отдать въ особенности справедливость генераль-майору барону Боллену, который съ похвальнымъ хладнокровіемъ распоряджалъ движеніями пѣхоты второй линіи; полковникамъ Шульцу и Шрейберу и командующему вторымъ баталіономъ 14-го егерскаго полка штабсъ-капитану Луценкѣ, генеральнаго штаба полковнику барону Зедделеру, разставившему войска при отступленіи и устроивавшему самымъ успѣшнымъ образомъ батарею. Генераль-майоръ Фези, смѣнивъ меня и противопоставивъ преслѣдованію непріятеля грозную преграду, обезпечилъ совершенно отступленіе мое».

Корпусный командиръ, съ своей стороны, представляя рапортъ Головина Главнокомандовавшему, свидѣтельствовали **) что въ этомъ арріергардномъ дѣлѣ: «войска отличились особенною храбростію и твердостію, а генераль-лейтенантъ Головинъ въ полной мѣрѣ показалъ распорядительность свою, примѣрное мужество и хладнокровіе въ весьма трудномъ положеніи».

17-го числа около 9-ти часовъ утра, когда корпусный командиръ не рѣшился еще ожидать ли ему тутъ непріятеля, или отступать далѣе, мятежники показали передъ Мендзыржецемъ, и надобно было готовиться къ бою. Войска 6-го корпуса, расположенныя въ боевомъ порядкѣ

*) Тамъ же.

**) Рапортъ генераль-адъютанта барона Розена Главнокомандующему дѣйствующею арміею, отъ 6-го сентября 1831 года, за № 1319, изъ д. Коспна.

за городомъ, занимали довольно выгодную для мѣстной обороны позицію, по причинѣ болотъ, окружающихъ Мендзыржець. Арріергарду, составлявшему лѣвую оконечность этой позиціи, назначено было защищать самый городъ. Въ 10-ть часовъ утра непріятель, атаковавъ конную передовую нашу цѣпь, потѣснилъ ее до самыхъ болотъ; тутъ онъ остановленъ былъ дѣйствіемъ нашей батареи, противу которой мятежники поставили свою изъ 12-ти орудій. Во время канонады съ обѣихъ сторонъ, продолжавшейся до двухъ часовъ по полудни, непріятель показывалъ видъ, что имѣетъ намѣреніе ворваться въ городъ по Луковской дорогѣ, между тѣмъ какъ колонны его тянулись влѣво, дабы, обойдя городъ, стать по другую сторону на шоссе, которое, идучи отъ Бялы, составляетъ при Мендзыржецѣ почти прямой уголъ съ шоссе, идущимъ отъ Седльца.

Около 6-ти часовъ вечера слышна стала на правой нашей сторонѣ сильная канонада, а за нею послѣдовалъ густой ружейный огонь, который однакожь вдругъ умолкъ. Вскорѣ потомъ непріятель, находившійся передъ Мендзыржецемъ, выступилъ противъ насъ съ многочисленными своими колоннами пѣхоты и кавалеріи; но когда удачное дѣйствіе 12-ти батарейныхъ нашихъ орудій опрокинуло цѣлую бригаду непріятельской конницы, прежде чѣмъ она успѣла развернуться, всѣ остальные войска мятежниковъ, подвигавшіяся уже къ городу, обратились въ бѣгство и бросились въ лѣсъ.

Послѣ этого успѣха баронъ Розенъ хотѣлъ-было атаковать самъ цѣлымъ своимъ корпусомъ, какъ получилъ извѣстіе, что непріятель, разбивъ отрядъ войскъ нашихъ въ Рогозницѣ, занялъ шоссе, и сталъ въ большихъ силахъ на дорогѣ нашей къ Бресту. Это заставило корпуснаго командира отложить наступленіе, и потомъ общимъ мнѣніемъ положено, перейти за рѣку Жну и отступить къ Бресту, по дорогѣ на Ломазы и Пищачь.

Арріергарду, подъ начальствомъ Головина, предоставлено было прикрывать это движеніе, что было довольно затруднительно, по причинѣ близости непріятеля, котораго аванпосты находились на полуружейный выстрѣлъ отъ нашей передовой цѣпи.

Въ то самое время, когда мятежники, надменные своимъ

успѣхомъ, мечтали, что мы окружены и готовы уже сдать-ся, отступленіе наше совершилось въ величайшемъ порядкѣ, при самомъ прекраснѣйшемъ лунномъ свѣтѣ. Съ разсвѣтомъ дня арріергардъ послѣдовалъ за корпусомъ и, перейдя Жну, уничтожилъ мосты, не будучи нимало тревожимъ непріателемъ. Потеря арріергарда въ эти два дня, 16-го и 17-го августа, была: убитыми и безъ вѣсти пропавшими 2 офицера и 240 нижнихъ чиновъ; ранеными 11 офицеровъ и 108 нижнихъ чиновъ. Непріатель долженъ былъ потерпѣть также немалую потерю. Между плѣнными, нами взятыми, находился подполковникъ Швейцарской службы Сюарсъ. Во время дѣла 16-го числа, отъ дѣйствія нашихъ батарей, у непріателя взлетѣло на воздухъ нѣсколько зарядныхъ ящиковъ.

Августа 18-го арріергардъ, усиленный всею конницею 6-го корпуса, продолжалъ прикрывать его отступленіе весь день, и прибылъ въ мѣстечко Пищачь въ два часа ночи.

На слѣдующій день 6-ой корпусъ, съ большею частію кавалеріи, перешелъ за Бугъ въ Брестъ-Литовскій, а арріергардъ расположился близъ Тереспоя. Ночью получено повелѣніе занять войсками арріергарда мостовое укрѣпленіе на лѣвомъ берегу рѣки, оставивъ въ самомъ Тересполѣ 13-й и 14-й егерскіе полки, подъ личнымъ начальствомъ Головина.

Непріатель слѣдовалъ за нами изъ Мендзыржеца по той же дорогѣ на Ломазы. Достигнувъ шоссе, при селеніи Малашевицахъ онъ остановился, а на другой день, т. е. 20-го августа, занявъ деревню Кобыляны, подвинулъ авангардъ свой къ самому Тереспю. Поляки остались въ этомъ положеніи до слѣдующаго дня, угрожая Бресту, и хотя казаки наши разъѣды и замѣтили уже, 21-го августа, что обозы мятежническіе поворачивали назадъ по шоссе; однакожъ Ромарино, чтобы скрыть отступленіе свое къ Варшавѣ, вечеромъ того же дня двинулъ нѣсколько пѣхотныхъ колоннъ противъ Тереспоя. Войска наши оставили этотъ городъ, въ слѣдствіе точнаго повелѣнія барона Розена, безъ сопротивленія, вопреки мнѣнію Головина, который сначала еще предлагалъ защищать его войсками арріергарда. Красивые и прочно устроенные мосты по шоссе, между Тересполемъ и Брестомъ черезъ лѣвый рукавъ Буга, по переходѣ

войскъ были сожжены, безъ особой впрочемъ необходимости, ибо означенный рукавъ Буга можно было перейти съ обѣихъ сторонъ въ бродъ, безъ малѣйшаго затрудненія.

Ночь съ 21-го на 22-е августа проведена въ ожиданіи какого нибудь предпріятія со стороны противника противъ Бреста, и чтобы воспрепятствовать этому, съ батарей нашихъ изрѣдка стрѣляли по Тереспю. Опасенія эти, сколь ни казались правдоподобными, въ послѣствіи однакожъ не оправдались, ибо на разсвѣтѣ замѣтили, что Тересполь оставленъ мятежниками, и казаки, посланные по ихъ слѣдамъ, настигли арріергардъ ихъ только въ Малашевицахъ.

Въ слѣдствіе этихъ извѣстій, и согласно новымъ распоряженіямъ, отрядъ Головина, сдѣлавшійся опять авангардомъ, выступилъ 22-го августа изъ Бреста для преслѣдованія непріателя. Но такъ какъ мосты на шоссе, въ четырехъ верстахъ отъ Тереспоя находящіеся, были имъ совершенно истреблены, то Головинъ долженъ былъ тамъ остановиться, и только на другой день могъ продолжать путь свой, вслѣдъ за мятежническими войсками, которыя потянулись частію на Пищачь, а частію по шоссе.

Между тѣмъ генераль-адъютантъ баронъ Розенъ также выступилъ съ 6-мъ корпусомъ изъ Бреста-Литовскаго. Но какъ, по смыслу даннаго ему изъ главной квартиры предписанія, не надобно было принуждать непріателя къ поспѣшному отступленію, то и наблюдали его одни только передовые наши кавалерійскіе отряды; авангардъ же, а за нимъ весь корпусъ, трогались впередъ по мѣрѣ того, какъ непріатель удалялся.

Слѣдуя такимъ образомъ, Головинъ занялъ 26-го августа Бялу; непріатель же, наблюдаемый со всѣхъ сторонъ сильными нашими кавалерійскими партіями, находился въ это время въ Мендзыржецѣ. Посланный туда, 26-го августа, парламентаромъ адъютантъ Муравьевъ привезъ первое извѣстіе о штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій нашими войсками 25-го числа, но съ подробностями и послѣдствіями, которыя были не въ нашу пользу.

Когда непріатель оставилъ Мендзыржецъ, авангардъ нашъ занялъ этотъ городъ 27-го августа, а на другой день, т. е. 28-го числа передъ вечеромъ, подвинулся къ селенію Вулькѣ, близъ Збучина. Тутъ перебѣжавшій къ намъ изъ

корпуса Ромарино вахмистръ принесъ достовѣрное уже извѣстіе, что войска наши заняли Варшаву, взявъ приступомъ 25-го и 26-го августа всѣ защищавшія ее наружныя укрѣпленія, и что, вслѣдствіе этого важнаго происшествія, находившійся противъ насъ корпусъ Ромарино идетъ изъ Сѣдльца и Мингосъ на Луковъ, въ намѣреніи будто бы обратиться къ Замостью. Это извѣстіе отчасти и подтвердилось въ ту же ночь, нападеніемъ непріятеля на Литовскій уланскій полкъ, занимавшій Луковъ.

Такимъ образомъ два важнѣйшія событія этой кампаніи, а именно: переправа черезъ Вислу и взятіе Варшавы, были послѣдствіемъ не случайности, а искусныхъ соображеній и дѣйствій стратегическихъ, которыми силы непріятельскія были двоекратно раздѣлены и оттянуты отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ Главнокомандовавшій назначилъ нанести мятежникамъ рѣшительные удары.

Въ слѣдствіе всѣхъ вышеупомянутыхъ свѣдѣній, генераль-адъютантъ баронъ Розень, 29-го августа, выступилъ съ корпусомъ своимъ изъ Мендзыржеца къ Радзыну, прикрываясь съ правой стороны болотистою рѣкой Жною; а авангарду предписалъ дѣйствовать во флангъ непріятелю*).

На основаніи этихъ распоряженій Головинъ 29-го числа, въ шесть часовъ утра, двинулся съ войсками къ селенію Крынкѣ. Казаки, открывъ непріятеля, который занялъ уже Луковъ, не замедлили завязать съ его фланкерами перестрѣлку передъ самымъ городомъ въ то время, какъ большая часть корпуса Ромарино, съ огромными

*) Сообщаемъ объ этомъ рапортъ генераль-адъютанта барона Розена Главнокомандовавшему дѣйствовавшей арміею, отъ 29-го августа 1831 года, за № 1290, изъ м. Мендзыржеца:

«Въ ночи на сіе число извѣстился я, что, по случаю покоренія Вашимъ Сіятельствомъ штурмомъ города Варшавы и Праги, корпусъ войскъ, противъ меня находившійся, съ княземъ Чарторижскимъ и близкими его приверженцами и родными, а также и съ прибывшими изъ Варшавы нѣкоторыми членами мятежническаго правительства и таковогожъ сейма, оставилъ Сѣдлецъ и направляется на югъ къ Вѣпржу. Кавалерійскій отрядъ онаго вчерашняго числа въ девять часовъ вечера съѣхался въ Луковъ съ Литовскимъ уланскимъ полкомъ. Авангардъ мой направляется черезъ Крынку на

обозами, тянулись еще по дорогѣ отъ Сѣдльца къ Лукову, подставляя намъ флангъ свой. Тутъ взято партіями нашими нѣсколько плѣнныхъ, въ числѣ коихъ были три офицера. Но пока происходила перестрѣлка передъ Луковымъ, Головинъ получилъ, около 10-ти часовъ утра, другіе повелѣнія, которымъ предписывалось ему сблизиться съ корпусомъ.

Это фланговое движеніе, среди бѣлаго дня, въ виду непріятеля и въ такомъ близкомъ отъ него разстояніи, было довольно затруднительно; оно подвергало авангардъ, раздѣленный съ корпусомъ непроходимыми болотами, опасности опять имѣть дѣло съ непріятелемъ въ пять разъ сильнѣйшимъ. Головину удалось, однакожъ, пройдя проселочными дорогами, переправиться безпрепятственно черезъ Жну въ Тржебешовъ, а къ ночи достигнуть селенія Русской-Воли, откуда вошелъ онъ въ сношеніе съ корпусомъ. Въ продолженіе этого движенія конница наша не переставала наблюдать за непріятелемъ.

Августа 30-го, по ложнымъ слухамъ, будто бы войска мятежническія заняли Радзынъ, предписано было авангарду вытѣснить ихъ оттуда, и на этотъ конецъ отдана была въ распоряженіе начальника авангарда 24 пѣхотная дивизія, подъ командою генераль-маіора Фези, что усилило авангардъ тысячами двумя пѣхоты. По прибытіи въ Радзынъ узвали мы, что непріятель вовсе тамъ не показывался, а отъ партій нашихъ получено донесеніе, что мятежники изъ Лукова потянулись черезъ Войзысковъ на

Луковъ и далѣе за непріятелемъ. Я слѣдую съ корпусомъ на Радзынъ, имѣя въ виду тѣснить непріятеля къ Вислѣ и, если возможно, не допустить его занять Люблинъ.

«О чемъ Вашему Сіятельству донести честь имѣю, почтательнѣйше присовокупляя, что Сѣдлецъ занимается покуда однимъ эскадронномъ кавалеріи, потомъ перейдутъ въ оный: полбаталіона 51 егерскаго полка, 12 егерскій полкъ, съ 8 орудіями артиллеріи, и лейбъ-гвардіи конноіонернымъ эскадронномъ, которыхъ направляю изъ Дрогичина въ Мендзыржець, куда сей отрядъ имѣетъ прѣбыть 31 числа сего мѣсяца и слѣдовать за мною по обстоятельствамъ.

«Г. Главнокомандующій первою арміею изволилъ приостановиться на нѣкоторое время въ Луцкѣ.»

Сѣрокомлю, откуда часть ихъ взяла направленіе къ Коцку и ночью заняла это мѣстечко. Между тѣмъ посланный къ Ромарино генераль-маіоръ графъ Сухтеленъ съ предложеніемъ, чтобы корпусъ его, въ силу заключенной въ Варшавѣ конвенціи, покорился законной власти, возвратился съ отвѣтомъ, что предложеніе это, сдѣланное отъ имени корпуснаго командира барона Розена, мятежниками принято не было. На ночь того же числа, баронъ Розенъ прибылъ съ корпусомъ въ Радзывѣ.

На слѣдующій день, т. е. 31-го августа, авангардъ выступилъ съ разсвѣтомъ къ Коцку. Приблизившись къ мѣстечку, казаки и уланы наши открыли перестрѣлку съ непріятельскими фланкерами, которые скоро отступили въ городъ. Начальникъ авангарда, обозрѣвъ непріятельскую позицію, велѣлъ открыть по мѣстечку огонь изъ 12-ти орудій, а пѣхотѣ приказалъ взять вправо къ дорогѣ, идущей изъ Коцка въ Лысобыки, чтобы отрѣзать непріятелю отступление. Но мятежники, замѣтивъ это движеніе, поспѣшно очистили мѣстечко и, соединившись съ своимъ резервомъ, расположеннымъ за ручьемъ на довольно выгодномъ мѣстѣ, потянулись къ Лысобыкамъ, изломавъ за собою мостъ. Войска авангарда, занявъ Коцкъ, согласно данному повелѣнію, тамъ остановились, а одни только казаки отряжены были для наблюденія за отступившимъ непріятелемъ. На ночь того же числа, прибылъ въ Коцкъ и самъ баронъ Розенъ, со всеѣмъ своимъ корпусомъ.

Въ этомъ дѣлѣ, и при разбитіи въ одно и то же время казаками мятежническаго эскадрона на нашемъ правомъ флангѣ, въ селеніи Талчавѣ, непріятель потерялъ одними только плѣнными 50 человекъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ. Съ нашей стороны ранено 6 человекъ казаковъ.

Сентября 1-го, авангардъ, вмѣстѣ съ отрядомъ генераль-маіора Фези, выступилъ на разсвѣтѣ изъ Коцка на Фирлей и Каміонку, и сдѣлавъ переходъ болѣе 40 верстъ, къ ночи прибылъ въ мѣстечко Маркушовъ, которое нашелъ занятымъ шестью эскадронами непріятельской конницы. Начальникъ этого непріятельскаго отряда, Гавронскій, находился тутъ въ ожиданіи генераль-маіора Пашкова, который, по взаимному условію, долженъ былъ вы-

ѣхать къ нему для переговоровъ. Не менѣе того, однакожъ, Головинъ потребовалъ, чтобы мѣстечко Маркушовъ было очищено, и занялъ его войсками авангарда, а Гавронскій, не дождавшись прибытія генераль-маіора Пашкова, съ наступленіемъ ночи отправился къ своимъ аванпостамъ въ Куровъ.

Въ ночи на 2-е сентября получено извѣстіе, что мятежники оставили Куровъ. Авангардъ по утру рано выступилъ по дорогѣ на Вонвольницу, и верстахъ въ 25 отъ Маркушова настигъ Поляковъ, которые расположены были на высотахъ позади селенія Ковали. По обозрѣніи мѣстоположенія, Головинъ сталъ готовиться къ нападенію, какъ явился парламентаромъ графъ Дзялыньскій съ письмомъ къ барону Розену отъ Ромарино. Онъ привезъ извѣстіе, что по прибытіи въ Подгурже, гдѣ мы имѣли мостъ черезъ Вислу, нашли они тамъ отрядъ корпуса генерала Ридигера, и что начальникъ этого отряда, не уступая переправы, отказался отъ боя, ибо имѣлъ повелѣніе прекратить непріятельскія дѣйствія. Въ подтвержденіе этого Дзялыньскій предъявилъ подлинное повелѣніе, за подписью генерала Ридигера, и просилъ отъ имени Ромарино перемирія, пока будетъ имъ получено, на счетъ заключенной конвенціи, какое нибудь увѣдомленіе изъ Варшавы. Генераль-адъютантъ баронъ Розенъ, къ которому письмо отправлено было съ нарочнымъ, справедливо подозрѣвая, что это былъ только предлогъ къ выигранію времени, отвѣчалъ на предложеніе, что, не будучи уполномоченъ заключать перемиріе, требуетъ немедленной безусловной покорности, а въ противномъ случаѣ онъ будетъ дѣйствовать наступательно. Но какъ между тѣмъ настала уже вечеръ и атаковать было поздно, то Головинъ, выставивъ передовую цѣпь передъ Ковалей, расположился съ остальными войсками ночевать при селеніи Незабытовѣ.

Ночью прибылъ начальникъ главнаго штаба 1-й арміи, — генераль-лейтенантъ Красовскій, — и, отъ имени своего Главнокомандовавшаго, припалъ начальство надъ авангардомъ.

Сентября 3-го, еще до разсвѣта, войска авангарда тронулись съ своего ночлега, но непріятеля при Ковалѣ уже не было. Отъ этого пункта началось, подъ распоря-

женіемъ генераль-лейтенанта Красовскаго *), самое жаркое преслѣдованіе корпуса Ромарино. Однако Поляки успѣли благополучно отойти къ Ополью, гдѣ заняли выгодную позицію за болотами, проходимыми только по насыпямъ. Сильный отрядъ, подъ начальствомъ Завадскаго, былъ посланъ въ Подгорже для овладѣнія находившихся тамъ мостомъ и открытія, такимъ образомъ, ближайшей дороги въ Радомъ. Намѣреніе это не удалось, благодаря присутствію духа доктора Даля.

Вскорѣ потерявъ и надежду переправиться за Вислу, Ромарино не могъ уже имѣть въ виду никакого успѣха. Взявъ путь свой на Ополье и Юзефовъ, этотъ чужеземный вождь Польскихъ мятежниковъ, вмѣстѣ съ Чарторійскимъ и другими, искалъ только средствъ уйти изъ предѣловъ Польши, чтобы, перейдя въ Австрію, найти себѣ тамъ убѣжище. Настигнутый, однако, при Опольѣ корпусъ его, не взирая на трудность мѣстоположенія, представлявшаго для обороны всевозможныя выгоды, претерпѣлъ значительное пораженіе. Въ этомъ дѣлѣ полки авангарда явили новые опыты мужества и рѣшительности. Храбрые полки 7-й дивизіи, не обращая вниманія на убійственный огонь непріятельскихъ батарей, съ пѣснями прошли насыпи и ворвались въ Ополье. Поляки отступили, преслѣдуемые нашею конницею. Въ самое это время показался Завадскій, возвращавшійся изъ Подгоржа. Баронъ Розень направилъ противъ него 24 пѣхотную дивизію и уланскую бригаду 4 корпуса. Завадскій былъ опрокинутъ и поспѣшно вступилъ въ Юзефовъ. Туда же направился Ромарино, подъ прикрытіемъ сильнаго арьергарда, который, однако же, былъ разбитъ у Вржеловѣца.

Уныніе и беспорядокъ распространились въ войскахъ мятежниковъ; дороги были покрыты брошеннымъ оружіемъ и толпами возвращавшихся домой новобранцевъ. Въ этотъ день войска наши сражались безъ отдыха, отъ самаго разсвѣта до наступленія ночи и сдѣлали переходъ около 40 верстъ.

На слѣдующій день, т. е. 4-го сентября, Ромарино,

*) Генераль-лейтенантъ Красовскій дѣйствовалъ независимо отъ корпуснаго командира.

по соединеніи съ Завадскимъ, покусился остановить нашъ авангардъ у Юзефова, дѣйствуя особенно своею артиллеріею, но Евгеній Александровичъ, выдвинувъ впередъ 16 орудій, съ 15 и 16 егерскимъ полками, овладѣлъ лежавшею на флангѣ Поляковъ рощею и этимъ заставилъ Ромарино отойти къ Свѣцѣхову, впереди Рахова. Нашъ герой тамъ снова опрокинулъ Поляковъ. Тогда Ромарино занялъ позицію у самаго Рахова, имѣя пѣхоту въ городѣ, а артиллерію и конницу на правомъ флангѣ. Тамбовскій и 15 егерскій полки пошли въ штыки, взяли Раховъ и прогнали мятежниковъ, которые, отступивъ къ Завихвосту, стали за рѣчкою Санною, у Коссяна, въ намѣреніи держаться тутъ до окончательной постройки моста, наводимаго у Завихвоста.

Между тѣмъ, присоединился къ нашему авангарду отрядъ генерала Пашкова, посланный генераломъ Ридигеромъ для наблюденія за Ромариномъ. Красовскій двинулъ его въ правый флангъ Поляковъ, со стороны Мнишекъ; 13, 14 и 49 егерскіе полки ударили въ лѣвый флангъ, а Головинъ напалъ съ фронта. Ромарино принужденъ былъ отказаться отъ намѣренія перейти Вислу и отступилъ къ Борову у самой Австрійской границы.

Тутъ мятежники, не имѣя болѣе надобности беречь снаряды, открыли, какъ бы для забавы, изъ всѣхъ своихъ орудій ужаснѣйшую канонаду, которая, не причинивъ намъ почти никакого вреда, обратила въ пепель въ селеніи Боровѣ прекрасную мызу, принадлежащую Краковскимъ монахинямъ.

Этимъ заключились подвиги корпуса Ромарино, который, до послѣдней минуты, былъ сильнѣе числомъ корпуса барона Розена, противъ него дѣйствовавшаго. Корпусъ этотъ составленъ былъ изъ лучшихъ войскъ Польскихъ мятежниковъ, и по всему казалось, что Ромарино предприметъ съ ними что нибудь важнѣйшее, чѣмъ пустую прогулку до Тересполья, которая ничего другаго не произвела, кромѣ того, что подвергнула разоренію край, со времени возмущенія чуждый еще военныхъ бѣдствій. Но при самомъ уже началѣ замѣтно было, что вожди этой части мятежнической арміи и члены революціоннаго правительства, ей сопутствовавшіе, не столько имѣли на сердцѣ честь воин-

скую, сколько личную свою безопасность. Увлеченные такъ уже далеко, не могли они внять гласу долга, призывавшаго ихъ къ покорности; не рѣшаясь также подвергнуть судьбу свою жребію отчаяннаго боя на землѣ отечественной, и не заботясь ни мало о цѣлыхъ тысячахъ людей, коихъ злополучіе они довершали, предпочли они постыднымъ образомъ положить оружіе въ краю чуждомъ, гдѣ дано имъ убѣжище изъ единого только, можетъ быть, ложнаго состраданія.

Впрочемъ, съ самаго ночлега, со 2 на 3-го сентября, при деревнѣ Ковалѣ, замѣтно стало, что корпусъ этотъ пришелъ въ разстройство и безпорядокъ. По дорогѣ находили мы разбросанныя оружіе и амуницію; на встрѣчу намъ попадались безпрестанно солдаты мятежническихъ войскъ въ самомъ жалкомъ состояніи, въ оборванной одеждѣ, безъ обуви, изнеможенные голодомъ и усталостью; между ними были и такіе, кои едва только вышли изъ ребяческаго возраста. «Однимъ словомъ, мы припомнили себѣ — говоритъ Головинъ, — отчасти Французскую ретираду 1812 года». Видъ этотъ, даже въ простыхъ нашихъ солдатахъ, возбуждалъ одно только соболѣзнованіе, безъ всякаго непріязненнаго чувства, вопреки рассказамъ либеральныхъ журналовъ, увѣрявшихъ будто бы эта несчастная война сопровождалась всеми ужасами и взаимными жестокостями, которыми обыкновенно отбѣваются войны народныя.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, т. е. 5-го сентября, ничего не оставалось уже изъ корпуса Ромарино въ предѣлахъ Царства Польскаго, и на границѣ видны были одни конные Австрійскіе пикеты. На кауунѣ еще мятежники, построясь вдоль пограничной черты такъ, что, сдѣлавъ только нѣсколько шаговъ назадъ, могли ею закрыться, хотѣли еще испытать, не удастся ли имъ исторгнуть у насъ кабуюнибудь капитуляцію. Но все предложенія ихъ были отвергнуты и имъ рѣшительно объявлено, что одна только безусловная ихъ покорность законной власти можетъ быть принята въ уваженіе.

Пока все это происходило на правомъ берегу Вислы, лѣвый берегъ этой рѣки, въ воеводствѣ Сандомирскомъ, находился еще въ рукахъ мятежниковъ, и партія ихъ

показывались въ Завихвостѣ. Но такъ какъ для насъ необходимо было войти въ сношеніе съ генераль-адъютантомъ Ридигеромъ, который съ войсками своими находился на той сторонѣ Вислы, то чтобы завладѣть переправою при Завихвостѣ, Головинъ, 6-го сентября, потребовалъ отъ жителей этого городка все имѣвшіяся у нихъ лодки и паромы, на которыхъ, на другой же день, переправилъ въ Завихвостѣ баталіонъ пѣхоты, два эскадрона уланъ и часть казаковъ, съ двумя легкими орудіями, подъ командою генераль-маіора Фези. Съ помощію этой экспедиціи нашли между Завихвостомъ и Сандомиромъ 12 плоскодонныхъ судовъ, извѣстныхъ въ тамошнемъ краю подъ названіемъ галеръ, которыя приготовлены были для переправы корпуса Ромарино. Немедленно приказано было привести все эти суда къ правому берегу и починить. Послѣ переправлена на нихъ 24 пѣхотная дивизія и другія войска, назначавшіяся для подкрѣпленія генерала Ридигера.

Сентября 9-го получено было официальное увѣдомленіе отъ Австрійскаго генерала Бертоллетти, что корпусъ Ромарино, числомъ еще около 15,000 человекъ, положилъ оружіе и сдалъ всю свою артиллерію, состоявшую изъ 42 орудій.

«За отличное мужество», оказанное при этомъ пораженіи корпуса Ромарино, Евгеній Александровичъ 13-го сентября удостоился получить орденъ св. Георгія 3-го класса.

Но изгнаніемъ Ромарино не кончились подвиги Головина въ эту кампанію.

Немедленно послѣ полученія увѣдомленія отъ Австрійцевъ о сдачѣ Поляковъ, 9-го сентября, Генераль, по воспослѣдовавшему прежде уже отъ Главнокомандовавшаго дѣйствующею арміею повелѣнію, выступилъ изъ Борова съ 7 и 8 пѣхотными дивизіями, всего въ числѣ 12 некомплектныхъ баталіоновъ, съ ихъ артиллеріею, и прибылъ усиленными переходами 15-го сентября въ Прагу. Тамъ получилъ онъ предписаніе идти немедленно съ отрядомъ своимъ къ Модлину и стѣснить обложеніе этой крѣпости. Для этого, сверхъ упомянутыхъ дивизій, поступили подъ его начальство еще два баталіона 6 пѣхот-

ной дивизіи и бригада 3 уланской дивизіи; всей артиллеріи при отрядѣ этомъ было 41 орудіе.

17-го сентября, войска гвардейскаго корпуса передъ Модлиномъ были смѣнены отрядомъ Головина.

Въ продолженіе этой блокады армія наша, преслѣдую остатки мятежниковъ, заставила ихъ искать убѣжища въ предѣлахъ Пруссіи и тамъ положить оружіе. Когда получено было объ этомъ извѣстіе, Головинъ предложилъ коменданту Модлина, графу Ледуховскому, сдать крѣпость, предавъ судьбу гарнизона въ руки Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, который на обратномъ пути въ Варшаву, 26-го сентября, изволилъ останавливаться подъ Модлиномъ и смотрѣть блокадную войска. Предложеніе это сдѣлано было по совѣту и въ присутствіи начальника главнаго штаба 1-й арміи, генераль-лейтенанта Красовскаго, прибывшаго ночью съ 11-го на 15-го сентября, подъ Модлинь, и оставшагося тутъ до вечера слѣдующаго дня.

Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ условія были приняты, и на другой день, т. е. 27-го сентября, войска наши заняли крѣпость, которой гарнизонъ, простиравшійся еще до 5600 человекъ, положивъ оружіе, сдался, согласно съ волею Его Императорскаго Высочества, безусловно въ распоряженіе Главнокомандовавшаго дѣйствующею арміею. Въ крѣпости нашлось 88 орудій артиллеріи, много военныхъ запасовъ и почти на два мѣсяца продовольствія для цѣлага гарнизона. Сверхъ того, полковникомъ барономъ Зедделеромъ отысканы тамъ же, спрятанныя подъ поломъ пороховаго погреба, 28 Польскихъ знаменъ, совсѣмъ новыхъ. Надобно замѣтить, что мятежническія войска во все время войны нигдѣ знаменъ съ собою не имѣли.

Хотя сообщенное нами извлеченіе изъ военнаго журнала Головина, по его собственному мнѣнію, — съ которымъ мы не можемъ не согласиться — *достаточно было бы на то, чтобы представить дѣйствія Евгенія Алек-*

сандровича въ полной ихъ связи и оправдать его въ глазахъ военныхъ читателей; но мы считаемъ долгомъ привести здѣсь и сдѣланныя Головинымъ подробныя замѣчанія на тѣ мѣста въ сочиненіи генерала Окуева: «Histoire militaire de la seconde époque de la campagne de l'année 1831 en Pologne», которыя до него относятся, и кои по своимъ недостаткамъ, или же по несостоятельности въ изложеніи, обращаютъ на себя особое вниманіе *).

На стр. 34 и 35, Окуевъ, при изложеніи военныхъ дѣйствій между Сѣдльцемъ и Прагою, впадаетъ въ три важныя погрѣшности:

1) Описывая движеніе мятежническихъ войскъ, не объясняетъ настоящихъ причинъ, заставившихъ Рыбинскаго и Ромарино сблизиться къ Вислѣ, а Хржановскаго переправиться на правой берегъ этой рѣки, съ значительнымъ отрядомъ и принять главное начальство надъ всѣми войсками, сосредоточившимися позади Минска.

2) Описывая дѣйствія Головина, представляетъ ихъ несогласно съ историческою истиною, и умалчивая о цѣли, съ которою они были приняты, предполагаетъ намѣренія, которыхъ Головинъ вовсе въ виду не имѣлъ.

3) Выводитъ заключенія произвольныя, основываетъ на нихъ рѣзкія свои сужденія, и, не принявъ на себя труда сообразить обстоятельства того времени, останавливается на тѣхъ только случаяхъ, которые отдѣльно могутъ подвергнуться порицанію.

По 1-му пункту:

Авторъ Исторіи Польской войны пишетъ, что когда Головинъ черезъ два дня послѣ предпринятаго ^{25 июня}/_{7 июля}, для развѣданія о силахъ мятежническихъ, поиска къ Калущину, занялъ это мѣстечко, оставленное непріателемъ, Хржановскій въ то же самое время, ускользнувъ отъ генерала Ридигера, перешелъ вновь на правый берегъ Вислы съ значительнымъ отрядомъ, и принялъ начальство надъ всѣми войсками, находившимися на Сѣдлецкомъ

*) Эти замѣчанія приложены къ тому же, напечатанному въ 1847 году, «Извлеченію изъ Военнаго Журнала генераль-лейтенанта Головина». — Мы приводимъ ихъ почти буквально.

шоссе. Но что же принудило Рыбиньскаго и Ромарино отступить ближе къ Вислѣ, а революціонное правительство отдать начальство Хржановскому, какъ не смѣлое движеніе Головина къ Калущину, заставившее непріятеля полагать навѣрное, что отъ Сѣдльца двинулись значительныя силы съ какимъ нибудь рѣшительнымъ намѣреніемъ противъ Праги? Допустимъ однакожь, что мятежническіе начальники, не ошибаясь на счетъ слабости отряда Головина, хотѣли его заманить далѣе и потомъ, направъ на него съ превосходящими силами, истребить совершенно,—то и въ такомъ случаѣ, развѣ Головинъ, занявъ малыми своими силами столь значительную часть войскъ непріятельскихъ, въ то время, когда армія наша предпринимала переправу черезъ Вислу, не исполнилъ прямой цѣли своего назначенія? Изъ приведенныхъ нами страницъ его журнала и изъ донесеній барона Розена Главнокомандовавшему дѣйствовавшей арміею, по порядку чиселъ отъ 22 до 27-го іюня, нельзя не видѣть, что поводомъ къ сосредоточенію силъ мятежническихъ, между Прагою и Минскомъ, были наступательныя его дѣйствія отъ Сѣдльца; что это одно только помѣшало Рыбиньскому и Ромарино продолжать начатыя ими движенія, перваго къ Сѣдльцу, а послѣдняго на Гарволинъ, и заставило вызвать Хржановскаго къ нимъ на подкрѣпленіе.

По 2-му пункту:

Окуневъ на стр. 34 и 35 говоритъ, что 14-го іюля Головинъ, не удостовѣрившись въ числѣ противниковъ своихъ, и не взвѣсивъ выгоды, которая можетъ ему принести предпринятое имъ рѣшительное нападеніе на Минскъ, претерпѣлъ пораженіе; что завязавшееся тамъ сраженіе началось не совсѣмъ безуспѣшно для нашихъ войскъ, но что потомъ Хржановскій, сдѣлавъ свои распоряженія, дабы обойти Головина съ обоихъ фланговъ, рѣшилъ дѣло въ свою пользу; что 15-й егерскій полкъ съ потерю былъ вытѣсненъ изъ Минска и проч.

Это требуетъ ближайшаго объясненія.

Головинъ предпринялъ поискъ на Минскъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы напасть на непріятеля и его разбить, а именно на тотъ конецъ, чтобы съ точностію узнать, во-первыхъ: какъ велики силы мятежническія, противъ

него находившіяся, а во-вторыхъ: что заставило Рыбиньскаго и Ромарино отступить съ такою поспѣшностію къ Вислѣ, ибо имѣлъ основательныя причины думать, что тотъ и другой спѣшатъ за Вислу, дабы преиятствовать переправѣ нашей арміи, о которой Головину извѣстно было только то, что она тронулась къ нижней Вислѣ для переправы, а гдѣ эта переправа должна была состояться и въ какомъ разстояніи отъ Варшавы, этого Головинъ не звалъ. Онъ могъ предполагать ее не около Осѣка, а гораздо ближе къ Варшавѣ, и потому легко могъ полагать, что мятежники, оставивъ всякія другія операціи, будутъ въ эту минуту заняты одною только заботою, чтобъ не допустить главныя наши силы перейти на лѣвый берегъ Вислы, какъ бы то и надлежало. Слѣдственно онъ считалъ себя обязаннымъ всѣми мѣрами тревожить ихъ со стороны Сѣдльца. Въ этомъ заключалась вся сущность данныхъ ему предписаній, какъ то явствуетъ изъ повелѣній барона Розена, отъ 17, 22, 23, 26 и 28-го іюня (№№ 828, 859, 863, 882 и 891), и гдѣ между прочимъ можно видѣть, что дѣйствія Головина вполне одобряются.

Конечно, если бы Головинъ $\frac{2}{11}$ іюля могъ знать, что имѣетъ противъ себя, около Минска, почти половину силъ мятежническихъ, и что въ этотъ день армія наша переправляется уже черезъ Вислу, тогда бы ему ничего больше не оставалось дѣлать, какъ отступить по дорогѣ къ Бресту. Но онъ полагалъ, напротивъ, что мятежники, выставивъ передъ нимъ одну только цѣпь малыхъ постовъ для демонстраціи, всѣ свои войска обратили къ Вислѣ, и не прежде убѣдился въ противномъ, какъ открывъ подлинныя силы непріятельскія, посредствомъ обзрѣнія ихъ съ боемъ (рапортъ Головина къ барону Розену отъ 7-го за № 110). Относительно общаго плана, ошибки онъ тутъ никакой не сдѣлалъ, и матеріальная потеря его при этомъ случаѣ ни мало не отклонила его отъ главнѣйшей цѣли своего назначенія.

Сочинитель Исторіи Польской войны говоритъ очень слегка, что дѣло подъ Минскомъ началось не въ ущербъ для нашей стороны. Но при самомъ началѣ мятежники потеряли одними плѣнными: троихъ штабъ-офицеровъ,

въ томъ числѣ одного командира полка, графа Генриха Малаховскаго, четверыхъ оберъ—офицеровъ и около 150 нижнихъ чиновъ. Потеря эта съ бою, при такомъ превосходствѣ въ силахъ, не маловажна, и объ ней для чести нашего орудія умалчивать не слѣдовало. Далѣе авторъ говоритъ, что побѣда должна была принадлежать Полякамъ, которые были сильнѣе числомъ и имѣли на своей сторонѣ выгоды мѣстоположенія. Но онъ приписываетъ имъ то, чего и сами они себѣ не присвоиваютъ, ибо они не только не признаютъ Головина разбитымъ, а, напротивъ того, упрекаютъ своихъ генераловъ въ совершенной неудачѣ этого покушенія, и этими упреками наполнены были всѣ журналы того времени. Несправедливо также, чтобъ Ромарино успѣлъ что—нибудь сдѣлать противъ лѣваго фланга Головина, такъ какъ несправедливо и то, будто бы 13—й егерскій полкъ съ урономъ вытѣсненъ былъ изъ Минска, ибо, напротивъ того, этотъ послѣдній съ трудомъ можно было оттуда вызвать.

Весь успѣхъ распоряженій Хржановскаго ограничивается тѣмъ только, что ему удалось заслонить дорогу въ Калушинъ шести ротамъ пѣхоты средней нашей колонны, которыя должны были, оставивъ шоссе, пробираться черезъ лѣсъ на другую дорогу къ Сѣдльцу, и задержать три легкія орудія, изъ которыхъ одно только, и то съ подломанною осью, досталось въ руки непріятеля. Потеря наша въ людяхъ произошла не столько отъ боя, сколько отъ усталости, отъ большого перехода и чрезвычайно жаркаго дня. Если бы Головинъ всѣ свои малыя силы имѣлъ сосредоточенными на шоссе, тогда бы онъ подвергся гораздо большей опасности, и спасеніе отряда его, по всей справедливости, кромѣ необыкновенной храбрости войскъ, можно приписать еще болѣе тому, что онъ раздѣленъ былъ на три части, что этимъ облегчилось отступленіе, и что непріятель, обманутый появленіемъ войскъ нашихъ съ разныхъ сторонъ, долго оставался въ недоумѣніи, на которую изъ нихъ преимущественно обратиться, а потомъ, боясь наткнуться на сильныя резервы, не смѣлъ преслѣдовать далѣе Калушина. Головинъ въ ту же ночь, съ $\frac{2}{14}$ на $\frac{3}{15}$ іюля, отошелъ къ Сѣдльцу, оставивъ на Костжинѣ свои аванпосты, и слѣд-

ственно отступилъ отъ Минска только около 28 верстъ. Это не доказываетъ, чтобы онъ былъ разбитъ и не понятно, почему генераль Окуневъ такъ возвышаетъ успѣхъ Хржановскаго, котораго, какъ сказано выше, не признаютъ и сами Поляки, при всей своей хвастливости.

Наконецъ по 3—му пункту:

Авторъ Исторіи войны, не довольствуясь тѣмъ, что, приписавъ побѣду Полякамъ, не только призналъ Головина разбитымъ, но присовокупилъ еще, что онъ даже заслужилъ быть разбитымъ.

Это требуетъ еще бѣльшаго поясненія:

Первоначальное назначеніе Головина, по смыслу предписанія Главкомадовавшаго, приводимаго авторомъ на стр. 13, состояло въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ нижней Вислы и обратить его на какой другой пунктъ. Теперь спрашивается: исполнилъ ли Головинъ это назначеніе, когда $\frac{2}{14}$ іюля, т. е. въ самый день переправы арміи нашей подъ Осѣкомъ, имѣлъ передъ собою, по сознанію самихъ Польскихъ историковъ (а именно: Бржозовскаго и Романа Солтыка), 20 баталіоновъ пѣхоты, 34 эскадрона кавалеріи и 44 орудія? По Исторіи генерала Окунева противъ Головина въ этотъ день находились: корпуса Ромарино и Хржановскаго, пѣхотная дивизія Рыбинскаго и кавалерійскія Ягмина, всего числомъ 23 272 человекъ. Во всякомъ случаѣ, по его же табели № III, это составляло, за исключеніемъ гарнизоновъ Модлинскаго и Замостьскаго, почти половину всей мятежнической арміи.

Генераль Окуневъ говоритъ, будто Поляки съ самаго начала не имѣли намѣренія оспаривать переправы нашей арміи. Но кто же могъ ожидать столь грубой ошибки противъ самыхъ обыкновенныхъ военныхъ соображеній? Головинъ, менѣе нежели кто нибудь, могъ это предполагать, имѣя предписанія, которыя указывали совсѣмъ на противное; а потому не въ правѣ ли онъ былъ считать, что усилія его, обманутъ непріятеля смѣлыми покушеніями, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, когда $\frac{2}{14}$ іюля увидѣлъ передъ собою, подъ Минскомъ, столь значительныя силы мятежниковъ? Теперь пусть всякій безпристрастный судья взвѣситъ въ чемъ состояла побѣда Хржановскаго,

которой, впрочемъ, онъ и самъ себѣ не присвоиваетъ, по которую столь великодушно надѣляетъ его нашъ авторъ Исторіи Польской войны; и въ чемъ заключалось пораженіе Головина, которое онъ, по мнѣнію того же автора, такъ много заслужилъ?

Хржановскій получаетъ начальство надъ всѣми войсками, сосредоточившимися на правомъ берегу Вислы подъ Минскомъ, собираетъ около 24 тысячъ для того, чтобы напасть на отрядъ Головина, состоявшій всего съ небольшимъ изъ 5000 человекъ, разумѣется съ тѣмъ, чтобы истребить его совершенно. На этотъ конецъ дѣлаетъ онъ свои распоряженія къ нападенію на Головина подъ Калущинымъ, по утру $\frac{3}{14}$ іюля, съ трехъ сторонъ; но, вмѣсто того, самъ подъ Минскомъ атакованъ въ трехъ направленіяхъ этимъ малымъ отрядомъ, который, по всей справедливости, онъ могъ считать вѣрною добычею. Когда первое изумленіе, произведенное надъ войсками мятежническими столь неожиданнымъ на нихъ нападеніемъ, миновалось, и когда Головинъ, предпринявшій это наступательное движеніе, съ намѣреніемъ токмо обозрѣть силы непріятельскія, и, открывши ихъ, занять по возможности, вачалъ отступленіе, то Хржановскій сталъ его преслѣдовать со всею увѣренностію, внушаемою большимъ превосходствомъ въ силахъ. Положеніе Головина, долженствовавшаго отступать съ боемъ при такомъ неравномъ числѣ, конечно, было крайне опасно. Но чѣмъ же все кончилось? Хржановскому удалось, какъ уже объяснено выше, сбросить съ шоссе только шесть ротъ средней колонны, которыя должны были пробираться лѣсами, дабы выйти къ Сѣдльцу, а съ остальными войсками Головинъ, въ тотъ же день вечеромъ, отступилъ за Костржинъ, дальѣ котораго непріятель, даже своею конницею, не преслѣдовалъ его. На другой день съ разсвѣтомъ онъ былъ уже въ Сѣдльцѣ, гдѣ собралъ всѣ свои отряды и гдѣ оставался еще пять дней, имѣя ва Костржинѣ передовые посты.

Правда, что потеря Головина при этомъ отступленіи была довольно значительна; она простиралась до 1000 человекъ съ одною пушкою; но если при соображеніяхъ военныхъ успѣхи и неуспѣхи оружія опредѣляются не по мате-

ріальной потерѣ, а по ихъ слѣдствіямъ, то можно ли, по справедливости, считать отрядъ Головина разбитымъ въ то время, когда Головинъ, отступивъ 28 верстъ назадъ, спокойно расположился въ Сѣдльцѣ и пробылъ тамъ отъ утра $\frac{3}{15}$ до вечера $\frac{7}{19}$ іюля, т. е. около пяти сутокъ, утѣшаясь мыслию, что исполнилъ данное ему предписаніе, отвлекши столь значительныя силы мятежническія отъ нижней Вислы? Баронъ Розенъ въ этомъ отношеніи отдастъ Головину полную справедливость, по содержанію 4-го пункта предписанія своего, отъ 16-го іюля, за № 1064.

Съ Сѣдлецкой позиціи Головинъ продолжалъ опять наблюдать непріятеля, т. е. сдѣлалъ то, что ему во всякомъ бы случаѣ сдѣлать надлежало. Между тѣмъ мятежники и сами вѣроятно не удовольствовались приписываемою имъ побѣдою, когда $\frac{8}{20}$ іюля, т. е. 5 дней спустя послѣ Минскаго дѣла, сдѣлали вновь, подъ начальствомъ самого уже Скржинецкаго, покушеніе, чтобы окружить Головина въ самомъ Сѣдльцѣ и, гоняясь, такъ сказать, за призракомъ, потеряли столько драгоценнаго времени, которымъ Главнокомандовавшій нашъ вполне воспользовался, собравъ, такимъ образомъ, плоды своихъ дальновидныхъ предначертаній.

Въ дополненіе всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ надлежитъ также упомянуть о повелѣніи Главнокомандовавшаго, даннымъ барону Розену, которое сообщено было Головину, и которымъ требовалось отъ него строгаго отчета, почему онъ, вопреки данныхъ ему предписаній, подвергнувъ отрядъ свой неравному бою и потерѣ. Означенное повелѣніе, отъ 9-го іюля за № 3116, и объясненіе Головина, отъ 27-го іюля за № 232, помѣщены нами въ примѣчаніи; но тутъ надобно замѣтить, что повелѣніе Главнокомандовавшаго послѣдовало отъ $\frac{9}{21}$ іюля, а $\frac{12}{24}$ того же мѣсяца, т. е. три дня спустя, другимъ повелѣніемъ (за № 4104) Головину предписывалось вновь дѣйствовать по дорогѣ къ Прагѣ для отвлеченія и занятія войскъ мятежническихъ. Изъ этого явствуетъ, что Генераль-фельдмаршалъ не признавалъ Головина такъ виновнымъ, ибо удостоивалъ его вновь, вмѣстѣ съ тѣмъ же самымъ назначеніемъ, того же самаго довѣрія.

«Что историки, писавшіе въ пользу Польскаго возмущенія, — говоритъ Головинъ, — утверждаютъ, будто бы происшествія на правомъ берегу Вислы ничего общаго не

имѣютъ съ дѣйствіями главныхъ силъ нашихъ, это понятно: имъ нельзя добровольно сознаться, что они были обмануты нашими движеніями. Но что мы сами, имѣя за себя событія, порядкомъ хронологическимъ и положеніемъ на картѣ такъ ясно опредѣляемыя, отрекаемся отъ нихъ и противорѣчимъ собственнымъ своимъ распоряженіямъ, какъ бы испугавшись удачнаго ихъ исполненія, это становится непонятною загадкою, если авторъ захочетъ, какъ думать надобно, удержать за собою качество безпристрастнаго историка.»

Допустимъ, впрочемъ, что вожди Польскихъ мятежниковъ съ самаго уже начала положили не оспаривать переправы нашей черезъ Вислу; но чѣмъ они докажутъ, что движеніе Головина къ Минску и смѣлыя его демонстраціи, послѣ ^{23 іюня} _{4 іюля}, не заставили ихъ заняться имъ исключительно, съ тѣмъ ли чтобъ отвратить покушеніе наше противъ Праги, или только въ чаяніи пріобрѣсти легкую побѣду надъ противникомъ малосильнымъ и неосторожнымъ, и что это не способствовало исполненію нашего плана? Кто могъ ожидать, — повторяетъ Головинъ, — что мятежники сдѣлаютъ такую грубую противъ здраваго смысла ошибку, и не станутъ защищать Вислы, — единственной черты, за кою съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ успѣха могли они ожидать грозныхъ силъ, противу нихъ устремленнымъ? Конечно, одно только крайнее неискusstво или предательство могли внушать имъ мѣры противныя. Головинъ, тѣмъ менѣе, могъ это предполагать, что, по смыслу данныхъ ему предписаній, и въ главной квартирѣ подобной ошибки со стороны непріятеля не ожидали; а между тѣмъ генераль Окуневъ, въ исторіи своей, судить его такъ, какъ бы онъ не имѣлъ другой обязанности, кромѣ какъ только избѣгать встрѣчи съ сильнѣйшимъ непріателемъ, котораго непремѣнно найдетъ передъ собою.

Если бы генераль Окуневъ, въ заключеніяхъ своихъ о дѣлѣ Головина подъ Минскомъ, долженъ былъ ограничиваться первыми только извѣстіями, полученными въ главной квартирѣ черезъ агентовъ изъ Варшавы, и первоначальными донесеніями барона Розена, тогда сужденія его были бы извинительны; ибо въ первую минуту настоящаго понятія объ этомъ дѣлѣ имѣть было нельзя. Но Исторія его вышла въ свѣтъ три года послѣ; слѣдственно, онъ имѣлъ и время и

возможность разсмотрѣть всѣ документы, сличить числа съ событіями и повѣрить ихъ послѣдствія.

Наконецъ допустимъ и то, что Головинъ, увлеченный съ одной стороны желаніемъ обратить на себя силы непріятельскія, чтобы содѣйствовать общему плану кампаніи, а съ другой — боязнію, чтобы не отступить передъ числомъ малозначущимъ, дѣйствительно подвергался опасности погибнуть вмѣстѣ съ своимъ малымъ отрядомъ, то и тутъ нельзя обвинять его въ нарушеніи своего долга; ибо самое конечное истребленіе его отряда, совершившаго уже свое назначеніе, въ общемъ планѣ ничего бы не испортило. Этого несчастія, впрочемъ, не случилось и можно рѣшительно сказать: не случилось именно отъ того, что при наступательномъ движеніи малый отрядъ Головина не былъ соединенъ на шоссе. Со всѣмъ тѣмъ генераль Окуневъ, останавливаясь на своей собственной мысли, утверждаетъ, что Головинъ не только былъ разбитъ, но и заслуживалъ быть разбитымъ. «Неужели языкъ чужеземный, на которомъ генераль Окуневъ писалъ свою исторію, — говоритъ Головинъ, — могъ заглушить въ немъ чувство всякаго Русскаго, при видѣ опасности, на которую Головинъ, хотя бы и неблагоприятно, обрекался? — Неужели складъ Французской рѣчи не дозволилъ ему сказать что нибудь другое, и не допустилъ его возвыситься до тѣхъ оцущеній, которыя побудили Головина жертвовать и собою и смѣлыми товарищами участію своей для пользы дѣла общаго? Если бы генераль Окуневъ писалъ по-русски, то вѣроятно, сказалъ бы: Головинъ былъ разбитъ, но причины, побудившія его идти на опасность такую, что онъ заслужилъ бы другой участію.»

Но скажутъ, можетъ быть, что сочинитель Исторіи Польской войны въ сужденіяхъ своихъ руководствовался одними только правилами чистой стратегіи, — науки, въ новѣйшія времена столь превознесенной, и которая предназначена творить великихъ полководцевъ прямо изъ-за школьной доски, прежде даже, чѣмъ начнетъ у нихъ пробиваться усъ. Конечно, благодаря этой наукѣ, нынѣ можно быть строгимъ судьей въ военныхъ дѣйствіяхъ, и тѣмъ смѣлѣе тому, кто, не подвергая способности свои практической повѣрки, самъ не боится порицанія. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто говорить о пользѣ и достоинствѣ стратегіи, но да позволено будетъ намекнуть, что

едвали какой полководец согласится промѣнять сухія ея правила на смѣлые порывы воинскаго духа, хотя они часто принимаютъ видъ необдуманной дерзости и не всегда оправдываются успѣхомъ.

На стр. 79 генераль Окуневъ говоритъ, что Скржинецкій, обвиняемый въ неосновательности распоряженій своихъ, навлекъ всеобщее на себя негодование, въ слѣдствіе котораго потерялъ начальство надъ войсками. Но тутъ слѣдовало бы прибавить, что безплодныя экспедиціи его, предпринятія съ силами такъ значительными на правомъ берегу Вислы, не мало способствовали къ тому, чтобы уронить его въ общемъ мѣнѣніи. Извѣстно, что когда, послѣ неудачнаго покушенія своего окружить Головина въ Сѣдльцѣ, онъ спѣшилъ перевести вновь войска за Вислу, ропотъ и упреки между послѣдними доходили до высшей степени, и что тогда уже громко требовали, чтобы онъ лишень былъ начальства за то, что, гоняясь за ничтожнымъ отрядомъ Головина, далъ арміи нашей переправиться безпрепятственно черезъ Вислу. Казалось бы, этого Русскому историку пропустить въ молчаніи не надлежало.

На стр. 72 и 93 генераль Окуневъ, описывая вторичное появленіе мятежническихъ войскъ на правомъ берегу Вислы, т. е. экспедицію Ромарино, неизвѣстно почему умалчиваетъ о предшествовавшихъ ей немаловажныхъ съ нашей стороны операціяхъ, которыя произведены были также, въ слѣдствіе общаго плана, вторично Главнокомандующимъ предназначаемаго, чтобы пріуготовить взятіе Варшавы, такъ какъ первыми распоряженіями пріуготовленъ былъ успѣхъ переправы черезъ Вислу. Генераль Окуневъ не указываетъ настоящихъ причинъ, заставившихъ революціонное правительство отрядить Ромарино съ сильнымъ корпусомъ на правый берегъ Вислы. Начиная слегка повѣствованіе свое отъ выступленія барона Розена изъ Бреста — Литовскаго ^{28 июля}/_{9 августа}, онъ умалчиваетъ, что Головинъ еще ^{21 июля}/_{2 августа} получилъ вновь повелѣніе (за № 1101), дѣйствовать съ отрядомъ наступательно по направленію къ Прагѣ; что въ слѣдствіе этого Головинъ, перейдя ^{25 июля}/_{6 августа} изъ Сѣдльца въ Калущинъ, распространилъ поиски свои до самой Вислы; что партія его покрыла все пространство по эту сторону рѣки, начиная отъ Яблонны до устья Вѣржа; что ^{29 июля}/_{10 августа}, т. е.

когда баронъ Розень едва еще тронулся только съ корпусомъ изъ Бреста—Литовскаго, легкая конница Головина показалась уже подъ самыми Пражскими укрѣпленіями, и Головинъ лично самъ обозрѣвалъ окрестности Праги, и что дымъ отъ пушечныхъ его выстрѣловъ можно было уже ясно видѣть изъ самой Варшавы. Послѣдствіемъ этихъ дѣйствій было то, что всѣ подвозы съ этой стороны Вислы были пресѣчены и что Варшава, тѣснимая съ другой стороны приближеніемъ главныхъ нашихъ силъ, лишена была способностей продовольствію жизненными припасами. Это самое, а не другое что, заставило революціонное правительство выслать Ромарино въ Подляское воеводство, — обстоятельство крайне важное, ибо оно приготавлило приступъ къ Варшавскимъ окопамъ, уменьшивъ цѣлою третью число ихъ защитниковъ.

При описаніи дѣйствій 6-го корпуса противъ войскъ Ромарино упускаются изъ виду различныя обстоятельства, довольно замѣчательныя. Такъ, напримѣръ о томъ, что когда баронъ Розень, слѣдуя въ точности даннымъ ему предписаніямъ, отступалъ къ Бресту, чтобы оттянуть непріятельскій корпусъ какъ можно далѣе отъ Варшавы, арріергарду Головина надобно было выдержать подъ с. Крынкой ^{16/28} августа, жаркій и даже опасный бой противъ большей части войскъ Ромарино для того, чтобы прикрыть отступление нашего корпуса къ Мендзыржецу, въ Исторіи генерала Окунева упоминается очень слегка. На другой день въ Мендзыржецѣ опять завязалось дѣло, и авангардъ нашъ былъ свидѣтелемъ, какъ непріятель, въ виду нашемъ, производилъ фланговое движеніе на селеніе Мѣвю, чтобы обойти нашу позицію, — движеніе нѣсколько подобное тому, какое сдѣлалъ нѣкогда Фридрихъ II подъ Колиномъ и дорого за него заплатилъ, хотя, безъ сомнѣнія, въ военномъ дѣлѣ былъ искуснѣе чѣмъ Ромарино. За этимъ послѣдовало извѣстное дѣло въ Рогозницѣ, гдѣ мы потеряли въ числѣ плѣнныхъ одного генерала; оно, конечно, ничего не испортило въ общемъ планѣ, но потеря Головина при Калущинѣ, въ этомъ отношеніи, еще менѣе заслуживаетъ порицанія; однакожъ противъ него генераль Окуневъ въ сужденіи своемъ былъ гораздо строже, не взирая на эпиграфъ, которымъ украсень заглавный листъ его сочиненія.

При отступленіи отъ Мендзыржеца на Ломазы, когда мя-

тежники, овладѣвшіе прямѣйшимъ путемъ на Брестъ, прислали парламентаря съ нескромнымъ предложеніемъ, Головинъ самъ находился на передовой цѣли. Онъ послалъ генераль-маіора Фези принять непріятельскаго вѣстника такъ, какъ онъ заслуживалъ, и даже, не дождавшись конца разговора между ними, самъ пошелъ туда и, велѣвъ нѣсколькимъ стрѣлкамъ перейти на другую сторону кававы, грозилъ отвѣчать на дерзкое предложеніе мятежниковъ выстрѣлами, что и заставило парламентаря ихъ немедленно удалиться. Между тѣмъ, читая Исторію генерала Окунева, можно подуматъ, что генераль-маіоръ Фези былъ тутъ начальникомъ. Такое предположеніе конечно ничего не прибавило бы къ его достоинствамъ, но обстоятельство это не мѣшаетъ объяснить, а также замѣтить, что тутъ не только пушечныхъ, но даже и ружейныхъ выстрѣловъ не было.

Послѣ отступленія Ромарино отъ Тереспоя, Головинъ, начальствуя надъ авангардомъ, не имѣлъ повелѣнія преслѣдовать горячо непріятеля, а только не долженъ былъ терять его изъ виду. Но когда за Мендзыржецемъ получено уже было достовѣрное извѣстіе о занятіи войсками нашими Варшавы, и о движеніи мятежническаго корпуса Ромарино, оставшагося безъ всякой поддержки, на Луковъ, то Головинъ получилъ повелѣніе дѣйствовать ему во флангъ (рапортъ барона Розена Главнокомандовавшему отъ 29-го августа, за № 1290). Положеніе, въ которомъ непріятель находился, давало намъ большую надъ нимъ поверхность. Обремененный огромными обозами съ войсками, которыя съ потерю Варшавы должны были неминуемо потерять бодрость и прійти въ большое разстройство, Ромарино тянулся по дорогѣ отъ Сѣдльца на Луковъ, въ то время, когда Головинъ, съ авангардомъ, находился уже при селеніи Крынкѣ, въ перестрѣлкѣ съ непріятельскими фланкерами, ожидая прибытія корпуса. Казалось наступила минута дѣйствовать противъ Ромарино рѣшительно, чтобы не упустить его изъ рукъ. Но баронъ Розенъ, вѣроятно, не безъ причинъ уважительныхъ, пошелъ изъ Мендзыржеца на Радзынъ, давъ повелѣніе авангарду присоединиться къ нему. Послѣдній раздѣленъ былъ отъ него непроходимыми болотами, простирающимися вдоль по теченію рѣки Жны. Чтобы выбраться на Радзынскую дорогу, Головину надобно было опередить корпусъ, и онъ

только въ два усиленные перехода, могъ прибыть въ Радзынъ. Между тѣмъ Ромарино пошелъ изъ Лукова къ рѣкѣ Вѣпржу прямою дорогою, черезъ Войзысковъ и Сѣрокомлю. Отрядъ непріятельскій, занявшій Коцкѣ, чтобы заслонить переправу черезъ вышеупомянутую рѣку, былъ вытѣсненъ оттуда Головинымъ; но пока все это происходило, Ромарино успѣлъ уже переправиться черезъ Вѣпржъ подъ Лысобыками, и продолжалъ идти съ поспѣшностію на Мѣховъ и Куровъ. Фланкировавшій движеніе это отрядъ его настигнуть былъ нашимъ авангардомъ въ Маркушевѣ, который непріятель уступилъ безъ боя. Такимъ образомъ, Ромарино успѣлъ достигнуть своей цѣли, а именно моста, устроеннаго генераломъ Ридигеромъ черезъ Вислу, при селеніи Подгурже. Если отрядъ Завадскаго, отправленный туда на тотъ конецъ, чтобы завладѣть означеннымъ мостомъ, не успѣлъ въ этомъ, — отъ того ли, что строившій мостъ штабъ-лекаръ Даль хорошо нашелся, или что Завадскій не умѣлъ найтися, — во всякомъ случаѣ это принадлежитъ къ тѣмъ случайностямъ, которыя не подходятъ подъ циркульный размѣръ стратегиковъ. Ромарино, по всемъ расчетамъ, долженъ былъ очутиться неожиданно на лѣвомъ берегу Вислы, что могло бы поставить генерала Ридигера въ затруднительное положеніе. Казалось подъ Луковымъ представляется для насъ благопріятный случай напасть на Ромарино и разбить его. Не сдѣлавъ этого, мы дали время мятежническому корпусу опередить себя, и потомъ трудно уже было помѣшать ему перейти въ Австрійскія владѣнія. Напрасно авторъ говорить, что Поляки $\frac{2}{14}$ сентября, воспользовавшись переговорами, успѣли занять позицію за Опольскими болотами: та позиція, которую занималъ авангардъ ихъ при селеніи Коваляхъ, давала имъ всю возможность отступитъ безпрепятственно, ибо изъ-за переговоровъ Головинъ не могъ начать атаки прежде, какъ передъ вечеромъ. Но какъ преслѣдованіе на другой день началось еще гораздо прежде разсвѣта, то времени ни мало потеряно не было. Здѣсь можно присовокупить, что хотя въ Исторіи генерала Окунева и часто упоминается о 6-мъ корпусѣ, но главныя силы этого корпуса, кромѣ отряда Фези, были въ дѣлѣ только подъ Мендзыржецемъ; дѣйствовали же во все время одинъ только авангардъ.

Замѣчанія эти, касающіяся собственно до своихъ дѣйствій, Евгений Александровичъ заключилъ нѣкоторыми общими выводами изъ Исторіи Окунева, которыя также считаемъ необходимымъ привести здѣсь.

«Никто противорѣчить не будетъ, — говоритъ Головинъ, — что во второй эпохѣ Исторіи войны противъ Польскихъ мятежниковъ, — которую авторъ, кажется, не совѣтъ основательно называетъ войною съ Польшею, ибо это заглавіе не опредѣляетъ настоящаго ея характера, — заключаются два главныя событія, въ коемъ всѣ прочія служатъ только дополненіемъ, а именно: переправа арміи нашей черезъ Вислу и потомъ взятіе Варшавы. Подъ этими двумя ударами пало чудовище крамолы, которое огромнымъ тѣломъ своимъ покрывало все пространство земли, нѣкогда Польшу составлявшее, и которое питалось ядовитымъ дыханіемъ Западно-Европейской пропаганды. Казалось по всему, что удача перваго событія приготовлена была распоряженіями Главнокомандовавшаго, предвидѣвшаго изъ-далека трудность переправы въ виду всѣхъ мятежническихъ силъ. Въ слѣдствіе предписаній его, начиная отъ $\frac{22}{4}$ іюня до $\frac{12}{24}$ іюля, т. е. въ продолженіе трехъ недѣль, большая часть непріятельской арміи занята была на шоссе, между Сѣдльцемъ и Прагою, въ ежедневныхъ почти стычкахъ противъ малаго отряда нашего, двинувшагося отъ Мендзыржеца къ Минску; другая часть находилась въ окрестностяхъ Варшавы и Модлина, какъ бы ожидая какихъ важныхъ покушеній со стороны Сѣдльца. Между тѣмъ наша армія въ 200 верстахъ ниже Варшавы, не только переправляется черезъ Вислу безъ выстрѣла, но и утверждается прочнымъ образомъ на лѣвомъ берегу этой рѣки, прежде чѣмъ мятежники усиленными переходами успѣли возвратиться изъ-за Варшавы и показаться въ виду главныхъ нашихъ силъ. Кто не думаетъ, что такой важный оборотъ дѣлъ былъ слѣдствіемъ предусмотрительности и предварительныхъ соображеній? Стоитъ только разчесть во время по днямъ, и взглянуть на карту, чтобы въ этомъ убѣдиться.

«Но генераль Окуневъ въ Исторіи своей ищетъ отвести читателей отъ такого заключенія. Судя по его разсказу, надобно полагать, что переправа совершилась такъ удачно отъ того только, что мятежники не хотѣли ее оспаривать, и что

первоначальный планъ Главнокомандовавшаго, коего главнѣйшею цѣлію было отвлечь силы непріятельскія на противоположную сторону, не былъ приведенъ въ исполненіе, хотя данныя барону Розену предписанія, да и самыя событія, представляютъ нѣчто противное. Авторъ приводимой нами Исторіи хочетъ увѣрить читателей, что Рыбинскій, Ромарино, Хржановскій и наконецъ самъ Скржинецкій, двинушіи половину арміи своей къ Сѣдльцу, дѣйствовали по какому-то неизвѣстному побужденію, и что движеніе съ нашей стороны нисколько мятежническихъ вождей на это не вызывало. Такимъ образомъ онъ соглашается съ нашими противниками, которые, въ намѣреніи отнять у нашего Главнокомандовавшаго славу искусно соображеннаго плана, утверждаютъ, будто бы происшествія на правомъ берегу Вислы, не имѣли ничего общаго съ переправою нашей арміи. Онъ хочетъ доказать, что если бы вожди мятежническіе были сколько нибудь искуснѣе, то переправа нашей арміи никогда бы состояться не могла и что, наконецъ, успѣхомъ этого важнаго предпріятія обязаны мы одной только случайности и грубымъ ошибкамъ нашихъ противниковъ, а не собственному умѣнію управлять военными дѣйствіями.

«Другое важное событіе, т. е. взятіе штурмомъ Варшавскихъ укрѣпленій, простому глазу представляется не только великимъ, но можетъ быть единственнымъ въ лѣтописяхъ воинскихъ.

«Дабы ослабить защиту Варшавы дается предписаніе, чтобы войска наши вновь двинулись отъ Бреста къ Прагѣ. Появленіе ихъ подъ самыми Пражскими укрѣпленіями и пресѣченіе черезъ то подвоза жизненныхъ потребностей заставило мятежническое правительство выслать въ воеводство Подляское корпусъ войскъ, подъ начальствомъ Ромарино. Отъ этого гарнизонъ Варшавскій убавился на 15,000 пѣхоты; но между тѣмъ все еще оставалось для защиты города и его окоповъ около 31,000 пѣхоты. Мы, въ день приступа (по табели генерала Окунева № IX), имѣли до 59,000 пѣхоты, что не составляло и двойнаго числа противъ силъ непріятельскихъ; а какъ, по принятымъ при военныхъ исчисленіяхъ правиламъ, полагается, что пѣхота въ укрѣпленіяхъ можетъ и должна съ успѣхомъ обороняться противъ тройнаго числа, то очевидно, что перевѣсъ далеко еще не былъ на нашей сторонѣ.

« Приступъ предпринимается среди бѣлаго дня; для нападенія избирается Главнокомандовавшимъ самый крѣпкій пунктъ — Воля. Такъ поступали многіе знаменитые полководцы, считая на нравственное дѣйствіе, которое произведетъ на непріятеля не только овладѣніемъ таковымъ пунктомъ, но самое уже покушеніе взять его. При томъ весьма свойственно быть нѣсколько безпечнѣе за оплотами, которые кажутся непреодолимыми, и напротивъ бдительнѣе тамъ, гдѣ оборона искусственная менѣе надежна. Сверхъ того, Воля составляла ключъ цѣлой укрѣпленной позиціи: съ покореніемъ ея неминуемо падала Варшава.

« Для споспѣшествованія столь великому предпріятію, кромѣ распоряженій основанныхъ на глубокой опытности и уже увѣнчанныхъ успѣхами при неоднократныхъ знаменитыхъ приступахъ, Главнокомандовавшимъ нашимъ данныхъ, тронуты были и пружины нравственныя: мы хотимъ указать на великую мысль поставить на челѣ каждой штурмовой колонны отрядъ гвардейскихъ охотниковъ. Это должно было возбудить между гвардіею и арміею грозное для непріятеля соревнованіе, одушевившее полки Русскіе тѣмъ стремленіемъ, которое служитъ гораздо лучшимъ залогомъ побѣды, нежели сухіе расчеты школьной теоріи. Всякій прямо-военный человѣкъ, а наипаче Россіянинъ, съ восторгомъ останавливается на этомъ великомъ днѣ славы Русскаго оружія; онъ съ восхищеніемъ представляетъ себѣ, какъ полки Русскіе устремились на окопы, прославленные непреодолимыми; видитъ, какъ они стерлись подъ ихъ ногами, и благодаритъ Бога, даровавшаго Россіи вождя, который умѣетъ вести сыновъ ея къ подвигамъ богатырскимъ.

« Генераль Окуневъ смотритъ на штурмъ Варшавскій совсѣмъ иначе: отдавая справедливость необыкновенной храбрости войскъ, въ главныхъ распоряженіяхъ видитъ однѣ ошибки. Онъ находитъ, что приступъ поведенъ не на тотъ пунктъ, на который бы надлежало; что безъ нужды пожертвовано многими тысячами людей, въ то время, когда можно бѣ было достигнуть той же цѣли гораздо съменьшею потерей; наконецъ заключаетъ, что, также какъ и переправѣ черезъ Вислу, успѣхомъ штурма Варшавскаго обязаны мы одному только искусству нашихъ противниковъ, и особливо недостатку съ ихъ стороны въ знаніи высшей стратегіи.

« Для генерала Окунева недовольно быть простымъ военнымъ историкомъ: онъ хочетъ еще быть цѣнителемъ дѣяній полководцевъ. Рѣзкія выраженія: *я хвалю*, или *я порицаю*, въ книгѣ его, среди стратегическихъ умствованій, не рѣдко встрѣчающіяся, заставляють невольнымъ образомъ жалѣть, что дарованія автора, которыхъ отрицать нельзя, лишены лучшаго своего украшенія — скромности, неразлучной съ истиннымъ достоинствомъ. Не мѣсто здѣсь входить въ разсмотрѣніе, не найдется ли и въ его планѣ атаки Варшавскихъ укрѣпленій какихъ либо слабыхъ мѣстъ, не смотря на то, что онъ, кажется, составленъ уже послѣ событія, тогда какъ указываемые пункты не были заслонены, ни окопами, ни рядами непріятельскихъ войскъ, ни его пушками. Но нельзя опять не пожалѣть, что единственная исторія послѣдней войны противъ Польскихъ мятежниковъ, писанная Русскимъ, имѣетъ такіе оттѣнки, которые могутъ уронить насъ въ глазахъ чужеземцевъ и дать пищу враждебному ихъ противъ насъ расположенію.

« Казалось намъ Русскимъ оставалось бы только озаряться славою полководца, увѣнчавшаго всѣ предшествовавшіе подвиги свои блистательнѣйшимъ изъ нихъ, т. е. взятіемъ Варшавскихъ укрѣпленій, а не искать, въ подраженіе чужеземцамъ, ошибокъ въ великихъ дѣлахъ его, возвысившихъ славу оружія нашего и составляющихъ драгоцѣннѣйшее достояніе Россіи! »

Этими словами Евгенія Александровича, — которыми онъ оканчиваетъ свои замѣчанія на исторію генерала Окунева, — и мы прекращаемъ многочисленныя выписки изъ его любопытнаго журнала, на которыя указалъ намъ самъ доблестный участникъ славной войны, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины.

 IV.

Послѣ совершеннаго успокоенія Польскаго края, Головинъ принялъ командованіе надъ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, съ которымъ и возвратился въ наши границы. 1-го ноября онъ

былъ назначенъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи и, съ 8-го ноября, начальствовалъ временно 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и съ нимъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1832 года, также прибылъ изъ Царства Польскаго въ предѣлы Россіи.

Показанными наградами не исощились милости Великаго Монарха къ заслугамъ нашего героя. Высочайшимъ указомъ 18-го декабря 1831 года, «за ревностную и полезную службу» Всемилостивѣйше повелѣно: сложить со счетовъ, состоявшіе на Евгеніи Александровичѣ въ долгу, по ссудѣ изъ Государственнаго Казначейства, въ 1826 году произведенной, 40,000 руб. съ процентами за просрочку.

1-го апрѣля 1832 г., онъ пожалованъ арендою, по чину генераль-лейтенанта, на 12 лѣтъ, а «за отлично-усердную службу» — аренда эта, тогда же, замѣнена, не въ примѣръ другимъ, деньгами, которыя повелѣно производить съ $\frac{13}{24}$ іюня 1832 года, въ теченіе 12 лѣтъ, по 2 тысячи руб. сер., съ прекращеніемъ опредѣленнаго 5-го августа 1821 года, вмѣсто генераль-маіорской аренды, денежнаго производства, по тысячѣ руб. сер. въ годъ.

Наконецъ, іюня 12-го, — въ воспоминаніе покоренія Варшавы, — онъ награжденъ знакомъ отличія Польскаго ордена за военныя достоинства 2-й степени.

Въ 1833 году, 1-й пѣхотный корпусъ имѣлъ счастье находиться на Высочайшемъ смотрѣ и Евгеніи Александровичѣ, «за отличный во всѣхъ частяхъ порядокъ и устройство 2-й пѣхотной дивизіи», удостоился получить *совершенное* Высоко-Монаршее благоволеніе, объявленное Высочайшимъ приказомъ 19-го мая, а чрезъ день, 21-го, по случаю парада при освященіи Динабургской крѣпости, удостоился получить новое Высочайшее благоволеніе «за отличный порядокъ и устройство 2-й пѣхотной дивизіи». Наконецъ, при Высочайшей грамотѣ, отъ 5-го августа, *въ изъясненіи особаго Высочайшаго благоволенія къ отлично-усердной и ревностной службѣ*, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Бѣлаго Орла, а Высочайшимъ указомъ, состоявшимся 14-го августа, Всемилостивѣйше повелѣно, къ аренднымъ деньгамъ по 2 т. руб. сер. въ годъ, назначеннымъ указомъ 1-го апрѣля 1832 года, прибавить еще тысячу рублей серебромъ и за тѣмъ, съ апрѣля 1833 года, произ-

водитъ, до окончаніе срока, по три тысячи руб. сер. въ годъ.

V.

10-го января 1834 года, Евгеніи Александровичѣ былъ назначенъ Главнымъ Директоромъ, предсѣдательствующимъ въ Правительственной Коммисіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Царства Польскаго.

На обязанности этого званія лежало внутреннее благоустройство края, попеченіе о соблюденіи тишины и порядка, о состояніи народнаго здравія, распространенія и доведенія до цвѣтущаго состоянія сельскаго хозяйства, ремеслъ, художествъ, фабрикъ, мануфактуръ и торговли, звѣдываніе частями строительною и путей сообщенія, богоугодными и благотворительными учрежденіями, попеченіе о народномъ образованіи и распоряженіе по дѣламъ церквей и учреждений всѣхъ исповѣданій, исключая православнаго, подчиненнаго Святейшему Синоду.

Не легко было управлять въ это время частію столь обширную и столь разстроенною во время мятежа, тѣмъ болѣе, что извѣстное челоуѣколюбивое вниманіе Незабвеннаго Государа къ заблудившимся, каравшаго только однихъ зачинщиковъ смуть и людей неисправимыхъ, требовало немедленнаго возстановленія возможнаго порядка и благоденствія въ краѣ. Но просвѣщенная дѣятельность Евгенія Александровича успѣшно преодолѣла представившіяся трудности и его слѣдуетъ считать въ числѣ главныхъ сановниковъ, способствовавшихъ къ исполненію прекрасныхъ предначертаній Обновителя Царства.

Сдѣлаемъ исчисленіе важнѣйшихъ распоряженій какъ Высшаго Правительства по предметамъ вѣдомства Головина, такъ и дѣйствій его самого за это время.

Распоряженія относительно Государственной службы имѣли первостепенную важность въ тогдашнемъ положеніи Царства и для его будущности. Прежде всего требовалось озаботиться приобрѣтеніемъ вѣрныхъ исполнителей предначертаній Власти. Потому, признавая полезнымъ

имѣть удостовѣреніе, что готовящееся къ поступленію въ гражданскую службу юношество получило предварительное къ тому приготовленіе, Правительство распорядилось, чтобы являющіеся на аппликацію для признанія ихъ кандидатами къ занятію служебныхъ мѣстъ представляли свидѣтельства объ окончаніи восьми классовъ ученія въ публичныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы проходившіе четыре класса признаваемы были способными на мѣста только въ нижнихъ и не выше какъ въ уѣздныхъ управленіяхъ.

Съ тою же цѣлію—доставленія службы достойныхъ чиновниковъ—были постановлены правила относительно замѣщенія вакантныхъ должностей не иначе, какъ по строгому экзамену.

Изданнымъ въ 1836 году Высочайшимъ постановленіемъ, должности и званія, въ порядкѣ постепенности, распределены на разряды, съ присвоеніемъ имъ соответственнаго мундира.

Наконецъ, предписано не принимать никого въ службу безъ достаточнаго познанія Русскаго языка.

Внутреннее въ краѣ распределеніе измѣнено тѣмъ, что, Высочайшимъ повелѣніемъ 23-го февраля 1837 года, воеводства переименованы губерніями, презесы воеводствъ—гражданскими губернаторами, а воеводскія коммисіи—губернскими правленіями.

Кромѣ того, по предварительномъ соглашеніи съ коммисіями Финансовъ и Юстиціи, признано нужнымъ, для облегченія мѣстнаго управленія, перечислить отдаленныя отъ своихъ губерній уѣзды, селенія и колоніи къ вѣдомству другихъ, ближайшихъ.

Полицейское управленіе, естественно, обращало на себя много вниманія. Немедленно по окончаніи мятежа по части общей полиціи возобновлены и приведены въ дѣйствіе прежде существовавшія постановленія о праздношатающихся, о паспортахъ, о билетахъ для свободнаго проживанія, о повѣркѣ судорбочихъ на Вислѣ и т. п. Постановленія эти, при содѣйствіи военнаго начальства, значительно поддерживали общественную безопасность. Нигдѣ не было замѣчено особенныхъ безпорядковъ, столь впрочемъ обыкновенныхъ послѣ общественныхъ безпокойствъ. Частные случаи преступленій противъ безопасности лицъ и имущества были

дѣятельно преслѣдуемы мѣрами полицейскихъ властей и виновные предаваемы въ руки правосудія. Такъ появившіяся было въ 1836 году разбойничества прекращены усиленными распоряженіями къ искорененію бродяжничества и нищенства. За исполненіемъ правилъ, постановленныхъ противъ ихъ, полицейскія власти дѣятельно наблюдали.

Здѣсь же должно упомянуть, что воспрещеніе Евреямъ селиться на разстояніи трехъ миль отъ Австрійской и Прусской границъ, въ 1834 году распространено и на границу со стороны Имперіи.

Народонаселеніе Царства, простиравшееся въ 1829 году до 4,137,000 душъ, кромѣ бѣдствій войны, много пострадало отъ свирѣпствовавшей въ то же время холеры, отъ которой погибло до 81,000 душъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, число вновь рожденныхъ въ 1831 году составляло 164,628 душъ, а число умершихъ простиралось до 243,523 человекъ. Въ слѣдующемъ году распространившіяся между крестьянами болѣзни были причиною, что число умершихъ доходило до 184,000 душъ и десятию тысячею превзошло число родившихся. Но, начиная съ 1833 года, и особенно съ 1834, состояніе народонаселенія представлялось въ удовлетворительномъ видѣ. Въ 1833 году всего жителей въ Царствѣ считалось 3,914,665 душъ, а въ 1839 г. уже 4,428,546, слѣдственно увеличилось на 513,881 душу.

Народное здравіе было постоянно предметомъ особенной заботливости. Когда въ 1836 и 1837 годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возобновилась холера, то, для прекращенія этого бѣдствія, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ учреждены были холерные госпитали, на какой предметъ тогда же разрѣшено употребить городскія суммы, а для первоначальныхъ потребностей выдано изъ Государственнаго Казначейства по 10,000 злотыхъ на каждую губернію и 30,000 злотыхъ для Варшавы.

Кромѣ того, непрестанно и строго наблюдалось за повсемѣстнымъ исполненіемъ общихъ распоряженій для доставленія бѣдному классу бесплатной медицинской помощи и за своевременнымъ принятіемъ мѣръ противъ повальныхъ болѣзней, и вообще много заботились объ устраненіи всего, что только могло имѣть вредное вліяніе на общественное здравіе.

Мятежь имѣлъ особенно крайне-бѣдственное вліяніе на *сельскій классъ* народа. Земледѣльческая промышленность почти пала, скотской падежь — свирѣпствовалъ по всему краю, цѣны на жизненные припасы возвысились неизмѣрно, и поселяне во многихъ мѣстахъ не только не могли приступить къ засѣву полей, но и не въ состояніи были прокармливать свои семейства.

Для поддержанія положенія сельскихъ обывателей въ губерніяхъ, наиболѣе потерпѣвшихъ разореніе, ассигнованы были особыя суммы, изъ Государственнаго Казначейства отпущенныя, и денежныя вспоможенія, раздача которыхъ предоставлена особо учрежденной Коммиссіи.

Казенные и гминные хлѣбные запасы были открыты для поселянъ; а гдѣ мѣра эта оказывалась недостаточною, тамъ выдавались запасы изъ военныхъ магазиновъ. Большое количество лошадей армейскихъ, которыя оказались возможнымъ удѣлить изъ военнаго вѣдомства, розданы были крестьянамъ. Изъ казенныхъ лѣсовъ отпускался на исправленіе разоренныхъ домовъ лѣсъ и самыми земледѣльческими орудіями и машинами поселяне снабжались отъ казны. Сверхъ того, для облегченія жителямъ Царства пріобрѣтенія земледѣльческаго скота, Правительство озаботилось выпискою изъ Имперіи рогатаго скота и лошадей, которые раздавались помѣщикамъ, съ разсрочкою слѣдующихъ за нихъ денегъ на нѣсколько лѣтъ.

Хотя послѣ урожая 1832 г. цѣны на рожь возвысились довольно значительно, но это кратковременное возвышеніе было слѣдствіемъ истощенія прежнихъ запасовъ и въ особенности неурожая предшествовавшаго года. Вскорѣ, особенно съ 1834 года, цѣны эти пришли въ прежнее положеніе. Слѣдующій 1835 годъ былъ урожайнымъ до такой степени, что не только съ избыткомъ вознаградила недостатки предшедшаго, но даже обезпечилъ скудный урожай 1836 года. Недостатокъ особенно ошутителенъ былъ только въ 1837 году.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ недостатка урожая обезпеченіе народнаго продовольствія и возпособленія жителямъ продолжали составлять предметъ особенной заботливости и попеченій Правительства. Такъ въ 1835 году, по уваженію предшедшаго ему неурожая, Высочайше повелѣно было простить

штрафы разнаго рода, накопившіеся за время до 1834 года, въ количествѣ болѣе 5000 золотыхъ, а въ теченіи слѣдующихъ годовъ освобождены отъ платежа податей или разсрочень взносъ ихъ:

	Земскимъ владѣльцамъ.	Гминямъ (общинамъ).	Городамъ.
Въ 1835 году	75	107	6
» 1836 »	96	117	7
» 1837 »	130	148	57

Запасные хлѣбные магазины учреждены во всемъ Царствѣ и постепенно снабжались хлѣбомъ.

Независимо, однакожь, отъ вышеизложенныхъ неблагопріятныхъ случайностей, *земледѣліе* и вообще *сельское хозяйство*, въ теченіе 4-хъ лѣтъ управленія Головина, постоянно совершенствовались и замѣненіе по многимъ частямъ прежнихъ системъ другими выгоднѣйшими, по примѣру иностранныхъ сельскихъ хозяевъ, было предметомъ особеннаго старанія и, заботливости значительнѣйшихъ помѣщиковъ и, судя по собраннымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, эта промышленность не только противу прежняго не уменьшалась, но еще съ быстротою распространилась по всему краю.

Уже замѣчено, что цѣны на хлѣбъ были низки въ 1835 году, — чему причиною представлялись съ одной стороны общее изобиліе того года, а съ другой — уменьшившіеся въ то же время заграничныя требованія. Поэтому, для поощренія отвозной торговли хлѣбомъ, Высочайше повелѣно установить преміи за вывозъ его къ Балтійско-морскимъ портамъ; а устроеніемъ складочныхъ хлѣбныхъ магазиновъ на судоходныхъ рѣкахъ представлена поземельнымъ владѣльцамъ возможность, въ случаѣ упадка цѣнъ, складывать хлѣбъ въ магазинахъ и, получивъ подъ его ссуды деньги изъ банка, ожидать ихъ возвышенія для продажи на мѣстѣ или за границу, при содѣйствіи къ тому также банка.

Для улучшенія вообще *скотоводства*, по Высочайшему повелѣнію, въ 1835 году уменьшена пошлина съ пригоняемаго въ край изъ Имперіи скота и породы рогатаго скота видимо улучшались. Шерсть овечья, составляющая главную и обширнѣйшую отрасль сельскаго хозяйства, обращала на себя особенное вниманіе, и усиленная заботливость владѣль-

цевъ была направлена на улучшеніе породы овецъ, такъ что статья эта вскорѣ развилась уже до высокой степени совершенства.

Число *иностранныхъ поселенцевъ* и *оброчныхъ крестьянъ* постепенно возрастало и, простираясь въ 1833 году до 60 тысячъ, въ 1835 году возрасло до 66 тысячъ.

Наконецъ, самый *бытъ крестьянъ*, не взирая на бывшіе неурожаи, въ это четырехлѣтіе видимо улучшился.

Состояніе *мануфактурной промышленности* Царства не могло не подвергнуться въ 1831 году значительному измѣненію. Нѣсколько заводовъ и фабрикъ, какъ во время мятежа, такъ и послѣ него, подверглись пламени, другіе закрыты и въ послѣдствіи переведены изъ предѣловъ Польши. Но съ 1834 года мануфактуры снова начали постоянно, съ большимъ или меньшимъ въ различныхъ частяхъ успѣхомъ, совершенствоваться. Этому много способствовали дѣйствія Правительства. Оно, обращая особенное вниманіе на состояніе вообще фабричной промышленности, какъ одного изъ обильнѣйшихъ источниковъ народнаго богатства, непрестанно оказывало фабрикантамъ и заводчикамъ всѣ возможные пособія и ободренія. На учрежденіе фабрикъ и заводовъ постоянно выдавались ссуды. Таковыхъ пособій, напр., было отпущено:

Въ 1835 и 1836 годахъ до 1,000,000 золотыхъ.

» 1837 и 1838 » » 329,000 »

Платежъ этихъ ссудъ потомъ частію разсрочивался, а частію прощенъ вовсе. Учредителямъ фабрикъ дозволялся вывозъ изъ-за границы сырыхъ матеріаловъ за уменьшенную пошлину; да и вообще съ многихъ изъ этихъ матеріаловъ пошлина частію уменьшена, а частію и совсѣмъ сложена. Съ другой стороны, обращалось бдительное вниманіе на отвращеніе контрабанды мануфактурными издѣліями. Наконецъ, выдавались привилегіи на разныя открытія и изобрѣтенія, полезныя для фабрикъ и ремеслъ.

Шерстяныя фабрики, до пагубнаго мятежа, занимали важнѣйшее мѣсто въ ряду промышленныхъ заведеній Царства и удержали его и послѣ усмиренія Польши. Безначаліе поддѣйствовало на эту отрасль промышленности, болѣе чѣмъ на какую другую, такъ что количество шерстяныхъ издѣлій,

изготовленныхъ въ Царствѣ послѣ 1830 года, уменьшилось пятью милліонами локтей. По восстановленіи законнаго порядка, Государемъ Императоромъ Всемилостивѣйше дозволено было вывезти изъ Царства въ Имперію до 700,000 аршинъ сукна съ уменьшеною пошлиною и, сверхъ того, было закуплено для арміи 100,000 локтей, — чему единственно приписать должно нѣсколько возвысившееся въ 1833 и 1834 годахъ, противъ 1832, количество изготовленныхъ суконъ. Послѣ этого шерстяныя фабрики, хотя медленно прочихъ, начали подвигаться къ цвѣтущему состоянію, дѣятельность ихъ стала усиливаться. Но при оставленіи управленія Головинымъ она еще *далеко* не дошла до того цвѣтущаго положенія, въ какомъ была до 1830 г., именно, въ 1838 году число рабочихъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, на шерстяныхъ фабрикахъ составляло 3,405 человекъ, а различныхъ шерстяныхъ тканей выдѣлано было 3,419,920 локтей.

Доказательствомъ развитія этихъ фабрикъ служитъ также количество привезенной на Варшавскую ярмарку шерсти, быстро усиливавшееся съ 1834 г. Оно простиралось:

Въ 1830 году до 12,000 центнеровъ.

» 1832	»	»	5,000	»
» 1833	»	»	6,000	»
» 1834	»	»	9,000	»
» 1835	»	»	15,576	»
» 1836	»	»	11,455	»
» 1837	»	»	13,477	»

Хлопчатобумажныхъ, льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій фабрики пришли въ это время уже въ *отличное* состояніе: въ 1839 году число рабочихъ на нихъ было свыше 26,000 человекъ, — болѣе противъ 1830 года 15,000 человекъ. Въ теченіе 1833 и 1834 годовъ произведенія бумажныхъ фабрикъ удвоились, а въ 1839 году выработано льняныхъ и бумажныхъ тканей до 16,000,000 локтей, сверхъ множества разныхъ другихъ издѣлій.

На первомъ *сахароваренномъ заводѣ*, основанномъ въ Сохачевскомъ уѣздѣ и открывшемъ свое дѣйствіе въ 1832 году, извлечено сиропа: въ первый годъ его производства до 20,000 фунтовъ; въ слѣдующемъ году—уже до 80,000 фунтовъ; а потомъ *свекло-сахарныя заводы* такъ

быстро стали развиваться, что доставили вообще въ 1839 году до 130,000 фунтовъ.

Изъ прочихъ заведеній, по степени усовершенствованія своего въ управленіе Головина, заслуживали вниманіе: *писчебумажная фабрика* въ Езернѣ, *заводъ для химическаго приготовленія* въ Варшавѣ, *фабрика гуммиэластиковыхъ издѣлій* и нѣкоторыя другія.

Состояніе городовъ, какъ преимущественно слѣдствіе развитія промышленности, постепенно улучшалось. Доходы городскіе (кромѣ Варшавы), составлявшіе въ 1834 году 2,555,532 злотыхъ, возрасли въ 1839 году до 3,570,383 злотыхъ. Изъ этихъ доходовъ часть употреблялась на администрацію городовъ, также на ихъ устройство и украшеніе, и выдавались ссуды жителямъ строящимъ дома. Особенно возрасли города: Сувалки, Лодзь, Бендзинь, Ставковъ и другіе.

Народонаселеніе Варшавы состояло въ 1829 году до 139,654 душъ, съ ежегоднымъ приращеніемъ противъ предыдущихъ лѣтъ въ 3,000 душъ; въ 1833 году оно простиралось до 124,870 душъ, а къ 1839 уже возрасло до 139,205 душъ.

Доходы города Варшавы, простиравшіеся въ 1834 году до 4,094,000 злотыхъ, въ 1839 году составляли уже 4,744,000 злотыхъ. Прѣжніе долги города, вмѣстѣ съ занятыми въ 1834 году 15,000,000 злотыхъ, постепенно уплачивались посредствомъ установленнаго погашенія.

Въ отношеніи порядка и украшенія этотъ городъ въ разсматриваемое четырехлѣтіе сдѣлалъ важныя успѣхи. Во время осады подверглись разрушенію 175 частныхъ строеній, но въ 1835 году изъ нихъ было уже 160 вновь отдѣлано или перестроено. Въ слѣдующіе годы новыхъ зданій возведено еще болѣе.

Правительство для этого оказывало жителямъ возможное вспоможеніе. Такъ напр. обитателямъ Прагскаго предмѣстія въ ноябрѣ 1834 года, съ Высочайшаго разрѣшенія, была предоставлена льгота въ платежѣ накопившихся недоимокъ въ податяхъ; въ самой Варшавѣ тѣмъ изъ хозяевъ, коихъ дома во время мятежа были сломаны или сожжены, оказано вознагражденіе изъ суммъ страховаго отъ огня общества. Наконецъ, обывателямъ незастрахованныхъ

строеній роздано было въ пособіе уже къ 1835 году до 200,000 злотыхъ.

Для облегченія дѣйствій Варшавской полиціи весь городъ раздѣленъ, вмѣсто существовавшихъ прежде осьми, на двѣнадцать частей, а самая полиція раздѣлилась на полицію правительственную или административную и полицію исполнительную. Контора для надзора за людьми, находящимися въ услуженіи, восстановлена, при чемъ порядокъ дѣйствій ея значительно улучшился.

Учрежденная, въ 1836 году, пожарная команда составляетъ весьма важное для города установленіе.

Въ существующемъ въ Царствѣ Польскомъ *страховомъ отъ огня обществѣ* состояло застрахованныхъ недвижимыхъ имѣній:

Въ 1829 году на сумму	392,983,000	злотыхъ.
» 1835 » » »	505,187,000	»
а въ 1839 » » »	583,650,000	»

Всѣхъ вознагражденій за сгорѣвшія строенія съ 1829 по 1835 годъ, въ теченіе шести лѣтъ, произведено на 12,527,000 злотыхъ; въ этой суммѣ нечислены и вознагражденія, произведенныя, какъ упомянуто выше, хозяевамъ домовъ въ Варшавѣ, коихъ дома сожжены или сломаны во время мятежа.

Этому же обществу, въ 1833 году, разрѣшено было страховать и движимое имущество. Вслѣдствіе этого, въ одинъ слѣдующій 1834 годъ было уже застраховано такихъ имуществъ на 13,539,000 злотыхъ, а въ 1839 году оно возрасло до 28,563,000 злотыхъ.

Капиталь общества состоялъ: въ 1835 году изъ суммъ, обращавшихся въ Польскомъ банкѣ на 4,109,000 и изъ недоимокъ 711,000, всего 4,820,000 злотыхъ.

Во время военныхъ дѣйствій потерпѣли *шоссе*: Ковенское, Брестское и Калишское, требовавшіе важныхъ исправленій. Сверхъ того было необходимо приступить къ исправленію многихъ мостовъ. Всѣ эти работы произведены возможно послѣшно и при томъ строились новыя сооруженія. Такъ въ 1834 году новыхъ шоссе проводилось 77½ миль или 545 верстъ. Въ 1839 году окончательно устроенныхъ шоссеиныхъ дорогъ имѣлось 1,978 верстъ, т. е. до 500 верстъ болѣе противъ 1834 года. Содержаніе боль-

шихъ дорогъ, стоившее еще въ прежнее время ежегодно около 11,000 злотыхъ на милю, въ 1829 году требовало издержекъ до 6,000, а въ 1835 году обходилось не болѣе какъ въ 5,000 злотыхъ.

Начатыя въ 1829 году обдѣлка береговъ Вислы и устройство по нимъ бульваровъ, въ это время продолжались. Разныя гидравлическія постройки производились также при соединеніи рр. Вѣпржа съ Вислою и выше теченія этой послѣдней къ Кракову. Но важнѣйшія въ этомъ отношеніи работы совершены близъ Новогеоргіевска, гдѣ Висла безпрестанно мѣняетъ теченіе. Значительныя работы произведены также по р. Пронѣ, Бугу и Вахтѣ. Продолжались также большія гидравлическія работы на Августовскомъ каналѣ и особенное вниманіе заслуживаютъ мосты подъ Плоцкомъ, Ковно и на Вѣпржѣ, оконченныя уже въ 1838 и слѣдующихъ годахъ.

Почтовая часть равномерно постоянно обращала на себя особенное вниманіе, и открытіе нѣсколькихъ новыхъ трактовъ и измѣненіе въ ходѣ почтъ способствовало облегченію сношеній.

Общественное призрѣніе обращало на себя также должное вниманіе. Число общественныхъ больницъ и богадѣленъ постепенно возрастало, но положительныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ.

Тюрьмы получили новое преобразование, предметомъ котораго было отдѣлать преступниковъ отъ обвиненныхъ въ маловажныхъ проступкахъ, здоровыхъ отъ больныхъ, мужчинъ отъ женщинъ, учредить училища для несовершеннолѣтнихъ и разныя мастерскія.

Этой же Правительственной Коммисіи, какъ извѣстно, подчинено завѣдываніе поставкою отопленія, освѣщенія, соломы, подводъ и помѣщенія для войскъ и выдача вознагражденій за убытки, производимые маневрами. Вскорѣ по возстановленіи законнаго порядка въ Царствѣ, Главнокомандовавшій дѣйствующею арміею, для облегченія хозяевамъ домовъ постоянной повинности, предоставилъ въ распоряженіе военнаго начальства казармы, общественныя зданія и манежи, на починку которыхъ употреблена была значительная сумма. Сверхъ того, на обывателей и ремесленниковъ обращенъ былъ небольшой сборъ для найма необходимаго войскамъ

помѣщенія. Уравненіемъ же повинности этой занимались учрежденныя во всѣхъ городахъ особыя квартирныя коммисіи.

Въ управленіе Головина открыта въ Царствѣ Православная Епископская каѳедра и устроена соборная церковь во имя Покрова Божіей Матери. Для этой послѣдней взята Римско-Католическая церковь Піяристовъ, одна изъ наиболѣе посѣщавшихся высшимъ классомъ Варшавской публики, и со всѣми своими огромными строеніями передана въ вѣдѣніе Православнаго Епархіальнаго управленія. Для собора вылить тутъ же на мѣстѣ, Русскими мастерами, колоколь въ 500 пудовъ и поднять на колокольню въ присутствіи большаго стеченія народа. Все это совершилось въ землѣ, гдѣ фанатически исповѣдается Римско-Католическая Вѣра, гдѣ съ отдаленныхъ вѣковъ водворена ненависть къ Восточной Церкви, и совершилось въ тишинѣ, безъ малѣйшей надобности прибѣгнуть къ силѣ, потому что Головинъ успѣлъ приобрести довѣріе и любовь Римско-Католическаго духовенства, которое, при этомъ случаѣ, само содѣйствовало мѣрамъ Правительства.

Въ его же время учреждена Римско-Католическая Духовная Академія и возобновлена каѳедральная церковь того же вѣроисповѣданія. Число священнослужителей Римско-Католическаго блага духовенства во всемъ Царствѣ простиралось въ 1835 году до 2,204, а въ 1839 уже до 2,598; монастырей было въ первомъ году до 1,150, а въ послѣднемъ свыше 1,750.

Въ 1837 году было приступлено къ возобновленію Римско-Католическаго собора въ Варшавѣ, на каковой предвѣтъ Государь Императоръ изволилъ пожаловать 300,000 злотыхъ.

Существовавшіе до этого времени постановленія по бракоразводнымъ дѣламъ причиняли много недоразумѣній, возникавшихъ между духовною и свѣтскою властями, какъ при вступленіи разведенныхъ супруговъ въ новый бракъ, такъ и при назначеніи въ гражданскія судилища изъ духовныхъ лицъ особыхъ защитниковъ брачнаго союза. Но Высочайше утвержденное, 16-го марта 1836 года, по этому предмету положеніе, устроивъ эту важную часть законодательства и предоставивъ разсмотрѣніе бракоразводныхъ дѣлъ вѣдомству

духовныхъ судилищъ, положило тѣмъ самымъ конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ пререканіямъ.

Римско-Католическое духовенство, какъ уже замѣчено, было довольно дѣйствіями Головина. При назначеніи Евгенія Александровича на Кавказъ и при отъѣздѣ его изъ Варшавы, ему поднесенъ отъ Архіепископа и Епископовъ крестъ изъ горнаго хрустала, богато обдѣланный въ золото и осыпанный брилліантами, въ знакъ благодарности и уваженія къ нему Римско-Католическаго духовенства. Примѣръ этотъ едва ли не единственный въ лѣтописяхъ Римской Церкви, враждующей со всѣми Христіанскими вѣроисповѣданіями не признающими папской власти, и считающей Восточную Церковь схизматическою, т. е. отпадшею.

По части *народнаго просвѣщенія*, по прекращеніи мятежа, первымъ попеченіемъ Правительства было, поддержать сохранившіяся учебныя заведенія, распространить число первоначальныхъ для дѣтей училищъ. Въ послѣдствіи, по принятой новой системѣ общественнаго воспитанія, въ началѣ 1833 года открыты ободовыя (уѣздныя) училища, равно гимназіи, къ которымъ прибавлено по одному старшему классу, и, вслѣдъ за тѣмъ, учрежденъ при Правительственной Комисіи, для содѣйствія главному директору, особый Совѣтъ народнаго просвѣщенія. Главною цѣлю общественнаго образованія, тогда же, было предположено улучшение нравовъ и утверженіе ихъ на началахъ нравственности и религіи. Для достиженія этой цѣли необходимо было рассмотреть употребляемыя въ училищахъ учебныя книги. Тѣ изъ нихъ, которыя одобрены начальствомъ, уже къ 1835 г., были перепечатаны въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ для снабженія ими заведеній, на что употреблено въ одномъ 1834 году до 50,000 золотыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ то же время, обращено особенное вниманіе на способности, поведеніе и нравственныя качества учащихся. Для преподаванія Закона Божія назначены наставники изъ числа духовныхъ лицъ, а для обученія Русскому языку и словесности, приглашены учителя изъ Имперіи.

Не ограничиваясь умноженіемъ и улучшеніемъ общественныхъ и казенныхъ заведеній, Комисія тогда же подвергла бдительному надзору воспитаніе юношества и

въ частныхъ училищахъ. Для ближайшаго надзора, чтобы тѣмъ успѣшнее довести всѣ вообще заведенія до желаемаго благоустройства, учреждены попечительства, а элементарныя школы переданы въ завѣдываніе училищнаго начальства.

При Варшавскихъ гимназіяхъ учреждено особое заведеніе, подъ названіемъ «Дополнительныхъ Педагогическихъ Курсовъ», и въ составѣ его «Экзаминаціонный Комитетъ.» Въ Курсахъ положено было преподавать высшіе учебные предметы тѣмъ изъ окончившихъ гимназическій курсъ воспитанникамъ, кои предполагаютъ продолжать образованіе свое въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, или предназначаютъ себя къ учительскому званію. Въ Комитетѣ назначено было производить испытаніе на мѣста учителей въ ободовыхъ и начальныхъ училищахъ и разсматривать права къ исправленію должностей частныхъ учителей и учительницъ.

Для облегченія чиновникамъ и юношеству, приготовляющемуся къ поступленію въ государственную службу, способовъ изученія Русскаго языка, установлено преподаваніе его въ обѣихъ Варшавскихъ и во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ.

Всѣхъ учебныхъ заведеній было въ 1833³/₄ 727, а въ 1834⁷/₈ году уже 1,127; число учениковъ и ученицъ въ первомъ году 44,559, а въ послѣднемъ 66,994.

По введеніи въ этихъ заведеніяхъ порядка и школьной дисциплины, они во все продолженіе начальства Головина отличались доброю нравственностію учениковъ, повиновеніемъ и уваженіемъ ихъ къ старшимъ, какъ равно и успѣхами въ наукахъ.

Изложивъ, такимъ образомъ, имѣющіяся отрывочныя данныя объ этой замѣчательной эпохѣ, выразимъ искреннее сожалѣніе объ ихъ недостаточности, не дозволившей дать большей стройности нашимъ страницамъ и войти въ тѣ подробности, какія требуетъ важность предмета. Теперь, по прошествіи слишкомъ 20-ти лѣтъ, многое и многое не есть уже тайна и свѣдѣнія понапрасно гниютъ въ архивахъ, а благоговѣніе къ священной памяти Незабвеннаго Благоустроителя Польши и уваженіе къ заслугамъ Евгенія Александровича заставляютъ желать,

чтобы лица, имѣющія на то возможность, представили обзоръ дѣйствій Правительства за это четырехлѣтіе въ болѣе отчетливомъ видѣ, чѣмъ мы могли сдѣлать.

Кромѣ прямыхъ обязанностей, Евгений Александровичъ съ 5-го мая 1836 года исправлялъ должность Варшавскаго Военнаго Губернатора и, согласно съ Высочайшимъ постановленіемъ, отъ 18-го января 1837 года, въ отсутствіи Намѣстника Царства Польскаго, предѣлительствовалъ въ Совѣтѣ Управленія.

Государь Императоръ, декретомъ 4-го октября 1835 года, за отлично-усердную службу и труды по возложеннымъ обязанностямъ, Всемилостивѣйше удостоилъ Головина пожалованіемъ въ вѣчное потомственное владѣніе имѣнія Прѣвда, состоящаго въ Луковскомъ обводѣ, Подлясской губерніи, съ годовымъ доходомъ по двадцати тысячъ золотыхъ. Кромѣ того, 22-го августа 1834 года, онъ получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, 22-го августа 1837 г. за XXX лѣтъ; а въ 1835 году 30-го августа пожалованъ отъ Его Величества Короля Прусскаго, — въ ознаменованіе Высочайшаго благоволенія, — кавалеромъ ордена Краснаго Орла 1-й степени.

30-го ноября 1837 года, Евгений Александровичъ назначенъ Командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и Главноуправляющимъ гражданскою частію и пограничнымъ дѣламъ въ Грузіи и Армянской и Кавказской областяхъ.

Отзывая, такимъ образомъ, отъ обширнаго управленія въ Царствѣ Польскомъ къ новой, еще большей дѣятельности, Государь Всемилостивѣйше наградилъ Головина, за прежнія его труды, Александровскою лентою, при слѣдующей многомилостивой Высочайшей грамотѣ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и проч., и проч., и проч.

Командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и Главноуправляющему Гражданскою частію и пограничными дѣлами въ Грузіи, Армянской и Кавказ-

ской областяхъ, Нашему Генералъ-Лейтенанту Головину.

Долговременная и примѣрно-полезная служба ваша всегда обращала на себя особенное Наше вниманіе и благоволеніе. Нынѣ, по засвидѣтельствованію Намѣстника Царства Польскаго объ отлично-ревностныхъ трудахъ, подъятыхъ вами по званію Главнаго Директора и Предѣлителя Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Царства, Всемилостивѣйше жалуетъ васъ кавалеромъ ордена Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Николай».

Москва.

6-го декабря 1837 года.

VI.

Прибывъ въ Тифлисъ и вступивъ въ отправленіе должности 19-го марта 1838 года, Евгений Александровичъ въ продолженіе пятилѣтняго своего управленія, — не взирая на временныя безпокойства и не на совѣмъ потухшій духъ мятежа въ Дагестанѣ, на угрожавшіе тревоги изъ-внѣ и на чуму, въ теченіе всего времени безпрестанно возникавшую, — сдѣлалъ, какъ по военному, такъ и по гражданскому управленію, не маловажные успѣхи.

Мы войдемъ въ подробное изложеніе только военныхъ дѣйствій и успѣховъ нашего оружія, чтобы ближе показать, — яснѣе обрисовать въ какой мѣрѣ командованіе Головина способствовало къ достиженію главнѣйшей цѣли Кавказскаго Корпуса — къ распространенію и упроченію владычества нашего въ этомъ отдаленномъ и разнообразномъ краѣ *), и ограничимся, — по недостатку мѣста, —

*) Военныя дѣйствія изложены нами почти исключительно по изданному Головиннымъ сочиненію: *Очеркъ положенія военныхъ*

простымъ перечисленіемъ, и то только далеко не всѣхъ, распоряженій Правительства, касавшихся Кавказа и Закавказья, позволяя себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на однихъ постановленіяхъ первостепенной важности.

Предварительно скажемъ нѣсколько словъ о положеніи края при вступленіи Головина въ главное начальствованіе.

Издавна устроенныя линіи: *Кавказская* и *Черноморская*, оставаясь въ прежнемъ своемъ видѣ, подвергались частымъ хищническимъ прорывамъ и даже значительнымъ вторженіямъ хищныхъ племенъ Кавказа, по всему своему протяженію отъ Чернаго Моря до Каспійскаго. Земля Черноморскихъ казаковъ была, однакожъ, всегда обезпечена надежнѣе, какъ по прямому направленію низвей Кубани, такъ и по значительности этой рѣки по слияніи ея съ Лабою, между тѣмъ какъ собственно Кубанская линія, своимъ вогнутымъ положеніемъ, представляла большія затрудненія къ защитѣ и доставляла горцамъ возможность, собравшись на рѣкахъ Лабѣ или Бѣлой, угрожать въ одно время всѣмъ пунктамъ и станицамъ отъ Усть-Лабы до Кисловодской линіи.

дѣль на Кавказѣ, съ начала 1838 по конецъ 1842 года (Рига, напечатана въ типографіи Мюллера, 1847, въ 4 д. л., стр. 112). Эта книга напечатана въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не поступила въ продажу, и потому, смѣемъ полагать, читателямъ нашимъ будетъ пріятно встрѣтить мнѣнія самого доблестнаго Генерала о событіяхъ въ его командованіе корпусомъ. За два мѣсяца съ небольшимъ до своей кончины, отъ 29-го апрѣля 1858 г., Евгений Александровичъ на этотъ счетъ писалъ къ намъ: «Убѣдительно прошу Васъ, любезнѣйшій Семень Корниловичъ, ограничиться помѣщеніемъ въ журналъ Вашемъ только переданною мною Вамъ статью о взятіи Аджіахурской позиціи и о мирномъ покореніи Самурскаго округа, съ главнымъ его селеніемъ Ахты. Можно также помѣстить въ журналъ о постройкѣ Евгеньевскаго укрѣпленія, цѣли онаго, и наконецъ все то, что Вы найдете интереснымъ въ Очеркѣ Кавказскихъ дѣлъ,—и только въ этомъ Очеркѣ,—такъ какъ онъ составляетъ извлеченіе изъ полнаго отчета военнаго моего начальства на Кавказѣ.»—Мы позволили себѣ дополнить свѣдѣнія, имѣющіяся въ Очеркѣ и въ упомянутой статьѣ только немногими Высочайшими приказами, грамотами и рескриптами, приказами и прокламаціями самого Генерала и очень небольшимъ числомъ другихъ достовѣрныхъ данныхъ, казавшихся намъ необходимыми.

Военно-грузинская дорога между Екатериноградомъ и Владикавказомъ также не была достаточно обезпечена и сообщеніе по ней не могло производиться иначе, какъ подъ прикрытіемъ пѣхоты съ артиллеріею.

На *Сунжѣ* было два укрѣпленія: Назрань и Грозная; но не будучи между собою въ связи, они не препятствовали Чеченцамъ, живущимъ на берегахъ Терека и считавшимся совершенно покорными, имѣть преступныя сношенія съ своими Засунженскими единоплеменниками, которыхъ спокойствіе, даже и послѣ довольно удачной экспедиціи 1837 года, не было надежно.

Укрѣпленія, построенныя на рѣкѣ *Аргунѣ*, Умахань-Юртъ и въ *Кумыкской землѣ*: Внезапная и Ташь-Кичу, не охраняли Кумыковъ отъ нападений и не упрочивали сообщенія Грозной со вновь устроенною тогда, на Сулакѣ, Мятлинскою переправою.

Береговая Черноморская линія была только начата и все пространство между укрѣпленіями Новотроицкимъ и Св. Духа, оставаясь открытымъ, представляло Горцамъ много удобныхъ пристаней для свободнаго сообщенія съ Турціею. Пользуясь этимъ, неблагонамѣренныя намъ иностранцы распространяли между Шапсугами, Убыхами и другими ближайшими горскими племенами возмутительныя воззванія и даже доставляли имъ, въ значительномъ количествѣ, порохъ, желѣзо, сѣру и другіе припасы *).

*) Еще въ 1834 году первый секретарь Англійскаго посольства въ Константинополѣ, Унквартъ, выходилъ на Черкесскій берегъ въ Сухумь-Кале, гдѣ былъ торжественно принятъ большимъ сборищемъ горцевъ, а въ 1836 г. два Англичанина появились между Натухайцами и Шапсугами съ обѣщаніемъ покровительства Англіи и Паши Египетскаго и увѣряли горцевъ, что Россія не имѣетъ никакого права посягать на ихъ независимость. Умы легковѣрныхъ волновались; они единогласно положили умереть за свою свободу. Съ тѣхъ поръ, до 1838 года, многіе иностранные агенты, ускользнувъ отъ бдительности нашихъ крейсеровъ, приставали къ берегамъ и поддерживали въ горахъ несбыточныя надежды, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. купецъ Белль, выписалъ изъ Трапезонта на 5 т. Турецкихъ піастровъ пороху; товарищъ же его, Лонгвортъ, на большой Турецкой лодкѣ доставилъ горцамъ желѣза, сѣры и другихъ припасовъ на 30 т. піастровъ и роздалъ все это безденежно.

Обольщаемыя надеждами на вѣшнюю помощь, воинственныя Черкесскія племена соединились между собою, прекратили прежнюю вражду свою съ племенами, обитающими противъ Праваго фланга Кавказской линіи, даже вошли съ ними въ дружескія сношенія и, готовясь противопоставить всевозможное сопротивление усиліямъ нашимъ утвердиться на Черноморскомъ берегу, въ то же время угрожали вторженіями своими Черноморіи и Кубанской линіи. Кроткія съ нашей стороны мѣры они почитали признакомъ нерѣшимости, а быть можетъ и безсилія нашего, и потому всѣ дѣланныя имъ миролюбивыя предложенія отвергали съ дерзостію.

Въ видахъ покоренія Горцевъ, живущихъ между низовьемъ Кубани и Черноморскимъ берегомъ, къ 1837 году была окончательно устроена линія укрѣпленій отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона къ Геленджикскому укрѣпленію, а около крѣпости Анапы водворено Русское поселеніе. Но эти мѣры не привели къ желаемой цѣли. Гарнизонъ Абинска оставался въ блокадномъ положеніи, а поселенія у Анапы, при непрерывныхъ тревогахъ и нападеніяхъ, не могли также достигнуть полнаго устройства и для защиты ихъ нужно было постоянно держать войска въ сборѣ.

Съ другой стороны, въ *Дагестанѣ*, секта Мюридовъ, получившая начало еще въ 1823 году, съ 1830 г. все болѣе и болѣе распространялась и усиливалась. Гибель двухъ первыхъ проповѣдниковъ шаріата, Гази-Муллы и Хамзатъ-Бека, сдѣлала преемника ихъ Шамиля болѣе осторожнымъ въ дѣйствіяхъ, но не менѣе ревностнымъ въ распространеніи изуверства и ненависти къ Русскимъ. Будучи хитрымъ предшественниковъ своихъ, онъ собиралъ приверженцевъ, обратилъ въ укрѣпленное жилище скалу Ахульго — на Андійскомъ Койсу — и побуждалъ горцевъ въ казавату, т. е. къ непримиримой войнѣ съ христианами.

Между тѣмъ, вынужденное обстоятельствами занятіе нами, въ 1835 году, въ Аваріи Хунзаха, главнаго мѣсто-пребыванія Аварскихъ хановъ, съ устройствомъ тамъ укрѣпленія и съ содержаніемъ постояннаго гарнизона, поставило насъ, въ Дагестанѣ, совершенно въ новое про-

тивъ прежняго положеніе и сдѣлало тамъ войну съ горцами несравненно сложнѣе и упорнѣе. Проникнувъ однажды въ самыя нѣдра горъ, намъ должно было въ нихъ утвердиться, для чего надлежало, съ большими пожертвованіями, содержать войска въ Койсубу и Аваріи, снабжать ихъ за высокія цѣны всѣми потребностями, охранять трудныя съ ними сообщенія и имѣть вблизи значительный резервъ, ибо всѣ Лезгинскія племена сѣвернаго и средняго Дагестана, встревоженныя занятіемъ Аваріи, пришли въ движеніе; даже южный Дагестанъ, спокойный еще со временъ Ермолова, также волновался и дѣла въ немъ были для насъ тѣмъ неблагоприятнѣе, что послѣ возмущенія въ 1837 году Кубинской провинціи, усмиренаго только въ окрестностяхъ самой Кубы, верхніе магалы ея, равно какъ верхняя Табасаранъ и Каракайтахъ, были въ открытомъ неповиновеніи.

Шамиль и поборники его не упустили воспользоваться такимъ общимъ волненіемъ умовъ и, указывая на успѣхъ нашъ въ Аваріи, какъ на начало уже конечнаго пораженія горцевъ и уничтоженіе исламизма, подъ предлогомъ крайней опасности, угрожающей всѣмъ правобережнымъ, соединяли подъ своею властію различныя племена Дагестана, раздѣленныя между собою природою, языкомъ и обычаями.

Возведеніе въ *Темиръ-Ханъ-Шуръ* укрѣпленія и расположеніе тамъ штабъ-квартиры Апшеронскаго пѣхотнаго полка, хотя и успокоило Шамхальскія владѣнія, но еще не могло ихъ обезпечить отъ набѣговъ изъ-за Сулзакъ и вполнѣ упрочить сообщеніе черезъ Дербентъ, вдоль берега Каспійскаго моря.

За Кавказомъ, внутреннее спокойствіе не было нарушаемо, можно сказать, только въ провинціяхъ христіанскихъ. Татарскія дистанціи наполнены были шайками разбойниковъ до такой степени, что проѣздъ по дорогамъ не былъ безопасенъ, даже въ окрестностяхъ самаго Тифлиса. Мусульманскія провинціи послѣ Кубинскаго бунта 1837 года были вовсе не надежны, особенно лежація вдоль юго-западнаго склона Кавказскаго хребта. Джарцы, не только не препятствовали набѣгамъ Дагестанскихъ Лезгинъ въ долину Алазани, но способствовали имъ и даже

сами принимали тайное участіе въ непріязненныхъ противу насъ дѣйствіяхъ. Между Осетинами происходили безпорядки и обнаруживалось явное неповиновеніе; Абхазія служила поприщемъ внутреннихъ несогласій между партіями, и владѣтель ея, не пользуясь ни довѣріемъ, ни уваженіемъ, не имѣлъ въ своемъ народѣ почти никакого вѣса, и потому достоинство его и права вовсе не могли служить ручательствомъ въ покорности этой провинціи. Самая даже Армянская область не могла оставаться безъ бдительнаго военнаго наблюденія, ибо переселенцы изъ Турціи отказывались вносить подати и только вооруженная сила могла ихъ побудить къ исполненію ихъ обязанностей.

Таково было положеніе Кавказскаго края въ началѣ 1838 года. Ни въ одной изъ главныхъ частей его дѣла не могли быть оставлены, даже на самое короткое время, въ томъ видѣ, въ какомъ они тогда находились: повсюду необходимы были неотложныя и самыя дѣятельныя мѣры, съ одной стороны, къ восстановленію спокойствія и безопасности, а съ другой—къ упроченію владычества и распространенію вліянія нашего въ различныхъ странахъ Кавказа.

На *Кавказской линіи* необходимо было усовершенствовать оборону праваго фланга, обезпечить сообщенія по Военно-грузинской дорогѣ черезъ Кабардинскую плоскость и довершить Сунженскую и Кумыкскую линіи.

На *Черноморскомъ берегу* предстояло довершеніе береговой линіи и открытіе новаго, болѣе надежнаго сообщенія берега съ низовьями Кубани и Черноморіею.

Въ *Дагестанѣ* по Каспійскому побережью нужно было утвердить владычество наше въ Аваріи и устроить надежное сообщеніе ея съ Шамхальскими владѣніями; усмирить верхніе магалы Кубинской провинціи, покорить вольныя Самурскія общества и утвердиться на верховьяхъ Самура; наконецъ нужно было упрочить безопасность еообщенія вдоль берега Каспійскаго моря.

За *Кавказомъ* надлежало прекратить внутреннія безпорядки въ Татарскихъ дистанціяхъ и Осетіи, успокоить сосѣднія съ Лезгинами Мусульманскія провинціи, оградить Кахетію отъ хищническихъ набѣговъ, усовершенствовать

Лезгинской кордонной линіи, и содѣйствовать владѣтелю Абхазіи къ утвержденію его власти и вліянія въ княжествѣ.

Между тѣмъ, военныя средства Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса для дѣйствій ограничивались: Кавказскою резервною гренадерскою бригадою, 19-ю и 20-ю пѣхотными дивизіями съ ихъ полевой артиллеріею, Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ и нѣсколькими сотнями линейныхъ казаковъ; для мѣстнаго же обезпеченія края—10-ю Кавказскими, 16-ю Грузинскими и 10-ю Черноморскими линейными баталіонами, — сверхъ того, Линейнымъ казачьимъ и Черноморскимъ войсками. Бывшіе при корпусѣ Донскіе казачьи полки, безъ исключенія, находились на пограничныхъ кордонахъ и на внутреннихъ постахъ по дорогамъ. Горная артиллерія была еще, можно сказать, въ ея младенчествѣ. Всѣ регулярныя войска вообще находились въ весьма слабомъ комплектѣ.

При столь обширныхъ и многосложныхъ видахъ къ исполненію и, въ то же время, при средствахъ довольно ограниченныхъ, встрѣтились въ 1838 году еще два весьма неблагоприятныя обстоятельства. На Кавказской линіи смерть постигла извѣстнаго заслугами своими генерала *Вельяминова*, начальника опытнаго, уже совершенно знавшаго край, нравы и обычаи его обитателей, искуснаго въ образѣ дѣйствій, характеру страны свойственныхъ, и, въ продолженіе многихъ лѣтъ, самымъ дѣятельнымъ и успѣшнымъ образомъ предпринимавшаго мѣры къ достиженію общей цѣли. Мѣсто его заступилъ генералъ-лейтенантъ Граббе 1-й, назначенный—Высочайшимъ приказомъ 10-го апрѣля этого года—командующимъ войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи и начальникомъ Кавказской области, — который прежде не служилъ на Кавказѣ.

За Кавказомъ, въ Ахалцыкѣ, появилась чумная зараза, которая, принятыми противу ея распространенія мѣрами, хотя и была удержана въ тѣсныхъ предѣлахъ на мѣстахъ ея появленія, тѣмъ не менѣе, однако же, затрудняя сообщенія, отвлекла и вниманіе и нѣкоторую часть военныхъ средствъ Корпуса.

Но не взирая ни на сложность предстоявшихъ дѣй-

ствій, ни на ограниченность, какъ выше сказано, военныхъ средствъ,—которыя, впрочемъ, были потомъ усилены,—наконецъ, ни на всё встрѣчавшіяся препятствія,—независимо отъ вновь совершившихся событій, требовавшихъ еще новыхъ предпріятій и новыхъ усилій, первоначально въ виду неимѣвшихся, — все вышеисчисленное, въ теченіе пятилѣтія главнаго управленія Головина, — хотя и не съ одинаковымъ во всемъ успѣхомъ и не вездѣ въ равной мѣрѣ,—однакожь было постепенно исполнено.

Главные усилія въ 1838 году были обращены на овладѣніе Черноморскимъ берегомъ и на сооруженіе въ важнѣйшихъ пунктахъ его укрѣпленій, для довершенія тѣмъ береговой линіи, хотя впрочемъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Кавказскаго края къ возстановленію дѣль и приведенію въ исполненіе Высочайшихъ указаній Государя Императора принимались самыя дѣятельныя мѣры.

Въ видахъ обезпеченія *Военно-грузинской* дороги было приступлено къ водворенію на ней военнаго поселенія; а на правомъ берегу Терека учреждена кордонная линія, по направленію отъ Владикавказа къ Моздоку. По дорогѣ устроено два военныя поселенія, Александровское и Николаевское, каждое слишкомъ по 100 дворовъ, и четыре станицы, Пришибская, Урухская, Ардонская и Архонская, и населены первыя—семейными нижними чинами регулярныхъ войскъ, а послѣднія—женатыми казаками, состоявшихъ при корпусѣ двухъ Малороссійскихъ казачьихъ полковъ. На кордонѣ между Владикавказомъ и Моздокомъ возобновлены редуты Елисаветинскій и Константиневскій. Сверхъ того, для усиленія этого кордона на рѣчкѣ Курпи, водворенъ ауль, до 90 дворовъ, изъ Осетинскихъ переселенцевъ, и на Терекѣ ауль узденя Анзорова, дворовъ до 100.

По окончаніи работъ по водворенію поселеній и водворенію редутовъ, отрядъ, ихъ производившій (5-тъ баталіоновъ при 10-ти полевыхъ орудіяхъ), былъ обращенъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Крюкова, на Лѣвый

флангъ линіи, для наблюденія за дѣйствіями Шамиля и отвлеченія вниманія его отъ Аваріи.

Движеніе этого отряда въ землю Салатавцевъ и по направленію къ Гумбету привело въ покорность многія, еще мало повиновавшіяся намъ деревни.—Одно только селеніе Міатлы, изъ числа ближайшихъ къ намъ по своему положенію, не только не послѣдовало примѣру прочихъ, но, выйдя совершенно изъ повиновенія, сдѣлалось гнѣздомъ разбойниковъ и приверженцевъ Шамиля, затруднявшихъ сообщенія наши съ линіею, чрезъ Внезапную, и потому подверглось разоренію. Генералъ-маіоръ Крюковъ, овладѣлъ имъ, взялъ часть жителей въ плѣнъ, забралъ весь ихъ скотъ, а жилища уничтожилъ.

Войска, предназначавшіяся для высадки на незанятую еще часть Черноморскаго берега, собрались весною въ Абхазіи и въ Тамани.—Первый отрядъ—изъ 6½ баталіоновъ, 8-ми полевыхъ и 14-ми горныхъ орудій, —подъ начальствомъ генералъ-маіора Симборскаго, былъ высаженъ 11-го апрѣля у устья рѣки Сочи, въ землѣ Убыховъ, наиболѣе воинственнаго, между Черкесскими племенами, и, не смотря на самое упорное сопротивленіе со стороны горцевъ, овладѣлъ назначеннымъ пунктомъ, гдѣ и сооружено имъ укрѣпленіе Навагинское. Второй отрядъ — изъ 8-ми баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ ротъ саперъ, 4-хъ Черноморскихъ казачьихъ пѣшихъ полковъ, 4-хъ полевыхъ и 14-ти горныхъ орудій и 10-и кегорновыхъ мортиръ, —подъ начальствомъ генералъ-маіора Раевского, высаженъ 12-го мая *) при устьи рѣки Туапсе **) и также возвелъ тамъ укрѣпленіе, названное по

*) Въ статьѣ *Военно-Энциклопедическаго Лексикона* (2 изд., т. VI, стр. 637) неправильно показано, будто бы высадка отряда Раевского совершена 12-го апрѣля.

**) По свидѣтельству Раевского, въ журналѣ военныхъ дѣйствій, приложенномъ къ рапорту его военному министру, отъ 15-го мая 1838 года, за № 1-мъ, успѣхъ всего этого десанта рѣшенъ рукопашнымъ дѣломъ полковника *Ольшевскаго* съ 1-мъ баталіономъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. На успѣхъ высадки имѣли огромное вліяніе, по тому же свидѣтельству: капитанъ 1-го ранга *Серебряковъ* и капитанъ-лейтенантъ *Корниловъ*. Въ числѣ отличавшихся Раевскій также особенно упоминаетъ о капитанѣ-лейтенантѣ *Путятинѣ*.

Высочайшему соизволенію, Вельяминовскимъ, въ память знаменитаго генерала Вельяминова.

Потомъ отрядъ Раевского вновь былъ посаженъ на суда, и въ присутствіи Головина, осматривавшаго береговую линію, занялъ, безъ всякаго сопротивленія, устье рѣки Шапсуго и возвелъ тамъ еще укрѣпленіе, названное *Тенгинскимъ*.

Осмотръ береговой линіи указалъ, что Суджукская бухта, при устьи рѣки Цемеса, представляетъ со всѣхъ сторонъ закрытый рейдъ. Вслѣдствіе представленія о томъ Государю Императору, Его Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ устроить тамъ крѣпость, военный портъ и адмиралтейство для крейсирующей эскадры у восточнаго берега Чернаго моря.—Основаніе этой крѣпости, названной *Новороссійскомъ*, положено въ томъ же году построеніемъ одного форта и блокауза.

Экспедиція 1838 года на восточномъ берегу Чернаго моря, при началѣ своемъ, ознаменовалась также и горестнымъ, но достопамятнымъ событіемъ. Въ ночи съ 30-го на 31-е мая сильная буря сокрушила, у устья Сочи и Туапсе, фрегатъ Варну, корветъ Мисемврию, 1 транспортъ, 1 бригъ, 2 тендера, превосходный пароходъ Язонъ и 15 купеческихъ кораблей.—Черкесы, въ надеждѣ получить богатую добычу, съ остервенѣніемъ устремились на выброшенные суда; но войска отрядовъ нашихъ, отражая ихъ нападенія, съ геройскою рѣшительностію и самоотверженіемъ спасли всѣ экипажи *).

Между тѣмъ, какъ владычество Россіи утверждалось, такимъ образомъ, въ древней Колхидѣ, малая война продолжалась на берегахъ Каспія. Положеніе дѣлъ въ *Да-*

*) По Всемилостивѣйшему отзыву Государя Императора, — въ Высочайшей грамотѣ отъ 28-го августа 1838 года, на имя Раевского, — предводительствуя своимъ отрядомъ, онъ *вполнѣ оправдалъ надежды и ожиданія Монаршія*. Быстрое занятіе устья рѣки Туапсе и Шапсуго, исполненное съ совершеннымъ успѣхомъ и почти безъ потери съ нашей стороны, свидѣтельствовало, — какъ угодно было выразиться Его Величеству, — *объ отличныхъ военныхъ дарованіяхъ и благоразумной распорядительности* Раевского; а при оборонѣ судовъ, претерпѣвшихъ крушеніе близъ устья Туапсе, и спасеніи ихъ экипажей, — по тому же Высочайшему от-

гестанъ, хотя и требовало дѣятельныхъ съ нашей стороны мѣръ, особливо въ сѣверной части его, однакожь, верхніе магалы Кубинской провинціи и вольныя Самурскія общества, волновавшіяся въ продолженіе всей зимы съ 1837 на 1838 годъ, должны были преимущественно обратить на себя вниманіе, и потому первыя дѣйствія въ сѣверномъ Дагестанѣ ограничены были возведеніемъ мостоваго укрѣпленія на Аварскомъ Койсу у аула Зиряны. Это было поручено командовавшему временно войсками въ Дагестанѣ, генералъ-маіору Лачинову, съ частію Апшеронскаго полка. Въ то же время генералъ-лейтенантъ Фези, собравъ въ Кубинской провинціи, въ селеніи Хазрахъ, отрядъ—изъ 5½ баталіоновъ пѣхоты, 200 человекъ Донцевъ и милиціи, при 8-ми легкихъ и 6-ти горныхъ орудіяхъ,—двинулся вверхъ по Самуру; а для развлеченія вниманія горцевъ, генералъ-маіоръ Севарсемидзе собралъ въ Джарской области другой небольшой отрядъ изъ баталіона пѣхоты, баталіона спѣшенныхъ драгунъ, съ милиціею и горною артиллеріею.

Фези былъ встрѣченъ горцами въ Аджіахурекской тѣснинѣ, гдѣ они, въ значительныхъ силахъ, заняли скалистое ущелье и укрѣпились завалами.—Іюня 4, 5 и 6-го войска наши успѣли, однакожь, овладѣть частію непріятельской позиціи и устрешенные Самурцы, являсь съ покорностію, присягнули на вѣрнопопданство.

Послѣ этого успѣха Фези двинулся въ Аварію.—Прибытіе туда новыхъ войскъ встревожило весь нагорный Дагестанъ и племена, послушныя Шамилю, собрались за хребтомъ Тала-Кори, у деревни Караты, внѣ западной границы Аваріи. Не имѣя намѣренія вдаваться съ ними

звѣду, — генералъ *являлъ собою примѣръ отличной храбрости, непоколебимаго мужества и твердости*. — Столь же достохвальными были признаны Монархомъ попеченія Раевского о благосостояніи ввѣренныхъ ему войскъ, въ которыхъ, при всѣхъ перенесенныхъ ими трудахъ, число больныхъ было самое незначительное. Изъявивъ, за *столь полезное служеніе его, особенную признательность и благоволеніе*, Государь, въ вѣдшее означеніе оныхъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Раевского кавалеромъ ордена Бѣлаго Ора.

въ бой, Фези ограничился только наблюденіемъ за ихъ скопищемъ, а между тѣмъ занялся разработкою дороги. Но горцы 6 и 7-го августа сами напали на его отрядъ; потерпѣли неудачу и отступили въ свои вертепы.—Обезпечивъ запасы укрѣпленія Хунзахское и вновь воздвигнутое у Зиряны, Фези возвратился, 30-го августа, въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Такъ какъ время года позволяло еще предпринять наступательныя дѣйствія и какъ между тѣмъ отрядъ генералъ-майора Крюкова могъ уже быть присоединенъ къ войскамъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, то предполагалось сдѣлать отряду генерала Фези движеніе въ землю Гумбетовцевъ и, въ случаѣ возможности, овладѣть убижищемъ Шамиля, скалою Ахульго, тогда еще не столь укрѣпленнымъ, какъ въ послѣдствіи. Но предпріятіе это не могло быть исполнено въ 1838 году; неожиданное и смѣлое вторженіе Лезгинъ съ верховьевъ Самура въ Шекинскую провинцію заставило направить отрядъ генералъ-лейтенанта Фези къ Кубу.

Тамъ, въ началѣ августа 1837 г., пользуясь возмущеніемъ Кубинской провинціи и едва только прекращенными волненіями южнаго Дагестана,—гдѣ хотя и было положено оружіе, однакожь умы еще не могли такъ скоро успокоиться,—къ Рутульцамъ и Ахтинцамъ явился самозванецъ, выдававшій себя за Искендеръ-Бека, сына умершаго въ Персіи Шекинскаго Гусейнъ-Хана. Онъ вмѣстѣ съ Ага-Бекъ Рутульскимъ,—который въ послѣдствіи пріобрѣлъ нѣкоторую значительность и былъ какъ бы главою всѣхъ обществъ, обитающихъ по верховьямъ Самура, и который предводительствовалъ уже горцами въ іюнь 1838 года въ Аджіахурскомъ ущельѣ,—собралъ значительную партію и двинулся съ нею въ Шекинскую провинцію *).

*) Мнимый Искендеръ-Бекъ былъ Татаринъ, находившійся прежде въ бѣгахъ въ Персіи съ бывшимъ Шекинскимъ ханомъ. Возвратясь въ 1837 году на родину, онъ собралъ шайку, съ которою производилъ разбои, но скоро былъ пойманъ, арестованъ въ Нухѣ и преданъ военному суду. 8-го августа Татаринъ этотъ, котораго настоящее имя было Машода-Магометъ, бѣжалъ съ гауптвахты съ двумя преступниками, также изъ Татаръ, и двумя солдатами, бывшими при нихъ на часахъ, и скрылся въ верхнихъ Кубинскихъ магалахъ.

Хитрый этотъ Татаринъ, желая привлечь къ себѣ народъ, разослалъ объявленія, что онъ, считая Шекинцевъ единовѣрцами и друзьями своими, не только не сдѣлаетъ имъ никакого вреда, но, напротивъ, идетъ освободить ихъ отъ иновѣрнаго владычества и истребить всѣхъ Русскихъ и Армянъ.

Лезгины, дѣйствительно, не дѣлали никакихъ насилій, требуя отъ жителей только одного продовольствія. Это имѣло вредное для насъ вліяніе; многіе изъ Шекинцевъ содѣйствовали горцамъ, а нѣкоторые даже пристали къ ихъ скопищу, которое, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, въ исходѣ августа заняло городъ Нуху и обложило давно оставленную уже Нухинскую крѣпость, гдѣ находился комендантскій домъ, провинціальное управленіе и казначейство, и куда укрылась нѣкоторая часть жителей, подъ защитою полуразрушенныхъ стѣнъ и одной роты линейнаго баталіона.

Происшествіе это могло имѣть самыя неблагопріятныя послѣдствія — произвестъ волненіе во всѣхъ сосѣднихъ нашихъ Мусульманскихъ провинціяхъ, но скорое появленіе подъ Нухою полковника Безобразова, поспѣшно собравшаго 2 дивизіона драгунъ, 6 ротъ пѣхоты, съ 6-ю полевыми орудіями и милиціею Элисуейскаго султана, и слухи о приближеніи изъ сѣвернаго Дагестана Фези, отвратило опасность: Лезгины удалились въ горы.

Между тѣмъ Фези, которому предписано было, для отвлеченія горцевъ отъ Нухи, сдѣлать диверсію движеніемъ къ Ахтѣ и Рутулу, прибывъ въ Хазры, продолжалъ слѣдовать вверхъ по Самуру; но прежде нежели онъ достигъ Аджіахурской тѣнины, Ага-Бекъ явился къ нему съ 30 старшинами и просилъ о помилованіи.—Зная, что Лезгины, изъ опасенія строгаго наказанія, приготовились поголовно къ отчаянному сопротивленію, и при томъ зная крѣпкую мѣстность Аджіахурской позиціи, Фези, во избѣжаніе напрасной потери, а быть можетъ даже неудачи, объявилъ имъ прощеніе, съ тѣмъ, однакожь, чтобы они внесли причитавшіяся на нихъ недоимки и заплатили за убытки, причиненные ими при вторженіи въ Шекинскую провинцію. Ага-Бекъ и Лезгины поклялись выполнить всѣ требованія и отправили депутацію въ Тифлисъ.

Въ это же время полковникъ князь Аргутивскій—Долгоруковъ, направленный съ отрядомъ—изъ баталіона пѣхоты, дивизіона драгунъ, 1300 милиціонеровъ съ 2 полевыми орудіями—изъ Шекинской провинціи къ верховьямъ Самура, имѣлъ въ Хачмадскомъ ущельи перестрѣлку и разогналъ бывшее тамъ скопище горцевъ.

Мнимый Искендеръ—Бекъ, опасаясь наказанія, также бѣжалъ и, съ небольшимъ числомъ приверженцевъ, успѣлъ пробраться, чрезъ Мусульманскія провинціи, въ Персію.

Кромѣ этихъ главныхъ дѣйствій, въ Закавказскомъ краѣ въ 1838 году возстановленъ силою оружія порядокъ, нарушенный переселенцами изъ Турціи, водворившимися на берегахъ озера Гохчи, а также прекращены неустройства, возникшія между Осетинами, въ горахъ, прилежащихъ къ Военно—грузинской дорогѣ. — Тушетія охранена отъ вторженія горцевъ, движеніемъ незначительнаго отряда подъ начальствомъ генераль—маіора Севарсешидзе.

Такимъ образомъ, всѣ предложенія на 1838 годъ, какъ на Кавказской, такъ и на береговой Черноморской линіяхъ, равно за Кавказомъ, были въ томъ году исполнены; сообщеніе по Военно—грузинской дорогѣ не только обезпечено, но и облегчено посредствомъ заселенія дороги; на Черноморскомъ берегу пріобрѣтены вновь и упрочены за нами четыре важные пункта; край Закавказскій успокоенъ. Только въ Дагестанѣ, какъ по незначительности военныхъ средствъ туда обращенныхъ, такъ и по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, усилія, въ этомъ году употребленныя, не были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ.

Небольшой отрядъ дѣйствующихъ войскъ, остававшійся на Кавказской линіи, почти до осени былъ удержанъ на Военно—грузинской дорогѣ и въ ея окрестностяхъ постройкою укрѣпленій въ Малой Кабардѣ, между Моздокомъ и Владикавказомъ. —Отрядъ дѣйствовавшій въ Дагестанѣ, по необходимости былъ до половины лѣта на Самурѣ и потомъ вновь долженъ былъ туда возвратиться. Чрезъ это Лѣвый флангъ линіи и сѣверный Дагестанъ, въ продолженіе всего лѣта, оставались почти совершенно обнаженными отъ дѣйствующихъ нашихъ войскъ, и Шамиль, безпрепятственно возмущая Лезгинъ, Гумбетовцевъ и Андійцевъ, распространялъ и упрочивалъ въ горахъ власть свою.

Съ другой стороны въ южномъ Дагестанѣ, не смотря на присягу, данную Самурскими и другими обществами въ покорности, и на обѣщанія безпрекословно выполнить все требованія нашего начальства, Ахтинцы и Рутульцы, въ продолженіе всей зимы, подъ разными предлогами уклонялись отъ внесенія недоимки, продолжали давать укрывательство шайкамъ хищниковъ и вмѣстѣ съ ними производили разбои. Всѣ мѣры кротости были истощены съ ними безъ всякой пользы и необходимо было вновь прибѣгнуть къ оружію.

Но, для упроченія спокойствія въ этой части Кавказа и надежнаго обезпеченія дальнѣйшихъ съ нашей стороны успѣховъ, Головинъ считалъ необходимыми мѣры рѣшительныя, и потому предположилъ утвердиться на Самурѣ, учредить по теченію его укрѣпленную линію и открыть ближайшее сообщеніе между верховьями этой рѣки и Элисуйскими владѣніями. Подчинивъ, такимъ образомъ, на всегда вольныя Самурскія общества и положивъ неборимую преграду распространенію беспорядковъ изъ Дагестана въ Мусульманскія наши провинціи, вмѣстѣ съ тѣмъ открывалась возможность, во всякое время, свободно дѣйствовать въ Дагестанѣ, опираясь на укрѣпленія Самурской линіи.

Въ сѣверномъ Дагестанѣ, чтобы положить предѣлъ распространенію власти и вліянію Шамиля, также были признаны нужными сильныя мѣры.

Необходимо было уничтожить укрѣпленное жилище Шамиля на скалѣ Ахульго и утвердиться, на первый случай, хотя въ одномъ пунктѣ на Андійскомъ Койсу, чтобы, владѣя обоими берегами этой рѣки, открыть возможность сообщенія Аваріи съ землею Салатавцевъ и удерживать чрезъ то въ страхѣ Гумбетъ и Андю. Въ предписаніи *) командующему войсками на Кавказской линіи, генераль—адъютанту Граббе, коему предоставлено было дѣйствовать въ сѣверномъ Дагестанѣ, было сказано: «Временное пребываніе нашихъ войскъ въ Чиркатѣ, наказаніе жителей истребленіемъ посѣвовъ и даже разореніе этого селенія не достигнетъ ожидаемой цѣли, т. е. изгнанія Шамиля изъ центрального

*) 21 февраля 1839 года, № 352.

пункта, откуда онъ съ такою выгодною противу насъ дѣйствуетъ, и болѣе прочнаго обладанія Аваріей и Койсубу. Если по занятіи Чирката и Ахульго войска оставить этотъ край, то безъ сомнѣнія Шамиль опять займетъ его и станетъ снова въ томъ же положеніи, въ которомъ теперь находится; въ такомъ случаѣ, неподверженномъ сомнѣнію, все пожертвованія, которыя мы должны будемъ сдѣлать для овладѣнія Чиркатомъ и замкомъ Ахульго, останутся не вполне вознагражденными выгодное же вліяніе наше на Койсубулинцевъ, Гумбетовцевъ, Андійцевъ и вообще на горный Дагестанъ будетъ только кратковременно.»

По этимъ соображеніямъ, главныя усилія предположено было обратить въ 1839 году частію въ сѣверный и частію въ южный Дагестанъ, и, сверхъ того, послать особый отрядъ на восточный берегъ Чернаго моря для овладѣнія устьями рѣкъ Субаши и Песуапе и постройки промежуточнаго укрѣпленія между Анапою и Новороссійскомъ.

Велѣдствіе всѣхъ этихъ предположеній, весною 1839 года, собрано было три отряда:

Чеченскій — на Кавказской линіи при крѣпости Внезапной, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Граббе, изъ 9-ти баталіоновъ, роты саперъ, 499 человекъ линейныхъ казаковъ, 22 орудій, 700 человекъ конной и 2778 человекъ пѣшей милиціи, — преимущественно для дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ;

Дагестанскій — въ Тамани, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Раевского, назначенный дѣйствовать на Черноморскомъ берегу, имѣлъ 8 баталіоновъ и 3 пѣшие Черноморскіе казачьи полка, съ соответственнымъ числомъ артиллеріи;

и **Самурскій** — въ Южномъ Дагестанѣ, въ Хазрахъ, подъ личнымъ начальствомъ Головина, для дѣйствій на Самурѣ, заключалъ въ себя *): 11 баталіоновъ, роту са-

* «Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ» стр. 24 и «Отрывокъ изъ исторіи военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1839 году», — рукопись о дѣйствіяхъ на Самурѣ, предназначавшаяся Голо-

перъ, двѣ сотни Донскихъ казаковъ, 22 орудія, 1028 человекъ милиціи.

Начнемъ изложеніемъ дѣйствій самого Головина.

Весь Самурскій отрядъ собрался у Хазровъ 24-го мая; на другой день Евгений Александровичъ сдѣлалъ смотръ и отдалъ слѣдующій приказъ:

«Войска главнаго отряда!

«Дѣла Дагестанскія вызвали меня сюда, и я радъ этому случаю, чтобъ, принявъ лично начальство надъ вами, ближе узнать васъ.

«Кавказская война давно вамъ знакома, ребята; я же, послѣ множества кровопролитныхъ битвъ съ врагами нашего отечества въ Европѣ, въ первый разъ еще пойду съ вами на полудикихъ обитателей Дагестана. Но служба Государева вездѣ равна, и враги Его, въ стройныхъ ли рядахъ съ огромною артиллерією, въ рубищѣ ли, имѣя защитою одни горы

винимъ (въ 1850 году) для помѣщенія въ одно изъ періодическихъ изданій, и бывшая въ рукахъ тогдашняго Военнаго Министра.

Милютинъ («Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ» стр. 22) показываетъ: 11 баталіоновъ, 1 роту саперъ, 2 сотни казаковъ, съ соответственнымъ числомъ орудій, но не упоминаетъ о милиціи. По статьѣ же г. Анучина: «Защита укрѣпленія Ахты и Самурскаго округа въ сентябрѣ 1848 года», помѣщенной въ *Кавказцахъ* (1858 года, вып. 26—33, стр. 5—6), отрядъ состоялъ изъ 11½ баталіоновъ пѣхоты, 22 орудій, 5 сотенъ казаковъ и 1000 человекъ милиціи. Незначительная разность въ числѣ милиціи, конечно, не заслуживаетъ, чтобы обращать на себя вниманіе; но о лишней ротѣ пѣхоты (именно саперъ) и трехъ сотняхъ казаковъ мы объясненій дать не можемъ, тѣмъ болѣе, что г. Анучинъ, тотчасъ за этимъ итогомъ, представляетъ, подробный перечень каждаго рода войскъ, по которому получается еще лишній цѣлый баталіонъ и опять небольшая разность въ числѣ милиціи. Приводимъ этотъ перечень состава Самурскаго отряда:

Кавказскаго сапернаго баталіона двѣ роты.

Пѣхотнаго генераль-фельдмаршала Князя Варшавскаго полка 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны.

Тифлисскаго егерскаго полка 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны.

Мингрельскаго егерскаго полка 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны.

Кавказской артиллерійской бригады батарейной № 1-го батареи 4 батарейныя орудія.

Той же бригады легкой № 1-го батареи 4 орудія.

и камни, какъ здѣсь, должны повсюду гибнуть отъ руки вашей, храбрые войны! И такъ, со Христомъ, пойдемъ на заклятыхъ враговъ нашихъ, да не похвалятся они, что могли противустать вамъ и да престанутъ считать вертепы свои недоступными для мужества вашего.

« Не разъ Русскій штыкъ рѣшалъ великія дѣла военныя, и помните, ребята: чѣмъ меньше перестрѣлки, тѣмъ лучше; чтобъ опрокинуть непріятели, надобно смѣло идти на него, и онъ не дожидется вашего удара. Бросится ли онъ на васъ, примите его безстрашно, и онъ обратится назадъ. Такъ, съ Божіею помощію, перейдемъ мы неприступныя горы и овраги, и проложимъ дорогу для себя и для потомковъ нашихъ въ этой странѣ.

« Богъ благословилъ оружіе вашихъ товарищей, которые, подъ начальствомъ генерала Граббе, дѣйствуютъ въ Чечнѣ и Сѣверномъ Дагестанѣ. Съ 10-го до 15-го числа этого мѣсяца, рядъ молодецкихъ подвиговъ увѣнчалъ ихъ труды при переходахъ чрезъ мѣста доселѣ неприступныя; толпища

19-я артиллерійской бригады батареей № 2-го батареи 2 легкія орудія.

Той же бригады легкой № 5-го батареи 4 орудія.

Батарея сводной горной артиллеріи 8 орудій.

(Всѣ съ усиленною упряжью).

Сотня линейныхъ казаковъ.

Двѣ сотни сборной команды изъ казачьихъ полковъ.

Двѣ сотни Донскаго казачьяго № 22-го полка.

Милиціи Кубинской	40	человѣкъ.
» Грузинской	100	»
» Карабахцевъ	51	»
» Татарскихъ дистанцій	30	»
» Эриванской	11	»
» Ахалцыхской	4	»
» Кабардинской	4	»
» Осетинской	16	»
» Тагаурской	47	»
» Дигорской	20	»
» Джарской	13	»
» Дербентской	4	»

Итого . . . . . 240 человѣкъ.

» Казыкумьской, Куринской и Табаранской (дѣйствовавшей отдѣльно) до 800 »

враждебныхъ Ичкеринцевъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Ташавъ-Гаджи, сообщника Шамиля, были разбиты въ укрѣпленныхъ станахъ своихъ при Мискиѣ и Саясанѣ; ни крутыя горы, ни вѣковыя лѣса, ни высокія стѣны и башни не спасли ихъ отъ храбрости нашихъ войскъ! Егера Кабардинскаго и Куринскаго полковъ, безъ выстрѣла, бѣгомъ взбирались на крутизны и врывались въ укрѣпленія Чеченцевъ; враги спасались бѣгствомъ; укрѣпленія и аулы ихъ были преданы пламени. При аулѣ Саясани двѣ роты, пройдя около ста сажень по узкой плотинѣ, подъ сильнымъ огнемъ, къ непріятельскому укрѣпленію, вырвали его изъ рукъ защищавшихъ его мюридовъ и предало пламени.

« Вотъ вамъ свѣжій примѣръ, ребята! Я увѣренъ въ готовности вашей ему послѣдовать: и вамъ надобно выбивать непріятели изъ-за скалъ и заваловъ; но вы не отстанете отъ вашихъ Кавказскихъ товарищей.

« Начальникамъ частей и гг. офицерамъ считаю излишнимъ говорить объ ихъ долгѣ: они его знаютъ. »

Подлинный подписалъ: « Командиръ Корпуса, Генераль-Лейтенантъ Головинъ 1-й. »

26-го числа, послѣ молебствія о дарованіи успѣха нашему оружію, всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры отряда были приглашены къ обѣду Корпуснаго командира, и весь день провели въ солдатскомъ лагерномъ веселіи.

Между тѣмъ, предъ началомъ дѣйствій Евгений Александровичъ послалъ въ горныя магалы слѣдующее замѣчательное воззваніе, которое, какъ объясняющее положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ съ 1837 по 1839 годъ, приводимъ вполнѣ:

« Ахтинцы, Рутульцы, Докуспаринцы и Алтыспаринцы!

« Прежде, чѣмъ двинутся къ вамъ войска, считаю я нужнымъ исчислить вамъ преступленія, которыми вы навлекаете на себя бѣдствія, васъ ожидающія:

« Послѣ возмущенія въ Кубинской провинціи, которое произошло отъ подстрекательства вашего и при участіи вашихъ обществъ, вы приняли къ себѣ и скрыли отъ преслѣдованія правосудія главнѣйшихъ возмутителей, дерзко отвѣчая на требованія Начальства о выдачѣ ихъ, что это не сходно съ вашими обыкновеніями.

« Въ прошломъ году взятые изъ среды васъ старшины,

которые были подозрѣваемы въ передержательствѣ преступниковъ, были великодушно отпущены въ свои дома и войска пошли отыскивать самыхъ разбойниковъ, которые и по укрощеніи Кубинскаго мятежа не переставали нарушать спокойствіе. Въмѣсто того, чтобъ принять войска дружелюбно, какъ есть долгъ всѣхъ вѣрноподанныхъ, каковыми вы себя называете, вы собрались съ оружіемъ въ рукахъ и встрѣтили отрядъ генерала Фези выстрѣлами. Исполняя мое повелѣніе, изъ Тифлиса присланное, генераль Фези возвратился въ Кубу, удовольствовавшись принятіемъ отъ васъ присяги въ вѣрности; вы умоляли меня о томъ чрезъ генерала Севарсемидзева.

«Вмѣсто храненія присяги, вы, слѣдуя наущенію тѣхъ же разбойниковъ и бѣглеца изъ Нухи, спустились въ Шекинскую провинцію и напали тамъ опять на войска Его Императорскаго Величества. Васъ прогнали, и вы, именемъ Бога и Государа, просили прощенія у генерала Фези, который шелъ съ отрядомъ наказать васъ за Нухинскій набѣгъ. Раскаяніе ваше было принято и посланнымъ отъ васъ въ Тифлисъ я объявилъ прощеніе, давъ имъ уже письменное повелѣніе о вашихъ обязанностяхъ.

«Вы ничего не исполнили; не смотря на то, я приказалъ возвратитъ вамъ стада ваши, на равнинахъ пасшіяся, и удержатъ только то число барановъ, которое нужно было для пополненія должныхъ вами казніи денегъ; толпы ваши опять спустились въ Шекинскую провинцію и вооруженною рукою хотѣли исторгнуть то, что и безъ того къ вамъ возвращалось.

«Когда, осенью прошлаго года, раскаяніе ваше было великодушно принято и войска, не трогая васъ, возвратились въ Хазры, вы, вмѣсто благодарности, возмнили, что васъ боятся, и распускали слухи, что войска не осмѣлились васъ наказатъ.

«Неоднократно отвѣчали вы на требованія Начальства, что между вами нѣтъ порядка, что у васъ одинъ другаго не слушаетъ и нѣтъ власти, которая бы могла обуздывать людей неблагонамѣренныхъ, и такъ мнѣ остается самому водворитъ у васъ порядокъ, и людей вредныхъ, между вами находящихся, лишитъ средствъ нарушатъ спокойствіе сосѣднихъ провинцій.

«Принявъ лично начальство надъ войсками, на Самурѣ собранными, я иду къ вамъ, исполняя волю моего Государа и возложенную Имъ на меня обязанность, блюсти спокойствіе и правосудіе во вѣренномъ управленіи моему краѣ. Если отрядъ мой, проходя чрезъ ваши магалы и селенія, не встрѣтитъ со стороны вашей препятствія, то жизнь, дома и собственность ваша останутся неприкосновенны; но если вы встрѣтите войска съ оружіемъ въ рукахъ, то всякое селеніе, вблизи коего я буду вынужденъ силою оружія очищать себѣ дорогу, будетъ разрушено до основанія. Еще вамъ предстоитъ выборъ: или покорность безъ условій, или конечное разореніе. Войска подъ моимъ начальствомъ горятъ нетерпѣніемъ наказатъ васъ за ваше безумное самохвастовство и разоритъ разбойничьи у васъ притоны.»

Подписано: «Генераль—Лейтенантъ *Головинъ*.»

Не получивъ никакого отвѣта отъ жителей горныхъ магаловъ, Евгений Александровичъ рѣшился начать движеніе вверхъ по Самуру.

Въ то же время, для развлеченія вниманія горцевъ со стороны Шекинской провинціи, посланъ былъ отрядъ генераль—маіора Симборскаго (3 баталіона съ 4-мя орудіями), чрезъ гору Салаватъ, къ верховьямъ Самура. Сверхъ того, владѣтель Элисуйской угрожалъ Рутулу своею милиціею.

Лезгины, устроивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ завалы, сопротивлялись движенію нашихъ войскъ.

Въ главномъ отрядѣ первымъ выступилъ, 27-го мая, маіоръ Каргановъ съ Табасаранскою и Кюринскою милиціями, занимавшими лагерь на лѣвомъ берегу Самура, напротивъ Хазровъ. На слѣдующій день онъ уже имѣлъ встрѣчу съ Лезгинами, которые, въ числѣ 400 человекъ, хотѣли преградитъ ему дорогу на перевалѣ хребта, тянущагося вдоль лѣваго берега Самура. Горцы были сбиты и опрокинуты къ селенію Хула; гдѣ, засѣвши въ строеніяхъ, были подкрѣплены постоянно возраставшею толпою жителей изъ сосѣднихъ деревень. Выбить силою непріятеля изъ деревни не представлялось возможности, и маіоръ Каргановъ отступилъ на перевалѣ хребта, съ потерю 1 убитаго, 4 раненыхъ и 14 лошадей.

Это дѣйствіе, — что заслуживаетъ особеннаго вниманія, —

поселило вражду между Кюринцами и Ахтынцами, съ которыми первые до того находились въ дружественныхъ связяхъ, и которыхъ даже боялись.

Въ тотъ же день, 28-го числа, выступилъ изъ Хазровъ и самъ Головинъ. Пройдя четыре версты, до деревни Неджевкентъ, онъ раздѣлилъ свои силы на двѣ колонны *):

Лѣвую—изъ четырехъ баталіоновъ Тифлискаго егерскаго полка, роты Кавказскаго сапернаго баталіона, двухъ сотень линейныхъ и Донскихъ казаковъ и сотни горской милиціи, при 4 легкихъ и 4 горныхъ орудіяхъ;

и *Главную* — изъ четырехъ баталіоновъ князя Варшавскаго и трехъ баталіоновъ (1-го, 3-го и 4-го) Мингрельскаго егерскихъ полковъ, роты саперъ, сотни сборной казачьей команды и 150 человекъ Мусульманской милиціи, при 6 легкихъ, 4 батарейныхъ и 4 горныхъ орудіяхъ.

Первая колонна, подъ начальствомъ генерала Фези, была направлена на деревни Хиля и Гулюкъ, съ тѣмъ, чтобы наказать жителей этихъ селеній, возставшихъ противъ насъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занять высоты для обезпеченія лѣваго фланга нашей позиціи при Гулюкъ.

Главные силы, подъ личнымъ предводительствомъ Головина, направились на Зухуль.

Вскорѣ вступили войска въ дремучіе лѣса, и хотя погода стояла жаркая, но безпрестанныя ручьи съ горъ и прохлада почти дѣвственныхъ лѣсовъ — дѣлали маршъ пріятнымъ.

Селеніе Хиля было оставлено жителями, присоединившимися къ сборищу Лезгинъ. Но селеніе Гулюкъ, напротивъ, было занято непріателемъ. Фези силою выгналъ изъ него Лезгинъ и преслѣдовалъ ихъ по направленію къ деревнѣ Тагерджалъ. Горцы, подкрѣпленные партією, вышедшею оттуда, хотѣли держаться, но, опрокинутые кавалерією, подъ командою подполковника Альбрандта, обратились въ бѣгство,

*) Составъ колоннъ заимствованъ изъ статьи г. Анучина (стр. 8), слѣдовательно различается съ силою отряда, показаннаго Головинимъ; но число баталіоновъ пѣхоты упоминаемыхъ здѣсь мнѣе однимъ, чѣмъ приводилъ г. Анучинъ страницю выше, — именно въ тѣхъ 2-го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка, — гдѣ онъ остался, и находился ли въ отрядѣ?—въ настоящее время мы разяснить не умѣемъ.

оставивъ въ нашихъ рукахъ 6 тѣлъ и 2 плѣнныхъ. Занявъ высоты тремя баталіонами Тифлискаго егерскаго полка, подъ командою подполковника Берзуля, при 4 горныхъ орудіяхъ, Фези, со всею кавалерією и однимъ баталіономъ Тифлискаго полка, спустился съ высотъ, чрезъ деревню Верхній Калахуръ, къ главнымъ силамъ, которыя, въ то время, подвигались на позицію передъ Зухуломъ, предавъ пламени селенія: Хиля, Гулюкъ и Верхній Калахуръ, и отбивъ нѣсколько штукъ рогатаго скота.

Между тѣмъ авангардъ главной колонны, которымъ командовалъ полковникъ баронъ Врангель, не доходя двухъ верстъ до Зухуль, открылъ непріятеля.

Лезгинны, въ значительныхъ силахъ, занимали крѣпкую позицію около самой деревни, на противоположномъ берегу рѣчки Тагерджалъ-Чай, текущей по глубокому оврагу. На нашей сторонѣ находилось до 150 непріятельскихъ смѣльчаковъ; но движеніе кавалеріи впередъ и посланная въ обходъ рота князя Варшавскаго полка заставили ихъ спуститься въ крутой оврагъ, для соединенія съ главными силами, съ такою поспѣшностію, что они побросали на мѣстѣ много оружія, барабанъ и значекъ.

Войска главной колонны, слѣдуя по дорогамъ труднымъ, не могли вдругъ занять позицію, взятую авангардомъ, но подвигались постепенно; для спуска же въ оврагъ артиллеріи было необходимо разработать дорогу. Поэтому Евгений Александровичъ повелѣлъ отряду расположиться здѣсь на ночлегъ. 4 батарейныя и 4 легкихъ полевыхъ орудія были подвинуты на самый край оврага, 2 полевыхъ и 2 горныхъ, подъ прикрытіемъ авангардныхъ баталіоновъ, спущены на нижній уступъ его, а вся кавалерія выдвинута вправо на долину Самура. Перестрѣлка завязалась по всей линіи. Непріятельскія пули, долетая даже до верхняго уступа, занятаго нашими войсками, указали разстояніе для выстрѣловъ артиллеріи, которая тотъ же часъ открыла огонь. Но Лезгинны, пользуясь скорымъ наступленіемъ ночи, бросили свою позицію и отступили къ урочищу Аджіахуръ.

Только на краю нашего лѣваго фланга толпа горцевъ, засѣвъ въ кусты, продолжала вести жаркую перестрѣлку съ 4-мъ баталіономъ Тифлискаго полка; но пушечные выстрѣлы горной артиллеріи и движеніе на штыки стрѣлковыхъ ре-

зерновъ опрокинули и тамъ непріятеля. Къ разсвѣту лѣвой колоннѣ приказано было присоединиться къ главнымъ силамъ.

Потеря наша во весь этотъ день состояла изъ 1-го убитога и 8-ми раневыхъ; непріятель же, безъ сомнѣнія, понесъ большую потерю, въ особенности отъ меткаго дѣйствія орудій и ружейнаго огня спѣшенной кавалеріи.

Урочище *Аджіахурское*, по важности своей, какъ главный оплотъ, на неприступность котораго Лезгинъ, не безъ основанія, полагали всѣ свои надежды, требуетъ предварительнаго описанія.

Это урочище состоитъ изъ значительнаго хребта, который, подъ именемъ *Кушъ-Дага*, тянется къ сѣверу отъ свѣжной вершины *Шахъ-Дага*. Восточная часть хребта, склоняющаяся къ селеніямъ Судуръ, Кюхуръ и Тагерджалъ, доступна для пѣшаго. Сѣверная сторона оканчивается отвѣсною скалою, которая, на большомъ пространствѣ, составляетъ какъ бы исполинскую стѣну, сажень до 200 высоту. Отъ этой стѣны къ Самуру, между Зухуломъ и Кара-Кюри, въ видѣ контръ-форсовъ, тянутся многіе отроги, раздѣленные между собою глубокими пропастями. Ближайшій изъ этихъ отроговъ къ сторонѣ сел. Кара-Кюри упирается съ одного конца къ вышеупомянутой скалистой стѣнѣ, съ другаго плотно обмывается Самуромъ и круто понижается къ рѣкѣ на протяженіи трехъ или четырехъ верстѣ.

Этотъ, такъ сказать, исполинскій валъ, возвышающійся верхнимъ своимъ упоромъ къ скалѣ, примѣрно сажень на 500 или 600 надъ русломъ Самура, по крутизнѣ и глубинѣ оврага, по своему естественному положенію уже чрезвычайно трудно доступенъ. Сверхъ того, по всему гребню отрога, горцами были устроены въ нѣсколько ярусовъ большіе завалы изъ камней, съ тѣмъ, чтобы, при нападеніи, скатить ихъ противъ наступающихъ.

Отъ сел. Захула къ сел. Кара-Кюри шли двѣ дороги: одна низомъ, вдоль Самура, другая, чрезъ деревню Маку, поперегъ отроговъ. Первая была удобна для слѣдованія войскъ до Аджіахура, но далѣе едва была проходима для пѣшеходовъ, направляясь по обрыву, возвышающемуся надъ рѣкою сажень до 60-ти, только самою узкою тропкою. Другая дорога, по крутизнѣ спусковъ своихъ и подъёмовъ,

представляла еще болѣе трудностей. Чтобы атаковать Аджіахурскую позицію снизу, надлежало прежде завладѣть оконечностію, примыкающею къ Самуру, но такъ какъ мѣстность надъ нею круто и постепенно возвышается на всемъ протяженіи отрога, то, находясь подъ выстрѣлами и камнями защитниковъ высоты, нападающимъ нельзя было уже нигдѣ остановиться, не достигнувъ до самой его оконечности, примыкающей къ скалѣ.

Такія неудобства нижней дороги заставили Головина избрать для движенія главныхъ силъ дорогу на деревню Маку, хотя труднѣйшую, но, по крайней мѣрѣ, представляющую тѣ выгоды, что она выходила прямо къ высотамъ, господствующимъ надъ всею позиціею.

29-го мая, съ разсвѣтомъ, кавалерія, подъ командою подполковника Альбрандта, заняла оставленное непріятелемъ селеніе Зухулъ и предала его пламени.

Устроивъ вагенбургъ въ долинѣ Самура, близъ Зухула, и оставивъ при немъ двѣ роты Мингрельскаго полка, команду саперъ и казаковъ и 4 батарейныхъ орудія, Головинъ направилъ войска впередъ двумя колоннами: правая, состоявшая изъ большей части кавалеріи, 2-хъ баталіоновъ князя Варшавскаго полка, 2-хъ ротъ Мингрельскаго, 8-ми легкихъ орудій и роты саперъ, подъ командою полковника барона Врангеля, слѣдовала по долинѣ Самура; лѣвая колонна состояла изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхотнаго князя Варшавскаго полка, 4-хъ баталіоновъ Тифлискаго и 2-хъ баталіоновъ Мингрельскаго егерскихъ полковъ, при 2-хъ легкихъ и 8-ми горныхъ орудіяхъ, и слѣдовала по направленію къ дер. Маки *); Евгений Александровичъ находился при послѣдней колоннѣ. Изнурительный переходъ по горамъ и разработка дороги заняли цѣлый день, такъ что отрядъ долженъ былъ ночевать въ сторонѣ, не доходя верстѣ двухъ до селенія Маки.

Въ продолженіи дня горцы нигдѣ не показывались въ большихъ силахъ, и свои передовые наблюдательные посты, по вершинамъ горъ расположенные, снимали по мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ.

30-го мая, въ пять часовъ утра, колонна, находившаяся

*) Составъ колоннъ по г. Аучину.

подъ личнымъ предводительствомъ Евгенія Александровича, двинулась впередъ, а баронъ Врангель соображался съ этимъ движеніемъ.

Артиллерія не могла слѣдовать безъ разработки трудныхъ дорогъ. Это замедлило движеніе главныхъ силъ, такъ что не прежде, какъ къ двумъ часамъ по полудни, войска стянулись на правомъ отрогѣ Кушъ-Дага. Но самъ Головинъ, съ кавалерією и головнымъ баталіономъ, прибылъ сюда еще по утру, чтобы лично произвести обзоръ неприятельской позиціи. Отъ мѣста, занятаго нашимъ передовымъ отрядомъ, до главнаго отрога Аджіахурскаго находилось еще два другихъ отрога, изъ которыхъ ближайшій къ Аджіахурскому, оканчиваясь также надъ Самуромъ обрывистою скалою, былъ занятъ передовыми толпами горцевъ.

Въ два часа по полудни Евгеній Александровичъ двинулъ впередъ всю линію войскъ. Кавалерія быстро понеслась по крутизнамъ передъ обѣими колоннами. Подполковникъ Фрейтагъ съ третьимъ баталіономъ Тифлисцевъ и дивизиономъ горной артиллеріи шелъ въ центрѣ позиціи; полковникъ баронъ Врангель, по берегу Самура, приблизился къ отвѣсной скалѣ втораго Аджіахурскаго отрога.

Передовыя толпы горцевъ тщетно старались выстрѣлами удержать быстрое наступленіе нашихъ войскъ. Конница неслась прямо на нихъ; егеря поднимались на высоты, не обращая вниманія на вражьи выстрѣлы. 3-й баталіонъ Фельдмаршальцевъ, посланный барономъ Врангелемъ впередъ, подъ командою подполковника Ясинскаго, взобрался, подъ пулями Лезгивъ, на оконечность втораго отрога.

Неприятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ на лѣвомъ своемъ флангѣ, отступилъ поспѣшно къ своимъ заваламъ.

Центръ втораго отрога противъ главной позиціи остался открытымъ; но передовыя толпы Лезгивъ, не теряя еще надежды воспрепятствовать движенію правой колонны по берегу Самура, бросились въ ту сторону.

Въ это время Евгеній Александровичъ вѣхалъ на курганъ, находившійся въ центрѣ, откуда были видны оба фланга нашей линіи.

Замѣтя услія неприятеля противъ правой колонны, Головинъ повелѣлъ всей кавалеріи броситься горцамъ въ тылъ, а въ подкрѣпленіе этого движенія направилъ двѣ роты Тиф-

лискихъ егерей и, спустивъ туда же два горные единорога, приказалъ имъ открыть огонь во флангъ передовыхъ заваловъ. Въ то же время барону Врангелю послано повелѣніе выбить горцевъ изъ заваловъ, передъ нимъ находившихся.

Все это исполнено успѣшно.

Передовыя толпы неприятеля бѣжали и своимъ спасеніемъ обязаны только крутизнамъ оврага, раздѣлявшаго наши отряды, въ которомъ кавалерія могла преслѣдовать ихъ одними выстрѣлами. Первая колонна бросилась къ передовому завалу, но горцевъ въ немъ уже не было: устрашенные атакою кавалеріи въ тылъ, они бѣжали къ главной своей позиціи. Изъ этой послѣдней, на всемъ протяженіи отъ берега Самура и почти до центра, открылся сильный ружейный огонь. Ему отвѣчали спущенные внизъ два горные единорога, двѣ роты Тифлисцевъ и вся спѣшенная кавалерія; а баронъ Врангель, принужденный разбирать полевые орудія, чтобы перевести ихъ чрезъ кручъ надъ Самуромъ, при всѣхъ трудностяхъ такого дѣла подъ огнемъ неприятеля, устроилъ весьма скоро, на ружный выстрѣлъ отъ противника, батарею изъ осьми орудій, которая ядрами, гранатами и картечью обстрѣливала весьма удачно весь лѣвый неприятельской флангъ.

Между тѣмъ противъ лѣваго нашего фланга, въ завалахъ, подъ скалистою стѣною, толпы Лезгивъ сгущались.

Когда всѣ войска лѣвой колонны, со всею горною артиллерією и двумя полевыми орудіями, стянулись къ центру, Головинъ приказалъ открыть пушечный огонь по всей неприятельской позиціи, а второй баталіонъ Тифлискаго полка, подъ командою капитана Хвостикова, съ двумя горными единорогами, подкрѣпленный баталіономъ Мингрельцевъ, двинулъ въ лѣво противъ верхнихъ заваловъ, которые возвышались надъ всею мѣстностію и, какъ Евгеній Александровичъ лично удостовѣрился, служили ключемъ Аджіахурской позиціи, такъ что, овладѣвъ ими, мы должны были господствовать надъ всѣмъ гребнемъ Шахъ-Дага.—Но, предвидя, что открытый дневной приступъ стоилъ бы намъ много людей, войска эти были остановлены въ закрытомъ мѣстѣ, на ружейный выстрѣлъ отъ неприятеля.

Въ теченіе цѣлаго дня Лезгины дикими своими криками оглашали воздухъ, ободряя себя къ защитѣ и, зранѣе тор-

жествуя побѣду, по обыкновенію, показываясь изъ своихъ заваловъ, махали пашками и послали къ нашимъ тысячи пугающихъ и ругательствъ. Наши солдаты, не обращая вниманія, стояли спокойно, опершись на ружье и, смѣясь надъ дикими визгами горцевъ, громкими пѣснями заглушали ругательства и ожидали повелительнаго знака своего начальника, чтобъ идти на подобочныя высоты, штыкомъ разметать завалы, и разсѣять какъ прахъ ихъ защитниковъ.

Подъ вечеръ, присоединивъ 1-й и 3-й баталіоны Тифлискаго полка ко 2-му, Головинъ приказалъ подполковнику Берзулю стрѣлковую цѣпь, съ ея резервами, съ наступленіемъ ночи подвести сколь можно ближе къ этимъ заваламъ и, если, замѣтивъ оплошность горцевъ, найдетъ возможность, то овладѣть ими внезапно, не дожидаясь утра.

Повелѣніе было исполнено съ успѣхомъ, превзошедшимъ ожиданія.

Въ сумерки горцы усилили пальбу на лѣвомъ своемъ флангѣ; имъ отвѣчали, но изрѣдка, легкая батарея барона Врангеля и цѣпь кавалеріи спѣшенной на верхней площадкѣ. Въ лагерѣ играла музыка, заря была пробита съ церемоніею и послѣ молитвы, съ наступленіемъ ночнаго мрака, огонь повсюду умолкъ.

Труденъ, почти невозможенъ казался доступъ къ верхнимъ заваламъ; рѣшительность и отважность егерей Тифлискаго полка преодолѣли всѣ препятствія; 1-я и 4-я егерскія роты, пользуясь темнотою ночи, безъ всякаго шума, поддерживая одинъ другаго, полезли на гору; задніе помогали переднимъ и, такимъ образомъ, доползли шаговъ на сто отъ заваловъ. Первая рота, подъ командою поручика князя Вахвахова, и 4-я, подъ командою поручика князя Туманова, закричали ура! и прилегли къ землѣ. Удивленные Лезгины, слыша побѣдный крикъ Русскихъ подъ своими ногами, сдѣлали залпъ изъ всѣхъ ружей, но пули ихъ, безъ всякаго вреда, прожужжали надъ головами штурмовавшихъ.

Въ это мгновеніе вся наша артиллерія открыла живой, бѣглый огонь, а вся непріятельская линія, особенно противу праваго нашего фланга, отвѣчала ружейными залпами.

Пока Лезгины верхнихъ заваловъ вновь заряжали ружья, вышеупомянутыя роты Тифлискаго полка подползли къ нимъ еще ближе. Черезъ нѣсколько минутъ раздалось вто-

ричное ура! за которымъ со стороны Лезгинъ послѣдовалъ такой же безуспѣшный залпъ, а егеря уже соколами влетѣли въ вражескій заваль, переколовъ все, что имъ противустояло, и потерявъ въ этомъ мѣстѣ 1-го убитымъ и 6-ть ранеными.

Въ это время вторая карабинерная рота того же полка, подъ командою штабсъ-капитана Грабовскаго, подкрѣпляемая 6-ю егерскою, такимъ же образомъ подкрадывалась къ другому завалу. Но егеря, изъ занятаго ими перваго завала, открыли огонь по второму. Устрашенные Лезгины, не понимая откуда взялись Русскіе, успѣли скатить сколько могли камней по всѣмъ направленіямъ и сами начали спасаться бѣгствомъ, бросаясь съ кручи внизъ на другую сторону, съ однимъ только оружіемъ, оставивъ въ завалахъ свои пожитки, вмѣстѣ съ бурками и начатымъ ужиномъ. Карабинеры *) заняли заваль; при чемъ до 30-ти человекъ были зашибены камнями, но, большею частію, не опасно.

Отрядъ, расположенный внизу по долинѣ и на менѣе значительныхъ высотахъ, съ сжатымъ сердцемъ ждалъ вѣсти о своихъ храбрыхъ товарищахъ, закрытыхъ отъ его любопытныхъ взоровъ темнотою ночи, и вполне завидуя ихъ счастливой участи, побѣдить или пасть за славу отечества. Огонь при ружейномъ вражескомъ залпѣ, и гранаты бросаемые нашею артиллеріею, на мгновенія освѣщали высоты: не извѣстно было кто кого одолѣетъ.

Но великъ Богъ Русскихъ!

На утро былъ назначенъ всеобщій приступъ. По сигнальной ракетѣ, подполковникъ Берзуль, изъ занятыхъ имъ верхнихъ заваловъ, долженъ былъ сбивать Лезгинъ съ вершины гребня; подполковнику Фрейтагу, съ 1-мъ баталіономъ князя Варшавскаго полка, 4-мъ баталіономъ Тифлискаго и двумя горными единорогами, поручено овладѣть центромъ, а полковнику барону Врангелю приказано опрокинуть лѣвый флангъ Лезгинъ. Такъ какъ войска, назначенныя для дѣйствія противъ центра, отдѣлены были отъ непріятеля глубокимъ оврагомъ, то Фрейтагъ еще ночью спустился въ ущелье и доползъ, скрытнымъ образомъ, на подружейный выстрѣлъ

*) Въ статьѣ г. Анучина сказано: Кабардинцы; но это, безъ сомнѣнія, опечатка.

отъ заваловъ, чтобы, по сигналу, вдругъ броситься на штурмъ.

Все было готово; но оказалось, что, слышная дотолѣ неодолимою, позиція въ ночи была совершенно брошена горцами, ибо неожиданная потеря главнѣйшихъ укрѣпленныхъ пунктовъ навела ужасъ на все скопище, собравшееся при Аджіахурѣ и поклявшееся умереть съ оружіемъ въ рукахъ, и весь гребень горъ, опора надеждъ и несбыточныхъ мечтаній Лезгинъ, густо занятый ими накапунѣ, съ котораго они дикими криками своими, музыкою и пляскою какъ бы заранѣе уже торжествовали нашу неудачу, былъ теперь очищенъ и только посредствомъ зрительныхъ трубъ можно было видѣть все народонаселеніе долины, спасавшееся по горнымъ тропамъ въ дальнѣйшія вертепы. Увѣренность горцевъ въ побѣдѣ была такъ велика, что все имущество и семейства жителей сел. Кара-Кюри, лежащаго верстахъ въ четырехъ отъ позиціи, до послѣдней минуты оставались въ домахъ *).

*) Головинъ «Обзоръ военныхъ дѣйствій» и г. Анучинъ.

Редакція получила также слѣдующій рассказъ объ этомъ подвигѣ отъ Г. Е. Дыдымова, — нынѣ Новосильскій уѣздный судья, — участвовавшего въ немъ, который, по любопытнымъ подробностямъ, приводимымъ авторомъ, считаемъ полезнымъ здѣсь передать.

«Нашъ баталіонъ, — пишетъ г. Дыдымовъ, — т. е. 1-й Тифлисскаго полка, ибо онъ, въ чинѣ прапорщика, состоялъ въ 3-й ротѣ, — подойдя къ Аджіахурскимъ высотамъ, расположился на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, т. е. противъ праваго крыла непріятельскаго, завалы котораго упирались въ этомъ мѣстѣ въ отвѣсную скалу, вышиною, я думаю, сажень въ 500, если не болѣе; остальные войска протянулись до самого почти Самура, версты на три. Стало вечерѣть; резервы и выюки подтянулись; показался Корпусный Командиръ со свитою и конвоемъ; войска привѣтствовали его съ восторгомъ, ожидая, въ новомъ начальникѣ, надежнаго путеводителя къ предстоящему дѣлу и — не ошиблись. Артиллерія горная размѣстилась между баталіонами, а два полевыхъ орудія очутились на лѣвомъ флангѣ, т. е. при нашемъ баталіонѣ. Фрейтагъ, бывший въ свитѣ Корпуснаго Командира, подъѣхалъ къ намъ и, одобряя нашъ баталіонъ, для облегченія идти на штурмъ высотъ, довольно крутыхъ, испросилъ разрѣшенія у Головина сбросить походныя мѣшки и положить ихъ рядами, какъ стояли солдаты.

Слышали мы отъ войскъ, бывшихъ съ генераломъ Фезе въ 1837

Аджіахурскія высоты служатъ, сверхъ того, ключемъ для всего края, лежащаго по долину верхняго Самура и его при-

и 38 годахъ, что Русскіе доходили только до Аджіахура и, съ неудачею въ оба раза, возвращались во свояси; но мы посматривали на предстоящія высоты не робѣя, и право думали, что возьмемъ ихъ, — они не казались намъ страшными и недоступными. Стало темнѣть, 3-й егерской ротѣ приказано подвинуться далѣе, къ лѣвымъ высотамъ, гдѣ отъ отвѣсной скалы выходитъ небольшой хребетъ, составляющій съ главнымъ Аджіахурскимъ какъ бы ущелье.

Черезъ какихъ нибудь полчаса, когда стало еще темнѣе, 1-я и 4-я егерскія роты потянулись въ-лѣво. Съ завистью я посматривалъ на это и усилъ перемолвить съ командирами обѣихъ ротъ, моими пріятелями: 1-й — поручикомъ княземъ Вахваковымъ и 4-й — подпоручикомъ княземъ Тумановымъ, что жалѣю о переводѣ меня изъ 1-й роты, — что было сдѣлано при выступленіи изъ Хазровъ и чего мнѣ крѣпко не хотѣлось. — Оба князья, въ отвѣтахъ своихъ, выразили надежду, что я не отстану отъ нихъ и, въ случаѣ нужды, поддержу ихъ. Не прошло и часа, какъ отъ этихъ ротъ, самыхъ лѣво-фланговыхъ нашей позиціи, прошелъ подпоручикъ М. и на мой спросъ: куда? отвѣчалъ ухорски: «да спросить полковника Берзуля, вельзя ли ударить на крайній завалъ» — и прибавилъ, что его послала ротные командиры; но вскорѣ М. возвращался съ досадою на лицѣ. — «Ну что, братъ?» — «Прогнали.» — «Отъ чего же?» — «Да говорятъ, что, будто бы Ахтынское общество поссорилось съ Ругульскимъ и въ эту ночь Ага-Бекъ хочетъ отступить отъ Аджіахура со своими Ругульцами, а съ разсвѣтомъ намъ будетъ мало управляться и съ одними Кара-Кюрянами и Ахтынцами.»

Когда совѣтъ стемнѣло, подпоручикъ М. еще разъ прошелъ съ тѣмъ же вопросомъ отъ двухъ ротныхъ командировъ, и также снова его прогнали, съ угрозою арестовать. «Ну, — подумалъ я, — придется переночевать такъ, а съ разсвѣтомъ, что Богъ дастъ.» Но, часу въ 10-мъ вечера, раздались выстрѣлы въ тѣхъ же 2-хъ роткахъ; я тотчасъ бросился къ своему ротному командиру, и спросилъ: «идетъ ли онъ съ ротою на подмогу къ находящимся впереди двумъ ротамъ, или поручаетъ это мнѣ?» Онъ едва выговорилъ: «ступай братъ, и дѣлай какъ знаешь, а я, видишь самъ, нездоровъ.» Я къ солдатамъ и громко спросилъ у другаго прапорщика нашей роты, Васильевского: «Съ котораго года вы офицеръ?» — «Съ 1837», былъ отвѣтъ. — «Ну, такъ вы моложе меня. Ротный командиръ нашъ заболѣлъ; впереди дерутся, надо помочь имъ, угодно вамъ быть подъ моею командою!» — «Съ радостью», отвѣчалъ Васильевскій, прибавивъ, что онъ только прибылъ изъ Россіи и нагналъ насъ въ походѣ. — Приказавъ ротѣ сомкнуться, тронулись мы впередъ. Меня знали ужъ солдаты, а потому и полагались на меня, тѣмъ болѣе, что другой субалтернъ-

токовъ и огражденнаго, съ обѣихъ сторонъ, двумя главными отраслями Сибѣгова хребта, раздѣляющагося отъ горы

офицеръ былъ новичекъ. — Нѣсколько юнкеровъ и дворянъ окружили меня; прапорщикъ Василевскій шелъ рядомъ, а далѣе фельдфебель, унтеръ—офицеры, а за ними солдаты. Мы шибко взбирались на гору. Трава была по колѣно и выше, а передъ вечеромъ ее сбрызнулъ еще дождь; поэтому и тяжеленко было карабкаться: въ иныхъ мѣстахъ сдѣлавъ шагъ впередъ, два ползли назадъ; иногда же приходилось лѣзть и на четверенкахъ. Между тѣмъ со всей нашей боевой линіи открыли пушечный огонь; брагъ мой изъ своихъ двухъ полевыхъ орудій стрѣлялъ вдоль по небольшому ущелью, прямо въ скалу, а иногда посылалъ ядра и гранаты въ главный заваль, бывший отъ насъ направо, съ котораго горцы на полдороги пустили въ насъ залпъ изъ ружей. Мои солдаты, по примѣру прапорщика Васильевского, выстрѣлившаго изъ солдатскаго ружья, стали было отвѣчать; но я тотчасъ закричалъ: «Не стрѣлять! Кого мы видимъ, а только себя открываемъ. Прибавить ходу; уходите съ этого мѣста, а то въ насъ будутъ попадать пули. Намъ не стрѣльбой надо заниматься, а поситшать къ передовымъ ротамъ» Въ этихъ ротахъ все еще слышна была пальба и раздавалось ура! Доносилось до насъ и Лезгинское лай, лай иль Алла! Еще не много времени, и мы, усталые, перевалились черезъ заваль, состоявшій изъ неглубокой канавы, вала и камней, — за которымъ уже находились наши двѣ роты. — Вскорѣ я встрѣтился съ Вахваковымъ и Тумановымъ и поздравилъ ихъ съ побѣдой. Они бросились ко мнѣ и братски, дружески обняли, говоря, что не ошлблись въ надеждѣ и ожиданіи, что, по первымъ выстрѣламъ, я пойду къ нимъ на помощь и дамъ звать другимъ (что я и сдѣлалъ какъ тронулся съ мѣста, пославъ солдата къ командиру 1-й карабинерной роты, поручику Таваштерну, который также пошелъ на помощь). Тотчасъ оба князя стали предлагать мнѣ перебраться на главный заваль по тропинкѣ, проложенной посреди отвѣсной скалы, по которой мы, еще засвѣтло, замѣтили перебѣгавшихъ горцевъ; другаго сообщенія и не могло быть. Но я остановилъ ихъ горячностью, сказавъ, что мои люди устали и надо немного отдохнуть и собраться съ силами, а пона просилъ разсказать какъ произошло дѣло. «Ты помнишь, — началъ Вахваковъ, — я же разъ говорилъ тебѣ, — что въ эту экспедицію или я добыю Георгіевскаго креста или меня убьютъ; вотъ теперь пусть будетъ то или другое, какъ угодно Богу»). Когда мы опередили вашу роту, то я крѣпко првсматривался къ неприятель-

*) Надобно замѣтить, что Иванъ Захарьевичъ Вахваковъ въ это время служилъ уже 23-й годъ и, начиная съ юнкерскаго званія, состоялъ все въ одной ротѣ.

Гудуръ—Дагъ. Сама природа сдѣлала, такимъ образомъ, край этотъ со всѣхъ сторонъ совершенно недоступнымъ,

скою мѣстности и рѣшился воспользоваться этимъ днемъ, а потому въ нетерпѣніи и послалъ къ полковнику Берзюлу спросить: «Нельзя ли броситься хотя на ближайшій заваль и переночевать на немъ», но М. прогнали. Я не унялся этимъ и послалъ его еще разъ, а когда и въ другой разъ прогнали, то и предложилъ князю Чигу (т. е. Григорію, какъ звали Туманова) и М., пользуясь темнотой, пѣснями и музыкой у горцевъ, тихо подкрасться къ завалу, крикнуть ура! и привлечь; я говорилъ, что горцы испугаются и начнутъ стрѣлять, а какъ только выстрѣлы замолкнутъ, т. е. горцы станутъ заряжать ружья, мы бросимся на заваль. Отвѣтственности за самовольство бояться было нечего: удастся дѣло, такъ и не взыщутъ, а не удастся, такъ и взыскать будетъ не съ кого, ибо я брошусь въ свалку и навѣрное буду убитъ. — Вотъ мы тронулись; горцы какъ шайтаны поютъ, зурна пещить, бубны и барабаны гремятъ, а намъ это и на руку. Какъ подошли по ближе, я думаю шаговъ на 50, то крикнули ура! и прилегли. Горцы залпъ сдѣлали; мы бросились впередъ и, подъ самымъ заваломъ, крикнули еще разъ ура! — Горцы снова выстрѣлили, но огонь былъ слабѣе прежняго, значить не всѣ еще зарядили. Мы на заваль и не успѣли приняться за штыки и приклады, какъ горцы бѣжали, оставивъ свои бурки, кислое молоко въ кувшинахъ, чурки, а кто не успѣлъ ускользнуть отъ перваго натиска, тотъ и самъ остался подъ штыками и прикладами.» — «Ну, думаю, молодцы же вы, истинно Кавказскіе воины, вотъ у кого учиться удали боевой. Бездѣлица затѣять и совершить такое дѣло: — втянуть невольно на подмогу весь глаеный отрядъ!» — Послѣ оказалось, что этимъ кончилась вся экспедиція подъ командою самаго Корпуснаго Командира въ такой мѣстности, гдѣ передъ тѣмъ два года сряду грудь Русская разбивалась въ неудачахъ объ Аджихурскія высоты, и Самурское ущелье, съ своими обществами Ахтынцевъ и Рутульцевъ, оставалось непокорно. «Ну, что же теперь думаете?» — спросилъ я. — «А вотъ что, пойдѣмъ всѣ трое впередъ, черезъ дявольскую тропинку, а солдаты пойдутъ за нами. М. останется сзади подгонять остальныхъ; а какъ Богъ дастъ намъ перебраться черезъ тропинку, да отыщемъ хоть маленькую площадку, то и остановимся; когда же подберется вароду, хоть съ сотню, то сдѣлаемъ залпъ и бросимся на главный заваль.» — «Ну, помилуй, князь, — возразилъ я, — черезъ тропинку и днемъ чертятъ, я думаю, въ пору только лазить, вверхъ сажень 200, да внизъ 300 или больше. Нельзя по ней пройти, чтобъ не нашумѣть: это не то, какъ сюда мы шли по травѣ; а какъ горцы услышатъ шорохъ, да сдѣлаютъ залпъ изъ винтовокъ, то и отправляйся въ пропасть. Не лучше ли переночевать во взятомъ завалѣ, а завтра на утро, что Богъ

исключая тѣснаго Аджіахурскаго входа, чрезъ который воды Самура прорываются изъ горъ на прилежащія равнины.

дасть?» — «Взоръ, любезный, у страха глаза велики; теперь и на главномъ завалѣ видать горцы, что наши тронулись и внизу вездѣ по равнинѣ мелькаютъ залпы батальные, которые все подвигаются вверхъ.» — «Ну, пожалуй, — отвѣчалъ я, — идемъ; что Богъ дастъ, то и будетъ.» Князь Вахваковъ вызвалъ охотниковъ, изъ которыхъ пятерымъ, самымъ надежнымъ, приказалъ идти впередъ; потомъ самъ пошелъ, за нимъ кн. Тумановъ, а тамъ я; остальные охотники за нами. Далѣе приказано идти и всѣмъ остальнымъ солдатамъ, а подпоручику М. подгонять людей. Послѣдній долго отговаривался и не хотѣлъ оставаться сзади, указывая для этого на меня, какъ молодаго офицера; но, какъ я командовалъ ротой, то и уклонился. Благословясь, всѣ тронулись по распоряженію К. Вахвакова, какъ старшаго, соблюдая глубокую тишину. — По истинѣ, только Богъ насъ хранилъ, ибо едва вышли изъ завала, какъ должны были упереться спинами въ скалу и потянулись всѣ лѣвымъ бокомъ. Подвигаясь, такимъ образомъ, къ главному завалу, мы то поднимали лѣвую ногу на аршинъ и въ потьмахъ отыскивали на что бы стать, то опускали ее между острыхъ каменьевъ, спотыкаясь, оступаясь; но, кажется, никто не оборвался, а, впрочемъ, не помню: тогда было не до того. Темъ страшная, а тутъ еще, ва бѣду, братъ принялся угощать насъ изъ своихъ орудій, не зная, разумѣется, что крадутся свои. По счастью, выстрѣлы обдавали насъ только напраснымъ страхомъ, да хрящемъ и щебнемъ, когда ядра и гранаты ударялись въ скалу выше тропинки. Молчимъ, идемъ, да молимъ Бога, чтобъ вразумилъ Онъ брата, поворотить своихъ старушекъ по правѣ и повернуть на главный завалъ; но ядра и гранаты все продолжали летать то выше и осыпали насъ мелкими камнями, то, ударяясь внизъ, скатывались въ пропасть подъ нашими ногами; а мы всѣ двигались, двигались, да наконецъ и остановились. — «Ну, — подумали мы, — рѣшительная минута настаетъ: или возьмемъ и главный завалъ, или насъ сбросятъ въ пропасть.» Наконецъ почувствовали ногами, что камней болѣе нѣтъ; и куда и куда пкнемъ ногу — земля; сзади не упираемся уже въ скалу. Подождали немного; подобралось народу на этой площадкѣ, думаю, съ сотню; перешепнулись; дали залпъ изъ ружей и съ крикомъ ура! бросились бѣгомъ на предполагаемый въ потьмахъ главный завалъ. Въ насъ пустили дробью выстрѣлы; но мы все впередъ; ура! и почувствовали какъ будто мѣстность пошла къ низу. Вахваковъ закричалъ: «Стой, ребята, держись теперь крѣпко, гдѣ кто стоитъ; это видно главный завалъ. Не зѣвай только, ребята, чтобъ не сбили насъ съ этого мѣста; оно самое важное; а тамъ осмотримся хорошенько и узнаемъ что дѣлать дальше.» — И такъ, благодареніе Господу, перебралась мы

Поэтому слѣдствія Аджіахурской битвы были чрезвычайно важны. Лезгины, такъ долго вѣрившіе въ недоступность

чрезъ тропинку; заняли, по видимому, главный завалъ, стали приводить людей въ возможный порядокъ и осматривать мѣстность; но тутъ, какъ нарочно, братъ поворотилъ свои орудія правѣ и принялся угощать насъ ядрами и гранатами, которые хотя и не вредили намъ, но все же было неприятно такое угощеніе за понесенные труды. — Въ это время появился батальонный нашъ адъютантъ, подпоручикъ С. О. Адамовичъ, — старый Кавказецъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ съ его стороны и отвѣтовъ съ нашей, рѣшено было ему идти внизъ и доложить кому нибудь изъ начальниковъ о томъ, что мы надѣлали, гдѣ теперь находимся и спросить, что еще дѣлать? — Пустился адъютантъ, должно быть кубаремъ, прямо съ главнаго завала, и, какъ послѣ узнали, направляясь на орудія брата, которыя, продолжая выстрѣлы, освѣщали мѣсто своего расположенія. Отыскавъ Корпуснаго Командира, Адамовичъ поздравилъ его съ побѣдой. Евгений Александровичъ удивился и вмѣстѣ обрадовался такому извѣстію, и спросилъ Адамовича: «да вы откуда?» — «Съ главнаго завала», — отвѣчалъ онъ, и рассказалъ что могъ узнать въ короткое свиданіе съ нами. — Тогда Корпусный Командиръ, снявъ шапку, взмахнулъ ею и закричалъ: «Ура, Тифлисы! — Экъ, жаль, нѣтъ шампанскаго выпить за здоровье егерей.» — Р. К. Фрейтагъ въ ту же минуту обратился къ брату моему съ словами, что у артиллеристовъ въ пустыхъ гнѣздахъ зарядныхъ ящиковъ всегда водится съѣстное и питимое. — Дѣйствительно братъ приказалъ подать небольшой бурдючекъ Кахетинскаго, изъ котораго налили вина въ стаканы и Корпусный Командиръ сказалъ: «Передайте вашимъ товарищамъ, что я поздравляю ихъ съ побѣдой; благодарю ихъ и пью за ихъ здоровье.» — Присутствовавшіе послѣдовали примѣру Головина и на радостяхъ вскорѣ бурдюкъ съ кахетинскимъ и съѣстное были уничтожены. Адамовичъ, стаканомъ же, отблагодарилъ за насъ. Корпусный Командиръ приказалъ ему отправиться назадъ и передать, чтобы всѣ мы оставались на занятыхъ мѣстахъ и держались до утра, ожидая новаго приказанія. Подобное же повелѣніе разослано и остальнымъ войскамъ, ибо въ темнотѣ выстрѣлы, иногда цѣлыми батальонами, казались какъ бы на воздухѣ, а это означало, что большая часть войскъ приближалась къ вершинѣ хребта Аджіахурскаго и заваламъ, о которыхъ, что они уже брошены отъ перваго нашего ура! и залпа на главномъ завалѣ, — какъ оказалось въ послѣдствіи, — было еще неизвѣстно.

Въ снѣговыхъ горахъ по ночамъ, обыкновенно, холодно, а нашимъ тремъ ротамъ пришлось стоять на самой вершинѣ хребта, упирающагося въ скалу, еще болѣе возвышающуюся и навѣвавшую страшный холодъ; вѣтеръ дулъ вдоль Самурскаго ущелья и прови-

своихъ жилищъ, вдругъ увидѣли себя въ полной власти нашихъ войскъ, и сколь прежде они были самонадѣянны и

зывалъ до костей; мы же вспотѣли порядочно, пока добрались до главнаго завала. — Не могу умолчать при этомъ, какъ рядовой 1-й егерской роты, малюга изъ Малороссіянъ, отличный стрѣлокъ, записной охотникъ и brave боевой Кавказскій солдатъ, услышавъ, что гг. офицеры забнутъ и нечего имъ перекусить, — ибо не только наши, но и солдатскія вьюки и мѣшки остались на томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли еще до вечера, — вызвался сходить внизъ и привезти намъ чего нибудь перекусить; мало того, онъ снялъ шинель и ему послѣдовали еще 3 или 4 человѣка; мы укрылись этими шинелями, а онъ съ товарищами спустился внизъ и, часа черезъ два, возвратился съ закуской и нашими бурками. Какъ мы тогда были благодарны! Вотъ истинно Кавказскіе солдаты; они таковы къ офицерамъ, которые ходятъ впереди и водятъ ихъ смѣло въ бой... Разумѣется, никто изъ насъ въ эту ночь не ложился спать, и мы то сидѣли въ кучахъ и дремали, то тихо разговаривали или ходили по рядамъ солдатъ, напоминая объ осторожности.

Едва стало разсвѣтать, какъ мы увидѣли прегустой туманъ, болѣе отъ сторовы непріятельской, который разстилался подъ нашими ногами точно море; когда же онъ сталъ разсѣваться и первые лучи солнца освѣтили Самурское ущелье, то намъ съ высоты, на которой ночевали, представился прелестнѣйшій видъ. Впереди насъ, къ сторовѣ непріятеля, подъ обрывистымъ хребтомъ, внизу простиралась болотная равнина, шириною версты въ двѣ, длиною версты въ пять; за ней рѣчка, впадающая изъ ущелья направо въ Самуръ; далѣе аулъ Кара-Кюри, а тамъ налѣво горы, снизу покрытыя кустарниками, выше лѣсомъ, а еще выше свѣгомъ. Направо отъ насъ тянулся Аджіахурскій хребетъ, версты на три или четыре, спускаясь постепенно къ Самуру. Назадъ являлась часть войскъ, удержанныхъ на вечерней нашей позиціи; тамъ же размѣщена была и вся артиллерія и вагенбургъ, а другая часть войскъ растянулась въ завалахъ по Аджіахурскому хребту, гдѣ на кануи еще былъ непріятель въ числѣ, какъ говорили, 20 или болѣе тысячъ, въ грозномъ видѣ, заранѣе торжествовавшій побѣду, рассчитывая на предшествовавшія двухлѣтнія отраженія нашихъ войскъ отъ этой позиціи, считавшейся у нихъ недоступной.

Вскорѣ присланы приказанія спускаться съ заваловъ къ аулу, держась праваго фланга, чтобы подойти всѣмъ вмѣстѣ, ибо правый флангъ отъ аула Кара-Кюри находился отдаленнѣе.

Крутизна здѣсь превосходила ту, по которой мы взбирались; кромѣ того съ этой стороны сочились ручейки и родники, дѣлавшіе равнину болотистою и топкою; намъ особенно, т. е. лѣвому флангу, пришлось пробираться по тропинкамъ, перепрыгивая иногда съ

дерзки въ своихъ дѣйствіяхъ, столь сдѣлались недовѣрчивы къ своимъ средствамъ послѣ пораженія при Аджіахурѣ. Не-

камня на камень. Тутъ же мы удостовѣрились, въ какомъ страхѣ бѣжали горцы; многіе изъ нихъ въ ночной темнотѣ, сбившись съ тропинокъ или оступившись съ камней, попадали въ трясину и остались до утра, погруженные по горло, съ распростертыми руками, удерживаясь на болотѣ, какъ бы крыльями. Спасти этихъ несчастныхъ, особенно во время марша, безъ веревокъ или длинныхъ жердей, было почти невозможно, безъ явной опасности погибнуть и самому такимъ же образомъ, а потому наши солдаты многихъ горцевъ пристрѣлили, желая избавить отъ продолжительной и голодной смерти. Подходя къ рѣчкѣ, гдѣ мѣстность возвышеннѣе, сухая, мы, — такъ какъ шли впередъ, т. е. лѣвый флангъ нашей позиціи, — и составили авангардъ отряда, какъ были авангардомъ его и съ вечера. Въ слѣдъ за нами подтянулись остальные войска и располагались въ боевой порядокъ, готовясь встрѣтить вылазку изъ аула или идти самимъ на штурмъ. Прибылъ Корпусный Командиръ, радостный и веселый счастливымъ успѣхомъ штурма Аджіахурскихъ высотъ, отъ которыхъ два раза до этого наши войска съ неудачею отступали, и поздравилъ насъ. — Рѣчка была мелка; милиціонеры проскакали ее въ бродъ, когда замѣтили, что изъ аула бросились жители влѣво на гору къ лѣсу. Евгений Александровичъ, удостовѣрившись черезъ милицію, обскакавшую Кара-Кюри, и чрезъ лѣшіе патрули, посланные въ аулъ, что жителей тамъ нѣтъ, приказалъ двинуть два или три баталіона, которымъ, обойдя его съ права и съ лѣва, расположиться въ готовности встрѣтить непріятеля, откуда бы онъ ни показался. Самъ Головинъ, съ остальными войсками, остался на томъ же мѣстѣ, пославъ только еще нѣсколько лѣшихъ патрулей съ подкрѣпленіемъ резерва въ аулъ. Нашъ 1-й баталіонъ сталъ по этой сторонѣ. Вскорѣ, когда совершенно удостовѣрились, что въ аулѣ нѣтъ жителей, Корпусный Командиръ приказалъ половину людей изъ всѣхъ частей отряда пустить для грабежа. Не прошло и получаса, какъ въ отрядѣ произошла ярмарка, и чего ужъ тутъ не продавали: коверъ, большой, грубой Дагестанской работы за два абазы, кувшинъ кислаго молока, чюреки, шубы длинно-шерстные, оружіе, куръ, пшено, муку и даже горнистскіе рожки и барабаны Русскіе, вѣроятно доставшіеся горцамъ отъ прежнихъ экспедицій.... Вдругъ раздался выстрѣлъ, какъ бы изъ орудія; всѣ встрепенулись и готовы были броситься впередъ, тѣмъ болѣе, что онъ раздавался изъ аула и повторялся. На площади противъ самой мечети видны были человѣкъ 500 или болѣе солдатъ, но, къ удивленію, безъ готовности по тревогѣ къ бою, что, успокоивъ отрядъ, не мало, однако же, удивляло. Видно было, что люди передъ мечетью стояли шереногъ въ 10; изъ нихъ среднія двѣ пахотились лицомъ къ лицу

ожиданный для нихъ успѣхъ нашихъ войскъ разрушилъ всѣ ихъ надежды на успѣшное сопротивленіе, и эти гордые об-

и что-то размахивали руками, а остальные шеренги, то же лицомъ къ середнямъ, а къ отряду въ полуоборотъ, держали ружья на руку, штыками къ мечети. Вскорѣ дѣло объяснилось. Солдаты, посланные въ аулъ для добычи, наткнулись на мечеть и, видя, что большая и толстая дверь ея заперта изнутри, рѣшились штурмовать, въ надеждѣ найти тамъ большую поживу. Предполагая засѣвшими въ ней отчаянныхъ мюридовъ, солдаты вспомнили о допотопной артиллеріи: нашелся доморощенный розмыслъ и, по Кавказской находчивости, пользоваться подручными средствами, они притащили огромное дерево, устроились, какъ сказано, и двѣ среднія шеренги, положивши себѣ на руки бревно, размахивали имъ и били въ дверь мечети, какъ тараномъ. Вотъ отъ чего и слышенъ былъ звукъ, подобный выстрѣламъ изъ орудій. Послѣ нѣсколькихъ могучихъ ударовъ разлетѣлась дверь въ щепы; державшіе бревно бросили его и быстро отступили, а остальные шеренги, бывшія на готовѣ съ ружьями на руку, дружно кинулись въ мечеть, а за ними и доморощенные артиллеристы. Вся эта комедія видна была отряду, какъ на ладони. Вскорѣ вышли солдаты, тащя дряхлаго муллу, который, вѣроятно, не хотѣлъ оставить своего поста; потомъ стали выходить и остальные солдаты, обремененные вайденой добычей. Всѣ дивились и смѣялись этому штурму, а Корпусный Командиръ потребовалъ къ себѣ импровизованнаго инженеръ-артиллериста и подарилъ ему нѣсколько червонцевъ. Это былъ какой-то досужный Кавказскій солдатикъ, вѣроятно изъ плотниковъ-механиковъ.

Къ вечеру перешли мы за аулъ и расположились на правой сторонѣ его на бивуакахъ, взявъ предосторожности противъ высоту съ лѣвой стороны, а часть войска осталась въ Кара-Кюрѣ, выставивъ резервъ на площади около мечети. На Аджіахурскихъ высотахъ, гдѣ проходила дорога, также осталось часть войскъ для безопаснаго слѣдованія вагенбурга.

На бивуакѣ я зашелъ къ брату, и какъ только сталъ рассказывать обо всемъ, что дѣлалъ, гдѣ былъ и что видѣлъ, вдругъ зашелъ къ намъ Р. К. Фрейтагъ и, увидѣвъ готовый самоваръ и чайникъ на немъ, спросилъ и себѣ чаю и рому. Подали то и другое. На вопросъ Роберта Карловича: «Ну что подѣлываешь?» братъ отвѣчалъ, что я рассказывалъ какъ вчера начудесили Тифлисы, и прибавилъ «а вы рассчитывали, что горцы перессорились, ослабѣютъ въ числѣ и по утра намъ придется развѣдываться съ однимъ Ахтынцами; а Тифлисы чуть ли не предупредили это.» По просьбѣ Фрейтага, я повторилъ ему рассказъ, но только совершенно умолчалъ о себѣ, что, не будучи ротнымъ командиромъ, повелъ роту, безъ приказанія начальства, не захотѣвъ отстать отъ товарищей и

щества, никогда не допускавшія къ себѣ ни одного Русскаго, не рѣшились уже мѣрять своихъ широкихъ булатныхъ кин-

ямогъ передовымъ ротамъ. Едва я досказалъ, какъ Робертъ Карловичъ вспрыгнулъ съ сундуковъ, на коихъ сидѣлъ, и бросился изъ палатки, вскрикнувъ: «Такъ вотъ какъ было! За что же Корпусный Командиръ благодарилъ больше всѣхъ командира 2-й карабинерной роты ш.-к. Грабовскаго; такъ значить онъ пришелъ къ вамъ, когда вы уже отдыхали на главномъ завалѣ, когда все было кончено вами; такъ князя Вахваковъ и Тумановъ виновники всему?» По уходѣ Фрейтага, братъ сталъ бранить меня, зачѣмъ я не сказалъ о себѣ ни слова. «Ну что за бѣда, — отвѣчалъ я, — вѣдь князя Вахваковъ и Тумановъ главные дѣйствительные, имъ и честь, а мнѣ и отъ солдатъ похвала, хорошая находка для переды. Это начало только экспедиціи; успѣю еще потѣшиться въ другой разъ; а кн. Вахваковъ 22 года служить и еще поручикъ и только 3-й степени Анну имѣеть, а я въ службѣ три года и 4-ю Анну получилъ за прошлогоднюю экспедицію, и всего-то прапорщикъ, съ позволенія сказать.»

Робертъ Карловичъ сообщилъ подробности объ Аджіахурскомъ боѣ Корпусному Командиру и на другой день, когда былъ обѣдъ у Евгенія Александровича, на которомъ находились генералы, штаб-офицеры, начальники отдѣльных частей и ротные командиры. Головинъ предложилъ тосты: первый, по обыкновенію, за здоровье Госулара, а второй за князей Вахвакова и Туманова и за Грабовскаго и выразилъ желаніе качать ихъ. — Бросились дѣлать это; а потомъ предложили и выпили за здоровье Корпуснаго Командира и также долго-долго качали его. Артиллерія дѣлала залпы; музыка всѣхъ полковъ гремѣла; нѣсенники пѣли и весь отрядъ кричалъ ура! — Не прошло и мѣсяца, кажется, когда мы были уже подъ Ахтами, при построеніи укрѣпленія, вышли награды по реляціи за Аджіахурскій штурмъ: шт.-кап. Грабовскій, поручикъ князь Вахваковъ и подпоручикъ князь Тумановъ — всѣ трои произведены въ слѣдующіе чины и получили по Георгіевскому кресту 4-й степени.

По окончаніи экспедиціи, въ общее представленіе отъ полковника Берзуля, принявшаго полкъ на походѣ, я помѣщенъ не былъ, но бригадный командиръ генералъ Круммель, знавшій всѣхъ офицеровъ очень хорошо, случайно узнавъ о представленіи, — ибо Берзуль отправлялъ бумагу прямо къ начальнику дивизіи, — нѣкоторыхъ изъ представляемыхъ вычеркнулъ, а другихъ вписалъ, — въ томъ числѣ и меня, — но не какъ отличившагося во всю экспедицію или на Аджіахурскомъ штурмѣ, а какъ хорошаго офицера. Въ слѣдствіе этого и я получилъ, въ числѣ прочихъ, орденъ Св. Станислава 3-й степени.

жаловъ съ Тульскимъ штыкомъ нашего солдата, и изъявили намѣреніе окончательно подчиниться Русскому Правительству.

Головинъ спѣшилъ воспользоваться побѣдою и, для обезпеченія своихъ сообщеній съ Дагестаномъ, приступилъ къ возведенію укрѣпленія въ занятой съ боя тѣснинѣ. Укрѣпленіе это, въ память подвига Тифлискаго егерскаго полка, наименовано, по Высочайшей волѣ, *Тифлискимъ*.

Вслѣдъ за тѣмъ, отрядъ двинулся далѣе вверхъ по рѣкѣ и, не встрѣчая уже препятствій, подобныхъ первой преградѣ, 5-го іюня занялъ, безъ выстрѣла, сильное селеніе Ахты, главное мѣсто всего края, жители котораго встрѣтили его съ просьбою о пощадѣ.

Въ Ахты спѣшили также старшины и почетные жители изъ всѣхъ окрестныхъ магаловъ, прося также о пощадѣ и изъявляя вновь безусловную покорность, которая, на этотъ

Послѣ штурма Аджіахурскихъ высотъ въ 1839 году была сочинена (разжалованнымъ) Зяблицимъ слѣдующая пѣсня:

Ужъ не волны ли морскія тамъ шумятъ?
То Лезгины на кровавый бой летятъ.
Ужъ не громъ ли на горѣ загрохоталъ?
То Тифлисы устремились на заваль.
Ой, жги, жги, говори:
То Тифлисы устремились на заваль.

Засвищѣли пули мѣткія кругомъ,
Закипѣла кровь младая въ ретивомъ.
По напрасну вы заняли Аджіахуръ;
Мы прогнали васъ изъ царства вьюгъ и бурь.
Ой, жги, жги, говори:
Мы прогнали васъ изъ царства вьюгъ и бурь.

Трепещите же вы, горцы, Богъ великъ!
И дымитесь вражей кровью Русскій штыкъ.
Бурей, вьюгой, съ громомъ, градомъ пролетитъ,
Саранчей поля, аулы истребитъ.
Ой, жги, жги, говори:
Саранчей поля, аулы истребитъ.

Съ нами слава и побѣды вѣрный сынъ,
И отецъ и Командиръ нашъ Головинъ.
Мы не рекруты, родимый! Ахъ не разъ
Трепеталъ ужъ передъ нами весь Кавказъ.
Ой, жги, жги, говори:
Трепеталъ ужъ передъ нами весь Кавказъ.

Дай же намъ еще подраться за Царя;
Мы и черта взять готовы на ура.

разъ, была искреннею, ибо горцы не видѣли уже никакой возможности не только далѣе противиться, но даже избѣгнуть строгаго наказанія, въ случаѣ малѣйшаго съ ихъ стороны упорства.

Вечеромъ 5-го же числа прибылъ въ Ахты отрядъ маіора Карганова, котораго провели по лѣвому берегу Самура жители, желавшіе этимъ заслужить себѣ прощеніе. На другой день прибылъ султанъ Елисуійскій, Даніель-Бекъ, усмирившій Рутульцевъ, и привезъ съ собою главнаго виновника возстанія Ага-Бека Рутульскаго.

Евгеній Александровичъ, понимая, что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, милосердіе приличнѣе всего побѣдителю, именемъ Государя Императора, даровалъ всѣмъ пощаду.

«Особенно важный успѣхъ экспедиціи противъ горныхъ обществъ Ахты и Рутула,—по мнѣнію Головина *), заключался въ томъ, что жители не подверглись разоренію, кромѣ одного селенія Кара-Кюри, которое наказано, какъ бывшее гнѣздо всѣхъ враждебныхъ противу Русскаго Правительства скопищъ. Всѣ жители прочихъ селеній, довольные сохраненіемъ всего своего имущества, скоро перешли изъ враждебнаго къ намъ расположенія въ совершенно мирное.»

Въ теченіе всего похода, съ 28-го мая по 7-е іюня, потеря наша состояла: убитыми изъ 2 рядовыхъ и 2 милиціонеровъ; ранеными—3 оберъ-офицеровъ, 23 нижнихъ чиновъ и 9 милиціонеровъ; контуженными и ушибенными—2 оберъ-офицеровъ и 45 нижнихъ чиновъ.

Оставалось только утвердить владычество наше въ странѣ на прочныхъ основаніяхъ, чтобы навсегда лишить горцевъ средствъ и даже надежды къ безнаказанному нарушенію повиновенія.

Для этого 11-го іюня Головинъ заложилъ сильное укрѣпленіе у селенія Ахты, названное *Ахтынскимъ*, которое, волюнѣ господствуя надъ селеніемъ и надъ переправою чрезъ Самуръ, составляло вѣрное ручательство въ повиновеніи Ахтынцевъ. Евгеній Александровичъ лично назначилъ точки для разбитія укрѣпленія; а сами жители помогали солдатамъ въ работѣ, давая своихъ каменщиковъ и доста-

*) Въ упомянутомъ рукописномъ «Отрывкѣ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1839 году».

вляя дерево изъ собственныхъ своихъ запасовъ, за что получили плату чистыми деньгами.

Вообще пребываніе отряда въ Ахтахъ было мирно, походило болѣе на стоянку у себя дома, чѣмъ между полудикими горцами, едва только покоренными силою оружія. Главная квартира, т. е. Головинъ съ его штабомъ, расположена была лагеремъ на отлогомъ скатѣ горъ, въ разстояніи не болѣе версты отъ берега Самура, въ садахъ, принадлежащихъ жителямъ Ахты. Въ отрядѣ не было ни въ чемъ недостатка: солдаты подъ тѣнію фруктовыхъ деревьевъ, осѣнявшихъ палатки, на отдыхѣ, на свободѣ, веселились по-своему и постепенно сближались съ дикими Лезгинами. Жители Ахты и окрестныхъ деревень, хотя сначала и очень дико смотрѣли на незваныхъ пришельцевъ, но мало-по-малу свыкаясь, начали ходить въ нашъ лагерь и, какъ къ старымъ своимъ знакомымъ, носили разныя вещи и съѣстные припасы на продажу; этого мало: тамошніе удалцы, плясуны поставили въ нашемъ лагерѣ шесты, натянули канаты и плясали на немъ. Надобно сказать, что жители Ахты и соседственнаго имъ аула Мискенджи великіе мастера этого дѣла; они-то и отличались ежедневно у нашихъ въ лагерѣ на канатѣ: ихъ искусныя прыжки всякой разъ привлекали множество любопытныхъ жителей и нашихъ солдатъ, которые не любятъ пропускать случая, гдѣ можно повеселиться.

Однимъ словомъ, на берегу Самура, предъ тѣмъ недоступномъ намъ и слишкомъ враждебномъ, отрядъ жилъ какъ въ матушкѣ Россіи, мирно, спокойно, весело. Въ этомъ мирѣ и спокойствіи войска дождались 25-го іюня, тогда всерадостный для Отечества день рожденія Незабвеннаго Владыки. Съ веселыми лицами, — говоритъ одинъ изъ участниковъ похода, — въ этотъ день всѣ въ отрядѣ встрѣчали другъ друга, желая отъ всей души долгоденствія общему Отцу и Покровителю, великому Монарху, и отпраздновали великаторжественный день достойнымъ образомъ **).

*) Г. Десмонъ въ статьѣ «Лагерь на Самурѣ, при с. Ахты, 25-го іюня 1839 года», помѣщенной въ *Съверной Пчелѣ*, 1840, № 45.

**) Приведемъ описаніе этого праздника, какъ одно изъ свидѣтельствъ умѣнья Евгенія Александровича дѣйствовать на массы

« Кто бы могъ подумать за мѣсяць предъ симъ, — пишетъ въ заключеніе тотъ же очевидецъ, — описывая торжество, что отрядъ Русскихъ войскъ на берегу Самура, въ непріязненномъ, буйномъ жилищѣ своевольныхъ Лезгинъ, будетъ мирно и весело праздновать день рожденія своего Монарха! Съ полною вѣрою на благословеніе Всевышняго шель нашъ отрядъ на покореніе возмутителей покоя, и Богъ услышалъ наши теплыя молитвы, возсылаемыя къ Нему о дарованіи побѣды нашему доброму командиру надъ врагами. Онъ увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ его благоразумныя распоряже-

своихъ войскъ и враговъ, какъ доказательство сейчасъ сказаннаго о характерѣ пребыванія отряда въ только-что завоеванной странѣ и объ отношеніяхъ побѣдителей къ побѣжденнымъ.

Въ половинѣ десятаго утрома Головинъ со всѣмъ своимъ штабомъ, сопровождаемый многочисленною свитою, составленною изъ почетнаго конвоя Грузинскихъ князей, линейныхъ казаковъ, Курдовъ и старшинъ, бывшихъ въ милиціяхъ разныхъ Татарскихъ дистанцій, отправился въ лагерь главнаго отряда, расположенный въ верстѣ отъ главной квартирѣ. Тамъ храбрые Кавказскіе солдаты ожидали своего главнаго начальника, чтобы всѣмъ вмѣстѣ помолиться Господу Богу за здравіе Царя. По окончаніи молебствія пропѣто многолѣтіе Его Величеству и Августѣйшему Дому; изъ орудій сдѣланъ былъ 101 выстрѣлъ.

Въ три часа по полудни приглашены были къ обѣду Корпуснаго Командира всѣ генералы, штабъ-офицеры, ротные командиры отряда, и всѣ нижніе чины, имѣвшіе знаки отличія военнаго ордена. Для генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ столъ былъ накрытъ въ двухъ большихъ палаткахъ; нижніе чины были помѣщены возлѣ палатки, гдѣ сидѣлъ Головинъ, за земляными, нарочно для этого устроенными, столами. Въ заключеніе обѣда, при громкихъ отъ души изливавшихся крикахъ ура! пили за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всей Августѣйшей Семьи. Въ продолженіи обѣда играла музыка Тифлискаго егерскаго полка, и пѣсенники, разставленные въ разныхъ мѣстахъ, оглашали воздухъ Русскими пѣснями. Толпы жителей аула Ахты, всѣхъ возрастовъ, привлеченные любопытствомъ, стоя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ обѣдавшихъ, въ безмолвіи смотрѣли на веселіе и радость своихъ побѣдителей.

По окончаніи обѣда, Евгений Александровичъ, выйдя изъ палатки со всѣми съ нимъ обѣдавшими, подошелъ къ столу Георгіевскихъ кавалеровъ, на лицахъ которыхъ изображалась непритворная радость за доброе вниманіе къ нимъ заботливаго главнаго начальника, и сказалъ: «Храбрые товарищи! да здравствуетъ нашъ Великій

нія; Онъ благословилъ храбрыхъ, которыхъ нашъ смѣлый, неустрашимый начальникъ велъ на многотрудный подвигъ. — Великъ Богъ Русскихъ! Русскій, укрѣпленный всегда чистою вѣрою въ промыслъ Всемогущаго, полной, неисчерпаемой любви и преданности къ своему Государю, не знаетъ невозможнаго. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ, говоритъ Русскій солдатъ, и раннею зарею и съ закатомъ солнца.»

Дѣйствительно, когда на берегу Самура, подъ походною палаткою, изливались эти чувства, тогда на берегу Невы, въ

Государь!» — Громкое, радостное, родное для сердца Русскаго ура! огласило воздухъ. «Всѣ были веселы, довольны, — говоритъ г. Десяионъ, — при мысли, что нашъ Батюшка, Отецъ Бѣлый Царь будетъ доволенъ усердіемъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, готовыхъ для него въ огонь и воду.»

Послѣ обѣда, отъ пяти часовъ до самыхъ сумерекъ, веселье въ лагерѣ не прекращалось; три плясуна, при звукахъ своей народной музыки, нескладной, рѣзкой и непріятной для непривычнаго къ ней уха, попеременно смѣняли одинъ другаго, забавляли и смѣшили зрителей своими прыжками и разными фарсами на канатѣ; толпы собравшихся жителей мало по малу приблизились къ Русскимъ и, наконецъ, составили общую группу веселящихся; тутъ въ тѣсномъ кружкѣ попеременно плясали пародную пляску, лезгинку, то наши Грузины, то Татары, то самые жители.

Весело было сердцу Русскому видѣть общее веселіе вѣрноподанныхъ своего Царя и дикихъ Лезгинъ, не за долго до того точившихъ на нихъ свои кинжалы, а теперь беззаботно плясавшихъ вмѣстѣ съ ними, на ихъ ладъ.

Замѣчательнѣе всего, что Ахтынскіе жители привели съ собою множество дѣтей, мальчиковъ, которые также кружились и плясали вмѣстѣ съ другими. Это замѣчательнѣе тѣмъ, что, по ихъ обычаю, дозволить своимъ дѣтямъ участвовать въ какихъ либо общественныхъ забавахъ другаго народа, а тѣмъ болѣе имъ разнорѣчнаго, есть знакъ величайшей довѣренности.

Во все продолженіе этихъ забавъ, музыка и пѣсни не умолкали до самыхъ сумерекъ. Только съ наступленіемъ вечера, когда взвилась ракета, разрѣзывая огненною полоскою воздухъ, и эхо заревой пушки отдалось въ горахъ безчисленнымъ раскатомъ, тогда, по пробитіи зари, съ надлежащею церемоніею, послѣ вечерней молитвы, всѣ веселившіеся мало по малу разошлись, въ ожиданіи снова наступленія подобнаго дня веселія, непритворной радости для каждаго истинно Русскаго.

чертогахъ Царскихъ оправдывалось вѣрованіе народа: въ эти самые дни Незабвенный Державный Вождь нашъ благодарилъ командира и войска за ихъ подвигъ.

Высочайшимъ приказомъ 24-го іюня, Государь Императоръ объявилъ особенную Свою признательность Головину, и совершенное Монаршее благоволеніе всему отряду, подъ его начальствомъ дѣйствовавшему, *за пораженіе, 30-го мая, скопищъ, въ Южномъ Дагестанѣ возмущившихся*; нижнимъ же чинамъ, въ этомъ отрядѣ бывшимъ, Его Императорское Величество пожаловалъ по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ вина на человѣка; а Высочайшимъ праказомъ 1-го іюля, Евгенийъ Александровичъ *за отличіе* произведенъ въ генералы отъ инфантеріи и Государь Императоръ объявилъ Монаршую Свою признательность какъ ему, такъ и всему отряду, подъ начальствомъ его дѣйствовавшему, *за пораженіе непокорныхъ Лезгинъ при Аджіахуртѣ, и за мужественное преодоленіе всѣхъ бывшихъ къ сему мѣстныхъ препятствій.*

Пробывъ подъ Ахтами болѣе мѣсяца, въ теченіи котораго сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для управленія покоренными обществами, и предоставивъ окончательную постройку укрѣпленій, возведенныхъ уже до верху, генералу Фези, самъ Евгенийъ Александровичъ 15-го іюля двинулся, съ частію отряда и легкою артиллеріею въ обратный походъ и возвратился въ Тифлисъ кратчайшимъ уже путемъ, по вновь проложенной дорогѣ на Рутуль, Гельмицъ и Элису, совершивъ переходъ съ 16-го по 25-е іюля не безъ затрудненій, по причинѣ весьма крутыхъ спусковъ и подъемовъ.

Отрядъ генералъ-маіора Симборскаго, назначенный, какъ сказали, дѣйствовать со стороны Нухи, для развлеченія силъ непріятельскихъ, исполняя повелѣніе, вторгнулся въ горы; но какъ главный отрядъ долженъ былъ начать свои дѣйствія двумя днями позже, то Лезгины въ значительномъ числѣ окружили Симборскаго и стали сильно тѣснить. Перестрѣлка не утихала ни днемъ, ни ночью; Лезгины каждый день нѣсколько разъ бросались въ шашки, но были отражаемы штыками. Ожесточеніе горцевъ равнялось примѣрной храбрости нашихъ войскъ, которыя въ этомъ дѣлѣ, какъ свидѣ-

тельствуешь Головинъ *), достойно поддержали свою славу. Сражаясь на вершинахъ Кавказа, за нѣсколько дней предъ тѣмъ покрытыхъ снѣгомъ, безъ палатокъ, отрѣзанныя отъ Нухи, въ мѣстахъ съ трудомъ проходимыхъ, они не уступили превосходной силѣ непріятеля, и держались до тѣхъ поръ, пока Ахтынцы и Рутульцы не были покорены главными силами. Тогда отрядъ возвратился безпрепятственно, потерявъ нѣсколько людей при схваткахъ съ горцами. Это движеніе привело пользу тѣмъ, что оттянуло въ некоторую часть силъ непріятельскихъ отъ Головина. Селенія Борчь и Хновъ, наиболѣ виновныя въ уронѣ, повесенномъ Симборскимъ, наказаны были при слѣдованіи части главнаго отряда въ Элусу.

Такимъ образомъ, кратковременнымъ, но успѣшнымъ походомъ Самурскаго отряда предположенная цѣль была вполне достигнута, почти безъ всякой потери; владычество наше въ Южномъ Дагестанѣ утверждено на прочныхъ основаніяхъ и дальнѣйшія съ этой стороны успѣхи обезпечены самымъ надежнѣйшимъ образомъ, что вскорѣ, какъ увидимъ далѣе, и оправдалось важными послѣдствіями.

«Но не столь рѣшительны и успѣшны, говоритъ Головинъ **), были дѣйствія Чеченскаго отряда въ Сѣверномъ Дагестанѣ.»

*) Донесеніе Головина на имя Военнаго Министра, отъ 3-го іюля 1839 г., за № 712.

**) Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ, стр. 32.

Мы уже сказали, что въ изложеніи военныхъ дѣйствій на Кавказѣ съ 1838 по 1842 г., по желанію Головина, придерживаемся буквально показаніямъ этого Очерка, желая сохранить взглядъ Евгенія Александровича на дѣла, происходившія въ его управленіе. Но многіе, столь же достойные цѣнители, находятъ изложеніе дѣйствій генераль-адъютанта Граббе, сдѣланное Головинымъ, слишкомъ рѣзкимъ. Не имѣя возможности приводить здѣсь всѣ такія возраженія, общаеми сдѣлать это, когда будемъ имѣть честь представить жизнеописаніе самого генераль-адъютанта Граббе.

Между тѣмъ, въ настоящемъ трудѣ, не можемъ не привести въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ нѣсколько отзывовъ объ этой экспедиціи полковника (нынѣ генераль-лейтенантъ) Милютина, помѣщенныхъ въ его «Описаніи военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ» (Сиб., 1850), какъ свидѣтельство одного изъ просвѣщеннѣйшихъ участниковъ похода, а равно и отзывъ о дѣйствіяхъ

Чеченскій отрядъ, главною цѣлю дѣйствій котораго было, по истребленіи Ахульго, утвердиться на Андійскомъ Койсу, не могъ прямо приступить къ исполненію своего назначенія,

генераль-адъютанта Граббе самого въ Бозѣ почивающаго Государя Императора.

Во введеніи къ своему описанію, Д. А. Милютинъ характеризуетъ экспедицію слѣдующимъ образомъ: «Къ числу замѣчательнѣйшихъ подвиговъ Русскихъ войскъ на Кавказѣ, безспорно, принадлежатъ военныя дѣйствія 1839 года въ Дагестанѣ: въ южномъ — подъ начальствомъ корпуснаго командира, генерала отъ инфантеріи Головина, а въ сѣверномъ — генераль-адъютанта Граббе. Если первыя замѣчательны по важнымъ своимъ послѣдствіямъ, то послѣднія заслуживаютъ особеннаго вниманія: они происходили въ такихъ частяхъ края, куда до того времени еще никогда Русское оружіе не проникало; они сопряжены были съ такими затрудненіями естественными и съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ со стороны непріятеля, какія прежде едва ли встрѣчались; а потому и успѣхи Русскихъ войскъ никогда, быть можетъ, не стоили прежде столькихъ пожертвованій.

«Но тѣмъ болѣе чести приносятъ эти успѣхи войскамъ, которыя, въ продолженіе болѣе четырехъ мѣсяцевъ, съ истиннымъ мужествомъ и непоколебимою твердостью переносили всѣ тягости и лишения труднаго похода въ скалистыхъ и безплодныхъ горахъ, преодолевали затрудненія, на каждомъ шагѣ имъ встрѣчавшіяся, и вездѣ геройски дрались, гдѣ только непріятель осмѣливался оказать сопротивленіе. Ни многочисленность горцевъ, ни воинственность ихъ, возбужденная фанатизмомъ религіознымъ, ни самая неприступность укрѣпленныхъ позицій, — ничто не въ силахъ было остановить успѣха Русскаго отряда на пути, ему предназначанномъ. Положительно можно сказать, что никогда въ теченіе одной кампаніи не приходилось однимъ и тѣмъ же войскамъ столько разъ испытывать счастье отважныхъ штурмовъ на сильныя позиціи непріятельскія. Для Кавказскихъ войскъ казалось не было ничего невозможнаго!

«Такимъ образомъ, дѣйствія 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ замѣчательны уже потому, что представляютъ цѣлый рядъ такихъ подвиговъ воинскихъ, которыя грѣшно было бы оставлять въ забвеніи. Мнѣнія могутъ быть различны въ томъ, какое значеніе экспедиція эта будетъ имѣть вообще въ исторіи Кавказскаго края; но безъ сомнѣнія всѣ, принимавшіе въ ней участіе, единогласно признаютъ, что собственно въ исторіи Русскаго войска она составляетъ одну изъ блистательныхъ страницъ.

«Кромѣ того, дѣйствія въ продолженіи девятиднѣльной осады Ахульго представляютъ въ отношеніи техническомъ нѣчто совершенно особенное въ военномъ искусствѣ....»

Д. БОСОВЪ
1858г.

Усадь Понковича Новоселова.

Печ. И. Корсакинъ.

ВЗЯТІЕ УКРѢПЛЕННОЙ АДЖАХУРСКОЙ ПОЗИЦІИ ВЪ САМУРСКОМЪ ОКРУГѢ НА КАВКАЗѢ,

ВЕЧЕРОМЪ 30, МАЯ 1839 ГОДА.

ибо одинъ изъ ревностѣйшихъ сообщниковъ Шамиля, мулла Ташавъ-Хаджи, для развлеченія вниманія и силъ нашихъ, готовился къ большимъ набѣгамъ на Линію. По этому генералъ Граббе призналъ необходимымъ, прежде чѣмъ углубится въ Гумбетовскія горы, разсѣять партію Ташавъ-Хаджи и сдѣлать изъ Внезапной движеніе въ землю Ичкеринцевъ. Послѣ разныхъ довольно упорныхъ встрѣчъ съ горцами, здѣсь было истреблено нѣсколько селеній, и въ томъ числѣ небольшое укрѣпленіе, устроенное среди дремучаго лѣса *).

Возвратившись изъ этаго похода въ Внезапную, Граббе, въ концѣ мая, двинулся къ Чиркату **).

*) «Шестидневный этотъ походъ въ землю Ичкеринцевъ, — говоритъ Д. А. Милютинъ (стр. 43—44), — исполненный съ быстротою, съ энергіею и безъ сильной потери въ людяхъ, вполне достигъ предполагаемой цѣли. Изгнанный изъ обоехъ укрѣпленій своихъ при Ахметъ-Тала и при Саясани, преслѣдуемый всеобщимъ негодованіемъ, Ташавъ-Хаджи бѣжалъ въ Беной, куда прибылъ на другой же день (14-го мая) Авдійскій Кадій Галбацъ съ партіею Лезгинъ. Галбацъ упрекалъ Чеченскаго мюрида въ малодушіи, и видя, что дѣло уже кончено въ Ичкеріи, возвратился въ Анди. Съ своей стороны Ташавъ-Хаджи жаловался на Ичкеринцевъ, будто бы неохотно поддерживавшихъ его противъ Русскихъ. Послѣ пораженія при Ахметъ-Талѣ и Саясани, число приверженцевъ его еще уменьшилось: влияние его на горцевъ поколебалось. Многіе аулы, видя судьбу, постигшую сосѣдей на пути Русскаго отряда, явно отложились отъ партіи возмутителя и на прокламацію генерала Граббе отвѣчали изъявленіемъ готовности покориться Русскому Правительству. Съ истребленіемъ ближайшихъ къ плоскости Ичкеринскихъ селеній, служившихъ пристанищемъ и сборнымъ пунктомъ скопишамъ горцевъ, покорныя намъ племена и самая Линія были на вѣкоторое время предохранены отъ ихъ набѣговъ. Это дало возможность отряду генерала Граббе исполнить предполагаемое наступательное движеніе въ Сѣверный Дагестанъ, не опасаясь уже за свой тылъ.»

**) Чтобы нанести рѣшительный ударъ Шамилю въ Ахульго, можно было достигнуть этой цѣли двумя разными путями: или со стороны Темиръ-Ханъ-Шуры черезъ Аварію и Койсубу, или со стороны Внезапной черезъ Салатау и Гумбетъ. Если бъ вся цѣль экспедиціи исключительно состояла въ томъ, чтобъ взять и разрушить самое Ахульго, то первый изъ означенныхъ путей былъ бы конечно самымъ короткимъ и легкимъ. Но Граббе избралъ второй путь, —

Чиркей и нѣкоторые другіе аулы Салатавскаго общества не принимали еще тогда никакого участія въ непріязненныхъ противъ насъ дѣйствіяхъ; но Бартунай и Алмакъ открыто присоединились къ Шамилю. При первой изъ этихъ деревень отрядъ былъ встрѣченъ 4000 скопищемъ горцевъ, разсѣялъ его и занялъ хребетъ Саукъ-Булакъ. Это были передовыя толпы Шамиля; самъ же онъ, съ главнымъ своимъ скопищемъ, ожидалъ Русскихъ въ Гумбетѣ, у селенія Аргуани, на спуску къ Авдійскому Койсу. Окрестности этого пункта, мало доступныя по естественнымъ преградамъ, были, сверхъ

пролежавшей, на протяженіи около 80 верстъ, постоянно по землѣ враждебныхъ племенъ, и мѣстностію самую трудною для наступательнаго движенія, самую благоприятною для упорной обороны со стороны горцевъ.

«Выборъ этотъ рѣшенъ былъ, — говоритъ Д. А. Милютинъ (стр. 46—47), — на основаніи весьма важныхъ соображеній:

«Взятіе Ахульго могло быть только послѣднимъ, конечнымъ ударомъ владычеству Шамиля; но чтобъ достигнуть этой окончательной побѣды — необходимо было, такъ сказать, подготовить и облегчить ее нанесеніемъ пораженія горцамъ вездѣ, гдѣ только можно было встрѣтить ихъ скопища. Какъ бы ни были, по всѣмъ вѣроятіямъ, кровопролитны эти встрѣчи, какъ бы ни дорого обошлись онѣ нашимъ войскамъ, — только подобными успѣхами и можно было произвести нравственное влияние на умы горцевъ, поколебать довѣріе ихъ къ силѣ и непобѣдимости Шамиля, и тѣмъ разрушить основанія его могущества въ горахъ. Лишившись содѣйствія обществъ Дагестанскихъ лѣвой стороны Авдійскаго Койсу, Шамиль не могъ бы держаться и въ Ахульго; напротивъ того, еслибъ Русскій отрядъ подступилъ къ этому укрѣпленному притону его прямо со стороны Аваріи, то у Шамиля оставались бы въ тылу всѣ тѣ племена, которыя составляли главную опору его силы и которыя утвердились бы въ своемъ убѣжденіи, что Русскіе не смѣютъ проникнуть въ ихъ неприступныя горы.

«И такъ, прежде чѣмъ подступать къ Ахульго — послѣднему предмету дѣйствій, слѣдовало не избѣгать, а напротивъ того искать встрѣчи съ горцами.

«При томъ нанесеніе пораженія непріятелю именно въ Салатау и Гумбетъ имѣло бы и результаты непосредственныя: безопасность и спокойствіе на Линіи, на Кумыкской плоскости и въ шамхальствѣ Тарковскомъ совершенно зависятъ отъ покорности этихъ ближайшихъ племенъ Дагестанскихъ.

«На этихъ общихъ соображеніяхъ основанъ былъ весь планъ предпринятой генераломъ Граббе экспедиціи.»

того, усилены искусственными средствами. Прибывъ туда, 30-го мая, отрядъ увидѣлъ себя въ весьма затруднительномъ положеніи: надлежало, не взирая ни на какія потери, овладѣть непріятельскою позиціею, потому что обратное движеніе на горы, коихъ вершины заняты были толпами горцевъ, сдѣлалось уже невозможнымъ *).

Первая атака, предпринятая 30-го мая, была неудачна и стоила намъ много людей **); въ реляціи генерала Граббе покушеніе это названо только рекогносцировкой ***). Съ разсвѣтомъ 31-го мая войска снова пошли на приступъ съ трехъ сторонъ и овладѣли башнями и завалами. Этотъ двухдневный, впрочемъ *блмстательный* бой стоитъ намъ убитыми и ранеными 635 человекъ ****). Шамиль бѣжалъ еще при началѣ приступа и, съ 800 человекъ изъ надежнѣйшихъ своихъ приверженцевъ, заперся на скалѣ Ахульго.

*) «Еслибъ Русскій отрядъ дѣйствительно встрѣтилъ неодолимое сопротивленіе отъ укрѣпленнаго селенія (т. е. Аргуани), обороняемаго отчаянными мюридами, то былъ бы поставленъ въ затруднительное положеніе, имѣя въ тылу трудное дефиле. Такимъ образомъ успѣхъ всей экспедиціи зависѣлъ отъ успѣшнаго штурма Аргуани». Д. А. Милютинъ, стр. 57.

***) Очеркъ, стр. 33.

****) Въ описаніи Д. А. Милютина (стр. 57—60) эта атака также названа рекогносцировкой и прибавлено, что она «дала возможность составить новую диспозицію сообразно съ мѣстоположеніемъ и вѣрнѣе расчитать успѣхъ предпріятія.»

****) Очеркъ, стр. 33. — «Бой подъ Аргуанью—пишетъ Д. А. Милютинъ (стр. 64—65) — продолжался почти непрерывно съ 4-хъ часовъ вечера 30-го мая, до разсвѣта 1-го іюня. Соображая всѣ затрудненія, которыя войска должны были преодолевать въ теченіи полутора сутокъ, нельзя не удивляться, что потеря съ нашей стороны не превышала 146 убитыхъ (въ томъ числѣ 6 офицеровъ) и 500 раненыхъ (въ томъ числѣ 30 офицеровъ). Непрѣтелю, напротивъ того, нанесено сильное пораженіе: на мѣстѣ осталось въ нашихъ рукахъ до 500 труповъ, изъ коихъ болѣе 300 въ одной балкѣ, гдѣ кавалерія атаковала бѣжавшихъ горцевъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ впоследствии, убито и ранено между горцами до 2000 человекъ, такъ что изъ иныхъ селеній ни одинъ человекъ не вернулся домой.»

За это дѣло генераль-лейтенантъ Граббе назначенъ генераль-адъютантомъ; генераль-маіоръ Галафѣевъ, полковники Пулло и Лабинцовъ—пропозведены въ слѣдующіе чины.

. Послѣ необходимаго отдохновенія и освѣженія продовольствіемъ, отрядъ спустился къ Чиркату и 5-го іюня, безъ всякаго сопротивленія, занялъ эту деревню.

Вслѣдъ за тѣмъ Граббе, устроивъ мостъ черезъ Андійское Койсу, перешелъ съ лѣваго берега рѣки на правый. «Генераль Граббе, — говоритъ Головинъ *), — сдѣлалъ при этомъ случаѣ важную ошибку, не оставивъ за собою переправы, ибо чрезъ то далъ осажденнымъ на скалѣ Ахульго средство имѣть сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ рѣки, а у себя отнялъ возможность довершить обложеніе вполне **).

Скоро, однакожъ, убѣдился Граббе въ трудности овладѣть послѣднимъ убѣжищемъ Шамиля, тѣмъ болѣе, что отрядъ его уже потерпѣлъ въ предшествовавшихъ дѣлахъ значительную потерю въ людяхъ; но отступить, не овладѣвъ вертевомъ возмутителя, значило бы потерять плоды дорого купленныхъ успѣховъ ***).

По счастью, скорое окончаніе экспедиціи самимъ Головинымъ дало возможность облегчить дѣйствія Чеченскаго отряда.

Граббе отправилъ къ корпусному командиру сына послѣдняго, тогда Кавказскаго сапернаго батальона подпоручика, — въ послѣдствіи адъютанта Государя Наслѣдника Це-

*) Очеркъ, стр. 34.

***) О всемъ совершенномъ до начала осады Ахульго Д. А. Милютинъ (стр. 71) отзывался такъ: «Въ три недѣли со времени выступленія изъ крѣпости Внезапной, отрядъ генерала Граббе прошелъ болѣе 80-ти верстъ по самой трудной мѣстности, разработалъ вновь дорогу на протяженіи болѣе 30 верстъ; нанесъ два рѣшительныхъ пораженія скопищу Шамиля, истребилъ 5 мятежныхъ Салатавскихъ и Гумбетовскихъ селеній (Буртунай, Артлугъ, Данухъ, Аргуанъ и Чиркатъ) и наконецъ подступилъ къ послѣднему убѣжищу Шамиля.»

****) Очеркъ, стр. 34. — «Еслибъ Русскія войска не могли взять Ахульго и принуждены были отъ него отступить, то подобная неудача имѣла бы самое вредное для насъ вліяніе нравственное въ цѣломъ краѣ. Горцы, не смотря на всѣ пораженія, уже нанесенныя имъ, окончательно убѣдились бы въ безсиліи нашемъ противъ Шамиля и тогда владычество его въ горахъ не только не было бы ослаблено, а напротивъ того утвердилось бы прочнѣе чѣмъ когда нибудь.» Д. А. Милютинъ, стр. 75.

саревича, — съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, просилъ о присылкѣ ему, если можно, подкрѣпленія изъ 4-хъ баталіоновъ съ 4-мя легкими или горными орудіями.

Подпоручикъ Головинъ, взявъ кратчайшій путь чрезъ Акушу на Кази-Кумыкъ, въ сопровожденіи однихъ Татаръ, прибылъ 23-го іюня, отъ береговъ Андійскаго Койсу на 4-й день, въ Ахты, гдѣ находился тогда Евгенийъ Александровичъ, сдѣлавъ верхомъ болѣе 200 верстъ горными степями.

Хотя Самурскій отрядъ въ это время уже и достигнулъ главнѣйшей цѣли своего назначенія, но ему предстояли еще большія работы по возведенію Ахтынскаго и Тифлискаго укрѣпленій и по проложенію сообщеній чрезъ Сяѣговой хребетъ къ Елису. Однако Евгенийъ Александровичъ, по письму Граббе, немедленно отправилъ къ нему въ подкрѣпленіе три баталіона князя Варшавскаго полка, съ двумя легкими и двумя горными орудіями, подъ командою полковника барона Врангеля, а также предписалъ обратить подъ Ахульго всѣ военные и продовольственные запасы, оставшіеся излишними отъ заготовленія для Самурскаго отряда *).

Это усиленіе войсками и средствами поставило генерала Граббе въ возможность стѣснить обложеніе Ахульго и, употребивъ сначала нѣкоторые способы правильной атаки, принять штурмъ всего вертепа.

Первые приступы были неудачны, и — по мнѣнію Головина **) — можно сказать преждевременны **). По прибытіи

*) Рукописный «Отрывокъ».

**) Очеркъ, стр. 35.

***) О штурмѣ Сурхаевой башни, чрезвычайно затруднявшей всѣ дѣйствія и самое расположеніе блокировавшихся войскъ, предпринятомъ 29-го іюня, Д. А. Милютинъ (стр. 91—94) отзывается въ слѣдующихъ словахъ:

«Это былъ такой передовой постъ непріятельской позиціи, котормъ во всякомъ случаѣ необходимо было сначала овладѣть, прежде чѣмъ предпринять что либо рѣшительное противъ главныхъ укрѣпленій (новаго и стараго Ахульго). Но вести противъ Сурхаевой башни осадныя работы не было никакой возможности: начальникъ отряда рѣшился овладѣть ею штурмомъ..... Но препятствія были непреодолимы и всѣ усилія остались тщетными..... Бой, про-

къ отряду подкрѣпленія изъ-подъ Ахтовъ, Граббе, вмѣсто того, чтобъ овладѣть лѣвымъ берегомъ Сулака, черезъ возстановленіе моста, и отнять у непріятеля сообщеніе съ тою стороною, какъ самъ прежде предполагалъ, употребилъ прибывшія войска для штурмованія 16-го іюля отвѣсной скалы, на которую штурмовавшіе должны были взбираться по одной только тропѣ, по одному и по два человѣка въ рядъ. Предпріятіе это, будучи основано на одной только надеждѣ имѣть удачу какимъ нибудь нечаяннымъ случаемъ *), обратилось въ полное торжество для непріятеля, и отдалило взятіе Ахульго на цѣлый мѣсяць **).

должавшійся цѣлый день, остался безъ успѣха и стоить намъ свыше 300 человѣкъ потери, въ томъ числѣ убитыхъ 2 офицера и 34 солдата. Тѣмъ не менѣе надобно отдать полную справедливость истинно геройскому мужеству войска. — Впрочемъ этотъ штурмъ не совсемъ былъ и безъ результатовъ: Шамиль лишился въ этотъ день самого ревностнѣйшаго и способнаго помощника своего Али-Бека, умершаго отъ тяжелой раны; кромѣ него въ Сурхаевой башнѣ перебито большое число самыхъ отчаянныхъ мюридовъ. Наконецъ эта неудачная попытка послужила указаніемъ для другаго раза: штурмъ открытою силою оказался совершенно невозможнымъ; единственная надежда оставалась на разрушительное дѣйствіе артиллеріи, и преимущественно съ восточной стороны.»

*) «Окрестности скалы Ахульго и тропы, ведущія на ея вершину, предварительно не были хорошо осматрѣны: генералъ Граббе самъ не принялъ на себя этого труда, а предоставилъ распоряженіе исправляющему при отрядѣ должность начальника штаба, полковнику Пуллѣ, который, съ своей стороны, также не занялся подробною рекогносцировкой этой необыкновенно трудной мѣстности.» *Головинъ, Очеркъ, стр. 35.*

**) Очеркъ, стр. 35. — «Предпріятіе это, — пишетъ Д. А. Милютинъ (стр. 100—101), — конечно было отважно, за успѣхъ ругаться было нельзя; но войска, утомленные однообразною блокадою и тяжелыми работами, жаждали покончить дѣло рѣшительнымъ боемъ. При томъ надобно было думать, что и непріятель, въ продолженіи столь долгаго времени заключенный на своемъ раскаленномъ утесѣ, въ душныхъ подземельяхъ и пещерахъ, изнуренный крайними лишениями и постоянною опасностью среди атмосферы зараженной гниющими трупами, — не могъ быть многочисленъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не въ состояніи уже былъ защищаться съ большимъ упорствомъ. Лазутчики говорили, что жители Ахульго пришли въ совершенное уныніе, и даже, что самъ Шамиль намѣренъ

эта заставила, наконецъ, Граббе сдѣлать то, — говоритъ Головинъ *), — съ чего ему начать бы слѣдовало, а именно: устроить мостъ чрезъ Койсу и отнять у осажденныхъ сообщеніе съ противнымъ берегомъ. — Стѣсненные, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ и доведенные до крайности приверженцы Шамиля вступили въ переговоры, которые, однакожъ, ни къ чему не привели. Наконецъ, послѣ 76 дневнаго обложенія, скала Ахульго взята приступомъ, съ новою огромною потерей въ людяхъ. Именно, отъ начала обложенія до взятія Ахульго вышло изъ строя всего 140 штабъ и оберъ-офицеровъ, и около 2300 человекъ нижнихъ чиновъ. Въ томъ числѣ убитыхъ; 3 штабъ-офицера, 22 оберъ-офицера и 487 нижнихъ чиновъ **). Всѣ защитники ея истреблены, или захвачены въ плѣнъ; но Шамиль, съ небольшимъ числомъ

былъ оставить это печальное убѣжище. По другимъ же показаніямъ, онъ надѣялся получить новыя подкрѣпленія изъ верхнихъ Лезгинскихъ обществъ и ожидалъ подвоза запасовъ. — Всѣ эти обстоятельства побудили начальника отряда не откладывать далѣе штурма.»

*) Очеркъ, стр. 35.

**) Очеркъ, стр. 36. — «Блокада и осада Ахульго, — пишетъ Д. А. Милютинъ (стр. 123—124), — въ продолженіе 11 недѣль (80 дней), съ 12-го юня по 30-го августа, стоила довольно дорого войскамъ. Кромѣ обыкновенной убыли отъ болѣзней и другихъ причинъ, отрядъ лишился до 500 человекъ убитыхъ, 1722 раненыхъ и 694 контуженныхъ; въ этомъ числѣ вышло изъ строя 117 офицеровъ (23 убитыхъ, 91 раненыхъ и 33 контуженныхъ). Но потеря эта несколько не покажется удивительною для того, кто внимательно слѣдилъ за всѣми затрудненіями, которыя войска должны были преодолевать на каждомъ шагу, чтобы наконецъ овладѣть неприступнымъ убѣжищемъ Шамиля. Съ другой стороны, самая цѣль и результаты оправдываютъ значительность жертвованія. Соображенія, побудившія предпринять экспедицію въ самыя недоступныя части Дагестана, уже были изложены въ своемъ мѣстѣ. Разрушеніе крѣпкаго убѣжища Шамиля представлялось цѣлью довольно важною для такого предпріятія. Когда же предпріятіе это было рѣшено и отрядъ, послѣ успѣшнаго, можно сказать блистательнаго движенія черезъ Салатау и Гумбетъ, явился наконецъ передъ главнымъ предметомъ дѣйствій, — тогда никакія затрудненія, никакія жертвованія уже не должны были отклонить отъ предназначенной цѣли. Необходимо было достигнуть ея во что бы то ни стало. Отступленіе отъ Ахульго безъ успѣха было бы не только опасно для самаго

мюридовъ, пользуясь оплошностію своихъ побѣдителей, успѣлъ бѣжать и скрыться отъ преслѣдованія.

По разрушеніи аула Ахульго и всѣхъ его укрѣпленій, Граббе, полагаясь на нравственное впечатлѣніе, которое, по мнѣнію его *), было произведено на умы горцевъ, двинулся чрезъ Гимры въ Темиръ-Ханъ-Шуру, оставивъ Койсубу, Аварію и Шамхальскія владѣнія, по прежнему, совершенно открытыми вторженіямъ возмутителей.

Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры Чеченскій отрядъ пошелъ въ Чиркей. Старшины Чиркеевскіе встрѣтили войска на мосту чрезъ Сулакъ съ хлѣбомъ и солью. Но когда авангардъ проходилъ обширными садами къ самому селенію, то горцы сдѣлали на него съ обѣихъ сторонъ столь неожиданное нападеніе, что шедшіе впереди два баталіона были немедленно опрокинуты, съ потерей одного горнаго орудія. «Не-

отряда, но гибельно для цѣлаго края: оно неизбежно повело бы за собою непосредственно общее возстаніе всѣхъ племенъ Лезгинскихъ и Чеченскихъ, — и тогда власть Шамиля упрочилась бы на долго. Въ послѣдствіи всякое новое предпріятіе противъ него было бы уже сопряжено съ препятствіями и жертвованіями еще несравненно болѣшими. — Генераль Граббе не могъ допустить и помысленія объ отступленіи изъ-подъ Ахульго до такой степени, что передъ послѣднимъ штурмомъ уже рѣшено было, въ случаѣ неудачи, продолжать тѣсную блокаду хотя бы въ теченіе *цѣлой зимы*. Настойчивость начальника и испытанное мужество предводимыхъ имъ войскъ — наконецъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Какъ бы ни велики были жертвованія, они должны забываться въ виду тѣхъ неисчислимыхъ несчастій, которыя ими были отвращены. — Успѣхъ предпринятой экспедиціи для многихъ казался неполнымъ, даже сомнительнымъ, потому только, что Шамилю удалось спастись. Но смерть или плѣнъ Шамиля были такими случайностями, которыя не могли никакъ и входить въ расчеты. Существенная цѣль осады Ахульго заключалась въ томъ, чтобы уничтожить власть и вліяніе Шамиля на горскія племена, — и цѣль эта была достигнута.»

*) Очеркъ, стр. 36. «Извѣстіе о паденіи Ахульго, истребленіи всей партіи мюридовъ, бѣгствѣ самого Шамиля — пишетъ Д. А. Милютинъ (стр. 124) — мгновенно распространилось въ горахъ и произвело глубокое впечатлѣніе на умы горцевъ. Не только окрестныя, но и многія отдаленныя общества Дагестана изъявили готовность покориться Русскому правительству и прислали въ лагерь депутаціи.»

удача эта, — пишетъ Головинъ *), — тѣмъ менѣе извинительна, что генераль Граббе предваряемъ былъ о намѣреніи нѣкотораго числа Чиркеевцевъ, намъ враждебной партіи, воспротивиться переходу его чрезъ означенное селеніе. Но командовавшій авангардомъ генераль-маіоръ Клюки-фонъ-Клугенау, не смотря на такое предостереженіе, углублялся въ тѣснины и сады, чрезъ которые проходить надлежало, безъ всякихъ воинственныхъ предосторожностей и даже не съ заряженными ружьями, имѣя въ головѣ только пѣсенниковъ, которые съ пѣснями открывали его шествіе. Немного надобно было усилій, чтобъ опрокинуть такую нестройную толпу: на это достаточно было нѣсколькихъ человѣкъ и нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ-за деревьевъ и заборовъ.»

Столь неблагоприятная встрѣча вынудила Граббе сдѣлать обходное движеніе къ Чиркею, чрезъ Мятлинскую переправу. Къ счастью Чиркеевцы, между которыми мы еще имѣли людей хорошо къ намъ расположенных**), встрѣтили отрядъ у селенія Инче съ повинною головою и выдали захваченное ими орудіе. Граббе успѣшилъ воспользоваться такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, тѣмъ болѣе, что по позднему времени года и, главное, по совершенному разстройству отряда своего въ матеріальной части, онъ не могъ уже продолжать дѣйствій***), и потому, наложивъ на Чиркеевцевъ

*) Очеркъ, стр. 37.

**) «Не смотря на то, — говоритъ Головинъ (стр. 37), — что именитѣйшій изъ нихъ, по своему богатству, многочисленному семейству и по вліянію на все Салатовское племя, Чиркеевскій житель Джемаль, съ двумя сыновьями былъ, безъ особо уважительныхъ причинъ, арестованъ еще подъ Ахульго. Благопріятному для насъ обороту дѣла наиболѣе способствовалъ Андреевскій князь Али-Султанъ, на земляхъ котораго паслись большая часть Салатовскихъ барановъ. Онъ уговорилъ Чиркеевцевъ возвратитъ нашихъ плѣнныхъ и «единорогъ.»

***) Очеркъ, стр. 37 — Д. А. Милютинъ (стр. 130) тоже называетъ *счастіемъ* обстоятельства, давшія возможность избѣгнуть этого новаго, столь неблагоприятнаго и несвоевременнаго движенія въ горы. «Отрядъ, — говоритъ этотъ историкъ экспедиціи, — былъ въ такомъ положеніи, что уже не могъ предпринять движеніе въ горы, прежде чѣмъ получить свѣжихъ лошадей подъ артиллерію и обозы: дошло уже до того, что нѣкоторыя орудія возились на волахъ. Въ пѣхотѣ также необходимо было обновитъ амуницію и

штрафъ, котораго они, впрочемъ, никогда не заплатили, распустилъ войска на зимнія квартиры. Не менѣе того, однакожъ, первое отступленіе его отъ Чиркея, которое по всей справедливости, — говоритъ Головинъ *), — можно назвать *постыднымъ*, много намъ повредило, ободривъ нашихъ противниковъ.» Это происшествіе, вмѣстѣ съ побѣгомъ Шамиля, который былъ уже, такъ сказать, въ нашихъ рукахъ, объясняетъ, — по мнѣнію Евгенія Александровича**), — почему паденіе Ахульго не имѣло тѣхъ выгодныхъ для насъ послѣдствій, какихъ ожидать надлежало***).»

Наконецъ скажемъ о дѣйствіяхъ Раевского.

Посаженный въ концѣ апрѣля, на эскадру Черноморскаго

одежду. Притомъ съ наступленіемъ осенняго времени начались проливные дожди, вѣтры, а на горахъ выпадалъ снѣгъ. Для сбереженія людей необходимо было подвести къ отряду зимнюю одежду и улучшить сколько можно пищу солдатъ.»

*) Очеркъ, стр. 38.

**) Тамъ же.

***) Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ наградилъ Граббе, — кромѣ возведенія въ званіе Своего генераль-адъютанта, — о чемъ уже упоминали, — еще Александровскою лентою, — при слѣдующей многомилостивой грамотѣ, отъ 5-го сентября 1839 года, которую приводимъ здѣсь, какъ содержащую отзывъ Его Величества объ экспедиціи:

«Съ самого начала въ нынѣшнемъ году военныхъ дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ, всѣ войска, ввѣренныя начальству вашему, явили многочисленныя подвиги мужества изумительнаго, храбрости необыкновенной. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, преслѣдуя неослабно возмущившіяся скопища подъ предводительствомъ Шамиля, они всюду поражали мятежниковъ среди ихъ убѣжищъ, самую природою укрѣпленныхъ, и вынѣ геройскіе подвиги свои увѣнчали, послѣ нѣсколькихъ штурмовъ, взятіемъ замка Ахульго, не смотря на самое отчаянное сопротивленіе горцевъ и недоступность мѣста, крѣпостію своею превосходящую всякое вѣроятіе. Начальствуя ввѣренными вамъ войсками, вы всегда воодушевляли ихъ своимъ примѣромъ; благоразумною же предусмотрительностію, отличными распоряженіями, рѣшительностію предуготовили войскамъ путь къ блестящимъ подвигамъ и совершенной побѣдѣ. Въ ознаменованіе Нашего особеннаго къ вамъ благоволенія и въ справедливое воздаяніе заслугамъ вашимъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Ордена Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.»

флота, отрядъ, ввѣренный этому генералу, не взирая на упорное сопротивленіе горцевъ, силою высадился, 3-го мая, при устьѣ рѣки Субаши. Воздвигнувъ тамъ фортъ Головинскій, войска, въ началѣ іюля, опять амбаркированы и, вышедъ на берегъ при устьѣ р. Пессуане, устроили при этомъ пунктѣ другой фортъ—Лазарева и потомъ возвратились въ Анапу и были употреблены для возведенія промежуточнаго укрѣпленія между этою крѣпостью и Новороссійскомъ, названнаго фортомъ Раевского. Независимо отъ исполненія этихъ предпріятій, въ томъ же году довершена постройка укрѣпленія въ Новороссійскѣ *).

Изложивъ выше, какими важными успѣхами увѣнчались военныя дѣйствія самого Головина въ этомъ году и съ какими малыми пожертвованіями они были пріобрѣтены, покажемъ теперь, что эти дѣйствія не остались тщетными. Первымъ плодомъ ихъ было: 1) учрежденіе Самурскаго округа, подъ непосредственнымъ управленіемъ нашего военнаго начальства; 2) устройства укрѣпленной линіи вверхъ по Самуру; 3) открытіе сообщенія посредствомъ линіи этой чрезъ Рутуль съ Элисуйскими владѣніями; 4) присоединеніе къ послѣднимъ Рутульскаго магала и, такимъ образомъ, 5) совершенное разобщеніе Мусульманскихъ нашихъ провинцій съ Лезгинскими племенами Дагестана. За тѣмъ послѣдовало прочное водвореніе спокойствія не только въ Шекинскомъ ханствѣ и Кубинской провинціи, но и во всемъ сосѣднемъ краѣ, и тѣмъ самымъ приготовленіе къ полному подчиненію его правительственнымъ нашимъ мѣрамъ. Съ другой же сто-

*) Въ предположеніи Головина имѣлось въ виду возведеніе одного только укрѣпленія при Субаши, отложивъ занятіе устья Туансе до слѣдующаго года, по причинѣ трудности, при такомъ посѣпномъ занятіи всего берега и не утвердись нигдѣ еще прочнымъ образомъ, сохранять укрѣпленія, на-скоро построенныя и разстѣянныя на протяженіи 250 верстѣ, среди воинственныхъ и враждебныхъ намъ племенъ. Укрѣпленіе при Туансе, — фортъ Лазарева, — есть то самое, которое въ началѣ 1840 первое взято горцами, и въ томъ же году, посредствомъ новой десантной экспедиціи, было опять возстановлено.

роны, пріобрѣтено было непосредственное вліяніе на Казикумыкское и Кюринское ханства, открыта возможность во всякое время свободно дѣйствовать въ самыя вѣдра Кавказа, опираясь на укрѣпленія Самурской линіи; и наконецъ сокращенъ на 300 верстѣ лѣтній путь между Грузіею и Дагестаномъ, который, съ небольшою разработкою, можно было открыть во всякое время года для выюковъ и войскъ, слѣдующихъ безъ повозокъ. — Всѣ эти крайне важные результаты — говоритъ Головинъ *) — можно, по всей справедливости, приписать единственно занятію стратегическаго пункта на верховьяхъ Самура, прочнымъ укрѣпленіемъ, при селеніи Ахты устроеннымъ. »

Но чтобы яснѣе опредѣлить выгоды, занятіемъ Ахтынскаго ущелья пріобрѣтенныя, Евгенийъ Александровичъ входитъ еще въ слѣдующія подробности **):

« Ахтынское ущелье, какъ сказано, образуется теченіемъ Самура и перерѣзано высокимъ гребнемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Аджіахурской твердыни. Все пространство отъ высотъ Аджіахурскихъ до впаденія рѣчки Ахты въ Самуръ представляетъ долину, простирающуюся отъ востока къ западу, между рядами высокихъ горъ и правымъ берегомъ рѣчки Самура, которая, по быстротѣ своей и глубинѣ, дѣлается здѣсь непреодолимою преградой. Долина эта, восходя вверхъ по Самуру, суживается у селенія Ахты, такъ что ущелье, изъ котораго вырывается рѣка, имѣетъ видъ горной разсѣлины. Такимъ образомъ, не только большая непріятельская партія, проникнувшая въ эту ложбину, будучи опрокинута, не можетъ имѣть отступленія, но даже малыя партіи, при преслѣдованіи, неминуемо должны быть низвергнуты въ пропасти, надъ которыми тянутся едва замѣтныя горныя тропы, или же погибнуть въ волнахъ Самура.

« До экспедиціи 1839 года с. Хазры составляло самый крайній пунктъ, къ верховьямъ Самура, нами занимаемый, въ разстояніи отъ Ахтовъ слишкомъ на семьдесятъ верстѣ.

« Поелику же всѣ Дагестанскія наши линіи идутъ отъ сѣвера къ югу, то вновь проложенная по теченію Самура Ах-

*) Очеркъ, стр. 39.

**) Тамъ же, стр. 40—43.

тынская линия находится въ перпендикулярномъ къ онымъ направленіи и, входя въ самыя нѣдра горъ, представляетъ возможность занимать и поддерживать Чирахъ и Кумыкъ, и служить опорой всѣмъ нашимъ военнымъ предпріятіямъ въ этихъ горныхъ странахъ; а что еще важнѣе для будущности — линия эта, воздвигнувъ посреди Лезгинскихъ племенъ непроницаемую черту, заслонила тѣмъ Мусульманскія наши провинціи отъ вліянія Шамиля и отъ возмутительныхъ покушеній мюридисма.

«Корпусный Командиръ, желая сколь возможно болѣе усилить и упрочить вновь созданную имъ Ахтынскую линію, обратилъ особое вниманіе на то, чтобы удержать въ своихъ жилищахъ всѣхъ горцевъ этой густо населенной долины.

«Съ сею цѣлю образовавъ округъ изъ жителей Самурскихъ (всего до 6000 дворовъ), и избравъ Ахту — какъ главнѣйшее и самое многолюдное селеніе, — онъ занялся немедленно учрежденіемъ въ ономъ правительственнаго дивана изъ выборныхъ туземцевъ, подъ предсѣдательствомъ нашего штабъ-офицера, съ званіемъ военнаго начальника.

«Слѣдуетъ замѣтить, что жители сказанной долины раздѣлялись дотолѣ на разныя вольныя общества, управляемыя старшинами, по избранію, и духовными лицами. Учрежденіе дивана, сохранивъ между ними древній порядокъ управленія, открыло достойнѣйшимъ изъ туземцевъ путь къ достиженію правительственной власти. Такимъ образомъ, народное самолюбіе было удовлетворено и вся исполнительная и полицейская власть (въ общественномъ быту самая тягостная для народа), оставаясь въ рукахъ туземцевъ, служила порукой въ неприкосновенности древнихъ обычаевъ и законовъ края.

«Между тѣмъ предсѣдатель дивана, постоянно наблюдая за дѣйствіями членовъ онаго, находился всегда въ возможности давать имъ надлежащее направленіе и слѣдовать за духомъ народнымъ, безъ оцутительнаго тяготѣнія надъ ними своею властью; сія же послѣдняя имѣла надежную для себя опору въ томъ, что селеніе Ахта находилось подъ пушечными выстрѣлами нашей крѣпости, построенной на выгодномъ мѣстѣ и представляющей горцамъ непреодолимую твердыню.

«Учрежденіе этого образа управленія не токмо удержало

въ своихъ жилищахъ обитателей Самурской долины, но поселило въ нихъ довѣріе и любовь, такъ что въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ (до 1843 года), народонаселеніе этого аула примѣтно увеличилось, ибо туземцы здѣсь среди спокойствія, безопасности и изобилія наслаждались, въ сравненіи съ другими обитателями Кавказа, истиннымъ благоденствіемъ. Даже самыя нравы жителей Самурской долины очевидно смягчились, ибо на Кавказѣ между ими одними только обычай носить оружіе и самый кинжалъ, совершенно вышелъ изъ употребленія.»

Сколько съ одной стороны, многообразны и благотворны были послѣдствія похода Самурскаго отряда, малыми пожертвованіями пріобрѣтенныя, столько съ другой — по мнѣнію Головина*) — ограничены и кратковременны, — а по тому самому уже и бесполезны, — были послѣдствія военныхъ дѣйствій Чеченскаго отряда, не взирая на огромныя жертвованія, которыхъ они стоили. Истребленіе укрѣпленнаго жилища Шамиля на скалѣ Ахульго, конечно, должно было произвести на умы горцевъ впечатлѣніе, быть можетъ даже и довольно сильное; но какъ скоро, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не утвердились на Андійскомъ Койсу, какъ было предположено и предписано Корпуснымъ Командиромъ, то впечатлѣніе это вовсе не могло быть такимъ, какимъ полагалъ его Граббе и неминуемо должно было весьма скоро изгладиться. Постоянные и долговременные опыты могли достаточно убѣдить, что мы тамъ только имѣли и имѣемъ надежное вліяніе на горцевъ, гдѣ оно поддерживается прочнымъ утвержденіемъ нашимъ, посредствомъ соотвѣтственно сильныхъ укрѣпленій.

Къ сожалѣнію, истина эта вслѣдъ за тѣмъ горестно оправдалась и на восточномъ берегу Чернаго моря. Въ 1839 году Черноморская береговая линія была довершена окончательно; всѣ главные пункты, гдѣ находятся удобнѣйшія мѣста для приставленія контрбандныхъ судовъ, были заняты укрѣпленіями; но укрѣпленія эти, по краткости времени, употребленнаго на ихъ сооруженіе, а быть можетъ и по ошибочному соображенію мѣстнаго начальства, не получили достаточно сильныхъ и прочныхъ профилей и, по обстоятельствамъ, не имѣли достаточныхъ гарнизоновъ; почему

*) Очеркъ, стр. 43.

послѣдствія дѣйствій 1839 года на Черноморскомъ берегу, какъ надлежащимъ образомъ необезпеченныя, были для насъ такъ же скоро потеряны, какъ и послѣдствія похода Чеченскаго отряда въ Сѣверномъ Дагестанѣ и на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи.

Климатическія болѣзни въ продолженіе осени 1839 и зимы на 1840 годъ до того ослабили гарнизоны приморскихъ укрѣпленій, что, не взирая на возможные ихъ подкрѣпленія, воинскіе начальники фортовъ не въ состояніи были не только докончить оставшихся еще въ нихъ внутреннихъ построекъ и исправить разрушившихся отъ снѣговъ и дождей верковъ, но не имѣли даже подъ ружьемъ необходимаго числа людей для самой обороны. Къ этому обстоятельству присоединилось другое, въ самыхъ нѣдрахъ Кавказа обнаружившееся. Бывшіе тамъ нѣсколько лѣтъ сряду неурожаи, произвели, между Черкесскими племенами голодъ, какового они съ незапамятныхъ временъ не испытывали. Бѣдствіе это, производящее волненіе даже между образованными народами, возбудило дикихъ горцевъ къ всеобщему, поголовному возстанію. Предпочитая гибель съ оружіемъ въ рукахъ мучительной голодной смерти и зная недостатки оборонительныхъ средствъ нашихъ на береговой линіи, они рѣшились, открытою силою, овладѣть приморскими нашими укрѣпленіями и воспользоваться находившимися въ нихъ запасами, и для того соединили всѣ свои силы, всѣ свои способы и средства. Дѣйствительно, трое изъ этихъ укрѣпленій пали; но они пали со славою, стяжавшею храбрымъ ихъ защитникамъ удивленіе и даже уваженіе ожесточеннаго непріятеля. Мужественныя усилія прочихъ гарнизоновъ увѣнчались лучшимъ успѣхомъ. Всѣ они устояли противъ самыхъ отчаянныхъ нападѣній горцевъ, неоднократно возобновлявшихся, и, не ослабѣвая въ духѣ и силахъ, держались твердо, до тѣхъ поръ, пока представилась возможность доставить имъ помощь и достаточное подкрѣпленіе.

Въ этой борьбѣ горсти Русскихъ воиновъ съ рѣшительнымъ и предприимчивымъ непріателемъ, превосходившимъ

число ихъ въ десять и даже болѣе разъ, первая честь славною обороною принадлежала *форту Лазарева*. 7-го февраля большія толпы горцевъ окружили укрѣпленіе, котораго верки въ продолженіи осени и зимы потерпѣли сильныя поврежденія и частію даже обрушились. Мужественная защита не спасла гарнизонъ, подавленный многочисленностію противника: наши были истреблены и Черкесы овладѣли фортомъ.

Ободренные такимъ неслыханнымъ успѣхомъ и полученною добычею, горцы напали на *укрѣпленіе Вельяминовское*, которое испытало ту же участь. На разсвѣтъ 29-го февраля, пользуясь мѣстоположеніемъ и скрываемыя утреннимъ туманомъ, толпы ихъ, свыше 7 тысячъ человекъ, незамѣтно подошли къ укрѣпленію и стремительно на него бросились. Бывъ опрокидываемы нѣсколько разъ, они нападали съ новою яростію и, наконецъ, послѣ продолжительнаго боя, овладѣли валомъ. Отвергнувъ всѣ предложенія о сдачѣ, гарнизонъ, — состоявшій изъ 400 человекъ всѣхъ чиновъ, — съ непоколебимымъ мужествомъ продолжалъ безнадежный уже бой, предпочитая въ немъ славою смерть. 11-й гарнизонной бригады подпоручикъ Румянчиковъ имѣлъ намѣреніе взорвать укрѣпленіе, но не успѣлъ исполнить своего подвига, бывъ изрубленъ горцами у пороховаго погреба. Гарнизонъ палъ весь, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ больныхъ нижнихъ чиновъ, находившихся въ лазаретѣ и не принимавшихъ участія въ сраженіи. Они взяты горцами въ плѣнъ. Изъ уваженія къ блистательной храбрости защитниковъ укрѣпленія, горцы взяли въ дома свои нѣсколько раненыхъ нашихъ воиновъ, подававшихъ еще надежду къ изцѣленію. Потеря непріятеля простиралась до 900 человекъ одними убитыми.

Становясь предприимчивѣе по мѣрѣ удачъ, горцы, утромъ 22-го марта, внезапно окружили *укрѣпленіе Михайловское*, имѣя въ сборищѣ своемъ болѣе одиннадцати тысячъ человекъ; но гарнизонъ явилъ примѣръ рѣдкой неустрашимости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоялъ только изъ пяти сотъ человекъ подъ ружьемъ, онъ, въ продолженіи двухъ часовъ, выдержалъ самое отчаянное нападеніе горцевъ, нѣсколько разъ сбивалъ ихъ съ валу и принуждалъ къ отступленію; но когда, наконецъ, потерявъ въ же-

стокомъ бою большую часть людей, защитники не видѣли уже возможности противостоять непріятелю, въ двадцать разъ сильвѣйшему, когда горцы торжествовали уже побѣду, наши рѣшились взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ. На подвигъ этотъ, безпримѣрный въ лѣтонисяхъ военныхъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ, и мужественно привелъ его въ исполненіе. Гарнизонъ погибъ и съ нимъ погибли всѣ горцы, находившіеся въ укрѣпленіи. Обрекая себя на столь славную смерть, Архипъ Осиповъ просилъ только товарищей помнить его дѣло, если кто либо изъ нихъ останется въ живыхъ. Желаніе его исполнилось: нѣсколько храбрыхъ, уцѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія и гибели, сохранили этотъ завѣтъ и вѣрно его передали *).

За тѣмъ подвергался неоднократнымъ нападеніямъ горцевъ *фортъ Навагинскій*, но они всегда, съ равнымъ мужествомъ и твердостью, были отражаемы. При одномъ изъ этихъ нападеній, горцы, незамѣченные часовыми, окружили укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ, внезапно къ нему бросились съ лѣстницами и крючьями; овладѣли частію вала и ворвались въ укрѣпленіе. Но тутъ часть гарнизона встрѣтила ихъ, ударила въ штыки и упрюкнула за валъ. Съ равнымъ успѣхомъ продолжался жаркій бой на всѣхъ другихъ атакованныхъ фасахъ укрѣпленія. Къ разсвѣту, послѣ трехъ часовъ битвы, укрѣпленіе было очищено отъ непріятеля, оставившаго въ немъ значительное число убитыхъ и раненыхъ.

*) Въ Божѣ почивающій Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго, какъ и прочихъ укрѣпленій, въ оставленныхъ ими семействахъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядоваго Архипа Осипова, который семейства не имѣлъ, Незабвенный Монархъ, — такъ прекрасно награждавшій воинскую доблесть, — Высочайше повелѣть соизволилъ: сохранять на всегда имя Архипа Осипова въ спискахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ переключкахъ, при сиротѣ этого имени, первому за нимъ рядовому отвѣчать: «Погибъ во славу Русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи». *Приказъ Военнаго Министра, ноября 8-го дня 1840 года.*

Послѣ этого пораженія, горцы, сдѣлавъ еще нѣсколько безуспѣшныхъ покушеній на всѣ другіе береговые наши пункты, обратились на сообщеніе береговой линіи съ Кубанью. 2-го апрѣля они овладѣли *фортомъ Николаевскимъ* и устремились къ *Абинску*; но тамъ, наконецъ, дерзость ихъ была наказана.

26-го мая, въ два часа по полуночи, это укрѣпленіе было окружено толпами, собравшихся въ окрестностяхъ, горцевъ, числомъ до двѣнадцати тысячъ. Съ крикомъ и выстрѣлами внезапно бросились они на штурмъ. Градъ пуль, ручныхъ гранатъ и картечи, которыми они были встрѣчены, не остановилъ ихъ стремленія. Отважно, съ явнымъ пренебреженіемъ смерти, и съ удивительною быстротою и легкостью, спустились они въ ровъ и влѣзали на брустверь, бросаясь на видимую и неизбѣжную смерть. Панцырники ихъ неоднократно вривались въ укрѣпленіе, но всегда были или истребляемы или опрокидываемы назадъ. Наконецъ, не смотря на усиліе гарнизона, многочисленная толпа проникла въ одинъ бастіонъ, и, съ распущенными знаменами, бросилась во внутрь укрѣпленія. Начальникъ укрѣпленія, полковникъ Веселовскій, не теряя присутствія духа, взялъ оставленный имъ резервъ изъ 40 человекъ, встрѣтилъ штыками вторгнувшуюся толпу и отбросилъ ее за укрѣпленіе, отнявъ два знамени. Храбрый поступокъ этотъ остановилъ дерзость нападавшихъ и воспламенилъ до высочайшей степени мужество гарнизона. Непріятель, отбитый со всѣхъ сторонъ, обратился въ бѣгство, унося, по извѣстному обычаю восточныхъ народовъ, тѣла убитыхъ товарищей. Въ рукахъ гарнизона осталось 10 раненыхъ, въ укрѣпленіи и во рвахъ найдено 685 тѣлъ. Унесено ихъ для погребенія въ домахъ, вѣроятно, болѣе, нежели оставлено. Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 9, ранено 18. Гарнизонъ Абинскаго укрѣпленія во время нападенія состоялъ изъ 1-го штабъ-офицера, 15 оберъ-офицеровъ и 676 рядовыхъ; эта малочисленность его сама собою уже свидѣтельствуетъ объ отличномъ мужествѣ и храбрости всѣхъ безъ изыятія чиновъ гарнизона и о единодушной ихъ рѣшимости—стоять непоколебимо въ оборонѣ вѣреннаго имъ укрѣпленія.

Послѣ этого пораженія Черкесы разошлись по домамъ и ничего уже не предпринимали.

Съ другой стороны, опасенія Головина въ отношеніи къ дѣламъ Сѣвернаго Дагестана и Лѣваго фланга Линіи также оправдались: страхъ, произведенный на горцевъ взятіемъ Ахульго, продолжался не долго и Шамиль, котораго Граббе считалъ неприютнымъ бродягою, сталъ снова собирать приверженцевъ и распространять свое могущество. Убѣдившись, что никакія укрѣпленія не могутъ обезпечить его отъ мужества Русскихъ, онъ сталъ избѣгать встрѣчъ съ нашими войсками, но нападая неожиданно на беззащитныя, покорныя намъ общества, отчасти убѣжденіями, а еще болѣе силою, возбуждалъ ихъ противъ Русскихъ и присоединялъ подъ свое владычество. Ошибки мѣстнаго начальства на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, а быть можетъ и слухи объ усиліяхъ Черкесовъ на Черноморскомъ берегу, весьма много ему въ томъ способствовали. Зимнее движеніе по Чечнѣ генераль-маіора Пулло, для сбора податей, и преждевременная попытка обезоружить Чеченцевъ, взволновали этотъ народъ.

Предполагалось, чтобы Чеченцы уплачивали свои подати не деньгами, которыхъ они вовсе не имѣли, а оружіемъ, — мысль во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная, но, къ сожалѣнію, рановременная. Какъ бы то ни было, но только эти благія намѣренія начальства были иначе объяснены Чеченцами: имъ казалось, что Русскіе лишаютъ ихъ оружія съ цѣлью удобнѣе истребить, и поэтому все населеніе рѣшилось лучше погибнуть, чѣмъ дозволить себя *перерѣзать, какъ барансы*. Къ тому же, разныя злоупотребленія, неизбѣжныя при введеніи новаго порядка, не мало содѣйствовали къ усиленію всеобщаго негодованія *).

Благопріятіе и неожиданіе ничего не могло быть для Шамиля при тогдашнихъ обстоятельствахъ. При первомъ извѣстіи о безпорядкахъ въ Чечнѣ, онъ отправилъ туда искусныхъ и преданныхъ ему людей, чтобы начинавшееся тамъ волненіе обратить въ явное возстаніе; когда же все было готово, онъ самъ, въ началѣ марта 1840 года, безпрепятственно явился на рѣкѣ Сунжѣ съ 500 мюридами, подъ начальствомъ храбрѣйшаго Ахверды-Магомы, и почти силою переселилъ Сунженскихъ и Надтеречныхъ Чеченцевъ въ

*) *Военный Сборникъ*, 1859, № 2, часть неоф., стр. 381.

Черныя горы, гдѣ они были въ большой безопасности отъ насъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Ичкерицы, Ауховцы, Качкалыховцы, Галашевцы и Карабулаки, постепенно поднимая оружіе, одни за другими, пристали къ его партіи. Страхъ наказанія за измѣну и ожесточеніе противъ насъ заставили Чеченцевъ волею-неволею присоединиться къ Шамилю, который, такимъ образомъ, снова очутился въ главѣ народа многочисленнаго и, въ добавокъ, имѣвшаго всѣ средства къ упорному сопротивленію.

Между тѣмъ, до воспослѣдованія всѣхъ этихъ событій, невозможно было предвидѣть такого неблагопріятнаго оборота нашихъ дѣлъ, а потому предназначено было приступить въ 1840 году къ исполненію, еще прежде предположеннаго, перенесенія Кубанской линіи на рѣку Лабу и заселенія пространства между Кубанью и Лабою казачьими станицами Кавказскаго линейнаго войска. Исполненіе этого предпріятія раздѣлено было на періоды, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе перваго года возвести на Лабѣ, въ необходимѣйшихъ пунктахъ, укрѣпленія, дабы потомъ, подъ ихъ прикрытіемъ, водворить казачьи станицы.

На Лѣвомъ флангѣ Линіи предполагалось обезпечить Кумыковъ возведеніемъ укрѣпленія при Герзель-Аулѣ и упрочить покорность Салатовцевъ укрѣпленіемъ Чиркея.

Для приведенія въ исполненіе этихъ предположеній на Линіи составлено было два отряда:

На Правомъ флангѣ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Засса, *Лабинскій* — изъ 5 баталіоновъ пѣхоты, 1500 линейныхъ казаковъ, 300 человекъ горской милиціи и 10 орудій.

На Лѣвомъ флангѣ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Галафѣева, *Чеченскій* — изъ 10½ баталіоновъ пѣхоты, 2 полковъ Донцевъ, 370 линейныхъ казаковъ, 200 чел. горской милиціи и 29 орудій.

Сверхъ того, съ полученіемъ первыхъ извѣстій о несчастіи, постигшемъ на Черноморской береговой линіи фортъ Лазарева и потомъ другія укрѣпленія, Государю Императору

благоугодно было Высочайше назначить для сильной десантной экспедиціи, независимо отъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, особый отрядъ изъ войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, въ составѣ 12-ти баталіоновъ 15-й пѣхотной дивизіи, пѣшаго Черноморскаго полка и роты саперъ, съ 18-ю орудіями, независимо отъ войскъ содержавшихъ гарнизоны.

Общее наблюденіе за дѣйствіями всѣхъ трехъ отрядовъ Высочайше поручено было генералъ-адъютанту Граббе.

За Лабою и нижнею Кубанью важныхъ встрѣчъ съ неприятелемъ не происходило; сдѣлано только нѣсколько непродолжительныхъ движеній: со стороны Черноморіи — къ Абинску, для исправленія его верховъ и снабженія укрѣпленія запасами, а также для наказанія Закубанскихъ племенъ за ихъ дерзость; а со стороны же Лабы — къ р. Бѣлой, для разогнанія неприятельскихъ скопищъ, собиравшихся въ намѣреніи препятствовать устройству новой линіи на Лабѣ. Возведеніе новыхъ укрѣпленій произведено было весьма успѣшно. Лабинскій отрядъ 3-го мая перешелъ за Кубань и къ осени Лаба частію уже защищена была укрѣпленіями Зассовскимъ, — построеннымъ еще въ 1839 году, — Мохошевскимъ и Темиргоевскимъ, а сообщеніе съ Кубанью обезпечено укрѣпленіями Новодонскимъ и Новогеоргиевскимъ.

На противъ того, дѣла на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи день ото дня принимали оборотъ болѣе и болѣе неблагоприятный, и — по мнѣнію Головина *) — можно сказать утвердительно, что «это было слѣдствіемъ буквального исполненія предположеній, сдѣланныхъ еще сообразно съ предшествовавшими обстоятельствами и уже вовсе не отвѣчавшихъ новому положенію дѣлъ того края. Тамъ необходимы были неотложныя и самыя рѣшительныя мѣры къ успокоенію волненій, возникшихъ въ Чечнѣ, вслѣдствіе появленія на Сунжѣ Шамиля; но, вмѣсто того, отрядъ генералъ-лейтенанта Галафѣева былъ обращенъ въ Герзель-Аулу и занятъ возведеніемъ тамошняго укрѣпленія **).

*) Очеркъ, стр. 49 и 50.

**) Евгений Александровичъ, бывшій зимою въ С.-Петербургѣ, отправился оттуда прямо на береговую Черноморскую линію, какъ для возстановленія тамошнихъ дѣлъ, такъ и для обзоренія и соображенія нужныхъ усовершенствованій этой линіи и ея обезпеченія,

Такимъ образомъ, ничто не препятствовало Шамилю распространять и утверждать вліяніе свое въ Чечнѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждать Чеченцевъ къ всеобщему возстанію. Не ограничиваясь однимъ какимъ либо пунктомъ, подобно предшествовавшему году, имамъ и его поборники тревожили въ одно и то же время Сунженскую и Терекскую линіи, окрестности Назрана и Владикавказа, направляя свои скопища на тѣ пункты, гдѣ всего менѣе они были ожидаемы; а въ половинѣ іюня, появившись въ землѣ Салатовцевъ, Шамиль успѣлъ склонить на свою сторону многія ихъ деревни.

Встревоженный такими успѣхами возмутителя, генералъ-лейтенантъ Галафѣевъ (который, впрочемъ, въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовался предписаніями генералъ-адъютанта Граббе), двинулся 17-го іюня чрезъ Внезапную къ Мятлипской переправѣ, а оттуда къ деревнѣ Энчкѣ, къ Салатау. Между тѣмъ Шамиль, слѣдуя принятой имъ системѣ, обратился вновь въ Чечню и, пользуясь удаленіемъ отряда, перешелъ Сунжу, увлекая съ собою мирныя аулы на правомъ берегу Терека, за исключеніемъ деревень Брогуна, Стараго и Новаго Юртовъ. Вся Малая Чечня опустѣла и мы лишились цѣлаго, покорнаго до тѣхъ поръ населенія, которое поднялось, бросило свои дома, оставило богатыя земли и скрылось въ дремучіе лѣса за Сунжею и въ Черныя горы, весьма много увеличивъ тѣмъ препятствія нашимъ дѣйствіямъ. Ускоренное движеніе генерала Галафѣева отъ Энчки къ Грозной и далѣе вверхъ по Сунжѣ къ Казакъ-Кичу не могло предупредить такого неблагоприятнаго для насъ событія и, возвратясь въ Грозную, онъ убѣдился, наконецъ, въ необходимости дѣйствовать наступательно и внести истребленіе во внутрь возмущившагося края.

Тогда отрядъ его (6½ баталіоновъ, 14 орудій и 1500 казаковъ), выступивъ 6-го іюля изъ Грозной, обратился въ Малую Чечню и, выжигая аулы, уничтожая хлѣба, прошелъ чрезъ Чахъ-Кери, Урусъ-Мартанъ и Ачхой и возвратился въ Грозную чрезъ Казакъ-Кичу, лѣвымъ берегомъ Сунжи. Онъ

почему и не могъ ни своевременно получать свѣдѣній о ходѣ происшествій на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, ни, слѣдовательно, давать надлежащаго направленія тамошнимъ дѣйствіямъ.

сдѣлалъ *нѣкоторый* *) вредъ Чеченцамъ, надъ которыми въ бою вездѣ имѣлъ поверхность, но и самъ потерпѣлъ значительную потерю въ людяхъ, особенно 11-го іюля въ дѣлѣ на рѣкѣ Валерикѣ, гдѣ войска наши неожиданно наткнулись на весьма крѣпкую позицію, занятую многочисленными скопищами мятежниковъ.

Едва отрядъ генерала Галафѣева вступилъ въ Чечню, Шамиль обратился опять противъ Салатовцевъ и, опять не встрѣчая сопротивленія, принудилъ всѣ аулы, въ томъ числѣ и многолюдный Чиркей, снова измѣнить нашему правительству. Этимъ сдѣлались ему доступными дороги, ведущія въ Шамхальскія владѣнія и переправы черезъ Сулакъ, и онъ не упустилъ воспользоваться такою выгодою, для вторженія въ Сѣверный Дагестанъ, гдѣ почти вовсе не находилось нашихъ войскъ.

7-го іюля Шамиль съ огромнымъ скопищемъ перешелъ черезъ Сулакъ у деревни Ахатль, а 10-го, у деревни Ишкарты, имѣлъ дѣло съ малочисленнымъ отрядомъ генерала Клугенау, состоявшимъ изъ шести ротъ, вышедшимъ къ нему на встрѣчу.

Это дѣло, хотя и не было рѣшительнымъ, однакожъ имѣло то немаловажное послѣдствіе, что скопище, встрѣтивъ при самомъ вступленіи своемъ въ наши предѣлы сопротивленіе, не слушая убѣжденій возмутителя, разошлось по домамъ.

Получивъ извѣстіе объ измѣнѣ Чиркея и объ опасности, угрожавшей Сѣверному Дагестану, генералъ Галафѣевъ послѣдшилъ опять форсированными маршами къ Міатлинской переправѣ, а потомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, но прибылъ туда въ то уже время, когда горцы разсѣялись. Не рѣшаясь двинуться на Чиркей съ силами, которыя у него находились, и не имѣвъ въ виду предпринять что нибудь полезнѣйшее, онъ обратился вновь къ Герзель-Аулу, для окончанія работъ въ этомъ укрѣпленіи.

По удаленіи нашего отряда, Шамиль не переставалъ дѣлать вторженія въ Сѣверный Дагестанъ.

*) Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ, стр. 52. — Въ статьѣ «Кавказскія войны» *Военно-Энциклопедическаго Лексикона* (2 изд., VI, стр. 642) сказано (не знаемъ почему?, большой вредъ.

Въ началѣ августа онъ напалъ на Аварію, принудилъ отступить милицію Ахметъ-Хана и присоединилъ къ себѣ восемь пограничныхъ Аварскихъ ауловъ. Его силы возрасли также присоединеніемъ къ нему Кибитъ-Магомы-Тилитлинскаго, муллы и старшины обществъ на правомъ берегу Аварскаго Койсу, — который, бывъ до того нашимъ тайнымъ врагомъ, взбунтовалъ малыя общества въ сосѣдствѣ Тилитля, былъ назначенъ ихъ набомъ и началъ дѣйствовать противъ насъ открыто. Въ концѣ того же мѣсяца Шамиль появился на Нижнемъ Сулакѣ, взялъ деревни Чиръ-Юртъ, Султанъ-Янги-Юртъ и двинулся уже къ Казіюрту. Между тѣмъ генералъ Кюки-фонъ-Клугенау, съ полученіемъ извѣстія о появленіи непріятеля, выступилъ снова изъ Темиръ-Ханъ-Шуры; но не предупредилъ истребленія Чиръ-Юрта, жители котораго, оставленные собственной своей защитѣ, послѣ упорнаго сопротивленія, частію погибли съ оружіемъ въ рукахъ, а частію уведены въ плѣнъ. 28-го августа Кюки занялъ обратно это селеніе, а 29-го — Янги-Юртъ, когда Шамиль уже удалился.

Въ сентябрѣ возмутитель, склонивъ къ измѣнѣ Койсубулинское селеніе Гимры и занявъ его безъ сопротивленія, старался оттуда распространить возстаніе по всей покорной намъ части Нагорнаго Дагестана; но 10-го сентября, Кюки-фонъ-Клугенау, съ 2½ баталіонами и 4-мя горными орудіями, двинулся противъ Гимры и, 14-го числа, имѣлъ довольно удачное дѣло съ горцами въ Гимринскомъ ущельѣ, взялъ приступомъ ихъ завалы и занялъ съ боя самое селеніе.

Между тѣмъ генералъ Галафѣевъ, приведя Герзель-Аулъ въ оборонительное положеніе, перешелъ въ Грозную, откуда съ 6½ баталіонами, 16 орудіями и 1250 казаками двинулся въ Большую Чечню. Устроивъ при деревнѣ Герменчукъ укрѣпленный вагенбургъ, онъ предпринималъ поиски въ разныя стороны и, истребивъ нѣкоторые аулы и хутора, прибылъ 17-го октября къ основному пункту своихъ дѣйствій — крѣпости Грозной.

Но время для усмиренія Чечни было пропущено. Всѣ аулы уже присоединились къ Шамилю и всѣ поклялись не вступать въ сношенія съ Русскими. Дѣйствія войскъ нашихъ не только не укротили Чеченцевъ, но еще болѣе раз-

дражали ихъ и способствовали возмутителю усилиться до такой степени, что имѣвшихся тогда на Кавказской линіи способовъ, наконецъ, дѣйствительно уже не было достаточно для нанесенія ему чувствительныхъ ударовъ. Шамиль, находясь въ центральномъ положеніи, имѣлъ полную возможность тревожить покорное намъ населеніе со всѣхъ сторонъ: едва мы успѣвали появиться на одномъ пунктѣ, какъ непріятель, не стѣсняясь обозами, преимущественно состоявшій изъ конницы, бросался на другой, захватывалъ все, что могъ, и столь же поспѣшно уклонялся отъ боя.

Въ октябрѣ Граббе самъ прибылъ въ Грозную и принялъ начальство надъ отрядомъ генерала Галафѣва.

27-го октября онъ выступилъ въ Малую Чечню и, пройдя черезъ Гайданскіе и Гехинскіе лѣса, истребилъ по дорогѣ аулы, уцѣлѣвшіе во время экспедиціи генерала Галафѣва, и 6-го ноября, черезъ Казакъ-Кичу, возвратился въ Грозную. 10-го ноября онъ снова выступилъ для наказанія Большой Чечни, и, слѣдуя чрезъ Макртупъ*) и Аку-Юртъ, предалъ эти аулы и еще нѣкоторые другіе пламени; послѣ чего, перейдя черезъ Качкалыковскій хребетъ, 18-го числа прибылъ въ Герзель-Ауль, откуда, по позднему уже времени года, войска были имъ распущены.

Чеченцы, съ своей стороны, какъ во время самыхъ дѣйствій Чеченскаго отряда, такъ и послѣ, не переставали дѣлать набѣги и вторженія въ наши предѣлы. Изъ этихъ набѣговъ особенно примѣчательны покушеніе 29-го сентября противъ г. Моздока и 27-го декабря на Амиръ-Аджи-Юртовское укрѣпленіе, какъ по многочисленности участвовавшихъ въ томъ скопищъ горцевъ, такъ и по смѣлости того и другаго предпріятія.

Между тѣмъ, пока дѣла на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи съ такою быстротою приходили въ разстройство, дѣла на Черноморской береговой линіи съ неменьшею быстротою были вновь совершенно возстановлены. Въ началѣ мая отрядъ генераль-лейтенанта Раевского собрался въ Тамани и въ Θεодосіи и обѣ части его были высажены—одна 10-го, а другая 22-го мая при устьяхъ Туапсе и Песуапсе,

*) Въ упомянутой статьѣ *Военно-Энциклопедическаго Лексикона* (стр. 642) опечатка — Магартуль.

у разоренныхъ укрѣпленій Вельяминовскаго и Лазарева. Вскорѣ за тѣмъ, и безъ малѣйшаго препятствія, оба эти укрѣпленія были возобновлены и приведены въ надежное оборонительное положеніе. — Евгений Александровичъ, прибывъ изъ С. Петербурга на береговую линію, лично присутствовалъ при занятіи вновь Вельяминовскаго форта, обозрѣлъ укрѣпленные пункты этой линіи и принялъ надлежащія мѣры, съ одной стороны, къ прочному обезпеченію всѣхъ этихъ пунктовъ отъ всякой опасности, на случай нападенія горцевъ, а съ другой—къ улучшенію быта ихъ гарнизоновъ, до того времени подвергавшихся большимъ невыгодамъ.

Въ Закавказскомъ краѣ спокойствіе было нарушено въ 1840 году, только въ Осетіи и Цебельдѣ. Но безпорядки вскорѣ прекращены были небольшими отрядами, въ Осетіи подъ начальствомъ полковника князя Андроникова, а въ Цебельдѣ подъ командою полковника Муравьева; при чемъ въ послѣднемъ округѣ, возведено укрѣпленіе Марамба. Въ то же время скопища мятежниковъ, укрывавшіяся въ чрезвычайно крѣпкомъ мѣстностию Дальскомъ ущельи, были оттуда прогнаны и всѣ жители Дала, способствовавшіе къ ихъ укрывательству, выведены въ Цебельду.

Сверхъ безпрерывныхъ тревогъ отъ упорной борьбы съ горцами, часто съ новыми неожиданными затрудненіями для насъ возникавшихъ, въ 1840 году собственно Закавказскому краю угрожала большая опасность съ другой стороны. Вся Азіятская Турція готова была ко всеобщему возстанію въ пользу паши Египетскаго, при первомъ движеніи въ Анатолю сына его Ибрагима-паши, который, переступивъ Тавръ, занималъ уже передовыми своими войсками Орфу и Діарбекиръ. Вторженіе, которое готовилось и неминуемо послѣдовало бы съ этой стороны въ предѣлы наши, могло поднять всѣ смежныя съ Турціею Мусульманскія наши провинціи. По счастію быстрые успѣхи Англичанъ на берегахъ Сиріи и, послѣдовавшее за тѣмъ, низложеніе Али-Мегмета отвратили отъ насъ эту близкую опасность, противъ которой собственныхъ нашихъ средствъ на тотъ разъ было вовсе недостаточно.

Что касается до Мусульманскихъ при-Каспійскихъ провинцій, сопредѣльнаго съ ними Самурскаго округа и бли-

жайшихъ Лезгинскихъ племенъ Южнаго Дагестана, то вся страна эта наслаждалась совершеннымъ спокойствіемъ, которымъ она, по всей справедливости, была обязана экспедиціи 1839 года, доставившей намъ, постройкою укрѣпленія при селеніи Ахты, прочное господство на берегахъ Самура.

Изъ всего сказаннаго о дѣйствіяхъ 1840 года Головинъ *) выводилъ слѣдующее заключеніе. На рѣкѣ Лабѣ и на Черноморскомъ берегу они, можно сказать, были совершенно успѣшны и вполнѣ соответствовали предположеніямъ, вслѣдствіе которыхъ предпринимались. Конечно, сооруженіе только одной части Лабинской линіи, безъ водворенія между Лабю и Кубанью казачьихъ станицъ, какъ предпріятіе недоконченное, не могло еще привести къ тѣмъ благотѣльнымъ послѣдствіямъ, которыхъ со временемъ надлежало ожидать отъ этой мѣры; за всѣмъ тѣмъ, однакожъ, важное это дѣло получило основательное начало. Съ другой стороны, Черноморская береговая линія была поставлена уже въ такое положеніе, что могла отчасти оправдать цѣль своего учрежденія. Съ тѣхъ поръ развѣ только весьма немногимъ контрабандистамъ удавалось избѣгать бдительнаго наблюденія за всѣмъ протяженіемъ берега, и утвердительно можно сказать, что послѣ этого года едва только самая малѣйшая часть того, что прежде доставляемо было этимъ путемъ въ горы, успѣвало туда проникнуть.

Но дѣйствія на Левомъ флангѣ Кавказской линіи,—можно рѣшительно сказать,—далеко не принесли той пользы, которой ожидать можно было, если бы при способахъ, туда обращенныхъ, они направляемы были соответственно съ обстоятельствами. Дѣла въ Чечнѣ, на Кумыкской плоскости и въ сѣверной части Дагестана были въ самомъ неблагоприятномъ для насъ положеніи. Весь край между Сунжею и Авдѣйскимъ Койсу, и почти все пространство между послѣднею рѣкою и Аварскимъ Койсу, признали въ Шамилѣ неограниченнаго властелина, и всѣ племена, населяющія ту

*) Очеркъ, стр. 58 — 60.

часть Кавказа, покорныя желѣзной его волѣ, по первому его призыву устремлялись всюду, гдѣ онъ надѣялся либо взволновать дотолѣ еще мирныхъ обитателей, либо воспользоваться какою нибудь добычею.

Со времени возстанія Чиркея, въ іюлѣ, Шамхальская плоскость подверглась такимъ же безпокойствомъ, какъ и земля Кумыкская. Въ продолженіе всего лѣта и слѣдующей зимы шайки Чиркеевцевъ и Чеченцевъ прорывались за Сулакъ и пропикали даже до Тарковъ; угоняли скотъ и дѣлали грабежи подъ самою Темиръ-Ханъ-Шурою; сообщеніе же всего пункта съ линіею было возможно только подъ значительными конвоями.

Такое положеніе дѣлъ требовало съ нашей стороны новыхъ усилій и Государю Императору благоугодно было увеличить военныя средства Кавказской линіи цѣлою 14-ю пѣхотную дивизіею.

Въ то время, когда дѣлались приготовленія къ открытію съ наступленія весны 1841 года рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, возникли новые безпорядки въ Аваріи. Одинъ изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ бековъ, Аджи-Муратъ, — памятный умерщвленіемъ Гамзатъ-Бека, — арестованный по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Шамилемъ, бѣжалъ изъ-подъ конвоя, сопровождавшаго его изъ Хунзаха въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и собралъ въ деревнѣ Цельмесѣ шайку своихъ приверженцевъ. Генераль Клюки-фонъ-Клюгенау нашелъ нужнымъ, для истребленія этого новаго возмутителя, направить туда баталіонъ пѣхоты съ 2-мя горными орудіями. Слабый этотъ отрядъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и потерпѣлъ значительный уронъ безъ всякой существенной пользы. При этомъ худо соображенномъ поискѣ мы потеряли артиллерію генераль-маіора Бакунина, умершаго отъ тяжелой раны, имъ полученной *). Экспедиція поручена была генеральнаго штаба подполковнику Пассеку. Аджи-Муратъ послѣ этого

*) Въ статьѣ «Кавказскія войны» въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (2-е изд., VI, 643) не вѣрно показано, что генераль-маіоръ Бакунинъ былъ убитъ.

перешелъ въ деревню Тлохъ, нѣсколько далѣе отъ границъ Аваріи, продолжая собирать партіи и возмущать окрестныя селенія.

Съ другой стороны, въ концѣ апрѣля, огромное скопище Чеченцевъ, переправясь на лѣвый берегъ Сулжа въ окрестностяхъ аула Самашки, чрезъ Малую Кабарду, произвело набѣгъ на Военно-Грузинскую дорогу. 28-го апрѣля хищники напали на Александровское военное селеніе, и хотя были отбиты, но изрубили или захватили въ плѣнъ до 100 человекъ поселянъ, работавшихъ въ полѣ, и отогнали весь скотъ.

Между тѣмъ къ маю мѣсяцу войска, предназначенныя къ военнымъ дѣйствіямъ, собрались четырьмя главными отрядами:

Дагестанскій отрядъ, при Темиръ-Ханъ-Шурѣ, долженъ былъ дѣйствовать подъ личнымъ начальствомъ Головина; въ немъ было 12¼ баталіоновъ, 2 эскадрона драгунъ, 32 орудія и 120 чел. милиціи;

Чеченскій, при Везапной, подъ начальствомъ генерала Граббе, изъ 12¼ баталіоновъ, 30 орудій, 300 линейныхъ казаковъ и 85 чел. милиціи;

Назрановскій, въ центрѣ Кавказской линіи, подъ начальствомъ генераль-маіора Пирятинскаго, въ составѣ 4 баталіоновъ, 5 орудій, 2 эскадроновъ Малороссійскихъ и 200 чел. линейныхъ казаковъ и Назрановской милиціи; и

Лабинскій, въ Прочномъ Окопѣ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Засса, изъ 8 баталіоновъ, 10 орудій, 1000 чел. линейныхъ казаковъ и 50 чел. горской милиціи.

Первые два отряда должны были прежде всего обратиться къ Чиркею, овладѣніе которымъ и прочное утвержденіе при этомъ пунктѣ составляло въ той странѣ первоначальную цѣль военныхъ дѣйствій.

Вслѣдствіе этого, послѣ сбора войскъ, 1-го мая, при укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Евгенийъ Александровичъ 7-го числа перешелъ на позицію противъ сел. Чиркей, на другой день присутствовалъ при усиленной рекогносцировкѣ Аратлинской переправы чрезъ Сулакъ, лежащей въ 7-ми верстахъ выше Чиркея, которая, вопреки увѣреній генераль-

маіора Клюгенау *), оказалось вовсе неудобною, при чемъ произошла сильная перестрѣлка съ горцами, устроившими на противоположномъ берегу, противъ этого пункта, сильныя завалы; —потомъ, 11-го числа, перешелъ съ отрядомъ на позицію противъ Чиркея, а 13-го, оставивъ противу этого селенія, на правомъ берегу Сулака, небольшой отрядъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Фези, самъ, съ частію силъ своихъ, обратился чрезъ Мятлы на лѣвый берегъ Сулака. Между тѣмъ главныя силы Чеченскаго отряда были направлены къ Салатовской деревнѣ Пичке, откуда, по соединеніи обоихъ отрядовъ, Евгенийъ Александровичъ двинулся къ Чиркею на селеніе Хубары.

Мая 15-го многочисленное скопище Шамиля, занимавшее, въ двухъ переходахъ отъ Чиркея, сильную отъ природы и укрѣпленную завалами позицію, на Хубарскихъ высотахъ, было разсѣяно. Побѣда эта, почти безъ всякаго съ нашей стороны пожертвованія приобрѣтенная, имѣла самыя рѣшительныя и важныя послѣдствія **). Чиркей занятъ былъ въ этотъ же день вечеромъ генераломъ Фези, успѣвшимъ между тѣмъ разрушить завалы и изготовить матеріалы для временнаго моста, чѣмъ выиграно двое сутокъ времени. Примеру Чиркея послѣдовало и все Салатовское общество.

По занятіи Чиркея, Дагестанскій отрядъ, — отдѣливъ часть войскъ на усиленіе генераль-адъютанта Граббе, — приступилъ, — согласно Высочайше утвержденному плану кампаніи, — къ возведенію при этомъ селеніи укрѣпленія Евгеньевскаго, оказавшагося впоследствии столь важнымъ для

*) Представленный Клюгенау по этому предмету проектъ, еще до открытія кампаніи препровожденъ былъ Корпуснымъ Командиромъ къ генераль-адъютанту Граббе, который одобрилъ его вполне, утверждая, что при движеніи противъ Чиркея для Дагестанскаго отряда самый лучший путь былъ бы на означенную переправу; но послѣ рекогносцировки, въ противность перваго мнѣнія, стозвался, что настоящій и вѣрнѣйшій путь къ покоренію Чиркея идетъ для обоихъ отрядовъ чрезъ Хубарскія высоты, и что другаго пути быть не могло.

**) Въ доведеніи Головина объ этомъ дѣлѣ съ полнымъ безпристрастіемъ отдана генераль-адъютанту Граббе вся слѣдующая ему справедливость за участіе, которое онъ имѣлъ въ удачномъ предпріятіи нашемъ противъ скопищъ Шамилевыхъ, на высотахъ Хубарскихъ. (Очеркъ, стр. 64).

нашихъ дѣйствій въ этой странѣ, какъ по стратегическимъ свойствамъ пункта, такъ и по своей крѣпости, произшедшей отъ искуснаго примѣненія его къ мѣстности.

Чеченскому отряду предоставлено было, пользуясь пріобрѣтенными уже успѣхами, дѣйствовать сообразно тѣмъ же предначертаніямъ. «Нѣтъ причины сомнѣваться — говорить Головинъ, *)—въ самыхъ полезныхъ послѣдствіяхъ рѣшительныхъ предпріятій, тогда со стороны генерала Граббе произойти долженствовавшихъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на умы горцевъ Хубарскимъ дѣломъ, было весьма замѣтно: еще никогда не видали они столь огромныхъ силъ, какія были соединены нами между Чиркеемъ и Внезапною, и никогда не были они поражены такимъ ужасомъ, какой овладѣлъ ими подъ Хубарами, гдѣ толпы ихъ, предводительствуемые Шамилемъ и извѣстнѣйшими изъ его поборниковъ, разсѣялись, не выждавъ даже настоящаго съ нашей стороны нападенія». Къ сожалѣнію, —продолжаетъ Евгений Александровичъ, —дѣла взяли другой оборотъ.

Генераль Граббе оставилъ лагерь соединенныхъ отрядовъ 20 мая и взялъ направленіе на Салатовскую деревню Дылымъ. 22-го числа, при переходѣ чрезъ Ауховскія селенія Юрта—Аухъ и Акташъ—Аухъ, отрядъ его имѣлъ небольшую встрѣчу съ партіею Горцевъ, наблюдавшею, подъ начальствомъ самого Шамиля, за нашимъ движеніемъ. При этомъ случаѣ старшины Ауховскаго общества изъявили готовность покориться и присягнуть нашему правительству; но генераль Граббе, не дождавшись тутъ никакихъ послѣдствій, поспѣшилъ съ войсками прямѣйшимъ путемъ къ Терреку и самъ, отправившись въ Ставрополь, предписалъ генераль-маіору Ольшевскому, остановивъ военныя дѣйствія на іюнь мѣсяцъ, употребить весь Чеченскій отрядъ для заготовленія сѣна въ Грозной, не предупредивъ даже корпуснаго командира о такомъ распоряженіи своемъ, измѣнившимъ планъ цѣлой кампаніи **). «Очевидно—говоритъ Головинъ ***), — что этимъ Чеченскій отрядъ потерялъ лучшее время для своихъ дѣйствій».

*) Очеркъ, стр. 64—65.

**) Головинъ официально узналъ о томъ уже въ концѣ іюня.

***) Очерки, стр. 66.

Между тѣмъ поработанные Шамилемъ въ 1840 году племена радовались, что могли избавиться отъ угнетеній возмутителя, и ждали только появленія нашихъ войскъ. Доказательствомъ тому служить просьба, принесенная Евгению Александровичу Ауховцами, которые послѣ ухода генерала Граббе, не видя исполненія надеждъ своихъ, умоляли придти къ нимъ и освободить ихъ отъ власти Шамиля.

Вслѣдствіе этого, въ началѣ іюня, Дагестанскій отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одна оставлена для производства работъ по укрѣпленіямъ при Чиркеѣ, а также для охраненія земли Салатовской и вообще всего Сѣвернаго Дагестана; другая же, подъ личнымъ начальствомъ Головина, обратилась въ Ауховское общество, въ которомъ дѣйствовала съ 1-го по 22-е іюня. Но Шамиль, пользуясь совершеннымъ бездѣйствіемъ генерала Граббе и распустивъ слухъ, что войска его отозваны въ Россію, успѣлъ уже взять свои мѣры; и когда Головинъ слѣдовалъ съ отрядомъ къ Кишень—Ауху, главному Ауховскому селенію, то былъ встрѣченъ довольно сильными партіями, съ которыми долженъ былъ имѣть дѣло. 5-го числа онъ находился при очищеніи отъ непріятели и вырубилъ лѣса у селенія Ярыкъ—Су—Аухъ. По прибытіи же къ Кишень—Ауху Евгений Александровичъ нашелъ его оставленнымъ большею частію жителей; а хотя малая часть ихъ, не покинувъ домовъ своихъ, и изъявила готовность покориться, не оказывая никакого сопротивленія, но партія Шамиля, часъ отъ часу болѣе усиливаясь новыми толпами Чеченцевъ, которымъ въ собственныхъ жилищахъ ихъ ничто не угрожало, скоро взяла верхъ. Кишень—Аухъ пришлось занять уже почти съ боя и при вступленіи туда, послѣ полудня 7-го іюня, передовыхъ пикетовъ нашихъ, все селеніе было пусто. Чтобы дать жителямъ возможность прибѣгнуть подъ покровительство наше и сохранить жилища свои, даю имъ было время до полудня слѣдующаго дня; но все убѣжденія и ожиданія остались тщетными, потому что страхъ подвергнуться лютому мщенію Шамилевой шайки удерживалъ Ауховцевъ въ рабскомъ повиновеніи.

И такъ ничего уже болѣе не оставалось, какъ прибѣгнуть къ печальной необходимости обезсилить непріятели, нанесеніемъ ему какъ можно болѣе вреда. Поэтому аулъ

Кишень—Аухъ и нѣкоторые другіе, служившіе убѣжищемъ при сборахъ шаекъ Шамилевыхъ, съ 7-го по 10-е іюня истреблены.

11-го іюня отрядъ возвратился безпрепятственно къ Внезапной и до 15 числа занимался вырубкою лѣса, между этимъ укрѣпленіемъ и ауломъ Акташъ—Аухъ, на пространствѣ 8 верстъ, въ обезпеченіе отъ нападеній хищническихъ партій на окрестности Внезапной. 15-го іюня отрядъ перешелъ къ Акташъ—Ауху, гдѣ пробылъ нѣсколько дней для постройки тамъ временнаго управленія, при чемъ 18 и 19-го происходили схватки съ толпами Шамиля; а 22-го выступилъ, чрезъ селеніе Дылымъ, къ Чиркею, оставивъ при Акташъ—Аухѣ часть войскъ, подъ командою генераль-маіора князя Андроникова, чтобы дать возможность всѣмъ покорившимся ауховцамъ убрать хлѣбъ и потомъ перейти въ наши предѣлы, куда въ сентябрѣ мѣсяцѣ и переселилось около 250 семействъ, т. е. половина всего Ауховскаго общества, и были размѣщены въ деревнѣ Андрезой и по окрестнымъ Кумыкскимъ селеніямъ. «Если бы Чеченскій отрядъ, возвращаясь изъ-подъ Чиркея еще въ маѣ мѣсяцѣ, не прекратилъ наступательныхъ дѣйствій, то весьма правдоподобно, — говоритъ Головинъ *), — что всѣ Ауховцы прибѣгли бы подъ утраченное ими наше покровительство, а примѣру ихъ послѣдовали бы и другія отложившіяся племена».

Пока Евгений Александровичъ занимался дѣлами на оконечности Лѣваго фланга Линіи и когда потомъ, подъ личнымъ его наблюденіемъ, съ такимъ необыкновеннымъ успѣхомъ возводились прочныя укрѣпленія въ Чиркеѣ, — гдѣ Головинъ оставался до 28-го августа, — генераль Граббе, въ концѣ только іюня вышедъ изъ своего четырехъ-недѣльнаго бездѣйствія, собралъ наконецъ снова Чеченскій отрядъ. Въ послѣднихъ числахъ іюня онъ сдѣлалъ движеніе къ верховьямъ рѣки Аргуна и рекогносцировку при селеніи Чахъ—Кери, которая подтвердила только невозможность утвердиться тамъ, не обезпечивъ прежде Сунженскую линію, въ чемъ, — говоритъ Головинъ **), —

*) Очеркъ, стр. 68.

**) Очеркъ, стр. 69.

никогда и сомнѣваться нельзя было; и потомъ уже, въ началѣ іюля мѣсяца, приступилъ къ возведенію двухъ укрѣпленій на Сунжѣ, у Казакъ—Кичу и у Заканъ—Юрта, чего въ предположеніи у него первоначально не было, хотя важность перваго пункта была указана Корпуснымъ Командиромъ. — «Укрѣпленія эти, — продолжаетъ Евгений Александровичъ *), — сохранившія признаки успѣшности, съ которою они возводились, особливо въ постройки помѣщеній для гарнизоновъ, были окончены не прежде половины октября и, такимъ образомъ, только въ концѣ того мѣсяца были предприняты въ Чечнѣ наступательныя дѣйствія, не имѣвшія впрочемъ никакихъ существенныхъ послѣдствій, потому что движенія производились по тѣмъ же самымъ направленіямъ, по которымъ неоднократно уже проходили наши отряды».

Но при всемъ томъ результаты кампаніи 1841 года въ той сторонѣ Кавказа были несравненно благопріятнѣе послѣдствій экспедиціи предшествовавшей 1840 года. — Дагестанскимъ отрядомъ возведено при Чиркеѣ весьма сильное, по новѣйшей системѣ, изъ каменныхъ верковъ, съ просторными оборонительными казармами, укрѣпленіе, которое упрочивало за нами Чиркею, не безъ основанія считающійся у горцевъ вратами Дагестана, ибо онъ, обезпечивая всю плоскость Шамхальскихъ владѣній отъ вторженій шаекъ Шамилевыхъ, сверхъ того, по географическому своему положенію, представляетъ надежный опорный пунктъ для дѣйствій къ Андійскому Койсу, противъ Гумбета и Андіи.

Чеченскимъ отрядомъ устроена Сунженская линія, существовавшая до того только по одному названію. — Вновь возведенныя укрѣпленія при Казакъ—Кичу и Заканъ—Юртѣ, если не вполнѣ еще закрыли Малую Чечню и Терекъ отъ набѣговъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма много уже затруднили покушеніе Чеченцевъ переходить на лѣвый берегъ Сунжи.

Но Кумыкская плоскость осталась по прежнему открытою, ибо возведеннаго въ 1840 году укрѣпленія при Герзель—Аулѣ вовсе не было достаточно для огражденія Кумыковъ отъ вторженія хищническихъ партій.

*) Тамъ же.

Назрановскій отрядъ, по смерти начальника Центра Кавказской линіи, генераль-маіора Пирятинскаго, поступившій подъ начальство полковника Нестерова, былъ собранъ въ апрѣль для обезпеченія Военно-Грузинской дороги и охраненія окрестностей Назрана, Владикавказа и всего пространства между этими пунктами и Моздокомъ. Болѣзнь Пирятинскаго помѣшала предупредить набѣгъ Чеченцевъ на Александровское поселеніе и отнять у хищниковъ добычу на обратномъ пути ихъ за Сунжу. Но потомъ полковникъ Нестеровъ въ точности исполнилъ обязанности, лежавшія на отрядѣ—и на всемъ пространствѣ между Моздокомъ и Назраномъ, равно и на Военно-Грузинской дорогѣ, спокойствіе не было нарушаемо.

На Правомъ флангѣ, въ этомъ году, усилена была Лабинская линія возведеніемъ нѣсколькихъ промежуточныхъ укрѣпленныхъ постовъ; на пространствѣ же между Лабою и Кубанью построены станицы: *Вознесенская, Лабинская, Чамлыкская и Урупская*, каждая въ 200 семействъ Линейныхъ казаковъ, чѣмъ положено начало образованію новаго Кавказскаго Линейнаго казачьяго полка, названнаго Лабинскимъ.

Не взирая, однакожь, на успѣшныя дѣйствія генерала Засса, по устройству Лабинской линіи и по водворенію казачьихъ станицъ, на Правомъ флангѣ въ 1841 году произошло почти тоже самое, что было въ 1840 году на Лѣвомъ флангѣ линіи: по крайней мѣрѣ, обстоятельства эти имѣли одинаковыя послѣдствія. Въ 1840 году, на Лѣвомъ флангѣ, все многочисленное народонаселеніе Чеченское, мирно обитавшее между Сунжею и Терекомъ, оставивъ свои дома и земли, удалилось въ лѣса и горы и сдѣлалось для насъ враждебнымъ; такимъ же образомъ, въ 1841 году, племена, имѣвшія свои жилища на Лабѣ, а именно: Темиргоевцы, Мохошевцы и Эгерукаевцы, удалились на рѣку Бѣлую и откуда начали тревожить насъ своими набѣгами.

Вслѣдъ за очищеніемъ Дала, въ концѣ 1840 года, на сѣверо-западной границѣ Абхазіи, изъявило покорность племя Джигетовъ, обитавшее по Черноморскому побережью, между укрѣпленіями Гагры и Св. Духа. Это важное, для Черноморской береговой линіи, событіе возбудило волненіе между сопредѣльными Джигетамъ Убыхами, народомъ воин-

ственнымъ и буйнымъ. Последніе требовали, чтобы покорившіеся Джигеты снова отложились и угрожали, въ противномъ случаѣ, принудить ихъ къ тому силою оружія.

Это было причиною снаряженія, по Высочайшей волѣ, особой экспедиціи, подъ начальствомъ генераль-маіора Анрепа, для наказанія Убыховъ. Но какъ экспедиція эта не входила въ первоначальныя предположенія на 1841 годъ, то Его Величеству благоугодно было назначить въ составъ отряда генерала Анрепа, сверхъ средствъ, которыя могли быть даны отъ Кавказскаго Отдѣльнаго Корпуса, еще 4 баталіона отъ войскъ 13-й пѣхотной дивизіи.

Въ началѣ октября весь Убыхскій отрядъ, — 9 баталіоновъ, 2 пѣшихъ Черноморскихъ полка, 16 орудій и 2870 человекъ конной и пѣшей милиціи, — соединился въ укрѣпленіи Св. Духа и берегомъ моря двинулся къ Навагинскому укрѣпленію, — дорогою, пролегающею у самой подошвы прибрежныхъ скалъ, во время морскихъ прибоевъ совершенно затопляемою и которую горцы считали непроходимою. После трехдневнаго упорнаго боя, отрядъ достигъ укрѣпленія Навагинскаго, находившагося не болѣе какъ въ 20 верстахъ отъ укрѣпленія Св. Духа; и хотя *не безъ* значительной *) потери въ людяхъ, но мы тутъ показали горцамъ, что для Русскаго оружія нѣтъ еще у нихъ такой преграды, которой бы оно не преодолѣло.

Съ прибытіемъ къ Навагинскому форту занята отдѣльною башнею высота, откуда вся внутренность главнаго укрѣпленія подвергалась дѣйствію непріятельскаго огня и тѣмъ гарнизонъ укрѣпленія совершенно обезпеченъ отъ покушенія горцевъ, тревожившихъ его часто выстрѣлами изъ пушекъ и даже изъ ружей.

Слѣдствіемъ движенія генерала Анрепа было изъявленіе покорности и принятіе присяги на вѣрноподданство части Убыхскаго племени, что было поводомъ къ несогласію между сильнѣйшими въ народѣ фамиліями Берзековъ и послужило ко взаимному ослабленію ихъ партій.

*) Очеркъ, стр. 73. — Въ статьѣ «Кавказскія войны» *Военно-Энциклопедическаго Лексикона* (VI, 645) — неправильно показано, что переходъ совершенъ *безъ* значительной потери.

Въ Грузино-Имеретинской губерніи, въ Гурійскомъ уѣздѣ, весною 1841 года возникли волненія. Гурія, богатая дарами природы, но бѣдная промышленностію, по крайнему невѣжеству ея обитателей, издавна вносила подати свои болышею частію натуральными произведеніями, частію же Турецкою монетою, которая пріобрѣтается на обмѣвъ вывозимаго за границу въ небольшомъ количествѣ хлѣба. По недоразумѣнію мѣстнаго начальства, поставленнаго со введеніемъ новаго гражданскаго учрежденія, были съ излишнею настоячивостію потребованы отъ Гурійцевъ, вмѣсто натуральныхъ произведеній и Турецкой монеты, подати въ монетѣ Русской. Совершенный недостатокъ послѣдней крайне затруднялъ жителей. Люди неблагонамѣренные воспользовались этимъ обстоятельствомъ и старались возбудить чернь къ непокорности; болѣе же всѣхъ усиливался произвести въ Гуріи волненіе Кобулетскій *) бекъ Гассавъ—Тавгеризде, скрытно и подъ личиною дружелюбія подстрекая грубыхъ Гурійцевъ къ бунту и обѣщая имъ помощь отъ Турецкаго правительства.

Но когда этотъ безпокойный сосѣдь удалень былъ главнымъ Турецкимъ пограничнымъ начальствомъ изъ Кобулета, а между тѣмъ бунтовщики, при неудачномъ покушеніи въ первыхъ числахъ сентября овладѣть Озургетами, — главнымъ мѣстомъ, гдѣ гарнизонъ нашъ наскоро укрѣпился, — претерпѣли поражение, то благоразумными мѣрами полковника князя Аргутинскаго и хорошо разочтеннымъ движеніемъ его съ небольшимъ числомъ войскъ, къ нему отряженныхъ (2½ баталіона, 8 орудій и 1500 человекъ милиціи). Гурія была успокоена, безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Вслѣдъ за тѣмъ Гурійская милиція участвовала уже въ экспедиціи противъ Убуховъ и, сражаясь мужественно подъ Русскими знаменами, загладила кратковременное заблужденіе своихъ соотечественниковъ.

*) Гурія граничитъ къ югу Турецкихъ владѣній съ санджакомъ Кобулетскимъ.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, — заключаетъ Головинъ *), — что общіе результаты дѣйствій нашихъ въ 1841 году, къ сожалѣнію, не соотвѣтствовали употребленнымъ, со стороны правительства, усиленнымъ мѣрамъ. Прикомандированіе къ войскамъ, находившимся на Кавказской линіи, всей 14-й пѣхотной дивизіи и временное употребленіе на Черноморскомъ берегу 4-хъ баталіоновъ 13-й дивизіи, привели только къ тому, что на Сунжѣ возведено два небольшія укрѣпленія, между Лабою и Кубанью водворено четыре станицы и при укрѣпленіи Навагинскомъ возведена небольшая отдѣльная оборонительная башня. Неоспоримо, что частная польза отъ постройки послѣдней для гарнизона Навагинскаго укрѣпленія была весьма велика; но это могло быть произведено, при несравненно меньшихъ издержкахъ и съ меньшею потерей людей, простою высадкою на берегъ нѣкоторой части пѣхоты **). Что же касается до пользы, пріобрѣтенной посредствомъ водворенія между Лабою и Кубанью казачьихъ станицъ, то она на первое время не могла еще вознаградить вреда, происшедшаго отъ измѣны и побѣга съ Лабы покорныхъ ауловъ, для удержанія коихъ на мѣстахъ, до того ими занимаемыхъ, генералъ—лейтенантъ Зассъ, по всей справедливости, имѣлъ весьма достаточныя военныя средства и, сверхъ того, какъ главный мѣстный начальникъ, могъ бы даже предупредить и отклонить это происшествіе, мѣрами благоразумнаго управленія.

Что касается до Лѣваго фланга и Чечни, то, какъ уже выше замѣчено, возведеніе укрѣпленія Казакъ—Кичу и Заванъ—Юрта, затруднивъ прорывы большихъ хищническихъ партій чрезъ Сунжу, конечно принесло тѣмъ нѣкоторую пользу; но, съ другой стороны, мѣра эта, чисто оборонительная, едва ли столько же и не повредила намъ. Она могла быть принята и истолкована горцами за боязнь съ нашей стороны отважиться на что либо рѣшительное, даже и съ

*) Очеркъ, стр. 75—80.

**) Здѣсь надлежитъ, однакоже, замѣтить, что предположенная въ 1841 году на Черноморскомъ берегу сухопутная экспедиція имѣла цѣль далеко пространнѣйшую; но возникшій мятежъ въ Гуріи былъ причиною, что она предпринята была слишкомъ уже поздно для исполненія дальнѣйшихъ видовъ.

тѣми огромными силами, которыми, по взятіи Чиркея, располагалъ генераль-адъютантъ Граббе *). Обстоятельство это, которое тогда не представлялось такъ важнымъ, объяснилось позднѣйшими событіями, ибо могущество Шамиля, которому нанесенъ былъ разсѣяніемъ собранныхъ имъ скопищъ и покореніемъ Чиркея въ началѣ кампаніи сильный ударъ, во время бездѣйствія Чеченскаго отряда вновь не только утвердилось, но и расширилось въ одну сторону за Аварскій Койсу, до предѣловъ ханства Казикумыкского, а въ другую за Снѣговія горы, почти къ главному Кавказскому хребту, отдѣляющему Дагестанъ отъ Кахетіи.

Это имѣло самое неблагоприятное вліяніе на всѣ послѣдствія дѣйствій Дагестанскаго отряда.

Выше сказано, что возведеніе Евгеньевскаго укрѣпленія, упрочивъ покорность Чиркея и другихъ Салатовскихъ ауловъ, прикрыло, вмѣстѣ съ тѣмъ, шамхальскія владѣнія. Съ другой стороны, переселеніе одной половины Ауховскаго племени въ Андрееву, загнаніе другой половины его въ горы и, наконецъ, истребленіе всѣхъ ауловъ въ землѣ Ауховцевъ, — все это принесло также немалую пользу отнятіемъ у Шамиля части вооруженной его силы и удаленіемъ отъ Внезапной весьма опаснаго сосѣдства съ непокорными обществами. Въ богатыхъ Ауховскихъ аулахъ производились обыкновенно, какъ выше упомянуто, сборы хищническихъ партій Ичкеринцевъ и даже Андійцевъ и Гумбетовцевъ, и крѣпость Внезапная съ деревнею Андреевою непрерывно были тревожимы ихъ набѣгами; съ обезсиленіемъ же Ауховскаго общества набѣги эти прекратились совершенно.

Но что было отнято у Шамиля съ этой стороны, то приобрѣлъ онъ распространеніемъ своего могущества съ другой. Утвердивъ власть свою на правомъ берегу Аварскаго Койсу въ обществахъ Карахскомъ, Куябинскомъ и Анда-

*) Независимо отъ 4-хъ баталіоновъ, бывшихъ у Назрана и Моздока и 9 баталіоновъ Дагестанскаго отряда, оставшихся при Чиркеѣ, въ Шурѣ и въ землѣ Ауховцевъ, собственно въ Чеченскомъ отрядѣ было 15 баталіоновъ; всего же между верхнимъ теченіемъ Терека и Сулакомъ находилось 28 дѣйствующихъ баталіоновъ, кромѣ казаковъ, милиціи и ливейныхъ баталіоновъ, составившихъ гарнизоны укрѣпленій.

ляльскомъ и владѣя безпрепятственно всѣмъ теченіемъ Андійскаго Койсу, онъ могъ, убѣжденіемъ и угрозами, сильно дѣйствовать на Аварцевъ, Койсубулинцевъ и даже на Кузикумыкцевъ и Кюринцевъ. Когда же генераль-адъютантъ Граббе, встревоженный донесеніемъ генераль-маіора Клюкк-фонъ Клюгенау объ опасности, угрожавшей будто бы всему Сѣверному Дагестану, въ концѣ октября того же 1841 года, возвратилъ послѣднему бывшіе у него 3 баталіона отъ Дагестанскаго отряда и вмѣстѣ съ тѣмъ распустилъ войска Чеченскаго отряда, тогда Шамиль, посредствомъ главныхъ своихъ поборниковъ, со стороны Чечни произвелъ сильный набѣгъ къ самому Кизлярю, при чемъ горцы, кромѣ огромной добычи, отняли у насъ одну пушку и на возвратномъ пути одержали значительную поверхность надъ генераль-маіоромъ Ольшевскимъ, хотѣвшимъ пресѣчь имъ отступленіе; а со стороны Андаляля Шамиль овладѣлъ крѣпкимъ селеніемъ Гергебилемъ, заслоняющимъ оттуда входъ въ Мехтулинскія владѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ, къ концу ноября, не смотря на весьма значительное число войскъ, еще оставшихся въ Сѣверномъ Дагестанѣ, отъ безопасности и нерѣшительности генерала Клюгенау, мюриды заняли Унцукуль, отторгли отъ покорности намъ все Койсубулинское общество и на время пресѣкли даже самое сообщеніе наше съ Аварією. Хотя это послѣднее счастливымъ случаемъ и было вновь возстановлено, но не могло уже производиться иначе, какъ подъ большимъ прикрытіемъ пѣхоты съ пушками.

Въ такомъ положеніи, по свидѣтельству Головина, были дѣла наши къ концу 1841-го года *).

*) Подполковникъ Генеральнаго Штаба г. Околичій, въ своей интересной статьѣ о событіяхъ въ Дагестанѣ (*Военн. Сборн.* 1859 № 2, ч. неоф., стр. 384—388), объ этомъ времени, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«На 1841 годъ, были составлены обширныя предположенія для наступательныхъ дѣйствій. Главныя массы войскъ, сосредоточенныя при Темиръ-Ханъ-Шурѣ, подъ начальствомъ корпуснаго командира, генерала отъ инфантеріи Головина, двинулись къ Чиркею. Предполагалось на правомъ берегу Сулака, напротивъ этого селенія, возвести укрѣпленіе, чтобы прикрыть большую дорогу изъ Салатавіи въ центръ Шамхальства и въ тоже время удержать въ страхѣ мно-

За свои успѣшныя дѣйствія въ этомъ году Евгений Александровичъ удостоился получить, 14-го февраля 1842 года, при милостивомъ Его Императорскаго Величества ре-

голюдный Чиркей, доселѣ игравшей двусмысленную роль и готовый окончательно пристать къ Шамилю. Постройка укрѣпленія, названнаго Евгениевскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе жителей Салатави, Ауха и Чечни, поглотили всѣ средства Лѣваго крыла Кавказской линіи в Дагестане во весь 1841 годъ. — Между тѣмъ взглянемъ, что совершилось въ это время внутри Дагестана. — Доступъ туда былъ совершенно открытъ для Шамиля, и мы видѣли, что нѣкоторыя изъ Аварскихъ селеній уже отложились, единственно изъ опасенія быть разоренными. Но какъ было помочь этому? Занять всѣ доступныя для непріятеля пункты мы не могли, слѣдовательно, въ рукахъ нашихъ оставались только нравственныя средства для удержанія горъ въ покорности. Эти нравственныя средства заключались въ выгодахъ, пріобрѣтенныхъ горцами подъ нашимъ владычествомъ и отчасти въ чувствѣ страха. При помощи ихъ, мы нѣсколько успѣли притупить духъ ненависти, внушаемый къ намъ мусульманскою религіею; съ годами онъ болѣе и болѣе ослабѣвалъ бы, а корысть и честолюбіе продолжали бы скрѣплять узы сильнѣе, такъ что подобныя мѣры составляютъ едва ли не единственныя къ утвержденію нашего владычества въ Дагестанѣ. До сихъ поръ мы ихъ придерживались, но слѣбной случай и могучій противникъ успѣли поглотить тяжкія усилія наши въ теченіе многихъ лѣтъ. — До іюня 1841 года, расположеніе умовъ въ Дагестанскихъ обществахъ было все еще въ нашу пользу: Гумбетовцы искали покорности и, желая намъ услужить, предупредили Салатавцевъ о намѣреніяхъ Шамиля вторгнуться въ ихъ край; въ Андій, Шамиль казнилъ почетнаго жителя Бай-Сулеймана, смѣнилъ и оштрафовалъ тамошняго кадія за сочувствіе, питаемое ими къ Русскимъ. Отложившіяся въ прошломъ году Аварскія селенія — Орота, оба Харадерики, Хараки, Джалатауры и Коло передались Ахметъ-хану Мехтулинскому; Игали — готовилось покориться . . . . . Такимъ образомъ окончился 1841 годъ. Непріятель, не считая мелкихъ обществъ, успѣлъ присоединить къ себѣ часть Салатави, почти все Койсубулинское общество и большую часть Андалая. Увцукуль, Кикуну и Гергебиль были имъ заняты. Въ рукахъ нашихъ оставалось нѣсколько пунктовъ въ Аваріи, и то потому, что тамъ находились наши гарнизоны; единственное сообщеніе Хунзаха съ Темиръ-Хаяъ-Шурою, пролегавшее Балаканскимъ ущельемъ, было не совсѣмъ безопасно. Требовалось большихъ усилій, чтобы парализовать успѣхи и вліяніе непріятеля, грозившіе разлиться по всему Дагестану, до берега Каспійскаго моря. Противникъ нашъ

скриптѣ, золотую шпагу, алмазами украшенную, съ надписью «за храбрость». —*)

Не можемъ здѣсь не сохранить слѣдующихъ объясненій, сдѣланныхъ Головинымъ тогдашнему Военному Министру, при испрашиваніи Всемилостивѣйшаго соизволенія на пожалованіе наградъ отличившимся въ продолженіи экспедиціи **), — какъ характеризующихъ взглядъ Евгения Александровича на Кавказскую военную службу:

«Собственной опытъ мой, — писалъ Корпусный Командиръ, — убѣдилъ меня въ необыкновенныхъ трудностяхъ, сопряженныхъ съ походами на Кавказѣ; можно сказать не преувеличивая, что одна здѣшняя кампанія, принимая въ сравненіе тѣ лишенія и неудобства, коимъ подвергаются войска въ здѣшнемъ краѣ, стоитъ трехъ Европейскихъ.

«Сверхъ того обязываюсь доложить, что, представляя къ производству нѣкоторыхъ штабъ-офицеровъ, какъ напри- мѣръ Полковника Князя Андроникова, Подполковниковъ Кор-

обладалъ огромными средствами, имѣлъ искусныхъ исполнителей, каковы были Абакаръ-Кадій, Ахверды-Магома, Хаджи-Муратъ, Шуакбъ-Мулла, Уллубей и другіе; послѣдніе успѣхи возвысили его нравственныя силы и онъ сталъ готовиться къ обширнымъ предпріятіямъ.»

*) Такъ сказано въ формулярномъ спискѣ о службѣ Головина. *Въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, Русскомъ Инвалидѣ, Сѣверной Пчелѣ и С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* — мы этого рескрипта не отыскали.

Въ этотъ же день, 14-го февраля 1842 года, генералъ-адъютанту Граббе Всемилостивѣйше пожалованы алмазныя украшенія на Александровскій орденъ, при Высочайшей грамогѣ, въ которой изображено: «Успѣшныя военныя дѣйствія ваши въ Чеченской экспедиціи 1841 года, противу враждебныхъ, хищническихъ племенъ горцевъ, и всегдашняя, постоянно-ревностная служба и труды ваши по возложенному на васъ управленію, пріобрѣли вамъ полное право на признательность Нашу. Въ ознаменованіе оной Всемилостивѣйше жалуя вамъ препровождаемые при семъ знаки ордена *Св. Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго, алмазами украшенные*, Мы вполне надѣемся, что сей новый знакъ Монаршей Нашей милости будетъ вамъ и новымъ поощреніемъ къ предстоящимъ заслугамъ».

**) Рапортъ Головина къ князю Чернышеву, отъ 1-го сентября 1841 года, за № 52-мъ.

ганова, о которомъ упоминается въ прежнихъ представле-
ніяхъ, Зорина и другихъ, я, цѣля заслуги ихъ, имѣлъ еще
болѣе въ виду пользу самой службы, люди съ способностями
нигдѣ такъ не нужны, какъ здѣсь, между тѣмъ, какъ край-
ній недостатокъ въ нихъ, при усугубляющихся трудностяхъ
управленія тяжкаго и многосложнаго, дѣлаетъ положеніе
начальствующаго на Кавказѣ почти, смѣю сказать, невыно-
симымъ для силъ человѣческихъ, какъ-бы велики не были
усердіе его и дѣятельность. Полки вообще нуждаются, не
говоря уже въ надежныхъ, но даже въ посредственныхъ ба-
тальонныхъ и ротныхъ командирахъ, и чрезъ это составъ ихъ
часть отъ часу болѣе ослабѣваетъ. Военныя экспедиціи даютъ
возможность замѣтить тѣхъ изъ офицеровъ, кои, отличаясь
предъ другими, лучшія подають надежды. Говоря здѣсь
собственно о части фронтальной, я не упоминаю о другихъ
частяхъ, гдѣ необходимы способные люди по огромному
военному управленію на Кавказѣ; не могу не повторить, не-
однократно уже изъясненное мною Вашему Сіятельству, что
здѣшняя служба ни съ какою другою въ сравненіе не вхо-
дитъ и что самая польза ея требуетъ поощреній выходя-
щихъ изъ общихъ правилъ, дабы поддержать непрестанное
напряженіе всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, къ
которому призываются обрекающіеся на безотрадное суще-
ствованіе на Кавказѣ ».

Приведенныя выше обстоятельства въ Дагестанѣ требо-
вали, чтобы съ нашей стороны обращено было особенное
вниманіе на положеніе Аваріи. Кромѣ необходимости обез-
печить ее надежнымъ образомъ, надлежало имѣть въ виду,
что съ распространеніемъ въ горахъ владычества Ша-
миля, край этотъ пріобрѣлъ для насъ въ военномъ отно-
шеніи особенную важность. Надобно замѣтить, что вообще
относительно земель, гдѣ господствовалъ Шамиль, мы на-
ходились въ положеніи внѣшнемъ: только въ Аваріи и Кой-
субу мы имѣли на своей сторонѣ всѣ выгоды положенія вну-
тренняго или центральнаго. Аварія совершенно разобщаетъ
Чечню, Гумбетъ и Андію съ племенами, по правую сто-
рону Аварскаго Койсу обитающими, и представляетъ намъ

одинаковую возможность дѣйствовать какъ чрезъ Андій-
скій, такъ и чрезъ Аварскій Койсу.

Но чтобы вполне воспользоваться всѣми выгодами тако-
го положенія, намъ прежде всего необходимо было проч-
нымъ образомъ утвердиться въ Койсубу и Аваріи, или
лучше сказать, на всемъ пространствѣ, между Андійскимъ
и Аварскимъ Койсу заключающемся, и овладѣть главнѣйши-
ми переправами на этихъ рѣкахъ.

Въ такихъ видахъ Головинъ предполагалъ въ 1842 году
вновь собрать сильные отряды въ окрестностяхъ Внезапной
и Темиръ-Ханъ-Шуры и направить ихъ одновременно,
первый чрезъ Салатау мимо Чиркея въ Гумбетъ, къ Ме-
хельтѣ и Аргуани, а послѣдній изъ Аваріи прямо къ Чирка-
ту. Наступая, такимъ образомъ, въ одно и тоже время, по
сходящимся линіямъ, къ Андійскому Койсу и взаимно содѣй-
ствуя одинъ другому развлеченіемъ вниманія и силъ Ша-
миля, отряды эти споспѣшествовали бы другъ другу къ до-
стиженію общей цѣли, и когда бы первый, т. е. Чечен-
скій отрядъ, или привелъ Гумбетовцевъ къ покорности,
или бы нанесъ имъ чувствительный вредъ разореніемъ глав-
нѣйшихъ селеній ихъ и истребленіемъ вѣковыхъ садовъ,
составлявшихъ значительнѣйшую часть ихъ богатства, тогда
послѣдній, т. е. Дагестанскій отрядъ, утвердился бы на Ан-
дійскомъ Койсу и, овладѣвъ Чиркатомъ, устроилъ бы на вы-
годнѣйшемъ пунктѣ переправу съ двойнымъ мостовымъ
укрѣпленіемъ. Все это могло совершиться въ продолженіе
20, или много 25 дней, и тогда Чеченскій отрядъ предпо-
лагалось обратить или на Андію и потомъ къ селенію Дарго,
для разоренія этого гнѣздилища нашего главнаго врага —
Шамиля, или прямо къ этому пункту *), или же наконецъ,
чрезъ Салатау опять къ Внезапной, чтобы оттуда, сообраз-
но съ обстоятельствами, предпринять новое наступательное
движеніе.

Дагестанскій отрядъ предполагалось, по окончаніи мосто-
ваго укрѣпленія противу Чирката, употребить для занятія

*) Истребленіе Дарго особенной важности впрочемъ не представ-
ляло, ибо извѣстно, какъ горцы мало дорожатъ своими жилищами.
Дарго оставлено было жителями по первому уже извѣстію о дви-
женіи отряда генераль-адъютанта Граббе чрезъ землю Ичкерин-
скую. *Замѣчаніе въ Очеркъ Головина, стр. 82.*

укрѣпленіемъ другаго пункта, какъ напримѣръ Бетлетской высоты, откуда, наблюдая за переправами чрезъ Андійскій Койсу, мы могли бы господствовать въ сѣверной части Аваріи и Койсубу, подобно какъ изъ Хунзаха господствовали надъ всѣми высотами лѣваго берега Аварскаго Койсу. Дагестанскій отрядъ долженъ былъ, сверхъ того, овладѣть, еслибъ время позволило, деревнею Холодль и, еслибъ не удобно было удержать этотъ пунктъ за нами, то по крайней мѣрѣ истребить самое селеніе, чтобы отнять у горцевъ возможность имѣть, на самой переправѣ чрезъ Аварскій Койсу, сборное мѣсто въ 8 верстахъ отъ Хунзаха, и, наконецъ, по возможности обезпечить за нами переправу при Карадагскомъ мостѣ, лежащемъ на сообщеніи Аваріи съ Мехтулинскими владѣніями.

Чеченскій отрядъ, за исполненіемъ вышеизложеннаго, еще имѣлъ бы время довершить Кумыкскую линію возведеніемъ промежуточныхъ укрѣпленій и постовъ между Умаханъ—Юртомъ, Герзель—Ауломъ и Везапною, чтобы обезпечить землю Кумыковъ.

Предположенія эти представлены были въ декабрѣ 1841 года къ Военному Мннстру и въ то же время сообщены начальнику войскъ на Кавказской линіи и въ Черноморіи, для соображенія и изложенія своего мнѣнія. Но генераль-адъютантъ Граббе заблаговременно уже составилъ планъ, котораго первымъ основаніемъ было условіе, чтобъ ему дѣйствовать независимо отъ распоряженій корпуснаго начальства. На этотъ конецъ онъ отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ лично исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе, согласное съ своими предположеніями, не опредѣляя, впрочемъ, сущности ихъ, а общая положительно самые важные результаты отъ предпріятій своихъ, если только развязаны ему будутъ руки и даны всѣ средства, которыя онъ требуетъ *).

Такимъ образомъ, онъ исходатайствовалъ, чтобы, независимо отъ войскъ всей Кавказской и Береговой линій, отданы были въ его распоряженіе всѣ войска Дагестанскаго отряда, и чтобы корпусное начальство ограничилось только удовлетвореніемъ всѣхъ его требованій, какъ по матеріально-военной части, такъ и по части продовольственной.

*) Очеркъ, стр. 83.

Между тѣмъ, въ началѣ 1842 года, сдѣлано было на Линіи, по распоряженію Евгенія Александровича, нѣсколько небольшихъ зимнихъ экспедицій, изъ которыхъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія поиски, произведенные къ Галашевцамъ и Карабулакамъ изъ Владикавказа; особливо послѣдній поискъ, предпринятый полковникомъ Нестеровымъ, въ февралѣ, на рѣку Ассу.

Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ обстоятельстве, относящемся до распоряженій штаба войскъ, на Кавказской линіи расположенныхъ.

Имѣя въ виду эту экспедицію, полковникъ Нестеровъ обратился къ начальнику штаба, генераль-маіору Траскиву (генераль-адъютантъ Граббе находился тогда въ С. Петербургѣ) съ убѣдительною просьбою выслать ему къ февралю мѣсяцу шесть 10-фунтовыхъ горныхъ единороговъ, представляя, что безъ этого оружія онъ не можетъ надѣяться на успѣхъ своей экспедиціи.

О представленіи этомъ Корпусный Командиръ узналъ случайно и побочнымъ образомъ; но, признавая требованіе полковника Нестерова основательнымъ и зная, что въ Георгіевскомъ арсеналѣ имѣется такое число готовыхъ 10-фунтовыхъ горныхъ единороговъ, далъ, чрезъ начальника артиллеріи, предписаніе, чтобы орудія эти были немедленно высланы изъ Георгіевска въ Владикавказъ, а для наблюденія за исполненіемъ отправилъ въ Георгіевскъ своего адъютанта.

Пока распоряженіе это дѣлалось изъ Тифлиса, генераль-маіоръ Траскинъ, изъ Ставрополя, увѣдомилъ полковника Нестерова, что онъ, при всемъ своемъ желаніи, просьбы его на счетъ высылки 10-фунтовыхъ горныхъ единороговъ удовлетворить не можетъ, потому что Георгіевскій арсеналъ таковыхъ въ готовности не имѣетъ. Замѣчательно, что отзывъ этотъ начальника штаба войскъ на Кавказской линіи полученъ полковникомъ Нестеровымъ въ одинъ и тотъ же день вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ изъ корпуснаго штаба, что требуемая имъ орудія уже высланы и придутъ въ Владикавказъ къ назначенному времени, какъ это дѣйствительно и исполнилось.

Изъ донесенія полковника Нестерова видно, что полнымъ успѣхомъ поиска его въ землю Галашевцевъ онъ наиболѣе

обязанъ дѣйствию находившихся у него 10-фунтовыхъ горныхъ единороговъ.

Выше объяснено, въ какомъ неблагопріятномъ положеніи оставались дѣла Сѣвернаго Дагестана и Аваріи, а потому настояла крайняя необходимость озаботиться возстановленіемъ ихъ безъ малѣйшаго отлагательства, чтобы Шамиль, съ открытіемъ весны, не предупредилъ главныхъ нашихъ дѣйствій вторженіемъ чрезъ Гимры въ Шамхальскія, а чрезъ Гергебиль въ Мехтулинскія владѣнія. Съ этою цѣлію тотчасъ же были направлены въ Шуру подкрѣпленія. «А такъ какъ на генераль-маіора Клюки-фонъ-Клюгенау, послѣ слабыхъ и неосновательныхъ дѣйствій его въ концѣ предыдущаго года, — говоритъ Головинъ *)», — нельзя уже было положиться», то командованіе тамъ войсками поручено было генераль-лейтенанту Фези, съ разрѣшеніемъ пользоваться, въ случаѣ надобности, всѣми способами, какъ Сѣвернаго, такъ и Южнаго Дагестана, для возстановленія тамошнихъ нашихъ дѣлъ **).

Фези прибылъ въ Шуру въ первыхъ числахъ февраля. Постигая всю важность Гергебильскаго пункта, на который, впрочемъ указано ему было Корпуснымъ Командиромъ, съ тѣмъ, чтобы стараться какъ возможно наискорѣе исторгнуть

*) Очеркъ, стр. 86.

**) Г. Окольниковъ объ этомъ назначеніи отзывается (стр. 388), слѣдующимъ образомъ:

«Въ началѣ 1842 года, по распоряженію Корпуснаго Командира, былъ отправленъ для начальствованія войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ генераль-лейтенантъ Фези, столь удачно дѣйствовавшій тамъ въ теченіе 1837 — 1838 годовъ. Предназначалось усилить средства Дагестана баталіонами съ Линіи и открыть наступленіе въ горы при первой къ тому возможности. Въ этомъ случаѣ не столько количество войскъ, сколько рѣшительность и быстрота, были необходимы, ибо Шамиль не успѣлъ еще достаточно утвердиться ни въ Койсубу, ни въ Андалалѣ, важныхъ для удержанія Аваріи. Выборъ, павшій на генерала Фези, былъ весьма удаченъ. Предпримчивый, рѣшительный, никогда неоставлявшійся ни передъ какими препятствіемъ, онъ прекрасно понималъ духъ горной войны, и первый изъ нашихъ генераловъ положилъ начало прокладкѣ сообщеній, какъ одному изъ главныхъ актовъ экспедицій въ горы; но новое поприще его въ Дагестанѣ было кратковременно и, къ сожалѣнію, онъ былъ удаленъ оттуда въ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ мнвуть».

его изъ рукъ Шамилевой партіи, предприимчивый этотъ генераль посвѣщилъ открыть съ него наступательныя свои дѣйствія; ибо селеніе Гергебиль, сильное по числу жителей и по крѣпости мѣстоположенія, измѣнивъ намъ въ поябрѣ минувшаго года, служило сборнымъ и складочнымъ мѣстомъ для скипищъ Шамилевыхъ, приготовлявшихся вторгнуться въ Дагестанскія наши владѣнія: оно грозило опасностію верхнимъ селеніямъ Мехтулинскаго ханства, гдѣ уже стали обнаруживаться духъ мятежа; самые Цудахаръ и Акуша не могли оставаться спокойными.

И такъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, не дожидаясь окончанія зимы, Фези направилъ удары свои на этотъ пунктъ первостепенной важности, тѣмъ болѣе, что часть назначенныхъ въ Дагестанъ баталіоновъ уже прибыли въ Темиръ-Ханъ-Шуру. 17-го февраля, съ 5-ю баталіонами, при 7-ми орудіяхъ, онъ перешелъ къ Дженгутаю. Усилившись здѣсь милиціею Ахметъ-хана, отрядъ, на другой день, продолжалъ движеніе чрезъ покрытыя еще глубокимъ снѣгомъ Кутишинскія высоты къ Гергебилю, гдѣ собравшійся въ значительныхъ силахъ непріятель, подъ предводительствомъ Карахскаго старшины Магомы, ожидалъ насъ въ крѣпкой позиціи. 20-го февраля войска наши на разсвѣтѣ подошли къ Гергебилю, сбили мюридовъ съ позиціи и на плечахъ ихъ ворвались въ селеніе. Непріятель, потерявъ въ завалахъ значительное число убитыми и ранеными, оставивъ въ нашихъ рукахъ 50 человекъ плѣнными, нигдѣ уже болѣе не держался и въ беспорядкѣ бѣжалъ за Койсу. Въ тотъ же день сдались безъ выстрѣла селенія Кодухъ и Кикуну. Потеря наша заключалась въ 40 человекъ убитыми и ранеными.

Удачное дѣло 20-го февраля, — свидѣтельствуетъ Головинъ *) — имѣло самыя благопріятныя послѣдствія. Старшины Цудахарскихъ селеній—Куппы и Ходжалъ-Маховъ, извѣстныхъ сомнительнымъ поведеніемъ, и Андалалскихъ—Чоха и Сугратля, прибыли съ покорностію. Не давая остынуть впечатлѣнію Гергебильской побѣды и въ то же время же-

*) Очеркъ, стр. 86 и 87. Г. Окольниковъ (стр. 389) также соглашается, что молодецкое дѣло это не замедлило обнаружить благотельныя послѣдствія.

лая воспользоваться выгоднымъ расположеніемъ умовъ въ Андалаялѣ, генералъ Фези воспользовался движеніемъ къ Чоху и 2-го марта занялъ селеніе безъ выстрѣла. Въ Гергебилѣ были оставлены имъ двѣ роты и саперная команда, такъ что дѣйствующій отрядъ его состоялъ изъ 18-ти ротъ при 5-ти горныхъ единорогахъ, всего численностію 2,355 штыковъ.

Тѣмъ временемъ въ окрестностяхъ Тилитля и въ Куядинскомъ обществѣ снова успѣли сосредоточиться до 5,000 горцевъ; однако непріятель не отважился напасть на генерала Фези, а расположился у Гунибъ-Дага, въ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій съ нашей стороны.

2 и 3-го марта шелъ глубокой снѣгъ, угрожавшій войскамъ совершенною гибелью, еслибъ они углубились далѣе въ Андалаялѣ; уже трое сутокъ солдаты не имѣли дровъ и оставались на однихъ сухаряхъ. Медлить было нельзя, и генералъ Фези повернулъ отрядъ на Карадахскій мостъ, чтобы сблизиться съ Аварією. Поразивъ еще разъ на пути довольно значительныя партіи горцевъ, пытавшихся тревожить движеніе его отряда, генералъ Фези прибылъ благополучно въ Хунзахъ 7-го марта, имѣя весьма незначительную потерю.

Между тѣмъ какъ происходили описанныя дѣйствія, маіоръ Евдокимовъ *) дѣятельно велъ переговоры съ Унцукульцами при посредничествѣ бывшего ихъ старшины, прапорщика Алило, искренно намъ преданнаго. 5-го марта, наконецъ, онъ успѣлъ тайно проникнуть въ Унцукуль; возбужденные ими жители взяли за оружіе и захватили расположенныхъ въ селеніи, въ видѣ гарнизона, 80 человекъ мюридовъ. На другой день прибылъ туда маіоръ Евдокимовъ, съ 4-мя ротами, при горномъ единорогѣ; но въ то время, какъ онъ обратился къ вышедшему ему на встрѣчу народу съ рѣчью, одинъ фанатикъ вонзилъ ему кинжалъ въ животъ; злодѣй былъ тутъ же изрубленъ, но Евдокимовъ едва не заплатилъ жизнью.

Вслѣдъ за тѣмъ, по примѣру Унцукуля, изъявили покорность Гимры, Бетлетъ, Икалита и другія Койсубулинскія

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и графъ, прославлявшійся недавно взятіемъ Ведена.

селенія. Въ Унцукулѣ и Гимрахъ генералъ Фези оставилъ гарнизоны, по ротѣ въ каждомъ, а въ первомъ изъ нихъ заложилъ фортъ на отдѣльномъ курганѣ, командующемъ селеніемъ, что было необходимо для обезпеченія его отъ покушеній Шамиля. Въмѣстѣ съ этимъ и въ Гергебилѣ было приступлено къ постройкѣ укрѣпленія вмѣстимостію на баталіонъ. — Селенія Андалаялскаго общества Чохъ, Сугратль, Обоухъ, Могоухъ, Унчибъ, Кегеръ и другія также изъявили свою покорность.

Такимъ образомъ, менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, неудачи прошедшаго года были поправлены.

Впрочемъ движеніе въ Андалаялѣ и кратковременное занятіе Чохъ, главнаго селенія этого общества, Головинъ *) считалъ предпріятіемъ безвременнымъ и даже излишнимъ, хотя оно совершилось безъ боя и потери.

Вскорѣ потомъ, въ апрѣлѣ, генералъ Фези былъ отозванъ въ Тифлисъ, а вслѣдъ за тѣмъ удаленъ съ Кавказа; но, *къ великому счастью*, — свидѣтельствуетъ Головинъ **), — «онъ успѣлъ уже сдѣлать все, что нужно было къ огражденію Сѣвернаго Дагестана и къ восстановленію свободнаго сообщенія Темиръ-Ханъ-Шуры съ Хунзахомъ и Аварією.»

Но рядомъ съ отважными дѣйствіями Фези, возникали въ давно-покорномъ и, по видимому, преданномъ намъ краѣ новыя козни и мятежи, доказавшіе какъ сильно было поколеблено довѣріе къ намъ народа. Шамиль, лишенный, такимъ образомъ, всѣхъ пріобрѣтенныхъ минувшею осенью выгодъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, обратилъ усилія свои на югъ.

Въ концѣ марта 1842 года, вспыхнуло возстаніе въ Казикумыхскомъ ханствѣ, подготовленное интригами нѣкоторыхъ членовъ ханской фамиліи.

По кончинѣ Асланъ-хана ***) и двухъ его сыновей, умершихъ, не оставивъ по себѣ мужескаго поколѣнія, прекра-

*) Очеркъ, стр. 87.

**) Тамъ же.

***) У Асланъ-Хана было два сына: Нуцаль и Магометъ-Мирза, оба бывшіе ханами одинъ за другимъ, и умершіе не оставивъ дѣтей мужескаго пола; послѣдній умеръ въ 1839 году. Загѣмъ остались въ живыхъ: жена Асланъ-хана, престарѣлая ханша Умма-Гюльсумъ-бике, дочь Нуцаль-хана и дѣти двоюродныхъ братьевъ

тился прямой родъ Казикумыхскихъ хановъ. Отсутствие способностей, интриги и взаимные довоы сдѣлались удѣломъ ближайшихъ родственниковъ Асланъ — хана, которые, не имѣя никакого права на владѣніе, тѣмъ не менѣе его домогались. Двое изъ нихъ обратили особенное вниманіе нашего Правительства: Абдурахманъ—бекъ, обнаружившій сильнѣе другихъ притязаніе на ханство и потому отозванный въ 1840 году въ Тифлисъ, и Хаджи—Ягья (чанка), человекъ безпокойнаго характера, закоснѣлый мюридъ и страстный поклонникъ Шамиля. Послѣдній въ 1838 году даже бѣжалъ въ непокорныя общества и оттуда, по временамъ, пробирался въ Кайтахъ и Табасаранъ, волнуя жителей идеями имамовъ.

Съ отъѣздомъ Абдурахмана, управление Казикумыхскимъ ханствомъ было ввѣрено Мамаду и Гарунъ—бекамъ, но они возбудили противъ себя неудовольствіе ханши Умма—Гюльсумъ—бике, которая, вслѣдствіе этого, стала ходатайствовать о возвращеніи Абдурахмана, какъ болѣе ей преданнаго. Это обстоятельство сильно встревожило дѣтей Таира и опасеніе упустить изъ рукъ ханство заставило ихъ вступить въ сношенія съ Шамилемъ, къ чему ихъ усердно убѣждалъ и родной ихъ братъ Хаджи—Ягья. Такимъ образомъ, въ Казикумыхъ обнаружались безпорядки и волненіе народа стало очевиднымъ еще съ конца 1841 года, когда 300 Казикумыхцевъ явились на зовъ Кибитъ—Магомы, предъ движеніемъ его къ Гергебилию. Чтобы удержать ханство отъ возстанія, въ случаѣ появленія тамъ мюридовъ, въ началѣ 1842 года, было предписано управлявшему Самурскимъ округомъ, полковнику Снаксареву, прибыть въ Казикумыхъ и, собравъ тамъ и въ Кюринскомъ ханствѣ милицію, дѣятельно слѣдить за поведеніемъ членовъ ханской фамиліи. Но сыновья Таира, наружною почтительностью, успѣли усыпить Снаксарева, дряхлаго старика, до такой степени, что онъ даже распустилъ милицію. Въ половинѣ марта, Казикумых-

Асланъ—хана, Омара и Таиръ—бековъ. У Омара было тръ сына: Абдурахманъ—бекъ, Абдулла—бекъ и Агаларъ—бекъ; у Таира пятеро: Гарунъ—бекъ, Мамадъ—бекъ, Хаджи—Ягья, Юсуфъ—бекъ и Джебравль—бекъ. Изъ нихъ наиболѣе способными были: Агаларъ—бекъ и Юсуфъ—бекъ, но Абдурахманъ—бекъ, какъ женившійся на дочери Нуцаль—хана, считалъ себя въ болѣе правѣ на Казикумыхское ханство.

цы, по наущенію Хаджи—Ягья, прибывшаго изъ горъ подъ видомъ покорности, послали торжественное приглашеніе къ Шамилю, обѣщая, по прибытіи его, выдать ему ханшу и всѣхъ Русскихъ.

Съ своей стороны Шамиль, не опускавшій никогда случая пользоваться легковѣріемъ народа, спѣшилъ и теперь воспользоваться вліяніемъ своимъ на общества, лежащія по правому берегу Аварскаго Койсу, и на многочисленныхъ приверженцевъ своихъ, находившихся въ ханствахъ Казикумыхскомъ и Кюринскомъ, а также отсутствіемъ изъ Южнаго Дагестана всѣхъ дѣйствующихъ войскъ нашихъ. Онъ собралъ большія толпы горцевъ разныхъ племенъ и 20-го марта безпрепятственно занялъ Кумыхъ.

Снаксаревъ и нѣсколько другихъ Русскихъ офицеровъ, заключившіеся въ ханскомъ замкѣ, были на другой день ему выданы и отправлены плѣнными въ горы, а Хаджи—Ягья назначенъ наибомъ Казикумыха. Старая ханша была оставлена на своемъ мѣстѣ, потому что Шамиль, изъ особой политики, не посягалъ на членовъ ханскаго рода, которые были ему безвредны.

При такой близкой опасности въ Южномъ Дагестанѣ, кромѣ резервнаго баталіона пѣхонтаго князя Варшавскаго полка и линейнаго баталіона, занимавшаго Хазры, Ахты и укрѣпленіе Тифлисское, войскъ никакихъ не было.

Корпусный Командиръ, когда уже не оставалось никакого сомнѣнія на счетъ мятежа Казикумыха, сдѣлалъ распоряженіе о направленіи туда изъ Закавказья четырехъ баталіоновъ, необходимыхъ для его успокоенія. Но все—таки, дѣла тамъ могли принять крайне вредный для насъ оборотъ: ибо Каратайтахъ, Сюрго, верхняя Табасаранъ и другія племена, исключая одной Акуши, уже были готовы передаться возмутителю. «Но, по счастью,—говоритъ Головинъ *),—со времени возведенія въ 1839 году укрѣпленія при селеніи Ахты и Аджіахурѣ, владѣя всѣмъ теченіемъ Самура, мы уже стояли въ Южномъ Дагестанѣ твердою ногою, такъ что самыхъ ограниченнхъ средствъ было на первый случай достаточно для воспрепятствованія распространенію тамъ успѣховъ Шамиля.»

*) Очеркъ, стр. 88—89.

Между тѣмъ командиръ князя Варшавскаго полка, полковникъ Заливкинъ, временно командовавшій войсками въ Южномъ Дагестанѣ, въ ожиданіи прибытія усиленія, собравъ сводную команду изъ своего резервнаго баталіона въ 250 человекъ, и, присоединивъ къ нимъ 100 человекъ изъ линейнаго полубаталіона, находившагося въ Хазрахъ, остановивъ также слѣдовавшую изъ Тифлиса въ Шуру саперную роту съ нѣсколькими орудіями, туда же шедшей артиллеріи, наконецъ, собравъ Кубинскихъ военныхъ нукеровъ и небольшое число милиціонеровъ, перешелъ на лѣвый берегъ Самура и движеніемъ этимъ, съ одной стороны ободрялъ мирныхъ жителей, желавшихъ спокойствія, а съ другой — устрашилъ непріязненную намъ партію, готовую уже поднятъ противъ насъ оружіе. Вскорѣ потомъ, подкрѣпленный 3-мя ротами изъ Баку, Шемахи и Дербента и 300 милиціонеровъ изъ Самурскаго округа, Заливкинъ успѣшилъ занять первоначально Курахъ, — главное селеніе Кюринскаго ханства, — а потомъ выдвинулъ двѣ роты съ частию милиціи, въ деревню Рычу, лежащую при входѣ изъ этого ханства въ землю Казикумыхскую, въ весьма крѣпкой позиціи, которою оканчивается узкое и трудное дефиле, туда ведущее *).

Такимъ образомъ полковникъ Заливкинъ удержалъ спокойствіе въ Кюринскомъ ханствѣ въ продолженіе всего апрѣля и далъ время собраться на Самуръ войскамъ, направленнымъ туда изъ окрестностей Тифлиса. Не менѣе того, однакожь, слабый передовой отрядъ его подвергся большой опасности, но, къ счастью, избѣжалъ ее, благодаря мужеству и присутствію духа горсти нашихъ войскъ.

Новый наибъ Казикумыха, Хаджи-Ягья, желая заслужить на первыхъ порахъ милостивое расположеніе Шамиля и, рассчитывая на растянутае наше расположеніе, вознамѣрился истребить отрядъ Заливкина по частямъ, начавъ съ его авангарда, стоявшаго, какъ сказали, при сел. Рычи. Въ это

*) Желаніе удержать эту единственную доступную въ Казикумыхъ дорогу, заставившее Заливкина растянуть свой малочисленный отрядъ по-эшелонно отъ Рычи до Кураха, въ статьѣ «Кавказскія войны» *Военно-Энциклопедическаго Лексикона* (VI, стр. 646), названы *благоразумными мѣрами*, тогда какъ г. Окольничій признаетъ ихъ (стр. 392) *дурными соображеніями*.

время въ Рычахъ, подъ командою артиллеріи капитана князя Орбеліана, находились двѣ роты (4-я мушкатерская рота князя Варшавскаго полка и 1-я піонерная Кавказскаго сапернаго баталіона), 30 казаковъ Донскаго № 49-го полка, при горномъ единорогѣ и трехъ сотняхъ Кюринской горной милиціи; всего, за исключеніемъ Кюринцевъ, въ числѣ съ небольшимъ 300 чел. 1-го мая, Хаджи-Ягья, съ четырехъ-тысячнымъ сконищемъ Кумыхцевъ, Карахцевъ и Андалаяцевъ, занялъ окрестныя Рычинскія высоты. При появленіи непріятеля, Кюринская милиція, воскликнувъ «Алла-кяламъ!» (сила Божія), обратилась въ бѣгство, а защита позиціи была предоставлена 300 храбрымъ. Но эта горсть Русскихъ солдатъ съ геройскою твердостью выдержала нападеніе непріятеля, мечтавшаго истребить ее. Нападеніе произведено было съ большимъ жаромъ и со всею увѣренностію въ успѣхѣ; но сопротивленіе было такъ мужественно и такъ упорно, что, послѣ восьми-часоваго боя, горцы обратились въ бѣгство, оставивъ въ рукахъ побѣдителей 5 знаменъ и на мѣстѣ болѣе 100 человекъ убитыми; всего же непріятель потерялъ болѣе 300 человекъ. У насъ было убито 10, ранено 87. Это истинно геройское дѣло, безспорно *), спасло весь отрядъ Заливкина.

Вслѣдъ за тѣмъ собрались къ Чираху и войска, назначенныя Корпуснымъ Командиромъ въ Самурскій отрядъ для дѣйствій къ Кумыху. За отдѣленіемъ 10 дѣйствующихъ баталіоновъ въ Сѣверный Дагестанъ, за распределеніемъ, кромѣ того, 6½ баталіоновъ для содержанія карауловъ и по работамъ въ Александрополѣ и по военнымъ дорогамъ, нельзя было послать на Самуръ болѣе трехъ баталіоновъ отъ полковъ Тифлисскаго и Мингрельскаго егерскихъ и Эриванскаго карабинернаго и, сверхъ того, маршеваго баталіона Виленскаго егерскаго полка, прибывшаго для укомплектованія полка князя Варшавскаго, при 4-хъ горныхъ единорогахъ и Елисейской милиціи, приведенной Даніель-Султаномъ.

Начальство надъ этимъ отрядомъ, по распоряженію Головина, было поручено полковнику князю Аргутинскому-Долгорукову, — тогда еще мало извѣстному на военномъ

*) *Военный Сборникъ*, 1859, № 2, часть неоф., стр. 393.

поприщѣ, — который вполнѣ оправдалъ свое назначеніе. Онъ былъ уже на Самурѣ, когда разыгралось Рычинское дѣло. Узнавъ объ его результатѣ, князь Аргутинскій поспѣшилъ двинуть прибывшія на Самуръ войска къ Чираху, чтобъ поддержать раскинутые эшелоны Заливкина, въ случаѣ новыхъ покушеній непріятеля, и въ то же время воспользоваться нравственнымъ вліяніемъ Рычинской побѣды.

Скопище Казикумыхцевъ, подкрѣпленныхъ Карахцами и Тилитлинцами, — въ числѣ 4,000 человекъ, — встрѣтило нашихъ верстахъ въ пяти отъ Кумыха, укрѣпившихся въ селеніи Шуаркю. 12-го мая, подступивъ къ селенію, князь Аргутинскій атаковалъ его, нанеся сильное пораженіе и совершенно разсѣявъ горцевъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было занятіе Кумыха. Хаджи-Ягья, закоснѣлый мюридъ, бѣглый нашъ прапорщикъ, бѣжалъ въ горы, а жители, изъявивъ раскаяніе въ своемъ заблужденіи, возвратились къ покорности.

Между тѣмъ, согласно съ Высочайшими предначертаніями, войска, предназначенныя дѣйствовать на Кавказской линіи, въ Сѣверномъ Дагестанѣ и на рѣкѣ Гастагаѣ, всего — пѣхоты: 33½ баталіона, въ томъ числѣ 2 полка Черноморскихъ казаковъ, и конницы: 5,050 казаковъ и 570 человекъ милиціи, съ 90 орудіями полевой и горной артиллеріи, соединились по отрядамъ:

Въ окрестностяхъ Анапы, подъ начальствомъ контръ-адмирала Серебрякова, сосредоточилось 6 баталіоновъ, 2 пѣшихъ Черноморскихъ полка, 1 конный Черноморскій полкъ и 18 орудій.

На Правомъ флангѣ Кавказской линіи, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Засса, было собрано 6 баталіоновъ, 1000 линейныхъ казаковъ, 10 орудій и 50 человекъ милиціи.

Въ Центръ линіи, подъ начальствомъ полковника Нестерова, находилось 6 баталіоновъ, 450 линейныхъ и Малороссійскихъ казаковъ, 10 орудій и 170 человекъ милиціи.

На Лѣвомъ флангѣ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Граббе, сосредоточено 12 баталіоновъ, 350 человекъ линейныхъ казаковъ, 32 орудія и 150 человекъ милиціи; и

Въ Сѣверномъ Дагестанѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора Клюки-Фонъ-Клюгенау, находилось 14¼ баталіо-

новъ, 350 человекъ казковъ, 20 орудій и 200 Дагестанскихъ всадниковъ.

Оба послѣдніе отряда были ввѣрены непосредственному командованію генераль-адъютанта Граббе, которому притомъ подчинены были и всѣ дѣйствія съ той стороны Кавказа.

На этомъ основаніи, приступая къ исполненію плана своихъ операцій, генераль Граббе вошелъ съ требованіями по различнымъ предметамъ, входящимъ въ обыкновенныя потребности предпринимаемыхъ въ горы экспедицій; но на этотъ разъ требованія его не только выходили изъ предѣловъ умѣренности, но и превышали всякую мѣру основательности въ соображеніяхъ. Напримѣръ: онъ требовалъ въ мартѣ мѣсяцѣ, чтобы въ половинѣ мая было заготовлено въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и другихъ ближайшихъ пунктахъ Сѣвернаго Дагестана 21,000 четвертей сухарей, т. е. 4-мѣсячная потребность для 21,000 или 8-мѣсячная для 10,500 человекъ. Когда такое число войскъ могло быть въ дѣйстви въ Дагестанѣ? — Наконецъ, неужели генераль Граббе могъ потерять изъ виду и самую невозможность такого огромнаго заготовленія въ столь короткое время?

Подобное требованіе, — пишетъ Головинъ *) — можно объяснить однимъ только, — заблаговременно принятымъ намѣреніемъ отказываться отъ военныхъ предпріятій, подъ предлогомъ недостатка въ способахъ продовольствія, обративъ всю вину на корпусное начальство. За всѣмъ тѣмъ, однакожъ, необыкновенною заботливостію Корпуснаго Интендантства и это требованіе, не взирая на всѣ неблагоприятныя обстоятельства эпохи, было по возможности удовлетворено.

Но пока генераль Граббе, среди приготовленій своихъ, по разнымъ, мало впрочемъ уважительнымъ причинамъ **), медлилъ открытіемъ кампаніи до послѣднихъ чи-

*) Очеркъ, стр. 93.

***) Тамъ же. «Послѣдній предлогъ, подъ которымъ генераль-адъютантъ Граббе уклонялся отъ начатія военныхъ дѣйствій, было неприбытіе саперной роты, такъ какъ бы недостатокъ этотъ для расчистки дорогъ нельзя было замѣнить рабочею командою, какъ это всегда и дѣлалось. Означенная саперная рота оставлена

селя мая, Шамиль, недумавшій покидать своихъ намѣреній относительно Казикумыкского ханства, общавшаго ему такъ много выгодъ, вознамѣрился лично поспѣшить туда. Пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ, онъ собралъ вновь огромныя скопища въ Чечнѣ, подъ предводительствомъ одного изъ главнѣйшихъ своихъ поборниковъ, Ахверды-Могомы, усилилъ толпы Чеченцевъ шайками, набранными Кибитъ-Магометомъ и Абдуль-Рахманомъ Карахскимъ, и, имѣя уже въ сборѣ до 15,000 человекъ, въ концѣ мая опять вторгнулся въ Казикумыкское ханство.

При первомъ извѣстіи о сосредоточеніи горцевъ, князь Аргутинскій рѣшился выжидать непріятеля у Кумыха, но въ то же время усилилъ гарнизоны въ Чирахѣ и Курахѣ, чтобы, на всякій случай, обезпечить свои сообщенія съ нижнимъ Самуромъ.

25-го мая непріятель, въ большихъ силахъ, показался на Кумыкскихъ высотахъ: 30-го положеніе отряда нашего стало тѣмъ затруднительнѣе, что скопище раздѣлилось: съ большею частію его Шамиль бросился къ селенію Кюлюли, дабы обойти правый нашъ флангъ и стать на сообщеніи съ Кубою и Дербентомъ, чему нельзя было воспрепятствовать, по большому превосходству горцевъ въ числѣ, между тѣмъ какъ и противъ самага отряда также осталось значительное скопище, которое расположилось въ крѣпкой мѣстности, при деревнѣ Унжу-Хутлу, въ 10-ти верстахъ отъ Кумыха. Въ то же время мятежъ снова вспыхнулъ повсюду и Казикумыкцы, трепеща за свои семейства, цѣлыми толпами являлись въ станъ Шамиля, и увеличили его сборище въ Кюлюли до 9,000 человекъ.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, князь Аргутинскій предположилъ идти на встрѣчу главнымъ массамъ непріятеля, отъ пораженія которыхъ зависѣлъ весь успѣхъ. 1-го іюня, пользуясь раздѣленіемъ силъ Шамиля, онъ предварительно послалъ часть войскъ своихъ къ деревнѣ Унжу-Хутлу, разбилъ находившееся тамъ скопище, а потомъ со всѣмъ небольшимъ своимъ отрядомъ (3½ баталіона, 1160

была полковникомъ Залыкинымъ и участвовала въ геройскомъ дѣлѣ при с. Рычѣ, гдѣ она, конечно, оказала большую услугу, чѣмъ могла оказать при Чеченскомъ отрядѣ». Тамъ же.

чел. милиціи и 4 орудія) двинулся къ Кюлюли, оставивъ всѣ лишнія тяжести въ Кумыхѣ, подъ прикрытіемъ роты Виленскаго полка.

Іюня 2-го, не въ дальнемъ разстояніи отъ этого селенія, кн. Аргутинскій встрѣченъ былъ всѣми силами горцевъ, которые неоднократно покушались многочисленностію своею подавить Русскихъ. Но будучи всякій разъ опрокинуты съ большею потерей и претерпѣвъ, наконецъ, совершенное пораженіе, они, съ наступленіемъ ночи, бѣжали: Шамиль съ ближайшими своими приверженцами первый подалъ къ тому примѣръ! Жарко преслѣдуемая, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня (3-го іюня), толпы эти продолжали отступленіе въ величайшемъ безпорядкѣ, будучи въ бѣгствѣ своемъ истребляемы самими жителями.

Шамиль шелъ такъ быстро, что къ семи часамъ утра былъ уже у Кумыха (около 30 верстъ) и попробовалъ было завять селеніе, но жители, предваренные о побѣдѣ и поддерживаемые ротою Виленскаго полка, дали ему рѣшительный отпоръ. Встрѣтивъ и здѣсь неудачу, Шамиль посѣшилъ очистить Казикумыкское ханство.

Въ тотъ же день вся Казикумыкская земля освобождена отъ непріятеля, который, кромѣ огромной потери убитыми и ранеными (у него вышло изъ строя до 1500 чел.), оставилъ 82 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находились много значительныхъ лицъ отъ всѣхъ племенъ, повиновавшихся Шамилю. Наша потеря заключалась въ 127 убитыми и ранеными.

Прибывъ въ Кумыхъ, князь Аргутинскій назначилъ правителемъ ханства Абдурахманъ-бека, возвращеннаго изъ Тифлиса, подъ непосредственнымъ руководствомъ ханши Умми-Гюльсумъ-бике. Спокойствіе было повсемѣстно восстановлено, а отрядъ расположился лагеремъ на окрестныхъ высотахъ.

«Но когда небольшой отрядъ полковника князя Аргутинскаго-Долгорукаго, снаряженный самымъ поспѣшнымъ образомъ, безъ особенныхъ приготовленій и обезпеченный съ тылу только укрѣпленною линіею, по рѣкѣ Самуру устроенною, въ полной мѣрѣ торжествовалъ надъ всѣми усиліями Шамиля; когда, чрезъ занятіе вооруженною рукою ханства Казикумыкского, полагалось прочное основаніе къ утверж-

денію спокойствія въ Южномъ Дагестанѣ и цѣлой Каспійской области: тогда — говорятъ Головинъ *), — экспедиція, снаряженная съ величайшими пожертвованіями со стороны Чечни и Сѣвернаго Дагестана, не взирая на приготовленія, какихъ на Кавказѣ еще никогда дѣлаемо не было, къ сожалѣнію, не только осталась совершенно безуспѣшною, но и стоила намъ величайшихъ потерь».

Генераль Граббе, которому, вѣроятно, Высочайше указана была главная цѣль совокупныхъ дѣйствій Чеченскаго и Дагестанскаго отрядовъ, а въ частности только представлено было сообразоваться съ положеніемъ обстоятельствъ и дѣйствовать по ближайшему усмотрѣнію, притянулъ къ себѣ отъ Дагестанскаго отряда три баталіона съ частію артиллеріи и сосредоточилъ, такимъ образомъ, 29-го мая, отрядъ у Герзель-аула, въ составѣ 12-ти баталіоновъ пѣхоты (1 и 2 князя Варшавскаго, 1, 2, 3 и 4 Навагинскаго, 1, 2, 3 и 4 Кабардинскаго, 3 и 4 Куринскаго полковъ), роты саперъ, 3½ сотенъ линейныхъ казаковъ, — всего подъ ружьемъ слишкомъ 10,000 чел. и 24 орудія, въ томъ числѣ 16 легкихъ. Отрядъ имѣлъ при себѣ продовольствія на 15 дней, двойной комплектъ снарядовъ и 500,000 патроновъ.

Граббе полагалъ достигнуть Дарго, истребить аулъ, перейти черезъ хребетъ, отдѣляющій Нагорный Дагестанъ отъ Чечни и покорить Гумбетъ и Андію. «Надлежитъ замѣтить, — говоритъ Головинъ *), — что движеніе это принято было генераль-адъютантомъ Граббе въ то время, когда ему извѣстно уже было направленіе всѣхъ силъ Шамиля противъ Казикумыха и когда онъ могъ ясно видѣть, что, оставляя въ эту минуту Дагестанъ беззащитнымъ, а малый отрядъ князя Аргутинскаго предавая собственной его участи, онъ подвергалъ цѣлый край величайшей опасности.»

Между тѣмъ самая огромность средствъ, соединенныхъ Граббе для этого движенія, послужила ко вреду командоваемаго имъ отряда. Для поднятія военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, онъ имѣлъ съ собою множество повозокъ и до 3000 лошадей. При движеніи обозъ этотъ, по трудно-

сти дороги, растягивался на нѣсколько верстъ, и для прикрытія его, даже рѣдкою цѣпью стрѣлковъ, необходимо было употребить почти половину отряда. За отдѣленіемъ по 2 баталіона для авангарда и арріергарда, и за раздробленіемъ остальныхъ баталіоновъ въ боковыя цѣпи и для помощи въ движеніи обоза, вся колонна была чрезвычайно слаба, не имѣла свободныхъ войскъ для поддержанія различныхъ ея частей и притомъ должна была преодолевать величайшія препятствія, противопоставленныя ей и природою и усиліями горцевъ, хорошо понимавшихъ, что только на походѣ чрезъ дремучіе лѣса Ичкеріи они могутъ надѣяться какого либо успѣха, и что ежели отрядъ минуетъ затруднительныя дефиле, то они уже не будутъ болѣе въ состояніи наносить ему такого вреда.

30-го мая отрядъ двинулся вверхъ по р. Аксаю и въ этотъ день, при непрерывныхъ остановкахъ и стягиваніи обоза, сдѣлалъ только семь верстъ, еще не встрѣчая неприятеля. Подъ 31-е число, въ продолженіе цѣлой ночи, шелъ проливной дождь и, испортивъ дорогу еще болѣе, затруднилъ слѣдованіе, такъ что къ вечеру 31-го мая, послѣ 15-часоваго марша, при непрерывномъ боѣ съ горцами, отрядъ сдѣлалъ 12 верстъ и былъ вынужденъ остановиться для ночлега на безплодной и безводной полянѣ.

На слѣдующій день 1-го іюня число горцевъ, собравшихся изъ окрестностей, увеличилось *); дорога была еще затруднительнѣе, завалы встрѣчались чаще и отрядъ уже другія сутки не имѣлъ воды, а число раненыхъ простиралось въ немъ до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; между тѣмъ какъ общій безпорядокъ частъ отъ часу болѣе увеличивался.

Такимъ образомъ, въ три дня войска успѣли пройти только 25 верстъ, а до Дарго оставалось еще почти столько же; и генераль Граббе убѣдился, что продолжать движе-

*) По достовернымъ свѣдѣніямъ, — сказано въ Очеркѣ (стр. 98) число это не составляло и 2000 человѣкъ, потому что всѣ главнѣйшія силы находились съ Шамилемъ въ Казикумыхѣ; г. Окольниковъ (стр. 397) пишетъ о *большихъ массахъ* Ичкеринцевъ, Ауховцевъ, даже Гумбетовцевъ и Андійцевъ, стекшихся на встрѣчу отряда.

*) Очеркъ, стр. 95 и 96.

**) Очеркъ, стр. 97.

ніе уже было невозможно *). Ночью по 2-е июня, отказавшись отъ своего предпріятія, отъ отдалъ приказаніе отступать по той же дорогѣ, по которой пришелъ.

Сколь ни бѣдственно было описанное движеніе впередъ, но отступление отряда было еще несравненно бѣдственнѣе.

Войска, съ бодростію преодолевшія всѣ трудности наступленія, видя необычную для нихъ неудачу, поколебались и упали духомъ; замѣшательство и безначаліе дошли до крайней степени: никто не распорядился и никто не заботился о связи общей. Наконецъ, отступление отряда, сопровождавшееся необходимостію или бросать или истреблять, если успѣютъ, все, что могло затруднять движеніе, дабы спасти только раненыхъ, артиллерію и хотя малую

*) Вотъ какъ излагаетъ самъ генералъ Граббе, въ официальномъ Журналѣ дѣйствій Чеченскаго отряда, причины отступления:

«Войска въ продолженіи двухъ дней лишены воды, утомились до крайности; большое число убитыхъ и раненыхъ лошадей заставляло опасаться, что въ скоромъ времени обнаружится недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ; углубляясь далѣе въ Ичкеринскіе лѣса, мы конечно встрѣтили бы не менѣе упорное сопротивленіе, а непріятеля гораздо въ большихъ силахъ. Судя по потерѣ, претерпѣнной въ два дня и простирившейся до 500 человекъ, можно было полагать, что число это скоро возрастетъ еще болѣе; тогда мы были бы поставлены въ положеніе бросить раненыхъ или поднять ихъ на лошадяхъ червадарскаго и конно-подвижнаго транспорта, уничтоживъ предварительно всѣ запасы; безъ этого пожертвованія надобно было отказаться отъ пораженія непріятеля и даже отъ личной защиты, а думать только о спасеніи раненыхъ на рукахъ людей, совершенно обезсилить отрядъ, и подвергнуть его величайшей опасности. Главное условіе успѣха экспедиціи состояло въ томъ, чтобы быстро пройти безводное пространство между р. Газейвъ и д. Шуани, такъ, чтобы горы не могли собраться въ большихъ силахъ до выхода нашего изъ лѣсистаго дефилея. Неблагопріятная погода разрушило это предположеніе; медленность движенія по грязной дорогѣ позволила непріятелю въ числѣ многихъ тысячъ окружить отрядъ; а между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ лазутчиками, огромная партія горцевъ направлялась на сообщеніе наше съ Герзель-ауломъ, съ тѣмъ, чтобы завалить дорогу и прекратить отступление. При этомъ положеніи продолженіе похода въ горы было бы сопряжено съ неодолимыми затрудненіями; благоразуміе заставляло отказаться отъ экспедиціи въ Авдію съ этой стороны и отступить къ Герзель-аулу.»

часть тяжестей, получило видъ совершеннаго пораженія. Въ такомъ положеніи отряда потеря, какъ въ людяхъ, такъ и по матеріальной части, должна была увеличиться до чрезмѣрности.

Какъ ни печальна картина здѣсь представляемая, но, къ сожалѣнію, — свидѣтельствуемъ Головинъ *), — она заклю-

*) Очеркъ, стр. 99.

Г. Окольничій описываетъ это отступление слѣдующими строками (стр. 397—398):

«2-го июня, отрядъ предпринялъ обратное движеніе посреди страшнаго боя, кипѣвшаго въ арріергардѣ. Пользуясь общимъ замѣшательствомъ, горцы успѣли было захватить 6-ть орудій; но командиръ 3-го баталіона Кабардинскаго полка, подполковникъ Тракинъ, отбилъ ихъ обратно и палъ пораженный нѣсколькими пулями. Этотъ день былъ самый ужасный; дорога загроздилась трупами людей, лошадей и изломанными повозками; непріятель насѣдалъ съ неистовствомъ; всѣ части разстроились отъ потерь своихъ начальниковъ. Рѣшено было стянуть войска въ боевой порядокъ и ждать приближенія ночи, когда непріятель, утомленный дневнымъ боемъ, обыкновенно расходился на ночлегъ по ближайшимъ селеніямъ и хуторамъ..... Ичкеринскій лѣсъ навсегда останется кровавымъ эпизодомъ Кавказскихъ войнъ, ужаснымъ даже въ разсказахъ. Мы не станемъ входить въ подробный разборъ этой экспедиціи. Много случайныхъ обстоятельствъ содѣйствовали къ ея неудачѣ; но нельзя не замѣтить, что путь чрезъ Ичкеринскіе лѣса былъ выбранъ опрометчиво; степень проходимости дороги была преувеличена; самый отрядъ былъ слишкомъ великъ, имѣлъ много обозовъ, и слѣдовательно напередъ можно было рассчитать, какое затрудненіе онъ рискуетъ встрѣтить въ горахъ.»

Генералъ Граббе, въ своемъ Журналѣ дѣйствій Чеченскаго отряда, говоритъ объ отступленіи слѣдующее:

«Для этого (т. е. для отступления) я приказалъ подполковнику Витторту съ 3-мъ и 4-мъ баталіонами Куринскаго Егерскаго полка занять позицію не далеко отъ мѣста, означеннаго на канунѣ побѣдою Г. М. Лабинцова съ тѣмъ, чтобы, подъ прикрытіемъ этихъ войскъ, Артиллерія и обозы могли выѣхать на довольно крутую гору и прийти тамъ въ устройство; Г. М. Лабинцову оставленному въ Аріергардѣ съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами Кабардинскаго Егерскаго полка, я приказалъ начать движеніе тогда только, когда Главная колонна выдвинется на верхъ. Зная, что въ здѣшней войнѣ отступление отрядовъ всегда сопряжено съ опасностію, особенно когда надобно двигаться по мѣстности лѣистой и пересѣченной, имѣя дѣло съ многочисленнымъ и предприимчивымъ непріателемъ, я предвидѣлъ, что потеря наша бу-

часть въ себѣ сущую истину, безъ всякаго преувеличенія. Изображая ее въ настоящемъ ея видѣ, нельзя однако не

дегь огромна, и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы сохранить, по возможности, устройство въ колоннѣ. Едва горцы замѣтили, что мы начинаемъ отступать, какъ большія толпы ихъ показались со всѣхъ сторонъ, но это не ослабило нравственнаго духа солдатъ и храбрости офицеровъ, которые, со славою проложивъ дорогу по дремучимъ Ичкеринскимъ лѣсамъ, съ такою же неустранимостью были готовы драться и при неудачѣ, не смотря на всѣ невыгоды отступления, и съ твердостью переносить лишения, труды, опасности по силѣ обстоятельствъ и волѣ Начальства. — Отступление производилось медленно. — Авангардъ остановился на указанномъ мною мѣстѣ; Генераль-Маіоръ Лабинцовъ не покидалъ своей передовой позиціи, а большая часть легкихъ орудій и ящики запаснаго парка были вывезены на гору. Когда же, наконецъ, арріергардные баталіоны Кабардинскаго Егерскаго полка начали движеніе, горцы бросились на нихъ съ ожесточеніемъ. Встрѣченные картечью и штыками, они были приостановлены на нѣкоторое время; но, не смотря на явную гибель продолжали частые и отчаянные атаки. Для отраженія ихъ Генераль-Маіоръ Лабинцовъ не только останавливался на каждомъ шагѣ, но, безпрестанно, обращаясь назадъ, холоднымъ оружіемъ укрощалъ смѣлость непріятеля. Арріергарду слѣдовало проходить по мѣстности чрезвычайно трудной, онъ долженъ былъ спуститься въ глубокой Кажалыковскій оврагъ, имѣя съ лѣвой стороны лѣсистыя высоты, а съ правой обрывъ. Для занятія высотъ былъ оставленъ 2-й баталіонъ Графа Паскевича полка; онъ выдержалъ сильныя напоры и хотя потерялъ много убитыми и ранеными, но далъ возможность Арріергарду выйти на мѣсто, гдѣ дѣйствія его не были уже такъ стѣснены. Между тѣмъ Главная колонна, при самомъ началѣ отступления, была приведена въ замѣтное растройство. Горцы мѣткимъ и частымъ огнемъ успѣли перебить или переранить лошадей у шести легкихъ орудій и 15-ти зарядныхъ ящиковъ. Здѣсь ясно обнаружилось намѣреніе непріятеля уничтожить наши перевозочныя средства, которыя съ каждою минутою становились необходимѣе. Это важное обстоятельство заставило приостановить движеніе всего отряда и выслать подъ орудія лошадей отъ подвижнаго транспорта; это требовало много времени, а усиленный частію боковыхъ прикрытій, Арріергардъ долженъ былъ удерживать непріятеля на невыгодной позиціи. Храбрый Подполковникъ Козловскій, присоединившись къ Арріергарду съ частію лѣваго прикрытія, примѣромъ своимъ ободрялъ солдатъ. Кабардинцы гибли отъ убійственнаго огня, но дорого продавали непріятелю жизнь свою; упорный бой Кабардинцовъ стоилъ много крови, всѣ баталіонныя и большая часть ротныхъ командировъ или легли на

упомянуть и о похвальныхъ подвигахъ, сіяющихъ среди глубокаго мрака сугубымъ блескомъ. Къ числу таковыхъ

мѣстѣ, или выбыли изъ строя. Въ это же время, тамъ гдѣ 1-го іюня Генераль-Маіоръ Лабинцовъ взялъ завалъ, завязался кровопролитный бой: двѣ роты Навагинскаго полка, составлявшая часть перваго прикрытія отряда, имѣли противу себя на покато-сти горы огромныя толпы горцевъ. Вдругъ болѣе 1000 человекъ, быстро подвигнувшись на верхъ, разорвали цѣпь и, не смотря на сопротивление Навагинскихъ ротъ, ворвались въ обозъ, который тянулся по узкой дорогѣ. Неожиданный прорывъ этотъ могъ имѣть самыя дурныя послѣдствія, еслибы Подполковникъ Траскинъ, изъ лѣваго прикрытія, не успѣлъ, собравъ около двухъ ротъ 3-го баталіона Кабардинскаго Егерскаго полка, двинуть ихъ на подкрѣпленіе Арріергарда и спасеніе орудій. Горцы были строго наказаны за свою дерзость; они хотя успѣли захватить нѣсколько вьюковъ, но дорого заплатили за добычу. Въ то же время Генераль-Маіоръ Полтининъ былъ отправленъ мною съ 2-мя ротами Куринскаго Егерскаго полка и съ лошадьми для поднятія орудій и зарядныхъ ящиковъ. Присутствіе свѣжихъ войскъ водворило совершенный порядокъ между храбрыми Кабардинцами; орудія скоро могли уже двигаться, а мѣстѣ съ тѣмъ Арріергардъ продолжалъ отступление. Однако одно орудіе, брошенное съ кручи во время боковаго прорыва непріятелей, не могло быть вывезено; для избѣжанія огромной потери въ людяхъ оно оставлено на мѣстѣ. По той же причинѣ я приказалъ покинуть 12 слованныхъ зарядныхъ ящиковъ, вынувъ изъ нихъ заряды. При дальнѣйшемъ отступленіи 3-й баталіонъ Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ Подполковника Траскина, отражалъ частые натиски непріятеля, а когда онъ дерзко напиралъ, то переходилъ въ наступательное положеніе. При одной изъ такихъ атакъ, храбрый Траскинъ, находясь впереди своего баталіона, былъ убитъ, но солдаты примѣрно отместили за смерть любимаго своего начальника. Отрядъ, сдѣлавъ не болѣе 3-хъ верстъ отъ послѣдняго ночлега, расположился на довольно выгодной позиціи съ тѣмъ, чтобы стянуться; 3-й и 4-й баталіоны Куринскаго Егерскаго полка смѣнили Кабардинцовъ, а всѣ вообще части построились на указанныхъ имъ мѣстахъ въ совершенномъ порядкѣ. Къ вечеру, хотя перестрѣлка продолжалась, но сдѣлалась уже гораздо слабѣе: было ясно видно, что горцы, потерпѣвъ большой уронъ, отказались отъ упорныхъ нападений. Матеріальная часть отряда пришла въ нѣкоторое растройство; для приведенія ея въ порядокъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія.

«Лошади подвижнаго транспорта были отданы въ артиллерію; запасные патроны были розданы въ баталіоны, зарядные ящики были пополнены; лишнія тяжести, въ томъ числѣ 46 фуръ, уничто-

принадлежитъ спасеніе пяти полевыхъ орудій, изъ числа шести, находившихся уже въ рукахъ у горцевъ, стоявшее

жены; наконецъ, солдатамъ было приказано облегчиться и имѣть съ собою провіанта только на двое сутокъ. Для поднятія болѣе 1000 раненыхъ и для возвращенія въ строй носившихъ ихъ людей, я приказалъ сжечь провіантъ и полковыя тяжести, которыя везлись на черводарскихъ и казенныхъ лошадяхъ, что дало возможность посадить верхомъ почти всѣхъ раненыхъ. При дальнѣйшемъ отступленіи отряда, было чрезвычайно важно избѣжать преслѣдованія непріятели, по крайней мѣрѣ до урочища Башиль-урзу, до котораго дорога проходитъ по чрезвычайно густому лѣсу и по весьма неудобнымъ мѣстамъ, а вообще обратное движеніе къ Герзель-аулу требовало большой быстроты и неожиданности, потому что непріятель сталъ заграждать дорогу завалами и засѣками. Если бы непріятелю удалось исполнить это, то возвращеніе Чеченскаго отряда подвергнулось бы многимъ случайностямъ, и даже могло сдѣлаться весьма сомнительнымъ. Это заставило меня, показавъ видъ, что намѣренъ остаться для ночлега на занятой позиціи, рѣшиться слѣдовать ночью, въ томъ предположеніи, что непріятель утомленъ и согласно съ своимъ обычаемъ разошелся по ауламъ, унося раненыхъ и тѣла убитыхъ. Дѣйствительно отрядъ, выступивъ въ 10-ть часовъ вечера, на разсвѣтѣ, почти безъ выстрѣла прибылъ на поляну Башиль-урзу.

«Послѣ краткаго отдыха движеніе продолжалось съ восходомъ солнца. Непріятель сталъ преслѣдовать Арріергардъ, гдѣ находился храбрый Подполковникъ Виттортъ съ 3-мъ и 4-мъ баталіонами Куринскаго Егерскаго полка; натиски ожесточенныхъ потерей горцевъ были не менѣе сильны, какъ и въ предъидущіе дни, но навыкъ Куринцовъ драться въ Чеченскихъ лѣсахъ, а въ особенности распорядительность Подполковника Витторта, основанная на долговременной его опытности, отличное дѣйствіе Артиллеріи и привычка егерей пользоваться мѣстностію, были причиною, что потеря наша въ этотъ день была менѣе значительна, чѣмъ 1 и 2-го чиселъ. Въ боковыхъ цѣпяхъ и въ Авангардѣ перестрѣлка становилась уже рѣже, но подходя къ р. Газейнѣ атаки на Арріергардъ сдѣлались такъ сильны, что я принужденъ былъ послать состоящаго по Арміи Маіора Евдокимова, командовавшаго 3-мъ баталіономъ Кабардинскаго Егерскаго полка, съ двумя онаго ротами, на подкрѣпленіе Куринскихъ баталіоновъ. Прибытіе свѣжихъ силъ возстановило бой въ нашу пользу и позволяло скоро достигнуть р. Газейна, гдѣ войска расположились лагеремъ на мѣстѣ перваго ночлега. Чеченскій отрядъ, потерпѣвъ неудачу, не смотря на пламенное желаніе достигнуть и разорить убѣжище главнаго возмутителя края, а потомъ перенести пламя войны въ Андію, долженъ былъ отказаться отъ

жизни храброму командиру 3-го баталіона Кабардинскаго егерскаго полка, подполковнику Траскину.

Наконецъ, 4-го іюня, Чеченскій отрядъ возвратился въ Герзель-аулъ, потерявъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 66 штабъ-и оберъ-офицеровъ и слишкомъ 1700 человекъ нижнихъ чиновъ *), одно полевое орудіе и почти всѣ военные и продовольственные свои запасы.

Огорченный такою неудачею, генералъ Граббе **) во все уже отказался—было отъ наступательныхъ дѣйствій и, отпустивъ находившіяся у него войска Дагестанскаго отряда, всѣ прочія хотѣлъ распредѣлить для защиты Лѣваго

предстоявшей ему славы и подвиговъ.—Неблагопріятная погода измѣнила планъ кампаніи, основанный на быстротѣ и неожиданности; войска понесли большую потерю, но сохранили непоколебимое мужество и глубоко затаили месть за кровь погибшихъ товарищей.

«Отрядъ выступилъ рано утромъ и къ полудню прибылъ къ Герзель-аулу; непріятель показывался въ отдаленности, но не смѣлъ атаковать насъ. По вѣрнымъ свѣдѣніямъ Горцы потеряли до 300 убитыми; въ числѣ ихъ лазутчики поименно называютъ 10 примѣчательныхъ лицъ, носившихъ введенные Шамилемъ знаки отличія. Потеря ранеными неизвѣстна, но также очень значительна; говорятъ, что непріятель до сихъ поръ не можетъ отыскать многихъ людей своихъ, которые или убиты, или будучи ранены, не могли выдти изъ балокъ и гущи лѣса.»

*) Очеркъ, стр. 99. — По Журналу Граббе:

	шт.-оф.	об.-оф.	нижн. чин.	лопад.
убито	2	7	480	383
ранено	3	54	1249	71
контужено . . .	3	4	104	—

**) Вотъ приказъ, отданный по войскамъ Чеченскаго отряда, по возвращеніи изъ Ичкеринской экспедиціи, генералъ-адъютантомъ Граббе, 5-го іюня:

«Войска Чеченскаго отряда! Мы потерпѣли неудачу, она принадлежитъ мнѣ, вашему Начальнику; а вамъ, сотрудники всѣхъ чиновъ, Гг. Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры и нижніе чины! вамъ остается честь, что вы заплатили за неудачу своею кровію. Въ военномъ дѣлѣ не все принадлежитъ одному успѣху; докажемъ, что умѣемъ переносить и черныя дни. Отдохнувъ, оправившись, покажемъ, съ Божію помощію нашему Великому Государю, что мы все тѣже, прежніе его воины, готовые со всегдашнею твердostí, мужествомъ и усердіемъ на всякій новый трудъ и подвигъ.»

фланга Кавказской линіи и для возведенія предположенныхъ укрѣпленій; но вскорѣ перемѣнилъ это намѣреніе, опасаясь, чтобы тѣмъ не увеличить надменности непріятеля; ибо всѣ горцы торжествовали нашу неудачу. Шамиль, забывъ поражение свое въ Казикумыхъ, снова сталъ набирать скопища и громко выражалъ свои намѣренія напасть на Аварію. Обстоятельства эти побудили Граббе, направивъ изъ Чеченскаго отряда четыре наименѣ потерпѣвшихъ баталіона съ восемью орудіями въ Темиръ-Ханъ-Шуру, рѣшиться перенести дѣйствія въ глубь Дагестана, направляясь со стороны Аваріи.

Съ этою цѣлю, сосредоточенный имъ при Темиръ-Ханъ-Шурѣ, отрядъ, изъ 11 баталіоновъ пѣхоты, роты саперъ, до 600 чел. казаковъ и конной милиціи и 20 орудій, 24-го іюня прибылъ къ сел. Цатаниху, а на слѣдующій день двинулся къ Игали, въ предположеніи овладѣть этимъ селеніемъ, устроить тамъ укрѣпленную переправу и, такимъ образомъ, обезпечить за нами господство на обоихъ берегахъ Андійскаго Койсу.

Аулъ Игали,—при появленіи нашихъ войскъ преданный огню самими жителями,—былъ занятъ 26 числа безъ сопротивленія; но постоявъ тамъ двое сутокъ и видя невозможность овладѣть переправой на Андійскомъ Койсу, дѣйствуя съ одного только берега,—какъ,—говоритъ Головинъ*),—легко можно было предвидѣть,—Граббе предпринялъ обратный путь и прибылъ въ Цатанихъ, хотя слабо преслѣдуемый горцами, но все-таки съ убылью при этомъ бесплодномъ покушеніи,—съ самаго уже начала, прибавляетъ Евгений Александровичъ**), никакого успѣха не обѣщавшемъ,—изъ числительной силы своей 11 штабъ и оберъ-офицеровъ и 275 нижнихъ чиновъ***). Ночное отступленіе отъ Игали сопро-

*) Очеркъ, стр. 100.

**) Тамъ же.

***) Показаніе потерь и убыли изъ фронта въ Очеркѣ Головина, изъ котораго оно нами взято, вообще основано на документахъ, въ штабѣ Кавказскаго Корпуса вмѣющихся. Изъ этихъ же документовъ видно, что вся потеря въ войскахъ въ четырехлѣтіе, съ 1839—1842 года, во время экспедицій, большею частію подъ личнымъ начальствомъ генералъ Граббе предпринимавшихся, соста-

вождалось такими же безпорядками, какъ и походъ въ лѣса Ичкеринскіе, между тѣмъ какъ число непріятеля, этотъ разъ, по увѣренію Ахметъ-Хана-Мехтулинскаго, не превосходило и 300 человекъ.

За тѣмъ войска, какъ Дагестанскаго, такъ и Чеченскаго отрядовъ, обращены были къ постройкамъ, одни—по улучшенію Хунзахской цитадели и прочихъ укрѣпленій и для исправленія дорогъ въ Аваріи, — а другія—къ возведенію укрѣпленій на Кумыхской линіи при разоренномъ аулѣ Ойсунгурѣ.

Между тѣмъ, полковникъ Нестеровъ, охраняя Центръ Кавказской линіи, успѣлъ въ первую половину лѣта устроить при Серали-Юртѣ промежуточное укрѣпленіе на Сунженской линіи, между Казакъ-Кичу и Назраномъ. Послѣ Игалинской экспедиціи отрядъ этотъ, усиленный войсками, приступилъ къ возведенію укрѣпленія на рѣкѣ Ассѣ, которое служило началомъ передовой Чеченской линіи.

На Правомъ флангѣ Кавказской линіи до августа все было спокойно; войска занимались окончательнымъ водвореніемъ казачьихъ станицъ между Лабою и Кубанью; но въ началѣ августа между Закубанскими народами открылось сильное волненіе. Нѣсколько муллъ, посланныхъ Шамилемъ, тайно пробрались черезъ Кабарду къ Абадзахамъ и, проповѣдуя между ними шаріатъ, успѣли возбудить фанатизмъ, до тѣхъ поръ чуждый племенамъ, обитающимъ противу Правого фланга Кавказской линіи.

Собравъ огромныя скопища, они двинулись черезъ Лабу къ верховьямъ Кубани, чтобы увлечь въ горы покорные аулы. Генералъ Зассъ, дѣйствуя при этомъ случаѣ,—по мнѣнію Головина*),—нерѣшительно, допустилъ Бесленевцевъ и Тамовцевъ оставить свои мѣста и присоединиться къ племенамъ непокорнымъ.

вляеть убитыми: 8 штабъ-офицеровъ, 56 оберъ-офицеровъ и 1756 человекъ нижнихъ чиновъ; ранеными, контуженными и безъ вѣсти пропавшими: 3 генерала, 32 штабъ-офицера, 337 оберъ-офицеровъ и 6204 человекъ нижнихъ чиновъ. А всего вышло изъ фронта въ разное время: 3 генерала, 40 штабъ-офицеровъ, 393 оберъ-офицера и 7960 человекъ нижнихъ чиновъ.

*) Очеркъ, стр. 103.

На Черноморской береговой линіи, по возобновленіи и усиленіи ея въ 1840 году, и послѣ экспедиціи генераль-адъютанта Анрепа въ землю Убыховъ, было спокойно и Черкесы почти совсѣмъ не тревожили приморскія наши укрѣпленія.

Для окончательнаго устройства нашихъ дѣлъ въ той сторонѣ Кавказа, оставалось только открыть новое, болѣе надежное сообщеніе восточнаго берега съ Кубанью.

Въ этихъ видахъ собранъ былъ весною отрядъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Серебрякова на который и возложено было устройство укрѣпленія на Гастагаѣ и дороги къ Варениковой пристани на Кубани, гдѣ было предложено учредить переправу. Это важное предпріятіе исполнено почти безъ всякой потери и самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Устройство этой переправы сокращенъ путь между Анапою и Новороссійскомъ съ Черноморіею, пролегавшій дотолѣ по Джемитейской косѣ, на Бугасъ и Тамань, на 110 верстѣ такой притомъ дороги, которая весной и осенью становится вовсе непроходимой.

Изложенныя здѣсь военныя событія 1842 года, а особливо важнѣйшія изъ нихъ, какъ то: дѣйствія въ Дагестанѣ и Чечнѣ, происходили въ бытность бывшаго Военнаго Министра князя Чернышева на Кавказѣ и, можно сказать, у него подъ глазами, такъ что онъ могъ вблизи наблюдать за постепенностію хода ихъ. Чеченскій отрядъ князь Чернышевъ видѣлъ на третій день послѣ бѣдствій, претерпѣнныхъ имъ въ лѣсахъ Ичкеринскихъ.

Результаты дѣйствій 1842 года очевидны. Укрѣпленія, возведенныя съ одной стороны при Ойсунгурѣ и съ другой на Гастагаѣ, должны были принести неоспоримую пользу, первое — въ отношеніи охраненія Кумыкской плоскости и обезпеченія ближайшаго сообщенія между Терекомъ и Сулакомъ; послѣднее — въ отношеніи вліянія, которое оно неминуемо должно было имѣть на окрестныхъ Натухайцевъ и особенно въ отношеніи открытія и обезпеченія ближайшаго

сообщенія между Кубанью и береговою Черноморскою линіею. Польза укрѣпленія на Ассѣ, какъ начало передовой Чеченской линіи, также неоспорима, но во сколько кратъ польза эта была бы ощутительнѣе, если бы съ возведеніемъ укрѣпленій не были сопряжены вредныя послѣдствія, съ одной стороны потерь нашихъ въ землѣ Ичкеринцевъ и въ Аваріи, а съ другой — измѣна и побѣгъ покорныхъ намъ дотолѣ, или, по меньшей мѣрѣ, спокойныхъ Бесленесцевъ, Башильбаевцевъ и Тамовцевъ, которые послѣ стали безпрерывно тревожить Правый флангъ Кавказской линіи. Конечно, горцы не только не имѣли, но даже не смѣли никогда надѣяться на успѣхи, какіе приобрѣли они въ 1842 году на Линіи; а сколь сильно дѣйствуетъ на этихъ полудикихъ людей всякій успѣхъ или неудача, обнаруживается ясно изъ положенія дѣлъ въ различныхъ странахъ Кавказа.

По прекращеніи генераломъ Граббе наступательныхъ дѣйствій, Шамиль намѣревался вновь вторгнуться въ Казикумыхъ, чтобы загладить стыдъ потерпѣннаго имъ тамъ пораженія, и для того хотѣлъ собрать свои толпища; но горцы, не взирая на всѣ усилія приверженцевъ его, рѣшительно отказались идти туда, не смѣя болѣе надѣяться на успѣхъ тамъ, гдѣ неоднократно уже испытали неудачи. Тоже самое замѣчалось на линіяхъ береговой Черноморской и на Черноморской кордонной.

Но не въ такомъ видѣ представлялось положеніе Кавказской линіи. Тамъ дѣла наши годъ отъ году приходили въ бѣднѣе разстройство оттого, что тутъ горцы въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (1840 — 1842 г.) нигдѣ не были наказаны за свою дерзость. Въ подтвержденіе этого можно, между прочимъ, привести нижеслѣдующій примѣръ.

До 1840 года сообщеніе между Владикавказомъ и Грозною, по Сунженской линіи, тогда совершенно открытой, такъ было безопасно, что въ концѣ 1839 года жена генераль-маіора Клюке-фонъ-Клюгенау проѣхала путемъ этимъ съ семействомъ, въ тяжеломъ экипажѣ, почти безъ всякаго конвоя; въ 1842 же году по Сунженской линіи, даже и по возведеніи на ней трехъ сильныхъ укрѣпленій, нельзя было имѣть сообщенія иначе, какъ подъ прикрытіемъ цѣлыхъ баталіоновъ съ артиллеріею.

Такимъ образомъ, когда Кавказскій край былъ успокоенъ, владычество наше въ Южномъ Дагестанѣ упрочено, Черноморская береговая линія устроена, когда горцы послѣ пораженія, претерпѣннаго ими въ концѣ 1841 года въ Черноморіи, при нападеніи на ст. Ваширинскую, не смѣли болѣе тревожить эту землю, — на Кавказской линіи, по всему ея протяженію, безпокойства усилились такъ, что не только окрестности Кизляра, но и самыя окрестности Ставрополя, подвергались набѣгамъ и разоренію.

Не взирая, однакожь, на все выше изложенное, въ видахъ утвержденія и распространенія владычества нашего на Кавказѣ, согласно съ Высочайшими указаніями, успѣхи наши въ теченіе пятилѣтія главнаго начальствованія Головина были весьма велики:

На *Кавказской линіи*, посредствомъ учрежденія передоваго охранительнаго кордона по Лабѣ, оборона Праваго фланга должествовала современемъ значительно улучшиться. Въ Центрѣ, сообщеніе по Военно-Грузинской дорогѣ совершенно обезпечено и самая дорога, особливо по Кабардинской плоскости, чрезъ возведенныя вновь станицы и военныя поселенія, потерявъ прежній дикій и пустынный видъ свой, представлялась странюю благоустроенною, со всѣми необходимыми для проѣзжающихъ удобствами. Существовавшая дотолѣ по одному только названію Сунженская линія довершена возведеніемъ укрѣпленій при Заканъ-Юртѣ, Казакъ-Кичу и Серали-Юртѣ. Кумыкская линія, чрезъ постройку укрѣпленій при Герзель-Аулѣ и Ойсунгурѣ, не только усилена, но и выдвинута къ самому Качкалыховскому хребту, за коимъ обыкновенно производились въ прежнее время всѣ сборы передъ набѣгами. Наконецъ, и предположенная еще только къ устройству, передовая Чеченская линія получила уже начало свое возведеніемъ прочнаго укрѣпленія на Ассѣ.

На *Черноморскомъ берегу* линія укрѣпленій нашихъ съ сухаго пути довольно обезпечена; со стороны же моря она существовать могло только подъ покровительствомъ

флота, ибо одного непріятельскаго фрегата достаточно было на то, чтобы всѣ приморскіе наши форты и съ гарнизономъ ихъ уничтожить. Сверхъ того, открыто и обезпечено, какъ выше упомянуто, весьма важное сообщеніе этой линіи съ Черноморією, учрежденіемъ переправы чрезъ Кубань у Варенковой пристани и возведеніемъ форта на Гастагаѣ. Укрѣпленія береговой Черноморской линіи, кромѣ настоящей своей цѣли, т. е. пресѣченія, по возможности, прямого сообщенія горцевъ съ Турцією моремъ, начинали приносить ту еще пользу, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ завелся мѣншой торгъ съ сосѣдними племенами; дальнѣйшее развитіе этого крайне важнаго предмета зависѣло отъ времени и обстоятельствъ.

Въ *Дагестанѣ*, и въ особенности въ южной части его, владычество наше утверждено возведеніемъ укрѣпленій на Самурѣ и образованіемъ Самурскаго округа, а еще болѣе утверждалось постояннымъ занятіемъ ханства Казикумыхскаго, послѣ рѣшительныхъ успѣховъ, оружіемъ нашимъ тамъ пріобрѣтенныхъ. Спокойствіе Мусульманскихъ провинцій, сохранившееся даже и въ то время, когда все ханство Казикумыхское было во власти Шамиля, служило неоспоримымъ доказательствомъ прочности господства нашего въ этой части Кавказа *). Въ Сѣверномъ Дагестанѣ мы также стояли уже твердою ногою, и если бы неудачи, испытанныя нами въ Чечнѣ, не имѣли на этотъ край сильнаго и весьма неблагопріятнаго вліянія, то можно утвердительно сказать, что спокойствіе нашихъ Шамхальскихъ и Мехтулинскихъ владѣній, какъ равно Аваріи и Койсубу, не было бы вовсе нарушаемо. Наконецъ:

*) Къ числу немаловажныхъ результатовъ этой эпохи принадлежитъ также разработка дорогъ въ ханствахъ Казикумыхскомъ и Кюринскомъ, совершившаяся заботливостію генераль-маіора князя Аргутинскаго-Долгорукаго, безъ всякихъ издержекъ отъ казны, такъ успѣшно, что въ 1842 году по всѣмъ направленіямъ въ обоихъ ханствахъ, войска могли проходить свободно съ артиллерією и обозами. Надобно замѣтить, что ханство Казикумыхское можно считать странюю не менѣе гористою, какъ и Аварія, гдѣ на тотъ же самый предметъ употреблены генераль-маіоромъ Кюке-фонъ-Клюгенау огромнѣйшія суммы.

За Кавказомъ внутренніе безпорядки въ военномъ смыслѣ совершенно прекращены; Мусульманскія провинціи успокоены; если же по временамъ случались на дорогахъ грабежи и разбои, то это было уже слѣдствіе худаго устройства земской полиціи, а можетъ быть недостатка и самыхъ полицейскихъ нашихъ постановленій.—Въ Абхазіи водворено согласіе, достоинство владѣтеля возвышено, власть его надъ полудиками и хищными Абхазцами по возможности утверждена, а тѣмъ самымъ край этотъ болѣе и болѣе за нами обезпечивался.

Изъ этого краткаго очерка видно, что военное управленіе на Кавказѣ, въ продолженіе разсмотрѣнныхъ пяти лѣтъ, въ общемъ огромномъ своемъ объемѣ, имѣло ходъ не безуспѣшный, не взирая на многія неблагопріятныя обстоятельства, сопровождавшія и не рѣдко даже связывавшія дѣйствія его на многотрудномъ пути ему предстоявшемъ. Успѣхи эти являлись на самомъ дѣлѣ и въ послѣдствіяхъ неоспоримо существенныхъ; нѣтъ однакоже сомнѣнія, — говоритъ Головинъ *) — что «они были бы гораздо еще значительнѣе, ежели бы начальство на Кавказской линіи оправдала довѣріе, которымъ оно облечено было.»

Побѣдоносное оружіе Николая, въ четыре первые года Его благотворно-блестательнаго царствованія, утвердило власть Русскую въ Закавказьѣ на прочномъ основаніи. Опоясавшись съ юга теченіемъ Аракса, опершись по оконечностямъ о хребты громадъ Саганлука и Талыша, намъ нечего было уже опасаться ослабленной Турціи и еще болѣе изнуренной Персіи. Для совершенной же безопасности со стороны южнаго склона Кавказскаго хребта, съ 1830 года занято линіею укрѣпленій протяженіе Абхазскаго берега и присоединены къ Имперіи земли Джаро-Бѣлоканскихъ Лезгинъ. Всѣ волненія, какія происходили въ послѣдующее десятилѣтіе, — и часть которыхъ нами сейчасъ изложена, —

*) Очеркъ, стр. 112.

имѣли мѣсто лишь внутри и по сѣвернымъ скатамъ Кавказа, изрѣдка разливаясь въ Дагестанъ или прорываясь за укрѣпленія Кавказской линіи. По этому теперь, болѣе чѣмъ когда прежде, можно было думать о внутреннемъ благоустройствѣ.

При вступленіи Евгенія Александровича въ главное начальство Краемъ, администрація Закавказья представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

Подъ непосредственнымъ управленіемъ Русскаго Правительства находились: 1) *Грузія* съ принадлежащими къ ней дистанціями Татарскихъ и Горскихъ народовъ, 2) *Имеретія*, 3) *Гурія*, 4) провинція *Ахалцыхская*, 5) область *Армянская*, 6) *Мусульманскія* провинціи, 7) провинція *Талышская*, 8) область *Джаро-Бѣлоканская* и 9) *Южный Дагестанъ*, т. е. провинція *Бакинская*, *Кубинская* и *Дербентская*. Кромѣ того, въ зависимости отъ Русскаго Правительства, подъ непосредственнымъ управленіемъ своихъ владѣтелей или старшинъ, состояли: 10) княжество *Мингрельское* съ землею *Сванетовъ*, 11) княжество *Абхазское*, 12) султанство *Элисуйское*, 13) земля *Болгодаръ*, 14) ханство *Аварское* и 15) *Сѣверный Дагестанъ*, состоявшій изъ шамхальства *Тарковскаго*, ханства *Джашутаевскаго*, ханства *Казикумыхскаго* и *Кюринскаго*, *Табасарани* и владѣній вольныхъ обществъ: *Даргинскаго*, *Акушинскаго*; *Рутульскаго*, *Сургинскаго*, *Кубечинскаго* и другихъ.

Всѣ эти земли, въ административномъ отношеніи, раздѣлялись на семь управленій: 1) Грузія съ частями своими управлялась *Гражданскимъ Губернаторомъ*; 2) Гурія и княжества Мингрельское и Абхазское состояли въ завѣдываніи *Управляющаго* Имеретію; 3) Ахалцыхская провинція и 4) Армянская область имѣли каждая по особому *Начальнику*; 5) *Военно-окружный Начальникъ* Мусульманскихъ провинцій завѣдывалъ вмѣстѣ и Талышинскою провинціею; 6) отъ *Начальника* Джаро-Бѣлоканской области зависѣли султанство Элисуйское и земля Болгодаръ; наконецъ 7) Ханство Аварское и весь Дагестанъ входили въ составъ управленія Дагестанскаго *Военно-окружнаго Начальника*. Начальники всѣхъ этихъ управленій подчинялись *Главноуправляющему въ Грузіи*, который былъ вмѣстѣ

и *Командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса*. Подъ его же вѣдомствомъ находилась (съ 1827 года) *Кавказская область* съ причисленными къ ней *горскими народами, земля Черноморскихъ казаковъ и округъ Анапскій*.

Составъ отдѣленныхъ частей и мѣстнаго управленія былъ слѣдующій:

1) *Грузія* (съ 380,000 населенія на пространствѣ 40,000 квадр. верстѣ) состояла изъ 6-ти *уѣздовъ*: *Тифлисскаго, Душетскаго, Горійскаго съ Осетію, Телавскаго, Сигнахскаго, Елисаветпольскаго, и семи дистанцій: Горскихъ-Народовъ, Тушинской, Пшаво-Хевсурской, Борчалинской, Казахской, Бамбако-Шурагельской и Шамшадильской*.

Общее управленіе находилось въ рукахъ *Грузинскаго Гражданскаго Губернатора*, имѣвшаго всѣ права этому званію предоставленныя, и *Верховнаго Грузинскаго Правительства*, состоявшаго изъ трехъ экспедицій: *Исполнительной* (тоже, что Губернское Правленіе), *Казенной* (тоже, что Казенная Палата) и *Суда и Расправы* (соединенныхъ вмѣстѣ Гражданской и Уголовной Палатъ). Каждая изъ этихъ экспедицій имѣло свое отдѣльное присутствіе; но дѣла особенной важности, требовавшія совокупныхъ соображеній, разсматривались, по предложеніямъ Главноуправляющаго, въ общемъ собраніи Верховнаго Грузинскаго Правительства, которое составлялось изъ Губернатора, какъ предсѣдателя Исполнительной экспедиціи, и Начальниковъ прочихъ экспедицій съ ихъ совѣтниками.

При Верховномъ Грузинскомъ Правительствѣ находились: *губернскій прокуроръ* и два *стряпчихъ* (одинъ казенныхъ, другой уголовныхъ дѣлъ). При Исполнительной экспедиціи состояли: *губернскій землемѣръ* и *губернскій архитекторъ*.

Сверхъ того, въ Тифлисѣ, какъ губернскомъ городѣ, находились слѣдующія губернскія присутственныя мѣста: *Приказъ Общественнаго Призрѣнія, Врачебная Управа, Совѣстный Судъ, Дворянская Опекa* и особое *Грузинское Техническое Отдѣленіе* по Строительной части. Дѣлами дворянства завѣдывали *губернскіе и уѣздныя предводители и Депутатское Собраніе*.

Устройство управленія въ *уѣздахъ* было неодинаково. Общимъ для всѣхъ шести было то, что въ каждомъ имѣлось по *стряпчему, казначею и лекарю*; *землемѣры* были только въ Тифлисскомъ и Горійскомъ уѣздахъ, въ послѣднемъ и для Душетскаго уѣзда. Затѣмъ, *Уѣздные Суды* существовали по уѣздамъ Тифлисскому, къ которому по судной части присоединенъ былъ уѣздъ Душетскій, и Горійскому, къ которому по судной части присоединялась Осетія; Тифлисскій Уѣздный Судъ служилъ вмѣстѣ и магистратомъ для города Тифлиса. *Управы Земскихъ Полицій* существовали только по уѣздамъ Тифлисскому, Душетскому и Горійскому. Въ Телавскомъ, Сигнахскомъ и Елисаветпольскомъ уѣздахъ, Уѣздные Суды и Земскія Управы замѣнялись въ каждомъ *Окружнымъ Судомъ*; предсѣдателями въ этихъ Окружныхъ Судахъ были *окружные начальники*; окружный же начальникъ предсѣдательствовалъ и въ Горійскомъ Уѣздномъ Судѣ. *Градскія Полиціи* находились только въ Тифлисѣ и Елисаветполѣ; города же Гори, Душетъ, Телавъ и Сигнахъ управлялись *полиціймейстерами*.

Дистанціи ближайшимъ образомъ завѣдывались каждая особымъ *приставомъ*, изъ коихъ Пшаво-Хевсурскій и Тушинскій были подвѣдомственны Телавскому окружному начальнику; дистанціи же Горскихъ народовъ и три Татарскія по судной части присоединились къ уѣзду Тифлисскому.

Что касается до низшаго сельскаго управленія, то селенія въ Грузіи управлялись, смотря потому, кому принадлежали ихъ обыватели, или казною, или помѣщиками, или духовною властію; непосредственно же зависѣли отъ избираемыхъ этими властями *старшинъ*, которые въ уѣздахъ Тифлисскомъ, Душетскомъ, Горійскомъ, Телавскомъ и части Сигнахскаго, также и у всѣхъ горскихъ народовъ, называются *нацвалами*; въ остальной части Сигнахскаго уѣзда, въ древнемъ Кизикѣ—*кевхами*, а въ дистанціяхъ Татарскихъ и уѣздѣ Елисаветпольскомъ—*агаларами*. Старшины эти утверждались Гражданскимъ Губернаторомъ, равно какъ и помощники, которыхъ они сами себѣ избирали, и которые у нацваловъ и кевховъ называются *кзира-ми*, а у агаларовъ—*кевхами*.

2) *Имеретія* (съ населеніемъ съ 15,260 дворовъ, или 100,400 душъ на пространствѣ 9.200 кв. верстѣ) раздѣлялась на четыре *округа*: *Кутаисскій*, *Вакинскій*, *Шоропанскій* и *Рачинскій*.

Главнымъ начальникомъ всей провинціи былъ командующій въ ней войсками генералъ, въ вѣдѣніи котораго находилась вся исполнительная и полицейская часть управленія. Онъ же предсѣдательствовалъ и въ находившемся въ Кутаисѣ *Временномъ Правленіи* (существовавшемъ съ 1811 года, когда учреждено оно было по представленію генерала Тормасова), гдѣ засѣдали три *совѣтника* изъ Русскихъ гражданскихъ чиновниковъ и два *диванъ-бека* изъ Имеретинъ, завѣдуя дѣлами тяжёбными и относящимися до казенныхъ сборовъ и расходовъ. По уголовнымъ дѣламъ, преступники судились военнымъ судомъ въ пребывавшей въ Кутаисѣ *Военно-Судной Коммисіи*.

Округа находились въ завѣдываніи *окружныхъ начальниковъ*, состоявшихъ подъ вѣдомствомъ управлявшаго Имеретією и въ непосредственномъ сношеніи съ *Временнымъ Правленіемъ*. Обязанности ихъ заключались въ полицейскомъ управленіи, собираніи податей и разборѣ и рѣшеніи тяжёбъ не свыше 50 руб. серебромъ. При каждомъ *окружномъ* начальникѣ состояло по два *помощника* изъ Имеретинъ. Низшее сельское управленіе было такое же, какъ въ Грузіи.

3) *Гурія* (съ населеніемъ въ 36,000 душъ на пространствѣ около 1,800 квад. верстѣ) дѣлилась на два *округа* или *моуравства*: *Нагомарскій* и *Озургетскій*; управлялъ ею особый *Совѣтъ* изъ знатнѣйшихъ Гурійскихъ князей подъ предсѣдательствомъ Русскаго штабъ-офицера, находившійся подъ непосредственною зависимоścią управлявшаго Имеретією генерала, мѣстопребываніе же свое имѣвшій въ мѣстечкѣ Озургети. Низшее сельское управленіе не разнилось отъ Грузинскаго и Имеретинскаго.

4) *Ахалцыхская провинція* (съ населеніемъ въ 13,500 семей, или 70,000 душъ, на пространствѣ около 7,800 квад. верстѣ) состояло изъ десяти *санджаковъ* или *округовъ*: *Ахалцыхскаго*, *Хертвисскаго*, *Ахалкалакскаго*, *Джаджаракскаго*, *Чильдирскаго*, *Поцховскаго*, *Ковблѣйскаго*, *Абастуманскаго*, *Ацхверскаго* и *Аспидж-*

скаго. Управлялась она *Временнымъ Правленіемъ*, подъ предсѣдательствомъ *начальника* провинціи изъ военныхъ штабъ-офицеровъ, который, завѣдуя гражданской частью управленія, командовалъ вмѣстѣ и отрядомъ войскъ, въ провинціи расположенныхъ. Въ непосредственной зависимости отъ него находились: *комендантъ* Ацхверскій, управлявшій санджакомъ этого имени, *комендантъ* Хертвисскій, управляющій санджаками Аспиджскимъ, Хертвисскимъ и Ахалкалакскимъ, и два *санджакъ-бека*, въ завѣдываніи которыхъ находились остальные санджаки провинціи. Въ провинціальномъ городѣ Ахалцыхѣ находилась *Градская Полиція*, учрежденная на основаніи общаго полицейскаго положенія. Селенія управлялись *старшинами*, которые у Армянъ и Грузинъ называются *мамасах-лисами*, у Турокъ, Карапапаховъ и Курдовъ—*аксакалами*, а у переселившихся сюда изъ Арзрумскаго пашалыка жителей—*юзбашами*. Въ большахъ селеніяхъ старшины эти имѣли помощниками *чаушей*.

5) *Армянская область* (на пространствѣ около 23,000 квад. верстѣ, съ населеніемъ въ 31,064 семьи, или 158,400 душъ) состояла изъ двухъ провинцій: *Эриванской* и *Нахичеванской*. Провинціи эти раздѣлялись на *округи*; въ первой четыре: *Эриванскій*, *Шарурскій*, *Сардаръ-Абадскій* и *Сурмалинскій*, во второй—два: *Нахичеванскій* и *Ордубатскій*. Затѣмъ *округи* подраздѣлялись на *магалы*, коихъ въ Эриванской провинціи было 10, а въ Нахичеванской 3.

Управленіе областію принадлежало *областному начальнику* изъ военныхъ генераловъ, который, командуя войсками, въ области расположенными, предсѣдательствовалъ вмѣстѣ и въ *Областномъ Правленіи*, заключавшемъ въ себѣ части исполнительную и судную. По части же хозяйственной распоряжалось, также подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ *областнаго* начальника, *Управленіе по сборамъ податей и повинностей*.

Частное управленіе по Эриванской провинціи состояло изъ *Провинціального Суда*, *четырехъ окружныхъ начальниковъ* и *Градской Полиции* города Эривани. Провинціальный Судъ учрежденъ былъ по образцу *Уѣздныхъ Судовъ Имперіи*. *Окружнымъ* начальникамъ подвѣдомственны

были распоряжавшіяся по магаламъ *наибы*. Кочующіе народы управлялись двумя *султанами*.

Нахичеванская провинція по части судной управлялась *Провинціальнымъ Судомъ*, а по хозяйственной *Городовымъ Казначействомъ*. По части исполнительной и полицейской, Нахичеванскимъ округомъ управлялъ *наибъ*, Русской службы полковникъ Эхсанъ-Ханъ, при которомъ находился *приставъ* изъ Русскихъ гражданскихъ чиновниковъ, председательствовавшій вмѣстѣ и въ Нахичеванскомъ Провинціальномъ Судѣ. Ордубатскій округъ, по тѣмъ же частямъ, состоялъ подъ управленіемъ *наиба*, майора Русской службы Шихъ-Али-Бека, при коемъ также имѣлся *приставъ* изъ Русскихъ чиновниковъ. Города Нахичеванъ и Ордубатъ управлялись *полиціймейстерами*.

6) *Мусульманскія провинціи* (съ населеніемъ въ 250,000 душъ на пространствѣ около 34,500 квад. верстъ) раздѣлялись по прежнимъ ханствамъ, изъ коихъ образовались, на провинціи: *Шекинскую, Ширванскую и Карабахскую*, которыя, въ свою очередь, подраздѣлялись на *магалы* или округа, и *вѣдѣнія казенныхъ экономовъ*, состоявшія изъ селеній, конфискованныхъ въ казну отъ непокорныхъ бековъ. Управлялись эти провинціи *военно-окружнымъ начальникомъ* изъ военныхъ генераловъ, который завѣдывалъ какъ исполнительною и распорядительною, такъ и хозяйственною частями, имѣя при себѣ *канцелярію и офицера для особыхъ порученій*: мѣстопробываніемъ его былъ укрѣпленный городъ Шуша, въ провинціи Карабахской. Частное же управленіе каждой изъ трехъ провинцій составляли: а) *комендантъ*, б) *Провинціальный Судъ*, въ которомъ, подъ председательствомъ коменданта, или, за отсутствіемъ его, *помощника*, присутствовали четыре *засѣдателя*: два изъ бековъ, и два изъ простаго народа, при чемъ одинъ избирался изъ Татаръ, а другой изъ Армянъ; в) *Провинціальное Казначейство*—изъ казначея и его *канцеляріи*. Внутреннее полицейское управленіе предоставлено было магалымъ *наибамъ*, на томъ же основаніи, какъ существовало оно при ханахъ: *наибъ* въ своемъ магалѣ былъ тоже, что у насъ чиновникъ Земской Полиціи въ уѣздѣ. Мѣстопробываніе всѣхъ частей

управленія каждой изъ трехъ провинцій находилось въ городахъ: Нухъ, Старой-Шемахъ и Шушѣ.

7) *Провинція Талышинская* (съ населеніемъ въ 30,000 душъ, на пространствѣ 10,000 квад. верстъ) дѣлилась рѣкою Болгару на двѣ почти равныя части: *Сѣверную и Южную*. Провинція управлялась *Временнымъ Правленіемъ*, состоявшимъ изъ Русскихъ военныхъ чиновниковъ и туземныхъ бековъ, подъ председательствомъ Ленкоранскаго *коменданта* и непосредственнымъ вѣдѣніемъ *военно-окружнаго начальника* Мусульманскихъ провинцій, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и главнымъ начальникомъ Талышинской провинціи. Полицейское же управленіе по магаламъ возложено было на магалыныхъ *наибовъ*.

8) *Джаро-Бълоканская область* (съ населеніемъ около 40,000 душъ, на пространствѣ почти въ 4,000 кв. верстъ) дѣлилась на пять *округовъ*: *Джарскій, Бълоканскій, Тальскій, Мухахскій и Джинихскій*, составлявшихъ два *геза*, или *магала*; къ первому принадлежали округа Джарскій и Бълоканскій, ко второму три остальные. Управленіе этою областію ввѣрено было особому *областному начальнику*, который председательствовалъ въ *Областномъ Правленіи*, гдѣ засѣдали два *советника* изъ Русскихъ гражданскихъ чиновниковъ и нѣсколько *засѣдателей* изъ туземцевъ. Подъ вѣдѣніемъ областного начальника состояли, кромѣ того, *Областное Казначейство*, *коммисары для сбора податей* и два магалыные *наиба*, на которыхъ возлагалось исполненіе всѣхъ распоряженій Областнаго Правленія; а для наблюденія за точнымъ исполненіемъ приказаній Правительства, определено было къ нимъ по *приставу* изъ военныхъ офицеровъ или Грузинскихъ князей. Селеніе управлялись *старшинами*, избиравшимися и отрѣшавшимися, по большинству голосовъ, народнымъ приговоромъ.

9) *Южный Дагестанъ*, находившійся подъ непосредственною зависимостію Русскаго Правительства (съ населеніемъ въ 182,000 душъ на пространствѣ 15,000 квад. верстъ), состоялъ изъ трехъ *провинцій* (бывшихъ ханствъ): *Бакинской, Кубинской и Дербентской*. Последняя дѣлилась на три *округа*: *Дербентскій, Башлійскій и Каракайтхскій*, а двѣ первыя—на *мага-*

лы. Всѣ три провинціи завѣдывались *военно-окружными начальниками*, который, имѣя мѣстопробываніе въ Дербентѣ, командовалъ и войсками, въ нихъ расположенными. Въ частности же управленіе каждой провинціи состояло: а) изъ *коменданта*; б) изъ *Городоваго Суда*, гдѣ подъ предѣдательствомъ коменданта, а въ отсутствіе его—*платц-маіора*, присутствовали по два члена со стороны горожанъ и поселянъ; в) изъ *Городоваго Казначейства*: въ Дербентской провинціи казначейства не было, и доходы, по малочисленности, поступали къ коменданту.

10) *Княжество Мингрельское* (съ населеніемъ въ 68,600 душъ, на пространствѣ болѣе 8,000 кв. верстѣ), раздѣлявшееся на три *моуравства*: *Сенахское*, *Лечгумское* и *Зубдидское*, управлялось *владѣтельнымъ княземъ* своимъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта Леваномъ Дадіаномъ, съ правами и преимуществами, дарованными ему въ 1806 году Высочайшею грамотою. — Сверхъ того, князь Мингрельскій считалъ принадлежащею себѣ часть земли *Сванетовъ*, обитающихъ на покатосяхъ и въ ущельяхъ Гвелембора и Сакера: въ этой части полагалось до 3,000 квадр. верстѣ и до 30,000 обоего пола жителей.

11) *Княжество Абхазское* (съ населеніемъ около 52,300 душъ, на пространствѣ почти въ 6,000 квадр. верстѣ) состояло изъ четырехъ *обществъ* или *округовъ*: *Абшавскаго*, *Цыбельдинскаго*, *Абхазскаго* и *Бзыбскаго*. Впрочемъ, только послѣдній признавалъ въ дѣйствительности власть общаго владѣтеля, котораго поддерживало Русское Правительство, полковника князя Михаила Ширвашидзе; округи же Абхазскій и Абшавскій, признавая эту власть по наружности, повиновались: Абхазскій—*дядямъ* его, *беямъ*: Батаму, Тееру и Гассану, Абшавскій—*двоюродному брату* Али-Бею; наконецъ, Цыбельдинцы составляли вольное общество, не признававшее надъ собою никакого владѣтеля.

Какъ Мингрельское, такъ и Абхазское княжества, состояли подъ надзоромъ и вліяніемъ управлявшаго Имперіею.

12) *Султанство Элисуйское* (съ народонаселеніемъ въ 18,000 душъ, на пространствѣ около 1,500 квадр. верстѣ), управлялось *султаномъ* своимъ Даниель-Агою, находясь въ вѣдѣніи Джаро-Бѣлоканскаго областного начальника.

13) Анцухійцы, Кабучинцы и Дидойцы, извѣстные подъ общимъ именемъ *Боллодаръ*, (въ числѣ 32,000 душъ, на 3,000 квадр. верстахъ), входили землями своими въ составъ управленія Джаро-Бѣлоканской области и допускали къ себѣ *приставовъ* отъ нашего Правительства, но непосредственно зависѣли отъ собственныхъ *старшинъ*, избиравшихся селеніями на годовой срокъ.

14) *Ханство Аварское* (съ 31,600 душъ, на пространствѣ 6,000 квадр. верстѣ) управлялось собственнымъ *ханомъ* Абу-Нунцаломъ, имѣвшимъ чинъ полковника Русской службы.

15) *Шамхальство-Тарковское* (съ 33,000 жителей на 4,700 квадр. верстѣ) управлялось владѣльцемъ своимъ Судейманъ-Мирзою, въ чинѣ генераль-лейтенанта и на степени тайнаго совѣтника, съ титуломъ *шахмала Тарковскаго*, *владѣтеля Бойнацкаго* и *вали Дагестанскаго*.

16) *Ханство Джангутаевское* или *Мехтуминское* (съ 9,000 жителей на 2,000 квадр. верстѣ) управлялось также владѣльцемъ своимъ, капитаномъ Ахметъ-Ханомъ.

17) *Ханство Казыкумыхское* и *Кюринское* (съ 11,000 жителей на 2,500 квадр. верстѣ) управлялось равномерно владѣльцемъ своимъ Асланъ-Ханомъ, въ чинѣ генераль-маіора.

Четыре послѣднія владѣнія, находясь въ Среднемъ и Сѣверномъ Дагестанѣ, входили подъ надзоръ Дагестанскаго военно-окружнаго начальника. Владѣльцамъ ихъ предоставлено было право суда и расправы по дѣламъ полицейскимъ и гражданскимъ, и полное пользованіе доходами, какіе получали они со своихъ владѣній; но за уголовныя преступленія должны они были отсылать преступниковъ къ Русскому начальству, которымъ тѣ судились по нашимъ военнымъ законамъ. Изъ — подъ этого изъять былъ только ханъ Аварскій, которому предоставлено было право суда и расправы даже по уголовнымъ

преступленіямъ, совершеннымъ въ его владѣніяхъ и его же подданными.

18) *Табасарань* (съ 10,000 жителей на 2,000 кв. верстахъ) управлялась наследственнымъ владѣльцемъ, носившимъ титулъ *майсума*, и избирательнымъ—*кадіемъ*.

19) *Вольныя общества Даргинское и Акушинское* управлялись избирательными *кадіями*, а *Рутульское, Сургинское и Кубечинское*—избирательными же *старшинами*, причемъ важныя дѣла рѣшались въ народныхъ собраніяхъ. Въ этихъ пяти обществахъ считалось до 5,000 душъ на 1,000 квадрат. верстахъ пространства.

Какъ эти общества, такъ и Табасарань, принадлежали къ вѣдомству Дагестанскаго же военно-окружнаго начальника. Сверхъ того, къ Кубинской провинціи въ особенности причислялись четыре вольныя общества Лезгинскія: *Алтыпаринское, Ахтинское, Докуспаринское и Тарджальское*.

Устройство Закавказья въ этомъ видѣ носило на себѣ свѣжіе слѣды недавняго еще присоединенія этого края къ Имперіи. Многочисленность административныхъ подраздѣленій и различіе въ образѣ управленія ими, выражавшееся въ самой пестротѣ административной терминологіи, свидѣтельствовали очевидно, что совокупленіе ихъ въ одно цѣлое не было дѣломъ одного времени и одной мысли, а совершалось постепенно, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и потребностей. По чрезвычайному разнообразію въ краѣ мѣстныхъ условій общественной жизни, опредѣляющихся такимъ же разнообразіемъ началъ этнографическихъ и религіозныхъ, не говоря уже о данныхъ географическихъ и историческихъ, полной возможности подвести все части его подъ общую административную норму Имперіи, не представлялось еще возможности; но нѣкоторые отдѣлы, единовѣрные и долѣе другихъ находившіеся подъ Русскимъ владычествомъ, были уже достаточно готовы для подчиненія обще-Русскому устройству.

Десятилѣтній миръ позволилъ обдумать это дѣло на просторѣ, а въ управленіе Головина ему было суждено осуществиться.

Вслѣдъ за назначеніемъ Евгенія Александровича, 19-го февраля 1838 года, Высочайше утверждено: «Образованіе Совѣта Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ.» Этою Монаршею волею управленіе гражданскою частію въ Грузіи и всѣхъ областяхъ Закавказскихъ ввѣрялось командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и главноуправляющему въ Грузіи, на правилахъ тогда существовавшихъ, *впредь до изданія общаго учрежденія объ управленіи Закавказскимъ краемъ*.

Для содѣйствія же главноуправляющему по дѣламъ, требовавшимъ обширнѣйшихъ соображеній, утверждался въ Тифлисѣ *Совѣтъ Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ*. Совѣтъ составлялся, подъ предѣлательствомъ главноуправляющаго, изъ Тифлискаго военнаго губернатора и членовъ, по Высочайшему назначенію. Въ Совѣтъ приглашались, по востребованію дѣлъ, для совѣщанія: Тифлискій гражданскій губернаторъ и начальники областей Закавказскихъ, временно въ Тифлисѣ пребывавшіе, также управляющіе казенными палатами и начальники другихъ частей, въ составъ губернскаго управленія не входившихъ. Въ отсутствіе главноуправляющаго или за продолжительною болѣзнію его, въ Совѣтѣ предѣлательствовалъ Тифлискій военный губернаторъ. Но кратковременныя, по нуждамъ службы, отлучки главноуправляющаго изъ Тифлиса не считались отсутствіемъ. Положенія Совѣта въ этомъ случаѣ представлялись ему на утвержденіе.

Кругъ дѣйствій Совѣта, не касаясь нисколько новаго гражданскаго управленія за Кавказомъ, порученнаго тогда особой Коммиссіи, обнималъ одни текущія дѣла существовавшаго гражданскаго управленія за Кавказомъ, которыя главноуправляющій признавалъ нужнымъ поручить его разсмотрѣнію. Сюда въ особенности отнесены: 1) высшій надзоръ за движеніемъ дѣлъ; 2) устраниеніе препятствій при исполненіи законовъ и постановленій; 3) дѣла хозяйственной части по статьямъ доходовъ и расходовъ, и 4) охраненіе правъ и преимуществъ разныхъ состояній.

Съ изданіемъ этого Образованія Совѣта Главнаго Управленія Государь Императоръ, «признавая ненужнымъ дальнѣйшее существованіе, въ Тифлисѣ, Общаго Собранія Верховнаго Грузинскаго Правительства», Высочайшимъ

указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, 27-го ноября того же года, Всемилостивѣйше повелѣлъ: 1) установленіе это вовсе упразднить, и 2) поступившія въ него до того времени дѣла обращать впредь въ Совѣтъ Главнаго Управленія, на точномъ основаніи образованія этого Совѣта.

Наконецъ, именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 10-го апрѣля 1840 года, совершилось первое общее преобразование края въ административномъ отношеніи, сгладившее естественныя и историческія грани, которыя раздѣляли дотолѣ разноплеменные и разновѣрные народы Закавказья.

Въ силу этого новаго учрежденія, части Закавказья, по долговременному пребыванію подъ Русскимъ управленіемъ и по религіознымъ и другимъ условіямъ, наиболѣе способныя къ принятію твердаго порядка гражданскаго управленія, составили *губернію*, подъ именемъ *Грузино-Имеретинской*; прочія же, не столь еще къ тому готовыя, — *область*, получившую имя *Каспійской*, съ особымъ при ней *Военно-окружнымъ Управленіемъ*.

Въ составъ губерніи, кромѣ Грузіи, съ причислявшимися къ ней дистанціями, и Имеретіи, вошли еще: княжество Гурійское, провинція Ахалцыхская, область Армянская, область Джаро-Бълоканская и султанство Елисуйское. Губернскимъ городомъ назначенъ былъ *Тифлисъ*.

Область составила изъ именованныхъ Мусульманскими провинцій: Ширванской, Карабагской, Шекинской, Дербентской, Кубинской, ханства Талышинскаго, округа Самурскаго *), ханства Аварскаго и владѣній въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Мѣстопребываніемъ областному начальству опредѣленъ городъ *Шемаха*.

Управленіе Мингрелію, Сванетію и Абхазію оставлено на прежнемъ положеніи.

Какъ губернія, такъ и область, раздѣлены были на уѣзды, а уѣзды — на участки, въ числѣ 72 для всего края.

Въ губерніи Грузино-Имеретинской образовано было одиннадцать уѣздовъ: 1) *Тифлисскій*, съ городомъ Тиф-

*) Составился, какъ видѣли, изъ горскихъ обществъ по верховьямъ рѣки Самура, покоренныхъ во время экспедиціи 1839 года.

лисомъ — изъ прежняго уѣзда того же имени, съ присоединеніемъ части Душетскаго, горскихъ народовъ по Военно-Грузинской дорогѣ, земли Триалеты и части Борчалинской дистанціи; 2) *Горійскій*, съ уѣзднымъ городомъ Гори — изъ прежняго уѣзда того же имени, съ присоединеніемъ остальной части Душетскаго и горной Осетіи; 3) *Телавскій*, съ уѣзднымъ городомъ Телавомъ — изъ прежняго Телавскаго и Сигнахскаго уѣздовъ, съ приставствами Пшаво-Хевсурскимъ, Тушинскимъ и Дидойскимъ; 4) *Бълоканскій*, съ мѣстечкомъ Закачалами — изъ области Джаро-Бълоканской и султанства Елисуйскаго; 5) *Кутаисскій*, съ уѣзднымъ городомъ Кутаисомъ — изъ прежней Имеретіи; 6) *Елисаветпольскій*, съ уѣзднымъ городомъ Елисаветполемъ — изъ прежняго уѣзда того же имени, и дистанцій Шамшадильской и Казахской; 7) *Александропольскій*, съ уѣзднымъ городомъ Александрополемъ — изъ остальной части Борчалинской дистанціи и дистанціи Бомбако-Шурагельской; 8) *Эриванской* съ уѣзднымъ городомъ Эриванью — изъ прежней Эриванской провинціи Армянской области; 9) *Нахичеванскій*, съ уѣзднымъ городомъ Нахичеванью — изъ прежней Нахичеванской провинціи той же области; 10) *Ахалцыхскій*, съ уѣзднымъ городомъ Ахалцыхомъ — изъ прежней провинціи того же имени; 11) *Гурійскій*, съ мѣстечкомъ Озургетами — изъ прежняго княжества Гурійскаго. Бывшіе уѣздными, при предшествовавшемъ раздѣленіи, города Душетъ, Сигнахъ и Ордубатъ по новому остались заштатными.

Область Каспійская составлена была изъ семи уѣздовъ: 1) *Ширванскаго*, 2) *Карабахскаго*, 3) *Шекинскаго*, 4) *Талышинскаго*, 5) *Бакинскаго*, 6) *Кубинскаго* и 7) *Дербентскаго*, образованныхъ изъ прежнихъ провинцій тѣхъ же наименованій. Уѣздными городами въ нихъ назначены были прежніе главные города тѣхъ провинцій: Шемаха, Шуша, Нуха, Ленкорань, Баку, Куба и Дербентъ. При этомъ присоединены были: къ уѣзду Кубинскому округъ Самурскій, а къ Дербентскому — Табасаранъ. Оба послѣдніе уѣзда были подчинены особенному военно-окружному управленію, для начальника котораго мѣстопребываніемъ опредѣленъ городъ Дербентъ;

вѣдѣнію того же начальника подчинены были и оставленныя при прежнихъ правахъ своихъ и устройствѣ: шамхальство Тарховское, ханства Аварское, Кюра-Казы-Кумыхское и Мехтулинское, и вольныя общества Лезгинъ.

Уѣздное управленіе въ городахъ и уѣздахъ Грузино-Имеретинской губерніи и области Каспійской устроено было на единообразныхъ началахъ, съ небольшимъ лишь различіемъ въ составѣ. Состояло оно по каждому уѣзду изъ: 1) *Уѣзднаго начальника* съ его *помощникомъ*, 2) *Участковыхъ засѣдателей*, 3) *Городской Полиціи*, 4) *Уѣзднаго Казначейства*, 5) *Уѣзднаго Суда* и 6) *Уѣзднаго прокурора*. Сверхъ того, при каждомъ уѣздномъ управленіи положено было состоять особому *Комитету о Земскихъ Повинностяхъ*, *уѣздному врачу* и необходимому числу другихъ чиновъ, опредѣлявшемуся особыми штатами. Въ одномъ только уѣздѣ Гурійскомъ, ни Уѣзднаго Суда, ни Уѣзднаго Казначейства, до времени положено не было: всѣ тяжбныя и уголовныя дѣла этого уѣзда должны были производиться въ Уѣздномъ Судѣ Кутаисскомъ; равнымъ образомъ и доходами Гурійскаго уѣзда положено было завѣдывать Кутаисскому же Уѣздному Казначейству. Въ Тифлисѣ общественное городское управленіе учреждено было на особыхъ основаніяхъ.

Управленіе Грузино-Имеретинской губерніи составлено было изъ: 1) *гражданскаго губернатора*, 2) *Губернскаго Правленія*, 3) *Казенной Палаты*, 4) *Палаты Государственныхъ Имуществъ*, 5) *Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда*, 6) *Приказа Общественнаго Призрѣнія*, 7) *Дворянскаго Депутатскаго Собранія* и 8) *части прокурорской*. Къ составу этому причислялись, сверхъ-того, *Губернское Строительная Коммиссія* и *комитеты: о Земскихъ Повинностяхъ, Статистическій и Оспенный*. При Губернскомъ Правленіи положено было состоять: а) *губернскому архиву*, б) *типографіи*, в) *губернскому и уѣзднымъ землемѣрамъ* и г) *врачебной управѣ*.

Управленіе Каспійской области образовано было изъ: 1) *областнаго начальника*, 2) *Областнаго Правленія*, 3) *Казенной Палаты*, 4) *Палаты Государствен-*

ныхъ Имуществъ, 5) *Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда*, и 6) *части прокурорской*. Къ составу Областнаго Управленія присоединялись, подѣ непосредственною зависимостью отъ начальника области, *комитеты: о Земскихъ Повинностяхъ и Оспенный*. При Областномъ же Правленіи положено было состоять: а) *областному архиву*, б) *областному и окружнымъ землемѣрамъ* и в) *областному врачу*, отъ котораго должны были зависѣть врачи уѣздныя.

Въ лицѣ Дербентскаго *военно-окружнаго начальника* сосредоточена была высшая полицейская власть надѣ мѣстными гражданскими управленіями въ уѣздахъ Дербентскомъ и Кубинскомъ, по военнымъ обстоятельствамъ края, подчиненнаго его зависимости.

Въ довершеніе преобразованія управленія низшаго (уѣзднаго) и второстепеннаго (губернскаго и областнаго), послѣдовали нѣкоторыя измѣненія и въ *главномъ* управленіи Краемъ. Управленіе это составили: 1) *Главноуправляющій* (съ канцеляріею), 2) *Тифлисскій Военный Губернаторъ* и 3) *Совѣтъ Главнаго Управленія* (съ канцеляріею).

Въ лицѣ *Главноуправляющаго* оставлено было высшее завѣдываніе всѣми гражданскими и пограничными дѣлами Края, предсѣдательство въ *Совѣтѣ Главнаго Управленія* и командованіе Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ.

Тифлисскому Военному Губернатору предоставлены были тѣ же права и обязанности, какія опредѣлялись общими постановленіями о военныхъ губернаторахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ онъ былъ старшимъ членомъ *Совѣта Главнаго Управленія*, и заступающимъ мѣсто *Главноуправляющаго*, за болѣзнію его или нахожденіемъ въ походѣ.

Совѣтъ Главнаго Управленія, учрежденный первоначально, какъ сказали, въ 1838 году, оставленъ былъ на прежнемъ основаніи и въ прежнемъ составѣ, подѣ предсѣдательствомъ *Главноуправляющаго*, изъ членовъ, опредѣляемыхъ по Высочайшему назначенію. Для совѣщанія, но безъ права участія въ рѣшеніяхъ, постановляемыхъ *Совѣтомъ*, предоставлено приглашать въ него, когда представится надобность: гражданскаго губернатора,

начальника области (при временномъ пребываніи его въ Тифлисъ), начальника штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, председателей палатъ, почтъ-инспектора и другихъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій.

Не смотря на возможное приближеніе къ общему въ Имперіи губернскому и уѣздному устройству, управленіе Закавказья, и по Учрежденію 1840 года, все еще представляло многія уклоненія. Различныя особенности края требовали отнести къ вѣдѣнію Совѣта Главнаго Управленія такіе предметы, рѣсмотрѣніе которыхъ не подлежитъ ни Совѣтамъ Главныхъ Управленій въ обѣихъ частяхъ Сибири, ни Областному Совѣту въ Бессарабіи. Изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ нѣкоторыхъ не было учреждено вовсе (напримѣръ Совѣстныхъ Судовъ, а въ Каспійской области—Приказа Общественнаго Призрѣнія, Строительной Коммисіи и проч.), другія слиты (напримѣръ Палата Уголовнаго Суда съ Палатой Гражданскаго Суда, какъ въ губерніи Грузино-Имеретинской, такъ и въ области Каспійской), вслѣдствіе чего предметы вѣдѣнія однихъ мѣстъ отнесены были къ другимъ (напримѣръ, въ области Каспійской, къ производству въ Областномъ Правленіи отнесены дѣла, подвѣдомственныя Приказамъ Общественнаго Призрѣнія, Врачебнымъ Управамъ и проч.). Такимъ же образомъ, по уѣздному управленію, въ лицѣ уѣзднаго начальника съ его помощникомъ соединены были званія: городничаго, земскаго исправника и окружнаго начальника по управленію Государственными Имуществами. Во уваженіе этихъ особенностей, тѣмъ же указомъ 10-го апрѣля опредѣлены были въ подробности какъ права и обязанности новоучрежденныхъ мѣстъ и лицъ управленія, такъ и порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, порядокъ судопроизводства тяжбаго, равно особыя положенія: о городскомъ общественномъ управленіи въ Тифлисъ, по предмету земскихъ повинностей и о преимуществахъ чиновниковъ, служащихъ за Кавказомъ. Все это повелѣвалось привести въ исполненіе съ 1-го января 1841 года.

За три недѣли до утвержденія этого проекта управленія краемъ, Государь наградилъ Головина алмазными зна-

ками на орденъ Св. Александра Невскаго, при слѣдующей грамотѣ:

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧ., И ПРОЧ., И ПРОЧ.

Главноуправляющему Грузіею, Командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Нашему Генералъ отъ Инфантеріи Головину.

Долговременная, всегда и полезная служба ваша, ознаменованная неусыпными трудами по званію Главноуправляющаго Грузіею и непосредственнымъ участіемъ въ составленіи проекта новаго учрежденія для управленія Закавказскимъ краемъ, приобрѣли вамъ Наше совершенное благоволеніе и признательность. Въ изъявленіе оныхъ Всемилоостивѣйше жалуя вамъ препровождаемые у сего алмазами украшенные знаки ордена Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, Мы твердо увѣрены, что вы, поощренные симъ Монаршимъ вниманіемъ Нашимъ къ отличной службѣ вашей, употребите всѣ усилія къ приведенію новаго учрежденія, послѣ окончательнаго утвержденія онаго, въ полное дѣйствіе на точномъ основаніи особыхъ наставленій, вамъ данныхъ, и съ успѣхомъ, соответствующимъ во всѣхъ отношеніяхъ важности предмета и постоянному желанію Нашему водворить во всѣхъ частяхъ Гражданскаго управленія за Кавказомъ твердый порядокъ и благоустройство. Пребываю на всегда вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Николай.»

С.—Петербургъ.

21-го марта, 1840 года.

« Для вѣрнѣйшаго обезпеченія успѣха введенія этого гражданскаго устройства, Государь Императоръ, признавъ нужнымъ сосредоточить всѣ распоряженія по сему предмету въ одномъ высшемъ временномъ установленіи », именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 24-го апрѣля того же года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) Учредить особый Комитетъ, подъ предѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Чернышева, изъ генерала отъ инфантеріи графа Канкринна, генералъ-адъютанта графа Киселсва, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Блудова, генералъ-адъютанта графа Строгонова и статсъ-секретарей графа Панина и Позена;

2) Комитету поручить высшій надзоръ за успѣшнымъ введеніемъ за Кавказомъ новаго гражданскаго устройства;

3) Главному управленію Закавказскимъ краемъ представлять прямо Комитету только дѣла и случаи, относящіеся собственно до введенія тамъ новаго гражданскаго устройства; и

4) Движеніе прочихъ дѣлъ по Закавказскому краю, въ случаяхъ, превышающихъ власть мѣстнаго начальства, устроить на слѣдующемъ основаніи: а) Министры и главноуправляющіе частями сохраняютъ вліяніе на части, имъ ввѣренныя, и по Закавказскому краю на общемъ основаніи. б) Дѣла, подлежація разрѣшенію Правительствующаго Сената, обращать въ него общимъ порядкомъ, независимо отъ Комитета. в) Изъ числа дѣлъ, представляемыхъ Высочайшему разрѣшенію чрезъ Комитетъ Министровъ, обращать въ Комитетъ объ устройствѣ Закавказскаго края только тѣ, которыя будутъ относиться до введенія за Кавказомъ новаго гражданскаго устройства; и г) дѣла, подлежація разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, обращать отъ министровъ въ Комитетъ объ устройствѣ Закавказскаго края, и потомъ вносить съ его мнѣніемъ въ Государственный Совѣтъ.

Вслѣдъ за этимъ, Государь Императоръ, « признавъ необходимымъ преподать Главноуправляющему Закавказскимъ краемъ всѣ способы къ успѣшному введенію тамъ новаго гражданскаго устройства », 2-го мая того же года Высочайше соизволилъ назначить « для содѣйствія ему по сему предмету », сенатора барона Гана, « съ правами ревизующаго сена-

тора и съ предоставленіемъ ему управлять гражданскою частью въ отсутствіи генерала Головина. »

Къ 1-му январю 1841 года это важное учрежденіе, со всѣми къ нему приложеніями, было приведено къ надлежащему исполненію во всѣхъ отношеніяхъ. Головинъ и Гаяъ донесли Сенату, что Грузино-Имеретинская губернія и Каспійская область привяли надлежащее свое наименованіе; границы уѣздовъ съ участками опредѣлены, какъ губернскія и областныя мѣста, такъ и всѣ части уѣзднаго управленія, учрежденіемъ и штатами опредѣленныя, положительно образованы, открыты и воспріяли полный кругъ дѣйствій, законами имъ предоставленный; за тѣмъ всѣ прочія мѣста и власти до Учрежденія существовавшія и со введеніемъ его подлежащія уничтоженію, какъ то: Временныя Областныя Правленія: Гурійское, Имеретинское, Ахалцыхское, Джаро-Бѣлоканское, Армянское и Талышинское, Управление по доходамъ и казеннымъ имуществамъ въ бывшей Армянской области; всѣ Комендантскія управленія, Городовыя и Окружныя Суды, Военно-окружныя начальства Дагестанское и Мусульманскими провинціями — упразднены; дѣла, въ нихъ производившіяся, разсортированы и по принадлежностямъ переданы. Уѣздные города Сигнахъ и Душетъ получили наименованіе заштатныхъ, а всѣ прочіе города и мѣстечки по Учрежденію приняли надлежащее свое наименованіе.

За успѣшное исполненіе этого многотруднаго дѣла Евгеній Александровичъ удостоился получить въ награду Владимирскую ленту 1-й степени, при слѣдующей многомилостивой грамотѣ:

« Нашему Генералу отъ Инфантеріи, Главноуправляющему Закавказскимъ краемъ и Командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Головину. »

« Изъ донесеній вашихъ и Члена Государственнаго Совѣта, Сенатора, Тайнаго Совѣтника Барона Гана, Мы, къ совершенному удовольствію Нашему, усмотрѣли, что новое учрежденіе объ управленіи Закавказскимъ Краемъ введено тамъ съ полнымъ успѣхомъ и въ назначенный Нами срокъ. Относя столь удовлетворительное исполненіе сего важнаго и обширнаго дѣла къ вашей неутомимой дѣятельности и усердію къ пользамъ службы, и желая наградить труды ваши,

Всемиловѣйше жалуюмъ васъ кавалеромъ *ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степени*, знаки коего при семъ препровождаю, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по уставовленію.

« Впрочемъ пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію на всегда благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

« Н и к о л а й . »

Петергофъ.

4-го іюня 1841 года.

Труды барона Гана были Всемиловѣйше награждены орденомъ Св. Александра Невскаго.

Прочія вѣдомства также подверглись немедленному у образованію.

25-го декабря 1840 года Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта объ устройствѣ почтовой части за Кавказомъ, которымъ положено: 1) Къ существовавшимъ тогда одиннадцати округамъ почтоваго управленія въ Имперіи, прибавить еще одинъ—XII, и въ завѣдываніе его причислить всѣ почтовые мѣста и станціи Грузино-Имеретинской губерніи и Каспійской области, за исключеніемъ крѣпости Владикавказа, гдѣ почтовая часть должна быть подчинена почтовому въ Кавказской области управленію. Мѣстопробываніе почтъ-инспектору XII округа находится въ Тифлисѣ, а помощнику его въ Шемахѣ. 2) Въ составѣ VIII округа, завѣдывавшаго Закавказскими почтами, оставить почтовые мѣста и станціи Кавказской области, Астраханской губерніи и войскъ Донскаго и Черноморскаго, упразднивъ мѣсто помощника почтъ-инспектора этого округа. 3) На основаніи учрежденія для управленія Закавказскимъ краемъ, вмѣнить тамошнимъ почтовымъ мѣстамъ въ обязанность, во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ руководствоваться правилами, вообще для тѣхъ мѣстъ этого рода внутри Имперіи поставленными, съ тѣмъ лишь изъ тѣхъ правилъ изъятіями, какія въ новомъ учрежденіи допущены; и 4) вмѣстѣ съ тѣмъ освободить казакъ отъ лежавшей на нихъ обязанности возить за Кавказомъ почты; для чего и замѣнить ихъ почталіонами на общемъ положеніи.

5-го января слѣдующаго года Высочайше утверждено *Учрежденіе объ управленіи государственными имуществами въ Закавказскомъ краѣ*, которымъ:

1) Для управленія государственными имуществами и попечительства надъ свободными сельскими обывателями въ Закавказскомъ краѣ, учреждены двѣ Палаты Государственныхъ Имуществъ: Грузино-Имеретинская и Каспійская.

2) Раздѣленіе подвѣдомственныхъ государственныхъ имуществъ и сельскихъ свободныхъ обывателей на особые округа (кромѣ лѣсныхъ), равно какъ образованіе волостнаго и сельскаго управленій, по примѣру существующихъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ, отложено до первой къ тому возможности.

3) Ближайшее наблюденіе за благоустройствомъ государственныхъ имуществъ и благосостояніемъ государственныхъ поселянъ возложено на мѣстныхъ уѣздныхъ начальниковъ и уѣздныхъ попечителей, съ особыми при послѣднихъ помощниками по хозяйственной части. Уѣзды Горійскій и Дербентскій, по незначительности въ нихъ государственныхъ имуществъ и малому пространству, причислены были: первый—къ Кутаисскому, а второй—къ Кубинскому уѣздамъ; и

4) для ближайшаго надзора за государственными въ краѣ лѣсами, опредѣлены, гдѣ требовало надобности, окружные лѣсничіе съ подвѣдомственными имъ лѣсничими и подлѣсничими, причемъ въ Бакинскомъ уѣздѣ, по совершенному отсутствію лѣсовъ, Лѣснаго Управленія не положено было вовсе.

На слѣдующій годъ Государь Императоръ, « въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Закавказскомъ краѣ прочнаго устройства, соответствующаго обстоятельствамъ края и дѣйствительнымъ потребностямъ его жителей, признавая необходимымъ дать болѣе единства и быстроты всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ по управленію симъ краемъ въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ », именнымъ указомъ, даннымъ Сенату, въ высокаторжественный день 30-го августа, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Комитетъ, учрежденный указомъ 24-го апрѣля 1840 года собственно для разрѣшенія случаевъ по введенію по-

ваго учрежденія для управленія Закавказскимъ краемъ, упразднить.

2) Для предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія всѣхъ вообще дѣлъ по управленію этимъ краемъ, подлежащихъ Монаршему разрѣшенію, учредить особый Комитетъ и сверхъ того Временное Отдѣленіе въ составѣ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для обработки всѣхъ новыхъ предположеній по устройству края.

3) Комитету состоять, подъ предѣдательствомъ, обозрѣвашаго по Высочайшему порученію Закавказскій край, военнаго министра, генераль-адъютанта князя Чернышева, изъ предѣдателя Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, министровъ: финансовъ, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и управляющаго Временнымъ Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи.

4) Министрамъ и главноуправляющимъ частями, сохранивъ на дѣла Закавказскаго края, каждому по своей части, вліяніе, уставами и учрежденіями имъ присвоенное, представлять чрезъ этотъ Комитетъ къ Высочайшему разрѣшенію всѣ тѣ дѣла и случаи, въ порядкѣ исполнительномъ, которые, не требуя новыхъ законодательныхъ мѣръ, превышаютъ власть, министрамъ и главноуправляющимъ предоставленную.

5) Производство всѣхъ дѣлъ, требующихъ новыхъ законодательныхъ мѣръ, сосредоточить во Временномъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи, гдѣ они, обрабатываясь подъ ближайшимъ Монаршимъ надзоромъ, должны быть, каждый разъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, обращаемы въ Комитетъ, смотря по сущности предмета, или для окончательнаго постановленія, или же для предварительнаго только соображенія и внесенія потомъ въ Государственный Совѣтъ.

6) За тѣмъ въ Комитетъ Министровъ обращать тѣ дѣла по Закавказскому краю, на внесеніе коихъ туда послѣдуетъ особое Всемилостивѣйшее повелѣніе, въ Правительствующій же Сенатъ—дѣла судныя и тяжбыныя.

7) Дѣла Комитета производить во Временномъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи.

8) Отдѣленію этому, для успѣшнаго исполненія обязанностей, на него возлагаемыхъ, имѣть подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о состояніи края, о личномъ составѣ управленія

по всѣмъ вообще степенямъ, объ успѣхѣ въ движеніи дѣлъ, о доходахъ и расходахъ, и прочія, тому подобныя; и

9) Всѣ сношенія по дѣламъ Отдѣленія съ министрами, главноуправляющими и мѣстнымъ главнымъ начальствомъ поручить управляющему Отдѣленіемъ.

Въ тотъ же день другимъ указомъ Всемилостивѣйше назначенъ членомъ этого Комитета Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, — нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, — а Временнымъ Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества по дѣламъ гражданскаго устройства Закавказскаго края повелѣно управлять статсъ-секретарю, тайному совѣтнику Позену, который только что произвелъ ревизію тамошняго гражданскаго управленія, — «важное порученіе, исполненное этимъ сановникомъ, — по Высочайшему отзыву, — съ особеннымъ знаніемъ дѣла, при мѣрною отчетливостію и тѣмъ усердіемъ, коимъ всегда отличалась полезная и дѣятельная служба его.»

Кавказская область и Черноморія, въ порядкѣ главнаго управленія, также подвергались важному измѣненію.

Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 7-го мая 1840 года, для успѣшнѣйшаго движенія въ нихъ дѣлъ, замедлявшихся не рѣдко въ своемъ ходѣ отдаленностію мѣстопребыванія главноуправляющаго Грузією и затруднительностію сообщеній Кавказскаго Края съ Тифлисомъ, — Высочайше признаны за благо нижеслѣдующія мѣры:

1) Освободивъ главноуправляющаго Грузією отъ управленія гражданскою частію въ Кавказской области и въ Черноморіи, подчинить эту часть непосредственно начальнику Кавказской области; предоставить ему всѣ права, власть и обязанности, присвоенныя, учрежденіями объ управленіи Кавказскою областію и Черноморією, званію главноуправляющаго.

2) Управленіе внѣшними иноподцами Кавказской области оставить безъ измѣненія въ непосредственной зависимости главноуправляющаго Грузією въ порядкѣ тогда существовавшемъ.

3) Независимо отъ этого, въ отношеніи Кавказской области и Черноморіи главноуправляющаго Грузією, облечь властію главнокомандующаго на основаніи Учрежденія о большой дѣйствующей арміи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ

по стеченію чрезвычайныхъ обстоятельствъ, онъ признаетъ необходимыми общія мѣропріятія и особыя распоряженія, для охраненія внѣшней и внутренней безопасности края.

и 4) Порядокъ военнаго управленія Кавказскаго Отдѣльнаго Корпуса, войскъ въ Кавказской области водворенныхъ, какъ равно и Черноморскаго казачьяго войска, тогда существовавшій при этомъ, оставленъ безъ измѣненія. Сообразно съ тѣмъ, главнокомандующій Грузіею, въ качествѣ командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, сохранилъ по войскамъ, ему ввѣреннымъ, власть главнокомандующаго въ мирное время, предоставленную ему указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 11-го января 1838 года. Между тѣмъ, для успѣшнѣйшаго теченія дѣлъ и по военной части, Всемилоствѣйше признано за нужное предоставить начальнику Кавказской области, по званію командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, права корпуснаго командира, отъ арміи неотдѣльнаго; по дѣламъ же военно-суднымъ, въ отношенія къ ввѣреннымъ ему войскамъ, облечь его властію отдѣльнаго корпуснаго командира въ мирное время.

Здѣсь же скажемъ, что 20-го мая 1841 года, Высочайше повелѣно принять кочующіе въ Кавказской области магометанскіе народы подъ попечительство Министерства Государственныхъ Имуществъ.

При нынѣшнемъ обращеніи общаго вниманія на *гражданскихъ чиновниковъ*, справедливость требуетъ сказать, что Кавказъ и Закавказье, съ нѣкоторыми другими мѣстами Имперіи, представляютъ еще труднѣйшія пренятетвія, чѣмъ вообще въ государствѣ, къ замѣщенію мѣстъ людьми достойными, и поэтому служащіе въ нихъ, съ давняго времени, пользуются особенными преимуществами. Дѣйствовавшія при вступленіи въ управленіе Головина преимущества для тамошняго края, сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ, оказывались уже во многомъ неудобными въ исполненіи. Возникшіе изъ нихъ вопросы были столь затруднительными и сложными, что Правительство признало необходимымъ подвергнуть всѣ, дотолѣ издавныя по этому предмету узаконенія общему, тщательному пересмотру. Этотъ немаловажный трудъ для Закавказскаго Края былъ оконченъ только ко времени введенія новаго гражданскаго устройства

и «Положеніе» о преимуществахъ тамошней службы Высочайше утверждено 10-го апрѣля 1840 года.

Въ дополненіе этихъ правилъ, постановлены еще: въ слѣдующемъ — году о выдачѣ единовременно пособія чинамъ Черноморскаго береговаго управленія, вообще чиновникамъ прибывшимъ въ Закавказской Край послѣ изданія Положенія 1840 года и о пособияхъ при командировкахъ; а въ 1842 году—о выдачѣ денежнаго пособія и тѣмъ изъ отправляющихся въ Край на службу лицамъ, которыя классныхъ чиновъ не имѣютъ. Наконецъ, въ послѣднемъ году, 9-го іюня, Высочайше утверждено Положеніе о преимуществахъ службы во всѣхъ прочихъ отдаленныхъ и малонаселенныхъ краяхъ Имперіи, распространенное и на Кавказскую область.

До времени присоединенія Грузіи къ составу Имперіи (1783), тамошнее *дворянское сословіе* раздѣлялось на двѣ степени: князей и собственно дворянъ, изъ которыхъ каждой отдѣльно предоставлены были свои права и преимущество. Это различіе удержано и въ правилахъ для дворянскихъ выборовъ, Высочайше дарованныхъ 31-го марта 1803 года. Правительственныя мѣста и должности, замѣщаемыя по выборамъ, раздѣлены были также на высшія и низшія, изъ которыхъ первыя предоставлены исключительно князьямъ и только послѣднія дворянамъ. Въ началѣ эпохи, разсматриваемой нами, протекло уже болѣе 55 лѣтъ съ того времени, какъ Грузія подъ Всероссийскимъ скипетромъ усвоивала себѣ благоденствіе, даруемое законодательствомъ Имперіи, и почетныя должности не занимались уже тѣми членами высшаго класса дворянскаго сословія, которые отличены были ими подъ управленіемъ царей Грузинскихъ; потому представилась возможность распространить на Грузію тоже равенство правъ на выборахъ, при которомъ Россійское дворянство несло службу государственную, не стѣсняя, никакимъ различіемъ степеней въ сословіи, круга лицъ, способныхъ къ избранію въ старшія должности. Велѣдствіе ходатайства Головина объ этомъ, Государь Императоръ, 20-го октября 1838 года повелѣлъ: Грузинскому дворянству предоставить право во всѣ тѣ должности, которыя тогда замѣщались или впредь могли быть предоставлены замѣщенію по выборамъ дворянства, избирать, на основаніи общихъ, существующихъ о дворянскихъ выборахъ постанов-

лений, способныхъ и достойныхъ лицъ изъ князей и дворянъ безъ различія.

Дѣла *Вѣры*, какъ главнѣйшаго основанія доброй нравственности, повиновенія властямъ, исполненія гражданскихъ обязанностей, общественной тишины и благосостоянія, принадлежали власти главныхъ начальниковъ Края, по полицейской обязанности—охранять ненарушимость Православія, и по главному завѣдыванію прочими исповѣданіями.

Особенно замѣчательныхъ дѣйствій Головина по охраненію господствующей Церкви мы не знаемъ; но по иновѣрнымъ исповѣданіямъ въ его управленіе послѣдовало вѣсколько распоряженій Правительства, о которыхъ считаемъ приличнымъ сказать немного словъ.

Армяно-Григоріанская Церковь, не смотря на краткость времени отъ изданія въ 1836 года новаго для управленія ея дѣлами положенія и на встрѣчавшіяся при исполненіи постановленій его нѣкоторыя затрудненія, въ теченіе этого пятилѣтія уже получила по многимъ частямъ преобразование вполнѣ удовлетворительное. Эчміадзинскій Синодъ, торжественно открытый въ 1837 году, совершалъ свои занятія съ постоянною дѣятельностію и, согласно указаніямъ Положенія, принялъ нужныя мѣры къ обезпеченію церковнаго имущества, обратилъ особенное вниманіе на учрежденіе, соразмѣрно имѣвшимся средствамъ, семинарій и духовныхъ училищъ, на образованіе консисторіи и духовныхъ управленій и, по указанію верховнаго патріарха-католика, завелъ лучшій порядокъ въ управленіи доходами Эчміадзинскаго монастыря и его братіи. Между тѣмъ, упрощенное означеннымъ Положеніемъ первенство Эчміадзинскаго патріаршаго престола продолжало привлекать въ Эчміадзинъ, изъ разныхъ частей Востока, Армянскихъ духовныхъ, искавшихъ принятія въ число братіи этого монастыря.

Управленіе *Армяно-Католическою* Церковью требовало существеннаго преобразования. Приготовленіе священниками этого исповѣданія за Кавказомъ дѣтей Армянъ—католиковъ для поступленія въ духовное званіе, было соединено съ большими затрудненіями; ибо приготовляемымъ надлежало сперва отправляться въ Тифлисъ къ префекту миссіонеровъ для испытанія, и потомъ ѣхать для посвященія: или въ Персію въ Салмасъ и

Хасровъ, или въ Турцію въ Медринъ и Константинополь, гдѣ находились Армяно-католическіе епископы. Поэтому въ 1839 году было признано нужнымъ: 1) возстановить, предназначенное Высочайшимъ указомъ 1810 г., Армяно-Католическое епархіальное управленіе, въѣривъ его особому епископу, который бы имѣлъ кафедру свою въ Тифлисъ, съ потребнымъ числомъ кафедральныхъ членовъ, и учредить тамъ, соразмѣрно съ средствами, семинарію для приготовленія желающихъ вступить въ духовное званіе, и консисторію для производства духовныхъ дѣлъ по части судной; 2) управленію этому завѣдывать всѣми духовными дѣлами, церквями и духовенствомъ Армяно-Католическаго обряда въ Россіи, и состоять, наравнѣ съ Латинскими епархіальными управленіями, въ вѣдомствѣ Римско-Католической Духовной Коллегіи и митрополии этого исповѣданія въ Россіи; 3) установленный для сношенія Римскихъ католиковъ съ главою ихъ Церкви порядокъ распространить и на Армянъ-Католиковъ; и 4) всѣ эти мѣры привести въ дѣйствіе по избраніи и рукоположеніи Армяно-Католическаго епископа. Но такъ какъ означенныя предположенія требовали нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній и сношеній, то дѣло это и не могло быть приведено къ совершенному окончанію.

Евангелическо-Лютеранскіе приходы въ Грузіи, населенные Нѣмецкими выходцами изъ королевства Виртембергскаго, управлялись до 1841 г., въ духовномъ отношеніи, особымъ церковнымъ уставомъ, дарованнымъ имъ въ 1829 году. Только въ дѣлахъ бракоразводныхъ и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, по усмотрѣнію всеобщаго колонистскаго Синода, Высочайше рѣзрѣшено было въ 1835 году руководствоваться постановленіями общаго устава Евангелическо-Лютеранской Церкви въ Россіи, Высочайше утвержденнаго 28-го декабря 1832 года. Дальнѣйшее управленіе духовною частію Грузинскихъ Нѣмецкихъ колоній, на основаніи устава 1829 г., оказалось несоотвѣтствующимъ тогдашнему ихъ состоянію. Само колоніальное общество, чрезъ своего оберъ-пастора и колонистскій Синодъ, изъявило желаніе, съ изъятіемъ вовсе изъ употребленія этого устава, принять вмѣсто него общій уставъ Евангелическо-Лютеранской Церкви въ Россіи, вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ нему наказомъ духовенству и начальствамъ этой

Церкви и особыми дополнительными къ послѣднему уставу правилами, заключающими въ себѣ лишь нѣкоторыя права и преимущества, Всемиловѣйше дарованныя колонистамъ при самомъ ихъ переселеніи и въ послѣдствіи утвержденныя церковнымъ уставомъ 1829 г. По тщательномъ обсужденіи этого дѣла министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ главноуправляющимъ Грузіею и Закавказскими областями, было внесено въ 1841 году представленіе о томъ въ Комитетъ Министровъ, по положенію котораго, сообщенному 25-го ноября, Его Императорское Величество изъявилъ на то Всемиловѣйшее соизволеніе.

Для *нехристіанскихъ* исповѣданій, по свойственному необразованнымъ ихъ послѣдователямъ суетврїю и предразсудкамъ, требовалось постоянное наблюденіе за согласіемъ правилъ спасительной Вѣротерпимости съ общими государственными законами.

Въ концѣ 1837 года доставлены были въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, отъ главноуправляющаго Грузіею, Кавказскою и Закавказскими областями, начертанныя особымъ комитетомъ, предположенія объ устройствѣ духовнаго управления *Магометанъ*, обитающихъ въ Закавказскомъ краѣ. Эти предположенія находились послѣ того въ разсмотрѣніи Комисіи, Высочайше учрежденной для составленія Положенія объ управленіи Закавказскимъ краемъ, и въ концѣ 1838 года, согласно заключенію Комисіи, переданы съ замѣчаніями ея главноуправляющему Грузіею. Но окончательнаго постановленія не послѣдовало.

Наконецъ въ 1842 году предписано Армяно-Григоріанскому духовенству, въ случаѣ обращенія Магометанъ въ Христіанскую религію своего исповѣданія, соблюдать правила, установленныя на такіе случаи для духовенства Католическаго и Протеставтскаго.

Народное просвѣщеніе находило въ Евгеніи Александровичѣ на Кавказѣ, какъ и въ Польшѣ, достойнаго исполнителя благихъ намѣреній Монарха.

По Высочайше утвержденному 1-го іюля 1837 года Положенію о доставленіи чиновникамъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ служащимъ, способовъ къ воспитанію дѣтей ихъ, между прочимъ было повелѣно: Ставропольское высшее уѣздное училище преобразовать въ гимназію, со введеніемъ

преподаванія законовѣдѣнія и судопроизводства, также Татарскаго и Армянскаго языковъ, и съ предоставленіемъ окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ ученикамъ вступать въ гражданскую службу 14-мъ классомъ. При гимназіи назначень пансіонъ на 20 казенныхъ воспитанниковъ и столько пансіонеровъ, сколько позволятъ мѣстныя обстоятельства. Изъ первыхъ ежегодно по одному отличнѣйшему положено опредѣлять, для окончательнѣйшаго образованія, въ Харьковскій университетъ, — такъ какъ Кавказская область входила въ составъ Харьковского учебнаго округа. На этомъ основаніи Кавказская Областная гимназія открыта 18-го октября въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора, изволившаго Всемиловѣйше изъявить за все видѣнное Свое удовольствіе *).

Въ первый годъ главнаго управленія Головина эта гимназія получила окончательное устройство, при чемъ, по особенному составу ея учебной части, дано ей отличное отъ прочихъ заведеній этого рода распредѣленіе предметовъ преподаванія и числа уроковъ, а учителя законовѣдѣнія и судопроизводства снабжены надлежащимъ наставленіемъ.

Въ томъ же году для благороднаго пансіона при Кавказской гимназіи утверждены министромъ народнаго просвѣщенія положенія и штаты, и въ высокаторжественный тогда день 22-го августа слѣдующаго года — пансіонъ былъ открытъ.

5-го сентября 1839 года Высочайше дозволено принимать въ число своекоштныхъ воспитанниковъ пансіона дѣтей купцовъ 1-й и 2-й гильдій, но съ тѣмъ, что чиномъ 14-го класса при поступленіи на службу изъ такихъ воспитанниковъ пользуются только тѣ, кои, по состоянію родителей, будутъ имѣть право на это поступленіе.

По недостатку способныхъ и надежныхъ переводчиковъ для сношенія съ Кавказскими горцами, Государь Императоръ въ 1840 году повелѣтъ соизволилъ: обратить особенное вниманіе на преподаваніе въ Кавказской гимназіи Татарскаго языка, требуя непременно изученія его отъ всѣхъ

*) О посѣщеніи Государемъ Императоромъ учебныхъ заведеній Закавказскаго Края и Харьковскаго округа (оффиц.). *Журналъ Мин. Народн. Просв.* XVI (1837 № 12), III, 621—622.

вообще учениковъ и предоставляя, въ замѣнъ того, обученіе Латинскому языку на волю учащихъся.

Учащихъся въ Гимназіи находилось: въ 1837 г. 122, въ 1838 — 105, въ 1839 — 129, въ 1840 — 119, въ 1841 — 142 и въ 1842 — 152. Слѣдственно число ихъ увеличилось на 24,7%.

Въ гимназической библіотекѣ состояло: въ 1839 году 1362, 1840 — 1520, 1841 — 1868 и 1842 — 2000 томовъ.

Въ Кавказской области приходскихъ училищъ вновь открыто два: въ 1838 году въ Екатериноградской станицѣ и въ 1841 году въ куренѣ Брюховецкомъ.

При вступленіи Евгенія Александровича въ главное управленіе въ Закавказьѣ находилось: 1 гимназія съ благороднымъ при ней пансіономъ и 15 уѣздныхъ училищъ; въ нихъ было чиновниковъ и учителей 88. Сверхъ того частныхъ пансіоновъ было 3. Учащихъся въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 1424.

Въ этомъ числѣ уѣздныхъ училищъ показано и открытое въ Дербентѣ 17-го декабря 1837 года, т. е. послѣ уже назначенія Головина главноуправляющимъ.

Главнѣйшее затрудненіе къ оковчательному устройству существовавшихъ уже въ Кавказѣ уѣздныхъ училищъ и къ учрежденію тамъ новыхъ этого рода заведеній было недостатокъ помѣщеній *). Чтобы отклонить столь важное неудобство, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 1837 году Высочайше повелѣтъ соизволялъ: на постройку домовъ для 14 уѣздныхъ училищъ ассигновать, изъ процентовъ съ общаго экономическаго капитала Гражданскихъ Учебныхъ Заведеній, по 7428 руб. 35 коп. серебромъ на каждый, а на всѣ 103,996 руб. 90 коп. серебромъ.

Вслѣдствіе этого, еще до вступленія Головина въ главное начальство, по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ, было отдано на подрядъ строеніе домовъ въ Душетѣ, Гори, Тела-

*) Общій отчетъ, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1837 годъ, стр. 96—97.

въ, Ахалцыхъ, Казахской дистанціи, Тифлисъ, Эривани, Нахичевани, Баку, Кубъ, Дербентъ и Ленкоранѣ; а для постройки домовъ въ Елизаветполѣ и Сигнахѣ хозяйственнымъ образомъ приняты нужныя мѣры.

Тифлисская гимназія и уѣздныя училища: Кутаисское, Ахалцыхское и Эриванское удосгоились въ 1837 году Высочайшаго посѣщенія Государя Императора и вообще состояніемъ уѣздныхъ училищъ въ томъ, что зависѣло отъ распоряженій и усердія начальства ихъ и учителей, Его Величество остался совершенно доволенъ, отозвавшись о Кутаисскомъ: «это все, что можно требовать отъ уѣзднаго училища», а объ Ахалцыхскомъ — «для начала, хорошо.» — Въ Тифлисской гимназіи, будучи весьма всѣмъ доволенъ, Государь изволилъ неоднократно изъявлять Свое удовольствіе и даже изволилъ сказать: «Я вижу, что не напрасно сюда пріѣхалъ» *).

«Сѣмена просвѣщенія, посѣяныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ Закавказскомъ краѣ, — говорилъ министръ народнаго просвѣщенія въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1837 годъ **), — упали на неблагоприятную землю. Учрежденіе и постепенное распространеніе учебныхъ заведеній встрѣчаетъ тамъ радушіе и признательность. Число учащихся возрастаетъ. Княжескіе роды и лучшія дворянскія фамиліи отличаются любознательностію и усердно посѣщаютъ училища. О семъ важномъ предметѣ имѣлъ я неоднократно совѣщанія съ генералъ-лейтенантомъ Головинымъ, предъ его отправленіемъ въ тотъ край, и остаюсь въ полной надеждѣ, что, совокупными нашими трудами и распоряженіями, благая цѣль Вашего Величества постепенно достигаться будетъ».

Надежда графа Уварова оправдалась; ревностная заботливость Евгенія Александровича о народномъ просвѣщеніи дала благотворные плоды, какъ это показываютъ слѣдующія подробности о состояніи Закавказскихъ училищъ въ его

*) О посѣщенія Государемъ Императоромъ учебныхъ заведеній Закавказскаго Края и Харьковскаго округа (офиц.) *Журн. Мин. Народн. Просв.* XVI (1837 № 12), III, 623—625.

***) Общій отчетъ, стр. 98—99.

пятилѣтіе, къ сожалѣнію, основанныя на отрывочныхъ извѣстіяхъ *).

Въ число положенныхъ, по Высочайше утвержденному, 12-го мая 1835 года, штату учебныхъ заведеній за Кавказомъ, открыто одно уѣздное училище въ 1838 году — въ Шемахѣ. Но, въ то же время, по усмотрѣнію бесполезности существованія уѣзднаго училища въ Мингрелии, — именно по недостатку учащихся, — это заведеніе въ 1838 году закрыто; а 19-го сентября 1839 года послѣдовало и Высочайшее утвержденіе Положенія Комитета Министровъ объ его упраздненіи, съ обращеніемъ производившейся на него суммы, 1530 руб. сереб. въ годъ, на содержаніе въ благороднѣмъ пансіонѣ Тифлисской гимназіи 10 воспитанниковъ изъ Мингрельскаго и Имеретинскаго дворянства.

Въ число 70 казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ Благородный пансіонъ при Тифлисской гимназіи, по штату 1835 года, назначено было опредѣлять: 20 изъ дѣтей служащихъ тамъ чиновниковъ и 50 изъ дворянъ Закавказскаго края. По ходатайству Головина, въ 1840 году, Высочайше разрѣшено предоставить первымъ, изъ общаго числа воспитанниковъ казеннаго содержанія, еще 10 мѣстъ.

2-го апрѣля 1840 года Высочайше повелѣно: въ Кутаевскомъ уѣздномъ училищѣ, сообразно съ мѣстной потребностію, вмѣсто Армянскаго, преподавать Татарскій языкъ.

Въ этомъ же году министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 12-го апрѣля для облегченія перехода учениковъ изъ Тифлискаго уѣзднаго училища въ тамошнюю гимназію, ввести въ первое изъ этихъ заведеній преподаваніе языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, а 7-го октября въ Ахалцыхскомъ уѣздномъ училищѣ преподаваніе Закона Божія Православнаго исповѣданія производить на Грузинскомъ языкѣ, и, въ то же время, изъявилъ согласіе, чтобы дѣти новообращенныхъ христіанъ, въ Ахалцыхской провинціи находившихся, были принимаемы въ послѣднее училище.

Постройка новаго зданія для Тифлисской гимназіи и Благороднаго при ней пансіона, начатая при предмѣстникѣ Го-

*) Общіе отчеты, представленные Его Императорскому Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1838, 1839, 1840, 1841 и 1842 года.

ловина, въ 1839 году была окончена, и заведенія эти помѣщены въ немъ съ удобностію. Постройка домовъ для уѣздныхъ училищъ въ Душетѣ, Телавѣ, Пиписахъ, Баку и Елизаветнолѣ произведена окончательно въ томъ же году; въ слѣдующихъ годахъ было окончено еще нѣсколько зданій; но положительныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ. Тифлисское уѣздное училище, помѣщенное въ бывшемъ гимназическомъ зданіи, потребовало также постройки новаго дома. Построеніе училищныхъ домовъ въ Сигнахѣ, Кубѣ и Ленкоранѣ въ 1839 году, по Высочайшему повелѣнію, было отложено: въ первомъ — по причинѣ близости Телавскаго училища, а въ послѣднихъ по нендобности еще тамъ подобныхъ заведеній. Вмѣсто того, въ томъ же году, было назначено построить помѣщенія для училищъ въ Старой Шемахѣ и Шушѣ.

По ходатайству Головина, 6-го сентября 1838 года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на введеніе новаго порядка опредѣленія почетныхъ смотрителей въ Закавказскія уѣздныя училища, болѣе сообразнаго съ особеннымъ положеніемъ и съ отдаленностію ихъ. Между прочимъ, при этомъ поставлено правиломъ, чтобы чиновники, назначаемые къ должностямъ, съ которыми соединены обязанности почетныхъ смотрителей, въ то же время вступали и въ эти обязанности, безъ особыхъ утвержденій Министерства Народнаго Просвѣщенія, по приглашеніямъ главнаго начальства Закавказскимъ краемъ.

Въ 1841 году, со введеніемъ новаго управленія гражданскою частію, измѣнились нѣкоторыя должности, съ которыми, по прежнимъ постановленіямъ, было соединено званіе почетнаго смотрителя уѣзднаго училища, а поэтому 23-го сентября, новымъ Высочайшимъ соизволеніемъ, возложено это званіе въ уѣздныхъ городахъ — на уѣздныхъ начальниковъ, въ заштатныхъ — на участковыхъ засѣдателей, въ Шемахѣ — на товарища предсѣдателя Каспійской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда, а въ Тифлисѣ — на уѣзднаго предводителя дворянства.

Число частныхъ пансіоновъ въ Краѣ, въ управленіе Головина, уменьшилось: вмѣсто 3, бывшихъ въ 1837 и 1838 годахъ, въ 1839 году ихъ находилось — 2, въ 1840 г. —

1, въ 1841 г. — не было ни одного, а въ 1842 году снова показано въ отчетѣ 2.

Измѣненія въ число служащихъ и обучавшихся видно изъ слѣдующей таблицы :

	Чинovníковъ и учителей въ ка- зен. заведеніяхъ.	Учащихся въ ка- зен. и частныхъ училищахъ.	Въ томъ числѣ въ Тифлис. гимназ. учащихся.
Въ 1837	88	1424	365
» 1838	86	1431	370
» 1839	89	1568	410 *)
» 1840	98	1477	365
» 1841	88	1607	346
» 1842	99	1779	374

Слѣдственно число учащихся въ пять лѣтъ возрасло на 335 человекъ, или на 25%.

Библиотека Тифлисской гимназіи въ 1841 году состояла изъ 3,114, а въ 1842—изъ 5,390 томовъ.

Въ 1840 году Тифлисскій гражданинъ Шадиновъ принесъ въ даръ дирекціи Закавказскихъ училищъ 600 экземпляровъ Армянской грамматики; а въ 1842 году вдова Французскаго профессора Сербье завѣщала городу Тифлису библиотеку покойнаго мужа своего, заключавшую въ себѣ 381 сочиненіе и 280 экземпляровъ изданной имъ Армянской грамматики. Библиотека эта, по распоряженію Головина, была присообщена къ гимназической.

По извѣданной опытѣ необходимости поручить ближайшее управленіе учебными заведеніями за Кавказомъ особому лицу съ правами попечителей округовъ, министр народнаго просвѣщенія въ 1841 году имѣлъ счастье представлять о томъ Государю Императору. По Высочайшему повелѣнію, предположеніе это и проектъ штата управленія тамошними училищами были тогда же внесены въ Комитетъ объ устройствѣ Закавказскаго края. 18-го января 1842 года они удостоились Всемилостивѣйшаго утвержденія, съ учрежденіемъ:

*) Въ Вѣдомости № 5, приложенной къ Общему отчету, всеподданнѣйше представленному Его Императорскому Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1839 годъ, въ Тифлисской гимназіи показано учащихся 315, а въ такой же вѣдомости, приложенной къ отчету за 1840 годъ, — 410. Мы приняли послѣднее число, какъ поздаѣйшее.

«для главнаго управленія всего учебнаго въ Закавказскомъ краѣ частію» званія *Главнаго Инспектора Закавказскихъ училищъ*, который долженъ былъ состоять въ тѣхъ же къ главноуправляющему отношеніяхъ, въ какихъ состоялъ къ нему, на основаніи Положенія 12-го мая 1835 года и 10-го апрѣля 1840 года, директоръ Тифлисской гимназіи. Министру народнаго просвѣщенія повелѣвалось снабдить инспектора особою инструкціею, по взаимному съ главноуправляющимъ согласію. Уваровъ далъ эту инструкцію 16-го марта, но въ то время приостановился выборомъ способнаго на это мѣсто лица, по случаю предстоявшаго обзорѣнія того края военнымъ министромъ. 20-го ноября, т. е. уже по назначенію Нейдгардта, послѣдовала Высочайшая воля о порученіи одному изъ военныхъ членовъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскимъ краемъ учебной части, съ возложеніемъ на министра народнаго просвѣщенія обязанности составить ему инструкцію и съ упраздненіемъ за тѣмъ должности главнаго инспектора. Инструкція эта удостоена Высочайшаго утвержденія только 28-го января 1843 года.

Окончимъ изложенныя нами свѣдѣнія о состояніи этихъ училищъ заключеніемъ о нихъ, сдѣланнымъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1842 годъ *); «послѣдствіе разныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ,—говорилъ Уваровъ,—замедлило и даже приостановило нѣкоторымъ образомъ исполненіе видовъ Министерства въ Закавказскомъ краѣ. Можно надѣяться, что, при перемѣнѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, процвѣтетъ, вмѣстѣ съ другими частями управленія, и училищная часть, столь важная въ быту того края, столь необходимая для достиженія цѣли Правительства. Министерство не оставитъ обратить на сей предметъ особое вниманіе и усердіе.»

Кавказская область до Головина не принадлежала ни къ одному изъ учебно-воспитательныхъ округовъ, на которые были распределены внутреннія губернія между губервскими корпусами и институтами. Дворянство, большею ча-

*) Общій отчетъ, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1842 годъ, стр. 68—69.

стію недостаточное, не мало затруднялось въ образованіи дѣтей своихъ, по отдаленности Края отъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ учреждены были такія учебныя заведенія.

Для отстраненія этого послѣдовали два Высочайшія повелѣнія:

Первымъ, 24 апрѣля 1838 года, Кавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія причисленъ къ округу Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣвиць, съ отпускомъ изъ доходовъ по 2,550 руб. ассиг. и съ правомъ содержать въ немъ по три воспитанницы изъ своей области.

Вторымъ, отъ 12 февраля 1839 года, вслѣдствіе ходатайства Кавказскаго дворянства, на сѣздѣ для выборовъ въ октябрѣ 1838 года, область причислена къ Воронежскому Михайловскому Кадетскому Корпусу.

Наконецъ 23-го марта 1840 года Высочайше утвержденъ Уставъ *Закавказскаго Девичьяго Института*, Всемилостивѣйше учрежденнаго въ Тифлисъ «для представленія средствъ къ образованію женскаго пола въ высшихъ сословіяхъ Закавказскихъ подданныхъ Россіи,» который Государыня Императрица, тогда же, соизволила принять подъ Свое покровительство. Институтъ былъ учрежденъ на 60 казенныхъ и 20 своекоштныхъ воспитанницъ. Не успѣла развестись по Закавказью вѣсть объ этомъ, и сотни прошеній отъ богатыхъ и бѣдныхъ были поданы начальству о принятіи ихъ дочерей.—Институтъ торжественно открытъ 24-го января 1842 года.

Книгопечатаніе въ Краѣ получило облегченіе тѣмъ, что 23 декабря 1837 года Высочайше повелѣно подчинить главноуправляющему Грузіею разсмотрѣніе книгъ, издаваемыхъ въ Тифлисъ на тамошнихъ нарѣчіяхъ.

Въ заключеніе этой части обзора скажемъ, что Евгеній Александровичъ и всѣми другими мѣрами, гдѣ отъ него зависѣло, способствовалъ успѣхамъ знаній. Такимъ образомъ, въ протоколахъ Академіи Наукъ находимъ свидѣтельства, что онъ доставлялъ въ это высшее учебное заведеніе историческія и статистическія свѣдѣнія и найденные предметы древности, содѣйствовалъ устройству въ Тифлисъ метеорологической и магнитной обсерваторіи и пр.

Попеченіе о *народномъ здоровіи* составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ главнаго начальника, не только въ ви-

дахъ пользы для собственно жителей Края, но, по пограничному положенію его, и для охраненія вообще здоровья въ Имперіи.

Устройство *карантинной линіи*, оберегающей Государство отъ внесенія чумы, постепенно приводилось въ лучшее положеніе. Остановимся на главныхъ распоряженіяхъ сюда относящихся.

Особая карантинная линія по сю сторону Кавказскихъ горъ,—начиная отъ острова Чечня у береговъ Каспійскаго моря, до карантинныхъ Бугазскаго и Таманскаго на Черномъ морѣ,—Высочайше учреждена 4 декабря 1835 г. При этомъ двѣ послѣднія заставы были подчинены вѣдомству Керчь—Эникольскаго градоначальника и тамошняго карантиннаго правленія. 8-го мая 1838 года объ эти заставы Высочайше подчинены на будущее время начальству Кавказской области и, кромѣ обыкновенной зависимости отъ центральнаго карантина (въ Екатериноградѣ), ближайшій надзоръ за ними, для большой безопасности, ввѣренъ начальнику 1-го отдѣленія Черноморской прибрежной линіи.

Въ этомъ же году, для огражденія укрѣпленій нашихъ по сѣверо-восточному Черноморскому берегу отъ внесенія въ нихъ заразы, посредствомъ судовъ, приходящихъ въ Закавказскій Край изъ Новороссійскихъ портовъ, Высочайше повелѣно: устроить карантинныя заставы въ Геленджикъ, Пицундѣ, Бомборахъ и Гаграхъ.

Въ 1839 году признано было полезнымъ Озургетскій карантинъ, находившійся въ Грузіи, не подалеку отъ крѣпости св. Николая, перенести на другое мѣсто, къ крѣпости Лахурской, гдѣ, по географическому положенію, карантинное учрежденіе должно было имѣть всѣ способы для успѣшнаго дѣйствія.

По крайнему неудобству карантинныхъ помѣщеній въ Кизлярѣ, въ 1840 году разрѣшено устроить временныя зданія въ Лашуринѣ; а по ветхости зданій, занимаемыхъ Редуть—Кальскимъ карантинномъ, тогда же признано необходимымъ перенести въ Редуть—Кале строенія Потійскаго карантина, которыя, за упраздненіемъ тамъ крѣпости, оставались бесполезными.

Въ этомъ же году были повѣряемы карантинныя учреж-

денія по Кавказской линіи, начиная отъ острова Чечени до Анапы,—черезъ особо посланныхъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, чиновниковъ, которые, исполнивъ данное имъ порученіе, представили подробное описаніе всѣхъ карантинныхъ и заставъ, расположенныхъ по Кавказской линіи. По разсмотрѣніи этого описанія оказалось, что нѣкоторыя заставы, по своему мѣстоположенію, ежегодно подвергались наводненію, разрушавшему всякое въ нихъ устройство, а другія хотя и находились на возвышенныхъ мѣстахъ, но были окружены болотами, оказывавшими весьма вредное вліяніе на здоровье, и наконецъ нѣкоторыя заставы были расположены на такихъ мѣстахъ, чрезъ которыя не происходило вовсе никакихъ коммерческихъ сношеній. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества, Высочайше было повелѣно истребовать отъ начальника Кавказской области точныя соображенія, планы и смѣты, необходимыя къ должному устройству этихъ карантинныхъ. Проектъ для устройства карантинной части въ Закавказскомъ Краѣ былъ представленъ отъ мѣстнаго начальства только въ 1842 году; но и тогда оказалось нужнымъ собрать еще нѣкоторыя ближайшія и подробнѣйшія свѣдѣнія.

Наконецъ, какъ о мѣрѣ весьма полезной, должно упомянуть, что, въ уваженіе неудобствъ, происходившихъ отъ недопущенія въ Екатериноградскій карантинъ до утра пассажировъ, пребывающихъ со стороны Владикавказа послѣ захожденія солнца, 16 ноября 1837 года Высочайше дозволено принимать въ тотъ карантинъ во всякое время пассажировъ, проѣзжавшихъ чрезъ Кабардинскую плоскость подъ военнымъ конвоемъ.

Но, не смотря на всѣ попеченія Правительства, въ разсматриваемое пятилѣтіе *чумная зараза* не покидала Края.

Въ 1838 году зараза эта появилась 14 іюня въ нѣкоторыхъ деревняхъ Аббасъ-Туманскаго и Кобліанскаго санджаконъ Ахалцыхской провинціи и наконецъ въ самомъ Ахалцыхѣ. Чума внесена была въ наши предѣлы, какъ должно думать, по неосторожности сообщенія съ заграничными жителями, между которыми она свирѣствовала еще въ продолженіе весны. Мѣстное начальство, усиливъ карантинныя

мѣры, вскорѣ успѣло отвратить опасность, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ зараза совершенно прекратилась; безпрепятственное сообщеніе съ оцѣпленными мѣстами возобновлено 22 декабря. Жертвою заразы сдѣлалось около 200 человекъ. — Въ 1839 году чума появилась въ началѣ мая въ той же провинціи и съ самомъ Ахалцыхѣ, но строгими карантинными мѣрами вскорѣ была прекращена. Въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ хотя и возобновились нѣкоторыя сомнительные на счетъ этой заразы случаи, но, при точномъ соблюденіи карантинныхъ мѣръ, не имѣли никакихъ гибельныхъ послѣдствій. Всѣхъ занемогшихъ чумою было 128 человекъ; изъ нихъ 73 умерли, и 55 выздоровѣли. —

Въ исходѣ того же года чума снова оказалась въ Ахалцыхскомъ военномъ госпиталѣ, въ Ахалцыхской крѣпости и въ солдатской слободкѣ близъ крѣпости Ахцуръ, но принятыми мѣрами прекращена въ слѣдующемъ февралѣ. Занемогшихъ ею было 27 человекъ; изъ нихъ умерло 19. — Въ сентябрѣ 1840 года зараза оказалась между войсками Александропольскаго гарнизона, и распространилась между Александропольскою крѣпостью и рѣками Хромомъ и Борчалиномъ. Пространство это, по распоряженію мѣстнаго начальства, было ограждено цѣпью, и въ приличныхъ мѣстахъ учреждены карантинныя заставы. Таковыя мѣры были достаточны къ остановленію заразы на мѣстѣ ея появленія, гдѣ она скоро начала ослабѣвать, и въ половинѣ декабря вовсе не было вновь занемогшихъ. Но въ то же время чумная зараза неожиданно появилась въ 80 верстахъ отъ Тифлиса, въ деревняхъ: Думанисахъ и Орозманѣ. Дабы воспрепятствовать ей проникнуть въ Тифлисъ, немедленно учрежденъ временный карантинъ для задержанія пассажировъ, слѣдовавшихъ со стороны Грузіи изъ мѣстъ сомнительныхъ; въ карантинахъ Кавказскихъ восстановленъ 14 дневный обсервационный срокъ, и по Высочайшему повелѣнію предположено во Владикавказѣ учредить карантинъ, а въ случаѣ надобности—возстановить вторую карантинную линію на Дону, по рѣкамъ Еѣ, Среднему Егорлыку, Манычу и Кумѣ. Однакожъ, какъ въ Александрополѣ и въ помянутыхъ двухъ деревняхъ чума оставлена въ самыхъ мѣстахъ ея появленія, и строгими мѣрами предохраненія было къ исходу декабря

совершенно прекращена, то возстановленіе второй карантинной ливні оказалось ненужнымъ. Со времени появленія заразы въ этихъ мѣстахъ до прекращенія ея занемогло 267; изъ нихъ умерло 205, выздоровѣло 62. — Въ началѣ 1841 года зараза открылась въ Эриванскомъ уѣздѣ, гдѣ было замѣчено нѣсколько сомнительныхъ случаевъ скоропостижной смерти. 6-го февраля въ деревняхъ Гюзаль-Дара и Кюланы-Кюриланъ умерло три человека съ явными признаками чумы; въ мартѣ открылась чума въ ближайшихъ четырехъ деревняхъ; въ апрѣлѣ—двухъ деревняхъ Тифлискаго уѣзда, въ 80 верстахъ отъ Тифлиса; потомъ въ одной деревнѣ Эриванскаго уѣзда, въ маѣ въ трехъ деревняхъ Елизаветпольскаго уѣзда. Въ іюнѣ, по прекращеніи этой заразы въ Елизаветпольскомъ уѣздѣ, она открылась въ 8 деревняхъ Александропольскаго уѣзда, по донесенію мѣстнаго начальства, отъ вещей, скрытыхъ отъ карантиннаго очищенія. Жители этихъ деревень скрывали даже больныхъ чумою и явно противились принятію карантинныхъ мѣръ. Съ половины августа чума начала ослабѣвать, и къ 28 ноября оставалась только въ Александропольскомъ карантинѣ больныхъ два человека; но при очищеніи чумнаго квартала того карантина заболѣли съ признаками чумы 10 человекъ нижнихъ чиновъ. Вообще съ февраля занемогло чумою 1,536, изъ нихъ умерло 758, а къ 1-му января осталось больныхъ 3. — Мѣры, при этомъ принятія съ успѣхомъ къ прекращенію заразы, состояли: въ немедленномъ отцѣпленіи деревень и цѣлыхъ уѣздовъ; въ строгомъ освидѣтельствovanіи людей по всей Грузино-Имеретинской губерніи; въ учрежденіи временныхъ карантинныхъ на главныхъ путяхъ сообщенія съ Тифлисомъ: въ Артачалѣ, Делижанскомъ ущельѣ и при Акчидіюкскомъ постѣ. Въ распоряженіе Головина командировано было 10 врачей; снова открытъ карантинъ во Владикавказѣ, и опять возстановленъ 14-дневный наблюдательный срокъ во всѣхъ Кавказскихъ карантинахъ. — Наконецъ въ 1842 году въ Закавказскомъ краѣ появилась еще разъ чума: ею поражено было 242 человека, изъ которыхъ умерло 126, осталось больныхъ 3.

Для снабженія войскъ, находившихся въ Кавказской области и Грузіи, медикаментами и другими аптеч-

ными припасами, до 1838 года имѣлось двѣ аптеки: одна въ Тифлисѣ, а другая въ Ставрополѣ, съ особеннымъ отдѣленіемъ послѣдней въ Пятигорскѣ, довольствовшимъ больныхъ лекарствами во время курса леченія Кавказскими минеральными водами. Обѣ эти аптеки и отдѣленіе получали запасы матеріаловъ своихъ, въ особенности иностранныхъ, изъ С. Петербурга и Москвы, по расчету за годъ впередъ, слѣланному изъ аптекъ и повѣренному въ Департаментѣ Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій и въ Медицинскомъ Совѣтѣ. Хотя для предупрежденія всякаго недостатка во врачебныхъ пособіяхъ, аптекѣ и предоставлено было дѣлать, сверхъ того, пужныя покупки матеріаловъ на мѣстѣ, подъ надзоромъ врачебныхъ управъ и съ разрѣшенія областнаго начальника; но не смотря на то, отъ аптекъ ежегодно получались дополнительные требованія, а отъ военно-медицинскаго начальства поступали не рѣдко представленія о недопускѣ матеріаловъ въ госпитали и полки Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Такія требованія, получаемыя не въ определенное время, могли быть удовлетворяемы изъ столицъ только высылкою матеріаловъ по почтѣ, соединенною съ большими неудобствами и затрудненіемъ. Эти затрудненія по Кавказскому краю происходили главнѣйшимъ образомъ отъ недостатка тамъ ближайшаго и дѣятельнѣйшаго наблюденія надъ фармацевтической частію, ибо за дѣйствіями аптекъ наблюдали мѣстныя Врачебныя Управы: Кавказская и Грузинская; но обязанности Врачебныхъ Управъ, предписанныя для нихъ инструкціею, состояли въ управленіи дѣлъ medico-полицейскихъ и судебно-медицинскихъ; а потому надзоръ за хозяйственными дѣйствіями казенныхъ аптекъ не могъ быть ими соблюдаемъ съ тою точностію въ соображеніяхъ, которой требовали свойство самаго дѣла, отдаленность края, затруднительность пересылки матеріаловъ по почтѣ, и необходимость въ нихъ, преимущественная предъ другими краями, происходящая отъ частыхъ военныхъ дѣйствій и самаго климата. Чтобы устроить на будущее время продовольствіе Кавказскаго края медикаментами, на основаніяхъ болѣе вѣрныхъ и точныхъ, 2-го марта 1838 г. Высочайше учреждено въ Ставрополѣ Управленіе инспектора аптекарской части, на такомъ же

основаніи, какъ существовало въ Варшавѣ Управление инспектора Дѣйствовавшей арміи. На управление это были возложены всѣ лежавшія дотолѣ на Кавказской и Тифлисской Врачебныхъ Управахъ обязанности въ отношеніи надзора за казенными аптеками того края.

Забываясь о матеріальномъ благосостояніи врачебной части, Головинъ не упустилъ изъ вида и ходатайствовать объ увеличеніи числа *медицинскихъ чиновъ*. При вступленіи его въ управление по штатамъ полагалось: а) въ Грузіи: 3 члена врачебной управы и 6 врачей городовыхъ, — изъ числа которыхъ одинъ въ Тифлисъ, и также одинъ ветеринарный врачъ; и б) въ Закавказскихъ провинціяхъ 12 врачей. Въ числѣ послѣднихъ считалось въ бывшей Армянской области, состоявшей изъ 4 городовъ и 5 округовъ, только три медика. Вредныя болѣзни, часто случающіяся тамъ по свойству климата, требуютъ скорого медицинскаго пособія; между тѣмъ жители, выбираясь въ лѣтнее время на возвышенныя мѣста отъ востерныхъ жаровъ и удаляясь отъ постоянного пребыванія врача, еще болѣе умножали тѣмъ затрудненіе имѣть такое пособіе въ необходимыхъ случаяхъ; чиновники присутственныхъ мѣстъ и нижніе чины Эриванскаго артиллерійскаго гарнизона принуждены бывали отправляться для пользованія въ Эриванскій военный полугоспиталь, отстоявшій отъ лѣтняго лагернаго пребыванія болѣе 50 верстъ. Во вниманіе къ такимъ затрудненіямъ, 4-го октября 1838 года, Высочайше повелѣно опредѣлить въ Армянскую область трехъ лекарей: одного въ Ордубатъ, другаго въ Новый Баязетъ и третьяго въ Шурурскій округъ. — Вслѣдъ за тѣмъ, принимая во вниманіе, что и вообще число медицинскихъ чиновъ въ Краѣ недостаточно по весьма часто открывающимся тамъ мѣстнымъ и эпидемическимъ заразительнымъ болѣзнямъ, вносимымъ изъ сопредѣльныхъ странъ Турціи и Персіи, Государь Императоръ, 17 января 1839 года, Высочайше назначилъ въ Грузію и Имеретію еще 7 медицинскихъ чиновниковъ и 1-го ветеринарнаго врача, съ представленіемъ главноуправляющему распредѣлять ихъ по своему усмотрѣнію, тамъ гдѣ представится въ нихъ наибольшая надобность.

Содержаніе медицинскимъ чинамъ въ Кавказской области

производилось при вступленіи Головина въ управление по штату 17-го октября 1817 года, съ соразмѣрнымъ дополненіемъ къ нему изъ суммы 2.500,000 рублей, Всемилостивѣйше назначенныхъ въ 1835 году въ добавокъ къ жалованью вообще для мѣстъ и лицъ, подвѣдомственныхъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Подобными же окладами пользовались медицинскіе чины и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ службѣ государственной, состоявшей на общемъ положеніи, не предоставлялось никакихъ особыхъ преимуществъ. Чиновники гражданскаго вѣдомства, приглашаемые на службу въ Кавказскую область, получали полоторное жалованье, чѣмъ не пользовались однакожъ медики и повивальныя бабки, хотя и предстояло для нихъ здѣсь гораздо менѣе выгодъ, доставляемыхъ практикою, нежели въ другихъ мѣстахъ. Повивальныя бабки и лекарскіе ученики, состоявшіе въ Кавказской области, не воспользовались притомъ и прибавкою, Высочайше дарованною по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 1835 году. Отъ того не рѣдко должности по медицинской части оставались тамъ долго незамѣщенными, и вновь поступавшіе чиновники скоро оставляли службу, для опредѣленія въ другихъ выгоднѣйшихъ мѣстахъ. По всему этому, въ 1839 году, признано справедливымъ увеличить жалованье медицинскимъ чиновникамъ въ Кавказской области одною половиною противъ окладовъ, получаемыхъ ими въ тогдашнее время. Въ дополненіи къ этому 23-го декабря 1841 года Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: медицинскимъ, ветеринарнымъ и фармацевтическимъ чинамъ, командруемыхъ по дѣламъ службы въ Грузію и во всѣ мѣста, гдѣ опредѣлено производить имъ жалованье по усиленнымъ окладамъ, производить это довольствіе, если они пробудутъ въ тѣхъ мѣстахъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ. — Въ этомъ году были изданы новыя табели усиленнымъ окладамъ; но 28-го іюня слѣдующаго года, согласно особому ходатайству Головина, Высочайше повелѣно: медицинскимъ и фармацевтическимъ чинамъ, служащимъ собственно въ Грузію и на Кавказѣ, производить, впредь до утвержденія для нихъ новыхъ штатовъ, прежніе увеличенные оклады жалованья по табели 6 ноября 1819 года.

По засвидѣтельствованію Евгенія Александровича о безо-

моцномъ положеніи, во время болъзней, чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, служившихъ въ Закавказскомъ краѣ, 14-го октября 1838 года Всемилостивѣйше дозволено этимъ чиновниковъ и нижнихъ служителей гражданскаго вѣдомства принимать для пользованія отъ болъзней въ военныя госпитали, съ тѣмъ, чтобы у тѣхъ изъ нихъ, кои пробудутъ въ госпиталяхъ сряду болѣе мѣсяца, вычитать третью часть ихъ жалованья и прочихъ окладовъ, кромѣ квартирныхъ, за все время нахожденія ихъ въ госпиталяхъ. Прочія же издержки, употребляемыя на пользованіе ихъ, отнесены были на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ они служатъ; въ случаѣ же недостатка этихъ суммъ—на счетъ Государственнаго Казначейства. — Правило это не было распространено на женъ и дѣтей этихъ чиновниковъ и служителей, подобно тому, какъ это сдѣлано въ отношеніи нижнихъ военныхъ чиновъ. По новому ходатайству Головина, 9-го сентября 1841 года Высочайше повелѣно и издержки, употребляемыя на пользованіе въ военныхъ госпиталяхъ женъ и дѣтей обоего пола нижнихъ служителей гражданскаго вѣдомства въ Закавказскомъ Краѣ, принять на счетъ Государственнаго Казначейства.

На Кавказѣ также часто свирѣпствуетъ *натуральная оспа*; такъ въ 1840 году отъ ней занемогло дѣтей—276, изъ нихъ умерло 73. Впрочемъ предохранительныя мѣры принимались довольно успѣшно, ибо, сколько извѣстно, оспа привита была по Кавказскому краю въ 1839 году—10,574, по Черноморскому Войску: во второй половинѣ 1839 и первой 1840 года—3,663, а въ 1841 году: по Каспійской области—2180, и въ Черноморской Землѣ—2123 младенцамъ.

Минеральныя воды на Кавказѣ пользуются справедливою извѣстностію.

Большая часть больныхъ, прибѣгающихъ къ отечественнымъ источникамъ, обращается къ Кавказскимъ водамъ. Но, къ сожалѣнію, въ февралѣ 1839 года при водахъ этихъ послѣдовала внезапная перемѣна. Послѣ треска въ горѣ Машукѣ, Александровскій источникъ скрылся. Хотя и прибавилась при этомъ вода въ другихъ источникахъ, особенно въ Калмыцкомъ; но кругъ дѣйствія Кавказскихъ водъ былъ не столь обширенъ, какъ прежде, потому что Нико-

лаевская и Ермоловская ванны, наливавшіяся Александровскимъ источникомъ, оставались безъ всякаго употребленія. Въ 1842 году была отправлена ученая коммисія на Кавказъ, съ обязанностію изслѣдовать: могутъ—ли быть возведены тамъ при водахъ предположенныя каменные зданія. При этомъ вмѣнено ей также въ обязанность заняться вообще всеѣмъ, что можетъ вести къ точнѣйшему познанію тамошнихъ водъ въ химическомъ, геогностическомъ и врачебномъ отношеніяхъ.—Сдѣланныя коммисіею наблюденія и предположенія были переданы на разсмотрѣніе Медицинскаго Совѣта. — Между тѣмъ, по распоряженію ея, устроены новый водоемъ при Александровскомъ источникѣ и ключъ очищенъ отъ накипи; въ слѣдствіи чего источникъ, дававшій до начатія работъ по 9,700 ведръ въ сутки, сталъ давать по 14,900 ведеръ.

Число больныхъ, пользовавшихся Кавказскими водами, было: въ 1838 — 1246, въ 1839 — 1219, въ 1840 — 1230, 1841—402. Въ послѣднемъ году выздоровѣло 385.

Кромѣ того извѣстно, что пользовалось: Тифлискими водами — въ 1840 году 297 и Каракайтагскими — въ 1841 году 160. Изъ послѣднихъ выздоровѣло 120.

Въ 1842 году въ Пятигорскѣ, устроивалась особая больница съ ванными для одержимыхъ Крымскою болъзнію, на что отпущено было отъ казны 10,000 рублей серебромъ.

Наконецъ, въ это время началось пользованіе еще новыми минеральными водами. На лѣвомъ берегу Ахты-чаю, около шести верстъ выше селенія Ахты, лежащаго на соединеніи этой рѣки съ Самуромъ, въ Южномъ Дагестанѣ, есть источникъ горячей минеральной воды, съ остатками древнихъ каменныхъ ваннъ, существующихъ вѣроятно со времени владычества Багдадскихъ калифовъ надъ западнымъ берегомъ Каспійскаго моря.—У насъ объ этомъ источникѣ не имѣли никакого свѣдѣнія; но въ 1839 году Русское оружіе проникло въ дикое ущелье,—гдѣ онъ протекаетъ. Жители Дербентской, Кубинской, Бакинской и Нухинской провинцій давно, однакожъ, знали цѣлительную силу водъ этихъ, и лѣтомъ съѣзжались во множествѣ въ Ахты пользоваться ими отъ разныхъ болъзней.—Первое изслѣдованіе Ахтинской минеральной воды, конечно, весьма недостаточное для точнаго

опредѣленія физическаго и химическаго свойства ея, дало уже возможность заключить съ большою увѣренностію, что внутреннее употребленіе этой воды полезно въ завалѣ брюшныхъ внутренностей, въ хроническихъ болѣзняхъ печени и въ подагрѣ; а наружное употребленіе должно пособлять въ застарѣлой ломотѣ и въ сведеніи членовъ, происходящемъ отъ шрамовъ послѣ равъ, и наконецъ, что нѣкоторыя другія болѣзни могутъ быть также лечимы этою водою. Но и приведенныхъ выше, которыя кромѣ подагры, такъ часто встрѣчаются въ Закавказскомъ краѣ между людьми всякаго званія, достаточно было для того, чтобъ обратить вниманіе на Ахтинскую минеральную воду, — что тогда же и сдѣлано.

Развитіе и усовершенствованіе *промышленности* обращало на себя равномѣрно просвѣщенное вниманіе Головина.

Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ Правительства, благотельныя послѣдствія которой, впрочемъ, относятся уже къ послѣдующему времени, должно, безъ сомнѣнія, признать преобразование *Инспекціи Шелководства* — въ *Инспекцію Сельскаго хозяйства Южной Россіи*, совершенное въ 1842 году. На эту Инспекцію возложено, подъ главнымъ руководствомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, распространеніе и поощреніе всѣхъ отраслей улучшеннаго сельскаго хозяйства (особенно же шелководства) и промышленности въ губерніяхъ Нороссійскихъ, Бессарабіи и области Кавказской.

Промышленные общества, существовавшія въ Краѣ, находили въ лицѣ главнаго начальника усерднаго ходатая предъ Правительствомъ для распространенія своихъ уставовъ.

Такимъ образомъ, учредителямъ *плантаціи сахарнаго тростника и сахарнаго завода въ Тифлисъ*, начавшимъ свои дѣйствія по Высочайше утвержденному 22-го іюня 1837 года положенію Комитета Министровъ, въ это пятилѣтіе Высочайше дозволено: 22-го іюля 1838 года устроить заводъ близъ Тифлиса, а 19-го марта 1840 года дарованы многія облегченія, оказавшіяся необходимыми.

Обществу распространенія за Кавказомъ шелководства и торговли Всемилостивѣйше разрѣшено, 7-го января 1841 года, измѣнить подписную цѣну своихъ ак-

цій; 20-го мая того же года — наименовать устроенную ими близъ Нухи колонію Царь-Абадомъ; а 22-го декабря Высочайше распространены способы этаго общества, для успѣшнѣйшаго развитія шелководства; наконецъ, 24 марта 1842 года Всемилостивѣйше повелѣно считать управляющаго дѣлами его въ государственной службѣ.

Иностранцамъ, желавшимъ употребить свои знанія на пользу промышленности Края, Евгений Александровичъ оказывалъ содѣйствіе, на сколько только было возможно. Такъ въ 1839 году, по его ходатайству, для привлеченія знающихъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и агрономовъ предоставлены имъ разныя льготы, въ томъ предположеніи, что такіе иностранцы принесутъ краю двоякую пользу: съ одной стороны ихъ трудолюбіе и искусство будетъ способствовать разработкѣ естественныхъ богатствъ и породить новыя произведенія, а съ другой — полезный примѣръ ихъ научить мѣстныхъ жителей и возбудить къ соревнованію.

Частные начальники содѣйствовали благимъ намѣреніемъ Главноуправляющаго. Наиболее памятенъ въ этомъ отношеніи бывший начальникъ Черноморской береговой линіи, генералъ-лейтенантъ Н. Н. *Раевскій*. По своей страсти къ *садоводству*, онъ употребилъ значительную сумму денегъ для разведенія красивыхъ и полезныхъ растений почти во всѣхъ укрѣпленіяхъ. Особенно замѣчательнъ военно-ботаническій садъ, заведенный этимъ генераломъ, въ 1840 году, при Сухумъ-Калѣ *).

*) Первоначально было отведено подъ этотъ садъ полдесятины; но въ 1841 г. прибавлено три десятины, и уже осенью 1840 года взято было изъ этой школы 6,000 корней разныхъ деревьевъ для разсадки въ береговыхъ укрѣпленіяхъ. Въ 1842 году въ саду имѣлось: разнаго рода розъ болѣе 2,000, спарціи и гениеты — болѣе 10,000, тополей 3,000, рабиніи—1,000, виноградника Крымскаго и Персидскаго—3,000, кетміи Сирійской—600, улеса—500, пассифлоры—400, плакучей ивы—300, бигноніи—200, мимозы—200, гранатника, фиго, аморфы, келрейтеріи—по 100. Кромѣ того персики и миндаль разводилась успѣшно отъ косточекъ; а новозеландскій ленъ отрогками.—Статья г. Родиженскаго, въ *Журналъ Садоводства*, 1842, № 5.

А. Θ. Ребровъ,—Ставропольскій поміщикъ,—имя котораго всегда будетъ произноситься съ глубокимъ уваженіемъ, какъ челоѣка пользующагося справедливо заслуженною извѣстностію не только въ отечествѣ, но и за границею, по его эвергическому и неутомимому старанію развить сельское хозяйство и преимущественно шелководство,—въ это время былъ въ самой силѣ своей дѣятельности.—Кто не знаетъ, какъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ бытность Свою въ Ставрополѣ, 18-го октября 1837 года, изустно благодарилъ А. Θ. Реброва за эти его труды. Въ разсматриваемое пятилѣтіе образцы шелка, выдѣлывавшагося во Владиміровкѣ — имѣніе А. Θ. Реброва, — неоднократно удостоивались счастье быть подносимы на Высочайшее воззрѣніе. Такимъ образомъ, 8-го декабря 1842 года, Государь, получивъ таковыя образцы, изволилъ передать ихъ Ея Величеству Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

Торговля получила равномѣрно нѣсколько новыхъ постановленій, изъ которыхъ нѣкоторыя нельзя не признать весьма полезными.

8-го марта 1838 года Высочайше дозволено подполковнику Арцруни, титулярному совѣтнику Айвазову, Грузинскимъ дворянамъ, занимавшимся торговлею, Лорисъ-Меликову, Джанкелову, Херодину и Тифлисскому гражданину Абессалому составить между собою на паахъ *Товарищество Персидской торговли*. Цѣль этого предпріятія состояла въ томъ, чтобы снабжать сопредѣльные Россіи Персидскія провинціи нашими мануфактурными издѣліями, вывозить изъ Персіи нужныя для насъ сырыя произведенія; для обработки же какъ ихъ, такъ и мѣстныхъ Закавказскихъ продуктовъ, построить и содержать по возможности фабрики на нашихъ берегахъ Каспійскаго моря. Правленіе Товарищества, изъ всѣхъ учредителей, положено находиться въ Тифлисѣ, съ конторами въ Баку и другихъ мѣстахъ, гдѣ обстоятельства требуютъ. Капиталъ должно было составить изъ 2 милліоновъ руб. ассигнаціями, раздѣленныхъ на пай исключительно между учредителями съ правомъ приглашать въ участники предпріятія и другія лица. Товарищество предполагалось на

15 лѣтъ, съ тѣмъ, что послѣ этого срока оно могло быть продолжено.

11-го августа 1838 года разрѣшено д. с. с. Завилѣйскому приступитъ къ открытію въ Тифлисѣ *Закавказскаго торговаго депо*, на акціяхъ, съ цѣлю усиленія торговаго въ Закавказіи и Персіи Русскими произведеніями и распространенія сношеній нашего купечества съ Грузіею.

4-го ноября 1839 года Высочайше дозволено Московскому 1-й гильдіи купцу Ананову и дворянину Акимову учрежденіе *Тифлисско-Московской конторы транспортовъ*. Предпріятіе это имѣло цѣлю, болѣе или менѣе, содѣйствовать и распространять торговую промышленность нашу въ Закавказскомъ краѣ, и поддерживать торговля дѣла съ Персіею и Азіатскою Турціею.

Изъ другихъ мѣръ по торговлѣ должно упомянуть о Высочайшемъ предоставленіи, 4-го мая 1842 года, мѣщанамъ—одиночкамъ, которые заведутъ въ Кавказской области, при укрѣпленіяхъ, за карантинною чертою, прочную торговлю, съ нѣкоторою тамъ осѣдлостію, правъ купцовъ 3-й гильдіи безъ платежа повинностей, при самомъ вступленіи ихъ въ торговля сношенія съ горнами, и доколѣ они будутъ заниматься этою торговлею; мѣщанамъ же семейнымъ такое преимущество предоставлено не прежде, какъ послѣ трехлѣтняго постояннаго въ означенныхъ мѣстахъ занятія торговлею.

По благоустройству *городовъ* было также сдѣлано многое. Изъ распоряженій, восходившихъ на Высочайшее вниманіе, особенно важно *Положеніе объ устройствѣ Тифлиса*, удостоенное Всемилостивѣйшаго утвержденія 8-го февраля 1841 года. вспомоgetельный капиталъ, поступившій въ распоряженіе учрежденнаго тогда въ Тифлисѣ Строительнаго Комитета, опредѣленъ былъ въ 150,000 руб. сер., которые должны были быть позаимствованы изъ Астраханскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, съ уплатою этого займа изъ 20% суммы, отчиславшейся ежегодно на устройство Тифлиса изъ акцизнаго сбора, въ распоряженіе Глависуправлявшаго Закавказскимъ краемъ.

Въ порядкѣ *отношенія Кавказскаго Края къ Военному Министерству* последовала одна весьма важная мѣра.

До командованія Корпусомъ Головина *инженерныя работы* по кордоннымъ укрѣпленіямъ на Кавказской линіи не подлежали вѣдѣнію Инженернаго Департамента, но зависѣли отъ непосредственнаго распоряженія Командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса *).

Поэтому, когда общимъ основаніемъ дѣйствій Военнаго Министерства, по содержанію крѣпостей (вообще въ государствѣ) въ исправности, предполагало содержаніе вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о состояніи крѣпостей и укрѣпленій, и собирая систематическія описанія ихъ, Министерство обязано было начертать подробное историческое обзорѣніе каждой крѣпости и управленія особо, означивъ въ немъ настоящее ихъ состояніе и мѣры, необходимыя для приведенія ихъ въ лучшее состояніе **), — таковыхъ свѣдѣній Инженерный Департаментъ не имѣлъ по Кавказскому и Закавказскому краю. Но въ 1840 году Государь Императоръ призналъ нужнымъ сосредоточить въ этомъ Департаментѣ и всѣ необходимыя свѣдѣнія объ устройствѣ крѣпостей и укрѣпленій, сооруженныхъ въ этомъ Краю, и именнымъ указомъ, объявленнымъ Департаменту 30-го апрѣля ***), Высочайше повелѣть соизволилъ: «имѣть въ этомъ Департаментѣ генеральныя планы всѣмъ симъ укрѣпленіямъ.» — 29-го ноября слѣдующаго года ****) последовало новое Высочайшее повелѣніе, которымъ всѣ расходы по постройкамъ крѣпостей и укрѣпленій въ Кавказскомъ краѣ и состоящихъ въ нихъ воинскихъ зданій поручены завѣдыванію Инженернаго Департамента, долженствовавшаго испрашивать потребныя на то суммы къ ассигнованію на общемъ основаніи по своимъ смѣтамъ и сосредоточивать всю отчетность въ израсходованіи и употребленіи ихъ.

По *Корпусному управленію* замѣтимъ слѣдующія постановленія.

*) *Сводъ Военныхъ Постановленій*, ч. 1, в. 1, ст. 74. Примѣчаніе 1.

**) Тамъ же ст. 665.

***) *П. С. З.* 2 собр. № 13,432.

****) Тамъ же, № 15,077.

Учрежденіемъ для управленія Закавказскимъ Краемъ, Высочайше утвержденнымъ 10 апрѣля 1840 года *), — о которомъ уже подробно говорили, — подтверждено, что *Командиръ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса* есть вмѣстѣ съ тѣмъ *Главноуправляющій Закавказскимъ Краемъ*, завѣдывающій всѣми гражданскими и пограничными дѣлами и Предѣдатель Совѣта Главнаго Управленія. Но это положеніе **) предоставляло ему дѣйствовать по части военной на основаніи особыхъ инструкцій.

Черезъ мѣсяць, Именнымъ указомъ 7-го мая, ***) — какъ также уже видѣли, — главноуправляющій Закавказскимъ краемъ освобожденъ отъ управленія гражданскою частію *въ Кавказской области*, но облеченъ въ отношеніи этой области и Черноморіи властію главнокомандовавшаго, на основаніи Учрежденія о Большой дѣйствующей арміи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по стеченію чрезвычайныхъ обстоятельствъ, онъ признаетъ необходимымъ общія мѣропріятія и особыя распоряженія, для охраненія внутренней и внѣшней безопасности края. Тѣмъ же Именнымъ указомъ, въ качествѣ Командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса ему сохранена по войскамъ, ему ввѣреннымъ, власть главнокомандующаго въ мирное время, Всемилостивѣйше предоставленная при назначеніи. Но для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ по военной части, Государь призналъ за нужное, — опять тѣмъ же указомъ, — предоставить *начальнику Кавказской области* по званію *Командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи*, права корпуснаго командира, отъ арміи неотдѣленнаго, а по дѣламъ военносуднымъ, въ отношеніи къ ввѣреннымъ ему войскамъ, облечь его властію отдѣльнаго корпуснаго командира въ мирное время.

Учрежденіемъ 10-го апрѣля 1840 года ****) постановлено, что *Начальникъ Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса*, по востребованію дѣлъ, приглашается для совѣщанія въ Совѣтъ Главнаго Управленія Закавказскимъ

*) Тамъ же № 13,368, § 14.

**) Тамъ же § 16.

***) Тамъ же № 13,450.

****) Тамъ же № 13,368, §§ 26, 196 и 198.

краемъ, не участвуя въ постановляемымъ Совѣтомъ рѣшеніяхъ, и представляетъ разрѣшенію Совѣта дѣла о казенныхъ заготовленіяхъ по военному вѣдомству.

Начальнику инженеровъ 29-го ноября 1841 года *) Высочайше повелѣно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и *командиромъ Грузинскаго Инженернаго Округа*, съ тѣмъ, чтобы никакія предположенія по строительной части Кавказскаго края, до инженернаго вѣдомства относяціяся, не могли быть выполняемы или представляемы безъ предварительнаго его разсмотрѣнія и одобренія, и съ полною его ответственностію за правильнымъ и точнымъ выполненіемъ этихъ предположеній въ искусственномъ отношеніи.

Права *начальниковъ дивизій* въ Кавказскомъ Корпусѣ подвергнуты слѣдующимъ измѣненіямъ:

Начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи 3-го іюля 1839 г.**) сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и командующими войсками въ Дагестанѣ.

Командующій на Кавказской линіи и въ Черноморіи, по управленію войсками въ Кавказской области и по линіи расположенными и водворенными, равно и по предметамъ вѣншей безопасности, имѣвшій права и обязанности дивизионнаго начальника, 7-го мая 1840, — какъ видѣли, — получилъ права корпуснаго командира.

При командующемъ войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи съ 1834 года состоялъ временно начальникъ штаба, имѣвшій тѣже отношенія къ командующему и къ войскамъ, какъ вообще начальники корпусныхъ штабовъ къ корпуснымъ командиромъ и войскамъ. 13 апрѣля 1840 года Высочайше утвержденъ штатъ, по которому военное управленіе на Кавказской линіи и въ Черноморіи составили: 1) начальникъ штаба войскъ; 2) штабъ и оберъ-офицеры, состоящіе при командующемъ войсками по особымъ порученіямъ; 3) часть генеральнаго штаба; 4) Дежурство; 5) разные чины при штабѣ состоящіе; 6) Инженерное Отдѣленіе; 7) особая Канцелярія командующаго войсками по части управленія мирными горцами и 8) типографія.

*) Тамъ же № 15, 077.

**) Тамъ же № 12, 505, штатъ.

Въ изложеніе дальнѣйшихъ постановленій по Отдѣльному Кавказскому Корпусу въ командованіи Головина, не смотря на все желаніе, мы войти не имѣемъ возможности.

Разстроенное здоровье, — слѣдствіе усиленныхъ трудовъ, — заставило Евгенія Александровича въ 1842 году желать оставить Кавказъ и Высочайшимъ приказомъ 25-го октября, «согласно прошенію», онъ былъ уволенъ въ отпускъ для излеченія болѣзни, на одинъ годъ.

Черезъ пять дней Государь Императоръ изволилъ Всемилоостивѣйше почтить заслуженнаго воина и прозорливаго администратора слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

«*Евгеній Александровичъ!*» Въ слѣдствіе желанія вашего оставить, по разстроенному здоровью, занимаемую вами должность, Я уволилъ васъ, для излеченія болѣзни, — въ отпускъ на одинъ годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе къ долговременной и полезной службѣ вашей, повелѣлъ сохранить вамъ оклады получаемаго вами содержанія. Отдавая всегда справедливость вашимъ личнымъ трудамъ и благонамѣренности, Я съ удовольствіемъ слышалъ отзывъ Военнаго Министра о томъ отличномъ усердіи, съ коимъ вы содѣйствовали всѣми зависѣвшими отъ васъ средствами къ успѣшному выполненію возложеннаго на него порученію въ Закавказскомъ Краѣ. Мнѣ пріятно было также удостовѣриться, что, во время вашего управленія, войска Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса оказали значительные успѣхи въ отношеніи внутренняго устройства и воинскаго образованія, и что расположенія, въ послѣднее время по военной части сдѣланныя, оправдали вполне основательность предпринятыхъ мѣръ, и должны послужить къ прочному утвержденію спокойствія и порядка въ тамошнемъ краѣ. Относя исполненіе сего къ попечительности вашей и постоянному стремленію довести всѣ части многосложнаго управленія, которое вамъ было ввѣрено, до лучшаго устройства, изъясляю вамъ особенное Мое благоволеніе, пребывая на всегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*Н и к о л а й .*»

Царское Село.

30-го октября, 1842 года.

Многіе очевидцы могутъ засвидѣтельствовать, какими чувствами сопровождался со стороны какъ туземныхъ жителей края, такъ военныхъ и гражданныхъ чиновъ, отъѣздъ Головина изъ Тифлиса, и съ какимъ сожалѣніемъ жители этого города провожали за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ отъѣзжавшую изъ Грузіи его супругу.

Здѣсь же скажемъ, что Шахъ Персидскій въ 1839 году пожаловалъ Евгенію Александровичу орденъ Льва и Солнца, а Султанъ Турецкій, въ 1841 году—орденъ Нишанъ Ифтихаръ,—на припятіе и ношеніе которыхъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Султанъ даровалъ этотъ знакъ отличія Головину за оказанное имъ Эрзерумскому сераскиру, по предмету продовольствія, важной помощи, при усмиреніи возмущенія.

VII.

Передавъ 25-го декабря 1842 года командованіе на Кавказѣ и въ Закавказьѣ генераль-адыютанту Нейдгардту, Евгений Александровичъ провелъ полтора года за границею, для излеченія болѣзни.

Но и здѣсь, въ тишинѣ мирной жизни, онъ, какъ и всегда, былъ полезенъ для государства.—Сохранимъ два письма, свидѣтельствующія наши слова: одно къ Евгенію Александровичу отъ Воронцова, вслѣдъ за назначеніемъ послѣдняго намѣстникомъ, другое отъ Головина, написанное въ отвѣтъ князю Михаилу Семеновичу.

Новый Намѣстникъ Царскій писалъ:

«С. Петербургъ, 17-го января 1845 г.»

«Любезный Евгений Александровичъ.

«Мало думалъ я, когда съ такимъ вниманіемъ и удовольствіемъ слышалъ и читалъ въ Карсбадѣ и Римѣ замѣчанія и записки Ваши на счетъ Кавказа, что мнѣ скоро придется самому заняться официально этимъ дѣломъ, столь труднымъ и столь хорошо изложеннымъ Вами. — Я бы хотѣлъ теперь помнить каждое слово, которое я отъ Васъ слышалъ и во всей подробности каждое мнѣніе Ваше и о прошедшемъ и на счетъ будущаго; ибо конечно я ни отъ кого не слышалъ столько яснаго, столько удовлетворительнаго, на здоровомъ разсудкѣ и на опытѣ основаннаго по Кавказскимъ дѣламъ,

какъ отъ Васъ.—Не ожидалъ я сего назначенія и по дѣтамъ моимъ и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ; я бы дорого далъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ обошлись безъ меня; но Государю было угодно предложить мнѣ эту службу съ такою милостію, съ такими условіями, что и кромѣ обыкновенной обязанности не отказываться отъ службы, пока мы служимъ, мнѣ не оставалось ни возможности, ни права сдѣлать что иное, какъ перекреститься и повиноваться; боюсь, что это дѣло въ теперешнемъ его положеніи много превышаетъ мои силы, но мнѣ не остается ничего другаго, какъ туда отправиться и всячески стараться, хотя отчасти, оправдать Высочайшую довѣренность и сдѣлать все возможное по принятой системѣ для успокоенія непріязненной намъ части Кавказа и упроченія тамъ нашей власти. Въ первый годъ всякій шагъ по этому для меня тѣмъ болѣе затруднителенъ, что я совершенно незнакомъ съ краемъ, и что всѣ приготовленія для дѣйствій сдѣланы не мною. Со всѣмъ тѣмъ дѣйствовать надобно хотя бы для одного моральнаго предмета, ибо педѣйствіе въ семь году усилило бы безъ мѣры всѣ увеличенные и часто совершенно несправедливые толки о несчастіяхъ, будто бы постигшихъ насъ въ Дагестанѣ.—Дорого бы я далъ, чтобы часа два покойно съ Вами поговорить о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, и желалъ бы очень, хотя нарочно для сего возвращаясь въ Одессу, ѣхать на Москву; но сіе зависитъ и отъ погоды и отъ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. И такъ мнѣ остается только просить Васъ убѣдительно прислать мнѣ хотя краткое извлеченіе мнѣній Вашихъ на счетъ дѣйствій на первой случай противъ Шамиля, какъ о томъ, что уже было сдѣлано въ послѣдніе годы, такъ и еще болѣе о томъ, что Вы почитаете возможнымъ сдѣлать теперь. Я помню, что, говоря о несчастной экспедиціи Ген. Граббе на Дарго и Анди, Вы мнѣ сказали, что, по мнѣнію Вашему и, ежели не ошибаюсь, даже по данному Вами совѣту, онъ бы могъ достигнуть той же цѣли и съ гораздо меньшею опасностію и гораздо болѣе надеждою на успѣхъ. Все, что Вы можете мнѣ сообщить по сему предмету, будетъ принято мною съ истинною душевною признательностію и какъ самое большое одолженіе. Карты всякаго рода здѣсь мнѣ даются, но я бы очень желалъ имѣть Ваше мнѣніе на счетъ дорогъ, идущихъ съ разныхъ сторонъ какъ изъ Чечни,

такъ и изъ Черкея на Дарго и на высоты ведущія къ Анди. Не откажите мнѣ въ этомъ, любезный Евгений Александровичъ; повѣрьте, что я умѣю цѣнить всякое Ваше слово объ этомъ дѣлѣ, равно какъ и дружеское чувство, съ которыми Вы меня снабдите Вашимъ мнѣніемъ и Вашими наставленіями.»

Отвѣтъ бывшаго Главноуправляющаго содержалъ слѣдующее:

«Москва, 24-го января 1845 года.»

«Лестное для меня письмо Вашего Сіятельства отъ 17-го с. м. я получилъ 20-го вечеромъ и поспѣшилъ отвѣчать на него, сколько мнѣ то возможно было по важности его содержанія, требовавшаго нѣкоторыхъ соображеній и справокъ.»

«На щетъ военныхъ дѣйствій послѣднихъ двухъ годовъ на Кавказѣ, мнѣ достовѣрно извѣстно только то, что, по стеченію обстоятельствъ, мы должны были въ концѣ 1843 года оставить Аварію, гдѣ для дальнѣйшихъ предпріятій въ горахъ занимали важную военную позицію. На чемъ остановились дѣйствія въ минувшемъ 1844 году мнѣ еще менѣе извѣстно, ибо свѣдѣнія, которыя доходятъ до меня по частно, при недостаткѣ общей связи, ничего опредѣлительнаго не представляютъ. А потому самому мнѣ трудно и даже не возможно сдѣлать основательнаго заключенія о послѣдствіяхъ, которыя оставили по себѣ событія послѣднихъ двухъ лѣтъ на Кавказѣ.»

«Представленный мною на 842-й годъ планъ кампаніи со стороны Чечни и Сѣвернаго Дагестана, имѣлъ главною цѣлію завладѣть обѣими берегами Андійскаго Койсу противъ Чирката; но движенія на Дарго и въ Андію я тутъ вовсе въ виду не имѣлъ; оно заключалось въ предпринятой Генераломъ Граббе экспедиціи, которой послѣдствія извѣстны. Теперь, когда все пространство между обѣими Койсу и верхнимъ Сулакомъ въ рукахъ непріятельскихъ, движеніе на Андійской Койсу, по прежнему моему плану, было бы не только бесполезно, но даже невозможно.»

«На щетъ путей, идущихъ на Дарго и къ Анди изъ Чечни и Черкея, я могу сказать только то, что, по имѣвшимся при мнѣ свѣдѣніямъ, къ первому пункту ближайшая дорога изъ

Чечни пролегаетъ чрезъ лѣса Ичкеринскіе и туда въ 1832 году доходилъ отрядъ нашъ, для взятія обратно находившихся въ рукахъ у Горцевъ, нашихъ пушекъ. Впрочемъ временное покореніе и истребленіе Дарго, какъ мѣстопробываніе Шамиля, я никогда не считалъ дѣломъ важнымъ: въ горахъ много пунктовъ, которыми можно замѣнить Дарго еще съ большими выгодами. Доказательствомъ сего служитъ голая скала Ахульго, стоившая намъ неслыханныхъ жертвовацій. Въ Андію, куда отряды наши еще не проникали, дорога изъ Черкея идетъ черезъ Гумбетовскія селенія Аргуани и Мехельту, и, какъ меня увѣряли, довольно удобная; она назначена на картахъ. Но здѣсь я позволяю себѣ изложить мнѣніе мое, заключающееся въ нижеслѣдующемъ:

«Экспедиціи въ горы могутъ имѣть двоякую цѣль: или разсѣять непріязненные намъ скопища, и наказать ихъ лишеніемъ имущества, чрезъ раззореніе домовъ и угонъ скота, составляющаго главное богатство Горцевъ; или же достигнувъ извѣстнаго пункта, остановиться на немъ и укрѣпиться съ тѣмъ, чтобы, заслонивъ покорившееся намъ народонаселеніе, защищать его отъ нападенія и мести враждебной партіи.»

«Экспедиціи, предпринимаемая съ первою цѣлію, тогда только могутъ быть успѣшны, если онѣ производятся съ большою быстротою, сопровождаются глубокою тайною и поражаютъ непріятеля неожиданностію; иначе и самый успѣхъ большею частію не вознаграждаетъ жертвовацій, сопряженныхъ съ предпріятіемъ заблаговременно открытымъ; ибо извѣстно, какъ Горцы умѣютъ пользоваться мѣстностію, ко вреду отрядовъ нашихъ при ихъ отступленіи. Въ примѣрахъ того и другаго на Кавказѣ недостатка нѣтъ.»

«Экспедиціи, предпринимаемая со второю цѣлію, т. е. съ намѣреніемъ закрыть извѣстное пространство земли и принять подъ защиту покорившееся намъ народонаселеніе, при успѣхѣ своемъ представляютъ важныя выгоды во всѣхъ отношеніяхъ. Но при этомъ, первѣйшимъ условіемъ должно быть—сохраненіе съ укрѣпленнымъ пунктомъ свободнаго и безопаснаго сообщенія, безъ чего онъ подвергается всѣмъ неудобствамъ постояннаго блокаднаго состоянія. Въ мое время такого рода экспедицій было двѣ подъ личнымъ моимъ

начальствомъ: одна въ 1839 году, противъ Ахты и Рутула, а другая, въ 1841 году, противъ Черкея.

«Первая, чрезъ постройку при вершинахъ рѣки Самура укрѣпленій, доставила намъ господство надъ всею долиною сей рѣки и цѣлымъ Самурскимъ округомъ, до того малопокорнымъ и для насъ недоступнымъ; а другая, постройкою укрѣпленій при Черкеѣ, заслонила землю Шамхала Тарковского отъ вторженія непріятели и отдала въ наши руки, при этомъ важномъ пунктѣ, переправу черезъ Сулакъ. Укрѣпленія при Ахтѣ и Черкеѣ, такъ какъ и самый Хунзагъ въ Аваріи, сохраняли въ мое время совершенно свободное сообщеніе. Противное тому встрѣчается на укрѣпленныхъ пунктахъ Кавказской линіи какъ-то: при Герзель-Аулѣ и на новыхъ линіяхъ Сунженской и Лабинской, гдѣ сообщеніе не могло поддерживаться иначе, какъ подъ конвоями, болѣе или менѣе сильными.

«Обращаясь за тѣмъ къ главнѣйшему вопросу, а именно на щетъ предстоящихъ Вамъ военныхъ дѣйствій къ низложенію усилившейся въ горахъ власти Шамиля, я постараюсь объяснить со всею откровенностію, внушаемою мнѣ долговременнымъ чувствомъ душевной моею къ Вамъ преданности.

«Два года миновало съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Кавказъ, а въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ произошло столько перемѣнъ, какъ въ отношеніи военномъ, такъ и въ духѣ жителей цѣлаго края, что и самъ я теперь не вдругъ бы тамъ нашелся. Одного уже оставленія нами Аваріи и измѣны Генераль-Маіора Даніель-Бека, Султана Елмусуйскаго, при мнѣ самаго надежнѣйшаго изъ горскихъ Владѣльцевъ, достаточно было бы на то, чтобы перепутать всѣ прежнія мои соображенія. Шамиль не тотъ уже, что былъ при мнѣ; сила его съ тѣхъ поръ возрасла до чрезмѣрности. Онъ имѣетъ въ распоряженіи своемъ постоянное войско, снабженъ артиллерією, и если это не дѣлаетъ его страшнѣе для насъ, то даетъ ему надъ горцами такую поверхность, которой ни какое общество ихъ противиться не можетъ, и которое дѣлаетъ его неограниченнымъ властелиномъ въ горахъ. Нельзя чтобы столь неблагоприятное для насъ стеченіе обстоятельствъ не имѣло вреднаго дѣйствія и на Закавказскія наши владѣнія, особливо въ провинціяхъ мусульманскихъ, не чуждыхъ

при томъ вліянніи двухъ сосѣднихъ Азіатскихъ державъ, всегда намъ не доброжелательствующихъ. Одно еще можетъ оставаться въ нашу пользу: это надежда, что Горскія племена, доведенныя до крайности, ожидаютъ только случая, чтобы свергнуть желѣзное иго Мюридовъ, надъ ними тяготящее, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ наприм. Акуша, Цудахара, Затеречная Чечня и другіе, подъ нашимъ покровительствомъ, наслаждались нѣкогда такимъ благосостояніемъ, котораго они забыть не могутъ; но сами они освободиться изъ-подъ власти Шамилевой партіи не въ состояніи. Не утверждаю, чтобы не было и другихъ мнѣ неизвѣстныхъ началъ, которыми мы могли бы воспользоваться.

«И такъ, разсматривая Кавказскій край въ настоящемъ его положеніи, и не будучи въ состояніи опредѣлить степени предстоящихъ трудностей, могу ли я указать путь къ возстановленію силы оружія нашего, по прежнему взгляду и по ображеніямъ другаго времени? Заключение Ваше, что оставаться въ семь году въ бездѣйствіи было бы для насъ крайне вредно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: я убѣжденъ былъ, что всякое покушеніе ограничиться на Кавказѣ одною обороною или только отпоромъ, должно обратиться къ нашему ущербу; теперь это менѣе нежели когданибудь возможно. Но не зная, какъ я уже сказалъ, въ точности положенія дѣлъ, ни принятой системы къ успокоенію непріязненной намъ части Кавказа, ни самыхъ способовъ къ тому предназначенныхъ, какъ мнѣ сказать мнѣніе мое на щетъ дѣйствій, на первой случай, противъ Шамиля? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ уклоняться отъ встрѣчи съ нашими отрядами, тамъ, гдѣ выгоды будутъ не на его сторонѣ, и его не легко будетъ вызвать на бой. Изъ центрального своего положенія въ нѣдрахъ горъ, среди поработанныхъ имъ Чеченскихъ и Лезгинскихъ племенъ, Шамиль владѣетъ всѣми радіусами обширнаго круга и можетъ всегда явиться тамъ, гдѣ мы будемъ слабѣе. Углубляться въ горы для того, чтобы его тамъ встрѣтить, бесполезно и даже опасно. Горная война состоитъ преимущественно изъ засадъ и нечаянныхъ нападеній (*guerre de surprises et d'embuscades*) и этотъ характеръ она, по моему мнѣнію, должна сохранять даже при дѣйствіяхъ большими отрядами. Въ 1839 году мы овладѣли, считавшеюся неприступною и защищаемою семитысячнымъ скопи-

щемъ горцевъ, Аджіахурскою позиціею на Самурѣ, безъ всякой потери, тѣмъ только, что наканунѣ дня, назначеннаго для приступа, мнѣ удалось съ вечера сюрпризомъ отнять три верхніе завала, господствовавшіе надъ цѣлымъ гребнемъ и составлявшіе ключъ всей позиціи. Самый удачный, но открытый приступъ стоилъ—бы намъ много людей. Такъ совершена съ полнымъ успѣхомъ въ 1842—мъ году зимняя экспедиція Ген. Фезе на Гергебилъ, и всѣ прекрасныя дѣла Орбеліана и кн. Аргутинскаго въ Кази—Кумыкѣ въ томъ-же году сопровождались самыми малыми пожертвованіями. А надобно замѣтить, что Горцы большую потерю въ людяхъ съ нашей стороны, во всякомъ случаѣ, даже и при самыхъ неудачахъ своихъ, считаютъ нѣкоторымъ для себя торжествомъ.

« Въ послѣдніе годы начальства моего на Кавказѣ, я усматривалъ необходимость перемѣнить операціонную базу и дѣйствовать съ юговосточнаго ската горъ, т. е. отъ Лезгинской линіи, дабы отбросить враждебную намъ партію на сѣверъ. Тамъ, встрѣчая Россію, она не найдетъ себѣ соучастниковъ, между тѣмъ, какъ, распространяясь на югъ, Мюриды волнуютъ общества, смежныя съ Каспійскою областію, и возбуждаютъ въ ея народонаселеніи, почти исключительно магометанскомъ, духъ ненависти и неповиновенія противъ Правительства. Въ горной странѣ между Лезгинскою линіею и Аварскимъ Койсу обитаютъ племена, которыхъ не коснулась еще губительная рука военныхъ дѣйствій, и которыя, избѣгая этого бѣдствія, охотно отдались бы нашему покровительству, если только мы будемъ съ состояніи защищать ихъ. Я имѣлъ тогда въ виду, прорѣзать путь черезъ горы въ Аварію, чему занятіе нами въ 1842 году, вооруженною рукою, ханства Кази—Кумыккаго могло бы много способствовать. Теперь все это должно измѣниться, и даже установленное при мнѣ лѣтнее сообщеніе конною почтою черезъ Елису и Ахты съ Дербентомъ, и сокращавшее путь почти на 300 верстъ, едва ли существуетъ.

« Вотъ все, что я со всею искренностію и со всѣмъ желаніемъ отвѣтствовать удовлетворительно на вопросы Ваши удѣлить могъ. Если бы мнѣ въ подробности извѣстно было настоящее положеніе дѣлъ, а также въ чемъ состоятъ приготовления для дѣйствій въ настоящемъ году, тогда можетъ

я былъ бы въ состояніи сказать мнѣніе мое опредѣлительнѣе. Жаль, что Вы не поѣдете черезъ Москву, ибо при личномъ свиданіи, на словахъ легче объясниться и между разговорами могутъ родиться такія мысли, которыя иначе не встрѣтятся. Для Вашего Сіятельства весьма кстати, что теперь находятся въ Петербургѣ многія лица, участвовавшія въ экспедиціяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ.

« Окончивая длинное письмо мое искреннимъ пожеланіемъ Вамъ, на предстоящемъ Вамъ поприщѣ, здоровья и счастья, я долженъ просить о снисхожденіи, во-первыхъ, что промедлил нѣсколько дней отвѣтомъ, но важность предмета требовала времени и размышленія; а во вторыхъ, что свѣденія, мною Вамъ сообщаемыя, не полны и не опредѣлительны, и наконецъ, что можетъ быть я не сказалъ ничего для Васъ новаго и интереснаго. Но всѣ эти недостатки прошу Васъ покрыть благосклоннымъ Вашимъ вниманіемъ къ готовности, съ которою я исполняю Ваше желаніе, и къ чувству сердечной моей преданности, которой всегда былъ къ Вамъ преисполненъ, и съ которымъ не престану быть. »

VIII.

Получивъ облегченіе отъ болѣзни, Евгений Александровичъ вступилъ снова въ дѣйствительную службу, бывъ назначенъ, 28—го марта 1845 года, Рижскимъ военнымъ, Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ генералъ—губернаторомъ. Велѣдъ за тѣмъ, 9—го апрѣля, Высочайшимъ указомъ повелѣно: пожалованное ему въ 1832 и 1833 г. денежное изъ Государственнаго Казначейства производство, по три тысячи руб. сер. въ годъ, продолжить еще на шесть лѣтъ.

Главнѣйшимъ событіемъ для Прибалтійскаго Края въ генералъ—губернаторство Головина было введеніе въ дѣйствіе первыхъ двухъ частей «Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ,» Высочайше утвержденныхъ 1—го іюля 1845 года и вошедшихъ въ силу съ 1—го января 1846 года.—Эти части заключаютъ: особенныя учрежденія нѣкоторыхъ властей и мѣсть губернскаго управленія и права состояній.

Кромѣ того многія другія узаконенія, изданныя въ его

время Правительствомъ, хотя имѣютъ и мѣстной интересъ, но также заслуживаютъ быть упомянутыми въ нашемъ жизнеописаніи. Мы остановимся только на главнѣйшихъ изъ нихъ.

По части *учрежденій губернскихъ*: Высочайшимъ указомъ 19-го сентября 1847 года, опредѣлены и дополнены основанія, распространяющія надзоръ Лифляндскаго губернскаго прокурора и уѣздныхъ стряпчихъ на всѣ присутственныя мѣста, которымъ подвѣдомственно сельское населеніе въ Лифляндіи; а 13-го октября того же года Высочайше опредѣленъ порядокъ жалобъ Лифляндскихъ крестьянъ на судей и членовъ судовъ и чиновниковъ, и порядокъ самаго суда надъ этими лицами.

По части *повинностей земскихъ*: 24-го іюля 1845 года Высочайше повелѣно: устройство и содержаніе мостовъ, гатей и перевозовъ, на почтовыхъ трактахъ, въ городахъ и городскихъ дачахъ Курляндской губерніи, оставить на обязанности тамошнихъ городовъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда средства городовъ окажутся недостаточными, повинность эту обращать на земскіе сборы; 31-го декабря того же года сборъ, установленный для содержанія земской полиціи, Высочайше распространенъ и на Курляндскую губернію, и повелѣно взимать тамъ со всѣхъ платящихъ земскія подати сословій, кромѣ городскихъ, по 9-ти копѣекъ съ души; а 5-го апрѣля 1847 года, Высочайше установленъ особый сборъ съ отходящихъ изъ Риги купеческихъ кораблей, для покрытія издержекъ на улучшеніе Рижской гавани, срокомъ на 4 года.

По части *податей*, 26-го ноября 1845 года, измѣнены сроки производства ежегодной переписи крестьянамъ Остзейскихъ губерній, и пояснены нѣкоторыя правила для перехода этихъ крестьянъ изъ одного общества въ другое.

Арендное содержаніе крестьянами казенныхъ и дворянскихъ имѣній въ Остзейскихъ губерніяхъ признано не только неудобнымъ, но даже вреднымъ, и 1-го іюня 1845 года Высочайше повелѣно: крестьянъ, на будущее время, къ такимъ арендамъ не допускать; а по поводу не всегда успѣшной отдачи въ содержаніе Курляндскихъ

мѣстныхъ оброчныхъ статей, происходившей единственно отъ кратковременности срока, существовавшаго для содержанія, 1-го апрѣля 1846 года, Высочайше повелѣно: подчинить ихъ общимъ правиламъ, постановленнымъ въ законѣ о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ.

По части *кредитныхъ установленій* изданы Высочайше утвержденныя положенія: 25-го марта 1846 года—Сберегательной Кассы Курляндскаго Кредитнаго Общества и 4-го февраля 1847—Либавскаго Городскаго Банка.

По части *сельскаго хозяйства* изданы уставы обществъ: а) 9-го февраля 1845 года—Перново-Феллинскаго Общества Сельскаго Хозяйства и б) 14-го декабря 1846 года—Общества Сельскаго Хозяйства въ Аренсбургѣ. Оба они учреждены съ цѣлю распространять усовершенствованное хозяйство, соответственное мѣстности и содѣйствовать въ томъ Лифляндскому Общепольному Экономическому Обществу, съ которымъ они составляютъ одно цѣлое.

По части *фабричной промышленности* 23-го августа 1846 года издано положеніе о «Вспомогательной кассѣ для сигарочныхъ мастеровъ въ г. Ригѣ,»—общества изъ этихъ мастеровъ, учрежденнаго съ тою цѣлю, чтобы, посредствомъ опредѣленныхъ приношеній, выдавать пособіе членамъ во время ихъ болѣзней.

Наконецъ, по части *общественнаго призрѣнія*, для увеличенія незначительныхъ способовъ Эстляндскаго и Курляндскаго Приказовъ Общественнаго Призрѣнія къ содержанію подвѣдомственныхъ имъ Богоугодныхъ заведеній, 29-го мая 1845 года Всемилостивѣйше повелѣно: удѣлять въ пользу этихъ Приказовъ половину куртажа, получаемого отъ аукціонной продажи товаровъ во всѣхъ мѣстныхъ таможенныхъ учрежденіяхъ, подобно тому, какъ такое же пособіе уже предоставлялось Эстляндскому приказу отъ аукціонныхъ продажъ при Ревельской таможнѣ; и изданы положенія: 7-го мая 1846 года, о Похоронной кассѣ въ г. Либавѣ, » и 22-го ноября того же года объ «Обществѣ для составленія похоронной кассы въ г. Дерптѣ.» Та и другая касса имѣютъ назначеніемъ выдавать денежныя пособія на погребеніе лицъ, участвующихъ въ ихъ составленіи.

Изъ достопамятныхъ событій, совершившихся въ трехлѣтнее управленіе Головина первое мѣсто занимаетъ огромное обращеніе мѣстныхъ жителей въ Православіе.—Сколько послѣдовало благодатному движенію въ 1845 году мы не знаемъ; но въ 1846 году подъ сѣнь Православной Церкви притекло изъ Лютеранскаго исповѣданія 32,803, а въ 1847—54,582 души. Въ этихъ числахъ было: въ 1846 году—Латышей, 10,227 и Эстовъ 22,576; а въ 1847 г.—первыхъ 24,040, вторыхъ 30,542 души *).

Объ этомъ достопамятномъ событіи было много толковъ, а потому считаемъ необходимымъ изложить, на основаніи официальныхъ свѣдѣній, мѣры, принятія къ нему благотѣльнымъ Правительствомъ, какъ въ это время, такъ и еще нѣсколько прежде.

Распоряженіями 1842 года, въ Лифляндіи оставлены православные священнослужители, только вполнѣ соответствовавшіе мѣстнымъ нуждамъ всѣми своими качествами, а прочіе переведены въ Псковскую губернію, при чемъ сдѣлано было распоряженіе къ замѣнѣ ихъ достойнѣйшими.

Преподаваніе Латышскаго и Эстляндекаго языковъ, одно изъ самыхъ необходимыхъ средствъ къ распространенію и утвержденію Вѣры между Латышами и Эстами, введено было въ 1842 г. въ семинаріи Псковской.

Но, не довольствуясь этимъ, въ Божѣ почивающій Государь Императоръ, обративъ Монаршее вниманіе на нужды Латышей и Эстовъ, принимающихъ Православіе, въ 1846 году Высочайше повелѣтъ соизволилъ: учредить въ Ригѣ такое духовно-учебное заведеніе, въ которомъ не только дѣти духовенства, но и дѣти туземцевъ, не принадлежащихъ къ духовному сословію, приготовлялись бы къ занятію священнослужительскихъ мѣстъ въ новыхъ, образуемыхъ въ Лифляндіи православныхъ приходахъ. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ для этого училища постановлено: съ одной стороны — соединить всѣ учебные предметы, обыкновенно раздѣляемые между курсами семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, и доставить, чрезъ то, воспитанникамъ возможность отъ самыхъ первоначальныхъ предметовъ восхо-

*) Извлеченія изъ отчетовъ оберъ-прокурора св. Синода за 1847 и 1848 года.

дить къ высшимъ, которыми оканчивается ученіе семинарское, и получить, такимъ образомъ, полное къ священническому званію приготовленіе; съ другой стороны — исключить языки Греческій и Еврейскій и замѣнить ихъ мѣстными Латышскимъ и Эстскимъ. Полный курсъ училища раздѣленъ на 5 классовъ, полагая на каждый классъ по два года. На первый разъ положено открыть только первый классъ на 30 воспитанниковъ, въ составъ коихъ вѣрно назначить 10 изъ дѣтей мѣстнаго духовенства, 10 изъ природныхъ Латышей и 10 изъ Эстовъ; полный же комплектъ въ заведеніи долженъ былъ состояться, въ 8 лѣтъ, изъ 150 человекъ на всемъ казенномъ коштѣ; притомъ положено допускать въ него, сверхъ того, дѣтей и на собственномъ иждивеніи родителей. Согласно этому положенію, въ томъ же году была составлена для первыхъ двухъ классовъ училища подробная программа учебныхъ предметовъ, которые распределены такъ, чтобы дѣти Русскаго, Латышскаго и Эстскаго происхожденія, съ изученіемъ наукъ, приобрѣтали взаимное познаніе и въ языкахъ: Латыши и Эсты въ Русскомъ, а Русскіе — въ Латышскомъ или Эстскомъ, и, сверхъ того, всѣ безъ исключенія, въ Латинскомъ и Нѣмецкомъ. Какъ же дѣти Латышскаго и Эстскаго происхожденія большею частію принадлежали къ податному состоянію, то Его Императорскому Величеству благоугодно было, тогда же, Высочайше повелѣтъ, чтобы, по оказаніи ими, въ теченіе двухъ лѣтъ, надлежащихъ въ ученіи успѣховъ и по усмотрѣніи въ нихъ способности къ духовному званію, предоставляемо было Его Величеству для исключенія ихъ изъ податнаго состоянія. — 1-го сентября слѣдующаго года новоучрежденное училище торжественно было открыто епископомъ Рижскимъ Филаретомъ, въ присутствіи Евгенія Александровича. — Принимая пастырское благословеніе на начатіе ученія, всѣ тридцать принятыхъ дѣтей, въ томъ числѣ двадцать изъ туземцевъ, пѣли по-славянски молитву Господню: «Отче нашъ». На другой годъ ученики Русскаго происхожденія безъ затрудненія понимали уже уроки, преподаваемые имъ, для опыта, на мѣстныхъ языкахъ и легко объяснялись на нихъ; почти тоже замѣтно было и въ отношеніи къ Русскому языку, со стороны остальныхъ учениковъ, особливо Латышей.

Между тѣмъ, въ ожиданіи окончательнаго и полнаго

устройства Рижскаго духовнаго училища, Высочайше повелѣно, въ 1846 г., оставить на прежнемъ основаніи въ Псковской семинаріи классы языковъ Латышскаго и Эстскаго, и, сверхъ того, открыть классъ послѣдняго изъ нихъ въ семинаріи С.-Петербургской. На слѣдующій годъ, чтобы доставить приготовляемымъ для этой цѣли воспитанникамъ Псковской семинаріи возможность совершенствоваться въ разговорѣ на Эстскомъ и Латышскомъ языкахъ, опредѣлены къ нимъ по одному комнатному надзирателю изъ природныхъ Эстовъ и Латышей. Въ 1847 году 34 ученика Псковской семинаріи упражнялись съ удовлетворительнымъ успѣхомъ въ Эстскомъ, а 43 въ Латышскомъ языкѣ. Въ слѣдующемъ году первому языку обучалось 44, а второму—51 человекъ.—Въ С.-Петербургской семинаріи преподаваніе Эстскаго языка было открыто также въ 1846 г.

Не менѣе обращено было вниманіе и на учебныя пособія къ изученію обоихъ языковъ. Такъ, въ 1842 году, переведены были пужнѣйшія книги на тотъ и на другой языкъ: Молитвословъ, Краткій Катихизисъ и чинъ Божественной Литургіи, на Латышскій—исправляющимъ должность лектора Дерптскаго университета Розенбергеромъ, а на Эстскій—домашнимъ учителемъ Мюльбергомъ.

Въ одно время съ этими мѣрами, по Высочайшей волѣ, предпринять былъ и рядъ другихъ—сооруженіе православныхъ храмовъ въ Лифляндіи. Въ 1846 году Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть построить тамъ 26 православныхъ церквей въ мѣстахъ, гдѣ въ то время наиболѣе были сосредоточены православныя прихожане. Изъ числа этихъ церквей назначены были къ сооруженію 3 храма въ городахъ Вольмарѣ, Валкѣ и Феллинѣ и 23 на казенныхъ и частныхъ мызахъ. Планы и смѣты тогда же Высочайше были утверждены, а возведеніе ихъ возложено на Лифляндскую губернскую строительную Коммисію. На сооруженіе 25 изъ этихъ храмовъ назначено 100,000 руб. сер. *) изъ духовно-учебныхъ суммъ. Но, съ неизомѣрно быстрымъ умноженіемъ Православной Церкви въ Лифляндіи, эти 26 приходскихъ храмовъ, еще не выстро-

*) Въ это число выдано было: въ 1847 г.—15,000, а въ 1848—50,000 руб. сер.

ившись, оказывались уже для ея нуждъ недостаточны; а для того какъ Рижскимъ епископомъ, такъ и Головинымъ признано было, въ слѣдующемъ 1847 году, необходимымъ открыть 34 новые прихода. До построенія же въ нихъ церквей, частію отводились отъ казны, а частію были наняты у тамошнихъ владѣльцевъ временныя помѣщенія, для Богослуженія и для жительства причтовъ.

Въ тоже время, въ награду за содѣйствіе и участіе въ пользу устраиваемыхъ въ Лифляндіи православныхъ церквей, удостоены были Монаршаго благоволенія: въ 1845 году—дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ, и въ 1846 году—коммерціи совѣтники Прокофій Пономаревъ и Андрей Шестовъ, а почетный гражданинъ Павелъ Кудряшевъ Всемилостивѣйше пожалованъ золотою медалью на Андреевской лентѣ для ношенія на шеѣ.

Такимъ образомъ Латыши и Эсты—нѣкогда язычники, окрещенные огнемъ и мечемъ,—любовію присоединялись къ истинному вселенскому Единству, и страна, пріобрѣтенная для Россіи побѣдами Петра Великаго, окончателно сливается съ Нею мудростію Николая Незабвеннаго.

Другое достопамятное событіе въ управленіе Головина было торжественное празднество 25 іюля 1845 года, по случаю 50-лѣтняго существованія Курляндіи подъ Россійскою Державою, въ ознаменованіе котораго тамошнее дворянство постановило: пожертвованіемъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ, по числу приписанныхъ къ имѣніямъ ихъ крестьянъ, по 2 к. сереб. съ души, въ теченіе 10 лѣтъ, составить капиталъ до 25 тысячъ рублей сер., для призрѣнія обѣднѣвшихъ членовъ своего сословія, а особенно для поддержанія неимущихъ родителей въ воспитаніи дѣтей, и наименовать такое учрежденіе *Николаевскими*,—на что послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволенія, съ объявленіемъ Курляндскому дворянству Монаршей Его Величества благодарности.

Послѣ трехлѣтняго управленія Краемъ, 1-го января 1848 года, Головинъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Сдавъ должность Прибалтійскаго генераль-губернатора, 21 марта, онъ удостоился слѣдующаго многомилостиваго Высочайшаго рескрипта:

«*Евгеній Александровичъ!* Рассмотрѣвъ представленный

Мнѣ вами отчетъ за время трехлѣтняго вашего управленія Остзейскимъ краемъ, Я съ удовольствіемъ видѣлъ въ немъ доказательство того усердія вашего къ Престолу и Отечеству, благонамѣренности и распорядительности, коими постоянно отличается долговременное и полезное служеніе ваше. Изъявляя вамъ за такую службу вашу особенное Мое благоволеніе и полную признательность, Я увѣренъ, что и на вновь назначенномъ нынѣ поприщѣ дѣятельности вашей, вы съ тѣмъ же рвеніемъ будете стремиться оправдать неизмѣнное Мое къ вамъ довѣріе. Пребываю къ вамъ на всегда благосклонный:

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Н и к о л а й.»

Въ С. Петербургѣ,
31-го Марта 1848 года.

IX.

Въ высокомъ званіи члена Государственнаго Совѣта Евгений Александровичъ оправдалъ ожиданія Монаршіи и удостоился изъявленія новыхъ милостей въ Божѣ почивающаго Государа Императора.

Высочайшимъ указомъ 28-го ноября 1849 года, Всемилостивѣйше повелѣно: денежное производство, пожалованное ему 9-го апрѣля 1845 г., продолжить, съ окончанія срока, еще на 6 лѣтъ, а чрезъ три года ему Всемилостивѣйше пожалована табакерка съ портретомъ Его Величества, при слѣдующемъ Высочайшимъ рескриптѣ:

«Евгеній Александровичъ! Во изъявленіе особеннаго Моего къ вамъ благоволенія и признательности Моей за долговременную и примѣрно-ревностную службу вашу, жалуя вамъ табакерку съ Моимъ портретомъ, которую при семъ препровождая, пребываю къ вамъ на всегда благосклонный.»

На подлинномъ Собственнаго Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Н и к о л а й.»

Въ С. Петербургѣ.
Января 1-го дня 1853 года.

Это была послѣдняя награда Головину отъ Незабвеннаго Государа, его Августѣйшаго Благодѣтеля.

X.

Нынѣ благополучно царствующій Монархъ Россіи, чрезъ мѣсяць по Своемъ возшествіи на Тронъ, Всемилостивѣйше снисходя на желаніе Смоленскаго дворянства, Высочайшимъ приказомъ 13-го марта 1855-го года назначилъ Головина начальникомъ Государственнаго Подвижнаго Ополченія Смоленской губерніи.

Евгеній Александровичъ прекрасно оправдалъ довѣренность благороднаго сословія, — котораго онъ былъ членомъ, по своему имѣнію, — и смѣло скажемъ, что изъ всехъ губернскихъ начальниковъ ополченія, — по крайней мѣрѣ между сановниками въ равныхъ лѣтахъ, одинаковыхъ по высокимъ званіямъ занимаемымъ въ государственной службѣ, и по заслугамъ, прежде оказаннымъ Отечеству, — едва ли можно указать на кого другаго, обнаружившаго столько дѣятельности въ этомъ важномъ дѣлѣ для св. родины. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи войти въ нѣкоторыя подробности новаго его подвига на пользу Отечества.

16-го апрѣля Евгений Александровичъ прибылъ въ древній Смоленскъ и вступилъ въ исправленіе должности. Формированіе ополченія производилось быстро и вполне успѣшно: Головинъ самъ входилъ во всея подробности, до самыхъ мелочей, являлъ неутомимость безпримѣрную, и неочевидцу трудно повѣрить, до какой степени успѣховъ дошли ратники въ самое короткое время: изъ простаго поселанина, привыкшаго владѣть только плугомъ, образовалось стройное, истинное воинство, готовое помѣряться въ силахъ съ любымъ врагомъ. — Головинъ умѣлъ поддержать въ немъ одушевленіе, соответствовавшее вѣщному преуспѣванію.

Вотъ приказъ, отданный Евгениемъ Александровичемъ 7-го іюня 1854 года, предъ освященіемъ перваго знамени Смоленскаго ополченія — дружины № 27:

«Воины дружины Смоленской, Начальники и подчиненные!

«Нынѣ насталъ для васъ день великій: Царь, призвавшій васъ къ оружію, на защиту Отечества, даруетъ вамъ знамя со крестомъ, какъ залогъ довѣрія Своего, что вы подъ знаменемъ сямъ станете твердою грудью противъ врага, сильнаго числомъ и въ дѣлѣ военномъ искуснаго. Но, Промысломъ Господнимъ, сильное и любезное Отечество наше сильно еще болѣе вѣрою и преданностію къ Престолу, чѣмъ многочисленностію рати своей. Съ вѣрою во Христа Спасителя и съ оружіемъ въ рукахъ, мы противустанемъ супостату злобному и коварному, и мечъ его сокрушится о твердую грудь вашу.

«Но помните, что, служа подъ знаменемъ Креста Господня, вы какъ воины Христіанскіе, должны жить и поступать по заповѣдямъ Господнимъ. Повиновеніе Начальству есть первая ваша обязанность, а за тѣмъ, пребывая въ страхѣ Божіемъ, вы должны терпѣливо переносить всѣ труды военные, уклоняясь отъ дѣлъ незаконныхъ и нечистыхъ, ибо отъ Бога дается истинная храбрость, которая не убоится числа враговъ. Помните слова мои: продолжайте съ ревностію учиться стройности и порядку воинскому, и подъ знаменемъ Креста, коимъ нынѣ осѣняетъ васъ Церковь Православная, уразумѣйте призываніе ваше: будьте послушны и вѣрны долгу своему; тогда вы будете истинныя чада Церкви, тогда десница сильнаго во бранѣхъ Господа укрѣпитъ васъ—и врагъ не устоитъ предъ вами; сердце Царево возвеселится о васъ.»

Города и селенія, чрезъ которые проходили дружины Смоленскія на театръ военныхъ дѣйствій, съ отрадною любовію встрѣтили крестовосцевъ, въ которыхъ ясно выражались и сознаніе своего святаго и праваго дѣла, и Русская удалъ, для защиты Отечества готовая броситься на тысячу смертей. Въ тоже время взоры всѣхъ устремились на заслуженнаго Генерала-ветерана, который, не смотря свои преклонныя лѣта, бодро и весело дѣлилъ съ своими земляками труды походной жизни.

Сохраняемъ свидѣтельствующія это слова архіепископа Павла, архипастыря Черниговскаго, сказанныя Высокопреосвященнымъ, когда онъ, 31-го іюля, благословлялъ Евгенія Александровича и одну изъ Смоленскихъ дружинъ,

проходившую чрезъ Черниговъ, образомъ св. Побѣдоносца Георгія.

«Маститый вождь дружинъ Смоленскихъ! По великой любви и преданности къ Царю и Отечеству, не взирая на преклонность лѣтъ своихъ, вы бодрственно ведете Смоленскія дружины на священную брань за Вѣру, Царя и Отечество. Теплыя молитвы Церкви и сила Креста Господня, видимо пріосвѣщающаго воинство, да соблюдаютъ васъ и ведомое вами воинство повсюду здоровыми, невредимыми, мужественными и побѣдоносными на враги. Въ благоговѣйномъ упованіи на всесильную помощь Божію и на покровительство Божіе, и въ несомнѣнный залогъ побѣды на супостаты, усердствуемъ вамъ и ведомому вами воинству отъ полноты сердечной, въ благословеніе и охраненіе небесное, святой образъ Святаго Славнаго Побѣдоносца Георгія.»

Когда послѣдовало соединеніе ополченія 1-го призыва съ регулярными войсками, Евгеній Александровичъ отдалъ слѣдующій:

ПРИКАЗЪ

ПО СМОЛЕНСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПОДВИЖНОМУ ОПОЛЧЕНІЮ.

Г. Одесса. Октября 8-го дня 1855 года.

№ 127-й.

«Командующій Южною Арміею, Генераль-Адъютантъ Лидерсъ, приказомъ отъ 26-го и 27-го минувшаго Сентября, въслѣдствіе Высочайшей воли, объявилъ:

«1) Что, по настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ, дружины Государственнаго Подвижнаго Ополченія перваго призыва обращаются на усиліе Арміи.

«2) Что на основаніи того же Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго и мнѣ, въ отношеніи отъ Военнаго Министра, по прибытіи дружинъ къ Арміи и по присоединеніи оныхъ къ полкамъ, мнѣ, какъ Члену Государственнаго Совѣта, возвратиться къ мѣсту моего служенія въ С. Петербургъ.

«Такъ какъ распредѣленіе дружинъ по новому ихъ назначенію уже состоялось, и послѣдняя дружина № 33-го сего числа прибыла къ своему полку, то съ сямъ вмѣстѣ на-

чальство мое Смоленскимъ Государственнымъ Подвижнымъ Ополченіемъ, равномерно какъ и всѣ служебныя мои съ оными сношенія, прекращаются; дружины переходятъ въ завѣдываніе новаго своего Начальства, и дѣйствія Штаба Ополченія закрываются.

«Такимъ образомъ, лежавшая на мнѣ по выбору Смоленскаго Дворянства и Священною волею Государя Императора утвержденная обязанность, нынѣ, когда Ополченіе достигло уже предѣловъ Имперіи и стало лицомъ къ лицу съ непріателемъ,—оканчивается.

«Но для васъ, дружины, истинное призваніе ваше теперь только начинается. Становясь въ ряды войскъ, явившихъ уже среди кровавыхъ битвъ опыты непоколебимаго мужества, и запечатлѣвшихъ кровію усердное служеніе свое Царю и Отечеству, вы, избранные Дворянствомъ Начальники дружинъ, помощники ихъ и товарищи, должны радоваться, что, горя нетерпѣніемъ ополчаться на защиту Отечества, вы достигли цѣли своей скорѣе, чѣмъ ожидать было можно.

«Чувства эти, одушевленные Вѣрою во Христа Спасителя, подъ знаменемъ Креста Его, должны сдѣлать васъ грозными для врага. Вспомните благословенія, коими сопровождался путь вашъ отъ самыхъ жилищъ вашихъ до здѣшнихъ предѣловъ, и явите себя достойными ожиданій, кои слѣдуютъ за вами отъ вашихъ соотечественниковъ, и чтобы оставленные вами семейства утѣшились, въ разлукѣ съ вами, доброю объ васъ славою.

«Благодарю васъ, Начальники дружинъ: № 27-го Полковникъ *Герирозъ*, Подполковники: № 29-го *Апухтинъ*, № 30-го Платонъ *Рачинскій*, № 32-го *Юкавскій*, № 35-го *Орель*, № 36-го Петръ *Рачинскій*, Майоры: № 37-го *Антоновъ*, № 28-го *Дуровъ*, командующіе дружинами, Капитаны: № 31-го *Пожогинъ*, № 33-го, *Головинъ*, № 34-го *Ловыйка*. Благодарю вообще всѣхъ командующихъ частями; также Адъютанта моего Поручика *Засѣцкаго*, бывшаго ближайшимъ моимъ сотрудникомъ; прикомандированнаго къ Штабу Подпоручика *Князя Друцкаго-Сокольницкаго*, и всѣхъ Офицеровъ, урядниковъ и простыхъ ратниковъ. Вы утѣшали меня, какъ начальника, усердіемъ своимъ къ службѣ Царской, сохраненіемъ порядка воинскаго и похвальнымъ вашимъ поведеніемъ: въ продолженіе всего

почти трехъ-мѣсячнаго похода, на разстояніи 1,300 верстъ, никакихъ жалобъ на дружины не было.

«Неразлучный съ вами, моими товарищами, сердцемъ и душою, оставляя васъ нынѣ, и радуюсь, что вы поступаете подъ начальство Командующаго Южною Арміею, Генераль-Адъютанта Лидерса, коего доблести на поприщѣ военномъ, ознаменованныя громкими подвигами и довѣріемъ Царскимъ, обратили на себя вниманіе цѣлой Россіи.

«Распоряженія Его Высочайшаго Превосходительства и наставленія, данныя начальникамъ частей, въ завѣдываніе коихъ дружины поступаютъ, свидѣтельствуя, сколько опъ нечется о благосостояніи этого юнаго воинства.

«Въ сихъ надеждахъ мнѣ остается только желать, чтобы вы, призванные къ оружію Смольяне, по примѣру предковъ нашихъ, прославившихся военными подвигами и преданностію къ Престолу Царскому, обратили на себя вниманіе новаго своего Начальства, сколько же строгимъ соблюденіемъ порядка воинскаго и дисциплины, сколько твердостію въ перенесеніи трудовъ военныхъ и неустрашимостію въ бою; этого ожидаетъ отъ васъ, избранныхъ,—благородное Смоленское сословіе, къ которому мы принадлежимъ.

«Господь Всемогуцій да препояшетъ васъ силою на брань и гордыня врага да сотрется о крѣпкую грудь вашу;—вѣрные сыны Руси Православной! Всякая вѣсть объ васъ глубоко отзовется въ моемъ сердцѣ.

«Генералъ отъ инфантеріи Головинъ 1-й.»

Вслѣдъ за тѣмъ, Государь засвидѣтельствовалъ предъ Отечествомъ эти новыя заслуги доблестнаго савовника, слѣдующимъ Всемилоствивѣйшимъ рескриптомъ:

«Евгеній Александровичъ! Поручая вамъ слѣдить за сформированіе дружинъ Государственнаго Ополченія Смоленской Губерніи, Я былъ вполне убѣжденъ, что вы исполните эту обязанность съ тою распорядительностію и дѣятельностію, которыя постоянно отличали васъ на поприщѣ службы. По окончаніи нынѣ сего порученія, приведеніемъ ввѣренныхъ вамъ дружинъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ вашимъ, на назначенныя имъ мѣста, для присоединенія къ Южной Арміи, Я съ особеннымъ удовольствіемъ изъясляю вамъ Мою искреннюю признательность за неутомимое усердіе, съ коимъ вы столь успѣшно содѣйствовали къ ихъ

устройству и образованію. Возвращая васъ къ постояннымъ занятіямъ вашимъ по званію Члена Государственнаго Совѣта и желая сохранить имя ваше въ спискахъ призваннаго на защиту Отечества войска, Я назначаю васъ состоять по Государственному Подвижному Ополченію.

« Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный. »

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

« А л е к с а н д р ъ . »

Въ г. Николаевѣ.

Октября 19-го дня 1855 года.

Наконецъ, по окончаніи войны, Головину было разрѣшено, въ знакъ памяти о службѣ въ ополченіи, носить крестъ ополченія на груди, безъ ленты.

XI.

Въ слѣдующемъ—1856—году Высочайшимъ указомъ 15-го мая, Евгению Александровичу Всемилостивѣйше продолжено денежное производство, пожалованное 28-го ноября 1849 года, « во вниманіе къ отлично-ревностной и полезной службѣ. »

Между тѣмъ здоровье Головина было уже очень разстроено. Весною 1858 года онъ отправился въ свое имѣніе и въ іюль мѣсяцъ скончался.

Евгеній Александровичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Елизаветѣ Визенъ и имѣлъ всего шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ трехъ потерялъ еще во младенчествѣ.

Портретъ, приложенный къ нашему жизнеописанію, показываетъ наружныя черты недавно умершаго сановника, а подробное обозрѣніе службы, въ которое мы вошли, свидѣтельствуешь объ его дѣятельности, просвѣщенной ревности, личной храбрости, воинской и правительственной распорядительности, умѣнью пріобрѣтать общую любовь подчиненныхъ.—Имя Головина будетъ всегда жить въ признательной памяти потомства и сохранится на страницахъ лѣтописей Отечественной славы, въ исторіи водворенія Русской власти на Кавказѣ, въ преуспѣваніи порядка и развитія внутреннихъ силъ Польши и Прибалтійскихъ губерній, въ исторіи благотворной дѣятельности Совѣта Государственнаго и, наконецъ, въ сказаніяхъ о послѣднемъ великомъ возстаніи Русскаго народа на защиту « Вѣры и Царя. »

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, августа 3-го дня 1859 года. Цензоръ *В. Бекетовъ*.

Цензоръ *Новосильскій*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

Назначение периодического издания «Кавказцы» — передать, перомъ и карандашемъ, замѣчательные подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядового. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его находятъ также мѣсто изображенія доблестныхъ дѣлъ и другихъ лицъ великой семьи русской: а) славные подвиги моряковъ, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) душевнательное управление и назиданіе паствы, неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, — которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всеильную помощь Божію, успокаиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ, — или святою своею жизнію и словомъ способствуютъ распространенію истиннаго свѣта среди тьмы невѣрія и лжеученій; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемое ими подъ вражьи выстрѣлами; г) живое участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій, и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чиновниками, замѣчательные труды ученыхъ, сельскихъ хозяевъ, мануфактуристовъ, торгующихъ и вообще промышленниковъ, которые, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а перѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію Русской власти въ краѣ, облегчаютъ благотворныя мѣры Правительства и содѣйствуютъ разработкѣ богатствъ этой прекрасной части великаго нашего Отечества.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ меня многомилостивыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, дорожащіе Русскою славой, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и Сибири.

Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность продолжать неунынно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію изданія, тѣмъ болѣе, что прибыль отъ него, съ Высочайшаго соизволенія, назначена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу нашего оружія.

Подписная цѣна за 24 выпуска (№№ 37—60, — или 48 листовъ текста, съ *необходимыми приложеніями* *) — имѣющіе выйти въ теченіе 1859 году, — **двѣнадцать рублей.**

За первые 36 выпусковъ цѣна остается прежняя: именно:

за 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24-хъ листовъ текста, съ 18-ю приложеніями, вышедшіе въ 1857 году — *шесть рублей*; а

за 24 выпуска (№№ 13 — 36), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ 36-ю приложеніями, вышедшіе въ 1858 году — *двѣнадцать рублей.*

Но господа подписавшіеся на изданіе съ первыхъ выпусковъ, за 1858 и 1859 годы — вносятъ за каждый только по **десяти рублей.**

Сверхъ того, сочувствуя благому дѣлу распространенія грамотности между нижними чинами, Редакція съ нынѣшняго года начала печатать нѣкоторое число экземпляровъ собственно для подобнаго употребленія, на бумагѣ низшаго достоинства и съ меньшимъ числомъ приложеній **). Годовая цѣна за такія экземпляры по **три рубля.**

За пересылку въ другіе города прилагается: за первые 12 выпусковъ — 75 к.; а за 24 выпуска 1858 или 1859 года — по 1 руб. 50 коп.; за доставку на домъ въ С. Петербургъ выпусковъ текущаго года — 1 руб. сер.

Списокъ господъ подписчиковъ, какъ участниковъ въ добромъ дѣлѣ, ежегодно обнародуется.

ПОДПИСКА принимается исключительно въ С. Петербургѣ, въ Редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова* и въ Газетной Экспедиціи Почтамта.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ непремѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

*) Въ первые полтора года изданія число приложеній было *опредѣлено* — по три на мѣсяцъ; но опытъ показалъ, что, при этомъ порядкѣ, часто представлялось необходимымъ вылавать приложенія *не относящіеся* прямо къ описываемымъ событіямъ. Поэтому, съ 1859 года, Редакція нашлась въ необходимости сложить съ себя такое обязательство и будетъ представлять приложенія, по мѣрѣ возможности пріобрѣтаетъ портреты, изображенія подвиговъ и карты, *прямо соответствующіе тексту выпусковъ.* Невыгоды отъ прежняго порядка, — особенно для подписчиковъ почему-либо не получившихъ «Кавказцы» съ первыхъ выпусковъ, или прекратившихъ подписку на нихъ, — очевидны.

**) Редакція предполагала эти экземпляры печатать въ 8 долю листа; но какъ требованія отъ войскъ на нихъ болѣею частью поступили уже послѣ новаго года, то и было необходимо печатать все изданіе въ одинаковомъ форматѣ.

Редакторъ и издатель, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона Полковникъ **С. Новоселовъ.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюля 25-го дня 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*
Ценсоръ *Новосильскій.*

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

выпускъ 48-й.

Замѣчательная стойкость команды Тифлискаго полка. — Геройкая защита команды Мингрельскаго полка. — Подвигъ денщика Григорьева и рядовыхъ Букрѣева и Пенкова. — Солдатская снисходительность къ врагу. — Подвигъ унтеръ-офицера Пучкова. — Подвигъ рядоваго Дудатьева.

Примечанія: Защита священника Цискара съ 16 Тушинами противъ ста Кистинъ. — Подвиги при оборонѣ крѣпостей Чхери и Мухури.

Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕА.

1859.

Мад. Б. Покконица. Новороскоз

Пет. Ж. Корачинс.

ЗАЩИТА СВЯЩЕННИКА ЦИСКАРОВА СЪ 14, ТУШИНАМИ

Противъ 100, чед. Кистинъ (3 Августъ 1853 Годъ.)

ЗАЩИТА СВЯЩЕННИКА ЦИСВАРОВА СЪ 14 ТУШИНАМИ ПРОТИВЪ СТА КИСТИНЪ.

Много извѣстно, въ изустныхъ разсказахъ, примѣровъ безоглядной отваги Тушинъ; но до-сихъ-поръ мало ихъ появлялось въ печати, — а если, иногда, они и были доводимы до свѣдѣнiя общаго, то въ летучихъ листкахъ легко затеривающихся и недоступныхъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ выхода, Наравнѣ съ подвигами православнаго воинства, «Кавказцы» собираютъ и дѣла туземцевъ, не принадлежащихъ къ составу славной армiи, но занимающихъ столь же почетное мѣсто въ охраненiи края и въ водворенiи въ немъ Русской власти. — На первый разъ помѣщаемъ примѣрную защиту четырнадцати Тушинъ противъ ста человѣкъ Кистинъ *).

3-го августа 1853 года благочинный Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа, священникъ Цискаровъ, находившiйся по дѣламъ службы въ горной Тушетiи, возвращаясь отсюда, сопровождаемый двумя старшинами Цовскаго общества. На пути онъ остановился на ночлегъ въ шалашѣ 12-ти караульщиковъ, выставленныхъ Цовскимъ обществомъ на Сакорнѣ, для занятiя тропинокъ, ведущихъ изъ Кистетiи въ

*) Извѣстiе объ этомъ подвигѣ было помѣщено въ газетѣ *Кавказъ* 1853 года. — Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что нѣкоторыхъ №№ *Кавказа* рѣшительно нельзя нигдѣ достать: ихъ нѣтъ въ продажѣ въ редакцiи, нѣтъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, нѣтъ въ библиотекѣ Академiи Наукъ и на нашъ вызовъ, чрезъ газеты, не нашлось въ С.-Петербургѣ желающихъ продать нѣкоторые изъ прежнихъ годовъ.

это ущелье. Часовъ въ 9-ть вечера, партiя враждебныхъ намъ Кистинъ, состоявшая изъ ста человѣкъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Кистинскаго белада *Джокола*, спустившись *Алазаниставскимъ* ущельемъ, пробиралась къ урочищу *Орцкали* и къ горѣ *Масара*, чтобы угнать пасущiяся тамъ стада барановъ. Хищники неожиданно наткнулись на трехъ секретныхъ караульныхъ, выставленныхъ изъ числа находившихся на *Сакорнѣ*. Встрѣченные выстрѣлами трехъ храбрецовъ, укрѣпившихся за скалами и упорно защищавшихся, Кистины должны были завязать съ ними перестрѣлку. На выстрѣлы прибѣжали оставшиися на *Сакорнѣ* Тушины, и, не смугтившись многочисленностию непрiятеля, ободряемые священникомъ Цискаровымъ, завели съ врагами сильную перестрѣлку. Напрасно тѣ старались ихъ обружить: Тушины заняли выгодную позицiю, и въ продолженiи полутора-часа задерживали непрiятеля. Кистины, по опыту зная обмѣное упорство Тушинъ, которые пропустили бы ихъ только чрезъ свои трупы, и зная также, что, оповѣщенные эхомъ выстрѣловъ, къ нимъ могутъ подоспѣть на помощь сторожевые съ горы *Тбатани*, рѣшились отступить. Тогда Тушины, въ порывѣ своей извѣстной храбрости, пустились преслѣдовать удалявшихся враговъ. Опять завязалась перестрѣлка: одинъ Кистинъ былъ убитъ, нѣсколько ранено; Тушины же лишились двухъ своихъ храбрыхъ товарищей. Такимъ образомъ четырнадцати Тушинамъ удалось заставить отступить сто человѣкъ Кистинъ и не допустить ихъ угнать стада барановъ.

ПОДВИГИ ПРИ ОБОРОНѢ КРѢПОСТЕЙ ЧХЕРИ И МУХУРЪ.

Въ 1810 году двѣ команды Бѣлевскаго мушкетерскаго полка, одна при подпоручикѣ Шеншинѣ, другая при унтеръ-офицерѣ Яковлевѣ, обѣ вмѣстѣ простиравшіяся до 40 человекъ, обороняли въ Имеретіи крѣпости Чхери и Мухури, во все продолженіе бывшихъ въ томъ краю безпокойствъ. Цѣлый мѣсяць находились они въ строгой блокадѣ и, по недостатку провіанта, стали уже ослабѣвать въ своихъ силахъ; но мужество подкрѣпляло духъ ихъ по прежнему. Въ это время они произвели нѣсколько самыхъ важныхъ предпріятій, — такъ что признано было справедливымъ довести объ этой защитѣ до общаго свѣдѣнія въ приказѣ Военнаго Министра.

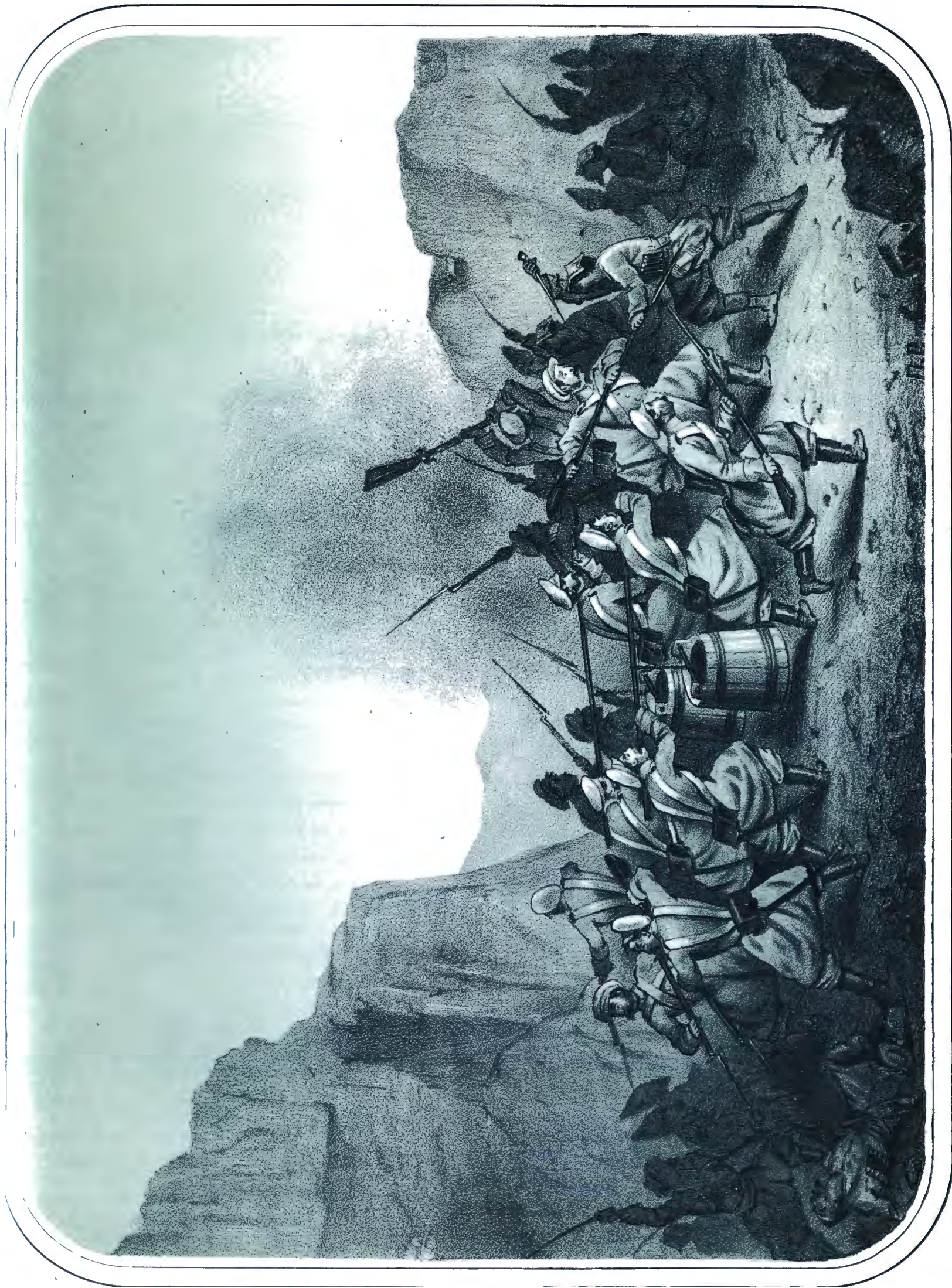
Особенно отличили себя:

Унтеръ-офицеръ Чеботаревъ, — который съ нѣсколькими рядовыми, посланный въ ночное время изъ крѣпости за водою, храбро отбился на обратномъ пути отъ множества непріятелей, и доставилъ въ крѣпость воду;

и рядовые Иванъ Терещенко и Адрианъ Никифоровъ, — которые, отправленные съ извѣстіемъ къ ближайшей нашей командѣ о бѣдственномъ положеніи оборонителей крѣпости, съ неустрашимостію миновавъ всѣ толпы непріятельскія, исполнили свое порученіе, и потомъ съ новою очевидною опасностію, пройдя мимо ихъ, возвратились съ отвѣтомъ.

По донесеніи объ этихъ подвигахъ отъ главнокомандовавшаго въ Грузіи Государь Императоръ Александръ Павловичъ Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ подпоручика Шеншина—въ поручики; унтеръ-офицерамъ Яковлеву и Чеботареву знаки отличія военнаго ордена, жалованье гвардейскихъ фельдфебелей въ пенсіонъ по смерти и одновременно по сту рублей; рядовыхъ Терещенко и Никифорова въ унтеръ-офицеры; сверхъ того имъ же знаки военнаго ордена и одновременно по пятидесяти рублей; всѣмъ же прочимъ нижнимъ чинамъ, оборонявшимъ обѣ крѣпости, каждому по 25 рублей.

Из г. Подкопника Новоселов.

Из г. Кореана.

Подвигъ команды Бѣлевскаго Мушкетерскаго полка подъ начальствомъ Унтера Офицера **ЧЕБОТАРЕВА**,
во время блокады крѣпостей Чхери и Мухури (1810 года)

ЗАМЪЧАТЕЛЬНАЯ СТОЙКОСТЬ КОМАНДЫ ТИФЛИССКАГО ПОЛКА.

Въ 1850 году 6-го марта, команда Тифлискаго полка, въ числѣ 27-ми человекъ при одномъ унтеръ-офицерѣ, конвоировала 11 повозокъ съ сѣномъ для продовольствія полковаго транспорта, отъ Алазани въ редуть, устроенный по лѣвой сторонѣ этой рѣки. Пройдя отъ переправы версты три, команда проходила чрезъ лѣсъ, по довольно узкой дорогѣ, и, въ самой густой чащѣ лѣса, вдругъ данъ былъ по ней залпъ хищниками, сдѣлавшими засаду за колодами свалившихся деревьевъ, и сразу убито 15 человекъ нижнихъ чиновъ и унтеръ-офицеръ, 10 человекъ ранено и 2-е взято въ плѣнъ, которыхъ горцы спустя немного времени умертвили. Остальная команда съ погонщиками, въ числѣ 14-ти человекъ, успѣла составить кучку и, не смотря на превышавшее втрое число хищниковъ, не дозволила имъ взять не только ни одного убитаго или раненаго, но даже ни одного быка.

Послышавъ выстрѣлы, находившійся на переправѣ съ командою того-же полка унтеръ-офицеръ *Кусковъ* собралъ 40 человекъ рядовыхъ и самъ съ ними бросился къ мѣсту перестрѣлки. Хищники, увидавъ приближавшуюся помощь нашимъ, принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ, но въ послѣдствіи, бывъ пойманы или выданы туземцами, получили достойное возмездіе за учиненное ими злодѣяніе.—При медицинскомъ освидѣтельствованіи нашихъ убитыхъ въ нихъ найдено 33 ружейныя пули.—Изъ числа пойманныхъ хищниковъ, трое имѣли раны штыкомъ.—Этотъ случай, хотя несчастный, но онъ свидѣтельствуетъ какъ о стойкости нашихъ солдатъ, не взирая на печальность нападенія и малочисленность, такъ равно и о распорядительности унтеръ-офицера *Кускова* въ принятіи мѣръ, по собственному соображенію, не стѣсняясь неполученіемъ на то приказанія старшихъ.

ГЕРОЙСКАЯ ЗАЩИТА КОМАНДЫ МИНГРЕЛЬСКАГО ПОЛКА.

Въ 1853 году была послана изъ крѣпости Закаталь команда изъ 30-ти человекъ, подъ начальствомъ подпоручика Мингрельскаго полка *Барабашева*, для доставленія, на 60-ти выючныхъ лошадяхъ, провіанта войскамъ, находившимся на горѣ Месельдигерѣ. На половинѣ подъема, у оврага, команда наша наткнулась на сильную засаду, въ числѣ 300 человекъ горцевъ. Подпоручикъ Барабашевъ, не смотря на потерю 9-ти нижнихъ чиновъ убитыми при первыхъ выстрѣлахъ непріятеля, не теряя присутствія духа, ободрилъ своихъ Мингрельцевъ, и не только что съ остальными 21 человекомъ устоялъ про-

тивъ горцевъ, но успѣлъ ихъ разсѣять, такъ что горцы оставили на мѣстѣ этого происшествія 12 человекъ своихъ убитыми. По полученіи извѣстія о нападеніи горцевъ на нашу команду, князь Ревазъ Ивановичъ Андронниковъ съ двумя ротами Тифлискаго полка былъ командированъ на мѣсто происшествія; но уже непріятель былъ разсѣянъ, и въ числѣ убитыхъ горцевъ шесть человекъ умерло отъ ранъ, нанесенныхъ штыками. Это доказываетъ сильный напоръ горцевъ на нашу команду и геройскую защиту со стороны ея.

ПОДВИГЪ ДЕНЬЩИКА ГРИГОРЬЕВА И РЯДОВЫХЪ БУКРЬЕВА И ПСИКОВА.

Во время штурма Эривани, въ ноябрѣ 1808 года, маіору князю Севарсемидзе, — въ послѣдствіи извѣстному Кавказскому генералу, — не смотря на рану, не-задолго предъ тѣмъ имъ полученную, поручено было вести на приступъ баталіонъ Тифлискаго мушкатерскаго полка. Персіяне, чрезъ переметчиковъ, знавшіе заравѣ о днѣ нападенія, встрѣтили Русскихъ, противъ обыкновенія, весьма храбро. Князь Севарсемидзе снова былъ тяжело раненъ на самыхъ стѣнахъ крѣпости. — Ударили отбой. — *Григорьевъ*, казенный деньщикъ князя, добровольно слѣдовавшій за своимъ начальникомъ, рѣшился спасти его, презирая всѣ опасности. Съ помощію рядовыхъ Тифлискаго мушкатерскаго полка *Букрѣва* и *Психова*, не смотря на сильный непріятельскій огонь, онъ вынесъ раненаго князя изъ-подъ стѣнъ крѣпости; но-не доходя сажень 20-ть до нашей батареи, *Букрѣвъ* былъ столь тяжело раненъ, что не могъ и самъ идти безъ посторонней помощи. Начало разсвѣтать; огонь со стѣнъ усиливался. Князь Севарсемидзе, придя въ чувство и видя, какой опас-

ности подвергались храбрые солдаты, приказалъ себя положить на землю, а Григорьеву и Психову идти въ лагерь. Но Русскій всегда готовъ умереть за добраго командира. Психовъ пошелъ къ батарее за людьми, а Григорьевъ легъ на землю и собственною грудью прикрылъ голову князя. На вопросъ послѣдняго, для чего это онъ дѣлаетъ, храбрый воинъ отвѣчалъ: «Персіяне замѣтили, что мы около васъ хлопчемъ и мѣтять въ насъ; такъ если имъ доведется удачно выстрѣлить, то пуля попадаетъ въ мою голову, а не въ вашу, — ваша вѣдь нужнѣе моей для Батюшки-Государя.» И дѣйствительно, возвратившійся съ батареи Психовъ нашелъ Григорьева убитымъ пулею въ лобъ. Съ помощію приведенныхъ солдатъ, раненые благополучно были принесены въ лагерь. Букрѣвъ вскорѣ умеръ въ селеніи Темынь, въ Эриванской провинціи; послѣднія слова его заключали желаніе о скорѣйшемъ покореніи Эривани. Психовъ (родомъ изъ Казанскихъ Татаръ) убитъ въ 1811 году при взятіи деревни Пергиди, въ Карскомъ пашалыкѣ.

СОЛДАТСКАЯ СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ КЪ ВРАГУ.

Въ 1857 году въ іюлѣ мѣсяцѣ, при рекогносцировкѣ Маураудахскаго завала, былъ раненъ въ щеку съ выбитіемъ зуба фельдфебель 1-й роты Тифлискаго гренадерскаго полка *Чумаченко*. Когда его привели на перевязочное мѣсто, то онъ самъ и прочіе тутъ бывшіе думали, что пуля выбила два зуба; но когда медикъ, осмотрѣвъ, сказалъ: « что у раненаго только одинъ зубъ выбить, » то Чумаченко, не взирая на боль, съ шутливою улыбкою отвѣтилъ: « на одномъ зубѣ еще я могу

и помирится, но за два—крѣпко бы горцамъ отомстить. » — Подобные случаи часто встрѣчаются между солдатами нашими на Кавказѣ, которые, по примѣру Спартанцевъ, мало чувствительны къ физическимъ страданіямъ, а будучи проникнуты высокимъ самоотверженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истинные Христіане, питаютъ въ сердцахъ своихъ нравственную добродѣтель — состраданіе къ ближнему, — хотя и врагу.

ПОДВИГЪ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРА ПУЧКОВА.

Команда Кабардинскаго пѣхотнаго полка, состоявшая изъ двухъ унтеръ-офицеровъ и 35-ти рядовыхъ, будучи послана 29-го марта 1826 года изъ Ардонскаго поста, для превозвешенія нѣсколькихъ ротныхъ повозокъ съ амуниціею и солдатскими женами, въ 15-ти верстахъ отъ Аргуданскаго поста, повстрѣчалась съ шайкой хищниковъ, выѣхавшихъ изъ закрытыхъ лѣсомъ мѣстъ. Горцы мгновенно бросились на команду, но унтеръ-офицеръ *Пучковъ*, не теряя присутствія духа, встрѣтилъ ихъ залпомъ изъ ружей, коимъ были они остановлены, и отдаваясь на нѣкоторое разстояніе, вступили въ перестрѣлку; а между тѣмъ обозъ былъ поставленъ въ каре. Хищники, озлобленные первою неудачею, два раза бросались въ шанки; но команда прикрываемая обозомъ, опрокидывала ихъ штыками и, производя стрѣльбу, обратила ихъ въ бѣгство. По увѣренію многихъ изъ тамошнихъ жителей, толпа хищниковъ состояла изъ ста и болѣе чело-вѣкъ и понесла чувствительный уронъ,—что ясно доказывали оставленные, сверхъ обыкновенія, два тѣла. Съ нашей стороны убито: унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 4; ранено: рядовыхъ 9, солдатскихъ женъ 2, и схвачено кантонистъ 4-хъ лѣтъ 1.

Генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ, получивъ объ этомъ подвигѣ донесеніе командовавшаго войсками на Кавказской линіи, генераль-маіора князя Горчазова, увѣдомилъ о немъ

начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, генераль-адъютанта Дибича, отношеніемъ отъ 1-го мая 1826 г. за № 922. «Покорнѣйше прошу, — писалъ доблестный вождь Кавказцевъ,—доложить о семъ происшествіи Государю Императору и исходатайствовать у Его Императорскаго Величества въ награду оказанной храбрости унтеръ-офицеру Пучкову знакъ отличія военнаго ордена и два тако-вые же знака нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ его командѣ.»

Начальникъ Главнаго Штаба поспѣшилъ исполнить желаніе Алексѣя Петровича и приказомъ своимъ по всему военному вѣдомству, отъ 6-го іюля 1826 г. за № 39-мъ, объявилъ, что «Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Кабардинскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеру Пучкову знакъ отличія Военнаго ордена, съ производствомъ его въ прапорщики въ Владикавказскій гарнизонный полкъ; двумъ рядовымъ, бывшимъ въ его командѣ,—знаки отличія Военнаго ордена, и сверхъ того награждены всѣ прочіе нижніе чины той команды, бывшіе въ бою.»

Подвигъ Пучкова и его команды, кромѣ собственной своей важности, какъ отличное проявленіе неустранимости, въ лѣтописи дѣйствій на Кавказѣ, и даже вообще въ исторіи военныхъ подвиговъ нашихъ войскъ, достопамятенъ тѣмъ, что награды, Всемилостивѣйше пожалованные за него, сколько намъ извѣстно,—были первые Георгіевскіе кресты, роз-

данные въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, а лично Его Величествомъ увеличенныя награжденія отличившимся, противъ представленія корпуснаго командира, впервые проявило то истинно-Царское воздаяніе по заслугамъ, которымъ постоянно выражалъ Незабвенный Монархъ Свое благоволеніе за военные подвиги.

Пучковъ, — Леонъ Трофимовичъ, — происходилъ изъ крестьянъ Московской губерніи Звенигородскаго уѣзда деревни Жилкиной помѣщика Мельгунова; въ службу вступилъ рядовымъ въ незабвенномъ двѣнадцатомъ году, имѣя отъ роду 27 лѣтъ. Черезъ полтора года, 24 января 1814 г., Пучковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры въ Тарутинскомъ пѣхотномъ полку; въ 1816 г. переведенъ въ Кабардинскій пѣхотный полкъ; въ 1822 года находился въ экспедиціяхъ

въ Большую Кабарду, сперва съ полковникомъ Коцаревымъ, а потомъ въ отрядѣ подъ личнымъ начальствомъ Ермолова.

Высочайшій приказъ о производствѣ его въ прапорщики, съ переводомъ въ Владикавказскій гарнизонный полкъ, послѣдовалъ 11 іюня 1826 года. Пучковъ имѣлъ тогда 41 годъ отъ роду. Въ какихъ именно дѣлахъ онъ участвовалъ въ послѣдствіи, намъ неизвѣстно. Изъ послужнаго списка видно только, что, по расфирмированіи Владикавказскаго гарнизоннаго полка, Пучковъ въ сентябрѣ 1829 года поступилъ въ Кавказскій Линейный № 4-й баталіонъ, 30-го декабря—за *отличіе противъ горцевъ*, произведенъ въ подпоручики; 22-го марта 1834 года получилъ чинъ поручика, а 21 мая 1837 г. за болѣзнію уволенъ отъ службы штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей жалованья.

ПОДВИГЪ РЯДОВАГО ДУДАТЬЕВА.

Драгунскаго,—что нынѣ Нижегородскій Драгунскій,—Его Королевскаго Высочества Наслѣдника Принца Виртембергскаго полка,—унтеръ-офицеръ изъ дворянскихъ дѣтей, Петръ *Готовицкій*, 26-го декабря 1852 года, близъ штабъ-квартиры своего полка, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ непокорный аулъ Мятлы, гдѣ его немедленно заковали въ кандалы изъ горячаго желѣза и посадили въ яму. Тамъ онъ заболѣлъ и хищники, опасаясь потерять за него выкупъ, помѣстили его въ саклѣ.

Въ декабрѣ же мѣсяцѣ пропалъ безъ вѣсти того же полка рядовой *Дудатьевъ*: онъ былъ также взятъ въ плѣнъ близъ штабъ-квартиры, и сначала содержался въ ямѣ, а потомъ выпущенъ изъ нея. Дудатьевъ вскорѣ задумалъ бѣжать, а когда приведенъ былъ въ Мятлы Готовицкій, то рѣшился сдѣлать побѣгъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ февралѣ слѣдующаго года, въ условленный день, унтеръ-офицеръ, немогшій отъ боли въ ногахъ ходить, вечеромъ, подъ надзоромъ женщины, выползъ на дворъ, гдѣ его ожидалъ рядовой, который, взявъ Готовицкаго на

плечи, пользуясь темнотою, отправился съ нимъ къ Сулаку и, войдя въ воду, ожидалъ пока откроется возможность предпринять дальнѣйшее бѣгство.

Въ скоромъ времени въ селеніи сдѣлалась тревога, и когда погоня миновала мѣсто, гдѣ находились бѣглецы, Дудатьевъ отправился съ Готовицкимъ въ сторону противуположную той, въ которую направились Мятлинцы, вошелъ въ чащу лѣса и разбилъ кандалы на унтеръ-офицерѣ. Черезъ шесть дней они прибыли въ укрѣпленіе Евгеньевское и весь путь этотъ Дудатьевъ несъ на себѣ Готовицкаго, изнуреннаго отъ боли и отъ голода; 26-го февраля оба плѣнные были уже въ родномъ полку.

Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія объ отважномъ и челоувѣколюбивымъ подвигѣ рядоваго Дудатьева, и Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему серебряную медаль, съ надписью «за спасеніе погибающихъ,» сто пятьдесятъ рублей серебромъ и повелѣлъ похвальный поступокъ его сдѣлать извѣстнымъ по Арміи.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, августа 10-го дня 1859 года. Ценсоръ *Новосильскій*.

Редакторъ и издатель С. Новоселовъ.

Назначение периодического издания «Кавказцы» — передать, перомъ и карандашемъ, замѣчательные подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядового. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его находятъ также мѣсто изображенія доблестныхъ дѣлъ и другихъ лицъ великой семьи русской: а) славные подвиги моряковъ, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) душевнательное управление и назиданіе паствы, неустранимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, — которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всеильную помощь Божію, успокаиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ, — или святою своею жизнію и словомъ способствуютъ распространенію истиннаго свѣта среди тьмы невѣрія и лжеученій; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемое ими подъ вражьиными выстрѣлами; г) живое участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій, и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чиновниками, замѣчательные труды ученыхъ, сельскихъ хозяевъ, мануфактуристовъ, торгующихъ и вообще промышленниковъ, которые, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а перѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію Русской власти въ краѣ, облегчаютъ благотворныя мѣры Правительства и содѣйствуютъ разработкѣ богатствъ этой прекрасной части великаго нашего Отечества.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ меня многомилостивыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, дорожащіе Русскою славой, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и Сибири.

Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность продолжать неунынно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію изданія, тѣмъ болѣе, что прибыль отъ него, съ Высочайшаго соизволенія, назначена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу нашего оружія.

Подписная цѣна за 24 выпуска (№№ 37—60, — или 48 листовъ текста, съ *необходимыми приложениями* *) — имѣющіе выйти въ теченіе 1859 году, — **двѣнадцать** рублей.

За первые 36 выпусковъ цѣна остается прежняя: именно:

за 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24-хъ листовъ текста, съ 18-ю приложениями, вышедшіе въ 1857 году — **шесть** рублей; а

за 24 выпуска (№№ 13 — 36), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ 36-ю приложениями, вышедшіе въ 1858 году — **двѣнадцать** рублей.

Но господа подписавшіеся на изданіе съ первыхъ выпусковъ, за 1858 и 1859 годы — вносятъ за каждый только по **десяти** рублей.

Сверхъ того, сочувствуя благому дѣлу распространенія грамотности между нижними чинами, Редакція съ нынѣшняго года начала печатать нѣкоторое число экземпляровъ собственно для подобнаго употребленія, на бумагѣ низшаго достоинства и съ меньшимъ числомъ приложений **). Годовая цѣна за такія экземпляры по **три** рубля.

За пересылку въ другіе города прилагается: за первые 12 выпусковъ — 75 к.; а за 24 выпуска 1858 или 1859 года — по 1 руб. 50 коп.; за доставку на домъ въ С. Петербургъ выпусковъ текущаго года — 1 руб. сер.

Списокъ господъ подписчиковъ, какъ участниковъ въ добромъ дѣлѣ, ежегодно обнародуется.

ПОДПИСКА принимается исключительно въ С. Петербургѣ, въ Редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова* и въ Газетной Экспедиціи Почтамта.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ непремѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

*) Въ первые полтора года изданія число приложений было *опредѣлено* — по три на мѣсяцъ; но опытъ показалъ, что, при этомъ порядкѣ, часто представлялось необходимымъ вылавать приложения *не относящіеся* прямо къ описываемымъ событіямъ. Поэтому, съ 1859 года, Редакція нашлась въ необходимости сложить съ себя такое обязательство и будетъ представлять приложения, по мѣрѣ возможности приобщая портреты, изображенія подвиговъ и карты, *прямо соответствующіе тексту выпусковъ*. Невыгоды отъ прежняго порядка, — особенно для подписчиковъ почему-либо не получившихъ «Кавказцы» съ первыхъ выпусковъ, или прекратившихъ подписку на нихъ, — очевидны.

**) Редакція предполагала эти экземпляры печатать въ 8 долю листа; но какъ требованія отъ войскъ на нихъ болѣею частью поступили уже послѣ новаго года, то и было необходимо печатать все изданіе въ одинаковомъ форматѣ.

Редакторъ и издатель, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона Полковникъ **С. Новоселовъ**.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюля 25-го дня 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.
Ценсоръ *Новосильскій*.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 49-й, 50-й и 51-й.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БЛЯВСКАГО.

Приложеніе: портретъ.

Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляеть Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1859.

ГЕНЕРАЛЪ—ЛЕЙТЕНАНТЪ
БЪЛЯВСКІЙ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ КОНСТАНТИНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БЪЛЯВСКІЙ.

Генералъ-лейтенантъ Константинъ Яковлевичъ Бѣлявскій,—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ боевыхъ генераловъ Кавказскаго Корпуса, наиболѣе прославившійся въ экспедицію 1845 г. и принимавшій почетное участіе въ пораженіи враговъ въ началѣ послѣдней войны, родился въ 1802 году и происходилъ изъ дворянъ Виленской губерніи, утвержденныхъ герольдіей.

Получивъ прекрасное образованіе, будущій достойный генералъ, 15 лѣтъ отъ роду, 8-го января 1817 года вступилъ въ ряды Императорской гвардіи подпрапорщикомъ въ Павловскій полкъ; чрезъ три мѣсяца, 17-го апрѣля, произведенъ въ портупей-прапорщики, а 11-го января слѣдующаго года въ прапорщики съ переводомъ во 2-й карабинерный полкъ, имѣя отъ роду 17 лѣтъ. 26-го августа того же года, по волѣ начальства, онъ переведенъ въ Несвижскій карабинерный (поступившій въ послѣдствіи въ составъ 1-го карабинернаго) полкъ, въ которомъ получилъ чины: 28-го января 1819 г.—подпоручика, а 13-го іюня 1821 года—поручика. Въ высокаторжественный тогда, какъ и нынѣ, день 30-го августа послѣдняго

года, Бѣлявскій снова поступилъ въ ряды гвардіи, переведенный, по представленію въ Бозѣ почивающаго Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, тѣмъ же чиномъ въ Волынскій полкъ, и служа въ немъ, въ Варшавѣ, произведенъ: 19-го декабря 1824 года въ штабсъ-капитаны, а 1-го августа 1827 года въ капитаны.

Въ этомъ исчисленіи повышеній и переходовъ заключается все, что знаемъ мы о службѣ Бѣлявскаго до 1831 года, съ котораго началось его боевое поприще.

Волынскій полкъ стоялъ въ Варшавѣ, когда, 17-го ноября 1830 года, Поляки покусились расторгнуть узы, постановленіями Вѣнскаго конгресса соединявшія Царство съ Имперією, позабыли священный долгъ присяги и безчисленные благодѣянія Императора Александра, вызвали на брань могущественную Россію и посягнули на державныя права Императора Николая.

21-го ноября Волынскій Полкъ, въ составѣ гвардейскаго отряда, выступилъ изъ Варшавы и 1-го декабря, перейдя рѣку Бугъ, вошелъ въ предѣлы Имперіи.

Торжество Поляковъ было кратковременно. Грозныя силы Русскаго Царя, горѣвшія желаніемъ карать измѣнниковъ, въ половинѣ января слѣдующаго года уже сосредоточились на западной границѣ, и въ концѣ этого мѣсяца, съ радостнымъ « ура! », вступили въ Царство. Волынской полкъ перешелъ границу 26-го числа, въ Суражѣ. Фельдмаршалъ графъ Дибичъ шелъ на главныя силы мятежниковъ, стоявшія между Минскомъ и Прагою. Кому не извѣстны трудности первыхъ недѣль похода? Путь лежалъ по краю бѣдному, болотистому, покрытому лѣсами, сперва стоялъ морозъ, доходившій до 20 и болѣе градусовъ, потомъ наступила оттепель, отъ которой снѣгъ началъ исчезать съ полей, ледъ на рѣкахъ таялъ, дороги покрылись водою и сдѣлались непроходимы. Войска только съ величайшимъ трудомъ и необыкновеннымъ напряженіемъ силъ двигались къ мѣсту назначенія, даже иногда терпѣли нужду въ продовольствіи, потому что наши запасы далеко отстали. Поляки, съ свѣей стороны, хотѣли остановить Русскую армію и упорно отстаивали каждый шагъ.

Графъ Дибичъ, рядомъ битвъ, — въ которыхъ Волынской полкъ не участвовалъ, — оттѣснилъ мятежниковъ къ Вислѣ. Они сосредоточились въ виду Варшавы, при сел. Гроховѣ и 13-го февраля вступили въ рѣшительный бой. Волынской полкъ находился на позиціи, но не имѣлъ случая принять прямого участія въ этомъ упорномъ и кровопролитномъ сраженіи, въ которомъ Русская храбрость, наконецъ, восторжествовала надъ всеми усиліями противника.

Послѣ этой побѣды панической страхъ обнялъ мятежниковъ; наши войска надѣялись напомнить Полякамъ своихъ отцовъ; но слова Суворова, что « приступъ Праги спасъ Польшу и Русскую землю отъ трехлѣтняго кровопролитія », не нашли отголоска въ душѣ новаго карателя измѣнниковъ, и Русская армія простояла нѣсколько дней въ бездѣйствіи на Гроховскихъ поляхъ, нуждаясь въ продовольствіи, страдая отъ непогоды, тогда какъ противники вскорѣ опомнились и превосходно пользовались такимъ бездѣйствіемъ.

23-го побѣдители начали отступление къ Минску, чтобы, дождавшись вскрытія Вислы, перейти на лѣвую сторону ея, и оттуда взять Варшаву. Это продолжалось болѣе мѣсяца. Когда фельдмаршалъ избралъ Тырчинъ для устроенія пере-

правы, то къ прикрытію работъ, заготовленію матеріаловъ и наблюденію за неприятелемъ, находившимся на другомъ берегу, между прочими войсками, былъ употребленъ и Волынской полкъ: онъ сталъ у Модрице. При этомъ 9-го и 10 марта Бѣлявскій находился въ перестрѣлкахъ съ неприятелемъ.

Переправа не совершилась, и вскорѣ война приняла новый, неблагоприятный для насъ оборотъ. Волынской полкъ проводилъ время, подобно всей арміи, въ непрерывныхъ движеніяхъ, по дорогамъ непроходимымъ, подвергаясь величайшимъ затрудненіямъ, и чрезъ 7 недѣль послѣ Гроховской побѣды, вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ, стоялъ не подъ Варшавою, а подъ Сѣдлецомъ: неприятелю было уступлено значительное пространство земли и множество людей.

Наконецъ фельдмаршалъ двинулся впередъ, но новая экспедиція кончилась маловажнымъ дѣломъ подъ Минскомъ, 14-го апрѣля, въ которомъ Волынской полкъ не принималъ участія, находясь въ резервѣ.

Новое наступательное движеніе, вскорѣ предпринятое, кончилось также однимъ только сраженіемъ подъ Калушинымъ, 1-го мая; въ которомъ Волынской полкъ стоялъ опять въ резервѣ.

Но чрезъ двѣ недѣли послѣ этого, когда Дибичъ быстро погнался за Поляками, появившимися между Бугомъ и Наревомъ, послѣдовала, 14-го мая, битва при Остроленкѣ, столь же упорная и кровопролитная, какъ при Гроховѣ; но и въ этотъ достопамятный день Волынской полкъ стоялъ только на позиціи.

Такимъ образомъ нашему капитану, не смотря на все рвеніе его сразиться съ измѣнниками, въ первые четыре мѣсяца войны не удавалось проявить свое мужество.

22-го мая скончался графъ Дибичъ; усмиреніе мятежа Императоръ поручилъ тому, на кого съ полною довѣренностью и несомнѣнною надеждою обращала взоры вся Россія—графу Паскевичу—Эриванскому. Но, еще до пріѣзда новаго главнокомандовавшаго къ ожидавшей его арміи, Бѣлявскому представилось давно желанная минута.

Послѣ Остроленскаго сраженія 12,000 мятежниковъ, при 24 орудіяхъ, подъ начальствомъ Гелгуда, вторгнулись въ Литву. Графъ Дибичъ, вслѣдъ за ними, отправилъ графа

Куруту съ отрядомъ гвардейскихъ Варшавскихъ войскъ, который 5-го іюня присоединился къ войскамъ, собраннымъ подъ Вильною, тамошнимъ военнымъ губернаторомъ, генераль-адъютантомъ Храповицкимъ.

Подъ Понарами—въ 9 верстахъ отъ Вильны,—7-го іюня произошло сраженіе, рѣшившее участь Гелгудовой экспедиціи. Графъ Курута отзывался съ отличною похвалою о блистательной храбрости войскъ, въ немъ участвовавшихъ, *въ особенности же лейбъ-гвардіи Волинскаго полка, который, подъ начальствомъ командовавшаго имъ, флигель-адъютанта полковника Овандера, « съ примѣрною неустрашимостію ударилъ на превосходныхъ въ числѣ мятежниковъ, быстро ихъ опрокинулъ, и вообще подвигами отличной храбрости, въ дѣлѣ семъ оказанными, стяжалъ одобреніе всего отряда. »* Во время этихъ стремительныхъ атакъ капитанъ Бѣлявскій обратилъ на себя особенное вниманіе. *Командуя, за младшаго штабъ-офицера, съ самаго начала дѣла (*), застрѣльщиками, и находясь во все время сраженія подъ сильными непріятельскими картечными и ружейными выстрѣлами, примѣрною храбростію своею, онъ заставлялъ, усиливавшагося безпрестанно, непріятеля оставлять свои позиціи и наконецъ сбилъ съ нихъ Поляковъ совершенно и обратилъ въ бѣгство.* Въ воздаяніе столь ревностной службы и отличія, наградою ему былъ первый орденъ—Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, Всемилостивѣйше пожалованный 9-го августа того же года.

Послѣ этого Бѣлявскій участвовалъ въ преслѣдованіи мятежниковъ за р. Вагъ до г. Шавель, а оттуда до г. Ковно. Изъ этого послѣдняго, 12-го іюля, онъ былъ командированъ въ городъ Несвижъ для сформированія резервныхъ ротъ лейбъ-гвардіи Литовскаго и Волинскаго полковъ, съ которыми и прибылъ въ С.-Петербургъ 14-го января слѣдующаго года.

*) Въ Высочайшей грамотѣ на орденъ св. Владиміра сказано, что Бѣлявскій командовалъ *всѣми* застрѣльщиками; но генераль, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, разсматривавшій нашъ трудъ, вычеркнулъ изъ рукописи слово «всѣми».

Между тѣмъ Паскевичъ сокрушилъ гидру мятежа однимъ ударомъ. 6-го октября того же года Бѣлявскій произведенъ въ полковники « за отличіе по службѣ », съ переводомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, съ оставленіемъ командовать резервнымъ баталіономъ л.-гв. Волинскаго полка, а 4-го декабря получилъ Высочайшее благоволеніе « за отличное усердіе къ службѣ и непоколебимую преданность къ Престолу, оказанныя при выступленіи изъ г. Варшавы. » Прибывъ изъ вѣреннаго ему баталіона въ С.-Петербургъ 14-го января слѣдующаго года, онъ былъ переведенъ обратно въ Волинскій полкъ, а 25-го февраля утверждёнъ командиромъ 2-го баталіона этого полка. Наконецъ, 20-го декабря того же года, за участіе въ Польской войнѣ, онъ получилъ знакъ отличія за военное достоинство 4 степени.

Снова мирно потекли дни Бѣлявскаго среди служебныхъ занятій, ревностное исполненіе которыхъ не переставало обращать на него Монаршее вниманіе, въ ознаменованіе котораго ему Всемилостивѣйше пожалованъ: 6-го декабря 1836 года « въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы » орденъ св. Станислава 3-й (что нынѣ 2-й) степени, а 3-го марта 1837 года объявлено за смотръ Высочайшее благоволеніе.

Высочайшимъ приказомъ 19-го марта этого года онъ назначенъ командиромъ Симбирскаго егерскаго полка. Черезъ годъ полкъ участвовалъ въ знаменитомъ Бородинскомъ торжествѣ и полковникъ Бѣлявскій удостоился получить, за смотры, парады, ученья и маневры, Высочайшія благоволенія въ приказахъ августа 17, 18, 23, 26, 29 и 31 и сентября 1-го, а 12-го числа послѣдняго мѣсяца награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст., « въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы ».

Въ 1840 году 14-го апрѣля онъ произведенъ въ генераль-маіоры, « за отличіе по службѣ, » съ оставленіемъ при той же должности; 29-го августа получилъ Высочайшее благоволеніе за торжественную встрѣчу въ г. Ковно, съ вѣреннымъ ему полкомъ и, находившимися подъ его командою, тремя баталіонами Низовскаго егерскаго полка, Императрицы Александры Феодоровны въ сопровожденіи Высочайше нареченной Невѣсты Государя Наслѣдника Цесаревича,

Принцессы Марии Гессенской, — нынѣ Государыни Императрицы Марии Александровны, — а 11-го декабря пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 класса за выслугу въ офицерскомъ званіи 25 лѣтъ.

Между тѣмъ, 8-го ноября этого же года, Высочайшимъ приказомъ онъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, къ которой, по сдачѣ полка, прибылъ 19-го марта 1841 г., а въ слѣдъ за тѣмъ, 18-го іюля, переведенъ во 2-ю бригаду той же дивизіи. Черезъ два года по исправленіи этой должности, 20-го октября 1843 года, Бѣлявскій получилъ, « въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы, » орденъ св. Станислава 1-й степени.

Наконецъ, сверхъ всякаго ожиданія, онъ явился на Кавказѣ, гдѣ ему было суждено прекрасно вписать свое имя въ военныя лѣтописи Россіи.

13-го января 1844 года 2-я бригада 15-й пѣхотной дивизіи выступила изъ Одессы въ экспедицію противу горцевъ. — 4-го мая войска, предназначенныя для дѣйствій, въ томъ числѣ и бригада Бѣлявскаго, были сосредоточены на Терекѣ у слободки Николаевской; 12-го — онъ выступилъ къ кр. Грозной, въ отрядѣ генералъ-маіора Фрейтага, для наступательнаго движенія въ Малую Чечню, а на другой день былъ въ перестрѣлкѣ авангарда казаковъ съ Чеченцами; 14-го опять находился въ перестрѣлкѣ, при движеніи къ аулу Гехамъ; 15-го — участвовалъ въ движеніи Фрейтага на встрѣчу Назрановскому отряду и въ дѣлѣ съ огромнымъ скопищемъ Чеченцевъ, окружившихъ арріергардъ послѣдняго отряда, въ рукопашномъ бою стрѣлковъ и егерей, и въ общемъ движеніи обоихъ отрядовъ къ аулу Гехамъ, при которомъ войска расположились лагеремъ. Ночью съ 16-го на 17-е Бѣлявскій принималъ участіе въ перестрѣлкѣ съ Чеченцами, во время ихъ канонады по лагерю; 17-го — находился при взятіи и истребленіи ауловъ Гехинъ-Калъ и Дерби-Юртъ; 19-го — подъ непріятельскими выстрѣлами на переправѣ чрезъ р. Гойту, при обратномъ движеніи, въ дѣлѣ съ огромнымъ скопищемъ Чеченцевъ въ Гойтинскомъ лѣсу, при взятіи непріятельскихъ заваловъ и рукопашномъ бою при отраженіи нападенія на арріергардъ и атаки конницы. Наконецъ, 21-го мая, онъ возвратился съ войсками Чеченскаго отряда къ слободѣ Николаевской.

6-го іюня Чеченскій отрядъ, въ которомъ была опять бригада Бѣлявскаго, снова сосредоточился, но уже подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, генералъ — адъютанта Нейдгардта, при Ташъ-Кичу, для общаго наступательнаго движенія противу непріятельскихъ скопищъ; на другой день войска выступили въ экспедицію и, чрезъ Ярыкъ-Су, Внезапную, Сулакъ, прибыли къ Чиръ-Юрту. При дальнѣйшемъ движеніи Бѣлявскій участвовалъ въ перестрѣлкахъ: 11-го — на пути къ Зурамакенту, 13-го — къ сел. Инчке и 14-го — къ Хубарамъ.

15-го, при переходѣ отряда отъ Хубары къ дер. Гертме, близъ которой расположились огромныя скопища Шамиля въ неприступной позиціи, за оврагомъ Теренгуль, онъ находился подъ канонадою горцевъ; 16-го — участвовалъ въ движеніи части войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Клюге фонъ Кругенау, въ обходѣ непріятельской позиціи, во время дѣйствія артиллеріи по бѣжавшему непріятелю и въ движеніи войскъ вслѣдъ за горцами, чрезъ оврагъ Теренгуль до разореннаго аула Буртунай. 22-го онъ былъ командированъ съ частию войскъ къ аулу Зубуту, для разрушенія моста чрезъ р. Сулакъ и сожженія части аула и находился въ перестрѣлкѣ арріергарда, при обратномъ слѣдованіи въ лагерь; 23-го участвовалъ снова въ перестрѣлкѣ, а 25-го въ схваткѣ съ партією горцевъ на авашпестахъ.

Съ 1-го по 28-е іюля Бѣлявскій начальствовалъ производствомъ работъ по разрушенію аула Черкей и возведенію мостоваго укрѣпленія противу укрѣпленія Евгеніевскаго; 28-го отрядъ, подъ его начальствомъ, двинулся отъ Черкея, чрезъ Темиръ Ханъ-Шуру, и, переправлявшись въ Казі-Юртъ чрезъ Сулакъ, возвратился на зимовыя квартиры въ Кизляръ.

Въ 1845 г. принялъ начальство на Кавказѣ знаменитый князь Воронцовъ, и Бѣлявскій обратилъ тотчасъ на себя лестное вниманіе доблестнаго вождя.

Новый намѣстникъ ознаменовалъ первый годъ своего правленія походомъ въ Андію и Дарго, страну дотолѣ неизвѣстную.

Часть 2-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, именно 2 бат. Люблинскаго и 2 Замосцкаго егерск. полковъ, съ

4-мя орудіями и двумя сотнями казаковъ, подъ личнымъ начальствомъ генераль-маіора Бъявскаго, первоначально вошла въ составъ отряда генераль-лейтенанта Гасфорта, собраннаго 10-го апрѣля у станицы Червленной, изъ которой чрезъ день, 12-го, эти войска двинулись, чрезъ Новый Юртъ, къ отраженію 8,000 партіи Чеченцевъ съ 3 орудіями, напавшей на укрѣпленіе Умаханъ-Юртъ. 14-го отрядъ былъ сосредоточенъ у Амиръ-Аджи-Юрта на лѣвомъ берегу Терека, для наблюденія за переправою чрезъ рѣку и охраненія разныхъ транспортовъ, переправляемыхъ въ крѣп. Внезапную и въ Куринское укрѣпленіе, для предстоящей экспедиціи.

Съ 1-го мая Бъявскій принялъ начальство надъ этимъ отрядомъ, называвшимся Кумыкскимъ и состоявшимъ изъ тѣхъ же самыхъ войскъ, съ присоединеніемъ еще двухъ баталіоновъ ввѣренной ему бригады.

3-го числа онъ отразилъ нападеніе партіи Чеченцевъ, въ 400 человекъ, на оказію, слѣдовавшую изъ Амиръ-Аджи-Юрта въ Куринское укрѣпленіе; 13-го отрядъ былъ двинутъ къ укр. Умаханъ-Юртъ, для защиты этого пункта отъ нападенія Чеченцевъ, но на другой день возвращенъ въ Амиръ-Аджи-Юртъ; а 22-го Бъявскій лично, съ командою Моздокскихъ казаковъ и двумя ротами пѣхоты, преслѣдовалъ партію хищниковъ, сдѣлавшую бесполезное покушеніе на сел. Акбулатъ-Юртъ, при чемъ происходила перестрѣлка съ Чеченцами, въ которой былъ раненъ прикомандированный къ Моздокскому полку л.-гв. Гусарскаго полка корнетъ князь Мещерскій.

25-го мая, Кумыкскій отрядъ, чрезъ Ташъ-Кичу и Ярыкъ-Су, двинулся къ крѣп. Внезапной, къ которой прибылъ 28-го и здѣсь соединился съ главными силами Чеченскаго отряда, сосредоточенными подъ командою генерала отъ инфантеріи Лидерса.

Этотъ отрядъ состоялъ изъ 12 баталіоновъ пѣхоты, 3 роты саперовъ и стрѣлковъ, 1,000 человекъ пѣшей милиціи, 13 сотенъ казаковъ и конной милиціи и 28 орудій, въ томъ числѣ бригады Бъявскаго: баталіоны 1-й и 3-й Лю-

блинскаго и 2-й Замосцскаго егерскихъ и три баталіона Прагскаго пѣхотнаго полковъ. 28-го во Внезапную прибылъ Главкомандовавшій. Вслѣдъ за этимъ начался достопамятный походъ, въ теченіи котораго Бъявскій постоянно командовалъ, то особою колонною, то правою, то лѣвою цѣпью застрѣльщиковъ и прикрывалъ слѣдованіе отряда. При этомъ замѣтимъ, что подъ его командою находились баталіоны разныхъ полковъ, составлявшихъ Чеченскій отрядъ, за исключеніемъ только баталіоновъ ввѣренной ему бригады. 31-го отрядъ, оставивъ въ крѣпости весь колесный обозъ и всѣ лишнія тяжести, но съ 1,000 вьючными лошадьми черводарскаго транспорта, 20-ью ящиками и 200 вьюками запаснаго артиллерійскаго парка, выступилъ на укр. Балтугай, при которомъ и имѣлъ ночлеги. Бъявскій командовалъ лѣвою цѣпью застрѣльщиковъ, прикрывавшихъ движеніе отряда.

Мосты по обрыву скалы, не доходя источника горячей минеральной воды, были разрушены. Не теряя времени, отправленъ былъ туда, съ позиціи при Балтугаѣ, авангардъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Безобразова, — въ составъ котораго входилъ одинъ баталіонъ бригады Бъявскаго, — съ строительными матеріалами, заготовленными въ Внезапной и слѣдовавшими при отрядѣ. Немедленно было приступлено къ постройкѣ моста, такъ что въ теченіе ночи, не смотря на проливной дождь, сообщеніе совершенно восстановлено, и 1-го іюня войска двинулись въ Зурамакентъ.

Такимъ образомъ Чеченскій отрядъ вступилъ въ Салатавію.

Считая быстроту движеній, однимъ изъ первыхъ условій успѣха, Главкомандовавшій перешелъ 2-го іюня отъ Зурамакента прямо къ сел. Хубары, что обыкновенно дѣлалось въ два перехода; непріятеля не было видно, однако за сѣвшими въ лѣсу, на подъемѣ къ Хубарскимъ высотамъ, хищниками открыта была перестрѣлка, въ которой Бъявскій, командуя правою цѣпью стрѣлковъ, принималъ участіе. Но дѣло кончилось только тѣмъ, что у насъ въ арріергардѣ было ранено 3 человека.

3-го іюня отрядъ прибылъ къ Гертме и соединился съ Дагестанскимъ отрядомъ, прибывшимъ туда изъ укр. Евгеніевскаго (*).

Увидѣвъ съ прибытіемъ въ Гертме, что сильная позиція за большимъ Теренгульскимъ оврагомъ оставлена непріателемъ, князь Воронцовъ, чтобы не терять времени, приказалъ немедленно войскамъ спускаться для занятія ся. Авангардъ нашъ не успѣлъ еще весь переправиться на ту сторону, какъ на высотахъ, за селеніемъ Старый Буртунай, стали появляться конныя толпы, подвигавшіяся впередъ, въ числѣ 300—400 человекъ. Для предупрежденія горцевъ, въ случаѣ, еслибы они намѣревались занять это селеніе, — послѣ чего, по перерѣзанной мѣстности вокругъ его, непріатель могъ бы затруднить слѣдованіе войскъ нашихъ, — немедленно была двинута впередъ большая часть кавалеріи авангарда, поддерживаемая баталіономъ пѣхоты съ двумя орудіями: Старый Буртунай былъ занятъ, авангардъ нашъ остался тамъ, и толпы горцевъ, начавъ отступать, вскорѣ скрылись.

По дорогѣ въ Теренгуль найдено много заваловъ изъ большихъ бревенъ. Хотя все это, по возможности, было очищено авангардомъ и войска слѣдовали непрерывною нитью, за всѣмъ тѣмъ необыкновенная крутость спуска и подъема, а также разразившаяся гроза съ проливнымъ и продолжительнымъ дождемъ, до того затруднили слѣдованіе, что войска Чеченскаго отряда (слѣдственно и бригада Бѣлявскаго), сдѣлавшія уже прежде переходъ отъ Хубаръ, хотя и начали спускаться въ 10½ часовъ противу фронта бывшей въ 1844 году позиціи Шамиля, и шли безостановочно всю ночь, но хвостъ колонны едва прибылъ на позицію за Теренгуломъ въ 9 часовъ утра на слѣдующій день.

По причинѣ изнуренія людей и лошадей 4-го числа сдѣлана была дневка.

(*) Въ составѣ:

9 баталіоновъ,
4 ротъ саперовъ и стрѣлковъ,
3 сотенъ казаковъ и милиціи,
18 орудій и ракетъ
и 1380 вьючныхъ лошадей.

Между тѣмъ, чтобы не потерять этого времени, Главнокомандовавшій, съ большою частию кавалеріи и выдвинувъ нѣсколько впередъ пѣхоту авангарда (въ числѣ которой находились два баталіона бригады Бѣлявскаго), произвелъ рекогносцировку дороги, ведущей чрезъ Старый Буртунай, по направленію къ Алмаку, въ ущелье Мичикалъ, чрезъ которое предположено было, на слѣдующій день, двинуться въ Гумбетъ, и которое, по всѣмъ полученнымъ свѣдѣніямъ, было сильно укрѣплено. Во время обозрѣнія видны были передовые наблюдательные посты горцевъ.

Въ Гумбетъ ведутъ двѣ дороги: одна чрезъ Мичикалъ, какъ сказано выше, другая чрезъ переваль Кыркъ.

Показаніе лазутчиковъ и туземцевъ касательно состоянія этихъ дорогъ и укрѣпленія непріателемъ сильныхъ позицій, противорѣчили одно другому и были вообще крайне неопредѣлительны; большая часть, однако, соглашалась въ томъ, что непріатель, утвердись въ Мичикальскомъ ущельѣ, ожидалъ насъ съ той стороны, и что переваль Кыркъ до такой степени испорченъ, что считается непроходимымъ, и потому горцы ограничиваются тамъ только наблюдательнымъ постомъ.

Желаніе привести въ ясность получавшіяся сбивчивыя свѣдѣнія побудило Главнокомандовавшаго лично удостовѣриться, въ какой степени возможенъ переходъ чрезъ переваль Кыркъ. Съ этою цѣлью князь Воронцовъ предпринялъ, 5-го числа, рекогносцировку, въ которой участвовалъ и 1-й баталіонъ Люблинскаго полка, стоявшій въ резервѣ во время взятія горы Анчимееръ—блистательнаго дѣла, какъ назвалъ его князь Воронцовъ *).

Такъ какъ, занятіемъ этой мѣстности, позиція горцевъ на Мичикалъ была взята въ тылъ, то они вынуждены были покинуть ее, и авангардъ нашъ сталъ на дорогѣ отъ Мичикала въ Андю. 6-го числа къ вечеру онъ расположился на высотахъ Зуну-Мееръ; горцы было атаковали его, но были отбиты штыками. Бригада Бѣлявскаго, — при которой находился и самъ Генераль, — въ этотъ день вмѣстѣ съ прочими войска-

*) Приказъ по главному дѣйствовавшему отряду 15 го іюля 1845 года, въ лагерѣ при сел. Гогатль.

ми стянулась къ бывшему укрѣпленію Удачному. Здѣсь отрядъ простоялъ до 11-го числа.

Начиная съ 6-го іюня, въ продолженіе шести сутокъ, войска выдерживали борьбу съ непріателемъ, — по выраженію князя Воронцова *) , — *гораздо сильнѣе и опаснѣе Шамиля*, т. е. съ стужею и недостаткомъ горячей пищи. Погода стояла невыносимая: непрерывно лилъ дождь, растворившій землю, стужа и туманъ увеличивались, и два дня лежалъ мокрый, глубокій снѣгъ, а по ночамъ бывалъ морозъ. Дороги испортились до такой степени, что колонна, при всѣхъ усиліяхъ, не успѣвала иногда дѣлать 6 и 8 верстъ въ сутки; случалось, что люди, перемокнувъ, оставались дни по три безъ горячей пищи и не имѣли возможности просушиваться, по совершенному недостатку лѣса на пути слѣдованія; трава также встрѣчалась большою частію самая скудная. Отъ столь необыкновеннаго и упорнаго холода и отъ усиленныхъ трудовъ на походѣ, гдѣ по непроходимой дорогѣ должно было артиллерию почти постоянно везти на людяхъ, число больныхъ возрасло значительно: 12 человекъ замерзло или умерло отъ стужи и много было съ отмороженными членами; отъ недостатка же подножнаго корма пало нѣсколько сотъ подъемныхъ лошадей. *Казалось бы невѣроятнымъ*, говоритъ официальное описаніе похода **), *чтобы люди могли вынести столько трудовъ и лишений, еслибы рѣчь шла не о Русскомъ солдатѣ.*

11-го числа войска двинулись далѣе къ такъ называемымъ Андійскимъ воротамъ. Верстахъ въ 5 отъ перевала Буцуръ—Каль, послѣ труднаго перехода и утомительнаго спуска въ эту долину съ чрезвычайно высокой и крутой горы, они провели еще ночь подъ проливнымъ дождемъ, при сильной бурѣ, препятствовавшей разведенію огня.

13-го числа погода перемѣнилась въ лучшую; отрядъ готовился къ бою, для занятія приступомъ крѣпкой и давно

*) Приказъ по главному дѣйствовавшему отряду 15-го іюня 1845 года, въ лагерѣ при сел. Гогатль.

**) Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Составленъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, при генеральномъ штабѣ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Тифлисъ 1846 года, стр. 21.

приготовленной противъ насъ позиціи у Андійскихъ воротъ. Но непріатель, — по выраженію князя Воронцова *) — *не смѣлъ ее защищать*; мы ее заняли безъ боя, и съ высоты ея увидѣли, что *извергъ* **) Шамиль, не чувствуя себя въ силахъ защищать богатые Андійскія селенія, предалъ ихъ пламени, и самъ, перейдя за огромный оврагъ у дер. Анди, занялъ крѣпкую позицію съ завалами на противоположныхъ высотахъ.

Это доставило случай храбрымъ воинамъ нашимъ оказать новый опытъ въ безпримѣрной отвагѣ и самоотверженіи. Смѣлымъ Богъ владѣетъ! и новый успѣхъ достойно увѣнчалъ ихъ подвигъ ***).

Скопище горцевъ превышало 6 тысячъ человекъ и состояло подъ начальствомъ 11 наибовъ, которыми лично распоряжалъ Шамиль. Намѣреваясь твердо удержаться на занятой позиціи и въ Андійскихъ завалахъ, Имамъ употреблялъ убѣжденія, угрозы и молитвы для поощренія горцевъ къ упорному бою; но когда, не смотря на всѣ его усилія, скопище обращено въ бѣгство, смятеніе сдѣлалось такъ велико, что одинъ изъ ревностѣйшихъ наибовъ съ трудомъ успѣлъ освободить самого Шамиля изъ толпы, чтобы увлечь прямою дорогою чрезъ горный хребетъ.

Когда авангардъ нашъ, командуемый Клуге—фонъ—Клугенау, занялъ деревню Анди, подъ пушечными выстрѣлами непріателя, то, въ подкрѣпленіе его, было велѣно идти двумъ баталіонамъ Прагскаго пѣхотнаго полка подъ командою Бѣлявскаго. Но командиръ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, полковникъ Козловскій, горя нетерпѣніемъ вступить въ бой, не смотря на малочисленность вѣренной ему авангардной пѣхоты, бросился въ оврагъ и, перейдя его, направилъ храбрецовъ нашихъ противъ непріателя. Впереди всѣхъ были 3-я и 7-я егерскія роты князя Чернышева полка, подъ командою храбраго

*) Приказъ по главному дѣйствовавшему отряду 15-го іюня 1845 года въ лагерѣ при сел. Гогатль.

**) Эпитетъ, приданный княземъ Воронцовымъ, въ томъ же приказѣ.

***) Слова того же приказа.

полковника князя Барятинскаго, —вышшняго главнокомандующаго. *Безпримѣрный подвигъ увѣнчанъ былъ полнымъ успѣхомъ* *)).

Съ этого дня по 6-е іюля главный отрядъ простоялъ на позиціи, при чемъ бригада Бѣлявскаго имѣла нѣсколько разъ перестрѣлки съ непріятелемъ, но незначительныя.

Кромѣ того, нѣсколько баталіоновъ, подъ личнымъ начальствомъ Генерала, участвовали 20-го въ движеніи части отряда, подъ личнымъ начальствомъ Главнокомандовавшаго, противъ Шамяля, занявшаго съ 2,000 скопищемъ высоты Азалъ; передовые посты горцевъ пытались съ высоты открыть огонь, но безъ всякаго для насъ вреда, и потомъ, предавъ огню свой лагерь, стремглавъ бѣжали и были преслѣдованы по горамъ до самой границы общества Технучалъ. Переночевавъ на этомъ мѣстѣ, войско на другой день возвратилось въ лагерь.

Здѣсь скажемъ, —чтобы захарактеризовать трудности экспедиціи этого года, покрывшей заслуженнаго славою Бѣлявскаго, —что и во время пребыванія въ Андіи, хотя княземъ Воронцовымъ были приняты всѣ возможныя мѣры для продовольствія войскъ, хотя полкамъ приказано было рассчитывать наличное продовольствіе такъ, чтобы четырехъ-дневнаго количества сухарей стало на шесть, а шестидневнаго на восемь дней, но за всѣмъ тѣмъ мѣстныя препятствія были причиною, что запасы съ продовольствіемъ опаздывали и не привозили полной ожидаемой пропорціи. Отъ этого случалось, что, при большомъ недостаткѣ въ соли, часть людей оставалась трое и даже четверо сутокъ почти безъ хлѣба. Но какъ Главнокомандовавшій, предвидѣвъ, по опытности, возможность подобнаго положенія, еще до прибытія своего къ корпусу приказалъ съ раннею весною заготовить, сверхъ назначеннаго уже количества, еще нѣкоторое число порціоннаго скота и имѣть особый запасъ спирту независимо отъ опредѣленной порціи, то эта мѣра давала возможность замѣнять отчасти скудность провіанта, такъ что, при неимѣніи его, людямъ было производима усиленная дача мя-

*) Слова приказа по главному дѣйствовавшему отряду, отъ 15-го іюня 1845 года, въ лагерь при сел. Гогатль.

са и отпускалась лишняя винная порція. Впрочемъ, къ чести Русскаго солдата, должно сказать, что, не взирая на существенныя лишенія, при постоянно холодной и дождевой погодѣ, войска ни мало не унывали духомъ; они были тѣми же добрыми воинами Царя православнаго, какъ и всегда. Бѣлявскій, прекрасно умѣвшій дѣйствовать на подчиненныя ему войска, всѣми мѣрами поддерживалъ этотъ воинскій духъ во ввѣренномъ ему авангардѣ.

6-го іюля началось движеніе впередъ къ Дарго — мѣсто-пребыванію Шамяля; наступили замѣчательнѣйшіе дни въ жизни генерала Бѣлявскаго. Ему ввѣренъ былъ авангардъ, составленный изъ:

- 1-го баталіона Литовскаго егерскаго полка,
- 2-го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка,
- 4-хъ орудій горной № 4 батареи,
- роты 5 сапернаго баталіона и
- сстни Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Баталіоны же бригады Бѣлявскаго находились: 1-й Люблинскаго егерскаго полка — въ лѣвой цѣпи, 3-й этого полка — въ главныхъ силахъ, а 2-й Замосецкаго егерскаго полка — въ арріергардѣ. Поэтому, чтобы представить какъ дѣйствія самого Генерала, такъ и войскъ, которыхъ онъ былъ начальникомъ, — хотя и не его бригады, мы войдемъ въ подробности движенія всѣхъ частей отряда къ сел. Дарго и занятія его съ боя *).

*) Отрядъ, кромѣ авангарда, раздѣлялся на правую и лѣвую обходныя колонны, главныя силы и арріергардъ. Составъ этихъ частей былъ слѣдующій:

Правая обходная колонна — назначенная составлять при прохожденіи лѣса правую цѣпь отряда — подъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго:

- 6 ротъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышова полка,
- взводъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона и
- 2-я дружина Грузинской пѣшей милиціи.

Лѣвая обходная колонна — потомъ лѣвая цѣпь отряда — подъ начальствомъ полковника Козловскаго:

- 1-й баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка,
- 1-й баталіонъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышова полка,

Пройдя около 14 верстъ, войска остановились на высотахъ послѣдняго перевала, гдѣ начинается спускъ въ глубокій и лѣсистый оврагъ, отдѣляющій эти высоты отъ долины Дарго. Непріятель, выказываясь нѣсколько разъ изъ лѣсу, обнаруживалъ, что онъ намѣренъ обороняться; впереди, среди дремучаго лѣса, видна была возвышенная поляна, на которой находился лагерь горцевъ, и которая служила ключемъ всей позиціи. Войска имѣли двухъ-часовой привалъ для отдыха, а когда обозъ и арріергардъ стянулись, то, въ часъ по полудни, отрядъ двинулся впередъ.

Главнѣйшій, обозрѣвъ мѣстность и расположе- ніе непріятеля, сколько было видно, приказалъ направить правую обходную колонну для занятія опушки лѣса, мимо котораго, по противоположному скату хребта, пролегла дорога. Начальникъ главнаго дѣйствовавшаго отряда, генералъ отъ инфантеріи Лидерсъ, лично повелъ впередъ роты егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка и Тифлисскую милицію. Онѣ рѣшительно атаковали горцевъ,

засѣвшихъ въ опушкѣ лѣса, и, прогнавъ ихъ, дали возможность авангарду пройти безпрепятственно и приблизиться къ мѣсту, гдѣ дорога входитъ въ лѣсъ и гдѣ находился первый заваль. Здѣсь войска остановлены и выдвинуты два горныя орудія для обстрѣливанія завала. Послѣ двухъ, весьма удачно брошенныхъ гранатъ, непріятель приведенъ былъ въ смятеніе.

Усмотрѣвъ это, Лидерсъ дозволилъ Бѣлявскому съ 1-мъ баталіономъ Литовцевъ штурмовать завалы и Генералъ выбилъ непріятеля.

Далѣе дорога проходить, на протяженіи трехъ или четырехъ верстъ, чрезъ густой вѣковой лѣсъ, по узкому гребню хребта, имѣющему мѣстами ширины не болѣе двухъ сажень, а съ обѣихъ сторонъ крутые глубокіе овраги, также покрытые густымъ лѣсомъ. Представляя на каждомъ шагу весьма трудные спуски и подъемы, дорога эта была преграждена слишкомъ двадцатью большими и малыми завалами, давно приготовленными, устроенными изъ срубленныхъ

взводъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона и
1-я дружина Грузинской пѣшей милиціи.

Главныя силы—подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ключи-фонъ-Клугенау:

всѣ въюки и тяжести отряда,
три роты 5-го сапернаго баталіона,
двѣ роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона,
3-й и 4-й баталіоны Навагинскаго пѣхотнаго полка,
3-й баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка,
2 орудія легкой № 7 батареи 20-й артиллерійской бригады,
6 орудій горныхъ № 1-го, 3-го и 4-го батарей.

Арріергардъ—подъ командою генералъ-маіора Лабинцова:

2-й баталіонъ Замосцкаго егерскаго полка,
3-й баталіонъ Аншеронскаго пѣхотнаго полка,
4 орудія горной № 3 батареи,

Казачи лѣнейныхъ полковъ: Гребенскаго, Моздокскаго и Кубанскаго.

Въ официальныхъ извѣстіяхъ говорится, что конныя милиціи Грузинская, Осетинская, Кабардинская, Дигорская и Эрплинская, *слѣдовавшія въ авангардъ*, должны были, подъ начальствомъ генералъ-маіора Безобразова, занять мѣсто влѣво отъ отряда, съ тою цѣлью, чтобы, если мѣстность будетъ благоприятствовать, вос-

пользоваться ею для быстрого преслѣдованія непріятеля. Но покойный Генералъ, при разсмотрѣніи нашей рукописи, замѣтилъ, что «конная милиція вовсе не находилась при авангардѣ, а осталась при главной колоннѣ; въ дефиле, для овладѣнія завалами, былъ командированъ одинъ лишь только 1-й баталіонъ Литовскаго егерскаго полка, который былъ поддерживаемъ однимъ баталіономъ князя Чернышева полка. Отъ кавалеріи въ лѣсу нѣтъ никакой пользы, а потому и не находилась она при авангардѣ.» На замѣчаніе наше, что, помнится, въ официальныхъ свѣдѣніяхъ такъ было показано, Константинъ Яковлевичъ справедливо замѣтилъ: «въ официальныхъ донесеніяхъ могутъ быть ошибки и промахи, какъ и вездѣ, но эти ошибки не должны входить въ біографію генерала, который, находясь въ живыхъ, свидѣтельствуетъ противное». Пользуясь этимъ случаемъ, повторяемъ нашу искоренительную просьбу къ участникамъ славныхъ дѣлъ Кавказскаго Корпуса—неоставить Редакцію своимъ замѣчаніями: мы не только далеки, чтобы считать наши жизнеописанія совершенными, но напротивъ, съ полною откровенностію сознаемъ, что въ нихъ могутъ быть промахи, неумышленные невѣрности. Кто знаетъ трудности предпріятія, подобнаго нашему, тотъ пойметъ всю невозможность избѣгать ошибокъ. Но дѣло участниковъ или лицъ, имѣющихъ достовѣрныя свѣдѣнія, представить Редакціи возможность исправить невѣрности въ дѣлѣ столь важномъ.

толстыхъ деревьевъ, укрѣпленныхъ насыпною землею и камнями, такъ что почти весь этотъ путь составлялъ непрерывную ткань огромныхъ брусевъ и густыхъ вѣтвей, сваленныхъ другъ на друга и, сверхъ того, мѣстами былъ усиленъ особыми завалами; не только не было возможности двинуться двумя или тремя колоннами, но почти нельзя было обойти ни одного завала, а предстояло брать ихъ съ фронта. Вообще, только съ величайшими усилиями можно было подаваться впередъ, и на каждомъ шагу приходилось выбивать штыками засѣвшихъ горцевъ, которые, между тѣмъ, пользуясь густотою лѣса по обрывамъ съ обѣихъ сторонъ дороги, въ особенности справа, производили непрерывный ружейный огонь и оказывали отчаянное сопротивление.

Но для Русскаго нѣтъ непреодолимыхъ препятствій, — особенно если ими командуетъ начальникъ, заслужившій ихъ довѣренность, подающій лично примѣръ рѣшимости и храбрости. — Таковъ былъ Бѣлявскій. Дѣйствительно, всѣ эти затрудненія оказались ничтожными предъ порывомъ и терпѣніемъ нашихъ войскъ, которыя въ этотъ день оказали новый опытъ примѣрной неустрасимости и усердія.

Помня приказаніе Главнокомандовавшаго не стрѣлять при штурмѣ заваловъ, но брать ихъ холоднымъ оружіемъ, Бѣлявскій такъ и поступалъ. Предводимые имъ Литовцы 1-го баталіона, *истинно съ геройскимъ одушевленіемъ* *), кидались бѣгомъ, безъ выстрѣла, на завалы и брали ихъ, одинъ за другимъ; каждое новое препятствіе, казалось, одушевляло Генерала и егерей на новые подвиги.

Видя, что Литовскій баталіонъ, поддерживаемый только Тифлискою дружиною, овладѣвая каждымъ встрѣчаемымъ заваломъ, могъ ослабѣть въ численности своей и подвергнуться натиску всѣхъ силъ непріятельскихъ, генераль отъ инфантеріи Лидерсъ неоднократно посылалъ ему приказаніе остановиться, — но, говоритъ генераль Бѣлявскій **), *не было никакой возможности удержать стремленіе*

*) Рапортъ Бѣлявскаго Лидерсу отъ 7-го іюля 1845 г. № 41, въ лагерѣ при Дарго.

***) Рапортъ Бѣлявскаго Лидерсу, отъ 7-го іюля 1845 г., № 41, въ лагерѣ при Дарго.

храбрыхъ егерей, какъ только у 5-ю завала, — гдѣ усталость заставила всѣхъ на нѣсколько минутъ пріостановиться.

Здѣсь также нельзя было долго оставаться, потому что непріятель, скрывавшійся на деревьяхъ, вредилъ намъ мѣткими выстрѣлами съ лѣвой стороны оврага, и мы теряли много людей. Бѣлявскій счелъ пужнымъ двинуться еще впередъ. Оставивъ въ этомъ пунктѣ, въ прикрытіе тяжело раненымъ, одну роту, онъ, съ остальными тремя, бросился на шестой завалъ, взявъ его, безъ потери съ нашей стороны, и ожидалъ здѣсь прихода 2-го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка.

Въ то же самое время прибылъ къ Бѣлявскому, съ двумя сотнями пѣшей Горійской милиціи, исправлявшій должность начальника отряднаго штаба, полковникъ Мильковскій, котораго нашъ Генераль просилъ поспѣшить присылкою хотя нѣсколькихъ ротъ 2-го баталіона князя Чернышева полка, и вслѣдъ за тѣмъ прикрылъ милиціею фланги трехъ Литовскихъ ротъ. Бѣлявскій двинулся впередъ, и взявъ штурмомъ седьмой—самый сильнѣйшій завалъ, гдѣ непріятель упорно защищался, слѣдовалъ далѣе.

Литовцы, безъ выстрѣла, бѣгомъ, съ крикомъ « ура! », опрокидывали всѣ слѣдующіе завалы, не давая опомниться непріятелю и, наконецъ, по взятіи 23-го сильнаго завала, пройдя уже три версты, совершенно овладѣли дефилею и выбѣжали, вмѣстѣ съ милиціею, на поляну, представлявшую возможность собраться авангарду, построиться въ колонну и занять опушку лѣса. Тутъ громкимъ неумолкаемымъ « ура! » бросая шапки вверхъ, егеря выражали свой восторгъ, что *такъ славно каждый изъ нихъ исполнилъ долгъ присяги и обязанность русскаго солдата, имѣя между тѣмъ въ виду заслужить, такъ давно утраченное, по несчастію, ихъ товарищами, знамя* *), тогда какъ, съ своей стороны, непріятель, теряя ключъ позиціи, съ которою рѣшалась участь Дарго, сильнымъ ружейнымъ огнемъ поражалъ торжествовавшихъ егерей,

*) Рапортъ Бѣлявскаго Лидерсу, отъ 7-го іюля 1845 г., № 41, въ лагерѣ при сел. Дарго.

взбравшихся на поляну. Этимъ же крикомъ « ура! » сгера поздравляли Бѣлявскаго съ безвреднымъ и счастливымъ выходомъ изъ адскаго ущелья, замѣтивъ на немъ прѣстрѣленные сюртукъ 8-ю пулями и шашку *)).

Дѣланные непріателемъ изъ-за заваловъ залпы, хотя и уменьшили значительно численность авангарда, но быстрая атака заваловъ штыками, безъ выстрѣла, заставила горцевъ очистить укрѣпленную ими заблаговременно, столь неприступную позицію. Однакожъ, не смотря на это, вышло въ славный день изъ авангарда убитыми и ранеными около 90 человекъ. Изъ числа находившихся впереди при генералѣ Бѣлявскомъ, съ охотниками, одинъ штабъ-офицеръ убитъ, а многіе штабъ- и оберъ-офицеры были перераны. Первымъ былъ отрядный оберъ-квартирмейстеръ генеральнаго штаба, храбрый подполковникъ Левисонъ, падшій при взятіи втораго завала, на который ему поручено было вести головной баталіонъ колонны. При взятіи третьяго завала ранены состоявшій при Главнокомандовавшемъ по особымъ порученіямъ поручикъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, — нынѣ генералъ-маіоръ; при взятіи четвертаго — раненъ гвардіи поручикъ Гербель; на пятомъ изъ большихъ заваловъ тяжело ранены командовавшій пѣхотою авангарда полковникъ Семеновъ 4-й, командовавшій 1-мъ Литовскимъ баталіономъ маіоръ Степановъ и того же полка капитанъ Жмайковичъ. У флигель-адъютанта князя Паскевича пуля пробила сюртукъ возлѣ самаго плеча. Многихъ другихъ отъ явной и неизбѣжной смерти спасла только быстрота наступательнаго движенія.

Бѣлявскій видѣлъ, что на этомъ пунктѣ должно окончиться сраженіе. Хотя часть лѣса и была между имъ и Дарго, но непріатель бѣжалъ и поставленная, по приказанію Генерала, Полковникомъ Милковскимъ, за неимѣніемъ артиллеріи, батареи крѣпостныхъ ружей, дѣйствіемъ своимъ увеличивала паническій страхъ горцевъ.

Поэтому Бѣлявскій остановилъ баталіоны Литовскій и князя Чернышева, и дружину, и привелъ ихъ въ порядокъ, занялъ позицію. Выдвинувъ въ тоже время одну роту

*) Сообщено генераломъ Бѣлявскимъ.

по одной и часть милиціонеровъ по другой дорогѣ, ведущей въ Дарго, онъ ожидалъ дальнѣйшія приказанія.

Пока Бѣлявскій приводилъ еще въ исполненіе эти распоряженія, прибылъ на мѣсто сраженія начальникъ штаба войскъ, на Кавказѣ находившихся, генералъ-лейтенантъ Гурко. Поблагодаривъ людей и одобревъ занятую Бѣлявскимъ позицію и расположеніе на ней войскъ, онъ приказалъ оставаться на этомъ пунктѣ до особаго повелѣнія.

Между тѣмъ правая и лѣвая колонны, занимая по дорогѣ лѣсъ и крутизны, гдѣ то позволяла мѣстность, обеспечивали, такимъ образомъ, движеніе главныхъ силъ. Не смотря на дѣятельность и распорядительность начальниковъ и храбрость войскъ, непріатель, частію отброшенный Бѣлявскимъ въ овраги, а частію прибывшій на мѣсто сраженія изъ ближайшихъ ауловъ и отъ вновь стянувшихся партій, скрывался въ густотѣ лѣса и на вершинахъ деревьевъ и производилъ оттуда сильный прицѣльный огонь по войскамъ и саперамъ, которые, находясь въ головѣ колонны, занялись разработкою дороги, разрубая деревья, толщиною въ обхватъ 3-хъ человекъ, и очищая отъ нихъ дефиле.

Но наши храбрыя войска постепенно уничтожали сопротивленіе горцевъ: артиллерія дѣйствовала неутомимо, не смотря на большую потерю въ людяхъ, а пѣхота, казаки и милиціонеры, по временамъ, встрѣчали штыками дерзкаго непріателя, бросавшагося съ гикомъ въ шашки.

Князь Воронцовъ, въ сопровожденіи Его Высочества Принца Александра Гессенскаго, — Августѣйшаго брата Государыни Императрицы, — прибывъ, за 2-мъ баталіономъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, на поляну, занятую авангардомъ, и поблагодаривъ при всѣхъ Бѣлявскаго за успѣхъ дѣла, приказалъ ему, съ двумя находившимися у него баталіонами, 4-мя горными орудіями № 4-го батареи и двумя дружинами Грузинской пѣшей милиціи, двинуться въ долину Аксая и овладѣть Дарго. Хотя отъ этой площадки оставалось до аула еще версты двѣ съ половиною, и лѣсистый спускъ, по которому направлялся отрядъ, идетъ на протяженіи версты по наклонности 45 градусовъ, — что затрудняло немного движеніе, — но разъ сойдя съ крутизны на плоскость и построившись въ боевой порядокъ, авангардъ, съ пѣснями и барабаннымъ

боемъ, быстро преслѣдоваль бѣжавшихъ горцевъ и занявъ пылающую столицу Шамиля.

Лунная ночь, ружейный огонь засѣвшихъ въ кустарникахъ горцевъ, пожаръ Дарго и присутствіе самого Имама на высотахъ лѣваго берега рѣки Акса, съ огромнымъ скопищемъ Татаръ — представляли великолѣпную картину.

Въ 10 часовъ вечера авангардъ, принявъ всѣ мѣры предосторожности и занявъ Дарго, расположился ближе къ неприятелю и на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ въ полдень Шамиль, дѣлая намазъ, по званію имама, возносилъ молитвы къ Аллаху, Бѣлявскій, въ виду самого вождя горцевъ, приказалъ барабанщикамъ ударить вечернюю зорю о прочесть въ войскахъ авангарда «Отче нашъ», — молитву, которую, смѣло можно сказать, каждый солдатъ произнесъ съ душевною благодарностію Всевышнему за побѣду, столь славно одержанную нашими войсками, не смотря на всѣ препятствія и страшную мѣстность, избранную неприятелемъ для своей защиты.

Шамиль и его полчище, находясь въ одной верстѣ разстоянія, видя здѣсь вблизи торжество нашего оружія и малочисленность авангарда, не смѣли, однако же, спуститься съ занимаемыхъ ими возвышеній, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли и готовность и рѣшимость авангарда принять бой и отстоять занятую имъ позицію до прибытія главныхъ силъ отряда.

Въ 11 часовъ прибылъ къ авангарду Главнокомандовавшій, съ одною кавалеріею, и расположился бивакомъ вмѣстѣ съ войсками Бѣлявскаго. Остальныя части отряда спускались по тому же пути въ продолженіе всей ночи. Во время движенія главной колонны по долину Акса, неприятель снова открылъ огонь съ лѣваго берега; но двѣ роты Навагинскаго пѣхотнаго полка штыками выбила горцевъ изъ завала. Аррьергардъ прибылъ только въ 7 часовъ утра на слѣдующій день.

Такимъ образомъ, въ этотъ славный для Русскаго оружія день, выступивъ изъ лагеря при Гогатлѣ, въ 4 часа утра, пройдя около 20 верстъ по самой трудной, гористой, обрывистой и покрытой мрачнымъ лѣсомъ мѣстности, выдержавъ сряду около 8 часовъ упорный бой и преодолевъ почти невѣроятныя препятствія, отрядъ опрокинулъ враговъ на всѣхъ

пунктахъ и взялъ Дарго, — мѣстопробываніе имама. Храбрыя наши войска, всѣхъ чиновъ, званій, — по выраженію Главнокомандовавшаго *), — оказали *новый опытъ примѣрной неустрашимости и усердія*; всѣ затрудненія, представляемая мѣстностію и неприятелемъ, сдѣлались *ничтожными* предъ ихъ порывомъ и неустрашимымъ терпѣніемъ, а храбрый Бѣлявскій, — по тому же отзыву князя Воронцова, — *во все время лично подавалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ неустрашимости*.

Дѣйствительно, съ занятіемъ дефиле прекратились всѣ выстрѣлы со стороны неприятеля, и смѣло можно сказать, что въ день 6-го іюля сраженіе авангарда заставило горцевъ бѣжать со всѣхъ пунктовъ, заблаговременно ими занятыхъ, и доставило возможность всему Чеченскому отряду безпрепятственно и почти безъ выстрѣла прибыть въ селеніе Дарго.

Счастливымъ успѣхъ авангарднаго боя на мѣстности, гдѣ артиллеріи не было возможности дѣйствовать, гдѣ ружейныя выстрѣлы, по густотѣ лѣса, были бы потеряны понапрасну, и гдѣ оставалось дѣйствовать однимъ лишь штыками, должно приписать единственно быстротѣ, рѣшительности и хладнокровію нашихъ солдатъ, для коихъ примѣромъ служили находившіеся впереди штабъ- и оберъ-офицеры, подъ предводительствомъ авангарднаго начальвика, Бѣлявскаго.

Въ этотъ день мы потеряли въ авангардѣ Бѣлявскаго убитыми: штабъ и оберъ-офицеровъ 3 и нижнихъ чиновъ 22; ранеными: штабъ и оберъ-офицеровъ 7 и нижнихъ чиновъ 52.

Вся дорога, начиная со втораго завала до самой площадки, была покрыта ранеными и убитыми изъ авангарда; и главнокомандовавшій, слѣдуя въ головѣ главной колонны, позади авангарда, имѣлъ возможность, на каждомъ шагу, лично убѣдиться, какія предстояли трудности и препятствія, на протяженіи трехъ верстъ, овладѣть укрѣпленными заблаговременно завалами на неприступной мѣстности.

Наградой Бѣлявскому были: отличіе храбрыхъ — дорогой для воиновъ орденъ Св. Побѣдоносца Георгія 3-го

*) Приказъ по Отдѣльному Кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ, 7-го іюля 1845 года, въ лагерѣ при Дарго.

класса, Всемилостивѣйше пожалованный, 9-го августа того же года, «въ воздаяніе, — какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ, — блистательнаго мужества и отличной распорядительности,» оказанныхъ въ этотъ день.

Честь дня наиболѣе принадлежала 1-му баталіону Литовскаго егерскаго полка. Незабвенный Государь Императоръ наградилъ храбрыхъ егерей Всемилостивѣйшимъ дарованіемъ баталіону знамени съ надписью: «за походъ въ Анди и взятіе Дарго» *).

*) Не можемъ отказать себѣ привести здѣсь благодарственное письмо къ генералу Бѣлявскому отъ командира Литовскаго полка, полковника Артамонова, по случаю полученія Высочайшей награды, и отвѣтъ доблестнаго путевода егерей къ заслуженной славы:

«Ваше Превосходительство
Константинъ Яковлевичъ!

Первый баталіонъ вѣреннаго миѣ полка, находившійся подъ командою Вашего Превосходительства въ Ичкеріи противу горцевъ, за храбрость и мужество, оказанныя имъ при взятіи Дарго, нынѣ получилъ Высочайше дарованное знамя, съ надписью «за походъ въ Анди и взятіе Дарго», о чемъ долгомъ считаю увѣдомить Ваше Превосходительство, какъ виновника чести и славы, за побѣдные вышки, вылетѣнные Вами сему баталіону, и Высочайшей награды оному Государю Императору, которую и предоставили висѣть блестящими строками въ неувыдаемый листокъ полковой исторіи. По окончаніи священнаго обряда знамени и всей оному почести, участвующими при церемоніи провозглашенъ былъ третій тостъ за здравіе Вашего Превосходительства съ троекратнымъ ура!... которое повторилось въ рядахъ введеннаго Вами въ бой баталіона, въ память незабвеннаго начальника, прославившаго оружіе онаго.

Излагая о памятномъ семъ и радостномъ для каждаго изъ чиновъ, служащихъ въ то время, подъ лестнымъ начальствомъ Вашего Превосходительства, событіи — имѣю честь сообщить, что полки 5-го пѣхотнаго корпуса, въ 3-мъ баталіонномъ составѣ назначены въ сборъ подъ гор. Елизаветградъ на Высочайшій смотръ, куда должны собраться въ половинѣ іюля мѣсяца сего года.

Примите и проч.

18-го
III 47

Г. Севастополь.

Милостивый Государь
Павель Петровичъ!

Письмо Ваше, отъ 9-го числа марта мѣсяца, я имѣлъ честь получить въ ст. Александровской, лишь только сего 15-го апрѣля, и по-

По отзыву Бѣлявскаго *), — не мало содѣйствовали ему личною своею храбростію и самоотверженіемъ: прикомандированные къ нему флигель-адъютанты: князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій, — достойный сынъ великаго полководца, и графъ Строгановъ — нынѣ полковникъ, и адъютанты князя Воронцова: гвардіи штабсъ-капитанъ Масловъ и поручикъ Дондуковъ-Корсаковъ. Генералъ также свидѣтельствуетъ, что особенно отличился командиръ 2-го баталіона князя Чернышева полка, полковникъ Ранжевскій.

Горійская же пѣшая милиція, подъ начальствомъ капитана князя Эриванскаго, и Тифлисская дружина, подъ начальствомъ

тому до сихъ поръ не успѣлъ Васъ возблагодарить за память обо мнѣ при освященіи знамени съ надписью «за взятіе Дарго,» столь славно заслуженнаго 1-мъ баталіономъ Литовскаго егерскаго полка.

Какъ очевидецъ доблестныхъ дѣлъ и храбрости всѣхъ чиновъ, составляющихъ 1-й баталіонъ Литовскаго егерскаго полка, я душевно радуюсь, что Высочайше дарованное знамя, съ надписью «за взятіе Дарго,» напоминать будутъ всегда во вѣренномъ Вамъ полку тѣхъ, которые съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, встрѣчая на каждомъ шагѣ явную и неизбежную смерть, исполнили свято долгъ присяги, какъ слѣдуетъ Русскимъ воинамъ.

Примѣровъ такихъ, дабы штыками, безъ выстрѣла, взять штурмомъ съ боя укрѣпленную позицію, устоявшую на пространствѣ трехъ верстъ двадцатью тремя сильными завалами и упорно защищаемую непріятелемъ Военная Исторія намъ не представляетъ, но егеря перваго баталіона вѣреннаго Вамъ полка исполнили это 6-го Іюля, и доказавъ, что для славы Русскаго оружія нѣтъ ничто невозможнаго, составили себѣ въ Военной Исторіи память незабвенную!

Горжусь, что имѣлъ честь быть въ дѣлѣ съ такими молодцами, и покорнѣйше просю Васъ, Павель Петровичъ, поздравить отъ имени моего первый баталіонъ Литовскаго егерскаго полка съ Высочайше дарованнымъ имъ знаменемъ, которое такъ славно они заслужили.

Съ истиннымъ и проч.

16-го апрѣля 1847 года
ст. Александровская.

*) Въ рапортѣ Лидерсу отъ 7-го іюля 1845 г., № 41, въ лагерѣ при Дарго.

князя Меликова, содѣйствовали ему также*) при занятіи Дарго. Дворянской сотни подпоручикъ князь Николай Эристовъ, — въ послѣдствіи флигель-адъютантъ, — заслужилъ равно-мѣрно, за свое самоотверженіе, признательный отзывъ Бѣлявскаго.

Съ 6-го по 13-е іюля войска провели въ лагерѣ при Дарго.

Относительно самого генерала Бѣлявскаго, въ теченіе этой недѣли, сказать ничего особеннаго не можемъ; но изъ его бригады: 1-й баталіонъ Люблинскаго и 2-й Замосцкаго егерскихъ полковъ храбро участвовали въ прекрасномъ дѣлѣ 7-го іюля, близъ Цонтери, подъ начальствомъ генераль-маіора Лабынцова, а 3-й баталіонъ перваго и двѣ роты послѣдняго полковъ также хорошо дрались въ дѣлѣ 10-го и 11-го іюля, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Клюки-фонъ-Клугенау, посланнаго на встрѣчу нашимъ транспортамъ.

13-го іюля, въ 4 часа утра, войска выступили изъ Дарго въ обратный походъ, чрезъ Шуани и Аллерой къ укрѣпленію Герзель-Аулу, лѣвымъ берегомъ рѣки Аксея. Честь командовать авангардомъ опять была поручена генералу Бѣлявскому. Войска, ему ввѣренныя, состояли:

Изъ 3-го баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка;
 1-го » Люблинскаго егерскаго »
 2-хъ ротъ 5-го сапернаго баталіона;
 3-хъ ротъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона;
 4-хъ орудій горной № 4-го батареи;
 Осетинской, Кабардинской, Дигорской и Грузинской
 конныхъ милицій.

Остальные баталіоны его бригады входили въ составъ главныхъ силъ, коими начальствовалъ генераль-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау **).

*) Въ рукописи было: *при взятіи заваловъ и занятіи Дарго*; но покойный Генераль вычеркнулъ первую половину фразы.

***) Главныя силы, кромѣ этихъ баталіоновъ, составляли: 1-й баталіонъ Литовскаго егерскаго полка и 5 орудій легкой № 7-го и

Движеніе началось къ позиціи, занимаемой Шамилемъ у Цонтери.

Крутой, глубокой и лѣсистый оврагъ Аксея, чрезъ который пролегала дорога, былъ первымъ и весьма затруднительнымъ препятствіемъ, встрѣченнымъ войсками Бѣлявскаго; но, противу всякаго ожиданія, оврагъ пройденъ почти безъ потери: сосредоточеніе батарей и занятіе праваго берега Аксея стрѣлковымъ баталіономъ прикрыли движеніе авангарда. Бѣлявскій быстро и смѣло занялъ противоположную сторону. 3-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, находившійся въ головѣ, овладѣлъ кладбищемъ; 1-й баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка устремился вправо, выбилъ непріятеля изъ сел. Белгатой и занялъ впереди его лежація высоты. Послѣ этого весь авангардъ расположился на сильной и выгодной позиціи впереди сел. Белгатой, поджидая другія войска.

Пока колонны наши поднимались на противоположный берегъ Аксея, непріятель, выдвинувъ на высоты три легкія орудія, дѣйствовалъ изъ нихъ по войскамъ, прибывавшимъ къ переправѣ. Частію движеніе авангарда, частію же огонь двухъ легкіхъ нашихъ орудій, заставили непріятельскую батарею сняться съ позиціи и удалиться.

Между тѣмъ сильныя партіи горцевъ, оставаясь въ наблюдательномъ положеніи, видны были со стороны Беноя и Дарго, противъ нашего арріергарда, не безпокая впрочемъ его. Когда войска отряда, по мѣрѣ прохожденія чрезъ Аксай, сосредоточивались у Белгатой, толпы горцевъ также собра-

горной №№ 1 и 3 батарей. При этой колоннѣ находились всѣ тяжести и раненые.

Остальныя за тѣмъ войска образовали:

арріергардъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Лабынцова, изъ 1 и 2 го баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, двухъ орудій горной № 3-й батареи и всѣхъ конныхъ казаковъ;

правую цѣпь — подъ начальствомъ полковника Блбикова — изъ 3 и 4-го баталіоновъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, Гурійской милиціи и Тифлисской дружины;

и лѣвую цѣпь — подъ командою полковника Меллера-Закомельскаго, — изъ своднаго баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка и Горійской дружины.

лись на лѣвомъ нашемъ флангѣ, за покинутымъ ими лагерьмъ.

По приближеніи арріергарда къ Белгатою, Бѣлявскій двинулся снова впередъ, по направленію къ Цонтери, перешелъ новый крутой и лѣсистый оврагъ, не будучи съ фронта безпокоимъ непріателемъ. Но, тогда горцы, убѣждаясь въ направленіи нашего движенія, рѣшились дѣйствовать съ нѣкоторою смѣлостію и, выдвинувъ два орудія, направили выстрѣлы ихъ по другимъ колоннамъ и выюкамъ отряда, поднимавшимся на высоты; поставленная съ нашей стороны батарея вскорѣ заставила ихъ замолкнуть.

Наконецъ, съ обычною своею разсудительностію, генераль-маіоръ Лабынцовъ вывелъ арріергардъ, не смотря на сильное сопротивленіе горцевъ.

Такимъ образомъ, послѣ утомительнаго, — особенно чувствительнаго для авангарда, — перехода чрезъ Аксай и слѣдующіе за тѣмъ овраги, отрядъ ночевалъ близъ селенія Цонтери на урочищѣ Кетечъ-Корти (курганъ совѣщаній).

На другой день, 14-го іюля, въ 4 часа утра, отрядъ продолжалъ слѣдовать въ направленіи къ сел. Шуани. Въ авангардѣ Бѣлявскаго 1-й баталіонъ Литовскаго полка замѣнилъ 1-й баталіонъ Люблинскаго, поступившій въ главные силы. Лиговцы были въ головѣ колонны; за ними слѣдовалъ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, двѣ роты саперовъ и 4 горныхъ орудія батареи № 4-го.

Селеніе Цонтери было занято войсками правой цѣпи. Между тѣмъ при входѣ въ переди-лежащій лѣсъ, командовавшій Апшеронцами авангарда подполковникъ графъ Стенбокъ *), получилъ тяжелую рану пулею въ ногу. Дорога шла отсюда влѣво по довольно ровному и открытому лѣсу; отрядъ, имѣвъ только небольшое арріергардное дѣло, прибылъ на поляну предъ ауломъ Урдали. Авангардъ прошелъ селеніе безъ боя.

Непріатель, все еще оставаясь въ недоумѣніи относительно того, какое Русскіе возьмутъ направленіе, къ Маюртуну,

*) Въ официальныхъ извѣстіяхъ о графѣ Стенбокѣ говорится, что онъ при этомъ «съ двумя ротами своего баталіона выбилъ непріателя изъ опушки лѣса». Генераль Бѣлявскій эту фразу вычеркнулъ въ нашей рукописи; — почему — мы не знаемъ.

или къ Герзель-Аулу, тянулся съ кавалеріею и артиллеріею на лѣвомъ нашемъ флангѣ, сообразуясь съ движеніемъ отряда; а сильными пѣхотными толпами занялъ лѣсистый хребетъ горъ, отдѣляющій Урдали отъ Шуани. Когда же движеніе наше къ этому послѣднему пункту ясно обнаружилось, то всѣ конные горцы быстро поспѣшили также занять этотъ хребетъ. Дорога, по которой отрядъ долженъ былъ слѣдовать, — перейдя селеніе Урдали и находящійся за нимъ широкій оврагъ, — поднималась вверхъ по котловинѣ, подъ выстрѣлами образующихъ эту послѣднюю лѣсистыхъ высотъ, занятыхъ многочисленнымъ непріателемъ и усиленныхъ завалами.

Первая наша атака имѣла цѣлію занять высоты, лежащія съ лѣвой стороны дороги. По личнымъ указаніямъ Главнокомандовавшаго, шесть ротъ егерскаго имени его полка, подъ начальствомъ полковника Меллера-Закомельскаго, и Горійская дружина стали взбираться по отвѣсной крутизнѣ лѣистой горы и, съ примѣрною рѣшительностію, атаковали сильные завалы, подъ непрерывнымъ огнемъ горцевъ.

Для поддержанія этого наступленія, Лидерсъ приказалъ Бѣлявскому вести баталіоны Апшеронскій, Литовскій и Люблинскій по дорогѣ вправо. Поднявшись на нѣкоторую высоту и направивъ противъ заваловъ огонь артиллеріи и крѣпостныхъ ружей авангарда, Генераль двинулъ три роты Апшеронскаго баталіона и одну Литовскаго, чтобы содѣйствовать Куринцамъ овладѣть заваломъ праваго фланга непріательской позиціи. Эти роты, дѣйствуя смѣло и рѣшительно, исполнили данное имъ порученіе съ совершеннымъ успѣхомъ. Тотчасъ потомъ Бѣлявскій, съ прочими войсками авангарда, двинулся вправо на гору и вышелъ на поляну, окруженную лѣсистыми высотами, занятыми непріателемъ, засѣвшимъ въ сильныхъ завалахъ, на протяженіи болѣе двухъ верстъ.

Огонь артиллеріи авангарда, крѣпостныхъ ружей и двухъ ротъ саперъ, разсыпанныхъ на полугорѣ, снова былъ направленъ на завалы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лидерсъ отдалъ приказъ взять ихъ штурмомъ. Для этого онъ двинулъ Люблинскій баталіонъ прямо по дорогѣ — для занятія лѣса, а Литовскій — въ обходъ завала съ лѣвой стороны, поручивъ въ тоже время полковнику Бибикову съ правою цѣпью атаковать его справа.

Въ это время Главнокомандовавшей, прибывъ на мѣсто боя и видя упорное сопротивленіе горцевъ въ завалѣ, приказалъ милиціи Бѣлявскаго — Кабардинцамъ, Дигорцамъ и Осетинамъ — спѣшиться и, вмѣстѣ съ двумя ротами саперъ авангарда, итти на завалъ съ фронта, подтвердивъ, чтобы два Навагинскіе баталіона штурмовали его справа.

Одновременное и рѣшительное наступленіе трехъ колоннъ увѣчалось успѣхомъ. Двѣ роты Лиговскаго баталіона, подъ начальствомъ маіора Фрейтага, имѣя впереди себя полковника Альбранта, устремились вправо на завалъ и, взявъ его, оставались тамъ въ ожиданіи Навагинцевъ. При этомъ былъ сильно раненъ въ руку полковникъ Альбрантъ.

Остальная часть авангарда — горсть храбрецовъ, составленная изъ одной роты Аншеронцевъ, роты саперъ и части Литовцевъ, при которой находился самъ Лидеръ, — двинулась по лѣвой дорогѣ въ лѣсъ, по которой долженъ былъ слѣдовать отрядъ. Встрѣтивъ здѣсь горцевъ, войска Бѣлявскаго, съ крикомъ «ура!» и барабаннымъ боемъ, бросились на нихъ и, увлеченные этимъ порывомъ, преодолевая все препятствія, прошли, преслѣдуя непріятеля, около двухъ верстъ дремучаго лѣса, имѣя съ обѣихъ сторонъ непроходимые лѣсистые овраги.

У выхода на поляну находился новый завалъ. Храбрецы, бывшіе съ Бѣлявскимъ, встрѣченные изъ-за завала губительнымъ огнемъ горцевъ, дѣйствовавшихъ съ полуразстоянія ружейнаго выстрѣла, на минуту поколебались. Но, внявъ голосу Генерала, одиннадцать Аншеронцевъ бросились за нимъ въ штыки и, своимъ рѣдкимъ самоотверженіемъ, воспламенили благороднымъ соревнованіемъ и остальныхъ товарищей. Горсть храбрецовъ, изумлявшая непріятеля отважностью своего движенія, заставила горцевъ послѣшно удалиться и быстро скрыться въ устроенный ими, по дорогѣ слѣдованія, другой завалъ, изъ-за котораго наши встрѣчны были сильнымъ огнемъ.

Такимъ образомъ, выходъ изъ Шуанійскаго лѣса остался въ нашихъ рукахъ и войска, какъ главной колонны, такъ и авангарда, могли двинуться изъ него безъ большой потери.

Одиннадцать Аншеронцевъ, столь благородно содѣйствовавшихъ Бѣлявскому броситься на завалъ, защищаемый многочисленнымъ непріятелемъ, были представлены имъ на

другой день Главнокомандовавшему, который, умѣя цѣнить все возвышенное, каждого изъ нихъ наградилъ знакомъ военнаго ордена, столь храбро имъ заслуженнаго *).

При взятіи этого лѣса были *убиты*: командиръ сапернаго баталіона полковникъ Завальевскій, адъютантъ Главнокомандовавшаго штабъ-ротмистръ Лонгиновъ и адъютантъ начальника штаба 5-го пѣхотнаго корпуса ротмистръ графъ де Бальменъ; *ранены*: состоявшій при генералѣ Бѣлявскомъ Генеральнаго Штаба штабъ-капитанъ баронъ Дельвигъ, Генеральнаго Штаба штабъ-капитанъ графъ Гейденъ **).

*) Сообщаемъ приказъ, отданный княземъ Воронцовымъ по Отдѣльному Кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ, отъ 15-го августа 1845 года, въ станціи Червленой, о поступкѣ столь доблестнымъ честныхъ и храбрыхъ солдатъ, вознагражденныхъ по всей справедливости за примѣрное ихъ самоотверженіе:

«14-го Юля сего года, во время слѣдованія главнаго отряда отъ сел. Дарго къ укр. Герзель-Аулу, часть авангарда, подъ командою Генераль-Маіора Бѣлявскаго, была встрѣчена при выходѣ изъ лѣса на Шуанійскую долину губительнымъ ружейнымъ огнемъ горцевъ, занявшихъ, на полуружейный выстрѣлъ отъ головы колонны, хребетъ впереди лежащей возвышенности.

«Смертоносные, неожиданно встрѣченные выстрѣлы непріятельскіе, внезапно остановили малочисленный авангардъ, и когда Генераль-Маіоръ Бѣлявскій, видя необходимость сбить, во что бы то ни стало, непріятеля съ занятой имъ позиціи, откуда наносилъ онъ страшный вредъ авангарду, съ крикомъ «ура!» кинулся впередъ, тогда одиннадцать человекъ храбрыхъ Аншеронцевъ, а именно: Унтеръ-Офицеры: Лаврентій Юзьякъ, Стефанъ Владиміровъ, Іосифъ Стрѣлковскій, рядовые: Иванъ Жерновъ, Игнатъ Наштенко, Марцелль Врублевскій, Яковъ Хорошевъ, Андрей Матроховъ, Стенанъ Перцевъ, Иванъ Гавриловъ и Антонъ Вильчипскій бросились за нимъ на непріятельскій завалъ и примѣрнымъ самоотверженіемъ воспламенили остальныхъ товарищей своихъ, минутно пріостановившихся отъ внезапной встрѣчи смертельно поражавшаго ихъ непріятельскаго огня.

«Наградивъ всѣхъ этихъ храбрецовъ знаками отличія военнаго ордена, я священнымъ долгомъ поставлю особенно благодарить каждого изъ нихъ за столь доблестный подвигъ, о чемъ и объявляю по войскамъ Отдѣльнаго Кавказскаго и 5-го Пѣхотнаго Корпусовъ, предписывая приказъ сей прочесть во всѣхъ ротяхъ, батареяхъ, эскадронахъ и сотняхъ при собраніи всѣхъ воинскихъ чиновъ.»

**.) Нынѣ начальникъ штаба гренадерскаго корпуса.

состоявшій по арміи маіоръ Суходольскій, переводчикъ Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса поручикъ Искендеръ-Бекъ Аджинскій, сапернаго баталіона капитанъ Норовъ, штабсъ-капитанъ Рынгинъ, 2-го резервнаго сапернаго баталіона подпоручикъ Милькуновъ и Апшеронскаго пѣхотнаго полка поручики Масляницкій и Темрасть, Люблинскаго егерскаго поручикъ Козловскій.

Между тѣмъ до выхода еще на Шуанійскую поляну, при внезапно послѣдовавшемъ изъ засады въ лѣсу залпѣ, большая часть малочисленнаго авангарда была, по приказанію генерала Лидерса, свернута въ лѣсъ влѣво. Бѣлявскій, находившійся съ охотниками впереди, не былъ объ этомъ извѣщенъ, и предполагая, что слѣдованіе за нимъ войскъ, находившихся подъ его начальствомъ, продолжается, выйдя изъ лѣсу и увидѣвъ передъ собой завалъ, занятый многочисленнымъ числомъ Татаръ, съ горстью храбрыхъ рѣшился занять эту мѣстность. Послѣдовавшій за тѣмъ залпъ изъ ружей выбилъ изъ фронта убитыми и ранеными 27 человекъ; самъ Бѣлявскій контуженъ двумя пулями въ правую ногу; верхняя его лошадь, на которой онъ ежедневно находился впереди авангарда, ранена подъ нимъ тоже двумя пулями; но оставшіеся 35 человекъ овладѣли заваломъ.

Чтобы не подвергаться еще сильнѣйшей потери людей, необходимо было отложить занятіе слѣдующаго завала до прибытія подкрѣпленія; а потому генералъ Бѣлявскій приказалъ 35-ти человекамъ, оставшимся въ живыхъ изъ числа находившихся съ нимъ охотниковъ разныхъ полковъ, залечь въ занятомъ ими завалѣ и ожидать пока не придутъ на подкрѣпленіе прочія войска его авангарда.

Столь успѣшное овладѣніе укрѣпленною мѣстностію должно приписать собственно рѣшительности произведенной атаки, внушившей непріятелю панической страхъ. Горцы, видя рѣшительность нападенія, полагали увидѣть тутъ же выходящіе изъ лѣсу для поддержки резервы, и потому такъ успѣшно оставили защищаемую ими мѣстность *).

*) Въ официальныхъ извѣстіяхъ говорится объ этомъ вѣсколько иначе и, между прочимъ, сказано, что войскамъ приказалъ залечь въ занятый ими завалъ генералъ Лидерсъ. Но Бѣлявскій самъ изложилъ нама приведенное и утверждаетъ, что это приказаніе отдано

Однако вскорѣ непріятель, опомнившись послѣ быстрого нашего натиска, сильно дѣйствовалъ ружейнымъ огнемъ изъ завала, и отброшенные нами въ овраги горцы снова заняли дорогу, такъ что сообщеніе съ главнымъ отрядомъ на время прекратилось. Главнокомандовавшій, извѣстясь объ этомъ, лично посѣщилъ на мѣсто съ ближайшими частями войскъ, какія можно было собрать отъ колоннъ, штурмовавшихъ правый завалъ. По прибытіи подкрѣпленія, горныя орудія были поставлены противъ этого завала, весьма крѣпкаго, а Апшеронцы и Литовцы направлены прямо на него и принудили непріятеля успѣшно удалиться.

Вслѣдъ за тѣмъ произошло дѣло въ главныхъ силахъ и въ арріергардѣ, кончившееся также въ нашу пользу.

Такимъ образомъ ни крѣпкія, защищенная самою природою и искусствомъ позиціи, ни уперныя дѣйствія горцевъ не въ состояніи были задержать слѣдованія авангарда, пред-

было имъ, ибо Лидерса здѣсь не было. «Прочну вѣрать вышесказанному, — написалъ Бѣлявскій при этомъ на поляхъ рукописи. — Почему же сказано иначе въ донесеніяхъ о семъ изъ отряда, мнѣ неизвѣстно. Біографія моя должна излагать истину и я не могу признать того, чего не было — въ угодность официальной реляціи того времени.» — Возвращая же рукопись въ Редакцію, Константинъ Яковлевичъ, отъ 30-го марта 1858 года, снова написалъ: «Событія 14-го іюля 1845 года, описанныя мною при выходѣ изъ лѣса на Шуанійскую поляну, должно быть начертано точно такъ, какъ мною изложено. Генералъ Лидерсъ, какъ доблестный начальникъ, увѣнчанный толикии побѣдами, будетъ очень радъ прочитавъ нынѣ истину сего событія, — тѣмъ болѣе, что Обзоръ экспедиціи 1845 года*) былъ писанъ въ Штабѣ Кавказскаго Корпуса спустя нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи экспедиціи, и писавшій о семъ происшествіи не находился при ономъ и не сдѣлалъ даже вопроса ни мнѣ, ни генералу Лидерсу, стараясь, какъ видно, изложить только по формѣ свое предположеніе. Я увѣренъ, что истина о случившемся событіи въ авангардѣ 14-го іюля, о которомъ было столько рассказовъ, доставитъ всѣмъ читающимъ и бывшимъ въ этой экспедиціи, а въ особенности генералу Лидерсу, желающему также узнать правду, большую пріятность.»

*) Т. е. Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1845 году, составленный съ Высочайшаго разрѣшенія при Генеральномъ Штабѣ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и напечатанный въ Тифлисѣ, въ типографіи Корпуснаго Штаба, въ 1846 году.

водимого Бѣлявскимъ, а за нимъ и остальныхъ войскъ: отрядъ преодолѣлъ всѣ препятствія, непріятель сбитъ со всѣхъ пунктовъ и разсѣянъ; авангардъ взялъ приступомъ еще двѣ новыя высоты, — при чемъ раненъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка поручикъ Блюмъ и горной артиллеріи № 4-го прапорщикъ Горчиновъ, — а войска наши, имѣя передъ собою бѣгущихъ горцевъ, почти безъ выстрѣла перешли два глубокіе и обрывистые овраги, и расположились на высотѣ, неподалеку отъ селенія Иссаюртъ.

Въ этотъ день пройдено около 12-ти верстъ по трудной мѣстности, непрерывно сражаясь.

Потеря въ авангардѣ была значительна; убито: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 28; ранено: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 9 и нижнихъ чиновъ 102; контужено: самъ Генераль два раза въ правую ногу *) и рядовыхъ 25; безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ 6.

15-го іюля, въ 10 часовъ утра, отрядъ выступилъ по дорогѣ къ сел. Аллерой.

Впереди находился глубокой оврагъ, котораго противоположный лѣсистый берегъ былъ занятъ непріятелемъ. Подъ покровительствомъ сильнаго огня поставленныхъ нами батарей, авангардъ Бѣлявскаго, имѣя кавалерію впереди, двинулся къ этой позиціи, овладѣлъ постепенно тремя высотами и безъ труда заставилъ горцевъ отступать. При этомъ кавалерія, подъ начальствомъ храбраго и рѣшительнаго полковника Витовскаго, способствовала Бѣлявскому принудить непріятеля оставить занимаемую имъ позицію. Горцы

*) О контузій генерала Бѣлявскаго нѣтъ ни слова въ *Обозрѣніи военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1845 г.*; наше показаніе заимствовано изъ формулярнаго о службѣ его списка, гдѣ сказано, что Генераль объ этихъ контузіяхъ имѣетъ свидѣтельство главнаго медика Чеченскаго отряда, отъ 27-го іюля 1845 г., за № 275-мъ, утвержденное подписью генерала Лидерса. «Не знаю, — писалъ намъ Константинъ Яковлевичъ, — почему это упущено изъ виду въ *Обозрѣніи военныхъ дѣйствій за 1845 годъ*; но какъ контузія не помѣшала Бѣлявскому продолжать и далѣе жертвовать собою и командовать авангардомъ, то событіе это и не сочтено важнымъ, а потому, вѣроятно, и не помѣщено въ *Обозрѣніи*.»

предпринимали беспокоить главныя силы, но вскорѣ были сбиты. Авангардъ и отрядъ ночевали у сел. Аллерой.

Въ авангардѣ Бѣлявскаго въ этотъ день было раненыхъ: въ кавалеріи—оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 6; въ пѣхотѣ — нижнихъ чиновъ 17.

Густой туманъ и мелкій дождь, препятствовавшіе въ нѣсколькихъ шагахъ различать предметы, не дозволяли отряду выступить 16-го іюля ранѣе восьми часовъ утра, когда авангардъ двинулся по направленію къ сел. Шаухаль-Берды, имѣя кавалерію сзади.

У крутаго оврага, который слѣдовало пройти, засѣли горцы, дѣйствовавшіе оттуда ружейнымъ огнемъ, но выдвинутыя нами батареи заставили ихъ замолкнуть и разсѣяться, такъ что Бѣлявскій безъ боя занялъ высоты. Съ подъемомъ туда открылся, на большое пространство, молодой, но густой лѣсъ; въ немъ пролегала дорога. Когда главная колонна стянута, то для занятія обширной поляны, находившейся, по увѣренію проводниковъ, впереди, двинута была козница; но встрѣченная непріятельскими выстрѣлами, она остановилась и пропустила впереди войска авангарда Бѣлявскаго.

Послѣднія, пройдя нѣсколько перелѣсковъ и выбивая изъ нихъ штыками непріятеля, — дѣйствовавшего съ обѣихъ сторонъ ружейнымъ огнемъ, — вошли снова въ густой лѣсъ, гдѣ встрѣтили глубокой оврагъ, упорно защищаемый горцами, и узкую извилистую дорогу, по которой намъ надлежало слѣдовать.

Генераль Бѣлявскій съ головнымъ баталіономъ и двумя орудіями пробился сквозъ эту тѣснину и нашелъ новое препятствіе — оврагъ, въ вершинахъ котораго устроенъ былъ заваль, изъ-за котораго горцы поражали проходившія войска меткими фланговыми и навѣсными выстрѣлами.

По этому Бѣлявскій поставилъ батарею изъ горныхъ орудій № 3-го батареи и поручилъ начальнику ея, подполковнику Годлевскому, обстрѣливать картечью направо и налево всю опушку лѣса, до тѣхъ поръ, пока самъ, съ пѣхотою авангарда, не спустится внизъ по покатости дороги и не овладѣетъ заваломъ, устроеннымъ на высотѣ, возлѣ разрушеннаго непріятелемъ мостика.

Сдѣлавъ такое распоряженіе, Бѣлявскій, съ Литовскимъ

и Апшеронскимъ баталіонами, поддерживаемый огнемъ артиллеріи, быстро, съ барабаннымъ боемъ, продолжалъ движеніе впередъ и былъ встрѣченъ у моста на рѣчкѣ Энѣ сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за завала, устроеннаго на недосыгаемой высотѣ слѣва.

Высланные Бѣлявскимъ охотники отъ Апшеронскаго и Литовскаго баталіоновъ, вмѣстѣ съ прибывшими въ послѣдствіи егерями Люблинскаго и Куринскаго полковъ, выбили непріятеля изъ этого завала и обезпечили тѣмъ движеніе главной колонны.

Во время слѣдованія пѣхоты авангарда чрезъ вышеупомянутый лѣсъ, раненъ въ ногу командовавшій Литовскимъ баталіономъ маіоръ Фрейтагъ, но продолжалъ начальствовать ввѣренною ему частію и при дальнѣйшемъ слѣдованіи. Въ то же время былъ раненъ и подпоручикъ Урузекій. Въ этомъ дѣлѣ убито: оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 8, ранено нижнихъ чиновъ 59.

Болѣе прочихъ войскъ понесла уронъ горная артиллерія, содѣйствовавшая своимъ огнемъ движенію авангарда; въ ней былъ убитъ адъютантъ начальника корпусной артиллеріи, поручикъ Квитницкій и нижнихъ чиновъ 2, и ранены: командовавшій батареею подполковникъ Годлевскій, подпоручикъ Ферзель и нижнихъ чиновъ 13.

Рота саперъ, предназначенная для устройства моста, имѣла также значительную потерю; она лишилась убитыми: 2 оберъ-офицеровъ и 7 рядовыхъ, ранено было нижнихъ чиновъ 17 и контужено штабъ-офицеровъ 1 и нижнихъ чиновъ 3.

При обстрѣливаніи работъ саперъ былъ также раненъ завѣдывавшій командою крѣпостныхъ ружей подпоручикъ Богдановичъ и, пулею въ руку, командовавшій кавалеріею авангарда полковникъ Витовскій.

По выходѣ на поляну у Шаухаль-Берды Бѣлявскій остановился, поджидая пока стянута прочія войска. Но двѣ роты саперъ съ двумя горными орудіями, пѣшею Грузинскою милиціею и кавалеріею не могли безостановочно слѣдовать за Бѣлявскимъ, потому что саперы должны были остановиться въ опушкѣ лѣса и на полянѣ, для починки мостика. Здѣсь саперы и артиллерія подвержены были жестокому огню засѣваго въ лѣсу непріятеля, и понесли боль-

шую потерю. Такимъ образомъ сообщеніе одной части войскъ Бѣлявскаго съ другою снова было прервано. Генераль-лейтенантъ Гурко—заступившій мѣсто, съ 14-го числа, заболѣвшаго генерала Лидерса, — неоднократно старался возстановить его движеніемъ свободныхъ частей войскъ на высоты, лежавшія съ лѣвой стороны и даже расположеніемъ на нихъ орудій, съ тою цѣлю, чтобы взять завалы въ тылъ; но какъ успѣшнѣйшему исполненію этого препятствовала мѣстность, то генераль Гурко отправилъ въ подкрѣпленіе передовыхъ войскъ двѣ роты Навагинскаго полка, прибывшія изъ правой цѣпи.

Въ это время Главнокомандовавшій, въ сопровожденіи князя Александра Гессенскаго, собравъ части войскъ, находившіяся подъ рукою, рѣшилъ лично возстановить прерванное сообщеніе и, не взирая на жестокій огонь горцевъ, прибылъ къ авангарду Бѣлявскаго. Во время этого слѣдованія ранены находившіеся при князѣ Воронцовѣ адъютанты: гвардіи поручики Глѣбовъ и князь Васильчиковъ.

За тѣмъ войска наши заняли опушку лѣса съ правой стороны и прекратили убійственный огонь горцевъ по дорогѣ.

Вскорѣ спустилась одна рота егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, а за нею шли и двѣ другія. Между тѣмъ генераль Бѣлявскій, узнавъ о встрѣченномъ затрудненіи у мостика отъ Куринскаго полка поручика Тиханова, прибывшаго къ нему вскорѣ по выходѣ головы авангарда на поляну, тотчасъ командировалъ, съ этимъ самымъ офицеромъ, на помощь нашимъ, сотню охотниковъ изъ баталіоновъ Апшеронскаго и Литовскаго и приказалъ, внезапно появившись, стремительно атаковать Чеченцевъ сзади. Такъ и исполнено. Совокупное наступленіе охотниковъ и Куринскихъ ротъ заставило, наконецъ, непріятеля бросить и послѣдній заваль.

Между тѣмъ какъ это происходило въ авангардѣ Бѣлявскаго, главныя силы и арріергардъ постепенно подавались впередъ, а когда сообщеніе съ авангардомъ было возстановлено, весь отрядъ безостановочно продолжалъ движеніе къ сел. Шаухаль-Берды. Однако горцы не упускали всякаго случая вредить намъ, но были успѣшно отражены генераль-маіоромъ Лабынцовымъ.

Когда главныя силы отряда поднялись на поляну у Шау-

халь-Берды, Бѣлявскій атаковалъ аулъ и, занявъ его, оставилъ въ немъ Апшеронскій баталіонъ съ двумя орудіями; остальная часть отряда размѣстилась вблизи селенія.

17-го и 18-го іюля отрядъ провелъ на этой позиціи, подверженной канонадѣ и ружейному огню горцевъ, въ ожиданіи прибытія отряда Фрейтага. Въ этомъ отрядѣ находились изъ бригады Бѣлявскаго: 2-й баталіонъ Люблинскаго и 1-й Замосецкаго полковъ. Подробности о подвигахъ Фрейтага изложены въ его жизнеописаніи.

Съ приближеніемъ этихъ войскъ, утромъ 19-го, главный отрядъ тронулся изъ лагеря.

Бѣлявскому опять былъ порученъ авангардъ, въ составъ котораго вошли:

1-й баталіонъ Литовскаго егерскаго полка,
рота 5-го сапернаго баталіона,
рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона,
Грузинская пѣшая милиція и
два горныхъ орудія.

Остальные баталіоны его бригады были размѣщены въ главныхъ силахъ, арріергардѣ и лѣвой цѣпи.

Авангарду въ этомъ пути не предстояло особыхъ трудностей со стороны непріятели, потому что арріергардъ удерживалъ горцевъ; по мѣстность, довольно перерѣзанная, затрудняло движеніе, особенно къ вечеру, когда дорогу сильно испортило дождемъ.

Бѣлявскій былъ безпокоимъ горцами только при проходѣ чрезъ оврагъ Джагалъ-Берды, при чемъ раненъ Генеральнаго Штаба капитанъ Прушановскій, — который, поступивъ на мѣсто штабсъ-капитана барона Дельвига, столь усердно содѣйствовавшаго генералу, исполнялъ, съ примѣрною дѣятельностію, обязанность офицера Генеральнаго Штаба во всѣхъ дѣлахъ, бывшихъ въ авангардѣ съ 20-го іюля.

Ночевали войска на урочищѣ Мискитъ, и, на другой день, съ музыкою и пѣсенниками, вошли въ Герзель-Ауль.

Такимъ образомъ кончилась эта славная для Бѣлявскаго экспедиція.

Въ продолженіе движенія отъ Дарго до Герзель-Аула, съ 13-го по 20-е число іюля, сражаясь каждый день, мы потеряли всего: убитыми: 2 штабъ- и 10 оберъ-офице-

ровъ и 282 нижнихъ чиновъ, ранеными: 9 штабъ-офицеровъ, 36 оберъ-офицеровъ и 733 нижнихъ чиновъ; пропало безъ вѣсти 40 чел. нижнихъ чиновъ; сверхъ того контужено: 2 штабъ-офицера, 9 оберъ-офицеровъ и 132 человека нижнихъ чиновъ *). Въ этомъ числѣ изъ войскъ, подчиненныхъ Бѣлявскому, было: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 50; ранено: штабъ-офицеровъ 6, оберъ-офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 177; контужено: нижнихъ чиновъ 23 и безъ вѣсти пропало 10. Самъ генералъ Бѣлявскій былъ контуженъ.

Государь Императоръ, «въ воздаяніе благоволенія Своего, — какъ сказано въ Высочайшей граматѣ, — къ отличнымъ военнымъ подвигамъ», оказаннымъ Бѣлявскому во время этого движенія, въ которомъ, — опять по словамъ граматъ, — «одушевляя войска примѣромъ личной храбрости и неустрашимости, онъ мужественно отражалъ всѣ нападенія многочисленныхъ скопищъ непріятельскихъ», — Всемилоствѣйше наградилъ его, 9-го августа того же 1845 года, золотою шпалою, алмазами украшенною, съ надписью: «за храбрость.»

По словамъ официальнаго рапорта генерала Бѣлявскаго начальнику отряда, генералу отъ инфантеріи Лидерсу **), во всѣхъ изложенныхъ дѣлахъ съ 13-го по 20-е число «усердіе, соревнованіе и самоотверженіе было оказано единодушно отъ рядоваго до генерала. Благородное чувство сразиться съ непріятеlemъ одушевляло всѣхъ одинаково.» По этому многіе изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по представленію Бѣлявскаго, удостоились Всемилоствѣйшихъ наградъ, которыхъ, — говоря словами того же рапорта, — они «такъ справедливо заслужили» въ кровопролитныхъ дѣлахъ авангарда съ 13-го по 20-е іюля.

Нижніе же чины, бывшіе постоянно въ авангардныхъ дѣлахъ, Литовскаго и Апшеронскаго баталіоновъ, по ходатайству Бѣлявскаго, получили на каждую роту по 6-ти, а горная артиллерія въ каждую батарею и каждая рота саперъ по

*) *Обзоръ военныхъ дѣлъ на Кавказъ въ 1845 г.*, стр. 75. Обращаемъ вниманіе на прежнее замѣчаніе о контузій генерала Бѣлявскаго.

**) Стл. 21 го іюля 1845 года, № 69.

4 креста военнаго ордена, которыхъ они, — опять по тому же свидѣтельству, — «вполнѣ заслужили.»

Приведемъ объ этомъ еще замѣтку, сдѣланную самимъ Бѣлявскимъ *).

«Храбрыя и неутомимыя дѣйствія авангардныхъ войскъ Чеченскаго отряда, при взятіи Дарго и дальнѣйшемъ оттуда слѣдованіи, по мѣстности, вездѣ неизмовѣрно трудной, по лѣсистымъ глубокимъ оврагамъ, высокимъ, крутымъ и обрывистымъ скаламъ и горамъ, усѣянными многочисленными толпами отчаянно защищавшагося непріятеля, гдѣ по вѣскольку разъ въ день предстояла необходимость эскалацировать огромной высоты горы, или же спускаться въ овраги, для вытѣсненія оттуда непріятеля; гдѣ часто, за невозможностію употребить въ дѣло артиллерію и даже огонь ружейный, каждый шагъ приходилось брать грудью и штыками, — принадлежать неоспоримо къ ряду высокихъ геройскихъ доблестей и подвиговъ Русскихъ воиновъ, и должны пріобрѣсти имъ историческую воинскую славу.»

«Но и командованіе авангардными войсками постоянно, въ продолженіе самыхъ трудныхъ одиннадцати дней, было дѣломъ весьма и весьма не легкимъ. Подъ градомъ пуль нужно было вести горсть храбрецовъ по мѣстности совершенно неизвѣстной и невыразимо трудной; по мѣстности, гдѣ артиллерія, за неизмѣнимъ дорогахъ и чрезвычайной затруднительности сообщеній, оставалась почти безъ дѣйствія; гдѣ никакая военная тактика, никакія обходныя движенія и другія противъ непріятеля военныя эволюціи не могли быть примѣнимы къ дѣлу, и гдѣ по этому нужно было руководствоваться одними лишь соображеніями, дѣлаемыми на мѣстѣ, дѣйствовать по собственнымъ предположеніямъ и выигрывать дѣло быстротой и рѣшимостью. При томъ, однѣ и тѣ же войска, авангардъ составлявшія, въ ежедневной отчаянной борьбѣ и часто рукопашномъ бою съ многочисленнымъ непріятелемъ, не имѣя въ продолженіе семи дней ни отдохновенія, ни пищи**), истощили всѣ силы; а видя на каждомъ

*) На поляхъ нашей рукописи.

**) Неудачная, такъ названная «Сухарная экспедиція», подъ командою генерала Кюки фонъ-Клугенау, лишила отрядъ послѣднихъ сухарей, ибо горцы отрѣзали намъ все продовольствіе.

Примѣчаніе генерала Бѣлявскаго.

шагу кровавыя жертвы собратій, стали упадать духомъ. По этому начальствовавшему авангардомъ оставалось одно лишь только средство идти впереди всѣхъ — жертвовать собою ежедневно и личнымъ примѣромъ самоотверженія возстановлять въ солдатахъ ослабѣвающую ихъ энергію.

«Богъ, благословляя это искреннее самоотверженіе начальника авангарда, дозволилъ ему благополучно довести ввѣренныхъ ему героевъ до Герзель-аула; а въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, узнавъ обо всемъ этомъ изъ донесеній Главнокомандовавшаго и оцѣнивъ, съ свойственной Его Величеству справедливостію, труды и воинскіе заслуги авангарднаго начальника Чеченскаго отряда, генераль-маіора Бѣлявскаго, изволилъ наградить его, какъ сказали, орденомъ св. Георгія 3-й степени и золотой шпагой съ брилліантами съ надписью: «за храбрость».

Генераль Лидерсъ, въ приказѣ по 5-му пѣхотному корпусу *), объявляя о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи нашему герою св. Георгія и алмазной шпаги, «съ особеннымъ удовольствіемъ» поздравлялъ его съ полученіемъ этихъ высокихъ наградъ, — по словамъ Лидерса, — *вполнѣ имъ заслуженныхъ.*

Но, что должно было радовать Бѣлявскаго, — это извѣстія, приходившія къ нему изъ Петербурга о заслуженномъ имъ прекрасномъ мѣтніи Незабвеннаго Государя. Мы не считаемъ нескромностію — въ дѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о сохраненіи отзываетъ Державнаго Вождя Россіи о подвигахъ Его доблестныхъ войскъ и генерала, — привести здѣсь отрывки изъ писемъ по этому случаю двухъ сотоварищей Бѣлявскаго:

«Мы были на 19-дневныхъ маневрахъ, — писалъ генераль Д., — когда Его Величество получилъ, кажется 2-го августа, вѣсть о дѣлахъ Кавказскихъ героевъ. Это былъ окончательный маневръ. Государь изволилъ прибыть къ головѣ моего полка и, приказавъ начать дѣйствія, ѣхалъ впереди моихъ стрѣлковъ и изволилъ рассказывать, какъ вы съ баталіономъ Литовскаго полка, потерявшаго въ Польскую войну знамя, прошли неустрашимо 23 завала безтрепетно, съ мужествомъ и самоотверженіемъ, достойными подражанія,

*) Въ городѣ Пятигорскѣ, отъ 25-го августа 1845, № 43.

какъ ваша 1-я колонна появилась въ Дарго, съ какою твердостью вы превозмогли всѣ препятствія, — что, наконецъ, за этотъ храбрый поступокъ князь Воронцовъ представилъ васъ *справедливо* къ Георгію 3 степени! — Не выражу вамъ моего чувства при этомъ разказѣ Царя, оно было восторженное, оно было радостное, и, кажется, Государь, замѣтя это, сказалъ: «какъ для меня пріятно слышать эти вѣсти, тѣмъ болѣе что это подвигъ *нашего товарища!*» При этомъ разказѣ Императора Оня безпрестанно удостоивалъ васъ похвалами за безстрашіе и распорядительность. Ура! вамъ любезный другъ и товарищъ! Потомъ Его Высочество Михаилъ Павловичъ, увидѣвъ меня, повторилъ тотъ же разказъ, прибавивъ, что онъ васъ всегда зналъ за славнаго офицера и всегда любилъ васъ. — При этомъ, виновать, я не скрылъ слуха до насъ дошедшаго, — не знаю справедливъ-ли онъ? — будто когда вашему корпусу назначено было идти на Кавказъ, — вы говорили, что не возвратитесь иначе, какъ съ Георгіемъ на шеѣ, и что фортуна въ вашемъ повиновеніи. — Такъ-ли было или нѣтъ, — но слухъ у насъ былъ, и я его помню, и откровенно сообщилъ Его Высочеству. »

«Спѣшу передать тебѣ, безцѣнный другъ Константинъ Яковлевичъ, — писалъ другой пріятель Бѣлявскаго, полковникъ Г.—К., — что дѣйствія твои относятся здѣсь (т. е. въ столицѣ) къ числу самыхъ благоразумныхъ, отважныхъ, рѣшительныхъ и славныхъ, которыми, по справедливости, можешь похвалиться и которыя сами собою заставляютъ каждого говорить о тебѣ съ особымъ уваженіемъ и восторгомъ, ибо, какъ храбрый воинъ, будучи поставленъ на рубежѣ двухъ крайностей, всего надѣяться и все терять, ты вполне осмыслилъ свое высокое назначеніе, что въ подобныхъ случаяхъ, каковы были подѣ Дарго, высотами Стаундука, Шуанпеской полянѣ и при ручьѣ Эне, — одна лишь Спартанская твоя неустрашимость могла быть тебѣ безошибочнымъ руководителемъ къ успѣху и славѣ. Мнѣ разказывали, что одинъ изъ состоящихъ при тебѣ офицеровъ генеральнаго штаба (фамилію котораго я забылъ) писалъ къ своему отцу: что если бы онъ не былъ очевидцемъ благоразумной твоей распорядительности, безпримѣрнаго самоотверженія и мужества, которымъ воодушевлялъ ты своихъ

подчиненныхъ, то никогда бы не повѣрилъ, чтобы съ горстью храбрыхъ можно было побѣдить врага, защищаемого, не говоря уже о лѣсѣ, оврагахъ, но еще и самою неподступною природою. Скажу тебѣ больше: я слышалъ отъ многихъ, что Государь Императоръ, въ лагерѣ, при всемъ сборѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, отозвался о тебѣ слѣдующими словами: «Господа! скажу вамъ пріятную новость, что одинъ изъ вашихъ гвардейскихъ сослуживцевъ — генераль-маіоръ Бѣлявскій — примѣрно отличился на Кавказѣ, за что наградилъ Я его орденомъ св. Георгія 3 степени и шпагою украшенною алмазами.»

По возвращеніи изъ экспедиціи, Бѣлявскій, 7-го октября, назначенъ состоять при Главнокомандовавшемъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, съ состояніемъ по арміи.

Вслѣдъ за тѣмъ, князь Воронцовъ, по обстоятельствамъ края, находя нужнымъ временно поручить особому генералу завѣдываніе военною частію въ Ахалцихскомъ и Александропольскомъ уѣздахъ, избралъ для этого генерала Бѣлявскаго, который и исполнялъ новыя обязанности съ 18-го октября по 20-е ноября того же года, когда, по измѣнившимся обстоятельствамъ, въ особомъ начальникѣ военной части въ обоихъ уѣздахъ уже не предстояло надобности.

Въ предписаніи, о возвращеніи въ Тифлисъ, Главнокомандовавшій объявилъ, что считаетъ пріятнымъ изъявить свою признательность нашему генералу «за точное исполненіе» данныхъ ему наставленій и приказаній по этому порученію.

Въ слѣдующемъ году (1846) на генерала Бѣлявскаго было возлагаемо нѣсколько служебныхъ порученій, какъ по военной, такъ и по гражданской частямъ.

Между прочимъ князь Воронцовъ, «желая чтобы въ войскахъ Кавказскаго Корпуса относительно расходованія солдатскихъ денегъ соблюдался во всемъ одинаковый порядокъ и единообразіе въ правильномъ веденіи ротныхъ денежныхъ шнуровыхъ книгъ, — равно имѣя въ виду, чтобы довольствіе нижнихъ чиновъ всѣмъ слѣдуемымъ отъ казны не только было своевременно, но и производилось съ надлежащею отчетливостію,» — возложилъ весною этого года на нашего героя составить *правила*, которыя, сообразуясь съ Сводомъ Военныхъ Постановленій и нуждами солдата, должны были

находиться въ каждой ротѣ для постояннаго руководства ротныхъ командировъ и частныхъ офицеровъ и для всегдашней извѣстности всѣхъ нижнихъ чиновъ. — Бѣлявскій добросовѣстно исполнилъ это важное порученіе. *Правила о хозяйствѣ въ ротахъ*, имъ составленныя, рассмотрѣнныя и одобренныя Главнокомандовавшимъ, были напечатаны особыми книжками и разосланы по войскамъ, при приказѣ по Отдѣльному Кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ, отъ 14-го апрѣля 1846 за № 118, къ *буквальному исполненію*.

Въ этомъ же году онъ также снова находился въ Чеченскомъ отрядѣ, которымъ тогда командовалъ генерал-лейтенантъ Лабунцевъ. 17-го іюля войска наши были собраны на р. Сунжѣ, а на другой день выступили въ экспедицію. Бѣлявскій, между прочимъ, участвовалъ: 19-го іюля въ перестрѣлкѣ съ горцами, во время движенія къ р. Фортангъ; 21-го при выборѣ мѣста княземъ Воронцовымъ и заложенія укрѣпленія Ачхоевскаго и 21-го сентября — въ перестрѣлкѣ съ Чеченцами колонны, находившейся на фуражировкѣ близъ р. Натлой. 10-го октября отрядъ возвратился на Сунжу и 18-го былъ распущенъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, 9-го ноября, приказомъ Главнокомандовавшаго, Бѣлявскому поручено было командованіе 19-ю пѣхотною дивизіею, на время нахождения въ отпуску начальника ея, генерал-лейтенанта Лабунцева.

Такъ какъ большая часть этой дивизіи была размѣщена на зиму въ центрѣ Кавказской Линіи и во Владикавказскомъ округѣ, то князь Воронцовъ призналъ необходимымъ возложить на Бѣлявскаго и *общее направленіе военныхъ дѣйствій* въ томъ и другомъ изъ названныхъ участковъ края, въ случаѣ если непріятель обратилъ-бы туда главныя свои силы и, по важности обстоятельствъ, потребовались бы совокупныя усилія всѣхъ резервовъ нашихъ, расположенныхъ на этомъ пространствѣ.

«Возлагая на Ваше Превосходительство это важное порученіе, какъ новый знакъ довѣрія моего къ Вамъ, — писалъ Намѣстникъ, увѣдомляя Бѣлявскаго о своемъ распоряженіи *), — я остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что Вы оправ-

*) Отъ 9-го ноября 1846, № 1379.

даете ее съ постоянною Вашею дѣятельностію, усердіемъ и благоразуміемъ.»

Начальствованіе здѣсь Бѣлявскаго продолжалось 10 мѣсяцевъ. Князь Воронцовъ былъ доволенъ его дѣйствіями, что доказывается Всемилоствѣйшимъ пожалованіемъ Константину Яковлевичу, 24-го ноября 1847 года, ордена св. Анны 1-й ст., «въ воздаяніе отличной усердной и ревностной службы, по состоянію при Главнокомандовавшемъ и по Арміи.»

Черезъ 6 дней послѣ этой награды, 30-го ноября, онъ Всемилоствѣйше назначенъ Кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частію.

Дѣятельность Бѣлявскаго на новомъ поприщѣ была благотворна для губерніи, только за годъ предъ тѣмъ (14-го декабря 1846 г.) открытой. Это и не могло быть иначе, принимая въ соображеніе то *благородное усердіе*, которое, по словамъ князя Воронцова *), *всегда сопровождало службу* Генерала, и добросовѣстность его въ исполненіи своихъ обязанностей, и то обстоятельство, что губернія, ему ввѣренная, составляла край еще новый, надѣленный всѣми богатствами природы, въ которой дѣятельности начальника было гдѣ развернуться. Счастливый случай доставилъ въ наши руки множество писемъ, официальныхъ и частныхъ, князя Воронцова къ Бѣлявскому; — всѣ они свидѣтельствуютъ, что Намѣстникъ былъ чрезвычайно доволенъ всѣми дѣйствіями Бѣлявскаго по управленію Кутаисскою губернію; всѣ они поражаютъ проявленіемъ чувства уваженія, которое питалъ доблестный правитель къ своему сотруднику. Не имѣя возможности систематически изобразить управленіе Бѣлявскаго, мы пользуемся отрывками изъ этой переписки, чтобы представить наиболѣе замѣчательныя его дѣйствія.

Самыя первыя донесенія Бѣлявскаго объ обзорѣ губерніи были уже, — по выраженію князя Воронцова, — *преинтересныя и дѣловыя*, сдѣлали Свѣтлѣйшему *истинное удовольствіе*, а *отличная дѣятельность и справедливыи и вѣрный взглядъ*, съ которымъ Константинъ

*) Письмо кн. Воронцова къ Бѣлявскому, отъ 16-го января 1848 года.

Яковлевичъ произвелъ это обозрѣніе, *вполнѣ увѣрили* князя Михаила Семеновича *о всѣхъ выгодахъ*, которыя *прекрасная* эта провинція должна была получить отъ управленія новаго начальника, и *заставляли* Намѣстника *еще болѣе поздравлять* себя съ тѣмъ, что онъ *предложилъ*, Бѣлявскій *принялъ*, а Государь *утвердилъ* назначеніе его въ военные губернаторы *).

«Я заранѣе былъ увѣренъ въ усердіи, правотѣ и дѣятельности вашихъ,—писалъ князь Михаилъ Семеновичъ три мѣсяца позже**),—и съ радостію вижу столь много опытовъ, что я въ этомъ не ошибся.»

Вообще слѣдующіе главные предметы, кромѣ многихъ второстепенныхъ, занимали особенно вниманіе Бѣлявскаго.

Первая потребность для успѣховъ и благоденствія Кутаисской губерніи, — по убѣжденію князя Воронцова ***), — *есть улучшеніе дорогъ и водныхъ сообщеній*. На это Намѣстникъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ предшествовавшихъ управленію Бѣлявскаго, *сильно помогалъ* изъ имѣвшихся въ его распоряженіи суммъ и, въ первыхъ письмахъ къ Константину Яковлевичу ****), далъ обѣщаніе *продолжать по возможности и не скучаясь*.

Константинъ Яковлевичъ, съ своей стороны, съ первыхъ мѣсяцевъ, или, лучше, съ первыхъ дней, занялся дѣятельно улучшеніемъ существовавшихъ и проложеніемъ новыхъ сообщеній сухопутныхъ и водныхъ, которыя, устройствомъ своимъ и отчетливымъ выборомъ направленій, сблизили бы разединенныя части цѣлаго, замѣнивъ затруднительныя, часто на удачу пробитыя тропы, и плаваніе въ каюкахъ, или узкихъ лодкахъ, спокойными дорогами, проложенными, гдѣ только можно, для колесной перевозки, и открывъ по водамъ, очищеннымъ и углубленнымъ, пути для порядочнаго судоходства. Успѣхъ увѣчалъ его заботливость и, не смотря на кратковременность своего управленія, Бѣлявскій сдѣ-

лалъ много по этому предмету и поставилъ городъ Кутаисъ, какъ административный центръ губернскаго управленія, въ ближайшія отношенія съ управленіями уѣздными, и уничтожилъ затруднительность такихъ сношеній во всякое, но особенно въ зимнее время. Въ 1848 году Мингрельцы даже завели тройки съ повозками отъ Морани до Редуть—Кале. Князь Воронцевъ *), *услышавъ объ этомъ съ удовольствіемъ*, считалъ необходимымъ это предпріятіе *одобрить*, *ибо оно очень полезно и послужитъ хорошимъ примѣромъ*.

Судоходство Кутаисской губерніи при вступленіи въ должность Бѣлявскаго существовало въ весьма ограниченномъ объемѣ по Ріону, для сообщенія жителей съ Чернымъ Моремъ. Для этого исключительно употреблялись, какъ замѣтили, каюки. Хотя извѣстно, что р. Ріонъ, по положенію своего русла, представляетъ вездѣ удобный путь не только этимъ туземнымъ лодкамъ, но и плаванію судовъ, сидящихъ гораздо глубже; не менѣе того, встрѣчавшіяся мѣстами карчи, составляли значительное затрудненіе въ усиленіи судоходства. Для устраненія этого помѣшательства и систематическаго изслѣдованія о ложѣ Ріона, состояніи водъ его въ разное время и вообще для обсужденія будущихъ видовъ на Ріонское судоходство, учреждена была, по распоряженію Намѣстника, особая Коммиссія, подъ предѣдательствомъ Бѣлявскаго.

Въ три года Ріонъ, хотя не весь, но въ большей части, былъ очищенъ отъ карчей и другихъ засореній, а для успѣшнаго подъема лодокъ вверхъ по теченію воды устроенъ хорошій бечевникъ. Для плаванія по рѣкѣ, вмѣсто безобразныхъ и неудобныхъ каюковъ, вводились въ употребленіе лодки съ рулемъ, дающія возможность постоянно держаться фарватера во время бечевой тяги.

Ріонъ, на берегахъ котораго лежитъ Кутаисъ, въ направленіи къ Черному Морю, не далеко отъ послѣдняго соединяется, посредствомъ канала, съ рѣкою Цивою, текущею въ р. Хопу, при впаденіи которой въ Черное Море находится городъ Редуть—Кале. По случаю уменьшенія въ зимнее

*) Письмо кн. Воронцова къ Бѣлявскому отъ 25-го февраля 1848 года.

**) Письмо кн. Воронцова къ Бѣлявскому отъ 29-го мая 1848 г.

***) Письмо кн. Воронцова къ Бѣлявскому, отъ 25-го февраля 1848 года.

****) Тамъ же.

*) Письмо кн. Воронцова къ Бѣлявскому отъ 12 го іюля 1848.

время воды въ каналѣ, движеніе судовъ могло бы приостановиться мѣсяца на три, но и это неудобство устранено въ управленіе Бѣлявскаго углубленіемъ канала и содержаніемъ при устьѣ его полушлюза.

Устройство приличнаго порта въ Редуть—Кале и улучшеніе тамошняго лихорадочнаго климата, по мнѣнію Бѣлявскаго, должно было обратить на себя особенное вниманіе начальства. Относительно перваго изъ нихъ, Константиномъ Яковлевичемъ были составлены надлежащія соображенія, а къ отвращенію зловреднаго климатическаго вліянія приняты противодѣйствующія мѣры. Бѣлявскій былъ убѣжденъ, что единственное средство связать Закавказскій край въ торговыхъ отношеніяхъ съ Европою, состоитъ въ направленіи торговаго движенія чрезъ пунктъ, гдѣ находится Редуть—Кале, потому что могущіе приходить въ этотъ портъ купеческіе корабли имѣютъ возможность отправлять привозимые товары вверхъ по Ріону во внутреннія мѣста края, за тѣмъ обратно, чрезъ этотъ же Ріонъ, удобно сплавлять туземныя произведенія для отпуска ихъ за границу. «Осуществленіе этой мысли, — писалъ онъ въ одной изъ своихъ официальныхъ бумагъ, — оживило бы здѣшній край, возбуждивъ дремлющую нынѣ дѣятельность жителей, доставленіемъ случаевъ къ пріобрѣтенію капиталовъ, посредствомъ которыхъ, и неразлучнаго притома просвѣщенія, насаждаемаго всегда и вездѣ торговлею, улучшилось бы хлѣбопашество и размножилась бы обработка естественныхъ произведеній края, столь щедро надѣленнаго растительными отъ природы силами, ожидающими умѣнья и труда для произведенія предметовъ промышленности, для обдѣлки и усовершенствованія ихъ.»

«Достиженіе этой цѣли, — прибавилъ бывшій Губернаторъ, — не можетъ быть соглашено съ лодочнымъ водянымъ ходомъ; великая цѣль требуетъ и средствъ великихъ. На зыбяхъ Ріона должны со временемъ плавать не безобразныя каюки, но благоустроенныя и приспособленныя къ плаванію по этой рѣкѣ купеческія суда. Нужный для навигаціи матеріалъ, каменный уголь, находится въ изобиліи и хорошаго свойства въ близкомъ разстояніи отъ Кутаиса, при сел. Тквибули. Тамъ, по распоряженію Намѣстника, производится уже добываніе каменнаго угля, близъ котораго

открыты признаки желѣзной руды, и потому губернскому городу Кутаису перспектива торговой дѣятельности представляетъ блистательную будущность; ибо городъ этотъ, сдѣлавшись тогда складочнымъ мѣстомъ для привозимыхъ изъ всего Закавказскаго края произведеній, долженъ наполниться жителями, распространиться и украситься, словомъ сказать, возвыситься на чреду города богатаго и промышленнаго.»

Эти блистательныя желанія Константина Яковлевича еще не совсѣмъ исполнились. Но, тѣмъ не менѣе, имъ было положено много благотворныхъ началъ, къ доставленію въ будущемъ того значенія Кутаису, которое принадлежитъ этому городу по географическому его положенію.

Лѣсоводство обращало также особенное вниманіе Бѣлявскаго. Аджаметскій лѣсъ, находящійся близъ Кутаиса, представляющій единственный источникъ снабженія строительными матеріалами губернскій городъ, по совершенному отсутствію въ прежнее время присмотра, находился въ большомъ разстройствѣ. Для отвращенія этого зла составлены были, въ 1848 году, Бѣлявскимъ надлежащія правила о вырубкѣ лѣсныхъ матеріаловъ, по мѣрѣ необходимыхъ нуждъ казны и частныхъ лицъ. Съ тою же цѣлю — сохраненія лѣсовъ—Губернаторъ приглашалъ жителей возводить строенія каменные, вмѣсто деревянныхъ, тѣмъ болѣе, что издержки на первыя, по изобилію камня, не превышаютъ стоимостью послѣднихъ. Тѣ же правила, какъ у Кутаиса, были примѣняемы и къ Гуріи и Ахалцыхскому уѣзду. Сбереженіе казенныхъ лѣсовъ въ первой, по мнѣнію князя Воронцова *), есть предметъ очень важный и заслуживающій полного вниманія, а потому получить соображенія Константина Яковлевича объ этомъ намѣреніи Намѣстникъ былъ очень радъ.

Садоводство очень интересовало князя Воронцова, и за разныя мѣры, принятыя по этому предмету Бѣлявскимъ, Свѣтлѣйшій остался ему *премнога благодаренъ*. «У насъ будетъ, Богъ дастъ, хорошій садъ и огородъ въ Редуть—Кале, и, наконецъ, апельсины и лимоны около Поты,» писалъ къ нему князь Михаилъ Семеновичъ отъ 25-го февраля 1848. «Сорокъ четыре года тому назадъ, при покореніи Мингреліи, князь Циціановъ съ удовольствіемъ говорилъ о

*) Письмо кн. Воронцова къ Бѣлявскому отъ 12-го іюня 1848.

будущихъ у насъ апельсиновыхъ плантаціяхъ; но всѣ начальники послѣ него, видно, считали это дѣло недостойнымъ ихъ вниманія, и не сдѣлали даже ни малѣйшей пробы. Надо намъ воспользоваться тѣмъ, что природа и климатъ намъ представляютъ, и ежели Богъ намъ дастъ успѣхъ, то это будетъ монументъ и для васъ, и плантація эта будетъ носить ваше имя.» Въ Озургетахъ Намѣстникъ желалъ имѣть *лучшіи питомники* для зеленыхъ растений вообще, кромѣ апельсиновъ и лимоновъ, и *школу* для лучшихъ виноградовъ, табаку, шелковицы и пр. и пр. *). Чрезъ мѣсяць **), Князь Воронцовъ писалъ: «Очень Вамъ благодаренъ за присланный планъ Озургетскаго сада и за сдѣланное Вами увеличеніе онаго. Онъ долженъ быть, какъ Вы говорите, разсадникомъ для всего тамошняго края, и я увѣренъ, что, при попеченіи Вашемъ, мы скоро этого достигнемъ. Вы меня уведомите, какъ примутся виноградныя лозы, доставленныя изъ Крыму. С. В. Сафоновъ доставитъ Вамъ ящикъ съ оливковыми деревьями. Большую часть ихъ прикажите посадить въ Озургетъ, а другія, по Вашему усмотрѣнію, въ Кутаисъ, Поті и Редуть—Кале. Нѣсколько деревьевъ, если хотите, можете дать князю Дадіану.» Прошло еще два мѣсяца и Намѣстникъ писалъ ***): «Я съ крайнимъ удовольствіемъ узналъ объ успѣхѣ и надеждахъ апельсиноваго сада въ Поті, и очень радъ буду получить листыя съ деревьевъ, которыя Вы мнѣ посылаете чрезъ П.; это дѣло истинно полезное и которое, кромѣ того, послужитъ украшеніемъ и памятникомъ Вашимъ.» Уведомяя, отъ 12-го іюня, что получилъ съ радостью листки отъ апельсиновой рощи, Князь прибавилъ: «съ крайнимъ нетерпѣніемъ жду минуты видѣть это новое у насъ явленіе, о которомъ болѣе 40 лѣтъ никто не думалъ»; а отъ 8-го іюля, опять прибавилъ: «прошу Васъ сообщить мнѣ партикулярно, что дѣлается по садоводству. Какъ я радъ буду видѣть съ вами вмѣстѣ апельсиновую рощу въ Поті и садовыя школы въ Озургетахъ.»

Шелкъ и табакъ для Имеретіи и Мингреліи суть статьи, о которыхъ, по мнѣнію Воронцова ****), особенно надобно

*) Письмо кн. Воронцова отъ 25-го февраля 1848.

***) Отъ 25-го марта 1848 года.

****) Отъ 29-го мая 1848.

*****) Письмо кн. Воронцова къ Бѣлявскому, отъ 16-го марта 1848.

было *заботиться и которыя, со временемъ, дадутъ большія богатства этимъ двумъ провинціямъ.*

Но, кромѣ этого, и прочія отрасли промышленности, особенно обработка винограда и шелка, занимали Бѣлявскаго. Онъ представлялъ правительству, что однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для благосостоянія жителей должно быть: «устройство отъ казны небольшихъ образцовыхъ фабрикъ, для обработки и улучшенія нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ произведеній, въ особенности шелка и вина, съ употребленіемъ на этихъ фабрикахъ туземцевъ, подъ руководствомъ Русскихъ или иностранныхъ мастеровъ.» Издержки на такія заведенія, — по мнѣнію Константина Яковлевича, — окупались бы продажей издѣлій, а заведенія возбуждали бы подражаніе и охоту со стороны князей и помѣщиковъ, устроить фабрики для собственной пользы, имѣя подъ рукою приспособленныхъ къ тому людей.

При исчисленіи мѣръ, которые Константинъ Яковлевичъ, съ первыхъ мѣсяцевъ своего управленія, признавалъ особенно полезными для улучшенія быта жителей, первую онъ ставилъ: «размноженіе духовныхъ училищъ для образованія достойныхъ священно-и церковнослужителей, равномерно училищъ свѣтскихъ, для преподаванія, по крайней мѣрѣ дѣтямъ князей и помѣщиковъ, первоначальныхъ свѣдѣній въ наукахъ и для обученія туземцевъ русскому языку, — который сроднитъ насъ еще болѣе съ народомъ, душевно намъ преданнымъ.»

Князь М. С. Воронцовъ раздѣлялъ вполне мнѣніе Бѣлявскаго о пользѣ просвѣщенія и, отправляя въ 1850 году въ Кутаисъ В. Н. Семенова, *по важному предмету школъ и училищъ* въ Кутаисской губерніи, писалъ отъ 1 февраля: «Я увѣренъ, Вы поможете ему во всемъ, что отъ Васъ зависитъ, и онъ въ этомъ не сомнѣвается, зная пламенный порывъ Вашего сердца ко всему доброму и полезному; распространеніе ученія въ Имеретіи будетъ однимъ изъ самыхъ благотѣльныхъ результатовъ учрежденія тамъ губерніи. Когда бывшее Царство разжаловано было въ уѣздъ, всѣ предметы и интересы края были понижены; теперь, при Вашей помощи, все должно идти впередъ, и ничего нѣтъ нужнѣе, какъ дать способы благородному и храброму тамошнему дворянству выйти изъ невѣжества.» Это было писано

по случаю радостнаго событія — открытія *гимназіи* въ Кутаисѣ, которое и послѣдовало 12-го февраля 1850.

Великій вопросъ по благотворной волѣ Августѣйшаго Обновителя св. Руси, — занимающій нынѣ всѣхъ въ Отецествѣ, —десять лѣтъ назадъ былъ поднятъ Бѣлявскимъ, который признавалъ крайне полезнымъ изданіе законоположенія для точнаго опредѣленія обязанностей между помѣщиками и крестьянами, такъ какъ въ то время работы, отправляемыя поселянами на помѣщиковъ, а также взносъ оброка денежнаго и вещественнаго, основывались на словесныхъ, совершенно шаткихъ преданіяхъ, что порождало непрерывныя жалобы и неудовольствія между владѣльцами и крестьянами. — Но Константину Яковлевичу не суждено было видѣть исполненія этихъ прекрасныхъ желаній. Онъ считалъ также необходимымъ, для пресѣченія непрерывныхъ споровъ въ земляхъ между Казною, Церковью и частными лицами, — происходившихъ единственно отъ неясности и неопредѣлительности правъ на пространство владѣній, — рассмотреть этихъ правъ, а потомъ размежеваніе земель.

Заботливость Бѣлявскаго о народонаселеніи выразилась также въ попеченіи о *медицинскихъ пособіяхъ*.

Брачебной Управы въ губерніи не было положено и медицинская часть состояла подъ управленіемъ губернскаго врача, имѣвшаго въ 1847 году двухъ помощниковъ въ Озургетскомъ и Ахальцыхскомъ уѣздахъ; уѣзды же Шарапанскій и Рачинскій оставались безъ врачей. Бѣлявскій, въ 1848 году исходатайствовалъ и для нихъ медиковъ. — Вольныхъ аптекъ въ губерніи не существовало: заболѣвавшіе должны были пользоваться лекарствами изъ военныхъ госпиталей, которые, за снабженіемъ собственныхъ больныхъ лекарствами, встрѣчали часто недостатокъ въ доставленіи медикаментовъ постороннимъ лицамъ. По представленіи Бѣлявскаго, въ томъ же году, приглашенъ фармацевтъ для заведенія аптеки въ Кутаисѣ, которая могла бы снабжать и другіе уѣзды.

Диплопроизводство въ Губернскомъ Правленіи, не взирая на многочисленныя занятія, неразлучныя съ организаціею новой губерніи и ограниченный комплектъ служащихъ, Бѣлявскій, при вступленіи въ должность, нашелъ въ удовлетворительномъ положеніи. Не менѣе того, для скорѣйшаго

движенія дѣлъ, онъ счелъ необходимымъ, въ первый же годъ своего управленія, представить Намѣстнику предположенія объ усиленіи его средствъ, — на что и получено было Высочайшее соизволеніе въ началѣ 1850 года.

Въ то же время Бѣлявскій признавалъ одной изъ необходимѣйшихъ мѣръ назначеніе на службу въ Кутаисскую губернію русскихъ чиновниковъ по самой строгой разборчивости о нравственныхъ качествахъ опредѣляющихся, — такъ какъ эти люди представляютъ тамъ примѣръ для туземцевъ.

Въ Самурзаканѣ, принадлежащей къ управленію Кутаисскаго губернатора, возникли было безпокойства въ зиму 1848—1849 года. Бѣлявскій ихъ счастливо прекратилъ и устроилъ здѣсь прочный, основательный административный порядокъ. Первые, сдѣланныя имъ распоряженія уже казались Намѣстнику *) *весьма хорошими*, который надѣялся, что присутствіе Константина Яковлевича въ этой провинціи « послужитъ къ успокоенію жителей и увѣритъ ихъ въ томъ, что всѣ наши мѣры и распоряженія клонились только къ ихъ добру и пользѣ. » Это и дѣйствительно исполнилось.

Въ первый годъ управленія Бѣлявскаго Кутаисскую губернію посѣтилъ доблестный Намѣстникъ. Не считаемъ лишнимъ сохранить здѣсь описаніе части этого путешествія князя Михаила Семеновича, изъ письма очевидца въ Редакцію газеты *Кавказъ*:

« Слѣшу сообщить Вамъ описаніе пріятнаго и замѣчательнаго для насъ, Кутаисскихъ жителей, событія—это: пріѣздъ въ Кутаисъ и пребываніе въ немъ Князя-Намѣстника Кавказскаго и его супруги.

« Городъ Кутаисъ, послѣ неоднократныхъ перемѣнъ въ судьбѣ своей, съ прошлаго 1847 года, какъ вамъ извѣстно, возведенъ на степень губернскаго, по ходатайству Князя-Намѣстника, — на степень, которая вполне соотвѣтствуетъ его историческимъ памятникамъ и преданіямъ, а равно и достоинству бывшаго Имеретинскаго Царства. Главнѣйшая же потребность этого преобразованія была усмотрѣна изъ географическаго положенія, богатства и разнообразія про-

*) Письмо кн. Воронцова отъ 12-го января 1849.

изводительныхъ силъ здѣшней природы, общающихся счастливаю будущность въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ.

«Вѣдъ всякаго сомнѣнія, что въ возраждающемся и, относительно населенія, чрезмѣрно разъединенномъ краѣ, какимъ намъ представляется нынѣ вся Кутаисская губернія, пути сообщенія должны были обратить на себя первоначальное и притомъ самое пристальное вниманіе мѣстнаго Начальства, какъ единственное средство къ сближенію разрозненныхъ частей его жителей. Имѣя эту благую цѣль въ виду, усердные и точные исполнители воли Начальства въ самое короткое время представили уже утѣшительные факты, похвальнымъ образомъ оправдывающіе возложенную на нихъ довѣренность. — Вступая въ границы Кутаисской губерніи, путешественникъ встрѣчаетъ много прекрасныхъ предметовъ, попеременно останавливающихъ на себѣ его вниманіе; не знаетъ: восхищаться ли богатствомъ ея природы, или удивляться превосходно устроеннымъ, всегда почти оживленнымъ людьми, дорогамъ и красивымъ, подобнымъ дачамъ, станціоннымъ домамъ, гдѣ можетъ удовлетворить всѣмъ необходимымъ дорожнымъ потребностямъ. Въ настоящее время можно смѣло и покойно ѣхать, созерцая восхитительныя картины здѣшней природы, въ вѣнской коляскѣ, по тѣмъ самымъ дорогамъ, по которымъ такъ еще недавно и съ трудомъ пробиралась Имеретинская арба, и услышите звуки почтового колокольчика даже и тамъ, гдѣ для выючной лошади представлялось много препятствій. По этому и не удивительно, что весьма многіе, въ послѣднее время, отправляясь въ Россію, избираютъ путь на Кутаисъ, хотя и дальній, сравнительно съ Военно-Грузинскою дорогою, однако жъ, тѣмъ не менѣе, представляющій отсутствіе всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ неудобствъ и опасностей, какія встрѣчаются; въ извѣстныя времена года, при переѣздахъ черезъ Кавказскія горы. Я нахожу весьма кстати здѣсь упомянуть о новомъ и пріятномъ событіи, которое несомнѣнно будетъ замѣчено исторією устройства дорогъ въ Закавказскомъ краѣ: Князь-Намѣстникъ изъ Редуть-Кале, по новопроложенной дорогѣ, черезъ Поты, Св. Николая постъ и Озургеты, *первый въ экипажѣ* прибылъ къ намъ въ Кутаисъ. Многимъ, быть можетъ, это покажется недостовернымъ и въ особен-

ности тѣмъ, которые знали эту дорогу еще въ прошломъ году; но могу увѣрить ихъ, что событіе это дѣйствительное *). Въ Поты Князь-Намѣстникъ осматривалъ маленькую апельсиновую рощу подъ открытымъ небомъ и не требующую того тщательнаго присмотра и ухода, какія необходимы въ душныхъ, перодныхъ по почвѣ и температурѣ оранжереяхъ. Можно надѣяться, что Россія, черезъ два, много черезъ три года, будать имѣть свои собственные лимоны и апельсины **).

«Что сказать вамъ о самомъ Кутаисѣ, который такъ много уже перемѣнилъ свою наружность, разумѣется къ лучшему, со времени возведенія его на степень губернскаго города; о полезныхъ въ немъ учрежденіяхъ и устройствахъ; о его общественной жизни и т. п. предметахъ, подробное описаніе которыхъ слишкомъ далеко завлекло бы меня отъ цѣли настоящаго моего желанія; я хочутолько сообщить вамъ о единодушно восторженной встрѣчѣ кроткими и миролюбивыми Имеретинами того, кому великимъ Монархомъ вѣрена судьба ихъ отчизны; того, чье имя, съ любовью и высокимъ уваженіемъ, произносится всѣми разнородными племенами, обитающими на большомъ пространствѣ между двумя морями—Чернымъ и Каспійскимъ — словомъ, князя Михаила Семеновича Воронцова.

«8-го числа, въ 5-ть часовъ пополудни, прибыла, изъ Зугдидъ, княгиня Елисавета Кеаверьевна Воронцова, въ сопровожденіи Владѣтеля Мингреліи и многихъ почетныхъ Князей и Дворянъ, далеко выѣхавшихъ на встрѣчу за городъ. На другой день, едва лишь возвѣстили о приближеніи Князя-Намѣстника, народъ толпами поспѣшилъ на встрѣчу и, часу въ 8-мъ вечера, Его Сіятельство въѣхалъ въ городъ, сопровождаемый Кутаисскимъ Военнымъ Губернаторомъ, На-

*) Въ Гуріи вовсе почти не знаютъ употребленія арбъ, а потому тамъ до настоящаго времени и не было дорогъ для колеснаго сообщенія. *Примѣчаніе автора письма.*

**) По желанію и распоряженію Князя-Намѣстника доставленныя апельсиныя и лимонныя деревья, посаженныя заботливостью Кутаисскаго Военнаго Губернатора въ началѣ нынѣшняго года, судя по тому, какъ сильно привялись, общають вознаграждать эту заботливость въ скоромъ времени. *Примѣчаніе автора письма.*

чальниками: Главнаго Штаба войскъ Закавказскихъ и Гражданскаго Управленія Закавказскаго Края, и многочисленную свитою, состоявшею изъ почетнѣйшихъ Князей и Дворянъ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи. По прибытіи въ домъ Кутаисскаго Военнаго Губернатора, Его Сіятельство встрѣченъ былъ почетнымъ карауломъ и жителями города — съ хлѣбомъ и солью.

«Городъ въ этотъ вечеръ, какъ и наканунѣ, былъ иллюминированъ неподобно, въ особенности плацъ-парадъ и прелестный бульваръ, едва ли не лучшій въ Закавказскомъ краѣ, устроенный въ нынѣшнему году заботливостью г-на Кутаисскаго Военнаго Губернатора; гора же, по которой пролегаетъ дорога въ городъ, была освѣщена факелами, и, какъ увѣряютъ, видъ въ это время на городъ, съ праваго берега Ріона, и именно съ старой крѣпости, былъ восхитительный. Тихая же погода и звѣздное небо дополняли собою эту дивную картину.

«На другой день, въ 10-ть часовъ утра, Князь-Намѣстникъ принималъ дворянство, Начальниковъ отдѣльныхъ частей и всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, въ городскомъ саду; послѣ чего слушалъ литургію въ здѣшней соборной церкви, а въ 4-мъ часу пополудни, вмѣстѣ съ Княгинею Елисаветою Кеаверьевною и въ сопровожденіи Начальника Гражданскаго Управленія Закавказскаго Края, осматривалъ Женское Заведеніе Св. Нины. За тѣмъ, депутація отъ Князей и Дворянъ просила Ихъ Сіятельства удостоить ихъ откушать хлѣба-соли.

«Въ главной аллеѣ городского сада была устроена галлерея въ 60 сажень длиною, уставленная, почти во всю длину и по обѣимъ сторонамъ столами, оканчивавшаяся съ одной стороны кругомъ на подобіе палатки, со столомъ же, предназначеннымъ для Ихъ Сіятельствъ, свиты и почетнѣйшихъ изъ туземцевъ. Галлерея эта не отличалась своею роскошью, напротивъ, она была очень проста, но внутреннимъ убранствомъ и украшеніемъ нѣкоторыхъ частей, въ общемъ, представляла нѣчто пріятно-оригинальное. Столы, уставленные множествомъ азарпешъ, тасовъ и кулъ, составляли пріятную смѣсь съ подобными же принадлежностями европейскаго стола; люстры, кенкеты и кандеябры весьма искусно были обвиты свѣжими вѣтвями и листьями лавра,

пальмы, рододендрона, плюща и другихъ произведеній богатой и разнообразной мѣстной флоры. Съ обоихъ открытыхъ концовъ, во внутрь галлереи, открывалась чудная, волшебная перспектива.

«Ровно въ 6-ть часовъ сѣли за столъ, за которымъ находилось болѣе 300 человекъ, не включая въ это число приглашенныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. По мѣстному застольному обычаю, начались пѣсни и велѣдъ за тѣмъ заздравные тосты, съ перебрасываніемъ съ одной стороны стола на другую тасовъ, азарпешъ, кулъ и стакановъ. Вотъ летитъ азарпеша: вы дрожите за того, къ кому она адресована; не безпокойтесь — тотъ, съ неимовѣрною ловкостью, не двигаясь съ мѣста, ловить ее на лету, наполняетъ виномъ и опорожнивъ до дна, въ свою очередь, сказавъ кому нибудь изъ сидящихъ на противной сторонѣ «алаверды», пускаетъ ее такимъ же образомъ въ воздушное путешествіе и т. д. Пѣсни, говоръ, остроты и смѣхъ были признаками довольства и чистосердечной радости пирующихъ. Среди этого ликованія, Кутаисскій Военный Губернаторъ, К. Я. Бѣлявскій, провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора и всей Августѣйшей Его Фамиліи, сопровождаемый громкимъ ура! присутствующихъ, и въ то же самое время, обратясь къ Князю-Намѣстнику, сказалъ: «Кутаисская губернія возникла по милостивому предстательству Вашего Сіятельства. Вы осчастливили ее теперь Вашимъ присутствіемъ. Князья и Дворяне, движимые чувствомъ искренней признательности, желаютъ на родномъ своемъ языкѣ изъявить вамъ свою благодарность». Въ одно мгновеніе всѣ обратили свои взоры и напряженное вниманіе на тотъ столъ, за которымъ былъ Князь-Намѣстникъ, и, одинъ изъ почетнѣйшихъ Князей, маститый старецъ, Давидъ Чхеидзе, произнесъ Его Сіятельству слѣдующую рѣчь:

«Болѣе сорока лѣтъ тому, когда я имѣлъ счастье въ первый разъ видѣть особу вашу въ качествѣ соучастника со стороны Россіи по дѣламъ Имеретіи, на томъ самомъ мѣстѣ, которое нынѣ осчастливлено присутствіемъ Вашего Сіятельства, и гдѣ я снова удостоенъ счастья встрѣтить васъ, но уже какъ попечительнаго Начальника и заботливаго отца о благѣ моей родины, столь быстро упрочивающей за собою настоящее и грядущее свое благосостояніе.

« Открытіе губерніи и учрежденіе комиссіи для разбора
« и утвержденія правъ дворянства, навсегда приобрѣли Ва-
« шему Сіятельству глубокую нашу признательность. (Здѣсь
« раздалось троекратное и громогласное: благодаримъ!). Я
« не въ силахъ выразить Вашему Сіятельству тѣ чувства без-
« предѣльной благодарности, какими преисполнены къ Вамъ
« сердца здѣшняго благороднаго дворянства!

« Но пусть любовь и преданность наша къ Престолу, рве-
« ніе и усердіе наше къ выполненію благихъ Вашихъ начер-
« таній для нашего края, послужатъ лучшими и вѣрны-
« ми доказательствами искренности настоящихъ нашихъ
« чувствъ!

« Близкій къ концу жизни моей, я далекъ отъ всякой лести,
« а потому смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что полезныя
« учрежденія въ нашемъ краѣ и мудрое Ваше управление
« нами будутъ памятникомъ не только для насъ, но и для
« нашего потомства. »

« Единодушное и продолжительное ура! огласило галле-
« рею.

« Князь—Намѣстникъ изволилъ на это отвѣтить:

« Благодарю васъ отъ всей души за сдѣланную мнѣ честь:
« пить за мое здоровье. Если я сдѣлалъ что-нибудь для Ку-
« таисской губерніи, то это я исполнялъ только Высочайшую
« волю Государа Императора, Который, не преставаая отечески
« заботиться о всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ, Всемилости-
« вѣйше утвердилъ сдѣланное мною по сему представленіе. Я
« надѣюсь, что образованіе изъ Имеретіи и Гуріи особой гу-
« берніи и комиссіи о разборѣ княжескихъ и дворянскихъ
« родовъ принесутъ краю большую пользу, и считаю себя
« счастливымъ, что, будучи исполнителемъ въ этомъ случаѣ
« священной воли Государа Императора, я могъ сдѣлать для
« васъ пріятное и полезное. Теперь позвольте и мнѣ предло-
« жить тостъ за здоровье Князей и Дворянъ Имеретіи и Гуріи
« и всѣхъ жителей Кутаиса. »

« Вслѣдъ за тѣмъ былъ провозглашенъ тостъ за здоровье
« Княгини Елисаветы Ксаверьевны Воронцовой; при этомъ,
« почтенный Князь Григорій Эристовъ, котораго малолѣтная
« дочь воспитывается въ здѣшнемъ заведеніи Св. Нины, обра-
« тился къ ней съ слѣдующею рѣчью:

« Въ тяжеломъ и многотрудномъ дѣлѣ управленія Его

« Сіятельства обширнымъ краемъ, вы не остаетесь равнодуш-
« ною зрительницею, но проявляете намъ собою достойнѣй-
« шую соучастницу его неисчислимыхъ благодѣяній, рассу-
« паемыхъ имъ на насъ столь щедрою рукою.

« Основаніе Вашимъ Сіятельствомъ у насъ женскаго за-
« веденія Св. Нины есть лучшее тому доказательство, —
« заведенія, коимъ навсегда упрочивается будущее благосо-
« стояніе нашего семейнаго быта, какъ единственнаго и
« главнаго источника общественнаго развитія.

« Ваше Сіятельство! Примите отъ насъ глубокую, душев-
« ную благодарность за малютокъ, дочерей нашихъ, которыя
« уже привыкли, въ молитвахъ своихъ, ко Всевышнему,
« произносить нѣжно ими любимое имя общей виновницы
« настоящаго ихъ благоденствія, да сохранитъ Онъ драго-
« цѣнныя для нихъ дни Ваши, въ мирѣ и счастіи семейномъ
« на многія, многія и многія лѣта! »

« Раздалось громкое и усердное ура! признательныхъ ро-
« дителей.

« По окончаніи обѣда, Ихъ Сіятельства благодарили здѣш-
« нее дворянство, и удалились, въ сопровожденіи свиты, въ
« предназначенные имъ покои. Князя и Дворяне долго еще
« не оставляли стола; снова повторились тосты за здоровье
« дорогихъ гостей и снова начались пѣсви и пляски подъ
« звуки бубенъ.

« Во все это время садъ былъ иллюминированъ и освѣщенъ
« разноцвѣтными фонарями, тамъ и сямъ живописно развѣ-
« шанными по деревьямъ. Группы гуляющихъ туземокъ и Рус-
« скихъ дамъ также долго не могли оставить сада, увлечен-
« нныя чуднымъ вечеромъ и прекраснѣйшею иллюминаціею.

« 11-го числа, княгиня Е. К. Воронцова отправилась по
« тракту въ Тифлисъ, а Князь-Намѣстникъ осматривалъ воен-
« ный госпиталь, присутственныя мѣста и учебныя заведенія;
« 12-го же числа отправился, въ сопровожденіи Кутаисскаго
« Военнаго Губернатора, осматривать Твибульскія каменно-
« угольныя копи, а оттуда, по тракту въ Тифлисъ, напут-
« ствующій благословеніями облагодѣтельствованнаго Его
« Сіятельствомъ края.

« Вездѣ, на вновь устроенныхъ станціяхъ, многочислен-
« нныя толпы поселянъ, въ праздничныхъ нарядахъ, съ хлѣ-
« бомъ и солью, съ лотками, обремененными виноградомъ и

фруктами, плодами и цвѣтами, спѣшили на встрѣчу Ихъ Сіятельствамъ.

«Ясное небо, тихая, теплая погода и наконецъ роскошь зелени и цвѣтовъ въ половинѣ октября, когда у насъ въ Россіи на природу навѣваетъ холодное дыханіе приближающейся зимы и гдѣ люди уже закутываются въ мѣха, — видъ всего этого производилъ въ насъ, Русскихъ, обаятельно-поражающее чувство, и живо напоминалъ намъ картины преданія о земномъ раѣ.

«Вотъ какъ мы встрѣтили и проводили любимаго нами Начальника!»

Что правительство было довольно дѣйствіями Бѣлявскаго, служить доказательствомъ чинъ генераль-лейтенанта, въ который онъ произведенъ 3-го августа 1849 г. со старшинствомъ съ 3-го апрѣля того же года, «въ награду, — какъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ, — усердной и ревностной службы его и въ особенности за отличную распорядительность и принятія своевременно благоразумныя мѣры къ прекращенію возникшихъ въ Самурзаканѣ безпокойствъ и водворенія тамъ спокойствія.»

Увѣдомляя его объ этой наградѣ, князь Воронцовъ изъ Варшавы, отъ 1-го августа 1849 г., писалъ: «Любезный Константинъ Яковлевичъ, спѣшу поздравить Васъ съ чиномъ Генераль-Лейтенанта, который Государю угодно было вамъ пожаловать немедленно и не дожидаясь производства 6-го декабря. . . . *Поздравляю васъ также и съ тѣмъ, что я слышалъ отъ Государя лестныя выраженія Его Величества, что вы будете продолжать съ усердіемъ и пользою служеніе Ваше въ Имеретіи и еще болѣе усилите чувство преданности къ Россійскому престолу храбраго и вѣрнаго Имеретинскаго дворянства.*»

Черезъ семь лѣтъ службы на Кавказѣ, такъ прекрасно проведенныхъ Бѣлявскимъ воиномъ и администраторомъ, онъ, по личной волѣ незабвеннаго Государя, оставилъ край, будучи назначенъ, 1-го іюля 1850 г., начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи.

Приводимъ нѣсколько писемъ по этому случаю отъ князей Чернышева и Воронцова. Сохранять подобныя *документы* о герояхъ Кавказскихъ мы считаемъ *священнымъ* долгомъ.

1) «Государь Императоръ, — писалъ Военный Министръ къ Намѣстнику отъ 30-го апрѣля 1850 года, — имѣя въ виду, что Кутаисскій Военный Губернаторъ, Генераль-Лейтенантъ Бѣлявскій, будучи всегда отличнымъ фронтowymъ офицеромъ, совершилъ на Кавказѣ подвиги особой неустрашимости, за которыя, по ходатайству Вашего Сіятельства, удостоился получить орденъ св. Георгія 3-го класса, изволить признавать полезнымъ для службы поручить сему Генералу командованіе пѣхотною дивизіею. — Но, предварительно окончательнаго распоряженія по сему предмету, Его Величество изволилъ поручить мнѣ спросить Ваше Сіятельство: изволите ли Вы, Милостивый Государь, находить удобнымъ уволить Генераль-Лейтенанта Бѣлевскаго отъ занимаемой имъ нынѣ должности и *уступить* сего Генерала для предполагаемаго Его Величествомъ новаго назначенія. — Ожидая по сему предмету отзыва Вашего Сіятельства для всеподданнѣйшаго доклада, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе» и пр.

2) «Любезный Константинъ Яковлевичъ, — писалъ князь Воронцовъ къ нашему герою, отъ 18-го мая, изъ Шемахи, — посылаю къ вамъ копію съ полученнаго мною съ вчерашнимъ курьеромъ письма отъ Военнаго Министра, изъ котораго вы увидите, какое новое назначеніе Государю Императору угодно дать вамъ. — Вы знаете, какъ люблю и уважаю васъ и какъ желалъ бы продолжать службу съ вами, но лестныя выраженія, которыми изъяснена Высочайшая Государя Императора воля на вашъ счетъ, отнимаютъ у меня все право и возможность противорѣчить въ этомъ случаѣ. Уступая васъ Ему для новаго предназначаемаго вамъ поприща, я вполне чувствую всю потерю для вѣреннаго управленію вашему края, ибо отъ души умѣлъ всегда цѣнить постоянно полезную службу вашу. Но, опять повторю, что выраженія письма Военнаго Министра не позволяютъ мнѣ принимать какіе бы то ни было мѣры для удержанія васъ на настоящей должности, тѣмъ болѣе, что при теперешнихъ обстоятельствахъ новое назначеніе ваше можетъ быть связано съ особенными предположеніями. — Я въ этомъ же смыслѣ отвѣчаю Военному Министру, увѣдомляя его, что препровождаю къ вамъ копію съ лестнаго на вашъ счетъ отзыва Государя Императора. — Прощайте, любезный Кон-

стантинъ Яковлевичъ, не скрываю отъ васъ, сколь при-
скорбно и неожиданно мнѣ разстатся съ вами. Обнимаю
васъ душевно и остаюсь навсегда преданный вамъ К. М.
Воронцовъ.»

3) «Я получилъ, любезный Константинъ Яковлевичъ,
три дня тому назадъ, письмо ваше отъ 30-го мая, — пи-
салъ къ Бѣлявскому Намѣстникъ, отъ 12-го іюня того же
года, изъ Дербента, — и въ тотъ же день послалъ пред-
ставленіе о перемѣнѣ вашей службы, описалъ и самому Го-
сударю и князю Чернышеву всѣ обстоятельства, до васъ ка-
сающіяся: покорность, съ которою приняли вы, лестную
впрочемъ для васъ, Высочайшую волю, не смотря на раз-
слабленіе вашего здоровья и на то, какъ я самъ свидѣтель-
ствую, что вы теперь такъ хорошо и полезно служите въ
Имеретіи; написалъ также, сколько необходимо вамъ помочь
въ семь перемѣщеніи, ибо *вы столь же недостаточны
денежными способами, сколь вы честны и благо-
родны, гдѣ бы вы не служили.*—Надѣюсь, что это все
примется какъ должно; я все-таки буду сожалѣть о вашемъ
отъѣздѣ изъ здѣшняго края, но отказать Государю невоз-
можно, особливо, когда предлагаетъ Свою волю съ такими
лестными выраженіями и такимъ лестнымъ намѣреніемъ.
Для Имеретіи вы будете потеря и мнѣ надобно было поду-
мать къ вамъ замѣнить..... Прощайте, любезный Кон-
стантинъ Яковлевичъ; я съ вами здѣсь не прощаюсь, ибо
или васъ увижу, когда будете ѣхать на новое ваше назна-
ченіе или буду къ вамъ писать. Во всякомъ случаѣ будьте
увѣрены, что я отъ души вамъ желаю всѣхъ благъ и вся-
каго успѣха, не теряю надежды когда нибудь еще съ вами
видѣться и что между тѣмъ остаюсь съ чувствомъ истин-
наго почтенія и привязанности преданный вамъ кн. Ворон-
цовъ.

4) ..... Отъ васъ зависитъ отправиться къ новому
мѣсту вашего служенія, когда и какимъ путемъ вы заблу-
разсудите, — писалъ кн. Михаилъ Семеновичъ, по получе-
ніи Высочайшаго приказа о назначеніи Бѣлявскаго началь-
никомъ 2-й пѣхотной дивизіи, отъ 21-го іюля, изъ Кисло-
водска.—Конечно, для меня было бы гораздо пріятнѣе, ви-
дѣть васъ передъ отъѣздомъ вашимъ, еще разъ лично бла-
годарить васъ за блистательную службу вашу здѣсь на воен-

номъ поприщѣ и за таковую же усердную вашу службу по
гражданской части; но можетъ быть вы найдете, что чрезъ
Редутъ-Кале и Одессу вамъ гораздо ближе и удобнѣе, и въ
такомъ случаѣ позвольте мнѣ, хотя на бумагѣ, еще разъ
сказать вамъ, что я всегда буду чувствовать отъ всей души
вашу честную и полезную службу здѣсь и гдѣ бы вы не бы-
ли, я буду васъ сердечно любить и желать вамъ всякаго
счастія и успѣховъ..... Прощайте, любезный Константинъ
Яковлевичъ, обнимаю васъ душевно и остаюсь навсегда пре-
данный вамъ К. М. Воронцовъ.

Наконецъ, 5) отъ 29-го августа 1850 г. изъ Кисло-
водска, — въ послѣднемъ по числамъ письмѣ, у насъ
имѣющемся, Намѣстникъ писалъ Бѣлявскому: «Я имѣлъ
удовольствіе получить письмо Ваше, отъ 16-го Августа, и
спѣшу Вамъ отвѣчать на оное, что желаніе Ваше мною уже
исполнено, и я писалъ Военному Министру объ испрошеніи
у Государя Императора объявленія Вамъ Высочайшаго благо-
воленія за службу Вашу въ Закавказскомъ Краѣ по званію
Кутаисскаго Военнаго Губернатора. Я вполне увѣренъ, что
въ этомъ отказа не будетъ, и Вы, по всей справедливости,
получите оное. Мнѣ остается теперь только повторить Вамъ
мое искреннее сожалѣніе о томъ, что Вы насъ оставляете, и
увѣрить Васъ, что перемѣна службы Вашей рѣшена была не
мною, а въ С. Петербургѣ. Отъ души желаю, чтобы новое
поприще Ваше доставило Вамъ случай, съ такимъ же отли-
чіемъ служить, какъ служили здѣсь, оставя въ рядахъ храб-
рыхъ войскъ Кавказскаго Корпуса самое прекрасное о себѣ
воспоминаніе. Что лично до меня касается, то я навсегда
сохраню тѣ же чувства моего къ Вамъ уваженія и предан-
ности, въ которыхъ Вы никогда не могли сомнѣваться. Мо-
жетъ быть приведетъ Богъ опять намъ служить вмѣстѣ. —
Княгиня, благодаря Васъ за память, свидѣтельствуетъ Вамъ
усердный свой поклонъ, а я желаю Вамъ счастливаго пути
и прошу вѣрить неизмѣннымъ чувствамъ моего къ Вамъ
уваженія и преданности. К. М. Воронцовъ.»

Высочайшее благоволеніе, о которомъ здѣсь говорится,
объявлено Бѣлявскому, 3-го октября 1850 г., «за отлично-
усердную службу по должности Кутаисскаго Военнаго Гу-
бернатора, засвидѣтельствованную Кавказскимъ Намѣст-
никомъ».

Свѣтлѣйшій Намѣстникъ сохранилъ эти чувства къ Константину Яковлевичу до конца своей доблестной жизни *), хотя не исполнилась надежда Вождя служить имъ вмѣстѣ и, — къ сожалѣнію для нашей славы, — Православному Кавказскому воинству не суждено было сражаться « за Вѣру и Царя », въ брани вскорѣ возгорѣвшейся, подъ знаменами того, которому была знакома дорога къ Парижу.

Командованіе Бѣлявскаго 2-ю пѣхотною дивизіею продолжалось только три года, въ теченіи которыхъ онъ успѣлъ заслужить: Высочайшее благоволеніе, 30-го мая 1851 года, за смотръ и ученіе въ присутствіи Государя Императора и орденъ Св. Анны 1-й ст., Императорскою короною украшенный, Всемилостивѣйше пожалованной, 17-го октября того же года, « за отлично усердную и ревностную службу. »

Въ 1853 году возгорѣлась война сперва съ Турціею, а потомъ и съ Западными Державами. Дѣйствія, открывшіяся на Кавказско-Турецкой границѣ, требовали усиленія войскъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Незабвенный Государь Императоръ отправилъ 18-ю пѣхотную дивизію, назначивъ, приказомъ 7-го ноября, начальникомъ ея генерала Бѣлявскаго. Выборъ этотъ принадлежалъ Самому Монарху, которому нашъ герой былъ извѣстенъ какъ распорядительный и попечительный начальникъ, подававшій полную надежду, что ввѣренныя ему войска, въ своемъ слѣдованіи на Кавказъ форсированными маршами, будутъ сбережены и достигнуть назначенія въ надлежащемъ порядкѣ.

*) За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, князь Михаилъ Семеновичъ, только что тогда возведенный въ санъ генералъ-фельдмаршала, писалъ къ Бѣлявскому: « Москва, 30-го августа 1856. — Не могу Васъ довольно благодарить, любезный Константинъ Яковлевичъ, за дружеское ваше письмо и поздравленіе съ Монаршею милостію. Милость велика и я никакъ таковой не ожидалъ. Жаль только, что я врядъ ли буду когда набуду въ состояніи за оную хотя отчасти заплатить душевно-усердною службою. Княгиня вамъ премного кланяется. Она вмѣстѣ со мною радовалась, что первое поздравленіе, вѣдъ Москвы, съ Высокою наградою я получалъ отъ Васъ. Дай Богъ Вамъ быть здоровымъ и хоть весною мѣ съ Вами опять видѣться и словесно повторить увѣреніе въ истинной моей къ Вамъ привязанности. К. М. Воронцовъ. »

Порученіе это Бѣлявскимъ было исполнено вполнѣ удачно. Первый эшелонъ прибылъ въ Тифлисъ 20, 21, 25 и 27-го марта, послѣдній — 31-го марта, 1, 5, и 6-го апрѣля 1854 года.

Государь Императоръ остался доволенъ и Бѣлявскій за этотъ переходъ изъ Калуги въ Закавказье, съ береговъ Оки на берега Кура и Арпачая, удостоился получить два особенныя Высочайшія благоволенія: 28-го февраля 1854 г. за то, что дивизія слѣдовала въ отличномъ порядкѣ, и что на сбереженіе нижнихъ чиновъ обращено Начальствомъ самое бдительное вниманіе, и 10-го мая того же года, снова за то, что дивизія, съ ея артиллеріею, слѣдовала на Кавказъ въ примѣрномъ порядкѣ, и что какъ полки такъ и батареи, послѣ продолжительнаго похода, совершеннаго ими въ самое ненастное время года, найдены Главкомандующимъ, при прохожденіи ихъ чрезъ Тифлисъ, въ такомъ превосходномъ состояніи, что на людяхъ не видно было и слѣда трудовъ ими перенесенныхъ.

2-я бригада дивизіи Бѣлявскаго, тотчасъ по прибытіи, поступила въ составъ дѣйствовавшаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ и потому слѣдовала изъ Тифлиса безотлагательно въ кр. Александрополь; 1-я же бригада поступила въ составъ этого корпуса только въ послѣдствіи и по частямъ.

Осенняя кампанія 1853 года въ Азіатской Турціи заключилась славнымъ для насъ сраженіемъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ. Турецкія войска, разбитыя на всѣхъ пунктахъ театра войны, отступили къ Карсу и расположились на зимнія квартиры между этимъ городомъ, Ардаганомъ и Эрзерумомъ. Въ теченіи всей зимы они не переставали получать подкрѣпленія, а Англійскіе и Французскіе офицеры формировали и обучали войска, долженствовавшія, съ открытіемъ весны, вторгнуться въ предѣлы Россіи и овладѣть Тифлисомъ.

Къ маю мѣсяцу силы главной Анатолійской арміи, расположившейся лагеремъ подъ стѣнами Карса, возросли до 60,000, независимо отъ корпусовъ въ Батумѣ и Баязетѣ.

Главное начальство надъ этою арміею получилъ Муширь-Зарифъ-Мустафа-Паша; начальникомъ его штаба назначенъ Куршидъ-Паша (Англійскій генераль Гюйонъ), адъютантомъ полковникъ Англійской службы Мефрей. Кромѣ того при Турецкихъ войскахъ состояло нѣсколько европейскихъ генераловъ, какъ то: Кольманъ, Кметги и пр.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда дивизія Бѣлявскаго и два драгунскіе полка прибыли на усиленіе нашего корпуса, перешедшаго съ открытіемъ весны, за р. Арпачай и расположившагося лагеремъ у селеній Кюрюкъ-Дара, Индже-Дара и Пальдерванъ.

Войсками этими командовалъ князь Бебутовъ, а подъ нимъ князь Барятинскій, Багговутъ, Бриммеръ, Кишинскій Чавчавадзе—генералы, подъ предводительствомъ которыхъ храбрые Кавказцы привыкли къ побѣдамъ. Къ нимъ присоединился Бѣлявскій, котораго боевая слава была жива въ рядахъ доблестнаго корпуса. Войска съ нимъ прибывшія и драгуны—полные благороднаго соревнованія, горѣли желаніемъ состязаться въ мужествѣ съ закаленными въ битвахъ своими новыми товарищами.

Между тѣмъ Турецкія войска подвинулись къ нашей границѣ: главныя силы Зарифа-Паши расположились въ лагерѣ при сел. Хаджи-Вали; правофланговый корпусъ наступалъ отъ Баязета къ Эривани, а лѣвофланговый—отъ Батума къ Озургетамъ. Шамиль собиралъ Лезгинъ и Чеченцевъ и готовился ко вторженію въ наши предѣлы. Все предвѣщало борьбу трудную; но войска наши не сомнѣвались въ побѣдѣ и Богъ благословилъ правое дѣло—побѣдой самой рѣшительной. Бѣлявскій имѣлъ честь участвовать въ этомъ громкомъ подвигѣ Русскаго оружія.

Первый ударъ былъ нанесенъ Батумскому корпусу, разбитому на голову при Чолокъ; потомъ Шамиль, съ 20,000 скопичемъ, устремившійся чрезъ Лезгинскую линію, былъ съ потерей отброшенъ въ горы; наконецъ Баронъ Врангель жестоко разбилъ Турокъ, двинувшихся на Эриванъ и овладѣлъ Баязетомъ. Между тѣмъ Анатолійская армія, не смотря на свой тройной перевѣсъ въ силахъ надъ Александропольскимъ отрядомъ, оставалась въ бездѣйствіи, въ

своей крѣпкой позиціи. Прямая атака на нее могла бы стоить намъ много жертвъ, несоразмѣрныхъ даже съ самымъ блестящимъ исходомъ дѣла. Поэтому надобно было, во что бы ни стало, выманить непріятеля въ поле и лишить его выгодъ позиціи. Расположеніемъ нашихъ войскъ въ Кюрюкъ-Дара достигнуто этой цѣли. Упорная стоянка наша стѣснила до крайности фуражировку непріятеля, который, ожидая съ часу на часъ рѣшительнаго нападенія, держалъ постоянно въ сборѣ все свои силы. Наконецъ, Туркамъ оставалось или отступить или атаковать насъ. На военномъ совѣтѣ ихъ было рѣшено: 24-го произвести наступательное движеніе къ Кюрюкъ-Дара, охватить съ фланговъ Русскій отрядъ и отрѣзать его отъ Александрополя.

Превосходство численныхъ силъ давала непріятелю надежду на успѣхъ въ предпріятіи. Въ Анатолійской арміи состояло 45 баталіоновъ (6 баталіоновъ штуцерныхъ), 38 эскадроновъ регулярной кавалеріи, 84 орудія и до 14,000 башки-бузукъ, всего около 60,000 человекъ. У насъ было 19 баталіоновъ, 26 эскадроновъ, 64 орудія и 26 сотенъ иррегулярной кавалеріи, всего менѣе 18 тысячъ человекъ. Въ этомъ числѣ изъ дивизіи Бѣлявскаго находились *):

Рязскаго пѣхотнаго полка	2 баталіона.
Бѣлевскаго егерскаго полка	4 »
Тулскаго егерскаго полка	4 »

Вечеромъ 23-го лазутчики извѣстили, что непріятель готовится къ выступленію; но куда: впередъ или назадъ?—это Турецкія начальства хранили въ глубокой тайнѣ.

По этому, предъ разсвѣтомъ 24-го, главный отрядъ, оставивъ тяжести, подъ охраненіемъ сапернаго баталіона, 10 орудій и нестроевыхъ, выступилъ съ позиціи и двинулся впередъ; но онъ не успѣлъ отойти и 3-хъ верстъ, какъ замѣтилъ движущіяся массы непріятеля. Князь Бебутовъ рѣшился принять сраженіе.

Прикрытая, находившеюся впереди кавалеріею, пѣхота

*) Рязанскій пѣхотный полкъ и 3-й и 4-й баталіоны Рязскаго были расположены въ Тифлисъ и Ахалкалакахъ и потому не имѣли счастья участвовать въ этомъ дѣлѣ.

наша, уже въ виду наступившаго праваго крыла Турецкой арміи, выстроилась въ боевой порядокъ.

Бѣлевскій полкъ сталъ на правомъ флангѣ, лѣвѣе его — Эриванскій Карабинерный, за первымъ — Карабинерный Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича, за вторымъ — Тульскій, оба въ резервномъ порядкѣ; батареи находились въ интервалахъ; Рязкскій полкъ съ обозомъ и паркомъ оставался назади, 6-ть эскадроновъ Драгунскаго князя Варшавскаго полка и Сводный линейный Казачій съ № 6-мъ Донскою батареею были на правомъ флангѣ; остальная кавалерія — въ резервѣ.

Сбившись съ пути во время ночнаго движенія, правое крыло Турецкой арміи только въ 5 часовъ утра выстроилось по окраинамъ лощины, раздѣлявшей его отъ Русскихъ войскъ. Высокая гора Караялъ, — единственный опорный пунктъ поля сраженія, находилась съ лѣвой стороны, перпендикулярно къ нашему фронту. По крутости своихъ склоновъ она неудобна къ маневрированію. Толпы баши-бузукъ покрывали эту гору; а 4 стрѣлковыхъ баталіона при 4-хъ горныхъ орудіяхъ готовились открыть огонь противъ нашего лѣваго фланга. Войска же лѣваго крыла Турокъ были еще далеко.

Желая сохранить самыя опытыя войска для рѣшительнаго удара, князь Бебутовъ поручилъ генераль-адъютанту князю Барятинскому двинуть Бѣлевскій егерскій полкъ и Стрѣлковый баталіонъ съ 7-ю легкою батареею къ горѣ Караялъ, съ приказаніемъ штурмовать ее; а для прикрытія этой атаки справа послалъ драгунскіе полки Великаго Князя Николая Николаевича и Наслѣднаго принца Виртембергскаго, три сотни Донцевъ полка № 20-го и три сотни линейныхъ казаковъ подъ командою полковника Скобелева; послѣднія, впрочемъ, скоро взяты были на правый флангъ.

Начальство надъ этими войсками, назначенными составить лѣвый флангъ нашей боевой позиціи, поручено было Бѣлевскому; чрезъ нѣсколько времени въ его распоряженіе отданъ былъ еще 4-й, а потомъ и 2-й баталіоны Тульскаго полка.

По отбытіи Бѣлевцевъ гренадерская бригада, назначен-

ная для удара противъ непріятельскаго центра, выдвинулась впередъ на окраину лощины.

Для отвлеченія вниманія непріятеля, при началѣ передвиженія этихъ войскъ, въ центрѣ нашего расположенія открытъ, въ 6½ часовъ утра, артиллерійскій огонь, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, впрочемъ, прекратившійся. Разстояніе до непріятеля было слишкомъ велико и Турки, очевидно, поджидали еще свои резервы. Чрезъ нѣсколько времени, около 6 часовъ, Турки взяли на передки и подошли ближе. Канонада загорѣлась съ обѣихъ сторонъ.

Хотя Турецкая армія занимала гораздо большее протяженіе, чѣмъ наша, но, при чрезвычайномъ ея численномъ превосходствѣ, всѣ части линій были сильны. Правый флангъ занималъ вершину горы двумя баталіонами при 4-хъ горныхъ орудіяхъ; далѣе на скатахъ толпились баши-бузукы. Отъ горы дугообразно, примыкая къ центру, стояли во второй линіи отъ 9 до 10 баталіоновъ съ двумя батареями: одна въ 12-ть, другая въ 6-ть орудій; за горой были скрыты нѣсколько полковъ регулярной кавалеріи. Въ центрѣ отъ 18 до 20 баталіоновъ были поставлены въ третьей линіи, съ тремя батареями, изъ которыхъ одна, расположенная ближе къ лѣвой его оконечности, имѣла 18 орудій; за пѣхотою находился кавалерійскій резервъ.

Бѣлевскій двинулся противъ горы съ двумя баталіонами; остальные пять подошли къ нему нѣсколько позже. Кавалерія слѣдовала за пѣхотою. Генераль прошелъ *), подъ огнемъ непріятеля, и поставилъ свои войска противъ оконечностей горы, разсыпавъ впереди штуцерныхъ; Драгунскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая

*) Въ официалномъ описаніи сраженія сказано, что Бѣлевскій двинулся съ пятью баталіонами, остальные два подошли послѣ и прибавлено, что онъ прошелъ «позади 1-й линіи.» Но, — «когда генераль Бѣлевскій, — приписалъ Константинъ Яковлевичъ на поляхъ нашей рукописи, — двинулся на лѣвый флангъ съ двумя баталіонами первой линіи, то войска наши дѣйствующіе не были выстроены по порядку въ двѣ линіи и потому баталіоны, назначенные на лѣвый флангъ, шли подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей, а не позади 1-й линіи.»

Николаевича полкъ выдвинулся правѣ его на поле, лежащее у оконечности горы. Непрiятель открылъ противъ этихъ войскъ артиллерійскій огонь съ трехъ сторонъ: съ горы, съ большой батареи своего праваго фланга, и съ другой еще правѣ отъ насъ, пронизывавшій вдоль наши колонны. Штуцерные его, засѣвшіе за камнями горы и разсыпанные предъ баталіонами, поражали мѣткимъ огнемъ нашу пѣхоту и кавалерію.

Видя ясно, наконецъ, расположеніе непрiятеля, князь Бебутовъ долженъ былъ оставить намѣреніе штурмовать гору: густыя Турецкія линіи, стоявшія у подошвы ея, всегда могли остановить нашу атаку однимъ фланговымъ захожденіемъ. Поэтому генераламъ Бѣлявскому и Багговуту, — управлявшимъ движеніемъ, — было приказано: не обращая вниманія на гору, отбить только войска, стоявшія у подошвы ея; Турки, занимавшіе вершину, должны были остаться на горѣ совершенно безвредно для насъ.

Исполняя приказаніе, Бѣлявскій зашелъ лѣвымъ плечомъ впередъ и, поставивъ противъ оконечности горы 7-ю легкую батарею подъ прикрытіемъ одного Тульскаго и одного Бѣлевскаго баталіоновъ, самъ расположился правѣ съ пятью баталіонами (тремя Бѣлевскими, однимъ Тульскимъ и стрѣлковымъ); двѣ роты стрѣлковъ, разсыпанные впереди линіи, и хорошо направленное дѣйствіе 7-й легкой батареи тотчасъ же уравновѣсили нашъ огонь съ непрiятельскимъ.

Какъ только выдвинутая впередъ пѣхота дала нашей кавалеріи опорную точку, генералъ Багговутъ, — начальствовавшей всею кавалерію отряда, — тотчасъ же приказалъ Драгунскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полку атаковать главную батарею праваго непрiятельскаго фланга, причинявшую намъ чрезвычайно большія потери. Турки не выдержали молодецкой атаки и главная батарея приведена въ совершенное бездѣйствіе.

Видя стремительную атаку драгуновъ, Турки хотѣли отвлечь ее натискомъ съ своей стороны на сосѣдній пунктъ. Осыпавъ снарядами Бѣлевскія колонны, непрiятель двинулся на нихъ три штуцерные баталіона, а правѣ, у подошвы горы — уланы.

Бѣлевцы и Тульцы стояли твердо *). Но генералъ Бѣлявскій, атакованный одновременно пѣхотою и кавалеріею, осыпавый картечью, долженъ былъ принять бой оборонительный. Турецкіе штуцерные баталіоны, поддержанные всею линію, шли впередъ съ рѣдкою отвагою; стрѣлковая цѣпь ихъ сыпала коническія пули въ наши колонны. Одна минута, можетъ быть, была сомнительна. Но тутъ стоялъ непобѣдимый Драгунскій полкъ Наслѣднаго Принца Виртембергскаго. Онъ ринулся на линію Турецкихъ штуцерныхъ и осадилъ ее съ-разу; однако непрiятельскіе баталіоны стояли дѣйствительно какъ львы; кавалерія ихъ поддерживала. Произошла страшная свалка. Драгуны Великаго Князя Николая Николаевича вышли на помощь Нижегородцамъ; но и имъ предстояло много работы.

Это кавалерійское дѣло было еще во всемъ разгарѣ, когда постепенно усилившійся напоръ непрiятеля на нашъ правый флангъ, и постоянно прибывавшіе массы его, заставили князя Бебутова вызвать съ лѣваго фланга генерала Багговута и поручить ему правый флангъ. Генералъ Багговутъ повелъ съ собою дивизионъ драгуновъ Великаго Князя Николая Николаевича, три сотни Донскаго № 20-го полка и конно-ракетныя команды.

*) Въ официальномъ извѣстіи сказано только «Бѣлевцы», — но Бѣлявскій въ нашей рукописи прибавилъ «и Тульцы». Въ официальномъ извѣстіи прибавлено также, что Бѣлевцы находились «подъ начальствомъ временно командовавшаго полкомъ, извѣстнаго на Кавказѣ, полковника Ольшевскаго» и что «наши стрѣлки, сомкнутые въ кучки, остановили уланъ съ разу.» Константинъ Яковлевичъ зачеркнулъ эти фразы и на полѣ написалъ: «Генералъ Бѣлявскій, командуя лѣвымъ флангомъ боевой линіи, сначала сраженія и до конца находился впереди первой линіи, распоряжался и передавалъ приказанія, въ ожиданіи прибытія къ нему двухъ баталіоновъ, долженствующихъ поступить во вторую линію, — но не видѣлъ никакихъ особыхъ и замѣчательныхъ дѣйствій полковника Ольшевскаго, который, состоя въ командѣ Бѣлявскаго, не могъ и шагу сдѣлать безъ его приказанія, а потому и не можетъ нынѣ свидѣтельствовать то, чего не было и соглашаться съ реляціей, писанной въ Корпусномъ Штабѣ спустя мѣсяць послѣ сраженія.»

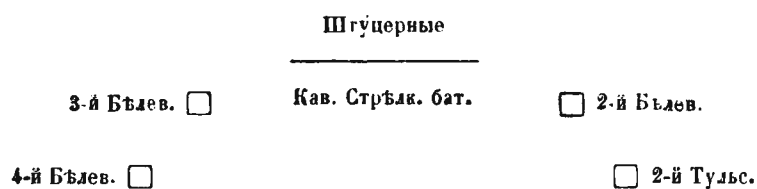
Между тѣмъ Бѣлявскій обратилъ весь огонь противъ Турецкихъ улановъ, постоянно насѣдавшихъ на него изъ-за подошвы горы. Ему трудно было двинуться, подставляя свой флангъ кавалеріи. Не обращая вниманія на огонь, сыпавшійся сверху, Генераль обратилъ все дѣйствіе своей артиллеріи и стрѣлковъ на Турецкихъ улановъ, и когда, наконецъ, они скрылись за горою, три Бѣлевскіе и одинъ Тульскій баталіоны и стрѣлки, предводимые лично генераломъ Бѣлявскимъ *), двинулись, безъ выстрѣла, въ штыки на непріятельскую пѣхоту. Турки заколебались и поспѣшно стали отвозить орудія. Драгуны Наслѣднаго Принца Виртембергскаго бросились въ послѣдній разъ и смяли разстроенную линію. На всемъ своемъ правомъ флангѣ въ 8 часовъ утра Турки дали тылъ.

Довольствуясь отбитіемъ праваго непріятельскаго фланга, и зная, что побѣда должна рѣшиться не въ этомъ пунктѣ, Князь Бебутовъ приказалъ генералу Бѣлявскому не увлекаться дальнимъ преслѣдованіемъ, и какъ только непріятель будетъ отброшенъ, войти правымъ крыломъ въ связь съ подвигавшимся впередъ центромъ, — что и было имъ исполнено, лишь только правое Турецкое крыло отступило. Засѣвшіе на горѣ баталіоны скрылись за возвышенностію и притаились тамъ; а когда войска нашего лѣваго фланга, вслѣдъ за отступившимъ непріателемъ, ушли далѣе, они, потихоньку, спустились съ другой стороны горы, и убѣжали къ Огузьямъ, въ сторону отъ линіи отступленія своей арміи.

*) Въ официальномъ извѣстіи прибавлено «и полковникомъ Ольшевскимъ.» Бѣлявскій вычеркнулъ это и написалъ на полѣ: «Полковникъ Ольшевскій находился лишь при одномъ изъ баталіоновъ временно-командуемаго имъ полка, но не предводительствовалъ и не распоряжался наступательнымъ движеніемъ колонны, составленной изъ пяти баталіоновъ и находившейся подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго. Каждый изъ баталіонныхъ командировъ, бывшихъ въ то время на лѣвомъ флангѣ со вѣренными имъ баталіонами, исполнялъ тоже самое, что и полковникъ Ольшевскій — однако же они не были въ реляціи помѣщены — и, находясь впереди своихъ баталіоновъ, по данному сигналу *Наступленія*, слѣдовали впередъ подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго.»

Теперь перейдемъ къ изложенію дѣйствій въ остальныхъ частяхъ нашихъ линій, въ той степени, сколько это необходимо для изображенія подвиговъ остальныхъ баталіоновъ дивизіи Бѣлявскаго.

Вотъ порядокъ расположенія баталіоновъ, начертанный генераломъ Бѣлявскимъ.

Съ отбитіемъ праваго фланга Бѣлевскаго полка, гренадерская бригада, какъ уже сказано, заняла боевыя линіи въ центрѣ съ тремя батарейными батареями 18-й артиллерійской бригады. Въ резервѣ, за лѣвымъ флангомъ нашего центра, стояли два Тульскія баталіона (1-й и 3-й) съ 1-ю легкую батарею Кавказской артиллерійской бригады. Наконецъ съ обозомъ и запаснымъ паркомъ оставались сзади два Рязскіе баталіона.

Возвращая рукопись, Константинъ Яковлевиъ объ этомъ еще написалъ:

«Сказанное мною о полковникѣ Ольшевскомъ есть истина неопровержимая, — ибо въ день сраженія при Кюрюкь-Дара онъ стоялъ у меня въ командѣ, и я ближе могъ судить и видѣть его дѣйствія, нежели чиновники Корпуснаго Штаба, описывавшіе это сраженіе по встеченіи мѣсяца и не бывшіе у меня на лѣвомъ флангѣ боевой нашей линіи.»

Какъ только генераль Бѣлявскій началъ дѣло на лѣвомъ крылѣ и драгуны понеслись въ атаку, князь Бебутовъ рассчитывая, что съ этой стороны мы пока обезпечены, двинулъ впередъ центръ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Бриммера. Непріятель въ этомъ мѣстѣ былъ сильнѣ насъ въ-четверо.

Въ непродолжительномъ времени будетъ Редакціею составлено жизнеописаніе генерала Ольшевскаго и, по обыкновенію, доставлено къ Его Превосходительству на разсмотрѣніе: тогда, надѣемся, этотъ вопросъ разъяснится.

Видя, что въ натискѣ нашемъ здѣсь заключена судьба сраженія, и занятый удержаніемъ массъ, наступавшихъ на

нашъ правый флангъ, князь Бебутовъ поручилъ помощнику своему, генералъ-адъютанту князю Бяратинскому, замѣнить себя въ центрѣ. Будущій Главнокомандующій блистательно оправдалъ такую довѣренность.

Турецкія массы были столь огромны, такъ тѣсно сплочены, представляли такую непроницаемую стѣну штыковъ и орудій, что когда двѣ стороны сходились, сомнѣніе могло запасть въ душу каждаго: 7 нашихъ баталіоновъ должны были сломить 20 Турецкихъ; иначе — было бы проиграно сраженіе. Гренадерская бригада, встрѣчая каждымъ баталіономъ цѣлый полкъ, скрестила съ Турками штыки. Врагъ отчаянно дрался, но — не устоялъ, и бѣжалъ. Преслѣдованіе продолжалось до тѣхъ поръ, покуда руки нашихъ солдатъ не устали колоть.

Дѣло было уже во всемъ разгарѣ на нашемъ лѣвомъ флангѣ и центрѣ двигался впередъ, когда направившіяся на нашъ правый флангъ Турецкія колонны стали подходить и становиться на позицію. Мы сосредоточивали сперва здѣсь иррегулярную кавалерію. Къ 8-ми часамъ Турки отчасти выставили, отчасти скрыли въ оврагахъ на своемъ лѣвомъ флангѣ отъ 14 до 16 баталіоновъ, три батареи и нѣсколько уланскихъ полковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ многочисленныя массы баши-бузуковъ стали сильно вапирать на казаковъ и милицію. Въ это время князь Бебутовъ двинулъ на правый флангъ 6-ть ротъ Рязскаго полка съ дивизиономъ артиллеріи, прикрывавшихъ обозъ и паркъ (оставшіеся за тѣмъ подъ прикрытіемъ только двухъ ротъ) и приказалъ генералъ-лейтенанту Багговуту привести остававшуюся еще конницу и принять начальство надъ правымъ флангомъ. Говорено уже, что этотъ Генералъ привелъ съ собою дивизионъ драгуновъ Великаго Князя Николая Николаевича, три Донскія сотни № 20 полка и двѣ конно-ракетныя команды.

Не было сомнѣнія, что непріятель подвелъ свои массы для того, чтобы сбить нашъ правый флангъ и обойти насъ съ тылу. Нельзя было терять времени. Шесть ротъ Рязцевъ были поставлены въ двухъ мѣстахъ позади нашей иррегулярной конницы, какъ опорные пункты. Чтобы сколько нибудь отбить непріятеля и дать себѣ просторъ, генералъ Багговутъ выдвинулъ впередъ конно-ракетныя команды. Ра-

кетны, взвиваясь между лошадьми огненными змѣями, сразу навели ужасъ на баши-бузуковъ; они отхлынули. Пользуясь этой минутою, генералъ Багговутъ сказалъ своимъ войскамъ: «Ребята! лѣвый флангъ и центрѣ побѣдили; очередь за одними вами; — ура Царю нашему!» — «Ура!» грянуло по полю. Кавалерія наша ринулась впередъ, и стремительно врѣзалась въ толпы Турокъ. Вся масса непріятельской иррегулярной конницы, обходившая нашъ правый флангъ, была опрокинута съ-разу и бѣжала въ разсыпную. Три Турецкихъ орудія взято; уланскій полкъ, пытавшійся удержать преслѣдованіе, почти весь истребленъ. Разскакавшіеся линейцы пролетѣли вслѣдъ за нимъ, сквозь интервалы Турецкихъ баталіоновъ. Непріятельскій пѣхотный полкъ, поддерживавшій обходившую насъ кавалерію, сталъ однако же крѣпко. Нѣсколько сотъ Рязцевъ, храбро двинувшихся на столь превосходныя силы, были удержаны батальнымъ огнемъ и Турецкіе баталіоны сами пошли на нихъ въ штыки. Въ это мгновеніе дивизионъ драгуновъ Великаго Князя Николая Николаевича налетѣлъ на нихъ, не далъ имъ даже остановиться и далеко отбросилъ назадъ. Рязцы немедленно возобновили наступленіе. Наша кавалерія снова бросилась на непріятельскій полкъ; онъ оказалъ сопротивленіе, какое только могутъ оказать люди храбрые, но наконецъ сталъ бросать ружья и разсыпаться.

Пока это кавалерійское дѣло разыгрывалось на оконечности фланга, князь Бебутовъ наблюдалъ за ходомъ сраженія съ другой стороны этого крыла, и когда настала минута, притянулъ къ себѣ 1-й и 3-й Тульскіе баталіоны, находившіеся, по отбытіи Рязцевъ въ резервъ, впереди обоза. До тѣхъ поръ пока дѣло въ центрѣ не было еще рѣшено, эти войска служили общимъ резервомъ.

Но когда правый флангъ непріятельскій былъ отброшенъ и бой въ центрѣ принялъ рѣшительный оборотъ, настала минута кинуться со всѣми свободными войсками на его лѣвое крыло. Тульскіе два баталіона *), и между ними 1-я

*) Въ официальномъ извѣстіи прибавлено: «предводимые своимъ хладнокровнымъ и опытнымъ командиромъ, генералъ-майоромъ Фетисовымъ.» — «Генералъ Фетисовъ, — замѣтилъ Бѣлявскій на

легкая батарея и два дивизиона драгуновъ Фельдмаршальскаго полка, съ дивизиономъ 6-й Донской батареи, подъ личнымъ начальствомъ князя Бебутова,—начали наступленіе, снимаясь на каждой позиціи съ передковъ, противъ многочисленныхъ баталіоновъ и сильныхъ батарей лѣваго Турецкаго крыла. Время наступленія было выбрано совершенно вѣрно. Это крыло находилось тогда въ критическомъ положеніи. Съ первой минуты нашего движенія, въ непріятельскихъ рядахъ обнаружилось колебаніе. Тульскіе баталіоны стройно шли, ружье на руку, и боялись только одного, что непріятель не дождется ихъ удара. Улучивъ мгновеніе, князь Бебутовъ бросилъ на непріятельскую пѣхоту, находившіяся у него подъ рукою, два дивизиона драгуновъ и дворянскую дружину своего конвоя. Атака была ужасная и рѣшительная. Все лѣвое Турецкое крыло разсыпалось. Въ первомъ часу только прекратилось преслѣдованіе, по изнеможенію людей и лошадей.

Такимъ образомъ *) совершилось это сраженіе, кончившееся, благодаря Бога, полнымъ пораженіемъ Турокъ,—сраженіе, которое—по большому протяженію линіи атаки, по значительности и стройности силъ непріятельскихъ, по упорности натиска, и по истинно-геройскому сопротивленію съ нашей стороны,—вполнѣ заслуживаетъ названіе генеральнаго сраженія и въ которомъ лично генералу Бѣлявскому и войскамъ его дивизіи досталась широкая доля въ успѣхѣ. Десять баталіоновъ этой дивизіи, имѣвшіе счастье участвовать въ бою, не только оправдали, но и превзошли всѣ ожиданія. Крещеніе огнемъ войны они приняли такъ, что Бѣлявскому,—по его словамъ,—оставалось любоваться и удивляться ихъ стойкости, и эти слова были только повтореніемъ отзыва князя Бебутова. Войска Бѣлявскаго назы-

полянъ нашей рукописи, — былъ на лѣвомъ флангѣ, а потому вѣроятно, чтобы въ одно и тоже время могъ находиться въ двухъ мѣстахъ.»

*) Копія съ донесенія г-ну Командовавшему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Командовавшаго Дѣйствующимъ Корпусомъ на Кавказско-Турецкой границѣ, отъ 19-го августа 1854 г., № 1546, напечатанная въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1854 г., №№ 206 и 207.

вали въ дѣйствующемъ корпусѣ *Русскими*, для отличія отъ Кавказскихъ; но эти послѣднія, отборныя изъ закаленныхъ въ бою, послѣ Кюрюкъ-Дара протянули и имъ братскую руку, какъ достойнымъ сынамъ Царя Русскаго. Всѣ, какъ штабъ, такъ и оберъ-офицеры, большею частію въ первый разъ участвовавшіе въ дѣлѣ, показали себя съ самой отличной стороны, и въ такомъ огнѣ, который,—смѣло можно сказать—весьма немногимъ, даже изъ старыхъ воиновъ, удавалось испытать. Солдаты, съ веселымъ видомъ, съ отчетливостію, которую начальники оцѣнили бы и на ученьи, исполняли команды своихъ офицеровъ.

Впрочемъ только этому порядку и тому, что у насъ всѣ начальники частей находились постоянно впередъ (что у непріятеля было напротивъ) и можно приписать такой полный успѣхъ, какой имѣла наша армія, болѣе чѣмъ втрое слабѣйшая непріятельской, не смотря на то, что Турецкая артиллерія дѣйствовала весьма успѣшно, и что баталіоны, стоявшіе противъ Бѣлевскаго и Тульскаго полковъ, встрѣчали атаки нашей кавалеріи и этой пѣхоты, такимъ батальнымъ огнемъ, какой,—говоритъ Бѣлявскій,—онъ только видѣлъ въ Л.-Гв. Павловскомъ полку и въ гвардейскихъ егеряхъ.

Полковникъ Ольшевскій, командовавшій Бѣлевскимъ полкомъ за тяжкою болѣзнію полковаго командира, полковника Неѣлова, и подполковникъ Зиновьевъ, молодецки командовавшій 3-мъ баталіономъ этого полка,—два старые Кавказскіе штабъ-офицера исполняли свое назначеніе отлично-хорошо; но и штабъ и оберъ-офицеры, собственно принадлежавшіе 18-й дивизіи, не отставали отъ нихъ.

Всѣ 8 баталіоновъ Бѣлевскаго и Тульскаго полковъ, какъ видѣли, бывъ отряжены на самую крайнюю оконечность лѣваго фланга, съ самага начала попали прямо подъ перекрестный огонь двухъ батарей, совокупно съ штуцернымъ баталіономъ, и одной батареи съ горы, находившихся съ нашего лѣваго фланга; только безпрестанное передвиженіе частей и сокровище нѣкоторыхъ въ углубленіяхъ сохранило ихъ отъ сильной потери. Во время этого двухъ-часоваго дѣйствія ядръ, шerpленевыхъ гранатъ и даже картечи, Бѣлявскій, находясь впереди своихъ, *убѣдился съ какимъ*

геройскимъ духомъ переносили губительный огонь его храбрые солдаты. Наконецъ, когда послѣдовало приказаніе начать общую атаку, 3-й баталіонъ Бѣлевскаго полка, бывший подъ начальствомъ подполковника Зиновьева, дружно и особенно стройно двинулся на арнаутовъ, и батальный огонь непріятеля, не смотря на все его совершенство, очень скоро прекратился, и тутъ началось не отступление, а бѣгство Турецкой арміи.

Князь Бебутовъ, — личный свидѣтель храбрости двухъ Тульскихъ баталіоновъ, вытребованныхъ на правый флангъ — съ особой похвалою свидѣтельствовалъ, что и они сравнялись съ своими товарищами, сражавшимися подъ непосредственнымъ командованіемъ начальника дивизіи.

Но лавровый вѣнокъ въ этотъ день неотъемлемо принадлежалъ Рязцамъ, которые, въ составѣ шести ротъ, были отряжены на оконечность праваго фланга. Такое незначительное количество пѣхоты было назначено, какъ видѣли, потому только, что всѣ непріятельскія силы были сначала устремлены на нашъ лѣвый флангъ; но когда Турки, благопріятствуемые мѣстностію, направили, незамѣтнымъ образомъ, значительныя силы на наши центръ и правое крыло, то передъ Рязцами явилось вдругъ четыре баталіона пѣхоты съ пѣлою батарейною батареею; однако молодцы наши не дрогнули: пошли въ штыки на головной баталіонъ и — опрокинули его. Когда же, послѣ картечнаго залпа, должны были отступить, то это сдѣлали въ величайшемъ порядкѣ. При вторичномъ наступленіи непріятельскихъ баталіоновъ, Рязцы снова атаковали Турокъ, и картечный залпъ по нимъ снова повторился. Вотъ причина, что третья доля храбрецовъ выбила изъ фронта; но лишь только кавалерія, посланная имъ на помощь, прибыла, они дружно бросились въ третій разъ въ штыки, и на этотъ разъ съ совершеннымъ успѣхомъ.

Бѣлявскій ходатайствовалъ, чтобы всѣ три полка были награждены надписями на каскахъ « за отличіе, » а два Рязскіе баталіона, сверхъ того, и серебряными трубами. Но представленіе это осталось безъ дѣйствія.

Самъ же Генераль, 3-го января 1855 года, удостоился

получить *особенное* Монаршее благоволеніе за отличіе, оказанное въ этотъ день, въ который, какъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ, — онъ много содѣйствовалъ къ совершенному пораженію непріятеля.

Оканчиваемъ изложеніе этого послѣдняго подвига нашего героя отзывами двухъ замѣчательныхъ лицъ. Командовавший корпусомъ генераль Редъ писалъ ему, отъ 20 августа 1854 года:

« Mon Général!

J'ai eu l'honneur de recevoir Votre obligeante lettre du 27 du mois passé. Je commence d'abord par Vous remercier bien sincèrement pour Vos dispositions bienveillantes à mon égard. Et maintenant permettez moi de Vous adresser mes félicitations avec la victoire signalée, remportée sur un ennemie tellement supérieur en nombre, et à la quelle Vous, mon Général, personnellement et les braves troupes sous Votre commandement ont pris une si glorieuse part.

J'ai lu avec beaucoup d'intérêt la description de cette mémorable journée, que Vous adressez au Chef du corps: qui en sera, bien sûr, heureux et très satisfait.

Je vous souhaite santé et prospérité en toutes choses.

Agréez, je Vous prie, l'expression de la considération la plus distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être

de Votre Excellence

le très humble et dévoué serviteur

N. Read.

Tiflis.
le 20 Août 1854.

Другое письмо было отъ генерала Чеодаева, слѣдующаго содержанія:

« Милостивый Государь

Константинъ Яковлевичъ!

Поздравляя Ваше Превосходительство съ славною побѣдою, въ коей, будучи однимъ изъ главныхъ дѣятелей, Вы указали предводительствуемой Вами дивизіи путь чести и долга, — я усерднѣйше благодарю Васъ за сообщеніе мнѣ подробностей доблестныхъ дѣйствій родной мнѣ дивизіи, Вамъ вѣренной. — Передайте всѣмъ чинамъ оной, что я съ сердечнымъ восторгомъ перечитывалъ описаніе о ихъ благородномъ, истинно Русскомъ мужествѣ, съ коимъ они шли на враговъ Царя, Церкви и Отечества. Передайте имъ: мое сердечное поздравленіе съ такимъ блестящимъ началомъ, и искреннее желаніе, чтобы, напутствуемые благословіемъ Господнимъ, они продолжали съ тою же геройскою храбростію, пополняя долгъ свой, заслуживать одобреніе Великаго Императора нашего, постоянно отечески о нихъ заботящагося. — Скажите имъ, что я горжусь именоваться ихъ начальникомъ, сожалѣю что не могъ раздѣлить съ ними опасностей и со слезами молюсь о павшихъ товарищахъ нашихъ, запечатлѣвшихъ смертію сыновнюю преданность къ Государю и Отечеству.

Повторя изъявленіе признательности моей Вашему Превосходительству, какъ главному виновнику доблестныхъ подвиговъ предводительствуемой Вами дивизіи, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ моемъ отличномъ къ Вамъ, Милостивый Государь, уваженія и истинной преданности.

Михаилъ Чеодаевъ.

22-го августа 1854 г.

Москва.

Его Превосходительству

К. Я. Бѣлявскому.

Послѣ сраженія при Кюрюкь-Дара военныхъ дѣйствій не происходило. Войска дѣйствующаго корпуса, а при нихъ и Бѣлявскій, оставались еще въ Турціи въ лагерѣ по 1-е ноября, въ обсерваціонномъ положеніи, потому что непріятель, разбитый 14-го іюля, заперся въ Карсѣ и окончилъ въ 1854 году всѣ свои дѣйствія.

По возвращеніи войскъ на зимніе квартиры, Бѣлявскій, съ давняго времени страдая грудью, заболѣлъ сильно и по совѣту медиковъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, вынужденнымъ былъ оставить боевое поприще, гдѣ съ такой заботливостію и любовью къ службѣ провелъ почти всю свою жизнь. Просьба его, о назначеніи присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ милостиво была принята; Его Величество, зная и прежде о дѣйствительности физическихъ недуговъ и страданій Бѣлявскаго и желая наградить усердную и полезную 40 лѣтнюю его службу и оказанныя имъ заслуги, — удостоилъ назначить генерала Бѣлявскаго сенаторомъ, съ оставленіемъ по Арміи. — Приказъ объ этомъ состоялся 2-го ноября 1854 года.

Въ память войны, онъ наравнѣ со всѣми, получилъ Высочайше утвержденную свѣтло-бронзовую медаль на Георгіевской лентѣ, а 31-го октября 1854 года пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ.

Весною прошлаго года Константинъ Яковлевичъ отправился въ отпускъ за границу, по болѣзни; но умѣренный климатъ и искусство иностранныхъ врачей не возвратило ему утраченнаго на службѣ здоровья. 30 октября 1857 года, послѣ тяжкихъ страданій онъ скончался.

Бѣлявскій не былъ женатъ и прямаго потомства не оставилъ.

Литографированный портретъ, приложенный къ нашему жизнеописанію, достаточно знакомитъ съ его наружностію.

Что же касается до нравственныхъ свойствъ Константина Яковлевича, — *то сорока-лѣтняя безукоризненная его служба* дастъ каждому читателю ясное понятіе, что дабы безъ протекціи, связей и денегъ дослужиться до сана

имъ занимаемаго въ послѣднее время, необходимо было, по его словамъ, служить и заслуживать все *лбомъ! грудью и трудами!*

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, марта 17-го дня 1859 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ.**

Назначеніе періодическаго изданія «Кавказцы» — передать, перомъ и карандашемъ, замѣчательные подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его находятъ также мѣсто изображенія доблестныхъ дѣлъ и другихъ лицъ великой семьи русской: а) славные подвиги моряковъ, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) душеспасительное управление и назиданіе паствы, неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, — которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всесильную помощь Божію, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свѣстомъ пуль и гуломъ ядеръ, — или святою своею жизнію и словомъ споспосбуютъ распространенію истиннаго свѣта среди тьмы невѣрія и лжеученій; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемое ими подъ вражьи выстрѣлами; г) живое участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій, и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чиновниками, замѣчательные труды ученыхъ, сельскихъ хозяевъ, мануфактуристовъ, торгующихъ и вообще промышленниковъ, которые, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, споспосбуютъ упроченію Русской власти въ краѣ, облегчаютъ благотворныя мѣры Правительства и содѣйствуютъ разработкѣ богатствъ этой прекрасной части великаго нашего Отечества.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ меня многомилостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, дорожащіе Русскою славой, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывкахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и Сибири.

Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность продолжать неусынно трудиться и споспосбовать, сколько возможно, къ распространенію изданія, тѣмъ болѣе, что прибыль отъ него, съ Высочайшаго соизволенія, назначена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу нашего оружія.

Подписная цѣна за 24 выпуска (№№ 37—60, — или 48 листовъ текста, съ необходимыми приложеніями *), — имѣющіе выйти въ теченіе 1859 году, — двѣнадцать рублей.

За первые 36 выпусковъ цѣна остается прежняя: именно:

за 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24-хъ листовъ текста, съ 18-ю приложеніями, вышедшіе въ 1857 году — шесть рублей; а

за 24 выпуска (№№ 13 — 36), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ 36-ю приложеніями, вышедшіе въ 1858 году — двѣнадцать рублей.

Но господа подписавшіеся на изданіе съ первыхъ выпусковъ, за 1858 и 1859 годы — вносятъ за каждый только по десяти рублей.

Сверхъ того, сочувствуя благому дѣлу распространенія грамотности между нижними чинами, Редакція съ нынѣшняго года начала печатать нѣкоторое число экземпляровъ собственно для подобнаго употребленія, на бумагѣ низшаго достоинства и съ меньшимъ числомъ приложеній **). Годовая цѣна за такія экземпляры по три рубля.

За пересылку въ другіе города предлагается: за первые 12 выпусковъ — 75 к.; а за 24 выпуска 1858 или 1859 года — по 1 руб. 50 коп.; за доставку на домъ въ С. Петербургъ выпусковъ текущаго года — 1 руб. сер.

Списокъ господъ подписчиковъ, какъ участниковъ въ добромъ дѣлѣ, ежегодно обнародуется.

ПОДПИСКА принимается исключительно въ С. Петербургѣ, въ Редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника Новоселова и въ Газетной Экспедиціи Почтамта.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ непремѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

*) Въ первые полтора года изданія число приложеній было *опредѣлено* — по три на мѣсяць; но опыты показали, что, при этомъ порядкѣ, часто представлялось необходимымъ вылавать приложенія *не относящіяся* прямо къ описываемымъ событіямъ. Поэтому, съ 1859 года, Редакція нашлась въ необходимости сложить съ себя такое обязательство и будетъ представлять приложенія, по мѣрѣ возможности пріобрѣсти портреты, изображенія подвиговъ и карты, *прямо соответствующіе тексту выпусковъ*. Невыгоды отъ прежняго порядка, — особенно для подписчиковъ почему-либо не получившихъ «Кавказцы» съ первыхъ выпусковъ, или прекратившихъ подписку на нихъ, — очевидны.

**) Редакція предполагала эти экземпляры печатать въ 8 долю листа; но какъ требованія отъ войскъ на нихъ болѣею частію поступили уже послѣ новаго года, то и было необходимо печатать все изданіе въ одинаковомъ форматѣ.

Редакторъ и издатель, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона Полковникъ С. Новоселовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, мая 25-го дня 1859 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 52-й и 53-й.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА КИШИНСКАГО И СВѢТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ГРАФА ФЕДОРА ЛОГГИНОВИЧА ГЕЙДЕНА.

Приложенія: два портрета.

Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляеть Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1859.

Изд. Гв. Полковника Новоселова.

Корсаков.

Генераль-Маіоръ,
Николай Семеновичъ
КИШИНСКІЙ 2^й

ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ КИШИНСКІЙ.

Николай Семеновичъ Кишинскій, принадлежитъ къ числу старыхъ Кавказскихъ служивыхъ. Имя его долго и часто съ почетомъ являлось въ реляціяхъ о подвигахъ Кавказцевъ, и еще недавно возбуждало сочувствіе, какъ имя славнаго участника въ побѣдахъ надъ Турками подъ Башъ-Кадыкларомъ и Кюрукъ-Дара.

Сынъ Суворовскаго ветерана, Николай Семеновичъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ мечталъ о боевыхъ подвигахъ, въ первые годы службы, успѣлъ обратить на себя вниманіе знаменитаго въ лѣтописяхъ Кавказской войны генерала Вельяминова, и достойно проходя избранное поприще, нынѣ командуетъ 15-ю пѣхотною дивизіею.

Отецъ Николая Семеновича служилъ въ Суворовскія времена въ Тобольскомъ пѣхотномъ полку. Тяжело раненый на штурмѣ Очакова, онъ долженъ былъ оставить службу и, поселившись въ наслѣдственной своей деревенькѣ Павловкѣ, не далеко отъ Изюма, въ Харьковской губерніи, посвятилъ всю свою остальную жизнь домашнему очагу. — Семейство Кишинскихъ состояло изъ десяти сыновей и пяти дочерей, въ числѣ ихъ Николай Семеновичъ былъ десятымъ. Онъ родился 9-го мая 1814 года.

Самъ ревностный христіанинъ и вѣрный слуга Царскій, старикъ Кишинскій воспитывалъ дѣтей въ страхъ Божьемъ и покорности неисповѣдимому Его промыслу, внушалъ имъ

любовь къ Государю и Отечеству и готовилъ сыновей для военнаго поприща, считая долгомъ cadaго дворянина служить до послѣднихъ силъ.

Чувства эти такъ глубоко запали въ сердца молодыхъ Кишинскихъ, что не покидали ихъ во всю жизнь, ни въ трудныя, ни въ радостныя минуты, всегда служа или отрадою, или утѣшеніемъ. Изъ числа братьевъ Николая Семеновича пятерыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ: двое умерли на службѣ, двое другихъ убиты подъ Варною и одинъ умеръ въ отставку, взятой по причинѣ трехъ ранъ, полученныхъ въ Турецкую войну 1828—1829 годовъ. Четверо остальныхъ служатъ и въ настоящее время: одинъ, старшій, начальникомъ 6-й Артиллерійской дивизіи, трое младшіе на Кавказѣ, два подполковника, а послѣдній поручикомъ.

Николай Семеновичъ росъ подъ вліяніемъ отцовскихъ разсказовъ о славныхъ временахъ Суворова, и, тогда еще свѣжихъ, воспоминаній о походахъ Наполеона, о пожарѣ Москвы и взятіи Парижа. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ воображеніе привыкло рисовать ему ратное поле, толпы сражавшихся, подвиги героевъ. Нерѣдко, сидя еще за азбукой, онъ уносился дѣтскою мечтой къ той страшной крѣпости, о взятіи которой вчера такъ подробно разсказывалъ отецъ, или къ портрету того стараго генерала, который показывала няня.

Когда Николай Семеновичъ воспитывался еще въ гимназіи, старшіе его братья были уже на службѣ. Одинъ служилъ на Кавказѣ и участвовалъ въ Персидской и Турецкой войнѣ, другіе находились при арміи дѣйствовавшей на Дунаѣ. Частыя извѣстія о нихъ, письма о походахъ, сраженіяхъ и штурмахъ, реляціи о громкихъ дѣлахъ, ознаменовавшихъ начало побѣдоноснаго царствованія Императора Николая — Елизаветполь, Эривань, Ахальцихъ, Варна, Кулевчи, Адрианополь, — не могли не воспламенить еще болѣе юношескаго воображенія будущаго героя. На школьной скамьѣ онъ мечталъ уже о тревогахъ бранныхъ, мысленно леталъ за двуглавымъ Орломъ къ стѣнамъ Византіи, горѣлъ желаніемъ раздѣлять съ братьями ихъ труды и походы, и рвался въ бой. Вскорѣ мечты осуществились. — Въ 1830 году, когда Николаю Семеновичу было только 16 лѣтъ, старшій его братъ, Лаврентій Семеновичъ, тогда капитанъ артиллеріи, пріѣхалъ съ Кавказа въ отпускъ. Разумѣется первымъ дѣломъ Николая Семеновича было побудить брата выпросить его у отца и взять съ собой на Кавказъ. Отецъ, находя въ немъ достаточно силъ къ перенесенію всѣхъ трудностей, сопряженныхъ съ военнымъ ремесломъ, по окончаніи отпуска брата, отпустилъ съ нимъ и нашего юношу для поступленія въ службу на Кавказѣ.

Съ этого времени начинается боевая жизнь Николая Семеновича, и продолженіе всей службы своей на Кавказѣ, онъ, положительно можно сказать, не сходилъ съ боеваго поля. До совершеннолѣтія Николаю Семеновичу оставался цѣлый годъ. Все это время онъ занятъ былъ приготовленіемъ для поступленія въ артиллерію, и, не состоя на службѣ, сдѣлалъ, вмѣстѣ съ Лаврентіемъ Семеновичемъ, нѣсколько походовъ, много ознакомившихъ его съ Кавказомъ. Въ 1831 году, когда Николаю Семеновичу исполнилось 17 лѣтъ, старый товарищъ его брата, полковникъ Свиховскій, дѣльный и храбрый офицеръ, отличенный Ермоловымъ и Паскевичемъ, былъ назначенъ командиромъ Козловскаго пѣхотнаго полка. Онъ выпросилъ Николая Семеновича у брата, и 18-го января опредѣлилъ въ свой полкъ юнкеромъ. Поступивъ на службу, Николай Семеновичъ тотчасъ же отправился въ экспедицію, и, переходя изъ отряда въ отрядъ, скоро совершенно свыкъ своими новыми обязан-

ностями, и на дѣлѣ испыталъ все то, о чемъ мечталъ въ дѣтствѣ.

Первые годы службы Николая Семеновича принадлежать къ тому періоду Кавказской войны, когда наше Правительство, убѣдясь въ необходимости рѣшительными мѣрами укротить своеволие горскихъ племенъ, усилило число войскъ дѣйствовавшихъ на Кавказѣ, и приступило къ систематическимъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ горскихъ обществъ. Въ свою очередь горцы, сознавая грозившую опасность, и боясь за свою независимость, прекратили волновавшія ихъ внутреннія смуты, и соединились для общаго отпора. Въ то же время между горцами выросъ и распространился мюридизмъ. Безпрерывными походами, упорнымъ и кровавымъ боемъ войска наши должны были преодолевать сопротивление горцевъ, и достигать цѣлей, указанныхъ Правительствомъ. Не только внутренность Кавказскихъ горъ, еще и нынѣ мало извѣстная, но и самыя предгорія въ то время были намъ почти незнакомы. Труднымъ, кровавымъ опытомъ должны были войска наши пріобрѣтать знанія мѣстности и опредѣлять выгоднѣйшій способъ веденія войны.

Въ тридцатыхъ годахъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей на Кавказѣ былъ Вельяминовъ. Боевая дѣятельность, заслуги имъ оказанныя и начала, положенныя въ основаніи послѣдующихъ дѣйствій, по всей справедливости, ставятъ этого генерала въ число почетнѣйшихъ начальниковъ Россіи на Кавказѣ. Командуя войсками Кавказской Линіи, Вельяминовъ положилъ основаніе систематическому устройству нашихъ передовыхъ линій, и указалъ на выгоднѣйшіе способы дѣйствій противъ горскихъ племенъ.

Подъ начальствомъ этого-то знаменитаго генерала началось боевое поприще Николая Семеновича.

Поступивъ въ полкъ, молодой Кишинскій тотчасъ же отправился въ экспедицію, въ отрядъ генералъ-маіора Бергмана, назначенный для занятія Геленджика и 27, 28 и 29-го іюня при высадкѣ десанта и постройкѣ лагеря былъ въ охотникахъ и участвовалъ въ перестрѣлкахъ съ Натугайцами. — 1-го апрѣля 1832 года Кишинскій былъ переведенъ въ 39-й Егерскій, нынѣ Кабардинскій пѣхотный, полкъ, и съ 13 по 27-е іюля находился въ отрядѣ генералъ-маіора Фролова, двинутомъ изъ Пятигорска, для отраженія хищниковъ, вор-

вавшихся въ наши предѣлы. Въ 1833 году, произведенный 30-го января въ портупей-прапорщики, Кишинскій успѣлъ побывать въ двухъ отрядахъ, лѣтомъ въ Малой-Чечвѣ въ отрядѣ полковника Шумскаго, и зимой въ отрядѣ собранномъ подъ личнымъ начальствомъ генерала Вельяминова въ Кумыхскихъ владѣніяхъ. Въ 1834 году онъ находился въ продолжительной экспедиціи, предпринятой Вельяминовымъ съ цѣлю продолжить нашу передовую линію до Черноморскаго побережья.

Постоянное участіе въ походахъ и дѣлахъ, служба въ застрѣльщикахъ и неоднократно случавшіяся рукопашныя схватки съ непріателемъ скоро доставили молодому Кишинскому необходимую боевую опытность и развили въ немъ военныя способности. Въ первые же годы, онъ пріобрѣлъ уваженіе отъ сослуживцевъ и доброе мнѣніе ближайшихъ начальниковъ. Порученія опасныя, для которыхъ требовались особенная бдительность и расторопность, нерѣдко довѣрялись Кишинскому, и исполненіемъ одного изъ такихъ порученій онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе Вельяминова.

При движеніи къ Геленджику, на одномъ изъ переходовъ, отрядъ расположился лагеремъ въ лошинѣ, между двумя высокими и лѣсистыми хребтами. Эти хребты прорѣзывались ущельями, и въ нихъ скрывались горцы. Во избѣжаніе нечаяннаго нападенія, на одной изъ окружающихъ высотъ былъ выставленъ пикетъ изъ 60-ти человекъ Кабардинцевъ. Важный постъ этотъ былъ порученъ юнкеру Кишинскому. Горцы, которымъ нашъ пикетъ мѣшалъ приблизиться къ отряду, рѣшились его уничтожить. Собравшись въ лѣсу, который отдѣлялся отъ пикета оврагомъ и небольшою поляною, и скрываясь за камнями и деревьями, они сперва мѣтками выстрѣлами переранили треть солдатъ, а потомъ, вида постъ достаточно ослабленнымъ, стали собираться для удара въ шашки. Догадываясь о намѣреніи непріателя, юнкеръ Кишинскій не могъ не оцѣнить грозившей ему опасности. До отряда было далеко, и потому ожидать скорой помощи было невозможно; оставить постъ безъ крайности было неумѣстно. Вспомнивъ отцовскіе рассказы, Кишинскій палъ на колѣни и обратился съ теплой молитвой къ Всевышнему, а потомъ совершенно спокойно сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: онъ немедленно отправилъ къ отряду всѣхъ раненыхъ,

при необходимомъ прикрытіи, а съ оставшимися затѣмъ 26-ти человекъ приготовился къ встрѣчѣ. Ожиданіе опасности было непродолжительно. Едва успѣли увести раненыхъ, какъ партія, около 100 человекъ, выскочивъ изъ противоположнаго оврага, отдѣлявшагося отъ поста чистою поляною, съ гикомъ бросились въ шашки на нашъ пикетъ. Кишинскій допустилъ горцевъ на нѣсколько шаговъ, далъ залпъ изъ всѣхъ ружей, и съ крикомъ ура! ударилъ въ штыки. Разстроенный и озадаченный столь неожиданнымъ нападеніемъ, непріатель отступилъ въ тотъ же оврагъ, гдѣ собрался, опять бросился и, вновь отбитый, съ урономъ рѣшился обойти нашихъ во флангъ. Тогда Кишинскій раздѣлилъ свою малочисленную команду на двѣ части: самъ съ десятью человекъ, расположился по окраинѣ оврага за деревьями; остальныхъ, въ видѣ резерва, отправилъ на противоположный край балки, отдѣлявшей занимаемую имъ высоту отъ отряда, съ тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ отступленіе. Горцы, вновь бросившіеся, наткнулись на оконечность нашей цѣпи, изрубили двухъ человекъ и занялись дѣлежомъ вещей и патроновъ; Кишинскій же, встрѣтивъ ихъ ружейнымъ огнемъ, началъ отступленіе чрезъ оврагъ, отстрѣливаясь и поддерживаемый выстрѣлами резерва, съ которымъ и соединился благополучно, безъ всякой потери. Здѣсь Кишинскій остановилъ свою команду, занялъ выгодную позицію и не дозволилъ непріателю идти далѣе. Въ схваткѣ этой горцы оставили на мѣстѣ болѣе 50 тѣлъ и солдатамъ досталось нѣсколько хорошихъ ружей и шашекъ; наша же потеря ограничилась 2-мя изрубленными.

Выстрѣлы, гиканье и приходъ въ отрядъ раненыхъ, посланныхъ до начала схватки, извѣстили отрядъ о происшедшемъ на пикетѣ. Для выручки атакованныхъ послѣдшилъ на постъ Кишинскаго, съ двумя ротами, храбрый его баталіонный командиръ, генеральнаго штаба подполковникъ князь Долгоруковъ,—умершій послѣднюю войну въ Крыму начальникомъ ополченія. Но опасность уже миновалась, а между тѣмъ начинало вечерѣть; преслѣдовать непріателя, по лѣистой и гористой мѣстности, было бы бесполезно и войска возвратились въ лагерь. Князь Долгоруковъ доложилъ о нашемъ героѣ начальнику отряда, который тогда же поручилъ ему поздравить Николая Семеновича съ чиномъ прапорщика. Кто не

знаеть какъ высоко цѣнится первый чинъ, и Кишинскій уже начиналъ мечтать о счастливомъ днѣ, когда надѣветъ эполеты. Но видно судьба хотѣла испытать молодаго человѣка. Надежды его на этотъ разъ не сбылись, и онъ былъ произведенъ въ офицера слишкомъ чрезъ годъ, по *восьмому* уже представленію.

Въ 1835 году Николай Семеновичъ снова участвовалъ въ экспедиціи, предпринятой Вельяминовымъ въ тѣхъ же видахъ — для постройки укрѣпленій на Черноморскомъ берегу и для утвержденія владычества нашего въ пространствахъ между Анапой и низовьемъ Кубани.

За отличіе въ этой экспедиціи Кишинскій, — переведенный 1-го января 1836 года въ Томскій егерскій полкъ, — 9-го февраля того же года произведенъ въ прапорщики, со старшинствомъ съ 13-го іюля 1835 года. Николай Семеновичу было тогда 23 года.

Вмѣстѣ съ производствомъ въ офицеры, Кишинскій долженъ былъ разстаться съ Кавказомъ, и отправился къ полку, расположенному тогда въ Варшавѣ. Не смотря на увлекательную жизнь въ столицѣ Польши, Николай Семеновичъ тосковалъ о Кавказѣ, и чрезъ два года просился снова на Кавказъ, куда, послѣ производства 25-го мая 1838 года, по ваканціи, въ подпоручики, и былъ переведенъ 6-го іюня того же года, съ назначеніемъ въ Куринскій егерскій полкъ, и съ 1-го января слѣдующаго года онъ снова явился въ рядахъ храбрыхъ.

Въ этомъ году на Кавказѣ совершились подвиги трудные и доблестные. Войска наши, подъ начальствомъ Головина Граббе и Раевского, одновременно дѣйствовали съ трехъ сторонъ: въ Дагестанѣ, въ Чечнѣ и на Восточномъ берегу Чернаго моря.

Кишинскій, получившій въ командованіе роту, находился въ отрядѣ генералъ-адъютанта Граббе и съ честію участвовалъ въ дѣлахъ въ Ичкеріи, въ Салатавіи и въ Гумбетѣ, на штурмѣ аула Аргуани и при взятіи Ахульго.

Эта первая экспедиція, которую Николай Семеновичъ дѣлалъ офицеромъ и командиромъ роты, доставила ему случай обратить на себя вниманіе и заслужить репутацію отличнаго боеваго офицера.

Особенно отличился онъ во время обратнаго движенія генерала Граббе изъ Ичкеріи въ крѣпость Внезапную.

Отступленіе въ виду непріятели всегда есть дѣло трудное и опасное; въ войнѣ же Кавказской, и въ особенности въ Чечнѣ, отступленіе составляетъ для войскъ самый затруднительный моментъ. Даже послѣ удачнаго нападенія, обратное слѣдованіе почти никогда не обходится безъ боя. Густые лѣса Чечни доставляютъ горцамъ, такое выгодное прикрытие, что они безнаказанно, почти невидимые, окружаютъ колонну, растянутую по узкой дорогѣ. Напирая дерзко на аррьергардъ, они, въ тоже время, стараются прорвать боковыя цѣпи, чтобы врѣзаться въ самую средину колонны, состоящую изъ обоза и артиллеріи.

Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ, для отряда генералъ-адъютанта Граббе, расположеннаго въ верховьяхъ по правую сторону р. Яману-Су, на другомъ берегу которой стоялъ Шамиль съ многочисленнымъ скопищемъ, отступленіе вблизи многочисленнаго врага, по лѣсистой и пересѣченной мѣстности, на разстояніи 7-ми верстъ, было весьма затруднительно и опасно.

Для отвлеченія непріятели отъ преслѣдованія рѣшено было отправить въ полночь двѣ роты съ праваго берега на лѣвый, на вершину лѣсистаго хребта, идущаго вдоль русла, и тѣмъ маскировать отступленіе. Роты были обязаны, не затѣвая дѣла безъ надобности, оставаться на позиціи, пока отойдутъ главныя силы, и потомъ отступитъ. Понятно, какъ опасно было такое порученіе, и какъ трудно было его исполнить, ибо двѣ роты противъ нѣсколькихъ тысячъ татаръ ни держаться, ни правильно отступать не могли, а помощи ожидать было нельзя. Выборъ палъ на нашего героя съ меньшимъ его братомъ: Николай Семеновичъ командовалъ 10-ю, а братъ его 12-ю Егерскимъ ротами.

Они выступили передъ полуночью, безъ проводниковъ, — ибо никто изъ бывшихъ при отрядѣ Татаръ не взялся указывать дорогу, — и направились на указанныя высоты. Майскія ночи коротки, и прежде нежели роты успѣли взобраться на хребетъ, стала занимать утренняя заря. Нѣсколько выстрѣловъ обнаружили непріятельскій пикетъ, но Николай Семеновичъ строго запретилъ открывать огонь и скрытно пробрался на вершину. Къ разсвѣту онъ былъ уже на хребтѣ.

Тамъ открылись сначала одиночные выстрѣлы, потомъ завязалась перестрѣлка. Но въ это время главный отрядъ уже отступилъ, и прошелъ значительную часть трудной мѣстности. Скопища, открывъ движеніе нашихъ войскъ, устремились на преслѣдованіе колонны, и только весьма незначительная часть горцевъ осталась впереди Кишинскаго. Войска наши слѣдовали по долинѣ Яманъ-Су. Кишинскій съ обѣими ротами направился параллельно движенію отряда.

Слѣдуя форсированно вдоль лѣсистыхъ высотъ, невидимо для главнаго скопища, которое успѣло въ это время достигнуть хвостъ главной колонны и завязало жаркую перестрѣлку съ арріергардомъ, Кишинскій, появясь съ флага, неожиданно ударилъ на нападавшихъ горцевъ, перекололъ многихъ и задалъ имъ такого страха, что они больше не смѣли атаковать.

Государь Императоръ объявилъ всеѣмъ чинамъ отряда, бывшимъ въ Ичкеріи, слѣдовательно и Кишинскому, Высочайшее благоволеніе «за быстрое движеніе и примѣрную храбрость, самоотверженіе и неутомимость», ими при этомъ оказаннаго.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи во Внезапную, Граббе выступилъ въ Дагестанъ. Въ эту знаменитую, такъ называемую Ахульгинскую, экспедицію Кишинскій опять находился въ главномъ отрядѣ и участвовалъ: 23-го мая — въ трудномъ боковомъ движеніи, черезъ лѣсистыя Хубарскія высоты, къ аулу Буртунаю; 24-го — въ разбитіи, при этомъ аулѣ многочисленнаго скопища Шамиля, 30-го, — въ усиленной рекогносцировкѣ при аулѣ Аргуани, 31-го — въ штурмѣ этого аула, — отъ овладѣнія которымъ зависѣлъ успѣхъ всей экспедиціи — и во вторичномъ пораженіи скопищъ Шамиля. — Блестательное дѣло при Аргуани, доставившее Граббе званіе генераль-адъютанта, ознаменованное подвигами невѣроятнаго мужества съ нашей стороны и самою упорнѣйшею защитою со стороны горцевъ, продолжалось съ 4-хъ часовъ вечера 30-го мая до разсвѣта 1-го іюня.

За памятные эти дни Кишинскій, вмѣстѣ со всеѣми чинами отряда, удостоился получить Высочайшее благоволеніе, — какъ изволилъ выразиться Государь Императоръ, — *за примѣрную храбрость, оказанную 24-го мая при деревнѣ Бартунай, быстроту, съ которой войска наши сбили*

непріятеля съ занятой имъ фланговой позиціи и 30 и 31-го того же мѣсяца при взятіи штурмомъ Аргуани.

По взятіи послѣдняго аула скопище Шамиля было разсѣяно и только незначительная часть горцевъ успѣла, черезъ нѣсколько дней, собраться на правой сторонѣ Андійской Койсу. Шамиль заперся съ ревностнѣйшими своими приверженцами въ Ахульго. Отрядъ нашъ двинулся къ замку; въ рядахъ его былъ и Кишинскій.

Осада этого гнѣзда всеѣхъ волненій и мятежей въ Дагестанѣ, укрѣпленной резиденціи Шамиля, считавшейся въ то время недоступною, началась 12-го іюня и продолжалась въ теченіе 79 дней. Николай Семеновичъ при этомъ участвовалъ: 19-го іюня — при отраженіи скопища Ахверды-Магомы и въ рекогносцировкѣ стараго замка; 22 и 23-го — въ движеніи части отряда, подъ личнымъ начальствомъ Граббе, къ Сагритлохскому мосту и въ происходившемъ у него дѣлѣ, при окончательномъ разсѣяннн скопищъ Ахверды-Магомы; а 29-го іюня и 9-го іюля — при штурмѣ и взятіи Сурхаевой башни, передоваго пункта непріятельской позиціи, чрезвычайно затруднявшей все дѣйствія и самое расположеніе нашихъ войскъ. За оба послѣдніе дни, изъ которыхъ въ первый Кишинскій сильно контуженъ камнями въ грудь и лѣвое плечо съ разсѣченіемъ мягкихъ частей, онъ, въ числѣ прочихъ, удостоился Высочайшаго благоволенія. — Потомъ Николай Семеновичъ участвовалъ: 16-го іюля — при штурмѣ новаго замка, и 30-го — въ дѣлѣ близъ Чирката, при выборѣ пункта переправы на лѣвый берегъ Койсу; 3-го августа — въ переправѣ черезъ эту рѣку; 4-го при вторичномъ занятіи Чирката; 17-го — при штурмѣ ретраншаментовъ впереди новаго замка Ахульго; 22 и 23-го — при штурмѣ обоихъ замковъ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ упорномъ бою, продолжавшемся съ 23 по 29-е августа, когда каждую саклю, каждую пещеру должно было брать оружіемъ. Въ эту тяжкую недѣлю горцы, не смотря на неминуемую гибель, ни за что не хотѣли сдаваться и защищались съ изступленіемъ: женщины и дѣти, съ камнями или съ киялами въ рукахъ, бросались на штыки или въ отчаяніи кидались въ пропасть, на вѣрную смерть. Трудно изобразить все сцены этого ужаснаго фанатическаго боя: матери, своими руками, убивали дѣтей, чтобы не достались они гяурамъ; цѣлыя семейства

погибали въ развалинахъ саклей. Мюриды, взнемогая отъ ранъ и отдавая оружіе, коварно наносили смерть тому, кто хотѣлъ его принять. Невѣроятныхъ трудовъ стоило выпнать непріятеля изъ пещеръ, находившихся въ отвѣсныхъ обрывахъ, составляющихъ ущелье Койсу: туда солдатъ должно было спускаться на веревкахъ и штурмовать поочередно каждую пещеру. Не менѣе тяжело было для войскъ переносить смрадъ, наполнявшій воздухъ, отъ множества мертвыхъ тѣлъ. Въ тѣсномъ ущелии между старымъ и новымъ Ахульго, войска не могли оставаться безъ смѣны болѣе нѣсколькихъ часовъ. Въ этомъ кровавомъ, продолжительномъ дѣлѣ въ плѣнъ взяты болѣею частію одни лишь женщины, дѣти и старики, но и они, не смотря на свое изнуреніе и раны, находясь уже въ нашихъ рукахъ, покушались на самыя отчаянныя подвиги. Нѣкоторые изъ нихъ, собравъ послѣднія свои силы, выхватывали штыки у часовыхъ и бросались на нихъ, чтобы скорѣе погибнуть, нежели остаться въ плѣну у невѣрныхъ *).

«За отличное мужество и храбрость», оказанную при штурмѣ замка Ахульго, Николай Семеновичъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени, не имѣя младшихъ орденовъ; и кромѣ того онъ, наравнѣ со всѣми, получилъ медаль, Всемилостивѣйше пожалованную Незавеннымъ Государемъ въ память этого штурма.

30-го августа, въ высокаторжественный для Россіи день, отрядъ выступилъ изъ Ахульго, и чрезъ Гимры, Темиръ-Ханъ-Шуру и Внезапную прибылъ къ Чиркею, гордившемуся тѣмъ, что еще никогда Русскія войска въ немъ не бывали. Но дѣло обошлось безъ кровопролитія, ибо большинство жителей этого селенія понимало бесполезность сопротивленія. 18-го сентября отрядъ выступилъ опять къ Внезапной, и вслѣдъ за тѣмъ, войска были распущены въ мѣста обыкновеннаго ихъ расположенія.

Подвиги, оказанные Николаемъ Семеновичемъ въ эту памятную экспедицію, доставили ему, какъ видѣли, три Высочайшія благоволенія, медаль, орденъ Св. Владиміра, и

*) Мелютинъ, *Описаніе военныхъ дѣйствій 1859 года въ Сьерномъ Дагестанѣ*, стр. 118—119.

сверхъ того, онъ былъ произведенъ, 19-го декабря, въ поручики за «отличіе противъ горцевъ».

Только 2½ мѣсяца былъ Кишинскій на квартирахъ. 19-го декабря онъ опять выступилъ въ походъ и провелъ въ экспедиціяхъ снова почти цѣлый годъ. Сперва онъ участвовалъ въ экспедиціи, подъ начальствомъ генераль-маіора Пулло въ Малую и Большую Чечню, продолжавшейся съ января по мартъ, въ теченіе которыхъ войска отряда: 26-го января уничтожили деревни Назбекъ-Юртъ и Баташъ-Юртъ, на Мичивѣ, потомъ двинулись въ Качкалыкъ и Кумыкскія владѣнія; 8-го марта отразили значительную непріятельскую партію, сдѣлавшую нападеніе на Сунженскія деревни; 12-го марта произвели движеніе изъ Грозной, чрезъ Ханъ-Кале, къ Гойтинскому лѣсу, далѣе къ деревнѣ Алдѣ и на лѣвый берегъ Сунжи, имѣя перестрѣлку съ непріятелемъ, а 14-го числа и дѣло съ значительнымъ скопищемъ горцевъ; наконецъ, 27-го при движеніи отъ Умаханъ-Юрта къ Аласханъ-Юрту отразили и преслѣдовали непріятеля.

30-го іюня Николай Семеновичъ поступилъ въ отрядъ генераль-лейтенанта Галафѣева дѣйствовавшій въ тѣхъ же мѣстахъ.

Въ продолженіе всего лѣта и начала осени войска, находившіяся подъ начальствомъ этого генерала, истребляя бунтовавшіе противъ насъ Чеченскія аулы и разбѣвая собиравшіяся въ Чечнѣ скопища, старались силою оружія потушить начинавшееся возстаніе. Но всѣ усилія были безуспѣшны. Распространявшійся мюридизмъ былъ въ то время въ первомъ разгарѣ фанатизма, а густые лѣса Чечни, чрезъ которые еще не были разчищены просѣки, представляли Чеченцамъ всѣ условія къ успѣху. Встрѣчи съ непріятелемъ были весьма кровавы и упорны.

30-го іюня отрядъ Галафѣева выступилъ вверхъ по лѣвому берегу Сунжи и Кишинскій, какъ внесено въ формулярный списокъ объ его службѣ, участвовалъ: въ тотъ же день—въ перестрѣлкѣ, происходившей на водопой при Алханъ-Юртѣ, при уничтоженіи этого аула и Большихъ и Малыхъ Куларъ и Заканъ-Юрта; 1-го іюля—при истребленіи Галой-Юрта, взятіи съ боя и уни-

чтоженіи деревень Большихъ и Малыхъ Самшекъ и при окончательномъ разсѣяніи дер. Казахъ-Кичу, и 2-го іюля — въ перестрѣлкѣ при обратномъ движеніи въ Грозную.

6-го іюля Галафѣевъ выступилъ въ Малую Чечню, внеся истребленіе во внутрь края. Николай Семеновичъ участвовалъ: въ этотъ же день—при разореніи деревни Большой-Чечень; 7-го при уничтоженіи дер. Дуду-Юрта и посѣвовъ до Аргувскаго ущелья, и при занятіи съ боя деревни Чахъ-Кери; 8-го—при взятіи заваловъ, устроенныхъ въ Гойтинскомъ лѣсу, при уничтоженіи деревень Ахшпатай-Гойта, Чунъ-Горой-Юрта и Урусъ-Мартана; 9-го—при отраженіи съ частію отряда, подъ командою флигель-адъютанта князя Бѣлозерскаго-Бѣлосельскаго, значительной партіи, сдѣлавшей нападеніе на фуражировъ; 11-го—при истребленіи деревень Чурыкъ-Рошни, Хши-Рошни и Гехи-Сагъ, съ садами и значительными посѣвами; 11-го — при пораженіи огромныхъ Чеченскихъ скопищъ въ Гехинскомъ лѣсу и въ укрѣпленной позиціи на рѣкѣ Валарикѣ, при взятіи штурмомъ заваловъ, тутъ устроенныхъ, и 12-го—при истребленіи части деревни Ачхой. 15-го іюля отрядъ возвратился въ Грозную. Въ эти десять дней сдѣланъ былъ въкоторый вредъ Чеченцамъ, надъ которыми въ бою мы вездѣ имѣли поверхность, но и сами потерпѣли значительную потерю въ людяхъ, особенно 11-го—при Валарикѣ, гдѣ отрядъ неожиданно наткнулся на весьма крѣпкую позицію, занятую многочисленными скопищами мятежниковъ.

17-го іюля Николай Семеновичъ опять участвовалъ въ движеніи изъ крѣпости Грозной къ Умаханъ-Юрту и въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ на водопой у Мичикъ Юрта.

27-го сентября генераль-лейтенантъ Галафѣевъ двинулся изъ Грозной въ Большую Чечню, для наказанія ея жителей. Николай Семеновичъ находился въ этомъ отрядѣ и участвовалъ: 29-го — при взятіи съ боя Герменчука. Устроивъ при этой деревнѣ укрѣпленный вагенбургъ, Галафѣевъ предпринималъ поиски въ разныя стороны, для истребленія ауловъ и хуторовъ. Изъ нихъ Кишинскій участвовалъ: 30-го сентября—въ движеніи противъ скопищъ Ахверды-Магомы, къ деревнѣ Герменчукъ, при вторич-

номъ ея взятіи и истребленіи; 4-го октября—въ движеніи къ Шали и при взятіи и истребленіи этой деревни; 5-го—въ фуражировкѣ, произведенной цѣлымъ отрядомъ къ сторопѣ Автура, 7-го — при истребленіи Шалинскихъ хуторовъ, 10-го—въ движеніи черезъ лѣсъ, занятый непріятелемъ, къ Сала-Юрту, при уничтоженіи этой деревни, равно хутора Арсакая, деревни Автуръ и хутора Асабая, и оттуда въ обратномъ слѣдованіи съ отрядомъ въ укрѣпленный вагенбургъ, при сильномъ натискѣ со стороны непріятели.

Но эти непрерывныя движенія и дѣла не приносили большой пользы, потому что время для усмиренія Чечни было пропущено. Всѣ аулы уже присоединились къ Шамиллю и всѣ поклялись не вступать въ сношенія съ Русскими. Даже напротивъ, дѣйствія войскъ нашихъ еще болѣе раздражали Чеченцевъ и способствовали возмутелю усилиться до такой степени, что имѣвшихъ тогда на Кавказской линіи способствъ, наконецъ, дѣйствительно уже не было достаточно для нанесенія ему чувствительныхъ ударовъ.

Въ октябрѣ генераль-адъютантъ Граббе самъ прибылъ въ Грозную и, лично принявъ начальство надъ отрядомъ генераль-лейтенанта Галафѣева, продолжалъ военныя дѣйствія въ Чечнѣ до ноября, въ которомъ опять находился Кишинскій и участвовалъ: 27-го—при движеніи въ деревню Алдѣ; 28-го—вверхъ по правому берегу р. Гойты, въ переходѣ, съ перестрѣлкою, чрезъ Гойтинскій лѣсъ и занятіи Урусъ-Мартана, 29-го—слѣдовалъ съ колонною, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Галафѣева, для истребленія хуторовъ и двухъ большихъ деревень Шухицъ-Юрта и Малчи-Юрта; 30-го — участвовалъ при заватіи позиціи у Валарика и деревни Ачхой и въ истребленіи Умаханъ-Юрта, Шалажи-Таннъ-Юрта и Ихавъ-Кичу; 1-го ноября—при совершенномъ истребленіи деревни Ачхой и въ движеніи внизъ по направленію къ рѣкѣ Натихъ; 3-го ноября въ движеніи на Матіорпу, а потомъ на Заканъ-Юртъ и въ сильномъ арріергардномъ дѣлѣ происходившемъ при этомъ движеніи.

6-го ноября Граббе возвратился въ Грозную; но 10-го

снова выступилъ для наказанія Большой Чечни. Николай Семеновичъ былъ и въ этой экспедиціи и участвовалъ: 10-го—въ движеніи къ деревнѣ Таплы; 11-го въ перестрѣлкѣ съ непріятелями въ лѣсу во время слѣдованія отряда въ Миккиръ-Юртъ; 12-го—въ движеніи къ Гермевчуку, а оттуда въ Гельдыгенъ; 13-го—при истребленіи этой деревни, 14-го—въ дѣлѣ при движеніи отряда отъ Гельдыгена къ Маіортупу, за отличіе въ которомъ произведенъ, 22-го іюля 1841 года, въ штабсъ-капитаны, со старшинствомъ со дня оказаннаго подвига; 15-го—при истребленіи коловною, подъ начальствомъ полковника Фрейтага, деревень: Начи-Юртъ и Инди-Юртъ и въ движеніи къ Аку-Юрту; 16-го—въ колоннѣ генерал-маіора Лабнцова, при истребленіи Бачи-Юрта и Поркуй-Юрта; 17-го—по истребленіи Ака-Юрта, слѣдовалъ съ отрядомъ къ Бата-Юрту, и участвовалъ въ происходившемъ при этомъ дѣлѣ и уничтоженіи послѣдняго аула, а оттуда, черезъ Калыковскій хребетъ, 18-го ноября прибылъ въ Герзелъ-ауль, въ которомъ войска, по позднему уже времени, были распущены.

Кишинскій съ своею ротою наступившую зиму провелъ въ станицѣ Шелковой. Постоянное движеніе въ дѣлахъ и свычка съ опасностію дали возможность развиться у Николая Семеновича самостоятельности и необходимой увѣренности въ себѣ. Скоро представился случай нашему герою выказать себя какъ отдѣльнаго начальника. При самомъ вступленіи на квартиры въ Шелковой, онъ узналъ, что ежегодно въ первое время по замерзаніи Терека, когда открывается возможность безопасно переправляться по льду, горцы переходятъ черезъ рѣку, нападаютъ врасплохъ на станицы, безнаказанно грабятъ и, прежде чѣмъ поспѣеть на помощь какая либо часть войскъ, скрываются съ добычей. Поэтому, около праздника Рождества, когда морозы начали усиливаться, Николай Семеновичъ поручилъ своимъ солдатамъ наблюдать за Тереккомъ, и самъ неуспѣшно слѣдилъ, что дѣлается на рѣкѣ. Съ 22 на 23-е декабря Терекъ сталъ, и ему тотчасъ дали знать, что на противоположномъ берегу, ниже станицы, показалась партія изъ 700 человекъ, подъ начальствомъ наивба Уздемира, который въ то время особенно отличался набѣгами. Партія эта имѣла цѣлью переправиться на

нашъ берегъ и отбить табуны у Ногайцевъ, кочующихъ вблизи Старогладковской станицы. Николай Семеновичъ послалъ конныхъ казаковъ извѣстить объ этомъ начальника Линіи и кордонныхъ начальниковъ, указавъ и на мѣсто, гдѣ, по его соображенію, партія должна будетъ возвращаться, и далъ знать въ ближайшія станицы, чтобы были на готовѣ, но запретилъ дѣлать тревогу и бить въ набатъ, а самъ, со взводомъ пѣхоты, при одномъ орудіи, и нѣсколькими пѣшими казаками переправился за Терекъ, и, открывъ слѣды партіи, расположился на пути отступленія. Онъ занялъ находившіеся тамъ старые окопы и направилъ орудіе вдоль по дорогѣ, по которой партія слѣдовало проходить. Снѣгъ былъ глубокой; около полуночи хищники наткнулись на секретъ выше Старогладковской и послѣ залпа, сдѣланнаго по нимъ, видя себя открытыми, стали возвращаться назадъ. Время было далеко за полночь, когда передовые изъ непріятельской партіи показались на дорогѣ, занятой Кишинскимъ. Выждавъ ихъ приближенія, Николай Семеновичъ приказалъ стрѣлять. Бывшій при орудіи артиллеристъ, въ торопяхъ, потушилъ фитиль, но пѣхота открыла ружейный огонь. Горцы, предполагая найти небольшой секретъ, спѣшили и съ гикомъ бросились въ шашки; но въ это время Кишинскій самъ уже лично вырубилъ огонь, успѣлъ зажечь фитиль и ударилъ въ упоръ картечью. Не ожидая найти орудіе и озадаченные такой встрѣчей, горцы бросились къ лошадямъ, а между тѣмъ орудіе было вновь заряжено и вновь сдѣланъ выстрѣлъ. Смущенный и разстроенный непріятель обратился въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ 70 тѣлъ и множество лошадей. Николай Семеновичъ преслѣдовалъ ихъ до Акбулатъ-Юрта, — около трехъ верстъ, — но далѣе гвать не могъ, по неимѣнію кавалеріи, ибо ожидаемые конные отряды не прибыли во время.

Весною 1841 года Кишинскій поступилъ въ Чеченскій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ генерал-адъютанта Граббе, долженствовавшій, вмѣстѣ съ Дагестанскимъ отрядомъ, подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, генерала отъ инфантеріи Головина, прежде всего обратиться къ Чиркею, овладѣніе которымъ и прочное въ немъ утверженіе составляли первоначальную цѣль дѣйствій.

9-го мая Николай Семеновичъ слѣдовалъ съ частію войскъ на сборный пунктъ при Амиръ-Аджи-Юртѣ, а потомъ, вмѣстѣ съ отрядомъ Граббе, участвовалъ: 12-го—въ движеніи, чрезъ крѣпость Внезапную, къ Міатлынской переправѣ и въ перестрѣлкѣ, при этомъ происходившей; 13-го—въ движеніи къ деревнѣ Инчхе и въ продолжительномъ упорномъ бою, происходившемъ при овладѣніи берегомъ р. Ачи-Су и Татли-Су и окрестными ихъ высотами; 14-го—въ усиленной фуражировкѣ по рѣкѣ Татли-Су и въ перестрѣлкѣ съ горцами.

Здѣсь соединился Чеченскій отрядъ Граббе съ Дагестанскимъ и оба они, подѣ начальствомъ Головина, двинулись къ Черкею, на сей. Хубары. 15-го мая Николай Семеновичъ участвовалъ во взятіи, съ рукопашнаго боя, непріятельской позиціи на Хубарскихъ высотахъ, сильной отъ природы, укрѣпленной завалами и занимаемой многочисленнымъ скопищемъ Шамиля,—въ побѣдѣ, которая имѣла самыя рѣшительныя и важныя послѣдствія. Чиркей былъ занятъ въ тотъ же вечеръ генераль-лейтенантомъ Фези.

20-го мая Граббе оставилъ лагерь соединенныхъ отрядовъ и двинулся за скопищами Шамиля въ землю Ауховскую. При этомъ Кишинскій участвовалъ: 20-го—въ перестрѣлкѣ съ толпами горцевъ при деревнѣ Гунѣ, 21-го—въ совершенномъ истребленіи деревень Дылымъ и Юрта-Ауха, а при послѣдней и въ жаркомъ дѣлѣ съ горцами; 22-го—въ овладѣніи Акташъ-Аухомъ и окрестными высотами и въ перестрѣлкѣ съ непріателемъ; потомъ въ перестрѣлкахъ: 24-го—во время движенія чрезъ Герзель-Аулъ къ Умаханъ-Юрту, и 26 и 27-го—на лѣвомъ берегу Сунжи. 2-го іюня генераль-адъютантъ Граббе прибылъ въ Грозную.

Съ 22-го Николай Семеновичъ участвовалъ въ движеніи отряда къ Аргунскому ущелью, въ сильной перестрѣлкѣ съ партією Ахверды-Магомы, происходившей 26-го—при возвращеніи въ Грозную. 1-го августа онъ былъ въ отрядѣ, двинувшемся съ Закавъ-Юрту, а съ 5-го числа—при работахъ по возведенію тамъ укрѣпленія; съ 12-го по 16-е августа—участвовалъ въ движеніи съ от-

рядомъ чрезъ Сунжу, Тепи-Юртъ и Ачхой къ Казахъ-Кичу, при которомъ также возводилось укрѣпленіе.

26-го сентября Николай Семеновичъ участвовалъ въ отраженіи партіи горцевъ, напавшей на деревню Акбулатъ-Юртъ, и «за отличіе», оказанное при этомъ, ему пожаловано въ пособіе 290 руб. — Чрезъ день, 28-го, въ главномъ отрядѣ, двинулся онъ отъ Казахъ-Кичу для вторженія въ землю Галашевцевъ и участвовалъ: въ этотъ день—въ упорномъ боѣ съ горцами въ лѣсу, прилегающемъ къ аулу Чимулго и во взятіи съ боя ауловъ Верхніе, Нижніе и Средніе Чурти-Аршты; 29-го—въ перестрѣлкѣ и схваткѣ съ горцами при взятіи аула Берешни и его каменной башни, которая была взорвана, а вслѣдъ за тѣмъ разрушено 8 ауловъ; 30-го сентября — въ непрерывной перестрѣлкѣ и частыхъ схваткахъ при обратномъ движеніи внизъ по Ассѣ. 1-го октября главный отрядъ возвратился къ Казахъ-Кичу. На другой день Николай Семеновичъ участвовалъ въ преслѣдованіи партіи горцевъ, напавшихъ на передовую цѣпь нашего лагеря при этомъ укрѣпленіи.

15-го октября при раздѣленіи главнаго отряда на три части, Кишинскій поступилъ въ составъ колонны полковника Фрейтага, и изъ Грозной двинулся къ дер. Алдѣ; 17-го находился въ жаркомъ дѣлѣ въ Гойтинскомъ лѣсу; 18-го колонна эта соединилась съ главнымъ отрядомъ и Николай Семеновичъ участвовалъ: 19-го—въ перестрѣлкѣ съ непріателемъ во время движенія къ Алдѣ и при расположеніи лагеремъ на рѣкѣ Гойтѣ, 20-го въ перестрѣлкѣ при фуражировкѣ и при истребленіи жизненныхъ припасовъ непріятеля; 22-го—въ истребленіи близъ-лежащихъ хуторовъ и въ перестрѣлкѣ въ это время съ горцами; 23-го—во взятіи и истребленіи лѣсныхъ хуторовъ и при этомъ въ рукопашномъ бою и сильными перестрѣлками съ толпами Ахверды-Магомы; 24-го въ движеніи на дер. Большой Чечень, 25-го на дер. Бѣлтухай и 26-го къ дер. Шали и въ перестрѣлкахъ при истребленіи въ это время запасовъ сѣна и жилищъ горцевъ; 27-го въ движеніи къ дер. Гельдигенъ и Автуру, при чемъ находился въ перестрѣлкѣ; 28-го и 29-го въ движеніи къ дер. Маіортупу и Аку-Юрту, при перестрѣл-

кахъ съ горцами, происходившихъ во время истребленія хлѣба и просы, сокрытыхъ непріятелями въ лѣсахъ и, въ тоже время, въ частыхъ схваткахъ, причемъ, въ первыхъ изъ этихъ дней, онъ былъ контуженъ ружейною пулею въ лѣвую ногу; 30-го — въ движеніи, съ частію отряда, подъ начальствомъ полковника Фрейтага къ дер. Бата-Юрту и въ упорномъ дѣлѣ, бывшемъ при этомъ аулѣ. 1-го ноября изъ Герзель-аула отрядъ былъ распущенъ.

Кромѣ упомянутой денежной награды, «за отличіе», оказанное Николаемъ Семеновичемъ «въ дѣлахъ съ горцами» въ эту экспедицію, ему объявлено именное Высочайшее благоволеніе.

Безпрерывныя дѣла, въ которыхъ присутствіе духа, распорядительность и личная храбрость Кишинскаго имѣли случай постоянно проявляться, заслужили нашему герою особенное вниманіе генераль-лейтенанта Граббе, генерала Головина и сблизили съ полковникомъ Фрейтагомъ, въ послѣдствіи столь знаменитымъ Кавказскимъ генераломъ.

Зиму на 1842 годъ Николай Семеновичъ провелъ на Кумыхской плоскости въ Батамъ-Юртѣ, гдѣ, при частыхъ тревогахъ, онъ дѣятельностію своею пріобрѣлъ извѣстность между Кумыками и, успѣшнымъ охраненіемъ ихъ деревень, внушилъ имъ такое уваженіе и довѣріе къ себѣ, что Кумыки охотно исполняли всѣ его распоряженія и рѣшались на самыя опасныя предпріятія.

Въ 1842 году Кишинскій находился снова въ отрядѣ генераль-адъютанта Граббе, и участвовалъ въ Ичкеринской экспедиціи, столь извѣстной по трудностямъ и потерямъ, испытаннымъ въ ней нашими войсками.

Эта экспедиція предпріяли было съ цѣлью проникнуть въ Дарго—мѣстопробываніе Шамиля, избранное ими по взятіи нами Ахульго. Но войска обремененныя обозомъ, слѣдуя по лѣсистому, безводному пути, встрѣтили препятствія непреодолимыя, и генераль Граббе на этотъ разъ былъ вынужденъ отказаться отъ своего намѣренія.

Выступивъ 30-го іюня изъ Герзель-Аула, отрядъ въ продолженіи трехъ дней прошелъ только 25 верстъ, встрѣчая непрерывныя завалы, и видя немолкаемую перестрѣлку и рукопашный бой съ горцами. Очевидно было, что дальнѣй-

шее наступленіе невозможно, и генераль-адъютантъ Граббе 2-го іюля началъ отступленіе.

Войска съ бодростію преодолевали всѣ трудности наступленія; но видя неудачу, поколебались и упали духомъ. Перестрѣлка непріятеля не умолкала; горцы сильно тѣснили отрядъ, и неоднократно прорывались чрезъ боковыя колонны. Замѣшательство и безпорядки дошли до крайней степени, связь между частями и общія распоряженія прекратились. Чтобы спасти раненыхъ и артиллерію, бросали тяжести и старались поддержать порядокъ въ немногихъ сохранившихся частяхъ. Но, среди глубокаго мрака этихъ дней, сугубымъ блескомъ сіяли похвальные подвиги нѣкоторымъ частей и ихъ начальниковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Николай Семеновичъ, который имѣлъ случай не разъ обращать на себя особенное вниманіе генераль-адъютанта Граббе и, 7-го апрѣля 1843 года, получилъ чинъ капитана «за отличіе», со старшинствомъ съ 3-го іюля, т. е. съ памятнаго дня отступленія. Наконецъ, 4-го іюля, Чеченскій отрядъ возвратился въ Герзель-Аулъ, а 5-го въ Грозную и былъ распущенъ.

Осенью этого года Николай Семеновичъ съ своей ротой стоялъ въ Ойсунгуреккомъ лагерѣ и участвовалъ въ дѣлахъ на Кумыхской плоскости, которая въ продолженіи осени встрѣчались непрерывно, а по роспускѣ войскъ на зимовыя квартиры, 4-го декабря, Кишинскій опять былъ оставленъ въ Батамъ-Юртѣ для охраненія Кумыхскихъ деревень.

Зима и весна того года не доставили много времени для отдохновенія отъ боевыхъ заботъ — тревоги случались безпрестанно; мюридизмъ дѣлалъ тогда большіе успѣхи, и владычество Шамиля все болѣе и болѣе распространялось. Успѣвъ возбудить сильный фанатизмъ въ горахъ, возстановивъ противу насъ Чечню, Шамиль хотѣлъ взбунтовать и Кумыхскія владѣнія. Но издавна преданные Россіи, и болѣе другихъ горцевъ ознакомившись съ выгодами просвѣщенія и гражданскаго благоустройства, Кумыки оставались вѣрными, не принимали посланцевъ отъ Шамиля и съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчали высланныя Шамилемъ партіи. Но и между Кумыками начинали, однако, являться поклонники новаго ученія (мюридизма).

Желая отомстить Кумыкамъ, горцы усиливали нападенія

на ихъ деревни. Рѣдкій день проходилъ безъ тревоги. Непріятель то нападалъ на Кумыхскія стада, то старался захватить въ плѣнъ выходившихъ на работы въ поле, а иногда покушался нападать и на самыя деревни. Войска, охранявшія край были въ непрерывномъ движеніи. Николай Семеновичъ, уже знакомый Кумыкамъ, въ продолженіи этого времени много имѣлъ случаевъ оказать имъ услугу, и часто заставлялъ горцевъ не только отказываться отъ своихъ намереній, но, во время предупреждая попытки непріятели, не рѣдко успѣвалъ нанести имъ сильное пораженіе.

Распорядительность Кишинскаго, его личная храбрость, наѣздничество и мѣткая стрѣльба столь высоко поставили нашего героя въ мнѣніи народа, что благомыслящіе Кумыки, опасаясь подготовлявшагося всеобщаго возстанія горцевъ, сами просили бывшего тогда начальникомъ Лѣваго фланга, генерала Фрейтага, о назначеніи къ нимъ Николая Семеновича главнымъ приставомъ. Фрейтагъ, хорошо зная Кишинскаго, охотно согласился исполнить ихъ просьбу и, 24-го мая 1843 года, Николай Семеновичъ вступилъ въ исправленіе этой должности.

Кумыки встрѣтили его съ восторгомъ и нашъ герой, въ продолженіе трехлѣтняго управленія этимъ народомъ, вполне оправдалъ такое довѣріе. Онъ не только не позволялъ распространяться волненію, начинавшемуся при назначеніи его въ должность пристава, но заставилъ и самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Шамиля разорвать всякія сношенія какъ съ нимъ, такъ и съ его пограничными наибами, и даже успѣлъ убѣдить ополчиться вмѣстѣ съ другими за общее дѣло.

Озлобленный неудачею въ своихъ предпріятіяхъ, Шамиль нѣсколько разъ нападалъ на главное Кумыхское селеніе— Андреевскій аулъ, гдѣ было и мѣстопребываніе Кишинскаго; но всѣ эти попытки были отбиты съ стыдомъ для Имама и съ потерей для горцевъ. Не разъ также Шамиль обѣщалъ большое вознагражденіе за голову Кишинскаго, но его всегда спасала преданность Кумыковъ. Озабоченный охраненіемъ вѣрнннго ему народа, Николай Семеновичъ во все время своего приставства велъ жизнь постоянно походную. Въ тревожные для Кавказа 1843 и 1844 года Кишинскій, можно сказать, не сходилъ съ своего боеваго коня. Въ это время ему весьма часто случалось, отразивъ непріятельское

нападеніе у одного селенія, не возвращаясь домой, скакать на другую тревогу, и такъ проводить по нѣскольку дней. Во всѣхъ такихъ дѣлахъ Николай Семеновичъ долженъ былъ лично участвовать въ рукопашныхъ бояхъ и ему нерѣдко приходилось обогрѣть свою шапку вражескою кровью, много лошадей было подъ нимъ перебито и переранено, но Господь спасалъ его. Подвиги безстрашія и мужества нашего героя оставили ему у Кумыковъ наименованіе *батырь* (богатырь). Подъ этимъ наименованіемъ они воспѣвали Кишинскаго въ своихъ пѣсняхъ, и эти пѣсни, сдѣлавшись народными, сохраняются до нынѣ.

Въ нашихъ жизнеописаніяхъ, при малѣйшей возможности, мы перечисляемъ всѣ дѣла, гдѣ только участвовало лицо, жизнь и подвиги котораго *имѣемъ честь* изображать, по убѣжденію, что въ подобныхъ трудахъ (монографіяхъ), долгъ сохранить тѣ случаи, гдѣ воинъ подвергался очевидной опасности пролить свою кровь или запечатлѣть смертію долгъ къ Государю и Отечеству. Людямъ, неимѣющимъ счастья носить благородное званіе защитника св. родины, могутъ показаться утомительными подобныя перечисленія встрѣчъ и перестрѣлокъ съ непріятеlemъ, движеній и переходовъ, но смѣемъ напомнить такимъ цѣнителямъ отзвѣтъ Благословеннаго Монарха о трудахъ походной жизни *). Александръ сказалъ

*) Въ сентябрѣ 1813 года Императоръ Александръ Павловичъ занималъ въ Альтенбургѣ замокъ герцога Саксен-Готскаго, выстроенный на горѣ, и по вечерамъ изъ оконъ обозрѣвалъ картинныя виды бивачныхъ огней и необъятное ихъ зарево. Погода становилась ненастная; дули холодные вѣтры, перепадалъ дождь. Однажды вечеромъ, когда ливень гасилъ огни, едва мелькавшіе среди бури, и разносилъ солому и хворостъ биваковъ, Государь, стоя у окна, говорилъ о лишеніяхъ, сопряженныхъ съ военною службою, и сказалъ: «Сколько трудностей, напримѣръ, должна теперь переносить армія! Какъ Мнѣ не любить военныхъ, жертвующихъ здоровьемъ и жизнью, и не предпочитать ихъ тѣмъ господчикамъ, которыхъ вижу Я иногда изъ Зимняго Дворца, какъ они, уснувши на мягкой постелѣ, часу въ одиннадцатомъ утра, идутъ по бульвару къ своимъ должностямъ? Можно-ли сравнивать службу ихъ съ военною?» (Михайловскій-Данилевскій, *Описаніе войны 1813 года*, ч. II, стр. 120).

Свои слова, дорогія для солдата, на походъ по Германіи, среди обработанныхъ полей, удобныхъ жилищъ, въ центрѣ Европейскаго просвѣщенія и комфорта; но они, еще въ несравненно сильнѣйшей степени, принадлежатъ войнамъ Кавказскимъ, проводящимъ лучшія лѣта жизни въ горахъ, среди дикой природы, грубыхъ обитателей, лишеннымъ весьма часто даже необходимаго. Такимъ правиломъ мы руководствуемся и теперь.

Въ самый день вступленія въ должность главнаго-пристава, 24-го мая, Кишинскій участвовалъ въ преслѣдованіи хищнической партіи по дорогѣ къ Шавдону; потомъ лично находился въ перестрѣлкахъ съ горцами: 30-го мая—у Амиръ-Аджи-Юрта, 2-го іюня—у Магометова поста, 8-го—у рѣки Ярыкъ-Су, 13-го—у дер. Андреевской, 19-го—при отраженіи нападенія на жителей деревни Умаханъ и Аласханъ-Юрта; 3-го іюля—во время прикрытія работъ; 17-го и 18-го—при фуражировкѣ у Амиръ-аула и 3-го августа—во время слѣдованія съ колонною выславною изъ укрѣпленія Ташъ-Кичу для рубки дровъ и при отбитіи скота.

Но особенно памятенъ для Кумыковъ день 30-го сентября, когда подъ начальствомъ Кишинскаго, они отразили троекратное нападеніе огромной партіи Шамиля на Андреевскій аулъ. Въ этой геройской оборонѣ Кумыки во всемъ блескѣ выказали свое молодечество, и заставили Шамиля дорогою поплатиться за его покушеніе. Горцы потеряли до 700 человекъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ нѣсколько извѣстныхъ Наибовъ, и кромѣ того у нихъ было отбито 17 значковъ.

«За отличіе», оказанное въ этомъ дѣлѣ, Николай Семеновичъ получилъ орденъ Св. Станислава 2-й степени.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ разсылалъ нѣсколько другихъ, направленныхъ Шамилемъ на разные пункты, скопищъ и тѣмъ уничтожилъ всѣ планы возмутителя, имѣвшія цѣлю разореніе ауловъ и возмущеніе подвѣдомственныхъ ему Татаръ по правой сторонѣ Терека и заставилъ Имама отступить къ горамъ.

Кромѣ охраненія Кумыкскихъ владѣній, Николай Семеновичъ въ тоже время, съ находившеюся при немъ Кумыкскою милиціею, неоднократно принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ другихъ частяхъ Кавказа, внѣ вѣренной его охраненію Кумыкской плоскости.

Осенью 1843 года въ Дагестанѣ вспыхнуло возстаніе. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Акушинскій кадій, съ 8,000 скопищемъ, обложилъ Низовое укрѣпленіе, а Салатавскій наибъ Шихъ-Мандиръ-Аджи готовился овладѣть укр. Міатлинскимъ, въ которомъ тогда существовала единственная паромная переправа черезъ Сулакъ, для ближайшаго сообщенія Дагестана съ войсками Кавказской линіи. На выручку нашихъ войскъ въ Дагестанѣ, запертыхъ горцами въ занимаемыхъ ими крѣпостяхъ, двинулся Фрейтагъ.

14-го ноября отрядъ этого генерала, выступивъ изъ Куринскаго укрѣпленія, направился, черезъ крѣпость Внезапную и селеніе Султанъ-Янги-Юртъ, къ аулу Кумтер-Кале. Наказавъ здѣсь бунтовавшихъ жителей, Фрейтагъ двинулся къ укрѣпленію Низовому и 19-го числа атаковалъ многочисленное скопище Акушинцевъ, усиливавшееся одолѣть упорство гарнизона. Николай Семеновичъ, при этой экспедиціи, командовалъ авангардомъ Фрейтага, составленныхъ изъ отборныхъ Кумыковъ и казаковъ. Опрокинувъ толпы непріятеля, пытавшіяся остановить войска, пришедшія на выручку, и отбивъ 7 значковъ, онъ первый проникнулъ до укрѣпленія и первый былъ свидѣтелемъ восторга гарнизона, который геройски выдержавъ, подъ командою штабсъ-капитана Бибанова, продолжительную осаду и отбивъ неоднократные, отчаянные штурмы горцевъ, въ приходѣ Фрейтага видѣлъ день своего освобожденія.

«За отличіе», оказанное при этомъ, Николай Семеновичъ былъ награжденъ чиномъ майора, въ который онъ произведенъ 12-го декабря, со старшинствомъ, со дня подвига.

Выручивъ Низовое, Фрейтагъ направился къ осажденнымъ Міатламъ и 23-го ноября непріятель, занимавшій крѣпкую позицію на высотахъ близъ укрѣпленія, былъ разбитъ на голову; Николай Семеновичъ въ этомъ дѣлѣ также командовалъ передовыми войсками.

Въ 1844 году Николай Семеновичъ участвовалъ: 20-го января въ перестрѣлкѣ съ Чеченцами близъ Магометова поста, въ слѣдующую ночь въ дѣлѣ близъ Ташъ-Кичу съ партіею Шуаипъ-Муллы, при отбитіи захваченнаго скота, а на другой день—въ отраженіи хищниковъ, появившихся близъ крѣпости Внезапной; 21-го марта—въ дѣлѣ отряда, выславаго изъ этой крѣпости для

рубки дровъ, съ значительною партією горцевъ; ночью съ 5-го на 6-е, 15-го и 20-го апрѣля — при отраженіи хищниковъ, покушавшихся: въ первый разъ—переправиться черезъ рѣку Терекъ близъ поста Манавновскаго; во второй—захватить скотъ мирныхъ Чеченцевъ близъ Умаханъ-Юрта, а въ третій—отбить табунъ и скотъ войскъ, расположенныхъ лагеремъ при Амиръ-Аджи-Юртѣ и въ Ташъ-Кичу; 23-го и 26-го апрѣля—въ пораженіи скопища Чеченцевъ, въ первый день—находясь въ войскахъ подъ начальствомъ полковника Козловскаго, по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Акташа; во второй день — находясь въ войскахъ генераль-маіора Фрейтага, — близъ Караагачскаго лѣса; 28-го апрѣля—въ отраженіи хищниковъ, напавшихся отбить скотъ жителей Старого-Юрта, пашійся близъ укрѣпленія Горячеводска; 8-го мая—въ перестрѣлкѣ съ партією Чеченцевъ, внезапно захватившей часть казачьяго табуна близъ Магометова поста и при слѣдованіи этой партіи; при отраженіяхъ партій непріятельскихъ, напавшихъ: 16-го мая—на мирныхъ Кумыковъ близъ крѣпости Внезапной, 20-го—на жителей, поселившихся близъ Куртинскаго укрѣпленія, 3-го июня—на прикрытіе табуна Герзель-аульскаго укрѣпленія, 21-го — на табунъ и скотъ деревни Андреевской и 12-го іюля—на скотъ деревень Умаханъ-Юрта и Аласъ-Ханъ-Юрта; въ преслѣдованіи партій хищниковъ, появившихся: ночью съ 10 на 11-е августа—близъ новоучрежденнаго моста и 18-го—близъ деревни Барабочевской; 16-го сентября—въ дѣлѣ съ партією горцевъ близъ Алгеръ-Ауха; 17-го октября—въ стычкѣ съ горцами на рѣкѣ Ярыкъ-Су близъ Баталь-Юрта; въ перестрѣлкахъ съ Чеченцами: 27-го октября—во время слѣдованія изъ Куринскаго укрѣпленія въ Аласъ-Ханъ-Юртъ, 30-го и 31-го—во время рубки лѣса близъ этого укрѣпленія, 12-го ноября—при обратномъ слѣдованіи съ фуражирами въ него, съ 16-го на 17-е ноября—на фуражировкѣ у Герзель-аула, 29-го—во время рубки дровъ у этого укрѣпленія и съ 24-го на 25-е декабря—съ партією, покушавшеюся переправиться черезъ Терекъ близъ поста Верхне-Прокопскаго.

Лѣтомъ 1845 года Николай Семеновичъ находился въ отрядѣ генераль-лейтенанта Фрейтага, который въ началѣ

іюля, по волѣ князя Воронцова, наступавшаго въ то время къ аулу Дарго, былъ собранъ въ крѣпости Грозной для развлеченія вниманія непріятели, и дѣйствовалъ со стороны Большой Чечни.

При этомъ онъ участвовалъ: 2-го іюля въ затруднительной переправѣ черезъ Аргунь, 3-го — въ перестрѣлкѣ съ Чеченцами при истребленіи около деревни Шали непріятельскаго хлѣба и 4-го — въ обратномъ переходѣ черезъ Аргунь и въ жаркомъ дѣлѣ съ Чеченцами въ арріергардѣ.

Между тѣмъ главный отрядъ, успѣвъ овладѣть Дарго, главнымъ тогда убѣжищемъ Шамиля, самъ былъ поставленъ, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ случайностей, въ весьма затруднительное положеніе. Князь Воронцовъ рѣшился пройти съ отрядомъ внизъ по р. Аксаю къ Герзель-аулу, но какъ главныя выходы по лѣсистымъ ущельямъ горъ были заняты многочисленными скопищами Шамиля, то, для облегченія предпринятаго движенія, главнокомандующій приказалъ начальнику Лѣваго Фланга идти къ нему на встрѣчу, по направленію на Шаухаль-Берды.

Фрейтагъ, съ неимовѣрной быстротой, сосредоточилъ въ Герзель-аулѣ отрядъ, и 18-го іюля направился къ урочищу Мискитъ, имѣя безпрестанную перестрѣлку съ непріятельскими аванпостами. Николай Семеновичъ также находился въ этомъ отрядѣ и «за отличіе», оказанное при этомъ, произведенъ 5-го декабря 1845 года въ подполковники, со старшинствомъ со дня подвига.

19-го іюля Фрейтагъ продолжалъ дальнѣйшее движеніе и не смотря на утомленіе войскъ, прошедшихъ въ 2 сутокъ 150 верстъ, тотчасъ по приходѣ къ укр. Шаухаль-Берды вступилъ въ бой съ непріятелемъ. Горцы, занявъ находящуюся вблизи означеннаго урочища поляну и лѣсъ, старались не допустить Фрейтага до соединенія съ главнымъ отрядомъ, подходившемъ въ то время къ Шаухаль-Берды съ противоположной стороны. Николай Семеновичъ въ эти трудныя дни имѣлъ много случаевъ выказать свою распорядительность, и обратилъ на себя вниманіе князя Воронцова.

О пользѣ, какую принесло главной колоннѣ движеніе Фрейтага, можетъ дать понятіе приказъ князя Воронцова, отданный по войскамъ въ Герзель-аулѣ 21-го іюля.

«Спасибо вамъ ребята! — говорилъ князь Воронцовъ этому отряду, — тысячу разъ спасибо вамъ и достойному вашему начальнику за помощь, вами намъ оказанную. Оба отряда всегда будутъ помнитъ съ удовольствіемъ и походомъ сей, и счастливое наше съ вами соединеніе. Спасибо вамъ еще разъ, вамъ и храброму Фрейтагу—ура!»

Въ 1846 году Николай Семеновичъ въ продолженіе лѣта снова находился въ военныхъ дѣйствіяхъ, происшедшихъ на Кумыхской плоскости, и опять имѣлъ случаи выказать отличіе. Между прочимъ, 2-го іюля онъ участвовалъ въ перестрѣлкѣ съ Чеченцами команды Куринскаго гарнизона, во время фуражировки и «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости», оказанныхъ при этомъ, награжденъ ордепомъ Св. Анны 2-й степени.

Довѣріе и преданность Кумыковъ къ Николаю Семеновичу съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ отличіемъ болѣе и болѣе возрастали и укрѣплялись. Кромѣ боевой опытности и распорядительности, Кишинскій внушалъ имъ это довѣріе и своими личными достоинствами. Кавказскіе горцы глубоко уважаютъ рыцарскія понятія о презрѣніи опасности, и высоко цѣнятъ людей, въ которыхъ видятъ эти свойства. Николай Семеновичъ, управлявшій Кумыками три года, въ самое смутное время, имѣлъ случаи не разъ выказывать эти высоко цѣнимыя горцами свойства.

Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, который не могъ не произвестись, какъ на Кумыковъ, такъ и на сосѣднихъ горцевъ, сильнаго нравственнаго вліянія и высоко поставтъ въ ихъ глазахъ нашего героя.

Однажды Кишинскому дали знать, что одинъ фанатикъ изъ непокоренныхъ горцевъ взялся убить его, и долженъ явиться къ нему, подъ предлогомъ переговоровъ. Узнавъ день и часъ прибытія злоумышленника, Николай Семеновичъ приказалъ, вопреки принятому обыкновенію, впустить его къ себѣ въ полномъ вооруженіи и привялъ его въ своей комнатѣ одинъ на одинъ. Подойдя къ вошедшему безъ всякаго оружія, онъ объявилъ убійцѣ, что знаетъ объ его намѣреніи. Поступокъ этотъ до того поразилъ горца, что онъ тотчасъ же самъ во всемъ сознался, и поклялся быть Кишинскому самымъ вѣрнымъ

кунакомъ. Горецъ дѣйствительно сдержалъ слово, и впоследствии оказывалъ Николаю Семеновичу неоднократныя услуги, извѣщая о намѣреніяхъ Шамиля и наивовъ, относительно подвѣдомственныхъ ему владѣній и о покушеніяхъ на его жизнь, посредствомъ подкупныхъ убійцъ. При этомъ и сами Кумыки, зная о такихъ покушеніяхъ Шамиля, берегли любимаго начальника, безъ его вѣдома.

Между тѣмъ Николай Семеновичъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе расположеніе доблестнаго Фрейтага и Роберта Карловичъ, 7-го октября 1846 года, вызвалъ его въ Куринскій полкъ для командованія баталіономъ, съ намѣреніемъ приготовить въ полковые командиры. Такимъ образомъ окончилось его управленіе Кумыкомъ. Признательные Кумыки съ грустью разстались съ Кишинскимъ и всѣ селенія прислали своихъ депутатовъ благодарить его за славное время его управленія, а при отъѣздѣ самые почетные старшины провожали его со слезами. Назначенный Кумыхскимъ приставомъ въ чинѣ капитана, Николай Семеновичъ въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ своего приставства получилъ, какъ видѣли, за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, чины маіора и подполковника и ордена Св. Станислава и Св. Анны 2-хъ степеней.

Во время командованія баталіономъ довѣренность Фрейтага къ Кишинскому выказывалась постоянно. Робертъ Карловичъ всегда бралъ его въ свои, смѣло можно сказать, образцовыя во всѣхъ отношеніяхъ, экспедиціи, столь памятыя для горцевъ.

Въ декабрѣ 1846 года Николай Семеновичъ участвовалъ въ быстромъ набѣгѣ Фрейтага на Алдинскіе хутора, разсѣянные на пространствѣ шести верстъ по густому лѣсу, въ 12 верстахъ къ югу отъ Грозной, на рѣчкѣ Гойтѣ, самаго непреклоннаго во враждѣ противъ насъ населенія Чечни, и постоянно служившіе притономъ для мятежныхъ шаекъ. При этомъ Кишинскій былъ столько отличенъ своимъ генераломъ, что Робертъ Карловичъ, не смотря на старшинство многихъ другихъ штабъ-офицеровъ, часто поручалъ ему отдѣльныя колонны. Такимъ образомъ и въ этой непродолжительной экспедиціи Кишинскій, въ теченіе 7 дней, съ 15 до 22-го декабря,

былъ постоянно назначаемъ съ отдѣльными небольшими колоннами для истребленія хуторовъ.

«За быстрое движеніе и распорядительность», оказанная въ Алдинской экспедиціи, Кишинскій получилъ благодарность князя Воронцова, отданную въ приказѣ по корпусу.

Въ слѣдующемъ году Николай Семеновичъ находился въ зимней экспедиціи генерала Фрейтэга, продолжавшейся съ ноября 1847 по февраль 1848 года. Это была послѣдняя экспедиція Роберта Карловяча, столь ярко и прочно вписавшаго свое имя въ лѣтописи Кавказской войны, и достойно завершила его славное боевое поприще на Кавказѣ.

Военныя дѣйствія на Лѣвомъ флангѣ на время затихли, и главныя успія нашего Правительства противу горцевъ, въ послѣдующіе затѣмъ три года, были направлены со стороны Дагестана.

15-го мая 1848 года Николай Семеновичъ былъ переведенъ въ пѣхотный генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго (нынѣ Ширванскій) полкъ, къ которому прибылъ 6-го іюня. Фельдмаршалыцы, какъ тогда звали Ширванцевъ, въ это время готовились, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго-Долгорукова, въ походъ на Гергебилю. Нашъ герой раздѣлялъ съ ними опасности и славу экспедиціи, а во время осады Гергебиля исправлялъ должность траншей-маіора. Кромѣ того онъ участвовалъ: 23-го іюня—въ движеніи колонны генераль-маіора Бриммера для занятія глубокаго оврага р. Гергебиля и прилежавшихъ въ ней садовъ, и въ происходившемъ при этомъ упорномъ боѣ съ непріателемъ; 24-го—въ занятіи редута на правой сторонѣ оврага; 25-го—въ отраженіи значительной партіи горцевъ, спускавшихся съ Кудухскаго перевала на позицію полковника Евдокимова; 7-го іюля—при овладѣніи Гергебилемъ и слѣдующую недѣлю въ разрушеніи его; 15-го—въ сильномъ бою съ непріателемъ во время движенія въ укрѣпленіе Хаджи-Махи. За отличіе, оказанное при осадѣ Гергебиля, Николай Семеновичъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость».

Въ томъ же году, въ началѣ сентября, Шамиль, съ наибами своими: Даніель-Бекомъ и Гаджи-Муратомъ,

предпринялъ сильное вторженіе въ Самурской округъ, и одновременно съ тѣмъ, угрожая Нухинскому уѣзду, занялъ верхніе магалы Джаро-Белоканьскаго округа, и двинулъ сильныя партіи на хребетъ, прилегающій къ Лезгинской кордонной линіи. Со стороны послѣдней линіи овъ вичего болѣе предпринять не могъ, потому что проходы съ горъ и всѣ важнѣйшіе пункты были заняты войсками Лезгинскаго отряда, котораго генераль-лейтенантъ Шварцъ передвигалъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ и быстротою, смотря по опасности, угрожавшей тому или другому пункту. Равномѣрно, непріатель не осмѣлился спуститься въ Нухинскій уѣздъ, гдѣ тогдашній Шемахинскій военный губернаторъ, генераль-маіоръ баронъ Врангель (нынѣ генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ) также принялъ самыя благоразумныя и дѣятельныя мѣры для преграды вторженію, и личнымъ присутствіемъ въ Нухѣ одушевилъ жителей, и вселялъ довѣренность къ мѣрамъ принятымъ начальствомъ. Шамиль свои главныя силы, подъ предводительствомъ Даніель-Бека и Гаджи-Мурата, направилъ на Самурскій округъ, а вскорѣ и самъ лично туда прибылъ.

Въ этомъ округѣ, кромѣ двухъ ротъ пѣхоты, занимавшихъ укрѣпленіе Ахты, не имѣлось регулярныхъ войскъ, по той причинѣ, что, начиная съ 1839 года, въ немъ господствовали совершенная тишина и спокойствіе. — Непріатель, встрѣчая одну лишь милицію, быстро занялъ долину Самура, селенія Рутуль и всѣ деревни, лежащія по Самуру и Ахты-Чаю, выше укрѣпленія Ахтинскаго. Начальникъ Самурскаго округа, полковникъ Ротъ, съ своею милиціею тщетно старался удерживать горцевъ, и, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ, былъ вынужденъ запереться въ укрѣпленіи Ахтинскомъ. Укрѣпленіи занято было двумя ротами Грузинскаго линейнаго № 6-го баталіона, и кромѣ того въ немъ пришла на помощь 5-я гренадерская рота пѣхотнаго князя Варшавскаго полка, подъ командою капитана Новоселова.

Извѣстіе о вторженіи Шамиля застало войска, расположенныя въ Дагестанѣ, во время обычныхъ осеннихъ занятій. Въ томъ году, кромѣ постоянныхъ работъ по устройству дорогъ и укрѣпленію штабъ-квартиры, строились укрѣпленія при селеніи Аймяки. Командовавшій вой-

сками въ Прикаспійскомъ краѣ генераль-адъютантъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ находился въ Темиръ-Хавъ-Шурѣ, и получилъ извѣстіе о вторженіи 8-го сентября. Князь Аргутинскій, тотчасъ сосредоточивъ находившіяся подъ рукою войска, двинулся, чрезъ Кумыхъ и Черахъ, на Курахъ, усиливая отрядъ свой расположенными на пути войсками. Съ княземъ Аргутинскимъ-Долгоруковымъ находился и Кишинскій. Во время движенія узнали, что непріятель, занявъ всѣ деревни Самурскаго округа, приближался уже къ границамъ Кубинскаго уѣзда и Кюринскаго ханства, что съ 13-го сентября Шамиль началъ осаду Ахтинскаго укрѣпленія, въ которомъ, за ранюю полковника Рота, вступилъ въ команду капитанъ Новоселовъ, и что положеніе гарнизона весьма затруднительно. Князь Аргутинскій, не смотря на сильное утомленіе войскъ, ускоришь маршъ и, 16-го сентября, прямо отъ Кураха направился къ Ахтамъ. Но, убѣдившись, что съ этой стороны Самура дѣйствовать невозможно, князь Аргутинскій двинулся по направленію къ Кабиру, перешелъ два хребта, не смотря на ненастье, и, переправившись чрезъ Самуръ въ бродъ, 21-го сентября сталъ у сел. Зухула.

Въ продолженіи этого времени затруднительное положеніе Ахтинскаго гарнизона сдѣлалось, можно сказать, отчаяннымъ; но капитанъ Новоселовъ не допускалъ и мысли о сдачѣ, и 22-го сентября рѣшено было взорвать укрѣпленіе на воздухъ, если бы горцы имъ овладѣли. Въ этотъ же день отрядъ князя Аргутинскаго двинулся впередъ отъ сел. Зухулъ, и нашелъ непріятеля у аула Мискинджи на позиціи чрезвычайно сильной, простиравшейся во всю ширину долины праваго берега р. Самура и укрѣпленной огромными завалами, на которыхъ развѣвались безчисленные значки. По словамъ плѣнныхъ, число горцевъ, предводимыхъ Давіель-Бекомъ и Гаджи-Муратомъ, простиралось до 7-ми тысячъ человѣкъ. Князь Аргутинскій-Долгоруковъ, не видя возможности обойти позицію, и постигая вполнѣ, что отъ овладѣнія ею зависѣла участь не только Ахтинскаго гарнизона и Самурскаго округа, но и всего Кюринскаго ханства и Кубинскаго уѣзда, немедленно сдѣлалъ распоряженіе для атаки. Въ руслѣ р.

Самура поставлена была батарея изъ 4-хъ орудій и 10 ракетныхъ стѣнковъ, чтобы обстрѣливать непріятельскую позицію во флангъ; вся кавалерія была переведена на лѣвую сторону Самура и направлена къ броду, идущему въ тылъ непріятеля; 1-й, 2-й и 3-й баталіоны пѣхотнаго князя Варшавскаго полка, поддержанные 2-мъ баталіономъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, подъ командою полковника Манюкина, двинулись въ атаку съ фронта. Непріятель встрѣтилъ эту колонну градомъ камней съ горы во флангъ и ружейнымъ огнемъ во фронтъ, но баталіоны, безъ выстрѣла, продолжали подниматься. Кишинскому съ 2-мъ баталіономъ Ширванцевъ назначено было штурмовать главный завалъ, составлявшій ключъ позиціи. Слѣдующая трудная, едва проходимаю тропинкою, по чрезвычайной крутизнѣ, и подойдя подъ самый завалъ, Николай Семеновичъ остановилъ свой баталіонъ, чтобы дать ему передъ ударомъ мгновенный отдыхъ. Въ эти минуты горцы, выйдя изъ завала, бросились въ шашки; храбрый баталіонъ, не колеблясь, встрѣтилъ ихъ штыками, опрокинулъ, заставилъ отступить и на плечахъ разбитаго непріятеля взошелъ на завалъ. Въ то же время 3-й и 1-й баталіоны атаковали лѣвый флангъ и центръ, и, почти безъ выстрѣла, выбили горцевъ изъ ихъ каменныхъ заваловъ. Непріятель бросилъ позицію. Горцы оставили на мѣстѣ три значка, слишкомъ 300 тѣлъ и до 70-ти плѣнныхъ. Отрядъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ до укрѣпленія Ахтинскаго. Въ это время Шамиль, занимавшій сел. Ахты, видя пораженіе своего главнаго скопища, поспѣшилъ очистить селеніе и также бѣжалъ вслѣдъ за своими разбитыми толпами. Храбрый гарнизонъ былъ спасенъ.

Принимавшій столь дѣятельное участіе въ этомъ славномъ дѣлѣ Николай Семеновичъ былъ раненъ шашкою въ кость правой руки.

Князь Аргутинскій, донося главнокомандовавшему о пораженіи Шамиля, между именами, которыхъ называлъ съ похвалою, поставилъ и Кишинскаго. Князь Воронцовъ, въ приказѣ по Корпусу, благодаря весь отрядъ, находившійся при атакѣ непріятельской милиціи при Мискинд-

жи, между *храбрыми* командирами и офицерами,—эпитетъ приданный приказомъ,—называлъ и нашего героя. Государь Императоръ, за отличіе, оказанное въ этотъ день Кишинскимъ, произвелъ его, 1-го іюля 1849 года, въ полковники, со старшинствомъ со дня подвига.

Угрюмый, неразговорчивый, но въ душѣ истинный воинъ, глубоко сочувствовавшій каждому военному дарованію, князь Аргутинскій въ Мискинджинскомъ дѣлѣ обратилъ особое вниманіе на Кишинскаго, и съ того же дня предположилъ назначить его полковымъ командиромъ при первой вакансіи.

Въ 1849 году Николай Семеновичъ находился опять въ отрядѣ князя Аргутинскаго—Долгорукова, осаждавшемъ и бомбардировавшемъ укрѣпленное селеніе Чохъ.

При этомъ онъ участвовалъ: съ 26-го іюня по 2-е іюля при разработкѣ спуска къ укрѣпленію, 5-го — въ жаркомъ и успѣшномъ дѣлѣ съ непріателемъ, и съ этого числа почти постоянно въ траншейныхъ работахъ, при непрерывной перестрѣлкѣ и пушечномъ огнѣ со стороны непріателя; 12-го іюля—въ отраженіи Чеченской партіи, намѣревавшейся отбить отрядный табунъ; съ 25-го по 27-е іюля и 10-го августа—при отраженіи неоднократныхъ вылазокъ изъ Чохъ на наши передовыя траншеи; а съ 10-го по 22-е августа въ бомбардированіе селенія и разрушеніи всѣхъ непріятельскихъ верковъ.

«За отличіе», оказанное въ дѣлахъ подъ Чохомъ, гдѣ 20-го августа онъ былъ контуженъ непріятельскимъ ядромъ въ темя головы и затылокъ, Кишинскій награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною.

Осенью того же года Николай Семеновичъ былъ оставленъ командующимъ войсками въ Казикумыхскомъ ханствѣ. 10-го ноября Шамиль, съ двумя огромными скопищами, бывшими подъ предводительствомъ Хаджи—Мурата и Мусы—Белоканскаго, неожиданно вторгнулся въ ханство, и намѣревался прорваться въ Акушу и Дагестанъ. Не теряя ни минуты, Кишинскій собралъ свой отрядъ и, не ожидая нападенія со стороны непріателя, самъ вышелъ ему на встрѣчу.

12-го ноября, съ 7-ми ротами храбрыхъ Ширванцевъ и 2-мя сотнями Донцевъ, Николай Семеновичъ разбилъ, при селеніи Унджугатль и Гамашахъ, Хаджи—Мурата на голову, и не только не допустилъ непріателя прорваться внутрь края, но заставилъ его послѣшно оставить и пограничное съ непокорными горцами Казикумыхское ханство. Шамиль отступилъ къ Чоху, и, удивленный столь неожиданнымъ пораженіемъ, прислалъ лазутчика узнать фамилію начальника, на что Кишинскій ему отвѣтилъ, что онъ тотъ самый, который билъ его на Кумыхской плоскости. Наградой за этотъ подвигъ была благодарность Главнокомандовавшаго, отданная въ приказѣ по Корпусу.

За это славное дѣло Николай Семеновичъ получилъ благодарность главнокомандовавшаго, объявленную въ приказахъ по Корпусу.

29-го марта 1850 года Кишинскій назначенъ командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, и вслѣдъ за тѣмъ получилъ двѣ благодарности князя Воронцова, объявленныя въ приказахъ по Корпусу: 1-ю «за успѣшное производство (постройки) оборонительныхъ казармъ», и 2-ю — «за успѣшный приѣмъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, на законномъ основаніи, въ самомъ короткомъ времени».

Въ этомъ году онъ также находился въ Дагестанскомъ отрядѣ князя Долгорукова и, выступивъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 29-го іюня, участвовалъ съ 12-го по 25-го іюля—въ рекогносцировкѣ окрестностей укрѣпленія Чохъ и развалинъ Салтовъ; 25-го—въ сожженіи Арчи и Шали,—Казикумыхскихъ непокорныхъ магаловъ; 26-го—въ перестрѣлкѣ съ горцами, а потомъ до 24-го сентября находился въ отрядѣ, расположенномъ на Кутишскихъ высотахъ, для защиты Даргинскаго округа отъ вторженія горцевъ.

Въ слѣдующемъ году 26-го мая, «за отличнѣе—усердную и ревностную службу», Николай Семеновичъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, а 24-го іюля — ему объявлено Высочайшее благоволеніе «за отличнѣе—усердную службу». Въ теченіе лѣта этого года онъ снова находился въ составѣ Дагестанскаго отряда, и 21-го іюня съ отличіемъ участвовалъ въ пораженіи сильнаго скопища Шамиля на Турчи—Дагѣ.

7-го іюля, князь Аргутинскаго-Долгоруковъ, съ главными силами отряда, выступилъ для прекращенія возстанія въ Кайтахъ и въ Табасарави, а для прикрытія Дагестана оставилъ небольшую часть войскъ на Казикумыхскомъ Койсу, подъ командою генералъ-маіора Грамотина. Войска эти расположились на Гамашинскихъ высотахъ. Шамиль, пользуясь отсутствіемъ главныхъ силъ, тотчасъ же собралъ поголовный сборъ, и 12-го іюля— съ огромнѣйшимъ скопищемъ явился передъ малочисленнымъ отрядомъ генерала Грамотина. Свидѣтели происшедшаго на Гамашинскихъ высотахъ хорошо помнятъ то славное участіе, которое принялъ въ распоряженіяхъ Николай Семеновичъ. 13-го іюня Гамашинскій отрядъ смѣло двинулся противъ сконища, и нанесъ ему полное и рѣшительное пораженіе. Князь Воронцовъ, въ приказахъ по Корпусу, объявилъ Кишинскому снова двѣ благодарности: 1-ю — «за участіе въ дѣлѣ съ горцами 21-го іюня на хребтѣ Турчдагъ и Гамашинскихъ высотахъ, — за столь удачно и блистательно совершенное предпріятіе»; 2-ю — «за успѣхъ въ главномъ дѣлѣ въ Дагестанѣ и заблагодарный распоряженія», а Государь Императоръ «за отличіе», оказанное въ эту экспедицію, Всемилостивѣйше наградилъ его брилліантовымъ перстнемъ, съ изображеніемъ Высочайшаго имени.

Вслѣдъ за тѣмъ, 15-го ноября, Кишинскій получилъ еще благодарность главнокомандовавшаго, опять въ приказѣ по Корпусу, «за совершенное и удовлетворительное состояніе воинскихъ чиновъ ввѣреннаго ему полка и за успѣшное производство по возведенію разныхъ помѣщеній въ штабъ-квартирѣ полка.»

1-го октября 1852 года, Николай Семеновичъ, «за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ», произведенъ въ генералъ-маіора, и вскорѣ за тѣмъ сдалъ полкъ, а 21-го марта слѣдующаго года назначенъ состоять по Арміи и при Кавказскомъ Корпусѣ.

Такимъ образомъ, въ продолженіе своей службы на Кавказѣ, получая всѣ чины за боевыя отличія, Николай Семеновичъ дошелъ до старшихъ чиновъ военной іерархіи. Вскорѣ судьба доставила ему случай покрыть себя новымъ славой и въ этомъ званіи.

Осенью 1853 года началась война за утѣсненія Православія на Востокѣ, за честь и достоинство Отечества, и Николай Семеновичъ имѣлъ счастье однимъ изъ первыхъ встрѣтить враговъ «Вѣры и Царя». Военныя дѣйствія открылись вторженіемъ Турокъ въ наши предѣлы во второй половинѣ октября, когда подготовленные съ нашей стороны средства для обороны границы были еще далеко недостаточны.

Кромѣ большаго числа регулярныхъ войскъ, Турецкая армія имѣла огромную иррегулярную кавалерію. Выславъ отдѣльные самостоятельные отряды противъ Гуріи и Ахалцыха, Турецкій главнокомандовавшій съ главными силами направился на Александрополь. Въ концѣ октября главный Турецкій отрядъ, заключающій въ себѣ, съ Курдами и башибузукми, около 40,000 человекъ, находился уже въ виду Александрополя, а у насъ для защиты столь важнаго пункта съ трудомъ могли набрать около 7,000. Николай Семеновичъ въ это время былъ назначенъ исправлять должность начальника штаба сформировавшагося на границѣ дѣйствующаго корпуса, и исполнялъ эту обязанность въ столь трудныхъ обстоятельствахъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль.

Въ званіи начальника штаба, Николай Семеновичъ между прочимъ, участвовалъ въ Баяндурскомъ сраженіи, 2-го ноября, гдѣ часть малочисленнаго Александропольскаго отряда, выдержавъ въ продолженіе 6 часовъ натискъ главныхъ силъ Турецкой арміи, съ прибытіемъ подкрѣпленія изъ Александрополя, заставила Турокъ, въ ту же ночь, перейти обратно за Арпачай.

По окончаніи сформированія Александропольскаго отряда Николай Семеновичъ былъ назначенъ командовать сводной бригадой, состоявшей изъ 2-хъ Ширванскихъ, 1-го Куринскаго, 1-го Сапернаго и 1-го Стрѣлковаго баталіоновъ. Съ этой бригадой Кишинскій находился и подъ Башъ-Кадыкляромъ.

Это знаменитое сраженіе, въ которомъ непріятель почти въ четыре раза превосходилъ наши войска, напоминаетъ славныя времена Кагула, Рымника, Фокшанъ и всегда будетъ занимать почетную страницу въ военной исторіи.

Турецкія войска подъ Башъ-Кадыкляромъ состояли изъ

20,000 регулярной пѣхоты, въ томъ числѣ 2 стрѣлковыхъ баталіоновъ, 3,000 регулярной кавалеріи и 14,000 Курдовъ и баши-бузуковъ, при 46 орудіяхъ; число нашихъ войскъ не составляло и 10,000.

Сраженіе происходило въ 20 верстахъ отъ Александрополя, на дорогѣ въ Карсъ, и отъ участи его зависѣла не только участь кампаніи, но и судьба всего края.

Вотъ какъ описываетъ это сраженіе одинъ изъ очевидцевъ: «19-го ноября въ 12-мъ часу утра встрѣтились мы съ Турками, и нашли ихъ совершенно готовыми къ бою. Непрiятель занималъ весьма выгодную для себя позицію; артиллерія его была расположена на высотахъ праваго берега оврага, командовавшаго лѣвымъ, откуда мы подходили; широкій оврагъ этотъ, съ каменистымъ ручьемъ по срединѣ, окружалъ непріятельскую позицію съ фронта и праваго фланга и хорошо обстрѣливался артиллеріею; на тѣхъ же высотахъ была расположена и пѣхота; на обѣихъ флангахъ позиціи находились деревни, весьма удобныя для обороны и сильно занятыя непріятелемъ, а за ними были поставлены регулярныя кавалерійскіе полки; сзади виднѣлись массы резервовъ и безчисленныя толпы Курдовъ, а въ тылу три армянскія деревни. — Непрiятельская позиція, открылась намъ не раньше, какъ версты за двѣ. Тогда авангардъ нашъ былъ выстроенъ въ боевой порядокъ, и вмѣстѣ съ двумя батареями двинулся прямо по дорогѣ на штурмъ деревни, прикрывавшей лѣвый флангъ непріятельской позиціи. Турки не встрѣчали войскъ нашихъ артиллерійскимъ огнемъ, но часть пѣхоты ихъ съ распущенными знаменами и музыкой пошла на встрѣчу, а регулярная кавалерія изъ лѣваго крыла направилась для атаки нашихъ баталіоновъ справа».

«Авангардомъ, составившемъ потомъ центръ нашей боевой линіи, командовалъ генераль-маіоръ Кишинскій.

«Выдержавъ первый натискъ Турокъ, онъ остановившись не доходя оврага, и обративъ на себя главное вниманіе непріятеля, въ продолженіе двухъ часовъ оставался на занятой позиціи. Когда же, по распоряженію командовавшаго войсками князя Бебутова, вторая боевая линія, сдвинутая къ лѣвому флангу вмѣстѣ съ кавалеріею, направилась для рѣшительной атаки праваго фланга позиціи занятой Турками,

то и Кишинскій перешелъ въ наступленіе, и тѣмъ довершилъ общее разстройство непріятеля.»

«Въ воздаяніе за мужество и распорядительность», оказанныя имъ въ этой блистательной побѣдѣ, — какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ, — гдѣ онъ, «командуя центромъ первой боевой линіи нашей, съ отличнымъ искусствомъ удерживалъ многочисленнаго непріятеля и, въ рѣшительную минуту боя, произведя сильную атаку, опрокинулъ Турецкія колонны», — Николай Семеновичъ, 19-го ноября того же года, Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени.

Въ слѣдующемъ 1854 году Николай Семеновичъ съ такой же славой участвовалъ въ не менѣе блистательной побѣдѣ надъ Турками при селеніи Кюрюкъ-Дара.

Въ этомъ сраженіи число нашихъ войскъ не составляло и 20,000, а число Турецкихъ простиралось свыше 60,000.

Вообще положеніе наше въ Закавказьѣ въ 1853 и 1854 годахъ весьма много напоминаетъ трудныя, но славныя времена Циціанова и Котляревскаго. Если въ эти годы непріятель и не имѣлъ противу насъ такого численнаго превосходства, какое было на его сторонѣ во времена Котляревскаго, то въ послѣднюю войну Турки имѣли правильно и хорошо устроенныя регулярныя войска, какихъ не было ни у нихъ, ни у Персіянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ подобныхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находились Кавказскія войска въ послѣднюю войну, успѣхъ пріобрѣтается только необыкновенною доблестью войскъ и ихъ начальниковъ.

Въ Кюрюкъ-Дарипскомъ сраженіи Николай Семеновичъ командовалъ Кавказской гренадерской бригадой и находился въ центрѣ нашихъ боевыхъ линій. По ходу сраженія, въ которомъ малочисленный, въ сравненіе съ непріятелемъ, отрядъ нашъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ Турками, очевидно было, что только рѣшительнымъ наступленіемъ нашего центра и прорывомъ Турецкихъ боевыхъ линій, представлялось возможность склонить побѣду на нашу сторону. Гренадерской бригадѣ приказано двинуться впередъ. Слѣдуя въ головѣ своихъ гренадеръ, Николай Семеновичъ, при самомъ началѣ наступленія, былъ тяжело раненъ пулею въ ногу (съ раздробленіемъ кости), но преодолевая боль,

скрылъ свою рану, и только тогда рѣшился оставить поле сраженія, когда цѣль была достигнута—гренадеры сломили и прорвали непріятельскій центръ.

Геройское наступленіе Гренадерской бригады рѣшило участь дня.

За отличіе въ Кюрукъ—Даринскаго сраженіи Николай Семеновичъ былъ удостоенъ ордена Св. Георгія 4-й ст.

Послѣ Кюрукъ—Дара Николай Семеновичъ въ дѣлахъ не участвовалъ, но пользовался отъ раны сперва въ Пятигорскѣ водами, потомъ въ Петербургѣ, состоя, съ 16-го апрѣля 1855 года, для особыхъ порученій при Кавказскомъ корпусѣ, а въ началѣ 1856 года, Высочайшимъ приказомъ отъ

7-го марта, назначенъ командующимъ 15-ю пѣхотною дивизіею.

Николай Семеновичъ Кишинскій, не считая 3-хъ лѣтъ юнкерской службы, по возвращеніи на Кавказъ въ 1839 году, прослужилъ тамъ шестнадцать лѣтъ, и въ продолженіе этого времени, кромѣ Высочайшихъ благоволеній, лестныхъ отзывовъ начальниковъ и полного ихъ довѣрія, оправдываемаго имъ, по мѣрѣ способности и силъ, удостоился 17-ти Высочайшихъ наградъ и снискалъ дорожку для него общую любовь товарищей и подчиненныхъ не только въ войскѣ, но и въ народахъ, съ которыми обстоятельства его сбивали, какъ на Кавказѣ, такъ и за Кавказомъ въ послѣднюю войну.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, сентября 16-го дня 1859 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

Генералъ-Маіоръ
Феодоръ Логиновичъ
ГРАФЪ ГЕЙДЕНЪ.

СВИТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ ГРАФЪ ФЕДОРЪ ЛОГГИНОВИЧЪ ГЕЙДЕНЪ.

Графъ Федоръ Логгиновичъ,—сынъ адмирала графа Логгина Петровича Гейдена,—флагмана прославившаго Русскій флотъ въ 1827 году, въ знаменитой битвѣ Наваринской,—родился въ 1821 году. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, онъ, 6-го декабря 1835 года, поступилъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ, въ которомъ, 30-го августа 1838 года, Всемилостивѣйше пожалованъ въ камеръ-пажи, 13-го августа слѣдующаго года произведенъ въ фельдфебеля, а 22-го іюля 1840 года выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, и, на основаніи существующихъ положеній, имя его, какъ оказавшаго, въ этотъ выпускъ, наилучшіе успѣхи въ наукахъ, помѣщено на имѣющуюся въ Корпусѣ мраморную доску.

По выходѣ изъ Корпуса, Федоръ Логгиновичъ, продолжалъ ревностно заниматься науками, обративъ преимущественное вниманіе на изученіе военнаго дѣла, въ самомъ обширномъ его значеніи, и 20-го января 1842 года, выдержавъ установленный экзамень, прикомандированъ къ Гвардейскому Генеральному Штабу, въ который и переведенъ 14-го января слѣдующаго года и оставался въ немъ до 1845, въ этомъ году, 4-го марта, переведенъ въ Генеральный Штабъ штабсъ-капитаномъ.

Во все это время, находясь постоянно при Гвардейскихъ

войскахъ, Федоръ Логгиновичъ занимался производствомъ съемокъ, рекогносцировками для маневровъ, составленіемъ плановъ различныхъ сраженій,—словомъ выполнялъ тѣ порученія, которыя составляютъ предметъ занятій офицера Генеральнаго Штаба; а съ 17-го августа по 17-е октября 1843 года находился на съемкѣ и военномъ обозрѣніи Эстляндской губерніи.

Въ концѣ 1844 года, главное начальство надъ Кавказскимъ краемъ было ввѣрено графу Воронцову и въ слѣдующемъ году, по Высочайшему, въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича, указанію войскамъ нашимъ на Кавказѣ предстояло проникнуть въ нѣдра горъ, занять Андію, разбить и разсѣять, если представится возможнымъ, скопище Шамиля. Съ этою цѣлію составлено было нѣсколько отрядовъ, изъ которыхъ отрядамъ Чеченскому и Дагестанскому надлежало выполнить главное назначеніе; другимъ же, какъ вспомогательнымъ, предстояло отвлечь непокорныя намъ племена отъ главнаго театра дѣйствій.

Съ этого памятнаго года началась боевая жизнь графа Гейдена. Желая принять участіе въ событіяхъ, готовившихся на Кавказѣ, онъ, Высочайшимъ приказомъ въ 6-й день марта того года, былъ назначенъ состоять при главнокомандовавшемъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая 1845 года отряды Чеченскій и Дагестанскій, сосредоточившись у крѣпости Внезапной и при укрѣпленіи Евгеніевскомъ, двинулись съ противоположныхъ сторонъ на встрѣчу одинъ другому, и 3-го іюня соединились въ Салатавіи, у селеніи Гертме. Отсюда, подъ личнымъ начальствомъ графа Воронцова, начался знаменитый походъ, и войска наши, въ теченіе четырехъ недѣль марша, преодолевъ безчисленныя препятствія, противопоставленные на каждомъ шагу природою и отчаяннымъ сопротивленіемъ горцевъ, прошли побѣдоносно Салатавію, Гумбетъ, Андію и 6-го іюля, двинувшись отъ селенія Гогатль (въ Андію), послѣ перехода въ 20 верстъ, заняли и истребили ауль Дарго, тогда главное убѣжище Шамиля.

Изъ лагеря при Дарго войска выступили 13-го іюля къ Герзель-аулу, чрезъ Шуани и Аллерой, лѣвымъ берегомъ рѣки Акса и, не смотря на всѣ трудности этого перехода, къ защитѣ котораго горцы употребляли послѣднія усилія, и на значительное число раненыхъ, которые особенно стѣсняли отрядъ, прошли его съ тѣмъ же мужествомъ, какъ и переходъ къ Дарго. 20-го іюля главнокомандовавшій съ войсками прибылъ къ укрѣпленію Герзель-аулу, гдѣ отрядъ былъ распущенъ, частью прямо на свои квартиры, частью же, для временнаго расположенія, въ удобнѣйшія станицы по Тереку.

Въ подвигахъ этой экспедиціи, — названныхъ въ Бозѣ почивающимъ Монархомъ *незабвенными*, — графъ Федоръ Логгиновичъ принималъ самое дѣятельное участіе, и не только раздѣлялъ опасности и лишенія, неизбѣжныя, почти въ одинаковой мѣрѣ, для лицъ участвующихъ въ подобныхъ предпріятіяхъ на Кавказѣ, но нѣсколько разъ, когда войска были на отдыхѣ, долженъ былъ, по званію офицера Генеральнаго Штаба, принимать участіе въ рекогносцировкахъ, всегда сопряженныхъ съ опасностями, но необходимыхъ въ томъ Краѣ почти передъ каждымъ передвиженіемъ отряда, особенно если принять во вниманіе, что въ 1845 году отряды наши проходили мѣста, гдѣ, по большей части, еще никогда не была нога Русскихъ.

Выѣхавъ изъ Тифлиса, графъ Гейденъ прибылъ въ маѣ мѣсяцѣ въ крѣпость Внезапную, гдѣ къ этому времени сосредоточился Чеченскій отрядъ. Отсюда онъ отправился въ

Гертме, гдѣ, какъ замѣчено выше, Чеченскій отрядъ соединился съ Дагестанскимъ и графъ Воронцовъ принялъ надъ ними главное начальство. Переходъ отъ крѣпости Внезапной до Гертме былъ совершенъ легко. У Хубарскихъ высотъ появилась первая партія горцевъ и началась легкая перестрѣлка въ правой цѣпи, гдѣ въ первый разъ Федору Логгиновичу пришлось услышать свистъ непріятельскихъ пуль.

5-го іюня главнокомандовавшій съ войсками прибылъ къ предѣламъ Гумбета. По показаніямъ лазутчиковъ оказывалось, что изъ двухъ путей, ведущихъ изъ Салатавіи въ Гумбетъ, горцы заняли одинъ изъ нихъ: укрѣпили позицію на Мичикалѣ, а другую у перевала Кыркъ, считая неприступною, оставили подъ прикрытіемъ одного наблюдательнаго поста. Графъ Воронцовъ, желая обозрѣть непріятельскую позицію и удостовѣриться, въ какой степени возможенъ переходъ черезъ перевалъ Кыркъ, гдѣ въ 1839 году войска наши проходили въ Аргуани, произвелъ лично, съ частью отряда, рекогносцировку къ горѣ Соукъ-Булаку, откуда можно было видѣть ущелье Мичикале и у перевала Кыркъ остатки укрѣпленія, названнаго генераль-лейтенантомъ Граббе—Удачнымъ.

Федоръ Логгиновичъ участвовалъ въ этой рекогносцировкѣ. Въ тотъ же день передовая часть войскъ перешла черезъ перевалъ и заняла, съ боя, противоположную гору Анчимееръ, куда подоспѣли для обороны конные изъ лагеря Шамиля при Мичикале. Какъ занятіемъ этой горы можно было подойти къ позиціи Шамиля уже безъ затрудненій по возвышенности и не нужно было штурмовать загражденное завалами Мичикальское ущелье, то горцы оставили свою позицію и авангардъ нашъ сталъ на дорогѣ отъ Мичикале въ Андію. Войска оставались на этой позиціи до 12-го числа и потерпѣли весьма много отъ стужи, которая во все это время стояла въ Гумбетѣ; совершенный же недостатокъ топлива еще болѣе усиливалъ лишенія нашихъ войскъ.

Во время движенія по Гумбету, графъ Воронцовъ, желая избѣгнуть штурма узкаго прохода, называемаго Андійскими воротами, отдѣляющаго Гумбетъ отъ Андіи, приказалъ графу Гейдену, съ 150 человекъ Грузинской милиціи, отправиться по хребту Гумбета на рекогносцировку, для отысканія другаго подъема на Андійскій хребетъ помимо Ан-

дѣйскихъ воротъ. Графъ Гейденъ, сдѣлавъ усиленный переходъ и убѣдившись въ совершенной невозможности проникнуть въ Андю по этому направленію, по обрывистой и утесистой мѣстности, возвратился къ отряду, для доклада о томъ главнокомандовавшему. Далѣе онъ участвовалъ: въ движеніи къ Андійскимъ воротамъ (Буцуръ-Каль), находясь постоянно или подъ холоднымъ проливнымъ дождемъ, или снѣгомъ, при совершенномъ недостаткѣ топлива; 14-го — въ овладѣніи штурмомъ Андійскими высотами (Азалъ) и въ занятіи деревень Анди и Гогатль; 17-го — въ рекогносцировкѣ дорогъ, пролегающихъ изъ Андіи въ Ичкери; 20-го — въ блистательномъ дѣлѣ, съ частію отряда, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандовавшаго, противъ непріятельскаго скопища, собравшагося на высотахъ Азалъ, и при разсѣяніи и быстромъ преслѣдованіи горцевъ до границъ общества Техуцаль, при чемъ Федоръ Логгиновичъ въ первый разъ былъ въ рукопашномъ бою; 21-го — въ возвратномъ движеніи въ Андю и 30-го — въ новой рекогносцировкѣ дорогъ, ведущихъ изъ Андіи въ Дарго.

6-го іюля графъ Воронцовъ назначилъ движеніе впередъ къ Дарго. Отрядъ, выступивъ отъ селенія Гогатль и сдѣлавъ переходъ въ 14 верстъ, остановился на высотахъ послѣдняго перевала, гдѣ начинается спускъ въ глубокой и лѣсистой оврагъ, отдѣляющій эти высоты отъ долины Дарго. Войскамъ здѣсь данъ былъ двухъ-часовой отдыхъ, а когда обозъ и арріергардъ стянулись, то, въ часъ пополудни, они двинулись дальше. Впереди видна была возвышенная поляна, на которой находился лагерь горцевъ. Дорога къ ней проходила, на протяженіи трехъ или четырехъ верстъ, среди дремучаго Ичкеринскаго лѣса, и горцы, устроивъ въ немъ непрерывный рядъ заваловъ, встрѣтили отрядъ нашъ мѣткимъ, убійственнымъ огнемъ; но, ни крѣпость заваловъ, ни трудность къ нимъ доступа, ни отчаянная защита горцевъ — ни что не могло остановить нашихъ войскъ: авангардъ бралъ съ фронта одинъ заваль за другимъ и исполнилъ это съ такою безостановочною успѣшностью, что вечеромъ того же дня передовыя войска наши заняли аулъ Дарго.

Въ этотъ славный переходъ на графа Федора Логгиновича возложена была обязанность разставить лѣвую цѣпь отряда, на всемъ протяженіи лѣса, о которомъ замѣчено

выше. Находясь въ немъ во все время прохожденія главныхъ силъ и обозовъ, подъ самымъ губительнымъ огнемъ горцевъ, засѣвшихъ въ оврагахъ, по сторонамъ дороги и на вершинахъ деревъ, онъ прибылъ къ Дарго съ арріергардомъ только къ утру слѣдующаго дня. За отличіе, оказанное въ этотъ памятный день, Федоръ Логгиновичъ, Высочайшимъ приказомъ 7-го января 1846 года, произведенъ въ капитаны, со старшинствомъ со дня подвига.

Съ 6-го по 13-е іюля войска оставались въ лагерь при Дарго, но время это не было для нихъ отдыхомъ, послѣ совершенныхъ ими подвиговъ: непріятель продолжалъ держаться на высотахъ лѣваго берега рѣки Аксея и тревожилъ безпрестанно отрядъ, неоднократно открывая пальбу по лагерю ядрами.

Послѣ нѣсколькихъ дѣлъ съ непріятелемъ въ окрестности Дарго, войска выступили, 13-го іюля, въ направленіи къ Герзель-аулу, чрезъ Шуани и Аллерой. На всемъ протяженіи этого пути горцы, переходя съ одной укрѣпленной позиціи на другую и устраивая завалы, затрудняли движеніе нашихъ отрядовъ и заставляли брать съ боя каждый шагъ. Переходъ отъ Урдали къ Шуани былъ особенно замѣчательнъ. Дорога, по которой отрядъ долженъ былъ слѣдовать, перейдя селенія Урдали и находящійся за нимъ глубокой оврагъ, подымалась вверхъ между двухъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ и усиленныхъ завалами; далѣе начинался густой лѣсъ, чрезъ который узкая тропинка вела къ возвышенной площадкѣ, занятой непріятелемъ и также укрѣпленной завалами. Авангарду приказано было идти по дорогѣ въ лѣсъ и занять площадку, а правой и лѣвой колоннамъ взять высоты правѣе и лѣвѣе дороги. Боковыя отряды встрѣтили сильное сопротивленіе, а, между тѣмъ, авангардъ прошелъ съ большею потерей между занятыми непріятелемъ высотами въ лѣсъ. Главнокомандовавшій, не получая никакихъ извѣстій объ авангардѣ, приказалъ Федору Логгиновичу отправиться впередъ и освѣдомиться о дѣйствіяхъ авангарда. Проѣхавъ открытую мѣстность подъ сильнѣйшимъ огнемъ горцевъ, засѣвшихъ въ завалахъ правой высоты, графъ Гейденъ прибылъ въ лѣсъ, и ѣхавши по тропѣ пройденной войсками, нашель, вмѣсто авангарда, однихъ только охотниковъ, числомъ около 30-ти; авангардъ же, какъ ока-

залось послѣ, принялъ ложное направленіе и обратился въ лѣсу противъ заваловъ правой высоты. Между тѣмъ Федоръ Логгиновичъ, примкнувъ къ охотникамъ, слѣдовалъ далѣе впередъ, чтобы дойти до поляны, указанной лазутчиками. У выхода изъ лѣса наши наткнулись на заваль, изъ-за котораго горцы сдѣлали залпъ изъ ружей, но это не остановило охотниковъ: они вытѣснили горцевъ изъ завала и заняли его. Положеніе этой горсти храбрыхъ сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ: горцы, занявъ одною частью другой заваль на высотѣ, съ прочими силами съ фронта обошли заваль, занятый охотниками, и, такимъ образомъ, отрѣзали ихъ отъ сообщенія съ отрядомъ и угрожали ежеминутнымъ уничтоженіемъ; — охотники, составивъ кружокъ, оборонялись во всѣ стороны и были спасены лишь подоспѣвшей ротою изъ главныхъ силъ, которая возстановила сообщеніе ихъ съ отрядомъ.

Въ этомъ дѣлѣ Федоръ Логгиновичъ раненъ въ предплечіе правой руки ружейною пулею на вылетъ и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ оставался неперевязаннымъ. За отличіе при этомъ онъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ, пожалованнымъ ему графомъ Воронцовымъ, по Высочайше предоставленной главнокомандовавшему власти.

Слѣдуя при отрядѣ въ дальнѣйшемъ его движеніи къ Герзель-аулу, Федоръ Логгиновичъ, между прочимъ, участвовалъ 19-го іюля въ дѣлѣ арріергарда при селеніи Шаухаль-Берды, находясь въ первый разъ подъ картечнымъ огнемъ непріятеля. Это дѣло было послѣднимъ въ экспедиціи 1845 года; на другой день войска прибыли къ Герзель-аулу и, по роспускѣ отряда, графъ Гейденъ, съ походнымъ штабомъ главнокомандовавшаго, возвратился въ Тифлисъ.

Зимой этого же года Федоръ Логгиновичъ былъ назначенъ членомъ комиссіи по устройству города Тифлиса; съ 14-го апрѣля слѣдующаго года сопровождалъ главнокомандовавшаго во время поѣздки князя Воронцова *) на Кавказъ

*) Главнокомандовавшій возведенъ въ княжеское достоинство 6-го августа 1845 года за быстрые успѣхи нашихъ войскъ въ экспедицію къ Дарго.

скую линію и въ Дагестанъ, а потомъ находился въ Чеченскомъ отрядѣ.

Отрядъ этотъ былъ собранъ 17-го іюня на рѣкѣ Сунжѣ и 21-го числа того же мѣсяца, прибывъ на рѣку Фартангу, занялся возведеніемъ укрѣпленія Ачхоевскаго *). Графъ Гейденъ, находясь при работахъ по возведенію этого укрѣпленія, отъ начала ихъ до приведенія къ концу 10-го октября, участвовалъ при этомъ нѣсколько разъ въ перестрѣлкахъ съ Чеченцами, и между прочимъ: 9-го іюля—при отраженіи партіи горцевъ, возвращавшихся отъ Ассы къ Ачхоу, 21-го — при рекогносцировкѣ къ выходу изъ горъ рѣки Фартанги и 3-го сентября — въ удачной атакѣ непріятеля, намѣревавшаго отбить скотъ у мирныхъ Чеченцевъ.

За отличіе, оказанное въ эту экспедицію, графъ Гейденъ, 10-го февраля 1847 года, пожалованъ орденомъ Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ похода, Федоръ Логгиновичъ, по приказанію главнокомандовавшаго, совершилъ поѣздку въ Дагестанъ; а въ слѣдующемъ 1847 году былъ снова при главнокомандовавшемъ, по случаю принятія княземъ Воронцовымъ лично начальства надъ отрядомъ, собиравшимся въ Дагестанъ.

Выѣхавъ изъ Тифлиса, Федоръ Логгиновичъ, въ послѣднихъ числахъ мая, прибылъ на сборный пунктъ отряда, у крѣпости Ходжалъ-Махи. 1-го іюня войска двинулись изъ этого селенія и расположились въ виду Гергебиля. Весь аулъ, не смотря на то, что самая мѣстность много увеличивала оборонительную силу этого пункта, былъ обнесенъ довольно высокою каменною стѣною и фланкированъ башнями; вдоль стѣны, во многихъ мѣстахъ, устроены были баррикады, траверсы и блиндажи, а каждая сакля приспособлена къ ружейной оборонѣ. Въ аулѣ было два орудія.

Послѣ двухдневнаго бомбардированія аула, когда въ южной стѣнѣ была сдѣлана удобопроходимая брешь, князь Воронцовъ рѣшился штурмовать Гергебиль, на утро 4-го

*) Въ настоящее время, когда жители Малой Чечни частію намъ покорились, частію же ушли въ горы, — укрѣпленіе Ачхоевское, какъ утратившее первоначальное свое значеніе, упразднено (приказъ по Кавказской арміи 27-го іюня 1858 года № 225).

іюня. Войска пошли на приступъ въ двухъ колоннахъ: одна было направлена на брешь, другая въ обходъ укрѣпленія, съ западной стороны, для отвлеченія туда части гарнизона.

Войска первой колонны взошли на брешь и ворвались во внутренность укрѣпленія, но были встрѣчены убійственнымъ ружейнымъ огнемъ горцевъ, засѣвшихъ за стѣною, по сторонамъ бреши, въ ложементахъ и сакляхъ; въ то же время мюриды съ ожесточеніемъ бросились въ шашки и послѣ геройской обороны вытѣснили нашу колонну изъ укрѣпленія. Эта неудача не оставила однакожь нашихъ воиновъ: колонна снова двинулась на штурмъ и вторично ворвалась въ укрѣпленіе; но всѣ усилія были тщетны и мы еще разъ должны были отступить. Видя невозможность взять аулъ безъ большихъ и напрасныхъ потерь, князь Воронцовъ приказалъ войскамъ отойти въ лагерь и послѣ того двинулся обратно въ Ходжалъ-Махи.

Дорога, по которой отрядъ долженъ былъ отступить проходила по возвышенностямъ и далѣе по ущелью, вдоль рѣки Казы-Кумыхскаго Койсу.

Отступление это было исполнено въ такомъ порядкѣ, что войска наши, — по выраженію князя Воронцова, — исполнили этотъ маневръ какъ бы на ученьѣ.

При этомъ графъ Гейденъ участвовалъ въ удачномъ дѣлѣ арріергарда, когда горцы, преслѣдуя нашъ отрядъ, имѣли неосторожность спуститься на открытое мѣсто и приблизиться къ рѣкѣ. Бывшій въ засадѣ баталіонъ пѣхоты кинулся на нихъ, причемъ погибло много горцевъ въ рѣкѣ. Послѣ этого дѣла отрядъ двинулся 13-го іюня въ Казы-Кумыхское ханство и далѣе къ Турчи-Даху, на высотахъ котораго онъ оставался съ 20-го іюня по 25-го іюля, въ ожиданіи ослабленія холеры въ окрестностяхъ.

Освѣдомившись о прекращеніи эпидеміи, главнокомандовавшій выступилъ съ Турчи-Даха и 26-го іюля расположился передъ Салтами. Ауль этотъ былъ укрѣпленъ весьма сильно и обнесенъ со всѣхъ сторонъ стѣнами съ башнями и, кромѣ того, имѣлъ вторую и третью линіи обороны, изъ блокгаузовъ, заваловъ и укрѣпленныхъ сакель. Самая мѣстность была открыта съ одной юго-восточной стороны укрѣпленія и дѣлала возможнымъ доступъ къ Салтамъ только по

этому направленію. Въ первый же день прибытія къ аулу войска приступили къ осаднымъ работамъ.

Не входя въ подробности осады, скажемъ только, что при оборонѣ Салты горцы оказали замѣчательное искусство. Съ самаго начала осадныхъ работъ они дѣлали безпрерывныя вылазки и мѣшали нашимъ работамъ. Ночью въ аулѣ производились самыя дѣятельныя работы и не только исправлялись поврежденія, но во многихъ отношеніяхъ оборона была усилена.

Графъ Гейденъ постоянно находился при осадныхъ работахъ и, между прочимъ, въ самомъ началѣ осады, завѣдуя пятью ротами, отразилъ ночью вылазку горцевъ, за что былъ награжденъ княземъ Воронцовымъ орденомъ Св. Анны 2-й степени.

Наконецъ, 9-го сентября, когда отъ дѣйствія брешь-батарей, расположенныхъ на правомъ флангѣ нашихъ работъ, обрушилась часть юго-восточной стѣны, войска пошли на приступъ и Федоръ Логгиновичъ съ охотниками занялъ часть этой стѣны и произведенной взрывомъ воронки, при чемъ былъ тяжело раненъ ружейною пулей въ правый пахъ.

«Въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ при взятіи укр. Салты», какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ 26-го ноября 1847 года, графъ Гейденъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Георгія 4-го класса.

Рзна заставила Федора Логгиновича отправиться въ 4-хъ мѣсячный отпускъ.

По выздоровленіи, 11-го іюня 1848 года, онъ былъ прикомандированъ къ Гвардейскому Генеральному Штабу, въ который и переведенъ 19-го сентября, а 25-го декабря этого же года назначенъ старшимъ адъютантомъ, по части Генеральнаго Штаба, въ Штабъ Его Императорскаго Высочества (Великаго Князя Михаила Павловича), Главнокомандовавшаго Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами.

Слѣдующій годъ, 1849, было однимъ изъ достопамятныхъ въ службѣ Федора Логгиновича: въ теченіе этого года въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ удостоилъ его приблизить къ Своей Особѣ, назначивъ, 3-го апрѣля,

олигель адъютантомъ, съ отчисленіемъ отъ прежней должности, и удостоилъ нѣсколькими порученіями.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Федоръ Логгиновичъ, по Высочайшему повелѣнію, сопровождалъ въ Константинополь генералъ-адъютанта Граббе 1-го, на котораго было возложено особое Высочайшее порученіе, при чемъ ему выдано на подъемъ и путевыя издержки 500 червонцевъ, а отъ Султана, за нахожденіе въ Стамбулѣ, съ 4-го по 25-е апрѣля, онъ получилъ орденъ Нишанъ-Ифтигаръ 2-й степени.

Въ маѣ мѣсяцѣ, по новому Высочайшему повелѣнію, графъ Гейденъ прибылъ изъ Константинополя въ Варшаву и назначенъ состоять при Князѣ Варшавскомъ, на время военныхъ дѣйствій противъ мятежныхъ Венгровъ.

Изъ Варшавы Федоръ Логгиновичъ отправился, съ походнымъ штабомъ Генералъ-Фельдмаршала, чрезъ Краковъ и Тарновъ, въ г. Ясло (въ Галиціи) и находился при войскахъ 2-го Пѣхотнаго (нынѣ Армейскаго) Корпуса, во время движенія изъ Ясло въ Горлицы и с. Конечно, и 6-го іюня при вступленіи ихъ въ Венгрію и занятіи Эборо и Бартфельда. Изъ послѣдняго города онъ былъ отправленъ, 7-го числа, съ донесеніемъ къ Государю Императору въ Варшаву, изъ которой 13-го воротился въ главную квартиру, перешедшую между тѣмъ въ г. Кашау; съ 14-го по 26-го онъ участвовалъ въ движеніи нашихъ войскъ отъ Кашау къ Мишкольцу, откуда 26-го снова посланъ съ донесеніемъ къ Его Величеству, бывшему въ С. Петербургѣ. 10-го іюля, по Высочайшей волѣ, онъ оправился въ Трансильванію и 17-го прибылъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта Гротенгельма въ Сасъ-Регенъ; 22-го — участвовалъ въ движеніи отряда изъ Сасъ-Регена въ Марошъ-Вашаргели и при занятіи этого города. Ночью того же числа Федоръ Логгиновичъ отправился по направленію къ Керестуру и прибылъ въ отрядъ генералъ отъ инфантеріи Лидерса, расположенный около Келешентелька, съ которымъ участвовалъ: 23-го — въ движеніи къ Почфальвы, 24-го — при усиленномъ переходѣ чрезъ г. Медіашъ и Маркъ-Шелькъ къ г. Германштадту, и 25-го іюля — въ сраженіи на высотахъ Гроссъ-Шерена и Германштадта и въ совершенномъ разбитіи Венгерскихъ войскъ

подъ начальствомъ Бема. Въ этомъ дѣлѣ графъ Гейденъ былъ посылаемъ Лидерсомъ безпрестанно съ разными порученіями и, какъ говоритъ доблестный генералъ въ своемъ донесеніи Главнокомандовавшему, выполнялъ ихъ «съ отличнымъ знаніемъ дѣла и хладнокровіемъ.» — Наградою Федору Логгиновичу былъ чинъ полковника, Всемилостивѣйше пожалованный Высочайшимъ приказомъ 4-го августа, «за отличіе въ дѣлахъ противъ мятежниковъ Венгровъ», со старшинствомъ съ 25-го іюля и съ оставленіемъ въ званіи олигель-адъютанта. Въ слѣдъ за тѣмъ, онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени, въ награду отличной храбрости и мужества, — какъ сказано въ грамотѣ, — оказанныхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ сраженіи противъ мятежныхъ Венгровъ въ Трансильваніи.

29-го іюля графъ Гейденъ былъ еще разъ отправленъ съ донесеніемъ къ Государю въ Варшаву, а въ августѣ, по Высочайшей волѣ, посланъ въ Вѣну съ ключами крѣпости Арада къ Императору Австрійскому, отъ котораго удостоился получить орденъ Леопольда 3-й степени.

27-го ноября этого же года, по Высочайшему повелѣнію, Федоръ Логгиновичъ былъ назначенъ состоять при Принцѣ Мекленбургскомъ на все время пребыванія его въ С. Петербургѣ, а 22 го марта 1850 года, по Высочайшему повелѣнію, былъ прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи Егерскому полку, для узнанія фронтовой службы, отъ котораго отчисленъ 27-го декабря слѣдующаго года, съ оставленіемъ при Особѣ Его Величества. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, сверхъ обязанностей фронтоваго штабъ-офицера, графъ Гейденъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ для наблюденія за дѣйствіями рекрутскихъ наборовъ: въ первомъ году — въ Эстляндской, а во второмъ — въ Вологодской губерніяхъ.

Въ 1852 году, на маневрахъ 30 и 31-го іюля, 2, 4, 7 и 8-го августа, произведенныхъ Гвардейскими войсками съ прикомандированными къ нимъ частями, 2-ю бригадою 16-й пѣхотной дивизіи и присоединившимся, на 8-е число, Суздальскимъ Пѣхотнымъ полкомъ, графъ Гейденъ имѣлъ счастье состоять въ должности оберъ-квартирмейстера въ Сѣверномъ Корпусѣ, — въ которомъ изволилъ командовать лично въ Бозѣ почивающей Мо-

вархъ, а нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ исполнялъ должность начальника штаба.

Въ слѣдъ за тѣмъ, 26-го августа, графъ Федоръ Логгиновичъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба 1-го Пѣхотнаго (нынѣ Армейскаго) Корпуса, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта и по Гвардейскому Генеральному Штабу.

4-го октября 1854 года, «за отлично усердную и ревностную службу», онъ награжденъ перстнемъ съ вензелемъ Его Величества.

Въ послѣднюю войну, графъ Гейденъ Высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника Штаба Балтійскаго Корпуса, охранявшаго берега Лифляндіи и Курляндіи отъ Англо-Французскаго флота и въ началѣ 1855 года, — въ продолженіе двухъ-мѣсячной болѣзни, командовавшаго тѣмъ Корпусомъ генерала отъ кавалеріи Сиверса, — Федоръ Логгиновичъ, по положенію военнаго времени, заступалъ его мѣсто.

Въ томъ же году, 17-го апрѣля, онъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ утвержденіемъ въ должности начальника Штаба Балтійскаго Корпуса и съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

31-го марта 1855 года, — по состоянію въ званіи флигель-адъютанта въ Бозѣ почивающаго Государя Импе-

ратора, — графъ Гейденъ получилъ, отъ исполнителей духовнаго завѣщанія Незабвеннаго Монарха, выписку изъ духовнаго завѣщанія Его Величества, въ которой сказано: «Искренно благодарю всѣхъ бывшихъ при Мнѣ гг. генералъ-адъютантовъ, генераловъ Моей Свиты и флигель-адъютантовъ за вѣрную ихъ службу; прошу ихъ съ тою же любовію и преданностію служить Моему Сыну». — Наконецъ, въ томъ же 1855 году, онъ пожалованъ бронзовою медалью въ память кончины Великаго Государя.

Высочайшимъ приказомъ въ 17-й день мая 1856 года Федоръ Логгиновичъ назначенъ начальникомъ Штаба 1-го Армейскаго Корпуса, но не отправляясь еще къ этой должности, новымъ Высочайшимъ приказомъ, 8-го сентября, назначенъ начальникомъ Штаба Отдѣльнаго Гренадерскаго Корпуса, съ оставленіемъ въ Свитѣ и Генеральномъ Штабѣ, званіе которое онъ носить и въ настоящее время.

Въ томъ же году, въ священный день Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, графъ Гейденъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени.

Наконецъ, Высочайшимъ приказомъ 30-го апрѣля 1859 года, онъ былъ уволенъ въ отпускъ, для излеченія болѣзни, отъ раны происходящей, за границу, въ Германию, на 4 мѣсяца.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, сентября 17-го дня 1859 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

Назначеніе періодическаго изданія «Кавказцы», выходящаго съ особеннаго Высочайшаго соизволенія, — передать, перомъ и карандашемъ, замѣчательные подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его находятъ также мѣсто изображенія доблестныхъ дѣлъ и другихъ лицъ великой семьи Русской: а) славные подвиги моряковъ, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) душеспасительное управление и назиданіе пасты, неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, — которые, съ крестомъ въ рукъ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всесильную помощь Божию, успокаиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ, — или святою своею жизнію и словомъ способствуютъ распространенію истиннаго свѣта среди тьмы невѣрія и лжеученій; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемое ими подъ вражьими выстрѣлами; г) живое участіе въ Кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій, и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чиновниками, замѣчательные труды ученыхъ, сельскихъ хозяевъ, мануфактуристовъ, торгующихъ и вообще промышленниковъ, которые, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію Русской власти въ краѣ, облегчаютъ благотворныя мѣры Правительства и содѣйствуютъ разработкѣ богатствъ этой прекрасной части великаго нашего Отечества.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилоостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ меня многомилостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, дорожащіе Русскою славой, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и Сибири.

Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность неусыпно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію изданія, тѣмъ болѣе, что прибыль отъ него, съ Высочайшаго соизволенія, назначена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу нашего оружія.

«Кавказцы» должны обращать на себя особенное вниманіе преимущественно въ настоящее время, когда, послѣ полувѣковой борьбы, Восточный Кавказъ повергается подъ стопы Русскаго Самодержца, когда въ свѣтлый праздникъ Тезоименитства и въ священный день мѣропомазанія Возлюбленнаго Монарха, при наступленіи совершеннолѣтія Его Августѣйшаго Первенца, Надежды Россіи — будущаго Владыки полуміра, — Его Князь-Намѣстникъ-Главнокомандующій имѣлъ величайшее счастье для подданнаго и воина — поздравить Государя съ важными успѣхами Его оружія.

Поэтому, удовлетворяя желанію многихъ, въ изданіи наступающаго года, Редакція надѣется *преимущественно* помѣстить жизнеописанія лицъ, наичаще упоминаемыхъ въ послѣднихъ радостныхъ извѣстіяхъ съ Кавказа, — подробности о службѣ и прежнихъ подвигахъ которыхъ нынѣ справедливо интересуютъ просвѣщенный міръ; хотя будетъ также продолжаться и помѣщеніе жизнеописаній остальныхъ дѣйствователей великой борьбы, прежнихъ и современныхъ, равномерно достойно служившихъ Царю и Отчизны, и изъ которыхъ многіе нади честною смертію воина, или тяжкими ранами и разстроеннымъ здоровьемъ отъ трудовъ, лишеній и климата, запечатлѣли вѣрное исполненіе долга.

Остальные экземпляры «Кавказцевъ» прежнихъ годовъ можно получать по цѣнѣ: за первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24-хъ листовъ текста, съ 18-ю приложеніями, вышедшіе въ 1857 г. — *три* руб.; за 24 выпуска (№№ 13 — 36), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ 36-ю приложеніями, вышедшіе въ 1858 году — *шесть* рублей; а за 24 выпуска (№№ 37—60), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ необходимыми приложеніями, выходящіе въ 1859 году, — *двѣнадцать* рублей.

Сверхъ того, сочувствуя благому дѣлу распространенія грамотности между нижними чинами, Редакція съ 1-го января 1859 года печатаетъ нѣкоторое число экземпляровъ собственно для подобнаго употребленія, на бумагѣ низшаго достоинства и съ меньшимъ числомъ приложеній. Цѣна за такія 24 выпуска по *три* рубля.

За пересылку въ другіе города прилагается: за 12 выпусковъ — 75 к.; а за 24 выпуска 1 руб. 50 коп. За доставку на домъ въ С. Петербургъ выпусковъ 1860 года — 50 коп.

Примѣчаніе. Если жизнеописаніе занимаетъ *болѣе двухъ листовъ*, то, чтобы не разрывать повѣствованіе, нѣсколько выпусковъ разсылаются одновременно, и, если только возможно, то и гораздо ранѣе срока, въ который слѣдовало бы ихъ выдать. Если же, иногда, обстоятельства и заставятъ нѣсколько опоздать выпускомъ, то не думаетъ, чтобы это могло быть поставлено въ укоризну Редакціи, ибо «Кавказцы», въ строгомъ смыслѣ, отнюдь не журналъ, но книга, выходящая только выпусками.

Со всѣми требованіями должно обращаться исключительно въ С. Петербургъ, въ С. Петербургскую крѣпость, въ квартиру Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова*.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ непремѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

Редакторъ и издатель, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона Полковникъ **С. Новоселовъ.**

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, октября 17-го дня 1859 года. Ценсоръ *Обертъ.*

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 54-й, 55-й, 56-й, 57-й и 58-й.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА ВАЛЕРІАНА ГРИГОРЬЕВИЧА МАДТОВА И ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ПВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА БУРЦОВА.

Приложенія: два портрета.

Благодарительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1859.

Печ. И Корелинъ.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

ГЕНЕРАЛЪ ЛЕЙТЕНАНТЪ
КНЯЗЪ ВАЛЕРІАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
МАДАТОВЪ.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ КНЯЗЬ ВАЛЕРІАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ МАДАТОВЪ.

Князь Валеріанъ Григорьевичъ Мадатовъ *), — одинъ изъ храбрѣйшихъ нашихъ генераловъ, — родился въ бывшемъ городѣ Карабахѣ, въ 1782 году и происходилъ изъ Армянской дворянской фамиліи.

Въ царствованіе Императора Павла Петровича, — память Котораго священна для Армянъ, — въ С. Петербургъ прибыли, — какъ официально названы **), — *державной и знаменитой Карабахской области благородные Ар-*

*) Въ формулярномъ спискѣ о службѣ князя Мадатова за 1817 годъ, — которымъ мы руководствовались и позднѣе котораго такого списка въ Инспекторскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства не находится, — онъ названъ *Ростомомъ Григорьевичемъ*. Въ книгѣ «Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова» (Сиб. 1837) и въ біографіяхъ генерала помещенныхъ въ изданіи «Александръ I и Его сподвижники», въ «Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (2 изд. т. VIII) и въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ», изданномъ Старчевскимъ (т. VIII), онъ названъ *Валеріаномъ Григорьевичемъ*. Мы удерживаемъ послѣднее, потому что въ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 12-го іюля 1828 г., Мадатовъ также названъ этимъ именемъ.

**) Высочайшія грамоты Императора Павла: а) къ владѣтельнымъ меликамъ и юсь-башамъ Карабахскимъ, данная 2-го іюня 1799 года (Полное Собраніе Законовъ, 1 собр. т. XXV, № 18,990) и б) къ Царю Георгію, отъ 3-го числа того же мѣсяца (тамъ же, № 18,991).

мянскіе мелики Джимшидъ Шаназаровъ, владѣлецъ Варандинскій и Фридонъ Белларовъ, владѣлецъ Гулистанскій.

Цѣль этого пріѣзда была просьба, какъ о принятіи ихъ въ Русское подданство, такъ и о Всемилостивѣйшемъ соизволеніи, покинувъ отчизну, — гдѣ они были угнетены, — съ подвластными имъ народами, переселится во владѣнія Карталинскаго и Кахетинскаго царя Георгія, — съ обязательствомъ за то не только оказывать всегдашнюю къ Россіи и Грузіи приверженность, но и во всякомъ случаѣ употреблять все содѣйствія въ пользу и оборону послѣдней страны.

Императоръ Павелъ, — по участію, которое принималъ во всемъ относящемся ко благу царства Георгія и по христіанству, — Высочайше соизволилъ на такое прошеніе.

Съ этими меликами прибылъ въ Россію и Мадатовъ *). Увидѣвъ въ столицѣ блестящіе ряды гвардіи, узнавъ о высокой заботливости Государя о воинствѣ, постигнувъ честь служить въ рядахъ Русскихъ полковъ, юноша подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ нашу службу.

*) Въ Высочайшей грамотѣ Императора Павла къ Царю Георгію упоминается, что мелики прибыли: «съ юсь-башею Петросомъ Мадато и свитою». Не знаемъ *третье* ли это имя нашего героя, или то былъ кто либо изъ его родственниковъ.

Но прежде нежели состоялось Высочайшее разрѣшеніе, мелики возвратились въ отчину, но князь Мадатовъ остался въ столицѣ подъ покровительствомъ Епархіальнаго Армянскаго епископа Іосифа, князя Аргутинскаго-Долгорукова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Лазаревича Лазарева, у котораго въ домѣ и жилъ *).

Вскорѣ Государь вспомнилъ о просьбѣ, чему способствовало ходатайство и посредство двухъ этихъ покровителей. Мадатовъ былъ представленъ Его Величеству и 14-го іюня 1799 года **) вступилъ въ службу портупей-прапорщикомъ въ старѣйшій полкъ Царскихъ тѣлохранителей — Л.-Гв. Преображенскій.

Черезъ четыре года, 5-го мая 1802 года, онъ переведенъ въ Павловскій гренадерскій полкъ — подпоручикомъ, въ которомъ 14-го апрѣля слѣдующаго года произведенъ въ поручики; но велѣдъ за тѣмъ, 16-го октября того же года, по сентенціи военнаго суда, — *за частые припадки дурной болѣзни*, — отставленъ отъ службы. Эта невольная отставка продолжалась слишкомъ три года, и только 23-го ноября 1806 года князь Мадатовъ былъ принятъ снова въ ряды воинства, тѣмъ же чиномъ, съ опредѣленіемъ въ Мингрельскій мушкетерскій полкъ ***). 19-го сентября

*, Собраніе актовъ, относящихся къ Обзорѣнію исторіи Армянскаго народа, ч. I, 288. Въ названныхъ біографіяхъ сказано, что при возвращеніи мелика Джемшида въ Карабахъ, Мадатовъ *долженъ былъ съ нимъ ѣхать*; а въ книгѣ «Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова» (стр. 3) прибавлено, что когда Государь вспомнилъ объ немъ, то князь *по Высочайшему повелѣнію возвратился въ С.-Петербургъ* и былъ *немедленно* представленъ Его Величеству.

**) Такъ значится въ формулярномъ спискѣ. Въ названныхъ выше четырехъ біографіяхъ князя Мадатова показано, что онъ определенъ на службу въ 1797 году. Но, соображая Высочайшія грамоты, также только что нами приведенныя, этого не могло быть.

***) Ни одна изъ четырехъ названныхъ біографій не говоритъ объ этой отставкѣ. Въ «Лексиконѣ» и «Словарѣ» ничего не сказано о службѣ его со дня опредѣленія по кампанію 1808 года, а въ книгѣ «Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова» (стр. 3) выражено такъ: «оттуда (изъ Преображенскаго полка) переведенъ (когда?) подпоручикомъ въ Павловской гренадерской, гдѣ былъ произведенъ (когда?) въ поручики, и наконецъ (когда?) переведенъ (!) въ Мин-

слѣдующаго года, онъ произведенъ въ штабсъ — капитаны.

Въ 1808 году, наконецъ, началась боевая жизнь Мадатова; — мужеству и дѣятельности его открылось поприще на тѣхъ самыхъ поляхъ, на которыхъ, черезъ двадцать лѣтъ, онъ палъ, хотя не въ жару битвы съ врагомъ, но посреди блистательныхъ подвиговъ.

Съ 7-го марта этого года Мадатовъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ, въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи; но подробности объ этомъ первомъ его походѣ, — во время котораго, 18-го іюля, онъ получилъ, конечно по старшинству, чинъ капитана, намъ неизвѣстны, — можетъ быть потому, что этотъ годъ прошелъ въ переговорахъ. Въ 1809 году онъ особенно отличился 26-го іюня, 19-го и 20-го іюля подъ Браиловымъ. Въ воздаяніе *отличной храбрости*, оказанной Мадатовымъ въ этихъ сраженіяхъ, въ которыхъ, — по словамъ Высочайшей грамоты, — онъ, *по усердію своему, былъ всегда впереди и до окончанія послѣднихъ дѣлъ поступалъ мужественно*, — Императоръ Александръ наградилъ его, 30-го сентября, первымъ орденомъ — Св. Анны 3 го класса, *будучи увѣренъ*, — какъ изволилъ выразиться въ грамотѣ, — что это *послужитъ ему поощреніемъ къ вѣдшему продолженію ревностной службы*.

Нашъ герой постыдился оправдать Высочайшее мнѣніе.

Состоя въ авангардѣ Платова, Князь постоянно находился на передовыхъ постахъ «Вихра-Атамана» и вскорѣ, не смотря на небольшой чинъ и ничтожныя средства, находившіяся въ его распоряженіи, молва о неустрашимости его быстро пронеслась въ рядахъ отважныхъ его сподвижниковъ, и имя его было произносимо съ особеннымъ уваженіемъ. Выраженіе: «я былъ въ дѣлѣ съ княземъ Мадатовымъ», значило: «я былъ впереди и ближе прочихъ къ непріятелю».

гфельскій пѣхотный (1) полкъ». Нарочно приводимъ эти разнорѣчія, чтобы показать, что и послѣ жизнеописаній нѣкоторыхъ нашихъ славныхъ генераловъ, уже обнародованныхъ, изложеніе подробностей о нихъ, сообщаемыхъ «Кавказцами», не будутъ лишнее. Наше изданіе провѣряетъ каждое показаніе, каждую цифру возможно тщательно и очень часто встрѣчаетъ неточности.

Извѣстно, что лишь только пониженіе водъ Дуная дозволило Русскимъ войскамъ переправиться на ту сторону рѣки, Платовъ перешелъ ее 29-го іюня, и покрылъ партіями своими всѣ мѣста впереди Мачива и Исакчи. При этомъ Мадатовъ участвовалъ: 4-го августа въ перестрѣлкѣ при рекогносцировкѣ первой изъ этихъ крѣпостей, 3-го—при завладѣніи городомъ Бабадагомъ, а съ 8-го по 20-е — въ преслѣдованіи непріятеля и въ частыхъ схваткахъ близъ Троянова вала; потомъ 20-го, 21-го и 22-го—въ осадѣ Гирсова, которая сдалась и 29-го и 30-го — въ осадѣ и взятіи Кюстенджи. Въ послѣдніе дни онъ оказалъ *отличную храбрость*, именно,—говоря словами другой Высочайшей грамоты,—*по препорученію генералъ-адъютанта князя Трубецкаго, командуя ротою 7-го Егерскаго полка и будучи впереди, напалъ на встрѣтившагося непріятеля съ особеннымъ мужествомъ и прогналъ его до самаго рва ретраншаментъ*. Въ возданіе за такое отличіе, Князь Всемилостивѣйше пожалованъ, 18-го октября, кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ,—снова въ Высочайшей увѣренности, что это послужитъ *опять поощреніемъ въ вѣдущему продолженію ревностной его службы*.

4-го сентября произошло сраженіе при укрѣпленіи Рассеватъ, — за которое князь Багратионъ получилъ ленту Св. Андрея и 50,000 рублей, а Платовъ,—принимавшій самое дѣятельное участіе, какъ въ битвѣ, такъ и въ преслѣдованіи разбитаго непріятеля, покрывая всѣ дороги мертвыми тѣлами Турокъ и захватывая множество плѣнныхъ,—вмѣстѣ съ Милорадовичемъ,—произведены въ полные генералы. Мадатовъ въ этотъ славный день, опять по словамъ Высочайшей грамоты, — оказалъ *отличную храбрость*: находясь при атаманѣ, *по особенному усердію къ службѣ, онъ былъ во все время впереди и мужественно поражалъ непріятеля*. Возданіемъ ему послужила золотая шпага съ надписью «за храбрость», — Всемилостивѣйше пожалованная 8-го января 1810 года *).

*) Въ формулярномъ спискѣ подвиги, за которые пожалованы Мадатову двѣ послѣднія награды, перемѣшаны: въ немъ показано, что золотая шпага дана за Кюстенджи, а Св. Владиміръ—за Рассеватъ.

Съ 11-го по 20-е сентября онъ находился при блокадѣ Платовымъ Силистріи, а 23-го участвовалъ, между селеніями Калипетро и Капаклы, въ совершенномъ пораженіи, нанесенномъ атаманомъ Туркамъ, шедшимъ изъ Рущука на подкрѣпленіе къ крѣпости. Находясь при казачьемъ Кутейникова 2-го полку и *бывъ впереди съ охотниками, Князь,—какъ свидѣтельствуется Высочайшая грамота,—поражалъ непріятеля съ особеннымъ мужествомъ* и въ возданіе *отличной храбрости*, оказанной при этомъ, Всемилостивѣйше пожалованъ, 1-го сентября 1810 года, кавалеромъ орденомъ Св. Анны 2-го класса.

Наконецъ, славныя свои дѣйствія въ эту кампанію Мадатовъ заключилъ, 10-го октября, участіемъ въ сраженіи при селеніи Татарицы.

11-го февраля 1810 года Высочайшимъ приказомъ Князь переведенъ ротмистромъ въ храбрый Александрійскій (нынѣ Александрійскій гусарскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго) гусарскій полкъ, шефомъ котораго былъ знаменитый графъ Ламбертъ, вскорѣ имѣвшій случай оцѣнить новаго подчиненнаго,—въ которомъ чрезъ мѣсяць, 13-го марта *), произведенъ въ майоры, за отличіе, оказанное въ послѣднемъ сраженіи (при Татарицѣ).

Во вторую за-Дунайскую кампанію, 1810 года, въ которую новый главнокомандовавшій графъ Н. М. Каменскій, хотѣлъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ окончить войну,—Мадатовъ былъ употребляемъ начальниками вездѣ, гдѣ представлялись трудъ и опасность, гдѣ требовались вѣрный глазъ и смѣлая грудь, благоразумный расчетъ и безоглядный натискъ, и снова покрылъ себя славою и удостоился получить отличіе храбрыхъ.

Съ 10-го іюня онъ участвовалъ въ обложеніи Шумлы, а 12-го—въ кровопролитномъ бою при селеніи Чаушкѣй оказалъ *отличное мужество и храбрость*,—какъ опять свидѣтельствуется Высочайшая грамота,—*съ эскадрономъ*

*) Въ Словарѣ г. Старчевскаго неправильно показано, что Мадатовъ награжденъ чиномъ майора—12 іюня. Въ этой біографіи есть и еще нѣсколько невѣрностей, особенно въ цифрахъ; мы указываемъ только на главнѣйшія.

ударивъ на непріятельскую пѣхоту и взявъ у непріятеля орудіе. Этимъ подвигомъ, — по отзыву Государя, нашъ герой заслужилъ награжденіе орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, — знакъ котораго 4-го класса Всемиловѣйше пожалованъ ему 11-го апрѣля 1811 года. Удостоверены Мы впрочемъ, — писалъ Императоръ въ заключеніи грамоты, — что Вы, получивъ такую отличную честь, потщитесь продолженіемъ усердной службы Вашей вѣще удостоиться Монаршей нашей милости *)».

Далѣе Мадатовъ участвовалъ: 22-го іюля — въ неудачномъ приступѣ къ Рущуку, 16-го августа въ рекогносцировкѣ Турокъ въ ихъ укрѣпленіи при рѣкѣ Янтры и 26-го — въ блистательной Батынской побѣдѣ, когда были взяты штурмомъ эти укрѣпленія, совершенно разбиты 40,000 непріятельскій корпусъ, потерявшій всю артиллерию и множество знаменъ. Въ началѣ этого славнаго сраженія Александрійскій гусарскій полкъ находился на лѣвомъ крылѣ. Офицеры собрались около генерала Ланскаго. Разговоръ коснулся одного маіора, который, за какое-то дѣло, получилъ рѣдкое въ этомъ чинѣ отличіе — орденъ Св. Георгія 3-го класса. Князь Мадатовъ спросилъ: «что бы мнѣ, ваше превосходительство, сдѣлать, чтобы получить этого Георгія?» — Генералъ шутя показалъ на 4,000 колонну Турецкой кавалеріи, которая выходила изъ укрѣпленнаго лагеря противъ нашего праваго фланга, и сказалъ: «разбей ихъ.»

Советѣмъ неожиданно сильный этотъ отрядъ потянулся вдоль фронта нашихъ войскъ по лѣвому крылу. Но едва поровнялся онъ съ Александрійскимъ полкомъ, какъ князь Мадатовъ, не ожидая болѣе приказаній, крикнулъ: «за мной!» и бросился на непріятеля. Мгновенно, предъ двумя сотнями гусаръ, дрогнули четыре тысячи Турокъ. Лошадь, по которой они бѣжали, покрылась трупами на нѣсколько верстъ, и преслѣдованіе прекратилось только тогда, когда лошади подъ побѣдителями стали отъ изнуренія. Разбитый отрядъ находился подъ личнымъ предводительствомъ Мурадъ-Бея, сына Али-Паши Явивскаго.

*) О награжденіи орденомъ Св. Георгія не сказано не только въ Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ, но даже и въ Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ.

Однако нашъ герой не получилъ желаннаго креста, но «за отличіе себя храбростію и мужествомъ въ этомъ сраженіи», какъ сказано въ формулярномъ его спискѣ, Всемиловѣйше пожалованъ, 25-го ноября, въ подполковники *).

Потомъ онъ находился при взятіи Журжи и Рущука, которые сдались 15-го сентября, и при занятіи Никополя — 15-го октября; наконецъ, по 1-е марта слѣдующаго года, провелъ въ Валахіи и Молдавіи.

Наступилъ Двѣнадцатый годъ. Порта смирилась и нашъ герой, опытный въ дѣлѣ, закаленный въ огнѣ битвъ, извѣстный въ арміи, а по молвѣ во всемъ даже Отечествѣ, явился на новомъ блистательномъ поприщѣ, сдѣлался славнымъ участникомъ непримѣрной войны, которая твердостію Благословеннаго прославила Россію, привела наши знамена въ гордый Парижъ и избавила Европу отъ грознаго завоевателя.

При открытіи кампаніи Александрійскій гусарскій полкъ состоялъ въ 3-й резервной обсервационной арміи, Тормасова, которая была расположена въ окрестностяхъ Луцка. Въ іюлѣ Тормасовъ вознамѣрился очистить отъ непріятеля Брестъ, Кобринъ, Янова и Пинскъ, и для того, четырьмя колоннами, двинулся въ тылъ Французамъ. Князь Мадатовъ, командуя передовымъ отрядомъ генераль-адъютанта графа Ламберта, выгналъ непріятельскій отрядъ изъ мѣстечка Устилуга, перешелъ границу Варшавскаго герцогства и занялъ пограничное мѣстечко Грубешовъ, а 13-го пошелъ къ Бресту-Литовскому, занятому того же дня отрядомъ генерала князя Щербатова. Отсюда, того же числа, оба отряда, съ кавалеріею и конною артиллеріею, выступили къ Кобрину; пѣхота слѣдовала сзади. Тамъ стоялъ Саксонскій генералъ Клингель, имѣя отъ 2,500 до 3,000 человекъ пѣхоты, уланъ и артиллеріи. Реннье, Саксонскій корпусный командиръ, предписалъ ему удержать за собою Кобринъ во что бы не стало. Вслѣдствіе этого, Клингель началъ го-

*) Слѣдовательно, не точно «Воспоминаніе армейскаго офицера» о знакомствѣ съ княземъ Мадатовымъ, напечатанное во многихъ періодическихъ изданіяхъ (между прочимъ, въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній», 1839, т. XVII, № 66), въ которомъ самъ Мадатовъ рассказываетъ этотъ подвигъ и говоритъ, что получилъ за него Георгія на шею.

товиться къ упорной защитѣ. Дороги въ Брестъ, Дивинъ и Антополь были заняты каждая двумя или тремя ротами пѣхоты, съ двумя орудіями и частию кавалеріи; резервы расположились на рыночной Кобринской площади и у моста на правомъ берегу Муховца; двѣ роты были отправлены въ Пружаны.

Графъ Ламбертъ первоначально отрядилъ князя Мадатова, съ однимъ эскадрономъ Татарскаго уланскаго полка и однимъ Александрійскаго гусарскаго, въ обходъ непріятельской позиціи, крѣпкой съ фронта. Князь съ успѣхомъ ударилъ на лѣвый флангъ, опрокинулъ Саксонскую кавалерію и вогналъ ее въ городъ. Въ то же время непріятель былъ опрокинутъ и по Дивинской дорогѣ. Видя отсюда сближеніе Русскихъ, Клингель хотѣлъ открыть себѣ путь на Пружаны и Антополь, и старался отправить, съ усиленнымъ отрядомъ, свою казну въ первый изъ этихъ городовъ. Но князь Мадатовъ, перейдя рѣку Муховець, съ четырьмя эскадронами Александрійскаго гусарскаго полка, однимъ Татарскаго уланскаго, двумя Стародубскаго драгунскаго и сотнею казаковъ, при двухъ орудіяхъ конной артиллеріи, перехватилъ имъ дорогу. Саксонцы дѣлали величайшія усилія, чтобъ пробиться черезъ нашихъ; однако князь Мадатовъ, постоянно отражая непріятельскія атаки, совершенно разстроилъ ихъ и прогналъ обратно въ Кобринъ. Тогда Тормасовъ, приказавъ отрядить нѣсколько полковъ изъ арміи, которая между тѣмъ сосредоточилась у этого города, велѣлъ идти со всѣхъ сторонъ на приступъ. Саксонцы защищались отчаянно въ укрѣпленіи, на скоро наметанномъ ими, за каменною монастырскою оградой и на подъемномъ мосту черезъ Муховець. Долго истощали они всѣ силы къ оборонѣ, но должны были наконецъ сдаться. 8 орудій, 4 знамя, 2,300 плѣнныхъ*), въ томъ числѣ командовавшій генераль Клингель, были нашими трофеями.

Такимъ образомъ, князь Мадатовъ имѣлъ честь быть однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ этой побѣды, — пер-

*) Положило оружіе, по Михайловскому-Давылевскому (*Отечест. война*): 1 генераль, 9 штабъ, 37 оберъ-офицеровъ и 2,234 рядовыхъ. По формулярному свѣдѣнію Мадатова въ плѣнъ взято было больше 4,000 человекъ.

вой, одержанной Русскими, со времени вторженія Наполеона въ предѣлы Отечественные. Нравственное вліяніе этого памятнаго дня было велико. Извѣстіе о немъ принято съ восторгомъ въ столицахъ нашихъ, въ которыхъ до того времени обнародовались только печальныя реляціи объ отступленіи Барклай-де-Толли и князя Багратиона; а въ Варшавскомъ герцогствѣ страхъ появленія и мести Русскихъ обуялъ всѣ умы, и бывшая до того гордая увѣренность Ляховъ въ униженіи Россіи уступила мѣсто боязни и униженію, и прежній духъ въ нихъ уже не воскресалъ.

Въ воздаяніе ревностной службы и отличія, — оказаннаго въ этихъ дѣлахъ, а особенно въ послѣднемъ, — гдѣ, — говоритъ Высочайшая грамота, выданная 31-го марта 1818 года, — князь Мадатовъ, командовавъ авангардомъ кавалеріи и бывъ встрѣченъ подъ городомъ непріятельскою кавалеріею, опрокинулъ ее и проталъ въ городъ, сверхъ сего и другія приказанія начальства исполнялъ съ особеннымъ успѣхомъ, — онъ, 23-го августа, награжденъ знаками ордена Св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніями.

Съ поля Кобринскаго сраженія нашъ герой, вмѣстѣ съ авангардомъ Ламберта, двинулся тревожить отступленіе непріятеля. Забравъ много плѣнныхъ и обозовъ, Русскіе стали у Пружанъ. Князь Мадатовъ командовалъ форпостами и наблюдалъ за движеніями противника. Когда начали показываться у города Саксонская кавалерія и Венгерскіе гусары, графъ Ламбертъ поручилъ ему удержать позицію на лѣвомъ флангѣ. Не смотря на превосходство силъ непріятеля и отчаянные натиски его, Князь, въ продолженіе цѣлаго дня, съ постояннымъ усердіемъ отражалъ всѣ нападенія кавалеріи противника. Отсюда, по приказанію Тормасова, 18-го іюля авангардъ двинулся къ Городечню, на встрѣчу Австрійцамъ и Саксонцамъ, преслѣдуемый отрядами Реннье. Каждый день происходили жаркія дѣла, въ которыхъ Мадатовъ постоянно отличался.

Іюля 29-го авангардъ вступилъ на позицію при Городечню, гдѣ на отлогихъ возвышенностяхъ уже располагалась Тормосова армія. Черезъ день здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ 18,000 Русскимъ дрались съ 40,000 корпусомъ Австрійскимъ и Саксонскимъ. Съ

10-ти часовъ утра непріятель началъ нападать на лѣвое наше крыло, находившееся подъ командою генерала-адъютанта графа Ламберта; князь Мадатовъ, съ четырьмя эскадронами Александрійскаго гусарскаго полка, составляя крайнюю оконечность фланга, твердо держался противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Въ 12-ть часовъ два непріятельскіе легкоконные полка, Саксонскій и Австрійскій Гогенцоллерна, обратились ему въ тылъ. Зорко слѣдилъ графъ Ламбертъ за этимъ движеніемъ и увидя, что полки совсѣмъ отдѣлились отъ своего боеваго корпуса, рѣшился атаковать ихъ.

Павлоградскіе гусары были посланы для нападенія съ фронта, а Александрійскіе—двинуты во флангъ и въ тылъ непріятеля. Движеніе наше было исполнено съ такою быстротою, что полкъ Гогенцоллерна успѣлъ сдѣлать только одинъ залпъ, какъ князь Мадатовъ уже обскакалъ и атаковалъ Австрійцевъ и съ фланга и съ тыла. Часть непріятеля была изрублена, другая взята въ плѣнъ. За этотъ подвигъ нашъ герой, 12-го декабря, Всемилостивѣйше произведенъ былъ въ полковники.

Давъ непріятелю кровавый отпоръ подъ Городечною, Тормасовъ отступилъ за р. Стырь, при чемъ князь Мадатовъ во все время командовалъ аванпостами и имѣлъ почти ежедневно дѣла. По переходѣ чрезъ эту рѣку военныя дѣйствія прекратились на вѣкоторое время. 9-го сентября съ арміею Тормасова соединилась армія Чичагова, возвращавшаяся изъ Валахій и съ нашей стороны начался наступательныя дѣйствія. Князь Мадатовъ постоянно находился въ авангардѣ, которымъ продолжалъ командовать графъ Ламбертъ.

15-го сентября, съ отрядомъ кавалеріи и небольшимъ числомъ пѣхоты, онъ вытѣснилъ непріятеля изъ мѣстечка Туриска; при чемъ взялъ штурмомъ мостовое укрѣпленіе, и, преслѣдуя непріятеля холоднымъ оружіемъ, захватилъ мостъ и гналъ Австрійцевъ до самаго Брестъ-Литовска.

Когда князь Шварценбергъ, обойденный съ лѣваго фланга, принужденъ былъ очистить Русскія владѣнія, князь Мадатовъ, по слѣдамъ его арріергарда, быстро перешелъ

Бугъ у Брестъ-Литовска и выгналъ Австрійцевъ изъ Тирасполя.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ отряженъ, съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Чернышевымъ, въ герцогство Варшавское, для уничтоженія непріятельскихъ запасовъ.

Этотъ отрядъ, какъ извѣстно, прошелъ чрезъ Бялу, Менджирзецъ и Сѣдльце къ Вевгрову, посылая партіи до Сточека и Гарволина, и распространяя тревогу до самой Варшавы, а потомъ, повернувъ на Луковъ, Коцкъ и Люблинъ, и пройдя, на восьмидневномъ своемъ поискѣ, до 500 верстъ и, захвативъ множество плѣнныхъ и добычи, возвратился, 7-го октября, черезъ Владову, въ Брестъ, при которомъ все еще стояла наша армія. Князь Мадатовъ снова поступилъ въ авангардъ Ламберта и опять командовалъ его передовыми постами.

Когда, наконецъ, 15-го октября адмиралъ Чичаговъ, исполняя повелѣнное ему Государемъ движеніе, выступилъ къ Березинѣ, то князь Мадатовъ находился въ авангардѣ одной изъ двухъ частей Дунайской арміи, порученномъ графу Ламберту, какъ генералу опытному, на быстроту и отважность котораго можно было смѣло положиться. Маршъ совершался быстро. При этомъ 1-го и 3-го ноября авангардъ сражался съ 5,000 отрядомъ генерала Косецкаго: въ первый день непріятель былъ вытѣсненъ изъ Несвижа и Новосержева, при чемъ нашими найдено въ первомъ городѣ болѣе чѣмъ на миллионъ драгоценностей, брилліантовъ и жемчугу, награбленныхъ Западно-Европейскими войсками въ Москвѣ, а во второй день, настигнувъ отступавшихъ Поляковъ за Кейданами, не смотря на довольно упорное сопротивленіе, совершенно уничтожилъ отрядъ Косецкаго. Въ этомъ дѣлѣ князь Мадатовъ, съ отдѣльнымъ отрядомъ изъ 3-хъ эскадроновъ Александрійскаго гусарскаго полка и 200 казаковъ, атаковалъ одну изъ непріятельскихъ колоннъ, спасавшуюся по полямъ, разбилъ ее, отнялъ одно орудіе и принудилъ положить оружіе.

Этимъ авангардъ открылъ себѣ путь къ Минску, городу въ тогдашнихъ обстоятельствахъ чрезвычайно важному, — ибо тамъ находились главные непріятельскіе склады и въ него Наполеонъ намѣревался отступить. Не давая войскамъ

отдыха, графъ Ламбертъ устремился въ этотъ городъ, куда также на спѣхъ спасались остатки разбитыхъ войскъ Косецкаго Домбровскій, въ тоже время, спѣшилъ изъ-подъ Борисова на прикрытіе этого важнаго пункта, но былъ предупрежденъ нашими, занявшими Минскъ 4-го числа.

Вслѣдъ за этимъ *) князь Мадатовъ, бывъ отраженъ по дорогѣ къ Молодечно, открылъ сильную непріятельскую партію, атаковалъ ее, разбилъ и взялъ 500 человекъ въ плѣнъ.

7-го ноября Мадатовъ, вмѣстѣ съ авангардомъ, выступилъ къ Борисову. Ободренные храбрымъ и опытнымъ графомъ Ламбертомъ, солдаты наши не чувствовали усталости, хотя прошли въ одинъ день 35 верстъ, въ позднее, осеннее время. Послѣ краткаго отдыха, ночью съ 8-го на 9-е, среди глубокой тьмы, полки весело двинулись впередъ, и за часъ до разсвѣта, не примѣчаемые непріателемъ, подошли на 2 версты къ Борисову. Въ ту же минуту графъ Ламбертъ сдѣлалъ распоряженіе тремъ егерскимъ полкамъ идти на приступъ, а четвертому, вмѣстѣ съ однимъ пѣхотнымъ, однимъ драгунскимъ и Александрійскимъ гусарскимъ находится въ резервѣ. Мгновенно это было приведено въ исполненіе: При самомъ началѣ дѣла, Домбровскій получилъ отъ маршала Удино приказаніе держаться въ Борисовѣ до послѣдней капли крови. Пѣхота наша дѣйствовала успѣшно; но бой продолжался довольно долго. Пользуясь этимъ, Домбровскій вознамѣрился обойти отрядъ нашъ двумя колоннами изъ войскъ, бывшихъ у него внѣ укрѣпленія.

Одна колонна **) генерала Пакоши, изъ пѣхоты съ частію кавалеріи направилась на правый ***) нашъ флангъ. Графъ Ламбертъ послалъ противъ нея одинъ баталіонъ Витебскаго пѣхотнаго полка и 4 эскадрона Александрійскихъ гусаровъ, подъ командою князя Мадатова, который, благоразумными своими распоряженіями и удачною атакою, уничтожилъ намѣренія непріятеля. Польскіе уланы были разби-

*) Мы придерживаемся показанія формуляра. По книгѣ *Жизнь генералъ-адъютанта князя Мадатова* (стр. 11 и 12) дѣло при Молодечны было до занятія Минска.

**) Въ формулярѣ эта колонна названа «Корпусомъ».

***) Въ книгѣ *Жизнь генералъ-адъютанта князя Мадатова* (стр. 12) неправильно сказано на лѣвый флангъ.

ты совершенно, а пѣхота отступила въ безпорядкѣ и была преслѣдуема до села Юшкевичи. Въ это время графъ Ламбертъ повелъ лично на приступъ егерей, но непріятельская пуля ударила ему въ колѣно. Съ трудомъ сняли его съ лошади. «Я остаюсь съ вами и здѣсь,—сказалъ онъ солдатамъ,—или умру, или дождусь, пока вы для меня отведете въ Борисовѣ квартиру». Громкое единодушное ура? — было отвѣтомъ. Пѣхота кинулась въ штыки. Ударъ былъ рѣшителенъ. 13-й и 7-й егерскіе полки взяли штурмомъ съ двухъ сторонъ центръ предмостнаго укрѣпленія; 14-й егерскій, не смотря на сильный огонь непріятельскій, стремительно бросился на мостъ, овладѣвъ однимъ орудіемъ и ворвался въ самый городъ. За ними устремился князь Мадатовъ съ Александрійскими гусарами, разъяренными равною своего любимаго, побѣдоноснаго шефа, съ Арзамасскими драгунами и съ 6 орудіями конной артиллеріи, быстро перешелъ мостъ и, не смотря на отчаянное сопротивленіе непріятеля, вытѣснилъ Поляковъ за городъ. Домбровскій остановился у мельницы, лежащей по дорогѣ къ Оршѣ, и силится устроить спасшіяся изъ крѣпости войска. Но тщетно. Александрійцы и егеря, силою пробившись сквозь тѣснину, сбили его въ мгновеніе око и принудили съ остаткомъ своей дивизіи въ безпорядкѣ бѣжать къ селенію Лохницѣ. Такъ, въ 4 часа пополудни, послѣ 10-ти часовъ жаркаго боя, увѣчалось полнымъ успѣхомъ это «жестокое и кровопролитное», но для насъ блистательное сраженіе. Для Французской арміи потеря Борисова, отъ котораго она находилась уже въ трехъ переходахъ, была столь важна, что извѣстіе о вступленіи Русскихъ въ этотъ городъ исторгло у Наполеона громкое восклицаніе: «Il est donc écrit là haut que nous ne ferons plus que des fautes!» (и такъ, намъ свыше суждено дѣлать только ошибки)! Дѣйствительно, предупрежденіе спасавшейся бѣгствомъ вооруженной Европы на Березинѣ, занятіемъ Борисова, было громовымъ ударомъ для предводителя Великой арміи.

Черезъ день, 11-го ноября, авангардъ Чичагова, надъ которымъ начальство принялъ генералъ графъ Паленъ, наткнулся на армію Наполеона, отступавшую изъ Орши и, атакованный превосходными силами, принужденъ былъ возвратиться въ Борисовъ.

При этомъ случаѣ положеніе авангарда нашего было тѣмъ опаснѣе, что для отступленія оставался ему только одинъ Борисовскій мостъ, имѣвшій длины отъ 200 до 300 сажень.

Графъ Палевъ, видя необходимость ускорить отступление, приказалъ своей пѣхотѣ слѣдовать по опушкѣ лѣса, лежащаго съ лѣвой стороны отъ большой дороги; кавалеріи же велѣлъ, пропустивъ артиллерію, удерживать вапоръ непріятеля. Александрійскій гусарскій полкъ оставался въ арріергардѣ. Большія массы непріятельской кавалеріи сильно тѣснили его. Но князь Мадатовъ, отступая въ порядкѣ, съ двумя эскадронами сдѣлалъ нѣсколько рѣшительныхъ атакъ, и тѣмъ обезопасилъ послѣднее отступленіе арріергарда.

При этомъ случаѣ подтвердилось всегдашнее мнѣніе князя Мадатова, что сильное, и ксати сказанное, слово дѣйствуетъ какъ нравственное электричество на духъ Русскаго солдата, не менѣе какъ и на Француза, —слишкомъ исключительно названнаго *soldat à proclamations*. Когда Александрійцы вышли изъ лѣсу, а непріятельскіе латники, —при успѣшномъ дѣйствіи 20-ти орудій, —продолжали упорно наступать, то князь Мадатовъ, выстроивъ эскадроны, пролетѣлъ вдоль фронта. «Гусары! —воскликнулъ онъ, —я скачу на непріятеля; если вы отстанете, то меня ожидаетъ плѣнь или смерть; уже ли вы въ одинъ день хотите погубить всѣхъ своихъ начальниковъ!» —Александрійцы, одушевленные этими словами, бросились впередъ, и тѣмъ дали время возстановить порядокъ.

Во время Березинской переправы, памятной для тогдашняго еще грознаго владыки Европы и развалинъ Великой арміи Запада, князь Мадатовъ находился подъ Стаховымъ, гдѣ выдержалъ натискъ отчаяннаго противника. Отсюда, князь Мадатовъ отряженъ былъ къ Вильнѣ съ генералъ-маіоромъ Ланскимъ, который имѣлъ приказаніе, опередивъ голову непріятельскихъ колоннъ, бѣжавшихъ къ этому городу, истреблять по дорогамъ мосты и тѣмъ замедлять движеніе врага. Командовавъ авангардомъ этого отряда, нашъ герой, 18-го ноября, у мѣстечка Плещеницы, настигнулъ бѣглецовъ, быстро на нихъ ударилъ, разбилъ совершенно и взялъ въ плѣнь двухъ генераловъ, одного Французскаго; а другаго Польскаго, 25 штабъ и оберъ-офицеровъ, 400

человѣкъ рядовыхъ и весь обозъ. Далѣе, онъ одинъ изъ первыхъ вступилъ въ освобожденную Вильну.

За всѣ эти дѣла Князь былъ награжденъ саблею, украшенною алмазами, съ надписью, «за храбрость» *).

Когда Европа, не вѣря самой себѣ, увидѣла бѣгство огромныхъ полчищъ, высланныхъ за полгода до того для пораженія Россіи, узнала о пораженіи гиганта, предъ которымъ она съ трепетомъ склоняла главу, и когда, велѣдъ за тѣмъ, на поляхъ Германіи развѣялись побѣдоносныя знамена полковъ Благословеннаго, князю Мадатову выпалъ завидный жребій имѣть честь явиться однимъ изъ первыхъ за Нѣманомъ и быть, такъ сказать, предвозвѣстникомъ тѣхъ непобѣдимыхъ войскъ, которыми Провидѣніе опредѣлило свергнуть общаго врага, возстановить законные Престола и даровать міру миръ.

Вскорѣ за тѣмъ перейдя и Вислу, князь Мадатовъ соединился съ корпусомъ генералъ-адъютанта барона Винценгероде, также быстро преслѣдовавшемъ непріятеля. Подъ Калишемъ, 1-го февраля, наши нагнали остатки Саксонскаго корпуса генерала Реннье, напали на нихъ и нанесли имъ жестокое пораженіе.

При этомъ князь Мадатовъ, бывъ командированъ на лѣвый флангъ, съ двумя эскадронами Александрійскаго гусарскаго и Донскимъ казачьимъ Семенченкова полкомъ, ударилъ съ *неустранимою храбростію* на вышедшую изъ деревни Баркова, превосходную числомъ, непріятельскую кавалерію, опрокинулъ ее и взялъ много плѣнныхъ. Два непріятельскіе баталіона, съ двумя орудіями, отрѣзанные этою удачною атакою, шли, свернувшись въ колонны, стараясь соединиться съ своими главными силами. Князь Мадатовъ рѣшился уничтожить ихъ, а при немъ не было ни пѣхоты, ни артиллеріи, но солдаты звали его и вѣрили ему безгранично. Непріятель былъ силенъ, однако извѣстно, что отвагѣ и натиску рѣдко не удается побѣда. Раздалась команда: «маршъ, маршъ!» Впередъ, безъ оглядки, по своему обыкновению бросился самъ Князь; за нимъ, съ крикомъ «ура!» понес-

*) *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова*, стр. 17. По формулярному списку наградою за эти дѣла былъ орденъ Св. Владимира 3-й степени, что несправедливо, какъ увидимъ далѣе.

лись лихіе гусары и Донцы, и колонны непріятельскія, разорванныя и смятыя, положили оружіе. Два баталіона и командовавшій ими Саксонскій генераль Ностицъ сдались въ плѣнъ; съ ними взято два орудія и знамя *). Въ воздаяніе этого отличія и ревностной службы, нашъ герой, бывъ еще въ чинѣ полковника, Всемилостивѣйше награжденъ, 22-го февраля 1813 года, давно имъ желаемымъ, — орденемъ Св. Побѣдоносца Георгія 3-го класса.

Послѣ этого, отряженный съ 5-ю казачьими полками за Одеръ, князь Мадатовъ обложилъ крѣпость Глогау, занятую 6,000 Французскимъ гарнизономъ, съ 80-ю орудіями, и содержалъ ее въ блокадѣ до прибытія регулярныхъ войскъ. Потомъ, составляя авангардъ корпуса барона Винценгероде, по стопамъ непріятеля, вступилъ въ Силезію, прошелъ въ Саксонію и участвовалъ въ занятіи Дрездена и Лейпцига.

Перейдя въ бывшее королевство Вестфальское, онъ первый вступилъ въ Галле; на пути къ Наумбургу встрѣтилъ непріятельскій авангардъ, и получилъ повелѣніе отступить къ Люцену, потому что Французская армія, сосредоточившись около Эрфурта, двинулась оттуда къ Лейпцигу, въ надеждѣ отрѣзать Русскихъ отъ Эльбы. 18-го и 19-го апрѣля онъ выдержалъ натискъ всего непріятельскаго авангарда.

20-го числа послѣдовало Люценское сраженіе и князь Мадатовъ, «въ воздаяніе ревностной службы и отличныхъ подвиговъ», оказанныхъ въ этотъ день, когда онъ, — по словамъ Высочайшей грамоты, — *командуя ввѣреннымъ ему отрядомъ, благоразумными дѣйствіями и распоряженіями, наносилъ повсюду значущій вредъ непріятелю*, — 15-го сентября Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени **).

*) Такъ сказано въ Высочайшей грамотѣ на орденъ Св. Георгія 3-го класса, выданный изъ Капитула 23-го октября 1823 года. И также показано въ біографіяхъ, которыми мы пользовались; но въ формулярѣ сказано: «причемъ взято мною одинъ баталіонъ съ орудіемъ и знаменемъ съ генераломъ Ностицемъ и двумя орудіями».

**) Знаки ордена были князю Мадатову доставлены своевременно; но грамота выдана только въ царствованіе Императора Николая, 31-го декабря 1827 года. Въ формулярѣ показано, что, за этотъ

При отступленіи отъ Люцена къ Дрездену, князь Мадатовъ находился въ арріергардѣ, подъ командою генерала Ланскаго. Потомъ, командуя Александрійскимъ полкомъ, онъ прикрывалъ отступление войскъ нашихъ до Бауцена и участвовалъ въ сраженіяхъ, бывшихъ подъ этимъ городомъ 8-го и 9-го мая, и, наконецъ, слѣдовалъ съ ввѣреннымъ ему полкомъ къ крѣпости Швейдницу, а оттуда въ Рейхенбахъ, близъ котораго было заключено извѣстное перемиріе.

По окончаніи перемирія, при новомъ раздѣленіи союзныхъ войскъ, князь Мадатовъ, съ своимъ полкомъ, поступилъ къ корпусу генерала Сакена, котораго кавалеріею командовалъ Васильчиковъ. Этотъ корпусъ принадлежалъ къ составу Силезской арміи Блюхера, противъ котораго Наполеонъ лично направилъ движеніе главныхъ силъ своихъ.

Едва возобновились военныя дѣйствія, какъ князь Мадатовъ былъ уже на передовыхъ постахъ, вѣрный своему обыкновенному мѣсту, и какъ будто считая за свою личную обязанность видѣть первый бой и встрѣтить первую опасность. Дѣйствительно, съ отдѣльнымъ отрядомъ, какъ партизанъ, въ продолженіе 17-ти дней, онъ участвовалъ въ девяти жаркихъ сшибкахъ: 6-го августа при Лигницѣ, 7-го и 8-го при Бауценѣ, 15-го при Бунцлау, 18-го при Гейнау, 19-го при Гохкирхенѣ, 21-го при Вуршенѣ *), 22-го при Вейнбергѣ и 23-го подъ селеніи Волькау**), между Бауценомъ и Бишофсварденомъ.

Дѣло 21-го августа, — по отзыву Сакена, — было *очень выгодное*. Въ сел. Вуршенѣ находился непріятельскій баталіонъ, для прикрытія транспортовъ больныхъ и раненыхъ; князь Мадатовъ немедленно атаковалъ его и взялъ въ плѣнъ: командовавшаго имъ подполковника Клеземонта, 5 капитановъ, 12 поручиковъ, 6 подпоручиковъ, 2 адъютантовъ и 647 нижнихъ чиновъ и освободилъ 20 Русскихъ и 6 Прусскихъ плѣнныхъ.

подвигъ, онъ удостоился получить золотую саблю, украшенную брилліантами, съ надписью за храбрость.

*) По формуляру и біографіямъ это дѣло происходило 20-го числа; но по рапорту Сакена 21-го.

**) По формуляру и біографію это дѣло происходило 22-го; но по рапорту Сакена 23-го.

23-го августа, прибывъ въ сел. Валькоу, Князь нашелъ обозъ съ аммунициею и 200 фуръ съ соразмѣрнымъ прикрытіемъ, слѣдовавшій изъ Дрездена въ Бауценъ; немедленно атаковалъ непріятеля, взялъ 500 человекъ въ плѣнъ и обозъ предалъ огню. Сожженіе этихъ фуръ произвело взрывъ, послѣ котораго генераль Пере, съ 3-мя эскадронами, поспѣшно оставилъ Бауценъ для отысканія обоза; по нашъ отрядъ, съ своими плѣнными, тотъ же часъ отступилъ безъ потери.

Счтя донесеніе объ этихъ двухъ дѣлахъ Мадатова *весьми важнымъ*, Сакенъ немедленно рапортовалъ о немъ Блюхеру, и въ заключеніе писалъ: «Прошу Ваше Сіятельство представить сего отличнаго офицера (т. е. нашего героя) особенному благоволенію Его Величества Государа Императора». Славный фельдмаршалъ, исполняя такое ходатайство, во всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи, назвалъ дѣла Мадатова *блистательными партизанскими дѣйствіями*.

Далѣе, 7-го сентября, слѣдуя изъ Гроссенгейна къ Отранту, онъ напалъ на часть кавалерійскаго корпуса генерала Латуръ-Мобура, разбилъ ее и взялъ въ плѣнъ полковника и нѣсколько нижнихъ чиновъ.

Наконецъ, во время общаго движенія союзниковъ къ Лейпцигу, князь Мадатовъ, продолжая предводительствовать отдѣльнымъ отрядомъ, содержалъ сообщеніе между Силезскою и Богемскою арміями, а въ знаменитой битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ, въ пылу одной изъ блистательныхъ атакъ, слѣданныхъ гусарскою дивизіею, былъ раненъ на вылетъ пулею въ лѣвую руку; но не оставилъ поля сраженія, даже не сошелъ съ лошади, и до окончанія этого памятнаго дня продолжалъ собственнымъ примѣромъ одушевлять Александрійцевъ.

Наградю Князю, за всѣ эти дѣла, служилъ чинъ генералъ-маіора, Всемилостивѣйше пожалованный, по двумъ представленіямъ, 13-го сентября. Вместе съ тѣмъ, ему повелѣно было состоять по кавалеріи.

Для излеченія раны, князь Мадатовъ отправился въ Галле, жители котораго, вспомнивъ, что, за пять мѣсяцевъ предъ тѣмъ, онъ вводилъ Русскія войска въ ихъ городъ,несли раненаго на рукахъ до самаго дома, для

него отведеннаго. Но недолго провелъ Мадатовъ въ бездѣйствіи. Мысль, что, оставаясь вдали отъ арміи, онъ не такъ скоро можетъ явиться передъ рядами храбрыхъ, заставила его пренебрегать раною и, вопреки сопротивленію всѣхъ принимавшихъ въ немъ участіе, слѣдовать за побѣдителями. По этому, хотя онъ не имѣлъ отрады способствовать лично успѣхамъ кампаніи 1814 г.; по еще во время прибылъ въ войска, чтобы имѣть утѣшеніе за Москву вступитъ въ гордый Парижъ, и былъ свидѣтелемъ торжества обожаемаго имъ Государа, благодаря твердости Котораго, вопреки всѣмъ расчетамъ, Русскіе полки сломали враждебный Отечеству Западъ.

Высокій Союзникъ Императора Александра, дорогой для Русской Арміи, король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ, во время своего пребыванія въ бывшей столицѣ врага Дома Браденбургскаго, Всемилостивѣйше пожаловалъ князю Мадатову орденъ за военныя достоинства, при слѣдующей милостивой грамотѣ *).

Mein Herr Fürst!

Da ich Ihnen zum Beweise Meiner Anerkennung Ihres in dem beendigten Kriege erworbenen Verdienstes, Meinen Militair-Verdienst-Orden verliehen

*) Слѣдовательно, въ упомянутыхъ біографіяхъ князя Мадатова не вѣрно сказано, что этотъ орденъ пожалованъ за дѣло при Валькоу. Вотъ переводъ грамоты:

Господинъ Князь!

Въ ознаменованіе признательности Моей къ заслугамъ, Вамъ оказаннымъ во время оконченной войны, пожаловавъ Вамъ орденъ мой военнаго достоинства, Я препровождаю къ Вамъ сіе письменное въ ономъ удостовѣреніе и пребываю,

Господинъ Князь,
Вамъ благосклонный
Фридрихъ.

Парижъ

30-го мая 1814 года.

Россійско-Императорскому полковнику Александринскаго гусарскаго полка, князю Мадатову.

habe; so ertheile Ich Ihnen darüber das gegenwärtige Beglaubigungs-Schreiben und verbleibe des

Herrn Fürsten

wohlgeneigter

Friedrich.

Paris,

d. 30 May 1814.

An den Russisch Kaiserlichen Obersten des Alexandrischen Husaren-Regiments, Herrn Fürsten Madatoff.

Александрійскій гусарскій полкъ, за оказанные имъ подвиги, удостоился получить: Высочайшимъ приказомъ 15-го сентября 1813 года—знаки на кивера, съ надписью: «за отличіе, 14-го августа 1815 года» и при Высочайшей грамотѣ, отъ 4-го іюня 1826 — Георгіевскія трубы, съ надписью: «Александрійскаго гусарскаго полка, 8-го февраля 1816 года», за отличіе въ войнѣ съ Франціею 1812, 1813 и 1814 годовъ и, въ особенности, въ сраженіи подъ городомъ Бриенномъ.

Во время Вѣнскаго конгресса, князь Мадатовъ, командуя бригадою 2-й Гусарской дивизіи, находился въ составѣ авангарда, расположеннаго въ Краковѣ, подъ командою Ермолова.

Потомъ онъ участвовалъ, съ своею бригадою, во второмъ походѣ во Францію, былъ снова въ Парижѣ и подъ Вертю, гдѣ Благословенный, представляя ея Государямъ, военачальникамъ и дипломатамъ, громаду войска *перваго въ міръ*, для котораго, какъ Самъ Монархъ считалъ, *не было ничего невозможнаго*.

Мадатовъ желалъ остаться во Франціи, въ составѣ корпуса Воронцова, назначеннаго охранять Людовика XVIII противъ злоумышленій его подданныхъ, но Государю Императору угодно было дать ему новую дѣятельность. Въ 1816 году нашъ герой назначенъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ для особыхъ порученій. При отправленіи, ему повелѣно было сопровождать возвращавшагося изъ С.-Петербурга въ Эривань полномочнаго Персидскаго посла Мирзу-Абдуль-Гассанъ-Хава.

Прибывъ въ Грузію, Мадатовъ былъ назначенъ коман-

дующимъ войсками, расположенными въ Карабахскомъ ханствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему поручено было имѣть надзоръ за порядкомъ управленія этого края, а въ 1817 году возложена на него должность военно-окружнаго начальника въ ханствахъ: Шекинскомъ, Ширванскомъ и Карабахскомъ. Къ отличному исполненію обязанностей въ этомъ новомъ званіи много способствовало ему знаніе Азіятскихъ нравовъ и восточныхъ языковъ, особенно же Татарскаго, на которомъ Князь изъяснялся не только свободно, но даже краснорѣчиво. Благоразумныя же распоряженія Мадатова, справедливость и открытый, благородный его характеръ свискали ему любовь и довѣренность хановъ и жителей. Подъ его управленіемъ народъ этихъ областей привыкъ къ мирному державству Россіи, а подъ его предводительствомъ—на полѣ битвы и чести—кровію побратался съ Русскими.

Съ 1818 года Ермоловъ принялся рѣшительно за усмиреніе Чеченцевъ, самаго воинственнаго народа между Кавказскими племенами. Для этого первоначально все пространство земли между Тереконъ и Сунжею, служившее обильнымъ источникомъ для ихъ хлѣбопашества и скотоводства, было отнято посредствомъ перевесенія линіи съ Терека на Сунжу. Многіе изъ Чеченцевъ смирились и перешли на жительство подъ охраненіе нашихъ крѣпостей. Но другая часть, выставляя появленіе нашихъ войскъ на Сунжѣ за общее оскорбленіе всѣмъ Кавказскимъ народамъ, угрожавшее имъ гибелью, провозглашала общую войну противъ Россіи. Сильнѣйшіе народы Сѣвернаго Дагестана—Акушинцы, Казикумыки, Каракайтахи и нѣкоторые другіе склонились на эти воззванія и, пользуясь малочисленностію войскъ нашихъ за Кавказомъ, усилили свои грабежи и возмущали народы, издавна намъ подвластные. Духъ непокорности вскорѣ проникъ и во владѣнія Шахмаха Тарковскаго, человека лично преданнаго Россіи, но слабого въ управленіи.

Весною 1819 года Дагестанцы положили начать общую войну противъ невѣрующихъ въ Магомета и всѣми силами помогать Чеченцамъ, а для главнаго управленія своими злоумышленными намѣреніями избрали хана Казикумыкскаго и Акушинцевъ.

Вскорѣ они собрали значительныя силы, и вступили во владѣніе Шамхала Тарковскаго, который, возлагая всю свою надежду на наши войска, удалился подъ ихъ защиту изъ Тарковъ. Въ то же время было получено свѣдѣніе, что означенное скопище Дагестанцевъ имѣетъ намѣреніе напасть на Кубинскую провинцію и владѣніе преданнаго намъ полковника Асланъ-Хана Куринскаго. Даже Персія, не смотря на мирныя сношенія съ Россіею, дѣйствовала совершенно противъ насъ; ибо Аббасъ-Мирза принялъ весьма благосклонно присланныхъ отъ горцевъ депутатовъ и обѣщалъ имъ вспомошествованіе. Этотъ же принцъ, посредствомъ хановъ Ширванскаго, Карабахскаго и другихъ, пересылалъ въ Дагестанъ деньги къ измѣннику Аварскому хану и укrywавшемуся въ Акушѣ бѣглому Дербентскому Шихъ-Али-Хану, чтобы они возмущали народъ, который, по своей легковѣрности, во всемъ имъ вѣрилъ, и даже надѣялся на прибытіе вспомогательныхъ Персидскихъ войскъ. Бѣглому царевичу Александру Персидское Правительство предлагало довольно богатое помѣстье за Араксомъ; но, по настоянію Аббасъ-Мирзы, назначено ему владѣніе на границѣ Карабахскаго ханства, дабы онъ, имѣя связи въ этомъ ханствѣ и въ Татарскихъ нашихъ дистанціяхъ, могъ удачнѣе противу насъ дѣйствовать.

Все это заставило генерала Ермолова принять рѣшительныя мѣры и нанести рѣшительный ударъ Акушинцамъ, какъ самому главному и храбрѣйшему въ томъ краю народу, вмѣшивавшемуся во всѣ чужія распри. Послѣдствіемъ пораженія Акушинцевъ неминуемо долженствовало быть усмиреніе и всѣхъ другихъ племенъ, хотя не столь сильныхъ, но также непокорныхъ.

Между тѣмъ экспедиція эта не могла быть предпринята прежде глубокой осени, а до того времени Дагестанцы, имѣя способы посылать значительныя подкрѣпленія къ Чеченцамъ, могли препятствовать окончанію крѣпости, въ Андреевской деревнѣ тогда возводимой. Для отвращенія этого надлежало имѣть въ Дагестанѣ отрядъ войскъ, который непрерывно угрожалъ бы тамошнимъ народомъ и не позволялъ вооруженнымъ жителямъ собираться въ значительномъ числѣ. Крайняя малочисленность войскъ, которыми можно было располагать на этотъ предметъ въ Дагестанѣ, совер-

шенная неизвѣстность мѣстоположеній гористаго и покрытаго лѣсами края, чрезвычайная трудность дорогъ для слѣдованія войскъ и перевоза орудій, были не единственными затрудненіями къ исполненію такого предпріятія: надлежало еще отыскать для командованія отрядомъ генерала опытнаго, предприимчиваго, рѣшительнаго и особенно быстрого въ движеніяхъ. Выборъ Ермолова палъ на князя Мадатова.

Какъ скоро извѣстіе о приготовленіи Русскихъ къ походу достигло до горскихъ народовъ, Сурхай-Ханъ Казыкумьскій, наиболѣе страшившійся появленія нашихъ войскъ, послалъ къ князю Мадатову письменное увѣреніе въ своей преданности, желая отворотить отъ себя справедливое подозрѣніе. Между тѣмъ Шихъ-Али-Ханъ Дербентскій, султанъ Ахметъ-Ханъ-Аварскій и Акушинцы убѣждали Сурхая присоединиться къ нимъ и дѣйствовать общими силами противъ Русскихъ. Сурхай колебался, ожидая удобнѣйшаго времени, а Шихъ-Али-Ханъ тайно сносился съ Персіею, чрезъ посредствомъ Мустафы-Хана Ширванскаго. Это не укрылось отъ пронизательности князя Мадатова. Противъ такихъ ухищреній нужно было принять скорыя мѣры, а при томъ необходимо было увѣриться въ истинномъ расположеніи хановъ. Князь Мадатовъ принялъ всѣ возможныя предосторожности, и посланцы Шихъ-Али-Хана неоднократно были перехвачиваемы.

Въ началѣ августа князь Мадатовъ, соединивъ въ селеніи Исталарѣ два баталіона пѣхоты, роту артиллеріи, 300 казаковъ, 500 Куринцевъ и 650 человекъ Карабахцевъ, Ширванцевъ и Шекинцевъ—по его убѣжденіямъ въ первый разъ, и даже на собственномъ иждивеніи, согласившихся дѣйствовать противъ своихъ единовѣрцевъ, выступилъ къ селенію Марагѣ, въ Табасаранской области, куда прибылъ ночью. Занимая эту мѣстность, нашъ отрядъ прикрывалъ Кубинскую провинцію отъ набѣговъ, угрожалъ въ то же время всѣмъ возмущившимся Каракайтахскимъ и Табасаранскимъ народамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могъ удерживать и въ повиновеніи подданныхъ Майсума и Уцмея. Сверхъ того, занятая позиція имѣла удобства для свободнаго сообщенія по всѣмъ направленіямъ, и выгоды подножнаго продовольствія на вѣсколько недѣль.

Табасаранцы и Каракайтахцы, испуганные внезапнымъ появленіемъ Русскаго отряда посреди ихъ и въ столь выгодной позиціи, положили отправить изъ всѣхъ селеній старшинъ для общаго совѣщанія въ селеніи Хошни, принадлежавшее извѣстному разбойнику и возмутителю Абдула-Беку Герсинскому, зятю бѣлаго Шихъ-Али-Хана Дербентскаго, бывшаго долгое время въ Персіи и дружественно принятаго Аббасъ-Мирзою. Селеніе это находилось въ 30 верстахъ отъ лагеря и всѣми жителями почиталось, какъ по мѣстоположенію, такъ и затруднительности дорогъ, совершенно неприступнымъ. Въ ночи съ 13-го на 14-е августа, отборная часть пѣхоты и кавалеріи съ нѣсколькими орудіями получила повелѣніе немедленно выступить; осталая же часть отряда расположилась въ каре, выстроенномъ изъ обозовъ.

Войска шли быстро и въ глубокомъ молчаніи путями до толѣ неизвѣстными; ночная темнота скрывала движеніе ихъ отъ непріятели. Препятствія, представлявшіяся на этомъ трудномъ походѣ по ущельямъ горъ, каменистые овраги, густые лѣса, крутые подъемы и спуски, казалось, только удвоивали силы и рвеніе нашихъ солдатъ. Орудія перетаскивались большею частію на рукахъ; а колеса обвертывались иногда шинелями, чтобы шумъ ихъ не могъ предупредить непріятели о приближеніи этой горсти смѣлыхъ.

Съ разсвѣтомъ, отрядъ находился на вершинѣ высокой горы, покрытой облаками; крутой и лѣсистый спускъ велъ къ подошвѣ ея, гдѣ видно было множество утѣхавшихъ огней. Это былъ непріятелискій бивуакъ, окружавшій селеніе Хошни, до котораго еще оставалось 4 версты. Нетерпѣніе сразиться овладѣло всѣми. Татарская конница и казаки шли впереди на малыхъ рысяхъ. Не взирая на то, пѣхота, забывъ усталость свою, ежеминутно готова была опередить конницу, пока первая не пустилась во всю прыть, и, можно сказать, во мгновеніе ока окружила все селеніе и непріятелискіе бивуаки.

Пальба и дикіе крики раздались со всѣхъ сторонъ. Изумленные неожиданнымъ нападеніемъ, горцы не могли долго обороняться и бросились спасаться по единственному оставшемуся направленію въ ущелья, находящіяся за селеніемъ, которыхъ Русскіе не могли еще захватить. Въ этомъ дѣлѣ убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было весьма не-

много, ибо все конечно было первымъ натискомъ конницы, къ коему пѣхота тщетно старалась подосѣть. Въ числѣ раненыхъ находился и самъ возмутитель Абдула-Бекъ. Извѣстіе объ этомъ, равно какъ и о внезапномъ завладѣніи мѣстомъ, которое почиталось дотолѣ вовсе неприступнымъ для Русскихъ войскъ, навело ужасъ на всю страну. Въ селеніи Хошни все было оставлено въ цѣлости, а только домъ Абдула-Бека сожженъ и садъ его истребленъ до основанія: наказаніе, которому по обычаю края подвергались за измену. Отрядъ нашъ расположился на бивуакахъ у селенія Хошни, и ежеминутно былъ готовъ, по первому извѣстію о скопищахъ вооруженныхъ жителей, принимать мѣры къ ихъ разсѣянію. Но страхъ, внушенный столь быстрою побѣдою, и довѣріе, произведенное великодушіемъ побѣдителя, подѣйствовали такъ благотѣльно, что на другой же день явились съ покорностію въ лагерь старшины шести Табасаранскихъ магаловъ, готовые дать присягу на вѣрнопопданство и подвергнуться наказанію, какое Русскіе заблагоразсудятъ назначить.

Князь Мадатовъ, именемъ Государя Императора, объявилъ прощеніе всѣмъ имъ, исключая Абдула-Бека. При громѣ пушекъ, овъ торжественно привелъ старшинъ къ присягѣ на вѣрнопопданство Россійскому Престолу; по окончаніи церемоніи, старшины были великолѣпно угощаемы и при отъѣздѣ получили значительные подарки. Князь Мадатовъ, водворивъ среди народа порядокъ, поручилъ его въ управленіе зятю Шамхала Тарковскаго Абдуль-Разахъ-Беку, котораго назначилъ кадіемъ и оставилъ съ войсками для огражденія жителей, а самъ возвратился съ отрядомъ къ деревнѣ Марага.

Такъ однимъ рѣшительнымъ и смѣлымъ ударомъ и, что наиболѣе приноситъ славы побѣдителю, почти безъ пролитія крови была покорена вся Табасарань.

Получивъ объ этомъ донесеніе Князя, Ермоловъ отъ 22-го августа 1819 году, изъ деревни Андрей, за № 31 далъ ему слѣдующее предписаніе:

«Получивъ рапортъ Вашего Сіятельства, поздравляю Васъ съ успѣхомъ. Вы все то сдѣлали, чего только могъ я желать, и что, знаю я, не такъ легко было исполнить. Разбитіе Абдулла-Бека должно необходимо имѣть хорошее вліяніе на

всѣ наши дѣла, ибо увидятъ непріатели, что, не употребляя войскъ нашихъ въ дѣйствіе, подъ благоразумнымъ Начальствомъ Вашимъ и самые жители сей страны сражаются храбро. Зная хорошо отличную всегда службу Вашу, возлагая на Васъ порученіе, я зналъ уже и самыя слѣдствія, и мнѣ то только остается предложить Вамъ въ совѣтъ, чтобы Вы имѣли въ виду, сколько коварны окружающіе Васъ непріатели.

«По окончаніи столь счастливой экспедиціи и покореніи столько быстромъ всего Табасарана, Вамъ нужно будетъ приблизиться къ Дербенту, ибо по трудности пути не удобно Вамъ имѣть продовольствіе въ отдаленіе отъ онаго.

«Поручивъ вѣрнымъ людямъ управленіе Табасараномъ, нельзя не надѣяться, чтобы, для собственной пользы, не употребили они всѣхъ средствъ для защиты онаго. Впрочемъ еще въ некоторое время и Ваше Сіятельство должны находиться по близости, и одна боязнь присутствія Вашего положить границы дерзости Абдула-Бека; развѣ Шихъ-Али Ханъ сыщетъ помощь Акушинцевъ, но въ такомъ случаѣ Вы въ правѣ послать имъ сказать, чтобы они не въ принадлежащія имъ дѣла не мѣшались, ибо войска Россійскія не идутъ на ихъ владѣнія, и потому не должны снѣ брать участія въ дѣлахъ ихъ непріателей.

«Государю Императору донесу я обстоятельно о дѣйствіяхъ Вашихъ».

Но не ограничиваясь этою оффиціальною бумагою, знаменитый вождь почтилъ достойнаго подчиненнаго еще слѣдующимъ письмомъ, даннымъ въ тотъ же день:

«Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю съ успѣхомъ. Ты предпринялъ дѣло смѣлое и окончилъ славно!

«Весьма хорошо, что сіе произошло въ самое то время, когда Дагестанецъ дѣласть противъ насъ заговоръ и присягу.—Теперь не время помышлять имъ о истребленіи невѣрныхъ, надобно думать о собственной защитѣ.

«Нѣкоторое время долженъ я, любезный Князь Валеріянъ Григорьевичъ, стѣснять твою дѣятельность, во сего требуютъ обстоятельства. Потерпи немного; недалеко случай, гдѣ службѣ Царя нашего полезна будетъ храбрость твоя и усердіе».

Въ донесеніи Государю корпусный командиръ, между прочимъ, выразился о князѣ Мадатовѣ слѣдующимъ образомъ:

«Излишними считаю похвалы храбрости офицера, имѣющаго счастье быть извѣстнымъ Вашему Величеству; но долженъ оправдать справедливость, что разбитіе непріателя, наче когда горскіе народы дали присягу соединиться противъ насъ, имѣетъ большое вліяніе на наши дѣла, и что пріобрѣтенный Генераль-Маіоромъ Княземъ Мадатовымъ успѣхъ принадлежитъ вѣрному его соображенію и быстрому исполненію предпріятія.

«Не сомнѣваюсь я, что Ваше Императорское Величество съ благоволеніемъ принять изволите, что Генераль-Маіоръ Князь Мадатовъ разбилъ непріателя одними Татарскими войсками, и нѣтъ ни одного Русскаго ни убитаго, ниже раненаго! Полковникъ Асланъ-Ханъ Куринскій, съ своею конницею, конница, набравшая въ Ханствахъ и пѣхота одной части Табасаранской области, содѣйствовавшія намъ, весьма отличились.»

Отрядъ оставался въ позиціи при сел. Марага до 4-го сентября. Князь Мадатовъ, убѣдившись тогда въ совершенной покорности жителей Табасарани, перешелъ за Дербентъ, и расположился лагеремъ при редутѣ Дарбахъ, по большой дорогѣ къ Тарки. Правый флангъ его примыкалъ къ берегу Каспійскаго моря, и, такимъ образомъ, прикрывалъ вновь пріобрѣтенную Табасарань, угрожая непокорившимся еще селеніямъ Терекемцевъ, Башлинцевъ и Каракайтахцевъ, находившихся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Акушинцами. Терекемскія селенія были ближайшія къ лагерю; они всѣ лежатъ на низменности, окружены густыми лѣсами, садами, а нѣкоторыя нарочито выкопанными рвами. Внезапное появленіе отряда въ столь близкомъ отъ нихъ разстояніи навело на нихъ ужасъ. Многіе мятежные беки, собравшись съ войсками въ подвластныхъ Эмиръ-Гамзѣ селеніяхъ: Улу-Тарекемѣ, Джими-Кентѣ и въ мѣстечкѣ Берекей, принадлежащемъ Ибахъ-Беку, старались возмущать Каракайтахъ.

Уцмей, владѣтель этой многолюдной и воинственной провинціи, не смотря на то, что самъ просилъ защиты Русскихъ отъ мятежниковъ, тревожившихъ его владѣнія, и отъ обиды родственниковъ, оспаривавшихъ право его на

Уцмійское достоинство, готовъ былъ, какъ послѣ обнаружилось, при первомъ удобномъ случаѣ употребить своихъ подданныхъ противъ Русскихъ. Князь Мадатовъ, приблизясь къ Терекемскимъ селеніямъ, потребовалъ, чтобы Уцмей содѣйствовалъ ему, на что онъ и согласился. Сынъ его, содержавшійся до того въ Дербентѣ заложникомъ, получилъ, по просьбѣ отца, дозволеніе находиться въ лагерь и присягнулъ на вѣрнопопданство.

Вскорѣ потомъ князь Мадатовъ узналъ, что, по наущенію Уцмея, собрались шайки Лезгинцевъ въ Терекемскихъ селеніяхъ. Чтобы предупредить и уничтожить ихъ замыслы, Князь взялъ 500 человекъ пѣхоты, съ двумя орудіями, 150 казаковъ, часть конницы трехъ ханствъ, также Куринской и Табасаранской, оставилъ всѣ тяжести подъ достаточнымъ прикрытіемъ и, въ ночь съ 3-го на 4-е сентября, пошелъ на непріятеля.

Войска шли форсированнымъ маршемъ, встрѣчая безпрерывныя препятствія отъ разлигтя водъ въ канавахъ, назначенныхъ для орошенія полей, которыя, пересѣкая во множествѣ дорогу, не имѣли мостовъ. На разсвѣтъ, достигнувъ цѣли своего движенія, Мадатовъ приказалъ подполковнику Миценкѣ съ пѣхотою и казаками стремительно атаковать деревню Бекерей, а самъ съ одною Татарскою конницею, обошедъ труднѣйшія мѣста со стороны Башловъ, мгновенно напалъ на деревню Улу-Таракема, и въ одно время съ пѣхотою вступилъ въ дѣло съ Лезгинами, разбилъ ихъ на всѣхъ пунктахъ, вытѣснилъ изъ укрѣпленныхъ рвами деревень, разсѣялъ по сосѣдственнымъ непроходимымъ лѣсамъ, и главнаго изъ злоумышленниковъ Ибахъ-Бека, съ сильною его партією, приказалъ казакамъ преслѣдовать; но бекъ, раненый пикою въ бокъ, воспользовался лѣснымъ мѣстоположеніемъ и успѣлъ скрыться. До прибытія князя Мадатова, жители отравили все свое имущество на 500 арбахъ и 3,000 рогатаго скота подъ значительнымъ прикрытіемъ къ городу Башлы; по все это Карабахскою конницею и частію Куринцовъ, послѣ упорной схватки, отбито близъ самыхъ Башловъ. При этомъ захвачено также множество женщинъ и дѣтей. Князь Мадатовъ, стараясь всегда вразумить горцевъ въ великодушіе Русскихъ, возвратилъ всѣхъ женщинъ и дѣтей къ ихъ семействамъ,

и даже освободилъ плѣнныхъ, кромѣ 24-хъ бекскихъ нукеровъ, которые отпращены въ Дербентъ для употребленія въ крѣпостную работу, обѣщавъ и имъ свободу, когда владѣльцы ихъ покажутъ свою вѣрность; часть скота, доставшаяся въ добычу, отдана была войскамъ; а другая отпращена въ Кубу для подвижнаго транспорта. Потеря непріятеля простиралась до 200 убитыми и ранеными; съ нашей стороны легко ранены два казака, и изъ всей Татарской конницы ранено 25 человекъ.

Жители Терекемскіе не только не потеряли ни малѣйшей обиды, напротивъ, столько были обласканы княземъ Мадатовымъ, звавшимъ всѣ обычаи и нужды ихъ, что старшины единогласно положили явиться въ лагерь съ покорностію, отказываясь отъ владычества Уцмея и готовые принять присягу на вѣрнопопданство Государю. Отдавшись во власть Русскаго Правительства, они просили назначить имъ изъ среды ихъ управляющаго всѣми Табасаранскими селеніями. Князь Мадатовъ возложилъ эту обязанность на Эмиръ-Гамзу-Бека, ближайшаго родственника Уцмея.

Отрядъ возвратился въ свой лагерь, и Терекемцы, въ знакъ благодарности за оказанную имъ пощадъ, пожертвовали множество скота и хлѣба, что обезпечило войско болѣе нежели на мѣсяць изобильнымъ продовольствіемъ.

Ермоловъ отдалъ полную справедливость князю Мадатову въ слѣдующемъ предписаніи своемъ, отъ 11-го сентября 1819 года, за № 45-мъ, опять изъ дер. Андрей:

«Господину Генералъ-Маіору и Кавалеру Князю Мадатову.

«Государю Императору донесъ я о дѣйствіи Вашемъ въ Табасарани, отдавая все должное уваженіе благоразумнымъ распоряженіямъ Вашего Сіятельства и быстрому исполненію оныхъ.

«Я не упустилъ поставить на видъ довѣренность, списанную вами у подчиненныхъ вамъ Мусульмановъ, которые столько храбро сражаются подъ вашею командою.

«Мнѣ не менѣе пріятно будетъ донести и о послѣднихъ успѣхахъ, приобрѣтенныхъ вами надъ Эмиръ-Гамзою и прочими собравшимися съ нимъ вашими непріятелями. Изъ послѣднихъ дѣйствій вашихъ вижу я, что долженъ быть боль-

шой страхъ между врагами нашими, ибо и добыча досталась войскамъ богатая, и что всего болѣе, что захвачены были жены и дѣти. Здѣсь рѣдки весьма подобные случаи, и потому должны производить полезное впечатлѣніе и послужать къ убѣжденію ихъ уклоняться безпокойствъ и искать покровительства нашего. Потеря имущества не легко и не скоро вознаграждается. Одобряю весьма, что возвратили захваченныхъ женщинъ; не говоря ничего и противъ освобожденія плѣнныхъ, ибо полезно вразумить, что Русскіе великодушно даруютъ и самую жизнь, когда не дѣлаютъ упрямой и безразсудной защиты. Весьма хорошо изволили сдѣлать, что Нукеровъ отравили въ крѣпостную работу въ Дербентъ. Они не прежде должны получить свободу, какъ господъ ихъ окажутъ намъ опыты несомнѣнной вѣрности. Въ разсужденіи плѣнныхъ предлагаю Вашему Сіятельству къ соблюденію впредь слѣдующія замѣчанія: внушить войскамъ, чтобы незащищающагося или паче бросающаго оружіе щадить непремѣнно; при малѣйшей защитѣ истреблять необходимо и тѣмъ пользуясь, не обременять себя излишнимъ и тягостнымъ числомъ плѣнныхъ; отдавшихся по усмотрѣнію освободить, но всегда удерживать Бековъ и всякихъ приближенныхъ людей и служителей, принадлежащихъ измѣнникамъ, противъ насъ дѣйствующимъ; и тѣхъ и другихъ отправлять въ крѣпостныя работы, какъ—то весьма основательно сдѣлали Ваше Сіятельство съ Нукерами Ибахъ-Бека.»

Означенною побѣдою усмиривъ непріятелей Уцмея, утвердивъ власть его во владѣніяхъ, раздраемыхъ несогласіемъ и различными партіями, генераль Ермоловъ никакъ не могъ ожидать, что, за всѣ таковыя благодѣянія, Уцмей заплатитъ гнуснѣйшею неблагодарностію; но такъ и случилось. Этотъ измѣнникъ, чрезъ два дня послѣ сраженія, взявъ съ собою помянутаго сына со всѣмъ семействомъ, удалился въ горы, и началъ сосредоточивать войска, дабы дѣйствовать противъ насъ по непріятельски. Въ скоромъ времени овъ успѣлъ собрать 3,000 человекъ, подъ командою Абдула-Бека-Герсинаго, и прибывши къ городу Башлы, убѣдилъ и жителей его соединиться съ нимъ противъ насъ.

Зная, что этотъ городъ находится въ концѣ ущелья, котораго входъ былъ наблюдаемъ Башлынскими караулами, и что всякое внезапное нападеніе невозможно, князь Мада-

товъ положилъ вести войско свое въ два перехода и не изнурять его форсированнымъ маршемъ.

Выступивъ 4-го октября, отрядъ имѣлъ первый ночлегъ у входа въ упомянутое ущелье, въ 16-ти верстахъ отъ города Башлы. Огни непріятельскихъ карауловъ ясно мелькали въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря, и потому во время ночи взяты были надлежащія предосторожности противъ нечаяннаго нападенія, хотя они вообще не въ обыкновеніи у горскихъ народовъ.

На другой день, съ разсвѣтомъ, отрядъ двинулся по дорогѣ къ Башлы; передовая конница тотчасъ опрокинула караулы, находившіеся у входа въ ущелье, и войска продолжали слѣдовать, не бывъ тревожены горцами, которые не успѣли воспользоваться скалистыми горами, облегающими дорогу, откуда весьма удобно могли бы наносить нашимъ значительный вредъ.

Въ двухъ верстахъ отъ города ущелье расширяется и образуетъ довольно обширную долину; здѣсь князь Мадатовъ приказалъ отряду выстроиться въ боевой порядокъ и сдѣлать привалъ на полчаса—время достаточное для отдохновенія войскамъ, нетерпѣливо ожидавшимъ сраженія. Самъ между тѣмъ съ частію конницы, овъ предпринялъ обзоръ мѣстоположенія, какъ самаго города, такъ и окрестностей его, дабы сообразно съ тѣмъ дать повелѣніе къ приступу.

Городъ Башлы расположенъ амфитеатромъ на отлогой покатости горы, къ вершинѣ которой ведутъ тропинки по скалистому утесу. Вершина была усыяна нѣсколькими тысячами вооруженныхъ Башлынцевъ, которые, по причинѣ возвышенности ея надъ городомъ, не могли нанести большаго вреда нападавшимъ; дома и улицы были пусты, но за небольшимъ валомъ, пролегавшимъ вдоль города, съ восточной стороны, показались толпы вооруженныхъ, готовыхъ защищать входы; съ противоположной стороны города, за небольшою рѣчкою, тянулись горы, покрытыя лѣсомъ; на одномъ возвышеніи, выдавшемся къ самой рѣчкѣ и городу, находилось большое каменное строеніе, въ родѣ замка, а также видны были толпы вооруженныхъ, и далѣе по опушкѣмъ лѣса развѣвалось множество разноцвѣтныхъ знаменъ; кругомъ ихъ съ звѣрскимъ крикомъ и ругательствами толпились горцы; многочисленность ихъ ясно обнаруживала,

что въ предстоящей битвѣ примутъ участіе все жители соседственныхъ обществъ.

По окончаніи обозрѣнія, во время котораго въ перестрѣлкѣ ранено было съ нашей стороны нѣсколько человекъ изъ Татарской конницы, князь Мадатовъ приказалъ произвести атаку слѣдующимъ порядкомъ: часть артиллеріи должна была подойти на ружейный выстрѣлъ къ городу и картечными выстрѣлами принудить непріятеля къ отступленію; въ случаѣ упорства, три колонны пѣхоты готовы были вытѣснить его изъ завала штыками.

Двѣ роты и два орудія назначены атаковать возвышеніе, на которомъ находился замокъ, и сбить непріятеля картечнымъ огнемъ, или по крайней мѣрѣ ослабить его до того, чтобъ окончательная и рѣшительная атака пѣхоты могла совершиться безъ значительнаго кровопролитія. Между тѣмъ, два орудія бросали съ вершины горы, находящейся надъ самымъ городомъ, гранаты и ядра, чтобъ испугомъ приводить въ замѣшательство огромныя толпы, тамъ расположившіяся; кавалеріи же, по причинѣ горъ и лѣсовъ, велѣно было оставаться въ резервѣ. Атака началась въ одно время на всехъ назначенныхъ пунктахъ. Непріятель, оборонявшій городъ, открылъ сильный ружейный огонь по ближайшей батарее и по колоннамъ пѣхоты, прикрывшимъ артиллерію; но частые и удачные картечные выстрѣлы вскорѣ заставили его умолкнуть. Онъ оставилъ оборону вала и скрылся толпами въ улицахъ, не ожидая приступа пѣхотныхъ колоннъ, стремительно бросившихся въ штыки. Послѣ перестрѣлки въ улицахъ города, непріятель бѣжалъ на вершину горы по многочисленнымъ тропинкамъ. Но преслѣдованіе оставлено во избѣжаніе лишняго пролитія крови. Замокъ защищаемъ былъ упорнѣе: стѣны его прикрывали горцевъ отъ разрушительнаго дѣйствія артиллеріи. Не предпринимая рѣшительнаго приступа, который непременно повлекъ бы за собою значительную потерю въ людяхъ, князь Мадатовъ послалъ баталіонъ пѣхоты съ четырьмя орудіями обойти замокъ съ тылу, чтобы окружить осажденныхъ. Башлыцы, храбро оборонявшіеся и выдерживавшіе огонь артиллеріи, покуда возможность къ отступленію не была у нихъ отнята, при появленіи баталіона, угрожавшаго зайти имъ въ тылъ, обратились въ бѣгство. Городъ и замокъ заняты нашею пѣхотою, и горцы скрылись въ

лѣса и въ ущелья горъ, гдѣ трудно и бесполезно было преслѣдовать ихъ. Побѣда стоила Русскимъ часу времени, трехъ убитыхъ и 20-ти человекъ раненыхъ *). Блистательный и дешево купленный успѣхъ ясно показываетъ благоразуміе и вѣрный взглядъ начальника, который часто, говоря о Грузіи, повторялъ: «Въ Грузіи солдатъ дорогъ: даромъ его не трать, да и зѣвать не давай.» — Самъ Уцмей былъ увлеченъ въ общемъ бѣгствѣ. Дома его и главнѣйшихъ его общниковъ были сожжены; князь Мадатовъ угрожалъ истребленіемъ всего города, если жители тотчасъ не явятся съ покорностію **). Черезъ часъ явились старшины, присягнули на вѣрнопопданство Императору Всероссийскому, дали аманатовъ изъ лучшихъ фамилій, внесли всю подать, которой два года уже не платили, и взялись доставить въ лагерь скотъ и хлѣбъ, нужный для продовольствія войска. Послѣ чего князь Мадатовъ приказалъ отряду возвратиться на почлегъ на прежнюю позицію, съ намѣреніемъ тѣмъ успокоить семейства Башлынцева, спасавшіяся въ лѣсахъ и много претерпѣвавшія тамъ отъ страха и холода.

Послѣ того, скрывая свое участіе въ сраженіи при Башлахъ, Уцмей писалъ къ князю Мадатову, что онъ удался, единственно послѣдовавъ внушеніямъ людей неблагомыслящихъ, но не преставалъ быть вѣрнымъ и ничего не предпринималъ вреднаго, и просилъ позволеніе имѣть съ нимъ свиданіе. Князь Мадатовъ согласился на это, и Уцмей, признавая свою вину, чтобы загладить ее, обѣщавъ прислать вновь въ аманаты своего сына, опредѣливъ для того срокъ.

Но въ продолженіе этого срока онъ измѣнилъ снова, и собравъ до 4,000 войска, расположился въ Симсѣ—мѣстѣ, укрѣпленномъ природою горами, дефилеями и лѣсомъ. Изъ

*) *Жизнь Мадатова* стр. 44. По книгѣ Зубова «Подвиги Русскихъ воиновъ въ странахъ Кавказскихъ» (III, стр. 46) во время всей экспедиціи мы потеряли 1 убитымъ и 12 раненыхъ вѣжнихъ чиновъ, въ томъ числѣ 7 человекъ Татарской конницы.

***) По этому Зубовъ (тамъ же, стр. 47) не точно выразился, говоря: «генераль-маіоръ князь Мадатовъ предалъ огню городъ Башлы, это всегдашнее скопище злоумышленниковъ». Эта фраза вошла и въ Военно-Энциклопедическій Лексиконъ въ статью «Кавказской войны» (2-го изд. VI, стр. 609).

этой неприступной позиціи, бывшей не далеко отъ деревни Маджалиса, Уцмей старался возмутить противъ насъ Каракайтахъ и другія сосѣдственныя области.

Не находя возможности атаковать его въ столь крѣпкой позиціи, князь Мадатовъ предпринялъ выманить его изъ этой мѣстности, сдѣлавъ движеніе къ Энгикенту, всегдашнему мѣстопребыванію Уцмея, зная, что онъ не оставитъ безъ защиты богатый свой домъ, тамъ находившійся.

Предуриваемая этотъ походъ, князь Мадатовъ не только доказалъ свойственную ему рѣшительность и вѣрность взгляда на военныя дѣйствія, но явилъ примѣръ предусмотрительности, равно какъ даръ овладѣвать умами. Не взирая на привычку Каракайтахскихъ народовъ видѣть, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ достоинствѣ Уцмея верховную и почти неограниченную власть, и на единовѣріе и узы родства, тѣсно связывавшія жителей покорившихся селеній и тѣхъ, кои еще признавали владычество Уцмея, князь Мадатовъ умѣлъ склонить жителей покореннаго Каракайтаха выставить нѣсколько сотъ вооруженныхъ для содѣйствія отряду въ покореніи остальной части. Удача въ этомъ дѣлѣ доказала, что жители долинъ Каракайтаха умѣли въ полной мѣрѣ цѣнить данную ими присягу на вѣрноподданство Россіи и неуклонно выполнять свои обѣщанія; въ то же время это, поставляя ихъ во всегдашнюю вражду съ жителями гористой части, раздѣлила племена вѣковымъ кровавымъ мщеніемъ, всегда облегчающимъ покореніе народовъ дикихъ. Самъ Уцмей удостовѣрился этимъ, что прежде бывшіе его подданные навсегда для него потеряны, и наконецъ самые жители верхняго Каракайтаха, видя въ рядахъ нашихъ своихъ собратьевъ и единокровцевъ, не могли оказывать надлежащаго сопротивленія.

20-го октября первые лучи солнца озарили нашъ отрядъ уже въ быстромъ движеніи къ Энгикенту, до котораго отъ лагеря считалось около 50 верстъ; почти половину этого пространства надлежало отряду проходить по ущелью въ землѣ непріязненной. Обстоятельство это заставило Генерала, по примѣру Башлинской экспедиціи, сдѣлать путь свой въ два перехода. На первой ночлегъ отрядъ расположился у самаго входа въ ущелье, ведущее къ Энгикенту. Въ пр-

долженіе перехода князь Мадатовъ вездѣ привѣтствуемъ былъ радостными восклицаніями вновь покоренныхъ жителей Терекеменискихъ селеній, выходившихъ къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью.

Отрядъ, выступивъ съ ночлега, слѣдовалъ по ущелью, ведущему къ Энгикенту, имѣя въ головѣ передовыхъ войскъ своихъ вновь сформированную милицію изъ жителей селеній Терекеменискихъ. До самаго прибытія отряда къ городу, непріятель нигдѣ не оказывалъ сопротивленія и даже не являлся. Столь счастливое начало совершенно соответствовало ожиданію Князя. У Энгикентцевъ не поднялась рука на своихъ единокровцевъ, и вмѣсто кроваваго боя, земляки и родственники обнялись дружественно. Зрѣлище такой побѣды умиляло сердца присутствовавшихъ. Уцмей, узнавъ объ этомъ движеніи, поспѣшно прибылъ въ Энгикентъ и успѣлъ занять укрѣпленныя близъ него высоты.

22-го октября князь Мадатовъ атаковалъ его. Мужественный и рѣшительный натискъ одного баталіона Троицкаго пѣхотнаго полка, сбившаго непріятеля штыками съ укрѣпленныхъ высотъ, и храбрость остальныхъ войскъ, подкрѣпленныхъ дѣйствіемъ артиллеріи, склонили побѣду на нашу сторону. Непріятель, послѣ упорнаго сопротивленія, оставивъ болѣе 100 человѣкъ убитыми на мѣстѣ сраженія, разсѣялся въ беспорядкѣ, и наши войска заняли Энгикентъ. Въ этомъ дѣлѣ потеря наша состояла изъ 4 убитыхъ и 5 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 2 раненыхъ изъ Татарской конницы.

Князь Мадатовъ, истребивъ до основанія домъ Уцмея и другихъ ему преданныхъ, возвратился въ свой лагерь у рѣки Дарбаха. Послѣдствіемъ этой экспедиціи было то, что подданные Уцмея, видя его слабость противъ войскъ нашихъ и коварство, за которое они претерпѣвали разореніе, отреклись ему повиноваться и вриняли присягу на вѣрноподданство Россіи. Генералъ Ермоловъ, именемъ Его Императорскаго Величества, принявъ ихъ подданство, уничтожилъ званія Уцмея и область Каракайтахскую, состоявшую изъ десяти магаловъ или округовъ, и подчинилъ Дербентскому управленію.

Такимъ образомъ, въ три мѣсяца, съ горстью отважныхъ, въ мѣстахъ вовсе неизвѣстныхъ и большею частію

неприступныхъ, князь Мадатовъ покорилъ всю Табасаравъ и весь Каракайтахъ, и тѣмъ заставилъ трепетать самыя отдаленныя племена Дагестанскія.

Сохраняемъ предписаніе, давное въ это время *) Мадатову отъ Ермолова:

Monsieur le Général Prince Madatoff.

La noire trahison d'Outzmei au moment où vous n'avez pensé qu'au bien de sa famille et aux moyens de le réintégrer dans la protection du Gouvernement, n'a pu vous laisser d'autre voie que celle des armes, et je suis pleinement satisfait tant de vos opérations, prudemment combinées, que de l'exécution même, qui prouve l'activité et le courage qui vous distinguent.—Les peuples nombreux que vous avez à combattre ne peuvent être prévenus dans leurs entreprises que par la célérité dont vous faites une si belle application, et toutes les fois revenant à votre camp retranché, vous leur ôtez les moyens de vous attaquer et les tenez incertains sur vos projets ultérieurs.—Ils ne pourront longtems supporter cet état de choses et vous réussirez toujours au delà de ce que vous pourriez avec le peu de forces que vous avez, employées d'une autre manière quelconque. Je vous prie, Monsieur le Général, de ne plus avoir aucune relation avec Outzmei, à moins qu'il ne veuille envoyer son fils aîné en ôtage à Derbend et faire prêter à ses sujets serment de fidélité à sa Majesté l'Empereur.—Vous n'aurez point d'entrevues avec lui, et vous ne lui écrirez rien, et je dois vous observer encore, Monsieur le Général, que vous n'avez pas été assez prudent en acceptant l'invitation d'Outzmei de vous rendre à Iran-Harab, puisque le scélérat est capable de tous les crimes les plus noirs **).

*) Число на немъ не означено.

**) Господинъ Генераль-Маіоръ Князь Мадатовъ!

Гнусная измѣна Уцмея въ то время, когда вы заботились единственно о благѣ его семейства и о средствахъ возвратити ему милости Правительства, поставили васъ въ необходимость прибѣгнуть къ оружію, и я въ полной мѣрѣ доволенъ какъ мѣрами благоразум-

Генераль Ермоловъ, донося объ этомъ событіи Государю Императору, писалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ о князѣ Мадатовѣ:

«Не могу, Государь, довольно похвалить отличное служеніе Генераль-Маіора Князя Мадатова, коего каждое дѣйствіе служить доказательствомъ вѣрности, дѣятельности и храбрости неограниченныхъ; долженъ и то Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести, что хорошо зная здѣшніе народы, онъ употребляемъ здѣсь съ особенною пользою, имѣя способность внушать мусульманамъ усердіе къ службѣ Вашего Императорскаго Величества.»

Государь Императоръ наградилъ Валеріана Григорьевича Аннинскою лентою, при слѣдующей Высочайшей грамотѣ.

«*Господину Генераль-Маіору Князю Мадатову.*

«Въ воздаяніе отличной службы и неутомимой дѣятельности, оказанной Вами при покореніи Табасаранской области, и въ искусномъ употребленіи Мусульмановъ противу ихъ единовѣрцевъ, Всемилостивѣйше жалуемъ Васъ кавалеромъ Св. Анны первой степени, знаки коего, при семъ препровождая, пребываемъ вамъ благосклонны.

«Александръ.»

С.-Петербургъ.

31-го октября 1819 года.

но вами принятыя, такъ и исполненіемъ ихъ, доказывающемъ дѣятельность и мужество, васъ отличающія. Многочисленные народы, противъ которыхъ вы должны дѣйствовать, не могутъ быть иначе предупреждаемы въ своихъ предпріятіяхъ, какъ быстрою, вами такъ успѣшно приводимою въ дѣйство; возвращаясь всегда въ вашъ укрѣпленный лагерь, вы лишаете ихъ сносовъ нападать на васъ и оставляете ихъ въ неизвѣстности о вашихъ намѣреніяхъ.

Они не будутъ въ возможности долго переносить этого тягостнаго для нихъ положенія; дѣйствуя такимъ образомъ съ малочисленнымъ вашимъ отрядомъ, вы избрали самый лучший путь къ достиженію желаемого успѣха. Я васъ прошу, Генераль, не имѣть болѣе никакихъ сношеній съ Уцмеемъ, развѣ только если этотъ послѣдній согласится послать старшаго своего сына въ видѣ аманата въ Дербентъ и побудитъ своихъ полданныхъ присягнуть въ вѣрности Государю Императору. Вы не должны съ нимъ имѣть свиданій, ни переписываться; и я долженъ еще вамъ замѣтить, Господинъ Генераль, что вы поступили не совѣтъ благоразумно, принявъ приглашеніе Уцмея видѣться съ нимъ въ Иранъ-Харабъ, ибо этотъ злодѣй готовъ рѣшиться на всякое преступленіе.

По достиженіи первой и главнѣйшей цѣли, для которой былъ составленъ отрядъ князя Мадатова, онъ остался нѣкоторое время въ лагерѣ близъ Дербента, ожидая дальнѣйшихъ повелѣній Ермолова, намѣревавшагося тогда приступить къ покоренію Акушинцевъ.

Этотъ народъ, первенствовавшій въ Дагестанѣ, число котораго простиралось свыше 60,000 жителей, вспоминая съ гордостью пораженіе, нанесенное ими завоевателю Азіи, знаменитому Шахъ-Надиру, при Иранъ-Харабѣ, не видалъ съ тѣхъ поръ въ своей сторонѣ непріятельскихъ войскъ и никому не покорствовалъ. Въ разсматриваемое время Акушинцы, надѣясь на свою многочисленность, вмѣшивались во всѣ Дагестанскія дѣла и не разъ возмущали противу насъ слабыхъ сосѣдей, имъ покорствовавшихъ; а въ началѣ ноября 1819 года намѣревались напасть на оставшееся въ Таркахъ семейство генералъ-лейтенанта Шамхала Тарковского, который находился тогда въ крѣпости Внезапной. Усердіе и вѣрность, которыми всегда отличался этотъ достойный вассалъ Россіи, побудили главноуправлявшаго принять дѣятельныя мѣры для защиты Шамхала и смиренія гордости Акушинскаго народа. Генералъ Ермоловъ послалъ въ Тарки, для охраненія семейства Шамхала и для предупрежденія непріязненныхъ намѣреній Акушинцевъ, отрядъ (изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты съ 12-ю орудіями и 200 казаковъ) подъ командою полковника Ляховича 1-го, рассчитавъ маршъ войскъ такъ, чтобы они прибыли въ Тарки 11-го ноября; самъ въ тотъ же день выступилъ изъ крѣпости Внезапной, съ 2-мя баталіонами Апшеронскаго, 2-мя Ширванскаго въ новомъ комплектѣ, 2-мя Куринскаго, 1-мъ Троицкаго пѣхотныхъ полковъ и 2-мя баталіонами 42 Егерскаго полка, 34-мя орудіями артиллеріи и 400 человекъ казаковъ, давъ приказаніе присоединиться къ нему и отряду князя Мадатова, состоявшему изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, 6 орудій артиллеріи и 400 человекъ Татарской конницы.

Князь Мадатовъ 18-го ноября выступилъ съ своимъ отрядомъ, и въ три перехода пройдя 120 верстъ, при весьма трудныхъ переправахъ въ бродъ чрезъ устья рѣкъ Большаго и Малаго Бугамовъ и Озена, расположился близъ границы земли Акушинцевъ, въ селеніи Карабудакентѣ, принадлежащемъ обществу Мехтулинцевъ, почти явно уже непокор-

ствовавшихъ владѣтелю ихъ, Шамхалу-Тарковскому. Къ этому времени Ермоловъ прибылъ съ значительными силами въ городъ Тарки, отстоящій въ 50 верстахъ отъ Карабудакента, куда для совѣщанія о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ приглашенъ былъ и князь Мадатовъ. Свѣтъ, внезапно выпавшій болѣе нежели на полтора аршина, покрылъ дороги, занесъ обозы и артиллерію, такъ что на нѣсколько дней остановилъ движеніе войскъ. Въ селеніи Шора, находящемся у подошвы высокаго хребта горъ, отдѣляющаго владѣнія Шамхала-Тарковского отъ земель Акушинцевъ, отрядъ Мадатова соединился съ частію войскъ Алексѣя Петровича. Князю ввѣрено было командованіе авангардомъ, предписано двинуться по наравленію къ Уруму, занять высоты Калантау и взвозить туда артиллерію. Первый подъемъ на хребетъ пролегалъ по скалистой крутизнѣ, до вершины коей считается болѣе 6-ти верстъ. Только съ помощію людей можно было втащить орудія и необходимѣйшія тяжести на вершину, на что употребленъ былъ цѣлый день; непріятель нигдѣ не показывался, и авангардъ расположился на ночлегъ на самой вершинѣ, покрытой густымъ туманомъ. Съ трудомъ набранные въ ущельяхъ хворостъ и бурьянъ служили къ разведенію на бивуакахъ огня, около коихъ при пронзительной стужѣ и вѣтрѣ люди провели всю ночь безъ сна, ожидая съ нетерпѣніемъ первыхъ солнечныхъ лучей, ибо холодъ никому не позволялъ сомкнуть глазъ. Съ разсвѣтомъ авангардъ двинулся по спуску горы, у подошвы коей находилось первое Акушинское селеніе Урума, въ 18-ти верстахъ отъ вершины. Главныя же силы въ этотъ день должны были совершить переходъ отъ Шоры до мѣста, служившаго ночлегомъ авангарду, оставивъ въ упомянутомъ селеніи всѣ излишнія тяжести и запасный артиллерійскій паркъ подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты. По мѣрѣ приближенія авангарда къ селенію Урума, погода прояснялась, и по ту сторону села, въ разстояніи почти 10-ти верстъ, видѣнъ былъ высокій хребетъ горъ, представляющій амфитеатромъ три высоты, постепенно понижающіяся къ сторонѣ селенія. Горы эти были усеяны толпами народа, скопившагося въ безчисленномъ множествѣ около небольшихъ укрѣпленій, въ которыхъ развѣвались сотнями разноцвѣтными знамена. Это была первая укрѣпленная позиція

двадцати-тысячнаго Акушинскаго ополченія. 12-го декабря авангардъ занялъ селеніе Урума безъ выстрѣла.

16-го числа прибылъ Корпусный Командиръ съ главными силами.

17-го числа Ермоловъ производилъ обзоръ неприятельской позиціи и при возвращеніи въ Урумъ Татарская конница, составлявшая часть отряда, сопровождавшая Корпуснаго Командира, имѣла жаркую перестрѣлку съ неприятелемъ.

18-го числа старшины Акушинскаго народа пріѣхали къ генералу Ермолову съ обманчивыми предложеніями, старающь между тѣмъ показать видъ, что многочисленныя ихъ полчища въ состояніи защищаться. Алексѣй Петровичъ прінялъ ихъ ласково. Неожиданный пріемъ произвелъ на нихъ дѣйствіе совершенно противное тому, которое можно было ожидать: вѣжливость Генерала была приписана страху и желанію кончить вѣ распри миролюбиво. Надобно сознаться, что трудности мѣстоположенія, по которому войска должны были проходить въ это позднее время года, и несравненно важнѣйшія, которыя еще предстояли, какъ при самомъ овладѣніи крѣпчайшею позиціею, защищаемою многочисленнымъ противникомъ, такъ и дальнѣйшее послѣ того слѣдованіе къ самому городу Акушѣ, лежащему въ 80-ти верстахъ отъ нея, и притомъ по мѣстамъ чрезвычайно гористымъ, весьма населеннымъ и вовсе намъ неизвѣстнымъ, подали старшинамъ поводъ усомниться въ успѣхѣхъ предпріятія.

Самыя умѣренныя предложенія Ермолова къ восстановленію согласія и предупрежденію пролитія крови были отвергнуты съ высокоумреніемъ.

Необыкновенно сильная позиція неприятеля, природою и искусствомъ укрѣпленная, предвѣщала слишкомъ значительную потерю въ людяхъ, если бы необходимость заставила атаковать ее съ фронта; къ обходу же позиціи этой, сколько, смотря изъ лагеря, заключить можно было, мѣстоположеніе не представляло никакой возможности, и какъ сверхъ того вовсе неудобно было дѣйствовать съ успѣхомъ артиллеріею, въ которой состояло главное преимущество оружія нашего противъ горцевъ, то все заставляло весьма основательно страшиться потерять, можетъ быть, нѣсколько тысячъ человекъ. Эти причины побудили въ продолженіе двухъ

дней предпринимать форсированныя рекогносцировки по всему фронту неприятельской позиціи, пролегавшей по тремъ хребтамъ горъ, параллельно одинъ надъ другимъ возвышающимся. Все протяженіе ея составляло около 10-ти верстъ, примыкая обѣими флангами къ неприступнымъ утесамъ. У подошвы хребта праваго фланга позиціи пѣнилась рѣчка Манасъ, и пролегала дорога въ Акушу; продолженіе же этого высокаго и скалистаго хребта, отвѣсисто какъ бы разсѣченнаго рѣчкою, не было занято неприятелемъ, вѣроятно потому, что тамошныя чрезвычайно гористыя мѣста, лежація по ту сторону рѣчки, почиталъ онъ совершенно неприступными. Это обстоятельство обратило на себя особенное вниманіе Ермолова.

Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что неприятельской позиціею можно овладѣть безъ большой потери, если только откроется хотя малая тропинка, ведущая къ возвышеніямъ, лежащимъ по ту сторону рѣчки, по которой бы возможно было встачить артиллерію.

18-го числа, только смерклось, какъ нѣсколько Татаръ и линейныхъ казаковъ были посланы для отысканія дорожки. Около полуночи они возвратились и привезли радостное извѣстіе, что есть тропинка, хотя весьма трудная, но что съ помощію людей, можно будетъ артиллерію встачить на высоты. Въ два часа (19-го декабря) приказано было всемъ войскамъ выступить.

Огни неприятельской уже угасали, когда весь отрядъ находился не далѣе, какъ на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣпленій; передовые посты по видимому заснули, ибо они ничѣмъ не возвѣстили о приближеніи Русскихъ. Это благоприятное обстоятельство не только дало время Ермолову расположить главныя силы отряда въ надлежащій боевой порядокъ, но и доставило возможность князю Мадатову, долженствовавшему ночью обойти правое крыло неприятельской позиціи, преодолѣть неимовѣрныя препятствія, которыя природа представляла слѣдованію войскъ съ артиллеріею по тропинкѣ, едва проходимою для однихъ пѣшихъ. Когда совершенно разсвѣло, неприятель съ удивленіемъ увидѣлъ предъ собою главныя силы Ермолова, а съ праваго фланга позиціи, обойденную отрядомъ князя Мадатова.

Алексѣй Петровичъ первый открылъ огонь изъ орудій.

Невозможно было дѣйствовать пѣхотою по причинѣ неприступности позиціи непріятельской, которая сверхъ того еще была укрѣплена тремя линіями редутовъ. Къ счастью, отрядъ князя Мадатова успѣлъ уже завять главныя высоты безъ выстрѣла. Безчисленныя толпы непріятельскія, видя опасность съ праваго фланга, въ большихъ силахъ спѣшили перейти за рѣчку, и съ ужаснымъ крикомъ и ругательствами бросились на его отрядъ, который встрѣтилъ ихъ картечью, а вся пѣхота, раздѣленная на три колонны, бросилась въ штыки. Непріятель нигдѣ не выдержалъ атаки и бѣжалъ съ одной позиціи на другую, на пространствѣ 5-ти верстъ; тогда отрядъ князя Мадатова по мѣстоположенію не только уже находился во флангъ непріятельской позиціи, но даже, къ счастью, высоты имъ занимаемыя господствовали надъ нею въ самомъ близкомъ разстояніи, хотя отдѣлялись непроходимымъ оврагомъ, орошаемымъ рѣчкою Манасъ. Не взирая на уронъ, наносимый горцамъ дѣйствіемъ артиллеріи Ермолова, они не поколебались въ своей позиціи, а старались только укрываться за укрѣпленіями до тѣхъ поръ, пока артиллерія князя Мадатова съ праваго фланга открыла жестокую пальбу вдоль всей ихъ линіи. Тогда, не выдержавъ перекрестнаго огня, они обратились въ бѣгство такъ стремительно, что многіе убились, падая съ отвѣсныхъ скалъ, а спасшіеся въ короткое время скрылись въ безчисленныхъ ущельяхъ горъ. По собственному признанію непріятелей, силы ихъ простирались за пятьдесятъ тысячъ человекъ; между ними были измѣнники Шихъ-Али-Ханъ Дербентскій, Уцмей Каракайтахскій, Сурхай, сынъ хана Казикумыхскаго, и другіе не столь значущіе владѣльцы. Кромѣ Акушинскихъ войскъ были тутъ и сосѣдственные имъ народы Дагестана. Послѣ этого славнаго дѣла весь отрядъ имѣлъ ночлегъ у с. Лавши, по коему и наименовано сраженіе.

Не боимся утомить вниманіе читателей, повтореніемъ этихъ подробностей, сообщая слѣдующее предисловіе Ермолова командовавшему войсками въ Грузіи генерал-лейтенанту Вельяминову 1-му, отъ 22-го декабря 1819 года, изъ Акуши, ибо каждый отзывъ доблестнаго вождя дорогъ для Кавказскихъ войскъ и наше изданіе считаетъ одною изъ первыхъ обязанностей, добровольно на себя

принятою, сохранять каждое слово знаменитаго соотечественника:

«Бога благодаря, — писалъ Корпусный Командиръ, — дѣла наши совершенно согласны съ нашимъ желаніемъ.

«19-го числа сего Декабря Войска наши, выступивъ отъ селенія Урума въ три часа по полуночи, на разсвѣтѣ прибыли на пушечный выстрѣлъ отъ позиціи, занятой непріятелемъ, по высотамъ почти неприступнымъ, гдѣ ожидали насъ не менѣе 15,000 въ устроенныхъ укрѣпленіяхъ.—Безпечный непріятель не замѣтилъ приближенія нашего, и правый флангъ свой, которымъ можно было обойти укрѣпленія, оставилъ на защиту части войскъ слабой и столько же нерадивой. Ген.-Маіоръ Князь Мадатовъ, съ пятью баталіонами пѣхоты и шестью орудіями, позади расположенія прочихъ войскъ нашихъ, спустился въ глубокое дефиле, переправился чрезъ рѣчку, протекавшую отъ лѣваго непріятельскаго крыла. Никто не препятствовалъ входу на противоположный берегъ, и не прежде встрѣтился непріятель, какъ уже войска прошли три версты разстоянія, и овладѣли нѣкоторыми возвышеніями, гдѣ было удобно расположиться. Непріятель, по трудности мѣстоположенія, не могъ скоро перевести большихъ силъ и Ген.-Маіоръ Князь Мадатовъ, не теряя времени, ударилъ стремительно, сбиль его съ главнѣйшихъ высотъ и батарея устроилась въ продолженіе линіи непріятельской и не подалеку отъ дороги, по которой непріятелю надлежало отступать. Въ сіе самое время съ праваго нашего фланга подвинулась батарея, занимая высоту, препятствующую сообщенію непріятеля съ другимъ берегомъ рѣки, и бѣгство сдѣлалось общимъ. Лѣвое непріятельское крыло, занимавшее укрѣпленіе на высотахъ, увидѣвъ, что пѣхота наша приближается къ дорогѣ и отрѣзываетъ отступленіе, бросилась съ такихъ крутизнь, что едва глазамъ вѣрили мы, чтобы спуститься съ оныхъ было возможно.

«Въ сраженіи со стороны нашей было не болѣе трехъ баталіоновъ пѣхоты, и тѣ, по большей части, дѣйствовали стрѣлками. Казаки ливейные и Донскіе, въ числѣ 500 чел., принесли большую пользу. Татарская конница, на-

бранная въ ханствахъ, преслѣдовала непріятеля и нанесла ему вредъ.

«Уронъ со стороны нашей покажется неимовѣрнымъ: ибо состоятъ убитыми 42-го Егерскаго полка рядовыхъ три, линейный казакъ одинъ; ранено оберъ-офицеровъ—два, унтеръ-офицеровъ четыре и рядовыхъ — 20. Изъ сего судить можете, сколь мало было сопротивленіе 15,000 чел., и что сего невозможно иначе истолковать, какъ постигшимъ ихъ ужасомъ.....»

Государь Императоръ, «въ воздаяніе отличной храбрости и благоразумнаго распоряженія», оказанныхъ княземъ Мадатовымъ въ этомъ сраженіи, — какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ, — Всемилостивѣйше пожаловалъ ему, 20-го февраля 1820 года, алмазные знаки ордена Св. Анны 1-й степени.

Послѣ блистательной побѣды при Лавашаи войска наши, сдѣлавъ три усиленные перехода въ два дня, не смотря на встрѣчаемыя на каждомъ шагу препятствія, представляемыя природой и позднимъ временемъ года, 21-го числа заняли Акушу, оставленную жителями. Но на другой день Акушинцы изъ отдаленныхъ мѣстъ начали стекаться въ городъ, испрашивая пощады и показывая готовность вступить въ Русское подданство и принять присягу на него. Ермоловъ, именемъ Его Императорскаго Величества, объявивъ прощеніе Акушинскому народу, приказалъ князю Мадатову принять эту присягу на вѣрноподданство, утвердилъ прежній образъ правленія, взялъ амаатовъ изъ значительнѣйшихъ фамилій, большую контрибуцію на продовольствіе войскъ, и на первый случай, въ ознаменованіе зависимости, наложилъ небольшую ежегодную дань.

29-го декабря Ермоловъ со всеми войсками выступилъ изъ Акуши и 12-го февраля 1820 года возвратился на Ливію.

Побѣда, одержанная подъ Лавашою, имѣла еще то важное послѣдствіе, что Сурхай-Ханъ-Казикумыхскій, съ сильнымъ ополченіемъ, въ этотъ самый день, ворвавшись уже у Чираха въ Курахскую провинцію, въ которой у насъ, какъ и въ Кубинской, оставалось весьма немного войскъ,

поспѣшно возвратился въ Казикумыхъ, и край спасся отъ неизчислимыхъ бѣдствій.

Столь гнусная измѣна и коварство требовали примѣрнаго наказанія. Сурхай-Ханъ самъ это чувствовалъ и принималъ мѣры къ отчаянной защитѣ. Ермоловъ приказалъ князю Мадатову снова вступить въ Сѣверный Дагестанъ.

Слѣдующія любопытныя подробности наиболѣе почерпнуты изъ записокъ Ванъ-Галена, который, въ чиинѣ майора, находился въ отрядѣ Мадатова. Достоверность этихъ записокъ подтверждается официальными бумагами и показаніями очевидцевъ.

«Воинственный характеръ князя Мадатова, — пишетъ Ванъ-Галенъ, — дѣятельность, знаніе мѣстныхъ языковъ и обычаевъ, какая-то смѣсь Азіатскихъ привычекъ съ Европейскими, въ немъ замѣчаемая, дѣлали его неоцѣнимо полезнымъ въ областяхъ, управляемыхъ имъ.»

Изобразивъ въ этихъ немногихъ чертахъ Князя, Ванъ-Галенъ рассказываетъ, съ какимъ благоразуміемъ и осторожностію обходился Валеріанъ Григорьевичъ съ ханами, отъ которыхъ, по предписанію Ермолова, долженъ былъ требовать вспомогательныхъ войскъ, для усиленія Татарскою конницею Русскаго отряда, посылаемаго въ Казикумыхъ.

«Съ однимъ изъ сихъ владѣльцевъ — продолжаетъ этотъ очевидецъ — онъ казался дружески откровеннымъ, другаго обнадеживалъ вниманіемъ Россійскаго Монарха, обѣщаніемъ лестныхъ наградъ ему и подданнымъ, третьему подавалъ защиту правосудія; во всѣхъ поступкахъ его видна была прозорливость, глубокое познаніе обстоятельствъ, нравовъ и та гибкость ума, которая необходима въ сношеніяхъ съ Азіатскими народами.

«Князь Мадатовъ собралъ 500 всадниковъ Карабахскихъ, 300 Шекинскихъ и даже 400 Ширванскихъ, не взирая на то, что Мустафа-Ханъ Ширванскій былъ родственникъ Сурхай-Хана. По осмотру сей конницы, онъ отправилъ ее въ Южный Дагестанъ, куда и самъ послѣдовалъ изъ Ширвана кратчайшею, но весьма трудною дорогою чрезъ хребетъ Кавказа.

«При выѣздѣ изъ Ширвана, дорога между горными тѣсвинами была чрезвычайно затруднительна; бурные по-

токи послѣ сильныхъ дождей, стремясь съ горъ, заграждали путь огромными камнями; крутизны и подножія горъ сихъ были покрыты лѣсами столь густыми, что, кажется, никогда желѣзо къ нимъ не прикасалось. На самой возвышенной точкѣ дороги находится ужасная пропасть около шести сажень ширины и болѣе 200 глубины. Черезъ нее брошены были три дубовыя дерева съ вѣтвями; это составляло мостъ безъ перилъ не болѣе какъ въ три фута ширины. Князь Мадатовъ, бывшій всегда впереди, не останавливаясь, первый переѣхалъ черезъ мостъ, и мы невольно должны были послѣдовать его примѣру. При малѣйшей ошибкѣ всадника, при малѣйшей остановкѣ лошади, гибель казалось неизбѣжною. Когда всѣ перебрались на другую сторону, одинъ изъ офицеровъ спросилъ у князя Мадатова о названіи этого моста; ««Чертовской! — отвѣчалъ Генераль, — и не думаю, чтобы онъ былъ достоинъ другаго имени.»» Спускъ отъ моста, при скоромъ переходѣ, продоллся болѣе двухъ часовъ. Утесы, по краямъ дороги, были такъ круты, сближаясь одинъ съ другимъ, и дикій лѣсъ, покрывавшій ущелье, такъ густъ, что мы принуждены были сойти съ лошадей и пробираться пѣшкомъ. Хотя былъ полдень и солнце сіяло ярко, но подъ тѣнію деревъ, сплетшихся вѣтвями, мы шли какъ подъ темнымъ сводомъ. У подошвы этихъ исполинскихъ горъ дорога пролегла шире, но съ обѣихъ сторонъ ея простирался дремучій лѣсъ, состоящій изъ деревьевъ, вышины и красоты необыкновенной.»

При вѣздѣ въ Кубинскую провинцію, веселая и блестящая толпа всадниковъ спѣшила на встрѣчу Русскимъ. Въ Кубѣ явился къ князю Мадатову вѣрный и храбрый полковникъ Асланъ-Ханъ Куринскій, съ братомъ своимъ, маіоромъ Гассанъ-Агою, и съ ними восемь сотъ отличныхъ наѣзниковъ. Вскорѣ прибыла въ окрестности города конница Шекинская, Карабагская и Ширванская, которая съ ополченіемъ Асланъ-Хана простиралась до 2,300 человекъ. Артиллерія ждала близъ Зіакура, гдѣ надлежало переправляться черезъ Самуръ, славнѣйшую рѣку въ Дагестанѣ, извѣстную быстротою и обиліемъ водъ. Она съ наступленіемъ жаровъ представляетъ рѣдкое явленіе,

даже между рѣками того края. Разливаясь на три версты и дѣлясь на нѣсколько рукавовъ, или, лучше сказать, на нѣсколько широкихъ рѣкъ, она, усиленная тающими снѣгами, стремится по своему чрезвычайному руслу, летитъ непрерывнымъ водопадомъ и уноситъ на только вѣковыя деревья, сорванныя съ ея береговъ, но даже камни и огромные отломки скалъ, подмытые и отторгнутые волнами отъ окрестныхъ горъ. Переправа черезъ Самуръ продолжалась болѣе 5 часовъ, и войско, преодолевъ эти препятствія, вступило въ Куринское ханство. Въ двухъ переходахъ за Кубою, на вершинѣ горы Кабирь, сосредоточился весь отрядъ, состоявшій изъ 2-го и 3-го баталіоновъ Куринскаго, 3-го баталіона Апшеронскаго, 2-хъ баталіоновъ 41-го Егерскаго полковъ, сотни казаковъ и 14-ти орудій. Такъ какъ эти баталіоны были некомплектны, то въ нихъ считалось не болѣе 2,500 человекъ. Лагерь былъ расположенъ на горѣ Кабирь въ самомъ очаровательномъ мѣстѣ, изобиловавшимъ пастыбою, отменною дичью, хорошею водою, и откуда, въ дальнѣйшемъ растояніи, ясно видѣнъ былъ Дербентъ и весь берегъ Каспійскаго моря. Князь Мадатовъ принималъ подъ тѣнью развѣстаго каштановаго дерева начальниковъ разныхъ ополченій, которыя тутъ собрались, и дѣлалъ распоряженія къ общему смотру, назначенному на слѣдующій день.

Въ головѣ колоннъ стояла артиллерія, а съ другой стороны Татарская конница, построенная въ регулярномъ порядкѣ, необыкновенномъ для Азіатцевъ; на лицахъ ихъ выражался восторгъ, произведенный надеждою близкаго сраженія и звуками военной музыки, столь сильно дѣйствующей на ихъ пылкое воображеніе. Красота мѣста, гдѣ былъ смотръ, и ясная погода увеличивали великолѣпіе зрѣлища. Особенно замѣчательна была конница Шекинская, и еще болѣе всадники Асланъ-Хана, видные ростомъ, отличавшіеся осанкой и рыцарскимъ вооруженіемъ, состоявшимъ изъ длинныхъ копій, панцырей, шлемовъ и щитовъ. Эти щиты, которыми они наиболѣе дорожили, передаются по обычаю ихъ отъ отца къ сыну. Слѣды ударовъ на нихъ свидѣтельствуютъ о неустрашимости ихъ владѣльцевъ, а надписи на оружіи нѣкоторыхъ бековъ показываютъ,

что оно принадлежитъ еще ко временамъ крестовыхъ походовъ.

Въ числѣ отважнѣйшихъ былъ Гассанъ-Ага; онъ былъ столько самолюбивъ, что однажды, рассказывая про свои подвиги, съ восторгомъ самонадѣянности говорилъ товарищамъ: «Если бы Алла мнѣ сказалъ, что есть въ мірѣ существо меня храбрѣе, я бы убилъ себя со стыда.»

Пламенная храбрость, заносчивость и жажда мести за малѣйшую, даже неумышленную обиду — отличительная черта горцевъ. Князь Мадатовъ умѣлъ дѣйствовать на нихъ кротостію и уюотреблять на пользу службы самую слабость ихъ; примѣромъ тому можетъ служить поступокъ его съ Гассанъ-Агою.

Узнавъ о назначеніи старшаго брата своего Асланъ-Хана командующимъ всею Татарскою конницею отряда, Гассанъ-Ага счелъ себя обиженнымъ, полагая, что онъ одинъ достоинъ такого назначенія, и, не смотря на узы родства, въ бѣшенствѣ бросился въ палатку къ брату, требуя отъ него удовлетворенія за оказанное ему преимущество. Порывъ ярости, объявившій Гассанъ-Агу, былъ такъ силенъ, что пришедшіе офицеры не могли его остановить. Братъ его отказался отъ боя, ему предлагаемаго, и онъ разорвалъ одежду, обнажилъ грудь и кричалъ Асланъ-Хану: «Трусъ, трусъ! достанетъ ли у тебя, по крайней мѣрѣ, смѣлости заколотъ меня». Страсти обоихъ братьевъ разгорѣлись до такой степени, что должно было ожидать развязки кровавой. Одно слово князя Мадатова ихъ укротило. Гассана назначилъ онъ начальникомъ авангарда всей Мусульманской конницы и мгновенно черные глаза Куринскаго набѣдника заблестали благородною гордостію; душевная радость отразилась на смугломъ лицѣ его: «Теперь,—сказалъ онъ,—докажу тебѣ, кто я», и, бросивъ взглядъ презрѣнія на брата, онъ вышелъ съ твердымъ намѣреніемъ заслужить милость Князя и оправдать сдѣланную ему довѣренность. Въ послѣдствіи, въ трехъ атакахъ, дѣлая чудеса храбрости, онъ, съ истиннымъ самоотверженіемъ предавшись преслѣдованію непріятелей, былъ убитъ пулею.

По свѣдѣніямъ, получаемымъ о движеніи непріятеля, было извѣстно, что Сурхай-Ханъ, услышавъ о прибли-

женіи Русскихъ войскъ, тщетно усиливался овладѣть крѣпостію Чирахомъ, отступалъ съ войсками внутрь своихъ владѣній, и, рѣшившись упорно сопротивляться, собралъ по всему ханству поголовное ополченіе; оно, съ вольными Лезгинскими обществами, которыя давали ему помощь, могло простираться до 20,000 человекъ.

Сурхай-Ханъ укрѣплялъ селеніе Хозрекъ, стоявшее на самомъ неприступномъ мѣстѣ его ханства. 5-го іюня войско наше выступило и слѣдовало чрезъ узкое ущелье, по которому идетъ дорога въ Казыкумыхъ. Каменистыя и крутыя, съ переломами, горы почти заставляли вести орудія и тяжести на людяхъ. Преодолевъ всѣ препятствія, 10-го числа поутру отрядъ прибылъ въ Чирахъ. Это небольшое укрѣпленіе, незадолго выдержавшее нападенія горцевъ, построенное на вершинѣ скалы, было наскоро исправлено Русскими инженерами и снабжено тремя орудіями подъ прикрытіемъ ста человекъ. Въ ночь на 11-е число, наши аванпосты находились уже на непріятельской землѣ въ 3-хъ верстахъ за Чирахомъ. Конница Асланъ-Хана и половина всей артиллеріи защищали отрядъ отъ нечаяннаго нападенія съ фланговъ. Въ этой позиціи, по неизвѣстности о подлинномъ положеніи непріятеля, отрядъ прибылъ до утра 12-го числа. Хозрекъ, лежащій въ 26-ти верстахъ, на слѣдующій день долженъ былъ сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій, куда въ прежнія войны никто не проникалъ, и о которомъ Татарское ополченіе говорило, какъ о весьма крѣпкой позиціи.

Построивъ вагенбургъ въ оборонительномъ положеніи при Чирахскомъ посту, князь Мадатовъ, іюня 12-го, съ разсвѣтомъ при густомъ туманѣ, выступилъ съ отрядомъ по дорогѣ, ведущей къ сел. Хозреку. Въ то самое время, по показанію двухъ Лезгинъ, взятыхъ въ плѣнъ, узнали, что вся непріятельская конница, подъ начальствомъ одного изъ сыновей Сурхай-Хана, находится въ близкомъ разстояніи отъ лагеря, самъ же Сурхай-Ханъ со всеми силами занималъ линію укрѣпленій впереди Хозрека, которыя защищали отборная пѣхота. Дорога отъ Чираха до Хозрека пролегаетъ между двумя отдѣльными обрывистыми отраслями Кавказа, изъ которыхъ лѣвая постепенно поднимается по

мѣръ того, какъ подается впередъ, а правая, малодоступная, тянется до самыхъ высотъ Хозрека.

Не доходя семи верстъ до этого селенія, въ 6 часовъ утра, когда утренній туманъ разсѣялся, отрядъ ясно увидѣлъ на высотахъ толпы непріятельской конницы, съ развѣвающимися посреди ея знаменами. Князь Мадатовъ лично обозрѣлъ позицію и рѣшился овладѣть ею. Сурхай-Ханъ, заявивъ вершины горъ, у подошвы которыхъ надлежало пройти всему отряду, имѣлъ возможность съ выгодною препятствовать слѣдованію войскъ нашихъ. Чтобы обезпечить переходъ отряда черезъ ущелье, или отвлечь значительную часть непріятельскихъ силъ, могущихъ дать помощь Хозреку, Князь приказалъ маіору Гассанъ-Агѣ съ частію Татарской конницы непремѣнно врѣзаться въ лѣвое крыло непріятельское, и тѣснить его вдоль по хребту высотъ, имъ занимаемыхъ. Татарская конница съ удивительною быстротою достигла горъ, но встрѣчена была сильнымъ огнемъ непріятельской конницы, которая, будучи гораздо многочисленнѣе, выдержала двѣ первыя атаки. При третьей наши врубились въ толпы непріятелей, которые этимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ принуждены были къ отступленію. Въ ту минуту Гассанъ-Ага получилъ смертельную рану, что и привело его войско въ крайнее замѣшательство. Непріятель атаковалъ съ новымъ жаромъ и опрокинулъ часть Кубицевъ. Князь Мадатовъ, видя разстройство нашихъ войскъ, поскакалъ самъ на мѣсто битвы. Азіатцы, ободренные присутствіемъ его, устремились на непріятеля, сбили его съ позиціи и разсѣяли по окрестнымъ горамъ. Взрывъ непріятельскихъ пороховыхъ ящичковъ, присланныхъ Сурхай-Ханомъ, совершенно разстроилъ Казыкумекскую пѣхоту; между тѣмъ маіоръ Мартыщенко, которому приказано было спѣшить на подкрѣпленіе конницы съ тремя ротами Апшеронскаго полка, воспользовался этимъ мгновеніемъ, пошелъ на первый завалъ, примыкавшій къ лѣвому крылу непріятельской линіи, ударилъ въ штыки, занялъ его и въ немъ укрѣпился, такъ что непріятель, не въ силахъ будучи овладѣть своєю первою своею позиціею, принужденъ былъ удалиться ко второму укрѣпленію. Между тѣмъ отрядъ прибылъ къ лоцинѣ предъ селеніемъ Хозрекъ. Выждавъ соедине-

ніе зріергарда и части Татарской конницы, князь Мадатовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы атаковать укрѣпленное селеніе Хозрекъ тремя колоннами, и далъ повелѣніе Асланъ-Хану съ Татарскою конницею слѣдовать въ обходъ къ деревнѣ Гудули, чтобы отрѣзать непріятелю дорогу, ведущую въ Казыкумыкъ. Всѣ три колонны приблизились къ укрѣпленіямъ на ружейный выстрѣлъ. Артиллерія удачнымъ дѣйствіемъ, продолжавшимся часъ, успѣла въ валахъ сдѣлать значительныя бреши, послѣ чего, по сигналу: « ура! » всѣ три колонны быстро ударили въ штыки. Во время атаки князь Мадатовъ такъ близко подъѣзжалъ къ непріятелю, что пули сыпались около него; напрасно окружающіе просили его удалиться и не подвергаться видимой опасности; онъ отвѣчалъ: « Если я тутъ не буду, кто же возьметъ Хозрекъ? »

Храбрый подполковникъ Сагиновъ, командовавшій Апшеронскимъ баталіономъ, первый бросился на валъ и былъ раненъ, равно какъ и маіоръ Ванъ-Галевъ; но колонны единомышленнымъ стремленіемъ ворвались въ проломъ, вытѣснили штыками непріятеля изъ всѣхъ укрѣпленій и гнали до мечети. Здѣсь готовилось отчаянное сопротивленіе, но Русскіе въ короткое время овладѣли мечетью, и знамя Апшеронскаго полка, утвержденное на башнѣ, возвѣстило взятіе Хозрека. Непріятель бѣжалъ; скрытыя дороги, служившія для сообщенія съ лагеремъ Сурхай-Хана, были уже заняты Русскими, которые напали на лагерь и, овладѣвъ имъ, преслѣдовали бѣжавшихъ.

Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, и видя себя отрѣзанными отъ дороги, ведущей въ Казыкумыкъ, горцы принуждены были ретироваться по крутому ущелью, находившемуся подъ выстрѣлами нашей артиллеріи, что нанесло имъ значительный уронъ.

Улицы Хозрека и окрестныя поля были усыяны убитыми и ранеными, оружіемъ и пожитками разбитаго непріятеля, котораго потеря состояла изъ 1,200 чел. убитыми и ранеными и 603 человекъ плѣнными. Въ числѣ убитыхъ находился племянникъ Али-Скендера-Аварскаго, ибо, какъ узнано въ послѣдствіи, Аварцы и Сургинцы давали вспомогательное войско Сурхай-Хану. 12 человекъ изъ знатнѣйшихъ Казыкумекскихъ фамилій пали также жертвами Сур-

хаева коварства Съ нашей стороны убито: храбрый маіоръ Гассанъ-Ага, 17-ть человекъ нижнихъ чиновъ и 44 человекъ Татарской конницы; равено: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 81 и Татарской конницы 61 человекъ. Трофеями побѣдителей были весь неприятельскій лагерь, и въ томъ числѣ ставка Сурхай-Хана со всѣми ея украшеніями; 11 знаменъ, изъ числа которыхъ одно принадлежало самому Сурхаю, а другое сыну его Ноху, и 2,000 ружей. Кромѣ того, въ селеніи Хозрекъ взято семь мѣдныхъ пушекъ, двѣ чугунныхъ и три мортиры, оставленные Шахомъ-Надиромъ, когда онъ временно обладалъ землею Казыкумышскою, не задолго до разбитія Акушинцами его войскъ, лично имъ предводимымъ.

Между тѣмъ семейства жителей Хозрека, скрывавшіяся въ землянкахъ, выходили мало по малу изъ нихъ, и видя, сверхъ ожиданія, кроткое, ласковое съ ними обращеніе побѣдителя, съ довѣріемъ возвращались въ дома свои. Ранены въ сраженіи были возвращены ихъ женамъ, или поручены мулламъ, подъ надзоромъ одного изъ Русскихъ врачей. Въ полночь объявлена была свобода военнопленнымъ, и они спокойно разошлись по своимъ жилищамъ. Черезъ это жители Казыкумыша совершенно убѣдились, что война ведена была не съ ними, а съ тираномъ, ихъ угнетавшимъ.

Сурханъ-Ханъ съ поля сраженія прискакалъ около полуночи къ воротамъ столицы своей, Казыкумыша, въ сопровожденіи небольшого числа своихъ нукеровъ и приверженцевъ. Но слухъ объ его пораженіи предшествовалъ ему, и онъ нашель городскія ворота запертыми. Напрасно Ханъ объявлялъ о себѣ, умолялъ, грозилъ, ни что не помогало! Старшины города явились на стѣнахъ крѣпости, и, отъ имени народа, совѣтовали ему продолжать свое бѣгство, если не хочетъ быть принятъ за неприятеля; отдали ему женъ и дѣтей, и выслали отрядъ для сопровожденія его до границы. Сурхай удалился въ Аравію. Такъ кончилась власть этого хана, оставившаго по себѣ только память о неограниченномъ самоуправствѣ.

Въ Казыкумышѣ учредилось временное правленіе изъ старшинъ города. Трое изъ нихъ отправились въ Русскій лагерь къ Асланъ-Хану, чтобы чрезъ его посредство просить мира и изъявить покорность. Будучи представлены князю Мада-

тову, они приняли всѣ условія и пожелали сами быть аманатами.

Одною изъ статей договора положено было, чтобы присяга на вѣрноподданство Императору Александру, также возведеніе Асланъ-Хана въ достоинство хана Казыкумышскаго и прочія окончательныя дѣла совершены были въ городѣ Казыкумышѣ.

Оставивъ въ Хозрекѣ двѣ роты Апшеронскаго полка, при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ маіора Мартиненко, 14-го числа отрядъ выступилъ къ столицѣ Казыкумышскаго ханства. Дорога была такъ затруднительна, что орудія и тяжести надобно было тащить людьми. Князь Мадатовъ, чтобы облегчить движеніе, приказалъ 3-му баталіону Апшеронскаго полка остаться позади съ 8-ю орудіями изъ числа 12, находившихся при отрядѣ. Съ остальными 4-мя орудіями и двумя баталіонами двинулся онъ самъ впередъ, и ночевалъ на бивакахъ въ 15-ти верстахъ отъ Хозрека. Въ продолженіе ночи жители разработывали дорогу, и помогали на другой день нашей пѣхотѣ въ перетаскиваніи орудій и прочихъ тяжестей. За 15-ть верстъ отъ столицы, войска перешли по мосту, построенному въ одну арку, безъ перилъ, составившему единственный путь сообщенія съ столицею. Мостъ былъ такъ узокъ, что колеса пушечныхъ лафетовъ едва могли пройти по немъ.

Въ 10-ти верстахъ отъ Казыкумыша, князь Мадатовъ былъ встрѣченъ первою депутаціею, а у городскихъ воротъ другою, поднесшею ему городскіе ключи на богатомъ блюдѣ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью.

Валеріанъ Григорьевичъ произнесъ къ старшинамъ города, на ихъ природномъ языкѣ, рѣчь, и въ ней объявилъ кроткія намѣренія Императора Александра, Котораго войска пришли въ Казыкумышъ единственно для возведенія новаго хана, ниспосылаемаго для блага народа Высшимъ Промысломъ. Клики радости привѣтствовали эту восточную рѣчь, и доказали, какъ пріятна была народу предложенная перемѣна. Асланъ-Ханъ былъ объявленъ владѣтелемъ и вступилъ въ управленіе.

Съ незапамятныхъ временъ никакія войска иноземныя никогда не появлялись ввугри области. Самые Персіане, которыхъ владычество было продолжительно въ южной части

Кавказа, не могли покорить воинственного племени Казыкумхскаго. Прибытіе Русскихъ привело было старшинъ въ уваженіе; однако слова мира, сказанныя княземъ Мадатовымъ, переходила изъ устъ въ уста, и быстро разнеслись до крайнихъ предѣловъ провинціи. Черезъ сутки по прибытіи отряда въ городъ, остальные Казыкумхскія войска положили оружіе, жители толпами стекались съ горъ и долинъ, чтобы узнать новаго своего властителя.

Въ день торжественнаго возведенія Аслана на ханство Казыкумхское, съ 10-ти часовъ утра, отперты были двери большой мечети. Асланъ-Ханъ вошелъ въ нее, сопровождаемый многочисленною и блестящею свитою; посреди мечети положенъ былъ Коранъ на барабанъ, надъ которымъ развѣвалось знамя 2-го баталіона Аншеронскаго полка. Старшины всѣхъ 8-ми магаловъ Казыкумхы, созванные присутствовать при торжествѣ, подходили по очереди къ Корану, и каждый изъ нихъ клалъ правую руку на книгу и присягалъ на вѣрнопопданство Императору Всероссійскому и на повиновеніе Асланъ-Хану.

Рота Аншеронскаго полка была у знамени, прочія Русскія войска стояли подъ ружьемъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ города. По окончаніи обряда Асланъ-Ханъ явился на стѣнѣ въ красной одеждѣ, въ которую облекались ханы при подобныхъ торжественныхъ случаяхъ, и 24 пушечныхъ выстрѣла, далеко отдавшіеся въ горахъ, вмѣстѣ съ кликами народа, привѣтствовали новаго владѣтеля. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ.

Мадатовъ не присутствовалъ при обрядѣ возведенія, чтобы показать, что оно произошло по добровольному желанію народа, безъ всякаго посторонняго вліянія. Но Асланъ-Ханъ съ многочисленною свитою скоро явился къ Князю, который встрѣтилъ его у входа въ свою палатку. Въ рѣчи своей Асланъ-Ханъ ясно изложилъ состояніе новаго своего владѣнія, его средства военныя, и мѣры, какія онъ предполагалъ употребить для упроченія благосостоянія народа. Затѣмъ изъявилъ желаніе немедленно положить условія касательно части войскъ, назначаемыхъ Русскимъ Правительствомъ съ ханства Казыкумхскаго, и дани, которую область эта должна платить Имперіи, присо-вокупивъ просьбу о скоромъ очищеніи ханства отъ Рус-

скихъ войскъ, потому что Правительство могло положиться на прямодушіе и честность народа Казыкумхскаго. Рѣчь эта, произнесенная съ жаромъ, въ присутствіи всѣхъ почти старшинъ области, произвела на нихъ очень благопріятное впечатлѣніе. Надежда на умѣренное установленіе налоговъ, вмѣсто жестокихъ притѣсненій Сурхаевыхъ, совершенно покорила Аслану сердца Казыкумховъ.

Князь отвѣчалъ, что Русскія войска выступятъ изъ Ханства, какъ скоро жители представятъ надежныя ручательства въ томъ, что съ ихъ стороны непріязненныхъ дѣйствій болѣе не будетъ. Асланъ-Ханъ увѣрялъ, что онъ за это отвѣчаетъ; тогда князь Мадатовъ объявилъ старшинамъ Казыкумхскимъ, что, зная благонамѣренность новаго ихъ хана, не требуетъ залога въ ихъ вѣрности, и прикажетъ войскамъ выступить изъ ихъ области, немедленно послѣ присяги жителей сельскихъ общинъ.

Дѣйствительно Мадатовъ, видя, что предметъ экспедиціи былъ совершенно выполненъ, отдалъ отряду приказъ выступить въ походъ. Вечеромъ 19-го числа снятъ былъ лагерь, и войска, провожаемая Асланъ-Ханомъ съ его свитою, оставили Казыкумхъ, и въ четырехъ верстахъ расположились на бивуакахъ. Дорогою Князь принималъ отъ старшинъ разныхъ мѣстъ присягу на вѣрность Императору Всероссійскому. Въ числѣ ихъ былъ и Акушинскій кадій, черезъ котораго Сургинскіе жители, утрашенные покореніемъ Казыкумхы, просили помилованія. Князь приказалъ имъ явиться къ нему въ Хозрекъ. Съ ними прибыли и Кабазинцы также съ покорностію. Всѣ они приведены къ присягѣ на вѣрнопопданство, съ обязательствомъ платить умѣренную дань Русскому Правительству. Баталіоны пѣхоты отпущены на прежнія свои квартиры, а Татарское войско по ихъ ханствамъ и областямъ. Асланъ-Ханъ остался спокойнымъ обладателемъ Казыкумхы.

Такимъ образомъ окончена въ двѣ недѣли война въ Казыкумхѣ, тогда какъ предполагали, что она продолжится нѣсколько мѣсяцевъ и будетъ стоить храбрымъ войскамъ Кавказскаго Корпуса болшихъ потерь, трудовъ и упорной борьбы въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ природою, съ народомъ, извѣстнымъ своею отвагою. Не одна смѣлость воинская и искусство начальника доставили столь неожиданный успѣхъ,

но рѣдкое соединеніе твердости въ сношеніяхъ съ возмущившимися, умѣренности и великодушія къ побѣжденнымъ, осторожности, которою трудно было обмануть, и благородной довѣренности, которой почти не возможно было измѣнить, облегчало побѣду, упрочивало сдѣланное завоеваніе и утишало огонь скрытной вражды, почти неистребимой въ Азіятцѣ, недавно подпавшемъ власти Европейской Державы.

Ермоловъ 22-го іюня *) отдалъ по войскамъ, бывшимъ съ княземъ Мадатовымъ, слѣдующій приказъ:

«Еще наказуя противныхъ, подлежало, храбрые войны, вознести знамена наши на вершины Кавказа и войти съ побѣдою въ Ханство Казыкумышское. Сильный мужествомъ нашимъ, далъ я вамъ это приказаніе, — и вы непріятели, въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали. Бѣжить коварный Сурханъ-Ханъ и владѣнія его вступили въ подданство Великому нашему Государю. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ.

«О дѣлахъ вашихъ, храбрые войны, донесу Императору: знаетъ Онъ и труды воиновъ и опасности раздѣлялъ съ ними.»

Государь Императоръ изволилъ осчастливить Валеріана Григорьевича слѣдующею многомилостивою грамотою:

«Нашему Генералъ-Маіору Князю Мадатову.»

«Благоразумныя распоряженія, храбрость и неустрашимость, оказанныя Вами при пораженіи войскъ Ханства Казыкумышскаго въ 12-й день Іюня сего года, приобрѣли Вамъ право на особенную Нашу признательность; въ ознаменованіе чего Всемилостивѣйше жалуюемъ Васъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра второй степени, знака коего при семъ препровождая, пребываемъ къ Вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.»

«А л е к с а н д р ѣ.»

«19-го Августа 1820 года.»

*) Въ Типолисѣ, № 3-й.

Князь Мадатовъ, возвратясь изъ этихъ походовъ, которыхъ послѣдствіемъ было совершенное покореніе Сѣвернаго Дагестана, занялся благоустройствомъ ханствъ, порученныхъ его управленію. Они въ особенности въ это время требовали необходимаго наблюденія, по причинѣ побѣга хановъ въ Персію, Ширванскаго въ 1820 году, и Карабахскаго въ 1822 году. Оставленные ими ханства, многочислѣннѣйшія и богатѣйшія изъ всѣхъ Закавказскихъ областей, поступили въ завѣдываніе Русскаго Правительства. Трудно было укротить буйный духъ жителей, не привыкшихъ къ управленію образованному, и удержать въ повиновеніи людей, чуждыхъ гражданскому благоустройству; но всѣ преграды были преодолены благоразумными распоряженіями Мадатова, который всегда старался соглашать дѣйствія свои съ волею Государя Императора Александра, изображенною въ Высочайшемъ рескриптѣ, гдѣ между прочимъ сказано: «лучшій образъ обхожденія съ поселянами покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго предъ своеправнымъ господствованіемъ Азіятскимъ, и чрезъ то болѣе расположить сердца жителей къ Державѣ, всегда готовой споспѣшествовать благу своихъ подданныхъ.»

Вскорѣ учреждены были въ каждомъ изъ трехъ ханствъ провинціальныя суды, или диваны, въ которыхъ, для соблюденія строжайшей справедливости, князь Мадатовъ иногда лично присутствовалъ, какъ окружный начальникъ. Быстрое теченіе дѣлъ, скорый и справедливый разборъ жалобъ (потому что къ нему свободно всякой являлся и былъ выслушиваемъ), удостовѣрили народъ въ томъ, что жребій его улучшился подъ управленіемъ Русскимъ.

Во все это время ханства процвѣтали и наслаждались полнымъ спокойствіемъ и внутреннею безопасностію, отъ чего вошла въ употребленіе пословица, что «женщина въ Карабахѣ можетъ ходить безопасно съ блюдомъ золота на головѣ.»

Для усиленія торговли и промышленности князь Мадатовъ призналъ необходимымъ заняться улучшеніемъ дорогъ, изъ которыхъ въ 1823 году обработана дорога отъ Аскерана къ крѣпости Шушу и оттуда почти до Ахъ-Оглана. Дорога къ крѣпости Шушѣ, расположенной на гранитныхъ скалахъ, прежде была чрезвычайно трудная: по ней пробирались вер-

хомъ, поднимаясь пять версть по крутымъ каменнымъ скаламъ, какъ по ступенямъ; а въ 1825 году, она была уже совершенно устроена подъ личнымъ наблюденіемъ князя Мадатова одними жителями, безъ всякихъ издержекъ со стороны Правительства. Съ того времени войска наши свободно перевозятъ на подводахъ всякаго рода тяжести, и купечество избавилось отъ затрудненія, стѣснявшаго торговлю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію Алексѣя Петровича, князь Мадатовъ заботился и о другомъ, не менѣе важномъ предметѣ. Казаки, занимавшіе посты по большой дорогѣ отъ города Елисаветополя до подъема въ крѣпость Шушу, часто въ значительномъ числѣ бывали жертвами вреднаго вліянія воздуха и дурной воды на знойныхъ низменныхъ мѣстахъ; при томъ разлитіе рѣкъ весною представляло при переправахъ большія затрудненія. Для отвращенія всѣхъ этихъ неудобствъ проложена была новая дорога у подошвы горъ, начиная съ 20-й версты отъ Елисаветополя до самаго подъема къ Шушѣ. По всему этому пространству избраны лично княземъ Мадатовымъ самыя удобныя и здоровыя мѣста, на которыхъ назначены казачьи посты и почтовые станціи; вблизи ихъ Князь хотѣлъ поселить нѣсколько семействъ крестьянъ, чтобы проѣзжающіе могли доставать нужное, потому что отъ Елисаветополя до Шуши для путника не было никакого пристанища. Не ограничиваясь этимъ, Мадатовъ склонилъ Шушинскихъ Армянъ построить три каменныхъ моста на рѣкахъ: Каракчай, Тершеръ и Хачинъ-Чай; но начатая работа была оставлена, по случаю вспыхнувшей въ 1826 году Персидской войны.

Дѣятельность Валеріана Григорьевича вообще проявлялась во всемъ, что только могло относиться къ пользамъ Правительства или благу народа. Хозяйственная часть обращала на себя особенное его вниманіе: въ его управленіе размножены и улучшены шелковичные сады, которые въ Ширванской и Шенкинской провинціяхъ приносили Правительству значительный доходъ. Зная, что туземцы, хотя и трудолюбивы, но по характеру неахлонны къ принятію нововведеній, и что одинъ только примѣръ важнаго лица, и особенно начальника, можетъ ихъ побудить къ тому, князь Мадатовъ старался поощрять жителей къ распространенію и улучшенію разныхъ отраслей земледѣльческой промышленности. Съ этою благою

цѣлю онъ производилъ въ собственномъ своемъ имѣніи, въ Карабахѣ, первые удачныя опыты посѣвовъ сѣмянъ хлопчатой бумаги, выписанныхъ съ острова Бурбона, заботился объ улучшеніи конскихъ заводовъ, изъ которыхъ Карабахскіе славились въ особенности во всемъ Закавказскомъ краѣ и даже за границую.

Въ 1823 году приступлено было къ точному опредѣленію границъ между Россією и Персією, на основаніи трактата Гюлистанскаго. Между назначенными для этого съ обѣихъ сторонъ уполномоченными комиссарами произошли несогласія, для прекращенія которыхъ Ермоловъ позволилъ князю Мадатову имѣть личное свиданіе съ Аббасъ-Мирзою. На предложеніе Князя видѣться принцъ изъявилъ согласіе. Окруженный блистательною свитою и многочисленною конницею, составленною изъ первѣйшихъ фамилій трехъ ханствъ, явился Мадатовъ въ назначенный день у Худоперинскаго моста. Богатая одежда всадниковъ, дорогое оружіе, драгоценный уборъ статныхъ коней, въ соединеніи съ стройными рядами 42-го Егерскаго полка и артиллерією, представляли блистательную картину. Все, что позволяли только средства, употреблено было для того, чтобы придать празднеству болѣе великолѣпія наружнаго, которое такъ легко очаровываетъ восточные народы. Желая дать Персіянамъ хотя нѣкоторое понятіе о нашемъ воинскомъ устройствѣ, Князь приказалъ въ присутствіи ихъ сдѣлать разводъ и маневры. Аббасъ-Мирза съ сыновьями и дворомъ своимъ смотрѣли съ особеннымъ удовольствіемъ на быстрыя, правильныя движенія Русскихъ солдатъ. Военная музыка гремѣла, начались скачки на лошадяхъ, столь любимыя здѣшними народами, и наконецъ сожженъ былъ фейерверкъ. Все это очаровало Персіянъ до того, что въ Персіи и до нынѣшняго времени, ежели хотятъ означить этотъ годъ, то говорятъ: *тогда, какъ былъ фейерверкъ князя Мадатова*. Зная характеръ Персіянъ и пользуясь личною дружбою и уваженіемъ наследника Шаха, Князь старался утвердить добрыя сношенія обоихъ государствъ, принималъ дѣятельныя мѣры къ прекращенію набѣговъ пограничныхъ кочующихъ народовъ, и къ водворенію взаимнаго согласія, въ чемъ совершенно и успѣлъ. Съ тѣхъ поръ онъ неоднократно получалъ привѣтственные

письма отъ Аббасъ—Мирзы, изъ которыхъ для любопытныхъ помѣщается слѣдующее въ переводѣ съ Персидскаго:

«Высокостепеннаго, высокочѣстнаго, важнаго, храбраго, проникательнаго, славнаго, украшенія вельможъ Христіанскихъ, Сіятельнаго генерала князя Мадатова, извѣщаемъ, что учтивое письмо Его Сіятельства достигло до высокаго взора нашего чрезъ высокостепеннаго Генджумъ—Бека, и что истинное содержаніе письма съ начала до конца сдѣлалось извѣстнымъ благосклонному уму нашему. По истинѣ, ваше доброжелательство, прекрасное довѣріе къ намъ, справедливость и приверженность, снова подтвердились и сдѣлались причиною новой благосклонности и безмѣрной довѣренности нашей. Хотя благонамѣреніе и прекрасное довѣріе ваше нашему благосклонному уму всегда было ясно какъ солнце, но теперь доброжелательство и приверженность Вашего Сіятельства еще яснѣй сдѣлались, почему и довѣренность къ вамъ свѣтлаго ума нашего сдѣлалась совершенною. Четыре сокола, посланные Вашимъ Сіятельствомъ съ упомянутымъ, достигли до насъ и получили совершенное одобреніе ваше.

«По истинѣ, съ пріятностію занимаюсь нынѣ на берегахъ Аракса охотою, всегда вспоминаемъ, какъ мы съ Вашимъ Сіятельствомъ встрѣтились на этихъ берегахъ въ прошломъ году и замѣтили первые похвальные поступки и прекрасные качества ваши, и желаемъ еще такой встрѣчи, особенно потому, что съ тѣхъ поръ по нынѣ, какъ мы видимъ, усердіе ваше въ дѣлахъ двухъ Государствъ болѣе и болѣе очевидно увеличивается. Зная прекрасное ваше дарованіе и совершенную проникательность, мы увѣрены, что вы въ точности поняли и оцѣнили нашу къ вамъ благосклонность и милость.

«Теперь же, когда вышеупомянутый высокостепенный получилъ позволеніе возвратиться, наше сердечное къ вамъ расположеніе требовало описанія. Узнавши нашу благосклонность, обращайтесь къ намъ съ вашими просьбами и желаніями и будьте увѣрены въ ихъ исполненіи.»

Но это было только наружное спокойствіе. Персидскій Дворъ, особенно самъ наслѣдникъ престола, Аббасъ—Мирза, ждали только случая для нарушенія Гюлистанскаго договора, и возшестьіе на Тронъ въ Бозѣ почивающаго Госу-

даря Императора Николая Павловича считали удобнымъ временемъ для своихъ побѣдъ. Аббасъ—Мирза весною 1826 года внезапно вторгся въ наши предѣлы. Одинъ отрядъ, подъ его личнымъ предводительствомъ, бросился въ Карабахъ, а другой, подъ командою Эриванскаго сардаря Гуссейнъ—Хана, въ Бамбахскую дистанцію и провинцію Шурагель. Аббасъ—Мирза, разбивъ баталіонъ 42-го Егерскаго полка, квартировавшій въ сел. Гюрюсы въ Карабахѣ, напалъ на селеніе Чаначхи, принадлежавшее князю Мадатову, разорилъ его, быстро устремился къ Шушѣ и, тѣсно обложивъ эту крѣпость, послалъ передовой отрядъ для занятія Елисаветполя.

Въ это время князь Мадатовъ находился на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ для возстановленія своего здоровья, разстроеннаго военными трудами, ранами и знойнымъ климатомъ областей, бывшихъ въ его управленіи. Тамъ получилъ онъ повелѣніе Корпуснаго Командира прибыть поспѣшно въ Тифлисъ.

Забывъ свою болѣзнь и скорбя о ранахъ, нанесенныхъ его родинѣ, Мадатовъ бросился въ перекладную, перелетѣлъ верхомъ крутизны Кавказа и въ третій день съ водъ прибылъ въ Тифлисъ. Чрезъ недѣлю получилъ онъ предписаніе принять въ свою команду 9-ть ротъ пѣхоты съ 6-ю орудіями, слѣдовать въ Казахскую дистанцію на рѣку Акстафу и тамъ взять подъ команду свою отрядъ подполковника графа Симовича, состоявшій изъ баталіоновъ Грузинскаго и Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ съ 8-ю орудіями легкой артиллеріи и нѣсколькихъ казаковъ.

Главная цѣль этого отряда состояла въ томъ, чтобъ удержать жителей Казахской дистанціи отъ возмущенія, къ которому склоняли ихъ Персіане, и прекратить разбой уже возмущавшихся жителей Елисаветпольскаго округа и Шамшадильской дистанціи. Движеніе отряда Ермоловъ почиталъ нужнымъ и потому, чтобъ успокоить жителей Грузіи, испытавшихъ въ минувшія времена ужасныя бѣдствія отъ вторженія Персіанъ, и при настоящемъ нашествіи приходившихъ въ чрезвычайное уныніе. Но до прибытія ожидавшихся войскъ съ Кавказской линіи, Корпусный Командиръ не желалъ начинать никакихъ дѣйствій, развѣ бы самъ непріятель подалъ къ тому поводъ, и

представился случай вѣрнаго успѣха; по этому Алексѣй Петровичъ и приказалъ князю Мадатову: если непріятель придетъ изъ Карабаха въ несоразмѣрныхъ силахъ и поставитъ отрядъ его въ затруднительное положеніе, имѣть въ то же время дѣло со всѣми войсками сардара Эриванскаго, — то отступитъ въ Борчалинскую дистанцію, оставя передъ собою Красный-Мостъ. Ежели же, напротивъ, непріятель не будетъ наступать на него съ большими силами, тогда предписывалось Мадатову оставаться наблюдать Дилижанское ущелье, и не иначе дѣлать движеніе, какъ только частью войскъ, которая бы могла безпрепятственно соединиться съ остальными, когда надобность того потребуетъ.

«Призовите къ себѣ благонамѣреннѣйшихъ изъ Агаларовъ, — говорилъ Ермоловъ въ инструкціи, данной князю Мадатову, — и внушите имъ ихъ обязанности быть вѣрными подданными своему Государю. Я имѣю извѣстіе, нѣсколько уже подтвержденное, что они ведутъ переговоры съ Сардаремъ Эриванскимъ и допустили непріятеля въ Дилижанское ущелье, чего безъ измѣны произойти не могло, ибо непріятель нашелъ бы тамъ свою гибель. — Если Вашему Сіятельству представится случай имѣть сообщеніе съ Нухю, — то объявите жителямъ ея въ прокламаціи: чтобъ они немедленно изгнали людей коварнаго Салимъ-Хана, или кровью своею заплатятъ за гнусную измѣну, и что однимъ изгнаніемъ бродягъ сихъ они могутъ снискать себѣ прощеніе. Весьма правдоподобно, что они сего исполнить не пожелаютъ, но легко быть можетъ, что боязнь наказанія за неисполненіе произведетъ несогласіе, и пришлецъ будетъ опасаться онаго.

«Старайтесь, Ваше Сіятельство, — продолжалъ Ермоловъ, — достать въ дистанціи провіантъ для войскъ, въ командѣ вашей состоящихъ; когда жители Казахскіе спустятся съ горъ въ свои жилища, къ чему сколько возможно побудить ихъ необходимо, то учредите изъ нихъ почты для препровожденія бумагъ.

«При всей надеждѣ на бдительность Вашего Сіятельства, — въ заключеніе предписывалъ знаменитый военачальникъ, — я не могу не подтвердить Вамъ, что осторожность необходима; что сколько робкимъ не замѣченъ

непріятель, презирать его не должно; что гораздо полезнѣе противопоставитъ непріятелю соединенныя силы для большей вѣрности въ успѣхѣ, нежели подвергнуться опасности дѣйствовать силами недостаточными, изъ одного тщеславія противоборствовать сильнѣйшему.»

По выступленіи изъ Тифлиса, 4-го августа 1826 года, два баталіона слѣвовали по тракту къ Елисаветполю.

«Знали, — пишетъ очевидецъ, — что Персіане уже въ нашихъ границахъ, знали, что скоро должны были встрѣтить ихъ въ превосходныхъ силахъ. Солдаты, по скорости выступленія, были снабжены 10-ти дневной пропорціею сухарей. Наконецъ, послѣ 3-хъ дневнаго похода, мы дошли до Краснаго-Моста на рѣкѣ Храмъ и тамъ остановились отдохнуть; вдругъ явился верховой съ приказаніемъ не трогаться далѣе до прибытія князя Мадатова, который назначенъ начальникомъ отряда. — Я не въ силахъ описать нашего восторга; тотчасъ же о семъ было объявлено всѣмъ нижнимъ чинамъ. «Слава Богу, — кричали солдаты, — мы удостоились быть подъ его командою»».

На другой день *) Князь прибылъ къ отряду въ 2 часа по полуночи; баталіоны были выстроены по-ротно для встрѣчи его, и старшій батальонный командиръ представилъ ему рапортъ о состояніи войскъ. Князь обходилъ всѣ роты; здороваясь, солдаты кричали «ура!» — «Ну, ребята, — сказалъ Князь, — я знаю, что у васъ нѣтъ говядины.» — «Точно такъ, Ваше Сіятельство.» — «Вотъ, ребята, я васъ знаю, вы Русскіе воины: мы пойдемъ, разобьемъ Персіанъ, и тамъ все у насъ будетъ.» — «Рады умереть подъ командою Вашего Сіятельства и исполнять всѣ Ваши приказанія, со всею ревностію!» — былъ единодушный отвѣтъ воиновъ.

Скорое прибытіе Мадатова въ Казахскую дистанцію произвело сильное и полезное впечатлѣніе на умы жителей. Всѣ безъ изъятія выходили къ нему на встрѣчу и тѣмъ съ большею радостію привѣтствовали Генерала, что не надѣялись его увидѣть, ибо слухи были распущены, что

*) *Жизнь князя Мадатова*, стр. 94. По біографіи въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* и въ *Словарь* Старчевскаго Мадатовъ прибылъ къ Красному-Мосту 4-го числа.

Князь отозванъ навсегда въ Россію. Валеріанъ Григорьевичъ всѣхъ ихъ обласкалъ, и далъ имъ обѣщаніе, что будутъ охранены войсками Государя Императора. Полагаясь вполнѣ на его слова, жители спустились съ горъ, на которыхъ кочевали, и принялись за сельскія работы, необходимыя какъ для нихъ самихъ, такъ и для Русскихъ войскъ. Всякой желалъ оказать свое усердіе. Первѣйшіе Агалары составили милицію изъ жителей и присоединились къ Русскимъ для пораженія единовѣрныхъ себѣ Персіанъ.

20-го августа Мадатовъ узналъ, что Грузинскій царевичъ Александръ съ 2,000 Персидскихъ войскъ и съ приставшими къ нему Татарами, занявъ Шамхорскія горы, возмущаетъ жителей и намѣревается въ ночь напасть на его отрядъ, чтобъ пройти въ Нухинскую провинцію. Для отвращенія пагубныхъ слѣдствій, которыя неизбежно произошли бы съ занятіемъ этой провинціи, Князь рѣшился предупредить Царевича, и, въ намѣреніи внезапно напасть на непріятеля, въ ту же ночь, выступилъ съ двумя батальонами пѣхоты при 4-хъ орудіяхъ. Сдѣлавъ переходъ болѣе 30-ти верстъ, отрядъ нашъ, къ разсвѣту, приблизился къ Персіанамъ, но увидѣлъ, что они уже вышли изъ лагеря и построились на высотахъ. Батальонъ, предшествуемый стрѣлками, немедленно атаковалъ эти возвышенія. Непріятель не долго сопротивлялся: нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ обратили его въ бѣгство. Недостатокъ въ конницѣ не позволилъ намъ воспользоваться этимъ успѣхомъ: Мадатовъ не могъ его преслѣдовать. Однакоже Армяне близъ лежащихъ селеній перехватили одну бѣжаншую толпу, напали на нее, убили, плѣнили многихъ и взяли нѣсколько лошадей *).

*) Увѣдомленіе Ермолова начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества отъ 29-го августа 1826 года, обнародованное въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1826 №№ 76 и 77. Въ *Жизни генералъ-лейтенанта Мадатова* (стр. 96) говорится, что, достигнувъ непріятеля, Князь послѣ кратковременнаго отдыха повелъ войска противъ царевича Александра, стоявшаго

Послѣ того побѣдители возвратились въ свой лагерь при селеніи Ханлахларъ, на рѣкѣ Акстафѣ, и тамъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній Корпуснаго Командира, занялись заготовленіемъ продовольствія.

Между тѣмъ положеніе Закавказскаго края становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Крѣпость Шуша, въ которую полковникъ Реугъ едва успѣлъ войти съ шестью ротами 42-го егерскаго полка, была тѣсно обложена войсками Аббасъ-Мирзы. Весь Елисаветпольскій округъ занятъ былъ Персіанами; всѣ сообщенія между Грузією и Мусульманскими провинціями прерваны; ближайшія Нѣмецкія колоніи разорены непріятелемъ, жители увлечены въ плѣнъ. Съ другой стороны сардаръ Эриванскій съ 5-ю батальонами пѣхоты и 8,000 конницы ожидалъ только возможности соединиться съ Аббасъ-Мирзою, чтобы совместно открыть наступательныя дѣйствія. Оба они всѣми способами старались возмущать жителей противъ Россіи. Угрозы, награды, обѣщанія, фанатизмъ, ничто не было забыто, и самые Грузины, вспоминая несчастную эпоху 1795 года и звѣрство Персидскаго шаха Ага-Магметъ-Хана, который сжегъ Тифлисъ и увелъ нѣсколько тысячъ семействъ въ плѣнъ, вѣрили нелѣпнымъ слухамъ, распространяемымъ непріятельскими агентами, и нѣкоторые даже зарывали свои имущества въ землю *).

близъ рѣчки Загамъ. Грузинская конница и казаки открыли дѣйствія; огонь нашей артиллеріи скоро принудилъ Царевича отступить. Отрядъ его взобрался на ближайшія горы, съ вершины которыхъ приближенные Царевича начали кричать и увѣщевать находившихся при князѣ Мадатовѣ Грузинскихъ князей не стрѣлять въ нихъ и признать своего бывшаго Царевича. Но всѣ Грузины единодушно отвѣчали: «Мы не хотимъ больше ничего, какъ за Русскаго Императора положить головы». *Послѣ двухъ часовъ* непріятельскій отрядъ былъ разсѣянъ и войска побѣждали въ безпорядкѣ къ Елисаветполю, куда его преслѣдовали 20 верстъ.

*) Наши войска, напротивъ, были исполнены увѣренности въ непобѣдимость. Какъ одно изъ свидѣтельствъ сохраняемъ пѣсню, сочиненную поэтомъ-импровизаторомъ, унгеръ-офицеромъ Грузинскаго гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, Орловымъ, въ лагерь при рѣкѣ Акстафѣ, 22-го августа 1827 года, которую тѣмъ болѣе считаемъ

Въ такомъ положеніи дѣлъ, угрожавшемъ гибельными послѣдствіями, въ странѣ, населенной единовѣрцами не-
примиримымъ привести здѣсь, что въ ней говорится и именно о Ма-
датовѣ:

•Буря брани зашумѣла,
Поскорѣй друзья къ ружью!
Въ часто поле поспѣшайте,
Защищать страву сію!
Мы не въ ней хотя родились,
Она наша, въ ней живемъ;
И равно, что за отчизну,
За нее пойдемъ — умремъ!
Слышно, братцы, Персіане
Расхищаютъ все и жгутъ,
По сю сторону Аракса;
Къ Карабаху ужъ идутъ. —
Ну, скорѣе — маршъ на встрѣчу!
Графъ нашъ Симоничъ готовъ:
Онъ въ Европѣ научился,
Какъ разить своихъ враговъ!
Генералъ храбрый Мадатовъ
Насъ къ побѣдамъ поведетъ;
Онъ военные ухватки
Персовъ знаетъ на пролетъ.
Подъ командой ихъ не страшно,
Хоть враговъ и больше насъ;
Саранча эта пустая,
Только грянуть дружно разъ;
Разобьемъ пустую сволочь,
И всю Персію пройдемъ;
Тамъ потѣшимся, ребята;
Лавръ отчизнѣ привесемъ.
Ни пески, ни лѣсъ, ни горы,
Сама смерть намъ не страшна;
Всѣ труды почтемъ игрою,
Для того мы рождены;
Рождены на свѣтъ къ побѣдамъ,
И привыкли побѣждать.
Не такихъ, какъ Персіане,
И умѣемъ доказать
Всему свѣту, что съ Россіей
Тщетный трудъ войну вести;
Что Россія свою славу
Всегда можетъ соблюсти!»

Эта пѣсня помѣщена въ извѣстномъ многимъ на Кавказѣ *руко-
писномъ сборникѣ* стихотвореній Орлова, имѣющемъ заглавіе
«Пѣсни, сочиненныя при Грузинскомъ гренадерскомъ полку и пою-
щіяся веселыми гренадерами» и была напечатана въ *Тифлисскихъ
Вѣдомостяхъ* 1829 года и перепечатана въ *С.-Петербургскихъ
Вѣдомостяхъ* 1829 года № 155.

пріятеля, необходимы были рѣшительныя и скорыя мѣры.
Ермоловъ, извѣщенный о движеніи Персіанъ, разрѣшилъ
Мадатову, по заготовленіи 10-ти дневнаго продовольствія,
слѣдовать съ частію своего отряда къ Елисаветполю и
открыть наступательныя дѣйствія.

«Не перемѣняй ничего въ моемъ распоряженіи, — пи-
салъ прозорливый Вождь, — и ступай съ Богомъ! Будь
остороженъ въ Елисаветполѣ, и если точно придетъ
Аббасъ—Каджаръ, то имѣй средства узнать заблаговремен-
но, и во всегдашней будь готовности двинуться. Противу
силъ несоизмѣрныхъ не вдавайся въ дѣло. Намъ надобенъ
вѣрный успѣхъ, и таковой пріобрѣтешь ты со всеми
твоими войсками безъ сомнѣнія; а даю еще батальонъ и
артиллерію, тогда не дожидаться Каджаровъ, но и самимъ
ихъ отыскивать возможно! Суворовъ не упогреблялъ слова
ретирата, а называлъ оную прогулкою. И вы, любез-
нѣйшій Князь, прогуляйтесь во время, когда будетъ не
подъ силу; стыда ни мало въ томъ нѣтъ. Если, любезный
Князь, разсѣяніе непріятельской конницы въ Таузѣ произ-
вело впечатлѣніе, то я ожидаю, что изгнаніе Персіанъ и
пришлеца Хана изъ Елисаветполя сдѣлаетъ большое и
для насъ полезное дѣйствіе. Ожидая извѣстій о Реугѣ,
но ихъ нѣтъ, и я боюсь ужасно, чтобы онъ не далъ
себя обмануть. Неужели никто не пройдетъ изъ столькихъ
людей посланныхъ и мы ничего не узнаемъ? Прощайте,
любезный Князь, дай Богъ вамъ счастья, и я надѣюсь!»

Для спасенія цѣлой страны и для обузданія дерзости Пер-
сіанъ не было инаго средства, какъ одержать побѣду, и по-
бѣду внезапную, рѣшительную. 1-го сентября Мадатовъ,
взявъ по одному баталіону Херсонскаго и Грузинскаго пол-
ковъ, двѣ роты 41-го егерскаго, четыре легкія орудія и
конницу *), двинулся отъ Астафы на встрѣчу непріятелю,
бывшему на походѣ къ Шамшадильской дистанціи.

Персіане, извѣщенные о выступленіи нашего отряда, при-
няли всѣ предосторожности, и, для полученія свѣдѣній о

*) Въ книгѣ *Жизнь генералъ-лейтенанта Мадатова* (стр. 99)
о конницѣ не упоминается; но въ *Военно-Энциклопедическомъ
Лексиконѣ* прибавлено, что она была съ Мадатовымъ, что и сира-
ведливо.

маршѣ Русскихъ, 2-го сентября выслали къ Загамскому шпилью передовыя войска, состоявшія изъ одной кавалеріи, подъ командою Мамедъ-Заманъ-Хана и Зурабъ-Хана. Съ появленіемъ нашего отряда, они спѣшили отступить и раздѣлились на двѣ части: одна потянулась съ Зурабъ-Ханомъ къ Загамскимъ горамъ, а другая слѣдовала по большой дорогѣ къ Шамхору. Въ этотъ день отрядъ Князя, безъ выстрѣла, занялъ непріятельскую позицію и имѣлъ ночлегъ на большой дорогѣ близъ шпиля.

На слѣдующій день, 3-го числа, отрядъ, пройдя 17 верстѣ, увидѣлъ издали Зурабъ-Хана, быстро подвигавшагося къ Шамхору и тѣмъ избѣгшаго нашего нападенія. Нѣсколько далѣе по большой дорогѣ авангардъ, состоявшій изъ 150 казаковъ, и высланныя фланкеры открыли непріятельскую конницу, подъ командою Мамедъ-Заманъ-Хана, и начали перестрѣлку, которая постепенно увеличивалась по направлению къ Шамхору. Казаки, подкрѣпленные Казахскою милиціею, гнали непріятеля, въ десять разъ числомъ ихъ превосходившаго, и отбросили его до Шамхора; при чемъ Персіане потеряли убитыми до 60-ти человекъ, въ числѣ которыхъ находился Риза-Ханъ и Мирза-Ханъ.

По всему можно было полагать, что непріятель, послѣ понесенной потери, не будетъ дѣйствовать противъ Русскихъ у Шамхора, а приблизится къ Елисаветполю для усиленія обороны этого города. Но, напротивъ, Персіане, переправившись черезъ Шамхоръ, построились въ боевой порядокъ на правомъ берегу рѣки, и поставя пѣхоту и артиллерію въ отлично устроенныхъ шанцахъ, прикрыли ихъ съ фланговъ кавалеріею и, такимъ образомъ, образовали сильно укрѣпленную линію на протяженіи двухъ верстѣ.

Мадатовъ принялъ этотъ вызовъ. Произошло сраженіе, о которомъ князь Валеріанъ Григорьевичъ донесъ Корпусному Командиру, отъ 3-го числа, слѣдующимъ образомъ:

«Начало дѣйствій нашихъ противъ вѣроломныхъ Персіанъ, Бога благодаря, увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ.

«Сего числа въ 2 часа пополудни, близъ Шамхора, непріятель, имѣя подъ главнымъ предводительствомъ Махметъ-Мирзы, и подъ начальствомъ Аминъ-Ханъ Сардаря, одной недавно прибывшей изъ Карабаха Шахской гвардіи 2,000 Сарвазовъ, находившейся въ командѣ сына Алахаръ-Хана,

Махметъ-Кули-Хана и брата его Алаверды Хана, 4 орудія артиллеріи, 20 фальконетовъ и 8,000 кавалеріи, составленной изъ Кюртъ-Хожеванцевъ, Абдуль-Машки и Бахтіяра, подъ начальствомъ Махметъ-Рафи-Хана, племянника Алаяръ-Хана, Махметъ-Заманъ-Хана, брата Аминъ-Хана Сардаря и Новрузами Хана-Куртинскаго, и выстроясь на правомъ берегу рѣчки Шамхоръ въ боевой порядокъ, встрѣтилъ войска наши, по приближеніи къ Шамхору, сильнымъ пушечнымъ огнемъ; но мужествомъ и необыкновенною храбростію войскъ нашихъ многочисленный непріятель сей совершенно разбитъ и преслѣдуемъ былъ почти до самаго Елисаветполя.

«Трофеи сей славной побѣды суть слѣдующіе: 1 орудіе Англійской артиллеріи, нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, 11 фальконетовъ *), бывшихъ на верблюдахъ съ разноцвѣтными значками; кромѣ сего потеря непріятельская, не числа оставшіяся въ полѣ сраженія тѣла, простирается убитыми до 2,000 человекъ, не включая въ сіе число двухъ хановъ изъ конницы Абдульмалька; плѣнныхъ же 67 **). Судя по доказательству послѣднихъ, вѣрно убитъ самъ Аминъ-Ханъ Сардаръ, ибо одному изъ храбрыхъ нашихъ казаковъ, которымъ овъ заколотъ, досталась верховая его лошадь, по богатому убору признанная принадлежащею ему.

«Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ изъ казаковъ 3, изъ ополченій 9, и ранено изъ казаковъ 4, а изъ ополченія 11.

«Поздравляя Ваше Высокопревосходительство отъ всего войска, мнѣ вѣреннаго, съ сею славною побѣдою, честь имѣю присовокупить, что о подробности сего дѣла, служащаго новымъ доказательствомъ непобѣдимости воиновъ нашихъ, равно какъ и объ отличившихся храбрыхъ моихъ подчиненныхъ, буду имѣть честь донести завтрашняго числа по прибытіи въ Елисаветполь, куда въ полночь и высту-

*) Въ книгѣ *Жизнь генералъ лейтенанта князя Мадатова* (стр. 103) показано взятыми 12 фальконетовъ; одинъ лашный противъ здѣсь означенныхъ долженъ бытъ названъ орудіемъ, упоминаемымъ въ числѣ трехъ брошенныхъ, ибо найдено только два.

**) По той же книгѣ взято въ плѣнъ 100 джамбазовъ и артиллеристовъ Шахской гвардіи.

паю съ отрядомъ; до того же времени податель сего донесенія, состоящій при мнѣ 42-го Егерскаго полка Поручикъ Скаржинскій, посылаемый съ Княземъ Аги Авдрониковымъ и поручикомъ Хаджи-Махметъ-Агою, Казахскимъ, будетъ имѣть счастье о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ и неимовѣрномъ пораженіи непріятеля изложить Вашему Высокопревосходительству словесно.

«Отъ плѣнныхъ, коихъ съ трофеями неумедлю препроводить въ Тифлисъ, получилъ я достовѣрное свѣдѣніе, что бѣглый Царевичъ Александръ 1-го числа сего мѣсяца съ 300 человекъ конницы переправился въ Донары, о чемъ Вашему Высокопревосходительству имѣю честь довести».

Въ другомъ рапортѣ, чрезъ день, отъ 5-го сентября, Мадатовъ доносилъ Алексѣю Петровичу еще слѣдующее объ этомъ славномъ дѣлѣ:

«Слѣшу Вашему Высокопревосходительству довести, что г. Елисаветполь вчерашняго числа войсками нашими заняты безъ выстрѣла. Бывшіе въ крѣпости 1,500 чел. Марагскихъ Сарвазовъ, подъ командою Назирали-Хана, узнавъ о разбитіи Махметъ-Мирзы и бѣгствѣ его съ разбѣяннымъ по полямъ войскомъ прямо къ Куракчаю, боясь быть захваченными, немедленно бѣжали туда же съ такою поспѣшностію, что хотя по прибытіи моемъ сюда на разсвѣтѣ были посланы до Куракчая для преслѣдованія казаки, ихъ уже не застали и по усталости лошадей, бывшихъ въ продолженіе сутокъ въ непрерывномъ дѣйствіи, принуждены были возвратиться. Невозможно изобразить, въ какомъ страхѣ и безпорядкѣ происходило бѣгство непріятеля даже близъ Зейвы, гдѣ видѣлъ сіе братъ Подпоручика Мирзы-Адею-Зяля, явившійся ко мнѣ сего числа. Два лагеря съ палатками, наполненными разными жизненными припасами и въ крѣпости до 1,000 четвертей пшеницы и до 100 пудъ пороху и свинца, достались побѣдителямъ. Къ трофеямъ, пріобрѣтеннымъ симъ славнымъ дѣломъ, едва ли не должно присоединить еще 3 орудія артиллеріи, ибо сего числа уведомили меня жители, что они видѣли оныя брошенными въ лѣсу близъ Карабасана: что случится весьма могло отъ безпорядка во время бѣгства, къ коему стремились прежде всѣхъ предводитель войскъ Махметъ-Марза и другіе начальники. Для

отысканія сихъ орудій я отрядилъ часть войска, и сегодня получу объ оныхъ достовѣрныя извѣстія.

«Изъ Карабаха начали являться Армяне и Татары, которые объявили мнѣ, что большая часть жителей тамошнихъ приготовлены къ отправленію за Араксъ. Для воспрепятствованія Персіянамъ въ семъ предпріятіи, я считаю весьма нужнымъ ускорить мое прибытіе въ Карабахъ, на каковой конецъ и испрашиваю Вашего Высокопревосходительства присылки ко мнѣ войскъ не болѣе 3-хъ баталіоновъ пѣхоты и одного Казахскаго полка.

«Полученное въ ночь вчерашняго числа изъ Карабаха отъ Полковника Реута на имя Вашего Высокопревосходительства письмо чрезъ самого доставителя, Армянина Афи и Казахскаго Таги-Бека, который лично будетъ имѣть счастье изобразить здѣшнія обстоятельства, имѣю честь при семъ представить. Подробное же донесеніе бывшему дѣлу я не замедлю прислать вслѣдъ за симъ, какъ только получу хотя малѣйшее свободное время.

«По розысканіямъ и новымъ доказательствамъ, не подвержено сомнѣнію, что Амсугъ-Ханъ-Сардаръ въ семъ дѣлѣ убитъ; о чемъ считаю неизлишнимъ Вашему Высокопревосходительству доложить.»

Не довольствуясь этими двумя рапортами, сообщаемъ еще нѣкоторыя любопытныя подробности о Шамхорской побѣдѣ.

Приготовляясь принять сраженіе, князь Мадатовъ расположилъ отрядъ свой въ трехъ кареяхъ, между которыми размѣщена была артиллерія. Потомъ онъ отѣхалъ за полверсты впередъ и обозрѣвъ непріятельскую позицію, приказалъ артиллеріи подаваться. Орудія выѣхали изъ кареевъ. Князь поставилъ двѣ батареи, каждую въ четыре орудія, и приказалъ одной дѣйствовать противъ центра непріятельскаго, а другой противъ лѣваго фланга, гдѣ была многочисленная конница. Казаки же были поставлены на правый флангъ, а Грузинская и Татарская конница на лѣвый.

Непріятель, рѣшившійся упорно сопротивляться, встрѣтилъ приближавшіяся Русскія войска, по выраженію доне-

сенія Ермолова Государю отъ 7-го сентября *)—«довольно сильною пальбою вмѣстѣ съ ружейнымъ огнемъ.» Персидская пѣхота выдерживала съ твердостью мѣткіе выстрѣлы нашихъ орудій, но въ толпахъ непріятельской конницы они произвели большой вредъ и она была сбита и приведена въ замѣшательство. Едва замѣтивъ смятеніе, Мадатовъ велѣлъ кареямъ быстро подаваться впередъ, и самъ повелъ ихъ въ дѣло. Весело и смѣло пошло войско, вдохновенное безстрашіемъ начальника; забыто было число непріятеля, забыты и крѣпость его позиціи, и выгода, доставляемая ему укрѣпленіями; увѣренность въ побѣду оживила всѣхъ. Твердо шли баталіоны безъ выстрѣла, помня чудеса Русскаго штыка; съ криками «ура!» бросились стрѣлки черезъ рѣку на ядра и пули; на фланги непріятеля стремительно неслась кавалерія. Въ это мгновеніе, когда невѣроятная отвага нашего войска уже поколебала Персіанъ, вдругъ въ тылу нашихъ колоннъ поднялись столбы пыли. Это былъ обозъ, приближавшійся на рыскахъ въ два ряда, по приказанію князя Мадатова, знавшаго, какъ видъ такого мнимаго резерва подѣйствуетъ на пугливое воображеніе Азіатскаго непріятеля. Ужасъ объялъ Персіанъ. Магметъ-Мирза первый обратился въ бѣгство, оставя пѣхоту на жертву казакамъ и Грузинской и Казахской конницѣ, которые стремительно ударили на бѣгущихъ и отрѣзали имъ отступленіе. Тогда нестройныя толпы непріятеля, пришедшія въ величайшее замѣшательство и страхъ, могли противоставить только весьма слабое сопротивленіе. Гвардія Шаха, составленная изъ лучшихъ Джамбазовъ, была истреблена, конные и пѣшіе разсыпались по сторонамъ дороги, надѣясь тамъ найти спасеніе въ бѣгствѣ. Но конница наша повсюду отыскивала непріятеля и не щадила его; на пространствѣ семи верстъ, дорога и поля усыяны были трупами.

Изъ числа упомянутыхъ Зорудій, брошенныхъ Персіанами, найдено было только два. На мѣстѣ сраженія дѣйствительно палъ самъ главнокомандовавшій Персидскихъ войскъ, зять Шаха, Амиръ-Ханъ-Сардаръ, заколотый пикой казака, и

*) С.-Петербургскія Вѣдомости № 77. Въ Жизни генерал-лейтенанта князя Мадатова (стр. 102) сказано только следующими словами изъ пушекъ.

двое другихъ замѣчательныхъ начальниковъ: Ирза-Ханъ и Мирза-Ханъ.

Число плѣнныхъ было бы гораздо значительнѣе, если бы наша кавалерія была нѣсколько сильнѣе; но она состояла только изъ 800 человекъ.

Князь Мадатовъ съ двумя легкими орудіями и казаками преслѣдовалъ непріятеля; быстрота нужна была, какъ для увеличенія страха Персіанъ, такъ и для спасенія христіанскихъ жителей отъ жестокостей Назаръ-Али-Хана, оставленнаго Аббасъ-Мирзою для обороны Елисаветополя. Но какъ уже день склонялся къ вечеру, а войско съ самаго разсвѣта безирестанно было въ дѣйствиіи или на маршѣ и, сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 50 верстъ, утомилось; то Князь долженъ былъ дать побѣдителямъ время подкрѣпить силы и велѣлъ конницѣ дожидаться пѣхоты. По ея приближеніи, Валеріанъ Григорьевичъ весело ее встрѣтилъ и, обходя ряды, поздравлялъ солдатъ съ побѣдою. «Вы Русскіе воины,—говорилъ Князь,—я съ вами никогда не буду побѣжденъ; мы Персіанъ не только здѣсь, но и вездѣ разобьемъ.»—«Рады стараться, Ваше Сіятельство!»—отвѣчали солдаты. Имъ приказано было дать по чаркѣ водки предъ ужиномъ, и по другой предъ выступленіемъ, и послѣ двухъ часовъ отдыха готовиться опять къ преслѣдованію.

Въ полночь колонны тронулись; Мадатовъ взялъ казачій полкъ, въ которомъ было не болѣе 200 человекъ, съ двумя легкими орудіями, и понесся впередъ къ Елисаветполю, думая застать тамъ непріятеля и напасть на него въ расплохъ. Проѣхавъ 10 верстъ, онъ встрѣтилъ жителей съ донесеніемъ, что Назаръ-Али-Ханъ, устрашенный битвою при Шамхорѣ, бѣжалъ съ такою поспѣшностію, что не успѣлъ истребить собранныхъ имъ запасовъ и довершить тиранства надъ христіанскими жителями. Непріятель также оставилъ на произволъ побѣдителя одно изъ главнѣйшихъ въ Персіи духовныхъ лицъ, Имамъ-Гуссейна, извѣстнаго фанатика, который поддерживалъ духъ Персіанъ, увѣряя ихъ, что по его молитвѣ ядра и картечь не могутъ имъ вредить. Князь Мадатовъ жалѣлъ, что не могъ достигъ бѣгущихъ и, почитая уже ненужнымъ слѣдовать впередъ, оставившись, дождался пѣхоты, далъ ей краткій отдыхъ, и 4-го сентября съ восходомъ солнца явился у Елисаветполя.

Народъ, предшествуемый духовенствомъ въ полномъ облаченіи, встрѣтилъ Валеріана Григорьевича, какъ избавителя, со слезами благодарности и кликами радости. Колонны стали въ должномъ порядкѣ, и духовенство служило благодарственный молебень за посланіе Русскихъ для избавленія отъ врага; жители подносили войскамъ хлѣбъ, соль, плоды и даже обнимали коляна предводителя. Все ожило въ мрачномъ предъ тѣмъ Елисаветполѣ и въ роскошныхъ садахъ раздались пѣсни; восклицанія «Кочагъ Мадатовъ» (молодецъ Мадатовъ) повторялись безпрестанно.

Въ крѣпости было найдено: пороховый магазинъ, въ которомъ, по освидѣтельствованію, оказалось пороху почти вдвое болѣе первоначально означеннаго въ рапортѣ, — именно около 200 пуд., и сверхъ того: до 2,500 ядеръ гранатъ и 11 ящиковъ картечныхъ пуль, около 500 гранатныхъ трубокъ, до 100 пуд. свинцу, 4 ящика ружейныхъ патроновъ, полящика ружейныхъ кремней и много разнаго калибра картечныхъ жестянокъ; провіанту оказалось тоже болѣе, чѣмъ полагали первоначально, именно 1,500 четвертей пшеницы и 100 четвертей ячменя.

Мадатовъ, представляя Ермолу отъ 10-го сентября обѣщанныя подробности Шамхорскаго дѣла, заключилъ донесеніе свое словами: «такъ храбрые войны Императора нашего исполнили приказаніе Вашего Высокопревосходительства: идти съ малыми силами и побѣдить непріятеля *въ пять разъ* числомъ превосходившаго.»

Рѣшившись атаковать противника, несравненно сильнѣйшаго числомъ, занимавшаго укрѣпленную позицію, гордаго нѣкоторыми успѣхами, и неутратившаго еще того порыва, съ которымъ обыкновенно начинается наступательная война, Мадатовъ, такъ сказать, сосредоточилъ всѣ свои блистательныя военныя способности. Онъ чувствовалъ, что отъ него зависѣли спасеніе края отъ бѣдствія, честь оружія Русскаго, и не остался ниже тяжскихъ потребностей этой минуты. Распорядившись со всѣмъ искусствомъ полководца опытнаго, онъ былъ еще и первымъ солдатомъ своего отряда. Вездѣ въ пылу сраженія, передъ фронтомъ въ смѣлой атакѣ, спокойно раздавая приказанія, своей рукой наводя орудія, хладнокровный и стремительный, онъ разжигалъ сердца воиновъ и непреодолимо увлекалъ ихъ по пути къ побѣдѣ, имъ же на-

чертанному. Когда огонь направляемъ былъ въ особенности на Князя и окружавшіе говорили ему: «васъ видятъ, въ васъ мѣтять»; — «тѣмъ лучше, что меня видятъ, скорѣе убьютъ», — хладнокровно отвѣчалъ онъ. Увидѣвъ солдата, кивнушаго головой въ то время, какъ просвистало подлѣ него непріятельское ядро, онъ сказалъ ему шутя: «Что ты кланяешься, вѣдь это только 6-ти фунтовое.»

Наконецъ, сообщаемъ предписаніе Ермолова, на донесеніе Мадатова, какъ мнѣніе знаменитаго вождя, всегда дорога для Кавказцевъ *):

«Господину Генералъ-Маіору и Кавалеру Князю Мадатову.»

«Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я рапортъ Вашего Сіятельства объ успѣхѣ, пріобрѣтенномъ войсками подъ начальствомъ Вашимъ. Обстоятельство сіе, чрезвычайно полезное для общей связи дѣлъ, должно произвести ужасное впечатлѣніе на непріятеля, которое слѣдующимъ впредь войскамъ много облегчитъ успѣхи.

«Я со вниманіемъ распросилъ присланнаго Вами офицера, и пріятно было мнѣ усмотрѣть, что совершенное разсѣяніе значительныхъ силъ, нанесенный непріятелю чрезвычайный уронъ, произведены не только не всѣми войсками Вашими, но почти безъ дѣйствія пѣхоты, которая составляла главную Вашу силу. Я долженъ отнести сіе къ познанію Вами непріятеля и что искусно воспользовались Вы благоприятною минутою. Сіе даетъ мнѣ мѣру того, что можно произвести, употребивъ пѣхоту вашу, и какимъ непріятеля силамъ противостать можно съ совершенною на успѣхъ надеждою.

«Согласенъ съ мнѣніемъ Вашего Сіятельства, что едвали разбитый непріятель остановится въ Елисаветполѣ, ибо когда въ сраженіи были и сынъ Аббасъ-Мирзы и Амиръ-Ханъ-Сардаръ, то вѣроятно, что ихъ сопровождали всѣ въ распоряженіи ихъ состоящія войска и нѣтъ резерва въ Елисаветполѣ.

«Ожидать можно, что Аббасъ-Мирза, принявъ къ сердцу нанесенное пораженіе, вышлетъ въ подкрѣпленіе конницу, не имѣя нужды въ оной при блокадѣ Шуши; на противъ того

*) Отъ 7-го сентября 1826 изъ Тифлиса, за № 357.

Ваше Сіятельство примите нужныя предосторожности до прибытія прочихъ нашихъ войскъ.

«Принесли Вашему Сіятельству благодарность за начало, поистинѣ столько блистательное, я съ равною признательностію вижу усердіе храбрыхъ товарищей моихъ, бывшихъ подъ Вашимъ начальствомъ, которыхъ, увѣренъ я, не разъ еще будете Вы провождать къ побѣдѣ.»

Послѣдствія Шамхорскаго сраженія были чрезвычайно важны. Возвративъ намъ Елисаветполь, оно унизило высокомѣріе непріятели, успокоило умы обитателей Грузіи, съ трепетомъ видѣвшихъ Персидскія знамена съ одной стороны въ 160 верстахъ отъ Тифлиса, а съ другой въ 60-ти. Вся надежда возмутившихся Мусульманскихъ провинцій и Татарскихъ дистанцій на блистательные успѣхи Персіянъ разсѣялась какъ дымъ. Они съ ужасомъ увидѣли, что первый шагъ наступательныхъ дѣйствій Русскихъ войскъ, не смотря на превосходство въ числѣ Персіянъ, ознаменовался рѣшительною побѣдою. Молва объ этомъ событіи, съ быстротою молнии, пронеслась до Аракса и привела въ недоумѣніе колебавшихся въ вѣрности. Но самымъ важнымъ послѣдствіемъ было освобожденіе Шуши, которую осаждалъ самъ Аббасъ-Мирза съ главною арміею.

Мины, веденныя подъ стѣну, были почти готовы, и Аббасъ-Мирза рѣшился уже брать крѣпость штурмомъ, какъ вдругъ извѣстіе о пораженіи передовыхъ его войскъ при Шамхорѣ принудило его, 5-го сентября, отступить отъ Шуши *). Усиленнымъ маршемъ, съ главными своими сила-

*) Вотъ официальное донесеніе объ этомъ отступленіи:

Господину Генералъ-Маіору и Кавалеру Князю Мадатову.

Полковника Реута

Р а п о р т ъ.

Побѣда Вашего Сіятельства при Шамхорѣ нанесла ужасъ и здѣсь Персіянамъ. Аббасъ-Мирза, который располагалъ, съ окончаніемъ минъ подъ крѣпостную стѣну, штурмовать на дняхъ крѣпость Шушу, узнавъ о совершенномъ разбитіи Вашимъ Сіятельствомъ передовыхъ войскъ его, самъ, съ бывшими здѣсь при немъ большими силами, внезапно 5-го числа сего мѣсяца отступилъ отъ крѣпости къ рѣкѣ Тертеру, гдѣ, какъ слышно, оставшись только съ частію легкихъ войскъ для наблюденія движенія Вашего Сіятельства, боль-

ми двинулся онъ на встрѣчу князя Мадатова, и спѣшилъ сосредоточить всю свою армію на рѣкѣ Тертерѣ. Тутъ присоединились къ нему разбитый при Шамхорѣ отрядъ и корпусъ Алаяръ-Хана, другаго зятя Шахова, съ 8,000 Джамбазовъ и 6-ю орудіями.

Князь Мадатовъ, готовый ихъ встрѣтить, донесъ объ этомъ движеніи Ермолову, представляя необходимость усилить войска, и въ то же время приказалъ оставленнымъ

шую часть слѣдъ своихъ отправилъ для переселенія изъ Карабаха деревень и кочеваго народу на Араксъ, куда и тягости его отосланы Мехти-Ханъ съ своею конницею также поспѣшаетъ переселять отсель народъ, но многіе ему въ томъ противятся. Ежели Ваше Сіятельство изволите ускорить сюда прибытіемъ, то, полагаю, большая часть народа останется въ Карабахѣ, ибо многіе и отъ самаго Аракса возвратятся. Я теперь разослалъ во всѣ мѣста нарочныхъ людей съ извѣстіями о слѣдованіи Вашего Сіятельства съ большими силами и о побѣдахъ надъ Персіянами. Убѣждаю всѣхъ не переходить отсель, и собравшись въ крѣпкія мѣста, сопротивляться усилію непріятели, увѣряя, что Начальство наше ни мало не обвиняетъ ихъ въ измѣнѣ, и всегда пешишь будетъ о ихъ благѣ и спокойствіи. По малому количеству силъ я не могъ безъ приближенія Вашего Сіятельства ни перерѣзать дороги непріятели, ни преслѣдовать онаго, и отъ того теперь Мехти-Ханъ въ переселеніи народа, можетъ быть, возымѣетъ нѣкоторый успѣхъ. Но когда изволите прибыть Ваше Сіятельство на Тертеръ, то не благоугодно ли будетъ съ увѣдомленіемъ о томъ меня разрѣшить съ частію войскъ изъ крѣпости на легкахъ податься чрезъ горы къ Араксу для остановленія кочевья; или, еще лучше, удостоите снабдить отъ себя частію кавалеріи, потому что, за падежемъ здѣсь отъ холоду Казацкихъ лошадей, я имѣю только двадцать человекъ конныхъ.

Беки всѣ и ихъ семейства находятся у меня подъ строгимъ наблюденіемъ. Крѣпость Шуша, которая безъ повелѣнія Начальства никогда оставлена бы не была непріятели, до тѣхъ поръ, пока здѣсь войска Государя живы, получа нынѣ свободу, ожидаетъ скорѣйшаго прибытія Вашего Сіятельства, и всѣ въ оной нетерпѣливо желаютъ изъявить вамъ свое поздравленіе. По отступленіи Персіянъ, я нѣсколько поправился провіантомъ изъ остатковъ, найденныхъ въ ближайшихъ деревняхъ, но весьма мало; только одинъ недостатокъ хлѣба болѣе всего меня утрашалъ, и кромѣ голода, я ничего не боялся.

Крѣпость Шуша.

№ 1052.

11-го сентября 1826 года.

на рѣкѣ Акстафѣ, для прикрытія сообщенія съ Тифлисомъ, двумъ баталіонамъ Грузинскаго и Херсонскаго Гренадерскихъ полковъ и Нижегородскому Драгунскому слѣдовать усиленнымъ маршемъ и присоединиться къ нему, а между тѣмъ сталъ готовится къ генеральному сраженію, которое онъ, по своимъ соображеніемъ, считалъ неминуемымъ и необходимымъ. Но въ это самое время получилъ онъ предписаніе отъ генераль-адъютанта Паскевича, прибывшаго въ Грузію, удерживаться отъ дѣйствій до его пріѣзда въ отрядъ. Въ ночи на 10-е сентября Паскевичъ достигъ Елисаветполя съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 6½ баталіоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ драгунъ, двухъ казачьихъ полковъ, нѣсколькихъ сотенъ Татарскаго и Грузинскаго конныхъ ополченій и 22 орудій, и принялъ начальство надъ всѣми войсками.

11-го и 12-го сентября начали показываться отряды непріятельской кавалеріи, которые, подъ личнымъ предводительствомъ Аббасъ-Мирзы, рекогносцировали расположенный близъ Елисаветполя отрядъ нашихъ войскъ. Паскевичъ рѣшился, 13-го сентября, въ 9 часовъ утра, идти на встрѣчу непріятелю. Но, до разсвѣта еще, пришли къ намъ въ лагерь два Армянина, изъ которыхъ одинъ былъ у Аббасъ-Мирзы переводчикомъ Русскаго языка и нѣкогда служилъ въ домѣ Мадатова, и извѣстили князя Валеріана Григорьевича, что Персіяне, оставивъ за Тертеромъ *) тяжести, уже перешли, со всѣми своими силами, рѣку Куракчай, и подвигаются впередъ, чтобъ внезапно атаковать наши войска. Князь Мадатовъ немедленно донесъ объ этомъ Паскевичу, отъ котораго и были отданы необходимыя приказанія. Отрядъ въ боевомъ порядкѣ двинулся на встрѣчу непріятелю, который между тѣмъ сосредоточился въ 9 верстахъ **) отъ города. Персидскія войска состояли изъ 15,000 регулярной пѣхоты, 20,000 кавалеріи и нерегулярной пѣхоты, при 26-ти орудіяхъ, не считая множества фальконетовъ, подъ глав-

*) А не за Терекомъ, какъ ошибочно напечатано въ книгѣ *Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова*, стр. 111.

**) По книгѣ *Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 111) въ 7 верстахъ.

нымъ предводительствомъ Аббасъ-Мирзы, подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго находились Магмедъ-Мирза и Алаяръ-Ханъ; резервами командовалъ второй сынъ Аббасъ-Мирзы.

Сила всего нашего отряда не превышала 8,500 человекъ пѣхоты, драгунъ, казаковъ, Татаръ и Грузинъ, при 24-хъ орудіяхъ. Но Паскевичъ рѣшился дать сраженіе. Войска наши были раздѣлены на двѣ линіи съ резервомъ, и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: баталіонъ 41-го Егерскаго полка (раздѣленный, какъ вообще вся пѣхота, на двѣ полубаталіонныя колонны) составлялъ правое крыло первой линіи, два казачьихъ полка примыкали къ нему съ правой стороны; въ центрѣ первой линіи находилось 12 орудій Кавказской Гренадерской бригады № 1-го роты; лѣвое крыло состояло изъ баталіона Ширванскаго *) пѣхотнаго полка; Татарское и Грузинское конныя ополченія примыкали къ нимъ съ лѣвой **) стороны. Во второй линіи: баталіонъ 7-го Карабинернаго полка стоялъ позади баталіона 41-го Егерскаго полка во сто саженьяхъ; вправо устроенъ былъ каре изъ двухъ ротъ 7-го Карабинернаго полка и двухъ легкихъ орудій; позади Ширванскаго пѣхотнаго баталіона находился баталіонъ Грузинскаго Гренадерскаго полка, имѣя влѣвѣ каре изъ двухъ ротъ того же полка, съ двумя орудіями легкой артиллеріи. Этими двумя передними линіями командовалъ князь Мадатовъ. Нижегородскій Драгунскій полкъ стоялъ по дивизионно противъ интерваловъ первыхъ двухъ линій; позади этого полка находился резервъ изъ 6-ти ротъ Херсонскаго Гренадерскаго полка и 6-ти орудій артиллеріи.

Чтобъ воспользоваться временемъ, которымъ должно было дорожить, 10 орудій и баталіонъ Грузинскаго Гренадерскаго полка двинулись послѣдно впередъ и, въ 7-ми верстахъ отъ Елисаветполя, встрѣтивъ непріятеля,

*) Зубовъ въ книгѣ *Подвиги Русскихъ войскъ въ странахъ Кавказскихъ* (IV, 52) ошибочно называетъ этотъ баталіонъ Тифлисскимъ.

**) По книгѣ *Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 113) — съ правой стороны.

заняли выгодную позицію и открыли сильный огонь. Велѣдъ за тѣмъ подошли и прочія войска.

Быстро подвигались впередъ Персіяне, обхватывая грознымъ полукругомъ малочисленный Русскій отрядъ. Намѣреніе ихъ было атаковать мгновенно на всѣхъ пунктахъ и, окруживъ насъ съ обоихъ фланговъ, такъ сказать, сдавить своею массою. Привычныя къ боямъ и опасностямъ, воины Русскіе изумились многочисленности непріятеля, но не надолго. Спокойствіе главнаго начальника ободрило ихъ; веселая увѣренность начальника переднихъ линій была для нихъ ручательствомъ въ побѣдѣ. Скорымъ движеніемъ стѣснялся полукругъ наступавшихъ Персіянъ; твердо и неподвижно стоялъ отрядъ Русскій. Князь Мадатовъ обходилъ войска, устраивалъ ряды пѣхоты, располагалъ орудія и не только указывалъ мѣста, на которыя слѣдовало устремлять удары, на своеручно наводилъ пушки. — «Ребята, — говорилъ онъ солдатамъ, — не жалѣйте пролить крови за Государя!» Къ казакамъ подъѣзжая, прибавлялъ: — «держитесь часъ, непріятель подается;» — а пѣхоту, которая, по его приказанію, сбросивъ ранцы, уже нетерпѣливо рвалась впередъ, удерживалъ словами: — «стой, подпускай Персіянина; ему труднѣе будетъ уходить.»

Ближе и ближе подходили Персіяне. 18 баталіоновъ Сарвазовъ, подвигаясь къ нашей передовой линіи, открыли правильный и сильный батальный огонь, поддерживаемый артиллеріею. Наши не отвѣчали, не трогались, а глядѣли на начальника, побѣдившаго при Шамхорѣ. Изумленный такою неподвижностью, непріятель медленнѣе сталъ подаваться впередъ. — Когда уже разстояніе ста шаговъ отдѣляло его отъ насъ, князь Мадатовъ, получивъ приказаніе Паскевича, командовалъ: — «впередъ! ура!» — и, съ этимъ крикомъ, повтореннымъ всею первою линіею, бросились воины за любимымъ вождемъ. Баталіоны Шарванскаго, Грузинскаго и 41-го Егерскаго полковъ двинулись въ штыки, подкрѣпленные дивизиономъ драгунъ, проложили себѣ путь въ самую средину баталіоновъ Персидскихъ, разбросали ихъ въ обѣ стороны и опрокидывали все имъ встрѣчавшееся. Разсѣянные Сарвазы бѣжали въ безпорядкѣ. Непріятельская артиллерія, боясь прибли-

женія нашей пѣхоты, умолкла и поспѣшно отступила. — «Симъ разорвали мы совершенно связь въ дѣйствіяхъ непріятеля», — писалъ Паскевичъ въ своемъ донесеніи къ Ермолову.

Между тѣмъ, какъ это происходило въ центрѣ, непріятельскія войска расположенныя на флангахъ, подъ командою Алаяръ-Хана, состоя изъ густыхъ массъ пѣхоты Джамбасъ-Бахтіяра и 12,000 кавалеріи, усиливались окружить наши флаги и напирали отчаянно. Для удержанія ихъ, Паскевичъ послалъ изъ резерва баталіонъ Херсонскаго Гренадерскаго полка, подкрѣпленный дивизиономъ драгунъ при 4-хъ орудіяхъ. Двинувшись лѣвымъ флангомъ, баталіонъ опрокинулъ наступавшаго непріятеля на правомъ его крылѣ и, принудивъ его къ отступленію, преслѣдовалъ своею кавалеріею. На противоположномъ флангѣ сраженіе продолжалось упорнѣе: непріятель, обойдя нашу линію, загналъ казаковъ почти до Елисаветполя; пѣхотою же сильно потѣснилъ двѣ роты Херсонскихъ гренадеръ и дивизионъ драгунскаго полка, занимавшихъ, съ двумя орудіями, позицію на оконечности этого фланга. Паскевичъ, пользуясь неосторожнымъ отдаленіемъ этой части Персидскаго войска отъ главныхъ силъ, приказалъ 4 ротамъ 7-го Карабинернаго полка, которые еще не были въ дѣлѣ, выступить на подкрѣпленіе. Войска эти, соединившись, опрокинули Персіянъ и, отбросивъ ихъ къ хребту горъ, составлявшему тогда границу Россіи съ Персіею, отрѣзали имъ отступленіе. Преслѣдованіе этой отрѣзанной части войскъ поручено было князю Мадатову. Онъ съ эскадрономъ драгунъ и 4 орудіями догналъ и разсѣялъ непріятельскую конницу; одна часть ея въ безпорядкѣ бросилась къ Курѣ, а другая въ горы. Потомъ Князь окружилъ остатки 6-ти баталіоновъ пѣхоты, составлявшихъ лѣвый флангъ и укрѣпившихся на горѣ, поставилъ 4 орудія и велѣлъ дѣйствовать картечью на перекрестъ. Сарвазы, со всѣхъ сторонъ окруженные, долго еще держались, укрываясь въ своихъ шанцахъ. Посланый къ нимъ переводчикъ съ предложеніемъ о сдачѣ возвратился безъ успѣха. Князь Мадатовъ подъѣхалъ къ нимъ самъ и объявилъ имъ, на ихъ языкѣ, что если они желаютъ сдаться, то сейчасъ бы бросили съ кургана внизъ свое

оружіе. Персіане, видя, что самъ начальникъ дѣласть имъ предложеніе, и увѣрясь въ бесполезности сопротивленія, въ числѣ 980 чаловѣкъ *), съ двумя знаменами, двумя баталіонными командирами и семью офицерами, положили оружіе.

Между тѣмъ Паскевичъ съ Грузинскимъ Гренадерскимъ полкомъ и двумя баталіонами Ширванскаго полка съ 12 орудіями, съ драгунами и казаками преслѣдовалъ непріятеля 12 верстъ по большой дороги до рѣчки Карагчая; но отступленіе Персіанъ было такъ поспѣшно, что наши не могли ихъ догнать, однако взяли богатый лагерь, въ которомъ и остановились. Поздно уже вечеромъ, безъ голоса, весь покрытый пылью, князь Мадатовъ возвратился съ плѣнными. Паскевичъ обнялъ его, благодарилъ и на разсвѣтѣ приказалъ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля **).

Взявъ съ собою два баталіона, полкъ казаковъ и 4 орудія, князь Мадатовъ съ конницею пустился усиленнымъ маршемъ за непріателемъ и гвалъ его 23 версты. Аббасъ-Мирза, узнавъ объ этомъ преслѣдованіи, до того ускорилъ свое бѣгство, что приказалъ пѣхотѣ сѣсть на лошадей вмѣстѣ съ кавалеристами, такъ, что на одной лошади было по два всадника, и 15-го сентября самъ, а 17-го разбитая его армія, переправились за Араксъ; 18-го уже ни одного непріятеля не оставалось въ Карабахѣ. Аббасъ-Мирза съ небольшимъ числомъ людей прискакалъ въ Тавризъ, а Персидскія нерегулярныя войска разбѣжались по областямъ, пограничнымъ съ нашими владѣніями, и повсюду распространили страхъ: бѣжавшихъ преслѣдовали такъ быстро, что они по дорогѣ бросали все свои тяжести, вьюки и лошаковъ. Трудно изобразить, какое сильное впечатлѣніе произвело на Персіанъ и нашихъ подданныхъ столь скорое и рѣшительное истребленіе многочисленной арміи. Не въ одномъ Елисаветполѣ и Грузіи, но и въ самой Персіи сочи-

*) По Зубову (тамъ же IV, 57)—950 чаловѣкъ.

**) *Жизнь князя Мадатова* (стр. 112—117) и другія обнародованныя описанія Елисаветпольскаго сраженія. Но одинъ изъ участниковъ побѣды, генералъ Шабельскій, совершенно иначе говоритъ объ этихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ Мадатова. Свидѣтельство многоуважаемаго генерала мы помѣстимъ въ его жизнеописаніи.

няемы были въ честь побѣдителей пѣсни: и подвиги ихъ, нераздѣльные съ именемъ князя Мадатова, воспламеняли воображеніе поэтовъ; храброе войско наше представлялось имъ какимъ-то грознымъ и истребительнымъ привидѣніемъ, которое повсюду являлось внезапно на пораженіе противниковъ.

Елисаветпольское сраженіе всегда будетъ составлять славную страницу въ нашей военной исторіи.

Государь Императоръ произвелъ 28-го сентября князя Мадатова «за отличіе» въ генералъ-лейтенанты, а 11-го октября въ ознаменованіе благоволенія Своего «къ отличной храбрости и благоразумнымъ распоряженіямъ», оказаннымъ имъ въ сраженіи 13-го сентября, какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ, Всемилостивѣйше пожаловалъ ему золотую саблю, съ надписью «за храбрость», алмазами украшенную.

Прибывъ въ Карабахъ, Мадатовъ узналъ, что Мехти-Кули-Ханъ съ Шахсеванцами старался увлечь все наши кочевыя племена за границу. Для воспрепятствованія этому, Князь тотчасъ разослалъ прокламаціи по всемъ провинціямъ въ которыхъ, изобразивъ вѣроломство Персіанъ, убѣждалъ жителей остаться государственными поселянами, возвратиться въ зимнія жилища и заниматься хозяйствомъ. Не довольствуясь этимъ, и считая полезнымъ разсѣять ложные слухи, распущенные Персіянами объ его смерти, и показать, что онъ по прежнему находится надъ ними начальникомъ, Валеріанъ Григорьевичъ взялъ 50 казаковъ изъ своего отряда и отъ рѣчки Хачина поскакалъ въ Шушу. Въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости встрѣтилъ его полковникъ Реутъ въ сопровожденіи духовенства и всего народа. Князь сошелъ съ лошади и съ умиленіемъ шель пѣшкомъ; съ городскихъ стѣнъ привѣтствовали его пушечною пальбою; по вступленіи же въ городъ раздались звуки воинской музыки и отдана была должная честь побѣдителямъ. Женщины и дѣти спѣшили къ нимъ на встрѣчу и благословляли своихъ избавителей отъ всехъ бѣдствій продолжительной осады и отъ голодной смерти. Все тѣснились вокругъ Мадатова; онъ былъ тронутъ до слезъ таковымъ приѣмомъ, благодарилъ жителей за вѣрность, преданность Государю и любовь къ Правительству, за храбрость, ими оказанную при защитѣ

крѣпости. Здѣсь онъ увидѣлъ зарево пожаровъ принадлежавшихъ ему селеній и прекраснаго дома въ Чивахчи, сожженныхъ по приказанію Аббасъ—Мирзы. Персіане истребили все, что только не могли увезти съ собою, и угнали табуны его лучшихъ лошадей. Но эта значительная потеря не остановила его дѣятельности.

Между тѣмъ убѣжденія Мадатова, по общей къ нему довѣренности, имѣли сильное вліяніе на жителей: кочевый народъ возвратился въ свои жилища, и даже обратилъ оружіе противъ Мехти—Кули—Хана, который желалъ увлечь его за границу. Удержавъ жителей отъ бѣгства, Князь приступилъ къ открытію провинціального суда и къ приведенію казеннаго хозяйства въ прежній порядокъ.

Такимъ образомъ, послѣ битвы, Валеріана Григорьевича ожидали новые труды и заботы по званію военнаго окружнаго начальника Карабахской провинціи, истощенной двухмѣсячнымъ пребываніемъ 60,000 Персидскаго войска. Для избѣжанія голода на будущій годъ надобно было принуждать жителей пахать и сѣять. Главныя затрудненія состояли въ продовольствіи одиннадцати—тысячнаго отряда Паскевича, расположеннаго въ лагерь при Черекенѣ, къ которому предписано было Мадатову, послѣ преслѣдованія Аббасъ—Мирзы до Аракса, отправить и свои войска. Князь неутомимо заботился о доставленіи продовольствія въ разоренномъ Карабахѣ и зная, что можно было бы въ изобиліи достать съѣстные припасы въ Шекинской и Ширванской провинціяхъ, просилъ Паскевича назначить ему небольшую часть войскъ, чтобы выгнать хановъ, ворвавшихся въ эти провинціи и неистовыми поступками содержавшихъ тамошнихъ жителей въ страхъ. Сверхъ того, ханы также дѣлали непрерывные набѣги по рѣкѣ Курѣ на сосѣдственныя Карабахскія селенія. Другой значительный отрядъ непріятельской конницы, находившійся въ окрестностяхъ Мигры, имѣлъ приказаніе дѣлать набѣги и грабить селенія, лежація на берегахъ рѣки Бургушата. Князь, не имѣя Русскихъ войскъ въ командѣ своей, долженъ былъ съ одною Карабахскою конницею оборонять границы. Одинъ, безъ Русскаго конвоя, разъѣзжая среди этихъ иноплеменниковъ, Мадатовъ умѣлъ внушить имъ довѣренность и, склонивъ ихъ исполнить его волю, собралъ жителей и, для охраненія ихъ отъ набѣговъ непрі-

теля, переселялъ по сю сторону Ахъ—Углана. Такимъ образомъ, учреждая по границѣ караулы и разъѣзды изъ вооруженныхъ туземцевъ, и рассылая новыя прокламаціи, Князь успокоилъ Карабахъ. Между тѣмъ Ширванскій ханъ, обобравъ жителей, наконецъ съ нѣсколькими сотами вьюками бѣжалъ въ Персію, и Ширванцы стали являться къ Мадатову, изъявляя готовность исполнить его требованія. Это сдѣлало возможнымъ привозъ провіанта изъ ихъ провинціи, и облегчало продовольствіе отряда Паскевича, который расположился на зимнихъ квартирахъ у Зардоба при рѣкѣ Курѣ, и далъ Мадатову шесть ротъ Грузинскаго полка, 4 орудія и казачій Молчанова полкъ (въ которомъ было не болѣе 100 казаковъ конныхъ, ибо всѣ лошади погибли отъ голоду во время осады Шуши) для охраненія отъ непріятельскихъ набѣговъ пограничной линіи по Араксу.

Въ первыхъ числахъ декабря князь Мадатовъ, по требованію Ермолова, бывшаго въ то время въ Нухинской провинціи, вызванъ былъ для личнаго совѣщанія, и получилъ секретное предписаніе сдѣлать экспедицію за Араксъ.

Будучи увѣренъ, что глубокой снѣгъ, покрывавшій горы со стороны ханства Нахичеванскаго, предохранитъ насъ отъ всякаго покушенія непріятели на томъ пунктѣ, Князь собралъ отрядъ свой у Ахъ—Углана и выступилъ къ Араксу, давъ предписаніе полковнику Мищенкѣ послѣшнѣе съ нимъ соединиться. Достигнувъ Аракса, Мадатовъ расположился на берегу этой рѣки, выше Худоперинскаго моста, одинъ баталіонъ 42—го Егерскаго полка съ Карабахскимъ ополченіемъ, состоявшимъ изъ Армянской пѣхоты и Татарской конницы, и приказалъ имъ стараться способствовать къ возвращенію на нашъ берегъ кочевыхъ Карабахцевъ, увлеченныхъ Персіанами, и отогнать далѣе отъ берега кочевья непріязненныхъ намъ народовъ, для прекращенія производимыхъ ими работъ.

28—го декабря, перешедши Араксъ, Мадатовъ соединился съ прибывшимъ изъ Джевата полковникомъ Мищенко *)

*) Официальное донесеніе отъ 12—го января 1827 года (*Русск. Изв.* 1827 г. № 26). Въ книгѣ *Жизнь генераль—лейтенанта князя Мадатова* (стр. 123) сказано наоборотъ: «28—го декабря, соединившись съ прибывшимъ изъ Джевата полковникомъ Мищенко, князь Мадатовъ перешелъ Араксъ».

и форсированнымъ маршемъ двинулъ войска свои по Деларуртскому ущелью къ Замбуру и достигъ этой рѣки прежде нежели Шахсеванцы, Аджалибцы и другія поколѣнія, кочевавшія около ея береговъ и производившія набѣги и грабежи по нашимъ границамъ, могли получить извѣстіе о приближеніи Русскихъ. Внезапное появленіе нашихъ войскъ произвело между ними большое смятеніе. Карабахская и Ширванская конница, подкрѣпляемая Карабахскими Армянами, бросились стремительно на кочевья. Жители, пораженные нечаянною, пришли въ замѣшательство, защищались слабо и разсѣялись въ безпорядкѣ, оставивъ въ добычу довольно значительное количество верблюдовъ, лошадей, крупнаго рогатаго скота и до 15,000 овецъ *) и множество другаго имущества. За тѣмъ до 500 семействъ кочевыхъ Карабахцевъ**), увлеченныхъ Персіянами сюда изъ предѣловъ нашихъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ, бывъ ограблены и брошены безъ средствъ къ возвращенію на прежнія мѣста свои, явились къ князю Мадатову съ покорностію, испросили дозволенія возвратиться на родину, и были отсланы въ Карабахъ.

Обнявъ вѣрнымъ взглядомъ дальнѣйшую возможность наступательныхъ дѣйствій, князь Мадатовъ постигъ, что нужно по крайней мѣрѣ еще разъ сильно поразить Шахсеванцевъ, чтобы распространить страхъ въ Персидскихъ предѣлахъ. Находя Мешкинскій округъ, по его мѣстоположенію, удобнѣйшимъ для дѣйствій, князь Мадатовъ счелъ необходимымъ сосредоточить ихъ кочевья въ этомъ округѣ. Чтобы исполнить такое намѣреніе, Князь распустилъ слухи, что идетъ въ ханство Талышское и продолжалъ движеніе медленно. Находившіеся тамъ Шахсеванцы, будучи обмануты этими слухами, и желая уклониться отъ нападенія Русскихъ на ихъ кочевья, съ крайнею поспѣшностію пересе-

*) Офиц. извѣстіе отъ 12-го января 1827 г. (*Русск. Инв.* 1827, № 26). По книгѣ *Жизнь князя Мадатова* (стр. 124) до 20,000, а по Зубову (*Подвиги русскихъ войскъ*, IV, 79) только до 1,400 овецъ.

**) По тому же официальному извѣстію эти кочевщики были только Карабахцы, но по книгѣ *Жизнь князя Мадатова* (стр. 124) часть ихъ была и изъ Ширванскаго ханства.

лились въ Мешкинскій округъ. Выступивъ, ночью 1-го января 1827 года, въ этотъ послѣдній округъ Князь узналъ, что его предположенія, основанныя какъ и всегда, на вѣрныхъ соображеніяхъ, оправдались. Чтобы совершенно воспользоваться оплошностію противниковъ, князь Мадатовъ лично съ передовыми войсками изъ 2 казачьихъ полковъ *), Карабахскою и Ширванскою конницею и Армянскою пѣхотою стремительно ударилъ на непріятеля. Шахсеванцы, вовсе не ожидая нападенія, бросились бѣжать въ разныя стороны, какъ бы гонимые невидимою силою. Отъ этого ихъ потеря не превышала убитыми только 28 человекъ; но добыча, пріобрѣтенная нашими войсками, была весьма значительна, и состояла изъ 2,000 верблюдовъ**), 10,000 рогатаго скота и 60,000 овецъ.

Бѣжавшіе Шахсеванцы распространили повсюду ужасъ, такъ что занятіе Лори, главнаго города Мешкинскаго округа, къ которому тотчасъ выступилъ Мадатовъ, произошло не только безъ кровопролитія, но даже безъ малѣйшаго покушенія со стороны непріятеля къ сопротивленію. Совершивъ довольно трудный переходъ чрезъ глубокія сѣнга, покрывавшія огромную гору Саватъ-Гядичъ, отрядъ Мадатова, изъ 11,000 разнаго войска, при 33 конныхъ и пѣшихъ орудій, приблизился къ городу Лори и у воротъ былъ встрѣченъ начальникомъ Мекшинскаго округа Ата-Ханомъ и братомъ его Шукуръ-Ханомъ, которые просили о пощадѣ и покровительствѣ. Успѣхи нашего оружія убѣдили ихъ въ заблужденіи, и они спѣшили доказать покорность свою, давъ, съ цѣлымъ округомъ, присягу на вѣрноподданство Императору. Князь Мадатовъ, хотя не полагался на искренность клятвы, однако же принялъ ее съ удовольствіемъ, ожидая, что она произведетъ выгодное вліяніе на другіе соседніе народы. Оставивъ для продовольствія своего отряда нужное количество рогатаго скота, Князь всю остальную отбитую при этомъ случаѣ добычу отдалъ ополченіямъ Ка-

*) Зубовъ, *Подвиги Русскихъ войскъ* (IV, 80). Въ книгѣ *Жизнь князя Мадатова* (стр. 121) о казакахъ не упоминается.

**) Тоже официальному извѣстію. По Зубову (IV, 80) взято только 200 верблюдовъ.

рабахскому и Ширванскому, какъ болѣе участвовавшимъ въ успѣхѣ и не получавшимъ отъ казны содержанія.

Быстрая молва предшествовала удачному движенію Мадатова. Страхъ распространился по сосѣднимъ предѣламъ Персіи и достигъ города Агара. Начальствовавшій въ немъ Эмиръ—Заді—Зейфулукъ—Мирза поспѣшно бѣжалъ съ семействомъ своимъ въ Тавризу, а бывшіе при немъ 1,500 регулярныхъ войскъ разсѣялись.

Въ городъ Лори представились къ князю Мадатову депутаты отъ начальниковъ народа Шагагинскаго, также съ изъявленіемъ покорности и съ обѣщаніемъ выполнять все, что угодно будетъ имъ приказать, и увѣдомили, что регулярная армія, собранная Аббасъ—Мирзою, разошлась по домамъ.

Чтобы воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ и дать время, угнаннымъ Персіянами, нашимъ Карабахскимъ и Ширванскимъ кочевьямъ собраться и возвратиться безпрепятственно въ наши предѣлы, князь Мадатовъ быстро двинулся къ Агару. Значительный отрядъ, бывший подъ его начальствомъ, совершенно его обезпечивалъ на случай какихъ-либо непріятельскихъ дѣйствій со стороны Персіянъ. Оставивъ въ Лори баталіонъ пѣхоты, 600 казаковъ съ ротою Донской казачьей артиллеріи, подъ видомъ охраненія Ата—Хана, но въ самомъ дѣлѣ для надзора за приготовленіемъ продовольствія, нужнаго при обратномъ слѣдованіи нашемъ, князь Мадатовъ перешелъ съ отрядомъ 5-го января въ селеніе Насиръ—Абатъ. Здѣсь явились къ нему старшины ханства Карадагскаго, равномѣрно съ изъявленіемъ покорности, и получили лестный приемъ и увѣреніе въ безопасности.

6-го января въ Персидскихъ владѣніяхъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, совершенъ былъ святой обрядъ нашей Церкви, и крестъ Спасителя погруженъ въ воды Агарчая.

Прибывъ того же числа въ село Хоромутъ, Мадатовъ оставилъ тамъ пѣхоту и артиллерію, а самъ съ конницею дошелъ до селенія Агметъ—Бегли, гдѣ выѣхалъ къ нему на встрѣчу сынъ, весьма уважаемаго въ ханствѣ Карадагскомъ, Карагавлинскаго хана съ старшинами. Черезъ него наши узнали, что въ Агарѣ и близъ лежащихъ селеніяхъ, по повелѣнію Аббасъ—Мирзы, всѣ магазины съ продовольственными припасами сожжены, а всѣ запасы хлопчатой бумаги и про-

чихъ произведеній истреблены; собранная для защиты войска разбѣжались, а самъ принцъ готовился вывести изъ Тавриза свой дворъ, какъ скоро Русскіе изъ Мекшина будутъ направляться къ его столицѣ.

7-го числа, какъ скоро стянулся весь отрядъ, Мадатовъ двинулся далѣе, не смотря на предстоящія затрудненія, по причинѣ непроходимыхъ почти дорогъ.

Не доходя 17 верстъ до Агара, Князь расположился въ весьма выгодномъ мѣстоположеніи и послалъ для обозрѣнія этого города партію изъ 200 казаковъ. Здѣсь прибыли къ нему депутаты, отпавленные отъ главной духовной особы и жителей Агара для испрошенія пощады, и Валеріанъ Григорьевичъ даровалъ ее именемъ Государя Императора, удостоивъ въ мирномъ своемъ расположеніи и далъ слово уважать ихъ добровольную покорность.

Оставаясь до 9-го числа въ той же позиціи, близъ Агара, князь Мадатовъ дѣятельно занимался отыскиваніемъ разсѣянныхъ по Карабахскому ханству кочевыхъ нашихъ Татаръ, увлеченныхъ Персіянами, въ чемъ и имѣлъ успѣхъ.

Тутъ получилъ онъ извѣстіе, что Шахсеванцы, недавно изъявившіе покорность, измѣня, какъ обыкновенно, своей клятвѣ, участвовали въ нападеніи, произведенномъ сыномъ Талышинскаго хана на возвращавшіяся наши кочевья. Князь Мадатовъ, въ справедливомъ негодованіи и для примѣра другимъ, разорилъ жилища Шахсеванцевъ отъ рѣки Агарчая до большой Ардебильской дороги, и истребилъ всѣ запасы принадлежавшихъ имъ хлѣбовъ и фуража.

Находя, что пѣль его экспедиціи была вполне достигнута, Князь рѣшился возвратиться и, дѣлая небольшіе переходы, чтобы не изнурить войска, онъ 16-го числа, при Эдибулукѣ, переправился въ бродъ обратно чрезъ Араксъ, откуда полковника Миценку, съ его отрядомъ, отправилъ на прежнее расположеніе къ Джевату, а самъ воротился въ Карабахъ.

Намѣренія князя Мадатова посѣять ужасъ въ Персидскихъ предѣлахъ, долженствовавшихъ быть театромъ предстоящей войны, ободрить колебавшихся духомъ жителей Карабаха и возвратить наши Татарскія кочевья, угнанные Персіянами за границу, такимъ образомъ, были исполнены съ тою рѣшимостію и вѣрнымъ соображеніемъ, каковыми всег-

да отличались дѣйствія Валеріана Григорьевича. Возвращеніе слишкомъ 3,000 семействъ нашихъ кочевыхъ Татаръ показала имъ ясно, что надежда на Персидское покровительство очень обманчива, что Аббасъ—Мирза, во все время экспедиціи, не дерзнулъ ничего предпринять и даже возстановило спокойствіе въ Карабахскомъ ханствѣ. Персидскіе подданные пограничныхъ областей до того потеряли духъ, что начали оказывать явное неповиновеніе своему правительству, и войска, собираемая изъ этихъ областей, по приказанію Аббасъ—Мирзы, самовольно расходились по домамъ. Жители, сравнивая кроткіе и миролюбивые поступки Русскаго генерала съ буйными и корыстолюбивыми дѣйствіями своихъ начальниковъ и войскъ, начали имѣть высокое и выгодное понятіе о Россіи, а наказаніе непокорнымъ служило полезнымъ примѣромъ.

Нельзя не отдать полной справедливости заботливости князя Мадатова о войскахъ, ему ввѣренныхъ. Значительный отрядъ, съ нимъ бывший, не только что имѣлъ безнуждное продовольствіе во все время экспедиціи, но, преодолевъ на пути неимоверныя препятствія, самою природою положенныя, дѣйствуя по дорогамъ почти непроходимымъ, разсѣявъ при томъ толпы мятежниковъ и покоряя ихъ однимъ появленіемъ своимъ, потерялъ только четырехъ рядовыхъ и двухъ казаковъ. Главнѣйшія причины, къ этому способствовавшія, были знаніе средствъ, способовъ и народнаго духа занятой страны, искусство пользоваться обстоятельствами, быстрота движенія, пощада во время и внезапный ударъ, наносимый непокорнымъ. Всѣ эти соображенія вполне принадлежали князю Мадатову.

Экспедиція эта, исполненная въ самое суровое время, переходомъ черезъ гору Савать—Галичь, изумившая всѣхъ жителей, утверждавшихъ, по словамъ старожилловъ, что въ это время года птица черезъ нее не пролетала, имѣла еще и то важное слѣдствіе, что дала намъ возможность собрать полныя свѣдѣнія о краѣ.

17-го марта Ермоловъ поручилъ Мадатову командованіе отдѣльнымъ отрядомъ, изъ 4-хъ баталіоновъ, 24-хъ орудій, 3-хъ казачьихъ полковъ и Татарской конницы, для дѣйствій на лѣвомъ флангѣ въ предстоявшемъ весеннемъ походѣ. Къ 5-му апрѣля войска эти были сосредото-

чены въ окрестностяхъ Ахъ-Оглана и Князь первый открылъ наступательныя дѣйствія, прежде даже, нежели прибылъ къ нему ожидаемые 41-й Егерскій полкъ и транспорты. 16-го апрѣля онъ двинулся изъ Черекена впередъ, а 18-го пришелъ къ Худоперинскому мосту, гдѣ, подъ выстрѣлами Персіанъ, сдѣлано было мостовое укрѣпленіе. Въ первый же день очищенъ былъ отъ непріятели лѣвый берегъ Аракса, а на другой день и правый. Персидскій пятитысячный отрядъ удалился; но по случаю разлитія рѣки переправа сдѣлалась весьма затруднительною, ибо Худоперинскій мостъ былъ Персіанами разломанъ, и отъ него оставались одни развалившіеся своды, да и то только близъ береговъ рѣки; къ построенію мостовъ не было никакихъ способовъ. Не смотря на это, съ неимоверными трудами устроена была переправа и все готовилось къ движенію; но здѣсь кончились дѣйствія князя Мадатова въ Персидскую войну. 22-го числа, по предписанію новаго корпуснаго командира, генераль-адъютанта Паскевича, принялъ начальство надъ его отрядомъ генераль-лейнантъ Панкратьевъ.....

При самомъ началѣ войны съ Оттоманскою Портою князь Мадатовъ, испросивъ Высочайшее соизволеніе принять участіе въ дѣйствіяхъ арміи, находившейся подъ предводительствомъ генераль-фельдмаршала графа Витгенштейна, прибылъ 16-го мая въ главную квартиру подъ крѣпость Браиловъ и былъ прикомандированъ, согласно съ своимъ желаніемъ, къ 3-му Пѣхотному корпусу генерала отъ инфантеріи Рудзевича. Корпусъ этотъ 27-го мая, подъ личнымъ предводительствомъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора, перешелъ первымъ черезъ Дунай, при Сатуновѣ. Мадатовъ тогда не имѣлъ еще постоянной команды, но участвовалъ въ знаменитой переправѣ, какъ въ устройствѣ, такъ и въ самомъ сраженіи, исполняя приказанія Державнаго Вождя и два раза переправлялся на лодкахъ съ нашими войсками на Турецкій берегъ, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей.

Послѣ этого перехода авангарда нашего черезъ Дунай, войска 3-го Пѣхотнаго корпуса продолжали переправляться на правую сторону и немедленно было приступлено къ продолженію плотины вдоль по берегу, до мѣста, избраннаго для моста. Между тѣмъ генераль Рудзевичъ, съ 5-ю баталіонами, 6-ю орудіями и сотнею казаковъ, предпринялъ ре-

когносцировку къ Исакчи. Послѣ обозрѣнія мѣстности и въ-сколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, обмѣненныхъ съ обѣихъ сторонъ, онъ отступилъ къ своему лагерю. Въ 11 часовъ на другой день непріятель сжегъ остальное предмѣстіе этой крѣпости. 29-го числа три Турецкихъ чиновника явились въ нашъ лагерь съ письмомъ отъ Исакчинскаго паши, въ которомъ онъ объявлялъ о желаніи своемъ сдать крѣпость. На это отвѣчали, что ему предоставляется срокъ до 10 часовъ слѣдующаго утра для принятія предложенной капитуляціи. Между тѣмъ, поддерживая переговоры и устрашая Турокъ, въ тотъ же день обложили Исакчу тремя баталіонами 3-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, съ 6-ю орудіями № 3-го роты 9-й Артиллерійской бригады, и 250 казаками Ступачевского и Секретова полковъ, начальство надъ которыми Государь лично изволилъ поручить Мадатову *). Въ подкрѣпленіе баталіону 17-го Егерскаго полка былъ назначенъ 20-й Егерскій полкъ съ 4-мя орудіями № 3-го роты, а въ подкрѣпленіе 18-му Егерскому полку Симбирскій пѣхотный полкъ, съ 6-ю орудіями легкой роты 9-й Артиллерійской бригады. Войска эти обложили крѣпость по дорогамъ отъ Бабадага и Тульчи, а казаки по Мачинской дорогѣ.

Въ то же время работы по устроенію плотины и мостовъ чрезъ Дунай производились дѣятельно, и, не смотря на всѣ затрудненія, 30-го мая мостъ былъ совершенно готовъ. Наши остальные войска начали немедленно переходить, и Исакчи была обложена двумя дивизіями.

Въ этотъ же день кончились переговоры съ посланными изъ Исакчи. Знаніе языка и нравовъ Турокъ особенно послужили Мадатову при этомъ случаѣ. Гарнизонъ крѣпости сдался, не ожидая нашихъ военныхъ дѣйствій, а единственно *Турецкому краснорѣчію* Князя (какъ онъ самъ выражался въ шутивомъ разсказѣ).

*) См. *письмо Мадатова*, ниже помѣщенное. Лукьяновичъ, въ *Описаніи Турецкой войны* (ч. I, стр. 108) также говоритъ, что начальство надъ войсками, обложившими Исакчи, ввѣрено было Мадатову. Въ обнародованныхъ же современныхъ извѣстіяхъ изъ арміи князя не упоминается при этихъ дѣйствіяхъ.

Въ то время, когда Государь Императоръ объѣзжалъ передовую пѣшь, явились два Турецкихъ парламентаря, съ извѣстіемъ, что комендантъ соглашается на предложенія наши и готовъ сдать крѣпость *). Около 3-хъ часовъ пополудни, двое пашей Эюбъ-Паша, комендантъ Исакчи, бывший въ 1822 году Башъ-Бешли-Агою въ Яссахъ и извѣстный подъ именемъ Эюбъ-Аги, и Гассанъ-Паша, искавшій убѣжище въ этой крѣпости послѣ разсѣянія войскъ его въ сраженіи 27-го мая, явились сами съ изъявленіемъ покорности и поднесли ключи Государю Императору, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости. Вслѣдъ за тѣмъ Муромскій пѣхотный полкъ, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, предшествуемый обоими пашами, вступилъ въ крѣпость и, по ихъ указаніямъ и руководству, занялъ ворота и укрѣпленія Исакчи. Всему гарнизону, въ томъ числѣ и пашамъ, Всемилостивѣйше дозволено возвратиться на родину. 18 знаменъ, 85 орудій **), 3,600 бомбъ, 10,000 ядеръ и до 20,000 пудовъ продовольствія досталось въ руки побѣдителей. Меримеранъ-Эюбъ-Паша отправился въ Шумлу, гдѣ, по повелѣнію Султана, былъ обезглавленъ.

Сдача Исакчи была первымъ слѣдствіемъ перехода чрезъ Дунай.

31-го мая авангардъ и кор-де-баталь 3-го корпуса начали наступательныя дѣйствія къ Бабадагу и по направленію къ Кюстенджи и Черноводамъ. Между тѣмъ отдѣльные отряды войскъ посланы были для обложенія Тульчи, Мачина и Гирсова. Последнее порученіе дано было Мадатову, котораго отрядъ, назначенный быть авангардомъ 9-й пѣхотной дивизіи, состоялъ изъ 3-й бригады этой дивизіи, роты легкой артиллеріи и 300 каза-

*) Официальное извѣстіе въ 1-мъ прибавленіи къ № 68 *Съверной Пчелы* 1828 года говоритъ, что Исакчи сдалась *безусловно*, по 2-е прибавленіе къ тому же № и Лукьяновичъ (ч. I стр. 109) показываютъ, что крѣпость сдалась *на капитуляцію*.

**) Официальное извѣстіе въ *Съверной Пчелѣ* 1828 года, 1-е и 2-е прибавленія къ № 68-му. По Лукьяновичу (ч. I, стр. 110) взято орудій только 75.

ковъ*). 4-го іюня Князь подступилъ къ Гирсову и обложилъ крѣпость. Турки, видя передъ собою не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, растянутыхъ на довольно большемъ пространствѣ, дѣлали частыя вылазки, и хотя всегда были отражаемы съ большею для нихъ потерей, но никакъ не хотѣли сдаться.

Князь, зная совершенно Азіятцевъ, прибѣгнулъ къ хитрости, весьма приличной въ войнѣ съ ними. Чтобы показать, будто къ нему подошло подкрѣпленіе, онъ, пользуясь мѣстоположеніемъ, велѣлъ своему отряду, многократно перемѣняя на людяхъ форму, проходить въ виду гарнизона: самъ же на переговорахъ исполнялъ обязанности переводчика. Князь не обманулся въ своемъ предположеніи, и 11-го іюня, послѣ семи-дневной блокады**), комендантъ Ишимъ-Паша заключилъ условіе о сдачѣ. Гарнизону дано позволеніе оставить крѣпость съ собственнымъ только вооруженіемъ. Въ тотъ же день утромъ Мадатовъ вступилъ въ Гирсово и занялъ бастионы; 1,900 человѣкъ гарнизона, состоявшаго изъ регулярныхъ войскъ, выступили, подъ нашимъ прикрытіемъ, частью въ Шумлу, а частью въ Силистрію. Жители же, которые были обязаны помогать имъ, но не хотѣли защищаться, объявили, при самомъ заключеніи капитуляціи, что не намѣрены идти съ гарнизономъ, потому что не считаютъ нужнымъ сражаться. Трофеями нашими были: 14 знаменъ, 92 пушки и 6 мортиръ***), 50,000 ядеръ и 3,500 пуд. пороку. Кромѣ того въ крѣпости найдено значительное количество припасовъ жизненныхъ и военныхъ. Ключи и знамена были доставлены въ главную квартиру 2-й

*) Лукьяновичъ, I, 111. По книгѣ *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 131) отрядъ состоялъ изъ баталіона 17 и 18-го Егерскаго полка, съ легкой № 3-й ротой артиллеріи, 3-хъ эскадроновъ 2-го Бугскаго полка и Казачьяго Емельянова полка.

**) *Официальная извѣстія* — послѣ семи-дневной блокады. Лукьяновичъ (ч. I, стр. 144) послѣ шести-дневной блокады.

***), *Официальная извѣстія* и *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 132). Самъ же Князь, въ письмѣ нами даѣте приведенномъ, говоритъ только о 90 орудіяхъ; а по Лукьяновичу (I, 144) взято ихъ 100.

арміи 12-го числа, при самомъ прибытіи ее къ Карасу. Государь Императоръ въ тотъ же день Всемилостивѣйше соизволилъ осчастливить побѣдителя слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

«Князь Валеріанъ Григорьевичъ! Исполняя съ особеннымъ мужествомъ и распорядительностію возлагаемыя на Васъ порученія, Вы успѣли въ короткое время покорить крѣпость Гирсово съ значительными военными запасами и освободить изъ неволи 400 Христіанскихъ семействъ. Заслуги сіи даютъ Вамъ полное право на особенное Мое вниманіе, во изъявленіе коего объявляю Вамъ Монаршее Мое благоволеніе, пребывая вамъ благосклоннымъ.»

«Н и к о л а й.»

«Въ лагерѣ при Шумлѣ,
Іюля 12-го дня 1828 года.»

Здѣсь считаемъ не лишнимъ помѣстить слѣдующій отрывокъ изъ письма самого Мадатова*).

«Я писалъ къ тебѣ,—говоритъ Князь въ немъ,—у переправы черезъ Дунай и послѣ не имѣлъ случая писать, ибо, переправясь за Дунай, получилъ я команду обложить крѣпость Исакчи. Я исполнилъ порученіе удачно: она сдалась. Я былъ употребленъ лично Государемъ, и Онъ былъ доволенъ мною, со мной шутилъ очень милостиво; дали мнѣ авангардъ, отправился сюда. Я покорилъ сію крѣпость и сейчасъ отправляю ключи и знамена. Взялъ 90 орудій и множество другихъ снарядовъ.»

Въ это время 3-й Пѣхотный корпусъ дошелъ до Карасу, и тамъ остановился, ожидая исполненія предначертанныхъ движеній всей арміи. Князь Мадатовъ получилъ приказаніе прикрывать правый флангъ 3-го корпуса и былъ направленъ прямо изъ крѣпости Гирсова чрезъ с. Черноводы къ м. Россевату. Тамъ занялъ онъ позицію на дорогѣ, ведущей въ Силистрію чрезъ Кайнарджи, и оберегалъ все пространство между Дунаемъ, замкомъ Кузгунемъ и большою Базарджикскою дорогою. Когда армія выступила изъ Карасу къ Базарджику, Мадатову приказано держаться всегда на одной высотѣ съ главными силами. Продолжая прикрывать нашъ правый флангъ,

*) Отъ 11-го іюня, изъ крѣпости Гирсово.

онъ перешелъ 21-го іюня къ Кузгуну. Здѣсь Князь открылъ до двухъ тысячъ Турецкой кавалеріи, вышедшей изъ Силистріи; атаковалъ и прогналъ ее обратно въ эту крѣпость. Потомъ онъ продолжалъ свое движеніе къ Базарджикъ, гдѣ, 29-го іюня, соединился съ главными силами.

Во время дальнѣйшаго движенія арміи къ Шумлѣ, князь Мадатовъ состоялъ при командирѣ 3-го Пѣхотнаго корпуса, генералѣ отъ инфантеріи Рудзевичѣ.

Послѣ 8-го іюля Турки долго не смѣли выходить изъ крѣпости, почему главнокомандовавшій, занявъ сильными отрядами с. Марать и г. Эски-Стамбуль, началъ стѣснять Шумлу цѣпью редутовъ, посылая въ то же время подвижные отряды къ сторонѣ Руцукъ, для прекращенія непріятелю сообщеній. Мадатовъ нѣсколько разъ командовалъ такими отрядами; но Турки, при появленіи ихъ, тотчасъ отступали. Между прочимъ 24-го іюля было сдѣлано Княземъ сильное обозрѣніе на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ, отъ дер. Майно, черезъ Кадикой до дер. Боуларъ. Вотъ его собственныя слова объ этомъ времени:

«Мы теперь стоимъ подъ Шумлою, — писалъ Валеріанъ Григорьевичъ, отъ 1-го августа, — я хожу по Цареградской дорогѣ въ Джумаю и возвращаюсь назадъ. Съ прибытіемъ Гвардіи предпримемъ что нибудь рѣшительное и надѣмся взять Шумлу.»

3-го августа князь Мадатовъ получилъ назначеніе командовать отдѣльнымъ отрядомъ въ Проводахъ, бывшимъ до того времени подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Константина Бенкендорфа *). 5-го числа онъ прибылъ къ мѣсту назначенія.

*) Въ жизнеописаніяхъ, помѣщенныхъ въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* и въ *Словарь Старчевскаго*, сказано совершенно на оборотъ, именно: 3-го августа, Мадатовъ получилъ назначеніе командовать, *подъ начальствомъ* генералъ-адъютанта Константина Христофоровича Бенкендорфа, отдѣльнымъ отрядомъ изъ 4 слабыхъ баталіоновъ, 3 эскадроновъ уланъ, 12 орудій и полка казаковъ (всего не болѣе 2,500 человекъ), которому назначено

«Я третьяго дня пріѣхалъ сюда командовать симъ отрядомъ, — писалъ Князь, — на мѣсто Константина Бенкендорфа. Онъ очень былъ болѣнъ, однакожь я засталъ его, онъ былъ живъ и ввечеру пришелъ въ память, радовался моему пріѣзду; спросилъ о Грузіи, потомъ простился со мною и говорилъ, что непременно умретъ. Я его увѣрялъ, что будетъ здоровъ, напрасно беспокоиться. Все было тщетно, онъ былъ очень труденъ, на ночь начался пароксизмъ, не могъ переносить, совершенно пришелъ въ безпамятство и умеръ въ 11-ть часовъ пополудни. Тѣло велѣлъ я отиѣть Русскимъ священникамъ за неимѣніемъ Лютеранскаго, также сдѣлалъ гробъ свинцовый и отправилъ на большую дорогу къ мѣстечку Козлуджи. Можетъ быть родные захотятъ перевести его въ Россію. Написалъ Фельдмаршалу рапортъ о моемъ распоряженіи. Вотъ, мой другъ, Божьи дѣла: я былъ попечителемъ, чтобы какъ и куда отправить тѣло его. Бѣдныя дѣти остались сиротами.»

Городъ Проводы лежитъ при входѣ въ ущелья Балкановъ и, по мѣстному своему положенію, есть одинъ изъ ключей этого хребта горъ. Проводской отрядъ связывалъ дѣйствія главной арміи подъ крѣпостями Шумлою и Варною: онъ состоялъ изъ Витебскаго и Полоцкаго пѣхотныхъ полковъ, 12-ти орудій 2-й легкой роты, 3-хъ эскадроновъ Бугскихъ уланъ и казачьяго Ступачевского полка. Всего въ строю было едва 2,000 человекъ *), по причинѣ болѣзней, бывшихъ въ отрядѣ отъ снѣртаго воздуха Проводской долины. Князь, для уменьшенія смертности, тотчасъ по прибытіи своемъ, перевелъ всѣ войска въ лагерь болѣе удобный и приказалъ сжечь прежній.

Охраняя, съ небольшимъ числомъ войскъ, столь важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ, Мадатовъ употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы

было связывать, изъ города Проводъ (у г. Старчевскаго и тутъ опечатки Проводъ), дѣйствія нашей арміи, подъ крѣпостью Шумлою и Варною.

*) По жизнеописаніямъ въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* и *Словарь Старчевскаго* 2,500 человекъ.

привести Проводы въ лучшее оборонительное положеніе. Но, не смотря на безпрестанныя занятія, съ его пылкимъ воинскимъ характеромъ, трудно было ему слышать громъ битвъ и не участвовать въ нихъ. Онъ привыкъ съ летучими полками слѣдить врага, и первымъ встрѣчаться съ нимъ въ полѣ; теперь же долженъ былъ сидѣть подъ защитою укрѣпленій и хладнокровно выжидать непріятеля. Князю было душно въ Проводахъ, онъ просился въ поле, или, по крайней мѣрѣ, позволенія атаковать нашу Омерь-Врioni, расположеннаго въ 20-ти верстахъ отъ Проводъ въ Кіюприкію, но получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Письмо Вашего Сіятельства отъ 8-го числа, — писалъ генераль-адъютантъ Киселевъ, отъ 12-го августа, — я имѣлъ честь читать Гг. Фельдмаршалу и Графу Ивану Ивановичу Дибичу, и въ разрѣшеніе получилъ единогласный отзывъ: что постъ, Вамъ ввѣренный, слишкомъ важенъ, чтобъ можно было согласиться на удаленіе Ваше отъ онаго. Что же касается до экспедиціи на Кіюприкію, то это можетъ еще исполниться, о чемъ Ваше Сіятельство будете извѣщены официально въ свое время. Для пополненія недостатка въ офицерахъ Генеральнаго Штаба во ввѣренномъ Вамъ отрядѣ, я приказалъ прикомандировать изъ находящихся при главной квартирѣ Арміи.»

Около этого времени Черноморскій флотъ обложилъ Варну съ моря; осадныя работы начались, но Турки много мѣшали осаждавшимъ, дѣлали безпрестанныя вылазки, и хотя, всегда отражаемые, теряли много людей, но бились отчаянно. Князь Меншиковъ былъ раненъ. Графъ Воронцовъ, прибывшій изъ Одессы, принялъ начальство надъ осаднымъ корпусомъ, и увѣдомилъ о томъ, служившаго прежде подъ его начальствомъ, Мадатова слѣдующимъ письмомъ;

«Любезнѣйшій Князь! Богъ меня привелъ опять видѣть старыхъ нашихъ пріятелей Турокъ. Государю угодно было меня послать сюда по случаю раны Князя Меншикова. Я обрадовался, узнавъ, что вы командуете въ Проводахъ; прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня хотя двумя строчками, что у васъ тамъ дѣлается, и что дѣлаютъ Турки по дорогѣ на Айдосъ и въ самомъ Бургасѣ. Здѣсь

мы подвигаемся мало по малу къ непріятелю. На нашемъ лѣвомъ флангѣ мы уже начали наводить брешь-батарею; правый укрѣпляемъ батареями, но за Лиманомъ у насъ никого нѣтъ, кромѣ разбѣздовъ, и то издалека. Остаюсь навсегда весь вашъ *М. Воронцовъ*. Лагерь при Варнѣ, 18-го августа 1825 года.»

Между тѣмъ положеніе Валеріана Григорьевича съ каждымъ днемъ становилось труднѣе. Нездоровый климатъ Турціи дѣйствовалъ ужасно на нашихъ солдатъ, не привыкшихъ къ внезапному переходу отъ сильнаго дневнаго жара къ холоднымъ ночамъ; и отрядъ Проводской, безъ того уже малочисленный, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, уменьшался ежедневно отъ болѣзней: въ одно время заболѣвало слишкомъ по 50-ти человекъ въ день, — и это происходило тогда, когда отъ войскъ требовалась величайшая бдительность. Въ 20-ти верстахъ отъ Проводъ расположенъ былъ 12-тысячный корпусъ Омерь-Врioni; другой, 2-тысячный отрядъ Турокъ, стоялъ въ 25-ти верстахъ. Тѣснины, лежація вокругъ Проводъ, способствовали непріятелю, по извѣстности ему мѣстоположенія, небольшими отрядами изъ 10 и 15-ти человекъ скрываться по близости города въ ущельяхъ и пещерахъ, нанося намъ вредъ при каждомъ удобномъ случаѣ. О дерзости Турокъ и опасности засадъ, располагаемыхъ ими, можно судить по тому, что однажды днемъ, не болѣе какъ въ верстѣ отъ города, въ ущельи между казачьею цѣпью и блокаднымъ лагеремъ, они мгновенно сняли голову гренадеру Полоцкаго полка, отважившему пойдти за випоградомъ и удалиться только на сто сажень отъ пастбищаго мѣста, гдѣ онъ стерегъ порціонный скотъ.

По всему этому Князь бодрствовалъ неутомимо: днемъ и ночью самъ повѣрялъ всѣ посты, и чтобы одушевить солдатъ, изнуренныхъ болѣзнями, и показать непріятелю, что силы ихъ не слабѣютъ, онъ дѣлалъ частые поиски, во время которыхъ окрестности Балкановъ напоминали ему родную сторону, благословенную Грузію.

Вотъ что онъ писалъ въ то время, когда опасность грозила ему со всѣхъ сторонъ:

«Я остаюсь съ отрядомъ при мѣстечкѣ Проводахъ въ лагерѣ. Отъ солнечнаго зноя днемъ, и ночной сырости, при-

казалъ я построить для меня балаганъ изъ досокъ, и обшилъ камышомъ со стеклянными окнами; также сдѣлали двери прихожей; крыльцо сдѣлано на манеръ лѣтняго домика съ навѣсомъ, и домикъ весь покрытъ гонтомъ, такъ, что дождь не можетъ течь въ балаганъ. Словомъ такой домикъ, что ежели оной имѣть въ Россіи на хорошихъ мѣстахъ и при немъ двадцать десятинъ земли, вѣкъ свой можно провести очень спокойно и благополучно. Изъ сего лагеря я часто дѣлаю поиски съ войсками къ Балканскимъ горамъ; мѣста совершенно очаровательныя. У подошвы сихъ горъ очень много деревень и всѣ въ садахъ виноградныхъ и разнаго рода фруктовыхъ; текутъ возлѣ нихъ множество ручьевъ; дома ихъ выстроены по наружности очень чисто и хорошо: фонтаны по дорогамъ и въ деревняхъ; строеніе изъ тесаного камня; горы покрыты большими лѣсами, хотя жителей нѣтъ въ сихъ деревняхъ; всѣ ушли въ дальнѣйшія горы, но видно, что они живутъ очень опрятно и умѣютъ землями пользоваться; натура также много помогаетъ имъ. Бакчей много и дынь и арбузовъ, но все далеко отъ Саліанскихъ дынь и виноградъ въ Карабагѣ, въ нашихъ садахъ, крупнѣе и слаще. Я часто посѣщаю сіи очаровательныя мѣста и опять возвращаюсь въ свой лагерь, въ свою хижину. Вотъ, мой другъ, какъ я живу! Пора кончить, скоро свѣтъ, надобно заняться по службѣ; непріятель отъ меня не далеко стоитъ въ двухъ лагеряхъ: въ одномъ 12 тысячъ, а въ другомъ 2; первый въ 20 верстахъ, а другой въ 25. Прощай!»

Турки, чувствуя всю важность занимаемаго княземъ Мадатовымъ поста и не видя большой пользы отъ своихъ за-садъ, наконецъ рѣшились снова испытать счастья завладѣть городомъ. Проводы, не смотря на сдѣланныя въ нихъ укрѣпленія, представляли нападавшимъ большія выгоды, потому что окружены со всѣхъ сторонъ высотами; въ особенности же возвышеніе съ южной стороны совершенно господствуетъ надъ всѣми укрѣпленіями. Кто видѣлъ Проводы въ 1829 году, укрѣпленныя правильно, тотъ не можетъ имѣть понятія, что былъ этотъ городъ въ 1828 году, только что занятый нами и кое-какъ обороняемый небольшими насыпями.

Назначенный для овладѣнія Проводами Турецкій отрядъ,

состоявшій изъ 4,000 человекъ *), вышелъ изъ Шумлы и 28-го августа напалъ на городъ. Нападеніе это было согласено съ сильною вылазкою, того же числа, подъ Шумлою на лѣвый флангъ нашей арміи, но было отражено съ урономъ для непріятеля котораго и преслѣдовали.

«Турки вздумали было, — пишетъ Князь, — 28-го августа атаковать меня съ трехъ сторонъ по утру въ 7 часовъ; они были со всѣхъ сторонъ отражены съ большимъ урономъ, и очень много потеряли; а я потерялъ очень немного, всего 37 человекъ убитыхъ и раненыхъ. Ихъ числомъ было 6,000, въ три раза болѣе, чѣмъ мой отрядъ; все таки они были побиты и досталось много оружія нашимъ храбрымъ воинамъ. Я на другой день ходилъ къ Балканскимъ горамъ атаковать ихъ и ничего не нашелъ. Они ушли въ дальнѣйшія горы, а я опять возвратился назадъ въ Проводы, въ свой лагерь.»

Такой скромный отчетъ о молодецкомъ Проводскомъ дѣлѣ онъ давалъ самимъ близкимъ своимъ. Впрочемъ тѣ, которые раздѣлили труды и опасности съ княземъ Мадатовымъ, знаютъ, какъ часто, рассказывая про свои подвиги, онъ скрывалъ большую часть преодолѣнныхъ имъ трудностей и даже числа побѣжденныхъ непріятелей. Все, совершенное имъ, казалось ему малымъ, потому что онъ имѣлъ внутреннее сознаніе, что можетъ совершить больше. Официальныя извѣстія и описанія Турецкой войны**), основываясь на донесеніяхъ, даютъ тоже только по нѣсколько срокъ этому дѣлу.

По этому мы прибавимъ слѣдующія подробности***), потому что сколько описанія Европейскихъ сраженій поучительно для военного читателя, столько очерки Турецкихъ схватокъ, въ замѣнъ того, живописны для каждаго.

Проводская долина простирается около 5 верстъ въ длину, и почти на половинѣ этого пространства лежитъ городъ

*) Официальное извѣстіе, помѣщенное въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1828 года, № 73. Но Мадатовъ, какъ сейчасъ увидимъ, считалъ непріятеля до 6,000 человекъ.

**) Напримѣръ Лукьяновичъ, II, 53—54.

***) Заимствуя ихъ изъ книги: *Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова*, стр. 142 и сл.

Проводы; тамъ ширина долины не болѣе 300 сажень, считая отъ гребня до гребня противоположенныхъ скалъ, ее ограничивающихъ. При входѣ и выходѣ изъ города долина была перерѣзана двумя фронтами укрѣпленій, наскоро сдѣланныхъ, такъ, что городъ находился внутри позиціи. На южныя скалы, къ сторонѣ Шумлы, вела изъ города одна дорога, но такая крутая и извилистая, что была проходима только для пѣхоты. При самомъ выходѣ ея въ поле устроено было укрѣпленіе для 40 человекъ, соразмѣрное не съ важностію поста, но съ слабостію отряда. На полускатѣ этой горной дороги, тамъ, гдѣ она, дѣлая крутой поворотъ, образовала площадку, поставленъ былъ скрыто баталіонъ, служившій подкрѣпленіемъ небольшому нагорному посту. Сѣверныя скалы, обращенныя къ Варнѣ, неприступны для непріятеля; со стороны поля онѣ окружены провалами, а съ городомъ сообщались только тропинкою, высѣченною въ камнѣ. Вершина этихъ скалъ вѣчалась развалинами Греческаго монастыря, отъ котораго сохранились только двѣ наружныя стѣны и большая арка, обращенная къ городу, построенная на самомъ краю отвѣснаго обрыва.

27-го августа вечеромъ разъѣзды донесли о приближеніи непріятеля по направленію отъ селенія Смядова. Ночь была чрезвычайно темная и подробнѣе узнать было невозможно. Турки провели ее верстахъ въ пяти отъ Проводъ, а съ разсвѣтомъ подошли къ нашей позиціи. Часть непріятеля, десятью толпами, расположилась ввѣ пущечнаго выстрѣла, противъ укрѣпленнаго фронта нашего, обращеннаго къ Балканамъ; одинъ всадникъ, одѣтый по-Европейски, отдѣлился съ нѣсколькими конными Турками отъ строя, и приблизившись къ нашимъ укрѣпленіямъ, началъ разсматривать ихъ въ зрительную трубу. Огъ насъ бросили гранату въ эту кучку и такъ удачно, что всѣ рекогносцировавшіе Турки разсыпались, и пустились во всю прыть къ своимъ толпамъ. Между тѣмъ другая часть Турецкаго отряда сосредоточивалась противъ горной дороги, вѣвшей отъ Шумлы въ Проводы. Кавалерію же свою они направили къ кладбищу, лежащему при входѣ въ одно изъ Проводскихъ ущелій.

Съ нашей стороны два баталіона съ 12 орудіями занимали два укрѣпленные фронта; одинъ баталіонъ защищалъ горную дорогу, а четвертый находился въ самомъ городѣ въ

резервѣ, въ равномъ разстояніи отъ трехъ пунктовъ, подверженныхъ атакѣ. Уланы занимали единственную площадку, въ нѣсколько сотъ квадратныхъ сажень, бывшую внутри позиціи; а фланкеры ихъ и казаки защищали, за недостаткомъ пѣхоты, доступъ къ кладбищу, въ боковомъ ущелѣ.

Въ 7 часовъ утра 28-го августа, Турки начали общію атаку съ трехъ сторонъ. Множество ихъ стрѣлковъ засѣли на гребнѣ скалъ и сыпали пулями безнаказанно въ самую средину Проводъ, такъ что даже въ нашемъ госпиталѣ не было безопаснаго мѣста. Князь Мадатовъ сидѣлъ на коврѣ на площадкѣ подлѣ уланъ; въ нѣсколькихъ шагахъ стояла осѣдланная боевая лошадь его, *Ханьша*. Куря трубку, онъ спокойно наблюдалъ начало атаки. Черезъ полчаса Турки угадали слабѣйшее мѣсто нашей позиціи, именно спускъ по горной дорогѣ отъ Шумлы, и туда обратили главныя усилія. Примѣтно увеличивался огонь въ той сторонѣ, и громче становились крики атаковавшихъ; тогда Мадатовъ сѣлъ на коня и отправился туда лично взглянуть на ходъ сраженія.

Густыя толпы непріятеля окружали укрѣпленный постъ, состоявшій изъ 40 человекъ съ однимъ офицеромъ, поручикомъ Бердяевымъ 1-мъ, и прорвавшись между нимъ и баталіономъ, поставленнымъ въ подкрѣпленіе, совершенно разобщили обѣ части. Князь, видя необходимость возстановить сообщеніе и тѣмъ спасти постъ, приказалъ придвинуть резервъ; но, не желая вдругъ употребить послѣднія средства, назначилъ сперва однимъ охотникамъ пробиться къ нашему укрѣпленію. Черезъ четверть часа два избранные охотника принесли вѣсть о гибели прочихъ. Между тѣмъ огонь изъ маленькаго нагорнаго редута умолкъ; но яростныя крики Турокъ и движеніе въ толпахъ ихъ показывали, что наши еще держатся: и въ самомъ дѣлѣ, отрѣзанная команда, разстрѣлявъ всѣ свои патроны въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, штыками встрѣчала ятаганы. Турки, удивленные отчаяннымъ сопротивленіемъ, прекратили на нѣсколько минутъ нападеніе, чтобы собраться: пользуясь этимъ временемъ, командовавшій постомъ офицеръ выслалъ патруль изъ унтеръ-офицера съ двумя рядовыми, съ тѣмъ, чтобъ они, добѣжавъ до края скалъ, лежавшихъ шаговъ на сто, постарались спуститься въ Проводы и увѣдомили отрядъ объ его крайнемъ положеніи. Посланные добѣжали

счастливо до края скалъ, почти подъ носомъ у непріятеля; но тамъ ихъ встрѣтили Турекіе стрѣлки, засѣвшіе подь самымъ городомъ, и унтеръ-офицеръ съ однимъ рядовымъ палъ отъ пуль. Другой рядовой, раненый, стоялъ на краю пропасти, и вѣскольکو Турокъ бѣжали къ нему съ обнаженными ятаганами. Раненому солдату оставалось только выбрать родъ смерти: онъ бросился со скалъ, и уже на другой день нашли его тѣло.

Между тѣмъ князь Мадатовъ, видя рѣшительную минуту, двинулъ весь резервъ: бой снова завязался; укрѣпленный постъ нашъ былъ освобожденъ, державшись отдѣльно пять часовъ противъ усилій непріятеля. Въ часъ по полуночи между Турками поднялся столбъ дыму отъ зажженной соломы, и по этому сигналу они отступили на всѣхъ пунктахъ вдругъ, вѣроятно видя невозможность взять Проводы *).

Турки унесли съ собою тѣла убитыхъ и оставили на мѣстѣ болѣе сотни труповъ. Наша потеря состояла изъ 1-го оберъ-офицера и 7 нижнихъ чиновъ убитыми, и 1-го оберъ-офицера и 32 нижнихъ чиновъ ранеными.

Мадатовъ не могъ тотчасъ пользоваться разстройствомъ непріятеля и преслѣдовать его: отрядъ нашъ и такъ былъ слабъ, а оставя еще часть его въ укрѣпленной позиціи, не съ чѣмъ было показаться въ полѣ.

По этому Князь немедленно сообщилъ генералъ-маіору барону Деллинггаузену, находившемуся въ Козлуджи съ небольшимъ отрядомъ, чтобы онъ поспѣшилъ соединиться съ нимъ для преслѣдованія отбитаго непріятеля. Къ ночи 28-го же числа прибылъ отрядъ Деллинггаузена, а 29-го съ разсвѣтомъ князь Мадатовъ выступилъ на поискъ къ Балканамъ; но Турки уже ушли.

*) Въ *Описаніи Турецкой войны* Лукьяновича (II, 53—54) сказано объ этомъ дѣлѣ вѣскольکو иначе, — именно: «... Защищавшій редутъ поручекъ Бердяевъ 1-й успѣлъ отразить нападеніе непріятеля, пока генералъ-маіоръ Купріяновъ, съ Полоцкимъ полкомъ, опрокидывалъ Турокъ въ штыки каждый разъ, едва только успивались они спускаться съ горъ и вороваться въ городъ. Въ продолженіи всего дѣла, продолжавшагося отъ 7 часовъ утра до полудня, князь Мадатовъ стоялъ съ остальными войсками въ лоцинѣ, выжидая удобной минуты атаки; но непріятель, не выдержавъ многократныхъ ударовъ генералъ-маіора Купріянова, отретировался...»

Послѣ этого дѣла графъ Воронцовъ писалъ къ Мадатову:

«Ура! любезнѣйшій Князь! я зналъ, что Герой Дагестана будетъ героемъ и въ Балканахъ. Ваша побѣда тѣмъ болѣе для насъ пріятна и полезна, что она совершенно помогаетъ экспедиціи, которую Государь Императоръ разрѣшилъ на тотъ берегъ Лимана для совершеннаго обложенія Варны. Генералъ Головинъ идетъ туда завтра рано съ бригадою гвардейскою и бригадою полевой. Между тѣмъ маіоръ Бергольцъ, а можетъ быть старшій вашъ товарищъ Франкъ, оставаясь съ четырьмя ротами на позиціи бывшей Акинфьева, будетъ какъ можно чаще съ вами переписываться; Головинъ также по возможности учредить съ вами сношеніе. Чѣмъ чаще мы объ васъ будемъ слышать, тѣмъ лучше. Офицера вашего, съ оригинальнымъ вашимъ ко мнѣ отношеніемъ, я послалъ на корабль къ Государю, ибо знаю, съ какимъ нетерпѣніемъ Онъ ждалъ извѣстія отъ васъ, и сколько Онъ успѣху вашему будетъ радоваться. Прощайте, любезный Князь, вѣрьте, что я на всегда остаюсь весь вашъ *М. Воронцовъ*. Лагерь подь Варною, 29-го августа 1828 года.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Проводы, вмѣстѣ съ корпусомъ Принца Евгенія Виртембергскаго и отрядомъ Бистрома, продолжали служить осадному корпусу подь Варною оплотомъ противъ Омеръ-Вріони, котораго цѣль была заставить насъ снять осаду.

Въ началѣ сентября князь Мадатовъ усугубилъ средства огражденія отряда отъ вечаянныхъ непріятельскихъ нападений, тѣмъ болѣе, что, получаемыми черезъ Булгаръ свѣдѣніями, подтверждались показанія плѣнныхъ о намѣреніи Турковъ непремѣнно овладѣть Проводами. Безпрестанно и по всѣмъ направленіямъ производилъ Князь тщательные поиски казачьими развѣздами и подвижными пѣхотными колоннами. Въ фуражѣ у насъ начиналъ оказываться большой недостатокъ. Не только зерновой, но и подвожный кормъ на протяженіи 20 верстъ почти весь былъ истребленъ, что наиболѣе должно приписать лагерю главной арміи подь Шумлою, откуда, за неимѣніемъ ближайшихъ и удобнѣйшихъ мѣстъ для добыванія продовольственныхъ запасовъ, фуражиры высылаемы были даже къ Проводамъ. Въ войскахъ отряда Мадатова, какъ почти во всѣхъ другихъ отдѣленіяхъ

арміи, болѣзни продолжали опустошенія свои по прежнему; но впрочемъ значительной смертности не оказывалось.

Наступала осень и погода со дня на день становилась суровѣе. Частыя ненастья заставляли помышлять о зимѣ и о средствахъ укрыться отъ нея. Въ концѣ сентября стали исправлять строенія, которыя можно было поддержать починкою; приступили къ устройству и отдѣлкѣ удобнѣйшихъ, уцѣлѣвшихъ зданій для помѣщенія лазарета на 300 человекъ съ офицерскимъ отдѣленіемъ. Работы шли столь успешно, что 25-го сентября можно было уже перевести туда больныхъ. Всего болѣе вниманіе Мадатова было озачено отдѣльнымъ положеніемъ его слабаго отряда въ соседствѣ съ Балканами, откуда могли угрожать частыя нападенія. Толпы регулярныхъ войскъ и Албанцевъ, постоянно оставшіяся при бунчугахъ своихъ пашей, скитались въ ущельяхъ горъ. Къ нимъ, въ большемъ числѣ, присоединялись шайки, отдѣлявшіяся отъ Варвскаго гарнизона. Положеніе Проводъ тѣмъ болѣе могло почитаться опаснымъ, что въ недалекомъ разстояніи, за Камчиномъ, всегда былъ значительный непріятельскій отрядъ, наблюдавшій эту рѣку и пути Балканскіе.

Слѣдующія три письма князя Мадатова изъ Проводъ, относящіяся къ сентябрю, еще лучше показываютъ дѣйствія его въ это время. Онъ писалъ:

Отъ 14-го сентября.

«Я стою съ отрядомъ впереди всѣхъ нашихъ войскъ подъ Балканскими горами; часто дѣлаю поиски по горамъ. Непріятель отъ меня стоитъ не далеко и не рѣдко встрѣчаемся съ нимъ. Они пробуютъ въ ночь атаковать меня; имъ не удается: съ Божію помощію надѣюсь ихъ побѣдить всегда. Сколько ночей не раздѣваюсь, и часто ночью хожу по лагерю. Вотъ какъ мы живемъ, а музыка у меня по вечерамъ играетъ, и въ каждомъ полку пѣсенники поютъ; ждемъ непріятели, вотъ наша военная жизнь.»

Отъ 15-го сентября.

«Я думаю, по взятіи Варны, можетъ быть, войскамъ нашимъ прикажетъ Государь идти на зимовья квартиры до весны. Я буду проситься на нѣкоторое время прѣхать въ С.-Петербургъ, побыть хотя немного, и поѣхать въ Грузію хотя на одинъ мѣсяць, дабы видѣть наше имѣніе, что оста-

лось.... Теперь скажу тебѣ о себѣ, что я, славу Богу, здоровъ и стою съ отрядомъ въ Проводахъ; часто посѣщаю горы Балканскія и возвращаюсь въ свой лагерь; недавно укрѣпилъ свою позицію. Я долженъ былъ рубить прекрасныя фруктовыя большія деревья, хотя это противъ моего правила: не рубить садовъ и не разорять бѣдныхъ; но я долженъ былъ сіе исполнить потому, чтобы моя артиллерія могла хорошо дѣйствовать, когда Турки будутъ атаковать меня. Ежели бы ты была здѣсь и увидѣла, какъ рубили деревья, вѣрно заплакала бы: такія были красивыя.»

Отъ 21-го сентября.

«Дурново (Николай Дмитріевичъ) отъ меня въ 25 верстахъ по дорогѣ къ Варнѣ на Лиманскомъ броду съ Принцомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ. Онъ теперь мой Начальникъ покуда. Я теперь пишу каждый день рапорты къ Генералу Бенкендорфу для доклада Государю Императору и Главнокомандующему и Принцу (Евгенію Виртембергскому) обо всемъ, что случится, ибо мой отрядъ впереди всѣхъ войскъ стоитъ. Шеншинъ пишетъ ко мнѣ, что Графъ Дибичъ и Графъ Воронцовъ очень довольны моимъ распоряженіемъ и совершенно считаютъ себя обезпеченными со стороны моей.»

Наконецъ 29-го сентября Варна, не знавшая дотолѣ побѣдителя, пала къ стопамъ Николая.

«Спѣшу увѣдомить, Ваше Сіятельство, — писалъ графъ Дибичъ къ Мадатову, отъ 30-го сентября, съ корабля Парижъ, на Варнскомъ рейдѣ, — что Турецкій корпусъ Паши Омеръ-Врioni, пришедшій въ намѣреніи помочь крѣпости Варнѣ, по взятіи нами крѣпости, вчерашняго числа, отступилъ нынѣ же ночью скрытно и поспѣшно къ Камчику. Для преслѣдованія его и прогнанія за Камчикъ посланы уже войска, но едва ли они его достигнутъ. Направленіе, взятое непріятелемъ еще въ точности не извѣстно; впрочемъ довольно вѣроподобно, что онъ перейдетъ къ Шумлѣ или Айдосу: почему Вашему Сіятельству нужно усугубить осторожность и принять мѣры къ отраженію всякаго покушенія, которое бы Турки могли предпринять противъ ввѣреннаго вамъ пункта. Объ извѣстіяхъ, кои вы можете получить о непріятелѣ, прошу увѣдомить меня немедленно.»

По взятіи нами Варны, вспомогательный корпусъ Омеръ-Врѣони удаленъ изъ круга военныхъ дѣйствій.

Въ первыхъ числахъ октября проходилъ черезъ Проводы гарнизонъ павшей крѣпости, которому при сдачѣ позволено было возвратиться за Балканы. Тогда уже началась холодная и дождливая погода; Турки, ослабленные въ продолженіе осады недостатками во всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ и вышедшіе потомъ въ однихъ лохмотьяхъ, не могли переносить непогоды, и на первыхъ переходахъ падали и умирали кучами. При этомъ Мадатовъ показалъ, что онъ столько же человѣколюбивъ, сколько храбръ; вся возможная помощь была оказана несчастнымъ неприятелямъ. Князь посылалъ команды собирать больныхъ, валявшихся въ степи безъ призрѣнія; выставлялъ вѣдъ лагеря, по дорогѣ къ Варнѣ, караулы, у которыхъ всю ночь горѣли огни, и приготавлилась пища для отсталыхъ и слабыхъ. Солдаты Проводскаго отряда, ревнуя подражать своему начальнику, брали Турокъ по-одиночкѣ въ свои балаганы и дѣлились съ ними по-Русски хлѣбомъ-солью.

Наконецъ наступила зима, а съ нею сильные морозы, вьюги, метели, и выпало много снѣгу. Армія начала отступленіе для занятія зимнихъ квартиръ. Однако, въ отвѣтъ клеветамъ Западныхъ газетчиковъ, представлявшихъ это вынужденною ретирадою, — мы удержали за собою не только завоеванныя области, но даже отдаленные посты, занятые въ теченіе компаніи. Проводскій постъ, — въ этомъ случаѣ, — получилъ тѣмъ большую важность, что, по мѣстоположенію своему, онъ прикрывалъ Варну со стороны Балкановъ и Камчика, и, какъ самаго дальняго приобрѣтенія въ странѣ неприятельской, сохраненіе его до открытія компаніи 1829 года служило лучшимъ опроверженіемъ неосновательныхъ мнѣній объ успѣхахъ войны. — Графъ Сухтеленъ пріѣзжалъ въ Проводы, по волю Государя Императора, и, удостовѣрившись въ возможности оставить тамъ на зиму гарнизонъ, не подвергнувъ его слишкомъ явной опасности, составилъ, вмѣстѣ съ генералами Ротомъ, Мадатовымъ и Купріяновымъ, планъ необходимыхъ укрѣпленій для защиты города. Но въ то же время Мадатову велѣно было слѣдовать съ Главной

квартирой въ г. Яссы, куда онъ и прибылъ 10-го октября.

Тамъ графъ Дибичъ объявилъ волю Государя, что Князь назначается Начальникомъ 3-й Гусарской дивизіи, — смѣнивъ въ этомъ генералъ-лейтенанта Ридигера, — расположенной на зимовыхъ квартирахъ въ г. Романъ въ 80-ти верстахъ отъ г. Яссы.

Здѣсь князь Мадатовъ занялся комплектованіемъ дивизіи. Не смотря на трудность въ полученіи ремонтвъ, и вообще при совершенной почти невозможности достать въ томъ краю необходимое для обмундированія и проч., новой начальникъ дивизіи, неуспѣвшимъ рвеніемъ и благоразумною своею заботливостію, къ полному удовольствію Главнокомандовавшаго, въ началѣ весны 1829 года, привелъ дивизію въ хорошее положеніе, и 5-го апрѣля выступилъ съ нею въ походъ.

29-го апрѣля, въ день переправы дивизіи черезъ Дунай при м. Сатуновѣ, послѣ молебствія, Князь подошелъ къ полкамъ, поздравилъ ихъ съ походомъ, объяснилъ имъ краткою рѣчью, что они должны служить Государю вѣрно, усердно и храбро. Гусары отвѣчали крикомъ « ура! » и съ пѣснями пошли за Дунай, черезъ Бабадагъ и Базарджикъ, въ с. Каургу.

Здѣсь Мадатовъ смѣнилъ генералъ-лейтенанта барона Крейца, и принялъ начальство надъ отрядомъ, составленнымъ изъ 3-й Гусарской дивизіи, съ ея конною артиллеріею, бригады пѣхоты съ пѣшею артиллеріею и двухъ казачьихъ полковъ. Отрядъ этотъ имѣлъ назначеніе прикрывать осаду Силистріи со стороны Шумлы, и составлять связь между войсками, блокировавшими эту крѣпость, и корпусами генераловъ Рота и Ридигера.

«Статья можетъ, — писалъ графъ Дибичъ Роту*), — что Верховный Визирь приметъ теперь намѣреніе дѣйствовать противъ меня, на выручку Силистріи; въ такомъ случаѣ не упускайте изъ виду предписаніе, данное мною Вамъ отъ 29-го апрѣля, за № 1332-мъ, чтобы дѣйстви-

*) Предписаніе графа Дибича генералу Роту отъ 9-го мая 1829 года, № 1,480.

вать ему въ тылъ, совокупно съ отрядомъ Генераль-Лейтенанта Князя Мадатова».

Валеріанъ Григорьевичъ посылалъ непрерывно разъѣзды по всѣмъ направленіямъ, и 15-го мая выступилъ самъ изъ Каурги со всѣмъ отрядомъ, чтобы дѣлать поиски по Силистрийской дорогѣ къ Шумлѣ. Полагая возвратиться на свою позицію, отрядъ оставилъ всѣ тяжести и лишніе люди въ лагерь, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты съ 4-мя орудіями. На маршѣ, не доходя до с. Эмбелляръ, 18-го числа, прискакалъ къ Князю офицеръ, посланный генераломъ Ротомъ, съ извѣстіемъ, что Верховный Визирь идетъ на него съ сорокатысячною арміею, со стороны Козлуджи, и съ просьбою нампоспѣшнѣе прибыть къ нему на помощь.

Мадатовъ тотчасъ поворотилъ къ Козлуджи и удвоилъ скорость марша. «Ну, слава Богу! — говорилъ онъ гусарамъ, — мы наконецъ таки увидимъ Турокъ; смотрите братцы! вы ихъ не рубите всѣхъ; вѣдь за плѣннаго даютъ по червонцу *), сгодится; а лошадей мы маркитантамъ за долгъ отдадимъ.»

Часа три, послѣ офицера, пріѣхавшаго съ бумагами отъ Рота, прискакалъ казакъ, присланный вести отрядъ прямой дорогой на позицію, ему назначенную. — «Ну, что у васъ тамъ хорошенькаго?» — «Ничего нѣтъ, Ваше Сіятельство! Турки больно дерутся.» — «Такъ вы дрались?» — «Да, у васъ тамъ такая резолюція, что и Боже упаси.» — «Да чтожь у васъ было?» — продолжалъ Князь улыбаясь. — «Да Турки насъ совсѣмъ разбили, Ваше Сіятельство!» — «Какъ разбили? — Князь засмѣялся. — Стало быть у васъ много убитыхъ?» — «Нѣтъ, немного, Ваше Сіятельство! Богъ милывалъ, одного казака совсѣмъ убили, другаго поравили, а у урядника убили саврасаго мерина! славный былъ конь; бѣдный хозяинъ плакалъ.» — «Ну, а пѣхота ваша? я думаю, поподчивала ихъ порядкомъ?» — «Да, пѣхота-та наша прежде пала по нихъ; потомъ ужъ начала колоть штыками,

*) Во время тогдашней войны съ Турціею Государь Императоръ изволилъ приказать выдавать за плѣннаго Турка, пѣшаго, по одному червонцу, а за коннаго по два.

да бить прикладами. Да отбиться-то трудно было Ваше Сіятельство! Турка такъ свинья свиньей и лѣзетъ.»

Въ тотъ же день отрядъ, послѣ утомительнаго перехода въ 65 верстѣ, подоспѣлъ къ Роту, и удивилъ и обрадовалъ его скорымъ и неожиданнымъ своимъ прибытіемъ. Визирь въ тотъ же день отступилъ.

Князь Мадатовъ послѣ этого ходилъ съ дивизіею съ мѣста на мѣсто, и почти ни одного дня не имѣлъ отдыха; обозы и лагерь, какъ сказано выше, были оставлены въ Каургѣ; къ тому же во все это время, какъ нарочно, лили проливные дожди.

25-го мая генераль Ротъ пошелъ съ Гусарскимъ Принца Оранскаго полкомъ открывать сообщеніе съ осажденными Проводами, и въ то же время, для развлеченія непріятеля, велѣлъ Мадатову, съ двумя полками гусаровъ и однимъ казачьимъ, напасть на Турецкую кавалерію, расположенную въ Невчинской долинѣ. Князь атаковалъ Турокъ противу селенія Ровно и прогналъ ихъ въ горы.

28-го мая, корпусы Рота и Ридигера должны были двинуться къ Таушанъ-Козлуджи для соединенія съ главною арміею. Князю Мадатову съ тремя полками гусаровъ *) и казаками поручено было заслонить боковое движеніе войскъ отъ арміи Визиря. Онъ напалъ на Невчинскій отрядъ, вновь тамъ поставленный, прогналъ его опять въ горы, и расположился какъ бы лагеремъ въ Невчинской долинѣ, приказавъ разложить огни. Въ полночь, оставя на мѣстѣ часть казаковъ, чтобъ не дать потухнуть огнемъ и содержать цѣпь, Князь съ гусарами тихо снялся съ бивуаковъ, и прибылъ на другой день къ селенію Таушанъ-Козлуджи **). Здѣсь онъ

*) Гусарскій графа Витгенштейна полкъ былъ оставленъ въ Проводахъ у генерала Куріанова.

**) Объ этихъ дѣйствіяхъ Мадатова послѣ соединенія съ Ротомъ, отъ 18-го до 30-го мая, въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* и въ *Словарѣ* Старчевскаго сказано поверхностно и не точно: «Визирь въ тотъ же день отступилъ, преслѣдуемый Мадатовымъ, который атаковалъ его конницу, расположенную въ Невчинской долинѣ, и прогналъ ее въ горы. Отрядъ Мадатова расположился у Таушанъ-Козлуджи (у Старчевскаго опечатка Гаушанъ-Козлуджи) и обезначилъ тылъ арміи отъ покушенія Визиря, стоявшаго подъ Проводами.»

былъ оставленъ, съ тѣми же полками своей дивизіи и бригадою пѣхоты, для охраненія тыла арміи: потому что Верховный Визирь, изъ позиціи, занимаемой Турецкою арміею въ окрестностяхъ Проводъ, имѣлъ возможность, сдѣлавъ движеніе вправо, напасть на Русскую армію съ тылу.

30-го числа Князь прибылъ къ селенію Кулевчи и соединился со всею нашею арміею: но, находясь съ своими полками во второй линіи, онъ не могъ участвовать въ первомъ актѣ сраженія; когда же, пользуясь временнымъ бездѣйствіемъ Турокъ, Главнокомандовавшій подкрѣпилъ сражавшіяся войска, чтобы нанести окончательное пораженіе непріятелю, то 3-я Гусарская дивизія подкрѣпила 2-ю Гусарскую; но эти новыя наши приготовленія и потери, понесенныя уже Турками, побудили Верховнаго Визиря къ отступленію, вскорѣ превратившемуся въ бѣгство, и полки Мадатова опять не имѣли чести участвовать въ славной битвѣ.

31-го числа для воспрепятствованія, по мѣрѣ возможности, остаткамъ непріятельской арміи пробраться въ Шумлу, корпусъ генерала Рота былъ посланъ къ селенію Марашу; Князь Мадатовъ прикрывалъ правый флангъ его *). Спускаясь къ деревнѣ Касапли, Ротъ замѣтилъ близъ одного кургана около 1,500 человекъ **) Турецкой конницы, и приказалъ ***) Мадатову, съ гусарскими полками Ахтырскимъ и Александрійскимъ и 6 конными орудіями ****), идти на нихъ

*) По книгѣ *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 158) правая колонна состояла изъ трехъ полковъ 3-й Гусарской дивизіи и *четыре*хъ орудій конной артиллеріи роты № 6-й.

**) Всеподданѣйшей рапортъ графа Дибича, отъ 2-го іюня 1829 года. По книгѣ *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 158) число Турокъ простиралось до 3,000.

***) Тотъ же всеподданѣйшій рапортъ графа Дибича. Авторъ книги *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 158) такъ рассказываетъ объ этомъ подвигѣ, какъ бы Князь предпринялъ его самопроизвольно.

****) Тотъ же рапортъ Главнокомандовавшаго и Лукьяновичъ, въ *Описаніи Турецкой войны* (III, 184). По описанію, помѣщенному въ книгѣ *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 158), онъ выстроилъ въ первой линіи Александрійскій и *Оранскій* полки и *четыре* орудія 6 конной артиллерійской роты въ интервалѣ, а *Ахтырскій* полкъ въ резервѣ.

и стараться отрѣзать отъ крѣпости Шумлы, тогда какъ 1-му Бугскому полку съ двумя конными орудіями атаковать ихъ во фронтъ.

«Князь Мадатовъ, — всеподданѣйше доносилъ Государю Главнокомандовавшій, *) — исполнилъ это *съ свойственною ему рѣшимостію*, атаковалъ и опрокинулъ непріятеля и взялъ два знамени.»

Въ быстрой погонѣ за Турецкою кавалеріею, гусары проскакали между редутовъ и, вмѣстѣ съ бѣгущими, ворвались въ ближайшій пѣхотный лагерь, въ которомъ тщетно Турки искали убѣжища. Такъ смѣло было нападеніе, такъ увлекателенъ примѣръ Князь, котораго природа одарила всеми достоинствами отличнаго кавалерійскаго генерала, что пѣхота Турецкая, захваченная въ располхъ, изумленная, не успѣвшая выстроиться, пала **) почти безъ сопротивленія во рвахъ лагера и между палатками. Но порывъ войска на этомъ не остановился: быстрымъ поворотомъ направо князь Мадатовъ успѣлъ еще отрѣзать отъ Шумлы пѣхотную колонну, отступавшую изъ другаго лагера, въ надеждѣ найти въ городѣ спасеніе, котораго она уже не смѣла ожидать внѣ его неприступныхъ стѣнъ: и эта колонна уничтожена. Все поле до самой крѣпости было очищено отъ непріятеля, котораго только слабыя остатки скрылись въ Шумлѣ ***). Оставались еще два редута, занятые Турками и защищаемые 5-ю орудіями, редуты значительные, построенные рачительно, съ глубокими рвами съ дерновою одеждою, съ гарнизономъ отчаяннымъ; атаковать редуты кавалеріею было дѣло неслыханное, успѣхъ казался невозможнымъ. Но Мадатовъ привыкъ къ предпріятіямъ смѣлымъ. Гусары, одушевленные имъ, рвались къ опасностямъ.

*) Тотъ же рапортъ графа Дибича.

**) По книгѣ *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 159), непріятельская пѣхота *пала почти безъ сопротивленія* а по *Описаніи Турецкой войны* Лукьяновича (III, 187) она *скрылась* «во рвахъ лагера и между палатками».

***) *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 158—159). Въ упомянутомъ рапортѣ Главнокомандовавшаго нѣтъ объ этомъ взятіи пѣхотнаго лагера и о разбитіи этой колонны, а сказано, что «въ быстротѣ преслѣдованія (перваго разбитаго отряда) наскочилъ онъ (Мадатовъ) на непріятельскій редутъ».

Изъ редута, на который въ быстротѣ преслѣдованія первоначально наскочилъ Мадатовъ, встрѣтили нашихъ выстрѣлами изъ двухъ орудій и ружейнымъ огнемъ. Неожиданная встрѣча не остановила храбрыхъ. Мадатовъ бросился на редутъ, и спѣшившіеся гусары съ конными своими товарищами, въ одно мгновеніе, овладѣли имъ и находившимися тамъ двумя орудіями и двумя знаменами. Небольшая часть гарнизона этого укрѣпленія успѣла спастись и бѣжать въ ближайшій редутъ. Неустрашимые гусары *) бросились и на него, но глубокій ровъ, ружейный огонь болѣе 400 человекъ пѣхоты и выстрѣлы трехъ орудій остановили ихъ порывъ. Между тѣмъ генераль Ротъ сблизилъ къ мѣсту сраженія батареиную роту 16-й бригады и 31-й и Охотскій полки. Но князь Мадатовъ, желая избѣжать кровопролитія и сохранить жизнь храбрыхъ нашихъ воиновъ, два раза одинъ подъѣзжалъ къ самому рву редута, и увѣщевалъ Турокъ сдаться, уговаривая на собственномъ ихъ языкѣ. Этотъ геройскій и великодушный подвигъ не имѣлъ успѣха. Ожесточенные Турки, отвѣчали градомъ пуль на личный вызовъ Русскаго генерала. Тогда Ротъ, при содѣйствіи картечи, поражавшей менѣе какъ на 200 шаговъ изъ батареинныхъ орудій, приказалъ названнымъ двумъ пѣхотнымъ полкамъ, взявъ ружье на руку, ударить въ штыки: приказать и исполнить было минутное дѣло. Редутъ взятъ съ 3 орудіями и всѣми знаменами, въ немъ разлѣвавшимися. Весь гарнизонъ укрѣпленія легъ подъ саблями и штыками нашихъ, сражаясь, не прося и не принимая пощады.

Это кавалерійское дѣло одно изъ блистательнѣйшихъ, какія только встрѣчаются въ лѣтописяхъ военныхъ: одного его было бы достаточно для славы Мадатова; оно показало не одну только храбрость и искусство Князя, но и необычайное его вліяніе на духъ подчиненныхъ.

3-я Гусарская дивизія при этомъ особенно отличалась. Въ исторіи военной не много найдется примѣровъ, гдѣ бы гусары съ саблею въ рукѣ взяли укрѣпленный лагерь, защищаемый пѣхотою, и редуты, вооруженные артиллеріею.

*) Въ упомянутомъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ не названъ полкъ, но по словамъ книги *Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 160) здѣсь были знаменитые *Александрійцы*.

Трофеями этого дѣла было 5 пушекъ и 12 знаменъ *). Потеря непріятеля состояла изъ 600 человекъ убитыми. Плѣнныхъ взято не болѣе 50 человекъ.

«Трудно представить порывъ нашихъ войскъ въ семь скоромъ и рѣшительномъ дѣйствіи», свидѣтельствоваль Главнокомандовавшій предъ Государемъ.—Принца Оранскаго полкъ, подъ начальствомъ полковника Плаутина, сдѣлалъ нѣсколько блистательныхъ атакъ; спѣшенные Александрійцы съ непримѣрнымъ мужествомъ взошли на валы редутовъ, и трое храбрыхъ офицеровъ этого полка пали въ рукопашномъ бою на самыхъ валахъ укрѣпленій. Генераль-маіоръ Муравьевъ, въ первой атакѣ, выхватилъ самъ изъ рукъ непріятеля пашинское знамя. «Князь Мадатовъ,—какъ изъяснялся графъ Дибичъ въ донесеніи своемъ,—былъ вездѣ первый, указывая путь къ побѣдѣ; примѣру его слѣдовали всѣ его подчиненные.» Потеря наша не превышала 100 человекъ убитыми и ранеными.

Наградою Валеріану Григорьевичу за это блестящее дѣло была Александровская лента, Всемилостивѣйше пожалованная при слѣдующей Высочайшей грамотѣ:

«Нашему Генераль-Лейтенанту, Командующему 3-ю Гусарскою Дивизіею Князю Мадатову.

«Въ ознаменованіе особеннаго Нашего къ Вамъ благоволенія, за примѣрное мужество, храбрость и неустрашимость, оказанныя Вами лично при взятіи, 31-го прошлаго Мая, Кавалерійскою атакою непріятельскихъ редутовъ близъ крѣпости Шумлы, Всемилостивѣйше жалуемъ Васъ Кавалеромъ Ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ къ Вамъ Императорскою Нашею милостію на всегда благоклонны.»

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписанно:

«Н и к о л а й.»

«Въ Варшавѣ,
9-го іюня, 1829 года.» **).

*) По всеподданнѣйшему рапортѣ Дибича. По книгѣ *Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 160) взято 14 знаменъ. По *Описаніи Турецкой войны* Лукьяновича (III, 186) шесть орудій.

**). Въ книгѣ *Жизнь генераль-лейтенанта князя Мадатова*, (стр. 208) опечатка въ мѣсяцѣ, вмѣсто іюня стоить іюль.

Полковые командиры получили за это дѣло Георгіевскіе кресты, прочіе офицеры и нижніе чины были также награждены.

Іюня 5-го князь Мадатовъ съ своею дивизіею поступилъ во 2-й Пѣхотной корпусъ, подъ начальство генерала графа Палена, и перешелъ отъ селенія Мараша на позицію противъ крѣпости Шумлы; 7-го іюня онъ съ 16-ю эскадронами отправленъ былъ въ поиски къ Джумаю, для открытія шедшаго въ Шумлу подкрѣпленія. Непрiятель, изумленный потерей при Кулевчѣ, не выходилъ изъ крѣпости и не смѣлъ ничего предпринять противъ этого отряда. Джумая была оставлена Турками и Мадатовъ, 9-го числа возвратился на прежнюю позицію.

Черезъ недѣлю, 16-го іюня, по слухамъ о выступленіи изъ Шумлы значительнаго отряда Турокъ, для вспоможенія Силистріи, Князь получилъ опять приказаніе идти съ дивизіею для подкрѣпленія генерала Красовскаго, и прибылъ къ осажденной крѣпости 18-го числа, въ день ея сдачи.

«Я писалъ къ тебѣ 15-го сего мѣсяца изъ-подъ Шумлы, — говоритъ Князь въ письмѣ отъ 22-го іюня, — а теперь пишу изъ Силистріи. Я послѣ письма былъ позванъ къ Графу Дибичу. Онъ мнѣ вручилъ грамоту отъ Государя съ пожалованной мнѣ Александровской лентой, и поздравилъ меня, онъ, и графъ Толь, и очень они были рады, что Государь такъ скоро меня наградилъ за славное дѣло подъ Шумлою. Я тотъ же часъ получилъ приказаніе выступить съ дивизіею къ Силистріи подкрѣпить Красовскаго. Я выступилъ ту же ночь и прибылъ сюда 18-го числа; утромъ вышли Наши на стѣны, начали переговоры, а 19-го крѣпость сдалась, и мы, по отправленіи плѣнныхъ въ Россію, черезъ три дня пойдѣмъ опять къ Шумлѣ, для соединенія съ главною арміею.»

Послѣ благодарственнаго молебствія за взятіе Силистріи, войскамъ нашимъ, при осадѣ этой крѣпости находившимся, сдѣланъ былъ смотръ. Въ немъ участвовала и 3-я Гусарская дивизія, составляя одинъ изъ фасовъ огромнаго квадрата, въ которой были поставлены войска. Желая показать силы наши, устройство и отличное положеніе, въ которомъ они находились, не смотря на изнурительныя осадныя работы, Красовскій пригласилъ пашей быть свидѣтелемъ этого новаго для нихъ зрѣлища. Наиболѣе понравились Туркамъ

гусары Мадатова, въ парадныхъ мундирахъ своихъ, на красивыхъ, легкихъ и рослыхъ коняхъ, проходившіе рысью и галопомъ за артиллеріею.

25-го іюня Красовскій выступилъ подъ Шумлу, при чемъ, на пути туда, Мадатову поручено было открывать разбойничьи шайки и истреблять ихъ, вмѣстѣ съ жилищами хищниковъ, до основанія. 28-го числа Князь прибылъ обратно съ дивизіею къ Шумлѣ и присоединился къ главнымъ силамъ арміи.

Черезъ нѣсколько времени графъ Дибичъ съ большею частію войскъ предпринялъ движеніе къ рѣкѣ Камчику для перехода черезъ Балканы. Генералъ Красовскій былъ оставленъ съ 3-мъ Пѣхотнымъ корпусомъ, для наблюденія за непріятелемъ подъ Шумлою. Тутъ же была собрана многочисленная кавалерія, и начальство надъ ней было ввѣрено Мадатову.

«Когда Графъ Дибичъ пошелъ за Балканы, — пишетъ Князь, — меня оставили подъ начальствомъ Генерала Красовскаго наблюдать за движеніями Визиря подъ Шумлою, и Графъ, прощаясь съ нами, говорилъ: оставляя васъ, я буду спокоенъ, зная, что вы не пропустите непріятеля къ нашей коммуникаціонной линіи. Наши войска стоятъ за Балканами спокойно, и говорятъ, что совѣтъ у Турокъ на той сторонѣ войска нѣтъ больше; а что есть, все съ Визиремъ находится въ Шумлѣ, гдѣ ихъ до 40 тысячъ человекъ; и эти такъ напуганы, что послѣ того, какъ наши пошли за Балканы, три раза подходили мы къ стѣнамъ Шумлы, они не смѣли выходить съ нами драться. Мы среди дня отступили; они насъ не смѣли преслѣдовать. Вотъ какіе сдѣлались они трусы и совѣтъ трусы!..»

Сколь ни прискорбно было Князю видѣть себя лишеннымъ возможности принять участіе въ походѣ за Балканы, но какъ истинный воинъ, постигавшій, что дисциплина есть душа арміи, онъ, хотя съ сокрушеннымъ сердцемъ, принялся за исполненіе своего долга подъ Шумлою и оправдалъ выборъ Главнокомандовавшаго, неуспынною бдительностію за движеніями Визиря и благоразумными распоряженіями, которыми обезпечилъ нашъ наблюдательный корпусъ и тылъ арміи.

Когда генералъ Красовскій отступалъ отъ Шумлы къ Янибазару, арріергардомъ начальствовалъ Мадатовъ.

6-го іюля на разсвѣтѣ Верховный Визирь, узнавъ о движеніи нашемъ, выслалъ за арріергардомъ до 1,000 человекъ конницы, повидимому болѣе для узнавія о направленіи, которое мы возьмемъ, нежели для того, чтобъ вступить съ нами въ сраженіе. Мадатовъ остановился, не доходя версты три до Янибазара, удержалъ тутъ Турокъ, и тѣмъ закрылъ движеніе 3-го Пѣхотнаго корпуса, и далъ ему время избрать выгодную позицію.

На другой день, 7-го, Верховный Визирь съ кавалерією, въ числѣ 5 тысячъ человекъ, показался на высотахъ праваго берега рѣчки Эрзели, опять предъ Мадатовамъ, составившимъ уже авангардъ, не завязывая однакожъ никакого дѣла; пробывъ нѣкоторое время въ этомъ положеніи, онъ отступилъ обратно къ Шумлѣ, оставя передовые посты по правому берегу рѣчки.

14-го іюля Князь находился при общей демонстраціи всего корпуса на Шумлу.

28-го числа пріѣхалъ къ Мадатову парламентарь, и привезъ отъ Визиря письмо на имя Главнокомандовавшаго, объявляя, что оно писано по волѣ Султана, и заключаетъ предложенія о мирѣ. Письмо тотчасъ же было послано къ графу Дибичу. На другой день Визирь прислалъ полковника регулярныхъ войскъ, прсся о назначеніи свиданія между княземъ Мадатовымъ и главнокомандовавшимъ Турецкою армією. Генералъ Красовскій, желая узнать намѣреніе Визиря, не хотѣлъ откладывать этого свиданія и уговорилъ Валеріана Григорьевича ѣхать на аванпосты и увидѣться съ нимъ. 4-го августа Мадатовъ, въ сопровожденіи почетнаго конвоя, отправился къ назначенному мѣсту, гдѣ Визирь уже ожидалъ его съ великолѣпною свитою. Турки съ удивленіемъ смотрѣли на блестящую толпу, прибывшую съ Княземъ. Множество офицеровъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ, бывшихъ тогда подъ Шумлою, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, и самый конвой, выбранный изъ всей кавалеріи, составляли прекрасный строй съ разноцвѣтными флюгерами. Нѣсколько Карабахскихъ жеребцовъ, принадлежавшихъ Мадатову, высокой породы, подъ богатыми бобрами, ведены были вукерами.

Свиданіе это было тѣмъ пріятнѣе для Визиря, что, будучи

самъ родомъ изъ Грузіи *), онъ считалъ Князя своимъ единоплеменникомъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, по обычаю Восточныхъ народовъ, во время которыхъ Турецкій полководецъ обходился весьма дружески съ Княземъ, приступили къ совѣщаніямъ о мирѣ. Отъ столь быстрого наблюдателя, каковъ былъ Мадатовъ, не ускользнула большая склонность Турецкаго вождя къ миру. Непрiятельскія войска упали духомъ, побѣги усиливались, и Турки убѣдились наконецъ, что имъ невозможно сражаться съ выгодою противъ Русскихъ; по этимъ причинамъ Валеріанъ Григорьевичъ, не безъ основанія, полагалъ, что настала часъ выгоднаго для Россіи мира. Генералъ Красовскій поспѣшилъ объ этихъ совѣщаніяхъ довести графу Дибичу.

3-го августа, Верховный Визирь, желая воспользоваться дружественными сношеніями своими съ княземъ Мадатовымъ, обратился къ нему съ письмомъ; въ которомъ просилъ о содѣйствіи и ходатайствѣ на счетъ мира. Письмо это немедленно было препровождено къ Генералъ-Фельдмаршалу.

Не смотря на эти мирныя расположенія, которыя въ войнахъ, особенно съ Восточными народами, всегда должно поддерживать успѣхами оружія, князь Мадатовъ 5-го августа на разсвѣтѣ, съ двумя казачьими полками и гусарскимъ полкомъ графа Витгенштейна, подъ самыми стѣнами Шумлы, захватилъ 150 Турецкихъ фуражировъ, множество лошадей и скота. Турки такъ упали духомъ, что не смѣли выѣхать изъ крѣпости для выручки своихъ и сдѣлали только нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій. Послѣ того, войска наши тѣснѣе обложили Шумлу.

16-го августа Мадатовъ сопровождалъ уже Красовскаго на свиданіе съ Верховнымъ Визиремъ, а 18-го на свиданіе съ Гусейномъ-Пашею.

Между тѣмъ оставленному подъ Шумлою корпусу предстояло не одно только наблюденіе надъ непріятельскою армією, находившеюся въ этой укрѣпленной позиціи; но онъ также долженъ былъ еще препятствовать всѣмъ мѣра-

*) Решидъ-Паша, въ малолѣтствѣ былъ взятъ въ плѣнъ и въ продолженіе времени, занимая разные должности, достигъ до степени верховнаго визиря

ми, чтобы войска Пашы Скординскаго не присоединились къ главной Турецкой арміи, и чрезъ то, усиливъ гарнизонъ крѣпости, не подали бы непріятелю средства къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Сверхъ того надлежало не допускать въ крѣпость доставлять съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей.

Для поисковъ въ тылу непріятеля, и для воспрепятствованія подвозовъ продовольствія въ Шумлу отъ Тырнова и Джумаи, князь Мадатовъ, со 2-ю бригадою своей дивизіи, 1-мъ Бугскимъ уланскимъ полкомъ и 6-ю орудіями конной № 6-й роты *) выступилъ 25-го августа изъ лагеря;—переночевавъ близъ деревни Суютлю, онъ, 26-го числа, перешелъ къ селеніямъ Гасанъ-Тиржекійой и Утюкларъ, между которыми и занялъ позицію на Руцукской дорогѣ. Получивъ отъ жителей окрестныхъ деревень достовѣрныя свѣдѣнія, что по дорогѣ отъ Разграда и Руцука не бываетъ никакихъ подвозовъ продовольствія въ Шумлу, Князь, 27-го числа, перешелъ съ отрядомъ своимъ на ночлегъ къ селенію Касакіой и расположился на перекрестной дорогѣ отъ Тырнова къ Шумлѣ и Джумаю. Вскорѣ по прибытіи отряда на это мѣсто замѣчены были обозы, тянувшіеся къ Шумлѣ. Для взятія ихъ была командирована партія, которая, разсѣявъ прикрытія, захватила до ста повозокъ съ сухарями и ячменемъ. Узнавъ же, отъ взятыхъ при этомъ Турокъ и Булгаръ, что сзади ихъ шли еще обозы, Князь командировалъ эскадронъ гусаръ, который и нашелъ на дорогѣ множество брошенныхъ повозокъ съ продовольствіемъ, и, не имѣвъ возможности взять съ собою, истребилъ. Въ тоже время другой эскадронъ гусаръ былъ отправленъ къ городу Джумаю, котораго жители встрѣтили нашихъ весьма дружелюбно, съ хлѣбомъ и солью, и тотчасъ отправили къ князю Мадатову депутацію съ изъявленіемъ мирныхъ своихъ чувствованій и покорности.

*) Рапортъ генералъ-лейтенанта Красовскаго графу Дибичу отъ 31-го августа (*Съверная Пчела* прибавленіе № 46 (къ № 112), а также Лукьяновичъ въ *Описаніи Турецкой войны* (IV, 113). Въ книгѣ *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 167) объ артиллеріи не упомянуто.

Въ продолженіе всей этой экспедиціи жители деревень, лежавшихъ по дорогѣ нашихъ войскъ, ободренные ласковымъ съ ними обращеніемъ Мадатова и вообще Русскихъ воиновъ и общаніемъ, что безоружные, остающіеся мирно въ домахъ своихъ, отнюдь не будутъ оскорбляемы и собственность ихъ останется неприкосновенною, съ совершенною довѣренностію выходили на встрѣчу Князю съ хлѣбомъ солью и плодами, и приносили въ лагерь продавать домашнія свои произведенія за самую умѣренную цѣну. Наконецъ и изъ другихъ селеній, верстъ за 10 и за 15 отъ дороги, являлись также старѣйшины испрашивать охранительныхъ листовъ, каковыя и были немедленно имъ раздаваемы.

Довѣренность жителей къ Русскимъ была столь велика, что стада ихъ, во время слѣдованія отряда для поисковъ и на обратномъ пути, паслись у самыхъ дорогъ.

Въ продолженіе поиска, при транспортахъ, слѣдовавшихъ въ Шумлу, захвачено 97 Турокъ и Булгаръ, 50 лошадей, множество рогатаго скота и 106 возовъ съ запасами. Продовольствіе частію раздавалось войску, частію истреблялось на мѣстѣ, и еще множество разныхъ добытыхъ запасовъ привезено было въ лагерь.

Здѣсь нельзя еще разъ не обратить вниманія на нравственную черту князя Мадатова, стяжавшаго себѣ нетлѣнную память не одними подвигами воинскими, но и доблестями мирными. Отважный и предприимчивый Валеріанъ Григорьевичъ всячески старался прямодушіемъ, обходимостію и ласковостію внушать довѣріе въ мирныхъ жителяхъ, на которыхъ почти всегда безвинно падаетъ тягость войны. Знаніе Турецкаго языка очень много способствовало Мадатову. Онъ, начальникъ отряда, украшенный многими знаками отличія, говорилъ самъ съ жителями на ихъ природномъ языкѣ; могли ли его слова не имѣть силы убѣжденія? Послѣдствія совершенно оправдали довѣріе, которое внушалъ Князь: личность и собственность жителей свято оставались неприкосновенными; за произведенія своего края, привозимыя поселянами въ Русскій лагерь, они получали желаемую плату. Въ странѣ, гдѣ и въ мирное время бѣдный поселянинъ подвергается отъ войскъ, собранныхъ для его защиты, всякаго рода притѣсненіямъ и насиліямъ, такое великодушное обращеніе

должно было поселить въ жителяхъ не только уваженіе, но даже удивленіе къ Русскимъ.

Турки видѣли эту разность въ поступкахъ обоихъ войскъ, и перевѣсъ добраго ихъ мнѣнія необходимо былъ на сторонѣ Русскихъ. Полководцы Турецкіе также это чувствовали. Когда съ покореніемъ Адріанополя начались переговоры о мирѣ, и военныя дѣйствія подъ Шумлою были прекращены, тогда Верховный Визирь Гуссейнъ-Паша, знаменитый историкъ Явычаръ, и Нашидъ-Бей, довѣренный его чиновникъ, при свиданіи съ генераломъ Красовскимъ, говорили: «за великодушіе Русскихъ съ побѣжденными Богъ даруетъ успѣхи вашему оружію. Мы, будучи на мѣстѣ вашемъ, никогда не были бы въ состояніи такъ поступать.» Тогда же они изъявили признательность князю Мадатову, за дружеское обращеніе, ласки и снисхожденіе, оказанное имъ жителямъ во время экспедиціи на Тырновскую дорогу.

Окончивъ эту экспедицію, князь Мадатовъ выступилъ 29-го августа въ обратный путь, и, послѣ ночлега при селеніи Гассанъ-Тержикіой и большаго привала противъ сел. Эрекли, 31-го прибылъ въ лагерь.

Наконецъ скажемъ, что къ официальному извѣстію, при которомъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ обнародованъ рапортъ Красовскаго объ этомъ дѣлѣ, прибавлены слѣдующія строки:

«Подробности сего донесенія служатъ новымъ удостовѣреніемъ, сколь твердо храбрые Россійскіе воины, соблюдая въ землѣ непріятельской должную дисциплину, и, отличаясь кроткимъ обращеніемъ и правилами строгой умѣренности, успѣли пріобрѣсть довѣріе къ себѣ тамошнихъ жителей, которые вездѣ встрѣчаютъ отряды наши съ искреннею радостію и добровольно предаются великодушію побѣдителей.»

Но князю Валеріану Григорьевичу не суждено было видѣть торжество мира. Еще съ прошедшей зимы онъ чувствовалъ, отъ простуды, сильную боль въ лѣвомъ боку, которая безпрестанно увеличивалась. Мадатовъ перемогался, желая дослужить кампанію. Труды, заботы военныя, неимѣніе покоя — изнуряли его. Эта послѣдняя экспедиція, можно сказать утвердительно, лишила его остальныхъ силъ. Князь, томимый какимъ-то горестнымъ

предчувствіемъ, какъ бы не-хотя выступилъ изъ лагеря, и почти во все время похода, противъ обыкновенія, былъ невеселъ и даже мраченъ; погода была сырая, туманная; отрядъ дѣлалъ переходы чрезвычайные, такъ, что однажды въ 24 часа онъ прошелъ 80 верстъ.

31-го числа, подходя къ лагерю, въ 5-ти верстахъ отъ него слышенъ былъ ружейный огонь; Мадатовъ остановилъ отрядъ и послалъ ординарца узнать, что это значитъ. — «Если Турки сдѣлали вылазку, — сказалъ Князь, — мы имъ ударимъ во флангъ и отрѣжемъ отъ Шумлы!» — Но тутъ уже онъ началъ жаловаться на нестерпимую боль въ лѣвомъ боку, слѣзь съ коня и легъ на разостланной буркѣ. Ординарецъ возвратился и донесъ, что это пѣхота изна стрѣляетъ въ цѣль; тогда онъ, съ большимъ уже трудомъ, сѣлъ на лошадь и вступилъ въ лагерь.

2-го сентября внезапно открылось у Князя сильное кровотеченіе изъ горла и чрезъ день, 4-го числа, его уже не стало *). Война какъ бы поддерживала его слабѣвшія силы, и съ окончаніемъ ея онъ переселился въ миръ лучшій.

Смерть князя Мадатова опечалила Русскую армію, была оплакана его подчиненными и внушила сожалѣніе даже врагамъ, которыхъ онъ всегда поражалъ. Жизнь, наполненная чудными подвигами, должна была замкнуться неожиданнымъ торжествомъ, и храбрѣйшіе изъ Турокъ Решидъ и знаменитый Гуссейнъ, имѣвшіе въ Князѣ опаснаго противника, въ знакъ необыкновеннаго уваженія къ праху героя, немедленно по заключеніи мира, 6-го сентября, открыли для него ворота неприступной Шумлы.

Гробъ, съ тѣломъ Князя, изъ лагеря до церкви несли на себѣ попеременно всѣ офицеры 3-го Пѣхотнаго кор-

*) Въ книгѣ *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 171), въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ и въ Словарѣ* Старчевскаго сказано невѣрно чрезъ два дни. Въ книгѣ *Собрание актовъ, относящихся къ Обзорнію исторіи Армянскаго народа* (1, стр. 289), еще болѣе невѣрно показано, что онъ скончался въ 1830 году.

По современнымъ извѣстіямъ объ его смерти (*Слв. Пч.* 1829 г. № 120), Князь умеръ отъ аневризма.

пуса. У воротъ крѣпости печальное шествіе остановилось: раздалось церковное пѣніе; войска преклонили предъ нимъ знамена и оружіе; артиллерія залпами отдала послѣднюю земную почесть доблестному Генералу; ворота отворились, и шествіе вступило въ городъ. Турки впустили изъ всего конвоя только взводъ гусаръ Привца Оравскаго полка съ ихъ трубачами.

Необыкновенное для Мусульманъ зрѣлище пышнаго Христіанскаго погребенія и самое появленіе Русскихъ внутри Шумлы, куда никогда еще не проникалъ вооруженный непріятель, все это вмѣстѣ изумляло и привлекало жителей; народъ стекался толпами; войны Турецкіе спѣшили взглянуть на того, кто былъ для нихъ прежде столько страшень. Окна, крыши, заборы домовъ были унижены народомъ, даже женщинами, забывая и строгій обычай Востока и ненависть къ Русскимъ, отбрасывали покрывала, чтобъ лучше насмотрѣться на эту трогательную и вмѣстѣ съ тѣмъ величественную картину, столь для нихъ необыкновенную. Тихо, безмолвно наблюдали зрители мрачную торжественность обряда, прислушиваясь къ печальнымъ звукамъ трубъ.

Процессія тянулась медленно по узкимъ улицамъ Шумлы и, съ большимъ трудомъ, достигла до ограды Христіанской церкви Св. Побѣдоносца Георгія *), гдѣ преданы были землѣ остатки смѣлаго воина, по отиѣвнн тѣла Булгарскимъ духовенствомъ по обряду Православной церкви.

Верховный Визирь почтилъ память героя еще и тѣмъ, что, со всѣми Турецкими войсками, отдалъ праху его послѣднюю воинскую почесть.

Такъ кончилъ блистательное поприще свое князь Мадатовъ не на полѣ битвы, гдѣ опасность какъ будто щадила жизнь, безпрестанно ей подверженную, но на мирномъ одрѣ, когда труды войны уже миновались и Сул-

*) *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 173), *Военно-Энциклопедической Лексиконъ*, *Справочной Словарь* и Лукьяновичъ *Описаніе Турецкой войны* (IV, 190).—По современнмъ же извѣстіямъ (*Сѣверная Пчела* 1829 г. № 120) тѣло его было погребено въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы.

танъ повергалъ судьбу Оттомановъ великодушію Николая. Впрочемъ Князь встрѣтилъ тихій конецъ на землѣ непріятельской, свидѣтельница его подвиговъ и въ юношескихъ лѣтахъ и въ лѣтахъ мужества.

Въ 1830 году тѣло Мадатова было привезено, въ маѣ, въ Одессу, а 31-го іюня препровождено изъ этого города въ С. Петербургъ. Все Одесское духовенство, многіе генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, гражданскіе чиновники, купечество и большое число народа сопутствовали ему до самой заставы. Въ столицѣ оно погребено въ Александро-Невской Лаврѣ.

Природа создала князя Мадатова воиномъ. Не смотря на недостатокъ высшаго образованія, онъ необыкновеннымъ яснымъ и проницательнымъ умомъ, силою воли и рѣшительностію, замѣнялъ всѣ познанія, которыя другимъ доставляетъ наука. Вѣрность военнаго взгляда никогда ему не измѣняла; ясность его соображеній удивляла всѣхъ. Для него довольно было самаго поверхностнаго осмотра, чтобъ получить совершенное познаніе мѣстности въ новомъ краѣ. Нѣсколько встрѣчь съ новымъ противникомъ—и онъ уже постигалъ его характеръ. Никогда не ошибался Князь, назначая пункты, гдѣ слѣдуетъ дать отпоръ непріятелю, или гдѣ слѣдуетъ нанести ему ударъ. Минута же рѣшительнаго движенія, всегда имъ напередъ угаданная, находила его постоянно готовымъ.

Но вѣрность взгляда и соображеній, ясность ума и догадки встрѣчаются во многихъ полководцахъ и остаются бесполезными. Ихъ достаточно для совѣтника, недостаточно для вождя. Мадатовъ соединялъ съ этими качествами величайшую личную храбрость,—которая не блѣднѣла ни передъ какой опасностью, ледяное хладнокровіе,—которое не смущалось никакою неожиданностью, и, что всего рѣже, нравственное мужество,—которое не пугалось никакой отвѣтственности. Въ рѣшенія смѣлый, онъ былъ необыкновенно быстръ въ исполненіи своихъ намѣреній, и эта быстрота была вѣрною порукою въ успѣхѣ всѣхъ предпріятій Князя. Изумленный ею непріятель, не смотря на превосходство силъ, на выгоды мѣстности, или оружія, терялъ и возможность ими пользоваться, и время вужное

для соединенія своихъ массъ, и ту самонадѣянность, безъ которой успѣхъ невозможенъ.

Все это невольно представляется уму при разсмотрѣніи постоянныхъ успѣховъ Мадатова противъ силъ несравненно превосходныхъ, важныхъ послѣдствій, достигнутыхъ имъ съ весьма ограниченными средствами, и несбыкновенно малой потери, понесенной войсками его въ самыхъ блистательныхъ побѣдахъ.

Въ молодости веселый нравъ пріобрѣлъ Князю любовь товарищей. Потомъ, будучи начальникомъ, съ подчиненными онъ былъ ласковъ; при соблюденіи строгой дисциплины, любилъ солдатъ, имѣлъ о нихъ всегдашнее попеченіе, воспламенялъ ихъ духъ, обхожденіемъ возвышалъ ихъ нравственную силу, и тѣмъ вселялъ въ нихъ къ самому себѣ ту довѣренность, которая ведетъ къ успѣхамъ. Счастливый во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, онъ вѣрилъ своему счастью, и оно никогда ему неизмѣняло. Наконецъ онъ вѣрилъ въ душу Русскаго солдата и въ сочувствіе его

съ начальникомъ, и отъ того войска подъ его начальствомъ шли весело на всѣ труды и опасности, говоря: «Мы знаемъ, что съ нимъ ни одинъ человѣкъ даромъ не пропадетъ.»

Мадатовъ, съ капитанскаго чина, всѣ отличія, всѣ награды бралъ грудью: такъ онъ самъ говорилъ, и такъ скажутъ всѣ, знавшіе его службу.

Князь жилъ какъ вѣрный сынъ Отечества, неизмѣнный въ преданности къ своему Государю, въ постоянной заботливости о славіи Россіи.

Смерть слишкомъ рано похитила его изъ рядовъ храбрыхъ сподвижниковъ и прекратила поприще полезнаго служенія, на которое онъ посвятилъ лучшіе годы жизни своей *).

*) *Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова* (стр. 174—176.

Печатать дозволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, ноября 2-го дня 1859 года. Ценсоръ *Обертъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ.
КЛЮКИ ФОНЪ КЛЮГЕНАУ.

ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРЪ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БУРЦОВЪ.

Генераль-маіоръ Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ сподвижниковъ графа Паскевича-Эрикскаго въ славную Турецкую войну 1828 и 1829 годовъ, — происходилъ изъ дворянъ Рязанской губерніи родился въ 1794 году. Въ великій Двѣнадцатый годъ, когда Россія ополчалась поголовно, 16-лѣтній Бурцовъ оспѣшилъ встать въ ряды защитниковъ Вѣры, Царя и Отчизны и 30-го іюля вступилъ въ военную службу рапорщикомъ по Арміи. 6-го февраля слѣдующаго года въ опредѣленъ въ Свиту Его Императорскаго Величества по вартирмейстерской части, — что нынѣ Генеральный Штабъ.

Вскорѣ за тѣмъ Бурцовъ поступилъ въ такъ называвшуюся Польскую армію генерала Бенигсена, въ корпусъ графа Толстаго. Во время обложенія Дрездена, онъ съ эстію участвовалъ въ дѣлахъ съ Французскими войсками: 1-го октября при самомъ городѣ, 10-го — при Довѣ, 6-го — при занятіи высоты у дер. Кайтицъ и 17-го — при дер. Плауенъ. Въ слѣдующемъ году Бурцовъ находился въ развѣдкахъ дѣлахъ подъ Гамбургомъ: 28-го января — на островѣ Вильгельмсбургѣ, 5-го февраля — при вторичномъ нападеніи на этотъ островъ, 23-го марта — при дер. Аверѣ, 15-го апрѣля — при дер. Айбургѣ, за что награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени съ бантомъ.

Отличныя способности, вообще выказанныя Бурцовымъ въ эту памятную войну, обратили на него особенное вниманіе Начальства и 1-го августа 1814 года онъ переведенъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ.

По возвращеніи въ Отечество, Бурцовъ быстро подвигался по службѣ: 6-го марта 1816 года, онъ произведенъ въ подпоручики, 12-го августа слѣдующаго года — въ поручики, а 30-го августа 1818 года — въ штабсъ-капитаны.

12-го марта слѣдующаго года Иванъ Григорьевичъ переведенъ въ Л.-Гв. Московскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ генераль-маіору Киселеву, — нынѣ графъ, генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи и нашъ полномочный посоль при Императорѣ Французовъ. 10-го декабря того же года онъ произведенъ въ капитаны, а въ слѣдующемъ году Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени.

Одинъ 1821 годъ прошелъ для Бурцова безъ особенныхъ знаковъ вниманія Начальства къ его полезной службѣ. Но въ 1822 году, онъ, 7-го марта, былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при генералѣ Киселевѣ, по званію начальника главнаго штаба 2-й арміи, — а 28-го іюля произведенъ въ полковники, съ переводомъ, по прежнему, въ Свиту Его Императорскаго Величества

по квартирмейстерской части. Въ 1823 году, во время Высочайшаго смотра 2-й арміи, Иванъ Григорьевичъ награжденъ алмазными знаками ордена Св. Анны 2-й степени и «за отлично-усердную и ревностную службу» Всемилоостивѣйше пожалованъ въ вѣчное и потомственное владѣніе 3426 дес. земли въ Бесарабіи; 19-го марта 1824 года онъ назначенъ командиромъ бывшаго Уфимскаго пѣхотнаго полка.

8-го апрѣля 1826 года Бурцовъ переведенъ въ Колыванскій, 29-го января 1827 — въ Тифлисскій, а 17-го ноября того же года — въ Мингрельскій пѣхотные полки.

Исчисливъ, такимъ образомъ, переходы и повышенія Ивана Григорьевича по службѣ, перейдемъ теперь къ послѣднему, самому блистательному его поприщу.

Въ это время Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, только что разгромившій Персовъ, начиналъ новый непрерывный рядъ побѣдъ, невѣроятныхъ, почти баснословныхъ подвиговъ, возможныхъ, можетъ быть, только Русскимъ войскамъ, — побѣдъ, которыя быстро потрясли могущество Султановъ въ колыбели ихъ Державы. Бурцовъ, взмысанный вниманіемъ доблестнаго вождя Николая, съ честью участвовалъ въ славныхъ кампаніяхъ 1828 и 1829 годовъ, пока не запечатлѣлъ долгъ Отчизнѣ смертельною раною.

Въ началѣ войны Иванъ Григорьевичъ состоялъ въ свитѣ Главнокомандовавшаго. — По переходѣ за границу, 14-го іюня, дѣйствовавшій Корпусъ прямо слѣдовалъ отъ Гимровъ къ знаменитому Карсу. 19-го числа, изъ сел. Азатбева, Графъ Эриванскій предпринялъ сдѣлать усиленное обозрѣніе. Едва только наши войска, въ боевомъ порядкѣ, показали на послѣднихъ высотахъ, склоняющихся къ крѣпости, какъ многочисленная конница выступила изъ нея и стремительно бросилась на передовые казачьи полки. Усматривая возможность дать полевое сраженіе, Паскевичъ предположилъ отвлечь Турокъ сколько возможно далѣе отъ крѣпости, для чего и приказалъ казакамъ постепенно очищать фронтъ позиціи, склоняясь къ правому флангу. Увѣренный въ успѣхѣ, непріятель понесся за казаками, а въ это мгновеніе Главнокомандовавшимъ посланъ былъ исправлявшій должность начальника Главнаго Штаба; генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-

Сакенъ, съ Своднымъ уланскимъ полкомъ, линейными казаками, Татарскимъ ополченіемъ и двумя казачьими орудіями, отрѣзать Турокъ отъ крѣпости. Стройность и быстрота этой атаки, произведенной подъ огнемъ Карса, во флангъ непріятеля, смяла его и причинило жестокое пораженіе. Между тѣмъ, 8-й Піонерный баталіонъ, съ 4-мя орудіями казачей линейной артиллеріи, подъ начальствомъ Бурцова, посланъ былъ для поддержанія кавалеріи: принавѣ влѣво, ближе къ крѣпости, и рѣзвымъ шагомъ овладѣвъ высотой, въ 200 саженахъ лежащею отъ ней, этотъ отрядъ ружейнымъ огнемъ и батареею билъ въ слѣдъ бѣжавшаго въ городъ непріятеля. Такимъ движеніемъ Туркамъ нанесенъ значительный вредъ: все поле было устѣяно ихъ трупами, и до 20 человекъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько чиновниковъ, захвачено въ плѣнъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, началась осада Карса и Иванъ Григорьевичъ, по недостатку инженерныхъ штабъ-офицеровъ, назначенъ былъ начальникомъ траншей, трудность работъ въ которыхъ превосходила всякое ожиданіе. Почва земли, повсюду каменистая и утесистая, и неимѣніе лѣса для вязки фашиновъ и туровъ, представляли чрезвычайныя препятствія. Но неуспѣшная дѣятельность начальниковъ, — говоритъ современное официальное извѣстіе, — и примѣрное усердіе нижнихъ чиновъ — все преодолѣли. Высочайшій день 25-го іюня Паскевичъ хотѣлъ ознаменовать штурмомъ, но 23-го — Русскія знамена уже развѣялись надъ знаменитою крѣпостью.

Въ этотъ день Графъ Эриванскій, признавъ необходимымъ, для продолженія осадныхъ работъ, овладѣть укрѣпленнымъ непріятельскимъ лагеремъ, находившимся на высотѣ, господствующей надъ городомъ, приказалъ занять его. Храбрыя войска наши бросились на штыки и вытѣснили превосходнаго числомъ непріятеля, съ отчаяніемъ защищавшагося. Турки засѣли въ домахъ форштадта, гдѣ произошло столь великое убійство, что одна улица была совершенно завалена грудами труповъ.

На занятой высотѣ укрѣпленнаго лагеря тотчасъ поставлена была генералъ-маіоромъ Гилленшмитомъ батарея изъ 6 орудій, а Бурцовъ, съ ротой 39-го Егерскаго

полка, двинулся влево для овладѣнія башнею Темиръ-Паши, которая превышала все предметы и даже стѣны самой крѣпости, равняясь со стѣнами цитадели. Встрѣченный ружейнымъ огнемъ изъ-за камней на самомъ близкомъ разстояніи, онъ ударилъ въ штыки, выгнавъ оттуда Турокъ и, пользуясь ихъ смятеніемъ, овладѣлъ этою важною точкою, на которой немедленно поставилъ два орудія 2-й легкой роты 20-й артиллерійской бригады. Батарея эта, какъ равно и та, которая генералъ-майоромъ Гилленшмитомъ устроена была на высотѣ укрѣпленнаго лагеря, обративъ свое дѣйствіе на башню и стѣны противоположнаго города, мѣткими выстрѣлами производили ужасное пораженіе.

Такіе успѣхи рѣшили Паскевича воспользоваться изумленіемъ непріятели. Новая войска были двинуты на подкрѣпленіе и быстро распространились по крѣпости. Часть гарнизона успѣла укрыться въ крѣпкой цитадели, но, устрешенная всею испытаннымъ, сдалась.

Овладевъ Карсомъ, Паскевичъ 16-го іюля устремился къ Ахалцыху, чтобы однимъ ударомъ сокрушить все надежды непріятели. Суворовскимъ маршемъ наши пошли черезъ высокія горы, покрытыя лѣсами, по непроходимымъ тропинкамъ и утесамъ.

23-го корпусъ прибылъ къ Ахалкалакамъ, жители котораго на предложеніе сдаться гордо отвѣчали: «Мы не Эриванскіе и не Карскіе жители, мы Ахалцыхскіе; у насъ нѣтъ ни женъ, ни имущества, мы все, въ числѣ 1,000 человекъ, рѣшились умереть на стѣнахъ нашего города.»

Видя упорство гарнизона, дѣйствительно состоявшаго изъ людей отважныхъ, издавна занимавшихся только грабежами и набѣгами, принимавшихъ въ составъ свой всехъ бѣглецовъ и разбойниковъ горскихъ и другихъ народовъ, почитавшихъ Ахалцыхъ и Ахалкалаки, такъ сказать, гнѣздомъ своимъ, Паскевичъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе для произведенія осадныхъ работъ, которыми бы можно было овладѣть этимъ мѣстомъ. Бурцову поручено было снова начальство надъ ними и приказано въ слѣдующую ночь заложить большую рикшетную и демонтируемую батарею, на лѣвомъ берегу Гардара-Чая, для дѣйствія по продолженію главной стѣны крѣпости и

цитадели, а равно и для метанія бомбъ и гранатъ въ городъ. На другой же день, подъ прикрытіемъ этой батареи, было предназначено устроить брешь-батарею на правомъ берегу рѣки, противъ самой стѣны цитадели, для сдѣланія въ ней пролома. Иванъ Григорьевичъ немедленно выбралъ мѣсто для первой батареи въ 200 саженьяхъ отъ крѣпостной стѣны. Къ разсвѣту 24-го она была совершенно окончена и вооружена 8-ю батарейными, 2-мя легкими орудіями и 2-мя осадными мортирами; справа и слева отъ нея устроены ложементы для двухъ ротъ пѣхоты. Сверхъ того, въ 40 саженьяхъ впереди лѣваго фланга сдѣланы еще другія небольшія батареи для четырехъ кегорновыхъ мортиръ, чтобы дѣйствовать ими на самомъ близкомъ отъ города разстояніи. Вообще работы исполнены были съ отличнымъ успѣхомъ. Въ 4 часа утра начался самый жестокой и гибельный для Турокъ огонь: не болѣе какъ въ два часа башни были повреждены и все ихъ орудія приведены въ бездѣйствіе. Вслѣдъ за тѣмъ наши ворвались въ самую крѣпость.

Послѣ этого важнаго успѣха Паскевичъ приблизился къ Ахалцыху и 9-го числа началась осада знаменитой твердыни, извѣстной на Востокъ удалствомъ и необыкновенною храбростію жителей, упорная оборона которой вполне достойна была мужества Турокъ, прославившихъ себя всегдашнею отчаянною защитою крѣпостей. Иванъ Григорьевичъ былъ опять начальникомъ траншей и, подъ личнымъ распоряженіемъ Главнокомандовавшаго, дѣятельно управлялъ работами.

Въ день славнаго штурма, 15-го августа, онъ находился въ передовыхъ рядахъ безстрашныхъ войскъ. Когда, подъ громомъ сильнѣйшей канонады, Ширванской полкъ, предводимый храбрымъ полковникомъ Бородинымъ, съ распушенными знаменами, веселыми пѣснями и музыкою, овладѣлъ бастиономъ и началъ пробиваться къ оврагу, послѣдовательно за нимъ, Бурцовъ подвинулъ съ топорами саперную роту и приказалъ ей рубить палисады. Другія роты піонеръ прикатили туры и, поставивъ часть ихъ въ 100 шагахъ впереди бастиона для первой защиты, тотчасъ начали переносить черезъ ровъ артиллерію. Все это совершилось въ теченіе четверти часа отъ начала штурма.

Произошелъ самый кровопролитный бой и неустрашимый Бородинъ, — издавна извѣстный своею геройскою храбростію, — лично распоряжавшійся стрѣлковою цѣпью, сталъ твердою ногою на кладбищѣ и между строеній, въ 15-ти шагахъ предъ Католическою церковью и послалъ офицера съ донесеніемъ, что онъ надѣется удержаться въ городѣ. Но спустя нѣсколько мгновеній, посреди ослабѣвшей съ обѣихъ сторонъ перестрѣлки, пуля смертельно его поразила. Бурцовъ, оставшійся старшимъ, успѣлъ ввезти чрезъ брешь остальные орудія, отдѣленные къ штурмовой колоннѣ, и далъ однимъ направление на церковь, а другимъ вправо къ оврагу, гдѣ толпы гарнизона упорно держались. Скорая и мѣткая стрѣльба этой артиллеріи, распоряжаемой есауломъ Зубковымъ; равно дѣйствіе батареи Кегорновыхъ мортирокъ, подъ вѣдѣніемъ поручика Крупеникова, уменьшили запальчивость осажденныхъ и принудили ихъ скрыться подъ защитою жилищъ.

Чрезъ два часа по началіи штурма, Главнокомандовавшій подкрѣпилъ сражавшихся баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго полка, подъ начальствомъ генераль-маіора Попова. Но Бурцовъ продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ распоряженіяхъ до тѣхъ поръ, пока побѣдовосное знамя Николая развилось на стѣнахъ крѣпости, въ первый разъ покорившейся оружію Христіанскому.

Между тѣмъ, 12-го августа, Бурцовъ назначенъ командующимъ Херсонскимъ Гренадерскимъ полкомъ, командиромъ котораго утвержденъ 18-го ноября того же года.

Въ это время онъ состоялъ при временномъ управленіи Азербиджанскою областію, и — въ воздаяніе отличнаго усердія къ службѣ, при этомъ оказаннаго, — 29 ноября Всемилоостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени.

Слѣдующая кампанія въ Азіатской Турціи началась нечаяннымъ нападеніемъ Турокъ на Ахалцыхъ, которое доставило Ивану Григорьевичу честь первому ознаменовать успѣхомъ новый періодъ войны. Съ самаго начала занятія нашими войсками Ахалцыха, Главнокомандовавшій, предвидя, что на эту крѣпость могутъ быть обращены главныя покушенія непріятеля, тѣмъ болѣе, что всѣ окрестныя

санджаки заселены воинственными племенами, которыя доставляли въ это время Туркамъ лучшую пѣхоту, принялъ всѣ возможныя мѣры къ обезпеченію оборонительнаго положенія столь важнаго пункта: укрѣпленія были исправлены; устройствомъ дороги по Борджомскому ущелью проложенъ путь къ удобному сообщенію между Ахалцыхомъ, Ацхуромъ и Грузією; войска, расположенныя при самомъ входѣ въ это ущелье и въ прочихъ мѣстахъ Карталини, находились всегда въ наблюдательномъ положеніи и, въ случаѣ нужды, при первомъ востребованіи, готовы были принести скорую помощь.

Дѣйствительно, съ осени 1828 года уже носились слухи о значительныхъ приготовленіяхъ Турокъ, которыя производились по настоятельному повелѣнію Султана взять обратно Ахалцыхъ, во что бы ни стало. Войска, предназначенныя для совершенія этого подвига, поручены были начальству Ахметъ-Бека Аджарскаго, который, въ поощреніе къ исполненію предпріятія, возведенъ былъ въ достоинство Ахалцыхскаго паши, и получилъ значительную сумму для набора людей. Средство это, надежда на грабежъ и дѣятельное содѣйствіе Сераскира Арзрумскаго, способствовали къ собранію многочисленнаго сборища, состоявшаго изъ Аджарцевъ, Леванцевъ, Лазовъ и другихъ горскихъ народовъ, которые со всѣхъ сторонъ стеклись, въ числѣ около 20,000 человекъ. Не смотря на суровое время и глубокіе снѣга, покрывавшіе горы, они провезли артиллерію и въ ночи съ 19-го на 20-е число февраля, подъ предводительствомъ Ахметъ-Паши, выступивъ изъ предѣловъ Аджарскаго ханства, — сосѣдняго съ Ахалцыхомъ, — на разсвѣтѣ ворвались въ предмѣстія крѣпости, бросились на штурмъ и приступили къ первой стѣнѣ города. Но, примѣрною храбростію гарнизона, непріятель, не взирая на всѣ усилія свои, принужденъ былъ отступить, потерпѣвъ значительный уронъ, и расположился въ ближайшихъ окрестностяхъ.

Главнокомандовавшій нашъ, заблаговременно предусматривая грозу, собиравшуюся подъ стѣнами Ахалцыха, по полученіи первыхъ извѣстій о сборѣ Турокъ, между прочимъ, разрѣшилъ генераль-маіору князю Бебутову, командовавшему въ крѣпости, когда объяснятся намѣренія не-

пріятеля итти на этотъ пунктъ, потребовать изъ Карталиніи баталіонъ Херсонскаго Гренадерскаго полка на помощь гарнизону, а Бурцову составить между тѣмъ въ окрестностяхъ Сурама наблюдательный отрядъ изъ остальныхъ ротъ Херсонскаго Гренадерскаго полка, казаковъ Донскаго Леонова полка, 5 орудій артиллеріи и сколько возможно большаго числа Карталинской милиціи, для скорѣйшаго въ случаѣ необходимости подкрѣпленія.

Въ день же полученія рѣшительныхъ извѣстій о намѣреніи Турокъ, графъ Эриванскій для обеспеченія безопасности Грузіи, со стороны Ахалцыха, и отраженія непріятеля отъ этой крѣпости, приказалъ тотчасъ Бурцову, съ наблюдательнымъ отрядомъ, собиравшимся въ окрестностяхъ Сурама, занять поспѣшнѣ Боржомское ущелье, со стороны Карталиніи; подвинуться немедленно къ Ацхуру, освободить крѣпость отъ блокады и, заслонивъ такимъ образомъ Грузію, стараться фальшивыми демонстраціями отклонить непріятеля отъ рѣшительныхъ дѣйствій противу Ахалцыха, употребивъ между тѣмъ все способы для сообщенія гарнизону Ахалцыхскому, посредствомъ вѣрныхъ лазутчиковъ, сигнальныхъ ракетъ и зажженныхъ на горахъ маяковъ, извѣстія о скоромъ прибытіи подкрѣпленія.

Непосредственно за тѣмъ командированъ былъ изъ Тифлиса въ ту же сторону другой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Муравьева, — главнокомандовавшаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ въ послѣднюю войну, навсегда памятнаго блистательнымъ взятіемъ Карса, — изъ 4 баталіоновъ пѣхоты, баталіона піонеръ и 13 легкихъ орудій. Войскамъ этимъ предназначено было: преодолѣвъ все трудности зимней дороги, итти усиленными маршами на помощь Ахалцыху и, сдѣлавъ условіе съ тамошнимъ гарнизономъ, стараться въ одно время атаковать осаждавшаго непріятеля. Отрядъ Бурцова, уже находившійся на пути къ Сураму, равномерно подчиненъ былъ распоряженіямъ генерала Муравьева и составилъ его авангардъ. По причинѣ предстоявшихъ усиленныхъ маршей въ суровое зимнее время, войскамъ назначено производить удвоенную порцію, т. е. водки по 4 чарки въ недѣлю и мяса по одному фунту ежедневно.

Между тѣмъ Ахалцыхъ оставался въ тѣсной блокадѣ.

Мужественная защита малочисленнаго гарнизона и значительная потеря, претерпѣваемая Турками, не уменьшала ихъ отчаянной предприимчивости: они вѣскольکو разъ лѣзли на штурмъ и, наконецъ, подвели двѣ мины, готовясь взорвать крѣпостныя стѣны и сдѣлать рѣшительный приступъ.

Но въ это время вспомогательный отрядъ Муравьева, въ числѣ 2,500 человекъ пѣхоты и кавалеріи, уже приближался эшелонами къ Ахалцыху, имѣя въ авангардѣ 7 ротъ Херсонскаго Гренадерскаго полка, въ составѣ до 1,000 человекъ, съ 5 орудіями, подъ командою Бурцова*).

Бурцовъ, снабженный отъ Главнокомандовавшаго всеми нужными для дѣйствій наставленіями, выступилъ 24-го февраля изъ Гори къ Боржомскому ущелью, чтобы предупредить непріятеля, который, какъ извѣстно было изъ полученныхъ свѣдѣній, въ значительныхъ силахъ, до 5,000 простиравшихся, также двинулся къ этому ущелью, въ намѣреніи занять его, и тѣмъ преградить путь войскамъ шедшимъ на помощь Ахалцыху.

Быстро слѣдуя, отрядъ Бурцова имѣлъ 25-го вночлегъ у Боржомскаго блокауза; 26-го — двѣ передовыя роты съ однимъ горнымъ орудіемъ, вдоль этого ущелья, по лѣвому берегу р. Куры, подвинулись къ старинному укрѣпленію Гогіо-сцихе (Св. Георгія). Рѣка Кура, извинаясь по лощинѣ, по которой пролегалъ новоустроенный путь изъ Грузіи къ Ахалцыху, дѣлала необходимыми двѣ переправы: первую въ 6-ти верстахъ отъ Гогіо-сцихи, а другую въ вѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ крѣпости Ацхура, или около 50 и 45-ти веретъ отъ Ахалцыха. Между ними пролегалла, вдоль праваго берега, на вѣ-

*) Войска еще не были укомплектованы рекрутами и потому составъ этого отряда по необходимости не могъ быть многочисленнымъ. Донской казачій полкъ, Леонова, а равно и конная, Карталинская милиція хотя должны были, по прежнему назначенію, находиться въ составѣ передоваго отряда Бурцова; но въ послѣдствіи недостатокъ продовольствія въ Боржомскомъ ущельи, принудилъ откомандировать съ авангардомъ только небольшую часть этой кавалеріи, прочимъ же казакамъ и милиціи велѣно было присоединиться къ колоннѣ генерала Муравьева. Подъ рукою на тотъ разъ болѣе войскъ не оставалось.

сколько верстъ довольно ровная дорога. Упомянутыя двѣ передовыя роты 27-го заняли первую переправу, между тѣмъ какъ сотня казаковъ была отправлена впередъ, для занятія второй переправы.

Большіе снѣга въ горахъ и мѣстами происшедшая отъ того чрезмѣрная грязь, крайне затрудняли слѣдованіе войскъ. Быстрота Куры разрушила почти все береговыя работы, произведенныя съ большимъ трудомъ во время осени, и обѣ переправы на этой рѣкѣ до того были дурны, что плоты и паромы, большею частію построенныя по скорости изъ сыраго лѣса, едва могли подымать по два человѣка. Бурцовъ немедленно занялся устройствомъ новыхъ; но средства для того оказались самыя скудныя.

Сотня казаковъ, посланная впередъ для наблюденій, дошедъ къ второй переправѣ, открыла непріятеля и была атакована превосходными силами, состоявшими изъ 1500 человѣкъ пѣхоты и 250 конниковъ; казаки, отстрѣливаясь, отступили въ порядкѣ, потерявъ двухъ человѣкъ убитыми и одного раненаго, захваченнаго въ плѣнъ. Это нападеніе произведено было тѣми же самыми партіями, которыя Абди-Бекъ послалъ по Борджому для наблюденій.

Бурцовъ, усматривая, что Турки, подступая къ первой переправѣ, могутъ сдѣлать покушеніе завладѣть ею, чтобы предупредить ихъ, въ ночь съ 27-го на 28-е число, поставилъ въ двухъ верстахъ впереди, на неприступныхъ скалахъ, чрезъ которыя проходила едва примѣтная тропинка, довольно сильный авангардный постъ.

28-го на разсвѣтѣ, дѣйствительно, большія непріятельскія свлы атаквали этотъ аванпостъ. Бурцовъ, чувствуя необходимость, во что бы ни стало, удерживать переправу, которая остановила бы движеніе вспомогательнаго отряда, рѣшился вступить въ бой, не смотря на превосходство въ числѣ противника и на дурное мѣстоположеніе, которое было самое невыгодное для нашей стороны, ибо не представлялось даже пространства, на которомъ десять человѣкъ могла бы сражаться фронтомъ, и сверхъ того въ двухъ верстахъ позади переправы находилась другое ущелье, именуемое Ликанское, на защиту котораго Бурцовъ принужденъ былъ оставить значительную часть своихъ войскъ, чтобы не быть отрѣ-

заннымъ Турками. Въ этой первой битвѣ непріятель цѣлый день держался весьма упорно; но при всякомъ натискѣ встрѣчалъ съ нашей стороны равно мужественный отпоръ. Наконецъ, ожесточенные неудачею и не видя возможности одолѣть съ помощію оружія, Турки прибѣгли къ другому средству: начали взбираться на самыя возвышенныя скалы, и скатывать оттуда огромные камни, чѣмъ часто принуждали уступать себѣ мѣсто. Однакоже, все эти покушенія были уничтожены храбростію Херсонскихъ гренадеровъ, и послѣ продолжительнаго дѣла важная эта позиція осталась за нами. Въ этомъ случаѣ съ нашей стороны тяжело ранено 14 нижнихъ чиновъ и изъ Карталинской милиціи убитъ 1 дворянинъ и равены князь Визировъ и 4 ратника.

1-го марта, отраженный на канунѣ непріятель, не возобновлялъ своихъ покушеній, отступивъ къ Ацхуру. Бурцовъ, пользуясь его бездѣйствіемъ, занялся цѣлый день, въ скрытыхъ мѣстахъ, изготовленіемъ способовъ къ переправѣ, и въ 9 часовъ вечера, подвинувъ свои аванпосты, началъ переходить на правый берегъ Куры и успѣшно переправилъ весь свой отрядъ, чтобы, слѣдуя лежащею на томъ берегу дорогою, обойти непріятеля и завладѣть другою переправою. Узкое теченіе Куры раздѣляло коловну нашу отъ огня Турокъ, которыхъ не только разговоры были слышны, но даже можно было различать лица, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между противниками было не болѣе 50 саж. Однако войска наши, вспомоствуемая темнотою, шли съ такою тишиною, что не были замѣченны и успѣли достигнуть второй переправы безпрепятственно.

2-го марта на разсвѣтѣ Турки, замѣтивъ занятію нами у этой переправы позицію, которая, находясь у нихъ въ тылу, отрѣзывала ихъ отъ Ахалцыха и Ацхура, и неимѣвъ возможности возвратиться по дорогѣ, гдѣ они подвергнулись бы дѣйствию нашей артиллеріи, разсѣялись по горамъ.

3-го числа въ 9 часовъ утра Бурцовъ находился предъ Ацхуромъ. Здѣсь, стараясь развѣдать о расположеніи непріятельскихъ силъ, онъ узналъ, что передовыя Турецкія войска находятся въ Цнисѣ, лежащей между Ацхуромъ и Ахалцыхомъ на лѣвомъ берегу Куры, и что

укрѣпивъ тамъ возвышенія, командующія дорогой, они ожидаютъ подступленія вспомогательнаго отряда. Въ 5 часовъ вечера авангардъ, соединившись съ Ацхурскихъ гарнизонами, перешелъ на правый берегъ Куры и двинулся по Ахалкалакской дорогѣ. Этимъ искуснымъ фланговымъ движеніемъ Бурцовъ обошелъ сел. Цнисъ и на другой день съ разсвѣтомъ явился въ тылу укрѣпленной Турецкой позиціи, между тѣмъ какъ послѣшно двинутый генераломъ Муравьевымъ 8-й Пionерный баталіонъ, по его приказанію, бралъ позицію съ фасы. Турки, замѣтивъ гибельныя для нихъ дѣйствія нашихъ войскъ, не дождались столкновенія и бросились бѣжать по горамъ.

Между тѣмъ слухи о приближающемся секуреѣ достигли непріятеля, облагавшаго Ахалцыхъ, прежде нежели войска наши могли дойти до него, и 4-го марта передъ разсвѣтомъ Турки сняли осаду, отступая съ послѣшностію и въ безпорядкѣ. Бебутовъ, пользуясь этимъ, сдѣлалъ вылазку, преслѣдовалъ непріятеля нѣсколько верстъ и нанесъ ему значительную потерю. Вечеромъ 5-го числа отрядъ Бурцова вступилъ въ Ахалцыхъ.

14-го апрѣля, «за отличіе по службѣ», Иванъ Григорьевичъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 21-й Пѣхотной дивизіи, состоявшей изъ пѣхотныхъ полковъ: Тифлискаго и графа Паскевича Эриванскаго. Эту награду онъ не замедлил оправдать новымъ, блистательнымъ подвигомъ.

Ахметъ-Паша Аджарскій вознамѣрился напасть на Ахалцыхъ вторично, и вмѣстѣ съ Кучукъ-Пашею собиралъ для того сильное войско. Около половины апрѣля эти непріятельскія силы возросли до 20,000; при нихъ уже находилось 18 пушекъ и двѣ мортиры и ожидали скорого прибытія изъ Арзерума еще 1,200 человекъ регулярной пѣхоты, съ нѣсколькими орудіями. Жители Ахалцыхскаго пашалыка были чрезвычайно этимъ встревожены посреди сельскихъ работъ.

Чтобы хотя нѣсколько обезпечить положеніе Ахалцыхскаго гарнизона и сохранить сообщеніе этой крѣпости съ Грузіею, Главнокомандовавшій приказалъ Бурцову, съ 800 человекъ пѣхоты, Карталинскою милиціею, Донскимъ казачьимъ Леонова полкомъ и 8-ю орудіями, расположиться близъ Ацхура. Отрядъ этотъ долженъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ прикры-

вать окончательную разработку дороги въ Борджомскомъ ущельѣ и устроеніе укрѣпленія, для защиты верхней переправы, въ 13-ти верстахъ ниже Ацхура. Бурцову особенно приказано озаботиться учрежденіемъ надежнѣйшаго чрезъ Куру сообщенія, которое, въ тогдашнее весеннее время, отъ прибыли и быстроты воды сдѣлалось крайне затруднительно и опасно. Два раза, при переправѣ войскъ, сильнымъ стремленіемъ воды разрывало канатъ, на которомъ двигался паромъ, и при этихъ случаяхъ утонуло нѣсколько человекъ. До учрежденія прочнаго сообщенія нельзя было двинуть на подкрѣпленіе къ Ахалцыху большаго числа войскъ; ибо изъ отряда Бурцова нашли только возможнымъ подвинуть до верхней переправы, по тропинкамъ, пролегавшимъ чрезъ горы, пѣхоту и кавалерію съ Кегорновыми мортирками и однимъ горнымъ единорогомъ; прочая же артиллерія и обозы оставлены назади, при нижней переправѣ, подъ прикрытіемъ одной роты.

Для удостовѣренія, не находятся ли еще партіи Аджарцевъ въ Аббасъ-Туманскомъ санджакѣ, лежавшемъ на прямомъ сообщеніи Ахалцыха съ Кутаисомъ, Бурцовъ, 17-го апрѣля, произвелъ рекогносцировку съ 120 гренадерами и 80 казаками, и, пройдя 40 верстъ отъ Ацхура, имѣлъ ночлегъ въ селеніи Аббасъ-Туманѣ.

Желая воспользоваться пребываніемъ тамъ войскъ нашихъ, князь Бебутовъ выслалъ изъ Ахалцыха двѣ роты пѣхоты, одно орудіе и 50 казаковъ, поручивъ Бурцову наказать нѣкоторыя деревни Аббасъ-Туманскаго санджака, наиболѣе участвовавшія въ возмущеніи во время нападенія Ахметъ-Паши на Ахалцыхъ.

18-го апрѣля, на разсвѣтѣ, Бурцовъ окружилъ казаками селеніе Шокъ. Изумленные нечаянностію нападенія жители покорились, выдали оружіе свое и наказаны отобраніемъ всего скота въ пользу отряда. Жители прочныхъ деревень, узнавъ о появленіи войскъ, скрылись предварительно въ горы, бросивъ на поляхъ скотъ свой. Достигнувъ почти до подошвы Аджарскихъ горъ, еще покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, и удостовѣрясь, что въ этой сторонѣ нѣтъ болѣе непріятельскихъ партій, Бурцовъ возвратился къ Ацхуру, отправивъ въ Ахалцыхъ до 400 штукъ отбитаго скота. Непосредственно за тѣмъ Аббасъ-Туманскіе жители при-

слали старшинъ къ князю Бебутову, съ изъясненіемъ покорности Русскому правительству.

Около 25-го апрѣля авангардъ сильнаго непріятельскаго корпуса, расположеннаго въ Шаушетѣ и Ардануджѣ, перешелъ горы, отдѣляющія Посховскій санджакъ, и расположился въ деревнѣ Квелѣ, что въ 70-ти верстахъ отъ Ахалцыха и къ западу отъ Ардаганской дороги. Раннее движеніе непріятеля явно показывало новое покушеніе на Ахалцыхъ, чтобы воспользоваться разлитіемъ Куры, препятствовавшимъ прибытію изъ Грузіи секурса, и слабымъ положеніемъ гарнизона, подверженнаго сильному дѣйствию заразы. Князь Бебутовъ, получивъ довѣренное свидѣніе, что авангардъ непріятельскій, находясь подъ личнымъ начальствомъ Ахметъ-Паши, не имѣетъ при себѣ артиллеріи и не превышаетъ 5,000 чел., рѣшился предупредить его нападеніемъ, и для того отрядилъ въ ту сторону Бурцова съ 8-ю ротами Херсонскаго Гренадерскаго и 2-мя ротами графа Паскевича Эриванскаго полковъ, 200 казаковъ полка Леонова, 40 Карапапахцами и 5-ю горными и легкими орудіями.

30-го апрѣля отрядъ этотъ имѣлъ ночлегъ въ деревнѣ Джигисманъ-су, въ 26-ти верстахъ отъ Ахалцыха. Узнавъ, что Ханъ, въ ожиданіи умноженія своихъ войскъ, отправился на разграбленіе Христіанскихъ деревень Ардаганскаго санджака, Иванъ Григорьевичъ повернулъ прямо на дер. Цурцкабъ, лежащую подъ свѣговымъ хребтомъ Арсіанъ, на соединіи дорогъ: Аджарской, Шаушетской и Ардаганской, (въ 50 верстахъ отъ Ахалцыха), чрезъ которую непріятель долженъ былъ возвращаться. Предваренный окрестными жителями о движеніи отряда нашего, Ахметъ-Паша ограничился разграбленіемъ одной Ардаганской деревни Вела и тотчасъ поворотилъ также къ Цурцкабу, куда успѣлъ прибыть незадолго до появленія войскъ Бурцова, которыя прибывъ туда 1-го мая, нашли въ деревнѣ все Турецкое ополченіе.

Мѣстоположеніе Цурцкаба представляетъ высоты, превышающія одна другую, между которыми въ тѣсномъ ущельи протекаетъ быстрая рѣчка. Надѣясь на твердость позиціи, Ахметъ-Паша рѣшился встрѣтить здѣсь Бурцова, и для того господствовавшія надъ деревнею высоты занялъ 600 человекъ пѣхоты, конницу же, въ числѣ 600 чело-

вѣкъ, расположилъ на берегу рѣчки, на небольшой плоскости.

Потерявъ, такимъ образомъ, возможность предупредить Пашу въ Цурцкабѣ, Бурцовъ, въ этомъ опасномъ, неожиданномъ положеніи, не былъ однако же удержанъ ни чрезвычайнымъ превосходствомъ противника, ни выгоднѣйшею для него позиціею на неприступныхъ высотахъ, и предпочелъ лучше атаковать Турокъ, нежели отступать на пространствѣ 50-ти верствъ, къ виду отважнаго непріятеля, умѣвшаго пользоваться малѣйшимъ успѣхомъ. Какъ мѣстоположеніе не позволяло дѣйствовать въ обходъ, то атака была направлена съ фронта на центръ непріятельскій. Храбрыя войска наши стремительно ударили холоднымъ оружіемъ и скоро овладѣли первою позиціею, но Турки, отступивъ далѣе, упорно держались на послѣдующихъ высотахъ, пока двѣ роты полка графа Эриванскаго не овладѣли штыками главнѣйшею точкою. Такимъ образомъ, вытѣсняя непріятеля съ одной высоты на другую, отрядъ дошелъ до Цурцкаба и въ 150 саженьяхъ отъ нея былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Деревня была укрѣплена толстою деревянною стѣною съ бойницами, и до 2,000 непріятельской пѣхоты занимали ближайшія дома. Здѣсь Бурцовъ приостановился. Но Ахметъ-Паша, поддерживая безпрестанно перестрѣлку, подъ покровительствомъ ея, повелъ съ своей стороны атаку пѣхотою на двѣ роты полка графа Эриванскаго, и, въ то же время, конницею атаковалъ полубаталіонъ Херсонскихъ гренадеръ. Нападеніе, будучи встрѣчено мужественно, не принесло непріятелю никакого успѣха и онъ принужденъ былъ запереться въ деревнѣ. Бурцовъ занялъ позицію въ 100 саженьяхъ отъ стѣны, скрывъ отрядъ свой позади неровнаго мѣстоположенія. До самой глубокой ночи огонь непріятельской не утихалъ; съ нашей стороны отвѣчали ружейнымъ и пушечнымъ выстрѣлами, но орудія малаго калибра не могли вредить Туркамъ, прикрытымъ деревянною стѣною. Однако устрашенный смѣлымъ дѣйствіемъ войскъ нашихъ и повесенною потерею, Ахметъ-Паша не осмѣлился на другой день испытать нападенія и до разсвѣта, оставивъ позицію свою, бѣжалъ въ совершенномъ безпорядкѣ по дорогамъ въ Аджару и Шаушетъ. Бурцовъ преслѣдовалъ его

на нѣкоторое разстояніе по обоимъ направленіямъ; взялъ въ плѣнъ 26 человекъ и предалъ огню нѣсколько непокорныхъ деревень.

Въ то же время князь Бебутовъ, извѣстясь, что другой непріятельскій отрядъ, въ числѣ 1,500 чел., слѣдовалъ изъ Аджаръ по прямой дорогѣ въ Ахалцыхъ, для присоединенія къ Ахметъ-Пашѣ, отрядилъ на встрѣчу полковника Юдина, съ баталіономъ графа Паскевича полка; но непріятель, извѣщенный уже о дѣлѣ подѣ Цурцкабомъ, уклонился отъ этой встрѣчи бѣгствомъ.

Экспедицію Бурцова совершенно опустошенъ былъ край, гдѣ Турецкія войска находили постоянное убѣжище, а гарнизонъ Ахалцыхской, еще однажды обезпеченный отъ опасности, приобрѣлъ возможность обширнѣе распространить мѣры къ искорененію свирѣпствовавшей въ рядахъ его чумной заразы.

2-го мая отрядъ Бурцова возвратился къ Ахалцыху, откуда отошелъ къ Ацхуру, для окончанія возводившагося въ Борджомскомъ ущельѣ при верхней переправѣ укрѣпленія, названнаго Страшнымъ окопомъ.

22-го мая, при движеніи главныхъ силъ нашихъ къ Ардагану, Бурцовъ, съ отрядомъ, расположеннымъ близъ Ацхура, выдвинулся по дорогѣ, ведущей въ Ардаганъ и Шушетъ; чѣмъ самымъ непріятельскія войска, собиравшіяся въ савджакахъ Шушетскомъ и Ардануджскомъ, были угрожаемы съ двухъ сторонъ. Для охраненія Борджомскаго ущелья оставлены въ Ацхурской цитадели 100 гренадеръ, а въ Страшномъ окопѣ 200 чел. пѣхоты и 200 милиціонеровъ.

Между тѣмъ Ханъ, опомнясь отъ претерпѣннаго имъ урона, опять собралъ разсыпанныя свои войска, и съ значительными силами расположился снова предъ Ахалцыхомъ, на неприступныхъ Аджарскихъ горахъ. Паскевичъ, желая вытѣснить непріятеля изъ этой позиціи, предписалъ Бурцову приблизить часть своего небольшого отряда изъ Ахалцыха къ Поцховскому ущелью, а генералъ-майору Муравьеву, съ другимъ отрядомъ, велѣлъ скрытно слѣдовать изъ Ардагана, держаться на флангѣ непріятельскомъ, и если представится возможность, то

остановить Турокъ, однакоже съ большею осторожностію и непремѣнно при содѣйствіи отряда Бурцова.

Эти распоряженія графа Эриванскаго не были получены своевременно въ Ахалцыхѣ, по причинѣ трудности и необезпеченности сношеній на пространствѣ въ 70 верстъ гористаго мѣстоположенія, перерѣзаннаго непріятельскими партизанами. Но Бурцовъ, не получая изъ Ардагана предписанія, и не имѣя никакихъ точныхъ извѣстій о движеніи Турокъ, рѣшился, по общему совѣщанію съ княземъ Бебутовымъ, предпринять экспедицію въ Ковблѣнскій савджакъ, для наказанія возмущившихся жителей. Пользуясь празднованіемъ Байрама, Иванъ Григорьевичъ 30-го мая сдѣлалъ изъ Ахалцыха сильный переходъ по весьма трудному ущелью, и успѣлъ предать огню нѣсколько непокорныхъ деревень. 31-го числа онъ предполагалъ продолжать наказаніе мятежныхъ, какъ неожиданно получилъ диспозицію Главнокомандовавшаго. По причинѣ отдаленія отъ Ахалцыха, не имѣя возможности сдѣлать немедленное движеніе впередъ съ цѣлымъ отрядомъ, Бурцовъ послалъ, въ ночь на 1-е іюня, по дорогѣ Ардаганской, для наблюденія за корпусомъ Кягьи, полковника Гофмана, съ авангардомъ, состоявшимъ изъ трехъ ротъ Херсонскихъ гренадеръ, 4 легкихъ орудій и 200 казаковъ Донскаго Леонова полка, вслѣдъ за которыми выступилъ и самъ съ 4 ротами Херсонскаго Гренадерскаго полка, своднымъ баталіономъ пѣхотнаго графа Паскевича Эриванскаго полка, 4 легкими орудіями и 200 казаками.

1-го іюня, въ 10 часовъ утра, полковникъ Гофманъ прибылъ съ авангардомъ къ селенію Дигуръ, и, замѣтивъ на близлежащихъ высотахъ непріятельскіе пикеты, выдвинулся впередъ для рекогносцировки, съ сотнею казаковъ. Съ высокаго берега Посховъ-чай, протекающей близъ Дигура, открытъ былъ на лѣвой сторонѣ рѣки огромный непріятельскій лагерь, расположенный по скату горъ. Толпы конницы и пѣхоты, усмотрѣвъ приближеніе отряда нашего, спустились быстро къ рѣкѣ и тянулись по хребту въ направленіи къ селенію Дигуръ. Удержавъ сотню казаковъ на высотахъ, Гофманъ подкрѣпилъ ихъ 60 стрѣлками, и, поставивъ позади въ резервъ роту

гренадеръ съ однимъ орудіемъ, остался съ прочими войсками на прежней позиціи.

Въ половинѣ 11 часа Турки въ превосходныхъ силахъ, простиравшихся по показанію плѣнныхъ до 6,000, съ однимъ орудіемъ, стремительно атаковали небольшой авангардъ нашъ съ фронта и фланговъ, почитая вѣрною добычею; но Гофманъ, построившись въ карре, штыками, батальнымъ огнемъ и картечью отразилъ всѣ атаки непріятеля, съ которымъ продолжалась у него пять часовъ — до половины 3-го пополудни — упорная драка. Не одинъ разъ непріятельская ковица, въ числѣ 1,000 человекъ, отчаянно бросалась на пѣхоту, но всегда была съ успѣхомъ отражаема. Нѣсколько отчаянныхъ наѣзdnиковъ влетали въ карре, и тамъ погубили; одинъ байрактаръ съ главнѣйшимъ знаменемъ, при послѣднемъ натискѣ, налетѣлъ прямо на капитана Рябинина и поразилъ его въ грудь изъ пистолета, но самъ былъ поднятъ на штыки.

Въ 3 часу приблизился къ мѣсту сраженія и отрядъ Бурцова. Подкрѣпивъ Гофмана двумя ротами, Бурцовъ, при помощи баттарей, выгодно поставленныхъ на возвышенности, вскорѣ успѣлъ совершенно отразить непріятеля, который отступилъ въ свой укрѣпленный лагерь, находившійся при деревнѣ Чаборіи, на лѣвомъ берегу рѣки. — Съ нашей стороны, кромѣ капитана Рябинина, убито было 4 человекъ; ранены: капитанъ Завойка, подпоручикъ Янышевъ, есаулъ Чирковъ и 29 нижнихъ чиновъ. Казаки Леонова полка особенно отличились мужествомъ. Причиною скорого прекращенія битвы было замѣченное Турками въ тылу появленіе передовыхъ войскъ отряда Муравьева, который, находясь въ это время у Цурцаба, услышавъ пушечные выстрѣлы, немедленно потянулся въ ту сторону, оставивъ противъ этого селенія часть войскъ для прикрытія обозовъ и наблюденія дороги изъ Шуашета, чрезъ гору Арсіанъ. Уже въ сумеркахъ голова авангарда Муравьева показалась на спускѣ съ горы Улгаръ, въ тылу селенія Дигуръ. Сраженіе еще продолжалось; но непріятель, угрожаемый съ двухъ сторонъ, не осмѣлился употребить новыхъ усилій и поспѣшно отступилъ въ свой укрѣпленный лагерь.

Оставивъ отрядъ Бурцова при Дигурѣ, на мѣстѣ быв-

шаго дѣла, и усиливъ его баталіономъ 40-го Егерскаго полка, съ двумя горными единорогами, Муравьевъ, съ прочими войсками, расположился противу Чаборіи, на правомъ берегу Посховъ-чая, на высотахъ надъ непріятельскимъ станомъ, не обороняемыхъ Турками, и занялъ всѣ пути, такъ, что они были окружены.

Намѣреніе Муравьева состояло въ томъ, чтобы атаковать на другой день Турокъ, а если бы непріятель предпринялъ ночью бѣгство, то преслѣдовать его доколѣ будетъ возможно. — Соединенныя силы Муравьева и Бурцова состояли: изъ 6½ баталіоновъ пѣхоты въ числѣ 5,220 человекъ, 1,140 казаковъ и Мусульманъ и 22 орудій.

Утро 2-го іюня, — день Св. Троицы, — освѣтило Турокъ посреди ихъ лагеря и, вслѣдствіе предпринятаго на кануну намѣренія, нападеніе не замедлилось. Первую атаку противу высотъ, командовавшихъ лѣвымъ флангомъ непріятельской позиціи, повелъ Бурцовъ, имѣя въ головѣ баталіонъ 40-го Егерскаго полка, съ двумя горными единорогами и Донскимъ казачьимъ Леонова полкомъ, а въ подкрѣпленіе баталіонъ графа Паскевича полка съ двумя легкими орудіями, за коими слѣдовали два полубаталіона Херсонскаго Гренадерскаго полка съ 4 легкими орудіями. Въ то же самое время генераль-маіору Сергѣеву, съ тремя полубаталіонами Эриванскаго Карабинернаго полка, двумя казачьими и однимъ Мусульманскимъ полками и 8-ю легкими орудіями, приказано атаковать съ другой стороны.

Баталіонъ 40-го Егерскаго полка съ горными единорогами, подъ командою маіора Забродскаго, перешедъ рѣку, скоро поднялся, по утесистой и узкой дорогѣ, на высоты лѣваго берега Посховъ-чая; но баталіонъ графа Паскевича полка, принужденный по трудности дороги тащить артиллерию на рукахъ, долженъ былъ нѣсколько отстать. Непріятель съ большимъ крикомъ и стремительно атаковалъ маіора Забродскаго, между селеніями Верхняго и Нижняго Чаборіи, съ трехъ сторонъ кавалерією и пѣхотою; но егеря, построивъ каре и будучи подкрѣплены казаками, подъ начальствомъ войсковаго старшины Студеникина, держались мужественно и въ отличномъ порядкѣ. При видѣ превосходства Турокъ, приказано немед-

ленно 3-му Мусульманскому полку обходить пѣхоту; однако же баталіонъ графа Паскевича полка, предводимый лично Бурцовымъ, предупредилъ конницу и во время смѣнилъ егерей, которые въ колоннѣ къ атакѣ и заняли позицію лѣвѣе. Кягья и съ своей стороны умножилъ въ это время число сражавшихся войскъ, выдвинулъ изъ лагеря на высоты два орудія и открылъ сильный огонь по баталіону графа Паскевича полка, который непоколебимо отражалъ повторяемые натиски непріятельскихъ стрѣлковъ.

Пока все это происходило и остальная колонна Бурцова подымалась на высоты, на скатѣ горъ, со стороны Аджара, показалась густая толпа, обходившая правый флангъ нашъ по прямому направленію къ Дигуру. Движеніе это, будучи заблаговременно усмотрѣно, осталось безуспѣшнымъ: полубаталіонъ Херсонскаго Гренадерскаго полка, выдвинутый Бурцовымъ направо, преградилъ непріятелю дорогу по ущелью. Между тѣмъ на главной точкѣ сраженіе продолжалось съ тою же силою. Стрѣлки графа Паскевича полка, отѣснивъ нѣсколько непріятеля, сами были атакованы въ превосходномъ числѣ конницею; но командовавшій цѣлюю поручикъ Левицкій, будучи поддержанъ казачьимъ полкомъ, подѣ начальствомъ войсковаго старшины Студеникина, успѣлъ отразить натискъ. Пользуясь происшедшимъ смятеніемъ, баталіонъ графа Паскевича полка, съ двумя легкими орудіями, и баталіонъ 40-го Егерскаго съ двумя горными единорогами бросились съ барабаннымъ боемъ въ штыки. Въ эту минуту подоспѣлъ Мусульманскій полкъ и былъ пущенъ въ атаку. Непріятельская конница и пѣхота, покинувъ два орудія, вывезенныя изъ лагеря, предались совершенному бѣгству. Толпы, стоявшія на высотахъ, послѣдовали ихъ примѣру и искали спасенія въ горахъ и ущельяхъ. Трофеи побѣдителей заключались въ богатомъ станѣ, множествѣ военныхъ припасовъ, въ 800 четвертяхъ пшеницы и 300 верблюдахъ, 5 знаменахъ и всей непріятельской артиллеріи, состоявшей изъ 3-хъ пушекъ и 1 мортиры. Преслѣдованіе продолжалось по всѣмъ направленіямъ болѣе 5-ти верстъ. Въ послѣднемъ наиболѣе отличались Карабахскіе Мусульмане. Имѣя легкихъ и

быстрыхъ коней, они нещадно рубили своихъ единовѣрцевъ; одинъ изъ нихъ убилъ байрактара, и привезъ знамя въ Карсъ къ Главнокомандовавшему, который наградилъ его знакомъ военного ордена и 10-ю червонцами. Непріятеля побито и ранено до 1,200, въ плѣнъ взято до 400 человекъ. Весь корпусъ, около 15,000, собранный наиболѣе изъ воинственныхъ народовъ Аджаровъ и Лазовъ, предводимыхъ тремя пашами, совершенно уничтоженъ. Главный предводитель ихъ былъ Кягья-Паша, — въ родѣ начальника штаба у Сераскира, — который нарочно былъ посланъ, чтобы взять Ахалцыхъ. Онъ, говорятъ, сказалъ своимъ, что научить ихъ, какъ надобно драться съ Русскими. — Потеря съ нашей стороны была весьма незначительна: весь уронъ состоялъ изъ 60-ти человекъ нижнихъ чиновъ и сверхъ того: убитъ капитанъ Ефимовичъ и ранено 7 оберъ-офицеровъ: подпоручики Золотовъ и Мельничуковскій, прапорщики Невѣровскій и Рудневъ, сотникъ Рубанцовъ, хорунжій Кучиковъ и комиссіонеръ Аверковичъ *). Пораженіе было бы еще значительнѣе, если бы дурное мѣстоположеніе не воспрепятствовало генералу Сергѣеву произвести во-время предназначенную атаку съ фронта. Но колонна его тѣмъ не менѣе принесла пользу, потому что Турки, увидѣвъ движеніе ея, тотчасъ уклонились отъ Шушетской дороги и обратились въ Аджарскія горы.

*) 5-го іюня въ Карсѣ были военный парадъ и молебствіе по случаю этой побѣды. Главнокомандовавшій, послѣ возблагодаренія Подателя побѣды, прошелъ по всему карре и краткимъ привѣтствіемъ, предъ каждымъ баталіономъ, одушевляя солдатъ: — «Вотъ какъ славно наши дерутся, — говорилъ онъ, — одинъ клочекъ разбилъ въ пухъ непріятеля! Вы, конечно, не уступите имъ!» — *«Ради стараться!»* — «Я отъ васъ болѣе не требую того, какъ вы дрались здѣсь подѣ Карсомъ и въ Ахалцыхъ.» — Пionерамъ Паскевичъ сказалъ: — «Что, ребята! будете такъ драться, какъ въ Ахалцыхъ?» — *«Еще лучше будемъ!»* — закричали солдаты. Передъ 42-мъ Егерскимъ полкомъ онъ сказалъ: «Вы не поспѣли, ребята! Сороковые выпросились у меня, да и отличились: въ пухъ разбили Турокъ! Тамъ впереди, говорятъ, собираются какіе-то; вы ихъ также сомнете штыками!» — *«Позвольте! ради стараться!»* На лицѣ каждаго солдата, — говоритъ очевидецъ, — написано было геройство.

Получивъ извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ непріятелю при Чаборіи, Главнокомандовавшій притянулъ немедленно Муравьева къ Карсу, на соединеніе съ главными силами. Отрядъ его на этотъ разъ былъ усиленъ двумя баталіонами Херсонскаго Гренадерскаго полка и 6 легкими орудіями 21-й артиллерійской бригады, резервной батареей № 5-го роты, взятыми изъ отряда Бурцова. Необходимость подкрѣпить Ахалцыхъ, подверженный сильной чумѣ, заставила отослать прочія части отряда Бурцова обратно въ распоряженіе генераль-маіора князя Бебутова.

13-го іюня изъ лагеря при Катанлы Паскевичъ пошелъ къ Сагавлугскому хребту. Двѣ дороги вели черезъ горы: лѣвая, по которой непріятель ожидалъ насъ, была удобнѣе. Главнокомандовавшій, съ главными силами рѣшился идти другою дорогою—вправо. Но чтобы отвлечь вниманіе Турокъ отъ избраннаго пути, графъ Паскевичъ предварительно произвелъ двѣ рекогносцировки, а въ самый день выступленія корпуса на Сагавлугъ, для совершеннаго отвлеченія отъ правой дороги силъ непріятельскихъ, сдѣлалъ новую демонстрацію по лѣвой дорогѣ, и даже направилъ въ ту сторону фальшивую атаку.

Исполненіе этого возложено было на Бурцова. Отрядъ, ему порученный, составляли:

Донскіе казачьи полки:

полковника Карпова	409	челов.
подполковника Фомина	291	»
3-й Мусульманскій	430	»
Херсонскаго Гренадерскаго два баталіона .	1,790	»
40-го Егерскаго двѣ роты	296	»
Кавказской Гренадерской бригады легкой		
№ 2-го роты	4	орудія
21-й артиллерійской бригады резервной		
батареей № 5-го роты	4	»
Турецкихъ	2	»

Итого: кавалеріи . 1,130 челов.
пѣхоты . 2,086 »
орудій . . . 10

Съ этимъ отрядомъ Бурцову предлежало привлечь на себя изъ Милли-Дюза всѣ непріятельскія войска, произ-

вестъ тревогу въ лагерѣ Гагки-Паши и заслонить вагенбургъ при сел. Катанлы.

Первоначально Иванъ Григорьевичъ слѣдовалъ вмѣстѣ съ главными силами; но пройдя верстъ пять отъ лагеря, онѣ раздѣлились въ глубокой скрытной лощинѣ и отрядъ Бурцова потянулся оттуда влѣво. Движеніе его, нарочно растянутое на большомъ пространствѣ, скоро привлекло вниманіе непріятеля, между тѣмъ какъ походъ корпуса долго не былъ вовсе замѣченъ Турецкими караулами.

Бурцовъ въ сумерки остановился близъ деревни Карагамзы, въ 8-ми верстахъ влѣво отъ селенія Катанлы, при которомъ имѣлъ привалъ Паскевичъ, и въ 15-ти отъ бывшаго лагеря. Растянувъ умышленно на открытой высотѣ войска, Бурцовъ приказалъ, съ наступленіемъ ночи, зажечь въ вагенбургѣ и посреди бивакъ своихъ большіе огни, а велѣдъ за тѣмъ послалъ по дорогѣ къ непріятельской позиціи, въ вѣдѣніи полковника Карпова, всю кавалерію, бывшую у него въ отрядѣ.

Достигнувъ опушки лѣса, при урочищѣ Дели-Муса-Пурунъ, полковникъ Карповъ, въ слѣдствіе даннаго ему наставленія, отрядилъ далѣе, для произведенія тревоги въ непріятельскомъ лагерѣ, подполковника Фомина съ полкомъ его имени и 150 Татарами, выдвинувъ впередъ, для ихъ поддержанія, особый уступъ.

Партія подполковника Фомина, покровительствуемая ночнымъ мракомъ, быстро и безпрепятственно слѣдовала по лѣсу; опрокинула передовые непріятельскіе караулы; перескочила нѣсколько заваловъ и приблизясь, предъ разсвѣтомъ, почти къ самому Милли-Дюзу произвела въ лагерѣ Гагки-Паши величайшее смятеніе. Около 5,000 Турецкой конницы и большая часть ихъ пѣхоты бросились къ оружію. Но подполковникъ Фомина, исполнивъ свое назначеніе, поспѣшилъ уклониться отъ рѣшительной встрѣчи. Раздраженные неожиданною отважностію малой части войскъ, Турки горячо преслѣдовали казаковъ и Татаръ нашихъ; однако же ихъ отступленіе было сопряжено хладнокровіемъ и мужествомъ. Посреди лѣсистаго, изрытаго мѣстоположенія, почти на 30 верстъ впереди отъ нашей артиллеріи и пѣхоты, подполковникъ Фомина, атакованный несоразмѣрно превосходными сила-

ми, велъ ретираду свою весьма удачно, отвлекая Турокъ болѣе и болѣе отъ ихъ лагеря. Нѣсколько разъ малочисленная партія его была припираема къ болотистымъ мѣстамъ; но казаки и Татары ни однажды не допустили окружить себя. На половинѣ дороги къ Дели-Муса-Пурунъ, близъ селенія Саракамышъ, Фоминъ былъ подкрѣпленъ выставленнымъ сюда коннымъ эшеломомъ; однако же преслѣдованіе продолжалось съ прежнею жестокостію, почти до самой опушки лѣса, гдѣ остальная часть нашей кавалеріи уже готовились вступить въ дѣло, какъ вдругъ, въ 8 часовъ утра, непріятель, прекративъ перестрѣлку, началъ самъ съ поспѣшностію отступать къ собственному лагерю.

Причину столь скорого переворота было совершенно нечаяное для Турокъ появленіе войскъ нашихъ на лѣвомъ крылѣ позиціи Гагки-Паши.

Назначеніе Бурцова было исполнено. Турки, встрѣтивъ его отрядъ на правой дорогѣ, полагали тамъ всѣ наши силы и устремили туда все свое вниманіе; но въ какое они были приведены удивленіе, когда увидѣли противъ лѣваго своего фланга весь корпусъ Русскихъ.... Оставалось непріятелю одно средство — занять выгодную позицію и укрѣпиться въ ней. Турки такъ и сдѣлали.

Но это не спасло непріятеля. 19-го и 20-го іюня, послѣдовали достопамятныя битвы при Каинлахъ и Милли-Дюзъ, въ которыхъ Паскевичъ, въ продолженіе 25-ти часовъ, одержалъ знаменитыя побѣды надъ Арзерумскимъ Сераскиромъ и трехъ-бунчужнымъ Гагки-Пашею, блистательно поразилъ 50-тысячное непріятельское войско, отнялъ всю ихъ артиллерію, всѣ запасы военные и продовольственныя, взялъ два лагеря, 1,300 плѣнныхъ, въ томъ числѣ самого Гагки-Пашу, славнаго въ Азіятской Турціи, и 19 знаменъ.—Бурцовъ дѣятельно участвовалъ въ этихъ блистательныхъ побѣдахъ.

По диспозиціи на первый изъ этихъ дней, Бурцову поручено было лѣвое крыло. Колонна его стояла на лѣвой сторонѣ рѣчки Загинъ-Кала-су, небольшимъ уступомъ назадъ отъ колонны генераль-маіора Муравьева, — образовавшей правое крыло, — и состояла изъ 4-хъ полубаталіоновъ пѣхоты и 12-ти орудій. Въ первой линіи, въ

карьеряхъ, находились полубаталіонъ Херсонскаго Гренадерскаго полка и полубаталіонъ 40-го Егерскаго, всего 592 человекъ; между ими 2 горныхъ единорога и 4 орудія 5-й резервной баттарейной роты 21-й артиллерійской бригады; во второй линіи, въ шахматномъ порядкѣ, два полубаталіона Херсонскаго Гренадерскаго полка, 592 человекъ, съ 6-ю конно-линейными орудіями. Лѣвый флангъ Бурцова примыкалъ къ утесистой сторонѣ горъ.

Паскевичъ началъ битву тѣмъ, что самъ повелъ войска противъ непріятеля. Пройдя около версты, Муравьевъ получилъ приказаніе принимать въ полъ-оборота направо, чтобы этимъ косвеннымъ движеніемъ занять высоты, лежащія впереди на пушечный выстрѣлъ. Маневръ этотъ, весьма для насъ выгодный, увеличивалъ однакоже разстояніе между колоннами Муравьева и Бурцова, раздѣленными каменистымъ русломъ рѣчки Загинъ-Кала-су. Чтобы вознагражить такое неудобство и вмѣстѣ обхватить войсками всю ширину долины, Бурцовъ вытянулъ четыре полубаталіона свои въ одну линію, размѣстивъ въ интервалахъ артиллерію, а егерскій полубаталіонъ переправилъ на правый берегъ рѣчки.

Всѣ эти движенія совершались подъ покровительствомъ густой цѣпи казачьихъ патрулей, поддержанныхъ близкимъ присутствіемъ пѣшихъ застрѣльщниковъ.

Турки тотчасъ насъ атаковали своею кавалеріею; стрѣлки ихъ съ величайшею запальчивостію нападали на нашихъ стрѣлковъ, насакивали на орудія и только усиленнымъ огнемъ артиллеріи были сдвинуты въ оврагъ.

Скоро они снова соединились, и будучи подкрѣпляемы безпрерывно подходившею кавалеріею, обогнули всю позицію нашу полукружіемъ, склоняясь преимущественно на лѣвое наше крыло, куда изъ лагеря Гагки-Паши, стоявшаго въ 8-ми верстахъ влѣво отъ мѣста сраженія, вышло скрытно глубокимъ оврагомъ 5 или 6 тысячъ кавалеріи, подъ начальствомъ Кягъи-Паши. Въ короткое время весь скатъ горы, къ подошвѣ которой упиралось лѣвое наше крыло, покрыла эта кавалерія и начала быстро обсакивать отрядъ Бурцова, чтобы взять его въ тылъ. Здѣсь Турки нападали съ неимовѣрною дерзостію: Дели и Гайта безпрерывно врѣзывались въ цѣпь нашихъ стрѣлковъ, кото-

рые принуждены были отбивать ихъ штыками, даже на-скакивали они на самое баталіонное каре Херсонскаго Гренадерскаго полка, и только сильнымъ баталіоннымъ огнемъ, картечью и штыками были останавливаемы.

Паскевичъ, оборотивъ состоявшіе въ центрѣ 4 полу-баталіона пѣхоты и 8 орудій въ пол-оборота направо и поставивъ ихъ лицомъ къ выгнутому непріятельскому центру, сильнѣйшимъ пушечнымъ огнемъ разрѣзалъ Турецкія войска на двое и на каждую часть двинулъ кавалерію, состоявшую при немъ.

Лѣвое крыло Турокъ вскорѣ было сломано и погнано по всѣмъ направленіямъ. Но правое ихъ крыло стояло большихъ усилій. Превосходство силъ и самое мѣстоположеніе давали здѣсь Туркамъ значительный перевѣсъ: они растянуты были по скалистымъ высотамъ хребта и защищаемы большимъ числомъ каменистыхъ овраговъ, во многихъ мѣстахъ непроходимыхъ. Не взирая на неумолкаемый огонь артиллеріи, Турки безпрестанно подвигались впередъ. Стрѣлки Херсонскаго Гренадерскаго полка, скрытыя позади частаго каменника, были опрокинуты и принуждены отступитъ подъ покровительство своего баталіоннаго каре. Подверженные посланною къ нимъ ротою, они вскорѣ оправившись; дружно ударили въ штыки и отодвинули непріятеля, отбивъ у него при этомъ случаѣ два знамени. Опасность однако же отъ того не уменьшилась. Съ новою смѣлостію Турки возобновили нападеніе; нѣсколько набѣдниковъ ихъ успѣли даже позади каре схватить часть офицерскихъ выюковъ и изрубить караулъ при одномъ изъ патронныхъ ящиковъ. Толпы, напирая по скату горы, уже огибали значительно нашъ лѣвый флангъ, чтобы взять отрядъ Бурцова въ тылъ, но не успѣли совершить своего намѣренія, ибо отрѣзаніе ихъ здѣсь отъ прочихъ войскъ доставило намъ большую поверхность. Атаковать здѣсь Турокъ посланъ былъ генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ, съ дивизиономъ драгунъ, своднымъ уланскимъ полкомъ, Донскимъ Омиива, тремя сотнями сборнаго ливейнаго и 1-мъ Мусульманскимъ полкомъ, при 6-ти Донскихъ орудіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ подкрѣпленіе Бурцова, Паскевичъ послалъ три баталіона пѣхоты съ 8-ю орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Муравьева,

которому подчинилъ и отрядъ Бурцова. Генералъ-маіоръ Панкратьевъ, охранявшій вагенбургъ, сюда же направилъ генералъ маіора Сергѣева, съ двумя казачьими полками. Преодолевъ нѣсколько весьма крутыхъ овраговъ, Сергѣевъ быстро слѣдовалъ по узкой тропинкѣ, составляющей карнизъ горы, и вдругъ, въ одну изъ самыхъ опасныхъ минутъ для колонны Бурцова, неожиданно явился надъ головами Турокъ. Казаки, при крикѣ «ура!» мужественно повеселись съ горы въ пики; пѣхота, стоявшая внизу, поддержала нападеніе и общій ударъ рѣшилъ перевѣсъ битвы въ нашу пользу. Турки вскорѣ дрогнули и разсѣялись.

При движеніи, послѣдовавшемъ послѣ этого разбитія Гагки-Паши, противъ Сераскира, Бурцовъ былъ поставленъ на ближайшемъ сообщеніи, по которому могли соединиться враги, именно въ томъ самомъ оврагѣ, откуда выходила къ намъ утромъ того дня кавалерія. Отрядъ, ему ввѣренный, состоялъ изъ полковъ: Херсонскаго Гренадерскаго, Кабардинскаго Пѣхотнаго и своднаго изъ Севастопольскихъ ротъ и Сарбазовъ, полубаталіона 40-го Егерскаго, съ казачьими: Сергѣева и своднымъ изъ Черноморцевъ и Кенгерлы, однимъ Мусульманскимъ и всею батарейною артиллеріею. Половина этихъ войскъ должна была занять выходъ изъ Ханскаго ущелья, близъ селенія Али-Бегри-Ограмъ, чтобы воспрепятствовать Гагки-Пашѣ подать помощь Сераскиру; другая собственно отдѣлена для прикрытія вагенбурга, которому въ это время приказано было стянуться отъ Чахиръ-Баба.

Но какъ вагенбургъ оказался достаточно прикрытымъ движеніемъ главныхъ силъ, то Главнокомандовавшій въ день битвы, еще до разсвѣта, послалъ приказаніе Бурцову, присоединиться къ нему съ полками Херсонскимъ Гренадерскимъ, Кабардинскимъ Пѣхотнымъ, батарейною ротою Гренадерской бригады и 4 Мусульманскимъ полкомъ, оставивъ прочія войска при вагенбургѣ. Однако Бурцовъ еще не успѣлъ прибыть, какъ послѣдовала атака нашихъ главныхъ силъ. Турки не долго сопротивлялись и вскорѣ ихъ армія уже не существовала, бывъ совершенно разсѣяна.

Послѣ этой двойной побѣды, графъ Эриванскій отправилъ по пятамъ Турокъ три отдѣльные отряда для

увеличенія въ непріятелѣ страха, произведеннаго рѣшительнымъ пораженіемъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, составленный изъ полковъ Херсонскаго Гренадерскаго, казачьяго Басова, піонернаго баталіона и 12-ти орудій артиллеріи, былъ порученъ Бурцову. Иванъ Григорьевичъ выступилъ 21-го на разсвѣтѣ впередъ отъ Караургана, по большой Арзрумской дорогѣ, чрезъ Зевинъ, и, сдѣлавъ переходъ болѣе 25-ти верстъ, долженъ былъ остановиться неподалеку отъ Ардоса, что въ 40 верстахъ отъ Милли-Дюзской позиціи. Отрядъ прибылъ къ этому селенію послѣ полудня. Непріятель нигдѣ не былъ достигнутъ, и казачьимъ партіямъ нашимъ удалось только замѣтить вдаль по горамъ и ущельямъ небольшія толпы укрывавшихся Турокъ. Лазутчики согласно показывали, что земское войско Сераскира и Гагки-Паши все разсѣялось и собрать его нѣтъ ни какихъ средствъ. Часть же конницы, которую они называли регулярною, успѣла, по ихъ словамъ, ускакать въ Гассанъ-Кале и присоединиться къ бывшему тамъ резерву.

Того же дня въ вечеру Бурцовъ послалъ изъ Ардоса казачью партію влѣво, къ Хоросану, для открытія сообщенія съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, командовавшимъ другимъ изъ посланныхъ отрядовъ. Подполковникъ Басовъ, въ вѣдѣніе котораго поручена была эта команда, состоявшая изъ 80-ти человекъ, достигнулъ въ 5-ти верстахъ отъ Ардоса до 100 человекъ Турецкой пѣхоты, которые искали выхода на большую Арзрумскую дорогу, по скрытому ущелью. Это были отчаянные головорѣзы. На предложеніе сдаться, сдѣланное Басовымъ, они изрубили своего начальника, вступившаго было въ переговоры, и открыли огонь по нашимъ. Казаки, не смотря на мужественное сопротивленіе, смяли непріятеля: 57 человекъ положено на мѣстѣ; четверо, тяжело раненыхъ, взято въ плѣнъ; ожесточеніе и отчаяніе ихъ было чрезвычайно; нѣсколько человекъ, не видя спасенія, умертвили сами себя, а нѣкоторыхъ раненыхъ дорѣзали товарищи. Приводимъ это въ доказательство, какою храбростію были одушевлены вообще Турецкія войска въ эту войну.—Къ вечеру Басовъ достигъ селенія Хоросанъ, гдѣ, не найдя ни жителей, ни войскъ, овладѣлъ магазиномъ, въ которомъ приобрѣтено бо-

лѣе 800 четвертей провіанта. Сверхъ того, тамъ найдено 2,000 ядеръ, нѣсколько артиллерійскихъ припасовъ разнаго рода и двѣ пушки, брошенныя непріателемъ во время отступленія къ Гассанъ-Кале. Утромъ 22-го пришелъ въ Хоросанъ и отрядъ Бековича, а къ вечеру, близъ Ардоса, исполнивъ съ успѣхомъ порученіе, Бурцовъ присоединился къ главному корпусу, и вслѣдъ за тѣмъ участвовалъ въ покореніи славной столицы Анатолиі, которая, съ своею огромною крѣпостью, пала къ стопамъ Николая — въ день Полтавы, 27-го іюня.

Послѣ занятія Арзрума, для необходимаго обезпеченія фланговъ нашихъ отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній, Паскевичъ отрядилъ двѣ экспедиціи, одну подъ начальствомъ полковника Лемана, въ Хнизъ, а другую, подъ командою Бурцова, въ Байбуртъ, — крѣпость и городъ, — пространствомъ своимъ равнявшійся Карсу и замѣчательный чистотою улицъ и красотою строеній, находящійся въ 120-ти верстахъ отъ Арзрума, въ ущельѣ рѣки Чароки, на соединеніи дорогъ изъ Чифлика, Гюмишь-Хане и Трапезонта въ Арзрумъ.

Занятіе Байбурта было необходимо по его положенію на предѣлахъ Лазистанскихъ племенъ, гдѣ въ послѣдствіи могли образоваться противу насъ новыя ополченія изъ среды воинственныхъ Лазовъ; тѣмъ болѣе, что овладѣніе это могло обезпечить и безопасность Арзрума.

Выступивъ изъ лагеря при Арзрумѣ 5-го іюля, отрядъ Бурцова, — Херсонскій Гренадерскій полкъ, 2-й Мусульманскій, сотня казаковъ, 4 легкихъ орудія и 2 горныхъ единорога, — на другой день имѣлъ ночлегъ на рѣкѣ Чорохѣ, въ разстояніи 4-хъ или 5-ти часовъ отъ Байбурта. Дорога, пролегавшая по горнымъ хребтамъ, была весьма трудная: въ одномъ мѣстѣ, покрытомъ топями, находились столь неудобные косогоры, что нѣсколько повозокъ оборвались въ оврагъ и лошади убились до смерти. Посылаемые лазутчики донесли, что Кягья Сераскирскій съ Ягья-Пашею и Тусчи-Оглы имѣли здѣсь до 5-ти тысячъ войска (Лазовъ), изъ которыхъ около 2-хъ тысячъ, при первомъ извѣстіи о приближеніи Русскихъ, разбѣжались по домамъ, а остальные вознамѣрились защищать Байбуртъ. Сверхъ того, до 500 вооруженныхъ людей собрано

было для защиты Мѣднаго Завода (Мисъ-Майданъ), въ 2-хъ часахъ отъ Байбурта. Наконецъ и 7-го числа лазутчики подтвердили, что еще наканунѣ видѣли здѣсь упомянутыя Турецкія войска. Въ слѣдствіе этого, Бурцовъ, на основаніи даннаго ему наставленія, рѣшился овладѣть напередъ Мѣднымъ Зааводомъ, а потомъ уже идти далѣе.

Посланный для занятія завода маіоръ Засеъ, съ 100 человекъ конницы, подкрѣпленной пѣхотою, сначала встрѣченъ былъ ружейною пальбою, но вскорѣ жители, состояшіе преимущественно изъ Грековъ, бросивъ оружіе, вышли на встрѣчу войску нашему съ св. иконами и, такимъ образомъ, Мѣдный Заводъ былъ занятъ.

По выступленіи отсюда отряда къ Байбурту, въ 12-ти верстахъ отъ города, встрѣтили Бурцова пять городскихъ старшинъ и представили актъ отъ лица всѣхъ жителей, которымъ они обязывались сдать городъ и крѣпость на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ покорился Арзрумъ, соглашаясь и на обезоруженіе всѣхъ городскихъ и деревенскихъ жителей. Эти депутаты объявили и поводъ къ столь скорой покорности, именно то, что Турецкіе начальники, находившіеся въ Байбуртѣ, узнавъ о приближеніи Русскихъ войскъ, нѣкоторые въ вечеру, а другіе уже по утру 7-го числа, оставили городъ, грабили окрестныя селенія Армянъ и разсѣялись, взявъ направленіе на Эрзиганъ, Гюмишь-Хане, Трапезонтъ и Испиръ.

Бурцовъ немедленно занялъ Байбуртскую крѣпость 250-ю гренадерами; въ ней найдено 4 орудія, 2 пегарды, запасъ пороху и значительный провіантскій магазинъ. Сверхъ того найдено въ домѣ бѣжавшаго трехбунчужнаго Ягъи-Паши принадлежавшія ему: 3 бунчуга, 4 знамени, 2 балта и 1 булава.

Отрядъ нашъ, на пути своемъ въ Байбуртъ, встрѣтилъ много жителей, шедшихъ съ семействами во внутренность владѣній Турецкихъ, и въ томъ числѣ многихъ изъ Карса, Зевина, Менджергерта и другихъ мѣстъ; но они, освѣдомившись о взятіи Арзрума, отказались далѣе продолжать путь и стали возвращаться въ свои дома.

Вслѣдъ за тѣмъ Бурцовъ образовалъ въ Байбуртѣ временное правленіе. Правила совершеннаго безпристрастія и доброе поведеніе отряда нашего вскорѣ успокоили жителей,

которые дотолѣ никогда еще не видали Русскихъ. Старшины и всѣ граждане, удалившіеся изъ города, толпами возвращались назадъ; примѣру ихъ послѣдовалъ и самъ правитель Байбурта Мусселинъ-Ходжа-Бекъ.

Но не съ такою поспѣшностію изъявляли покорность жители сосѣдственныхъ съ Байбуртомъ санджаковъ. Не будучи въ состояніи опираться на покровительство малочисленнаго отряда Бурцова, они по необходимости должны были опасаться мщенія со стороны непріятели, въ случаѣ тѣсныхъ сношеній съ Русскими; тѣмъ болѣе, что Кягъи-Бекъ и войска, бѣжавшія изъ Арзрума, разорили уже на пути своемъ множество селъ и увлекли за собою большое число жителей. Одинъ только Офскій округъ, ближайшій къ Байбурту, обнаруживалъ къ намъ расположеніе, хотя миролюбивое и дружеское, но вмѣстѣ двусмысленное. Поводомъ столь нерѣшительнаго поведенія народа было то, что отступившія изъ Байбурта войска присоединились въ Гюмишь-Ханъ, въ 11-ти часахъ пути отъ Байбурта, къ прибывшему изъ Трапезонта отряду прежняго Анапскаго паши Османъ-Шатыръ-Оглу, котораго силы простирались теперь до 8,000 человекъ и увеличивались ежедневно новыми толпами Лазовъ. Бурцовъ первоначально успѣлъ склонить на нашу сторону правителя Испирскаго санджака Али-Бека и старшинъ Офскаго округа. Они увѣряли въ миролюбіи своемъ и пресли дозволенія возобновить торговлю съ Байбуртскимъ санджакомъ. Но когда потребовали, чтобы они собрали въ пользу нашу часть войскъ, — ихъ поведеніе разоблачилось. Офцы рѣшительно объявили, что не могутъ этого исполнить, отзвываясь необходимостію заняться сборомъ хлѣба на поляхъ Байбуртскихъ, засѣваемыхъ ими по найму.

Подъ этимъ же самымъ предлогомъ, около 17-го числа, народъ большими толпами началъ стекаться въ селенія, лежащія на Офской границѣ, и вскорѣ потомъ аванпосты Бурцова открыли въ селеніи Хартъ значительную часть вооруженной пѣхоты, изъ которой одно отдѣленіе заняло дорогу Офскую, а другое Трапезонтскую. Старшины на сдѣланный вопросъ отвѣчали, что сборъ вооруженныхъ людей производится единственно на тотъ конецъ, чтобы

охранить жатву; но что предпріятій неблагонамѣренныхъ ожидать съ ихъ стороны нельзя. Не взирая на эти увѣренія, партія непріятельской пѣхоты, перешедъ 18-го числа Офскую границу, приблизилась къ нашимъ аванпостамъ и завязала перестрѣлку, стараясь оттѣснить ихъ къ Байбурту. Получаемыя извѣстія, показывали, что сборище Турокъ возросло отъ 10 до 12,000 человекъ.

Видя, что дерзость и сила Лазовъ увеличиваются съ каждымъ днемъ, и что положеніе отряда нашего, въ случаѣ отступленія къ городу, можетъ сдѣлаться гораздо хуже, Бурцовъ счелъ необходимымъ дѣйствовать рѣшительно, надѣясь внезапнымъ нападеніемъ разрушить замысли непріятеля въ первую минуту, доколѣ сборъ его еще болѣе не умножился.

Оставивъ для охраненія крѣпости двѣ роты, Иванъ Григорьевичъ, въ ночи съ 18-го на 19-е іюля, выступилъ съ остальнымъ малочисленнымъ своимъ отрядомъ къ селенію Хартъ, которое лежитъ отъ Байбурта въ 15-ти верстахъ на сѣверъ. Войска, раздѣленные на двѣ колонны, должны были слѣдовать по двумъ разнымъ дорогамъ: правою—Офскою—на селенія Хинзаверекъ и Выгайду пошли двѣ роты Херсонскихъ гренадеръ, два горныхъ единорога и одво легкое орудіе, подъ командою маіора Засса; лѣвою—на селенія Верзаганъ и Пивчарглы, подъ командою самого Бурцова, двѣ же роты Херсонскаго Гренадерскаго и одна Эриванскаго Карабинернаго полковъ, съ 4 легкими орудіями и 50-ю казаками. На пути присоединился къ послѣдней колоннѣ Мусульманскій полкъ, находившійся на аванпостахъ въ селеніи Верзаганъ.

По предварительной диспозиціи нападеніе должно было послѣдовать на утренней зарѣ; но колонна маіора Засса, встрѣтивъ на пути препятствіе, опоздала; Бурцовъ, напротивъ, подошелъ къ селенію Хартъ предъ разсвѣтомъ. Оно возвышалось надъ окрестною долиною, имѣло на крутизнахъ нѣсколько башенъ и, сверхъ того, было обнесено завалами и колючею застѣкою. Непріятельскіе пикеты бодрствовали. Не взирая на все это, Бурцовъ, не желая дать непріятелю времени опомниться и обольщенный прежними успѣхами и надеждою не встрѣтить большаго сопротивленія,

рѣшился атаковать селеніе одинъ и мужественно вступилъ въ бой.

Атака была произведена съ южной стороны селенія, отъ кладбища. Гренадеры первоначально встрѣтили самое слабое сопротивленіе; штыками вытѣснили передовыя толпы Лазовъ изъ глубокаго оврага, окружающаго селеніе, и заняли часть домовъ; но посреди тѣсныхъ переулковъ бой завязался кровопролитный. Многочисленныя толпы, засѣвъ въ строеніяхъ, производили непрерывный ружейный огонь, не давая солдатамъ нашимъ ни шагу впередъ. Тщетно артиллерія гремѣла по селенію, битва безуспѣшно продолжалась до 10 часовъ утра и, въ довершеніе отчаяннаго положенія отряда, другія большія непріятельскія толпы показались за селеніемъ, угрожая обходомъ лѣвому флангу нашей позиціи.

Видя значительную потерю въ людяхъ и гибель въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, Бурцовъ отступилъ и занялъ позицію позади кладбища, въ 200 саженьяхъ отъ домовъ. Съ трудомъ и опасностію можно было вывести войска изъ узкихъ переулковъ и строеній; непріятель сильно напиралъ, и тяжело раненныхъ большею частію надлежало оставить въ добычу ярости Лазовъ.

Около полудня гренадеры и конница были собраны на новой позиціи и въ это время показался, наконецъ, въ тылу селенія маіоръ Зассъ съ своею колонною. Приближеніе свѣжихъ силъ дали войскамъ новую бодрость. Тотчасъ Зассу приказано обходить непріятеля, занимавшаго высоты на западной сторонѣ селенія. Это нападеніе имѣло полный успѣхъ. Гренадеры, бывъ встрѣчены сильнымъ огнемъ, пробивались весьма мужественно, стѣсняя непріятеля къ возвышенію, противу котораго находился нашъ Мусульманскій полкъ. Многія толпы Лазовъ, засѣвшія въ оврагѣ, были обойдены и совершенно отрѣзаны.

Бурцовъ рѣшился воспользоваться разстройствомъ непріятеля и смять толпы его сильвымъ натискомъ всего отряда: онъ далъ приказаніе маіору Каде съ прежде-бывшими ротами произвестъ совокупный ударъ съ другой стороны, а самъ лично повелъ въ атаку Мусульманскій полкъ. Непріятель, выбитый въ свою очередь изъ оврага, былъ окруженъ; но, среди жаркаго нападенія, въ пылу

преслѣдованія, лично достигая одного непріятельскаго знаменника, Иванъ Григорьевичъ палъ, получивъ смертельную рану пулею на вылетъ въ грудь *).

Это несчастное происшествіе привело отрядъ въ разстройство и исторгло у него побѣду, выигранную уже горестью нашихъ.

Артиллеріи подполковникъ Линденфельдъ, который послѣ Бурцова принялъ начальство надъ отрядомъ, хотя восстановилъ тотчасъ порядокъ, однакожъ не могъ употребить новыхъ усилій: почти третья часть людей выбыла изъ фронта, а остальные были до чрезвычайности утомлены вочнымъ походомъ и двѣнадцатичасовымъ боемъ; въ зарядахъ и

*) Въ официальномъ извѣстіи о военныхъ дѣйствіяхъ, помѣщенномъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1829 года (Приб. № 43 къ № 105) сказано: «получилъ смертельную рану пулею.» Тоже повторено въ статьѣ «Байбуртъ» въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (1 изд.). Въ жизнеописаніи Бурцова въ этомъ же Лексиконѣ и у Ушакова, въ *Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи* (II, 201), — пуля названа *пистолетною*; а по жизнеописанію Ивана Григорьевича, помѣщенному въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* Плюшара — она была *ружейная*.

патронахъ оказался недостатокъ. Между тѣмъ къ непріятелю непрерывно прибывали новыя войска, а позиція, имъ занятая, была очень выгодна. Въ 4 часа пополудни нашъ отрядъ предпринялъ отступленіе, Турки не осмѣлились его преслѣдовать и на слѣдующее утро онъ возвратился въ Байбуртъ.

Уронъ, понесенный отрядомъ въ этой экспедиціи, былъ очень важенъ. Въ числѣ убитыхъ находился молодой, храбрый офицеръ, Эриванскаго Карабинернаго полка прапорщикъ Огаревъ и 60 нижнихъ чиновъ; ранено, кромѣ Бурцова, 12 офицеровъ и 222 человекъ нижнихъ чиновъ.

Иванъ Григорьевичъ не перенесъ своей раны и 23-го іюля скончался въ Байбуртѣ, на тридцать пятомъ году отъ рожденія.

Кромѣ достоинствъ военачальника, поставившихъ имя его въ одну войну въ ряду именъ отличнѣйшихъ нашихъ генераловъ, Бурцовъ былъ извѣстенъ и въ обществѣ за человека благороднѣйшихъ правилъ, а потому и смерть его, особенно въ столь цвѣтущихъ лѣтахъ, была не только весьма чувствительною потерей для арміи, но и предметомъ общаго сожалѣнія.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, ноября 28-го дня 1859 года. Ценсоръ *Обертъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

Назначеніе періодическаго изданія «Кавказцы», выходящаго съ особеннаго Высочайшаго соизволенія, — передать, перомъ и карандашемъ, замѣчательные подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его находятъ также мѣсто изображенія доблестныхъ дѣлъ и другихъ лицъ великой семьи Русской: а) славные подвиги моряковъ, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) душеспасительное управление и назиданіе паствы, неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, — которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всесильную помощь Божію, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ, — или святою своею жизнію и словомъ способствуютъ распространенію истиннаго свѣта среди тьмы невѣрія и лжеученій; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемое ими подъ вражьиными выстрѣлами; г) живое участіе въ Кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій, и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чиновниками, замѣчательные труды ученыхъ, сельскихъ хозяевъ, мануфактуристовъ, торгующихъ и вообще промышленниковъ, которые, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію Русской власти въ краѣ, облегчаютъ благотворныя мѣры Правительства и содѣйствуютъ разработкѣ богатствъ этой прекрасной части великаго нашего Отечества.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилоостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ меня многомилостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, дорожащіе Русскою славой, встрѣтили предиріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и Сибири.

Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность неусыпно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію изданія, тѣмъ болѣе, что прибылъ отъ него, съ Высочайшаго соизволенія, назначена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу нашего оружія.

«Кавказцы» должны обращать на себя особенное вниманіе преимущественно въ настоящее время, когда, послѣ полулѣтней борьбы, Восточный Кавказъ повергается подъ стопы Русскаго Самодержца, когда въ свѣтлый праздникъ Тезоименитства и въ священный день муропомазанія Возлюбленнаго Монарха, при наступленіи совершеннолѣтія Его Августѣйшаго Первенца, Надежды Россіи — будущаго Владыки полуміра, — Его Князь-Намѣстникъ-Главнокомандующій имѣлъ величайшее счастье для подданнаго и воина — поздравить Государя съ важными успѣхами Его оружія.

Поэтому, удовлетворяя желанію многихъ, въ изданіи наступающаго года, Редакція надѣется *преимущественно* помѣстить жизнеописанія лицъ, наичаще упоминаемыхъ въ послѣднихъ радостныхъ извѣстіяхъ съ Кавказа, — подробности о службѣ и прежнихъ подвигахъ которыхъ нынѣ справедливо интересуютъ просвѣщенный міръ; хотя будетъ также продолжаться и помѣщеніе жизнеописаній остальныхъ дѣйствователей великой борьбы, прежнихъ и современныхъ, равномерно достойно служившихъ Царю и Отчизнѣ, и изъ которыхъ многіе пали честною смертію воина, или тяжкими ранами и разстроеннымъ здоровьемъ отъ трудовъ, лишеній и климата, запечатлѣли вѣрное исполненіе долга.

Для большаго удобства въ употребленіи, съ 1860 года «Кавказцы» будутъ выходить въ 8-ю долю листа и, — чтобы сдѣлать изданіе болѣе доступнымъ, по вдвое пониженной цѣнѣ; именно: за 24 выпуска (№№ 61 — 84), или 48 листовъ текста, съ необходимымъ числомъ портретовъ, рисунковъ, плановъ и картъ — **шесть** рублей.

Остальные экземпляры «Кавказцевъ» прежнихъ годовъ можно получать по цѣнѣ: за первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24-хъ листовъ текста, съ 18-ю приложеніями, вышедшіе въ 1857 г. — *три* руб.; за 24 выпуска (№№ 13 — 36), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ 36-ю приложеніями, вышедшіе въ 1858 году — *шесть* рублей; а за 24 выпуска (№№ 37—60), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ необходимыми приложеніями, выходящіе въ 1859 году, — *пять* рублей.

Сверхъ того, сочувствуя благому дѣлу распространенія грамотности между нижними чинами, Редакція съ 1-го января 1859 года печатаетъ нѣкоторое число экземпляровъ собственно для подобнаго употребленія, на бумагѣ низшаго достоинства и съ меньшимъ числомъ приложеній. Цѣна за такія 24 выпуска по **три** рубля.

За пересылку въ другіе города прилагается: за 12 выпусковъ — 75 к.; а за 24 выпуска 1 руб. 50 коп. За доставку на домъ въ С. Петербургѣ выпусковъ 1860 года — 50 коп.

Примѣчаніе. Если жизнеописаніе занимаетъ *болѣе двухъ листовъ*, то, чтобы не разрывать повѣствованіе, нѣсколько выпусковъ рассылаются одновременно, и, если только возможно, то и гораздо ранѣе срока, въ который слѣдовало бы ихъ выдать. Если же, иногда, обстоятельства и заставляютъ нѣсколько опоздать выпускомъ, то не думаемъ, чтобы это могло быть поставлено въ укоризну Редакціи, ибо «Кавказцы», въ строгомъ смыслѣ, отнюдь не журналъ, но квига, выходящая только выпусками.

Со всѣми требованіями должно обращаться исключительно въ С. Петербургѣ, въ С. Петербургскую крѣпость, въ квартиру Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова*.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ непремѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

Редакторъ и издатель, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона Полковникъ **С. Новоселовъ**.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, декабря 10-го дня 1859 года. Ценсоръ *Обертъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.